ПОЛИБИИ

Всеобщая история

Том II

Падение Эллады Полибий и другие историки объясняют обыкновенно испорченностью нравов..

ПОЛИБИЙ

Всеобщая история

Том II

Книги XI - XXXIX

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2004

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32
П50

Серия основана в 2001 году

Составление А. Лактионова

Перевод с древнегреческого Ф. Мищенко

Серийное оформление С. Власова

Подписано в печать 26.05.2004. Формат 84x108$^{1}/_{32}$
Усл. печ. л. 40,32. Тираж 5000 экз. Заказ № 2757

Книга подготовлена издательством «Мидгард»
(Санкт-Петербург)

Полибий

П50 Всеобщая история. В. 2 т. Т. 2. Кн. XI—XXXIX / Полибий; Пер. с древнегреч. Ф. Мищенко. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 765, [3] с. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-024957-8 (Кн. 2)
ISBN 5-17-013518-1

Полибий — один из величайших древнегреческих ученых, считавший, что история должна быть всеобщей, деловой и прагматической, а историк — сведущим в военных и государственных делах.

«Всеобщая история» Полибия охватывает период с 264 по 146 г. до н. э. и является фундаментальным трудом, без которого невозможно представить историографию поздней античности.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

© Составление. А. Лактионов, 2004
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2004

Полибий

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Книги XI—XXXIX

ВАСИЛИЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ВАСИЛЬЕВСКОМУ

ОДИННАДЦАТАЯ КНИГА

Предпочтение предварительных обозрений изводам (1а). Гасдрубал, брат Ганнибала, в Италии: поражение его консулами Ливием и Клавдием и гибель его; личные достоинства Гасдрубала (1–2). Значение этой победы для римлян (3). События в Этолии: речь посла из Родоса к этолянам с целью примирить этолян с Филиппом; согласие Филиппа на мир с этолянами (4–6). Война продолжается: вторичное разорение храма Аполлона в Фермах Филиппом (7). События в Пелопоннесе: несочувственные замечания автора об ахейских военачальниках и о самих ахеянах; похвалы Филопемену и его заслуги в военном деле ахеян; успех его начинаний (8–10). Война ахеян против тирана спартанского Маханида; битва при Мантинее; умерщвление Маханида Филопеменом; взятие Тегеи ахеянами; опустошение Лаконики (11–18). Из войны римлян с Ганнибалом; осторожность Ганнибала (19). Военные действия в Иберии: П.К. Сципион против Гасдрубала, сына Гескона, против Магона и Масанассы (20–21). Победа Публия над Гасдрубалом; мнение Гасдрубала о Публии (22–24). Умение Публия поддерживать дисциплину в войске; усмирение возмутившихся солдат (25–30). Приготовления Публия к войне с Андобалом, правителем илергетов; война с Андобалом; победа Публия (31–33). Из войны Антиоха III Великого против Эвфидема (34).

1а. Общее замечание о предисловиях. ...Вероятно, кое-кто из читателей спросит, зачем мы не следуем примеру предшественников и не даем изводов в этих книгах, но каждый раз

повести о событиях, обнимаемых тою или другою олимпиадою, предпосылаем самое обозрение их. Впрочем, я не отвергаю и пользы извода, ибо он возбуждает внимание человека, вознамерившегося прочитать книгу, поощряет и понуждает к прочтению того, кто случайно взял сочинение в руки, кроме того, дает возможность легко найти все, чего ищешь. Но я замечал, что по многим причинам, в том числе и несущественным, изводов не берегут и уничтожают[1] их, а потому и избрал новое средство. В самом деле, предварительное обозрение не только дает то же, что и извод, но даже больше, вместе с тем оно тесно связано с самим повествованием и вследствие того занимает более устойчивое положение. Вот главным образом почему мы решили пользоваться предварительными обозрениями во всем сочинении, за исключением первых шести книг. В этих последних мы употребляли изводы, ибо там не вполне применимы предварительные обозрения событий[2] (*Сокращение ватиканское*).

1. Поражение Гасдрубала. ...Прибытие Гасдрубала[3] в Италию совершилось легче и скорее (*Свида*).

...Город римлян в ожидании грядущих событий был в таком возбуждении и страхе, как никогда (*там же*).

...Хотя все это и тревожило Гасдрубала, но и медлить нельзя было: он видел, что враг двинулся из лагеря и наступает, а потому и сам вынужден был выстроить в боевой порядок иберов и находившихся при нем галатов[4]. Впереди Гасдрубал поставил слонов, числом десять, увеличил глубину рядов, все силы стянул на узком пространстве, наконец, сам занял место в середине боевой линии, там именно, где впереди стояли слоны, и повел войско против левого неприятельского крыла, заранее решив или победить в предстоящей битве, или пасть мертвым. Но Ливий гордо шел навстречу врагу, и в последовавшей схватке войска его дрались мужественно. Напротив, Клавдий, командовавший правым крылом, не мог ни двинуться вперед, ни обойти неприятеля с фланга; ему мешали неровности почвы, на которые именно и рассчитывал Гасдрубал, когда сделал нападение на левое неприятельское крыло. Осужденный на бездействие, Клавдий наконец сообразил, что делать: сами обстоятельства научали его тому. Всех своих воинов, стоявших в тылу боевой линии, он увел с правого крыла, обошел с ними левое крыло римского войска и напал на карфагенян с флан-

ва, где в передней линии[5] стояли слоны. До сих пор битва шла с переменным счастием: противники не уступали друг другу в мужестве, потому что как римляне, так равно иберы и карфагеняне почитали себя в случае поражения погибшими, а слоны вредили в битве одинаково обеим сторонам. Отрезанные и с обеих сторон обстреливаемые, звери производили расстройство в рядах и римлян, и иберов. Но исход битвы был решен, как скоро Клавдий ударил на врага с тыла, ибо теперь римляне теснили иберов спереди и сзади. Благодаря этому большинство иберов было изрублено на месте сражения. Шесть слонов[6] из десяти пали тут же вместе с воинами, а четыре прорвались сквозь ряды сражающихся и были пойманы потом одни, без индейцев.

2. Похвальное слово Гасдрубалу. Гасдрубал кончил жизнь в пылу битвы. Как в прежнее время, так и в последней битве он показал себя доблестным мужем, почему несправедливо было бы обойти его похвалою. Что Гасдрубал — родной брат* Ганнибала, что Ганнибал при удалении в Италию доверил ему ведение войны в Иберии, об этом мы говорили раньше. Точно также в предыдущих частях истории мы называли многочисленные битвы, в коих он действовал против римлян, говорили о том, как часто по вине присылаемых из Карфагена военачальников он попадал в тягостное положение, однако всегда вел себя как достойный сын Барки, с мужеством и душевным благородством переносил все превратности счастия и всякие обиды. Теперь нам остается сказать о последних днях Гасдрубала, ибо в них-то главным образом он показал себя достойным участия и соревнования. Так, хорошо известно, что большинство военачальников и царей перед решительной битвой непрестанно заняты мыслями только о славе и выгодах, ожидающих их после победы, много раз обдумывают и обсуждают всевозможные мероприятия на случай счастливого исхода согласно их расчетам, и вовсе не помышляют о последствиях неудачи, не задумываются над тем, что и как нужно будет сделать в случае поражения. Между тем для победителя все ясно само по себе, напротив, большая осмотрительность в действиях нужна побежденному. Так-то весьма многие вожди по собственному малодушию и беспечности бывают повинны

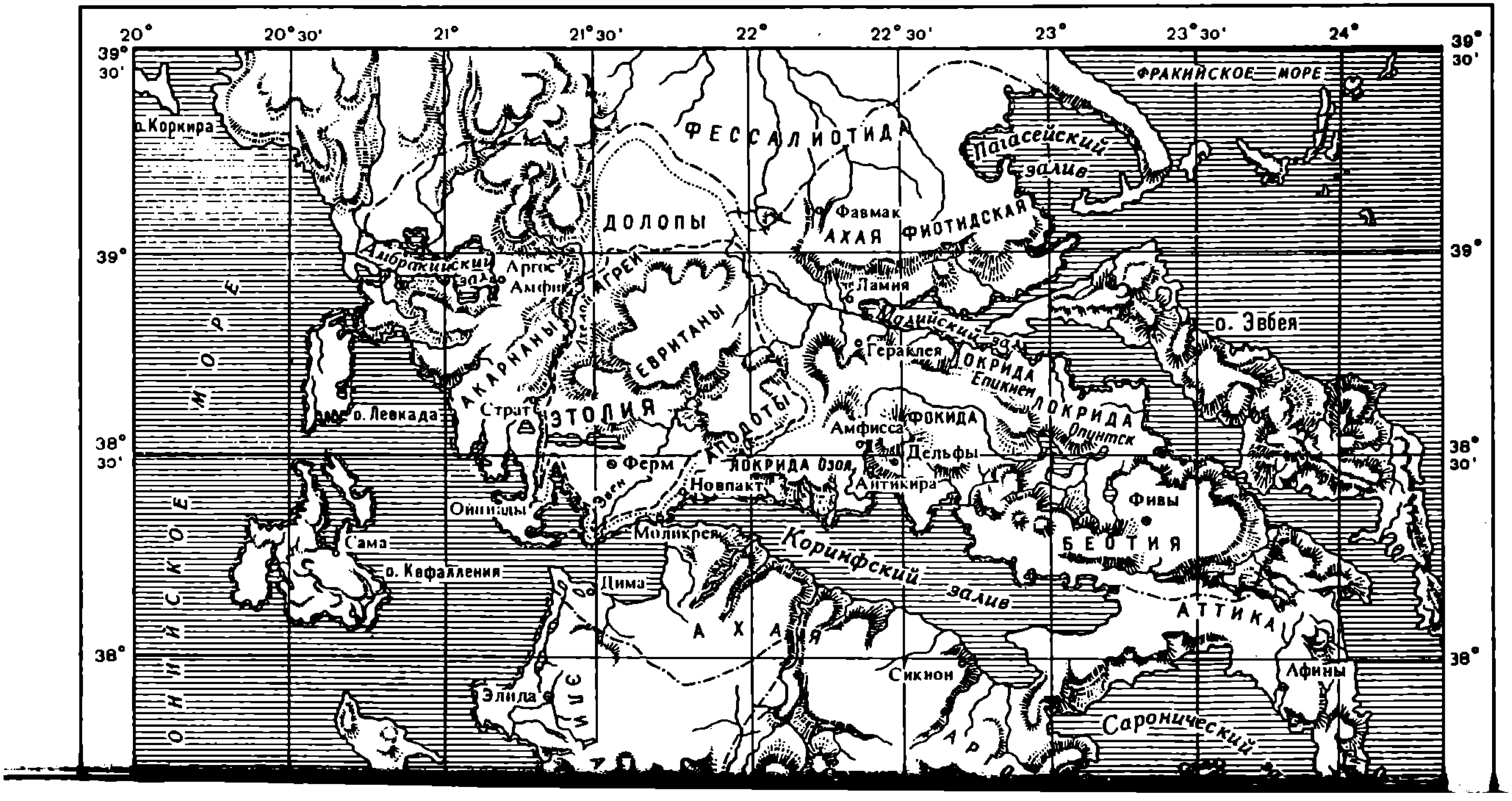
* Младший.

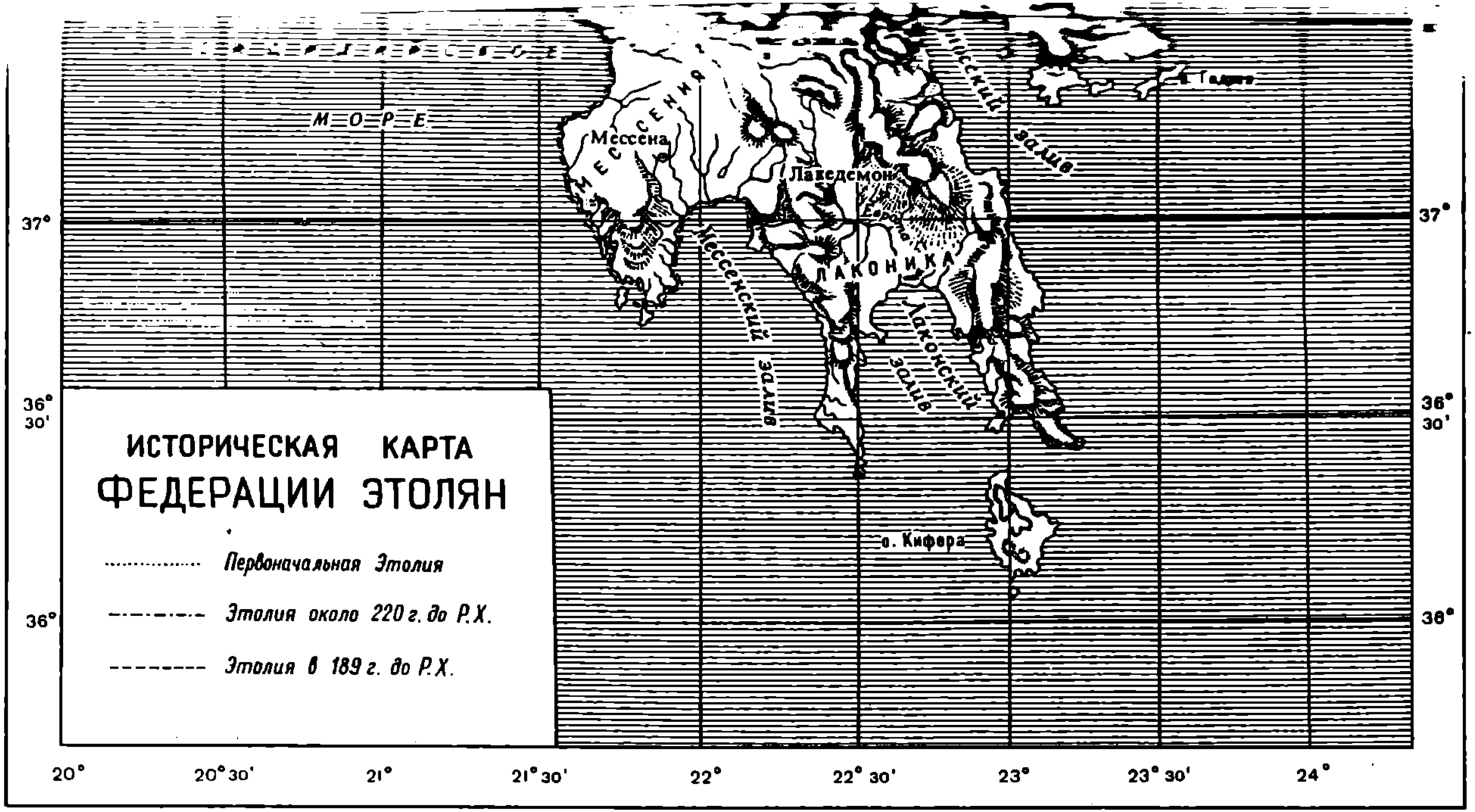
в постыдных поражениях даже после того, как солдаты их храбро дрались в битве, покрывают бесславием прежние свои подвиги и уготовляют себе жалкий конец жизни. Всякий желающий легко поймет, что многие вожди страдают именно указанным недостатком, что в этом главным образом состоит отличие одного вождя от другого: история прошлого доставляет свидетельства тому в изобилии. Гасдрубал действовал не так: пока оставалась хоть слабая надежда совершить еще что-либо достойное прежних подвигов, он в сражении больше всего думал о том, как бы уцелеть самому. Если же судьба отнимала всякую надежду на лучшее будущее и вынуждала его идти в последний бой, Гасдрубал в предварительных действиях и в самой битве не оставлял без внимания ничего, что могло бы доставить ему победу, вместе с тем и в такой же мере он думал и о возможности поражения, чтобы в этом случае не склониться перед обстоятельствами и не дозволить себе чего-либо, недостойного прежней жизни. Вот что нашли мы нужным сказать людям, направляющим войну, дабы они слепой отвагой не разрушали упований доверившихся им сограждан и в неумеренной привязанности к жизни не покрывали себя в несчастии стыдом и позором.

3. Что касается римлян, то немедленно по окончании победоносной битвы они принялись за расхищение неприятельской стоянки, перерезали наподобие жертвенных животных множество кельтов, в пьяном виде спавших на соломе, потом собрали вместе доставшихся в добычу пленных, от продажи коих поступило в государственную казну больше трехсот талантов[7]. Карфагенян пало в сражении, считая и кельтов, не менее десяти тысяч человек, а римлян около двух тысяч. Немногие знатные карфагеняне попали в плен, прочие все были перебиты. Когда весть о победе пришла в Рим, там сначала не поверили: так горячо было у римлян желание победы. Потом когда со слов многих прибывших воинов стали известны все подробности события, город возликовал чрезвычайно, и граждане украшали каждый священный участок, наполняли каждый храм жертвенными печеньями и курениями; словом, бодрость духа и уверенность в себе поднялись так высоко, что никто и не думал о присутствии в Италии Ганнибала, которого перед тем так страшились (*Сокращение*).

Неизвестный отрывок. ...Он[8] сказал, что произнесенные слова имеют лишь вид истины, а что действительность не такова, скорее противоположна им (*Сокращение ватиканское*).

4. Из этолийской войны. Речь родосского посла в собрании этолян. ...«Что ваше[9] замирение, граждане Этолии, радует и царя Птолемея, и государства родосцев, византийцев, хиосцев, митиленян, об этом, мне кажется, ясно свидетельствуют самые события. Не первый и не второй раз мы обращаемся к вам теперь с просьбою о мире; с того самого времени, как вы возобновили войну[10], мы не упускали ни одного случая, чтобы со всею настойчивостью напоминать вам о том же, в настоящем сокрушаясь потерями, какие терпите вы и македоняне, в будущем озабочиваясь благом наших собственных городов и прочих эллинов. Как скоро огонь брошен на воспламеняющиеся предметы, дальнейшее распространение его уже не во власти поджигателя, и пламя разбрасывается куда попало, обыкновенно по направлению ветра и в зависимости от горящих предметов, причем часто сверх всякого ожидания огонь прежде всего обращается на самого поджигателя. Подобно этому война, раз она возгорается по чьей-либо вине, прежде всего губит самих виновников ее или уничтожает без разбора всех попадающихся на пути, и безрассудство прикосновенных к ней народов, как ветер, раздувает и распространяет ее. Посему, этоляне, вообразите себе, что все островные и азиатские эллины, — и они захватываются событиями, — предстали пред вами с просьбою кончить войну и водворить мир, одумайтесь и внемлите нашим увещаниям. В самом деле, если бы вам суждено было вести войну почетную по ее первоначальным побуждениям или если бы она приносила честь вам по завершении, тогда, будь она даже невыгодною, — такою бывает чуть не всякая война, — можно было бы еще оправдать вашу ревность. Но вы ведете войну постыднейшую, навлекающую на вас тяжкий позор и поношение. Неужели этого недостаточно, чтобы повергнуть вас в раздумье? Мысли наши мы выскажем откровенно, а вы, если только рассудительны, выслушаете нас спокойно. Гораздо лучше выслушать благовременно укоризны и сохранить себя в целости, нежели поддаваться льстивым речам, а потом самим погибнуть и погубить прочих эллинов.

20°
20°30'
21°
21°30'
22°
22°30'
23°
23°30'
24°
39°30'
39°
38°30'
38°
ФРАКИЙСКОЕ МОРЕ
о. Коркира
ФЕССАЛИОТИДА
Пагасейский залив
ДОЛОПЫ
Фавмак
АХАЯ ФИОТИДСКАЯ
Амбракийский залив
Арта
Амфи
АГРЕИ
Ламия
Малийский зал.
о. Эвбея
ЕВРИТАНЫ
Гераклея
ОКРИДА
Епикнем
ЛОКРИДА
Опунтск
АКАРНАНЫ
Этолийские горы
ЭТОЛИЯ
ГЕРОДОТЫ
Амфисса
ФОКИДА
о. Левкада
Страт
Ферм
ЛОКРИДА Озол.
Дельфы
Новпакт
Антикира
Фивы
Эвен
Ойниады
Моликрея
БЕОТИЯ
Сама
о. Кефалления
Дима
Коринфский залив
АТТИКА
АХАЯ
Сикион
Афины
Элида
Элидэ
Саронический
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ

М О Р Е
Мессена
Лакедемон
МЕССЕНИЯ
ЛАКОНИКА
Мессенский залив
Лаконский залив
Тенарский залив
о. Кифера
ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТА
ФЕДЕРАЦИИ ЭТОЛЯН
Первоначальная Этолия
Этолия около 220 г. до Р.Х.
Этолия в 189 г. до Р.Х.
37°
36° 30'
36°
20°
20° 30'
21°
21° 30'
22°
22° 30'
23°
23° 30'
24°

5. Приглядитесь к вашей ошибке. Вы твердите, что воюете за эллинов против Филиппа, чтобы спасти эллинов и избавить их от подчинения Филиппу; на самом деле вы вашею войною уготовляете Элладе порабощение и гибель. Таков смысл вашего договора с римлянами; раньше он существовал только на письме, теперь его видят в исполнении. Если и тогда письмена договора сами по себе навлекали на вас бесчестие, то теперь действия ваши изобличают ваш позор воочию перед всеми. Филипп дает только имя этой войне и вывеску, а сам он от войны ничуть не страдает; но с ним в союзе большинство пелопоннесцев, беотяне, эвбейцы, фокидяне, локры, фессалийцы, эпироты; против них-то направлено условие договора, по которому люди и движимость присваиваются римлянами, а города и поля этолянами. Сами завладевая каким-либо городом, вы не дозволяете себе обид над свободными людьми, не предаете город пламени, почитая такой образ действий жестоким и пристойным для варвара. Но в то же время по силе заключенного договора вы предаете варварам всех эллинов на жесточайшее глумление и обиды. До сих пор мы не знали этого; но теперь злая доля орейцев[11] и эгинян всем открыла глаза на вас: судьба как бы нарочно на подмостки[12] выставила ваше заблуждение. Это еще только начало войны и первые последствия ее. Чего же нужно ожидать в конце войны, когда замыслы ваши осуществятся вполне? Неужели это не будет началом тяжких бед для всех эллинов? **6.** Что римляне, стряхнув с себя италийскую войну, — а это будет скоро, потому что Ганнибал заперт на теснейшем участке Бреттийской земли[13], — что римляне вслед за сим стремительно обратятся со всеми своими силами на земли Эллады под предлогом помощи этолянам против Филлиппа, на самом деле для покорения своей власти всей Эллады, это, мне кажется, совершенно ясно. Если римляне не пожелают по достижении власти поступать великодушно, они одни и пожнут за это благодарность и почет; если же будут поступать жестоко, то разом получат в добычу имущество погибших и господство над уцелевшими от гибели. Вы будете призывать тогда в свидетели богов, но никакое божество и никто из людей не пожелает и не сможет помочь вам ни в чем. Разумеется, вы должны были бы предусмотреть все это с самого начала; так было бы пристойнее всего. Но будущее часто не поддается предвидению человека; по крайней мере

тепсрь, когда на деле вы видите последствия вашей ошибки, надлежит более здраво поразмыслить о будущем. Во всяком разе мы не преминули сказать и сделать все так, как при настоящих обстоятельствах подобало истинным друзьям, и наши мысли о будущем высказывались откровенно, вас же просим и убеждаем не губить свободы и благополучия ни ваших собственных, ни прочих эллинов».

Эта речь, как казалось, сильно смутила присутствующих. Засим вошли послы от Филиппа. Не входя в какие-либо подробности, они в речах своих заявили только, что явились с двояким поручением: или с готовностью принять мир, если этоляне склоняются к тому же, или, если этоляне на это не согласны, призвать божества и присутствующие от Эллады посольства в свидетели того, что не Филипп, а этоляне должны почитаться виновниками бед, какие после этого обрушатся на эллинов[14] (*Сокращение* и *Сокращение ватиканское*).

7. ...И он (Филипп) сильно жалел, что Аттал ускользнул из его рук[15] (*Свида*).

Вторичное нашествие Филиппа на Ферм. ...Филипп направил свой путь к Трихонидскому озеру и прибыл в Ферм[16], где находилось святилище Аполлона. Все святыни, какие остались нетронутыми в первый раз, Филипп осквернил теперь. И в тот раз, и теперь ярость ослепляла Филиппа, ибо дозволять себе кощунство в гневе на людей можно только в состоянии крайнего ослепления (*О добродетелях и пороках*).

...Эллопий[17], город Этолии (*Стеф. Визант.*).

...Фитей, город Этолии (*там же*).

8. Предшественники Филопемена. ...Всякий желающий[18] верным путем усвоить себе искусство военачальника поступает одним из трех способов: или он подготовляет себя чтением исторических сочинений, или обучается последовательно у людей, умудренных опытом, или, наконец, достигает этого участием в делах собственным опытом. Все это ахейским стратегам и на мысль не приходило (*Свида*).

...Пышность и расточительность некоторых ахеян породили в среде остальных пагубное соревнование. Они старались отличиться друг перед другом блестящею свитою и изысканным одеянием, а эта пышность для весьма многих была не по средствам. На вооружение, напротив, не обращалось никакого внимания (*Свида*).

...Толпа старается подражать счастливцам не в том, что они делают доброго, но в предметах маловажных, и через то во вред себе выставляет собственную глупость напоказ (*Сокращение, Свида*).

9. ...Блеск доспехов, говорил он[19] (Филопемен) много содействует устрашению врага, а в битве весьма важно также, чтобы доспехи при облачении приходились впору воину[20]. Было бы всего лучше, продолжал он, если бы ахеяне обратили на вооружение ту самую заботливость, с какою теперь относятся к одеянию, а на одеяние перенесли бы теперешнюю беспечность относительно доспехов. От такой перемены улучшатся частные хозяйства граждан, она же, несомненно, даст им возможность спасти государство. Вот почему, говорил он далее, воин перед выступлением на учение или в поход обязан, когда надевает поножи[21], позаботиться о том, чтобы поножи лучше приходились и ярче блестели, нежели сандалии и башмаки, а когда он берется за щит, панцирь или за шлем, должен досмотрсть, чтобы они были чище и наряднее, нежели его плащ или рубаха. Если какое войско больше заботится о негодных украшениях, чем о предметах нужных, то легко угадать, что из этого выйдет в сражении. Вообще он старался внушить ахеянам, что роскошь нарядов приличествует женщине, да и то не особенно скромной, тогда как роскошь и изысканность в доспехах отличают достойных мужчин, готовых с честью постоять за себя и за отечество. Все присутствующие с восторгом приняли речь Филопемена и дивились мудрости его советов, так что тут же при выходе из собрания[22] показывали пальцем на разряженных граждан и прогнали несколько человек с площади; с большею еще строгостью ахеяне исполняли его требования на учении и в походах.

10. Так нередко одно слово, кстати сказанное внушающим доверие человеком, не только отвращает людей от порочнейших поступков, но и побуждает их к благороднейшим действиям. Если к тому же поведение советника в частной жизни согласуется с его речами, то советы его непременно возымеют благотворнейшее действие[23]; такое согласие слов с делом всякий мог бы легко наблюдать на Филопемене. В одежде и пище он был скромен и прост, равным образом вся внешность его, а также обращение с другими благопристойны и непритязательны. Зато во всю жизнь он больше всего стремился к тому, что-

бы говорить только правду. Вот почему даже немногие случайно брошенные им слова покоряли слушателей, ибо своею собственною жизнью он давал образец поведения при всяких обстоятельствах, и потому слушатели его не нуждались в многословии. Вследствие этого он не раз немногими словами решительно опровергал речи своих противников, говоривших долго и, по-видимому, прекрасно, только силою доверия, каким пользовался, и верным пониманием предмета.

Итак, по распущении собрания[24] все разошлись обратно по своим городам, преисполненные высокого удивления и к оратору, и к его речи, и убежденные в том, что с таким вождем им нечего опасаться какой бы то ни было беды. Со своей стороны, Филопемен немедленно отправился по городам, быстро и старательно производя этот обход, потом стянул отдельные отряды в одно место, строил их и обучал, наконец по прошествии восьми месяцев в подготовительных упражнениях он собрал войска под Мантинею с целью сразиться с тираном[25] за свободу всех пелопоннесцев.

11. Маханид был твердо уверен в своих силах, и ему казалось, что ничего не могло быть желательнее для него, как это наступление ахеян, а потому, лишь только узнал, что враги собрались в Мантинее, он в Тегее обратился к лакедемонянам с приличным случаю увещанием и на другой же день на рассветет двинулся к Мантинее. Сам он вел фалангу на правом крыле, наемников поместил по обеим сторонам передового отряда на равном расстоянии, за ними шли повозки со множеством машин и метательных снарядов для катапульт. В то же самое время Филопемен, разделив свое войско на три части, вышел из Мантинеи, причем иллирийцы, панцирные воины, а также все наемное войско и легковооруженные направлялись по улице, ведущей к святилищу Посейдона, ближайшей улицей к западу шли фалангиты, а следующей за нею конница из ахейских граждан. Легковооруженными Филопемен занял прежде всего довольно высокий холм перед городом, господствующий над Ксенидской улицей и упомянутым святилищем; вслед за ними по направлению к югу он поставил панцирных воинов, а к ним примыкали иллирийцы. За иллирийцами по той же прямой он поставил разделенные промежутками отряды фаланги вдоль канавы, которая проходит серединою мантинейской равнины к Посейдонову храму и до-

стигает гор, пограничных с областью элифасиев. Подле фалангитов на правом крыле он выстроил ахейскую конницу с Аристенетом димейцем во главе. Левое крыло Филопемен занимал сам со всем наемным войском, отряды коего следовали один за другим.

12. Когда неприятельское войско можно уже было разглядеть хорошо, Филопемен обходил отряды фалангитов и обращался к воинам с кратким, но убедительным словом о предстоящей битве. Впрочем, речи его большею частью и не слышали, ибо войска так любили его и были так уверены в нем, что рвались в бой и, как бы вдохновляемые божеством, сами обращались к вождю с увещанием и просили его довериться им и вести их в битву. Однако Филопемен, как только получал возможность говорить, всячески старался пояснить воинам, что в предстоящей битве враг будет сражаться за позорное, постыдное порабощение других, а они — за приснопамятную славную свободу.

Что касается Маханида, то вначале он делал вид, будто намерен повести растянутую в длину фалангу против правого неприятельского крыла; но с приближением к противнику, хотя и на достаточном от него расстоянии, он повернул свое войско вправо, растянул правое крыло так, что оно сравнялось с левым крылом ахеян, и выставил впереди по всей линии катапульты в некотором расстоянии одну от другой. Однако Филопемен постиг замыслы противника, понял, что он желает обстреливать из катапульт ряды фалангитов и разрушительным действием снарядов вызвать смятение во всем войске; посему, не теряя времени и не давая врагу опомниться, он приказал тарентинцам тотчас открыть сражение вблизи Посейдонова святилища, на местности ровной и удобной для действий конницы. При виде этого Маханид вынужден был сделать то же и послал вперед своих тарентинцев.

13. Первое время жаркий бой вели одни тарентинцы. Но мало-помалу присоединялись к теснимым воинам легковооруженные, и вскоре все наемные войска с обеих сторон приняли участие в схватке. Противники сражались то массами, то один на один, и долгое время бой шел равный. Прочие войска в ожидании того, в какую сторону понесется пыль, не могли предугадать исхода сражения и оставались неподвижны на тех самых местах, какие занимали перед началом битвы. На-

конец наемники тирана стали одолевать благодаря численному превосходству и приобретенной упражнением ловкости. Впрочем, так именно и должно было быть. Насколько народное войско в свободном государстве ревностнее на войне, нежели подчиненное тирану войско из граждан, настолько чужеземное войско самодержцев должно превосходить наемников в государствах свободных. Так как народ борется за свободу, а тиран за рабство, то одной стороне наемников борьба сулит несомненные выгоды, а другой верный ущерб. Ибо свободное государство, как скоро уничтожит своих врагов, не нуждается больше в наемниках для охраны свободы, тирания наоборот: чем дальше простираются ее вожделения, тем больше нуждается она в наемниках, ибо чем больше число угнетенных тиранией, тем многочисленнее тайные враги ее, а безопасность самодержца покоится всецело на преданности и силе наемного войска.

14. Вот почему и теперь наемное войско Маханида сражалось с такою ревностью и ожесточением, что стоявшие в тылу ахейских наемников иллирийцы и панцирные воины не могли выдержать натиска врагов, все подались назад и бежали в беспорядке по направлению к Мантинее, от этого города отстоящей на семь стадий. То, в чем иные сомневались, обратилось теперь в бесспорную и очевидную для всех истину, именно: большинство военных событий совершается в зависимости от искусства или неумения вождей. Так, если важно счастливому началу битвы положить такой же конец, то еще важнее не потерять присутствия духа после первых неудач, заметить несообразительность счастливого противника и воспользоваться его ошибками для наступления. И в самом деле, часто можно наблюдать, как вожди, уже мнившие себя победителями, терпят вскоре полное крушение, и наоборот: казавшиеся вначале побежденными неожиданно силою своей сообразительности совершенно изменяют ход дела и одерживают полную победу. То же самое случилось, несомненно, и теперь с двумя военачальниками. Так, когда все наемное войско ахеян обратилось в бегство и их собственное левое крыло было смято, Маханид не воспользовался этим, чтобы частью обойти неприятеля с фланга, частью ударить спереди и дать решительную битву. Вместо этого он с бессмысленным ребяческим пылом кинулся вслед за своими наемниками и стал теснить бе-

гущих врагов, как будто страх, который обуял отступающих, сам по себе не мог бы загнать их до ворот. **15.** Тем временем вождь ахеян всячески старался удержать наемное войско на месте, взывал поименно к его начальникам, ободрял их; потом, когда увидел, что наемники оттеснены, он не бежал в страхе, не отказался малодушно от битвы, но прикрылся левым крылом[26] фаланги и, как только преследующие враги пробежали мимо и очистили поле битвы, приказал передним рядам фалангитов повернуть влево и беглым маршем в боевом строю двинулся вперед. Быстро заняв покинутую местность, Филопемен тем самым и отрезал обратный путь погоне и занял положение, господствующее над неприятельским крылом. Своим фалангитам он велел оставаться спокойно на месте до получения от него приказания идти общими силами на врага. Мегалопольцу Полибию[27] военачальник приказал собрать уцелевших и не увлеченных бегством иллирийцев, панцирных воинов и наемников, возможно скорее занять место в тылу крыла фаланги и поджидать возвращения врагов из погони. Между тем лакедемоняне[28], воодушевленные успехом легковооруженных, не дожидались приказания и с опущенными сарисами устремились на врага, и так достигли края канавы[29]. Раздумывать и возвращаться было некогда, ибо приходилось отдаваться в руки неприятеля, да и канава не страшила лакедемонян: спуск в нее шел полого издалека, на дне ее не было ни воды, ни каких-либо кустарников, и потому они без оглядки бросились переправляться через канаву.

16. Как только неприятель очутился в этом положении, предусмотренном задолго Филопеменом, этот последний дал знак всем фалангитам двинуться вперед с опущенными вниз сарисами. С пронзительным криком все как один кинулись ахейцы на врага, и вскоре те из лакедемонян, которые при нисхождении в канаву расстроили свои ряды, стали взбираться назад против стоявшего вверху неприятеля, струсили и оборотили тыл. Главная масса войска погибла тут же в канаве частью от рук ахеян, частью была раздавлена своими же людьми. Все рассказанное произошло не само собою, не случайно, но благодаря сообразительности вождя, ибо не из трусости, как полагали некоторые, Филопемен с самого начала устроил себе прикрытие из канавы, но потому что точно и мудро рассчитал все возможные случаи, именно: если Маханид, не зная

о существовании канавы, подойдет к ней и поведет войско вперед, то — так думал Филопемен — с лакедемонской фалангой должно было бы случиться то самое, что, как мы видели, и случилось действительно. С другой стороны, если бы Маханид остановился перед трудностями переправы через канаву, отказался бы от принятого решения и с видом оробевшего человека отступил бы назад в то время, когда его воины уже выстроены были в боевой порядок и когда он зашел слишком далеко, он, думал о себе Филопемен, и без решительной битвы останется победителем, а Маханид будет побежден. Так было уже со многими вождями; когда они, выстроив войско к бою, вдруг убеждались, что не в силах будут устоять в борьбе с неприятелем, по причине ли неудобств местности, вследствие ли численного перевеса на стороне врага, или по другой какой причине; между тем уже пройден был длинный путь, а при отступлении одни рассчитывали победить, другие благополучно уйти от врага только при помощи задних рядов. В этих случаях вожди обыкновенно претерпевают величайшие беды[30].

17. Филопемен верно предугадал ход битвы: лакедемоняне бежали в ужасном беспорядке. Он видел, что фаланга его выигрывает сражение, что все дело принимает желанный, блестящий оборот, посему устремил заботу свою на то, чтобы достойно завершить все предприятие[31], на то именно, чтобы Маханид не избежал его рук. Он знал, что Маханид в стремительной погоне за неприятелем отрезал себя вместе со своими наемниками на пространстве, отделяющем город от канавы, — и только ждал его возвращения. И вот, когда Маханид, возвращаясь из погони, увидел, что войско его бежит, когда он понял, что зашел слишком далеко и что все надежды его рушились, он быстро стянул находившихся при нем наемников и попытался было пробиться плотною массою сквозь ахеян, гнавшихся врассыпную за лакедемонянами. Часть воинов сначала во внимание к этому плану держалась крепко Маханида, так как иной надежды на спасение не было. Но когда по прибытии на место лакедемоняне увидели, что ахеяне стерегут ведущий через канаву мост, все они пали духом, покинули Маханида, и каждый спасался, как мог. В это самое время тиран, отчаявшись в переправе по мосту, скакал на лошади вдоль канавы и внимательно высматривал, где бы ему перейти.

18. Филопемен узнал Маханида по багряному одеянию и по убранству его лошади, оставил на месте Анаксидама с приказанием строго охранять переправу через ров и не щадить никого из наемников, так как они всегда содействовали упрочению тирании в Спарте. Сам Филопемен взял с собою Полиэна из Кипарисий[32] и Симия, тогдашних своих щитоносцев, и с противоположной стороны канавы следил за движениями тирана и его оруженосцев. Два человека были тогда с Маханидом: Аркесидам и один из наемников. Маханид выбрал удобное для переправы место, пришпорил коня с целью заставить его перескочить через канаву, как вдруг по другую сторону канавы пред ним, повернув коня назад, предстал Филопемен, ловко метнул в тирана копьем, потом вторично ударил его нижним острием копья и положил на месте. Та же участь постигла Аркесидама от рук конных спутников Филопемена. Что касается третьего лакедемонца, то он не решился скакать через ров и спасся бегством в то время, как враги умерщвляли двух других его товарищей. По умерщвлении Маханида и Аркесидама Полиэн и Симий тотчас сняли доспехи с убитых, взяли с собою голову тирана вместе с доспехами и поспешили к своим солдатам, гнавшим врагов; они же дали знать войску о гибели неприятельского вождя, дабы тем увереннее, спокойнее и отважнее оно преследовало врагов до города тегеян. И в самом деле, обстоятельство это сильно подняло дух в войсках; главным образом благодаря ему они с первого набега завладели Тегеей, на следующий день расположились лагерем вдоль Эвроты, так как окрестные поля были уже неоспоримо в их руках. Однако ахейцы долгое время не могли вытеснить врагов из пределов собственной их области, хотя беспрепятственно опустошали всю Лаконику. В сражении они потеряли немного своих, а лакедемоняне перебили не менее четырех тысяч человек, еще больше взяли в плен, равным образом захватили все припасы их и вооружение (*Сокращение* и *Сокращение ватиканское*).

19а. Из Ганнибаловой войны. Общее замечание. ...Какую пользу может извлечь читатель из рассказов о войнах, битвах, о покорениях и осадах городов, если при этом он не уясняет себе причины, по которой в каждом отдельном случае одна сторона выигрывала дело, другая теряла? Рассказом об исходе предприятий можно только забавлять читателя, тогда как должное изыскание мероприятий, предшествующих событиям, прино-

сит пользу любознательному человеку. Наибольшую выгоду извлекает внимательный читатель из подробного выяснения отдельных событий (*Сокращение ватиканское*).

19. Доблести Ганнибала. ...Разве можно не превозносить военачальнические дарования, храбрость и умение жить лагерного жизнью, если окинешь взором это время во всей его продолжительности, если со вниманием остановишься на всех больших и мелких битвах, на осадах и отпадениях городов, на трудностях, выпадавших на его долю, если, наконец, примешь во внимание всю обширность предприятия? В течение шестнадцати лет[33] войны с римлянами в Италии Ганнибал ни разу не уводил своих войск с поля битвы; подобно искусному кормчему он непрерывно удерживал их в повиновении, огромные полчища, к тому же не однородные, но разноплеменные, сумел охранить от возмущений против вождя и от междоусобных раздоров. В войсках его были ливияне, иберы, бигуры, кельты, финикийцы, италийцы, эллины — народы, не имевшие по своему происхождению ничего общего между собою ни в законах, ни в нравах, ни в языке, ни в чем бы то ни было ином. Однако мудрость вождя приучила столь разнообразные и многочисленные народности следовать единому приказанию, покоряться единой воле, при всем непостоянстве и изменчивости положений, когда судьба то весьма благоприятствовала ему, то противодействовала. Вот почему нельзя не дивиться даровитости вождя в Ганнибале и не утверждать с уверенностью, что, начни он осуществление своего замысла с других частей мира и закончи римлянами, Ганнибал довел бы благополучно свое дело до конца. Начав же с того народа, коим следовало заключить, Ганнибал и начал предприятие, и кончил на этом народе (*Сокращение*).

20[34]. Война в Иберии. Гасдрубал при Илипе. ...Гасдрубал стянул свои войска из городов, в которых они зимовали, двинулся вперед и расположился станом, невдалеке от города, именуемого Илипою[35], здесь у подошвы гор возвел окопы, имея перед собою удобную для сражения равнину. Пехоты у него было до семидесяти тысяч, конницы до четырех тысяч, слонов тридцать два. Со своей стороны, Публий отрядил Марка Юния* к Колиханту[36] принять нарочно для него заготовлен-

---

* Марк Юний Силан. X 4 7.

ные войска, три тысячи пехоты и пятьсот конницы; прочих союзников Публий принимал сам по пути к намеченной цели. С приближением к Касталону и Бекулу, когда к нему присоединился Марк с войсками от Колиханта, Публий почувствовал себя в большом затруднении. Дело в том, что одних римских войск без союзнических было недостаточно для того, чтобы отважиться на битву; между тем полагаться на союзников в решительной битве казалось и небезопасным, и слишком смелым. Долго Публий колебался, однако обстоятельства вынудили его к решению употребить в дело иберов, но с тем, чтобы вести сражение собственными легионами, а иберов выставить против неприятеля только для виду. Когда это было решено, Сципион снялся с места со всем войском, в коем было до сорока пяти тысяч пехоты и около трех тысяч конницы. Подойдя к карфагенянам на такое расстояние, что они могли ясно различить его, Публий разбил лагерь на высотах прямо против неприятеля.

21. Успехи Сципиона в сражениях с Магоном, Масанассою, Гасдрубалом. Магону казалось, что настал удобный момент для нападения на римлян, пока они заняты разбивкою лагеря, и потому со значительнейшею частью собственной конницы и с нумидянами, предводительствуемыми Масанассою, он устремился на неприятельский лагерь в уверенности захватить Публия врасплох. Но Публий заранее уже предвидел нападение врага и укрыл свою конницу, равносильную карфагенской, за холмом. При внезапном нападении римской конницы многие всадники, устрашенные неожиданностью появления врагов, тотчас бросились бежать[37], прочие вступили врукопашную с римлянами и дрались храбро. Ловкость спешившихся римских всадников поставила карфагенян в большое затруднение; они выдерживали недолго и с большими потерями стали отступать. Сначала карфагеняне отступали в порядке, потом под натиском римлян ряды их расстроились, и они бежали до самой стоянки. Это подняло дух римлян и повергло карфагенян в уныние. В ближайшие за сим дни противники выстраивали свои войска на промежуточной равнине между стоянками; их конницы и легковооруженные легкими стычками дразнили друг друга пока наконец воюющие не решили померяться силами в открытом сражении.

22. На сей раз Публий употребил, как кажется, двоякую хитрость. По его наблюдению, Гасдрубал обыкновенно выво-

дил свои войска из лагеря в поздний час и ставил ливийцев в центре, а слонов впереди обоих флангов. Сам Публий привык выходить из лагеря позднее Гасдрубала, римлян ставил в центре против ливиян, а иберов на флангах. Теперь Публий в решительный день расположил свои войска в обратном порядке и тем много содействовал перевесу своих и ослаблению неприятеля. Он послал своих слуг с приказанием всем трибунам и солдатам завтракать ранним утром и, надев доспехи, выходить за окопы. Все догадывались, что будет битва, и охотно исполняли приказание. Тогда Публий отрядил вперед конницу и легковооруженных и приказал им подойти к неприятельской стоянке и смело тревожить врага легкими схватками. С пехотой, как только взошло солнце, он сам двинулся вперед и, дойдя до середины равнины, выстроил солдат в порядке, обратном прежнему, именно, в середине поставил иберов, а на флангах римлян. Так как римская конница приблизилась к окопам внезапно, и тут же выходило в поле и остальное войско, то карфагеняне едва успели вооружиться. Гасдрубал вынужден был, невзирая на то, что солдаты его были еще натощак и не приготовились, поспешно выслать свою конницу и легковооруженных против неприятельской конницы на равнину, строить пехоту в боевой порядок, причем он поставил ее, как бывало обыкновенно и раньше, на ровном месте недалеко от предгорья. Некоторое время римляне держались спокойно. Солнце поднималось все выше, а стычка легковооруженных не кончалась ничем, ибо теснимая сторона укрывалась под своей фалангой и затем снова шла в битву. Тогда Публий отвел своих застрельщиков за боевую линию промежутками между манипулами в тылу распределил их по флангам, легковооруженных впереди, за ними конницу, и начал движение на неприятеля с фронта; находясь на расстоянии от противника не больше стадии, он приказал иберам в том же порядке продолжать наступление[38], правому крылу римлян, манипулам и турмам сделать оборот направо, а левому налево.

23. Сам он отделил от левого крыла, а Луций Марций и Марк Юний от правого три передовых турмы, перед ними поставил по обычаю римлян легковооруженных и три манипула, — каковой отряд пехоты именуется у римлян когортою[39], — со своим войском сделал оборот влево, а Луций и Марк вправо, и колонна ускоренным шагом двинулась на неприятеля, по мере

движения поворачивались и примыкали к ней следующие далее ряды. Когда римские войска были уже недалеко от неприятеля, а иберы, медленным шагом наступавшие в передовой линии, находились пока на значительном расстоянии, Публий согласно первоначальному плану повел римские войска колонною разом на оба крыла карфагенян. В последовавших за сим движениях задние ряды выстроились в одну прямую линию с передовыми и в одно время с ними вступили в бой с неприятелем, вместе с тем получилось расположение войска, обратное прежнему как вообще в отношении флангов друг к другу, так и, в частности, в отношении пехоты и конницы. Так, на правом фланге конницы вместе с легковооруженными оборотом вправо соединилась с передовой линией и сделала попытку обойти противника с фланга, пехота, наоборот, подвигалась влево. Что касается левого фланга, то здесь пехота шла на соединение с передними рядами справа, а конница вместе с легковооруженными — слева. Благодаря такому движению один из двух флангов, состоящих из конницы и легковооруженных, правый, обратился в левый. Впрочем, вождю нужно было не это. Задача его более важная состояла в том, чтобы обойти неприятеля с фланга, и расчеты эти оправдались. Так, военачальнику должны быть вообще известны употребительные в битвах движения, а пользоваться ими надлежит сообразно с обстоятельствами.

24. В завязавшейся схватке жестоко терпели слоны, теснимые и обстреливаемые со всех сторон легковооруженными и конницей, и причиняли своим не меньший вред, как и чужим: слепо кидаясь из стороны в сторону, они давили всякого, кто попадался им под ноги, свой ли то был, или враг. Тогда как на флангах карфагенская пехота была сильно теснима, находившиеся в центре и составлявшие главную силу ливияне пребывали в полном бездействии. Под натиском иберов они не могли ни покинуть занимаемое ими место для оказания помощи флангам, ни исполнить свой долг, оставаясь на месте, потому что противостоявший неприятель не вступал в битву. Некоторое время фланги боролись с одинаковым мужеством, ибо для обеих сторон битва была решительная. Затем к полудню силы карфагенян стали падать, так как выход их из стоянки был вынужденный и преждевременный и они не успели приготовиться как следует к битве. Перевес был на сто-

роне римлян как потому, что они были и сильнее и бодрее противника, так больше всего потому, что их дальновидный военачальник поставил отборнейшие войска против слабейшей части неприятеля. Теснимые римлянами, войска Гасдрубала вначале отступали шаг за шагом, потом оборотили тыл всею массою и устремились к предгорьям; наконец, когда римляне стали напирать сильнее, они в беспорядке бежали к собственной стоянке. Если бы не явилось на помощь божество, карфагеняне были бы теперь же выбиты и из стоянки; но вдруг разразилась гроза, пошел проливной продолжительный дождь, так что римляне с трудом возвратились в свою стоянку (*Сокращение*).

...Илургия[40], город Иберии (*Стеф. Визант.*).

...Весьма многие римляне погибли в огне, когда старались овладеть расплавленным золотом[41] и серебром, текущим с разных сторон (*Свида*).

24а. Широкие замыслы Сципиона. ...Все приветствовали Публия с изгнанием карфагенян из Иберии и уговаривали его отдохнуть от трудов и пожить спокойно после благополучного завершения войны. Публий благодарил за добрые пожелания, но тут же прибавлял, что его больше всего занимает мысль[42] о том, как бы начать войну против карфагенян. «До сих пор, — сказал он, — воевали карфагеняне против римлян, теперь судьба дозволяет римлянам идти войною на карфагенян» (*Сокращение ватиканское* и *Свида*).

...В беседе с Софаком Публий обнаружил такую приветливость и ловкость, — к этому он имел большую способность от природы, — что несколько дней спустя Гасдрубал заметил Софаку, что Публий показался ему еще опаснее в дружеской беседе, чем на поле брани (*Сокращение ватиканское*).

25. Возмущение в римском лагере. ...Когда в римском лагере возмутилась часть войска[43], Публий при всей своей опытности в деле командования очутился в столь трудном и беспомощном положении, как никогда. Оно и понятно. По отношению к телесным немочам, когда они происходят от внешних причин, каковы холод, зной, усталость, раны, можно принять меры предохранительные, можно легко пособить и лечением; напротив, трудно и предупредить вереды и болезни и лечить их, когда они зарождаются в самом теле. Точно то же бывает в государстве и в войске, именно: против идущих извне замыс-

лов и войн легко человеку бдительному принять меры заблаговременно, легко действовать против них впоследствии, и наоборот: трудно бороться против возмущений, возникающих в недрах государства, против междоусобиц и смут; тут требуются большое искусство и необычайная мудрость. По-моему, есть одно только средство, одинаково пригодное для всякого войска, для всякого государства и для отдельных лиц: никогда, особенно во времена счастья и обильного достатка, не допускать, чтобы войско, государство или отдельный человек пребывали долгое время в бездействии и покое.

Итак, Публий, человек в высокой степени рассудительный, как сказано нами с самого начала, к тому же дальновидный и осторожный, собрал у себя военных трибунов и предложил следующую меру к подавлению восстания: он сказал, что необходимо пообещать воинам уплату жалованья, а дабы они поверили обещанию, необходимо наложенные на города для содержания всего войска дани собирать на виду у всех и возможно ревностнее, как бы для уплаты обещаемого жалованья. Потом те же самые трибуны, продолжал он, снова отправятся к войскам, настоятельно будут убеждать их признать свою виновность и явиться за жалованьем к военачальнику, всем ли воинам разом, или по частям, как им будет угодно. Обстоятельства покажут, заключил он, как нужно будет поступить дальше.

26. Приняв это решение, начальники занялись собиранием денег. Потом, когда трибуны сообщили волю солдат, Публий, получив эти сведения, снова предложил совету обсудить, что делать. На совете было решено назначить день, в который солдаты должны явиться за жалованьем, даровать помилование толпе, а зачинщиков строго покарать; этих последних насчитывалось до тридцати пяти. В назначенный день, когда мятежники явились выслушать о помиловании и получить жалованье, Публий отдал тайный приказ трибунам, которых раньше посылал к войскам, выйти навстречу мятежникам, выбрать на свою долю каждому по пяти зачинщиков, обойтись с ними ласково и лучше всего пригласить к себе на жительство, а кому это не удастся, просить по крайней мере к столу и вообще к совместному время провождению. Находившемуся при нем войску он за три дня до этого приказал запастись дорожными припасами на довольно продолжительное время, так как, объяс-

нял он, предстоит поход с Марком во главе на Андобала. Известие об этом ободрило мятежников, ибо они полагали, что с удалением прочих легионов им предоставлена будет свобода действия, когда они явятся к военачальнику. **27. Меры Сципиона против мятежников и расправа с зачинщиками.** Возмутившиеся воины уже подходили к городу* когда Публий отдал приказ остальному войску выступать на следующий день на рассвете в поход с припасами, трибунам же и начальникам союзных войск велел по выходе из города пропустить вперед обоз, а солдат во всеоружии задержать у ворот, потом распределить между собою городские ворота и принять меры к тому, чтобы из города не вышел ни один из мятежников. Трибуны, которым велено было встретить мятежников, приняли их радушно, лишь только они вошли в город, и согласно полученному приказанию увели зачинщиков к себе. Тогда же им дано было приказание схватить в это самое время тридцать пять зачинщиков возмущения, как только те пообедают, заковать их и содержать под стражей, после этого не выпускать из домов ни единого обитателя, за исключением от каждого дома того, кто должен будет уведомить военачальника о случившемся. Трибуны исполнили приказание. На рассвете следующего дня военачальник заметил, что явившиеся в город мятежники собрались на площади, и созвал их в собрание. По обыкновению все с разных сторон бежали на зов сигнальной трубы, озабоченные мыслью о том, как предстанет пред ними военачальник и что он им скажет по настоящему делу. Тем временем Публий послал гонцов к стоявшим у ворот трибунам с приказанием войти в город, с вооруженными солдатами и расположиться вокруг собрания, засим и сам явился в собрание, причем один вид его поверг всех в изумление. Войско воображало, что Публий все еще болен, и вот теперь они смутились, когда вдруг неожиданно увидели его совершенно здоровым.

28. Тогда-то Публий начал свою речь такого приблизительно содержания. Он выразил недоумение по поводу того, что побудило солдат к возмущению, недовольство ли чем или надежды на что-либо. Он сказал, что по трояkому побуждению люди отваживаются встать на отечество или на вождей своих: или они могут укорить в чем-либо своих начальников и

---

* Новый Карфаген.

потому недовольны ими, или же они досадуют на свое положение, или, наконец, соблазняются надеждою на лучшее, более светлое будущее. «Какая же из этих причин была у вас, спрашиваю я? Ясно, вы негодуете на меня за то, что я не выдавал вам жалованья. Но это была не моя вина, ибо за время моего командования жалованье выдавалось вам всегда полностью. Так обвиняйте же Рим за то, что давно следовавшее вам жалованье не уплачено еще. Но можно ли простирать свое недовольство до того, чтобы восставать на отечество, вскормившее вас, и становиться врагами его? Не лучше ли было бы прийти ко мне для переговоров об этом, попросить друзей ваших принять участие в деле и пособить вам. Снизойти к восставшим воинам можно бывает тогда, когда они служат чужому господину за плату, но ни малейшего снисхождения не заслуживают солдаты, воюющие за себя самих, за своих жен и детей: все равно, как в денежном деле, и он явился бы с оружием в руках, чтобы отнять жизнь у того, кто ему самому б даровал жизнь. Или, быть может, вы скажете, что я причинил вам бóльшие опасности и лишения, чем другим, а эти последние получили бóльшие выгоды и более обильную добычу, чем вы? Но этого вы не дерзнете сказать, а если бы и сказали, то не сумели бы доказать. Итак, чем же вы недовольны и почему подняли возмущение против меня? Задавая этот вопрос, я уверен, что никто из вас ничего не скажет, ничего не придумает. **29.** Точно так же не могло побудить вас к возмущению и недовольство настоящим положением. Ибо когда же дела наши шли лучше? Когда победы Рима были многочисленнее? Когда солдат ожидало более светлое будущее, чем теперь? Однако, быть может, какой-либо негодяй скажет, что успехи врагов больше наших, что их ждет лучшее будущее и что оно обеспечено вернее, чем у нас. Но у кого же это? Не у Андобала ли, или у Мандония? Кому из вас неведомо, что раньше эти люди изменили карфагенянам и перешли к нам, а теперь снова попрали клятву и долг верности и объявили себя нашими врагами? Поистине, почетно опираться на таких людей и вставать на государство! Не могли вы тоже надеяться, что одними вашими силами добудете власть над Иберией. Если и в союзе с Андобалом вы были бы не в силах противостоять нам, то тем бессильнее вы сами по себе[44]. На что же возлагали вы ваши упования, желал бы я знать? Разве только на военный опыт и храб-

рость новоизбранных вами вождей[45] или на прутья и секиры[46], предшествующие им! Стыдно говорить об этом больше. Итак, солдаты, ни одного из поводов к возмущению у вас нет, и вы не могли бы выставить ни единой справедливой жалобы, хотя бы самой маловажной, ни против меня, ни против отечества. Вот почему я готов оправдывать вас перед Римом и передо мною, в вашу пользу выставляя доводы, признаваемые всеми, именно: всякую толпу легко совратить и увлечь, на что угодно, потому что со всякой толпой бывает то же, что и с морем. По природе своей безобидное для моряков и спокойное, море всякий раз, как забушуют ветры, само получает свойства ветров, на нем свирепствующих. Так и толпа всегда проявляет те самые свойства, какими отличаются вожаки ее и советчики. Вот почему я и все прочие начальники прощаем вас и уверяем, что не станем взыскивать за случившееся ни с кого, только зачинщиков возмущения мы решили покарать нещадно, как они то заслужили преступлением своим против отечества и против нас».

30. Едва окончил Публий, как стоявшие вокруг солдаты в полном вооружении ударили согласно сигналу мечами в щиты, и вместе с тем введены были зачинщики возмущения, скованные и раздетые. Грозная обстановка и развертывающиеся перед глазами ужасы навели такой страх на толпу, что никто из присутствующих не изменился даже в лице, не издал ни единого звука, пока одних секли, другим рубили головы: все оцепенели, пораженные зрелищем. Зачинщиков мятежа, обезображенных, бездыханных, поволокли через толпу, а остальным солдатам вождь и прочие начальники дали от имени государства уверение в том, что никто больше не будет наказан. Со своей стороны, солдаты выходили поодиночке вперед и клятвенно обещали трибунам пребывать впредь в покорности велениям своих начальников и никогда больше не злоумышлять против Рима. Итак, Публий ловко отвратил грозную опасность и восстановил в своих войсках прежний порядок (*Сокращение* и *Сокращение ватиканское*).

31. Война римлян с Андобалом. Речь Публия к солдатам. ...Вскоре за сим в самом еще Карфагене[47] Публий созвал свои войска в собрание, говорил много и настойчиво о наглости и вероломстве Андобала и старался разжечь войска против поименованных выше владык[48]. Вслед за сим он перечислил бит-

вы, какие до сих пор они вели против совместных сил иберов и карфагенян с карфагенскими вождями во главе. Из этих сражений римляне всегда выходили победителями, а потому, сказал Публий, не подобает смущать себя мыслями о том, что они могут потерпеть неудачу в битве с одними иберами и с вождем их Андобалом. По этому же самому, продолжал Публий, он и решил ни за что не пользоваться пособничеством кого бы то ни было из иберов, вести борьбу единственно силами римлян, дабы для всех стало ясно, что мы восторжествовали в войне над карфагенянами и выгнали их из Иберии благодаря не иберам, как утверждают некоторые, что, напротив, и карфагенян, и кельтов, и иберов мы одолели доблестями римлян и собственным нашим мужеством. После этого Публий убеждал воинов действовать единодушно и бодро идти в предстоящую битву, как и во всякую другую, а он уж сам с помощью богов позаботится надлежаще о победе. Войско воспылало такою ревностью к битве и такою отвагой, что все солдаты походили с виду на людей, которые уже глядят на врага и почти что вступают в решительный бой.

32. Публий кончил речь и распустил собрание, а на следующий день снялся со стоянки, двинулся вперед и на десятый день достиг реки Ибера, четыре дня спустя после этого переправился чрез реку и разбил свой лагерь в виду неприятеля; между его лагерем и неприятельским расстилалась долина. На другой день он велел согнать в эту долину часть скота, следовавшего за войском, отдав приказание Гаю* держать наготове конницу, и нескольким трибунам такое же приказание относительно легковооруженных. Вскоре иберы напали на скот, и потому Публий отрядил против них часть легковооруженных. Произошла схватка, и так как обе стороны посылали подкрепление своим, то в долине завязался жаркий конный бой передовых отрядов. Момент был благоприятный для нападения, и Гай, у которого согласно распоряжению Публия конница была наготове, бросился к сражающимся и отрезал неприятелей от предгорья, благодаря чему большинство их, рассеянное по долине, было перебито конницею. Раздосадованные этим варвары беспокоились, как бы неприятель не вообразил, что вследствие понесенной неудачи они совсем упали духом,

---

* Гаю Лелию.

и потому чуть свет вышли из стоянки и все свои силы выстроили к бою. Публий готов был начать битву; но он видел, как бессмысленно иберы спускаются в долину и строят на равнине в боевой порядок не только свою конницу, но и пехоту, оставался поэтому в покое с целью дать врагу время выстроиться в долине в возможно большем числе. Надежды свои Публий возлагал на собственную конницу и еще больше на пехоту, ибо пехота его и мужеством солдат, и вооружением своим далеко превосходила иберийскую в открытом бою, в котором войско действует все разом.

33. Сражение Публия с Андобалом. Когда, по его мнению, настала пора действовать, Публий отрядил легковооруженных против той части неприятеля, что выстроилась у предгорья, а против войска, спустившегося в долину, он разом повел из лагеря все прочие силы по четыре когорты в линию[49] и ударил на неприятельскую пехоту. В это время и Гай Лелий со своей конницей двинулся вперед по холмам, которые тянулись от стоянки в сторону долины, и ударил в конницу иберов с тыла, чтобы занять ее сражением. Вследствие этого неприятельская пехота лишилась поддержки конницы, на каковую она рассчитывала, когда спускалась в долину, и стала подаваться под натиском врагов назад; то же было и с конницей. Отрезанная и сдавленная в теснине, она терпела потери больше от своих, чем от врагов, потому что собственная пехота налегала на нее сбоку, пехота неприятельская теснила спереди, а неприятельская конница зашла с тыла. При таком обороте дела почти все войско, спустившееся в долину, было истреблено, а находившееся у предгорья бежало. Это последнее составляли легковооруженные, третья часть всего карфагенского войска; с ними-то и спасся Андобал бегством в укрепленную местность (*Сокращение*).

...По завершении иберийской войны Публий[50] возвратился в Тарракон среди величайшего ликования, ибо он возвращался с правом[51] на великолепнейший триумф для себя и с блистательнейшей победой для отечества. Не желая запаздывать в Рим к консульским выборам, Публий сделал касательно Иберии все распоряжения, войско передал Юнию и Марцию, а сам с Гаем и прочими друзьями отплыл в Рим (*там же*).

34. Мир Антиоха с Эвфидемом. ...Эвфидем[52] также был родом из Магнесии и потому в беседе с Телеем высказывал, что

Антиох действует несправедливо, стараясь лишить его царства. Не он первый, продолжал Эвфидем, восстал на царя; напротив, он достиг владычества над Бактрианою тем, что истребил потомство нескольких других изменников. Долго говорил так Эвфидем и наконец просил Телея оказать ему услугу в мирном посредничестве и убедить Антиоха оставить за ним царское имя и сан; если Антиох не исполнит его просьбы, то положение обоих становится небезопасным. На границе, продолжал он, стоят огромные полчища кочевников, угрожающие им обоим и, если только варвары перейдут границу, то страна наверное будет завоевана ими. С этими словами Эвфидем отпустил Телея к Антиоху. Царь давно уже мечтал о прекращении войны и потому охотно принял сообщенные Телеем условия замирения. Не раз еще Телей переходил от одного к другому; наконец Эвфидем послал сына своего Деметрия привести переговоры к концу. Царь принял его ласково и нашел, что юноша и по наружному виду, и по прекрасному обращению достоин царского сана, поэтому, во-первых, обещал ему руку одной из дочерей своих, во-вторых, согласился удержать за отцом его царское звание. Прочие условия вошли в письменный договор, и клятвенный союз был заключен. Снабдив войска обильными припасами и взяв с собою слонов Эвфидема, Антиох снялся со стоянки. Он перевалил через Кавказ* и спустился в Индию, где возобновил дружественный союз с царем индийцев Софагасеном, и взял с собою его слонов, так что всех слонов у него было до полутораста, снова снабдил войско припасами и двинулся в обратный путь, а на месте оставил кизикенца Андросфена для получения от царя выговоренных сокровищ. Он прошел Арахосию[53], переправился через реку Эриманф[54] и проник через Дрангену в Карманию; зима приближалась, и потому здесь он остановился на зимовку. Так завершился поход Антиоха в верхнюю Азию, когда он подчинил своей власти не только сатрапов верхних областей, но также приморские города и владык земель по сю сторону Тавра, вообще упрочил свою власть отвагою и настойчивостью, внушавшими страх всем его подданным. И в самом деле, благодаря этому походу не только народы Азии, но и Европы признали в нем человека, достойного царской власти (*Сокращение*).

---

* Кавказ Индийский.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Известия автора о Ливии; поправки автора к известиям Тимея о Ливии, Кирне; стада свиней на этом острове (1–4). Придирчивость Тимея к Феопомпу, Эфору, Аристотелю, Феофрасту и его собственные слабости и ошибки (4a–6). Пристрастие Тимея; злословие его против Аристотеля; изобличение несправедливости Тимея в суждении об Аристотеле по поводу локров (7–11). Непременный долг историка — говорить правду (12). Вероломство локров относительно лакедемонян (12a). Несправедливость Тимея по отношению к Каллисфену, Демохару (12b–14). Несправедливые выражения Тимея об Агафокле (15). Законы Залевка у локров (16). Неверности в известиях Каллисфена о походе Александра Македонского на Дария и другие погрешности Тимея (17–22). Защита писателей от придирчивых суждений Тимея (23). Характеристика Тимея как писателя лживого, сварливого, несведущего (24–25). Речи у Тимея выдуманы и неправдоподобны; правила составления речей для истории (25a–25b). Ложная ученость Тимея, незаслуженная слава его (25b–25d). Обязанность историка самому участвовать в государственном управлении, иметь опыт в военном деле и в других предметах, о которых историк пишет; Тимей владел только книжною мудростью (25e–26h). Тимей весьма неискусен в составлении приводимых им речей, образчики чего речи Гермократа, Тимолеонта (25i–26f). Страсть к пустословию у Тимея (26b–26d). Обилие ошибок у Тимея происходит от недостатка личного опыта в

том, о чем он пишет (27а–27). Обязательные для историка качества; отличие истории от панегирика; недостаток подготовки у Тимея (28а–28).

1. Замечания о Ливии. ...Полибий в двенадцатой книге утверждает, что область Бизакида[1] находится подле Сиртизов, имеет в объеме две тысячи стадий и по виду кругообразна (*Стеф. Визант.*).

...Гиппон, город Ливии (*там же*).

...Синга, город Ливии (*там же*).

...Табрака, город Ливии (*там же*).

...Халкии, город Ливии: так говорит Полигистор[2] в третьей книге своего сочинения о Ливии, как и Демосфен. Возражая этому последнему, Полибий в двенадцатой книге пишет: «Он сильно заблуждается и в известии о Халкиях; это не город, а медный рудник» (*там же*).

2. ...Мегалополец Полибий как свидетель-очевидец сообщает согласно с Геродотом* следующие сведения о растении, именуемом в Ливии лотосом[3], в двенадцатой книге своей истории: лотос — небольшое деревцо, шероховатое и иглистое, с зелеными листьями, похожими на листья терновника, только немного длиннее и шире. Что касается плода, то вначале по цвету и величине он походит на созревшие белые ягоды мирта; потом, по мере роста приобретает ярко-красный цвет, по величине напоминая круглые оливки с очень маленькой косточкой в середине. Когда лотос созреет, его собирают; тот, что назначается в пищу рабам, толкут вместе с косточками и набивают в бочонки; лотос, назначаемый для свободных, очищается от косточек и заготовляется таким же образом для употребления в пищу. Вкусом он напоминает фиги или финики, но приятнее их по запаху. Из лотоса, смоченного и размягченного в воде, приготовляют также вино, сладкое и приятное на вкус, похожее на хороший мед; пьют его без воды. Вино не может сохраняться долее десяти дней, почему его готовят по мере надобности небольшими количествами. Из вина делают уксус (*Афиней*).

3. Ошибки Тимея в известиях о Ливии. ...Плодородие этой страны может почитаться поразительным; посему вся-

---

* Геродот II 92.

кий вправе сказать, что Тимей не только ничего не знает о Ливии, но что он детски наивен, совершенно несообразителен и покорно принимает старые басни, когда говорит, что вся Ливия песчана, суха и бесплодна. То же самое и относительно животных. В Ливии в таком изобилии водятся лошади, быки, овцы, такое множество коз, в каком животных этих едва ли можно найти где-либо в другой стране, ибо многие ливийские народы не знают плодов обработанной земли, но питаются от стад своих и живут при стадах. Потом, кто не знает, какое множество здесь мощных слонов, львов и барсов, а также красивых антилоп и огромных страусов? Ливия полна этими животными, а в Европе нет их совсем. Обо всем этом умалчивая, Тимей как бы нарочито сообщает сведения, противоположные действительности.

Ошибочные известия Тимея о Кирне. С таким же легкомыслием, как о Ливии, говорит Тимей об острове, именуемом Кирном[4]. Так, упоминая о Кирне во второй книге, он утверждает, будто на нем во множестве водятся дикие козы, овцы, дикие быки, а также лани, зайцы и некоторые другие животные, будто население острова непрестанно занято охотою на этих животных и будто вся жизнь их проходит только в охоте. Между тем на упомянутом выше острове не только нет ни одной дикой козы, ни быка, нет там ни зайца, ни волка, ни лани, ни каких бы то ни было животных вообще, за исключением лисиц, кроликов и диких овец. Правда, кролик издали похож на небольшого зайца, но как только возьмешь его в руки, сразу замечаешь, насколько он разнится от зайца и по наружному виду, и на вкус. Живет он большею частью под землею. А вот почему сложилось мнение, будто все животные на этом острове дикие. Пастухи на пастбищах не могут уследить за своими стадами, потому что остров покрыт лесами, скалист и каменист. Когда нужно собрать стадо, пастухи становятся на высоком месте и скликают животных звуками трубы; все стада ошибочно сбегаются к своим пастухам на зов. Поэтому, когда кто-либо подойдет к острову и при виде покинутых на произвол коз и быков пожелает завладеть ими, животные не подпускают к себе незнакомца и убегают. Напротив, если пастух завидит, что кто-нибудь пристает к берегу, и заиграет в трубу, то животные бросаются стремглав в его сторону и сбегаются на звуки его трубы. Вот что делает этих животных ди-

кими на вид, а Тимей, будучи осведомлен недостаточно и поверхностно, рассказывает басни. Что животные слушаются трубы, в этом нет ничего странного, и свинопасы в Италии поступают на пастбищах точно так же, ибо тамошние свинопасы не следуют за стадами по пятам, как у эллинов, но идут впереди, от времени до времени наигрывают на рожках, а стада следуют сзади и сбегаются на звуки рожков, и животные до того привыкают к своему рожку, что люди, слушая впервые рассказы об этом, дивятся и недоумевают. Благодаря плодородию земли и изобилию продовольствия вообще, в Италии, преимущественно на тирренском и галатском побережье, существуют большие стада свиней, причем одна свинья-самка способна выкормить тысячное, иногда и более многочисленное потомство, Поэтому выгоняют свиней из ночных закут по полам и возрастам. Но как скоро согнано на одно пастбище несколько стад, пастухи не в силах соблюдать деления свиней по полам, и они смешиваются между собою при выходе из закут, на пастбищах или при возвращении в закуты. Поэтому-то свинопасы и придумали легкое и простое средство разделять смешавшихся животных с помощью звуков рожка. Так, когда один пастух зовет их рожком в одну сторону, другой — в другую, стада разделяются сами собою, и каждое из них идет на свой рожок так охотно, что нет возможности удержать на месте силою или как-нибудь замедлить бег свиней. Напротив, у эллинов, когда смешаются стада в дубовых рощах в поисках за желудями, хозяин, который посильнее и похитрее, захватывает свиней соседа между своих и уводит. Иногда вор подстережет и угонит свинью, а пастух и не догадывается даже, как случилась потеря, потому что свиньи удаляются на большое расстояние от пастухов в жадных поисках за пищей, когда желуди начинают падать с деревьев. Но довольно об этом (*Сокращение*).

4а. Недостатки Тимея в критике предшественников и его собственные слабости. ...Да разве можно прощать столь грубые погрешности, наипаче Тимею, когда он сам неотступно цепляется за подобные мелочи у других? Так, Феопомпа он укоряет за то, что Дионисий[5] у него переплывает из Сицилии в Коринф на торговом судне, когда на самом деле он прибыл туда на военном корабле. Эфора он несправедливо уличает в противоречии себе, утверждая, будто, по его словам, Диони-

сий Старший[6] получил власть на двадцать третьем году от роду, царствовал сорок два года и умер на шестьдесят втором году. Никто не вправе приписывать эту ошибку историку, ибо она происходит от пѐрепи́счика. Иначе Эфора нужно бы считать глупее Короеба[7] или Маргита[8], если бы он не сумел вычислить, что сорок два и двадцать три составляют шестьдесят пять. Если никаким образом нельзя приписать такую глупость Эфору, то ясно, что это — ошибка переписчика, и Тимей со своею страстью к хуле и порицанию никого не убедит в противном (*Сокращение ватиканское*).

4b. Потом, в истории Пирра[9] он утверждает, будто римляне и теперь еще в память падения Трои закалывают в определенный день боевую лошадь перед городом, на так называемом Марсовом поле[10], потому будто бы, что Троя пала по вине пресловутого деревянного коня, — наивнее этого уверения ничего быть не может. Или же нужно было бы всех варваров считать потомками троянцев, так как чуть не все варварские народы, во всяком случае большинство их, убивают и приносят в жертву лошадь или в самом начале войны, или же перед решительной битвой, чтобы в падении животного открыть знамение о ближайшем будущем. **4c.** Что касается Тимея, то своим нелепым объяснением он обличает не одно невежество, но и крайнюю тупость понимания, когда из того, что римляне приносят в жертву лошадь, спешит заключить, что они поступают так в том убеждении, что Троя была взята благодаря коню.

Отсюда очевидна ошибочность сведений Тимея о Ливии, Сардинии, больше всего об Италии, и вообще его крайняя небрежность в изыскании, которое, однако, составляет настоятельнейшую часть истории. Так как события совершаются одновременно во многих местах, а одному лицу невозможно присутствовать разом в нескольких пунктах, далее, так как одному человеку не по силам изучить путем собственных наблюдений все страны мира и особенности каждой из них, то остается собирать сведения у возможно большего числа лиц, давать веру надежным свидетелям и умело оценивать случайно притекающие известия.

4d. Ошибки Тимея в известиях о Сицилии, локрах. Насколько в этом отношении велики притязания Тимея, настолько, мне кажется, мало удовлетворяет он правильному пониманию истории. Он не только не умеет точно установить ис-

тину при помощи посредствующих свидетелей, но дает нам неверные известия о том даже, что наблюдал сам, о тех местностях, которые лично посетил. Это станет ясно, когда мы изобличим его невежество в известиях о Сицилии. Действительно, едва ли еще потребуются пространные доказательства лживости Тимея, когда мы обнаружим его невежество и неправду в известиях о местах его родины и воспитания, к тому же прекрасно известных другим. Так, например, он уверяет, что источник Арефуса[11] в Сиракузах получает свои воды из пелопоннесской реки Алфея, протекающей через Аркадию и Олимпию. По его словам, Алфей скрывается под землею, течет под Сицилийским морем на протяжении четырех тысяч стадий и снова выступает на поверхность земли в Сиракузах. Узнали это будто бы так: когда раз во время олимпийского празднества пошел проливной дождь и вода залила священный участок земли, Арефуса выбросила множество кала от закланных на празднестве быков и золотую чашу; эту последнюю подобрали и признали в ней одну из принадлежностей праздника (*Сокращение ватиканское*).

5. Разноречивые показания Аристотеля и Тимея о локрах эпизефирских. ...Мне часто случается заходить в город локров[12] и даже оказывать им важные услуги. Так, благодаря мне они освобождены были от посылки войска в Иберию и к далматам[13], каковое они по договору обязались отправлять в помощь римлянам. Будучи этим самым избавлены от лишений, опасностей и немалых расходов, они вознаградили меня всеми знаками почета и дружбы. Поэтому-то я скорее должен бы хвалить локров, а не осуждать. Тем не менее не колеблясь утверждаю и пишу, что сообщение Аристотеля об этой колонии ближе к истине, чем Тимеево. Ибо от самих локров я знаю убеждение их в том, что завещанный им от предков рассказ о колонии есть тот самый, какой имеется у Аристотеля, а не у Тимея. Вот и доводы их: во-первых, всю наследственную знать свою они производят от женщин, а не от мужчин, ибо благородными у них почитаются граждане, происходящие от так называемых ста семейств. Эти же «сто семейств» были почетными у локров ранее выселения колонии; из них локры по повелению оракула должны были выбирать по жребию тех девушек[14], которых отсылали в Илион. Некоторые из этих женщин приняли участие в основании колонии, и потомки их и теперь

сще почитаются благородными и именуются сынами ста семейств. Потом, у них рассказывается следующая история о девушке, именуемой чашеносительницею: в то время, как локры изгоняли сикулов, владевших раньше этою областью Италии, — а у сикулов жертвенное шествие открывал мальчик знатнейших и благороднейших родителей, — локры за недостатком отеческих позаимствовали многие обычаи от сицилийских народов, в том числе и упомянутый выше, изменив его в том только, что поставили из своей среды не чашеносителя, а чашеносительницу, так как у них благородство идет от женщин[15].

6. Никогда не было у италийских локров договора с локрами Эллады[16], нет у них и известий о существовании когда-либо такого; зато, согласно общепринятому преданию, у них был договор с сикулами. Предание гласит так: во время первого появления в Италии локры нашли страну, которую теперь занимают, в обладании сикулов, которые испугались пришельцев и из страха приняли их к себе. Тогда локры заключили с сикулами такой уговор: жить в дружбе с ними и сообща владеть страною до тех пор, пока они, локры, будут ходить по этой земле и носить головы на плечах. Говорят, что, давая такую клятву, локры насыпали земли на подошвы своих башмаков, а на плечи положили незаметно для других головки лука, и в таком виде давали клятву, потом выбросили землю из башмаков, скинули головки лука и вскоре при первом удобном случае выгнали сикулов из этой страны. Вот какой рассказ существует у локров (*Сокращение*).

...Помпей тавроменец по своей забывчивости, за что осуждает его Полибий в двенадцатой книге, утверждал, что у эллинов не было обычая покупать себе рабов (*Афиней*).

6а. ...На этом основании скорее следовало бы согласиться с Аристотелем, чем с Тимеем. Точно так же нелепо и дальнейшее его рассуждение. В самом деле, наивно находить невероятным, как делает это Тимей, чтобы рабы локров, находившихся в союзе с лакедемонянами[17], перенесли благорасположение своих господ на друзей их. На самом деле бывшие рабы, как только им по прошествии некоторого времени улыбнется необыкновенное счастье, стараются приобрести или возобновить не только расположение своих господ, но и их дружеские и родственные отношения и об этих последних заботятся боль-

ше, чем о собственных родственных узах. Поступают бывшие рабы так для того, чтобы изгладить из памяти людей свое прежнее зависимое и унизительное положение, чтобы другие видели в них не вольноотпущенников, а скорее потомков господ. **6b.** То же самое, весьма вероятно, было и у локров. Будучи отделены большим расстоянием от свидетелей прежнего положения, а также значительным промежутком времени, локры не были настолько несообразительны, чтобы своим поведением оживлять, а не изглаживать память о прежнем своем низком положении. Поэтому-то они город свой весьма основательно назвали по имени тех женщин, усвоили себе их родственные отношения, наконец, возобновили дружественные и союзнические связи, восходящие к предкам женщин. То обстоятельство, что афиняне разоряли страну локров[18], вовсе не доказывает ошибочности Аристотеля. После вышесказанного понятно, что, раз люди вышли из Локриды и переселились в Италию, они должны были искать дружбы с лакедемонянами, хотя бы десять раз были их рабами, понятна и вражда афинян к локрам, ибо афинянам нужно было не происхождение их, а их настроение. Допустим это, скажет читатель. «Но, могут спросить меня, почему же лакедемоняне, отпуская своих граждан, пришедших в возраст, домой ради произведения потомства, не дозволяли того же локрам?[19] На самом деле, положение тех и других, как можно бы и догадаться, было далеко не одинаково. С одной стороны, лакедемоняне не могли удерживать локров от того, что сами делали: это было бы нелепо; с другой стороны, если бы лакедемоняне вздумали даже принуждать локров, то и тогда эти последние ни за что не сделали бы того, что делали лакедемоняне. У лакедемонян[20] был искони весьма распространенный обычай, в силу которого трое-четверо мужчин, а то и больше, если они братья, имели одну жену, и дети их были общие; потом, делом похвальным у них и обычным почиталось и то, если какой-либо гражданин, произведши с женой достаточное количество детей, предоставлял ее кому-либо из друзей. Итак, локры, не будучи связаны проклятиями и клятвами, какие дали лакедемоняне, вернуться на родину не раньше, как по завоевании Мессены, имели основание не участвовать в общей отправке юношества домой, они посещали родину в одиночку и изредка, чем давали женам своим заводить любовные связи с рабами вместо

законных мужей, и еще больше девушкам. Это-то и было причиною изгнания женщин (*Сокращение ватиканское*).

7. Пристрастие Тимея, невоздержанность его в суждениях о других, особенно об Аристотеле. Много ошибочного сообщает Тимей и не потому, что бы он был совсем несведущ в этих предметах, но потому, что его ослепляет пристрастие. Задавшись целью похулить кого-нибудь или, напротив, превознести, он забывает все и далеко выходит за пределы должного. У нас достаточно сказано, почему и на основании каких свидетельств Аристотель так рассказывает о локрах. Что же касается того, как следует смотреть на Тимея и на все его сочинение, в чем состоит долг историка вообще, это мы постараемся выяснить в дальнейшем изложении. Из вышесказанного всякий, я полагаю, видит, что оба писателя основываются в своих сообщениях на договорах и что догадки Аристотеля более правдоподобны; утверждать что-либо с полною достоверностью в таких изысканиях невозможно. Однако допустим, что сообщение Тимея более правдоподобно. Следует ли отсюда, что другой писатель, менее заслуживающий веры своим рассказом, должен подвергнуться всевозможным оскорблениям и хулам, чуть не смертной казни? Конечно нет. Мы уже сказали, что ошибки по неведению нужно исправлять благосклонно и снисходительно, и только преднамеренную ложь необходимо изобличать без пощады.

8. Поэтому необходимо было бы доказать, что Аристотель в только что переданном рассказе о локрах руководствовался или желанием польстить, или корыстью, или враждою. Раз ничего подобного утверждать нельзя, следует согласиться, что злобные, ожесточенные нападки, каковы нападки Тимея на Аристотеля, бессмысленны и несправедливы. Аристотеля Тимей называет наглецом, легкомысленным и бестолковым человеком, уверяет, что он клевещет на город локров, когда называет их поселением беглых, рабов, прелюбодеев и бессовестных воров[21]. И это, по словам Тимея, «Аристотель утверждает с такою важностью, как если бы он был одним из военачальников, только что собственным искусством одолевшим персов в решительной битве у Киликийских ворот[22], а на самом деле он — запоздалый[23], презренный софист, только что закрывший пресловутую торговлю аптекарскими товарами, втиравшийся во все дворы и военачальнические палатки, лаком-

ка, чревоугодник, везде и всегда только и думавший, что о своем чреве». На наш взгляд, подобные речи едва ли можно было бы терпеть от какого-нибудь бродяги и оборвыша на суде, писатель же серьезный, излагающий государственные события, и истинный представитель истории не должен не то что писать, — в мысли свои допускать что-либо подобное.

9. Проверка суждений Тимея об Аристотеле. Однако познакомимся ближе с образом мыслей самого Тимея, сопоставим суждения обоих писателей между собою об одной и той же колонии и решим, который из них заслуживает такой хулы. Итак, в той же книге[24] истории Тимей уверяет, что в доказательствах своих не желал довольствоваться догадками, сам побывал у локров в Элладе и добыл точные сведения об их колонии. Там будто бы ему прежде всего показали писанный договор, заключенный с выходцами и уцелевший до нашего времени, коему предпосланы такие слова: «Как у родителей к детям»[25]. Потом, существуют будто бы народные постановления, согласно коим остающиеся дома и выходцы пользуются правом гражданства друг у друга. Наконец, будто бы локры при чтении рассказа Аристотеля о колонии дивились наглости писателя. Оттуда, продолжает Тимей, он возвратился к италийским локрам и нашел у них законы и обычаи, приличествующие не сброду распутных рабов, но колонии свободных людей. Так, у локров определены даже наказания для воров, прелюбодеев, беглых, чего не было бы вовсе, если бы они производили себя от таких негодных людей.

10. Прежде всего можно спросить, к каким из локров ходил Тимей и о каких из них собирал он сведения. Дело в том, что, если бы у локров в Элладе было только одно государство, как у локров италийских, тогда, разумеется, все было бы ясно и не о чем было бы спрашивать. Между тем есть два народа локров[26], и Тимей не дает никаких пояснений относительно того, к какому из двух народов он приходил, города какого из них посетил, у каких локров он открыл текст договора. Впрочем, всем нам, я думаю, хорошо известно, что составляет отличительную черту Тимея, в чем он старается превзойти прочих историков и, говоря вообще, благодаря чему он пользуется доверием: я разумею похвальбу его точностью и старательностью изысканий в летосчислении и государственных документах. Поэтому-то нельзя не удивляться, зачем он не называет нам

ни города, в котором был найден этот документ, ни места, на котором начертанный договор находится, не называет и тех должностных лиц, которые показывали ему документ и беседовали с ним; при наличности этих показаний все было бы ясно, и в случае сомнения всякий мог бы удостовериться на месте, раз известны местонахождение документа и город. Умолчание обо всем этом ясно изобличает сознательную и намеренную лживость Тимея. В самом деле, если бы он напал на свидетельства такого рода, он бы не стал замалчивать их, напротив, ухватился бы за них, как говорится, обеими руками. Явствует это из нижеследующего: по поводу италийских локров он подкрепляет себя поименного ссылкою на Эхекрата, с которым будто бы беседовал об этих локрах и от которого добыл относящиеся к ним сведения, а чтобы не показаться человеком, дающим веру первому встречному, он присовокупляет, что отец этого Эхекрата раньше удостоен был от Диониси звания посла. И неужели такой человек стал бы замалчивать государственный документ или древнюю надпись, если бы только нашел их?

11. Тот самый человек, который составил[27] восходящие в глубокую древность сравнительные списки эфоров и царей Лакедемона, который сопоставляет имена афинских архонтов и аргивских жриц с именами олимпийских победителей и изобличает погрешности городов в государственных документах, хотя бы речь шла всего о трех месяцах разницы, — тот же Тимей открыл плиты в задних притворах храмов и постановления о государственном гостеприимстве на дверных косяках в храмах. Невероятно, чтобы такой человек не знал о существовании подобного документа, раз он существовал действительно, или чтобы он умолчал о подобном документе, если бы нашел его; не подобает и снисходить к подобному человеку, если он говорит неправду. Злобный и беспощадный хулитель по отношению к другим, он по всей справедливости и сам заслуживает со стороны других беспощадного осуждения. Сказав здесь явную неправду, он переходит затем к италийским локрам и утверждает, во-первых, что государственное устройство и все правила общежития одинаковы у обоих локрских народов и что Аристотель и Феофраст взвели на город напраслину. Я понимаю, что в этой части истории вынужден буду уклониться в сторону с целью дать определенное и достоверное

понятие о предмете; но я перенес в одно место все замечания мои о Тимее, дабы не прерывать повествования многократными отступлениями от своей задачи (*О добродетелях и пороках*, *Сокращение*, *Сокращение ватиканское*, *Свида*).

Правдивость обязательна для историка. ...По словам Тимея, нет в истории большего недостатка, как лживость. Поэтому он предлагает тем историкам, коих изобличает в лживости, приискать для своих книг какое бы то ни было другое название, только бы не называть их историей (*Сокращение ватиканское*).

12. ...Раз линейка обладает свойствами линейки, будь она и короче, чем следует, и уже, она должна именоваться линейкой: если же, напротив, линейка не прямолинейна и не имеет свойств ее, такую меру можно назвать как угодно, только не линейкою. Так точно и в исторических сочинениях: как бы ни погрешало сочинение против языка, расположения частей и вообще в каком бы то ни было существенном отношении, но если при этом оно правдиво, то такие книги заслуживают наименования истории, говорит Тимей. Напротив, сочинение не должно именоваться историей, если только в нем нарушены требования правды. Я согласен, что в историческом сочинении правда должна господствовать надо всем, и сам где-то в другом месте своего сочинения употребляю такое выражение: как живое существо становится с потерею зрения ни на что не годным, так от истории остаются пустые побасенки, если правда будет изъята из нее. Но мы сказали также, что неправда бывает двоякая: по неведению или преднамеренная. К писателям, заблуждающимся по неведению, надлежит относиться снисходительно, а неправду умышленную изобличать беспощадно (*Сокращение* и *Сокращение ватиканское*).

...Если мнение наше верно, то, я полагаю, есть большая разница между неправдою по неведению и преднамеренною; первая заслуживает снисхождения и благосклонной поправки, вторая по всей справедливости беспощадного изобличения. Всякому видно, что Тимей весьма часто впадает в ошибки этого последнего рода, в чем можно сейчас же убедиться (*Сокращение ватиканское*).

12а. Вероломство локров. ...Если кто не соблюдает уговора, мы применяем к нему поговорку: «Локры с договором»[28]. Кто разыскал это?.. Историкам и всем прочим людям извест-

но, что во время вторжения Гераклидов локры заключили уговор с пелопоннесцами, согласно коему обязаны были поднять вражеские факелы на тот случай, если бы Гераклиды совершали переправу в Пелопоннес не через Истм, но у Рия; тогда пелопоннесцы, заранее уведомленные, могли бы принять меры против вторжения Гераклидов. Однако локры не исполнили уговора и поступили совершенно наперекор ему: при появлении Гераклидов они подняли дружеские факелы, и потому Гераклиды переправились беспрепятственно, и пелопоннесцы, не приняв никаких мер, пропустили врага в свою землю (*Сокращение ватиканское*).

12b[29]. Несправедливое отношение Тимея к Каллисфену. ...Необходимо изобличать и осмеивать привнесение в историю сновидений и чудес. Всякий, кто сам позволяет себе во множестве подобные побасенки, должен быть рад, если не подвергается упрекам, и не подобает ему нападать на других, как поступает Тимей. Каллисфена[30] за то, что тот пишет о подобных предметах, Тимей называет льстецом, человеком, чуждым всякой философии, так как он внимал воронам и исступленным женщинам[31], что кару от Александра он заслужил, ибо развратил душу Александра, насколько мог. Тот же Тимей превозносит похвалами Демосфена и прочих ораторов того времени, называя их достойными сынами Эллады за то, что они восставали против божеского чествования Александра. Этот же философ, продолжает Тимей, наделивший смертное существо эгидою и перунами, получил заслуженную мзду от божества (*Сокращение ватиканское*).

13. Ложные суждения Тимея о Демохаре. По уверению Тимея, Демохар[32] чинил блуд верхними частями тела, не достоин был возжигать священный огонь[33], своим поведением превзошел описания Ботриса[34], Филениды и прочих непристойных писателей. Таких ругательных выражений не должен бы позволять себе не то что человек просвещенный, но даже тот, что в непотребном доме торгует собственным телом. Тимей же, дабы придать больше веры своему срамословию и бесстыдным измышлениям, взводит на человека новую клевету, привлекая в свидетели какого-то безвестного комика*. На чем основываются мои возражения? На том прежде всего, что

---

* Архедик. § 7.

Демохар, племянник Демосфена, был человек благородного происхождения и хорошего воспитания; во-вторых, на том, что афиняне почтили его избранием в военачальники и на другие должности; все это было бы невозможно, если бы Демохар одержим был такими пороками. Поэтому, мне кажется, Тимей нападает не столько на Демохара, сколько на афинян, которые отличали этого человека, вверяли ему судьбу родного города и собственное достояние. Однако в словах Тимея нет ни слова правды. В противном случае не один комик Архедик говорил бы о Демохаре то, что передает Тимей, но многие друзья Антипатра, так как Демохар открыто высказывал немало оскорбительного не только о самом Антипатре, но и о его преемниках и друзьях; повторяли бы то же и многие противники Демохара, к числу коих принадлежал и Деметрий Фалерский. В своей истории Демохар жестоко нападает на Деметрия[35] за то, что тот кичится такими действиями во время управления государством, какими прилично было бы хвалиться разве лихоимцу или ремесленнику. Так, по словам Демохара, Деметрий превозносил себя за то, что многие предметы потребления дешево продавались в городе и все жизненные припасы имелись в изобилии. Не стыдился он и того, продолжает Демохар, что впереди устраиваемой им процессии двигалась самопроизвольно улитка, выплевывающая слюну, а в то же время через театр прогоняли ослов[36], ибо родной город уступил другим все то, что составляет красу Эллады, а сам покорно исполнял веления Кассандра.

14. Однако ни Деметрий, ни кто другой не говорят ничего подобного о Демохаре. Вследствие этого, полагаясь больше на свидетельство родного города, нежели на уверение язвительного Тимея, я смело заявляю, что жизнь Демохара свободна была от всех приписываемых ему недостатков. Однако если бы и в самом деле подобный порок был присущ Демохару, какой повод или какое событие вынудили Тимея вносить эти подробности в свою историю? Если человек рассудительный, решившись отомстить врагу, руководствуется соображением не столько о том, чего заслуживает противник, сколько о том, какого рода действия согласуются с его собственным достоинством, то тем паче обязательно, когда произносишь хулу на другого, сообразоваться не столько с тем, какой хулы заслуживает противник, сколько с тем, какую хулу можно произнести без ущерба для собственного достоинства. Что касается

людей, которые во всем руководствуются внушениями страсти или вражды, то необходимо с осторожностью относиться ко всяким их суждениям и вовсе не доверять их неумеренным речам. Вот почему и мы теперь с полным правом можем отвергнуть суждения Тимея о Демохаре. Напротив, Тимей не вправе рассчитывать на чье-либо снисхождение или доверие, ибо он по врожденной язвительности явно переступает меру справедливости в своих нападках. **15. Неправда Тимея об Агафокле.** Не одобряю я также и брани Тимея против Агафокла[37], хотя бы он и был подлейший из людей. Я разумею то место в самом конце истории, где Тимей утверждает, что Агафокл в ранней юности был общедоступным любодеем, готовым к услугам гнуснейших развратников, галкой, зимолетом[38], предоставлявшим себя во всех видах любому негодяю. К этому Тимей прибавляет, что, когда Агафокл умер, жена его в жалобных причитаниях говорила: «Чего только я не делала с тобою? Чего ты не делал со мною?» Здесь приходится не только повторять сказанное по поводу Демохара, но и дивиться непомерному ожесточению Тимея. Дело в том, что Агафокл наделен был от природы выдающимися достоинствами, как можно легко видеть из слов самого Тимея. Так, покинув на родине кружало, дым и глину[39], он восемнадцати лет от роду прибыл в Сиракузы и в короткое время с ничтожнейшими вначале средствами достиг обладания всей Сицилией, дал грозные битвы карфагенянам, сохранил за собою власть до старости и под конец жизни провозглашен был царем. Не следует ли из этого со всею очевидностью, что Агафокл был человек замечательный, редкий, одаренный сильною волею и большим умом, потребными для государственной деятельности? Итак, на обязанности историка лежит поведать потомству не только то, что служит к опорочению и осуждению человека, но и то также, что достойно похвалы; в этом и состоит настоящая задача истории. Между тем Тимей, отуманенный личной злобой, говорит нам о слабостях Агафокла с раздражением, преувеличивая их, а все его достоинства обходит молчанием. Он и не понимает того, что в истории одинаково почитается ложью как измышление небылицы, так и намеренное утаивание существующего[40]. Впрочем, из жалости к Тимею мы опускаем примеры его чрезмерной злости и ограничиваемся тем, что прямо входит в нашу задачу (*О добродетелях и пороках*, *Сокращение*, *Свида*).

16. Законы Залевка у локров. ...Двое юношей завели тяжбу между собою из-за раба. Дело было так: один владел рабом уже довольно давно, а другой за два дня до происшествия вышел в поле и в отсутствие господина силою увел раба к себе. Узнав об этом, первый господин явился в дом похитителя, взял своего раба, пошел с ним к начальству[41] и, заявив, что раб останется у него, обещал поставить поручителей. Ибо, говорил он, по закону Залевка[42] спорная вещь до решения суда должна находиться во власти того, у кого она отнята[43]. Противник, опираясь на тот же закон, стал уверять, что вещь отнята у него, ибо раб перед приводом его к начальству исторгнут из его дома. Представители суда были в недоумении и, призвав космополида[44], предоставили ему решить дело. Космополид истолковал закон так, что «увод» всегда бывает от того лица, у коего спорная вещь находилась последнее время в непререкаемом владении. Если же кто отнимет силою вещь у другого и «уведет» ее к себе, затем прежний владелец совершит «увод» от похитителя, то это не есть «увод», понимаемый законом. Юноша вознегодовал на это толкование и отрицал, чтобы такова была мысль законодателя. Тогда космополид, как говорят, предложил юноше, не желает ли он вести с ним спор о намерении законодателя[45] по закону Залевка, а закон Залевка гласит следующее: говорить о намерении законодателя в заседании Тысячи с петлями на шее, и кто из спорящих окажется ложным истолкователем закона, тот обязан на глазах Тысячи лишить себя жизни чрез удушение. На это предложение космополида юноша, говорят, отвечал, что положение спорящих не равное: тогда как противнику остается жить всего два-три года, — космополиду было немного меньше девяноста лет, — перед ним еще, по всей вероятности, большая часть жизни. Этим остроумным замечанием юноша обратил серьезное дело в шутку, а все-таки власти истолковали «увод» согласно мнению космополида (*Сокращение*).

17. Несообразности в показаниях Каллисфена о войне Александра с Дарием. ...Дабы читателю не показалось, что мы без всякого основания подрываем доверие к столь известным писателям, приведем на память одну только важную битву: она и самая знаменитая, и не далека от нас по времени, к тому же Каллисфен был очевидцем ее. Я разумею битву в Киликии между Александром и Дарием. По словам Каллисфена,

Александром были уже пройдены теснины и так называемые Киликийские ворота, а Дарий прошел через ворота, именуемые Аманидскими[46], и спустился в Киликию. Услыхав от туземцев, что Александр направляется в Сирию, Дарий, продолжает Каллисфен, последовал за ним и, подойдя к теснинам, расположился лагерем по реке Пинар[47]. В этом месте расстояние между морем и предгорьем он определяет стадий в четырнадцать*. Упомянутая выше река пересекает эту полосу земли поперек; начиная от самых гор она имеет глубокое русло и потом течет по равнине до впадения в море между отвесными, труднодоступными берегами. Дав это описание, Каллисфен прибавляет: Александр внезапно повернул назад и двинулся на врага, а с его приближением Дарий и военачальники его решили построить всю фалангу на той же самой стоянке, какую она занимала вначале, и воспользоваться для прикрытия фаланги рекою, которая протекала вблизи стоянки. Вслед за сим, говорит Каллисфен, Александр поставил конницу на морском побережье, наемников поместил за конницей вдоль реки, а пелтастов у самой подошвы гор.

18. Трудно понять, каким образом Дарий мог поставить свои войска, к тому же столь многочисленные, перед фалангою, когда река омывала стоянку. Как утверждает сам Каллисфен, у Дария было тридцать тысяч конницы и столько же наемников: легко определить, как велико должно быть пространство для такого войска. Так, наичаще конница выстраивается на случай действительного сражения по восьми человек в глубину; между эскадронами необходимо оставлять свободное пространство, равное лицевой стороне отряда, которое дало бы возможность эскадрону легко оборачиваться вправо или влево и назад. Таким образом, на одной стадии** помещается восемьсот воинов, на десяти — восемь тысяч, на четырех — три тысячи двести, так что четырнадцать стадий вмещают на себе одиннадцать тысяч двести воинов. Если же Дарий выстроил к бою все свои тридцать тысяч, то он едва мог бы образовать из конницы только три отряда, стоящие один за другим. А где же тогда место для наемного войска? В тылу конницы, не иначе. Но это-то и отрицает Каллисфен, замечая, что

---

* 2 версты с небольшим.

** 1 стадия = 240 шагов = 125 римских футов.

именно наемники сшиблись с македонянами в происшедшей схватке. Отсюда неизбежно следует заключение, что половина пространства, та, что у моря, занята была конницей, а другая половина, со стороны гор, — наемниками. При этом легко представить себе, какова была глубина построения конницы и в каком расстоянии от стоянки протекала река. С приближением неприятеля, рассказывает дальше Каллисфен, Дарий, находившийся в центре боевой линии, подозвал к себе наемников с фланга. Сомнительно, чтобы так происходило дело; ибо, если в середине помянутого пространства должны были соприкасаться между собою наемники и конница и если Дарий находился при наемниках, то куда, для чего и каким образом Дарий мог звать к себе наемников? В заключение Каллисфен утверждает, что находившаяся на правом крыле конница при наступлении на врага ударила на конницу Александра, что эта последняя мужественно встретила нападающих и дала им жестокий отпор. Но Каллисфен забыл уже, как он только что говорил, что противники разделены были рекою.

19. Таковы же известия Каллисфена и об Александре. Так, по его словам выходит, что Александр совершил переход в Азию с сорока тысячами пехоты и с четырьмя тысячами пятьюстами конницы, а в то время, когда он собирался вторгнуться в Киликию, к нему прибыло из Македонии подкрепление в пять тысяч пехоты и восемьсот конницы. Если от этого числа отнять три тысячи пехоты и триста конницы, — скорее слишком большая цифра для отсутствующих по разным делам воинов, — то и тогда останется еще сорок две тысячи пехоты и пять тысяч конницы. После этих предварительных замечаний Каллисфен рассказывает, что Александр узнал о прибытии Дария в Киликию уже в то время, когда находился от него на расстоянии ста стадий* и когда теснина была уже пройдена. Поэтому Александр повернул назад и снова пошел через теснину, впереди поставил фалангу, за нею конницу и позади всего вьючных животных. Лишь только войска вышли на открытую равнину, Александр будто бы отдал всем приказ строиться в фалангу, причем в самом начале она имела глубину в тридцать два человека, потом в шестнадцать, и наконец, вблизи неприятеля в восемь. Это известие еще более несообразно,

---

* 2 1/2 мили.

чем предыдущее. Если стадия при обычных в походе промежутках между воинами в шесть футов вмещает на себе тысячу шестьсот воинов, построенных по шестнадцати человек в глубину, то, очевидно, десять стадий могут вместить шестнадцать тысяч воинов, а двадцать стадий — вдвое большее число. Поэтому легко понять, что Александру в то время, когда войско его строилось по шестнадцати человек в глубину, нужна была площадь в двадцать стадий, следовательно, для всей конницы и для десяти тысяч пехоты не оставалось бы места вовсе.

20. Далее Каллисфен говорит, что Алекса́ндр на расстоянии стадий сорока* от неприятеля вел свое войско фронтом. Бо́льшую нелепость трудно и придумать. Где найти, особенно в Киликии, такую местность, чтобы по ней могла фронтом двигаться фаланга, вооруженная сарисами, простирающаяся на двадцать стадий в ширину и на сорок стадий в глубину? Едва ли можно исчислить все препятствия, какие должны встретиться подобному расположению и движению войска. Достаточно одной подробности из рассказа самого Каллисфена, чтобы убедиться в справедливости наших слов. Так, он говорит, что несущиеся с гор потоки делают такие промоины на равнине, что сложился даже рассказ, будто большинство персов, убегая от неприятеля, погибло в таких рытвинах. Все это правда, скажут мне; но Александр желал встретить врага во всеоружии. Однако что может быть менее готово к бою, как не фаланга с разорванным и расстроенным фронтом? Гораздо легче заменить правильный походный порядок боевым строем, нежели в местности лесистой, изрытой ямами, выстроить в одну линию войско, разорванное с фронта и разбитое на части. Вот почему было гораздо предпочтительнее вести войско правильной двойной или четверной фалангой; тогда можно было найти и удобную для похода местность, легко и быстро привести войско в боевой порядок, тем более что через передовых разведчиков Александр мог заранее узнавать о степени близости неприятеля. Наконец, по изображению Каллисфена Александр, когда вел свое войско фронтом, на местах ровных поставил конницу не впереди пехоты, а в одну линию с нею. О прочих ошибках мы уже не говорим. Но вот что важнее всего. **21.** По рассказу Каллисфена выходит, будто Александр, ко-

---

* 1 миля.

гда неприятель был уже близок, дал своей фаланге глубину в восемь человек. Отсюда неизбежно следует, что фаланга вытянулась в длину на сорок стадий. Если бы даже, говоря словами поэта* «воины смыкались между собою, стиснув дрот возле дрота и щит у щита непрерывно; щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком», — то и тогда потребовалось бы для фаланги двадцать стадий пространства. Между тем Каллисфен сам говорит, что не было полных четырнадцати стадий. <...> Часть этого пространства[48] у моря занимала конница, что была на правом крыле; к тому же все войско поместилось настолько далеко от гор, что занимавший предгорье неприятель не мог вредить ему. Действительно, мы знаем, что Александр расположил часть войска в виде крюка по отношению к только что упомянутым войскам. И теперь мы не считаем еще десяти тысяч пехоты[49], которые при исчислении Каллисфена получаются в остатке. Таким образом, по исчислению самого историка, на длину фаланги остается по меньшей мере одиннадцать стадий, и на этом пространстве должно было вмещаться тесно сплоченных тридцать две тысячи человек по тридцати человек в глубину. Между тем Каллисфен утверждает, что во время битвы воины выстроены были по восьми человек в глубину. Подобные ошибки непростительны, ибо самая невозможность исполнения изобличает неправильность расчетов[50]. Поэтому ошибка становится непростительной с того времени, как только Каллисфен дает нам меру расстояния между отдельными воинами, общую величину местности, а также число воинов. **22.** Так как было бы слишком длинно перечислять все подобные погрешности Каллисфена, то мы отметим лишь весьма немногие. Он уверяет, что Александр так, а не иначе строил свое войско ради того, чтобы сразиться с самим Дарием, что и Дарий равным образом первоначально сам жаждал встретиться с Александром, но потом будто переменил свое намерение. Однако каким же образом один из противников мог знать, при какой части своего войска находится другой противник или куда перешел потом Дарий? В ответ на это у Каллисфена нет ни слова[51]. Далее, как могли выстроенные в боевой порядок фалангиты выбраться на крутой, поросший кустарником берег реки? Это тоже непонятно. Нельзя же

---

* Ил. XIII 131. Пер. Гнедича.

подобную несообразительность взвалить на Александра, когда всем известно его знание военного дела и то, что он обращался с этим делом с юности; скорее повинен в недомыслии историк, по невежеству не умеющий различать в подобных предметах возможное от невозможного. Вот что мы желали сказать об Эфоре и Каллисфене[52] (*Сокращение*).

23. Несправедливые нападки Тимея на Эфора и Каллисфена. ...С наибольшим ожесточением Тимей нападает на Эфора, хотя ему самому присущи два недостатка: во-первых, он раздражается на других за то, в чем повинен сам; во-вторых, он вообще не в здравом рассудке, — столь странны суждения, высказываемые им в своих сочинениях, и мнения, навязываемые читателям. Так, если согласиться[53], что смерть была заслуженной карой для Каллисфена, то какому же наказанию должен подвергнуться Тимей? С бóльшим правом божество могло бы обратить гнев свой на Тимея, чем на Каллисфена. В самом деле, Каллисфен отказался признать Александра божеством, а Тимей превозносит Тимолеонта[54] выше главнейших божеств. Каллисфен отказывал в этой чести человеку, который по общему признанию наделен был от природы сверхчеловеческими дарованиями, а превозносимый Тимеем Тимолеонт, как известно, не только не выполнил, но даже не задумал ничего великого и за всю жизнь совершил один только переход, и то весьма незначительный по сравнению с обширным миром, — я разумею путь из родного города в Сиракузы. Однако Тимей, как мне кажется, был убежден в том, что, если Тимолеонт, стяжавший себе некоторую славу в одной Сицилии, как бы в стакане[55], заслужил сопоставление со знаменитейшими героями, то и сам он, хотя писал только об Италии и Сицилии, по всей вероятности, удостоится сопоставления с писателями, которые полагали себе задачей повествование о всей земле и о событиях всего мира.

Итак, что касается Аристотеля, Феофраста, Каллисфена, а равно Эфора и Демохара, то сказанного достаточно для защиты их от нападок Тимея, а также для вразумления читателя, который простосердечно верил бы в правдивость этого историка (*О добродетелях и пороках*).

24. Характеристика Тимея. ...Трудно определить характер Тимея. Он уверяет, что поэты и прозаики проявляют свои наклонности слишком частым возвращением в своих сочине-

ниях к одним и тем же предметам. Так, говорит Тимей, Гомер[56] во многих местах своих поэм упоминает о пиршествах и этим выдает свое обжорство; Аристотель часто в своих сочинениях говорит об изготовлении лакомств, откуда следует, что он был лакомка и лизун. Тем же точно способом Тимей оценивает тирана Дионисия[57], который в своих сочинениях постоянно занят убранством лож и причудливыми яркими тканями. Если это правило применить к самому Тимею, то получится непривлекательный характер писателя. Так, в порицании другого он проявляет большую ловкость и смелость, а его собственное изложение преисполнено сновидений, чудес, неправдоподобных басен, вообще грубого суеверия и бабьей страсти к чудесному. Однако только что сказанное по поводу ошибок Тимея убеждает нас, что многие люди по своему невежеству и превратности суждения, присутствуя где-либо, как бы отсутствуют и глядя не видят (*О добродетелях и пороках*).

25. Бык Фаларида. ...По поводу сооружения медного быка Фаларидом в Акраганте; в него тиран кидал людей, потом велел разложить под ним огонь и обрекал подданных своих на казнь, состоявшую в том, что в раскаленной меди человек поджаривался со всех сторон и, кругом обгорев, умирал; если от нестерпимой боли несчастный кричал, то из меди исходили звуки, напоминающие мычание быка. В пору господства карфагенян бык этот перенесен был из Акраганта в Карфаген, и до наших дней уцелела дверь, помещавшаяся между лопатками быка, через которую кидали обреченных на казнь людей. Хотя и придумать нельзя было какого-либо основания для сооружения этого быка в Карфагене, Тимей все же старался поколебать общепринятое предание, изобличить лживость показаний поэтов и историков, причем уверяет, что карфагенский бык не из Акраганта и что в Акраганте ничего подобного не было. На доказательство этого потрачено много слов... Какое же слово и какое выражение должно употребить против Тимея? По-моему, он заслуживает наиболее бранных из тех выражений, какие употребляет сам против других. Что он сварлив, лжив и дерзок, это достаточно доказано предшествующим изложением, а что он писатель нелюбознательный и вообще непросвещенный, это будет ясно из нижеследующего. Так, в двадцать первой книге своего сочинения, именно в конце ее, в речи Тимолеонта он говорит так[58]: «Лежащая под небесным

родом земля делится на три части[59], из коих одна именуется Азией, другая Ливией, третья Европой». Подобное суждение было бы невероятно в устах не то что Тимея, но даже пресловутого Маргита. И в самом деле, кто из людей, не говорю уже из писателей, настолько несведущ... (*О добродетелях и пороках*).

25a. Осуждение речей Тимея. ...Как гласит поговорка, по одной капле можно узнать все содержимое огромнейшей бочки. Точно так же должно поступать и в настоящем случае, именно: если только в сочинении обнаружена одна-другая неправда, притом неправда, допущенная намеренно, очевидно, нельзя уже полагаться ни на одно слово такого писателя. Дабы убедить в том же и почитателей Тимея, нам достаточно будет сказать о его приемах в составлении речей, произносимых перед народом или войском, по отношению к речам послов и вообще ко всему, что составляет, так сказать, душу событий и существо всей истории. Кто же из читателей не видит, что Тимей наперекор действительности внес эти речи в свое сочинение, и притом намеренно? Ибо он сообщает не то, что было сказано, или не так, как говорилось на самом деле; вместо этого он предварительно решает, что должно быть сказано, и затем все произнесенные речи и соображения о событиях дает в таком виде, как будто сочинили их в школе в ответ на заданные вопросы, с целью показать свое умение, а не изложить то, что действительно было сказано (*Сокращение ватиканское*).

25b. Долг историка по отношению к речам описываемых деятелей. ...Подлинная задача истории состоит, во-первых, в том, чтобы узнать речи, произнесенные в действительности, каковы бы они ни были, потом доискаться причины, по которой предприятие или речь разрешились неудачей или успехом. Голый рассказ о случившемся забавляет читателя, но пользы не приносит ему вовсе; чтение истории становится полезным, если в рассказе выяснены и причины событий. Сближая положения, сходные с теми, какие мы сами переживаем, мы получаем опору для предвосхищения и предвидения будущего и можем или воздержаться от известных деяний из осторожности, или, напротив, по стопам предшественников смелее встретить опасность. Кто замалчивает произнесенные речи и причины событий, а вместо того дает вымышленные школьные упражнения и длинные разглагольствования, тот упраздняет самое существо истории. В этом-то сильно пови-

нен Тимей, и его книги, как всем нам известно, полны такого рода недостатков.

25c. Незаслуженная слава Тимея. Быть может, нас спросят, почему такой писатель, каким мы изобразили Тимея, пользуется у некоторых большим сочувствием и доверием. Причина этого — обилие нападок и хулы в его сочинении на всех других писателей, так что о Тимее судят не по его сочинению и не по его собственным суждениям, но по нападкам на других, а в этом он, как мне кажется, проявляет большую сноровку и выдающуюся способность. Нечто подобное повторилось со Стратоном[60] естествоиспытателем. И этот последний приводит читателя в восторг всякий раз, когда разбирает чужие мнения и изобличает ошибочность их; напротив, как только высказывает что-либо от себя и излагает собственные соображения, оказывается, по мнению людей сведущих, и поразительно невежественным, и ограниченным. По-моему, с писателями бывает совершенно то же, что наблюдается в жизни каждого из нас: порицать другого за образ жизни легко, но трудно самому остаться безупречным, и можно сказать чуть не наверное, что люди, наиболее склонные к осуждению ближнего, наименее безупречны в собственной жизни.

25d. Ложная ученость Тимея. Впрочем, помимо сказанного выше Тимею свойственно и нечто другое. Прожил он в Афинах лет пять—десять, перечитал предшествующих историков и потому вообразил себе, что сам располагает всеми средствами для составления истории, — но, как я думаю, ошибся. Между писанием истории и врачеванием есть сходство, состоящее в том, что и история, и врачевание делятся на три вида с совершенно особыми признаками каждый; соответственно тому различаются и люди, посвящающие себя занятиям историей и врачеванию. Так, врачевание распадается на книжное, диетологическое и третье, хирургическое и фармацевтическое. <...> Книжное врачевание, ведущее начало главным образом из Александрии от врачей, именуемых там герофилистами[61] и каллимахистами, представляет собою только одну сторону врачевания, но оно облекается в столь хвастливую внешность, так много обещает, что можно подумать, будто кроме этих нет вовсе умелых врачей. Если кого-либо из этих книжников позвать к действительному больному, он окажется столь же неискусным, как и человек, не чи-

знавший ни единого медицинского сочинения, и часто случалось, что больные, поддаваясь краснобайству таких врачей и доверяясь им, заболевали опасно, хотя до того только недомогали. На деле врачи эти походят на кормчих, управляющих судном по книге. Горделиво странствуя от города к городу, они краснобайством собирают около себя толпы слушателей, ставит в весьма трудное и обидное положение людей, на опыте доказавших свои познания: часто обаяние слова действует больше, нежели испытанное на деле знание. Что касается третьего направления, того, которое только и сообщает подлинную пригодность всякому занятию, то оно даже в тех редких случаях, когда встречается, большею частью уступает место вследствие тупости толпы дерзкому краснобайству.

25е. Различные способы приготовления себя к написанию истории. Точно так же есть три способа заниматься политической историей: один состоит в старательном ознакомлении с историческими сочинениями и в накоплении извлекаемого из них содержания; другой — в обозрении городов, стран, рек, гаваней, вообще достопримечательностей и расстояний на суше и на море; третий — в изучении государственных событий. Историей, как и врачеванием, занимаются охотно многие, потому что их соблазняет слава прежних историков; но большинство пишущих не руководствуется в своих начинаниях какими-либо честными побуждениями, внося в них только легкомыслие, наглость и бессовестность. Подобно шарлатанам, они гонятся только за внешним успехом, падки до милостей и выгод, лишь бы добыть себе средства к жизни; однако долго распространяться о них не стоит. Иные приступают к занятию историей, по-видимому, серьезно, но ведут себя как врачи-книжники: долго поработав в книгохранилищах и вообще извлекши из книг множество сведений, они и сами стараются уверить себя, что вполне подготовлены к делу, и другие считают их располагающими для этого всем необходимым[62]. <...> Правда, весьма полезно вникать в предшествующие исторические сочинения, чтобы познакомиться с понятиями древних и представлениями их о некоторых странах, народах, государствах и мероприятиях, чтобы понять также превратности судьбы, раньше испытанные тем или другим государством. Изучение минувших событий во всех подробностях и в их истинном значении может дать руководящие ука-

зания относительно будущего. Однако было бы большою наивностью воображать, как Тимей например, будто этого одного знания достаточно для того, чтобы прекрасно описывать и последующие события: это походило бы на то, как если бы кто-либо, осмотрев картины старых живописцев, вообразил и себя самого искусным живописцем и знатоком дела.

25f. Проверка замечаний об истории на примерах. Сказанное теперь будет гораздо яснее из нижеследующего, из того, например, что встречается у Эфора в нескольких местах его истории. Так, в военном деле он, как мне кажется, имеет некоторое понятие о морских сражениях и совершенно несведущ в сражениях сухопутных. Поэтому если внимательно прочитать его описание морских сражений подле Кипра и Книда, данных полководцами персидского царя саламинцу Эвагоре[63], а также лакедемонянам, то придешь в изумление от дарования и опытности писателя и вынесешь много полезных сведений о подобных предметах. Наоборот, когда Эфор повествует о битвах фиванцев и лакедемонян при Левктрах или о битве тех же противников при Мантинее, в которой кончил жизнь и Эпаминонд, когда при этом читатель остановится со вниманием на подробностях описания, на расположении войск и переменах в построении их во время самих сражений, то Эфор предстанет перед ним совершенно несведущим человеком до смешного и незнакомым с ходом таких сражений. Правда, битва при Левктрах, как простая и требующая от полководца напряжения способностей в одном только направлении, не изобличает невежества историка со всею очевидностью. Мантинейское сражение, напротив, было сложно и запутанно, и потому оказалось выше разумения нашего историка и осталось для него совершенно непонятным. Всякий может убедиться в том, если точно представляя себе тамошнюю местность, измерит описываемые Эфором движения войск. Те же ошибки встречаются у Феопомпа и особенно часты у Тимея, о котором теперь и идет речь. Пока они говорят о подобных предметах в общих выражениях, неведение их незаметно; но лишь только они вздумают излагать и доказывать что-либо со всею обстоятельностью, как тотчас проявляют совершенно те же слабости, что и Эфор (*Сокращение ватиканское*).

25g. Необходимость опытного знания для писателя. ...Невозможно описать правильно военные события, если не

имеешь никакого понятия о военном деле, равно как не может писать о государственном устройстве человек, сам не участвовавший в государственной жизни и в государственных отношениях. Так как буквоеды[64] не могут ни о чем писать умело и живо, то сочинения их бесполезны для читателей. Действительно, если изъять из истории то, что может научить нас, то от нее останется ничего не стоящее и совсем бесполезное. Непременно получится то же самое, если кто-нибудь, не имея нужных для того сведений, вздумает подробно описывать города и страны; многое достойное упоминания будет обойдено молчанием, и наоборот, многие неважные предметы будут описаны широковещательно. Тимею недостает собственных наблюдений, и потому он особенно часто впадает в такого рода ошибки (*Сокращение ватиканское*).

25h. Отсутствие этих знаний у Тимея. ...В тридцать четвертой книге Тимей говорит, что он прожил в Афинах непрерывно пятьдесят лет чужестранцем, потому-то и остался, как всем известно, несведущим в военном деле и не осматривал самолично никаких местностей. Поэтому, если Тимей в своей истории касается военного дела или описывает местности, то неоднократно обнаруживает незнание и делает множество ошибок; а в тех случаях, когда приближается к истине, он напоминает живописцев, пишущих свои картины с набитых чучел. **Живость рассказа должна отличать историческое сочинение.** И у них иной раз верно передаются внешние очертания, но изображениям недостает жизненности, они не производят впечатления действительных животных, что в живописи главное. То же самое наблюдается на Тимее и вообще на писателях, владеющих только книжною мудростью. Им недостает наглядности изложения, которая приобретается только собственным опытом писателя. Вот почему не могут вызвать в читателях настоящего воодушевления те историки, которые сами не воспринимали событий в действии. И предшественники наши точно так же требовали от исторических сочинений такой живости изображения, чтобы читатель, когда, например, речь идет о государственных делах, мог невольно воскликнуть, что пишущий посвящен был в государственные дела и был испытан в этой области; когда рассказывается о военных действиях, читателю должно представляться, что пишущий участвовал в походах и сражениях; когда речь идет

о частных отношениях, должно испытывать такое чувство, будто пишущий воспитывал детей и жил с женщиной. То же применимо ко всякому разряду предметов. Такое достоинство изложения. наверное, можно встретить у тех только писателей, которые познали жизнь собственным опытом и которые избрали предметом повествования пережитое ими самими. Конечно, трудно принимать личное деятельное участие во всем, но необходимо собственным опытом познакомиться по крайней мере с важнейшими и обыденнейшими областями жизни.

25i. О речах в историческом сочинении. Что требование наше не есть что-либо невозможное, достаточное подтверждение тому дает Гомер, у которого всякий найдет много примеров требуемой нами живости рассказа. После этого всякий, я полагаю, согласится с тем, что усердные занятия историческими сочинениями составляют только третью часть задачи историка и занимают третьестепенное место. Верность нашего мнения яснее всего доказывается особенностями речей у Тимея, произносимых в народных собраниях, на поле брани и посольствами. В редких только случаях допускается произнести все речи, требуемые обстоятельствами дела; обыкновенно же краткие речи касаются лишь отдельных обстоятельств события; потом, наше время требует одних речей, прошлое требовало других; одни речи приличествуют этолянам, другие пелопоннесцам, третьи афинянам. Но без всякого повода уклоняться в сторону и нагромождать в речах все, что только можно сказать о данном предмете, как поступает Тимей, изобретатель речей всевозможного содержания, — это противно истине, ребячески глупо и прилично разве школьнику. За это самое свойство и не любят, и не уважают многих писателей. Необходимо, напротив, чтобы каждая речь согласовалась с характером говорящего и с обстоятельствами. Но так как трудно определить, что и как следует сказать из всего того, что можно бы сказать о предмете, то необходимо долго упражняться и изучить правила составления речей, если мы хотим не отягощать читателя, а быть ему полезным. Хотя и нелегко дать правила для каждого отдельного случая, однако путем опыта и изучения возможно приобрести понятие об этом. Настоящая мысль наша может быть пояснена нижеследующим: если бы историки по рассмотрении обстоятельств дела, побуждений и настроения ораторов, затем по изложении произнесенных в

действительности речей пожелали объяснить нам еще и причины успеха или неудачи ораторов, то мы получили бы верное представление о деле и всегда верно оценивали бы каждое положение по его ли собственным признакам или по сходству с прежними. Однако, надо полагать, доискиваться причины гораздо труднее, чем сочинять речи по книжкам. Кроме того, немногим дано говорить кратко, благовременно и находить правила такого рода красноречия; напротив, произносить пространные, бесцельные речи сумеет всякий и каждый.

25k. Чтобы подтвердить настоящее наше суждение о Тимее, мы, как раньше поступили для изобличения его в невежестве и сознательной лживости, приведем несколько отрывков общеизвестных, прославленных его речей. <...> Из людей властных в Сицилии наиболее деятельными после Гелона Старшего мы считаем Гермократа[65], Тимолеонта и эпирота Пирра, коим менее всего можно было бы приписать речи, приличные детям и школьникам. Между тем Тимей в двадцать первой книге уверяет, что в то время, когда Эвримедонт[66] прибыл в Сицилию и поднимал города на войну с Сиракузами, утомленные войною гелияне отрядили посольство к камаринянам для заключения перемирия, и когда те охотно приняли их предложение, обе стороны отправили тогда послов к своим союзникам и увещевали их послать надежных людей в Гелу для переговоров о замирении и об их общих выгодах. С прибытием выборных[67] началось совещание, и Тимей тут же выводит Гермократа с речью такого содержания: Гермократ воздает хвалу жителям Гелы и Камарины, во-первых, за то, что они заключили перемирие между собою; во-вторых, за то, что положили начало переговорам о прекращении войны; в-третьих, они приняли меры к тому, чтобы речь о замирении вели не народные собрания, но избранники народа, хорошо понимающие разницу между войною и миром. Вслед за сим оратор приводит два-три положения, взятые из жизни, и потом находит нужным возбудить внимание слушателей и научить их, в чем состоит разница между войною и миром. Между тем немного раньше Гермократ благодарил гелиян именно за то, что рассуждения о заключении мира происходили не в народном собрании, но в совете людей, прекрасно понимающих превратности войны. Отсюда следует заключить, что Тимей не только не обладал государственным дарованием, он был не в силах

даже составить удовлетворительно школьное упражнение. Конечно, всякий полагает, что слушатели требуют доказательств в том только, чего они не знают или чему не верят; напротив, считается совершенно напрасным и наивным изыскивать доказательства относительно предметов, уже слушателям известных. <...> Помимо главной ошибки, состоящей в том, что большая часть речи обращена на предметы, вовсе не требующие объяснения, Тимей влагает в уста Гермократу суждения совершенно невероятные, тому самому Гермократу, который в морской битве при Эгоспотамах находился в войске лакедемонян, а в Сицилии завладел войсками афинян вместе с их вождями. Подобная речь невозможна была бы и в устах заурядного школьника.

26. Так, Гермократ считает нужным напомнить выборным прежде всего о том, что на войне ранним утром будят спящих звуки трубы, а в мирное время пение петуха. Затем оратор прибавляет, что Геракл учредил олимпийское состязание с прекращением военных действий на это время[68], дав тем свидетельство собственного своего характера, того, что он никому из людей по доброй воле не учинял никакой беды, если же с кем воевал и обижал кого, то не иначе как по необходимости и по велению свыше. Вслед за сим оратор замечает, что Гомер выводит Зевса произносящим в гневе на Арея такие слова:

> Ты ненавистнейший мне меж богов, населяющих небо,
> Распря единая, брань, убийство тебе лишь приятно*.

Точно так же выражается и мудрейший из героев, Нестор:

> Тот беззаконен, безроден, скиталец бездомный на свете,
> Кто междоусобную брань, человекам ужасную любит**.

С Гомером соглашается и Еврипид, когда говорит: «Мир, чреватый богатством, наилучший из блаженных богов! Как я тоскую по тебе, когда ты долго не приходишь. Боюсь, как бы старость не одолела меня раньше, чем узреть твой ласковый образ, услышать песни хоров прекрасных и шум пиршеств, украшенных венками».

---

* Ил. V, 890 сл. Пер. Гнедича.
** Ил. IX 63 сл.

К этому Гермократ добавляет, что война очень похожа на болезнь, а мир на здоровье, ибо мир восстановляет силы недужных, а война губит и здоровых. Потом, в мирное время юные хоронят стариков, как велит и природа, а в военное — наоборот; самое важное то, что в военное время безопасность не существует даже в ограде стен, а в мирное — она царит до границ полей, — и так дальше. С изумлением спросишь себя: неужели мальчик, незадолго перед тем посещавший школу, прилежно занимавшийся историческими сочинениями и желающий сочинить упражнение по преподанным ему правилам, отвечающее тому или другому характеру, неужели такой мальчик высказывал бы иные мысли и в иной форме? Мне кажется, он говорил бы точно так же, как Тимей заставляет говорить Гермократа (*Сокращение* и *Сокращение ватиканское*).

26a. Речь Тимолеонта у Тимея. ...Потом, в той же книге Тимолеонт возбуждает эллинов на бой с карфагенянами, и вот они уже чуть не идут врукопашную на врага, много раз превосходящего их численно, как Тимолеонт убеждает эллинов взирать не на численность врагов, а на их малодушие. «Так, — говорит он, — Ливия густо заселена вся сплошь, а все же, когда хотят возможно выразительнее обозначить пустыню, употребляют поговорку: пустыннее Ливии, причем разумеется не безлюдность Ливии[69], но малодушие ее жителей. Вообще, — прибавляет он, — кому могут быть страшны мужчины, которые всю жизнь остаются без дела и скрывают под платьем руки, этот дар природы, отличающий человека от прочих животных? Еще важнее то, продолжает Тимолеонт, что эти люди носят под сорочкой передник, чтобы враг не признал в них мужчины даже тогда, когда они падут в битве» (*Сокращение ватиканское*).

26b. Неуместные и неумеренные словоизлияния у Тимея. ...Когда Гелон обещал эллинам прислать в помощь двадцать тысяч сухопутного войска и двести палубных кораблей, если они уступят ему главнокомандование на суше или на море, тогда заседавшие в Коринфе вожди эллинов дали послам Гелона, как гласит молва, мудрейший ответ, именно: они объявили, чтобы Гелон приходил с войсками в звании союзника, что же касается главнокомандования, то война сама неизбежно предоставит его достойнейшему. Это ответ людей, которые не искали у сиракузян надежнейшей опоры для себя, но вери-

ли в собственные силы и всякому желающему предлагали выходить на состязание в мужестве, на борьбу за венок, коим награждается превосходство. Однако на изложение этого Тимей тратит очень много слов и при этом всячески силится доказать, что Сицилия важнее всей Эллады, что история Сицилии многозначительнее и славнее истории всего мира, что сицилийские философы — мудрейшие из всех философов, что сиракузские государственные деятели более всех прочих способны к управлению народом и наделены необычайными дарованиями, так что юные школьники при всей своей способности к забавным словоизлияниям не могут превзойти Тимея в похвальном слове о Ферсите и подобных личностях.

26c. Недостатки Академии. Благодаря этой неумеренности в забавном красноречии выходит так, что люди и события, на защиту коих Тимей выступает, становятся для читателя предметом не любознательности, но насмешки, и с ним повторяется почти то же, чем страдают в Академии[70] наихудшие кропатели речей на общие места. Так, иные академики с целью запутать собеседника в расспросах о предметах, по общему мнению познаваемых или непознаваемых, прибегают к самым причудливым суждениям и уснащают свою речь множеством необыкновенных доводов; так, например, предлагают вопрос: можно ли, находясь в Афинах, обонять запах яиц, которые варятся в Эфесе, или останавливаются перед вопросом: в то время, как ведутся эти беседы в Академии, не сидят ли они дома и не произносят ли там вдвое больших речей о других предметах. Этим-то академики и навлекли дурную славу на все свое учение, так что люди относятся с недоверием и к правильно поставленным у них вопросам. Помимо собственной извращенности академики внушили и юношеству любовь к подобным занятием, так что молодые люди не обращают ни малейшего внимания на вопросы нравственности или государственной жизни, единственно плодотворные в философии, проводят и тратят жизнь в погоне за суетной славой, в придумывании бесплодных хитросплетений.

26d. Источник доброй славы о Тимее. То же самое случилось в истории с Тимеем и с его почитателями. Изысканный и притязательный в своих суждениях, Тимей обольщает толпу своими сочинениями, располагает ее к себе мнимою любовью к истине, а иных увлекает убедительными на вид доводами.

Ещё слава о нем сложилась больше всего на основании его суждений о колониях, об основании городов, о родстве племен. Здесь он так умеет блеснуть мелочною точностью и злою критикою предшественников, что получается впечатление, будто все прочие историки с закрытыми глазами присутствовали при исторических событиях и лепетали о них все, что приходило на ум, он же один доискивается достоверного, искусно разбирается во всяком известии, находя в них «много верного, но и столько же ложного»[71]. Впрочем, есть люди, которые довольно долго занимались первыми сочинениями Тимея о поименованных выше предметах; они с полным доверием относятся к его хвастливым обещаниям, и потому, если кто станет доказывать им, что Тимей сам преисполнен ошибок, за какие с ожесточением нападает на других, как мы только что показали это на локрах и на дальнейшем его изложении, то люди эти спорят и упрямо настаивают на своем. Вот, можно сказать, чуть не вся та польза, какую доставляет прилежнейшее чтение исторических трудов Тимея. С другой стороны, кто начитается его всенародных речей и иных пространных ораторских упражнений, тот обратится в наивного школьника и утратит понимание истины: причины того только что выяснены.

27а. Откуда такое множество ошибок у Тимея. Итак, политическая часть Тимеевой истории представляет собою сбор невозможных ошибок, большинство коих мы уже рассмотрели. Нам остается теперь указать источник его заблуждений. Хотя объяснение наше может весьма многим показаться невероятным, но оно всего вернее оправдывает нарекания наши на Тимея. Тимей имеет вид писателя, одаренного способностью к всестороннему знанию, много потрудившегося над своим образованием и писавшего историю с большим прилежанием. Между тем нет ни одного пользующегося известностью историка, по некоторым предметам менее сведущего и более небрежного. Мнение наше выясняется из нижеследующего[72] (*Сокращение ватиканское*).

27. Недостаток личного опыта и изысканий на месте у Тимея. От природы мы наделены как бы двумя органами, с помощью коих все воспринимается и познается, именно слухом и зрением. Из них зрение, как учит Гераклит, гораздо правдивее слуха, ибо глаза более точные свидетели, чем уши. Из двух орудий знания Тимей выбрал более удобное, хотя и менее

верное: он отказался от знаний, приобретаемых зрением, и довольствовался теми, какие доставляются слухом. Источник этот тоже может быть двоякий: или исторические сочинения, или устные расспросы, и Тимей, как мы показали выше, к расспросам относился небрежно. Легко понять, почему он сделал такой выбор: из книг можно черпать знания, не подвергая себя опасностям и лишениям; достаточно постараться только или жить в городе, в изобилии располагающем историческими сочинениями, или иметь поблизости книгохранилище. Затем остается присесть и отыскивать, что нужно, наконец, без всякого труда сличать ошибочные показания прежних историков. Напротив, тщательное изыскание требует бóльшего труда и издержек, зато оно и пользу приносит бóльшую, и дает самую ценную часть истории. Подтверждается это мнениями самих писателей. Так, Эфор говорит: «Если б можно было самому присутствовать при всех событиях, это был бы наилучший способ собирания сведений». Феопомп замечает: «В военном деле превзойдет всех тот, кто наичаще бывал в сражениях, как наилучшим из ораторов окажется тот, который участвовал наибольше в политической борьбе». То же самое во врачебном искусстве и в мореходстве. Еще выразительнее, чем Эфор и Феопомп, говорит о том же Гомер, именно: с целью показать, каким должен быть государственный муж, он следующими чертами изображает Одиссея:

> Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
> Странствуя долго*...

и потом:

> Многих людей города посетил и обычаи видел,
> Много и сердцем скорбел на морях**,

или:

> Видел немало я браней и долго среди бедоносных
> странствовал вод***...

28а. Отличительные свойства истории по сравнению с хвалебным красноречием. Мне кажется, достоинство исто-

---

* Од. I. Пер. Жуковского.
** Ibid. I, 3.
*** Ibid. VIII 183.

рии предполагает в писателе те же свойства. По словам Платона, дела человеческие тогда только пойдут хорошо, когда царями будут философы или цари философами. Так и я могу сказать, история тогда будет хороша, когда за составление исторических сочинений будут браться государственные деятели и будут работать не мимоходом, как теперь, но с твердым убеждением в величайшей настоятельности и важности своего начинания, когда они отдадутся ему всею душою до конца дней, или же когда люди, принимающиеся за составление истории, считают обязательным подготовить себя жизненным опытом; иначе невежество историков никогда не кончится. Обо всем этом Тимей нисколько не заботился. Он жил чужеземцем на одном и том же месте[73] и даже как будто намеренно отказывался просветить себя деятельным участием в военных и государственных делах, и в путешествиях обозрением стран. Не понимаю после этого, каким образом сложилось о нем мнение, как о великом историке. Что Тимей действительно таков, как мы его изобразили, легко подтвердить его же собственными свидетельствами. Так, в предисловии к шестой книге[74] у него говорится: «По мнению некоторых, для составления хвалебных речей больше, чем для истории, требуется природного дарования и старательной подготовки». Замечание это, добавляет он, попадалось уже Эфору; но так как Эфор не мог опровергнуть его с достаточной убедительностью, то Тимей сам пытается из сопоставления истории и хвалебного красноречия выяснить разницу между ними. Делает он это нелепейшим образом, прежде всего возводя напраслины на писателя. Все сочинение Эфора замечательно по языку, расположению частей и остроумию доказательств; особенное искусство проявляет он в отступлениях, в собственных изречениях и вообще в дополнительных замечаниях. Благодаря счастливой случайности Эфор высказал несколько прекраснейших и убедительнейших мыслей об отношении между историком и составителем речей. Тимей же, чтобы скрыть свою зависимость от предшественника, не только за это, но и за все вообще порицает Эфора. Мысли чужие, прекрасно высказанные другими, он повторяет длинно, неясно и хуже во всех отношениях, воображая, что ни один человек и не заметит его зависимости (*Сокращение* и *Сокращение ватиканское*).

28. Так, с целью превознести историю, Тимей прежде всего замечает, что превосходство истории над хвалебною речью та-

кое же, какое имеют настоящие хорошо устроенные здания над изображениями местностей и видов в театральной живописи. Потому он утверждает, что одно собирание материала для истории более трудная задача, нежели законченное составление хвалебной речи. По крайней мере ему самому собирание исторических сочинений массалиян, изучение нравов лигуров, кельтов, а также иберов стоило таких издержек и такого труда, о каких он раньше и думать не мог и какие показались бы ему невероятными в рассказе другого. Однако здесь можно бы с великим удовольствием спросить историка, что, по его мнению, дороже и хлопотливее: или, сидя в городе, собирать сочинения, изучать по ним нравы лигуров и кельтов, или посетить очень многие народы и наблюдать их на месте; труднее ли собирать сведения о решительных сражениях, осадах, а также о морских битвах от участников, или же самому в действительности испытать ужасы войны и сопутствующие ей беды. Я полагаю, что не так велика разница между действительными зданиями с одной стороны и видами местностей в театральной живописи с другой, между историей и хвалебным красноречием, какая во всех сочинениях существует между известиями, опирающимися на собственное участие в событиях и на собственный опыт пишущего, и известиями, основанными на слухах и чужих рассказах. За полным отсутствием собственного опыта Тимей должен был обратить маловажнейшее и легчайшее в составлении истории в наиболее важное и трудное, я разумею собирание исторических сочинений и получение сведений об отдельных событиях от людей знающих. Однако историки, лишенные собственного опыта, неизбежно обречены на грубые ошибки в самом собирании известий. Да и в самом деле, невозможно ни задать надлежащий вопрос о сухопутной или морской битве, об осаде города, ни понять все подробности рассказа, если не имеешь понятия об излагаемых предметах. Разъяснение дела зависит столько же от вопрошающего, как и от рассказчика. Один намек на побочное обстоятельство способен бывает навести рассказчика на подробности события. Человек несведущий не в состоянии ни расспросить свидетелей-очевидцев, ни уяснить себе совершающееся у него на глазах, ибо даже личное присутствие почти ничего не значит для такого свидетеля (*Сокращение ватиканское*).

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ

Обеднение этолян и законы о долгах (1). Бегство Скопаса в Александрию и конец его (2). Коварство Филиппа относительно родосцев: тарентинец Гераклид (3–4). Непреоборимая сила правды (5). Тирания Набиса в Лакедемоне; алчность и жестокость тирана; война его против Мегалополя (6–8). Антиох в Аравии (9). Мелкие географические отрывки (10).

1. Обеднение этолян. Меры против бедности. ...Благодаря непрерывным войнам и расточительной жизни этоляне незаметно для других и для самих себя впали в долги[1]. Вследствие этого они, по самой природе склонные к государственным переворотам, выбрали себе в законодатели Доримаха и Скопаса, ибо знали их за людей беспокойного нрава, обремененных многочисленными денежными обязательствами. Доримах и Скопас приняли полномочия и написали законы (*О добродетелях и пороках*).

1а. ...Когда Доримах и Скопас представили новые законы, возражал против них этолиец Александр. Многообразными примерами он доказывал, что, где только ни вырастало это зелье[2], оно не погибало без того, чтобы не повергнуть в тяжкие беды людей, раз от него вкусивших. Поэтому Александр убеждал народ заботиться не о том только, как бы избавиться от бремени долгов в настоящем, но и будущее принимать во внимание. И в самом деле, нелепо было бы душу свою полагать за детей в военное время и на совещаниях вовсе не думать о будущем (*Сокращение ватиканское* и *Сокращение*).

2. Гибель Скопаса в Александрии. ...Потеряв должность, ради которой он и отважился предложить новые законы, вое-

начальник этолян Скопас обратил взоры на Александрию, где он рассчитывал пополнить недостающие средства к жизни и утолить свои корыстные вожделения.

Он не знал того, что как люди, страдающие водянкою[3], не могут каким-либо прохладительным средством, действующим снаружи, облегчить или утолить мучения жажды, пока не излечена болезнь внутри человека, так точно нельзя утолить жажду наживы до тех пор, пока разумным словом не исторгнут недуг из глубины души. Наблюдение это оправдалось вполне на человеке, о котором идет речь. Так, когда он явился в Александрию, царь выдавал ему ежедневно десять мин жалованья тогда как начальники, следовавшие за ним, получали по одной мине, — и это сверх военной добычи, которая находилась в распоряжении его, как главнокомандующего. Однако Скопас не довольствовался этим; как и прежде, он постоянно жаждал большего; наконец те же благодетели возненавидели его за ненасытность, и он вместе с богатством потерял и жизнь (*Сокращение ватиканское, Сокращение, О добродетелях и пороках, Свида*).

3. Коварство Филиппа. Нравственность предков. ...Филипп измыслил коварную меру[4], которой никак уж нельзя бы назвать достойною царского сана, хотя в наше время коварство господствует повсюду, и есть люди, полагающие, что оно необходимо в государственной деятельности. Подобный образ действий и на мысль не приходил нашим предкам: так далеки они были от того, чтобы ради приумножения своего могущества действовать обманом против друзей; у них даже не было охоты добывать победу над врагом с помощью обмана, ибо они убеждены были, что только та победа над противником и почетна, и прочна, которая добыта мужеством в открытом бою. Поэтому-то предки заключали между собою уговоры[5] не употреблять друг на друга ни тайных, ни дальнобойных снарядов, и решение распри видели только в рукопашном бою лицом к лицу с противником. Поэтóму же самому противники уведомляли друг друга о войнах и сражениях, объявляя время и место, где и когда они намерены строиться к бою и дать решительное сражение. Напрóтив, теперь действовать открыто — значит показать себя никуда не годным военачальником.

У римлян сохранилось еще кое-что от старых порядков военного дела. Так, они предупреждают о войнах, редко пользуются засадами, сражаются врукопашную, лицом к лицу с врагом.

Вот что полагали мы нужным высказать против господствующей теперь не в меру склонности вождей к коварству, как в мирных делах государства, так и в военных.

4. Гераклит-тарентинец — обманщик. Как бы для упражнения Филипп поручил Гераклиду изыскать меры к тому, чтобы испортить и сделать негодными корабли родосцев, а на Крит отправил послов с поручением вооружать критян против родосцев и подстрекать их к войне. Гераклид, злодей по природе, с радостью[6] принял неожиданное поручение, обдумал его со всех сторон, а немного спустя с готовым планом явился на Родос. Гераклид в далеком колене происходил из Тарента, принадлежал к семье бедных ремесленников и обладал всеми свойствами развратника и злодея. Так, в ранней юности он открыто торговал своим телом; отличался острым умом и сильною памятью, в отношениях с низшими был дерзок и нагл и пресмыкался перед высшими. Сначала Гераклид вынужден был покинуть родной город, так как ходила молва, что он предал Тарент римлянам. В то время он имел в руках ключи от ворот, ведущих внутрь страны, не потому что облечен был властью, но как зодчий, занятый исправлением городской стены. Гераклид бежал к римлянам и оттуда сносился письменно и через вестников с тарентинцами и с Ганнибалом, а потом, когда это стало известно, он, чуя беду, бежал к Филиппу. Здесь Гераклид вошел в полное доверие царя и пользовался таким значением, что едва ли не его должно считать виновником гибели этого обширного царства (*Сокращение*).

5. ...Пританы[7] уже не доверяли Филиппу вследствие вероломства его в критских делах, а в Гераклиде подозревали соглядатая (*Свида*).

...Он вошел в собрание и объяснил причины, по которым вынужден был бежать от Филиппа (*там же*).

...Филипп ни за что не хотел допустить, чтобы родосцы проведали его образ действий в настоящем случае. Этим[8] и Гераклида он спас от подозрения (*там же*).

Сила истины. ...Природа, как мне кажется, вознесла истину в человеческом обществе превыше всех божеств и наделила ее величайшей силой. Случается иногда, что истину все попирают, что на сторону неправды переходит всякая вероятность, и однако же истина собственною силою неведомыми путями проникает в душу человека, или тотчас проявляя свою

мощь, или оставаясь долгое время невидимой, наконец без всякого содействия извне торжествует над ложью и одолевает ее. Так было и с Гераклидом по прибытии его на Родос от царя Филиппа (*Сокращение, Сокращение ватиканское*).

Дамокл. ...Дамокл[9], вместе с Пифионом отправленный соглядатаем к римлянам, был создан служить покорным орудием и обладал большими способностями к темным делам (*О добродетелях и пороках*).

6. Тирания Набиса в Спарте. ...Тиран лакедомонян Набис[10] уже третий год держал власть в своих руках, но ни разу еще не отваживался на что-либо решительное, живо памятуя поражение, нанесенное Маханиду ахейцами; он озабочен был единственно основанием и упрочением жестокой тирании на долгие времена. Для этого Набис вконец истребил уцелевших противников[11] своей власти в Спарте, изгнал граждан, выдававшихся больше богатством, нежели славным происхождением, а имущество их и жен роздал влиятельнейшим людям из числа врагов их и своим наемникам. Это были: убийцы, грабители, воры, обманщики. Вообще Набис старался отовсюду собирать вокруг себя людей, для которых родина закрыта была подлыми и преступными деяниями. Объявив себя вождем и царем таких людей, обратив их в своих оруженосцев и телохранителей, Набис, несомненно, рассчитывал с помощью их утвердить надолго свою власть, хотя бы опозоренную нечестием. Помимо сказанного выше, он не довольствовался изгнанием граждан: для изгнанников нигде не было безопасного и надежного пристанища; за одними он посылал в погоню убийц, которые и умерщвляли изгнанников на дорогах, других возвращал из места ссылки и предавал смерти. В довершение всего по тем городам, где поселялись изгнанники, он при посредстве людей, не возбуждавших подозрения, нанимал дома, смежные с жилищами изгнанников, и поселял в них критян, а эти последние продырявливали стены и через отверстия-метали стрелы, которые поражали насмерть изгнанников, когда одни из них в собственных жилищах стояли, другие лежали, так что ни место, ни время нисколько не спасали несчастных лакедемонян от гибели. Такими-то мерами Набис истребил очень много лакедемонян.

7. Он же велел изготовить следующую машину, если только позволительно называть машиною такой снаряд. Это была роскошно одетая фигура женщины, лицом замечательно похожая

на супругу Набиса. Вызывая к себе того или другого гражданина с целью выжать у него деньги, Набис долгое время мирно уговаривал его, намекая на опасности от ахеян, угрожающие стране и городу, указывая на большое число наемников, содержимых ради благополучия же граждан, напоминая о расходах, идущих на чествование божеств и на государственные нужды. Если вызванный гражданин поддавался внушениям, тиран этим и довольствовался. Если же кто начинал уверять, что денег у него нет, и отклонял требование тирана, Набис говорил ему примерно так: «Кажется, я не умею убедить тебя; полагаю, однако, что моя Апега[12] тебя убедит». Так называлась супруга Набиса. Чуть он только произносил эти слова, как являлось упомянутое выше изображение. Взяв супругу за руку, Набис поднимал ее с кресла, жена заключала непокорного в свои объятия, который вплотную прижимался к ее груди. Плечи и руки этой женщины, равно как и груди, были усеяны железными гвоздями, которые прикрывались платьем. Всякий раз, как тиран упирался руками в спину женщины, и потом при помощи особого снаряда мало-помалу притягивал несчастного и плотно прижимал к груди женщины, истязуемый испускал крики страдания. Так Набис погубил многих, отказывавших ему в деньгах (*Сокращение, О добродетелях и пороках*).

8. ...Совершенно таково было и все управление Набиса: он участвовал в морских разбоях критян, по целому Пелопоннесу имел святотатцев, грабителей, убийц, с которыми делил преступную добычу и для которых Спарта благодаря ему служила главным местожительством и пристанищем. Около этого времени зашедшие в Лакедемон чужестранцы из Беотии уговорили одного из конюхов Набиса похитить белого коня, почитавшегося самым породистым в конюшне тирана, и бежать вместе с ними. Конюх согласился и поступил, как ему сказали; но люди Набиса настигли его в Мегалополе, без всякого сопротивления взяли коня и конюха и отвели их обратно в Спарту, а потом захватили и чужестранцев. Беотяне сначала требовали отвести их к начальству, а когда никто не обращал на это внимания, один из чужеземцев закричал: «Помогите!» Мегалопольские граждане сбежались и требовали вести захваченных к начальству; гонцы Набиса вынуждены были освободить людей и удалиться. Набис давно уже искал поводов к распре с Мегалополем и выжидал благовидного предло-

га к разрыву; поэтому он воспользовался настоящим случаем и немедленно угнал стада Проагора и нескольких других граждан. Таково было начало войны (*О добродетелях и пороках*).

9[13]**. Из истории похода Антиоха в Аравию.** ...Лабы, как и Сабы, город Хаттении. Название жителя лабеец, как сабеец. Оба города в одной и той же стране. Хаттения — область герреев (*Стеф. Визант.*).

...Хаттения — третья область герреев. Полибий в тринадцатой книге говорит: «Вообще это страна бедная, но пользующиеся благосостоянием герреи, которые живут в Хаттении, покрыли ее множеством деревень и укреплений. Область прилегает[14] к Чермному морю. Жители называются хаттенами, как выражается Полибий: «Им приказал он щадить область хаттенов» (*там же*).

...Герреи просят царя не лишать их благ, дарованных от богов, то есть вечного мира и свободы. Когда письмо было переведено, царь объявил, что согласен на эту просьбу (*Свида*).

...Когда свобода герреям была дарована, они тут же почтили царя Антиоха дарами: пятьюстами талантами серебра, тысячью ладана, двумястами талантами так называемой стакты[15]. После этого Антиох совершил плавание к острову Тилу[16] и отплыл обратно в Селевкию. Те благовония находились у Чермного моря (*Свида*).

10. Мелкие географические отрывки. ...Адрана[17], город Фракии. Полибий в тринадцатой книге пишет имя через *е*, Адрена (*Стеф. Визант.*).

...Аллария, город Крита. Название жителя аллариат (*там же*).

...Ареева равнина[18] <...> пустынная равнина Фракии, покрытая низкорослыми деревьями (*там же*).

...Бадиза[19], город Бреттии (*там же*).

...Дигеры, народ Фракии (*там же*).

...Илаттия, город Крита (*там же*).

...Кабила[20], город Фракии, недалеко от страны астов (*там же*).

...Лампетия[21], город Бреттии (*там же*).

...Мелитусса, город Иллирии (*там же*).

...Сибирт[22], город Крита. Название жителя сибиртий (*там же*).

...В Италии есть и город Тамеса[23], и река. Полибий в тринадцатой книге называет город Темесию (*там же*).

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Отрывок предисловия к книге (1а). Коварный образ действий Сципиона против карфагенян; он предал пламени зимние квартиры Софака и Гасдрубала и истребил войска их (1–5). На следующий день Сципион преследовал карфагенян. Карфагенский сенат (6). Встреча римлян с карфагенянами близ Великих равнин; поражение карфагенян, нумидян и кельтиберов (7–8). Разногласие в карфагенском сенате по вопросу о дальнейших мероприятиях; решения сената (9). Военные действия римлян и карфагенян (10). Отрывки из египетской истории времени Птолемея Филопатора (11–12).

1а. Из предисловия к книге. ...Наверное, предшествующее каждой олимпиаде изложение возбуждает внимание читателя тем, что заранее дает ему знать и количество происшествий этой олимпиады, и огромную важность их. При этом есть возможность окинуть единым взором деяния всего мира. К тому же, мне думается, читатель пожелает обнять всю совокупность событий этой олимпиады больше, чем какой-либо иной: во-первых, с нею совпадает окончание[1] войн италийской и ливийской, тех самых войн, конец и завершение коих желательно, разумеется, знать всякому. Такова уж природа человека вообще: он жаждет узнать происшествия и речи, имевшие место в различные моменты; необходимо, чтобы они передавались читателю со всею полнотою. Далее, к этому же времени обнаружились вполне замыслы царей[2]. То, что раньше знали о них по слухам, теперь стало хорошо известно всем, даже людям совершенно равнодушным к знанию. Вот почему, желая изложить события так, как они того заслуживают,

мы вопреки сделанному раньше заявлению, не помещаем событий за два года в одну книгу (*Сокращение ватиканское*).

1. Действия Сципиона в Ливии против Софака. ...Консулы* заняты были пока этими делами. Прослышав во время зимовки в Ливии о снаряжении флота карфагенянами, Публий** и сам стал готовить корабли, не покидая[3], однако, мысли об осаде Итики. Впрочем, Публий не совсем потерял надежду обратить снова Софака на сторону римлян, и так как войска их стояли недалеко друг от друга, он не переставал посылать к Софаку гонцов в уверенности, что ему удастся оттор-гнуть Софака от карфагенян. Публий рассчитывал на то, что Софак пресытился уже отношениями к девушке[4], из-за которой примкнул к карфагенянам, что ему вообще прискучила дружба с финикиянами, а Публий знал врожденное нумидянам непостоянство в привязанностях и их вероломство перед богами и людьми. Неуверенный в будущем, Публий переходил от одного плана к другому, ибо страшился открытого сражения с неприятелем, сильно превосходившим его численностью, и потому остановился на таком решении: кое-кто из гонцов посланных к Софаку, сообщил Публию, что карфагеняне на зимней стоянке соорудили себе шалаши из разного рода деревьев и листьев без примеси земли; что же касается нумидян, то те из них, которые прибыли в самом начале, соорудили шалаши из тростника, остальные же, только теперь приходившие сюда из городов, сделали их из одних листьев, причем немногие шалаши находятся внутри укрепления, а бóльшая часть их расположена по сю сторону канавы и вала. Публий полагал, что пожар будет полнейшей неожиданностью для врагов и в то же время наиболее удобным способом нападения для римлян, и сообразно тому принял меры. Софак в сношениях своих с Публием чуть не через каждого посланца высказывал свое решение, что если карфагеняне должны очистить Италию, то римляне пускай оставят Ливию, а относительно земель промежуточных каждой стороне оставаться при том, чем она к тому времени владела. Раньше Публий и слышать не хотел об этих условиях; теперь же через посланных он внушил нумидийцу слабую надежду на то, что предложе-

---

* Гней Корнелий Сципион и Гней Сервилий Гемин.
** Публий Корнелий Сципион Африканский Старший.

ние его может быть принято. Благодаря этому Софак стал гораздо сговорчивее и сношения с Публием вел охотнее, так что число лиц, посылаемых одною стороною к другой, увеличилось, и взаимные посещения участились; иногда посланные одной стороны оставались в противной стоянке по несколько дней без всякого надзора. Теперь Публий каждый раз отряжал вместе с гонцами-посредниками несколько человек ловких солдат, даже переодетых в рабов, в грязном убогом платье, дабы они могли беспрепятственно разыскать и осмотреть входы и выходы в обеих стоянках. Лагерей было два, один Гасдрубала, под начальством коего находилось тридцать тысяч пехоты и три тысячи конницы, другой нумидян. Этот последний отстоял от первого стадий на десять и содержал в себе около десяти тысяч конницы и тысяч пятьдесят пехоты. Нумидийская стоянка была доступные Гасдрубаловой, и находившиеся в ней палатки могли быть очень легко подожжены, ибо нумидяне соорудили их, как только что сказано, не из дерева и земли, но единственно из тростника и соломы.

2. Коварство Сципиона в сношениях с Софаком. Весна уже приближалась, и Сципион разузнал относительно неприятельского стана все, что нужно было для осуществления замысла. Корабли свои он спустил на воду, на них поставил боевые машины, как бы собираясь напасть на Итику с моря. Пешими войсками, которых было у него около двух тысяч, Публий снова занял господствующие над городом высоты, старательно укрепил их и оградил канавою. Неприятелю он старался внушить мысль, будто меры эти принимаются ради осады, на самом же деле ему хотелось иметь прикрытие для своих воинов на случай задуманных действий, дабы гарнизон Итики, заметив выход римских войск из стоянки, не дерзнул по выступлении их из города напасть на лежащий вблизи римский лагерь и запереть охраняющее его войско. Пока шли эти приготовления, Публий посылал спросить Софака, примкнут ли и карфагеняне к их соглашению в случае принятия предложений Софака, или потребуются новые переговоры об условиях соглашения. При этом он наказывал послам не возвращаться к нему без утвердительного ответа на предлагаемый вопрос. Речи послов убедили нумидийца, что Сципион серьезно ищет мира. Он заключал так из наказа Сципиона послам не возвращаться к нему без ответа и из его опасений насчет

согласия карфагенян. Вот почему Софак тотчас дал знать Гасдрубалу обо всем происходящем и старался склонить к миру и его, а сам беззаботно проводил время и дозволял прибывающим из городов нумидянам разбивать свои палатки вне стоянки. По-видимому, и Публий вел себя точно так же, а на самом деле он с величайшим рвением принимал дальнейшие меры. Между тем карфагеняне уведомили Софака о своем согласии на принятие мирных предложений. Преисполненный радостью, нумидиец сообщил об этом римским послам, которые немедленно отправились обратно в свою стоянку оповестить Публия о том, что сделано царем. При этом известии римский военачальник приказал послам идти немедленно к Софаку и объявить ему, что, хотя Публий и согласен принять условия и жаждет мира, но члены военного совета настроены иначе и требуют продолжения войны, что и было объявлено нумидийцу возвратившимися послами. Сципион отправил послов во избежание нареканий на вероломство, если бы неприязненные действия пришлось ему открыть во время переговоров о мире. Напротив, теперь еще после приведенного выше заявления Публий находил свое поведение безупречным, что бы там ни случилось.

3. Ответ Публия огорчил Софака, так как надежды его на мир оказались преждевременными. Софак отправился на совещание к Гасдрубалу и сообщил полученный от римлян ответ. Долго судили вожди, не зная, что предпринять в будущем, не догадываясь о предстоящей опасности и не думая о мерах к предотвращению ее. Действительно, они вовсе не помышляли ни о самозащите, ни о возможности какой-либо беды; скорее они горели желанием начать наступательные действия и вызвать неприятеля на равнину. Между тем подготовительные действия и распоряжения Публия имели для войска такой вид, как будто он собирался овладеть Итикою с помощью измены. Однако к полудню Публий позвал к себе способнейших и надежнейших трибунов, открыл им свой план и приказал после вечерней трапезы в обычный час выводить войска из стоянки, когда по обыкновению все трубачи разом играют сигнал. У римлян существует обычай, по которому все горнисты и трубачи в час вечерней трапезы играют сигнал подле палатки консула, потому что тогда ночная стража размещается по своим постам. Затем Публий позвал к себе соглядатаев, которых по-

слал раньше в неприятельский стан, сличил и проверил их показания о путях и воротах, ведущих в неприятельские стоянки, для оценки донесений их пользуясь участием и суждением Масанассы, который отлично знал эти места.

4. Когда все было готово для задуманного дела, Публий оставил в лагере достаточное количество лучших солдат, а сам с остальным войском выступил из лагеря к концу первой смены: неприятель находился стадиях в шестидесяти*. Лишь к концу третьей смены Публий подошел к неприятелю; половину войска со всеми нумидянами он отдал под начальство Гая Лелия и Масанассы и приказал им напасть на стоянку Софака. Солдат он убеждал доказать свою доблесть, не делать ничего наугад и твердо памятовать, что чем больше ночной мрак заслоняет и затрудняет зрение, тем нужнее возмещать трудности ночного нападения рассудительностью и отвагой; сам он с остальным войском пошел на Гасдрубала. У Публия решено было приступить к делу не раньше, как передовые воины Лелия бросят огонь в неприятельскую стоянку. Погруженный в эти размышления, Публий подвигался вперед не торопясь, а Лелий разделил свои силы на две части, которые разом ударили на врага. **Пожар в стоянке Софака и победа римлян.** Как сказано выше, палатки будто нарочно изготовлены были для пожара, и потому, лишь только передовые солдаты кинули огонь на ближайшие палатки, беда была уже непоправима благодаря скученности построек и избытку горючего материала. Лелий все время оставался позади для прикрытия, а Масанасса, знавший места, куда будут убегать нумидяне от огня, там и поставил своих солдат. Никто из нумидян, даже сам Софак, и не догадывался, в чем дело, полагая, что лагерь загорелся случайно. Поэтому нумидяне, ничего не опасаясь, кидались из палаток, одни полусонные, другие совсем еще пьяные или пьянствовавшие. Много погибло людей у самых выходов из лагеря, раздавленные друг другом; многие другие были захвачены пламенем и сгорели; наконец, третьи, спасшись от огня, попадали к неприятелю и были изрублены, не сознавая ни себя, ни окружающего.

5. При виде моря огня и все поднимающегося пламени карфагеняне вообразили себе, что нумидийская стоянка загоре-

---

* 1 1/2 мили.

лась от какой-либо случайной причины. Поэтому только немногие спешили на помощь горевшим, все же прочие выбегали из лагеря, и безоружные, испуганные зрелищем, располагались впереди шалашей. Тогда Сципион, чувствуя, что дела его идут как нельзя лучше, ударил на солдат Гасдрубала, вышедших из лагеря, причем одни были убиты на месте, других он погнал обратно в лагерь, и тут же зажигал палатки. Таким образом, карфагеняне терпели от огня и смертоубийства не меньше нумидян, о которых сказано только что. Все происходящее навело Гасдрубала на мысль, что пожар его стоянки, как и Софаковой, не случайное бедствие, как казалось раньше, что это дело коварства и отваги врагов; бороться с огнем он поэтому и не думал. Помыслы его и солдат его обращены были к тому только, как бы спастись, пока оставалась еще хоть слабая надежда на спасение. В самом деле, быстро распространяющийся огонь захватил все части стоянки, выходы из нее были загромождены лошадьми, вьючным скотом и людьми или полуживыми, обгорелыми, или оцепеневшими от ужаса и впавшими в беспамятство. Если бы кто и желал проявить храбрость, то огонь и загроможденность выходов помешали бы ему, а общее смятение и беспорядок не давали и думать о спасении. Почти в том же положении был Софак и прочие начальники. Все-таки Софак, Гасдрубал и немногие конные воины избегли гибели, а остальное войско, именно десятки тысяч людей, лошадей, вьючного скота нашли в пожаре безвременный ужасный конец; некоторые же воины, спасшись от огня, гибли от рук врагов бесславною постыдною смертью не только безоружные, но и без одежды, совсем нагие. Вообще все пространство, занятое карфагенянами и нумидянами, полно было стонов, бессвязных криков, смятения, неистового шума; в то же время всюду свирепствовал огонь и носилось море пламени. Разом со всею неожиданностью обрушились многие бедствия, из коих каждое само по себе способно было бы преисполнить ужасом душу человека. Ни один смертный не мог бы и вообразить себе ничего подобного тому, что происходило в это время: до такой степени бедствие было ужаснее всех известных раньше. В числе многих славных подвигов, совершенных Сципионом, этот, мне кажется, был самым блестящим и поразительным...

6. Настроение карфагенян после поражения. Однако когда Публий на другой день увидел, что неприятель частью

истреблен, частью обращен в беспорядочное бегство, он ободрил трибунов и немедленно погнался за бегущими. Сначала вождь карфагенян думал было сопротивляться; хотя он и был осведомлен, но действовал так в расчете на укрепленный город[5]. Но потом, заметив неверность туземцев, он с приближением Сципиона упал духом и бежал с остатками войска, а уцелело не менее пятисот человек конницы и тысячи две пехоты. Туземцы передались римлянам согласно единодушному решению. Публий пощадил их; напротив, два соседних города отдал своим солдатам на разграбление, затем возвратился на прежнюю стоянку. Карфагенянам тяжело было видеть, как рушились их надежды и первоначальные планы. Они собирались было запереть врага на мысе Итики, где находилась зимняя стоянка римлян, и потом осадить их с суши сухопутными войсками и с моря флотом; все нужное для этого было уже сделано. И вот теперь сверх всякого ожидания и расчета они не только уступили врагу поле сражения, но уверены были, что и им, и отечеству их не избежать напасти, теряли мужество и трепетали от страха. Однако в то время, как положение дел требовало от карфагенян рассудительности и внимания к будущему, сенат их был беспомощен: в нем царили смуты и разногласия. По мнению одних, нужно было отправить послов к Ганнибалу и отозвать его из Италии: единственно на этом вожде и войсках его, говорили они, покоятся еще надежды государства. Другие требовали обратиться через послов к Публию с предложением перемирия и вступить с ним в переговоры о мире и об условиях его. Третьи, наконец, советовали мужаться, набирать войско и отправить посольство к Софаку, который, говорили они, удалился в Аббу[6] неподалеку от Карфагена и стягивает остатки своего войска. Это последнее мнение и восторжествовало. Итак, карфагеняне послали Гасдрубала собирать войска, отправили к Софаку посольство с просьбою оказать им помощь и согласно первоначальному решению продолжать войну, ибо военачальник, — должны были прибавить послы, — вскоре прибудет к нему с войском.

7. Настоение римлян. Сборы карфагенян к новой битве у Великих равнин. Между тем римский военачальник не отказывался и от Итики; напротив, при известии о том, что Софак остановился и что карфагеняне набирают новое войско, он вывел свои войска из стоянки и выстроил их перед Ити-

кой. В то же время Публий разделил добычу <...> отпустил купцов после выгодных закупок. Дело в том, что недавняя удача вселила в римских солдат надежду на полную победу, посему они ни во что не ценили добытое на войне добро и дешево сбывали его торговцам. Сначала нумидийский царь* и друзья его решили было идти обратно домой безостановочно. Но потом, когда подле Аббы навстречу им вышли кельтиберы, набранные карфагенянами в числе четырех тысяч человек с лишним, царь приободрился немного и, рассчитывая на это подкрепление, остановил путь. Кроме того, просила и умоляла царя остаться на месте и не покидать карфагенян в тяжкой нужде молодая женщина, дочь военачальника Гасдрубала и, как сказано выше, жена Софака. Софак внял мольбам жены и поступил так, как она хотела. Кельтиберы сильно оживили также и надежды карфагенян, ибо четыре тысячи их молва превратила в десять тысяч воинов, которых мужество и вооружение делали будто бы неодолимыми в битве. Эти слухи и народные толки воодушевляли карфагенян, которые теперь с удвоенною смелостью шли отбивать у римлян поле сражения. Наконец после тридцати дней пути карфагеняне возвели вал подле так называемых Великих равнин и здесь расположились лагерем совместно с нумидянами и кельтиберами; всех их было не меньше тридцати тысяч человек.

8. Как только весть об этом пришла в римский лагерь, Публий стал готовиться к походу, отдал необходимые приказания флоту и осаждающим Итику войскам и покинул лагерь, причем все войско его было в легком вооружении. На пятый день он подошел к Великим равнинами наподалеку от карфагенян, в первый же день расположился станом на некоей возвышенности стадиях в тридцати от неприятеля; на другой день спустился в равнину и, поставив конницу впереди, выстроился к бою на расстоянии всего семи стадий от врага**. Два следующих дня противники держались на местах и только легкими схватками тревожили друг друга; на четвертый день, как и было назначено, обе стороны вывели свои войска из-за окопов и построились к бою. **Новое поражение карфагенян.** Согласно римскому обычаю Публий поставил первыми мани-

---

* Софак.

** 30 стад. = 5 1/4 версты. 7 стад. = 1 1/4 версты.

пулы *hastat*ов, за ними *principes*, а триариев последними, в тылу. Что касается конницы, то италийскую он поместил на правом крыле, нумидян с Масанассою во главе — на левом. С другой стороны, Софак и Гасдрубал поставили кельтиберов в центре против римских манипулов, нумидян послали на левое крыло, карфагенян — на правое. В первой же стычке нумидяне быстро подались назад перед италийской конницей, а карфагеняне перед войском Масанассы, ибо частые поражения в прежних битвах лишали их мужества. Кельтиберы храбро сражались с римлянами, ибо при незнакомстве с местностью не видели для себя спасения в бегстве; не могли после совершенного ими вероломства ждать и пощады от Публия, если бы были взяты в плен: тогда как Публий в Иберии не сделал им ничего дурного, кельтиберы бесчестно и изменнически соединились с карфагенянами против римлян. Однако, лишь только подались фланги, кельтиберы были быстро окружены римскими *principes* и *triari*ями, и здесь же, за ничтожными исключениями, изрублены были все. Так погибли кельтиберы, все-таки оказавшие важную услугу карфагенянам не только во всем продолжении битвы, но и в бегстве: не будь задержки в кельтиберах, римляне тотчас бросились бы в погоню за бегущими, и от рук врагов спаслись бы разве весьма немногие. Теперь они задержали движение неприятеля, и Софак с конницей мог беспрепятственно укрыться в свою страну, а Гасдрубал с остатками войска в Карфаген.

9. Последствия поражения: действия Сципиона, разногласия в Карфагене. Римский военачальник, покончив с распоряжениями относительно добычи и военнопленных, созвал военный совет для решения вопроса о том, что делать дальше. На совете решено было военачальнику Публию с некоторою частью войска оставаться здесь для похода на окрестные города, Лелию и Масанассе взять с собою нумидян и часть римских легионов и отправляться в погоню за Сафаком, не давая ему ни отдыхать, ни собираться с силами. Когда решение было принято, члены совета разошлись: Лелий и Масанасса с воинами, о которых сказано выше, отправились в погоню за Сафаком, а военачальник Публий двинулся к соседним городам. Одни из них присоединились к римлянам добровольно, из страха, другие подверглись нападению и взяты были с первого набега. Вся Ливия готова была встать против карфагенян

при воспоминании о продолжительных войнах в Иберии с непрестанными лишениями и поборами.

Что касается Карфагена, то здесь и раньше уже царило большое смятение; теперь оно должно было усилиться после вторичного такого поражения, когда вера в свои силы была совершенно утрачена. Однако те из сенаторов, которые слыли за самых отважных, предлагали немедленно вести флот на осаждающих Итику римлян с целью вынудить их снять осаду и дать морскую битву, к которой римляне совсем не подготовлены. **Призыв Ганнибала в Карфаген.** Они же требовали отправить послов к Ганнибалу и неотложно испытать это средство спасения. Эти две меры, говорили они, обещают верный успех. По мнению других сенаторов, пора этих мероприятий миновала; укрепить город и приготовиться выдержать осаду — вот что советовали они, уверяя, что судьба сама пошлет счастливые обстоятельства, если граждане будут единодушны. Вместе с тем они предлагали обсудить условия, на каких может быть заключен мир, и положен конец удручающим бедствиям. Весьма продолжительные споры кончились тем, что приняты были все предложения.

10. В силу такого решения послы, обязанные плыть в Италию, тут же из сената направились к морю, а начальник флота к кораблям; прочие сенаторы занялись изысканием мер безопасности самого города и неустанно обсуждали все подробности обороны.

Приготовления воюющих к новой битве. Между тем Публий видел, что лагерь его переполняется добычей, ибо сопротивления он нигде не встречал, напротив, все покорялись его требованиям. Поэтому Публий решил отослать большую часть добычи в прежнюю стоянку* и, облегчив войско, двинулся к господствующему над Тунетом укреплению, чтобы занять его и расположиться лагерем на виду у карфагенян: этим он рассчитывал в сильнейшей мере застращать врага и навести на него ужас. Карфагеняне в несколько дней снабдили свои суда командами и продовольствием и готовились уже выйти в море и открыть военные действия, как Публий подошел к Тунету и занял эту местность, покинутую тамошним гарнизонам при его приближении. Тунет отстоит от Карфагена стадий на сто

---

* На мысе между Карфагеном и Итакою.

двадцать* и в Карфагене виден почти отовсюду, как сказано выше, город этот прекрасно укреплен, частью самою природою, частью искусством человека. Едва римляне расположились здесь лагерем, как карфагеняне спустили свои корабли[7] на море и пошли на Итику. При виде наступающего с моря врага Публий смутился, опасаясь, как бы не случилось какой беды с его собственным флотом, ибо подобной опасности не ждали и к ней не приготовились. Поэтому Публий снялся со стоянки, повернул войска назад и поспешил на помощь своим. Тут он нашел, что его палубные суда, прекрасно приспособленные для подъема машин и прилаживания их к городским стенам, вообще для осады, совершенно не приспособлены для битвы на море, тогда как неприятельский флот всю зиму готовился к морскому сражению. Вследствие этого Публий отказался от мысли сразиться с неприятелем в морской битве, стянул к берегу палубные суда и окружил их в три-четыре ряда грузовыми судами, потом[8] велел убрать с них мачты и райны и крепко связать суда одни с другими; при этом он велел оставить узкие промежутки между связанными судами, лишь бы служащим можно было свободно выходить за линию судов и проходить между ними (*Сокращение*, *Свида*).

11. ...Филон стал льстецом Агафокла, сына Ойнанфы, друга царя Филопатора (*Афиней*).

...В Александрии сооружено множество статуй, изображающих кравчую царя** Клино в одной сорочке и с чашей в руке. Потом, разве лучшие дома в городе не носят имен Миртии, Мнесиды, Пофины? Мнесида, как и Пофина, была флейтисткой, а Миртия взята из общеизвестного дома разврата. Царь Птолемей Филопатор не находился разве во власти блудницы Агафоклии, которая и все царство разорила? (*там же*).

12. Сжатое изложение египетской истории. ...Быть может, нас спросят, почему, излагая все события погодно, мы только события египетской истории обозреваем в этом месте за период времени более длинный. Но мы имели для этого следующие основания: царь Птолемей Филопатор, о котором идет теперь речь, по окончании войны в Келесирии отринул все доброе и начал распутную жизнь, какая только что рассказа-

---

* 3 мили = quindecim milia ferme passuum. *Liv.* XXX 9 кон.

** Птолемея II Филадельфа.

на нами. Впоследствии обстоятельства вовлекли его в описываемую теперь войну, в которой, если не считать жестокостей и подлостей с обеих сторон, не произошло ничего замечательного: ни сражения сухопутного или морского, ни осады, ни чего-либо иного подобного. Вот почему я и решил, что рассказ легче будет и писать, и удобнее читать, если маловажные и внимания недостойные происшествия не буду излагать точно по годам, но сделаю общую цельную характеристику царя (*О добродетелях и пороках*).

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ

После нарушения перемирия карфагенянами Сципион отправил посольство в Карфаген с укоризнами; речь римских послов (1). Настроение карфагенских властей; засада на римских послов (2). Неизбежность войны; подготовительные действия; возвращение послов из Рима (3–4). Приготовление Ганнибала и Публия к решительной битве при Заме; свидание военачальников (5). Речь Ганнибала к Публию (6–7). Речь Публия к Ганнибалу (8). Исключительный строй римского войска; речь Публия к войскам (9–10). Строй карфагенских войск; речь Ганнибала к войскам (11). Ход битвы; потери воюющих (12–14). Военачальнические доблести Ганнибала (15–16). Послы карфагенские в римском лагере с просьбою о мире; ответ Сципиона; предложенные Сципионом условия мира (17–18). Настроение карфагенского сената (19). Нечестие и жестокость Антиоха III Великого и Филиппа V (20). Безрассудство и через то бедствия жителей Кия, завоеванного Филиппом (21). Коварный образ действий Филиппа относительно родосцев, этолян, фасиян; лживость владык; отступление автора (22–24). Положение дел в Александрии по смерти Птолемея Филопатора и по вступлении на царство младенца Птолемея Эпифана; тирания Агафокла; возмущение народа Тлеполем; ужасы восстания (25–27). Происшествие с Мойрагеном (27–28). Быстрый рост восстания; поведение Ойнанфы (29). Участие в восстании женщин и детей; бегство Агафокла и сестры его; ярость толпы; Аристомен; Сосибий; согласие царя на казнь виновных (30–32). Убийство Ага-

фокла, сестры его и всех родственников (33). Общие рассуждения историка по поводу этой катастрофы; только замечательные люди заслуживают обстоятельных рассказов и добавочных соображений историка (34–35). Потрясающие происшествия малопоучительны (36). Антиох не оправдал возлагаемых на него надежд (37).

1. ...Когда карфагеняне захватили грузовые суда римлян с громадным количеством запасов, Публий сильно сокрушался как потому, что римляне через это лишались своего продовольствия, так и потому, что враги получали все необходимое в изобилии. Еще больше огорчало Публия то обстоятельство, что карфагеняне нарушили клятву и договор и что снова поднимается война. Поэтому он немедленно выбрал послов — Луция Сергия, Луция Бебия и Луция Фабия — и отправил их к карфагенянам с жалобою на случившееся и с извещением, что народ римский утвердил условия мира: Публий только что получил письменное уведомление об этом. По прибытии в Карфаген послы представлены были сначала сенату, потом народному собранию; там и здесь они, не стесняясь в выражениях, прежде всего напомнили, как карфагенские послы по прибытии в Тунет к римлянам введены были в совет и не только совершили возлияние богам и лобызали землю, что в обычае и у прочих народов, но униженно распростерлись в прах перед членами совета, целовали им ноги, а потом, поднявшись на ноги, поносили себя за то, что первые нарушили заключенный римлянами договор. Поэтому, продолжали послы, карфагеняне признают за римлянами право подвергнуть их всякой каре, и только памятуя превратность человеческого счастья, просят не быть беспощадными, и заключили словами, что неразумие карфагенян яснее покажет свету римскую доблесть. Военачальник и присутствовавшие в совете римляне помнят все это, продолжали послы, и с изумлением вопрошают себя, что побудило карфагенян забыть прежние речи, почему они дерзнули нарушить клятву и попрать договор. Однако почти наверное можно сказать, что они жестоко ошибаются, если поступают так в надежде на Ганнибала и имеющиеся у него войска. Всем хорошо известно, что Ганнибал и его войско вынуждены были очистить всю Италию, больше года держались в

пределах одного Лациниума, запертые, почти осажденные, и лишь с большим трудом спаслись и перешли в Ливию. «Но допустим даже, что наши тамошние войска разбиты, что Ганнибал явился сюда и пожелал дать нам битву как победитель, и тогда надежды ваши на будущее были бы сомнительны, и вы должны были бы думать не о победе только, но и о возможности нового поражения, ибо мы одолели вас в двух битвах кряду. Если же вас постигнет поражение, к каким богам вы будете взывать о помощи? В каких выражениях будете молить победителя об участии к вашей плачевной доле? Вероломством и безумием вы, как и подобало, отняли у себя всякое право на сострадание богов и людей». С этими словами послы удалились.

2. Вероломство карфагенян. Что касается карфагенян, то из них немногие лишь советовали верно блюсти договор, большинство же должностных лиц и сенаторов тяготились содержащимися в договоре обязательствами и чувствовали себя обиженными вольностью речей послов, наконец, никак не могли помириться с возвращением захваченных судов и добытых вместе с ними припасов. Однако самое главное то, что карфагеняне рассчитывали на победу при помощи Ганнибаловых войск. Поэтому в народном собрании решено было отпустить римских послов без ответа[1]; те же из должностных лиц, коим желательно было снова поднять войну во что бы то ни стало, собрались на совещание и придумали такую меру: необходимо, говорили они, позаботиться о благополучном возвращении послов в римскую стоянку, с каковою целью и были тотчас снаряжены два трехпалубных судна для сопровождения послов; между тем тут же послали начальнику флота Гасдрубалу сказать, чтобы невдалеке от римской стоянки он держал наготове суда, которые должны будут напасть на римских послов, как скоро они оставлены будут провожающими их кораблями, и потопить их в море. Карфагенский флот стоял в это время на якоре перед Итикой. Распоряжение было послано Гасдрубалу, и римские послы отпущены, причем трехпалубным судам приказано было по миновании реки Макара[2] покинуть послов в пути и возвращаться назад в Карфаген. С этого места уже можно было различать неприятельскую стоянку[3]. Сопровождавшие послов карфагеняне, миновав реку, простились с римлянами, как было им приказано, и отплыли назад. Луций и его товарищи не подозревали в этом ничего дурного и

только досадовали немного на недостаток почтительности в проводниках, которые покинули их преждевременно. Как только послы остались одни, на них из засады устремились три карфагенских триремы, но карфагеняне не могли ни пробить римского пятипалубного судна, которое успело увернуться от удара, ни вскочить на палубу, потому что команда римского корабля защищалась храбро; однако при нападении вблизи[4], заходя со всех сторон, карфагеняне ранили корабельных воинов и многих из них убили. Наконец римляне заметили, как от стоянки отделилась объездная стража и спешила к морскому побережью им на помощь, и погнали судно к суше. Большинство команды погибло; послы каким-то чудом спаслись.

3. Раздражение римлян по случаю вероломства карфагенян. Возобновление военных действий. Это происшествие послужило новым поводом к войне более упорной и ожесточенной, чем прежняя. Почитая карфагенян нарушителями договора, римляне горели желанием смирить их; с другой стороны, карфагеняне, сознавая свою вину, решились не поддаваться врагу до последней крайности. При таком настроении обеих сторон было ясно, что спор должен решиться войною. Поэтому не только в Италии и Ливии, но даже в Иберии, Сицилии и Сардинии все было возбуждено и с напряжением ожидало событий. В это время Ганнибал, ощущая недостаток в коннице, обратился к некоему нумидийцу Тихею, другу Софака, конница которого почиталась наилучшею в Ливии, с просьбою о присылке ему вспомогательного войска и о содействии в столь трудных обстоятельствах. Тихей хорошо понимал, что в случае победы карфагенян власть может оставаться за ним по-прежнему; напротив, в случае торжества римлян властолюбие Масанассы угрожает самой жизни его. Поэтому Тихей внял просьбе Ганнибала и явился к нему с двумя тысячами конницы.

4. С другой стороны, Публий позаботился оградить флот от всякой опасности, начальником и заместителем своим поставил Бебия, а сам пошел на города, причем не под защиту принимал их, как покоряющиеся добровольно, но брал силою и обращал жителей в рабство, дабы показать, насколько раздражен он против врагов после вероломства карфагенян. В то же время Публий посылал к Масанассе гонца за гонцом с извещением о том, как финикияне нарушили договор, и с настоя-

тельною просьбою собрать возможно больше войска и идти на соединение с ним. Дело в том, что Масанасса немедленно по заключении договора удалился со своими войсками, о чем рассказано у меня выше*. Кроме того, он получил еще от военачальника десять эскадронов римской конницы, столько же пехоты и послов римских в надежде не только возвратить себе отцовские владения, но при помощи римлян приобрести еще и владения Софака. Так действительно и вышло.

Случайно совпало с этим возвращение из Рима послов в римскую корабельную стоянку. Римских послов Бебий тотчас препроводил к Публию, а карфагенских[5] задержал; эти последние вообще пребывали в тревоге и ждали для себя великой беды. Они ведь узнали о насильственных действиях карфагенян над римскими послами и были уверены, что месть за это падет на них. Между тем Публий сильно обрадовался, когда услыхал от прибывших из Рима послов, что как сенат, так и народ утвердили условия договора, заключенного им с карфагенянами, и соглашались на все их требования. Что касается карфагенских послов, то он приказал Бебию препровождать их обратно домой с величайшею заботливостью, — образ действий, как я думаю, совершенно правильный и разумный. Зная, что отечество его свято блюдет обязанности по отношению к послам, он и сам думал не столько о том, чего заслужили карфагеняне, сколько о том, как надлежит поступать римлянам. Поэтому Публий сдержал личное раздражение, досаду и негодование по поводу случившегося и постарался, как гласит поговорка, соблюсти в чистоте доброе имя отцов. И вот, восторжествовав своим великодушием над тупостью врагов, он привел в уныние карфагенян и самого Ганнибала.

5. Великодушие Сципиона. При виде разоренных городов карфагеняне послали просить Ганнибала не медлить более, идти навстречу неприятелю и кончить войну одним сражением. Явившимся с просьбою послам Ганнибал отвечал, что пускай карфагеняне занимаются всеми делами, но не касаются этого, ибо момент для битвы он выберет сам. Несколько дней спустя Ганнибал с войском покинул окрестности Гадрумета[6] и расположился лагерем близ Замы[7], — город, лежащий дней на пять пути к западу от Карфагена. Отсюда Ганнибал отрядил

---

* Рассказ не сохранился. *Liv.* XXX 5–11.

трех соглядатаев для разведок о том, где стоят лагерем римляне и какие лагерные порядки поддерживаются римским военачальником. Захваченные соглядатаи приведены были к Публию; вопреки общепринятому обычаю он не думал наказывать пленников, напротив, дал еще им в провожатые трибуна, которому велел показать соглядатаям, ничего не утаивая, все расположение стоянки. Когда осмотр был кончен, Публий спросил еще соглядатаев, все ли с одинаковым старанием показал им проводник. Получив утвердительный ответ, он дал им денег на путевые издержки, провожатых и отпустил, наказывая им сообщить Ганнибалу все так, как они видели. По возвращении соглядатаев Ганнибал, изумленный великодушием и отвагою римлянина, возымел страстное желание говорить с Публием. Приняв такое решение, он послал к Публию глашатая сказать, что желает говорить с ним о завершении борьбы. Публий принял сообщенное глашатаем предложение и добавил, что пришлет уведомить, где и когда ему желательно будет видеться с Ганнибалом. С этим ответом глашатай возвратился в стоянку.

На другое утро к Публию прибыл Масанасса и с ним тысяч шесть пехоты и около четырех тысяч конницы. Публий радушно встретил Масанассу и приветствовал его по случаю покорения всех народов, раньше подвластных Софаку, потом снялся со стоянки и дошедши до города Нарагары, расположился лагерем: занятая под лагерь местность, удобная во всех отношениях, дозволяла иметь воду на расстоянии выстрела из лука. **6. Свидание Ганнибала с Публием и беседа их.** Отсюда-то Публий и послал сказать военачальнику карфагенян, что готов видеть его и беседовать с ним. При этом известии Ганнибал снялся с места, подошел к неприятелю стадий на тридцать и разбил лагерь на возвышенности, которая, казалось, была удобна для этого во всех отношениях, только отстояла немного далеко от воды, так что солдаты Ганнибала сильно терпели от жажды. На другой день Публий и Ганнибал вышли каждый из своей стоянки в сопровождении небольшого числа конных воинов, которых оставили потом назади, и одни с переводчиком вышли на середину. После приветствия первым заговорил Ганнибал, что он желал бы, чтобы ни римляне никогда не простирали своих вожделений за пределы Италии, ни карфагеняне — за пределы Ливии. Ибо страны эти, говорил он, и сами по себе представляют прекраснейшие владения, и

границы их как бы намечены самою природою. «Так как мы первую распрю нашу и войну подняли из-за Сицилии[8], потом из-за Иберии, так как, наконец, мы, все еще не наученные превратностями счастья, дошли в своем ослеплении до того, что одним из нас угрожала, другим угрожает теперь опасность утратить родную землю, то долг наш — положить конец нынешней распре, если будет на то милость богов. Посему я готов кончить вражду, ибо собственный опыт научил меня понимать, сколь изменчиво счастье, по каким иногда маловажным причинам судьба дает решительный перевес одной или другой стороне, обращаясь с нами как с неразумными детьми. Только, Публий, я сильно боюсь, что ты не внемлешь моим увещаниям при всей убежденности их, ибо ты слишком молод еще, и начинания твои как в Иберии, так равно и в Ливии всегда имели желанный конец, и превратностей судьбы ты не испытал на себе до сих пор. Но вот тебе один достаточный пример человеческой судьбы, не из далекого прошлого взятый, но принадлежащий нашему времени: тот самый Ганнибал, который после битвы при Каннах был чуть не обладателем всей Италии, вскоре затем подошел к самому Риму, в сорока стадиях от города разбил свой лагерь и уже держал совет о том, что делать с вами и с землею вашего города. Теперь я в Ливии, прихожу к тебе, римлянину, для переговоров о жизни моей собственной и карфагенян. Советую тебе памятовать эту превратность и, не возносясь гордынею, принимать решения, приличествующие смертному, то есть каждый раз брать наибольшее из благ и наименьшее из зол. Неужели рассудительный человек по доброй воле может предпочесть миру такую войну, какая предстоит тебе? Ибо даже победою ты не приумножил бы славы ни твоей, ни твоего отечества, в случае же поражения погубишь собственными руками славу и почет, добытые раньше. Каково же заключение моей настоящей речи? Все, из-за чего до сих пор мы враждовали, пускай принадлежит римлянам, именно Сицилия, Сардиния, Иберия, и никогда карфагенянин да не поднимает войны из-за этих земель против римлян; римлянам точно так же должны принадлежать и все прочие острова между Италией и Ливией. Заключенный на таких условиях мир, как я убежден в том, вернейшим образом сохранит безопасность карфагенян в будущем, а тебя и всех римлян покроет величайшей славой».

8. Ответ Сципиона. Так говорил Ганнибал. В ответ ему Публий напомнил, что не римляне, а карфагеняне были виновниками войны за Сицилию и за Иберию и что это, верно, знает прекрасно и Ганнибал. Сами боги свидетели в том, даровав победу не той стороне, которая несправедливо нападала, но той, которая защищалась от нападения. Ему не хуже всякого другого известна превратность счастья, и он по возможности сообразуется с слабостью человека. «Так, если бы ты предложил эти условия мира раньше, до перехода римлян в Ливию и по добровольном очищении Италии, ты не ошибся бы, я полагаю, в своих ожиданиях. Но тебя вынудили удалиться из Италии, а мы перешли в Ливию и удержали поле битвы за собою, так что, несомненно, положение дел сильно изменилось. Потом, чего же мы достигаем, — вот что важнее всего. После поражения твоих сограждан и согласно просьбе их мы заключили письменный договор, в коем сверх нынешних твоих предложений значилось, чтобы карфагеняне освободили военнопленных без выкупа, чтобы выдали палубные суда, уплатили пять тысяч талантов и поставили заложников. Таковы были условия обоюдно принятые. Обе стороны обратились с ними через послов к сенату нашему и народу, мы с заявлением, что согласны на эти условия, карфагеняне с просьбою утвердить их. Сенат одобрил условия, народ утвердил. Карфагеняне получили, чего желали, а потом подвергли это, предательски нарушив договор. Что остается делать? Поставь себя на мое место и отвечай. Не изъять ли нам из договора наиболее тяжелые для вас условия? Для того разве, чтобы карфагенянам получить награду за свое преступление и принять для себя за правило награждать своих благодетелей вероломством. Или же для того, чтобы они возблагодарили нас за удовлетворение их желаний? Однако теперь те же карфагеняне по получении того, о чем просили и молили, не замедлили поступить с нами, как с злейшими врагами, лишь потому, что возымели слабую надежду на тебя. Если бы при этих обстоятельствах отягчены были условия прежнего договора, то еще можно бы обратиться к народу снова с предложением[9] мира; напротив, обсуждение не может быть допущено, если принятые уже условия мира сокращаются. Каково же заключение моей речи? Вам остается или отдать себя и отечество ваше на наше благоусмотрение, или победить нас на поле сражения».

9. Приготовление к битве. С этими словами Ганнибал и Публий разошлись в разные стороны, не придя ни к какому соглашению. На следующий день, чуть рассвело, противники вывели свои войска из стоянок и выстроились к бою: карфагенянам предстояло бороться за свое существование и за господство над Ливией, римлянам за мирное владычество. Неужели кто-нибудь может оставаться безучастным к повести об этом событии? Никогда еще не было столь испытанных в бою войск, столь счастливых и искусных в военном деле полководцев; никогда еще судьба не сулила борющимся столь ценных наград. Победителю предстояло получить власть не над Ливией только и Европой, но и над всеми прочими досель известными нам странами мира. Так вскоре и случилось.

Расположение обоих войск. Публий построил свои войска в следующем порядке: впереди поставил манипулы *hastat*'ов в некотором расстоянии один от другого, за ними *principes*'ов, но не против промежутков в передних рядах, как бывает у римлян обыкновенно[10], а за самыми манипулами, в некотором расстоянии от них, ибо у неприятеля было множество слонов. Последними поставлены были *triarii*. На левом из флангов Публий поместил Гая Лелия во главе италийской конницы, на правом Масанассу со всеми подвластными ему нумидянами. Промежутки между передними манипулами он заполнил отрядами легковооруженных, которым и отдал приказ начинать битву: если б они не устояли перед натиском слонов, то должны были отступить более быстрые из них в самый тыл войска через промежутки, следовавшие один за другим по прямой линии, другие, замешкавшиеся по вине неприятеля, в боковые проходы между рядами манипулов.

10. Покончив с расположением войска, Публий обходил ряды и обращался к воинам с краткими подобающими случаю речами. Так, он просил их во имя прежних битв показать себя и теперь доблестными воинами, достойными самих себя и отечества, и живо памятовать, что победа над врагом не только прочно утвердит власть их над Ливией, но стяжает им и государству их неоспоримую власть и главенство над целым миром. Если же битва кончится несчастливо, павшие в честном бою воины найдут себе в смерти за родину прекраснейший памятник, а бежавшие с поля трусы покроют остаток дней своих позором и бесчестием. Ибо нигде в Ливии беглецы не най-

дут для себя безопасного пристанища, а всякого, попавшего в руки карфагенян, ждет участь, которую легко угадает каждый здравомыслящий человек. «Никому бы я не пожелал, — продолжал Публий, — на себе испытать эту участь! Итак, когда судьба обещает нам великолепнейшую награду, победим ли мы, или ляжем мертвыми, неужели мы покажем себя низкими глупцами и из привязанности к жизни отринем лучшее благо и примем на себя величайшие беды». Посему Публий убеждал римлян идти с двояким решением, победить или умереть, а такая решимость, заключил он, всегда неизбежно ведет к торжеству над врагом, потому что люди идут в битву без страха потерять жизнь. Приблизительно так говорил Публий своим войскам.

11. Впереди всего войска Ганнибал поставил слонов, числом больше восьмидесяти, за ними отвел место наемникам, коих насчитывалось до двенадцати тысяч: это были лигистины, кельты, балеаряне, мавры. За наемниками выстроены были туземцы ливияне и карфагеняне, а последними стояли войска, прибывшие вместе с Ганнибалом из Италии, на расстоянии стадии с лишним от передних рядов. Фланги Ганнибал обезопасил с помощью конницы, на левом крыле поставив союзных нумидян, а на правом карфагенскую конницу. Потом он отдал приказ, чтобы начальники наемных войск ободряли каждый своих солдат напоминанием, что надежды на победу покоятся на Ганнибале и явившихся с ним войсках. Карфагенянам через начальников их велел он исчислить и ярко изобразить все беды, какие угрожают детям их и женам в случае несчастного исхода войны. Начальники так и поступили. Сам Ганнибал в это время обходил собственные свои войска, настойчиво просил и убеждал их не забывать, что они семнадцать лет были вместе, много сражений дали римлянам, что всегда выходили победителями и в противнике ни разу не оставляли даже надежды на победу. Не говоря уже о маловажных сражениях и бесчисленных военных успехах, он просил воинов оживить в своей памяти битву на реке Требии[11] с отцом нынешнего военачальника римлян, битву в Тиррении с Фламинием, наконец, сражение близ Канн с Эмилием. Ни с одним из этих сражений предстоящая битва не может идти в сравнение ни по количеству

воинов, ни по степени мужества. При этих словах Ганнибал предложил воинам взглянуть на боевую линию неприятеля, чтобы убедиться, что враги не то что малочисленные, чем были прежде, они составляют самую ничтожную долю прежних врагов, а по храбрости не выдерживают никакого сравнения с ними. Так, прежние враги выходили на битву не будучи ослаблены предшествующими поражениями, тогда как теперешние состоят частью из потомков, частью из остатков войск, многократно побежденных в Италии и бежавших перед Ганнибалом. Вот почему на обязанности их лежит не омрачать славы и доброго имени своих и вождя своего, но храбростью в битве оправдать широко распространенную молву о них, как о непобедимых воинах. Таковы или почти таковы были увещания обоих военачальников.

12. Битва при Заме. Потом, когда все приготовления к битве были кончены, произошло несколько легких схваток нумидийской конницы с обеих сторон. Ганнибал приказал вожатым двинуться со слонами на врага. Но раздавшиеся со всех сторон звуки труб и рожков смутили нескольких слонов, которые повернули назад и кинулись на нумидян, пособников карфагенян. Благодаря этому отряд Масанассы быстро оттеснил конницу от левого крыла карфагенян. Прочие слоны столкнулись с римскими легковооруженными на промежуточном пространстве между боевыми линиями, причем и сами сильно пострадали, и врагам причинили большой урон, наконец в страхе одни из них кинулись на римское войско, которое благодаря предусмотрительности вождя могло пропустить их через свободные промежутки без всякого урона для себя, другие перебежали на правое крыло и, обстреливаемые конницей, попали наконец за боевую линию. В это время Лелий воспользовался смятением слонов и обратил в беспорядочное бегство карфагенскую конницу. Он с ожесточением теснил бегущих; то же сделал Масанасса. В это самое время тяжелые пешие войска обоих противников мерным шагом грозно наступали друг на друга; только войска, прибывшие из Италии вместе с Ганнибалом, оставались неподвижно на месте. Когда враги сблизились, римляне согласно исконному обычаю издали дружный боевой клич, ударили мечами в щиты и начали напирать на врага. С другой стороны карфагенские наемники

подняли беспорядочный дикий шум, потому что, говоря словами поэта

> Крик сей и звук их речей не у всех одинаковы были;
> Но различный язык разноземных народов союзных*, —

как мы только что перечислили[12].

13. Поражение карфагенян. Сначала, пока битва была только рукопашная и противники дрались один на один, пока сражающиеся действовали не копьями, а мечами, перевес был на стороне наемников, благодаря их ловкости и отваге, и многие римляне были ранены. Однако, полагаясь на превосходство своего военного строя и вооружения, римляне подвигались все дальше вперед. Кроме того, у них за передовыми бойцами следовали другие, поддерживавшие бодрость духа в сражающихся, тогда как на неприятельской стороне оробевшие карфагеняне не спешили к наемникам и не подавали им помощи, благодаря чему варвары стали наконец отступать. Во время отступления наемники наталкивались на стоявших позади карфагенян и, будучи твердо убеждены, что те покинули их, рубили своих же. Многие карфагеняне пали поэтому геройскою смертью, ибо вынуждены были рубившими их наемниками обороняться и от своих воинов, и от римлян. С яростью и отчаянием кидаясь в битву, карфагеняне перебили множество своих и врагов, стремительным нападением расстроили даже манипулы *hastat*'ов, а начальники *principes*'ов, поняв в чем дело, остановились со своими манипулами. Огромное множество наемников и карфагенян пало на поле брани частью от рук своих воинов, частью под ударами *hastat*'ов. Тех из наемников, которые искали спасения в бегстве, Ганнибал не допустил до соединения с его войсками, приказав задним воинам протянуть вперед свои копья и не допускать к себе бегущих. Вследствие этого бегущие вынуждены были укрываться на флангах и выходить на прилегающие к ним открытые поля.

14. Поле сражения после битвы. Пространство, разделявшее войска, которые еще уцелели, все было залито кровью, наполнено ранеными и убитыми, и эти последствия поражения

---

* Ил. IV 437 сл. Пер. Гнедича.

сильно затрудняли действия римского военачальника. И в самом деле, кучи трупов, истекающих кровью и наваленных друг на друга, а также вооружение, разбросанное повсюду в беспорядке вместе с людьми, мешали движению построенного правильно войска. Тем не менее Публий распорядился перенести раненых в тыл, гнавшихся за неприятелем *hastat*'ов отозвал звуками трубы назад, поставил их впереди поля сражения[13] против неприятельского центра, а *principes*'ам и *triari*'ям велел тесно сомкнуться в ряды на обоих флангах и проходить вперед мимо трупов. Когда пространство это было пройдено и *principes*'ы поравнялись с *hastat*'ами, полчища с величайшей простью и стремительностью ударили друг на друга. Воюющие были почти равносильны по численности и воодушевлению, равно по вооружению и храбрости, посему исход битвы долгое время оставался неизвестным, ибо сражавшиеся считали своим долгом держаться на своих местах до последнего издыхания. Наконец возвратились из погони за конницей Масанасса и Лелий и каким-то чудом вовремя подоспели к делу. Нападение произведено было ими с тыла, благодаря чему большая часть воинов Ганнибала истреблена была на месте, а из бежавших уцелели лишь весьма немногие, потому что в деле участвовала конница, и местность была ровная. Потери римлян убитыми превышали тысячу пятьсот человек, карфагенян было убито больше десяти тысяч и немного меньше взято в плен.

15. Бегство Ганнибала. Так вышеназванные военачальники завершили последнюю битву, окончательно решившую прю в пользу римлян. После сражения Публий пустился в погоню за карфагенянами, разграбил их стоянку и возвратился к себе в лагерь. Ганнибал с немногими конными воинами отступал безостановочно к Гадрумету и там укрылся. Во время битвы он сделал все так, как только может и обязан делать доблестный вождь, искушенный во многих битвах. Так, прежде всего он попытался было вступить самолично в переговоры с врагом, дабы тем положить конец распре, а это свидетельствует, что он при всем сознании прежних успехов умел не доверять судьбе и заранее допускал совершенно неожиданный исход борьбы. Отважившись затем на битву, Ганнибал действовал именно так, как при вооружении его войска следовало действовать в борьбе с римлянами. Тогда как римский военный строй и римское войско трудно разорвать[14], солдаты, остава-

ясь в том же строю, имеют возможность вести сражение отдельными частями или всею массой по всем направлениям, ибо ближайшие к месту опасности манипулы каждый раз обращаются лицом, куда нужно. К этому следует добавить, что вооружение римлянина и обороняет его, и поднимает его дух, потому что щит его велик, а меч не портится в действии. Трудно поэтому бороться с римским солдатом и трудно одолеть его.

16. И все-таки Ганнибал умел принять своевременно против всех их приспособлений рассчитанные меры с несравненною проницательностью. Так, с самого начала он запасся большим числом слонов и потом ставил их перед боевой линией с целью расстраивать и разрывать ряды неприятелей. За слонами он помещал прежде всего наемников, а дальше карфагенян, дабы истощить силы врага в предварительной борьбе и продолжительной сечей иступить его оружие, а также для того, чтобы принудить карфагенян нахождением в середине оставаться на местах во время сражения, как говорит Гомер:

...чтоб каждый, если не по воле, то по нужде сражался*.

Воинов отборнейших по мужеству и отваге он ставил в некотором расстоянии от прочего войска, дабы они издали наблюдали за ходом сражения и, в целости сохраняя свои силы и бодрость духа, могли в решительную минуту послужить своею доблестью. И если Ганнибал, до сего времени непобедимый, сражен был теперь, невзирая на то, что сделал все возможное для достижения победы, то нельзя осуждать его строго. Иной раз судьба противодействует замыслам доблестных мужей, а иногда, как гласит пословица, «достойный встречает в другом достойнейшего». Это, можно сказать, и случилось тогда с Ганнибалом (*Сокращение*).

17. ...Выражение[15] горя, превосходящее меру того, что мы привыкли наблюдать у большинства, как нечто обычное, лишь тогда вызывает участие в очевидце или слушателе, когда видно, что это горе испытывается на самом деле и вызвано тяжкими бедствиями; в этом случае чрезмерностью горя только усиливается сострадание в каждом из нас. Напротив, когда подобное выражение горя притворно и рассчитано на обман,

---

* Ил. IV 300.

оно вместо сострадания возбуждает гнев и ненависть: так именно было с послами от карфагенян. Публий в немногих словах начал с того, что римляне вовсе не обязаны снисходить к карфагенянам, ибо и карфагеняне не отрицают того, что они первые подняли войну на римлян, в противность договору захватив город заканфян, недавно еще учинили новое вероломство, преступив клятву и нарушив написанный уже договор. Однако, продолжал Публий, римляне ради самих себя и во внимание к превратности человеческого счастья решили воспользоваться победою с умеренностью и великодушно. Карфагеняне сами, говорил он, убедятся в том, если правильно взглянут на теперешнее положение дел. Так, чего бы римляне ни потребовали от карфагенян и к чему бы ни обязали их, карфагеняне не должны находить требования их тяжкими; напротив, малейшее послабление со стороны римлян они должны бы почитать для себя необычайным счастьем, ибо судьба в наказание за неправду отняла у них всякое право рассчитывать на сострадание и милость и предала их в руки врагов. После этого Публий объявил послам даруемые римлянами выгоды, а равно и те тягости, которые они должны были принять на себя.

18. Условия мира. Из предложенных условий важнейшие были следующие: карфагенянам предоставляется владеть городами в Ливии, какие были во власти их и раньше, до объявления войны римлянам, владеть землею, искони им принадлежавшею, вместе со стадами, рабами и прочим достоянием. С того же дня карфагеняне освобождаются от неприязненных действий, будут жить по собственным законам и обычаям, не содержа у себя римского гарнизона. Таковы были выгоды; тяготы же следующие: карфагеняне обязаны возместить римлянам все потери, причиненные во время перемирия, возвратить пленных и перебежчиков за все время войны, выдать римлянам все военные суда, за исключением десяти трехпалубников, равно как и всех слонов; не объявлять войны без соизволения римлян ни одному из народов ни за пределами Ливии, ни в самой Ливии, возвратить Масанассе дома, землю, города и прочее имущество как самого царя, так и его предков в тех пределах, какие будут им указаны, в течение трех месяцев кормить римское войско и выдавать ему жалование, доколе из Рима не прибудет решение касательно этих условий. Карфагеняне обя-

зуются уплатить десять тысяч талантов деньгами в продолжение пятидесяти лет, внося ежегодно по двести эвбейских талантов. В обеспечение договора карфагеняне обязаны дать сто заложников, каких укажет римский военачальник, возрастом не моложе четырнадцати лет и не старше тридцати.

19. Вот что объявил послам римский военачальник. Те поспешили с ответом домой и сообщили его соотечественникам. Рассказывают, что один из сенаторов* вздумал было возражать против предлагаемых условий и уже начал говорить, но в это время Ганнибал вышел вперед и стащил оратора с трибуны. Все сенаторы возмутились непристойностью Ганнибала. Тогда он снова поднялся и сказал, что поступил так по неведению, но что они должны простить его проступок, если как-нибудь он нарушает обычаи страны, ибо сенаторам известно, что он покинул родину на девятом году от роду и возвратился домой сорока пяти лет[16] с лишним. Во внимание к этому Ганнибал просил взирать не столько на то, погрешил ли он в чем-либо против родных обычаев, сколько на то, действительно ли бедствия родины печалят его, ибо и теперь скорбь за родину подвинула его на непристойность. Поразительным безрассудством показалось ему, что карфагенянин, хорошо знающий все, что замышлялось нашим государством и отдельными гражданами против римлян, теперь не преклоняется с благодарностью перед судьбою за столь милостивое обращение победоносного врага. Если бы за несколько дней раньше кто-нибудь спросил карфагенян, чего ждут они для своего отечества в случае торжества римлян, они не в силах были бы ответить по причине несравненной громадности ожидаемых бедствий. Посему Ганнибал просил не входить более в рассуждение и, единогласно приняв условия мира, принести жертву богам и всем помолиться о том, чтобы народ римский утвердил договор. Совет Ганнибала признан был мудрым и согласным с положением дел, посему решено заключить мир на поименованных выше условиях. Тут же сенат отрядил послов в Рим для изъявления согласия на мир (*Сокращение*).

20. Неправды Антиоха и Филиппа и наказание их. ...Кто не удивится, что Антиох и Филипп, пока жил Птолемей**[17] и

---

* Gisgo у Ливия.
** Филопатор.

не нуждался в их помощи, готовы были помогать ему, а потом, когда Птолемей умер и остался малолетний сын его, которому оба властителя по всей справедливости должны были бы содействовать удержаться на царстве, они как раз в это время стали подстрекать друг друга к тому, чтобы поделить между собою владения отрока и его самого, беззащитного, лишить жизни. При этом они даже не позаботились, как делают тираны, хоть чем-нибудь оправдать гнусное дело, но с самого начала действовали с таким бесстыдством и яростью, что уподобились рабам, у которых, как выражаются, гибель младшего служит к питанию и поддержанию жизни для старшего. Неужели после этого кто-нибудь может, заглянув в договор, не видеть в нем, как в зеркале, отражения поименованных выше царей с их нечестием относительно богов, с их жестокостью к людям и с их необычайною алчностью? Однако если кто из нас может по справедливости укорить судьбу за устроение человеческих дел, то он же может найти и примирение с нею в том, что судьба впоследствии подвергла этих царей заслуженному наказанию, а потомству оставила пример внушительнейшего предостережения. Кроме того, когда цари предательски действовали друг против друга и в то же время делили между собою царство младенца, судьба ниспослала на них римлян и их подлые замыслы против других обратила на них самих, как они того заслужили. Так, скоро после этого, будучи побеждены римским оружием, они не только вынуждены были отказаться от притязаний на чужое достояние, но и заплатить римлянам наложенную на них дань. Наконец в весьма короткое время судьба восстановила царство Птолемея, а владычество тех двух царей ниспровергла, преемников их или истребила, или обрекла на бедствия, почти равносильные гибели (*Сокращение*).

21. Насильственные действия Филиппа против Кия. ...Среди кианов[18] был некто Молпагор, человек, умевший красно говорить и ловко действовать, по характеру льстивый перед народом и корыстолюбивый. Заискивая у толпы, он возбуждал ее подозрение против людей достаточных, из коих одних погубил, других вынудил покинуть родину, имущества же их присваивал государству и раздавал народу. Такими средствами он быстро приобрел себе значение единодержавного владыки (*О добродетелях и пороках, Свида*).

...Кианов постигло такое несчастие не столько по вине судьбы или несправедливых соседей, сколько по их собственному безрассудству и дурному ведению государственных дел. Всегда возвышая худших граждан и карая лучших, чтобы затем поделить между собою состояния этих последних, они как бы сами себя ввергали в бездну несчастий. Не знаю, почему люди, ясно сознавая свои ошибки, не только не могут излечиться от безрассудства, но не обнаруживают ни малейшего колебания, как бывает даже у некоторых неразумных животных. Так, животные не только тогда, когда видят в беде другого себе подобного, нелегко приближаются к подобным предметам, самое это место пугает их, и они недоверчиво относятся ко всему, что замечают на том месте. Люди наоборот: сколько бы ни слушали об окончательной гибели городов по тем же причинам, по каким погиб только что названный город, сколько бы сами ни видели гибнущих городов, тем не менее слепо идут на приманку, если кто-либо льстивою речью заронит в них надежду обратить чужую беду на пользу себе. И они прекрасно знают, что не уцелел никогда никто из людей, проглотивших подобную приманку, что такое ведение государственных дел навлекало на всех неизбежную гибель.

22. Завладев городом, Филипп ликовал при мысли о том, что им совершено благородное и славное дело, и что оказана скорая помощь шурину*[19], что он навел страх на всех своих недругов и честным путем приобрел много пленников и денег. Обратной стороны этой удачи, совершенно ясной, Филипп не замечал: когда он помогал своему шурину, на того не нападали, напротив, сам он вероломно нападал на соседей; во-вторых, Филипп причинил эллинскому городу незаслуженные величайшие бедствия и тем давал непререкаемое оправдание ходившей молве о вероломстве его по отношению к друзьям; то и другое по справедливости стяжало ему у всех эллинов имя подлого человека. В-третьих, Филипп издевался над послами упомянутых выше городов, которые явились ради избавления кианов от угрожавшей им беды. Филипп со дня на день обнадеживал послов, забавлял шутками, пока не вынудил их быть свидетелями тягостнейшего для них зрелища. Наконец он так раздражил родосцев, что те не могли слышать самого имени Филиппа.

---

* Прусий I.

23. В этом случае судьба[20] явно благоприятствовала Филиппу. Так, когда царский посол держал речь в театре перед родосцами в защиту Филиппа, превозносил его великодушие и уверял, что Филипп, почти имея уже город в своих руках, пощадил его в угоду родосскому народу, что этим поступком царь желал изобличить лживость изветов врагов, а городу родосцев дать доказательство своего благоволения, — в это самое время кто-то с пристани явился в притании с известием, что кианы проданы в рабство и что Филипп учинил жестокости над ними. Посол еще не кончил своих похвал Филиппу, как притан выступил вперед и сообщил эту весть. Бесчинство Филиппа было так непомерно, что родосцы не хотели верить словам притана. После этого вероломства, обратившегося гораздо больше против самого Филиппа, чем против киан ов, царь дошел в своем ослеплении и беззаконии до того, что гордился и похвалялся такими действиями, какие должен был бы считать величайшим для себя позором. С этого дня народ родосский увидал в Филиппе врага и сообразно с сим готовился к войне. Тем же образом действий он возбудил против себя величайшую ненависть и в этолийцах. Незадолго до этого он заключил мир с этолийским народом, друзьями и союзниками коего были жители Лисимахии, Калхедона, Кия, и предлагал этолянам свою дружбу. Между тем незадолго до этого он без всякого повода присвоил себе Лисимахию, отторгнув ее от союза с этолянами, потом Калхедон и, наконец, продал в рабство киан ов в то время, когда в городе их по главе управления находился военачальник от этолян. Что касается Прусия, он был очень рад, что его план осуществился, однако досадовал на то, что плоды победы достались другому, а он получил только оголенную землю города, хотя сделать что-нибудь против этого Прусий был не в силах (*Сокращение*, *Сокращение ватиканское*, *О добродетелях и пороках*).

24. Бесчинства Филиппа относительно Фаса. ...На обратном пути Филипп совершал вероломство за вероломством, к полудню пристал к городу фасиян и обратил их в рабство, хотя город был в дружбе с ним (*О добродетелях и пороках*).

...Военачальнику Филиппа Метродору фасияне заявили, что сдадут город, если царь освободит их от гарнизона, от дани, постоя и предоставит им жить по собственным законам. Все фасияне шумно приветствовали слова его и проводили Филиппа в город (*Свида*).

Рассуждения автора о царях. ...Кажется, все цари в самом начале царствования любят употреблять в речи слово «свобода» и величают друзьями и союзниками людей, участвовавших в осуществлении их замыслов; но вскоре по достижении цели они обращаются с доверившимися им людьми не как товарищи их, но как господа. Поэтому они попирают долг свой, при этом чуть не во всем поступая совершенно обратно собственным выгодам. Можно ли не считать безумцем или умопомраченным царя, который заносится в своих планах очень высоко и мечтает о мировом владычестве, все начинания которого венчаются успехом, а он в то же время спешит по ничтожнейшим поводам, какие только представляются, проявлять вероломство и малодушие (*Сокращение ватиканское*).

24а. Вынужденные отступления от обычного порядка изложения. ...Так как[21] мы излагаем год за годом все события, единовременно совершающиеся на земле, то, разумеется, бываем иногда вынуждены заносить в изложение конец события раньше начала его, тогда именно, когда согласно с расположением всего сочинения и с ходом рассказа то место сочинения, в коем содержится конец события, предшествует тому, в котором сообщаются начало и план предприятия (*Сокращение ватиканское*).

25. Козни и преступления при египетском дворе. Сосибий. ...Сосибий[22], самозванный опекун Птолемея, показал себя существом изворотливым, искусившимся в придворных кознях. Прежде всего, как рассказывают, он уморил Лисимаха[23], сына Арсинои, Лисимаховой дочери, и Птолемея, потом Магу, сына Птолемея и Маговой дочери Береники; третьей жертвой его была Береника, мать Птолемея Филопатора; четвертою Клеомен спартанец, пятою дочь Береники Арсиноя (*О добродетелях и пороках*).

Насильственная смерть Арсинои. Птолемей Эпифан. Агафокл. ...Три или четыре дня спустя Агафокл и Сосибий соорудили в обширнейшем портике царского дворца подмостки, созвали туда гипаспистов и прислугу и с ними вместе начальников пехоты и конницы. Когда весь этот народ собрался, Агафокл и Сосибий взошли на подмостки, объявили о смерти царя и царицы* и возвестили народу установленный обычаем

---

* Филопатора и Арсинои.

траур. После этого они возложили венец на отрока* и провозгласили его царем, тут же прочитали подложное завещание, в котором значилось, что царь оставляет Агафокла и Сосибия опекунами сына. Начальников войска они убеждали блюсти верность царственному младенцу и оберегать власть его, потом велели внести две серебряных урны: одна была как бы с останками царя, другая Арсинои. На самом деле в одной урне находились останки царя, а другая была с благовониями. Вслед за сим было приступлено к погребению. Теперь для всех было ясно, что сталось с Арсиноей. Как только смерть Арсинои была оглашена, начались расспросы о том, какою смертью погибла царица, и когда нельзя было придумать никакой иной причины ее гибели, кроме той, какую называла молва, хотя кое-кто еще оспаривал ее, в сознании каждого происшествие рисовалось в том самом виде, как оно совершилось в действительности, и толпа была сильно возмущена. О царе не было речи вовсе; напротив, судьба Арсинои до того волновала и печалила всех, что город был полон стенаний, слез и бесконечных жалоб: одни вспоминали ее сиротство, другие — те обиды и оскорбления, какие она вынесла в нежнейшем возрасте, и ее злосчастную кончину. Однако понимающий свидетель мог ясно видеть, что все это было выражением не столько любви к Арсиное, сколько злобы против Агафокла. Между тем, поставив урны в царских покоях, Агафокл приказал снять траурные одежды, а затем выдать войскам двухмесячное жалованье в том убеждении, что ненависть толпы можно смирить участием к народным нуждам, потом взял с присутствующих клятву, какая обыкновенно дается народом при вступлении царя на престол. Засим Агафокл удалил из города Филаммона, руководившего умерщвлением Арсинои, назначив его ливиархом Кирены, а ребенка передал на попечение Ойанфе и Агафоклии**. Вслед за тем он отправил в Азию к царю Антиоху Пелопа, сына Пелопова, с просьбою оставаться верным дружбе и не нарушать договора, заключенного с родителем ребенка; Птолемея, сына Сосибиева, послал к Филиппу для заключения брачного договора и получения помощи в случае, если Антиох вздумает окончательно порвать договор.

---

* Онифан.

** Мать и сестра Агафокла. XIV 11 5.

Кроме того, он выбрал в послы к римлянам Птолемея, сына Агесарха, в надежде, что тот не будет спешить с посольством и долго останется в Элладе у тамошних друзей своих и родственников. Ему желательно было удалить из Египта всех выдающихся людей. Этолийца Скопаса Агафокл отправил в Элладу для набора воинов, выдав ему большую сумму денег на задатки. Тут он преследовал двойную цель, желая, во-первых, воспользоваться набранными на чужбине войсками для войны с Антиохом, во-вторых, выслать в укрепления внутрь страны и в поселения наличные наемные войска, которые набраны были раньше; напротив, царскую прислугу и стражу при дворе, как и во всем городе, пополнить и обновить новобранцами в том предположении, что набранные им самим и оплачиваемые наемники будут относиться к прошлому безучастно по неведению, а так как расчеты их на благополучие и преуспеяние будут зависеть только от него, то и в новых наемниках он найдет усердных пособников себе и покорных исполнителей своей воли.

Хотя это случилось до переговоров с Филиппом, как мы сказали выше, но по ходу рассказа нам необходимо было говорить об этих предметах раньше; посему мы должны были так построить наше повествование, чтобы прием послов и речи их излагались раньше, чем их избрание и снаряжение в путь.

Преступления Агафокла. Так Агафокл устранил с дороги знатнейших граждан и выдачею жалованья смирил раздражение значительнейшей части войска, а вслед за сим возвратился к прежнему образу жизни. Освободившиеся места друзей при дворе он предоставлял беспутнейшим и наглейшим людям, которых извлекал из среды прислуги и иной челяди, а сам большую часть дня и ночи проводил в пьянстве и сопутствующем ему разврате, причем не щадил ни одной красивой женщины, ни невесты, ни девушки, и все это делал с отвратительным бесстыдством. **Недовольство народа. Во главе недовольных — Тлеполем.** Сильное повсеместное недовольство вызвано было этим поведением, и так как ничего не делалось для смягчения недовольства и для умиротворения граждан, скорее прибавлялись все новые и новые случаи наглости, насилия и необузданности, то в народе снова вспыхнула прежняя вражда, и все вспоминали бедствия, какие раньше те же люди навлекли на государство. Однако недовольные не имели в сво-

ей среде человека, который мог бы стать во главе их и на которого можно было бы опереться им в борьбе против Агафокла и Агафоклии; поэтому недовольные держались спокойно. Единственною надеждою их, человеком, к которому обращались их помыслы, был Тлеполем. Пока жил царь, Тлеполем занимался только своими частными делами; но как скоро царь умер, он сумел быстро расположить народ в свою пользу и снова сделан был начальником Пелусия. На первых порах Тлеполем во всех своих действиях сообразовался только с выгодами царя в том убеждении, что будет учрежден совет, который соединит в себе и опеку над ребенком, и управление государством. Но лишь только он увидел, как отстраняются от дела люди, способные быть опекунами, с какой наглостью Агафокл себе одному присвоил управление государством, Тлеполем принял другое решение: при существовавшей между ними вражде, он угадывал грозящую опасность и потому стал собирать около себя войска и старался добыть денег, чтобы сделать себя неуязвимым для врагов. Вместе с тем Тлеполем не терял надежды, что к нему перейдут и опека над ребенком, и все управление государством, ибо он и сам себя считал более годным на это, чем Агафокла, и знал, кроме того, что войска, находящиеся под его начальством, и те, что были в Александрии, питают надежду, что он положит конец бесчинствам Агафокла. Питаемые Тлеполемом замыслы только разжигали вражду при участии обеих сторон. Так, с целью привязать к себе начальников, таксиархов и им подчиненных распорядителей Тлеполем старательно собирал их у себя и здесь на сходках, частью по внушению льстецов, частью по собственному почину, — человек он был молодой, и беседы происходили за вином, — высказывался неодобрительно о родне Агафокла в выражениях сначала загадочных, потом двусмысленных, наконец совершенно ясных, злых и насмешливых. Тлеполем, например, предлагал пить за маляра[24], за музыкантшу, за бритву, также за мальчугана, который в детстве был кравчим царя, сам «делал все и другим позволял все делать с собою». Так как сотрапезники пирушек смеялись всякой такой шутке и еще от себя прибавляли что-либо к издевательствам, то вскоре слухи дошли и до Агафокла, и вражда теперь была открытая. Тогда Агафокл старался взвести на Тлеполема обвинение в том, что он изменяет царю и зовет Антиоха на царство. В подтверждение

этого он приводил многие правдоподобные доказательства, частью заимствуя их в извращенном виде из действительности, частью целиком выдумывая и сочиняя. Агафокл делал это с целью восстановить народ против Тлеполема, но достигал обратного: народ давно уже возлагал упования свои на Тлеполема, и теперь с радостью следил за тем, как возгорается распря между ним и Агафоклом. **Возмущение народа.** Что касается начала народного возмущения, то вот каковы приблизительно были поводы к нему: родственник Агафокла Никон еще при жизни царя назначен был командовать флотом; но теперь... (*О заговорах. О добродетелях и пороках*).

26а. ...Динона, сына Динонова, умертвил Агафокл — из неправедных дел его, как гласит поговорка, самое справедливое. В то самое время, как Динон получил письмо касательно убийства Арсинои и имел возможность открыть козни и тем спасти царство, он перешел на сторону Филаммона и учинил все последующие подлости. Однако по исполнении убийства Динон при воспоминании о нем многим выражал сожаление о случившемся и раскаяние в том, что не воспользовался столь удобным случаем*. Это стало известно Агафоклу, и Динон был казнен, понесши заслуженную кару (*Сокращение ватиканское*).

26. ...Прежде всего[25] Агафокл созвал македонян и вместе с царем и Агафоклией вошел в середину их. Сначала он делал вид, будто обильно льющиеся слезы не дают ему говорить; потом, много раз утершись плащом, перестал наконец плакать и, держа высоко ребенка на руках, сказал: «Возьмите дитя, которое отец перед смертью отдал на руки ей, — при этом показал на сестру, — и доверил вам, македоняне! Если для благополучия младенца значит что-нибудь любовь этой женщины, то теперь судьба его в вас и в ваших руках. Всякий здравомыслящий человек видит давно уже, что Тлеполем жаждет власти, ему неподобающей, а теперь назначил даже день и час, когда желает возложить на себя царский венец». И Агафокл просил слушателей верить не ему, но людям знающим, что делается. С этими словами Агафокл ввел Критолая, который уверял, что видел сам, как сооружались алтари и заготовлялись войском жертвенные животные к празднеству венчания на царство. Однако македоняне, слушая эти речи, не сочув-

---

* Для упрочения царства.

ствовали нисколько горю Агафокла, напротив: не обращая рово никакого внимания на его слова, они разразились такими шутками, сопровождая их оскорбительными телодвижениями и ропотом, что Агафокл не знал даже, как он уцелел в собрании. То же самое повторилось и на прочих собраниях других частей войска. Тем временем прибыли сюда на корабли в большом числе солдаты из войск верхних областей и убеждали родственников и друзей покончить с тогдашним положением и не терпеть над собою наглого издевательства негодяев. Однако народ возбуждала к восстанию на правителей больше всего мысль о том, что медлительностью он повредит себе, так как доставку припасов в Александрию Тлеполем держал в своих руках.

27. Впрочем, сами сторонники Агафокла учинили деяние, которое разожгло ярость народа и Тлеполема, именно: они схватили в святилище Деметры тещу Тлеполема Данаю, повлекли ее с открытым лицом через город и бросили в темницу, дабы явно засвидетельствовать разрыв свой с Тлеполемом. Толпа вознегодовала; тайные совещания с глазу на глаз кончились и недовольные то выходили ночью и писали повсюду угрозы, то собирались толпами днем и давали волю ненависти своей против правителей. С другой стороны, Агафокл при виде того, что творится, предчувствовал недоброе и то помышлял о бегстве, то оставлял эту мысль, ибо по легкомыслию для бегства ничего не было приготовлено, то переписывал имена соумышленников и соучастников заговора с тем, чтобы тотчас или передушить своих врагов, или перехватить их, и потом облечь себя властью тирана. **Происшествие с Мойрагеном в застенке.** Среди этих размышлений Агафоклу сообщили, что некий Мойраген, один из телохранителей, выдал все Тлеполему и помогает ему по дружбе с Адеем, тогдашним начальником Бубаста[26]. Агафокл тотчас отдал приказание Никострату, ведавшему царской перепиской, схватить Мойрагена и тщательно под угрозой всевозможных пыток допросить его. Действительно, Мойраген был тогда же схвачен Никостратом, отведен в дальнюю часть дворца и сначала был просто допрошен по поводу полученных о нем сведений. Но так как он отказывался отвечать что бы то ни было, то его раздели, причем одни из палачей держали наготове орудия пытки, другие с кнутами в руках срывали с него верхнее платье. В это

самое время прибежал к Никострату кто-то из слуг его, не знаю, что шепнул ему на ухо, и быстро исчез. Никострат, не говоря ни слова и все хлопая себе по бедру, немедленно последовал за ним. **28.** Между тем Мойраген очутился в странном положении, не поддающемся описанию: несколько палачей стояло тут же с поднятыми уже бичами, другие у ног его раскладывали орудия пытки, но по удалении Никострата они стояли в недоумении, поглядывая друг на друга и ожидая, не вернется ли Никострат. Но время проходило, мало-помалу палачи один за другим удалялись, и Мойраген остался один. Тогда он прошел через дворец и сверх всякого ожидания обнаженный попал в одну из македонских палаток, находившуюся вблизи дворца. Случилось так, что он застал македонян в сборе за завтраком и рассказал все, как было, и свое чудесное избавление. Солдаты сначала не верили Мойрагену, но вид наготы его заставил поверить. Избегнув такой опасности, Мойраген со слезами на глазах просил македонян подумать не только о его спасении, но также о безопасности царя и больше всего о своей собственной. Верная гибель, сказал он, грозит всем, если только они не воспользуются благоприятным моментом, когда народное озлобление достигло высшего предела и каждый готов поднять руку на Агафокла. Действовать лучше всего теперь, заключил он, и нужно только кому-либо начать. **29.** Речь эта воспламенила солдат, и по совету Мойрагена они бросились сначала по палаткам македонян, а потом и прочих войск. Палатки тесно примыкали одна к другой и выходили на одну сторону города. Народное возбуждение существовало давно; для почина требовался только смелый человек, который бы открыто призвал к мятежу, а потому возмущение, как скоро началось, распространилось с быстротою пламени. И не прошло четырех часов, как все классы населения, солдаты и мирные граждане, в один голос требовали головы Агафокла. Впрочем, успеху предприятия много помог следующий случай: Агафоклу доставили перехваченное письмо и соглядатаев; письмо написано было Тлеполемом к войскам и уведомляло о скором его прибытии, тогда как соглядатаи уверяли, что Тлеполем уже на месте. Вследствие этого Агафокл утратил всякое самообладание; ему и на мысль не приходил какой-либо план действия в ответ на полученные известия, и он в обычную пору отправился на пирушку и там

проводил время как всегда. **Поведение матери Агафокла Ойнанфы.** Между тем Ойнанфа в большом горе явилась в храм Деметры и Персефоны, который стоял открытым по случаю какого-то годичного жертвоприношения, быстро опустилась на колени и с притворными воплями молилась богиням, потом подсела к жертвеннику и так оставалась на месте без движения. Большинство женщин со злорадством молча взирало на ее горе и страдания; только родственница Поликрата да несколько знатных женщин подошли к Ойнанфе со словами утешения, ничего не зная о случившемся. Тогда Ойнанфа громко возопила: «Не подходите ко мне, звери! Я прекрасно знаю вражду вашу к нам, знаю, что и богов вы просите ниспослать на нас величайшие напасти. Однако я дождусь еще, если то угодно богам, что вы будете пожирать ваших собственных детей». С этими словами она приказала служанкам не допускать к ней знатных женщин и бить их, если те ослушаются. Женщины воспользовались этим предлогом и все удалились из храма, простирая руки к богам и призывая на Ойнанфу то самое испытание, какое она накликала на них.

30. Ярость толпы. Так как граждане уже решились на восстание, а теперь в каждой семье раздражение подогревалось женщинами, вражда вспыхнула с удвоенной силой. С наступлением ночи по всему городу слышался шум, двигались факелы, туда и сюда ходили люди. Одни с криком собирались на ристалище, другие произносили зажигательные речи, третьи метались по городу и укрывались в домах и местах, не возбуждавших подозрения. Уже площади кругом дворца, ристалище и улицы были переполнены народом всех состояний, равно как и площадь перед Дионисовым театром, когда Агафокл, пьяный еще от недавней попойки, был разбужен известием о случившемся и со всеми родственниками, кроме Филона, отправился к царю. Тут в немногих словах он пожаловался на судьбу, потом, взяв царя за руку, поднялся вместе с ним в крытый ход[27], что между Меандром и палестрою и ведет ко входу в театр. Вслед за сим он крепко запер за собою двое первых дверей и вошел в третью с двумя-тремя телохранителями, с царем и родственниками. Случилось так, что двери были решетчатые, пропускали свет насквозь и запирались двойными засовами. К этому времени собрался народ из целого города, так что не только гладкие места, но даже лестницы и крыши до-

мов были заняты народом, причем слышались беспорядочные крики и гул, ибо вместе с мужчинами были и женщины и дети. В самом деле, в Александрии, как и в Карфагене, дети не меньше мужчин принимают участие в подобных смутах.

31. Начинало уже светать, а неопределенный шум все не унимался, при этом можно было довольно ясно раэличать, что зовут царя. Прежде всего поднялись македоняне и захватили в свои руки дворцовую приемную башню. Немного спустя они узнали, в какой части дворца укрылся царь, бросились туда, выломали первые двери крытого хода, подошли ко второй и с криком требовали выдачи отрока. Агафокл понял свое положение и просил телохранителей отправить от его имени послов к македонянам с заявлением, что он отказывается от опеки, от власти и почестей, вообще от всех благ своих и просит только оставить ему хотя бы жалкую жизнь, так что он вернется в первоначальное состояние и тогда не сможет, даже при желании, вредить кому бы то ни было. **Аристомен.** Никто из телохранителей не согласился на это, за исключением Аристомена, который немного спустя и стал во главе управления. Человек этот — акарнан по происхождению; говорили, что он в зрелом возрасте, когда сделался властным распорядителем государства, с таким же умением и достоинством руководил царем и управлял делами, как раньше в пору счастья Агафокла угождал этому последнему. Так, он первый оказал Агафоклу высокую честь, какая обыкновенно достается на долю только царям, именно: у себя на пиршестве Аристомен ему одному из всех гостей поднес золотой венец[28]. Он же первый решился носить изображение Агафокла на перстне, а когда у него родилась дочь, назвал ее Агафоклией. Сказанного об этом, я думаю, достаточно. С упомянутым раньше поручением Агафокла Аристомен вышел в боковую дверь и предстал пред македонянами. Когда он в немногих словах объяснил, зачем пришел, македоняне бросились было на него и едва не закололи его тут же; но в это время несколько человек прикрыли Аристомена руками и просили толпу о пощаде, так что Аристомен отпущен был обратно с тем, чтобы или привести с собою царя к македонянам, или не показываться вовсе. Отпустив Аристомена с таким напутствием, македоняне сами подошли ко второй двери и тоже выломали ее. Из поведения и ответной речи македонян Агафокл и его друзья постигли теперь их злые умыс-

лы, потому сначала старались просить македонян о пощаде, причем Агафокл простирал руки через двери, а Агафоклия обнажила грудь, по ее словам, вскормившую царя, и не было мольбы, к которой они не обращались, лишь бы выпросить себе только право жить. **32.** Но никакие жалобы не действовали на толпу; тогда они послали ребенка с телохранителями. Как только македоняне получили царя, они тотчас посадили его на лошадь и проводили на ристалище. Появление царя приветствовалось громкими кликами и рукоплесканиями. Остановив потом лошадь, солдаты сняли ребенка и повели его дальше на царское место. Народ в одно и то же время переживал и радость, и досаду: он был очень рад, что получил ребенка, но досадовал на то, что преступники не захвачены и не понесли заслуженной кары. Поэтому македоняне не унимались и громко настаивали на том, чтобы виновные во всех этих бедствиях выведены были к ним и наказаны в поучение другим. День клонился к вечеру, а толпе не на ком было сорвать злобу. **Сосибий-младший.** Тогда Сосибий, сын Сосибия*, в то время один из телохранителей, наиболее преданный царю и государству и замечавший, с одной стороны, непреклонное упорство толпы, с другой — тревогу ребенка, вызываемую видом неизвестных людей и возбуждением толпы, спросил царя, не угодно ли ему выдать народу людей, повинных в чем-нибудь против него ли или против его матери. Когда царь изъявил свое согласие, Сосибий приказал кое-кому из телохранителей объявить царскую волю, а сам пригласил ребенка подняться и проводил его отдохнуть в свой собственный дом поблизости. При возвещении воли царя вся площадь огласилась криками и рукоплесканиями. В это время Агафокл и Агафоклия расстались и удалились каждый в свое жилище. Вскоре несколько воинов частью по собственному побуждению, частью по наущению толпы бросились в поиски за ними.

33. Кровопролитие. Смерть Агафокла и родственников его. Следующий случай послужил поводом к кровопролитию и смертоубийству: некто Филон, один из слуг и льстецов Агафокла, пьяный взошел на ристалище. Видя ярость толпы, он сказал стоявшим близ него людям, что народ и на сей раз, как бывало раньше, пожалеет о своем поведении, когда выйдет

---

* Сосибий-старший казнил Арсиною. См. 25.

Агафокл. При этих словах одни ругали его, другие толкали вперед, а когда он вздумал отбиваться, одни из мятежников быстро порвали на нем плащ, а другие закололи его копьями. Как только выволокли Филона на площадь еще с признаками жизни, все присутствующие, уже вкусив крови, жаждали появления прочих виновных. Первым вскоре выведен был Агафокл в оковах. Чуть он взошел, как несколько человек подбежали к нему и тут же закололи, оказав ему этим скорее услугу, нежели обиду, так как освобождали от расправы по заслугам. За Агафоклом выведен был Никон, потом Агафоклия нагая вместе с сестрами, за ними следовали прочие родственники. Наконец, выведена была Ойнанфа, которую мятежники силою извлекли из святилища Деметры и нагую, верхом на лошади вывели на ристалище. Все родственники разом отданы были на жертву толпе, и мятежники кусали их, кололи копьями, вырывали глаза; чуть кто падал, его терзали на куски, и так замучили всех до последнего. Вообще египтяне в ярости страшно свирепы. В это самое время несколько девушек, воспитывавшихся вместе с Арсиноей, узнали, что Филаммон, руководивший умерщвлением царицы, прибыл из Кирены в Александрию за три дня до того, бросились к его дому, ворвались в него, Филаммона положили на месте камнями и палками, задушили сына его, едва вышедшего из детского возраста, наконец жену Филаммона раздели, поволокли на улицу и там убили. Таков был конец Агафокла, Агафоклии и родственников их.

34. Характеристика Агафокла. Мне хорошо известны причудливые прикрасы, вводимые некоторыми историками в изложение этих событий с целью поразить воображение читателя. Эти историки отводят больше места побочным подробностям, а не главному и основному предмету рассказа. При этом одни из них взваливают все случившееся на судьбу, непостоянство и неотвратимость которой выставляют на вид, другие стараются изобразить события неожиданные так, как будто можно было предусмотреть их, и подыскивают вероятные причины происшествий. По отношению к рассказанным выше происшествиям я не находил нужным прибегать к подобным средствам, потому что Агафокл не выдавался ни военной отвагой, ни дарованиями, ни счастливым или умелым ведением государственных дел, ни наконец особенною находчивостью и тонким лукавством придворного, чем ознамено-

вали свою жизнь Сосибий и многие другие, сумевшие держать в своих руках одного царя за другим; ровно ничего подобного не было в Агафокле. Необычайное влияние на дела он приобрел только благодаря неспособности Филопатора к управлению. Достигнув такого положения и по смерти царя получив возможность без труда сохранить власть за собою, он вскоре после того навлек на себя всеобщее презрение и вместе с власть потерял жизнь по собственной трусости и беспечности.

35. Вот почему подобные люди не заслуживают особых рассуждений, каковые приличны, например, по отношению к сицилийцам Агафоклу[29], Дионисию и другим прославившимся государственным мужам. Так, один из них вышел из простого, бедного состояния, а Агафокл, как насмешливо выражается о нем Тимей, был гончаром, бросил колесо, глину и дым и в молодых летах пришел в Сиракузы. Однако оба они в разное время сделались сначала тиранами Сиракуз, весьма важного и богатого города, потом признаны были царями всей Сицилии и завладели некоторыми областями Италии. Кроме того, Агафокл не только покушался завоевать Ливию, но и дни свои кончил в высоком звании. Поэтому рассказывают, что Публий Сципион, первый победитель карфагенян, в ответ на вопрос чей-то, кого из людей он считает искуснейшим в государственных делах и соединяющим в себе величайшую отвагу с рассудительностью, назвал сицилийцев Агафокла и Дионисия. На таких людях справедливо останавливать внимание читателя, напоминать по поводу их о счастии и судьбе человека и вообще присоединять подобающие поучения; напротив, все подобные добавки совершенно неуместны в рассказе о таких людях, как вышеупомянутый Агафокл и присные его.

36. Правила, каким следует автор при изложении событий. По этим-то причинам мы и воздержались от различных добавлений к рассказу об Агафокле, больше всего потому, что все потрясающие события бывают достойны внимания только на первый взгляд, тогда как пространные рассказы о них или продолжительное созерцание их бывают не только бесполезны, но и тягостны для внимательного слушателя или зрителя. Цель, к которой стремятся люди, желающие узнать что-либо посредством чтения или созерцания, бывает двоякая: польза или удовольствие, — в особенности таково свойство исторических изысканий; ни одна из этих целей не до-

стигается при неумеренно обстоятельном изображении потрясающих происшествий. И в самом деле, кому может прийти охота извлекать уроки из неожиданных превратностей? Точно так же никому не доставляет удовольствия долговременное созерцание происшествий противоестественных или несогласных с здравым человеческим смыслом, равно как и повествование о них. Правда, мы любим посмотреть необычайное единственный раз или послушать о нем с целью убедиться что почитаемое невозможным на самом деле бывает возможно; но как скоро мы в этом убедились, никто не пожелает долго занимать себя необыкновенным, точно так же ни у кого не может быть охоты возвращаться несколько раз к этому самому предмету. Итак, всякий рассказ должен быть или поучителен или приятен, а многословие по поводу происшествия непоучительного и неприятного более уместно в трагедии чем в истории. Впрочем, нужно быть, я полагаю, снисходительным к писателям, которые не останавливаются на изыскании происшествий естественных, обычных и повсеместных. Дело в том, что они почитают важнейшими и любопытнейшими те события прошлого, свидетелями которых были сами или на которых они остановили свое внимание в рассказах других. Вот почему подобные писатели, сами того не сознавая, тратят слишком много слов на предметы не новые, ибо о них говорено было раньше другими, и они не способны ни пользу принести ни удовольствие доставить (*Сокращение*).

37. Об Антиохе. ...Царь Антиох[30] вначале казался человеком широких замыслов, отважным, настойчивым в осуществлении задуманных планов. Однако с возрастом Антиох стал хуже и не оправдал надежд, возлагаемых на него другими (*О добродетелях и пороках, Свида*).

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Из войны Филиппа с родосцами и Атталом: бесчинства Филиппа под Пергамом (1). Флот Филиппа в хиосских водах против союзного флота родосцев; сражение; случаи с отдельными кораблями (2–3). Средства и способы борьбы воюющих народов (4). Отличившиеся корабли Феофилиска, Филострата, Никострата (5). Случай с Атталом к выгоде для Филиппа (6). Потери воюющих (7). Старание Филиппа скрыть свое поражение и выставить себя победителем (8). Смерть Феофилиска (9). Рассуждение о людской близорукости (10). Взятие Филиппом карийского города Принаса (11). Чудесное изображение Артемиды (12). Вероломство Набиса относительно мессенян и вообще пороки его (13). Ошибки Зенона и Антисфена в известиях о битвах Хиосской и при Ладе, о походе Набиса в Мессению (14–17). Ошибки Зенона в известиях о войне между Антиохом и Птолемеем (18–19). Общие соображения автора о важности правды и поучительности в историческом сочинении (20). Из египетской истории: правление Птолемея и вражда с ним придворных, руководимых Птолемеем (21–22). Доблести жителей Газы (22а). Триумф Сципиона (23). Затруднительное положение и наглость Филиппа в Карии (24). Прибытие в Афины Аттала и римских послов и торжественная встреча их; народное собрание объявляет войну Филиппу (25–26). Встреча римских послов с Никанором, военачальником Филиппа, и угроза войною (27). Медлительность родосцев и Аттала; быстрота действия и настойчивость Филиппа (28). Филипп под Абидосом; осада горо-

да; мужество жителей; изумительная решимость их; падение города (29–33). Вмешательство римлян в дела Филиппа; поведение абидян по взятии города (34). Ахейские и римские послы на Родосе с противоположными увещаниями (35). Созвание ахейских союзных отрядов Филопеменом в Тегею для войны с Набисом и хитрость Филопемена ввиду множества лазутчиков и доносчиков у Набиса; победа Филопемена (36–37). Старания Филиппа вовлечь ахеян в войну с римлянами (38). Из войны за Келесирию; покорение Иудеи Скопасом; поражение Скопаса; завоевания Антиоха (39). Отдельные географические отрывки (40).

1. Бесчинства Филиппа под Пергамом. ...Подойдя к Пергаму[1] и воображая, что Аттал чуть не в его руках, Филипп предавался всевозможным бесчинствам[2]. Как бы ища выход своему раздражению, он изливал гнев не столько на людей, сколько на богов. Дело в том, что в передовых схватках гарнизон Пергама благодаря сильному местоположению города легко отражал нападающих; и в деревнях Филипп не находил никакой добычи, так как Аттал предусмотрел нападение и принял соответствующие меры. Ничего другого не оставалось ему, как обратить свою ярость против изображений божеств и святилищ, хотя Филипп этими действиями причинял бесчестие гораздо большее себе самому, нежели Атталу. По крайней мере мне так кажется. Он не только жег и разрушал до основания храмы и алтари, но велел разбивать самые камни, чтобы всякое восстановление развалин сделать невозможным. Затем он разорил Никефорий[3], вырубив его рощу и опрокинув ограду, множество великолепных храмов сровнял с землею, вслед за сим устремился по направлению к Фиатейрам[4], оттуда повернул назад и бросился на равнину Фивы в надежде обрести в этих местах обильнейшую добычу. Обманувшись в расчетах, Филипп пошел в Гиракому[5], вызвал к себе Зевксида[6] и потребовал, чтобы тот согласно договору снабдил его хлебом и иным продовольствием. Хотя тот и делал вид, будто поступает согласно договору, на самом же деле не имел охоты оказывать поддержку Филиппу (*О добродетелях и пороках, Свида*).

2. ...Так как при осаде города[7] Филипп встретился с препятствиями, а враг[8] подстерегал его с превосходящим коли-

чеством палубных судов, то он очутился в трудном положении и не знал, что делать дальше. Но выбирать было не из чего, и Филипп неожиданно для неприятеля снялся с якоря, тогда как Аттал предполагал, что он пробудет здесь дольше в занятиях над разработкою приисков. Отплыть внезапно побуждала Филиппа больше всего уверенность в том, что так ему удастся предупредить[9] неприятеля и совершить остальной путь до Самоса уже беспрепятственно. Однако расчеты его совсем не оправдались, ибо Аттал и Феофилиск, как скоро заметили его отплытие, приступили к выполнению своего плана. Но так как они полагали, что Филипп, о чем сказано выше, дольше задержится на приисках, то выходили в море врозь[10]. Тем не менее благодаря усиленной гребле они настигли неприятеля, причем Аттал ударил на правое крыло, ведшее перед, а Феофилиск — на левое. Застигнутый врасплох[11], Филипп дал сигнал к битве правому крылу и приказал оборотить корабли носами против неприятеля и со всею силою сразиться с ним; сам он с несколькими челнами отступил под прикрытие промежуточных[12] островков и там выжидал исхода битвы. Число кораблей Филиппа, участвовавших в битве, доходило до пятидесяти трех палубных, сверх того, были открытые, да челноков вместе с пристами[13] было сто пятьдесят. Неприятель имел шестьдесят пять судов, считая и византийские, сверх того три триемиолии[14] и столько же трехпалубников.

3. Морское сражение между Филиппом и союзниками. Начало сражения дано было с корабля Аттала; тотчас за ним, не дожидаясь приказа, вступили в бой с обеих сторон все прочие близстоявшие корабли. Аттал схватился с восьмипалубным судном[15], нанес ему в подводную часть меткий удар и наконец затопил его, невзирая на упорное сопротивление, оказанное противниками с корабельной палубы. Напротив, военачальнический десятипалубный корабль Филиппа сделался добычею неприятеля, чего никто не ожидал. Дело было так: корабль, когда на него набежала триемиолия, нанес ей сильный удар в середину туловища, ниже подворки верхнего ряда весел, и был захвачен[16] ею, ибо кормчий был уже не в силах сдержать стремительное движение своего корабля. Судно повисло на десятипалубном корабле, который поэтому был стеснен в своих движениях до беспомощности. В таком положении на корабль напали два пятипалубника, пробили его с двух

сторон и затопили как самое судно, так и находившихся на нем людей; в числе этих последних был и наварх Филиппа Демократ. В это самое время два брата, Дионисодор и Динократ, начальники кораблей у Аттала, попали тоже в трудное положение в морском деле, один, столкнувшись с семипалубным судном, другой — с восьмипалубным. При столкновении с восьмипалубным судном корабль Динократа получил повреждение в той части, которая была над поверхностью моря, потому что нос его был сильно поднят[17]; со своей стороны Динократ пробил неприятельский восьмипалубник в подводной его части, но первое время никак не мог отделиться от него, хоть много раз и пытался повернуть свой корабль назад. Так как и македоняне дрались мужественно, то Динократ очутился в величайшей опасности. На помощь своему кораблю поспешил Аттал и нападением на неприятельский корабль разнял сцепившиеся суда. Динократ был спасен каким-то чудом, между тем как вся команда неприятельского судна пала в мужественной борьбе, а самое судно, опустелое, покинутое людьми, досталось в руки Аттала. Что касается Дионисодора, который с ожесточением устремился на врага, чтобы поразить его носом своего корабля, то ему не удалось даже нанести удар, и корабль его, пробегая мимо неприятеля, потерял правый ряд весел, изломались и подставки под башнями[18]. Тотчас корабль со всех сторон был окружен врагами, и среди криков и шума погибла вместе с судном вся команда; только Дионисодор с двумя товарищами спасся вплавь на подоспевшую на помощь триемиолию.

4. Выгоды обеих сторон. На прочих кораблях битва шла с равным успехом: насколько Филипп превосходил противника численностью челнов, настолько же многочисленнее были палубные суда у Аттала. На правом крыле Филиппа дела приняли такой оборот, что исход битвы оставался совершенно неизвестным; Аттал, напротив, имел больше оснований рассчитывать на победу. Что касается родосцев, то вначале по выходе из гавани они находились, как сказано выше[19], далеко от неприятеля, но суда их были гораздо быстрее неприятельских, и потому родосцев настигли задние корабли македонян. Сначала родосцы нападали на убегающие суда с кормы и ломали их весла; но когда корабли Филиппа начали оборачиваться на защиту сражающимся и запоздавшая в пути часть родосцев соединилась с Феофилиском, тогда оба флота, выстроенные в

линию носами вперед, отважно пошли друг на друга, возбуждаемые звуками труб и криками. Если бы македоняне не поместили челнов между палубными судами, то морская битва была бы кончена легко и быстро; а этот строй мешал успеху родосцев во многих отношениях. Первая же схватка расстроила усвоенный вначале боевой порядок, и все сражались как попало. Поэтому родосцам трудно было пробиваться между неприятельских судов, поворачиваться с кораблями и вообще пользоваться своими преимуществами, между тем как челны то налегали на весла и задерживали движения их, то направили удары на носы и кормы родосцев, чем мешали работе кормчих и гребцов. При столкновениях с неприятельскими судами на боевой линии родосцы прибегали к следующему приему: глубоко погружая передние части своих судов, они получали удары над водою, тогда как неприятельским судам причиняли непоправимые повреждения под водою. Однако такие случаи были редки, потому что македоняне, как только завязывалась правильная битва, храбро отбивались со своих палуб, и родосцы уклонялись от схватки с кораблями. Чаще они проходили между неприятельских судов, ломали весла их, а через то самые суда делали негодными; потом родосцы опять огибали их и нападали на одни суда с кормы, на другие сбоку как раз в то время, как те оборачивались, — или пробивали их, или всякий раз портили какую-нибудь из необходимых принадлежностей. Так-то сражаясь, родосцы уничтожили множество неприятельских кораблей.

5. Отличившиеся отдельные корабли. В битве больше всех отличились три пятипалубника родосцев: один военачальнический, на котором находился Феофилиск, другой тот, которым командовал Филострат, и третий, на котором кормчим был Автолик, а начальником Никострат. Так, этот последний корабль напал на неприятельский и в туловище его оставил свой нос; прободенный корабль затонул вместе с людьми, и Автолик и его товарищи, окруженные врагами, первое время, пока вода набиралась в корабль через носовую часть, храбро защищались, наконец Автолик был ранен и в вооружении бросился с корабля в море, и прочие воины пали в отважном бою. Подоспевший в это время с тремя пятипалубниками Феофилиск не мог спасти корабля, уже наполнившегося водою, но ему удалось пробить два неприятельских судна и воинов их

сбросить в море. Вскоре столпились вокруг него многочисленные челны и палубные суда, причем Феофилиск потерял большую часть храбро сражавшихся воинов, а сам получил три раны и только с трудом после отчаянного сопротивления спас собственный корабль, когда Филострат оказал ему помощь и храбро вмешался в происходившую на месте битву. Вернувшись к своим кораблям, Феофилиск с новым жаром бросился на врага, ослабленный телом после ран, но еще с большею отвагою и смелостью в душе, чем прежде.

Таким образом, происходило два морских сражения[20], вдали одно от другого, а именно: правое крыло Филиппа, согласно первоначальному плану постоянно державшееся вблизи берега, находилось недалеко от Азии, а левое сражалось с родосцами близ Хиоса, так как для оказания помощи задним кораблям крылу этому необходимо было обернуться.

6. Неосторожность Аттала и притязание Филиппа на победу. Однако на правом крыле решительный перевес одерживал Аттал и уже приближался к тем небольшим островам, у которых стоял на якоре Филипп в ожидании развязки. Но в это время Аттал заметил, что один из его пятипалубников находится вдали от места сражения, поврежденный неприятельским судном и им уже затопляемый; он поспешил к судну на помощь в сопровождении двух четырехпалубников. Когда неприятельское судно бежало, направляясь к суше, Аттал погнался за ним с чрезмерным рвением, увлекаемый желанием захватить корабль. Тогда Филипп, видя, что Аттал далеко отошел от своих, устремился на него с четырьмя пятипалубными и тремя полуторными судами и еще со стоявшими вблизи челнами, отрезал его от его собственного флота и тем вынудил пристать с кораблями к суше в большом страхе за свою жизнь. Вслед за сим царь вместе с корабельною командою бежал в Эрифры, а суда с царскими пожитками достались Филиппу. При этом Аттал употребил некоторую хитрость: великолепнейшие из царских пожитков он велел выбросить на корабельную палубу, и первые македоняне, подошедшие сюда в своих челноках, при виде множества кубков, пурпурных одежд и соответствующих принадлежностей к ним накинулись на эти предметы и не думали более о преследовании врага. Благодаря этому Аттал имел возможность благополучно укрыться в Эрифры, а Филипп, хотя в главном сражении потерпел большую неуда-

чу, но, ободренный несчастным приключением с Атталом, снова появился на море, быстро собрал свои корабли и убеждал воинов не падать духом, потому что в морской битве победа осталась за ними. В самом деле, у воинов явилось подозрение, что Аттал погиб, основанное на том, что Филипп тянул за собою царское судно на канате. Только Дионисодор угадывал, что случилось с Атталом, поднял сигнал и созвал свои корабли. Быстро собрались к нему корабли, и Дионисодор отплыл беспрепятственно к якорным стоянкам, что в Азии. В то же самое время македоняне, сражавшиеся против родосцев и уже давно теснимые неприятелем, стали уходить с поля сражения, отступая частями и притом с таким видом, как будто они торопятся подать помощь собственным судам. Часть неприятельских кораблей родосцы потянули за собою, другую часть раньше пробили носами своих кораблей и отступили к Хиосу.

7. Потери обеих сторон. В битве с Атталом Филипп потерял по одному кораблю десятипалубному, девяти-, семи- и шестипалубному, кроме того, десять крытых судов и три триемиолии, наконец, двадцать пять челнов вместе с командою. В сражении с родосцами потеряно крытых судов десять и около сорока челнов; два четырехпалубника и семь челнов с командою уведены неприятелем. У Аттала затоплены были одна триемиолия и два пятипалубника, и неприятелем захвачены два четырехпалубника и судно самого царя. Родосцы потеряли два пятипалубника и один трухпалубник, но ни одно судно их не попало в руки неприятеля. Из числа воинов пало родосцев около шестидесяти человек, Атталовых воинов около семидесяти, тогда как Филипп потерял тысячи три македонян и до шести тысяч команды. В плен было взято македонян и союзников тысячи две и до семисот человек неприятелей.

8. Ближайшие последствия Хиосской битвы. Таков[21] был конец морского сражения при Хиосе. Филипп присваивал победу себе на двояком основании, во-первых, потому что загнал Аттала на сушу и завладел его кораблем, во-вторых, потому что бросил якорь у так называемого Аргенна[22], то есть как бы утвердил стоянку на обломках кораблей. Согласно с этим вел себя Филипп на другой день, когда собрал корабельные обломки и велел поднять с поля битвы трупы, какие можно было еще распознать, дабы тем усилить видимость победы. Что сам он вовсе не считал себя победителем, в этом скоро

изобличили его родосцы и Дионисодор. Так, на другой же день, когда царь был озабочен еще этими самыми мероприятиями, они условились между собою через вестников, пошли на царя и выстроили в боевую линию свои корабли; но должны были ни с чем отплыть обратно к Хиосу, потому что против них не вышел никто. Между тем Филипп, которому до сих пор не доводилось ни на суше, ни на море понести в одном деле такие потери людьми, был весьма огорчен случившимся, и мужество его сильно убавилось; только перед другими он старался всеми способами скрывать свое настроение, хотя при таком положении дела сохранить спокойствие духа было невозможно. Не говоря обо всем прочем, один вид того, что было после сражения, наводил ужас на всякого. Потери людьми были столь велики, что весь пролив[23] тогда же, во время битвы, покрылся мертвыми телами, кровью, вооружением, обломками кораблей, а в следующие за сим дни можно было видеть все это беспорядочно нагроможденное кучами на морских берегах. Такое зрелище повергало в тяжелое смущение не одного Филиппа, но и всех македонян.

9. Смерть Феофилиска от ран. Феофилиск на один день пережил битву и, написав о ней на родину, назначив на свое место военачальником Клеонея, скончался от полученных ран, — доблестный боец с достойным умом. Не решись он предупредить Филиппа нападением, то в страхе перед отвагою царя все пропустили бы благоприятный момент. Теперь, начав войну, он вынудил родной город поднять оружие благовременно, вынудил и Аттала не медлить более и не тратить времени на военные приготовления, но смело начинать войну и идти в битву. Поэтому родосцы поступили справедливо, когда оказали ему и после смерти такие почести, которые возбуждали к борьбе за родину не современников только, но и потомков.

10. Филипп после битвы при Ладе. ...После битвы при Ладе[24], когда родосцы удалились с поля войны, а Аттал еще не воссоединился с союзниками, Филипп имел полную возможность пройти морем в Александрию. После этого всякому стало ясно, что Филипп поступил так в состоянии умопомрачения. Что же остановило его в этой решимости? Природа вещей, ничто другое. По временам многие простирают издали руки к невозможному, соблазняемые блеском надежд: ибо у каждого из нас чувство царит над рассудком. Но потом, когда

приближается исполнение, люди опять без всякого основания отступают от своего решения, ибо трудности и препятствия, какие встречаются на пути, помрачают и обманывают их рассудок (*Сокращение ватиканское*, *Сокращение*).

11. Филипп в Карии. ...После этого Филипп сделал несколько напрасных приступов, но городок[25] был огражден сильным местоположением, и потому царь отступил обратно, разоряя крепостцы и окрестные поселения. По удалении оттуда Филипп расположился лагерем под Принасом[26]. Быстро приготовил он навесы[27] и другие приспособления и повел осаду города при помощи подкопов. Но местность была скалиста, и попытка его не имела успеха, потому Филипп придумал такое средство: днем он велел производить шум под землею, как будто земляные работы ревностно производились, а по ночам относилась издалека земля и насыпалась у входа в подкоп с целью наводить ужас на жителей города, которые заключали о ходе работы по огромным кучам земли. Сначала принасяне мужественно выдерживали осаду, но потом, когда Филипп приказал объявить, что стена их подперта уже на протяжении чуть не двух плефров*, и спрашивал, что они предпочитают, покинуть ли невредимыми город, или всем погибнуть вместе с городом, когда сожжены будут подпорки, принасяне поверили его словам и выдали город (*Сокращение*).

12. Иасяне. Рассказы о чудесах. ...Город иасян[28] лежит на азиатском берегу в заливе, что между Посейдоновым святилищем в Милетской земле и городом миндян, именуемым у одних Иасским, а чаще Баргилийским, по именам лежащих в глубине залива городов. Иасяне с гордостью называют себя колонией первоначально аргивян, потом милетян, так как предки их после потерь людьми в карийской войне призвали к себе сына Нелея[29], основателя Милета. Величина города — десять стадий**. Баргилияне говорят и верят, что изображение Киндиадской[30] Артемиды, хотя стоит под открытым небом, никогда не покрывается снегом и не орошается дождем; иасяне то же самое рассказывают про Артемиду Астиадскую, о чем сообщают и некоторые историки. Во всем сочинении я решительно и с негодованием восстаю против такого рода сообще-

---

* 2000 фут.
** 1/4 мили.

ний историков. Ибо, мне кажется, все рассказы, выходящие за пределы не только вероятного, но даже возможного, принадлежат к разряду детских побасенок. Так, утверждать, будто некоторые тела, находясь в полосе света, не бросают от себя тени, значит обличить жалкое слабоумие, что и делает Феопомп, когда говорит, что люди, вошедшие в сокровеннейшую часть святилища Зевса в Аркадии, перестают бросать от себя тень[31]. Нечто подобное представляет собою и сообщенное здесь известие. Правда, к некоторым историкам надлежит относиться снисходительно, когда они рассказывают басни о чудесах и подобных предметах для поддержания в толпе веры в божество; но нельзя прощать того, кто переступает эту меру. Быть может, в каждом отдельном случае и трудно определить границу дозволенного, все же не невозможно. Итак, небольшую ошибку или ложь можно простить, но чрезмерную — ни за что, по крайней мере, по-моему (*Сокращение*).

13[32]. Вероломство Набиса относительно мессенян. ...Раньше мы рассказали о том, каков был с самого начала образ действий Набиса, тирана лакедемонян, как он изгонял граждан, освобождал рабов и женил их на женах и дочерях господ их, о том также, каким образом он открыл в своих владениях как бы священное убежище всякому, кто был изгнан из родной земли за нечестие или подлости, и тем собрал в Спарте множество преступного народа. Теперь остается нам рассказать, почему и каким образом, будучи до того в союзе с этолянами, элейцами и мессенянами[33], он, всем им по силе клятвы и договора обязанный помогать, если бы кто пошел на них войною, совершенно пренебрег этими обязательствами и решился предательски напасть на город мессенян (*О добродетелях и пороках*).

14. Ошибки Зенона и Антисфена. ...Так как некоторые составители отдельных историй пишут и о тех временах, к которым относятся мессенские события и рассказанные выше морские сражения[34], то я желаю вкратце сказать об этих писателях, не обо всех их, впрочем, но о тех только, которые, по моему мнению, достойны упоминания и подробной оценки: таковы родосцы Зенон и Антисфен[35]. По многим причинам я почитаю долгом отличить их. Так, они были современниками описанных событий, принимали участие в делах управления и вообще писали историю не ради корысти, но из жажды сла-

ми по долгу государственных людей. Так как они описывают те же события, что и мы, то нам невозможно обойти их молчанием; или же иной серьезный читатель в случае нашего разногласия предпочтет следовать за ними, ибо на их стороне и имя родосцев, и общее мнение, что родосцы — искуснейший в морском деле народ.

Итак, оба эти писателя прежде всего заявляют, что битва при Ладе была немаловажнее хиосской, скорее даже значительнее ее и напряженнее как в отношении подробностей дела, так и по его исходу; они же утверждают, что победа была на стороне родосцев. Я готов извинить, если историк превозносит свое отечество, лишь бы уверения его не противоречили действительности. Достаточно уже и тех ошибок, которые происходят от незнания и избежать которых трудно историку по присущей ему человеческой немощи. Если же мы станем писать неправду преднамеренно, будет ли то из любви к отечеству, по дружбе или из лести, то чем мы будем отличаться от людей, которые пишут историю ради прибытка? Как эти писатели, прилагая ко всему меру своих выгод, подрывают доверие к своим сочинениям, так бывает и с государственными людьми, которые руководствуются в своем поведении враждою или дружбою. Посему и читателям следует зорко наблюдать за этой стороной изложения, да и сами историки обязаны беречься подобных ошибок.

15. Противоречие между известиями и суждениями авторов. Сказанное подтверждается нижеследующим: Зенон и Антисфен в подробном сообщении о битве при Ладе признают, что два пятипалубных судна родосцев вместе с командою попали в руки врагов, далее, что, когда один корабль, в котором вследствие полученного повреждения образовалась течь, ушел из битвы с поднятым наименьшим парусом[36], многие из близстоявших кораблей сделали то же и отступили в открытое море, что наконец вынужден был к тому же самому и начальник флота, остававшийся позади с небольшим числом кораблей, что вслед за сим корабли родосцев отброшены были противным ветром к Миндскому берегу и там кинули якорь, а на другой день снова вышли в море и переправились к Косу[37], что неприятель потащил пятипалубники за собою и бросил якорь у Лады, таким образом проведя ночь на родосской якорной стоянке, что милетяне, напуганные всем случившимся,

при приближении врага почтили венком не только Филиппа, но и Гераклида. Все эти подробности, говорящие ясно о поражении родосцев, названные историки сообщают, и в то же время провозглашают родосцев победителями как в отдельных замечаниях, так и в общем заключении, невзира́я на то, что в Пританее хранится еще письмо об этих событиях, отправленное в то время военачальником совету и пританам и подтверждающее наши суждения, а не Антисфена и Зенона.

16. Ошибочная топография Зенона. Вслед за сим историки рассказывают о вероломном нападении на мессенян. При этом Зенон утверждает, что Набис вышел из Лакедемона, переправился через речку, именуемую Гоплитою[38], потом узкой тропинкой пошел мимо Полиасия, пока не достиг окрестностей Селласии, а оттуда повернул будто бы на Фаламы[39] и через Фары достиг реки Памиса. Я не знаю, что и сказать об этом. Уверения их совершенно похожи на то, как если бы кто рассказывал, что он отправился из Коринфа, перешел через Истм и достиг Скиронид[40], а затем тотчас повернул на Контопорию[41] и мимо Микен пришел в Аргос. Эти местности не то что находятся немного в стороне, но в противоположных направлениях одна от другой, именно: Истм и Скирады лежат на восток от Коринфа, тогда как Контопория и Микены чуть не на самом юго-западе, так что совершенно немыслимо пройти по такому направлению[42] к вышеназванным местностям. То же самое относительно Лакедемона, именно: Эврот и окрестности Селласии находятся почти на северо-восток от Спарты, тогда как Фаламы, Фары и Памис на юго-запад; поэтому человек, предположивший пройти мимо Фалам в Мессению, не только не должен идти на Селласию, но и переправля́ться[43] через Эврот.

17. Кроме того, Зенон утверждает, что Набис совершал обратный путь из Мессении через ворота, ведущие в Тегею. Это — бессмыслица. Перед Тегеей со стороны Мессены лежит Мегалополь, поэтому невозможно, чтобы мессеняне называли какие-либо ворота ведущими на Тегею. Правда, у мессенян есть ворота, именуемые Тегеатскими; через них-то Набис и вышел обратно домой, что привело Зенона к ложному заключению, будто Тегея находится ближе к Мессене, нежели Мегалополь. Но это не так, потому что между Мессенией и Тегеатидой лежат Лаконика и Мегалополитида. Наконец, по уверению Зенона, Алфей[44] у самого источника теряется под землей, про-

текает в таком виде на большом протяжении и показывается снова на поверхность подле Ликои[45] в Аркадии. Между тем река эта скрывается под землей на небольшом расстоянии от истоков и, пройдя так на протяжении всего десяти стадий, выступает снова, а дальше входит в Мегалопольскую область. Сначала маловодная, река потом непрерывно увеличивается и на виду у всех проходит всю вышеназванную область стадий на двести, принимает в себя воды Лусия[46] и уже в виде непереходимой глубокой реки достигает Ликои. <...>

И все-таки перечисленные здесь суждения при всей ошибочности их понятны и извинительны, ибо проистекают частью из неведения, частью из любви к отечеству, каково, например, суждение о морской битве. Насколько было бы основательнее упрекать Зенона в том, что он больше озабочен красотою слога, чем выяснением событий и расположением их, и не раз открыто похваляется этим, как делают многие другие известные историки? По-моему, необходимо прилагать внимание и старание к достодолжному изложению событий, ибо хороший слог в высокой мере усиливает действие истории, однако люди рассудительные не могут считать первою и господствующею над прочими задачей истории. Вовсе нет. Напротив, многие другие задачи ее более достойны, и сведущему в государственных делах историку приличнее было бы здесь искать себе похвал.

18. Ошибка Зенона в известиях о войне в Келесирии. Мысль моя может быть наилучше пояснена нижеследующим примером: поименованный выше историк в описании осады[47] Газы и в рассказе о сражении между Антиохом и Скопасом в Келесирии близ Пания обличил такую заботливость о красоте слога, что с ним не могли бы сравняться по причудливости оборотов даже сочинители речей, рассчитанных на то, чтобы пленять и удивлять толпу; зато относительно содержания показал такую небрежность, что тоже нельзя было бы назвать другого писателя, равного ему по легкомыслию и невежеству. Так, собираясь выяснить прежде всего расположение войск Скопаса, Зенон утверждает, что фаланга правым крылом с небольшим числом конных воинов примыкала к подошве горы, левое же крыло фаланги и вся назначенная сюда конница находились на равнине. Далее он говорит, что Антиох к раннему утру послал старшего сына, Антиоха, с небольшою частью

войска своевременно занять господствующие над неприятелем высоты, а сам с остальным войском на рассвете переправился через реку, что между двумя стоянками, и выстроился в боевой порядок на равнине; фалангитов вытянул в прямую линию и поставил против неприятельского центра, а конницу поместил частью на левом крыле, частью на правом; на этом же последнем находилась и вся панцирная конница[48], предводительствуемая Антиохом, его младшим сыном. Потом Антиох, по словам Зенона, поставил перед фалангою, в некотором расстоянии от нее слонов и тарентинцев с Антипатром[49] во главе, промежутки между слонами заполнил стрелками и пращниками, а сам с конницею сподвижников[50] и с гипаспистами поместился в тылу слонов. Покончив с распределением войск, Зенон продолжает, что тот самый Антиох-младший, которого он поставил было на равнине против левого крыла противника с панцирной конницей, стремительным движением с горы смял и преследовал конницу Птолемея, сына Аеропа, — и он же поставлен во главе этолян на левом крыле на равнине! Потом фаланги у Зенона встречаются, и между ними завязывается жестокая битва. Зенон и не подумал о том, что схватка между фалангами была невозможна, так как перед ними стояли слоны, конница и легковооруженные.

19. Далее, продолжает Зенон, когда фаланга под напором ловких этолян отступала шаг за шагом назад, слоны приняли отступающих под свою охрану и в борьбе с неприятелем оказали большую услугу своим. Однако трудно понять, каким образом слоны очутились в тылу фаланги или как они могли оказать важную услугу: лишь только фаланги схватывались одна с другою, слоны не могли больше различать, кто друг их и кто враг из людей, попадавших им под ноги. Этого мало: по его же словам, этолийская конница во время битвы поставлена была в трудное положение непривычным для нее видом слонов. Однако сам же Зенон рассказывает, что помещенная на правом крыле конница оставалась нетронутою, тогда как вся остальная масса конницы, поставленная на левом крыле, была побеждена Антиохом и бежала. Какая же часть конницы находилась в центре фаланги и была напугана слонами? В это время где находился царь? В чем состояло участие в битве царя, при котором находились отборные части пехоты и конницы? Об этом у Зенона ни слова. Потом, что же делал стар-

ний из сыновей, Антиох, который с частью войска заблаговременно овладел высотами? Этот Антиох и после битвы не возвратился к царю в лагерь. Оно и понятно, ибо Зенон предполагает у царя двух сыновей, Антиохов, хотя в этом походе участвовал один только. Потом, каким образом у него Скопас в одно и то же время уходит из битвы и первым, и последним? Зенон утверждает, что Скопас при виде Антиоха-младшего, который вернулся из погони и показался в тылу фалангитов, потерял вследствие этого надежду на победу и отступил назад. Вслед за сим читаем, что, когда фаланга оцеплена была слонами и конницей, произошла жесточайшая сеча, и Скопас вышел из битвы последним.

20. Эти и все подобные погрешности навлекают на историков, как мне кажется, большой срам. Поэтому историку следует больше всего стремиться к безошибочности во всех частях своего сочинения, как к качеству достохвальному; если же это невозможно, тогда надлежит наибольшую заботу обратить на необходимейшее и важнейшее в историческом сочинении.

Правда и поучительность — важнейшие достоинства исторического сочинения. Высказать это побудила меня мысль о том, что в наше время в истории, как и во всех прочих искусствах и занятиях, правда и поучительность не пользуются уважением; напротив, предметом похвалы и подражания служит все показное и поразительное, как бы нечто действительно трудное и удивления достойное. Между тем в истории, как и в других видах письменности, эти достоинства легче даются писателю, легче приобретается и одобрение за них. Что касается незнакомства Зенона с местностями Лаконики, то я не стесняясь написал об этом самому Зенону, так как ошибки его были грубы, а я не считаю делом честного человека чужие ошибки обращать в свою пользу, как поступают многие другие; напротив, ради общего блага я готов тщательно исправить не собственные только сочинения, но и чужие, насколько позволяют мне силы. Когда Зенон получил наше письмо и увидел, что невозможно уже изменить сочинение, которое он выпустил в свет, он сильно пожалел и, хотя не мог ничего сделать, благодарил нас за участие. Относительно себя я просил бы современных и последующих читателей беспощадно осуждать нас за ложь и уклонения от истины, если окажется, что мы преднамеренно допустили их в нашем сочине-

нии, но вместе с тем и простить нас за ошибки по неведению, нас скорее, чем кого бы то ни было, так как сочинение наше обширно и обнимает события всего мира (*О добродетелях и пороках, Свида*).

21[51]. Расточительность Тлеполема во время управления Египтом. ...Тлеполем, управлявший делами египетского царства, был молод и все время пышно жил в лагерях. От природы он был надменен, тщеславен, а в управлении делами государства проявлял много достоинств, но и столько же недостатков. Так, на поле сражения он был искусный военачальник, умел руководить военными действиями, был мужествен и обладал способностью ладить с солдатами. Напротив, Тлеполем был совершенно не способен к ведению запутанных дел, требующих внимания и осторожности, бережливости и вообще хозяйственной распорядительности. Благодаря этим свойствам он скоро не только пошатнул государство, но и сократил его пределы. Завладев государственной казной, Тлеполем чуть не целые дни проводил в игре в мяч или в вооруженных состязаниях с юными сверстниками, а после игр тотчас устраивал попойки, и в этом проходила большая часть его жизни. Если иногда какой-нибудь час в день он уделял на приемы, то раздавал или, говоря точнее, расшвыривал государственные деньги являвшимся из Эллады послам, актерам, больше всего начальникам придворных отрядов и солдатам. Вообще он не умел отказывать; лишь бы кто обратился к нему с льстивою речью, Тлеполем охотно отдавал все, что попадалось ему на глаза. Вследствие этого зло росло и ширилось само собою. Всякий неожиданно облагодетельствованный расточал перед Тлеполемом лесть в благодарность за прежнее одолжение и в расчете на будущее. А он, принимая от всех похвалы себе и здравицы на пирушках, зная, что по всему городу имя его прославляется в надписях и в веселых песнях, исполняемых певцами, возмечтал о себе, становился все надменнее, а на милости чужеземцам и солдатам все расточительнее.

22. Вражда и интриги Птолемея против Тлеполема. Такое поведение раздражало придворных, которые стали следить за каждым шагом Тлеполема и тяготились его высокомерием, зато тем больше восхищались Сосибием*, когда сравни-

---

* Сосибий-младший.

шли его с Тлеполемом. Говорили, что Сосибий был рассудительный не по летам руководитель царя, что в обхождении с иноземцами он держал себя так, как и подобало человеку, облеченному столь высоким доверием: ему были доверены государственная печать и особа царя. В это время возвратился от Филиппа Птолемей, сын Сосибия. Уже перед отъездом из Александрии он отличался надменностью, частью по самому характеру своему, частью потому, что отец его занимал высокое положение. Когда же он побывал в Македонии и пожил среди тамошней придворной молодежи, то вообразил себе, что мужество македонян в красоте их обуви и одежды, и потому во всем этом стал подражать им и проникся убеждением, что путешествие в Македонию и пребывание среди македонян сделали и его самого мужем, тогда как александрийцы продолжали оставаться рабами и трусами. Вот почему Птолемей[52] скоро начал завидовать Тлеполему и враждовать с ним. Все придворные были на его стороне, ибо Тлеполем управлял делами государства и распоряжался казною не как опекун, но как собственник, и потому разлад между ним и Птолемеем вскоре обострился. В это время до Тлеполема стали доходить злобные толки придворных, подглядывавших за ним и строивших козни; первое время он не вслушивался в эти речи и оставлял их без внимания; но потом, когда те же люди решились открыто в заседании совета осуждать его в его отсутствие за дурное управление государством, Тлеполем в гневе созвал совет и объявил на нем, что, если враги его злословят на него тайком с глазу на глаз, то он предпочитает выступить против них с обвинениями открыто в общем собрании[53]. <...> После этой речи Тлеполем отобрал печать у Сосибия, держал ее с того времени у себя и всеми делами управлял по собственному усмотрению (*О добродетелях и пороках, Свида*).

22а. Честность и мужество газян. ...Справедливость и долг, мне кажется, требуют воздать подобающую хвалу жителям Газы[54]. Не уступая[55] жителям Келесирии в военном мужестве, газяне далеко превосходят их честностью и верностью в отношении к союзникам и сверх всего обладают несокрушимою отвагою. Так, во время нашествия персов*, когда все прочие народы в страхе перед громадным могуществом врагов

---

* О каком нашествии персов идет речь, неизвестно.

передавались вместе с городами своими мидянам, одни газяне не устояли перед опасностью и не испугались осады. Потом, при появлении Александра[56], когда прочие города сдались победителю, а тиряне были покорены силою, когда сопротивление стремительному натиску Александра угрожало почти верною гибелью, они одни из сириян не отступили перед победителем и испытали все средства борьбы. Так же точно газяне вели себя и в описываемое нами время, именно: ради соблюдения верности Птолемею они сделали все, что могли. Поэтому, отмечая в нашем сочинении похвалою отдельных доблестных людей, мы обязаны таким же образом чествовать доброю памятью целые государства, если обыкновенно они действуют честно, в подражание ли предкам, или по собственному расположению (*О добродетелях и пороках*).

23. Великолепие триумфа Сципиона. ...Публий[57] Сципион возвратился из Ливии немного времени спустя после описанных выше событий. Чувства, с какими народ ждал Публия, соответствовали его многозначительным подвигам, а потому великолепие и восторги толпы окружали этого гражданина. Совершенно справедливо и заслуженно было такое чествование. В самом деле, потеряв было всякую надежду выгнать Ганнибала из Италии и отвратить опасность, угрожавшую им самим и друзьям их, римляне теперь не только чувствовали себя свободными от всякого страха и напасти, но и господами врагов своих, почему радость их была беспредельна. Когда же теперь Публий показался в триумфе и память минувших тревог оживилась зрелищем принадлежностей триумфа[58], римляне забыли всякие границы в выражении благодарности богам и любви к виновнику необычайной перемены. Ибо в триумфе через город среди пленников шел и царь масайсилиев Софак, который немного спустя кончил дни в тюрьме. По завершении торжества римляне непрерывно в течение многих дней устраивали блестящие игры и сборища на средства щедрого Сципиона (*Сокращение*).

24. Трудное положение Филиппа в Карии. ...Зима, в которую консулом в Риме был выбран Публий Сульпиций[59], уже началась, а царь Филипп все держался в Баргилиях. Он видел, что родосцы и Аттал не только не распускают флота, но вооружают еще новые корабли и с большею, чем прежде, настойчи-

постью теснят неприятельские гарнизоны; это ставило Филиппа в большое затруднение, и он в размышлениях о будущем переходил от одного решения к другому. Так, с одной стороны, царь опасался выйти из Баргилий, ибо предвидел битву на море, зато, боясь и этолян, и римлян, он не был покоен за Македонию и вовсе не желал зимовать в Азии: он знал, что в Рим отправлены враждебные ему посольства[60] и <...> что война в Ливии кончилась. Вследствие этого Филипп был в большом затруднении, но обстоятельства вынуждали его оставаться на месте и вести, что называется, волчью жизнь. Грабежом и кражею у одних, насилием над другими, лестью, чуждою его природе, перед третьими добывал он для голодающего войска то мясо, то фиги, то хлеб небольшими количествами. Часть припасов доставлял ему Зевксид, другую миласийцы[61], алабандцы, магнеты; он или льстиво пресмыкался перед этими народами, когда получал от них припасы, или неистовствовал и злоумышлял на них, когда встречал отказ. Наконец Филипп покусился было при посредстве Филокла захватить город миласийцев, но потерпел неудачу, ибо план захвата был ошибочен; зато опустошил поля алабандийцев, как бы врагов своих, оправдываясь необходимостью доставить войску средства пропитания (*О добродетелях и пороках*).

...Филипп, отец Персея, когда во время набегов в Азии войско его терпело нужду в съестных припасах, принял от магнетов фиги, потому что хлеба у них не было. За фиги он и Миунт[62] подарил магнетам, когда овладел этим городом (*Афиней*).

25. Прибытие в Афины Аттала и римских послов. ...Афинский народ отправил к царю Атталу[63] послов с выражением благодарности за прежние услуги и с приглашением явиться в Афины для совместного обсуждения необходимых мероприятий. Несколько дней спустя царь был уведомлен о том, что римские послы[64] высадились в Пирее, и, полагая, что ему необходимо переговорить с ними, поспешно вышел в море. Как только афинский народ узнал о скором прибытии царя, сделал постановление великолепно встретить и вообще принять его. Первый день по прибытии в Пирей Аттал употребил на переговоры с римскими послами и был очень рад, когда

• На берегах Малой Азии.

услышал, как римляне вспоминали их прежние союзные действия и с какою готовностью пойдут на Филиппа войною. На следующий день Аттал вместе с римлянами и афинскими архонтами вступил в город с большою торжественностью, ибо навстречу им вышли не только должностные лица и всадники, но и все граждане с женами и детьми. Когда произошла встреча, толпа приветствовала римлян и особенно Аттала с несравненным восторгом. Когда же царь переступил Дипил[65], по обеим сторонам его выстроились жрицы и жрецы, потом перед ним открыли все храмы, на всех жертвенниках поставлены животные, а царя просили закалать их. Наконец афиняне определили воздать Атталу такие почести, каких никогда раньше не оказывали своим благодетелям. Так, между прочим, они назвали филу[66] по имени Аттала и его самого сопричислили к родоначальникам-покровителям[67].

26. После этого афиняне созвали народное собрание и пригласили в него Аттала. Но тот отклонил от себя приглашение, говоря, что неудобно выступать лично перед облагодетельствованными людьми и самому перечислять собственные заслуги. Афиняне не настаивали больше, только просили высказаться письменно относительно того, что́ при данных обстоятельствах он находит полезным. Аттал согласился, и составленное им письмо градоправители[68] внесли в собрание. Главным содержанием письма было напоминание об услугах, раньше оказанных царем афинскому народу, перечисление его недавних деяний, направленных против Филиппа, наконец, призыв к войне с Филиппом и клятвенное уверение в том, что, если только афинянам не угодно теперь же соединиться с родосцами, римлянами и с ним для мужественной борьбы, если, пропустив это время, они пожелают потом приобщиться благ мира, добытого чужими трудами, то выгоды[69] отечества не будут соблюдены ими. **Объявление войны Филиппу афинянами.** Уже по прочтении письма народ, частью убежденный тем, что выслушал, частью из расположения к Атталу, был готов начинать войну. Когда же явились в собрание и родосцы и настойчиво заговорили в том же направлении, афиняне постановили объявить войну Филиппу. Родосцев они приняли тоже с большим почетом, родосскому народу поднесли венок в награду за храбрость, а всем родосцам даровали исополитию[70], ибо помимо всего прочего они благодаря родосцам по-

лучили обратно захваченные неприятелем корабли с командою. Достигнув этого, родосские послы отплыли с флотом к Косу[71] и островам (*О посольствах*).

27. Пока римские послы находились в Афинах, Никанор[72], один из военачальников Филиппа, совершил набег на Аттику до Академии. Римляне через глашатая позвали Никанора на переговоры и при этом поручили ему объявить Филиппу требование римлян, чтобы царь не воевал ни с одним из эллинских народов, а за обиды, нанесенные Атталу, дал бы ответ перед судом правым; если царь согласен на это, то может жить в мире с римлянами, если не согласен, то последует война, сказали послы. По выслушании послов Никанор удалился. С такою же речью о Филиппе римляне обратились к эпиротам в Фойнике, по пути к Аминандру в Афамании[73], а равно к этолянам в Навпакте и к ахенянам в Эгии. Вот что объявили в то время послы Филиппу через Никанора и отплыли к Антиоху и Птолемею[74] для примирения их между собою (*О посольствах*).

28. Медлительность Аттала и родосцев. Быстрота и настойчивость Филиппа. ...Мне кажется, многие уже прекрасно начинали дело и своею ревностью споспешествовали ему; напротив, только немногие доводят задуманное до конца и, если встречают противодействие судьбы, недостаток увлечения восполняют рассудительностью. Можно было бы и тогда не без основания упрекнуть Аттала и родосцев в медлительности, а за Филиппом признать царственное величие души и настойчивость в преследовании цели: говорим так не для того, чтобы хвалить характер Филиппа вообще, но чтобы отметить поведение его при тогдашних обстоятельствах. Настоящее различие мы делаем по избежание упрека в противоречии себе, так как раньше мы хвалили Аттала и родосцев и осуждали Филиппа, а теперь поступаем наоборот. Вот почему уже в начале сочинения я высказался решительно, что историку необходимо бывает одних и тех же людей раз похвалить, другой раз осудить, ибо нередко перемена к худшему и несчастие, даже перемена к лучшему изменяют человека, иногда же люди стремятся и по влечению собственной своей природы то к добру, то ко злу. Кое-что в этом роде случилось, думается нам, в то время и с Филиппом. Огорченный неудачами, волнуемый яростью и гневом, он тем не менее решительно и ловко приспособился к обуревавшим его невзгодам, противустал родосцам и

Атталу и последующие свои начинания привел к концу. Высказать эти замечания я вынужден был тем, что иные люди, как плохие бегуны на ристалище, у самой цели отказываются от состязания, тогда как другие именно в этот момент торжествуют победу над соперником (*Сокращение*).

29. Нападение Филиппа на Абидос. ...Филипп желал отнять у римлян имеющиеся в этом крае[75] опорные пункты и дороги (*Свида*).

...Дабы Абидосом воспользоваться, как воротами, если бы снова вздумалось переправиться в Азию (*там же*).

...Долго распространяться об удобствах местоположения городов Абидоса и Сеста я нахожу излишним, так как все сколько-нибудь значительные историки писали о них: до того эти удобства и выгоды замечательны. Зато напомнить читателям главные черты местоположения этих городов и через то остановить внимание на них, по-моему, не бесполезно для предлежащей задачи. Впрочем, для оценки особенностей поименованных выше городов важен не столько самый вид местностей, ими занимаемых, сколько нижеследующие сопоставления и сравнения, именно: если из того моря, которое одни называют Океаном, другие Атлантическим, нельзя проникнуть в наше море* иначе как через ворота у Геракловых Столбов, то из нашего моря нельзя пройти в Пропонтиду и в Понт иначе как не вошедши в пролив между Сестом и Абидосом. При образовании двух проходов судьба как будто наблюдала известное соотношение, сделав путь у Геракловых Столбов во много раз шире Геллеспонтского, так: первый имеет ширины шестьдесят стадий, а второй у Абидоса две стадии** потому, можно подумать, что наружное море во много раз больше нашего. Однако проход у Абидоса удобнее того, что у Геракловых Столбов, ибо имеет поселения по обеим сторонам, благодаря чему образует подобие ворот для взаимных сношений между берегами; то мост перекидывают через него, если предпочитают перейти посуху с одного материка на другой, то по нему непрерывно снуют суда. Напротив, Геракловыми Столбами пользуются редко и немногие люди, потому что не существует сношений с народами, занимающими окраины Ливии и Ев-

---

* Средиземное.
** 480 шагов.

роны, к тому же внешнее море неведомо. Что касается города абидян, то его с двух сторон замыкают мысы Европы[76] и он имеет гавань, в которой могут укрыться от всякого ветра стоящие на якоре корабли. Пристать же к городу где-либо в другом месте помимо гавани невозможно, ибо в проливе господствует сильное стремительное течение.

30. Филипп запер абидян частью палисадом, частью валом и рвом и начал осаду города одновременно с суши и с моря. Хотя и не было в этой осаде ничего замечательного ни по громадности сооружений, ни по разнообразию и изобретательности в коварных действиях, коими обыкновенно обмениваются осаждающие и осаждаемые, зато не менее многого другого достойно упоминания мужество осаждаемых и их необычайная твердость духа. Первое время жители Абидоса, уверенные в своих силах, отважно сопротивлялись посягательствам Филиппа, машины, подвозимые к городу с моря, они частью обстреливали из камнеметальниц и расшатывали их, частью портили огнем, так что неприятель едва успевал спасать корабли свои от гибели. Против осады с суши они также некоторое время держались мужественно, не теряя надежды одолеть противника. Но потом, когда вследствие подкопа рухнула наружная стена, и вслед за сим македоняне подземными ходами приблизились к той стене, которую горожане возвели вместо рухнувшей насупротив ее, тогда они отправили к Филиппу послов Ифиада и Пантагнота с предложением сдать город на том условии, чтобы солдатам родосцев и Аттала обеспечена была неприкосновенность, а свободным гражданам дозволено было искать спасения там, где кто пожелает, с единственным платьем, какое каждый из них имеет на себе. В ответ на это Филипп предложил абидянам или сдаться без всяких условий, или отважно защищаться, с чем послы и возвратились в город. **31.** По выслушании послов абидяне сошлись в народное собрание и в состоянии отчаяния обсуждали положение дел. Постановили они, во-первых, освободить рабов, дабы иметь в них ревностнейших соратников, потом собрать всех женщин в святилище Артемиды, а детей вместе с няньками их в гимназию, далее серебро и золото снести на рынок, дорогие одежды на четырехъярусное судно родосцев и трехъярусное кизикиян. Приняв такое решение и единодушно выполнив его, абидяне сошлись вторично в собрание и выбрали

пятьдесят граждан старейших и наиболее доверенных, еще достаточно бодрых для того, чтобы привести в исполнение народные решения. Выборных абидяне обязали клятвою, данною перед лицом всех граждан: как только завидят они внутреннюю стену в руках неприятеля, должны перерезать жен и детей, упомянутые выше корабли предать пламени, а золото и серебро с проклятиями кинуть в море. После этого все абидяне поклялись перед жрецами или одолеть врага, или умереть в борьбе за отечество. В заключение они заклали жертвенных животных и заставили жрецов и жриц произнести над пылающими жертвенниками проклятия против изменников. Распорядившись таким образом, абидяне приостановили подземные работы, шедшие навстречу неприятелю, и постановили: лишь только рухнет внутренняя стена, на пробоине ее бороться с наступающим врагом до последнего издыхания.

32. При виде этого можно было бы сказать, что отвага абидосцев превзошла и фокидское отчаяние[77], и акарнанскую решимость. Так, когда фокидяне приняли подобное решение относительно присных своих, они по-видимому, не совсем еще утратили надежду на победу, ибо собирались дать фессалийцам правильное сражение в открытом поле; равным образом акарнанский народ принял такое же решение, когда еще только ждал нашествия этолян, о чем раньше говорено подробно*. Абидосцы, напротив, были заперты со всех сторон и почти без всякой надежды на спасение, когда всем народом предпочли принять роковой конец вместе с детьми и женами, чем идти во власть врагов. Вот почему можно бы с полнейшим основанием укорить судьбу по случаю несчастия абидян за то, что она же как бы сжалилась над фокидянами и акарнанами и бедствия их скоро сменила удачами, даровала победу и жизнь впавшим в отчаяние народам, тогда как по отношению к абидянам поступила наоборот, именно: граждане Абидоса пали, город был взят, и дети с матерями сделались добычею врагов.

33. Дело было так: когда рухнула внутренняя стена, абидяне, верные клятве, взошли на пробоину и в борьбе с неприятелем обнаружили такую отвагу, что Филипп, до самой ночи посылая в дело отрад за отрядом, наконец прекратил было сражение и стал отчаиваться в окончательном успехе предприя-

---

* IX 40 4–6. *Liv.* XXVI 25.

тия. Ибо передовые бойцы абидян не только взбирались на трупы врагов и дрались с отчаянным упорством, не только отважно действовали мечами и копьями, но когда оружие то или другое портилось и делалось негодным или от сильного напряжения вырывалось из рук, абидяне обхватывали македонян руками и кидали их оземь вместе с оружием, у других ломали сарисы и этими самыми обломками кололи врагов в лицо и другие обнаженные части тела, так что македоняне совсем упали духом. **Малодушие Главкида и Феогнета.** Когда с наступлением ночи сражение кончилось и большинство абидян было перебито у пробоины, прочие изнемогали от утомления и ран, Главкид и Феогнет собрали около себя несколько человек старейших граждан и, чтобы спасти себе жизнь, изменили геройскому, доблестному решению согражданн и постановили: детей и женщин сохранить в живых, жрецов и жриц отправить на рассвете к Филиппу с молитвенными венками[78] просить о пощаде и сдать ему город.

34. Участие Аттала и римлян в судьбе Абидоса. Около этого времени царь Аттал[79], прослышав об осаде абидян, прибыл через Эгейское море к Тенеду, равно как юнейший из римских послов Марк Эмилий*[80] подошел на корабле к самому Абидосу. Достоверные сведения об осаде абидян римляне получили на Родосе и, желая согласно полученному приказанию, говорить с самим Филиппом, не продолжали более пути к царям** и отрядили Эмилия. На свидании с царем у Абидоса римский посол объявил решение сената: потребовать от Филиппа не воевать ни с каким эллинским народом, не простирать своих вожделений на царство Птолемея, а за учиненные Атталу и родосцам обиды дать ответ на суде, и добавили, что с выполнением этих требований он может пользоваться миром, если же не желает подчиниться, то неотложно будет иметь войну с римлянами. Когда Филипп вздумал было пояснять, что родосцы посягнули на него, Марк перебил его и спросил: «А афиняне? Кияне? Наконец, абидосцы? Кто из них тронул тебя первый?» Царь ничего не мог ответить и сказал, что прощает послу его дерзкие речи по трем причинам: во-первых, за юность его и неопытность, во-вторых, за то, что он, как и было на са-

---

* *Лепид.* 27 4.Прим. 25 2.
** Антиоху и Птолемею.

мом деле, красивейший из современников, в-третьих, за то, что он римлянин. «Больше всего я желал бы от римлян, — продолжал Филипп, — чтобы они не нарушали договора и не поднимали войны на нас; если же они это сделают, мы с помощью богов будем храбро защищать себя». Обменявшись такими речами, собеседники разошлись.

Завладев городом, Филипп нашел все богатства его собранными в одном месте абидосцами и без труда забрал их. При виде того, с какою яростью многие абидяне убивают себя, детей и женщин, жгут и вешаются, бросаются в колодцы, кидаются с кровель, Филипп пришел в ужас и, тронутый ужасным зрелищем, объявил, что дает три дня отсрочки всем, желающим повеситься или заколоться. Однако абидяне раньше еще решили покончить с собою согласно первоначальной клятве и, как бы боясь изменить своим, павшим в борьбе за родину, ни за что не хотели жить, разве кого связывали враги или ставили иное какое-либо непреоборимое препятствие к самоумерщвлению; а все прочие целыми семействами без колебания спешили расстаться с жизнью (*Сокращение*).

35. Ахейские и римские послы на Родосе. ...После падения[81] Абидоса явились на Родос от ахейского союза послы с увещанием к родосцам заключить мир с Филиппом. Когда с возражениями против них выступили послы из Рима, указывая на то, что родосцы не могут заключить мир с Филиппом без римлян, родосцы постановили держаться римского народа и дорожить его дружбой (*О посольствах*).

36. Филопемен и сборы ахеян в Тегее. ...Филопемен[82] определил расстояния всех ахейских городов от Тегеи и сообразил, какие из них могут доставлять своих солдат в Тегею общими дорогами[83]. Вслед за сим он написал письма ко всем городам, разослал их к наиболее отдаленным, распределив письма так, чтобы каждый из отдаленных городов получил не только свое письмо, но еще и письма к тем городам, которые лежали на одном с ним пути к Тегее. В первых письмах содержалось такого рода обращение к должностным лицам[84] города: «Как только получите письмо, тотчас распорядитесь, чтобы все граждане положенных для службы возрастов, вооруженные, с продовольствием на пять дней и с пятью драхмами денег[85] немедленно собрались на рынок. Когда наличные граж-

дане будут в сборе, забирайте их и ведите в следующий город. По прибытии на место вручите письмо должностному лицу, к коему оно написано, и исполните содержащееся в письме распоряжение». Содержание же этого письма было такое, как и предыдущих, за исключением того, что далее лежащий город, в который нужно было идти, назывался другим именем. Так как порядок этот соблюдался непрерывно от города к городу, то, во-первых, никто не знал, к какому предприятию делаются приготовления и для какой цели, потом никто не знал даже, куда он идет, разве что в ближайший город, но все в недоумении подвигались вперед, одни забирая других. Не все отдаленнейшие города лежали в одинаковом расстоянии от Тегеи, поэтому не все получили письма одновременно, один раньше, другой позже, в зависимости от расстояния. Вследствие сего все ахеяне в вооружении входили одновременно в Тегею всеми воротами, причем ни тегеяне, ни прибывавшие ахеяне не знали, что будет дальше.

37. Победа Филопемена над наемниками Набиса. Филопемен придумал и применил эту хитрую меру потому, что тиран имел множество доносчиков и соглядатаев[86]. В тот день, когда войско ахеян должно было собраться в Тегее, Филопемен послал отборных воинов[87] к Селласии с тем, чтобы они переночевали там и на заре следующего дня вторглись в Лаконику; если бы наемники вышли против них и стали бы теснить их, приказал отступать к Скотите[88] и во всем прочем подчиняться критянину Дидаскалонду, коему он заранее доверил все предприятие и дал надлежащие указания. Бодро двинулись вперед к назначенному месту отборные воины, а Филопемен, распорядившись пораньше накормить ахеян ужином, вышел с ними из Тегеи и после усиленного ночного перехода поместил войско ранним утром в засаде в околотке, именуемом Скотитою, что между Тегеей и Лакедемоном. На следующий день находившиеся в Пеллене наемники, лишь только часовые уведомили их о неприятельском набеге, тотчас поспешили на место происшествия, как делали и раньше, и ударили на врага. Когда согласно полученному приказанию ахеяне стали отступать, наемники теснили их с тыла жестоко и отважно. Но как только они поравнялись с местом засады, оттуда поднялись ахейцы, и наемники были частью изрублены, частью захвачены в плен (*Сокращение*).

38. ...Филипп[89] видел, что ахеяне из робости не начинают войны с римлянами, а потому всячески старался вовлечь их в войну (*Свида*).

39. Из войны между Антиохом и Птолемеем за Келесирию. ...Военачальник Птолемея Скопас[90] устремился в верхние области и зимою покорил иудейский народ (*Иосиф Флав.*).

...Так как осада города* велась неуспешно, то Скопас потерял доверие и был жестоко оклеветан (*Свида*)

...После поражения Скопаса Антиох взял Батанею[91], Самарию, Абилы, Гадары, а немного спустя перешли на его сторону и те из иудеев, которые населяли окрестности святилища, именуемого Иерусалимом[92]. Много есть у нас сказать об этом, особенно о великолепном храме, но мы отложим рассказ до другого раза (*Иосиф Флав.*).

40. Географические отрывки. ...Бабрантий[93], местность вблизи Хиоса (*Стеф. Визант.*).

...Гитта, город Палестины (*там же*).

...Гелла, местность Азии, торжище царя Аттала (*там же*)

...Инсобры, народ италийский (*там же*).

...Кандасы, крепостца Карии (*там же*).

...Карфея, один из четырех городов на Кеосе. Жители города карфеяне (*там же*).

...Мантуя, город римлян. Житель — мантуанец (*там же*).

---

* Неизвестно, какого.

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ*

Встреча Филиппа с Титом Фламинином и союзниками последнего для мирных переговоров в Малайском заливе вблизи Никеи; грубость Филиппа; требования Тита (1). Требования союзников Фламинина от Филиппа (2). Обвинительная речь этолийца Александра против Филиппа (3). Ответ Филиппа Александру и насмешка над близорукостью Фения (4). Свой образ действий Филипп оправдывает тяжкими беззакониями этолян (5–6). Требование Филиппом письменного изложения условий мира (7). Второй день переговоров; уступки Филиппа (8). Третий день переговоров; предложение Филиппа перенести решение дела в сенат принято Титом и через то самое прочими союзниками (9–10). Посольство в Риме от Филиппа, Тита и союзников этого последнего; неудача переговоров (10–11). Решение сената продолжать войну с Филиппом; характеристика Тита (12). Легкомысленное употребление имени предателя; Аристена несправедливо называют предателем; Демосфен ошибался в применении имени предателя к честным гражданам; кого должно считать предателем; судьба предателя (13–15). Чествование Аттала в Сикионе (16). Набид и жена его в Аргосе (17). Филипп и Тит в Фессалии; Тит велит солдатам заготовлять на всякий случай палисадины; преимущество римского палисада перед эллинским (18). Филипп и Тит у Фер; стычка между передовыми отрядами; движение Филиппа в Скотусу; замысел Тита; стоянки при

---

* От XVII книги истории не сохранилось ничего.

Мелам6ии и Феспидии в Фессалии (19–20). Легкая стычка между римскими и македонскими войсками (21). Неподготовленность Филиппа к решительному сражению при Киноскефалах; приготовления Тита к битве; речь Тита к войскам (22–23). Решительное сражение при Киноскефалах; тактика Публия; заслуга одного из трибунов; потери воюющих в битве (24–27). Предварительные замечания о военном деле у римлян и македонян (28). Сравнительная оценка вооружения и тактики у римлян и у македонян; превосходство македонской системы над азиатскими и эллинскими, а римской над македонской; поражения македонян в борьбе с римлянами в зависимости от фаланги (29–32). Перемена в характере Филиппа после поражения при Киноскефалах (33). Удаление Филиппа в Македонию; рассудительность царя в несчастии (34). Корыстолюбие и самомнение этолян; готовность Т. Квинкция заключить мир с Филиппом вопреки желанию этолян; неподкупность римлян: Л. Эмилий, Публий Сципион (35–36). Совещание Тита и союзников в Темпах о мирных предложениях Филиппа; склонность Тита к миру; воинственность этолян; разногласие между римлянами и этолянами (37). Переговоры Тита с Филиппом в Темпах; готовность Филиппа на уступки; алчность этолян; условия мира (38–39). Легкомыслие коварных людей (40). Из известий о походе Антиоха в Европу (41а). Кончина Аттала; оценка его (41). Послы от Филиппа, Тита и союзников римлян в Риме в консульство М. Клавдия Марцелла (42). Междоусобицы в Беотии; партии македонская и римская; умерщвление Брахилла, главы антиримской партии, с ведома Тита (43). Решение сената о мире с Филиппом (44). Недовольство этолян и обвинения их против римлян; совещание Тита с десятью римскими легатами в Коринфе (45). Возвещение о свободе эллинов на Истмийском празднестве; восторженная благодарность эллинов (46). Устроение Эллады Т. Квинкцием; распределение обязанностей между легатами; легаты на союзном собрании этолян в Ферме (47–48). Успехи Антиоха в Ионии и Фракии; переговоры легатов с Антиохом в Лисимахии; отказ Антиоха исполнить

требования римлян (49–52). Поведение этолийца Скопаса в Египте; гибель его; провозглашение совершеннолетия Птолемея; Дикеарх, Поликрат; мегалополец Птолемей (53–55).

1. Переговоры Т. Кв. Фламинина и союзников Филиппа при Никее. ...В назначенное время[1] Филипп, вышедши из Деметриады с пятью ладьями и одной пристой, на которой сам находился, прибыл в Малийский залив. Его сопровождали македоняне Аполлодор и Демосфен, писцы его, беотиец Брахилл[2], ахеец Киклиад[3], изгнанный из Пелопоннеса по причинам, о которых говорено было раньше. С Титом явились царь Аминандр и от Аттала Дионисодор, от союзов и городов: Аристен[4] и Ксенофонт от ахеян, Акесимброт, начальник морских сил, от родосцев, а от этолян Фений, союзный стратег, и многие другие государственные мужи. Тит и спутники его, когда подле Никеи подошли к морю, разместились на самом берегу, а Филипп остался на море, хотя и близко к суше. На предоложение Тита сойти на берег Филипп, встав на корабль, отвечал, что не сойдет. На новый вопрос Тита, чего он боится, Филипп отвечал, что, кроме богов, он не боится никого, но не доверяет очень многим из присутствующих, больше всего этолянам. Римский военачальник с удивлением заметил, что опасность одинакова для всех, как одинаково и положение всех их. Но Филипп на это возразил, что Тит ошибается, ибо, случись что с Фением, многие смогут занять должность союзного стратега этолян; напротив, умри Филипп, никого не найдется теперь, кто бы мог стать царем македонян. Все находили, что непристойно начинает Филипп переговоры; однако Тит предложил ему объяснить причину своего прибытия. Филипп на это возразил, что объяснять следует не ему, а Титу[5], и потому просил Тита сказать, что он обязан сделать для того, чтобы сохранить мир. Римский военачальник отвечал, что собственно его речь будет проста и ясна, именно: он требует от Филиппа очистить всю Элладу, возвратить пленных и перебежчиков, какие есть у него, отдельным городам по принадлежности, а римлянам передать те местности Иллирии, которыми он завладел по заключении мира в Эпире[6]; равным образом и Птолемею возвратить все города, которые он присвоил себе по смерти Птолемея Филопатора.

2. Требования союзников к Филиппу. Сам Тит ничего больше не говорил; вместо этого он обратился ко всем спутникам своим с предложением высказать, что каждому из них было поручено его доверителями. Первым держал слово присланный от Аттала Дионисодор. Он заявил, что Филипп обязан возвратить царские корабли, захваченные им в хиосском сражении, и команду их, а святилище Афродиты и Никефорий, им разрушенные, привести в первоначальное состояние. За Дионисодором говорил начальник флота родосцев Акесимброт, требовавший от Филиппа очистить Перею[7], которую у них отнял, вывести гарнизоны из Иаса и городов баргилиян и эвромлян[8], восстановить связи перинфян с союзом византийцев[9], удалить войска из Сеста, Абидоса и вообще из всех гаваней Азии. Вслед за родосцами ахейцы потребовали обратно Коринф и город аргивян[10] в нетронутом виде. За ними этоляне, так же как и римляне, требовали, во-первых, очистить всю Элладу, во-вторых, возвратить им нетронутыми города, раньше входившие в союз этолян[11].

3. Обвинительная речь этолийца Александра против Филиппа. Как только сказал это Фений, союзный военачальник этолян, стал говорить Александр, по прозванию Исский[12], слывший за искусного государственного деятеля и оратора. Он заявил, что у Филиппа нет искреннего желания мира в настоящее время, не бывает и мужества в войне, когда приходится воевать, ибо во время переговоров и соглашений он строит козни, подстерегает противника, словом, ведет себя так, как подобает воюющей стороне; наоборот, во время войны он действует вероломством и хитростями. Так, от встреч с неприятелем лицом к лицу он уклоняется и, избегая противника, предает города пламени и расхищению, и этим способом действий не оставляет победителю в случае своего поражения награды за труды. Между тем прежние цари македонян следовали в своем поведении противоположным правилам, именно: готовые непрестанно сражаться друг с другом в открытом поле, они редко разрушали и уничтожали города противника. В этом легко убедится всякий, кто вспомнит войну в Азии, которую Александр вел против Дария, а также борьбу преемников Александра, когда за Азию воевали все против Антигона[13]. Подобным образом действовали и преемники этих преемников Александра до времен Пирра. В открытом поле они охотно воевали

друг с другом и употребляли все усилия, чтобы оружием одолеть противника, но неприятельские города при этом щадили, дабы предоставить победителю господство над ними и почет от подданных. Напротив, поступать так, как поступает теперь Филипп, уничтожать то самое достояние, из-за которого ведется война, и воевать только для войны, это безумие, верх безумия. Так, будучи другом и союзником фессалийцев, он в то время, когда поспешно отступал от эпирских теснин, разрушил[14] в Фессалии столько городов, сколько не разрушал ни один враг фессалийцев. Много других укоризн высказал Александр Филиппу, а в заключение спросил его, зачем он занял гарнизоном город Лисимахию, соединенную с этолянами и имевшую от них военачальника, которого он изгнал оттуда, зачем он поработил кианов, точно так же сопричастных к союзу этолян, когда был еще в дружбе с этолянами, потом, чем он оправдывает занятие Эхина, фтиотидских Фив, Фарсала[15] и Ларисы.

4. Ответ Филиппа Александру. Этими словами заключил свою речь Александр, а Филипп еще ближе, чем прежде, подошел к берегу и, встав на корабль, сказал, что сочиненная Александром речь по своей напыщенности и лживости достойна этолийца. Всякому ведь хорошо известно, что никто не станет вредить собственным союзникам, но что начальники часто бывают силою обстоятельств вынуждены поступать вопреки своим желаниям. Царь еще не кончил, как его перебил Фений, страдавший сильною близорукостью, и назвал его речь нелепой болтовней, ибо надлежит, сказал он, или побеждать в борьбе, или покоряться сильнейшему. Положение Филиппа было трудное, но, оставаясь верным себе, он обратился к Фению со словами: «Да это, Фений, и слепой видит». Вообще Филипп был весьма находчив и насмешлив. Он снова обратился к Александру и продолжал: «Ты спрашиваешь меня, Александр, зачем я занял Лисимахию. Да для того, чтобы при вашем безучастии город не был разорен фракийцами, как случилось это теперь, когда мы увели на войну своих солдат, не занимавших город, как ты выражаешься, а только охранявших его. На киан я не ходил войною, но помог Прусию, который был в войне с ними, взять их город, в чем виноваты вы. Много раз и я, и прочие эллины обращались к вам через послов с требованием отменить закон, дающий вам право громоздить добычу на до-

бычу[16], а вы отвечали, что из Этолии скорее будет изъята Этолия, чем этот закон».

5. Разъяснения Филиппа в ответ Титу. Когда Тит с удивлением спросил, что значит это выражение, Филипп сделал попытку объяснить смысл его и сказал, что у этолян существует обычай, коим дозволяется грабить не только те народы и земли их, с которыми они ведут войну, но в такой же мере помимо народного постановления под видом помощи обеим воюющим сторонам, если какие-нибудь другие народы ведут войну между собою, опустошать земли обоих; благодаря чему у этолян не существует границы между дружбою и враждою, они всегда готовы открыть враждебные или военные действия против всякого народа, что-либо оспаривающего у другого. «Поэтому теперь какое они имеют право жаловаться на то, что я, находясь в дружбе с этолянами и в союзе с Прусием, сделал что-либо против кианов с целью помочь моим собственным союзникам? Однако возмутительнее всего то, что этоляне приравнивают себя к римлянам и требуют, чтобы македоняне очистили всю Элладу от своих войск. Хотя во всяком случае предъявление мне подобного требования есть наглость, но в устах римлян оно еще терпимо, но никак не в устах этолян. «Какую же Элладу, — продолжал он, — вы велите мне очистить? Какие вы полагаете ей границы? Ведь большинство самих этолян вовсе не эллины. Ибо народы аграев[17], аподотов, равно как и амфилохов не Эллада. Или эти народы вы уступаете мне?».

6. Когда Тит засмеялся, Филипп сказал: «Впрочем, сказанного против этолян достаточно. Что касается родосцев и Аттала, то праведный судья признал бы более справедливым, чтобы они нам, а не мы им отдали захваченные корабли и команду их. Ведь не мы первые подняли оружие на них, но они на нас, как это знают все. Тем не менее, если тебе так угодно, я отдам родосцам Перею, Атталу корабли и оставшихся еще в живых людей его команды. Разрушенного Никефория и разоренного участка Афродиты не могу, конечно, восстановить, но обязуюсь посылать туда растения и садоводов, которые должны будут заботиться о благолепии этого места и о возращении деревьев на месте вырубленных. Тит опять засмеялся в ответ на новое издевательство Филиппа, который перешел теперь к ахеянам и прежде всего исчислил все услуги, оказанные ахея-

нам Антигоном, потом и свои собственные. Вслед за сим он заговорил о высоких почестях, какие оказывали ахейцы царям Македонии. Наконец он прочитал решение ахеян об отделении от Филиппа и присоединении к римлянам[18] и по этому поводу долго говорил о непостоянстве и неблагодарности ахеян. И все-таки Филипп обещал возвратить Аргос ахеянам, а относительно Коринфа переговорить с Титом.

7. Кончив беседы с прочими представителями, Филипп спросил Тита, — пояснив при этом, что обращается с речью к нему одному и к римлянам, — обязан ли он согласно его требованию очистить только те города и местности в Элладе, которые сам приобрел, или же и все те, которые перешли к нему от предков. Тит ничего не отвечал; вместо него пожелали ответить Аристен за ахеян и Фений за этолян. **Условия мира на письме.** Но за поздним временем речи не могли быть уже сказаны, а Филипп просил всех представителей дать ему в письменном изложении те условия, на которых должен состояться мир; он одинок, говорил Филипп, не имеет советников, поэтому желает наедине поразмыслить[19] над предъявленными ему требованиями. Тит не без удовольствия выслушал насмешку Филиппа, однако, не желая, чтобы другие подумали это, он в свою очередь ответил следующей шуткой: «Понятно, Филипп, почему ты одинок теперь: ты погубил ведь всех друзей, которые могли бы преподать тебе прекраснейший совет». Царь македонян улыбнулся язвительной улыбкой и замолк. Тогда же все вручили Филиппу в письменном изложении требования в таком виде, как высказывали их раньше, и разошлись, порешив сойтись снова на следующий день в Никее. На другое утро Тит и его товарищи пришли на условленное место, где и собрались все; но Филиппа не было.

8. Возобновление переговоров с Титом. Прошла добрая часть дня, Тит почти потерял надежду видеть Филиппа, и лишь в сумерки явился царь в сопровождении прежних своих спутников. Целый день пошел у него на размышления, как сам он говорил, над трудно выполнимыми требованиями; другие, впрочем, объясняли это желанием его отнять у ахеян и этолян возможность за недостатком времени предъявить свои обвинения, ибо накануне, удаляясь из собрания, он заметил намерение ахеян и этолян вступить с ним в укоризненные пререкания. Вот почему на сей раз, близко подойдя к берегу, он

звал римского военачальника для личных переговоров о деле во избежание праздных словопрений с обеих сторон и с целью уладить разногласия. Много раз настойчиво повторял Филипп эту просьбу, и потому Тит спросил товарищей, как ему быть. Те советовали пойти к Филиппу и выслушать его. Тит взял с собою Аппия Клавдия, в то время[20] военного трибуна, а прочих пригласил отойти на небольшое расстояние от моря; Филиппу он предложил сойти на берег. Сопровождаемый Аполлодором и Демосфеном, Филипп сошел с корабля и на свидании довольно долго беседовал с Титом. **Условия мира Филиппа.** Трудно решить, что было высказано тогда одной и другой стороной, только Тит по удалении Филиппа сообщил товарищам предложения царя: этолянам возвратить Фарсал и Ларису, но не Фивы, родосцам очистить Перею, но оставить за собою Иас и Баргилии, ахейцам отдать Коринф и город аргивян, римлянам обещал передать иллирийские местности и возвратить всех пленных, а Атталу выдать корабли и всех людей, взятых в плен в морских битвах, какие еще остались в живых.

9. Таким исходом переговоров все были недовольны и стали требовать, чтобы Филипп прежде всего исполнил общее требование и вывел войска свои из Эллады отовсюду, без этого, говорили они, напрасны и недействительны будут подробности соглашения. Филипп замечал возбуждение в среде представителей и из боязни подвергнуться обвинениям просил Тита отложить собрание на другой день, тем более что и час был уже поздний, обещая, что он или склонит противников на свою сторону, или примет их требования. Тит согласился на это и, условившись опять сойтись на берегу у Фрония[21], они расстались; на другой день все в ранний час были в условленном месте. Обменявшись немногими словами, Филипп обратился ко всем присутствующим, наипаче к Титу, с просьбою не прерывать переговоров, ибо относительно большинства предметов соглашение уже достигнуто, если удастся порешить самим все разногласия, в случае же неудачи он обещал отправить посольство к сенату с тем, чтобы или убедить его в справедливости своих предложений, или самому уступить требованиям сената. В ответ на это все союзники, отвергая предложение Филиппа, высказались за продолжение войны, только римский военачальник сказал, что, хотя Филипп, как ему хорошо известно, ни за что не исполнит ни одного из требова-

ний, но испрашиваемая им милость ничуть не нарушает их собственных выгод, посему объявил, что желание царя может быть удовлетворено. **Тит принимает предложение Филиппа перенести решение дела в сенат.** К тому же ни одно из обсуждаемых здесь условий, продолжал Тит, не может быть принято без сената, а наступающая пора года* весьма удобна для того, чтобы ознакомиться с настроением сенаторов. Наконец, по случаю зимы войска вынуждены будут к бездействию, посему не только не вредно, скорее выгодно для всех, чтобы это время пошло на донесение сенату о текущих событиях. **10.** Скоро все согласились с этим мнением, так как видели, что Тит ничего не имеет против перенесения дела в сенат. Поэтому постановлено было предоставить Филиппу отправить в Рим послов, но и самим отправить свои отдельные посольства для переговоров с сенатом и занесения жалоб на Филиппа.

Дипломатические мероприятия Тита против Филиппа. Послы Тита в Риме. Когда переговоры пошли успешно, сообразно с желанием и первоначальными расчетами, Тит приступил к дальнейшему выполнению предприятия, для чего старательно оградил себя от всякой опасности и никаких выгод не оставил на стороне Филиппа. Так, дав Филиппу двухмесячное перемирие, он обязал его в течение этого времени отправить посольство в Рим и приказал вывести неотложно гарнизоны из Фокиды и Локриды. Со всею заботливостью принимал он меры и относительно собственных союзников, дабы ни под каким видом македоняне за это время не учинили обиды никому из них. Когда условия с Филиппом были написаны, Тит один уже шел к намеченной цели. Он немедленно отправил в Рим Аминандра, коего знал за человека уступчивого, способного легко поддаться внушениям тамошних друзей его, Тита, чего бы те от него ни пожелали, а царское звание Аминандра должно было сообщить посольству блеск и занимательность. Вслед за Аминандром он отправил в Рим своих собственных послов, Квинта Фабия, племянника своей жены, и Квинта Фульвия, с ними вместе Аппия Клавдия, по прозванию Нерона. От этолян послами были Александр исеец, Демократ калидонец, Дикеарх трихониец, Полемарх арсиноец, Ламий амбракиот, акарнан Никомах из числа фурийских[22] изгнанников,

---

* Зима.

живших в Амбракии, фереец Теодот, фессалийский изгнанник, поселившийся в Страте, от ахеян Ксенофонт эгиец, от царя Аттала один только Александр, а от афинского народа Кефисодор с товарищами. **11. Речи послов в сенате.** Все они явились в Рим прежде, чем сенат постановил решение относительно избранных на этот год консулов, обоих ли их отправить в Галатию, или одного послать против Филиппа. Когда друзья Тита[23] убедились в том, что оба консула ввиду угрожающей от кельтов опасности останутся в Италии, в сенат вошли все послы с решительными обвинениями против Филиппа. В своих жалобах они вообще повторяли то, что раньше говорили самому царю; но особенное старание все прилагали к тому, чтобы убедить сенат, что, пока Халкида, Коринф и Деметриада остаются во власти македонского царя, эллины не могут и мечтать о свободе. Высказанная Филиппом мысль совершенно верна, говорили послы, а Филипп сам вполне правильно назвал поименованные выше местности цепями Эллады. Ибо пелопоннесцам нельзя вздохнуть свободно, пока царский гарнизон сидит в Коринфе; локры, беотяне, фокидяне не могут быть покойны, когда Филипп владеет Халкидой и всей Эвбеей; наконец, ни фессалийцы, ни магнеты не могут наслаждаться свободой до тех пор, пока Филипп и македоняне держат в своих руках Деметриаду. Поэтому, если Филипп отказывается от прочих местностей, то делает это только ради видимости, чтобы выйти из теперешнего положения, ибо, доколе названные выше местности остаются в его власти, он без труда снова подчинит себе эллинов в первый же день, как этого пожелает. Вот почему они просили сенат или заставить Филиппа очистить эти города, или не прекращать начатой войны и продолжать ее до конца, тем более что труднейшая часть войны позади, ибо македоняне дважды уже разбиты в сражении[24] и средства их на суше почти окончательно истощены. Речь свою послы заключили увещанием и эллинов не обманывать в надеждах их на свободу, и себя не лишать лучшей славы. Так или почти так говорили послы эллинов; что же касается послов от Филиппа, то они приготовились было говорить очень долго, но были остановлены тут же в самом начале вопросом, отрекаются ли они от Халкиды, Коринфа и Деметриады, и когда те ответили, что не уполномочены на это, подверглись укоризнам и затем отказались продолжать речь.

12. Решение сената продолжать войну с Филиппом. Характеристика Тита. Сенат послал обоих консулов, как сказано выше, в Галатию, а войну с Филиппом решил продолжать, возложив ведение дел Эллады на Тита. Вскоре известие о таком решении, отвечавшем желанию Тита, получено было в Элладе. Удачами своими Тит обязан был в некоторой мере случаю, но главным образом собственному умелому ведению всякого предприятия. Действительно, это был один из проницательнейших римлян, обнаруживший несравненную предусмотрительность и ловкость не только в государственных делах, но и в личных отношениях. При всем том Тит был еще очень молод, — он имел тогда не более тридцати лет, — был первый из римлян, во главе войска переправившийся в Элладу (*Сокращение*).

13. Легкомысленное употребление слова «предатель». ...Часто на многие человеческие заблуждения я гляжу с изумлением; но поразительнее всего ошибки в суждениях о предателях. Поэтому я желал бы сказать об этом кое-что применительно к настоящему случаю[25], хотя и знаю, что вопрос этот труден для разъяснения и точного решения, ибо нелегко решить, кого можно по справедливости посчитать предателем. Очевидно нельзя считать предателями людей за то только, что они в совершенно спокойное время устраивают союз с какими-либо царями или владыками, равно как и тех граждан, которые под гнетом обстоятельств побуждают свое отечество отказаться от существующих отношений дружбы и союза и заменить их иными. Так решать нельзя, ибо подобным гражданам отечество нередко бывает обязано величайшими благами. Чтобы не ходить далеко за примерами, мы с удобством можем пояснить нашу мысль на ближайших к нам событиях. Так, если бы Аристен благовременно не исторг ахеян из союза с Филиппом и не обратил их на сторону римлян, то, наверное, ахейский союз погиб бы окончательно. Напротив, советом своим Аристен, по общему признанию, обеспечил личное существование отдельных ахеян и содействовал росту ахейского союза. Поэтому все чествовали Аристена как благодетеля и спасителя страны, а не поносили его как предателя. То же рассуждение применимо и ко всем другим людям, в трудных обстоятельствах поступающим в государственных делах подобным образом.

14. Демосфен не прав в применении имени «предатель» к достойным людям. По этому самому как бы ни превозносили мы Демосфена за многое другое, всякий вправе осудить его за то, что он необдуманно и без всякого основания взводит позорнейшую вину на замечательнейших эллинов, когда говорит, что в Аркадии предателями Эллады были Керкидас[26], Иероним и Эвкампид за союз их с Филиппом, в Мессене предателями он называет сыновей Филиада Неона и Фрасилоха, в Аргосе Миртиса, Теледама и Мнасею, равным образом в Фессалии Даоха и Кинею, у беотян Феогейтона и Тимолу. Вместе с ними он перечисляет поименно и многих других граждан по городам, хотя все названные выше деятели могли бы привести в свое оправдание многие уважительные соображения, особенно аркадяне и мессенцы. Эти последние призвали в Пелопоннес Филиппа и, смирив лакедемонян, дали прежде всего возможность всем обитателям Пелопоннеса вздохнуть привольно и вкусить свободы, потом они добыли обратно поля и города, отнятые лакедемонянами в счастливые для них дни у мессенян, мегалопольцев, тегеян, аргивян, и тем неоспоримо содействовали преуспеянию родных городов. В возмездие за это они обязаны были не воевать против Филиппа и македонян, но делать все посильное для приумножения славы их и почета. Имени предателей эти люди были бы достойны в том случае, если бы при этом пропустили гарнизоны Филиппа в родной город, ради собственной корысти или из властолюбия попрали бы законы и лишили сограждан свободы и вольностей. Если же, наоборот, они наблюдали выгоды родины и судили о них верно и не смешивали их с выгодами афинян, то Демосфен не имел права обзывать таких людей предателями. Когда Демосфен все измеряет пользами родного города, полагая что взоры всех эллинов должны быть обращены к афинянам и называя предателем всякого, кто этого не делает, то он, мне кажется, судит неверно, уклоняется от истины, тем паче, что и тогдашние события в Элладе доказали, что не Демосфен точно угадал будущее, но Эвкампид, Иероним, Керкидас, дети Филиада. Чем кончилось для афинян противодействие Филиппу? Тем, что вследствие поражения в Херонейской битве они испытали величайшие бедствия, и если бы не великодушие и жажда славы царя, то способ действий Демосфена увлек бы афинян еще дальше по пути несчастий. Напротив, поимено-

шные выше граждане не только доставили общие аркадя-
нам и мессенянам спокойствие и безопасность со стороны ла-
кедемонян, но вместе с тем добыли и многочисленные выго-
ды каждому из этих городов в отдельности.

15. Кого считать предателем? Итак, трудно решить, кто
же действительно заслуживает имени предателя. Все-таки мы
наиближе подойдем к истине, когда приложим это имя ко всем
тем людям, которые, пользуясь бедственным положением ро-
дины, предают свои города врагам ради собственного благо-
получия и выгоды или из вражды к противникам, а также к
тем, которые пропускают в родной город неприятельский гар-
низон и, пользуясь для своекорыстных целей поддержкою ино-
земцев, подчиняют[27] родину власти более сильной, чем та, ка-
кою родина располагает. Всех подобных людей можно с оди-
наковым правом именовать предателями. Всем ведомо, что
никто из них никогда не стяжал себе ни корысти настоящей,
ни почести, что они своими действиями уготовляли себе пе-
чальную долю. Поэтому не без удивления можно спросить, о
чем сказано в начале нашего рассуждения, какую цель имеют
эти люди, или какими соображениями они руководствуются,
когда повергают себя в такое несчастие. В самом деле, нико-
гда еще ни одному предателю города, войска или укрепления
не удалось укрыться; если при совершении предательства ви-
новный и оставался неизвестным, то последующее время об-
наруживало всех участников. Потом, ни один предатель, раз
он был открыт, никогда не пользовался благополучием; наобо-
рот: те самые люди, в угоду коим совершено предательство,
обыкновенно воздавали предателям заслуженной карой. Пре-
дателями часто пользуются ради своих выгод военачальники
и владыки; но как только нужда в них миновала, с ними обра-
щаются затем, говоря словами Демосфена[28], как с предателя-
ми, в том верном убеждении, что человек, предавший врагу
отечество и давних друзей своих, никогда не будет ни благо-
желательным, ни неизменно верным. Потом, если бы преда-
тели уберегли себя от наказания с этой стороны, то им нелег-
ко укрыться от мести людей, которых они предали. Если бы
наконец они и ускользнули от этого двойного преследования,
то за ними всю жизнь, везде, где есть люди, ходит по стопам
мздовоздаятельница молва, которая денно и нощно создает
перед ними всевозможные ужасы, то воображаемые, то дейст-

вительные, которая помогает своими указаниями всякому злоумышляющему на предателя, которая, наконец, не дает предателю забыться от своего преступления даже во сне и привносит в сновидения всякого рода козни и несчастия, ибо предатель сознает свою отчужденность от всех и общую к себе ненависть. И все-таки, невзирая на все эти последствия, никогда еще ни для кого, за весьма редкими исключениями, не было недостатка в предателях. Отсюда можно с полным правом заключить, что человек, по-видимому, хитрейшее существо, во многих отношениях должен почитаться бессмысленнейшей тварью. Ибо все прочие животные, повинуясь единственно чувственным вожделениям, через них только и подвергаются напастям, тогда как человек, сколько бы ни мнил о себе, впадает в ошибки и по влечениям чувственным, и по безрассудству. Однако довольно об этом (*О добродетелях и пороках*, *Свида*, *Сокращение*).

16[29]. Чествование Аттала в Сикионе. ...Царь Аттал и раньше, с того самого времени, как за большую сумму выкупил для сикионян священное поле Аполлона, пользовался у них высоким почетом; в награду за благодеяние сикионяне поставили его огромное изображение в десять локтей вышиною подле Аполлона, что на площади. Теперь, когда он снова подарил им десять талантов серебра и десять тысяч медимнов пшеницы, сикионяне, еще больше тронутые его милостями, определили соорудить золотое изображение царя и положили законом ежегодно в честь его приносить жертву. Удостоенный этих почестей, Аттал удалился в Кенхреи (*О добродетелях и пороках*).

17. Жена Набиса в Аргосе. ...Тиран Набис оставил правителем в Аргосе пелленца Тимократа, которому доверял наибольше и услугами которого пользовался в важнейших предприятиях, и затем возвратился в Спарту. Несколько дней спустя тиран послал в Аргос свою жену с поручением добыть денег. По прибытии на место она жестокостью далеко превзошла Набиса. Так, она вызывала к себе женщин, то в одиночку, то по несколько разом, связанных между собою узами родства, и всевозможными обидами и насилиями получала чуть не от всех их не только золотые украшения, но и наиболее дорогие одежды (*О добродетелях и пороках*).

Речь Аттала в Фивах. ...Начав весьма пространную речь, Аттал[30] напомнил им об исконных услугах предков (*Свида*).

18. Палисад у римлян. ...Хотя Тит[31] и не имел возможности узнать, где находится неприятельская стоянка, однако ему было достоверно известно, что царь проник в Фессалию, и потому он приказал всем воинам тесать палисадины[32] и нести их с собою на случай надобности. Невыполнимою кажется эта задача по эллинским понятиям и нравам, но весьма легкою по римским. Так, эллины едва могут совладать в походах с тяжестью одних только сарис и не без труда переносят причиняемое ими утомление; напротив, римляне со щитом на коженом ремне через плечо, с дротиками в руках, не тяготятся нести еще и палисадины. К тому же между палисадинами эллинскими и римскими существует большая разница, именно: эллины считают самыми лучшими те тычины, ствол которых имеет кругом множество больших отростков, тогда как у римлян палисадины имеют по две, три, наибольше по четыре развилины; при этом выбираются такие тычины, в которых ветки идут по одной только стороне, а не попеременно с обеих сторон. Этим сильно облегчается перенесение палисадин, так что один солдат несет пук их в три-четыре, и этим сообщается им замечательная устойчивость. У эллинов водруженная перед стоянкою палисадина может быть прежде всего легко исторгнута из земли, ибо при многочисленности[33] больших развилин сила ее в едином стволе, который один и закапывается в землю; когда потом к такой палисадине подойдут два-три человека и разом потянут ее за развилины, то без труда извлекают из земли. Раз это сделано, образуется свободный проход благодаря большим размерам палисадины; к тому же ближайшие тычины не держат ее, потому что палисадины слабо переплетаются между собою и мало заходят друг за друга. Палисад у римлян отличается противоположными свойствами, ибо римляне, как только водрузят тычины, тотчас сплетают их между собою так, что с трудом можно различить развилины их, и нельзя угадать ни того, какой из тычин, закопанных в землю, принадлежат ветви, ни того, к каким ветвям относится закопанная тычина. Вследствие этого невозможно просунуть руку между палисадинами и ухватиться за них, потому что они вплотную прилегают одна к другой, к тому же развилины их тщательно заострены. Потом, если бы и удалось ухватить палисадину, исторгнуть ее не так легко потому, во-первых, что во всех почти доступных частях палисадина сама

по себе, будучи вкопана в землю, обладает силою сопротивления, во-вторых, потому что палисадины сплетены между собою, и если тянуть одну развилину, то неизбежно приходится тянуть и многие другие, с нею соединенные; а чтобы два или три человека захватили одну и ту же палисадину*, это совершенно немыслимо. Если кто наконец с большими усилиями и исторгнет одну-другую палисадину, то получается едва заметное отверстие. Таким образом, важные преимущества римских палисадин в том, что находить их можно легко везде, что они удобны для переноски, устойчивы и крепки в деле. Очевидно, таким образом, что, если в военном деле есть что у римлян достойное одобрения и подражания, то, — по крайней мере я так думаю, — палисад их прежде всего.

19. Тит в Фессалии. Итак, заготовив палисадины на случай надобности, Тит со всем войском двинулся мерным шагом вперед и на расстоянии стадий пятидесяти от города фереян разбил лагерь. На следующий день ранним утром он отрядил соглядатаев и разведчиков с поручением узнать, если возможно, где находится и что делает неприятель. В то же время Филипп, осведомленный о том, что римляне расположились подле Фив**, покинул со всем войском Ларису и двинулся в поход по направлению к Ферам. Стадиях в тридцати от города Филипп остановился, разбил там стоянку и приказал всем солдатам пораньше подкрепить себя. Утром, разбудив солдат, он послал вперед ту часть войска, которая привыкла ходить впереди, с поручением взобраться на господствующие над Ферами высоты, а сам двинулся с остальным войском из лагеря, когда уже был день. Посланные вперед отряды обоих войск едва не встретились на перевале, ибо в темноте приметили друг друга тогда только, когда разделяло их весьма небольшое пространство, и остановились, быстро, через гонцов, дали знать своим начальникам о случившемся и спрашивали, что делать. <...> И тот и другой военачальники решили оставаться каждый в своей стоянке и отозвать назад передовые отряды. На следующий день Филипп и Тит отрядили на разведки по триста человек конницы и легкого войска; в числе их были два отряда конных этолян, хорошо знакомых с местнос-

---

* Как у эллинов.
** В Фтиотиде.

тью и потому посланных Титом. Разведочные войска встретились по сю сторону Фер на дороге к Ларисе и начали жаркую сечу. Благодаря храбрости этолян, предводительствуемых Эвполемом и увлекших за собою в битву италийцев, македоняне сильно терпели. На сей раз после продолжительной схватки воюющие разошлись по своим стоянкам. **20. Движение римских и македонских войск к Скотусе.** На следующий день оба военачальника снялись со стоянок, так как находили неудобною местность подле Фер, поросшую деревьями, изобилующую садами и изгородями. Филипп направил путь к Скотусе[34], будучи озабочен тем, чтобы добыть себе продовольствие в этом городе, а потом, запасшись всем необходимым, выбрать местность, удобную для своих войск. Тит угадал намерение противника и двинул свои войска в одно время с Филиппом, задавшись мыслью истребить заблаговременно хлеб в скотусской области. Так как дороги, которыми шли оба войска, разделены были высокими холмами, то ни римляне не видели, куда идут македоняне, ни македоняне, — куда идут римляне. Так шли они весь первый день; Тит достиг поселения Фтиотидской земли, именуемого Эретрией, а Филипп реки Онхеста[35], там оба и остановились, причем одна стоянка ничего не знала о другой. На другой день противники прошли дальше вперед и расположились лагерями, Филипп при Меламбии[36] в скотусской земле, а Тит в фарсальской области близ Фетидия, и опять ничего не знали друг о друге. Тут пошел дождь с сильнейшей грозой, а на другой день к утру спустился на землю весь туман от облаков, так что по причине темноты нельзя было различить тут же стоящего человека. Тем не менее Филипп, поспешавший к намеченной цели, снялся со стоянки и со всем войском двинулся вперед. Но туман задерживал движение, и потому, пройдя немного, Филипп расположил свое войско за окопами, а сторожевой отряд[37] послал занять вершины между лежащих холмов.

21. Легкая схватка между римлянами и македонянами. Расположившись лагерем близ Фетидия и недоумевая, где находится неприятель, Тит отрядил вперед десять турм конницы и около тысячи человек легкой пехоты с приказанием обойти эту местность и осторожно исследовать ее. Воины устремились вперед к перевалам и натолкнулись на сторожевой отряд македонян; как это случилось, они и не заметили по

причине пасмурной погоды. Сначала некоторое время противники стояли в смущении, но вскоре начали тревожить друг друга, а тем временем послали уведомить своих военачальников о случившемся. Кроме того, так как римляне в схватке оттеснены были македонским сторожевым отрядом и сильно терпели, то послали в свою стоянку просить о помощи. Тит вызвал этолян Архедама и Эвполема и двух из своих трибунов и отправил с ними пятьсот человек конницы и две тысячи пехоты. Как только эти воины присоединились к первоначальным участникам стычки, тотчас сражение получило обратный ход. Ободренные полученной поддержкой, римляне с удвоенным рвением продолжали бой; в свою очередь македоняне, хотя защищались храбро, натиском римлян смяты были окончательно, укрылись на вершине холмов и через гонцов просили царя о подкреплении.

22. Между тем случилось так, что Филипп по причинам, выясненным выше, никак не ожидал, чтобы в этот день произошла решительная битва, и послал значительную часть войск собирать корм для лошадей. Но теперь, когда Филипп узнал положение дел от посланных к нему гонцов, когда туман рассеялся, он призвал Гераклида гиртонца[38], начальника фессалийской конницы, и Леонта, начальника конницы македонской, и отправил их против врага, с ним вместе послал и начальника всех наемников, кроме фракийцев, Афенагору. Как скоро соединились эти войска с передовым отрядом, македоняне, получив сильное подкрепление, стали теснить неприятеля и, в свою очередь, сшибли дамлян с перевалов. Только ревность этолийской конницы, которая сражалась с величайшим воодушевлением и отчаянной отвагой, помешала македонянам обратить врагов в бесповоротное бегство. Дело в том, что, уступая другим народам в пехоте, которая и вооружена у них хуже, и имеет строй, непригодный для решительных сражений, этоляне настолько же превосходят прочих эллинов своей конницей, когда сражение ведут небольшие отряды или даже отдельные воины. Благодаря этому и теперь конные этоляне остановили натиск врагов, и римляне не были опрокинуты в равнину; в небольшом расстоянии они стали лицом к неприятелю. Когда Тит увидел, что не только подались назад легкая пехота и конница, но что они своим отступлением повергли в уныние все войско, он всей стоянкой двинулся вперед и у

холмов выстроился в боевой порядок. В это самое время два вестника из передового македонского отряда прибежали к Филиппу с криком: «Царь, неприятель бежит, не теряй случая. Варвары не в силах сопротивляться. Сегодня — твой день, твое счастие». И хотя, по мнению Филиппа, местность была неудобная, но весть эта увлекала его в бой. Высоты, о которых здесь говорится, называются Киноскефалами[39]; они суровы, отвесны со всех сторон и поднимаются довольно высоко. Эти неудобства местоположения смущали Филиппа, и потому он сначала вовсе не готовился к битве; но теперь, подстрекаемый вестями гонцов, обещавшими необычайную удачу, он отдал приказ войскам выходить из окопов.

23. Решительная битва при Киноскефалах. С другой стороны, Тит выстроил все свое войско рядами, чем устроил прикрытие для передовых бойцов, а в то же время обходил свои ряды и ободрял их. Обращение Тита к войску было кратко, но выразительно и понятно всем. Пальцем указывая на стоящего тут же неприятеля, Тит говорил своим солдатам: «Граждане, не те ли это македоняне, которые в Македонии заняли было перевалы[40], ведущие в Эордею и которых вы в открытом сражении под начальством Сульпиция* вытеснили оттуда, отбросили на вышележащие местности и многих из них положили на месте? Не те ли это самые македоняне, которые успели было занять слывущие недоступными проходы в Эпире[41] и которых вы вашим мужеством вынудили бросить оружие и бежать до самой Македонии, где они и укрылись? Как же вам пристала бы робость теперь, когда вы идете в битву против того же врага и находитесь в одинаковом с ним положении? Мысль о прошедшем должна преисполнять вас теперь не робостью, но отвагой. Вот почему, товарищи, ободряйте друг друга и смело идите в бой. Я верю, что с соизволения богов и нынешнее сражение кончится так же, как кончались прежние». С этими словами Тит приказал правому крылу со слонами впереди оставаться на месте, а левое вместе с легкой пехотой смело повел на врагов. Передовые бойцы римлян, подкрепленные пехотой легионов, опять начали теснить македонян.

24. В это самое время Филипп, как только увидел, что бóльшая часть его войска уже выстроилась перед лагерем, сам с

---

* Публий Сульпиций Гальба.

пелтастами и правым крылом фаланги выступил вперед, сокращенным путем прошел к высотам, а Никандру, прозываемому Слоном, приказал наблюдать за тем, чтобы остальное войско следовало за ними тотчас. Лишь только передние солдаты достигли перевала, он тотчас скомандовал налево и занял господствующие над перевалом высоты. Дело в том, что передовой македонский отряд далеко оттеснил римлян по другую сторону холмов, и потому Филипп нашел их незанятыми. Но он строил еще правое крыло в боевой порядок, как показались наемники, жестоко теснимые неприятелем. Произошло так потому, что тяжеловооруженная пехота римлян, как сказано выше, соединилась с легкими войсками и подкрепила их в битве; тогда римляне, для которых полученная поддержка была как бы весовой гирей, стали сильно теснить врагов и многих из них перебили. Царь вначале был очень рад, когда по прибытии на место действия увидел, что его легкие войска сражаются невдалеке от неприятельской стоянки, зато потом, когда заметил, что те же самые войска его отступают и просят помощи, он вынужден был ради подкрепления их преждевременно отважиться на решительную битву, хотя весьма многие ряды его фаланги были еще в пути и поднимались на высоты. Соединившись с отступающими бойцами, он собрал всех их на правом крыле, как пехоту, так и конницу, а пелтастам и фалангитам приказал удвоить глубину[42] строя и плотнее сомкнуться движением слева направо. Когда после этого неприятель подошел очень близко, Филипп отдал приказ фалангитам идти с опущенными сарисами в наступление, а легким отрядам прикрывать фланги. В это самое время ударил на неприятеля и Тит, пропустив первоначальных бойцов в промежутки между манипулами.

25. Противники кинулись друг на друга с ожесточением и со страшным шумом, потому что воинственные клики раздавались разом с обеих сторон; с целью ободрять сражающихся кричали также и те солдаты, которые не участвовали в деле. Выходило нечто поразительное, ужас наводящее. Правое крыло Филиппа вело сражение с блестящим успехом, потому что оно наступало сверху, превосходило врага массивностью боевого строя, и вооружение его по своим особенностям было больше приспособлено к настоящей битве, чем у римлян. Что касается прочих частей войска, то те из них, которые примыкали

кражающимся македонянам, были еще далеко от неприятеля, левое же крыло только что достигло перевалов и показалось на вершинах холмов. Когда Тит увидел, что его войска не в силах выдержать наступление фаланги, что солдаты на левом крыле оттеснены назад, причем часть их перебита, другая мало-помалу отступает, и что надежду на счастливый исход поддерживает только правое крыло, он быстро повернул в эту сторону, и тут, сообразив, что одна только часть неприятельского войска примыкает к сражающимся, другая спускается еще с вершин, а третья стоит на вершинах, повел на врага свои манипулы со слонами впереди. Очутившись без начальника и без команды, не имея возможности сомкнуться всем вместе, выстроиться в правильную фалангу как потому, что местность была неудобна для этого, так и потому, что до сего момента они вынуждены были следовать за сражающимися и имели походный строй, а не боевой, македоняне не стали дожидаться нападения римлян и, уже достаточно устрашенные слонами, бросились бежать врассыпную.

26. Большинство римлян преследовало убегающих и избивало их. Один из находившихся тут же трибунов, имея в своем распоряжении не больше двадцати манипулов*, много содействовал счастливому исходу битвы тем, что в решительную минуту сообразил, как нужно действовать, именно: когда он заметил, что Филипп со своим отрядом отошел далеко вперед от остального войска и благодаря массивности боевого строя[43] теснит левое крыло римлян, трибун покинул правое крыло, уже одерживавшее несомненную победу, повернул против сражающихся македонян, зашел сзади их и ударил в тыл неприятелю. Благодаря особенностям своего строя[44] фалангиты не могли обернуться фронтом против неприятеля и сражаться один на один, поэтому трибун напирал на фланги и истреблял всех, попадавшихся ему на пути. Будучи не в состоянии помочь себе, македоняне наконец вынуждены были бросить оружие и бежать, когда в нападении на них приняли участие и те римляне, которые отступили было перед фронтом[45], а теперь опять стали лицом к неприятелю. Что касается Филиппа, то, как мы сказали выше, он заключал о ходе сражения по той части войска, в которой сам находился, и потому

---

* 2600 человек.

вообразил македонян решительными победителями; но потом, когда увидел, что македоняне вдруг бросили оружие и что неприятель нападает на них с тыла, он с немногими конными и пешими воинами покинул на минуту сражение, чтобы рассмотреть общий ход дела. Тут он увидел, что римляне преследуют его левое крыло и уже приближаются к вершинам, собрал вокруг себя, сколько мог, фракийцев и македонян и пустился бежать. Тит преследовал бегущих и настиг левые ряды македонян на перевалах, когда они начали всходить на вершины. Сначала при виде поднятых вверх сарис, что обыкновенно делают македоняне, когда сдаются неприятелю или переходят на его сторону, он остановился в недоумении. Но потом, когда узнал, почему подняты сарисы, Тит стал удерживать своих солдат на месте, вознамерившись пощадить людей, оцепеневших от страха. Он еще занят был этой мыслью, когда несколько человек из передних рядов устремились с высоты холмов на македонян и напали на них, причем бо́льшая часть врагов была перебита, и лишь немногие спаслись бегством, бросив оружие.

27. Бегство Филиппа после поражения. Когда сражение кончилось по всей линии и римляне остались победителями, Филипп отступил по направлению к Темпам[46]. Первую ночь после битвы он провел под открытым небом подле так называемой башни Александра, а на другой день прошел дальше до Гоннов[47] у входа в Темпы и там остановился, поджидая, прибытия спасшихся бегством македонян[48]. Римляне недолго преследовали убегающих, потом одни из них занялись снятием доспехов с убитых, другие собирали пленных в одно место, а большинство устремилось грабить неприятельскую стоянку. Здесь римляне нашли уже этолян, которые проникли в стоянку раньше их, и, считая себя лишенными принадлежавшей им по праву доли добычи, начали укорять этолян и выговаривать своему военачальнику, что опасности войны он взваливает на них, а добычу предоставляет другим. Теперь римляне возвратились в свою стоянку, где и провели ночь, а на другой день собрали в одно место пленных и не расхищенную еще добычу и двинулись разом вперед по направлению к Ларисе*. Римлян пало в битве до семисот человек, македонян до восьми тысяч

---

* Т. е. вслед за македонянами.

и не меньше пяти тысяч взято было в плен. Таков был исход битвы между римлянами и Филиппом в Фессалии близ Киноскефал.

28. Предварительные замечания о военном деле у македонян и у римлян. В шестой книге я дал обещание* при удобном случае сделать сравнительную оценку вооружения римлян и македонян, а равно и боевого строя тех и других, выяснить, в чем состоит преимущество или слабость военного дела того или другого народа; имея перед собою сами события, теперь я попытаюсь выполнить мое обещание. Так, в прежние времена в военном деле македоняне, как показал опыт, превзошли азиатов и эллинов, а римляне в отношении военного дела оказались выше всех народов Ливии и западной Европы. В наше время римлянам и македонянам доводилось не один, а много раз мериться друг с другом военными порядками, посему, наверное, будет полезно и наставительно выяснить разницу в военном строе двух народов, доискаться причины, почему победа остается обыкновенно за римлянами или почему они выходят из военных состязаний с первой наградой. Тогда мы не будем, подобно глупцам, все приписывать судьбе и не рассуждая славить победителей, но будем знать истинные причины успеха, хвалить и превозносить вождей по заслугам.

О битвах римлян с Ганнибалом и о поражениях в них римлян вовсе нет нужды распространяться, так как испытанные тогда римлянами неудачи произошли не от вооружения их или военного строя, но объясняются искусством и проницательностью Ганнибала. Мы ясно показали это при описании самих сражений. В пользу нашего мнения свидетельствует прежде всего конец войны: когда римляне приобрели себе военачальника, равного по даровитости Ганнибалу**, то вскоре перешла к римлянам и победа. Потом, сам Ганнибал осуждал вооружение, которое было у карфагенян в начале войны, и немедленно после победы в первом же сражении он снабдил собственные войска римским вооружением, которое и оставалось у них непрерывно в употреблении во все последующее время. Далее, Пирр пользовался не только вооружением, но и воинами италийскими, когда в битвах с римлянами ставил римские мани-

---

* Соответствующее место VI книги не сохранилось.
** Публия Корнелия Сципиона Старшего.

пулы и отряды фаланги вперемежку[49]. Однако и при этом он не мог одержать ни одной победы, и всегда почти исход битвы оказывался для него сомнительным. Эти предварительные замечания необходимы были для того, чтобы не оставалось в наших суждениях по этому предмету хотя бы кажущихся противоречий. Теперь я возвращаюсь к обещанной сравнительной оценке.

29. Сопоставление римского военного строя с македонским. Длина сарисы. Пока фаланга сохраняет присущие ей особенности и свойства, нет силы, которая могла бы сопротивляться ей с фронта или устоять против натиска ее, для чего существуют многие основания, как легко в том убедиться. В сомкнутом строю для битвы один человек с вооружением вместе занимает пространство в три фута; на длину сарисы по первоначальному предположению назначается шестнадцать футов, но в приспособлении к действительным нуждам она имеет четырнадцать. Из этой длины четыре фута отходят на ту часть копья, которая заключена между двумя руками, и на увеличение тяжести заднего конца. Таким образом, несомненно, что сариса каждого тяжеловооруженного, когда он на ходу против неприятеля протягивает ее обеими руками вперед, выступает перед его телом не меньше, как на десять футов. Отсюда следует, что сарисы второго, третьего, четвертого рядов выступают перед воинами первого ряда дальше, чем на два фута, а сарисы пятого ровно на два фута, если фаланга сохраняет присущие ей свойства и плотность строя как в задних рядах, так и по бокам, согласно описанию Гомера:

> Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
> Тесно смыкался; касалися светлыми бляхами шлемы,
> Зыблясь на воинах: так Аргивяне сгустяся стояли*.

Если только сказанное здесь верно и точно, то со всею необходимостью следует заключить, что каждый воин первого ряда имел перед собою пять сарис, которые по длине различались между собою на два фута[50].

30. Вид наступающей фаланги. После этого легко представить себе наступление и нападение[51] целой фаланги глу-

---

* Ил. XIII 131 сл. Пер. Гнедича.

биною в шестнадцать человек, какова она должна быть, и в чем ее сила. Все те фалангиты, которые находятся дальше пятого ряда, не имеют никакой возможности участвовать своими сарисами в сражении, почему они лично[52] не нападают на врага, но держат сарисы поднятыми вверх над плечами предшествующих воинов с целью охранить фалангу от ударов сверху, ибо плотно сомкнутые сарисы задерживают на себе метательные снаряды, когда они перелетают через передние ряды и могут падать на задние. Кроме того, во время натиска фаланги они самою тяжестью своего тела давят на передние ряды, увеличивая тем силу напора и делая невозможным для фалангитов первых рядов поворот назад.

Таково устройство фаланги в общем и в подробностях; в сопоставлении с нею рассмотрим особенности вооружения и всего военного строя римлян. Римлянин под оружием точно так же занимает три фута пространства; но у римлян при одиночной борьбе требуется свобода движения, когда воин прикрывает себе тело щитом, оборачиваясь каждый раз в ту сторону, откуда грозит удар, когда он сражается мечом, который и рубит, и колет. Отсюда ясно, что римскому воину для беспрепятственного исполнения обязанностей нужен простор и что он должен быть отделен от своего товарища, как бокового, так и заднего, по меньшей мере тремя футами расстояния. В силу всего этого один римлянин имеет перед собою двух фалангитов первого ряда, и против него в битве направлено бывает десять сарис. Раз дело дошло до рукопашной, один человек не в силах с тою скоростью, какая требуется, изрубить эти сарисы, нелегко ему тоже силою проложить себе путь вперед, потому что задние воины у римлян не могут ни увеличивать силу напора передних, ни помогать им в борьбе мечом. Этим ясно доказывается невозможность сопротивления фаланге с фронта, если она, как сказано у нас вначале, сохраняет присущие ей особенности и свойства.

31. Причина непригодности фаланги для войны. В чем же причина того, что римляне выходят из борьбы победителями, а народы, пользующиеся фалангой, побежденными? В том, что сражения во время войны происходят при бесконечно разнообразных обстоятельствах времени и места, тогда как для фаланги существует единственное сцепление обстоятельств и единственный вид местности, когда она может

развернуть присущие ей достоинства. Поэтому, если противник решался принять окончательную битву и бывал вынужден подчиниться условиям времени и места, пригодным для фаланги, то всегда можно было ожидать согласно сделанному только что разъяснению, что победительницей выйдет сторона, пользующаяся фалангою. Напротив, если можно уклониться от такого сражения и достигнуть этого без труда, фаланговый строй перестает быть опасным. Всякий знает, что фаланге требуется местность ровная, безлесная, не представляющая никаких помех движению, каковы канавы, рытвины, ложбины, возвышения, русла рек. Ибо поименованных здесь препятствий достаточно для того, чтобы затруднить расположение войска в фалангу или расстроить ее. Между тем, всякий согласится, что едва ли возможно, а если и возможно, то очень редко, найти равнину стадий в двадцать или даже больше, на которой не было бы ничего подобного. Но допустим, что такая местность найдена. И все-таки какая польза будет от фаланги, если неприятель не пожелает спуститься в такую местность, будет ходить кругом да около, опустошая города и поля наших союзников. Оставаясь в местности для нее удобной, фаланга не имела бы возможности не то что друзьям помочь, но и себя сохранить в целости. Ибо неприятелю легко будет отрезать доставку фаланге жизненных припасов, если окрестности будут в его неоспоримом обладании. Зато как только фаланга покинет благоприятные для нее места и перейдет к действию, она доставит легкую победу противнику. Наконец, если бы даже неприятель спустился в равнину, но при этом не поставил бы всего войска зараз против наступающей фаланги и в решительный момент немного уклонился бы от битвы, то из теперешнего образа действий римлян легко понять, чем это должно кончиться. **32.** И в самом деле, для подтверждения нашей мысли нет нужды в доказательствах гадательных; подтверждают ее события уже совершившиеся. Так, римляне не строят одной боевой линии[53] и всеми силами не выступают фронтом против фаланги, но лишь одна часть участвует в сражении, а другая остается в запасе для прикрытия. Теперь, фалангиты ли отобьют нападающего противника, или сами будут отбиты сим последним, в обоих случаях фаланга теряет свой строй; ибо преследуют ли фалангиты отступающего неприятеля, или бегут перед настигающим их врагом, они от-

торгаются от прочих частей своего войска. Тогда остававшиеся в запасе неприятельские войска занимают место, которое было под фалангитами, и получают достаточно простора для того, чтобы уже не с фронта нападать на них, но обходить с фланга или теснить с тыла.

Если противнику можно так легко уклониться от того, что ставит фалангу в выгодное положение и дает ей перевес, если, с другой стороны, фаланге невозможно избежать положения для нее невыгодного, то в действительной войне не может не оказываться важного преимущества на стороне противной[54]. К тому же фаланге необходимо совершать переход по всевозможным местностям, на них располагаться лагерем, своевременно захватывать благоприятные пункты, осаждать других или самой быть в осаде и рассчитывать на внезапные появления врагов; все это входит в состав войны и имеет если не окончательно решающее, то во всяком случае важное значение для победы. Между тем во всех подобных условиях македонский строй или неудобен, или совсем непригоден за невозможностью для фалангита вести дело мелкими отрядами или один на один. Римский боевой строй, напротив, весьма удобен, ибо каждый римлянин, раз он идет в битву вполне вооруженный, приготовлен в одинаковой мере для всякого места, времени, для всякой неожиданности. Точно так же он с одинаковой охотой готов идти в сражение, ведется ли оно всей массой войска разом, или одною его частью, манипулом или даже отдельными воинами. Так как приспособленность частей к сражению составляет важное преимущество, то по этому самому и начинания римлян чаще, нежели прочих народов, увенчиваются успехом.

Я считал нужным остановиться подольше на этом предмете, так как и в наше время, когда македоняне были побеждены, многим из эллинов такой исход борьбы казался чем-то невероятным, и впоследствии часто может возникать вопрос, почему и каким образом фаланга одолена была военным строем римлян.

33. Перемена в характере Филиппа после поражения при Киноскефалах. Что касается Филиппа, то он в битве сделал все, что было в его власти, а потерпев полное поражение и затем постаравшись собрать вокруг себя возможно больше воинов, уцелевших в бою, устремился через Темпы в Македонию,

а в Ларису ночью еще отправил кого-то из щитоносцев[55] с поручением уничтожить и сжечь царские бумаги: памятовать свои обязанности и в несчастии — достойный царя образ действий. Он хорошо понимал, что если римляне захватят его записки, то получат в них важное орудие[56] как против него самого, так и против друзей его. Наверное, и раньше на других людях наблюдалось, что, пока благоденствует человек, он не умеет пользоваться властью с тою умеренностью, какая человеку подобает, а потом в несчастии ведет себя скромно и благоразумно. Но особенно поразительна была эта двойственность характера в Филиппе, как покажет следующее ниже изложение. Если мы представили первоначальное расположение Филиппа к добру, потом извращение его, с показанием того, когда, как и почему это совершилось, с обстоятельным изложением деяний, за это время совершенных, то необходимо представить таким же точно способом и обратную перемену в настроении Филиппа и то умение и величайшую рассудительность, с какими он приспособился, по-видимому, к своему положению, когда удары судьбы сделали его другим человеком.

По окончании битвы Тит сделал нужные распоряжения[57] относительно военнопленных и добычи и двинулся к Ларисе (*Сокращение*).

34. Взаимное нерасположение между Титом и этолянами. ...Вообще по отношению к добыче раздражала Тита алчность этолян, или он не желал по ниспровержении Филиппа оставлять этолян господами Эллады. Чувство досады вызывала в нем и наглость этолян, когда он видел, как они стараются присвоить себе честь победы и наполняют Элладу шумом о своих доблестях. Вот почему во время приемов Тит встречал их с некоторым высокомерием и обходил молчанием общесоюзнические дела, а планы свои осуществлял самолично или через собственных друзей. Прошло несколько дней в этом обоюдном недовольстве, когда в римскую стоянку явились от Филиппа послы, Демосфен, Киклиад и Лимней. После продолжительной беседы с послами в присутствии трибунов Тит тут же заключил перемирие на пятнадцать дней и изъявил готовность в течение того же времени иметь свидание с Филиппом для дальнейших переговоров. Подозрительность этолян против Тита возбуждена была в сильнейшей мере радушным приемом послов. Дело в

том, что к этому времени продажность и нежелание делать что бы то ни было безвозмездно стала в Элладе явлением заурядным, а у этолян эта черта нравов вошла в общее правило. Вследствие того этоляне не могли допустить, чтобы столь резкая перемена в Тите в отношениях к Филиппу произошла без подкупа. Не имея понятия о нравах и исконных установлениях римлян в этих случаях, этоляне судили и заключали по себе, что Филипп под давлением обстоятельств должен был предложить большую сумму денег, а Тит не мог устоять против искушения (*О посольствах, О добродетелях и пороках*).

35. Неподкупность древних римлян и кое-кого из позднейших. Относительно древнейших времен я со своей стороны мог бы смело высказать общее положение, что ни один из римлян не способен был сделать что-либо подобное; при этом я разумею время[58], предшествовавшее их заморским военным предприятиям, пока они пребывали в верности собственным нравам и отеческим установлениям. В наше время я не решился бы сказать то же о всех римлянах; но в отдельности мог бы назвать в Риме довольно много граждан, и теперь способных блюсти верность долгу в этих делах. Дабы не показалось, что я говорю что-либо несуществующее, приведу два уважаемых всеми имени: Луция Эмилия[59] и Публия Сципиона[60]. Когда Луций Эмилий*, победитель Персия, сделался распорядителем царства македонян и нашел там в одних только казнохранилищах, не говоря уже о разной утвари и других богатствах, больше шести тысяч талантов золота и серебра, он не только не взалкал к чему-либо из этих богатств, но не пожелал даже видеть их собственными глазами и потому наблюдение за ними доверил другим лицам; между тем в частных средствах Луций не имел избытка, скорее терпел недостаток. По крайней мере, когда вскоре по окончании войны он умер и кровные сыновья его Публий Сципион и Квинт Максим пожелали возвратить вдове двадцать пять талантов приданого, то были в большом затруднении и не могли бы этого сделать, если бы не продали домашней утвари, рабов и еще кое-чего из недвижимости. Слова наши могут показаться кому-либо невероятными, но легко убедиться в их достоверности. Так, всякий желающий может видеть, что у римлян многие суждения о людях,

---

* Луций Эмилий Павел.

особенно суждения такого рода, оспариваются в борьбе партий; между тем сообщенное нами известие находит себе веру у всех. Потом, когда Публий Сципион, родной сын Эмилия, и усыновленный внук Публия, именуемого Старшим, овладел Карфагеном, который почитался богатейшим городом в мире, он ничего решительно не перевел из этого города в свое частное владение ни куплею, ни каким-либо иным способом, хотя частные средства его вовсе не были велики, и для римлянина он был человеком среднего состояния. Мало того, что Публий Сципион воздержался от богатств Карфагена, он вообще не допустил, чтобы что-либо из ливийской добычи смешалось с его личною собственностью. Опять и относительно этого человека добросовестный изыскатель найдет, что неподкупность его признается всеми римлянами безраздельно. Впрочем, об этом предмете мы поговорим подробнее при другом более удобном случае (*О добродетелях и пороках, Свида*).

36. Совещание Тита с союзниками по поводу мирных предложений Филиппа. По соглашению с Филиппом назначив день переговоров, Тит тотчас дал знать союзникам письменно, когда им являться на собрание, а сам несколько дней спустя в условленное время прибыл к Темпейскому проходу. Когда союзники собрались и из них составился совет, римский военачальник поднялся с места и предложил каждому из них назвать условия, на каких должен быть заключен мир с Филиппом. Царь Аминандр в немногих словах высказал умеренные требования и кончил на том, что всех присутствующих просил позаботиться о нем, дабы по удалении римлян из Эллады не обрушился на него гнев Филиппа, ибо афаманы благодаря своей слабости и соседству с Македонией издавна служили легкой добычей для македонян. После Аминандра встал этолиец Александр, поблагодарил Тита за то, что он собрал союзников на совещание о замирении и теперь обращается к ним с общим предложением высказать каждому свои соображения, затем прибавил, что Тит совершенно несведущ в положении дел и сильно заблуждается, если рассчитывает, что прекращением военных действий против Филиппа он обеспечит мир для римлян и прочную свободу для эллинов: одно и другое невозможно. Если Тит желает вполне осуществить цели родного государства и исполнить собственные обещания, данные всем эллинам, то должен выбрать единственный способ

замирения с македонянами — низложение Филиппа[61]; а сделать это совсем не трудно, если только не будет упущен настоящий удобный момент. Долго говорил в этом направлении Александр и замолчал.

37. Ответ Тита на речь этолийца Александра. В ответ на эту речь Тит сказал, что Александр не понимает не только характера римлян, но и его собственных намерений, а выгоды эллинов понимает наименьше. Так, у римлян не в обычае уничтожать врага тотчас, в первую же войну с ним, в подтверждение чего напомнил образ действий римлян относительно Ганнибала и карфагенян, от которых римляне претерпели ужаснейшие напасти; и однако потом, имея полную власть поступить с карфагенянами по своему усмотрению, римляне не обрекли их на гибель. Да и он сам никогда в мыслях не имел вести с Филиппом войну не на живот, а на смерть; напротив, он готов прекратить военные действия, если Филипп перед сражением подчинится его требованиям. Поэтому, продолжал Тит, он удивляется, что все присутствующие, хотя и участвуют в переговорах о мире, настроены столь непримиримо. «Неужели это потому, что мы победили? Но такой образ действий верх безумия. Пока враг ведет войну, доблестному противнику подобает действовать настойчиво и с ожесточением, в случае поражения вести себя с достоинством и не падать духом, а победителю подобают умеренность, кротость и сострадание; ваши же теперешние требования как раз противоположны этому. Наконец, и для эллинов[62] очень выгодно принижение только царства македонян, а вовсе не окончательное упразднение его, ибо скоро пришлось бы им испытать насилие фракийцев и галатов, как бывало много раз и раньше. Вообще и он сам, и прочие присутствующие здесь римляне решили, продолжал Тит, под условием согласия на то сената, даровать мир Филиппу, если он обяжется исполнить все раньше предъявленные ему требования союзников, а этолянам предоставляется свобода принять решение, какое им заблагорассудится. Когда вслед за сим пожелал говорить Фений[63], указывая на бесплодность потраченных до сих пор усилий, ибо Филипп, раз только выскользнет из настоящей беды, создаст новый повод для смуты, Тит в гневе поднялся с места и сказал: «Замолчи, Фений, и не болтай! Я заключу мир на таких условиях, чтобы Филипп даже при всем желании не смог вредить эллинам».

38. Готовность Филиппа на уступки. Пререкания между Титом и этолянами. После этого собрание разошлось, а на следующий день явился царь. Когда на третий день все были позваны в собрание, вошел и Филипп и ловкою, умною речью предупредил всеобщие нападки, именно: он заявил, что прежние требования римлян и союзников исполнить согласен, а во всем прочем полагается на усмотрение сената. При этих словах все хранили молчание; один только Фений, представитель этолян, сказал: «Почему же, Филипп, ты не отдаешь нам Ларисы Кремасты, Фарсала, Фтиотидских Фив, Эхина?» Филипп предложил получить эти города. Но тут вмешался Тит и заявил, что нет нужды в возвращении какого бы то ни было города кроме Фтиотидских Фив, ибо, пояснил он, фиванцы отказались вступить под покровительство римлян, когда он подходил к их городу и обращался к ним с этим предложением: поэтому теперь, когда они покорены войною, он имеет право решить их участь по своему усмотрению. Раздраженный этими словами, Фений возразил, что этоляне имеют право получить обратно города, раньше входившие в состав союза их, во-первых, потому что этоляне помогали римлянам в последней войне, потом согласно условиям первоначального договора, по которому римляне получают из военных приобретений движимость, а этоляне города. Но Тит на это заметил, что этоляне впадают в двойную ошибку, ибо договор между ними упразднен еще с того времени, когда этоляне покинули римлян и одни заключили мир с Филиппом[64]; если же допустить, что союз еще остается в силе, все-таки они не вправе возвращать себе и отбирать в свое владение города, которые по доброй воле отдали себя под покровительство римлян, — так поступили теперь все города Фессалии, — а только приобретенные силою оружия.

39. Расположение Тита к миру с Филиппом вопреки желаниям этолян. Объяснения Тита разделялись всеми присутствующими, за исключением этолян, которые слушали его речь с досадою, откуда, можно сказать, зародилось начало тяжких бед, ибо из этой распри, как от искры, возгорелась война римлян против этолян и Антиоха. Впрочем, главным основанием для Тита искать мира служило полученное известие, что Антиох с войском выступил из Сирии и держит путь на Европу[65]. Поэтому можно было опасаться, что Филипп, ободренный надеж-

дами на Антиоха, будет довольствоваться охранением своих городов и затянет войну настолько, что честь завершения трудов достанется другому консулу, который прибудет ему на смену. Вот почему Тит согласился заключить с царем, как тот и желал, перемирие на четыре месяца на том условии, что Филипп заплатит Титу тотчас двести талантов и поставит заложниками Деметрия и несколько друзей своих, относительно же условий мира обратится через послов в Рим и предоставит решение сенату. Покончив с этим, стороны разошлись, причем состоялось соглашение, что Тит возвратит Филиппу двести талантов и заложников, если мир не осуществится. После этого все отправили послов в Рим, одни с целью содействовать замирению, другие противодействовать ему (*О посольствах*).

40. О людском легкомыслии. ...Отчего так выходит, что никто[66] из нас не может отрешиться от недомыслия, хотя бы обманывали нас те же люди и теми же способами? И действительно, тем же видом обмана пользовались уже много раз многие люди. Нечего удивляться, когда обман удается относительно обыкновенных людей, но удивительно, если жертвою обмана делаются люди, у которых обретается корень подобного коварства. Причина этого — невнимание к прекрасному изречению Эпихарма[67]:

«Будь сдержан и недоверчив: из того и другого слагается мудрость» (*Сокращение, Свида*).

...Медион[68], город пограничный с Этолией (*Стеф. Визант.*).

41а. Из истории военных действий Антиоха. ...Объявили родосцы, что воспрепятствуют Антиоху плыть дальше не из вражды к нему, но из опасения, как бы соединением своих сил с Филиппом он не воспрепятствовал освобождению эллинов[69] (*Свида*).

...Царь Антиох горел желанием завладеть Эфесом ради его удобного местоположения: по отношению к Ионии и городам Геллеспонта сухопутным и морским Эфес представлял собою подобие кремля, а против Европы издавна служил для царей Азии удобнейшим оборонительным пунктом (*там же*).

Похвальное слово Атталу. ...Аттал[70] скончался. Справедливость требует сказать о нем, как мы делаем это со всеми, подобающее слово. Первоначально не было у него никаких внешних средств для достижения царской власти, кроме богатства, которое, если им пользуются с умелою решимостью, оказыва-

ет во всяком начинании несомненные и большие услути, но без этих качеств в большинстве случаев бывает источником несчастия и самой гибели. Ибо богатством порождаются зависть и козни, оно же в высокой степени обладает свойством портить душу и тело человека, и только весьма немногие характеры способны устоять против искушений богатства. Вот почему нельзя не восхищаться величием души Аттала, который употреблял свои богатства на одно, на приобретение царской власти, — блага, выше и прекраснее которого нельзя назвать ничего. Начало достижению этой цели положено было не одними щедротами и милостями друзьям, но и военными подвигами. Так, он начал с победы в сражении над галатами[71], в то время сильнейшим и воинственнейшим народом в Азии, и тогда впервые провозгласил себя царем. В царском звании он оставался сорок четыре года из семидесяти лет всей жизни, с супругой и детьми был кроток и благопристоен[72], соблюдал верность в отношениях со всеми союзниками и друзьями и кончил дни за прекраснейшим делом[73], — в борьбе за свободу эллинов. Важнее всего, однако, то, что он соответствующими мероприятиями настолько упрочил свою власть, что царство безмятежно перешло к его внукам, хотя он оставил по себе четырех взрослых сыновей (*О добродетелях и пороках, Свида*).

42. Послы Филиппа и Тита в Риме. ...В консульство Клавдия Марцелла[74], немного спустя после вступления его в должность, прибыли в Рим послы по делу о замирении с Филиппом от Филиппа, Тита и от союзников. После продолжительного обсуждения сенат одобрил условия договора. Когда же предложение перенесено было к народу, последовали возражения со стороны Марка, который сам желал отправиться в Элладу и потому прилагал большое старание к тому, чтобы помешать заключению мира. Однако народ утвердил предложение о мире согласно желанию Тита. Тотчас после этого сенат выбрал десять человек из числа знатных граждан и отправил в Элладу для того, чтобы совместно с Титом они устроили тамошние дела и упрочили свободу эллинов. В сенате послы от ахеян, Дамоксен из Эгия с товарищами, держали речь о заключении союза с римлянами; но тут же встретили возражения, ибо элейцы и мессеняне, состоявшие в то время в союзе с римлянами, предъявляли к ахеянам притязания одни на Трифилию, другие на Асину[75] и Пил, а этоляне на город гереян[76], и потому

решить вопрос о союзе предоставлено было десяти выборным. Так шли дела в сенате (*О посольствах*).

43. Смуты в Беотии; сторонники и противники римлян. ...Когда после[77] сражения (при Киноскефалах) Тит находился на зимней стоянке в Элатее, беотяне, озабоченные тем, как бы получить обратно своих людей, которые сражались в войсках Филиппа, отправили к Титу посольство с просьбою о выдаче их. Тит побаивался тогда Антиоха и потому охотно исполнил просьбу беотян, желая расположить их в свою пользу. Вскоре все военнопленные возвратились из Македонии, в том числе Брахилл[78], который тотчас и был поставлен беотархом; как его, так и прочих граждан, почитавшихся друзьями царского дома македонян, беотяне больше прежнего чествовали и превозносили. Они даже отправили посольство к Филиппу благодарить его за возвращение воинов, тем самым умаляя значение милости Тита. Вид всего этого приводил в смущение Зевксиппа, Писистрата и всех прочих граждан, слывших друзьями римлян, так как они, заглядывая в будущее, страшились за участь свою собственную и присных своих. Они хорошо сознавали опасность своего политического положения в Беотии, когда римляне покинут Элладу, а Филипп останется бок о бок с Беотией и всегда будет оказывать поддержку их политическим противникам. Вот почему с общего согласия обратились они через посольство к Титу в Элатею и на свидании с ним долго и много говорили по этому предмету, указывая на то, что народ уже теперь возбужден против них, и на неблагодарность черни; наконец отважились высказать, что для друзей Рима не может быть безопасного существования с удалением легионов, если римляне умерщвлением Брахилла не сдержат страхом народа. При этих словах Тит объявил, что не станет лично участвовать в предлагаемом деле, но не помешает исполнить его другому охотнику, и вообще посоветовал беотянам обратиться с этим делом к Алексамену, союзному стратегу этолян. Зевксипп и товарищи его последовали совету Тита, переговорили с Алексаменом, который легко поддался их внушениям и по соглашению с товарищами выбрал трех солдат из этолян, столько же италийцев, которые и должны были убить Брахилла[79] (*О посольствах*).

...Нет свидетеля более страшного, нет обвинения более грозного, как совесть, обитающая в душе каждого из нас (*Сокращение*).

44. Условия мира с Филиппом: освобождение эллинов. ...В это время прибыли из Рима те десять выборных, которым предстояло устроить дела Эллады и которые принесли с собою решение сената относительно мира с Филиппом. Важнейшими статьями этого решения были следующие: вообще всем эллинам, как азиатским, так и европейским, быть свободными и пользоваться собственными законами; тех же эллинов, которые до сих пор были подвластны Филиппу, а равно занятые его гарнизонами города Филипп обязан передать римлянам перед истмийским празднеством; Эврому, Педасам[80], Баргилиям, городу иасян должен предоставить свободу, равно как Абидосу, Фасу, Мирине, Перинфу, и вывести из них свои гарнизоны. Что касается освобождения иасян, то Тит должен был согласно сенатскому определению написать о том Прусию. В тот же срок Филипп обязывался возвратить римлянам всех военнопленных и перебежчиков, а также выдать им все палубные корабли, за исключением пяти судов[81] и одного шестнадцатипалубника. Он должен был наконец уплатить тысячу талантов, из коих пятьсот тотчас, а другие пятьсот по частям в течение десяти лет[82].

45. Радостное настроение эллинов. Злобные речи этолян против римлян. Поведение Тита. Когда весть об этом определении распространилась среди эллинов, все они воспрянули духом и преисполнились радости; досадовали только этоляне, так как не получили того, на что рассчитывали, и громко осуждали определение сената, говоря, что оно не более как пустые слова. Кое-какое подтверждение своим речам, через то еще более смущавшим слушателей, этоляне заимствовали из самого содержания определения. Так, они уверяли, что в определении сената содержится двоякое требование относительно городов, занятых гарнизонами Филиппа: в силу одного из них Филипп обязуется вывести свои гарнизоны, а города передать римлянам, в силу другого вывести гарнизоны и предоставить городам свободу. Если города освобождаемые называются по именам и суть города Азии, то, значит, римлянам передаются европейские города, а это суть: Орей, Эретрия, Халкида, Деметриада, Коринф. Отсюда всякий легко усмотрит, что «узы эллинов» от Филиппа римляне берут в свои руки, и совершается не освобождение эллинов, а лишь смена господ.

Суждения эти повторялись этолянами без конца. Между тем Тит с десятью выборными покинул Элатею и прибыл в Антикиру, оттуда переплыл в Коринф. По прибытии на место он устроил совещание с десятью товарищами для обсуждения общего положения дел. Так как злословие этолян принимало все бóльшие размеры и кое-где находило себе веру, то Тит вынужден был в пространных речах многообразными доводами убеждать товарищей в том, что, если они желают приобрести себе безраздельную признательность эллинов и вообще посеять во всех уверенность, что римляне совершили этот поход не ради собственной корысти, но для освобождения эллинов, то им необходимо очистить все местности и даровать свободу всем городам, какие теперь заняты гарнизонами Филиппа. Колебания на совещании присходили оттого, что судьба всех прочих местностей решена была предварительно в Риме, и десять выборных получили от сената определенные относительно их распоряжения; напротив, решение о Халкиде, Коринфе и Деметриаде во внимание к Антиоху предоставлено было выборным с тем, чтобы они по собственному усмотрению приняли меры, какие потребуются обстоятельствами: было вне сомнения, что Антиох давно уже собирается идти на Европу. Однако Тит убедил членов собрания осободить немедленно Коринф согласно первоначальным условиям и передать его ахеянам, но удержал за собой Акрокоринф[83], Деметриаду и Халкиду.

46. Великолепие Истмийского празднества. Возвещение свободы эллинов. Решение это было принято, а вскоре наступило Истмийское празднество, на которое сошлись, влекомые ожиданием, знатнейшие люди чуть не всего мира[84]; повсюду в собрании шли продолжительные разнообразные толки: одни находили невозможным отречение римлян от всех местностей и городов, другие с большею определенностью уверяли, что римляне уступят местности замечательные, а за собой удержат ничем не выдающиеся на вид, хотя и могущие сослужить им ту же службу, и словоохотливые собеседники тут же во взаимных пререканиях называли то одни местности, то другие. Когда в таком неведении народ собрался ради праздника на ристалище, выступил вперед глашатай и, при содействии трубача водворив тишину в толпе, возвестил следующее: «Римский сенат и полководец с консульскою властью, Тит

Квинкций, победив в войне Филиппа и македонян, даруют свободу коринфянам, фокидянам, локрам, эвбейцам, ахеянам фтиотидским, магнетам, фессалийцам, перребам, предоставляя им не содержать у себя гарнизонов, не платить дани и жить по отеческим законам». Тотчас при первых же словах поднялся ужасный шум, вследствие чего одни вовсе не слыхали возвещения глашатая, другие желали услышать слова его вторично. Большинство присутствующих не верило ушам своим, и слова глашатая слышались им как бы во сне, — до того велика была неожиданность события, — поэтому всякий громко требовал, чтобы глашатай с трубачом взошел снова на середину ристалища и повторил бы прежде сказанное потому, мне кажется, что люди по недоверию к слышанному желали не только слышать, но и видеть говорящего. Когда глашатай взошел вторично на середину ристалища и, при содействии трубача водворив тишину, возвестил то же самое и в тех же выражениях, что и прежде, последовал такой взрыв рукоплесканий, о каком трудно даже составить себе представление нынешнему читателю.

Когда рукоплескания стихли, уже никто не обращал решительно никакого внимания на борцов, все как бы в состоянии экстаза говорили не умолкая или друг с другом, или сами с собою, а по окончании игр в избытке радости и признательности едва не задавили Тита. Дело в том, что одни из присутствующих желали заглянуть ему в лицо и приветствовать его как своего спасителя, другие старались прикоснуться к его руке, а толпа закидала его венками и лентами и едва не разрывала на части[85]. Как ни чрезмерен кажется этот прилив благодарности, все-таки, смело можно сказать, он далеко не соответствовал громадности дела. Было нечто поразительное в том, что римляне и военачальник их Тит приняли решение вынести издержки и всякие опасности ради освобождения эллинов; нечто великое было в том, что они выставили на поле сражения и соответствующую решению их военную силу. Но всего знаменательнее[86] то, что к достижению этой цели судьба не поставила никакой помехи; напротив, все без исключения содействовало наступлению единого момента, когда по одному слову глашатая получили свободу все эллины, как азиатские, так и европейские, с правом не содержать у себя гарнизонов, не платить дани, жить по своим собственным уставам.

47. По завершении празднества Тит и товарищи его прежде всего вступили в переговоры с послами Антиоха, причем потребовали[87] не касаться независимых городов в Азии и не ходить на них войною, а также очистить все те города из числа подвластных Птолемею или Филиппу, которыми царь завладел. Вместе с тем возбранялось Антиоху переправляться в Европу с войском, ибо в Элладе нет теперь ни единого народа, против которого велась бы какая-либо война или который находился бы у кого-либо в порабощении. Впрочем, прибавили они, кое-кто из них самих прибудет к Антиоху. С этим ответом и возвратились к царю Гегесианакт и Лисий. Вслед за сим вызваны были все прочие послы от народов и городов, которым и сообщены постановления совета. Так, из числа македонян получает независимость народ, именуемый орестами[88], так как оресты во время войны примкнули к римлянам; особождены тоже перребы, долопы, магнеты. Что касается фессалийцев, то вместе со свободой им отданы фтиотидские ахеяне, за исключением Фтиотидских Фив и Фарсала, ибо этоляне предъявили настойчивые притязания на него, уверяя, что в силу первоначального уговора город должен принадлежать им, равно как и Левкада. Относительно этих городов члены совета опять указали этолянам на решение сената, а фокидян и локров дозволили им присоединить к своему союзу на прежнем положении. Коринф, Трифилию и город герсян они возвратили ахеянам. Орей и город эретриян большинство совета желало уступить Эвмену*; однако решение это не получило утверждения вследствие возражений Тита, посему некоторое время спустя и эти города, а с ними вместе Карист сенатом объявлены были свободными. Плеврату[89] даны были Лихнида[90] и Парф, города иллирийские, но находившиеся во власти Филиппа. Аминандру** предоставлено было владеть всеми укреплениями, какие он во время войны отнял у Филиппа.

48. Когда все это было устроено, члены совета поделили между собою местности. Публий Лентул*** отправился в Баргилии морем и объявил жителей их свободными, а Луций Стертиний пошел в Гефестию[91], на Фас и в города Фракийского по-

---

* Сын Аттала I.
** Царь афаманов.
*** Публий Корнелий Лентул.

бережья и с ними поступил таким же образом. К Антиоху отправились Публий Виллий и Луций Теренций, а Гней Корнелий с товарищами к царю Филиппу. Он встретился с царем подле Темп и, переговорив обо всем согласно полученным полномочиям, особенно настаивал на отправлении в Рим послов для заключению союза, дабы там не показалось, что царь подыскивает только удобный случай и ждет прибытия Антиоха. Царь на это согласился. Гней немедленно покинул его и явился на союзное собрание в Ферм[92], здесь выступил перед народом и долго убеждал этолян не изменять исконному своему поведению и блюсти дружественные отношения к римлянам. Многие из присутствующих выступили с ответом, причем одни в выражениях мягких и учтивых упрекали римлян в том, что они воспользовались победой не как истинные союзники и не соблюли первоначальных условий договора; другие ораторы с ругательствами настаивали на том, что римляне без этолян никогда и не вступили бы на почву Эллады и не победили бы Филиппа. Гней и товарищи его отказались оправдываться по отдельным обвинениям, но советовали отправить послов в Рим, где они и найдут удовлетворение по всем своим жалобам. Так этоляне и сделали. Вот как кончилась война против Филиппа (*О посольствах*).

49. ...Если бы им, как говорится, пришлось невмоготу, они искали бы убежища у римлян и себя самих и город свой отдали бы во власть римлян[93] (*Сокращение, Свида*).

...Дела Антиоха шли как нельзя успешнее[94] и когда он находился во Фракии, в Селимбрию[95] прибыл Луций Корнелий с товарищами. Это были послы от сената с поручением помирить Антиоха с Птолемеем. **50. Переговоры римских легатов с Антиохом.** В то же самое время прибыли и из числа десяти легатов Публий Лентул из Баргилии, Луций Теренций и Публий Виллий из Фаса. Вскоре царю дано было знать о прибытии римлян, а несколько дней спустя все собрались в Лисимахии. Случилось так, что к этому времени прибыли туда и отправленные было к Титу послы Антиоха, Гегесианакт и Лисий. Вначале частные свидания между царем и римлянами отличались простотою и радушием; но отношения изменились, когда вслед за тем состоялось общее решающее совещание. Дело в том, что по требованию Луция Корнелия Антиох должен был очистить все азиатские города, раньше подвластные

Птолемею, а теперь им завоеванные; но с особенной настойчивостью он требовал очищения городов, раньше принадлежавших Филиппу. Смешно, в самом деле, говорил Луций, что Антиох явился после войны, которую вели римляне против Филиппа, и присвоил себе плоды победы. Он убеждал также царя оставить неприкосновенными вольные города и в заключение сказал, что не понимает, с какими целями царь совершил переправу в Европу во главе столь многочисленных сухопутных и морских сил. Сообразительному человеку остается единственная догадка, что царь собирается напасть на римлян. На этом речь римлян кончилась. Царь отвечал, что, во-первых, ему неизвестно, на чем основываются притязания римлян на города Азии, ибо ему кажется, что римляне имеют на них меньше прав, нежели всякий другой народ. Во-вторых, он просил римлян не вмешиваться вовсе в дела Азии, как он нисколько не занимается делами Италии. В Европу он переправился с военными силами затем, чтобы возвратить себе обладание Херсонесом и городами Фракийского побережья; ибо господство над этими странами приличествует ему больше, чем кому-либо иному. Первоначально власть здесь принадлежала Лисимаху, потом, когда воевал против него <...> вышел победителем Селевк, все царство Лисимаха по праву войны сделалось достоянием Селевка. В последующие времена, когда его, Антиоха, предки были отвлечены другими делами, владения эти отторгнул и присвоил себе сначала Птолемей, потом Филипп, и теперь он не ищет завоеваний, пользуясь невзгодами Филиппа, а только восстановляет прежнее владение, опираясь на свое право. Если же теперь он возвращает назад и поселяет вместе лисимахиян, которые вопреки справедливости были выгнаны фракийцами, то он не посягает ни на какие права римлян, ибо делает это не потому, что желает напасть на римлян, но с целью уготовить местожительство для Селевка*. Что касается вольных городов Азии, то справедливость требует, чтобы они обязаны были своей свободой не предписанию римлян, но его собственной милости. Свои отношения с Птолемеем царь уладит к удовольствию последнего, ибо намерен не только быть в дружбе с ним, но к узам дружбы присоединить и родство[96].

---

* Сын Антиоха.

52. Луций находил нужным вызвать лампсакиян и смирнейцев и выслушать их; так и сделали. От лампсакиян прибыли Парменион и Пифодор, а от смирнейцев Койран, которые позволили себе вольность речи. Это рассердило царя, ибо беседа имела такой вид, как будто царь дает ответ своим обвинителям перед римлянами, поэтому он оборвал на середине речь Пармениона словами: «Будет уже говорить вам, ибо не перед римлянами, а перед родосцами я согласен разобрать наши пререкания». На сей раз стороны так и разошлись, ни на чем между собой не согласившись (*Сокращение, О посольствах*).

53. Из истории Египта. Бесславная гибель этолийца Скопоса. ...Многие жаждут громких и славных подвигов, но у немногих бывает решимость на совершение их. Условия для исполнения предприятий смелых и отважных были более благоприятны у Скопаса[97], нежели у Клеомена, ибо, когда замыслы Клеомена были обнаружены заранее, он мог рассчитывать только на содействие собственных рабов и друзей; однако он не отчаялся, испытал все, что было в его силах, честную смерть предпочитая позорному существованию. Скопасу, напротив, благоприятствовало то, что в его распоряжении был сильный отряд, помогало и младенчество царя, но он был захвачен среди сборов и размышлений. Так, когда Аристомен узнал, что Скопас собирает в собственном доме друзей и совещается с ними, он послал к нему нескольких щитоносцев с требованием явиться в совет. Скопас до того растерялся, что, с одной стороны, не находил в себе мужества сделать то, что теперь требовалось, а с другой — и это было хуже всего — не решался последовать и царскому зову, пока беспомощность его не стала известна Аристомену, который велел окружить его дом войсками и слонами; потом послал к нему Птолемея, сына Эвмена, в сопровождении отряда воинов с приказанием привести к нему Скопаса, а если тот не пожелает идти сам, доставить силою. Когда Птолемей взошел в дом Скопаса и объявил, что царь зовет его, тот сначала не оказал внимания словам Птолемея и, глядя на него долго и пристально, как бы угрожал ему и удивлялся его смелости. Когда Птолемей подошел к нему ближе и дерзко схватил его за плащ, Скопас просил у присутствующих защиты. Но тут появились в доме в большом числе солдаты Птолемея, и кто-то сообщил, что извне дом оцеплен сол-

датами; тогда Скопас покорился необходимости и вместе с друзьями последовал за Птолемеем. **54.** Как только он вошел в совет, царь в немногих словах изобличил его вину, после него говорил Поликрат, только что прибывший из Кипра, наконец Аристомен. Вообще все обвинения содержали в себе то же, что приведено выше; было только прибавлено обвинение в тайном совещании с друзьями и в неповиновении царской воле. В этих преступлениях обвинили его не только члены совета, но и соприсутствующие иноземные послы. С целью изобличить Скопаса Аристомен привлек большое число различных значительных людей Эллады и особенно послов от этолян, явившихся сюда для заключения мира; между ними был и Доримах, сын Никострата. Когда по выслушании обвинений Скопас пытался было представить кое-что в свое оправдание, никто не слушал его, ибо безумие отличало дела его, и потому тотчас его вместе с друзьями Аристомен велел отвести под стражу, а в ближайшую ночь отравил Скопаса, всех родственников его и друзей. Только Дикеарха он казнил после пытки и бичевания, подвергнув его каре, заслуженной преступлениями по отношению ко всем эллинам. Это был тот самый Дикеарх, которого Филипп назначил вождем всего флота и поставил во главе всего предприятия, когда вознамерился овладеть предательски Кикладами и городами на Геллеспонте. Будучи послан на дело явно нечестивое, он не только не думал, что совершает какую-либо гнусность, но надеялся своею непомерною наглостью устрашить самих богов и людей. Всюду на местах корабельной стоянки он сооружал по два жертвенника, один Нечестия, другой Беззакония, возжигал на них жертвы и чествовал их как истинные божества. Вот почему, полагаю я, он получил подобающую мзду за богов и людей: как своею жизнью он оскорблял человеческое естество, так и конец ему был определен необычайный. Что касается прочих этолян, то царь дозволил всем желающим возвратиться с достоянием своим по домам. **55.** Жадность Скопаса к деньгам известна была и при жизни его, ибо ни один человек не мог равняться с ним по корыстолюбию; после смерти жадность Скопаса обнаружилась еще яснее, так как у него найдены были большие запасы золота и утвари. Пользуясь для своих выгод содействием грубого и пьянствующего Харимарта, он вконец расхитил государственную казну.

Как скоро царский двор благополучно покончил с этолянами, придворные занялись приготовлениями к провозглашению Птолемея царем не потому, чтобы возраст царя побуждал их спешить с этим, а потому, что они были убеждены, что управление приобретет устойчивость и снова начнется время процветания государства, если будут думать, что царь стал самодовлеющим правителем. Сделав пышные приготовления к празднеству, они совершили его с великолепием, приличествующим царскому сану, причем наибольшие услуги по устроению празднества оказаны были, как полагали тогда, Поликратом. Человек этот еще в юности, при жизни отца* царя, почитался надежнейшим и дельнейшим из числа придворных; то же было и теперь, при нынешнем царе. Так, когда ему доверено было при обстоятельствах трудных и переменчивых управление Кипром и взимание там налогов, он не только сохранил остров за отроком, но и собрал значительные суммы денег, с которыми теперь и явился к царю, управление Кипром передав мегалополыцу Птолемею. Благодаря этому Поликрат нашел у царя радушнейший прием и в последующее время приобрел себе большое состояние, но затем с возрастом весь погряз в разврате и пороках. Подобным образом обесславил себя на старости лет и Птолемей, сын Агесарха. При удобном случае мы не замедлим рассказать, каким непристойным поведением они запятнали себя, находясь у власти (*Сокращение*).

---

* Птолемея Филопатора.

КНИГА ДВАДЦАТАЯ*

Надежды Антиоха на помощь эллинов в войне против римлян не оправдались: эллинские народы или уклонились от войны, или дали Антиоху нерешительный ответ, или озабочены были домашними делами (1–3). Упадок Беотии по сравнению со временем битвы при Левктрах; война беотян с этолянами; порча нравов в среде беотян; переход беотян на сторону македонских царей: беотиец Неон (4–5). Бездействие судов в Беотии; обжорство и пьянство беотян; бедствия беотян заслуженные; война беотян с римлянами (6–7). Военное бездействие Антиоха и пиршества его в Халкиде по случаю бракосочетания; поражение Антиоха и этолян римлянами (8). Взятие римлянами Гераклеи, этолийского города, переговоры этолян о мире с римским консулом М. Ацилием Глабрионом в Гераклее и с Л. Валерием Флакком в Гипате; значение выражения: «отдать себя под охрану римлян»; насилие римского консула над послами этолян; возобновление военных действий между этолянами и римлянами (9–10). Этолийский посол Никандр при возвращении от Антиоха попал в плен к Филиппу; старания Филиппа расположить этолян в свою пользу (11). Филопемен отклонил от себя денежную награду, предложенную лакедемонянами за освобождение от Набиса (12). Города: Корак, Аперантия (13).

1. Сношения Антиоха с этолянами и беотянами. ...Этолияне выбрали из числа апоклетов тридцать человек для сове-

---

* От XIX книги истории не сохранилось ничего.

щаний с царем[1]. <...> Он созвал апоклетов и совместно с ними обсуждал положение дел (*Свида*).

2. ...Когда Антиох обратился через посольство к беотянам[2], сии последние отвечали послам, что тогда и обсудят предложения царя, когда он прибудет к ним сам (*О посольствах*).

3. Сношения Антиоха с эпиротами и элейцами. ...Пока Антиох держался в Халкиде, к нему в начале зимы[3] явились посольства Харопа от эпирского народа и Каллистрата от элейцев. Эпироты убеждали царя не вовлекать их преждевременно в войну с римлянами во внимание к тому, что земля их со стороны Италии лежит впереди всей Эллады. Если царь, продолжали они, собственными силами в состоянии прикрыть Эпир и сделать его неуязвимым, они откроют ему свои города и гавани; если же в настоящее время он считает свои силы для этого недостаточными, то да простит он эпиротам их страх перед войною с римлянами.

...Что касается элейцев, то они просили прислать в их город вспомогательный отряд, ибо ахеяне постановили идти на них войною, и они со страхом ожидали их нападения. Эпиротам царь отвечал, что пришлет к ним послов для переговоров об общих выгодах обеих сторон, а к элейцам отрядил тысячу человек пехоты под начальством критянина Ѳвфана (*там же*).

4. Порча нравов в Беотии. ...Уже с давнего времени беотяне[4] находились в состоянии упадка в противоположность более далекому прошлому, когда государство их процветало и славилось. Так, беотяне времен сражения при Левктрах стяжали себе и громкую славу, и могущество, а в ближайшее к тому время, при союзном стратеге Амеократе, они почему-то начали утрачивать оба приобретения. С этой поры, впрочем, они не только утратили приобретенные блага, но усвоили себе поведение, совсем не похожее на прежнее, и делали все, что от них зависело, для того, чтобы омрачить былую славу. Так, когда ахеяне побуждали их к войне с этолянами, беотяне, разделяя настроение ахеян и заключив союз с ними, тогда же начали войну против этолян[5]. Этоляне с войском вторглись в Беотию, а беотяне, не дождавшись прибытия ахеян, которые были уже в сборе и готовились помочь им, дали сражение этолянам, но были разбиты и со времени этой битвы так упали духом, что не отваживались более на борьбу, как бы ни была она почетна; воздерживались от участия общими силами в ка-

ком бы то ни было предприятии или битве эллинов, и, отдаваясь обжорству и попойкам, пали, расстроив и тело свое, и душу. 5. Вот главные примеры их безрассудства: немедленно после упомянутого выше поражения они покинули ахеян и примкнули к этолийскому народу. Когда по прошествии некоторого времени этоляне подняли войну против Деметрия, отца Филиппа, беотяне покинули этолян; но как только Деметрий вошел с войском в Беотию, они отдали себя в полное распоряжение македонян, даже не пытаясь бороться с ними. Однако слабая искра прежней доблести держалась еще в беотянах, и некоторые из них оскорблялись зависимостью от македонян и подчинением им во всем. Следствием этого была жестокая распря между недовольными Македонией, с одной стороны, и предками Брахилла, Аскондом и Неоном, преданнейшими в то время друзьями Македонии, — с другой. Борьба кончилась торжеством Асконда при следующих обстоятельствах: Антигон*, опекун Филиппа по смерти Деметрия, шел морем по каким-то делам у берегов Беотии, но близ Ларимны[6] застигнут был отливом, и корабли его неожиданно очутились на суше. В это время носились слухи, что Антигон замышляет вторжение в Беотию. Неон, тогдашний гиппарх беотян, со всей беотийской конницей объезжал страну, наблюдая за безопасностью ее обитателей, и на пути подошел к Антигону и его отряду, которые решительно не знали, как им выйти из беды. Хотя и было во власти Неона причинить тяжкий урон македонянам, но он, вопреки ожиданию самих македонян, предпочел пощадить их. Все беотяне одобряли такой образ действий; одни фиванцы остались недовольны исходом. Что касается Антигона, то вскоре с наступлением прилива он освободил свои корабли от груза и с чувством большой благодарности к Неону за то, что тот не воспользовался случаем для нападения, продолжал задуманный путь в Азию. Вот почему впоследствии, когда царь одержал победу над спартанцем Клеоменом и достиг власти над Лакедемоном, сделан был начальником Спарты Брахилл в благодарность за услугу, оказанную Антигону отцом его, Неоном; по этой же причине род Брахилла быстро возвысился! Впрочем, царские милости к беотянам на этом не остановились: и сам Антигон, и Филипп не переставали поддерживать

---

* Антигон Досон.

своих друзей деньгами и продовольствием; вскоре они сломили враждебную им партию в Фивах и обратили всех фиванцев на сторону Македонии за весьма немногими исключениями. Так возникли дружественные связи Неонова дома с македонскими царями, так начало возрастать его благосостояние.

6. Политический упадок Беотии. Государство беотян было окончательно расстроено, и у них в течение чуть не двадцати пяти лет не было постановлено ни одного приговора ни по частным жалобам, ни по государственным делам. Должностные лица посылали граждан то на службу в укреплениях, то в походы, требовавшие участия всего населения, и тем постоянно задерживали отправление правосудия. Кроме того, иные из союзных стратегов выдавали беднякам даже из государственной казны жалованье. Вследствие этого народ привык слушаться и облекать властью таких людей, по милости коих мог бы не только избегать ответственности перед судом за преступления и долги, но еще каждый раз получить что-либо из общественных средств. Такому упадку нравов больше всех содействовал Офельт тем, что постоянно измышлял все новые и новые мероприятия, которые первое время сулили народу выгоды, но должны были впоследствии привести всех беотян к верной гибели. К этому присоединился другой несчастный обычай, именно: люди бездетные, умирая, не оставляли имущества своего в наследство родственникам, как было у них в обыкновении раньше, но завещали на пиры и попойки, обращая его в общую собственность друзей своих. Было немало и таких беотян, которые, имея детей, отделяли большую часть своего состояния для застольных сотовариществ, благодаря чему у многих беотян бывало больше обедов в месяц, чем дней. Из ненависти к подобным порядкам и по воспоминанию о прежнем союзе с ахеянами, мегаряне снова примкнули к ахеянам и действовали заодно с ними. Дело в том, что мегаряне с самого начала, со времени Антигона Гоната, были в союзе с ахеянами, а когда Клеомен утвердился на Истме и отрезал их от ахеян, мегаряне соединились с беотянами, получив на то согласие ахеян. Однако незадолго до описываемых нами событий они возвратились к союзу с ахеянами, так как недовольны были образом действий беотийского государства. С другой стороны, беотяне находили поведение мегарян обидным для себя и в гневе пошли на них всем войском в полном вооружении.

Когда мегаряне нимало не смутились появлением неприятеля, беотяне рассердились еще больше, начали осаждать город, а потом повели против него приступ. Но беотянами овладел панический ужас, как скоро распространилась молва, что тут же находится и Филопемен с ахеянами; тогда они покинули лестницы у городской стены и бежали без оглядки домой.

7. ...При всех этих недостатках управления, беотяне благополучно пережили времена Филиппа и Антиоха; зато вскоре[7] после этого напасти не миновали их, и судьба как бы намеренно, с целью возместить за прежнее благосостояние послала им тяжелые испытания. Но рассказ об этом мы отлагаем до дальнейших частей истории (*О добродетелях и пороках*).

Враждебные действия беотян против римлян. ...Предлогом для вражды против римлян послужило беотийскому народу умерщвление Брахилла и поход Тита против Короней[8], предпринятый ради отмщения за римлян, которые были убиты по дорогам; однако настоящей причиной отчуждения от римлян было упомянутое выше расстройство в делах. При приближении царя начальствующие лица беотян[9] вышли из города навстречу ему, приветствовали его радостными речами и проводили в Фивы[10] (*там же*).

8[11]. Антиох в Халкиде. Его бракосочетание. ...Прозванный Великим Антиох, могущество которого сломлено было римлянами, по прибытии в Халкиду, что на Эвбее, праздновал свое бракосочетание, хотя ему было пятьдесят лет от роду, и он взял на себя, по его же собственным словам, две трудней-шие задачи: освобождение эллинов и войну против римлян. Влюбившись в халкидскую девушку, Антиох в самое время войны предавался пьянству и пирам и думал только о свадьбе. Девушка, красивейшая из женщин, была дочь Клеоптолема, одного из знатных халкидян. Совершенно забыв о делах, Антиох проводил зиму безотлучно в Халкиде, занятый свадьбой. Невесту свою он тоже назвал Эвбеей. Потерпев поражение в войне*, Антиох вместе с новобрачной бежал в Эфес[12] (*Афиней*).

...Погибло все войско, за исключением пятисот человек, находившихся вблизи царя, и из тех десяти тысяч человек, которых царь переправил за собою в Элладу, спаслись весьма немногие (*Ливий*).

---

* При Фермопилах.

9. Мирные переговоры с римлянами. ...Когда Гераклея перешла в руки римлян, стратег этолян Фений и его сторонники решили отправить к Манию* посольство для переговоров о прекращении военных действий и о заключении мира, ибо они понимали трудности положения Этолии и ясно представляли себе, какая участь ожидает прочие города. По этим соображениям отправлены были послами Архедам, Панталеонт и Халес. На свидании с римским консулом** послы приготовились было говорить очень долго, но Маний оборвал их и не дал продолжать. Консул объявил, что теперь ему не до речей, так как он слишком занят разделом гераклейской добычи. Изъявив согласие на десятидневное перемирие, он обещал послать с ними вместе Луция и предложил сообщить ему их желания. По заключении перемирия Луций явился в Гипату[13], где и велись длинные переговоры о делах. **Ошибки этолян.** Этоляне начали было защищаться издалека, ссылаясь на прежние дружественные отношения их к римлянам. Но Луций прервал их речь замечанием, что подобная самозащита не идет к настоящему положению, ибо добрые старые отношения нарушены самими этолянами; они же вызвали и нынешнюю войну, так что прежняя дружба ничего не значит при настоящих обстоятельствах. Маний советовал не тянуть долее защиты, заменить ее просьбами и довольствоваться тем, если консул простит им их вину. После длиннейших переговоров этоляне решили довериться свою судьбу Манию и отдать себя под охрану римлян, не зная смысла этих слов: их ввело в заблуждение слово «охрана», как бы обещающее довольно милостивое обращение. Между тем у римлян выражение «отдать себя под охрану» значит то же, что «отдать себя на усмотрение победителя».

10. Насилие Мания над посольством этолян. ...Приняв такое решение, этоляне отправили вместе с Луцием Фения и товарищей, которые и должны были сообщить поскорее Манию решение этолян. Послы явились к консулу, повторили в свою защиту сказанное раньше и в конце речи объявили постановление этолян отдать себя под охрану римлян. Маний прервал говорящего вопросом: «Так ли это действительно, этоляне?» И когда те отвечали утвердительно, Маний продолжал:

---

* Маний Ацилий Глабрион, консул 563 г. от основания Рима.
** Луций Валерий Флакк.

«Теперь никто из вас, во-первых, не вправе ни по своей воле, ни по решению народа переправляться в Азию; во-вторых, вы обязаны выдать Дикеарха и эпирота Менестрата[14], — который в то время пришел с подкреплением в Навпакте, — с ними также Аминандра царя и тех из афаманов, которые вместе с царем присоединились к этолянам». «Но требования твои, — воскликнул вдруг Фений, — и несправедливы, и противоречат обычаям эллинов». Тогда Маний не столько потому, что был раздражен этими словами, сколько из желания привести Фения к сознанию его положения и навести ужас на него, сказал: «И вы еще будете напоминать мне об эллинских обычаях, говорить о долге и приличии после того, как отдали себя под охрану римлян! Да если только захочу, я велю заковать всех вас в цепи и отвести в тюрьму». С этими словами Маний велел принести оковы и надеть каждому из этолян железный ошейник. Фений и его товарищи стояли оцепеневшие, не говоря ни слова, как будто эта необычайность обращения сковала и тело их, и душу. Однако Луций и некоторые другие из присутствующих трибунов просили Мания не обижать явившихся к нему граждан, ибо они облечены званием послов. Маний внял их совету. Тогда начал говорить Фений, объявив, что как он, так и апоклеты согласны принять требования Мания; но для того, чтобы условия эти вошли в силу, необходимо еще согласие народа. Маний признал справедливыми слова Фения; тогда сей последний просил перемирия еще на десять дней. Перемирие было дано, и стороны разошлись. По прибытии в Гипату послы сообщили апоклетам все случившееся, равно как речи, какие были произнесены во время переговоров. Только теперь по выслушании послов этоляне поняли свою ошибку и предстоящую тяжелую участь. Апоклеты постановили отправить письма по городам и созвать этолян для обсуждения требований консула. **Решимость этолян продолжать войну с римлянами.** Но когда разнеслась молва о тех обидах, какие претерпел Фений и его товарищи, народ пришел в такую ярость, что никто не захотел даже явиться в собрание[15]. Обсуждать условия Мания сделалось, таким образом, невозможным, а в это самое время возвратился из Азии Никандр; он высадился в Малийском заливе в Фаларах[16], откуда и отплыл было в Азию. Когда он рассказал о том внимании, каким почтил его царь, о тех обещаниях на будущее время, этоляне еще меньше стали

заботиться о приведении мирных переговоров к концу. Посему, как только десятидневный срок перемирия истек, война этолян с римлянами возобновилась.

11. Переговоры Филиппа с Никандром. ...Нижеследующее приключение с Никандром нельзя было обойти молчанием. На двенадцатый день после отъезда Никандр возвратился из Эфеса в Фалары. Римлян он застал еще в Гераклее, а македоняне, хотя отступили от Ламии[17], стояли лагерем недалеко от города. Деньги каким-то чудом он доставил в Ламию, а сам сделал попытку проникнуть ночью в Гипату между двумя неприятельскими стоянками*, но попал в руки передовой стражи македонян и был приведен к Филиппу еще до окончания пиршества. Никандр в страхе ожидал для себя или жестоких истязаний от разгневанного Филиппа, или выдачи римлянам. Но как скоро царь был осведомлен о случившемся, он приказал страже Никандра обходиться с ним ласково и оказывать ему всяческое внимание. Немного спустя царь встал сам из-за стола и, подошедши к Никандру, долго укорял этолян за их безрассудное поведение вообще, за то, во-первых, что они накликали римлян на эллинов, потом призвали Антиоха; но все-таки царь предлагал им забыть прошлое и искать дружбы с ним, чтобы одна сторона не отягощала бедственного состояния другой. Царь поручил Никандру передать его слова правителям этолян, а самого Никандра просил памятовать оказанную ему милость и отправил его под сильным прикрытием, отдав приказ вожатым доставить его невредимым в Гипату. Никандр, которого изумило такое обхождение, совершенно для него неожиданное и необычайное, возвратился теперь к своим и оставался со времени этой беседы с царем неизменно преданным царскому дому македонян. По этому самому и позднее, во времена Персея, Никандр, обязанный признательностью к царям, не желал мешать замыслам Персея, был заподозрен в измене, оклеветан и наконец отозван в Рим, где и скончался (*О посольствах*).

12[18]. Филопемен награжден лакедемонянами. Лакедемоняне[19] тщетно искали в своей среде гражданина, который согласился бы говорить об этом с Филопеменом, хотя в большинстве случаев бывает много желающих извлечь выгоду для

---

* Римлян и македонян.

себя из доставления известий о подобных милостях, чтобы завязать при этом дружбу и добрые отношения; однако в деле Филопемена не находилось решительно никого желающего доставить весть о благодарности. Наконец, чтобы выйти из затруднения, лакедемоняне посредством голосования выбрали для этого Тимолая, как гражданина, искони связанного с Филопеменом узами гостеприимства и долговременной личной дружбой. Два раза ходил Тимолай с этим поручением в Мегалополь, но не осмеливался о нем заговаривать; наконец, придя в третий раз и преодолев робость, он решился упомянуть о подарке. Сверх всякого ожидания Филопемен ласково выслушал это известие, и Тимолай был очень рад, что выполнил поручение; тут же Филопемен сказал, что через несколько дней будет в Лакедемоне, ибо желает поблагодарить всех должностных лиц за подарок. Когда после того он пришел в Лакедемон и был приглашен в сенат, то объявил, что расположение лакедемонян ему давно известно, и красноречивейшим выражением его служит предлагаемый теперь венок и оказываемый при сем почет, что добрыми чувствами лакедемонян он дорожит, но не доволен выражением этих чувств: не друзьям должно оказывать подобные почести и подносить венок, ибо отрава его никогда не будет смыта венценосцем, но гораздо скорее врагам; тогда друзья, сохраняя независимость, будут пользоваться доверием ахеян, когда предложат помочь Спарте; в то же самое время враги их, проглотив приманку, вынуждены будут или поддерживать своими речами друзей, или молчать, не будучи в силах вредить им.

...Далеко[20] не одно и то же, судить ли о событиях со слов других или самому быть их очевидцем, и в каждом отдельном случае весьма пригодно знание достоверное (*Сокращение ватиканское*)[21].

13. Географические отрывки. ...Корак[22], город между Каллиполем и Навпактом (*Стеф. Визант.*).

...Аперантия[23] — город Фессалии (*там же*).

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Посольства лакедемонян и Филиппа в Риме; ответы сената посольствам (1–2). Морская победа римлян над Антиохом; посольство этолян в сенате; требование полной покорности от этолян; вторичные переговоры этолян с Манием о мире; вмешательство афинян в переговоры в пользу этолян под Амфисою; требование полной покорности от этолян; шестимесячное перемирие этолян с римлянами (3–5). Волнения фокеян против римлян; партия Антиоха в Фокее; дружественные отношения жителей Сеста к римлянам (6). Огнеметатель на родосских кораблях в сражении с флотом Антиоха (7). Движение римских войск к Геллеспонту; союз ахеян с Эвменом (8–9). Напрасные старания Антиоха заключить мир с римлянами, Эвменом, родосцами; против заключения мира говорил Эвмен, так же безуспешно старался Антиох войти в союз с Прусием, царем Вифинии; союз Прусия с римлянами (10–11). Столкновение римских судов с пиратскими (12). По переходе римских войск через Геллеспонт в Азию Антиох возобновил переговоры о мире с римлянами; посол Антиоха византиец Гераклид в римском стане; переговоры его с военным советом римлян и с Публием Корнелием Сципионом кончились ничем; решимость Антиоха продолжать войну (13–15). Поражение Антиоха при Магнесии; согласие Антиоха на условия мира, предложенные Сципионами (16–17). Посольства от Эвмена, Антиоха, родосцев и других народов в Риме; неприязненные отношения между Эвменом и родосцами обнаружились в речах царя и родосских послов (18–23).

Ответ сената посольствам; избрание десяти легатов для улаживания дел на востоке (24). Царь афаманов Аминандр; военные успехи этолян до поражения Антиоха при Магнесии; отчаяние этолян после этого поражения; старания этолян кончить войну с римлянами миром (25). Эпироты в союзе с римлянами против этолян; осада Амбракии римлянами; этолийское посольство на пути в Рим захвачено в плен Сибиртом; скупость этолийского богача Александра; вмешательство в переговоры этолян с римлянами Аминандра, афинян и родосцев; предварительные условия мира этолян с римлянами; римский консул в глубине Этолии (26–31). Утвержденные римским народом условия мира с этолянами (32). Благополучно закончившаяся для римлян война с галатами в Азии; Гней в Памфилии, Писидии, Галатии; корыстолюбие Моагета; мужество Хиомары (33–38). Цари галатов напрасно старались завлечь Гнея в засаду (39). Взятие Самы римлянами на Кефаллении (40). Похвала Филопемену за возвращение изгнанников в Лакедемон (41). Азиатские посольства в римском стане Гнея; занятие римлянами Апамеи (42–44). Римские легаты в Азии, условия утвержденного народом мира с Антиохом (44–46). Союз римлян с Ариаратом (47). Меры римских легатов по устроению Азии и островов согласно условиям заключенного с Антиохом мира (48).

1. Ответы римского сената лакедемонянам и Филиппу. Случилось так, что в это же время возвратилось домой и то посольство, которое отправляли лакедемоняне в Рим, причем возлагавшиеся на него надежды не оправдались. На речи послов о заложниках[1] и поселках[2] сенат отвечал, что относительно деревень он отдаст распоряжение снаряжаемым к ним легатам, а вопрос о заложниках желает еще обсудить. Что касается старых изгнанников[3], то, говорили сенаты, они удивляются, почему лакедемоняне не возвращают их домой теперь, когда Спарта свободна (*О посольствах*).

2. ...В то же самое время сенат принимал послов от Филиппа, которые явились с целью напомнить о дружбе и услугах, какие римлянам оказаны были царем в войне с Антиохом.

В ответ сенат велел тотчас отпустить Деметрия, сына Филиппа, из залога, а также обещал освободить Филиппа от дани[4], если он при тогдашних обстоятельствах пребудет верным Риму. Равным образом сенат отпустил на свободу и заложников лакедемонян, кроме сына Набиса Армена, который вскоре заболел и умер (*там же*).

3. Поведение римлян после победы над Антиохом на море. ...Как скоро римляне получили известие о победе в морском сражении*, консулы прежде всего предоставили народу девятидневный праздник, состоящий в том, что весь народ, свободный от трудов, совершает благодарственные жертвы богам за удачу, потом ввели в сенат послов от этолян и от Мания[5]. Долго говорили оба посольства, пока наконец сенат не постановил предложить этолянам одно из двух: или отдаться всецело на усмотрение римлян, или немедленно заплатить тысячу талантов и иметь врагов и друзей, общих с римлянами. Когда этоляне выразили желание, чтобы им точно определили условия покорности, сенат не дал разъяснений, и потому война с этолянами возобновилась (*О посольствах*).

4. Переговоры римлян с этолянами под Амфисой. ...В то время, когда Амфиса[6] была осаждаема римским военачальником Манием, афинский народ, узнав о бедственном положении амфисян и о прибытии Публия**, отправил послов с Эхедемом во главе к Луцию*** и Публию, во-первых, для приветствия, во-вторых, с поручением попытаться снискать мир для этолян. Прибывших послов Публий встретил радушно и ласково, так как видел в них пособников своим замыслам. Дело в том, что Публий желал покончить дело с этолянами почетным миром; если б же они отказались принять его условия, он решил совсем бросить эту войну и переправиться в Азию в том убеждении, что завершение войны и всего предприятия принесет не покорение этолийского народа, но торжество над Антиохом и утверждение римского владычества над Азией. Поэтому как скоро афиняне заговорили о прекращении военных действий, Публий охотно выслушал их и предложил им обра-

---

* Над Антиохом.
** Публий Корнелий Сципион Африканский Старший, легат.
*** Луций Корнелий Сципион Азиатский, консул 564 г. от основания Рима.

ниться с той же попыткой к этолянам. Эхедем и товарищи его сначала отправили вестников к этолянам, потом сами явились в Гипату, где и начали мирные переговоры с властями этолян. Этоляне тоже рады были прекратить войну и выбрали уполномоченных для переговоров с римлянами. По прибытии к Публию, стоянка которого находилась в шестидесяти стадиях* от Амфисы, этоляне в пространной речи перечисляли услуги[7], раньше оказанные их народом римлянам. Еще обходительнее и ласковее беседовал Публий с этолянами, чем с афинским посольством, рассказывал им о своих подвигах в Иберии и Ливии, говорил о том, как он поступил в этих странах с народами, которые доверили ему свою участь, и в заключение сказал, что, по его мнению, они должны с доверием отдаться ему. Вначале все присутствующие преисполнились надежды на скорое наступление мира. Но когда этоляне спросили об условиях, на каких будет им дан мир, и Луций ответил, что им предстоит выбирать одно из двух: или предоставить[8] свою участь всецело усмотрению римлян, или уплатить немедленно тысячу талантов и иметь общих с римлянами врагов и друзей, этоляне были сильно изумлены, потому что ответ не согласовался с предшествовавшей речью консула; однако они обещали уведомить этолян об этих требованиях римлян.

5. Собрание этолян в Гипате. ...Итак, уполномоченные возвратились в Гипату для обсуждения упомянутых выше условий; Эхедем и товарищи его совещались о том же с апокletами. Одно из требований консула было невыполнимо, потому что сумма была громадна, другое страшило этолян, ибо раньше они были обмануты, когда согласились было довериться римлянам и едва не были закованы в цепи. Колеблющиеся и беспомощные, этоляне вторично отправили к римлянам тех же самых граждан, чтобы они просили у римлян или сократить сумму требуемых денег и тем сделать уплату ее возможною, или не распространять своих требований о покорности на гражданское население мужчин и женщин. Явившись к Публию, этоляне сообщили волю народа; а когда Луций ответил, что полномочиями от сената он располагает только относительно условий, какие были им раньше предъявлены, этоляне снова возвратились домой, за ними последовал и Эхедем

---

* 1 1/2 мили.

с товарищами в Гипату. Так как заключение мира встречало тогда препятствия, то он советовал этолянам просить перемирия* и тем отдалить от себя угрожающие бедствия, а в промежуток отправить послов в сенат; быть может, желания их и будут исполнены; если же нет, то им следует выжидать благоприятного момента; хуже того, что теперь, не может быть ничего; напротив, есть много причин надеяться на лучшее. Доводы Эхедема и товарищей казались правильными, и этоляне постановили отправить посольство с просьбой о перемирии. По прибытии к Луцию этоляне просили дать им пока шестимесячное перемирие, дабы иметь время отправить посольство к сенату[9]. Публий, которого давно уже влекло к подвигам в Азию, без труда убедил брата уступить просьбе этолян. Когда договор был написан, Маний снял осаду и, передав Луцию все войско и припасы, поспешно отъехал со своими трибунами в Рим[10] (*О посольствах*).

6. Смуты в Фокее против римлян. ...Фокеяне начали волноваться, потому что находившиеся во флоте римляне обременяли их как постойною повинностью, так и поборами[11] (*Свида*).

Партия Антиоха в Фокее. ...В это самое время власти фокеян, опасаясь народных волнений из-за голода, а также происков со стороны друзей Антиоха, отправили послов к Селевку, находившемуся на границе их области, с просьбою не приближаться к городу, ибо фокеяне решили сохранять спокойствие и дожидаться исхода войны, затем поступят, как потребуют победители. Из числа послов сторонниками Селевка и его замыслов были Аристарх, Кассандр и Родон; противниками царя и сторонниками римлян были Гегия и Гелия. Принимая посольство. Селевк ласково обращался с Аристархом и его единомышленниками и пренебрежительно с Гегией и Гелией. При известии о народном волнении и о голоде Селевк бросил переговоры с явившимися к нему послами, не дал им ответа и двинулся к городу (*О посольствах*).

Галлы в Сесте. ...Вышли из города два галла[12] со значками и украшениями на груди и просили не губить их города (*Свида*).

7. Огнеметатель на родосских кораблях. ...Огнеметатель, которым воспользовался начальник родосского флота Павсистрат, была жаровня[13]. В передней части корабля,

---

* На 6 месяцев.

внутри его, у противоположных стенок находились два кольца, в которые воткнуты были шесты, концами своими протягивающиеся в море. На верхних концах шестов привешивалась на железной цепи полная огня жаровня; при нападении на неприятельский корабль можно было метать огонь в передние и боковые части его; в то же время благодаря наклонному положению шестов огонь удерживался далеко от собственного корабля (*Свида*).

Памфилид в родосском флоте. ...Начальник родосского флота Памфилид[14], казалось, был способнее Павсистрата справиться со всяким положением, обладая не столько отважным характером, сколько рассудительностью и стойкостью. Большинство людей хороших руководствуется в своих суждениях не доводами рассудка, но случайными обстоятельствами. Таким же точно способом и родосцы выбрали Павсистрата в начальники флота во внимание к его решительности и отваге, а когда Павсистрата постигла неудача, родосцы немедленно усвоили себе противоположное правило (*Свида, О добродетелях и пороках*).

8. Движение римских сухопутных войск к Геллеспонту. ...В это время на Самос пришло письмо к Луцию*[15] и Эвмену от Луция, облеченного консульскою властью, и от Публия Сципиона**; в письме сообщалось об условиях перемирия с этолянами и о движении сухопутных войск римлян к Геллеспонту. Уведомление о том же получили от этолян Антиох и Селевк (*О посольствах*).

9. Союз Эвмена с ахеянами. Диофан. ...Равным образом в Элладе прибыло посольство в Ахаю от царя Эвмена для заключения союза. Будучи созваны в народное собрание, ахеяне большинством голосов утвердили союз с царем и отправили военный отряд[16] под начальством мегалопольца Диофана: тысячу человек пехоты и сотню конницы (*там же*).

...Мегалополец Диофан был в военном деле весьма искусен, потому что в многолетних войнах мегалопольцев с соседом их Набисом он все время служил под командою Филопемена и с военным делом познакомился основательно[17]. Сверх того он был мощного сложения и имел грозный вид. Важнее всего,

---

* Луций Эмилий Регилл.
** Братья Сципионы: Луций, консул, и Публий, легат при нем.

однако, то, что Диофан был отличный воин и превосходно владел оружием (*О добродетелях и пороках*).

10. Попытки Антиоха кончить войну миром. ...Царь Антиох вторгнулся в Пергам, но, узнав о прибытии Эвмена царя и увидев, что на него идут не только морские силы, но и сухопутные, решил начать переговоры о мире единовременно с римлянами, Эвменом и с родосцами[18]. Снявшись со всем своим войском, он подошел к Элее, занял холм насупротив города, поместил на нем пехоту, а конницу в числе шести тысяч с лишним поставил у самого города. Находясь в середине между войсками, Антиох отправил послов к Луцию в город* для переговоров о мире. Римский военачальник пригласил родосцев и Эвмена и предложил им высказаться по настоящему делу. Эвдем и Памфилид были не против мира; царь же полагал, что при данных обстоятельствах мир не принесет им почета, да и невозможен. «Каким образом, — сказал он, — возможно почетное завершение войны, когда мы ведем переговоры о мире, запертые в стенах?» Да и вообще мир в настоящее время он находил невозможным. «В самом деле, возможно ли заключить окончательный договор, не дождавшись консула, без его на то согласия? Но даже помимо всего этого допустим, что некоторое подобие договора будет заключено с Антиохом; очевидно, что ни морские войска, ни сухопутные не могут возвратиться на родину раньше, чем народ и сенат утвердят достигнутое соглашение. И нам ничего другого не останется, как в ожидании этого решения проводить здесь зиму в бездействии, истощая денежные и продовольственные запасы наших собственных союзников. Потом, если бы сенату не угодно было заключить мир, пришлось бы войну начинать сызнова, упустив благоприятное время, когда мы питаем надежду с помощью богов довести все предприятие до конца». Так говорил Эвмен. Луций принял его совет и отвечал Антиоху, что до прибытия консула заключение мира невозможно. По получении такого ответа Антиох тотчас отдал приказ опустошить область элеян. После этого Селевк оставался на тех же местах, а Антиох немедленно начал набеги на окрестности и вторгся в так называемую равнину Фивы, где доставил своему войску в избытке всякого рода добычу, ибо земля эта была плодородна и очень богата (*О посольствах*).

---

* Элею.

11. Письмо Сципионов к Прусию и союз Прусия с римлянами. ...Из похода на Фивы царь пришел в Сарды[19] и отсюда не переставал посылать послов к Прусию с предложением войти в союз с ним. Раньше Прусий готов был соединиться с Антиохом, ибо пребывал в сильном страхе[20], что римляне идут в Азию для ниспровержения всех тамошних владык. Однако получив от братьев Луция и Публия письмо, он по прочтении его успокоился и с меньшей тревогой думал о будущем. Публий и брат его старались убедительными и многочисленными доводами, изложенными в письме, вселить доверие к ним; в защиту образа действий не своего только, но и государства римского вообще, они напоминали, что римляне ни единого из наследственных царей не лишали власти; напротив, сами восстановили еще нескольких владык, других превознесли и пределы могущества их распространили. В ряду этих имен они называли Андобала и Колихапта в Иберии, Масанассу в Ливии, Плеврата в Иллирии; всех их, писали Луций и Публий, римляне, как всякому известно, возвели в царей из слабых, малозначащих правителей. Точно так же в Элладе поступили они с Филиппом и Набисом: Филиппа они победили в войне и принудили его выдать заложников и уплатить дань, но затем, лишь только получили малейшее свидетельство его благорасположения, возвратили ему сына и с ним вместе находившихся в залоге юношей, освободили его от дани и многие взятые во время войны города отдали ему обратно. Что касается Набиса, то, имея возможность погубить его вконец, римляне не сделали, однако, этого, оказав ему пощаду, хоть и тирану, и только возложили на него обычные обязательства. В письме своем они убеждали Прусия принять все это во внимание и, не опасаясь за целость власти, смело переходить на сторону римлян: в сделанном выборе ему не придется раскаиваться. По прочтении письма Прусий отказался от прежнего решения и, как только явились к нему послы с Гаем Ливием во главе, решительно отстранился от Антиоха. Тогда, обманутый в надежде на союз с Прусием, Антиох по прибытии в Эфес решил дать неприятелю битву на море и кончить войну с Римом морскими силами: он был убежден, что при одном только условии, если утвердить прочно свою власть на море, воспрепятствует переправе сухопутных войск неприятеля и вообще не допустит войны до Азии (*О походах*).

12. Встреча римских судов с пиратскими. ...Когда[21] морские разбойники завидели наступающие суда римлян, они повоpотили назад и отступили (*Свида*).

13. Посол Антиоха в римском стане для переговоров о мире. ...После поражения, понесенного в морской битве*, Антиох понапрасну тратил время в Сардах и все дела вел нерадиво; потом, как скоро узнал о переправе**[22] неприятеля в Азию, пришел в крайнее смущение, упал духом и решил отправить посольство к Луцию и Публию для переговоров о мире. Выбрал он для этого византийца Гераклида, которому и поручил объявить римлянам, что уступает им города Лампсак, Смирну и Александрию, из-за которых и начата была война, равно и все другие города в Эолиде и Ионии, какие в настоящей войне держали сторону римлян, если римлянам желательно получить их. К этому Антиох добавил, что согласен покрыть половину военных расходов римлян. Таковы были поручения, данные Гераклиду для открытых переговоров; собственно для Публия назначались другие речи, о которых подробно мы скажем ниже. По прибытии к Геллеспонту Гераклид нашел римлян еще на месте в той самой стоянке, которую они разбили себе после переправы. Посол сначала обрадовался этому, почитая благоприятными для предстоящих переговоров медлительность неприятеля и его полное бездействие после переправы; но он снова смутился, когда услыхал, что Публий находится еще по ту сторону моря, между тем решение дела больше всего зависело от его воли. Причина, по которой и войско оставалось в первоначальной стоянке, и Публий не находился при войсках, заключалась в том, что Публий был салий[23], а это, как говорится у меня в книге о государственном устройстве римлян***, есть одно из трех сообществ, на обязанности коих в Риме лежит совершение важнейших жертв богам <...> в течение тридцати дней празднества салиям возбраняется изменять местопребывание, где бы эта пора ни застигла их. Так было тогда с Публием: войско должно было переправляться как раз в то время, на которое падает это жертвоприношение, и Публию нельзя было покинуть занятую им местность. Вот по-

---

* При Мионнесе.
** Через Геллеспонт.
*** Находилось в утраченной части VI книги.

чему Сципион не находился при войсках и оставался в Европе, а войска после переправы в Азию оставались все в том же положении и не предпринимали дальнейших действий в ожидании Сципиона. **14. Переговоры между Гераклидом и Сципионом.** Когда через несколько дней Публий явился, Гераклид был позван в военный совет для переговоров и здесь изложил, что было ему поручено, именно: что Антиох согласен очистить города Лампсак, Смирну, Александрию, равно как и все те города Эолиды и Ионии, какие были на стороне римлян, что сверх сего Антиох принимает на себя половину издержек, понесенных римлянами на настоящую войну. Много говорил он по сему предмету, стараясь убедить римлян, что не подобает им, как существам смертным, не в меру искушать судьбу и расширять свои владения до бесконечности, напротив, следует ограничить свои владения скорее всего пределами Европы: и в таких границах владычество их велико и необычайно, ибо никто раньше их не достигал подобной власти; если же они желают во что бы то ни стало приобрести себе и некоторые части Азии, пускай назовут их: царь сделает им все, что только можно. Выслушав эти речи, совет поручил военачальнику дать следующий ответ: справедливость требует, чтобы Антиох уплатил римлянам не половину военных расходов, а все, ибо война эта началась по вине его, а не римлян, чтобы он не только освободил города Эолиды и Ионии, но и отказался от всех владений по сю сторóну Тавра. Когда посол выслушал решение военного совета, он оставил его без всякого ответа, ибо большая часть требований римлян превосходила данные ему полномочия, совершенно отказался от переговоров с властями, зато усиленно старался действовать на Публия. **15.** Воспользовавшись удобным случаем, Гераклид сообщил Публию, что было ему наказано, именно: что, во-первых, царь отпустит его сына без выкупа; дело[24] в том, что сын Сципиона попал в плен к Антиоху в самом еще начале войны; во-вторых, что и теперь царь готов заплатить ему столько денег, сколько Публий назначит сам, и впоследствии царь предоставит ему в пользование свою казну[25], если он поможет принятию условий, царем предложенных. Публий отвечал, что ему приятно предложение царя относительно сына, и он будет весьма признателен, если царь исполнит свое обещание. Во всем прочем царь заблуждается, сказал Публий, и в переговорах с ним лич-

но и с военным советом поступает вопреки собственным выгодам[26]. Если бы царь выступал с этими предложениями еще в то время, когда владел Лисимахией и проходом к Херсонесу, то мог бы легко рассчитывать на согласие противника. Равным образом царь мог бы получить удовлетворение и в том случае, если бы после потери сих местностей* все-таки подошел к Геллеспонту впереди своего войска и, отправляя посольство с этими самыми условиями, ясно показал бы решимость воспрепятствовать переправе римлян. «Но являться с предложением мира на равных условиях теперь, когда царь не помешал нашим войскам вступить в Азию, дал себя не только взнуздать, но и оседлать, значит наверное потерпеть неудачу и обмануться в ожидании». Поэтому-то Публий советовал царю глубже вникнуть в свое положение и верно оценить его. В награду за выдачу сына Публий обещал дать ему совет, стоящий предлагаемой милости, именно: согласиться на всякие условия и ни в каком случае не воевать против римлян. С этим ответом Гераклид возвратился в свою стоянку и, будучи принят царем, передал ему все в точности. Антиох полагал, что и после несчастного окончания войны ему не могут быть предъявлены требования тяжелее теперешних, а потому не стал думать о мире и всеми способами готовился к войне (*О посольствах*).

16. Переговоры о мире между Антиохом и Сципионами. ...После победы[27] над Антиохом римляне заняли тоже Сарды и их Акрополь <...>[28] от Антиоха явился глашатаем Мусей. Радушно принятый Публием и братом его, Мусей объявил, что Антиох желает отрядить посольство для переговоров об окончании военных действий и попросить дать уполномоченным провожатых ради безопасности. Получив согласие на это, глашатай возвратился к царю, а несколько дней спустя прибыли от царя Антиоха послы: Зевксид, бывший сатрап Лидии, и племянник царский Антипатр. Первой заботой их было видеться с царем Эвменом из опасения, что вследствие прежних распрей он пожелает вредить Антиоху, а когда сверх всякого ожидания встретили с его стороны приветливость и добродушие, то немедленно приступили к правильным переговорам. Будучи приглашены в военный совет, послы, помимо много другого, убеждали римлян пользоваться удачами умеренно и великодушно, до-

---

* Лисимахии на Херсонесе.

казывали выгоды такого образа действий не столько для Антиоха, сколько для них же самих после того, как волею судьбы они получили господство над миром. Вслед за сим послы просили, какою ценою они могут приобрести мир и дружбу с римлянами. Члены совета раньше уже обсудили этот вопрос и решили, посему теперь поручили только Публию передать ответ послам. **17.** Публий объявил, что никогда победа не делала римлян не в меру требовательными, ни поражение слишком уступчивыми. Вот почему и теперь послам Антиоха будет дан такой же ответ, какой они получили раньше, до сражения, когда явились к Геллеспонту, именно: они обязаны очистить Европу и все земли Азии по сю сторону Тавра, кроме того, в возмещение военных расходов заплатить римлянам пятнадцать тысяч эвбейских талантов, из коих пятьсот заплатить теперь же, две тысячи пятьсот по утверждении мирного договора народом, а остальную сумму в продолжение двенадцати лет, по тысяче талантов ежегодно. Эвмену точно так же он обязан заплатить лежащий на нем долг в четыреста талантов и возвратить остающийся за ним по договору с отцом его хлеб. Вместе с тем он должен выдать римлянам карфагенянина Ганнибала, этолийца Фоанта, акарнана Мнасилоха и халкидян Филона и Эвбулида. В обеспечение договора Антиох обязуется выдать немедленно двадцать заложников, какие будут ему показаны. Таково было требование Публия от имени всего военного совета. Когда посольство Антипатра и Зевксида согласилось на это, всеми решено было отправить послов в Рим с просьбою к сенату и народу об утверждении договора. На этом собеседовавшие разошлись, а в следующие за сим дни римляне разместили свои войска по городам. Когда через несколько дней прибыли в Эфес заложники, Эвмен и послы Антиоха тотчас стали готовиться к отплытию в Рим. Равным образом снаряжались посольства в Рим от родосцев, смирнейцев и от всех почти народов и государств, что по сю сторону Тавра (*О посольствах*).

18. Посольство в Рим. Эвмен перед сенатом. ...После победы римлян над Антиохом, уже в начале лета, явились в Рим царь Эвмен, посольства от Антиоха, от родосцев и прочих народов. Дело в том, что все народы Азии немедленно после сражения стали посылать послов в Рим, ибо в то время у всякого народа надежды на будущее покоились единственно на римском сенате. Всех явившихся, сенат встречал ласково, но ве-

ликолепнейшая встреча и прием оказаны были царю Эвмену и потом родосцев. Когда наступило время переговоров, сенаторы прежде всего пригласили царя и предложили ему сказать откровенно, чего он желает от сената. Эвмен на это отвечал, что если бы он хотел получить какую-либо милость от какого-нибудь народа другого, то обратился бы за советом к римлянам, дабы не пожелать чего-либо лишнего, не потребовать чего-либо неподобающего; но когда в положении просящего он стоит перед самими римлянами, то почитает за лучшее предоставить им решение судьбы своей и братьев своих. Один из старейших сенаторов поднялся с места и предложил Эвмену выразить безбоязненно свои пожелания, так как сенат намерен сделать для него все возможное; но царь оставался при прежнем решении. Наконец Эвмен удалился, и сенат без него обсуждал, как ему поступить. Решено было предложить царю высказаться откровенно самому, зачем он прибыл в Рим, ибо ему лучше известны как собственные выгоды, так и положение дел в Азии. Когда решение это было принято и Эвмен опять введен в собрание, а один из старейшин объявил состоявшееся постановление, царь был вынужден объяснить свои нужды. **19. Речь Эвмена в сенате.** Он сказал, что за себя лично не стал бы говорить вовсе и по-прежнему предоставил бы все усмотрению сенаторов; единственное, что его тревожит, это образ действий родосцев; и из-за них только он и вынужден говорить теперь о положении дел. Хотя с прибытием в Рим родосцы озабочены судьбою отечества и собственными выгодами не меньше того, как и он печется в настоящее время о целости своей власти, однако в речах своих родосцы говорят совсем не о том, чего добиваются в действительности. Убедиться в этом легко. Так, всякий раз, когда их будут допускать в сенат, родосцы скажут, что прибыли сюда вовсе не для того, чтобы выпросить у вас что-либо для себя или в чем-нибудь и каким бы то ни было способом повредить нам, но что они ходатайствуют об освобождении живущих в Азии эллинов. «Это не столько желательно для них, — будут говорить родосцы, — сколько обязательно для вас и согласуется с вашими прежними деяниями». Так примерно будет звучать их речь, а настоящие цели их совсем не те: с освобождением городов, о которых они ходатайствуют, могущество родосцев возрастет необычайно, а наше почти рухнет. В самом деле, упоминание о

свободе и независимости отторгнет от нас не только все те народы, которых вы освободите, но и наших прежних данников, как скоро им станет известно, что таково и ваше настроение: все они перейдут к родосцам. Таков неизбежный ход вещей: в том убеждении, что свободой своей они обязаны родосцам, народы эти будут носить имя союзников родосцев, а на деле из чувства величайшей признательности они исполнят все, чего бы родосцы ни пожелали. Вот почему, сенаторы, мы просим вас действовать в этом случае осмотрительно, дабы незаметно для себя самих не превознести через меру одних друзей и не обидеть незаслуженно других, дабы вместе с тем не сделаться благодетелями прежних врагов ваших, не обессилить и не оскорбить ваших неизменных друзей. **20.** Во всем прочем я без возражений готов пойти на всевозможные уступки в пользу другого; только никогда и ни за что я не желал бы поступиться перед кем бы то ни было вашей дружбой и моим к вам расположением, поскольку позволят мне силы. Я полагаю, что и отец мой*, если б был в живых, сказал бы то же, что и я говорю. Ибо он чуть не первый во всей Азии и Элладе приобрел вашу дружбу и союз, честно до последнего дня жизни оставаясь верным вам не в душе только, но и на деле. Так, заодно с вами он был во всех войнах в Элладе и поставлял для этих войн многочисленнейшие из союзнических войск, сухопутные и морские, давал обильнейшие денежные средства и подвергался величайшим опасностям, наконец, самую жизнь свою кончил в трудах, во время войны с Филиппом, когда убеждал беотян искать вашей дружбы и союза. Наследовав власть от отца, я питал те же чувства, что и мой родитель, — превзойти его в этом отношении нельзя было: но я превзошел его в делах, так как обстоятельства дали мне больше случаев, нежели отцу, выдержать испытание в верности вам. Например, Антиох имел большое желание выдать за меня дочь и всеми способами укрепить связи свои с нами; он тогда же возвращал нам обратно города, которые раньше были отторгнуты от нас, и обещал со временем все для нас сделать, если мы присоединимся к нему в войне с вами. Однако мы не только не приняли каких-либо предложений Антиоха, но еще воевали в союзе с вами против него, доставили вам для войны многочисленнейшие из союз-

---

* Аттал I.

нических войска, сухопутные и морские, в самые трудные времена снабжали вас обильнейшими средствами на удовлетворение нужд ваших и заодно с вашими военачальниками шли без отговорок во все сражения. Наконец, из любви к вашему народу мы не побоялись быть запертыми и осажденными в Пергаме и подвергались опасности потерять вместе с властью самую жизнь[29]. **21.** Что мы говорим правду, римляне, все вы знаете, а многие из вас были свидетелями наших дел; посему справедливость требует, чтобы вы отнеслись к нам с подобающим вниманием. Если Масанассу, прежнего врага вашего, который с несколькими всадниками и то только под конец войны искал убежища в этом стане, если Масанассу за то, что он доказал вам свою верность в единственной войне, с карфагенянами, вы поставили царем над большею частью Ливии, а также Плеврата, который, не сделав для вас ровно ничего, сохранил только верность вам, вы возвели в могущественнейшие владыки Иллирии, неужели вы не окажете никакого внимания нам, хотя еще предки наши участвовали в ваших подвигах труднейших и славнейших? Каковы же мои желания? Какой милости я прошу у вас? Буду откровенен, ибо вы сами предложили нам высказаться откровенно. Если некоторые земли по сю сторону Тавра, до сих пор подвластные Антиоху, вы решили удержать за собою, это было бы для нас приятнее всего. Мы убеждены, что царство наше было бы наивернее обеспечено соседством с вами и соучастием в вашем могуществе. Если же такого решения вы не имеете и, напротив, намерены покинуть Азию совсем, то по всей справедливости трофеи ваших побед, говорим мы, должны отойти к нам, а не к кому-либо иному. Правда, еще почетнее даровать свободу рабам, но рабы эти дерзнули воевать против вас купно с Антиохом. Раз они проявили такую наглость, гораздо справедливее воздать должную благодарность истинным друзьям, нежели благодетельствовать бывших врагов ваших».

22. Посольство смирнейцев, родосцев в сенате. ...Высказав все, что нужно было, Эвмен удалился, а сенат, благосклонный к царю и довольный его речью, готов был оказать ему всевозможные милости. После него сенаторы желали принять родосцев, но так как один из послов родосских запоздал, то в собрание были приглашены смирнейцы. Долго распространялись они о тех добрых чувствах и о том усердии, какие

они в отношении римлян проявили в последнюю войну. Но так как повсюду утвердилось мнение, что из всех независимых народов Азии смирнейцы отличались наибольшей преданностью римлянам, то нет нужды сообщать их речь подробно. После них вошли родосцы и, в немногих словах напомнив об услугах, какие оказаны были римлянам собственно родосцами, быстро перешли к тому, что касалось их отечества.

Речь родосцев в сенате. В своей речи послы указали на то, что с их посольством совпало по самому ходу вещей обстоятельство весьма тягостное, именно столкновение с царем, с коим и государство римское, и отдельные граждане связаны самыми дружескими отношениями. Так, родосцы находят наиболее выгодным для своего отечества и наиболее почетным для римлян дарование свободы азиатским эллинам и предоставление им независимости, желаннейшего блага людей; между тем это совершенно невыгодно Эвмену и его братьям. Единовластию по самой природе ненавистно равенство, и самодержцы стараются покорить себе и подчинить все народы или по крайности весьма многие. Невзирая на такое положение дел, они убеждены, сказали родосцы, в достижении своей цели не потому, что пользуются бóльшим значением у римлян, чем Эвмен, но потому, что их желания и более справедливы, и более выгодны для всех. Если бы у римлян, кроме выдачи независимых государств, не было другого средства отблагодарить Эвмена, тогда можно было бы затрудняться решением, так как неизбежно было бы одно из двух: или обидеть истинного друга отказом, или пренебречь требованиями чести и долга, омрачить и уничтожить последствия собственных подвигов. Но когда есть возможность выполнить оба требования, тогда нечего больше колебаться. У вас, как на роскошном пиршестве, есть все, что нужно для каждого, и даже больше, чем сколько нужно. Ликаонию, Пригеллеспонтскую Фригию[30], Писидию, кроме того, Херсонес и граничащие с ним области Европы вы можете предоставить всякому, кому пожелаете. Присоединением небольшой доли этих земель к царству Эвмена можно сделать его владения в десять раз обширнее, чем они теперь; а если ему предоставлены будут все эти земли или бóльшая часть их, то он станет могущественнейшим из владык.

23. Итак, сенаторы, у вас есть возможность и друзей ваших превознести высоко, и славы ваших подвигов не омрачать.

В деяниях ваших вы преследуете совсем не такие цели, как прочие народы. Так, всякий другой народ поднимает войну из жажды порабощения народов и захвата городов, денег, кораблей. Во всем этом вы по воле богов не имеете нужды, ибо боги подчинили вашей власти все, что есть на земле. В самом деле, чего недостает вам? К чему могут быть обращены ваши пламеннейшие желания? Наверное, к почету и славе у народов, к тем благам, которые трудно добыть и еще труднее, добыв, сохранить. Что мы говорим правду, глядите сами: ради освобождения эллинов вы вели войну против Филиппа и приняли на себя все тяготы этой войны. Свободу эллинов вы поставили себе целью, она одна, и ничего более, осталась наградою вам за войну. Этому трофею вы радовались больше, нежели дани от карфагенян, и совершенно правильно. Деньги — обычное достояние всех народов, тогда как доблесть, слава и почет составляют удел богов и тех людей, которые по природе своей приближаются к богам. Итак, достохвальнейшее из ваших деяний — освобождение эллинов. Если этот подвиг вы восполните теперь другим, достойным его, то достигнете вершины славы; если же не сделаете этого, — наверное, и прежняя слава ваша померкнет. Сенаторы, мы сочувствовали вашим замыслам, заодно с вами участвовали в величайших сражениях, делили с вами грозные опасности, и теперь мы не уклоняемся от обязанностей, налагаемых дружбою; но в то же время мы не боимся открыто указать вам на то, что считаем пристойным для вас и выгодным, не преследуя никакой другой цели и ставя выше всего требования нашего долга». Так примерно говорили родосцы, и все сенаторы находили, что положение дел они изображали правильно и с достоинством.

24. Послы Антиоха и другие посольства в сенате. Вслед за ними введены были послы от Антиоха, Антипатр и Зевксид. Так как речь их имела вид просьбы и умилостивления, то сенат одобрил соглашение, состоявшееся со Сципионом в Азии, а когда несколько дней спустя оно было утверждено народом, то с Антипатром и Зевксидом был заключен договор. Засим и все прочие посольства из Азии были допущены в сенат. Их слушали недолго и всем давали один и тот же ответ: сенат отправит десять уполномоченных для расследования всех пререканий между городами на месте. Когда даны были эти ответы, сенат выбрал десять легатов, которых и снабдил

обстоятельными указаниями. В общем сенат сам постановил, что все земли по сю сторону Тавра, подвластные Антиоху, должны быть отданы Эвмену, за исключением Ликии и Карий до реки Меандра, которые должны были отойти к родосцам; все греческие города, платившие дань Атталу, обязаны впредь уплачивать таковую Эвмену, и только те, которые платили Антиоху, освобождались от дани. Дав эти руководящие указания касательно устроения всех дел, сенаторы отправили десять уполномоченных в Азию к консулу Гнею*.

Просьба родосцев о Солах. Меры эти были уже приняты, когда родосцы вторично обратились к сенату с просьбой о Солах Киликийских[31], ибо, говорили они, узы родства обязывают их заботиться об этом городе: Солы, как и сами родосцы, колония аргивян, так что оба эти народа связаны между собою братскими узами. Вот почему, продолжали послы, справедливость требует, чтобы римляне даровали Солам свободу ради родосцев. По выслушании этой просьбы сенат вызвал послов Антиоха и прежде всего потребовал, чтобы Антиох очистил всю Киликию; когда же Антипатр и Зевксид отвергли это требование, как несогласное с договором, сенат возобновил с ними переговоры об одних только Солах; но послы упорно противились этому притязанию; тогда сенаторы отпустили их и, позвав родосцев, объявили ответ Антипатра, добавив, что готовы принять всевозможные меры, если только родосцы решительно настаивают на своем желании. Но послы удовольствовались ревностью римлян и отказались от каких бы то ни было дальнейших притязаний, почему и остались в силе принятые только что решения.

Десять уполномоченных и все посольства готовились к отплытию, когда высадились в Италии, у Брентесия, Сципион и Луций**, победители Антиоха в морском сражении, а несколько дней спустя они с триумфом вошли в Рим (*О посольствах*).

25[32]. Из войны с этолянами. Аминандр. ...Полагая, что теперь по возвращении на царство он утвердился прочно, Аминандр[33], царь афаманов, отправил послов в Рим, а также к Сципионам[34] в Азию, — тогда Сципионы находились еще в окрестностях Эфеса. С одной стороны, он старался оправдать

---

* Гней Манлий Вульсон, консул 565 г. от основания Рима.
** Корнелий Сципион, Луций Эмилий Регилл.

себя в том, что возвратился на царство при содействии этолян, с другой — жаловался на Филиппа, больше всего просил римлян принять его снова в союз с ними.

Успехи этолян. ...Что касается этолян, то они находили тогдашний момент[35] благоприятным для возвращения себе Амфилохии и Аперантии, и потому решили совершить поход в эти местности; стратег их Никандр собрал поголовное ополчение, и этоляне вторглись в Амфилохию. Большинство тамошних жителей добровольно переходило на сторону Никандра, и потому этоляне перешли в Аперантию, а так как и здесь союз с этолянами принят был охотно, то Никандр двинулся с войском в Долопию. Некоторое время долопы как будто намеревались оказать сопротивление и соблюсти себя верными Филиппу; но они живо вспомнили успехи афаманов и поражение Филиппа, отказались вскоре от первоначального решения и соединились с этолянами. После таких удач Никандр с войском возвратился домой в том убеждении, что поименованные выше народы и местности дадут Этолии полную безопасность и что никто не может вредить их стране.

Отчаяние этолян. ...Едва совершились эти события, преисполнившие этолян гордостью, как пришло известие о битве в Азии, и этоляне опять упали духом, когда узнали, что Антиох потерпел полное поражение. Потом, когда из Рима возвратился Дамотел с известием, что война не кончена, и что Марк*[36] переправил уже свои войска через море и идет на них, этоляне пришли в отчаяние, не зная, как справиться с надвигающимися событиями. Наконец решено было отправить послов к родосцам и афинянам с настоятельной просьбой отрядить в Рим посольство для ходатайства за этолян, смирить гнев римлян и как-нибудь избавить Этолию от напасти, ей угрожающей. Равным образом этоляне от себя отправили послами в Рим Александра, именуемого Исским, Фения и с ними вместе амбракийца Каллипа и Ликопа (*О посольствах*).

26. По совещании с эпиротами римляне двинулись в Амбракию. ...Когда из Эпира прибыли к римскому консулу послы, он держал с ними совет о походе на этолян. Эпироты советовали идти войною на Амбракию, — в то время амбракиоты входили в союз этолян, — причем ссылались на то, что ок-

---

* Марк Фульвий Нобилиор, консул 565 г. от основания Рима.

рестности Амбракии представляют удобное поле битвы на слу-
чай, если бы этоляне пожелали сразиться с римлянами; если
же они убоятся этого, то город удобно расположен для осады:
местность изобилует всем, что нужно для осадных сооруже-
ний, протекающая близ города река Аратф[37] пригодна, особен-
но в тогдашнюю летнюю пору, для доставки припасов в лагерь
и для прикрытия сооружений. Совет послов признан правиль-
ным, и консул повел войско через Эпир на Амбракию. Этоля-
не не отважились выйти против него, и Марк по прибытии на
место обошел и осмотрел город со всех сторон и ревностно по-
вел осаду. Между тем отправленные в Рим послы были захва-
чены вблизи Кефаллении Сибиртом, сыном Петрея, и достав-
лены в Харадр. Вначале эпироты решили было отвести захва-
ченных этолян в Бухет[38] и там содержать их под строгой охра-
ной; но потом через несколько дней они потребовали от
пленных выкупа, так как эпироты были в то время в войне с
этолянами. Александр был богатейший эллин, и прочие плен-
ники хотя и уступали ему в богатстве, но немного. На первых
порах эпироты потребовали от каждого пленника по пяти та-
лантов. Всем пленникам, кроме Александра, требуемая сум-
ма не показалась чрезмерною, и они готовы были уплатить ее,
ибо жизнью дорожили больше всего; не соглашался только
Александр, который находил эту сумму слишком большою; он
не спал по ночам и все горевал, что должен лишиться пяти та-
лантов. С другой стороны, и эпироты помышляли о возмож-
ных последствиях своего поступка, боялись того, что римля-
не, узнав о задержании направлявшихся к ним послов, обра-
тятся к ним с письменным приказанием об освобождении
пленных, а потому понизили сумму требуемых денег до трех
талантов с каждого. Фений и Ликоп с радостью согласились
на это и, представив поручителей, возвратились домой, тогда
как Александр заявил, что больше одного таланта не даст, что
и этого много. Отказавшись заплатить требуемое, он в конце
концов остался в плену, несмотря на весьма преклонный воз-
раст и на то, что у него было состояние больше чем на двести
талантов. Мне даже кажется, что Александр скорее расстался
бы с жизнью, чем заплатил три таланта: до чего доходит у не-
которых людей скупость и алчность к деньгам. Впрочем, на
сей раз случай помог скряге, и безрассудство Александра бла-
годаря счастливому исходу вызвало всеобщие похвалы и одоб-

рения. Дело в том, что несколько дней спустя получен был из Рима письменный приказ об освобождении послов, и Александр один получил свободу без выкупа. Узнав о том, какая неудача постигла посольство их, этоляне снова выбрали Дамотела послом в Рим. Он дошел было до Левкады, когда получил известие, что римские войска под начальством Марка идут через Эпир в Амбракию, и, не надеясь на успех посольства, возвратился в Этолию (*О посольствах*).

27[39]. Осада Амбракии римлянами. Осажденные римским консулом Марком, этоляне[40] мужественно боролись против осадных сооружений и стенобитных орудий. Марк оградил свою стоянку от нападений и сделал большие приспособления для осады, именно: со стороны замка Пирра[41] по гладкому полю он подвигал к городу три осадных сооружения, поставленных в одну линию, в некотором расстоянии одно от другого, четвертое находилось со стороны святилища Асклепия, а пятое вблизи кремля. Когда на всех пунктах башни стали разом быстро надвигаться на город, запертое в стенах его население с ужасом помышляло о грозящей ему участи; но когда затем обрушились на городские стены тяжелые удары таранов, а стенные зубцы обламывались серповидными косами, осажденные отважились на сопротивление: с помощью подъемных машин они кидали на тараны свинцовые гири, камни, дубовые брусья, а железными якорями хватали косы и тащили их за собою внутрь стен, причем древки кос ломались на стенных зубцах, а клинки доставались этолянам. Кроме того, этоляне, — что было еще важнее, — совершали смелые вылазки, то подкрадывались к ночной страже на окопах, то при дневном свете нападали на передовые посты, а через то осада города затягивалась[42]. <...> Тогда как Никандр суетился за городом, а внутрь его отправил пятьсот человек конницы, которая пробилась через промежуточные окопы римлян. <...> Этому отряду Никандр приказал сделать в условленный день вылазку, обещая поддержать его во время битвы. <...> Осажденные смело пошли на вылазку, храбро дрались с неприятелем, но Никандра к назначенному времени не было, потому ли, что он убоялся опасности, или же потому, что считал неотложным дело, которым занят был в другом месте, и этоляне были отбиты (*Герон, Об осадах*).

28. Подкопы римлян к городу. ...Действуя непрерывно стенобитными орудиями, римляне разрушили часть стены,

однако не могли ворваться в город через пробоину, ибо осажденные возводили в том месте новую стену, и этоляне отважно дрались у обрушившейся части стены. Смущенные неудачей, римляне прибегнули к подкопу и подземным ходам. Они смело укрепили среднее из трех сооружений, какие у них были уже; тщательно закрыв подземный ход навесом, провели перед укреплениями вдоль стены коридор плефра в два длиною* и от этого места начали копать землю, причем работа производилась дневными и ночными сменами непрерывно. Много дней прошло, прежде чем осажденные заметили, что неприятель удаляет землю из подземного хода. Только тогда, когда вынесенная наружу земля образовала большую кучу, заметную для амбракиотов, вожди осажденных велели прокопать поскорее канаву внутри города параллельно стене и тому коридору, который шел перед неприятельскими башнями. Лишь только канава была достаточно углублена, этоляне разместили вдоль одной из ее стенок вблизи городской стены сосуды из тончайшей меди непрерывным рядом и, обходя их вдоль канавы, прислушивались к шуму работавших под землею по ту сторону стены. Благодаря чувствительности некоторых сосудов[43], — они звучали от шума работ за стеной, — было точно определено место подземного хода. Тогда этоляне прорыли внутри города под стену другой подземный ход под прямым углом к вырытому раньше, чтобы на этом пути встретиться с неприятелем. Так вскоре и вышло, потому что римляне под землею не только дошли до стены, но подкопали ее по обеим сторонам канавы на значительном пространстве, и стена держалась только деревянными подпорками; неприятели, таким образом, встретились. Сначала битва под землею происходила на длинных копьях, но серьезных последствий она не имела, так как обе стороны прикрывали себя щитами и плетенками. Тогда по чьему-то совету осаждаемые покатили перед собою бочку[44] такого объема, что она помещалась в канаве, просверлили дно бочки, в дыру провели железную трубку одинаковой длины с бочкой, наполнили бочку мелким пером, а у самого отверстия ее положили немного огня; отверстие это закрыли железной крышкой со множеством дырочек, и смело толкали бочку по канаве, крышкой повернув к неприятелю. С прибли-

---

* 200 футов.

жением римлян этоляне должны были позакрывать все отверстия по краям бочки, оставив незакрытыми только два из них справа и слева; просунутые через них копья удерживали бы римлян на некотором расстоянии от бочки. Потом нужно было приладить кузнечный мех к железной трубке и сильно раздувать заложенные подле перьев угли вблизи отверстия, а по мере того, как перья сгорали, извлекать трубку наружу. Когда все было сделано так, как описано выше, образовалась масса удушливого дыма, какой дают обыкновенно тлеющие перья, и весь дым устремился в неприятельскую мину. Ни удалить этот дым, ни выдерживать его в подземной канаве римляне не могли и сильно страдали. Пока осада Амбракии благодаря этому затянулась, стратег этолян решил[45] отправить посольство к римскому консулу (*Герон, Об осадах*).

29. Послы этолян, родосцев. Аминандр в римском стане. ...В римскую стоянку прибыли в это время послы афинские и родосские с целью содействовать заключению мира. Явился также и царь афаманов Аминандр, который хлопотал о том, как бы избавить амбракиотов от постигшей их беды, и получил от Марка свободный пропуск во внимание к следующим обстоятельствам: к амбракиотам Аминандр питал особенное расположение, потому что во время изгнания довольно долго жил в их городе. Несколько дней спустя акарнаны привели с собою к римлянам Дамотела и его товарища*, ибо Марк, узнав о захвате посольства в плен, письменно потребовал от фириян доставить захваченных к нему. Когда все эти люди собрались вместе, переговоры о мире поведены были весьма успешно. Что касается Аминандра, то он согласно первоначальному решению не переставал убеждать амбракиотов не доводить своего положения до последней крайности, а она наступит скоро, если они не будут рассудительнее. Многократно подходил он к городской стене с сими увещаниями, пока наконец амбракиоты постановили пригласить Аминандра к себе в город. Римский консул дал позволение царю пройти в Амбракию, где Аминандр обсуждал вместе с амбракиотами положение дел. Со своей стороны, послы афинян и родосцев неотступно действовали на консула и употребляли всевозможные доводы к тому, чтобы смирить его гнев. В то же время кто-то

---

* Фений.

подал совет Дамотелу и Фению обратиться к Гаю Валерию* и его расположить в пользу дела этолян. Валерий был сын того Марка**[46], который впервые заключил союз с этолянами, и сводный брат по матери тогдашнего консула Марка***; как человек молодой и деятельный, он к тому же пользовался величайшим доверием консула. Когда Дамотел и Фений обратились к нему с просьбой, Валерий посмотрел на представительство свое за этолян как на лично обязательное для него дело и приложил все старание и усердие к тому, чтобы избавить народ от грозящей беды. **Договор римлян с амбракиотами.** Благодаря усилиям, со всех сторон обнаруженным, переговоры увенчались успехом: амбракиоты последовали совету царя и вверили свою судьбу римскому консулу, самый город передали ему под условием беспрепятственного выхода из него этолян: эту уступку они прежде всего выговорили у римлян, памятуя долг свой в отношении союзников. **30. Договор римлян с этолянами.** С этолянами Марк согласился заключить мир на следующих условиях: он получит от них немедленно двести эвбейских талантов****, а другие триста в течение шести лет, по пятидесяти талантов ежегодно; все пленные, какие находятся у этолян, и перебежчики должны быть возвращены римлянам без выкупа в течение шести месяцев; этолянам возбраняется держать в своем союзе и присоединять впоследствии какой бы то ни было из тех городов, что были покорены римлянами или вступили в дружественный союз с римлянами со времени переправы Луция Корнелия*****[47] в Элладу; на кефалленян договор этот не распространялся вовсе.

Таковы были главные намеченные в то время условия мира; требовалось еще, во-первых, согласие на них этолян, а затем утверждение римского народа. Афиняне и родосцы в ожидании решения этолян оставались в римском лагере; тем временем Дамотел и Фений по возвращении домой сообщили этолянам о состоявшемся соглашении. Основания договора этоляне принимали охотно, ибо в общем он был благоприятнее, чем они ожидали; некоторое затруднение возникало только по

---

* Гай Валерий Левин

** Марк Валерий Левин.

*** Марк Фульвий Нобилиор

**** Около 300 000 руб.

***** Луций Корнелий Сципион Азиатский.

вопросу о городах, раньше входивших в их союз; все же условия они приняли. Между тем Марк занял Амбракию и предоставил этолянам беспрепятственный выход из города, вывез оттуда статуи богов и людей, а также картины; все эти предметы были в большом числе в Амбракии, как бывшем местожительстве Пирра. Самому Марку поднесен был венок[48] в полтораста талантов весом*.

Согласие этолян на мир. ...Покончив со всем этим, Марк предпринял поход в глубь Этолии, недоумевая, почему от этолян не получается никакого ответа. По прибытии к Аргосу[49], именуемому Амфилохским и отстоящему от Амбракии на сто восемьдесят стадий**, он расположился станом. Туда явились к нему Дамотел и Фений с извещением, что народ этолян изволил утвердить заключенный между ними договор; вслед за сим послы этолян направились домой, а Марк пошел в Амбракию. По прибытии на место Марк занялся переправою своего войска на Кефаллению, а этоляне выбрали послами и отправили в Рим Фения и Никандра для переговоров о мире, ибо без утверждения римским народом ни одно из перечисленных выше условий не имело силы.

31. Эти послы с упомянутым поручением в сопровождении родосцев и афинян пустились в путь морем. Со своей стороны Марк отправил Гая Валерия и других своих друзей для поддержания предложений о мире. Когда они прибыли в Рим, то раздражение римского народа против этолян было снова подогрето царем Филиппом. Воображая, что этоляне не по праву присвоили себе Афаманию и Долопию, Филипп обратился через посредников в друзьям своим в Риме с просьбою войти в его положение и отказать этолянам в мире. Поэтому сенат равнодушно выслушивал представших перед ним этолян, и только тогда, когда устали просить за них родосцы и афиняне, он изменил свое отношение и оказал внимание их речам. **Речь Дамида-афинянина за этолян.** Рассказывали, что Дамид, вообще мастер говорить, искусно воспользовался подходящим к случаю сравнением, именно: он сказал, что римляне имеют достаточное основание гневаться на этолян, ибо этоляне видели много хорошего от римлян и вместо благодарности под-

---

* Около 4 кг.
** 4 1/2 мили.

вергли владычество римлян тяжкому испытанию тем, что зажгли войну с Антиохом. «Только сенат заблуждается, когда гнев свой переносит на народ этолян. В государствах свободных с народом бывает то же, что и с морем. Само по себе, по своей природе море всегда тихо, спокойно, и вообще морю не свойственно смущать ни приближающихся к нему людей, ни плавающих по нему. Между тем всякий раз, когда забушуют на море ветры, возмутят его покой и наперекор природе моря насильственно приведут его в волнение, тогда ничего не может быть ужаснее и грознее моря. То же случилось теперь с Этолией: пока этоляне были независимы в своих действиях, они оставались преданнейшими и надежнейшими пособниками вашими, но с того времени, как со стороны Азии подули на них Фиоант и Дикеарх, в со стороны Европы взволновали народ Менестас и Дамокрит; во всех речах и поступках настроив их противно их собственной природе, тогда в состоянии умопомрачения этоляне замыслили зло против вас и самих себя повергли в несчастие[50]. <...> К виновным будьте беспощадны, но пожалейте народ и, давая ему мир, будьте убеждены, что, возвратив себе независимость, этоляне снова станут преданнейшими из всех эллинов друзьями, особенно теперь, когда вы даруете им спасение». Такою речью афинянин убедил сенат заключить мир с этолянами. **32. Условия мира римлян с этолянами.** После того как народ утвердил определение сената, мирный договор вошел в силу. Отдельные условия договора были следующие: «Народ этолян обязуется признавать без обмана верховенство и власть народа римского[51], не пропускать через поля свои и города неприятеля, идущего на римлян или на союзников их и друзей, и не оказывать ему никакой поддержки соизволением народным[52]. Обязуется иметь общих с римским народом врагов[53], так что, если римляне будут воевать с кем-либо, то и народ этолян обязан участвовать в этой войне. Перебежчиков, беглых, военнопленных, из числа римлян ли или союзников, этоляне обязуются возвратить корабельным начальнику[54] в течение ста дней от утверждения договора всех, за исключением тех только, которые, будучи захвачены во время войны в плен, возвратились в родную землю и потом были захвачены снова, и тех также, которые воевали против римлян тогда еще, когда этоляне действовали заодно с римлянами; военнопленные, которые в этот срок не

будут обнаружены, должны быть выдаваемы по мере обнаружения их, и возврат в Этолию по утверждении договора возбраняется им окончательно. Далее, этоляне обязуются уплатить немедленно находящемуся в Элладе военачальнику двести эвбейских талантов серебра, не уступающего по достоинству аттическому, при этом могут третью часть серебра, если угодно, заплатить золотом, одну мину золота полагая за десять мин серебра, а с того дня, как мир будет утвержден, в течение первых шести лет они обязаны платить по пятидесяти талантов ежегодно, и платеж денег должен производиться в Риме. Этоляне обязуются дать военачальнику на шесть лет сорок заложников, не моложе двенадцати лет и не старше сорока, по выбору римлян, но за исключением союзного военачальника, начальника конницы, союзного писца и тех, которые уже находились в Риме заложниками, и заложники эти должны быть доставлены в Рим; в случае смерти кого-либо из заложников этоляне обязуются заместить его другим. Кефаллении[55] договор не должен касаться вовсе. Все те страны, города и народы, которые были некогда под властью этолян, а при Луции Квинкции[56] и Гнее Домиции или позднее этого завоеваны римлянами или заключили дружественный союз с ними, — ни один из городов сих и их жителей не должен быть принимаем этолянами в союз. Город и земля Ойниад[57] должны принадлежать акарнанам». По клятвенном утверждении этих условий, мир был заключен. Столь славный конец имели дела с этолянами и с эллинами вообще (*О посольствах*).

33. Из войны римлян с галатами. ...В то время как в Риме посольства вели переговоры о мире с Антиохом и об Азии вообще, а в Элладе шла война против народа этолян, в Азии закончена была война с галатами[58], к которой мы теперь и обращаем наш рассказ (*там же*).

34. Переговоры Гнея с Моагетом. ...Моагет был тиран Кибиры[59], жестокий и коварный, заслуживающий обстоятельного рассказа, а не мимоходом брошенных слов. <...> Итак, когда с приближением римского консула Гнея*[60] к Кибире Гельвий был отправлен вперед разведать намерения Моагета[61], сей последний через послов просил его не разорять страны, ибо он — друг римлян и готов исполнить все требования их. В до-

---

* Гней Манлий Вульсон.

полнение к этим словам он предлагал венок в пятнадцать талантов. В ответ на это Гельвий[62] обещал не трогать его полей, но для довершения дела советовал отправить послов к консулу, который со всем войском следовал по пятам. Моагет так и сделал, причем вместе с послами отправил и брата. Повстречавшись в пути, Гней говорил с послами решительно и сурово и объяснил, что Моагет не только держит себя относительно римлян враждебнее прочих азиатских владык, но все силы свои направляет к ниспровержению владычества римлян и за это заслуживает наказания. Напуганные гневною речью, послы воздержались от дальнейшей передачи того, что было им поручено, и только просили допустить к переговорам самого Моагета. Согласие было дано, и послы возвратились в Кибиру, а на следующий день вышел из города тиран в сопровождении друзей своих, жалкий на вид и в убогом одеянии. В беседе с консулом он жаловался на собственную нужду и на бедность подвластных ему городов, и упрашивал Гнея принять пятнадцать талантов: подвластны ему были Кибира, Силий и город под Лимною. Возмущенный такою наглостью, Гней не сказал больше ни слова и объявил, что, если тиран не уплатит ему с великою благодарностью пятисот талантов, то он не довольствуется опустошением полей, возьмет осадою самый город[63] и разграбит его. В страхе за будущее Моагет упрашивал Гнея не приводить угрозы своей в исполнение, понемногу набавлял к предложенной раньше сумме и наконец убедил консула принять от него за дружбу римлян сто талантов и десять тысяч медимнов пшеницы* (*О посольствах*).

35. Поход Гнея к Памфилию. ...К Гнею во время переправы через реку, именуемую Колобатом, явились послы из города Синды[64] и просили прийти к ним на помощь, ибо термесяне, говорили они, призвали к себе Филомела, поля их опустошили и город разграбили, а теперь осаждают и кремль, куда укрылись все граждане с женщинами и детьми. Гней выслушал термесян и обещал подать помощь к великой радости просящих; этот случай он считал величайшей своей удачей[65] и направился с войском в Памфилию. По прибытии к Термесу Гней заключил дружественный союз с его жителями, уплатившими ему пятьдесят талантов, а равно и с аспендянами. Принял Гней по-

---

* 2 525 000 литров.

сольства и от прочих городов Памфилии, причем во время переговоров внушал каждому посольству такое представление о римлянах, о каком говорилось выше, освободил синдян от осады и продолжал поход на галатов (*О посольствах*)[66].

36. Путь Гнея в Писидию. ...По завоевании города Кирмаса[67], где была взята обильная добыча, Гней снялся со стоянки. Когда они проходили вдоль озера, к Гнею явились послы из Лисинои[68] с предложением принять город под защиту. Гней исполнил их желание, после этого вторгнулся в землю сагалассян[69], откуда угнал множество скота, и выжидал, какое решение примут жители города. Наконец явились послы; Гней принял их радушно, получил венок в пятьдесят талантов, двадцать тысяч медимнов ячменя* и столько же пшеницы и заключил с ними дружественный союз (*там же*).

37. ...Римский консул Гней отправил послов к галату Эпосогнату[70] с целью начать при его посредстве переговоры с царями галатов. Эпосогнат тоже отправил послов к Гнею, римскому консулу, и убеждал его не спешить с походом и нападением на галатов толистобогиев[71], ибо он, Эпосогнат, через своих послов сам поведет переговоры с царями галатов о заключении дружбы с римлянами, и убежден в том, что все справедливые требования римлян будут ими уважены (*там же*).

Гней в Галатии. Жрецы матери богов. ...На пути через Фригию римский консул Гней велел перекинуть мост через реку Сангарий, очень глубокую и неудобопереходимую. Когда он расположился станом у самой реки, явились галлы[72] от жрецов матери богов, Аттида и Баттака из Пессинунта, с украшениями[73] на груди и со значками, и говорили, что богиня обещает римлянам победу и владычество. Гней принял их ласково[74] (*Свида*).

...В то время, как Гней находился под городком, именуемым Гордием[75], пришли к нему послы от Эпосогната с уведомлением, что он переговаривал с царями галатов, но они не желают и слышать о каком-либо мирном соглашении, собрали детей, женщин и все прочее достояние в одно место на гору Олимп[76] и приготовились к борьбе (*О посольствах*)[77].

38. Доблести Хиомары. ...Хиомара, супруга Ортиагонта[78], была захвачена в плен вместе с прочими женщинами, когда

---

* 1,31 кг.

римляне под командою Гнея одержали победу над азиатскими галатами. Завладевший Хиомарою центурион со свойственною ему солдатскою наглостью обесчестил женщину. В нем соединялись грубая чувственность и ненасытное корыстолюбие, с преобладанием этого последнего качества, так что, когда ему пообещали за женщину много золота, центурион предпочел получить выкуп, и ради этого пришел с Хиомарою к реке, разделявшей обе стоянки. Галаты[79] перешли по сю сторону реки, вручили центуриону золото и получили Хиомару, а она кивком головы отдала приказание одному из галатов убить римлянина в то время, как он будет обнимать и ласкать ее. Согласно приказанию галат отсек голову центуриону, а Хиомара подняла ее и, прикрыв платьем, удалилась. Когда затем она пришла к мужу и кинула голову к его ногам, он изумился и сказал: «Верность, жена моя, прекрасное свойство». «Да, — возразила она, — но еще лучше, что на свете остался один человек, сожительствовавший со мною». С этой женщиной Полибий беседовал в Сардах, как сам рассказывает, причем дивился ее мужеству и уму (*Плутарх*).

39. Неудавшееся коварство галатских царей против римлян. ...Когда римляне после победы над галатами стояли лагерем под городом Анкирой[80] и военачальник их собирался двинуться дальше, прибыли к Гнею послы от тектосагов с просьбою, оставив войска на месте, выйти самому на следующий день на полосу земли между стоянками, ибо, говорили они, придут туда цари их для переговоров о мире. Гней согласился, пришел по уговору с пятьюстами всадниками, но цари не явились. Когда Гней возвратился в свою стоянку, послы пришли к нему снова и, представив кое-какие оправдания от имени царей, просили Гнея прийти вторично, ибо цари пришлют лучших людей для окончательных переговоров о мире. Хотя Гней изъявил на это согласие, но остался в стоянке, отрядив Аттала с несколькими трибунами и тремя сотнями конницы. Послы галатов явились согласно условию и вступили в переговоры, но в заключение объяснили, что они не уполномочены ни довести начатое дело до конца, ни утвердить какое-либо из своих решений. При этом послы уверяли, что цари прибудут вслед за ними для заключения договора, если только выйдет к ним и консул Гней. Когда Аттал и товарищи его дали обещание, что Гней явится, стороны разошлись. Причина, почему

галаты затягивали переговоры и хитрили с римлянами, заключалась в том, что они кое-кого из родственников и часть имущества переправляли на ту сторону реки Галиса и желали, если можно, захватить римского консула живьем или, по крайней мере, умертвить его. С такими-то намерениями галаты на следующий день поджидали римлян, имея наготове около тысячи человек конницы. По выслушании Аттала и его товарищей Гней был убежден, что цари прибудут, вышел из стоянки в сопровождении пятисот всадников, как он выходил обыкновенно. Случилось так, что в прежние дни тот отряд римлян, который выходил из лагеря за дровами и за кормом для лошадей, направлялся к этим самым местам, и конница, которая шла к месту переговоров, служила для них прикрытием. Так было и на сей раз. Вышедших за продовольствием было много, а потому трибуны приказали коннице, обыкновенно следовавшей за этим отрядом, идти к условленному месту. Благодаря этому отряду сама собою была принята надлежащая мера к предупреждению опасности[81] (*О посольствах*).

40. Взятие Самы римлянами. ...Фульвий* при помощи измены захватил ночью часть кремля[82] и ввел туда римлян (*Свида*).

41. Похвала Филопемену. ...Благородство и выгода редко совпадают, и лишь немногие люди способны совместить их и примирить между собою. Большею частью благородство, как нам всем известно, исключает минутную выгоду, а выгода исключает благородство. Филопемен задумал соединить одно с другим и успел в этом. Так, благородно было возвратить военнопленных изгнанников в Спарту, а в то же время было полезно унизить город лакедемонян и покарать людей, служивших опорою тиранам[83]. Он понимал также, что царство всегда держится деньгами, и так как от природы был человек умный, искусный вождь и даровитый, то принимал все меры к тому, чтобы извне деньги вовсе не доставлялись (*Сокращение ватиканское*).

42 <...>[84].

43. Посольство азиатских городов и народов в римском стиле. ...В это время, в последний год занимающей нас олимпиады**, когда римский военачальник Гней[85] зимовал в Азии

---

* Марк Фульвий Побилиор, консул 565 г. от основания Рима.

** Сто сорок седьмой.

у Эфеса, явились к нему посольства от городов азиатских эллинов и от многих других народов с венками для Гнея в награду за одоление галатов. В самом деле, если все народы, живущие по сю сторону Тавра, радовались поражению Антиоха, ибо чувствовали себя свободными на будущее время кто от дани, кто от гарнизона, а все вообще от царских приказов, то еще больше радовались они тому, что избавлялись от страха перед варварами и почитали себя обеспеченными от их насилий и бесчинств[86]. Со стороны Антиоха Мусей и послы от галатов желали знать условия, на каких может быть дарована им дружба римлян. Равным образом были послы и от Ариарата[87], царя каппадокиян, который соединил было свою судьбу с Антиохом, помогал ему в битве с римлянами и теперь томился в догадках и опасениях за свою участь. Поэтому часто посылал Ариарат послов с целью узнать, чем он может загладить свою вину, что обязан дать для этого или что сделать. Все посольства от городов проконсул отпускал после приветливого и радушного приема, а галатам отвечал, что заключит мирный договор с ними по прибытии царя Эвмена; послам Ариарата он обещал мир, если они заплатят шестьсот талантов[88]. С послом Антиоха Гней условился, что придет с войском к границам Памфилии за получением двух тысяч трехсот талантов и хлеба, который Антиох обязан был выдать его солдатам по уговору с Луцием* до заключения мира. **Поход римлян в Памфилию из Эфеса.** Вслед за сим он совершил очистительную жертву за войско и, когда время года позволило, снялся со стоянки вместе с Аттало́м, на восьмой день прибыл в Апамею[89], где оставался три дня, на четвертый продолжал путь ускоренными переходами. Через три дня после этого Гней прибыл на место, условленное с послами Антиоха, и там расположился станом. Сюда явился к нему Мусей с товарищами и просил подождать, пока прибудут запоздавшие телеги и вьючные животные с хлебом и деньгами, что вынуждало Гнея оставаться на месте в течение трех дней. Тем временем телеги с хлебом подошли; Гней разделил хлеб между войсками, а деньги передал трибуну для доставления в Апамею. **44.** Будучи осведомлен о том, что начальник гарнизона в Перге, поставленный Антиохом, не желает ни гарнизона выводить, ни сам удалиться из города, поспешил с вой-

---

* Луций Корнелий Сципион.

ском к этому городу. При его приближении вышел из города начальник гарнизона и настоятельно просил не осуждать его не выслушав, так как он только исполняет одну из своих обязанностей: город вверен ему Антиохом и он стережет его, пока доверитель снова не укажет, что делать ему дальше; между тем до сих пор он решительно ни от кого не получал никаких указаний. Вот почему начальник гарнизона просил у Гнея тридцать дней отсрочки для того, чтоб иметь возможность послать к царю за указаниями, как поступить. Во внимание к тому, что Антиох верно соблюл все прочие обещания, Гней уважил просьбу начальника о дозволении послать к царю за распоряжением. Через несколько дней приказ был получен, и начальник сдал город римлянам.

Римские легаты в Азии. Между тем десять легатов и царь Эвмен уже в начале лета высадились в Эфесе и, отдохнув два дня после дороги, поднялись к Апамее. По получении об этом известия Гней отрядил брата своего Луция с четырьмя тысячами войска против ороандян[90], которые проявляли нерасположение уплатить деньги, оставшиеся еще за ними согласно договору; сам он с войском снялся со стоянки и поспешил на соединение с Эвменом. По прибытии в Апамею, где были уже царь и десять легатов, Гней совещался с ними о положении дел. Решение было прежде всего утвердить мирный договор с Антиохом. **45. Условия договора римлян с Антиохом.** В дальнейших разъяснениях договор не нуждается; ибо значение его ясно само собою. Что касается отдельных статей договора, то они были следующие: «Между Антиохом и римлянами дружба останется на вечные времена, если он будет блюсти договор. Царь Антиох и подвластные ему правители обязуются не пропускать через свои земли неприятеля, идущего на римлян или на союзников их, ни доставлять ему какое бы то ни было продовольствие. То же самое обязаны наблюдать римляне и союзники их по отношению к Антиоху и подвластным ему правителям. Антиох обязуется не ходить войною на островитян, ни на жителей Европы. Обязуется очистить города и земли, селения и крепости по сю сторону горы Тавра до реки Галиса и от долины Тавра до хребта, поворачивающего в Ликаонию, и не забирать из них ничего, кроме вооружения, которое воины имеют на себе; будет же что-нибудь унесено уже, обязуется доставить обратно в те же города. Антиох обязуется не при-

нимать ни воинов, ни иных людей из земель царя Эвмена. Если в войне Антиоха есть кто-либо из жителей тех городов, какие завоеваны римлянами, то он обязан доставить их в Апамею, и обратно: кто из царства Антиоха находится у римлян или их союзников, тому предоставить на выбор или оставаться на месте, если ему угодно, или удалиться. Рабы римлян и союзников их должны быть возвращены Антиохом и подвластными ему правителями, равно как военнопленные и перебежчики и иные люди, где бы кто ни был захвачен в плен. Антиох обязуется также выдать, если для него возможно, карфагенянина Ганнибала, сына Гамилькара, акарнана Мнасилоха, этолийца Фоанта, халкидян Эвбулида и Филона, равно как и всех этолян, занимающих союзные должности; обязан выдать всех слонов и не содержать их впредь, выдать длинные корабли вместе со снастями и вооружением и впредь не иметь больше десяти палубных судов; обязуется не иметь ни единого большого судна, как тридцативесельное, для войны наступательной; суда не должны выплывать дальше мысов Каликадна[91] и Сарпедонского, разве судно будет везти дань, послов или заложников. Антиоху возбраняется набирать наемников в подчиненной римлянам земле и принимать у себя беглых. Все дома[92] родосцев или союзников, какие были в подвластной Антиоху земле, должны принадлежать родосцам, как было и до начала войны. Если был какой-нибудь долг родосцам, то они вправе его взыскивать, а если что-нибудь было отнято у них, то отнятое, буде обнаружится, должно быть возвращено. Имущество родосцев должно быть свободно от пошлин так же, как было и до войны. Если бы Антиох отдал другим те города, которые обязан возвратить римлянам, то и из них он обязуется вывести гарнизоны и своих людей, и если бы кто пожелал впоследствии бежать к нему, он обязуется не принимать. Обязан уплатить римлянам чистейшего аттического серебра двенадцать тысяч талантов[93] в течение двенадцати лет по тысяче талантов ежегодно, — причем талант должен весить не меньше восьмидесяти римских фунтов, — и хлебом девяносто тысяч медимнов. Царю Эвмену Антиох обязан уплатить триста пятьдесят талантов в течение ближайших пяти лет по семидесяти талантов ежегодно, и в возмещение за хлеб, согласно оценке самого Антиоха, сто двадцать семь талантов и тысячу двести восемь драхм, получением каковой суммы Эвмен будет счи-

тать себя удовлетворенным. Заложников Антиох обязуется поставить двадцать человек, меняя их через каждые три года на четвертый, не моложе восемнадцати лет и не старше сорока пяти. Если в каком году окажется недочет при уплате денег, то его надлежит пополнить в следующем. Если какой город или народ из числа тех, с коими по договору возбраняется воевать Антиоху, начнет войну первый, то Антиоху воевать дозволяется, однако ни один из народов или городов не может поступить во власть Антиоха, не может быть принят им в дружбу. Ссоры между договаривающимися сторонами должны быть разрешаемы судом. Если обе стороны по обоюдному решению пожелают прибавить что-либо к условиям договора или изъять из них, да будет им дозволено».

46. Принятие договора Антиохом. Немедленно по утверждении договора на этих условиях римский военачальник отрядил в Сирию Квинта Минуция Ферма и брата своего Луция, незадолго до того доставивших деньги от ороандян, с поручением принять клятву от царя и достигнуть утверждения договора во всех подробностях. В то же время он отправил начальнику флота Квинту Фабию* письменный приказ идти снова к Патарам[94], принять в свою власть тамошние корабли и сжечь их (*О посольствах*).

47. ...Проконсул Маллий** получил от Ариарата триста талантов[95] и принял его в дружественный союз с римлянами (*Свида*).

48. Устроение отношений в Азии и на островах после войны с Антиохом. ...В Апамее десять легатов и Гней, военачальник римский, выслушали всех послов, каких нашли здесь, и тем из них, которые спорили между собою из-за земли, денег или иного чего-нибудь, указали с согласия спорящих города, где они могли бы решить свои разногласия судом. Общие меры, ими принятые, состояли в следующем: все города из числа независимых, которые до войны платили дань Антиоху, а во время войны оставались верными римлянам, освобождались от дани; все же, платившие дань Атталу, должны были ту же самую дань уплачивать Эвмену. Если тот или иной город нарушил дружбу с римлянами и в войне был на стороне Анти-

---

* Квинт Фабий Лабеон.
** Гней Манлий Вульсон.

ска, то римляне повелевали таким городам уплачивать Эвмену дань, каковая взималась с них Антиохом. Свободными от дани они объявляли колофонян, обитающих в Нотии[96], кумейцев и миласян, а клазоменцам отдали в дар остров, именуемый Дримуссою[97], милетянам отдали обратно во владение священное поле, из которого те раньше вытеснены были неприятелем. <...> Помимо всех прочих отличий, оказанных хиосцам, смирнейцам и эрифрянам, римляне предоставили им те земли, какими каждый из этих народов в данное время желал владеть и на которые они предъявляли свои права, во внимание к их преданности и усердию, доказанным во время последней войны. У фокеян римляне восстановили исконное устройство и возвратили им ту область, которою они и раньше владели. Вслед за сим они занялись устроением родосцев, причем отдали им Ликию и Карию вплоть до реки Меандра, за исключением Телмиса[98]. Что касается царя Эвмена и его братьев, то римляне оказали ему подобающее внимание в договоре с Антиохом, а теперь передали ему в Европе Херсонес, Лисимахию, прилегающие к ним укрепления и ту область, которою владел Антиох в Азии, Фригию, что при Геллеспонте, великую Фригию, Мисию, которая раньше была отнята Прусием, Ликаонию, Милиаду, Лидию, Траллы, Эфес, Телмис; эти местности отдали они в дар Эвмену. Решить дело о Памфилии, которую Эвмен помещал по сю сторону Тавра, а послы Антиоха по ту сторону, легаты затруднились и перенесли его в сенат. Покончив если не со всеми делами, то по крайности с очень многими, притом важнейшими, легаты и военачальник снялись со стоянки и направились дальше к Геллеспонту[99], желая по пути установить прочные отношения свои к галатам (*О посольствах*)[100].

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Содержание известий историка о посольствах в Рим от Филиппа и от пограничных с Македонией народов, о распре между Филиппом и фессалийцами с перребами, о распре между Филиппом и Эвменом, о решении по этим делам Квинта Цецилия Метелла, о кровопролитии в Маронее, совершенном по вине Филиппа, о прибытии легатов из Рима к Филиппу, о прибытии в Пелопоннес послов от Птолемея Эпифана, Эвмена, Селевка, о предательских действиях в Риме спартанцев Арея и Алкивиада, о появлении римских легатов на союзном собрании ахеян (1–2). Посольства в Рим от Спарты с жалобами на Филопемена за избиение лакедемонян и посольство римлян к ахеянам; посольство от Птолемея к ахеянам для возобновления союза; посольство ахеян к Птолемею (3). Умиротворение Беотии внутри; отказ беотян возвратить изгнанников вопреки требованию римского сената; вмешательство ахеян и мегарян в это дело (4). Распря между ликиянами и родосцами; родосцы добивались от сената получения Ликии в дар; ликияне ни за что не хотели отдаваться родосцам (5). Жестокости Птолемея в обращении с непокорными правителями Египта (6–7). Причиною войны Персея против римлян было враждебное к Риму настроение отца его Филиппа; Персей только осуществил замыслы отца (8). Послы в Риме от Эвмена, от маронитов, афаманов, перребов, фессалийцев с жалобами; послы от Филиппа; решение римского сената; смуты среди ахеян (9). Возвращение ахейских послов из Египта в стратегию

Аристена и из Рима; на собрание ахеян в Мегалополе явились также послы от Эвмена и от Селевка с предложениями даров; речь Аполлонида против принятия подарка от Эвмена; отклонение подарка собранием (10–11). Союз с Птолемеем не был возобновлен по вине Ликорта и его товарищей, ходивших в Египет; возобновление союза с Селевком (12). Квинт Цецилий Метелл на собрании ахейских властей в Аргосе по делам Лакедемо́на; отказ ахейских властей созвать союзное собрание (13). Различие во взглядах между Филопеменом и Архоном (14). Цецилий в сенате с известиями о положении дел в Элладе; там же послы от Филиппа и Эвмена, изгнанники из Эна и Маронеи; посольства от ахеян и от Лакедемона (15). Пререкания между ахейскими послами и Цецилием в сенате; решение сената (16). Раздраженный требованиями римлян, Филипп учинил кровопролитие в Маронее; напрасная попытка его оправдаться перед Аппием Клавдием (17). Новое злодеяние Филиппа; решение его послать Деметрия в Рим (18). Прибытие Аппия Клавдия на Крит и умиротворение Кносса и Гортины (19). Аполлониада в Кизике была чествована на празднике царственными сыновьями, Аттало́м и Эвме́ном (20). Галат Ортиагонт (21). Евнух Птолемея Аристоник (22).

1. *В сто сорок восьмую олимпиаду являлись к римлянам посольства от Филиппа и от народов с Македонией пограничных. Постановления сената относительно послов.*

В Элладе распря между Филиппом и фессалийцами, с одной стороны, и перребами — с другой из-за городов Фессалии[1] *и Перребии, которыми владел Филипп со времен Антиоха. Происходившее по этому делу судбище в Темпах в присутствии Квинта Цецилия. Решение Цецилия.*

Другая распря из-за городов Фракийского побережья между Филиппом и послами царя Эвмена, с одной стороны, и изгнанниками из Маронеи — с другой; речи об этом в Фессалонике[2]*; решение Цецилия и товарищей.*

Учиненная царем Филиппом резня в Маронее. Прибытие легатов из Рима и предъявленные через них требования. Причины войны между римлянами и Персеем.

В Пелопоннесе прибытие послов от царя Птолемея, от Эвмена и Селевка. Постановления ахеян о заключении союза с Птолемеем и о дарах, которые были им предложены поименованными царями. Прибытие Квинта Цецилия и осуждение мер, принятых ахеянами против Лакедемона.

О том, как Арей и Алкивиад, принадлежавшие к числу давних изгнанников, изгнанные из Лакедемона, явились послами в Рим с обвинениями против Филопемена и ахеян.

2. *В сто сорок восьмую олимпиаду произошло прибытие римских легатов в Клитор и на союзное собрание ахеян. Произнесенные обеими сторонами речи о положении дел в Лакедемоне и постановление ахеян. Об этом в главных чертах (О посольствах).*

3. Посольство лакедемонян и ахеян в Риме. ...После избиения, совершенного в Компасии[3], несколько лакедемонян прибыли в Рим с жалобами на действия[4] ахеян против Лакедемона и на Филопемена: они негодовали по поводу последних событий и вместе с тем называли образ действий Филопемена оскорбительным для власти и достоинства римлян. Послы добились того, что Марк Лепид[5], консул того года, впоследствии первосвященник, отправил ахеянам письмо, в котором указывал на неправильность их действий относительно Лакедемона. Вслед за этими лакедемонянами Филопемен отправил в Рим посольство с элейцем Никодимом во главе.

Посольство Птолемея в Ахае. В это время прибыл посол от Птолемея*, афинянин Деметрий, для возобновления существовавшего раньше союза царя с народом ахеян. Ахеяне согласились с радостью на возобновление союза, причем выбрали послами к Птолемею отца нашего Ликорта и сикионян Феодорида и Росителa, для принесения клятвы царю от имени ахеян и принятия таковой от царя. К тому же времени относится случай, правда, побочный, но стоящий упоминания, именно: когда союз был возобновлен, Филопемен от имени ахеян пригласил посла к себе. За столом, когда речь зашла о царе, посол распространялся в похвалах Птолемею, причем сообщил несколько примеров его ловкости и отваги на охоте, а также его умения и искусства обращаться с лошадьми и оружием. В подтверждение своих слов он под ко-

---

* Птолемей V Эпифан.

нец рассказал, как царь с лошади умертвил быка месанкиломом[6] (*там же*).

4. Пререкания между римлянами и беотянами. ...В Беотии по заключении мира между Антиохом и римлянами, когда все надежды на переворот рушились, управление в городах получило новый вид. Так, в последние лет двадцать пять суды у беотян бездействовали, и теперь по городам раздавались голоса, что тяжбы между гражданами необходимо разрешить и покончить. Возникли по этому поводу длинные пререкания, ибо людей беспокойных и злонамеренных было больше, нежели благонамеренных; однако судьба послала поддержку наиболее благомыслящим гражданам, именно: давно уже Тит* прилагал в Риме старания к возвращению Зевксиппа в Беотию, так как в войнах с Антиохом и Филиппом имел в нем не раз деятельного пособника. Теперь Тит добился того, что сенат потребовал письменно от беотян возвратить на родину Зевксиппа и изгнанных с ним вместе беотян. По получении этого требования беотяне испугались, что последствием возвращения изгнанников может быть разрыв с македонянами, и потому решили огласить приговор против Зевксиппа и товарищей, которые раньше постановили <...> и, таким образом, по одному делу обвинили их в святотатстве за то, что они сорвали с Зевсова стола серебряную накладку, по другому осудили их на смерть за убийство Брахилла. Раз мера эта была принята, беотяне оставили требование сената без исполнения; вместо того они отправили в Рим посольство с Калликратом во главе объявить, что они бессильны отменить законные постановления. В это время и сам Зевксипп обратился к сенату. Тогда о поведении беотян римляне уведомили письмом этолян и ахеян и предлагали им возвратить Зевксиппа на родину. Что касается ахеян, то они уклонились от вооруженного нападения на беотян и только через послов, для этой цели выбранных, советовали беотянам покориться требованиям римлян и восстановить правосудие относительно ахеян, что они сделали уже в отношениях домашних, ибо многие пререкания с ахеянами оставались тоже долгое время без решения в ответ на эти речи беотяне, при союзном военачальнике Гиппии обещали исполнить требования ахеян, а немного спустя решитель-

---

* Тит Квинкций Фламинин.

но отвергли их. Вот почему, когда Гиппий сложил с себя власть и на должность вступил Алкет, Филопемен дозволил всякому желающему идти за добычей на беотян, что послужило началом упорной вражды между двумя народами. Дело в том, что вскоре после этого уведена была часть стад Миррихa и Симона; последовавшая из-за этого схватка начинала собою и открывала военные действия между неприятелями, а не распрю мирного свойства. Если бы еще в это время и римский сенат настаивал на возвращении Зевксиппа и его товарищей, то война вспыхнула бы непременно. Однако на сей раз сенат молчал, а мегаряне приостановили насильственные действия своим вмешательством в распрю двух народов[7] (*О посольствах*).

5. Распри между Ликией и Родосом. ...Вот приблизительно причины распри между ликийцами и родосцами: в то время, как десять римских легатов заняты были устроением дел в Азии, от родосцев явились послы Теэтет и Филофрон с просьбою предоставить им земли Ликии и Карии в благодарность за их верность и усердие, оказанные в войну с Антиохом. Напротив, явившиеся от илиян послы, Гиппарх и Сатир, просили легатов именем родства ликийцев с илиянами простить ликийцам их прегрешения. Десять легатов выслушали посольства и старались по мере возможности удовлетворить обе стороны. Так, в угоду илиянам они воздержались от беспощадного приговора ликиянам, а в то же время, желая угодить и родосцам, предоставили им в дар землю ликийцев. Этим решением вызваны были жестокие раздоры и вражда между ликиицами и родосцами, илияне переходили из города в город ликиян и возвещали им, что смирили гнев римлян и добыли им свободу. Напротив, Теэтет и товарищ его принесли на родину известие, что Ликия и Кария до Меандра отданы римлянами в дар родосцам. Вследствие этого ликийцы отправили посольство на Родос для переговоров о союзе, а родосцы выбрали нескольких граждан и послали их в Ликию и Карию с поручением установить в тамошних городах должный порядок. До такой степени разнились намерения обоих народов, что первое время не все понимали кроющееся в их действиях противоречие. Только когда ликийцы выступили в народном собрании родосцев с речью о союзе, а затем поднялся с места притан родосцев Пофион и выяснил взаимные отношения народов и жестоко напал на ликиян

<...> они объявили, что охотнее перенесут все, только не покорность родосцам (*О посольствах*).

6[8]. Суждения автора о Птолемее по сравнению с Филиппом. ...Все удивляются великодушию Филиппа, который не только подвергался злословию со стороны афинян, но и терпел ущерб через них; тем не менее после Херонейской победы он не обнаружил ни малейшей охоты воспользоваться обстоятельствами ко вреду неприятеля; напротив, позаботился о погребении афинян, павших в битве, а военнопленных отпустил к присным их без выкупа и еще наделил одеждой. Но не этому образу действий подражают люди; они стараются превосходить друг друга в ярости и мстительности в отношении к народам, с коими воюют, ради этого начинают самые войны. Итак, Птолемей велел приковать людей к телегам нагими, волочить их и потом после истязаний перебить (*Сокращение ватиканское*).

7. Вероломство и жестокость Птолемея. ...Когда царь Египта Птолемей осадил Ликополь[9], египетские владыки были так напуганы этим оборотом дела, что отдали себя во власть царя. Птолемей поступил с ними жестоко и тем навлек на себя большую беду[10]. Нечто подобное случилось в то время, когда Поликрат усмирил мятежников, именно: Афинис, Павсира, Хесуф и Иробаст, которые только и уцелели из числа владык Египта, явились в Сайд и отдались царю. Но Птолемей нарушил слово, велел приковать этих людей нагими к телегам и потом после истязаний перебить. Вслед за сим Птолемей прибыл с войском в Навкратис[11], где Аристоник передал ему набранных в Элладе наемников; царь присоединил их к своему войску и отплыл в Александрию. Хотя Птолемей имел двадцать пять лет от роду, но он по вине коварного Поликрата не участвовал ни в одном сражении (*О добродетелях и пороках*).

8. Суждения автора о начале Третьей македонской войны. ...В царском доме македонян уже с этого времени[12] заложено было начало тяжких бед. Мне хорошо известно, что некоторые историки войны римлян с Персеем с целью выяснить нам причины распри указывают прежде всего на изгнание Абруполиса из его собственных владений, будто бы за то, что после смерти Филиппа он сделал набег на нангейские рудники; Персей поспешил на защиту своих владений, обратил в бегство Абруполиса[13] и выгнал его совсем из царства. Вслед за

сим историки указывают на вторжение Персея в Долопию[14] и его появление в Дельфах, потом на покушение против царя Эвмена[15] в Дельфах и на избиение беотийских послов: все это, по словам некоторых, и вызвало войну Персея с римлянами. По моему убеждению, как для историков, так и для любознательных читателей важнее всего понять причины, по которым отдельные события зарождаются и совершаются; между тем у большинства историков понятия об этом сбивчивые, ибо они не понимают, чем разнится повод от причины, а также начало войны от повода. Самим ходом событий я вынужден повторить здесь сказанное раньше. Из событий, только что нами поименованных, два первые — поводы, тогда как последние, именно покушение на жизнь царя Эвмена, избиение послов и другие подобные из того же времени, составили несомненно начало войны между римлянами и Персеем и разложения македонского царства; но решительно ни одно из этих событий не было причиною, как ясно будет из нижеследующего. Мы сказали, что Филипп, сын Аминта, задумал войну против персов и готовился к ней, а Александр только привел в исполнение намерение отца; подобно этому теперь мы утверждаем, что Филипп, сын Деметрия, уже раньше возымел мысль начать последнюю войну против римлян, что для осуществления предприятия закончены были им все приготовления, и только после смерти Филиппа исполнителем явился Персей. Если последнее верно, то верно и первое наше суждение, что причины войны невозможно помещать во время и после смерти царя, затеявшего войну и приготовившегося к ней. В этой ошибке повинны все историки последней войны, так как весь рассказ их падает на время, следовавшее за смертью Филиппа (*Сокращение ватиканское*).

9. Жалобы Эвмена и фракийцев на Филиппа в Риме. ...В это самое время прибыли в Рим послы от царя Эвмена с извещением, что Филипп завладел городами Фракийского побережья; явились также маронейские изгнанники[16] с жалобами на Филиппа как на виновника их изгнания; вместе с ними были афаманы, перребы, фессалийцы с требованием возвратить им те города, которые во время войны с Антиохом отнял у них Филипп. Прибыли послы и от Филиппа с целью защитить его от всех этих обвинителей. Много говорили поименованные выше посольства против послов Филиппа; наконец

сенат постановил выбрать тотчас легатов, которые исследовали бы поведение Филиппа и обеспечили неприкосновенность всякому, кто пожелает выступить открыто с обвинениями против царя. Выбраны были Квинт Цецилий, Марк Бебий и Тиберий Клавдий*[17] (*О посольствах*).

...В среде эниян давно уже происходили смуты, а незадолго до этого одни из них примкнули к Эвмену, другие к Македонии (*там же*).

10. Послы Эвмена, Селевка, Птолемея и других в союзном собрании ахеян. ...Что касается Пелопоннеса, то мы рассказали, каким образом ахейский народ еще в бытность Филопемена стратегом отправил послов в Рим для переговоров о городе лакедемонян, а к царю Птолемею для возобновления существовавшего раньше союза с ним. В описываемое время, когда союзным военачальником был Аристен, прибыли послы от царя Птолемея, как раз во время союзного собрания ахеян в Мегалополе. Впрочем, прислал своих послов и царь Эвмен с обещанием выдать ахеянам сто двадцать талантов, под условием, что они положат эти деньги в рост и из получаемых процентов будут платить жалованье участникам[18] совещаний на союзных собраниях. Прибыли послы и от царя Селевка с целью возобновить дружественные отношения и предложить ахеянам в дар эскадру из десяти длинных судов. Когда в собрании занялись решением дел, первым выступил элеец Никодим с товарищами. Они сообщили ахеянам те речи, которые были произнесены в сенате о городе лакедемонян, прочитали полученные ответы, из коих следовало, что сенаторы не одобряют ни разрушения стен, ни избиения лакедемонян в Компасии, хотя описанного мероприятия их и не считают недействительным. Доклад Никодима прошел, не вызвав никаких возражений, ни одобрительных замечаний. Вслед за сим вошли в собрание послы от Эвмена; они возобновили союз отца царя** с ахеянами, объявили собранию предложение Эвмена относительно денег и долго еще говорили по поводу этого о чрезвычайном благоволении царя и об его участии к ахейскому союзу. **11.** Когда они кончили, поднялся сикионец Аполлонид и сказал, что дар Эвмена отвечает достоинству ахеян,

---

* Квинт Цецилий Метелл, Марк Бебий Тамфил.
** Аттал I.

если судить о нем по размерам предлагаемой суммы; но он является позорнейшим и бесчестнейшим из даров, если принять во внимание намерение дародателя и употребление, на какое дар назначается. «Законы наши возбраняют кому бы то ни было из граждан, будет ли это частное лицо, или должностное, принимать дары от царя под каким бы то ни было видом; поэтому принять деньги и дать подкупить себя открыто всему гражданству было бы деянием не только противозаконнейшим, но, несомненно, и постыднейшим. В самом деле, и позорно, и гибельно было бы ежегодно принимать собранию ахеян угощение от Эвмена и затем, как бы испив отравы, совещаться о союзных делах. Теперь дает деньги Эвмен, потом предложит Прусий, засим Селевк, а так как царства и народные правления противоположны по самой природе, и так как большинство важнейших совещаний всегда касается наших распрей с царями, то неизбежно и несомненно получается одно из двух: или выгоды царей будут поставлены впереди нашего собственного блага, или в противном случае мы в мнении всех окажемся неблагодарными, врагами наших собственных мздовоздаятелей». Поэтому Аполлонид убеждал ахеян не только отказаться от денег, но и выразить негодование Эвмену за самую мысль о таком предложении.

За Аполлонидом поднялся эгинец Кассандр; он напомнил ахеянам, какую беду претерпели эгиняне за присоединение к ахейскому союзу[19], когда Публий Сульпиций подошел к ним с флотом и несчастных эгинцев всех продал в рабство. Мы говорили уже о том, каким образом этоляне согласно договору с римлянами завладели эгинским городом и уступили его за тридцать талантов Атталу*. Изобразив перед ахеянами это бедствие, Кассандр просил Эвмена снискать себе благоволение ахеян не денежным подарком, но возвращением города эгинцам: этим он приобретет наверное всеобщую любовь ахеян. Кассандр убеждал не принимать даров от Эвмена и тем не отнимать у эгинцев надежды на освобождение хотя бы в будущем. Народ был так тронут этими речами, что никто не посмел замолвить слово в пользу царя, и предлагаемый дар был с криком единогласно отвергнут, хотя и получение столь большой суммы было весьма соблазнительно.

---

* Рассказ об этом утрачен

12. Засим приступили к обсуждению дела Птолемея. Когда введены были в собрание послы, которых ахеяне отправляли к Птолемею, выступил вперед Ликорт в сопровождении египетских послов и прежде всего дал отчет в том, каким образом были даны ими и получены клятвенные заверения относительно союза, и к этому добавили, что в дар ахейскому народу они привезли с собою медных вооружений для шести тысяч пелтастов и двести талантов[20] меди. Ликорт с похвалою говорил о царе и конец своей речи посвятил дружбе царя и его преданности ахейскому союзу. После того поднялся с места стратег ахеян Аристен и к послу от Птолемея, равно и к послам от ахеян, отправленных в Египет для возобновления союза, обратился с вопросом, о возобновлении которого из союзов идет речь. Никто не ответил на вопрос; напротив, все торопливо расспрашивали друг друга, и собрание было чрезвычайным. Трудность положения состояла в следующем: у ахеян с царством Птолемея существовало несколько союзов, которые сильно разнились между собою, в зависимости от времени и от того, при каких обстоятельствах был заключен тот или другой союз. Между тем ни посол Птолемея, ни отправленные ахеянами послы не входили в рассмотрение того, который из союзов должен быть возобновлен, довольствуясь общими разговорами о предмете и обменявшись клятвами, как будто существовал один только союз. Когда поэтому стратег поименовал перед собранием все союзы, изложил подробно условия каждого из них и выяснил большие отмены между ними, народ пожелал знать, какой же из союзов возобновлен. Так как не могли отвечать на этот вопрос ни Филопемен, в бытность которого союзным военачальником совершено возобновление союза, ни Ликорт и его товарищи, ходившие в Александрию, то всех их признали за людей, в союзном деле поступивших необдуманно, а Аристена все превозносили, как человека, который один знает, что говорит; по его настоянию предложение не было принято собранием, и дело вследствие упомянутого выше недосмотра было отложено. Когда затем вошли в собрание послы от Селевка, ахеяне постановили возобновить дружественный союз с Селевком, но предложение его подарить суда в данное время отклонить. Покончив с этими делами, ахеяне разошлись по своим городам.

13. Квинт Цецилий в Аргосе перед союзными властями ахеян. Некоторое время спустя, в середине празднества[21]

прибыл из Македонии Квинт Цецилий[22] на обратном пути от Филиппа, куда ходил легатом. Когда стратег Аристен созвал союзные власти в Аргос, Квинт явился в собрание с укоризненною речью о том, что ахеяне поступили с лакедемонянами не в меру сурово и жестоко, и настойчиво увещевал их исправить допущенную раньше ошибку. Аристен ничего не возражал, самым молчанием давая понять, что не одобряет принятых ахеянами мер и соглашается с мнением Цецилия. Тогда мегалополец Диофан, больше бравый воин, нежели государственный человек, поднялся с места и, увлекаемый враждою к Филопемену, не сказал ничего в оправдание ахеян, напротив, дал еще Цецилию случай заявить другую жалобу на ахеян, именно: по словам Диофана, ошибки допущены в устроении дел не одного Лакедемона, но и Мессены. В это время в среде мессенян[23] существовали разногласия относительно предписания Тита об изгнанниках и толкования того предписания, предложенного Филопеменом. Когда, таким образом, оказалось, что у него имеются единомышленники в рядах самих ахеян, Цецилий еще больше рассердился на то, что присутствующие должностные лица медлят принять его мнение. По когда Филопемен и Ликорт, затем и Архон подробно и всесторонне доказали, что дела Спарты устроены не только правильно, но и с наибольшей выгодой для самих лакедемонян и что невозможно изменить что-либо в существующих отношениях, не нарушая божеских и человеческих законов, собрание постановило сохранить в силе существующий порядок, и в этом смысле отвечать легату. Узнав о таком решении властей, Цецилий потребовал созвания народного собрания. Но власти ахеян предложили ему показать полномочия, которые по настоящему делу даны ему от сената, а когда Цецилий ничего на это не сказал, они отказались созвать ради него народное собрание, ибо, — говорили они, — законы не дозволяют созывать народное собрание, если желающий не предъявит письменного полномочия от сената с наименованием дел, ради которых собрание должно быть созвано. Решительный отказ исполнить его требование сильно раздражил Цецилия, так что он не захотел дожидаться ответа союзных властей и удалился без него. Что касается ахеян, то они Аристена и Диофана считали виновниками прежнего посещения их Марком Фульвием[24] и нынешнего Цецилием, которых они будто призвали на

помощь себе против ненавистного им Филопемена. На этих людей падало подозрение народа. Вот каково было положение Пелопоннеса в это время (*О посольствах*).

14[25]. Филопемен и Архон. ...В одном из разговоров Филопемен разошелся в мнении с Архоном, тогдашним стратегом. Правда, Филопемен потом думал иначе, согласно с Архоном, и рассыпался в похвалах ему за то, что тот сумел ловко и хитро воспользоваться обстоятельствами. И тогда, когда слышал разговор их, я не сочувствовал Филопемену, в похвалах которого содержалось порицание, не одобрял его и после, когда сделался старше годами. По-моему, большая разница в поведении ловкого человека и коварного, как различаются коварство и ловкость: тогда как одно из этих свойств представляет, можно сказать, величайшее достоинство, другое есть порок. Ныне замечается повсюду смешение понятий, и потому поименованные выше качества, как ни мало общего между ними, одинаково пользуются у людей уважением и поощряются (*Сокращение ватиканское*).

15. Послы Филиппа, Спарты, ахеян в римском сенате. ...После того как Цецилий и товарищи его возвратились из Эллады и доложили сенату о делах в Македонии и Пелопоннесе, в сенат введены были явившиеся из этих стран послы. Первыми вошли послы от Филиппа и Эвмена, за ними изгнанники из Эна и Маронеи, и так как эти последние заявляли здесь те же жалобы, с какими мароните обращались в Фессалонике к Цецилию, то сенат постановил отправить вторично новых послов к Филиппу, которые прежде всего должны были узнать, очистил ли он города Перребии согласно требованию Цецилия, далее настоять на том, чтобы Филипп удалил свои гарнизоны из Эна и Маронеи и вообще очистил бы береговые укрепления Фракии, тамошние поселения и города. За этими послами приглашены были те, что явились от Пелопоннеса. Дело в том, что ахеяне поручили выбранному в послы сикионцу Аполлониду с товарищами объяснить, почему Цецилий не получил ответа, а также доставить сенату сведения о положении дел в Лакедемоне. Из Спарты прибыли в Рим послами Арей и Алкивиад[26]; они принадлежали к числу старых изгнанников, и незадолго перед тем возвращены были на родину Филопеменом и ахеянами. Ахеян больше всего раздражало то обстоятельство, что изгнанники, столь еще недавно облагодетель-

ствованные, явили себя неблагодарными и против народа, ко торый вопреки их собственному ожиданию спас их и возвр тил на родину, выступили послами и обвинителями. **16.** Об посольства одно перед другим[27] защищали свое дело перед се натом, причем сикионец Аполлонид доказывал, что немысли мо было бы лучше устроить дела Спарты, как они устроены теперь ахеянами и Филопеменом; Арей и Алкивиад старались доказать противное. Так, они прежде всего утверждали, что насильственным удалением войска из Спарты подорвано могущество города, и лакедемонянам оставлено государство бессильное и несвободное; бессильное, потому что число спартанцев ничтожно, и к тому же стены городские разрушены; несвободное, потому что они не только повинуются союзным решениям ахеян, но и в частной жизни обязаны подчиняться предержащим властям союза. В ответ на жалобы сенат определил и это дело поручить тем же легатам и выбрал посольство для Эллады с Аппием Клавдием во главе.

Точно так же послы от ахеян защищали в сенате перед Цецилием действия союзных властей, утверждая, что никакой обиды ему учинено не было и что они не заслуживают укоризны за отказ созвать народное собрание. У ахеян, говорили они, есть закон, дозволяющий созывать народ в собрание только для решения вопросов о союзе или войне или в тех случаях, когда доставлено предписание о том от сената. Посему союзные власти, как и следовало ожидать, решили созвать ахеян в собрание, но существующие законы помешали им исполнить это решение, когда Цецилий не предъявил письма от сената и отказался представить властям письменные полномочия. После этого объяснения Цецилий поднялся с места и стал обвинять Филопемена, всех ахеян и Ликорта в том, что они неправильно поступили с городом лакедемонян. Сенат выслушал его речь и дал ответ ахеянам, что он пошлет уполномоченных для исследования лакедемонского дела; тут же предложил ахеянам оказывать внимание и подобающий прием послам[28], какие будут когда-либо являться от римлян, как поступают римляне с послами от ахеян (*О посольствах*).

17. Избиение маронитов по распоряжению Филиппа. ...Царь Филипп, будучи уведомлен из Рима собственными послами о том, что ему предстоит очистить города Фракийского побережья, пришел в негодование при этом известии, ибо ви-

дел, как владения его урезываются со всех сторон; гнев свой царь излил на несчастных маронитов. Он вызвал к себе правителя Фракийского побережья Ономаста и доверил ему свой замысел[29]. По возвращении во Фракию Ономаст отправил в Маронею Кассандра, хорошо знакомого тамошнему населению, так как большею частью он и жил в Маронее. Дело в том, что Филипп давно уже посылал своих придворных на жительство во фракийские города, благодаря чему туземцы освоились с подобными посещениями. Несколько дней спустя вооруженные для этой цели фракийцы при содействии Кассандра ворвались ночью в город и произвели жестокое кровопролитие, в котором погибли весьма многие мароиты. Расправившись таким образом с врагами и утолив чувство злобы, Филипп поджидал римских послов в твердом убеждении, что теперь никто не решится из страха выступить против него с обвинениями. **Разговор между Аппием, Клавдием и Филиппом об избиении маронитов.** Когда немного спустя явился Аппий с товарищами и вскоре узнал о происшествии в Маронее, когда послы обратились к Филиппу с жестокими укоризнами, царь вздумал было защищаться и отрицать свою прикосновенность к злодеянию; он уверял, что мароиты пострадали от междоусобицы, причем часть их сочувствовала Эвмену, другая ему. Засим он предложил, чтобы в присутствии Аппия всякий желающий прямо в лицо ему предъявлял свои жалобы. Говорил он так в том убеждении, что никто не осмелится из страха выступить с обвинениями против него, ибо всякий прежде подумает, что месть Филиппа настигнет жалобщика тотчас, тогда как помощь римлян будет далеко. Так как Аппий на это заявил, что расспросы излишни, ибо он знает все случившееся достоверно, равно как и виновника его, Филипп смутился. На этом кончилось первое собеседование, и стороны разошлись.

18. На следующий день Аппий потребовал, чтобы Филипп немедленно отправил в Рим Ономаста и Кассандра, дабы сенат расспросил их о происшествии. Царь был сильно озадачен этим требованием и после долгого колебания объявил, что пошлет Кассандра, которого римляне называют виновником кровопролития: пускай сенат узнает от него всю правду. Что касается Ономаста, то и теперь, и на последующих переговорах с послами он выгораживал его под тем предлогом, что Ономаст во время кровопролития не был не только в Маронее, но

даже и поблизости к этим местам. На самом деле Филипп опа сался, что Ономаст по прибытии в Рим может рассказать рим лянам и маронейское происшествие, и все прочие деяния царя, совершенные при его участии. Ономаста ему удалось исключить из посольства, а Кассандра по удалении послов он действительно отправил, но через проводников, которые до шли с ним до Эпира, отравил его. Аппий и его товарищи удос товерились, что избиение маронитов было делом Филиппа и что он враждебно настроен против римлян; с этим убеждением послы и удалились. Оставшись один и потом посоветовавшись с друзьями Анеллою и Филоклом, царь Филипп ясно понял, что разрыв его с римлянами обострился, не составляет больше тайны и его замечают чуть не все; после всего этого Филипп решился мстить римлянам и вредить всеми возможными способами. Но он не был готов для немедленного осуществления всех своих планов, посему измышлял средства, как бы отсрочить решительные действия и выиграть время для военных приготовлений. Ради этого он решил отправить в Рим наимладшего из сыновей, Деметрия, который мог и защитить его от обвинений, и испросить ему прощение в том случае, если за ним оказалась какая вина. Филипп был вполне уверен, что при посредстве Деметрия ему удастся получить от сената все, что нужно, ибо юноша пользовался большим уважением, когда был в Риме заложником[30]. Приняв такое решение, Филипп стал готовить к отъезду Деметрия и друзей своих ему в спутники. В то же время он обещал византийцам вспомогательное войско, не столько о них помышляя, сколько рассчитывая в своих собственных выгодах воспользоваться этим предлогом и навести страх на владык фракийцев, которые живут над Пропонтидою[31] (*О посольствах*)[32].

19. Римские легаты на Крите. ...На Крите в то время, когда космом[33] в Гортине[34] был Кидас, сын Анталкеса, гортинцы всячески старались подорвать могущество кноссян, и с этою целью часть владений их, так называемый Ликастий[35], отрезали для равкиев, а другую, Диатоний, для ликтиян. В это самое время явилось из Рима на Крит посольство с Аппием во главе для того, чтобы уладить существовавшие в среде критян междоусобные распри. Послы вели переговоры по этому предмету с городами кноссян и гортинцев, и критяне, принимая их советы, предоставили свои дела на решение Аппия с това-

рицами. Римляне возвратили кноссянам их землю, кидонийцам определили взять обратно своих заложников, которых раньше они оставили в руках Хармиона, и взамен этого очистить Фаласарну[36], ничего не присваивая себе из городского достояния. Они же предоставили кноссянам свободу пользоваться или не пользоваться союзным правом критян, как они сами того пожелают, под тем, однако, условием, чтобы кноссяне, равно как и жители Фаласарны, повинные в убийстве Меноития и других знатнейших граждан, отказались от притязаний на прочие части Крита (*там же*).

20. Мать царя Эвмена Аполлониада. ...Аполлониада[37], супруга Аттала, отца царя Эвмена, была родом из Кизика; по многим причинам она заслуживает нашего упоминания и похвалы. В самом деле, женщина простого звания, Аполлониада сделалась царицей и сохранила за собою это достоинство до самой кончины не ухищрениями любовницы, но скромностью и обходительностью, серьезным и благородным характером; уже за это она достойна доброй памяти. Кроме того, имея четырех сыновей, Аполлониада до смерти питала к ним несравненную любовь и нежность, хотя мужа своего пережила на много лет. Поэтому Аттал и брат его заслужили общее одобрение, когда при посещении Кизика оказали матери должную признательность и уважение. Вместе с матерью, которую с обеих сторон поддерживали за руки, они в сопровождении свиты обошли храмы и город. Все, кто видел это, любовались на юношей и превозносили их, вспоминали при этом поведение Клеобиса и Битона* и сравнивали с ними Аттала и брата его; если первые проявили больше любви, зато на стороне последних было царское звание. Вот что случилось в Кизике по заключении мира с царем Прусием (*О добродетелях и пороках*).

21. Ортиагонт, царь галатов. ...Галат Ортиагонт, царь азиатских галатов, задумал присвоить себе власть над всеми галатами, чему благоприятствовали следующие черты характера, частью природные, частью приобретенные воспитанием: это был человек услужливый, великодушный, ласковый в обращении, рассудительный и, что особенно важно у галатов, храбрый и к военному делу способный (*там же*).

---

* Геродот. I 31.

22. Евнух Аристоник. Аристоник был евнухом египетского царя Птолемея, но он с раннего детства воспитывался вместе с царем. В более зрелом возрасте он выдавался в несвойственной евнуху мере мужеством и отвагой. Аристоник был рожден для войны и большую часть времени проводил за военными делами; в обращении он был приветлив и обходителен, что в евнухах встречается редко; наконец, он имел от природы сильную наклонность делать людям добро (*там же*).

КНИГА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Многочисленные посольства в Риме из Эллады и от Эвмена с жалобами на Филиппа; там же Деметрий предстательствует за отца; милость сената Филиппу ради Деметрия; она же послужила источником бедствий в царском доме македонян (1–3). Послы от лакедемонян представляли собою четыре партии своих сограждан; избрание сенатом уполномоченных для умиротворения Эллады (4). Динократ, посол от мессенян в Риме, друг Тита, враг Филопемена, обманулся в своих надеждах (5). Гибель послов от лакедемонских изгнанников (6). Возвращение Деметрия в Македонию; недоброжелательство им от Филиппа и брата Персея (7). Военные действия Филиппа против соседних народов (8). Посольства в Риме от Эвмена, Фарнака, ахеян, лакедемонских изгнанников и от Родоса; сообщение Кв. Марция Филиппа о положении дел в Македонии и в Пелопоннесе; поощрение ахейских союзников сенатом к отпадению от союза (9). Возмездие Филиппу за содеянные раньше злодеяния; новые жестокости его (10). Из увещания Филиппа к Деметрию и Персею (11). Достоинства Филопемена (12). Достоинства Ганнибала (13). Достоинства П. Корнелия Сципиона (14). Автор не одобряет беспощадной жестокости по отношению к врагам (15). Расправа Ликорта с мессенянами за возмущение против союза и за умерщвление Филопемена (16). Возвращение Мессены в ахейский союз; отделение от Мессены поселений: Абии Фурии и Фара; притязания римского сената на вмешательство в дела других государств (17). Принятие Спарты обратно в ахейский союз; посольства в Риме от ахеян и от лакедемонян (17–18).

1. Посольство эллинов, Эвмена и Филиппа в Риме. ...В сто сорок девятую олимпиаду сошлись в Риме посольства[1] из Эллады[2] в таком большом числе, в каком, наверное, никогда раньше не собирались. Дело в том, что Филипп вынужден был наконец силою договора представить свои отношения к соседям на суд римлян; к тому же стало известно, что римляне выслушивают жалобы на Филиппа и принимают меры к охране его противников. Вот почему все соседи Македонии имели теперь в Риме своих представителей с жалобами на Филиппа от отдельных лиц, от городов и от союзов. В том числе были послы и от Эвмена с царским братом Афинеем во главе с жалобою на то, что Филипп не очистил городов Фракийского побережья и послал вспомогательное войско Прусия. В Рим прибыл также сын Филиппа Деметрий для защиты отца против этих обвинителей; с ним были Апеллес и Филокл, почитавшиеся в то время ближайшими друзьями царя. Явились послы и от лакедемонян, от каждой партии отдельное посольство. Сенат прежде всего пригласил Афинея, принял доставленный им венок ценностью в пятнадцать тысяч золотых[3], в своем ответе превозносил высокими похвалами Эвмена и братьев его и просил их сохранить нынешние чувства к Риму и на будущее время. Вслед за сим консулы ввели в сенат Деметрия и призвали всех обвинителей Филиппа, причем посольства вводились одно за другим. Так как посольств было много и представление их потребовало трех дней, то сенат был в затруднении, как разрешить эти дела во всех их подробностях. Так, от фессалийцев прибыли послы общие для всей страны и особые от каждого города, точно так же от перребов, афаманов, эпиротов, иллирийцев. Одни из них жаловались на присвоение их земель, другие на похищение рабов, третьи требовали обратно свои стада, четвертые жаловались на несправедливое решение денежных тяжб. Некоторые послы утверждали, что нет возможности добиться правды судом международным[4], ибо Филипп затягивает отправление правосудия; другие жаловались на противозаконность приговоров, ибо судьи подкуплены Филиппом. Словом, обвинения представляли собою пеструю смесь жалоб, разобраться в которых было очень трудно.

2. Сенат был не в силах разрешить все жалобы, а с другой стороны, находил несправедливым обязывать Деметрия давать ответы по каждому из обвинений; ибо к Деметрию сенат был

благорасположен и видел, что юноше совсем не под силу сопи-
ндать с этими нападками многочисленными и разнородны-
ми; к тому же гораздо больше желал он точно осведомиться о
настроении Филиппа, нежели выслушивать Деметрия. Вслед-
ствие этого сам Деметрий был освобожден от произнесения
оправдательных речей; вместо того сенат спросил юношу и
находившихся при нем друзей его, нет ли у них от царя па-
мятной записки по настоящему делу. Когда Деметрий ответил
утвердительно и подал небольшое письмо, сенат предложил
ему сообщить кратко содержащиеся в записке ответы по каж-
дому из обвинений. Филипп объяснял, что требования рим-
ян им исполнены, а если что и не сделано, то виновными в
том он называл своих обвинителей. Большинство объяснений
Филиппа сопровождалось словами: «Хотя в этом деле Цецилий
и другие послы поступили с нами несправедливо», или «Хотя
нам учинена обида». Это настроение проходило через всю за-
писку Филиппа, почему сенат по выслушании послов принял
ответ на все жалобы единую общую меру, именно: оказав Де-
метрию через консула почетный и радушный прием и обра-
тившись к нему с пространным приветствием, сенат объявил,
что во всем здесь сказанном или прочитанном он доверяет
Деметрию, верит, что требования справедливости частью вы-
полнены Филиппом, частью будут выполнены. Однако дабы
Филиппу было ведомо, что милость ему дарована ради Демет-
рия, сенат прибавлял, что надо отправить в Македонию по-
слов для удостоверения в том, все ли сделано согласно с волей
сената, а равно для уведомления царя, что с ним поступлено
милостиво во внимание к Деметрию.

3. Таков был исход этих пререканий. Вслед за сим вошли в
сенат послы от Эвмена с жалобою на Филиппа за то, что он
отправил вспомогательное войско Прусию и до сих пор не уда-
лил гарнизонов из городов Фракийского побережья. Филокл
надумал было оправдывать царя, как человек, который ходил
послом к Прусию и теперь по этому самому делу прислан Фи-
липпом в сенат. Но сенат не дал Филоклу распространяться и
объявил, что, если только послы не найдут Фракийского по-
бережья упорядоченным во всех отношениях согласно опре-
делению сената и если все города побережья не будут переда-
ны во власть Эвмена, то сенат не в силах будет сносить и тер-
петь дальнейшее ослушание в настоящем деле.

Таким образом, прибытие в Рим Деметрия на время ослабило обострившуюся было вражду между Филиппом и римлянами. Тем не менее посольство юноши в Рим умножило беды всего македонского дома[5]. Ибо обращением милостей на Деметрия сенат преисполнил юношу высокомерием, а в то же время сильно оскорблял Персея и Филиппа, которые видели, что не себе, а Деметрию обязаны снисходительностью римлян. К тому же Тит[6] пригласил юношу к себе на тайное совещание, что приводило к тем же последствиям. Юноше Тит внушал мысль, что римляне очень скоро помогут ему в достижении царской власти, а Филиппа и его сторонников раздражал письменным предложением немедленно послать Деметрия обратно в Рим в сопровождении возможно большего числа пригоднейших друзей. Персей немного спустя воспользовался этим обстоятельством* и убедил отца дать согласие на умерщвление[7] Деметрия. В дальнейшей части сочинения мы расскажем об этом подробно**.

4. Послы от лакедемонян в сенате. Засим приглашены были послы от лакедемонян. Их было четыре группы, именно: Лисий с товарищами явился послом от имени старых изгнанников с требованием, чтобы им отдано было все имущество, которым они владели первоначально, до изгнания. Группа Арея и Алкивиада довольствовалась обратным получением доли имущества на один талант с тем, чтобы остальное было роздано достойным гражданам. Посол Серипп ходатайствовал о восстановлении у них того устройства, которое они имели, когда были в союзе ахеян[8]. От имени граждан, осужденных на казнь или изгнанных по определению ахеян, явился Херон с товарищами просить о возвращении их в родной город и о восстановлении в правах гражданства <...> они обращались к ахеянам с подобающими речами. Сенат не имел возможности уладить распрю во всех подробностях, посему выбрал трех граждан, и раньше уже по этим делам ходивших послами в Пелопоннес; то были Тит, Цецилий и Аппий***[9]. Долго еще говорили в их присутствии, пока не было единогласно решено возвратить изгнанников и приговоренных к смерти, а

---

* Разумеется письмо к Филиппу.

** Рассказ об этом не сохранился.

*** Тит Квинкций Фламинин, Квинт Цецилий Метелл, Аппий Клавдий Пульхер.

роду оставаться в союзе с ахеянами. Но по вопросу об имуществах, о том именно, обязательно ли для каждого изгнанника довольствоваться долею своего имущества на один таланит, согласия не последовало. <...> В предупреждение новых пререканий по всем этим предметам участники переговоров записали условия соглашения и все записи скрепили собственными печатями. С целью привлечь к договору и ахеян Тит и прочие уполномоченные вызвали к себе Ксенарха[10] с товарищами. В это время Ксенарх был во главе посольства от ахеян частью для возобновления союза, частью для того, чтобы давать отпор наговорам лакедемонян. Когда ахейским послам задали неожиданный вопрос, одобряют ли они состоявшийся договор, послы почувствовали себя в большом затруднении. Хотя они и не одобряли возвращения изгнанников и приговоренных к смерти, так как мера эта противоречила постановлению ахеян, начертанному на столбе, но в общем они не возражали, ибо по силе договора город лакедемонян должен оставаться в союзе ахеян. Наконец послы среди колебаний и под страхом римлян приложили и свою печать к записи. Сенат выбрал легатом Квинта Марция и отправил его для устроения Македонии и Пелопоннеса (*О посольствах*).

5. Динократ мессенец в Риме. ...Мессенец Динократ[11], когда в звании посла явился в Рим, был очень обрадован тем, что сенат назначил Тита[12] послом к Прусию и Селевку. За время войны с лакедемонянами[13] они сблизились между собою, и Динократ был того убеждения, что по прибытии в Элладу Тит по дружбе к нему и из вражды к Филопемену устроит дела Мессении совершенно согласно с желаниями самого Динократа. Вот почему, оставляя в стороне все другие средства, Динократ неотступно держался Тита, на него одного возлагая все свои упования (*там же*).

...Не по воспитанию только, но и по природным свойствам мессенец Динократ был изворотлив и хороший воин; зато способности его к государственной деятельности были призрачны и поверхностны, хотя и в этом отношении по внешнему виду он был безукоризнен. В войне Динократ выдавался над всеми товарищами искусством и отвагой, и был знаменитым единоборцем; точно так же в общежитии он был любезен и находчив в речах, вежлив и обходителен в обращении, питал слабость к женщинам, в то же время был решительно не спо-

собен старательно обдумывать общественные или государственные дела и верно предугадывать будущее, надлежащим образом готовиться к действию и говорить перед народом. И теперь, накликая на отечество тяжкие бедствия, он оставался беззаботным, продолжал вести обычный образ жизни и, вовсе не помышляя о будущем, развратничал и бражничал с раннего утра или слушал певцов. Впрочем, Тит заставил его немного одуматься. Было это так: Тит видел, как Динократ на пирушке плясал в длинном платье[14], и промолчал, а на другой день, когда тот при встрече просил о какой-то милости для государства, сказал: «Хорошо, Динократ, я сделаю все, что могу; удивляюсь только, как это ты можешь бражничать и плясать после того, как накликал на эллинов столько забот»[15]. Кажется, на сей раз он был смущен немного и понял, что на посрамление выставляет свои привычки и характер.

Теперь Динократ возвратился в Элладу вместе с Титом в полной уверенности, что судьба Мессении будет быстро устроена так, как он сам того желает*. Между тем Филопемен и его сторонники прекрасно знали, что Тит не получит от сената никаких полномочий по эллинским делам, и потому спокойно дожидались его прибытия. Высадившись в Навпакте, Тит обратился к союзному военачальнику и демиургам[16] ахеян с письменным предложением созвать народное собрание ахеян, а те отвечали ему, что собрание будет созвано, если Тит изложит им письменно, о чем намерен он говорить с ахеянами: так властям повелевают законы. Так как Тит не осмелился написать, то и рушились надежды Динократа и так называемых старых изгнанников, незадолго до того удаленных из Лакедемона[17]; вообще появление Тита в Элладе не оправдало ожиданий (*О добродетелях и пороках, Свида*).

6[18]. Послы из Лакедемона от изгнанников. ...В это самое время отправлены были в Рим послы от лакедемонских изгнанников; в числе их находились Агесилай и Агесиполид, тот самый, который в детском еще возрасте был царем в Спарте. В пути напали на них в открытом море разбойники и убили их; назначенные после них послы прибыли в Рим благополучно (*О посольствах*).

---

* Квинт Марций Филипп.

7. Отношение к Деметрию македонян и Филиппа с Персеем. ...Когда Деметрий возвратился из Рима в Македонию и принес с собою ответ от сената, в котором римляне называли его единственным виновником оказанных македонянам милостей и доверия и сообщали, что поступили теперь и впредь так поступать будут из расположения к нему, македоняне видели в Деметрии избавителя от тяжелых забот и опасностей, ибо раньше ждали с минуты на минуту, что козни Филиппа втянут их в войну с римлянами. Зато Филипп и Персей с досадою взирали на то, что делалось; их обижало, что римляне не оказывают им никакого внимания и все свои милости обращают только на Деметрия. Филипп, однако, скрывал досаду, а Персей не мог выносить того, что римляне благожелательнее обращаются с братом его, нежели с ним; раздражало его и превосходство брата по природным дарованиям и образованию; наконец, он опасался, — это было всего важнее, — как бы по причинам, здесь объясненным, не быть устранену от престола, хотя он был и старше возрастом. Вот почему Персей стал соблазнять друзей Деметрия подкупом[19] (*О посольствах*).

8. Поход Филиппа во Фракию. ...Когда Квинт Марций[20] и прочие послы прибыли в Македонию, Филипп, с неохотою и досадою, совершенно очистил эллинские города Фракийского побережья и вывел из них гарнизоны. Он точно исполнил и все прочие требования римлян, дабы ничем не обнаружить перед ними своей вражды и выждать время, необходимое для военных приготовлений. Для достижения намеченной цели Филипп повел войско на варваров и, перерезав Фракию посередине, вторгся в области одрисов[21], бессов и денфелетов. Так он дошел до города, именуемого Филиппополем[22], и взял его с первого набега, потому что жители бежали в горы. Вслед за сим он с войском прошел по всей равнине и возвратился только тогда, когда разорил или покорил ее жителей, а в Филиппополе поставил гарнизон. Немного спустя гарнизон был выгнан из города одрисами, которые нарушили данные царю обязательства (*там же*).

9. ...Во втором году прибыли в Рим посольства от Эвмена, Фарнака и ахейского союза, а также от лакедемонских изгнанников и тех лакедемонян, которые удержали город за собою; все посольства были выслушаны сенатом. Прибыли также и послы от родосцев по случаю несчастья с синоплянами[23]. Этим

последним, равно как и послам от Эвмена и Фарнака, сенат обещал отправить послов для расследования дела синоплян и несогласий между царями[24]. Незадолго до того возвратился из Эллады и Квинт Марций с известиями о положении дел в Македонии и Пелопоннесе, так что сенату не было нужды производить дальнейшие расспросы. Он пригласил в заседание послов от Пелопоннеса и Македонии и выслушал их, потом в своих ответах и распоряжениях руководствовался показаниями легата Марция, а не объяснениями послов. Что касается Марция, то он докладывал, что требования римлян царем Филиппом исполнены, но что все действия царя вынужденные и при удобном случае он ни перед чем не остановится во вражде к римлянам. Посему сенат в ответе своем послам Филиппа одобрял поведение царя в настоящем, а на будущее время требовал не враждовать с римлянами. Касательно Пелопоннеса Марций сообщил, что ахеяне не желают обращаться с какими бы то ни было делами к сенату, преисполнены высокомерия и все дела хотят вершить сами; если на сей раз сенат окажет послам ахеян невнимание и выразит некоторое неудовольствие, то Лакедемон вскоре последует за Мессеною[25], а когда это произойдет, ахеяне, продолжал Марций, с радостью, будут искать прибежища у римлян. Поэтому римляне с целью удерживать город лакедемонян в состоянии смуты, отвечали послам их, Сериппу и товарищам, что до сих пор сенат сделал для них все возможное, но что настоящий случай, как сенат полагает, не касается римлян. Когда ахеяне обратились к сенаторам с просьбою оказывать им по мере возможности и согласно с договором военную поддержку против мессенян или по крайней мере позаботиться о том, чтобы никто из Италии не доставлял в Мессену ни оружия, ни съестных припасов, сенаторы оставили просьбу без внимания и дали, напротив, ответ, что ахеяне не должны удивляться равнодушию и бездействию римлян, если от союза и отложится народ лакедемонский, или коринфский, или аргивский. Этот ответ походил скорее на вызов всякому желающему народу выходить из союза без страха перед римлянами. Но и засим сенат не отпускал ахейских послов в ожидании, чем кончится для ахеян мессенское дело. Таковы были события в Италии (*О посольствах*).

10. Бедствия Македонии. Жестокость Филиппа. ...К этому времени восходит начало ужасных бедствий, заслуживаю-

щих старательного изложения, которые обрушились над царем Филиппом и целой Македонией. Как будто настало время, когда судьба решила покарать Филиппа за все бесчинства и злодеяния, совершенные им раньше, ради этого ниспослала на него гневных богинь казни и возмездия за несчастные жертвы; тени загубленных неотступно преследовали его день и ночь до последнего издыхания, и всякий мог убедиться в справедливости изречения, что есть око правды, и нам, смертным, надлежит памятовать о том непрестанно. Карающие богини прежде всего внушили ему мысль перед войною с римлянами переселить из значительнейших приморских городов всех граждан с женами их и детьми в нынешнюю Эмафию[26], которая в древности именовалась Пеонией, а покинутые города заселить фракийцами и варварами в той надежде, что верностью новых поселенцев будет лучше обеспечено спокойствие городов в трудные времена*. Когда замысел царя был исполнен и население оторвано от родного очага, вся страна, казалось, сделалась добычею врагов: столь велика была скорбь и смятение. Теперь уже не тайком, но открыто все кляли и проклинали царя. Потом, Филипп решил не оставлять позади себя ничего враждебного его дому, посему отдал письменный приказ начальникам городов разыскивать сыновей и дочерей загубленных им македонян и заключать их под стражу; больше всего думал он об Адмете[27], Пиррихе, Саме и погибших с ними товарищах их, не забыл он и всех прочих македонян, по его приказанию казненных, и повторял, говорят, следующий стих: «Безумец, кто, убив отца, оставляет в живых сыновей убитого»[28]. Потерпевшие были большею частью люди известные благодаря высокому положению их родителей; тем больше говорили о них и сожалели. Судьба поставила на сцену и третью драму[29] с царскими сыновьями**: юноши в ней злоумышляли друг на друга, и когда решение распри предоставлено было самому Филиппу, он день и ночь терзался мыслями о том, которого из двух сыновей обречь на смерть, от которого он должен опасаться и больших козней в последующей жизни, и насильственного конца в старости. При виде таких несчастий и душевных мучений нельзя было не проникнуться убеждением, что какое-то божество выжидало ста-

---

* Т. е. в войну с римлянами.
** Деметрий и Персей.

рости Филиппа, чтобы обрушиться на него своим гневом за содеянные в прежней жизни преступления. Все это выяснится еще больше из нижеследующего.

...От этого[30] душа Филиппа как бы впала в исступление, а когда вспыхнула еще распря между сыновьями, можно было подумать, что судьба намеренно выставила напоказ бедствия братьев в одно время с прочими несчастиями.

...Македоняне совершают поминальные жертвы в месяце Ксанфе[31] и очищение с облеченными в броню лошадьми (*О добродетелях и пороках, Сокращение ватиканское, Свида*).

11. ...Трагедии, мифы, историю недостаточно прочитывать, их надлежит понимать и старательно изучать. Тогда всякий легко убедится, что братья[32], если только долгое время злобствовали друг на друга и враждовали между собою, то непременно не только губили себя самих, но навлекали гибель на свое достояние, на детей и государство; напротив, все те, кто не был одержим неумеренною любовью к себе самому и умел быть терпимым к ошибкам другого, все они были хранителями названных здесь благ, и собственная жизнь их протекала в славе и почете. Кроме того, много раз я обращал ваши взоры на то, что цари Лакедемона[33] удерживали за родным городом главенство над эллинами до тех пор, пока оказывали сыновнюю покорность эфорам и терпеливо делили власть с ними. Но когда они по безрассудству обратили правление Спарты в самодержавие, тогда подвергли город всевозможным тяжелым испытаниям. Наконец, я ссылался на пример Эвмена и Аттала и не переставал повторять вам, что они получили в наследие государство маленькое и слабое и расширили его пределы до того, что теперь не уступают никому из владык; достигли они этого единственно тем, что жили в мире и согласии друг с другом и во взаимном уважении. Вы слышали мои рассказы и не только не вняли им, но, как я вижу, наперекор моим внушениям еще обострили взаимную вражду (*Сокращение ватиканское*).

12. Из войны Мессены с ахейским союзом. ...Снявшись со стоянки, Филопемен[34] продолжал путь, хотя болезнь и преклонный возраст удручали его: Филопемену шел семидесятый год. Однако в привычках прежней жизни он нашел силу преодолеть недомогание и в один день прошел путь от Аргоса до Мегалополя (*Свида*).

Доблесть и несчастья Филопемена. ...Стратег ахеян Филопемен был захвачен в плен мессенянами и погиб от яда. Ни-

ни из предшественников не превосходил его в доблести, но его сразили удары судьбы, хотя раньше всегда казалось, будто судьба благоприятствует ему. Справедливо, думается мне, изречение, что если счастье и возможно для человека, то невозможно непрерывное счастье. Посему некоторых предшественников наших должно почитать счастливыми не потому, что они были счастливы непрерывно, — незачем говорить небылицу и напрасно молить судьбу, — но потому что они бóльшую часть жизни наслаждались милостями судьбы и испытали небольшие невзгоды, когда судьба вдруг переменилась. <...> За Филопеменом следовал Ликорт, ни в чем ему не уступавший. <...> Филопемен в течение сорока лет[35] непрерывно и со славою участвовал в делах народного государства, весьма изменчивого; народной неприязни он не испытывал никогда, хотя в государственных делах руководствовался совестью, и не показал толпе, что встречается редко (*Свида, Сокращение ватиканское, О добродетелях и пороках*).

13. Характеристика Ганнибала. ...Замечательнейшее и важнейшее свидетельство того, что Ганнибал[36] от природы наделен был свойствами полководства и что он более всякого другого был способен к государственной деятельности, состоит в следующем: семнадцать лет провел он на полях сражений, перебывал в многочисленнейших варварских странах, для осуществления своих замыслов, отчаянных и необыкновенных, пользовался услугами весьма многих инородцев; между тем никто никогда не злоумышлял на него, ни разу не был он покинут людьми, участвовавшими в его предприятиях и предоставившими себя в его распоряжение (*Свида, О добродетелях и пороках*).

14. Характеристика Публия Корнелия Сципиона. ...Занимая высокое положение в государстве аристократическом, Публий стяжал себе, однако, такую любовь простого народа и такое доверие сената, что, когда кто-то вздумал привлечь его к суду народа[37] и выступил с многочисленными тяжкими обвинениями, Публий вовсе не защищался и отвечал только, что народу римскому не подобает слушать, чьи бы то ни было наговоры на Публия Корнелия Сципиона, ибо что́ осмелятся говорить обвинители, ему одному обязанные тем, что могут говорить. После этих слов все присутствовавшие немедленно удалились из собрания, и обвинитель остался один...

...Однажды потребовались деньги на неотложные нужды, а квестор, ссылаясь на какой-то закон, отказывался открыть в тот день государственное казначейство. Тогда Публий в сенате объявил, что сам возьмет ключи и откроет казну, ибо государство обязано ему тем, что казначейство заперто. Другой раз кто-то в сенате потребовал у него отчета в употреблении денег, которые он получил от Антиоха перед заключением мира на уплату жалованья войску. Публий отвечал, что отчет у него есть, но что он не обязан отчитываться перед кем бы то ни было. Когда противник настаивал и требовал представить счеты, Публий попросил брата принести их. Книга была доставлена. Тогда Публий протянул ее вперед и на глазах у всех изорвал, предложив своему противнику восстановить отчет по отрывкам, а прочих спросил, почему они так доискиваются отчета о том, каким образом и кем израсходованы три тысячи талантов, между тем не спрашивают, каким образом и через кого поступили к ним те пятнадцать тысяч талантов, которые получены ими от Антиоха, равно как и о том, каким образом они сделались обладателями Азии, Ливии, а также Иберии. Все сенаторы оцепенели от этих слов, и требовавший отчета замолк. Вот что считали мы долгом сказать, дабы почтить память умерших, а будущие поколения поощрить к славным деяниям (*Сокращение ватиканское*).

15. Осуждение военных жестокостей. ...Ни за что не стану я на сторону людей, до того ожесточающихся против себе подобных, что не только грабят у неприятеля собранные за год плоды, но еще истребляют его деревья, разрушают постройки, уничтожая всякую возможность раскаяния для неприятеля. Поступающие таким образом впадают, по-моему, в грубую ошибку. Если они рассчитывают запугать неприятеля разорением его страны и отнятием у него всяких средств к жизни не только в настоящем, но и в будущем, то в такой же мере они ожесточают людей и делают непримиримым врагом того, кто раз поднял на них оружие (*Сокращение ватиканское*).

16. Ликорт с войском в мессенском кремле. ...Стратег ахеян Ликорт[38] военными действиями навел ужас на мессенян. Долгое время до этого мессеняне бездействовали из страха перед властями; теперь в присутствии неприятеля они стали смелее, и некоторая часть мессенян заявила даже требование, чтобы отправлено было посольство для переговоров о мире. Дино-

крат и сторонники его под гнетом обстоятельств не могли долее сопротивляться народу, уступили его требованию и сами укрылись по домам. Народ быстро последовал совету стариков искать примирения с ахеянами; еще больше подействовали на них послы из Беотии, Эпайнета и Аполлодора, которые пришли раньше по делу о мире и теперь весьма благовременно находились в Мессене. Мессеняне выбрали послов и через них обратились с просьбой к ахеянам простить им вину. Стратег ахеян призвал прочих должностных лиц, выслушал явившихся послов и сказал, что мир с народом ахейским может быть заключен мессенянами единственно под условием, если тотчас выданы будут виновники возмущения и смерти Филопемена; все дальнейшее должно быть предоставлено на усмотрение ахеян, теперь же должен быть пропущен в кремль ахейский гарнизон. Когда эти требования были сообщены народу, большинство, настроенное враждебно против виновников войны, готово было схватить их и выдать; другие соглашались предоставить решение участи Мессении ахеянам в том убеждении, что от ахеян никакой беды им не будет. Выбирать при тогдашнем положении было не из чего, — это самое главное, — и мессеняне единогласно приняли предложение Ликорта. Немедленно стратег ахеян занял кремль и ввел в него своих пелтастов, вслед за сим в сопровождении отборных воинов он перешел из стоянки в город, созвал народ и обратился к нему с подобающею речью, при этом обещал, что им не придется каяться в оказанном ему доверии. Окончательное решение дела он передал ахейскому народу: как нарочно, случилось так, что ахеяне к этому времени были созваны на второе собрание в Мегалополь. Что касается виновных в недавней насильственной смерти Филопемена, то он велел всем им тут же лишить себя жизни (*О посольствах*).

17. Мессения снова в ахейском союзе. ...По собственной вине мессеняне попали в безвыходное положение; но великодушием Ликорта и ахеян они были снова приняты в союз. В это же время Абия[39], Фурия и Фары отделились от Мессены, и каждое из поселений, водрузив собственный договорный столб, вошло самостоятельно в состав союза. Как скоро римляне узнали, что ахеянам удалось счастливо уладить дела в Мессене, дали тем же послам другой ответ с отменою объявленного прежде решения, именно: что римляне озабочены были тем, как бы кто-либо из Италии не доставлял в Мессену ни оружия,

ни хлеба. Отсюда всем стало ясно, что римляне вовсе не намерены держаться в стороне даже от таких внешних дел, которые и не особенно близко касаются их; что, напротив, они будут ревниво следить за ними и досадовать каждый раз, если какое-нибудь дело обойдет их и если желания их в чем-либо останутся невыполненными. **Возвращение Спарты в ахейский союз.** Когда послы из Рима возвратились в Лакедемон с ответом сенаторов, стратег ахеян по окончании мессенского дела созвал народ в город сикионян и собравшимся ахеянам предложил на обсуждение вопрос о принятии Спарты в союз. При этом он объяснил, что римляне отклоняют от себя предоставленное им раньше решение участи этого города и указывают в своем ответе на то, что дела Лакедемона нисколько их не касаются, а нынешние руководители Спарты желают присоединения ее к союзу. Во внимание к этому стратег советовал принять город в союз. «Выгодно это, — говорил он, — в двух отношениях: во-первых, в союз будут приняты люди, доказавшие верность ему; во-вторых, ахеянам не предстоит иметь соучастниками союза старых изгнанников, которые оказались столь неблагодарными и бесчестными; вместе с тем ахеяне по милости богов имеют возможность воздать должное изгнанникам, только подтвердив решение других людей, изгнавших их из города. Такими и подобными доводами Ликорт склонил ахеян к принятию Спарты в союз. Однако Диофан и некоторые другие пытались отстоять изгнанников и убеждали ахеян не обижать их больше и в угоду немногим не давать своего одобрения людям, которые лишили изгнанников родины подло и противозаконно. **18.** Вот что высказано было обеими сторонами. Ахеяне выслушали тех и других и постановили принять город; постановление было начертано на столбе, и Спарта вошла в союз ахеян. Что касается старых изгнанников, то доступ в город был открыт только тем из них, которые, как казалось, не совершили ничего неприязненного против ахейского народа. Когда постановление было утверждено, ахеяне отправили в Рим посольство с Биппом-аргивянином во главе для уведомления сената обо всем, что произошло. Лакедемоняне? со своей стороны послали в Рим Херона с товарищами. Наконец изгнанники тоже отправили своих послов, Клетиса Диактория с товарищами, для защиты дела их в сенате против ахейских послов (*О посольствах*).

КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Посольства в Риме от лакедемонских изгнанников и от Спарты, от ахеян, от Эвмена, Ариарата, Фарнака; решения сената (1). Договор ахеян с мессенянами (2). Неточное показание Полибия о хребте Гем (3). Непрерывные смуты на Крите (4). Прибытие в Рим всех братьев Эвмена в видах скорейшего прекращения войны с Фарнаком (5). Посольства к ахеянам от Птолемея для возобновления союза; ахейское посольство в Египет из Ликорта, Полибия, Арата (6). Херон лакедемонец (7). Война между Фарнаком и Эвменом; напрасное вмешательство в войну римских уполномоченных с целью прекращения войны (8–9). Предложение римлян возвратить лакедемонских изгнанников на собрании ахеян; различные мнения Ликорта и Калликрата; посольство Калликрата; предательское поведение его в сенате; возвращение Калликрата в Ахаю с приказанием от римлян возвратить лакедемонских изгнанников; характеристика римлян (10–12). Разница в характере и политике между Филопеменом и Аристеном; советы Аристена ахеянам о покорности римлянам; совет Филопемена — всеми средствами и до последней возможности охранять независимость союза от римского сената (13–15).

1. Послы с Востока в римском сенате. ...Когда в Рим прибыли послы от лакедемонских изгнанников и от ахеян, равно от Эвмена, от царя Ариарата и от Фарнака, сенат прежде всего дал слово послам царей. Незадолго перед тем сенат посылал Марка[1] с несколькими товарищами на место войны,

вспыхнувшей между Эвменом и Фарнаком. Послы докладывали сенату, что действия Эвмена правильны, а Фарнак проявляет корыстолюбие и наглость. Поэтому сенату не нужны были продолжительные объяснения, и, выслушав послов, он объявил, что пошлет новое посольство для более старательного расследования распри двух царей. Вслед за сим введены были лакедемонские изгнанники[2] и с ними вместе послы от города. Сенат выслушал со вниманием обе стороны; послов от города он нисколько не укорял за то, что произошло, а изгнанникам обещал предложить письменно к ахеянам о дозволении изгнанникам возвратиться на родину. Несколько дней спустя был введен в сенат аргивянин Бипп и другие послы, отправленные ахейским народом, и доложили о восстановлении прежних отношений Мессении к союзу. Сенат не порицал того, что было сделано, и ласково принял послов (*О посольствах*).

2. Отношение ахеян к требованиям изгнанников. ...Когда изгнанники прибыли из Рима в Пелопоннес с письменным предложением сената ахеянам позаботиться о благополучном возвращении изгнанников на родину, ахеяне постановили отложить обсуждение дела до прибытия их собственных послов из Рима. Дав такой ответ изгнанникам, ахеяне заключили договор с мессенцами, по которому предоставляли им помимо других льгот свободу от повинностей на три года; таким образом, разорение мессенской земли стало убыточно для ахеян в такой же мере, как было для мессенцев. Когда из Рима возвратился Бипп с товарищами и объявил, что сенат написал свое требование не столько из участия к изгнанникам, сколько по настоянию сих последних, то ахеяне порешили оставить существующие отношения без перемены (*там же*).

3. Гем — высочайший хребет Фракии. ...Гем[3] — гора у Понта, величайшая и самая высокая из тамошних гор; она делит Фракию почти пополам. Полибий ошибается, уверяя, что с этой горы видны оба моря[4]. На самом деле Гем удален от Адрии на большое расстояние, и многие предметы закрывают вид на море (*Страбон*).

4. Замечание о смутах на Крите. ...На Крите начинались сильные смуты[5], если только позволительно говорить о начале смут на Крите. Дело в том, что при непрерывных междоусобных войнах, которые сопровождаются крайним ожесточением воюющих, на Крите начало и конец смут совпадают, и

но, что иному показалось бы неправдоподобным, наблюдается здесь непрестанно (*Сокращение ватиканское*).

5. Аттал и другие братья Эвмена в Риме. ...Когда Фарнак, Аттал и прочие воюющие заключили между собою мир, то все с войсками разошлись по своим государствам. Эвмен в это время оправился от болезни и находился в Пергаме; туда прибыл к нему брат и сообщил о состоявшемся замирении. Эвмен порадовался такому исходу и решил отправить всех своих братьев в Рим. Он рассчитывал при помощи этого посольства положить конец войне с Фарнаком, а в то же время желал ближе познакомить братьев как с личными своими друзьями и гостями, находившимися в Риме, так и с властями в лице сената. Аттал и братья его охотно отправились в путь. По прибытии в Рим царственные юноши нашли радушный прием в частной встрече со стороны всех граждан, с которыми они делили время в азиатских походах; но еще большею торжественностью отличался прием, оказанный сенатом: он не только преподнес им дары и обильнейшее угощение[6], но снарядил для них почетную встречу. Затем, когда Аттал и братья его вошли в сенат, то в пространной речи напомнили сначала о прежней дружбе царей с Римом, а потом предъявили обвинения против Фарнака и убеждали сенаторов принять подобающие меры к тому, чтобы Фарнаку было воздано по заслугам. Сенат благосклонно выслушал Аттала и отвечал, что отправит послов для прекращения войны во что бы то ни стало. Таковы были события в Италии (*О посольствах*).

6. Посол Птолемея у ахеян и ахейское посольство к Птолемею. ...В это самое время царь Птолемей с целью заключить союз с народом ахеян отправил к ним посла с предложением десяти вполне оснащенных пятидесятивесельных кораблей. Ахеяне[7] приняли с радостью предложение царя и находили, что дар заслуживает благодарности: стоимость кораблей простиралась почти до десяти талантов. Согласно такому решению ахеяне выбрали в послы Ликорта, Полибия и вместе с ними Арата, сына Арата сикионца, частью для того, чтобы принести благодарность царю за оружие и деньги, присланные раньше, частью для принятия от него кораблей и наблюдения за их доставкою из Египта. Ликорт был выбран в послы потому, что был стратегом в то время, когда Птолемей хлопотал о возобновлении союза, и усердно помогал царю. Что ка-

сается Полибия, которому тогда еще не вышли положенные законом года, то он был выбран потому, что отец его в звании посла к Птолемею возобновил союз его с ахеянами и доставил им подаренное оружие и деньги. Наконец Арат был выбран с учетом дружественных отношений отца его с царством Птолемеев. Однако посольство не отъехало по случаю последовавшей в это время смерти Птолемея (*там же*).

7. Злоупотребления Херона. ...В это время в Лакедемоне жил известный Херон, за год до того ходивший послом в Рим, человек умный и ловкий, но молодой, низкого происхождения и невысокого воспитания. Этот человек заискивал у толпы, брал на себя такие дела, на какие никто другой не отваживался, и этим способом быстро приобрел влияние на народ. Он-то прежде всего завладел землей, которую тираны предоставили оставшимся в городе сестрам, женам, матерям и детям изгнанников, и собственною властью роздал поля беднейшим гражданам зря и неравномерно; потом, он распоряжался общественными деньгами, как своими собственными, расточал государственные доходы, не сообразуясь ни с законами страны, ни с народными постановлениями, ни с предписаниями властей. Многие граждане негодовали на это и всячески старались пройти на выборах в число проверщиков государственной казны согласно законам. Херон видел все, что творилось, и, сознавая за собою злоупотребления по управлению делами государства, подослал нескольких убийц к значительнейшему из проверщиков Аполлониду, наиболее способному раскрыть его хищения; они закололи его среди бела дня на пути из бани. Ахейский народ вознегодовал, когда узнал об этом, и его стратег немедленно устремился в Лакедемон. По прибытии на место он предал Херона суду по обвинению в убийстве Аполлонида, заключил осужденного в тюрьму, а всех проверщиков обязал точно исследовать состояние государственной казны и принять меры к тому, чтобы родные изгнанников получили обратно свои земли, незадолго перед тем отнятые у них Хероном (*О добродетелях и пороках, Свида*).

8. Война Фарнака с Эвменом. ...В Азии царь Фарнак вторично оставил без внимания то обстоятельство, что решение дела предоставлено было римлянам, и еще до окончания зимы отправил в поход Леокрита с десятью тысячами солдат для разорения Галатии, а сам с началом зимы решил вторгнуться в

Каппадокию, для чего собрал свои войска. По получении об этом известия Эвмен вознегодовал, так как вероломство Фарнака превосходило всякую меру, и он сам вынужден был действовать теми же средствами. Войска были уже собраны Эвменом, когда Аттал с братьями возвратился из Рима. Совместно обсудив положение дел, братья немедленно выступили с войском в поход. В Галатии, куда они прибыли, Эвмен и Аттал уже не застали Леокрита. Зато Карсигнат и Гайзоторис, раньше действовавшие заодно с Фарнаком, обратились к нему через послов с просьбою о пощаде, обещая исполнить все требования царей. Однако те памятовали прежнюю неверность их и отклонили просьбу; снявшись со всем войском, они продолжали поход против Фарнака, в пять дней прошли путь от Кальпита до реки Галиса, а шесть дней спустя достигли Парнаса[8]. Здесь царь каппадокиян Ариарат с собственным войском присоединился к Атталу и Эвмену, и они вторглись в землю мокисеев[9]. Едва только они расположились там лагерем, как получено было известие о прибытии римских легатов для замирения воюющих. Тогда царь Эвмен отрядил Аттала встретить римлян, засим удвоил численность своих войск, старательно вооружил их для того, чтобы надлежаще приготовиться ко всяким случайностям войны, а в то же время дать понять римлянам, что он и сам в силах отразить Фарнака и одолеть его.

9. Когда римские легаты явились и стали убеждать Эвмена и Ариарата прекратить войну, они отвечали полным согласием на все их требования, просили только римлян устроить им, если возможно, переговоры с Фарнаком, дабы, присутствуя при переговорах, они еще больше убедились в его вероломстве и жестокости; если же это окажется невозможным, то просили легатов быть судьями распри беспристрастными и правыми. Легаты обещали сделать все, что от них зависит, действовать по справедливости, но просили царей увести свои войска из этой страны: ибо нет смысла, говорили они, если в их присутствии и рядом с их усилиями заключить мир между воюющими, война продолжается и воюющие вредят друг другу. Эвмен и Аттал согласились с этим и на следующий день без замедления снялись со стоянки и направились в Галатию. На свидании с Фарнаком римляне прежде всего выразили желание, чтобы царь вступил в переговоры с Эвменом и Атталом, ибо это вернейший способ уладить существующие между ними

пререкания. Фарнак возражал на это и наконец решительно отклонил предложение; тут и римляне увидели, что Фарнак сам сознает свою вину и не верит в правоту своего дела. Однако легаты желали во что бы то ни стало прекратить войну, посему продолжали настаивать на своем предложении, пока Фарнак не согласился отправить уполномоченных к морскому берегу с обещанием заключить мир на тех условиях, какие будут ему поставлены легатами. Когда прибыли послы от Фарнака и с ними сошлись для переговоров послы римлян и Эвмена, то сии последние соглашались на все, лишь бы добиться мира; послы Фарнака, напротив, возбуждали споры по каждому предмету, постоянно возвращались к вопросам уже решенным, то усиливая свои требования, то отказываясь от прежних решений, и римляне вскоре поняли всю суетность своих усилий, ибо Фарнак не имел охоты мириться. Так переговоры и не привели ни к чему; римляне покинули Пергам, а послы Фарнака возвратились домой к себе; военные действия не прекращались, и Эвмен был занят новыми военными приготовлениями. В это время родосцы настоятельно звали Эвмена к себе, и он с большою поспешностью выступил в поход, чтобы идти войною на ликиян (*О посольствах*).

10. Постановление ахеян в ответ на требования сената. Посольство ахеян в Риме. ...В это время стратег Гипербат поставил на обсуждение вопрос, что предпринять в ответ на полученное от римлян послание о возвращении на родину лакедемонских изгнанников. Ликорт и его единомышленники советовали не отменять принятых мер, ибо римляне исполняют только свой долг, когда с участием выслушивают умеренные[10] просьбы людей, которые кажутся обездоленными. Но достаточно бывает доказать римлянам, что требования их или невыполнимы, или противны достоинству и выгодам друзей их, и они не имеют обыкновения настаивать и действовать насильственно. Точно так же и теперь римляне уступят и признают, что мы имеем основание медлить и воздерживаться от исполнения их требований, если будет выяснено, что в противном случае ахеяне вынуждены были бы изменить клятве, попрать законы и договоры, на которых покоится общий союз ахеян. Так говорила партия Ликорта. Напротив, Гипербат и Калликрат со сторонниками своими советовали покориться римлянам и почитать требования их более обязательными,

нежели какой бы то ни было закон, договор и тому подобное. Несмотря на это возражение ахеяне постановили отправить в сенат послов с ответом, какой предложен был Ликортом. В послы тут же были выбраны Калликрат из Леонтия, Лидиад мегалополец и Арат из Сикиона, им дали согласное с вышеизложенным поручение и отпустили. Когда послы прибыли в Рим и были введены в сенат, Калликрат говорил собранию совсем не то, что было ему поручено, скорее как раз обратное[11]: он вздумал не только перечислять в дерзких выражениях вины своих противников, но и поучать собрание римлян. **11.** По его словам, в непокорности эллинов, в том, что они оставляют без внимания предписания римлян и их требования, виноват сам сенат. «В наше время, — объяснял Калликрат, — во всех народных государствах есть две партии, из которых одна учит, что необходимо подчиняться идущим от римлян указаниям и почитать превыше законов, договоров и всего подобного волю римлян. Другая партия выдвигает вперед законы, клятвы, договоры и убеждает народ не нарушать их без крайней нужды. Это последнее мнение, преобладающее в народе, гораздо больше отвечает чувствам ахеян; вот почему позор и поношение в народных массах выпадает на долю сторонников римлян, а отношение противоположное составляет удел врагов ваших. Если от сената последует какой-либо знак неодобрения, то вскоре народные вожди перейдут на сторону римлян, и за ними из страха пойдет толпа. Если же, напротив, сенат обнаружит в этом направлении равнодушие, то все обратятся к противоположной партии, пользующейся у народа большим уважением и почетом. Уже и теперь некоторые граждане*, не имея никаких других прав на отличие, за это одно удостоены величайших почестей в своих государствах, за то именно, что их почитают борцами за сохранение в силе законов и народных определений, когда они противодействуют вашим предписаниям. Если покорность эллинов и выполнение ими предписаний неважно для римлян, то Калликрат советовал им поступать и впредь так же, как они поступают теперь. Но если они желают, чтобы требования их исполнялись и никто не пренебрегал их предписаниями, то они обязаны обратить на этот предмет должное внимание. Иначе им предстоит наблю-

---

* Намек на Ликорта и друзей его.

дать, как планы их по-прежнему терпят неудачу. Так, — продолжал Калликрат, — в событиях последнего времени, в мессенских делах, Квинт Марций настаивал на том, чтобы ахеяне не принимали никакого решения относительно мессенян без соизволения римлян. Однако ахеяне не обратили внимания на Марция и сами постановили воевать против мессенян, причем вопреки справедливости не только разорили всю страну их, но знатнейших граждан или осудили на изгнание, или после всевозможных истязаний умертвили, невзирая на то, что те сдались им, и все это потому, что мессеняне предлагали обратиться к римлянам за разрешением спорных вопросов. Второй случай из нашего времени: задолго до этого вы предписывали возвратить на родину лакедемонских изгнанников; но ахеяне наперекор вашему требованию заключили клятвенный договор с остающимися в городе лакедемонянами, по силе коего изгнанники не должны возвращаться никогда». Калликрат убеждал сенаторов не пренебрегать этим и позаботиться о будущем.

12. Последствия предательства Калликрата. Вот что и в каком роде говорил Калликрат; засим он удалился и в сенат вошли изгнанники. В немногих словах объяснили они свое дело, взывали к общему состраданию, и тоже удалились. Сенат признал пользу советов Калликрата и пришел к убеждению, что людей, благоприятствующих его определениям, необходимо возносить в эллинских государствах, а противодействующих им принижать. Согласно с этим сенат впервые решил действовать таким образом, чтобы ослаблять в каждом государстве партию благонамереннейших граждан и усиливать ту, которая всякими правдами и неправдами заискивала бы у сената. Вследствие этого мало-помалу, с течением времени у сената набралось множество льстецов, но истинных друзей он имел мало.

На сей раз относительно изгнанников сенат написал не только ахеянам, требуя от них содействия возвращению их, но точно так же этолянам, эпиротам, афинянам, беотянам, акарнанам, как бы заранее приглашая всех в свидетели укрощения ахеян[12]. Что касается, в частности, самого Калликрата, то, умолчав о прочих послах, сенат в ответе своем назвал только его, выражая желание, чтобы граждане в государствах походили на Калликрата. Торжествующий, с таким ответом в

руках, явился Калликрат в Элладу, не сознавая того, что навлекает на всех эллинов, в особенности на ахеян, величайшие несчастия. Ибо до сего времени ахеянам дозволялось еще сноситься с римлянами на положении почти равных, за то, что со времени заключения союза с римлянами они соблюдали верность им в самые трудные времена, каковы войны с Филиппом и Антиохом. <...>[13] Но если ахейский народ за все то время, историю которого мы пишем, достиг теперь наибольшего могущества и процветания, то наглость Калликрата послужила началом упадка. Как люди, одаренные возвышенной душой и благородными чувствами, римляне соболезнуют всем несчастным и спешат услужить всякому, кто прибегает к ним за покровительством. Однако потом, когда другой кто-либо, раньше соблюдавший верность римлянам, напомнит им о своих правах, римляне отказывают первому жалобщику в поддержке и в большинстве случаев исправляют по мере возможности собственные ошибки. Что касается Калликрата, то, будучи отправлен в Рим послом для того, чтобы оправдать образ действий ахеян самыми обстоятельствами сего времени, он сделал нечто совершенно обратное; причем втянул в переговоры мессенское дело, на которое римляне и не думали жаловаться, потом, вернувшись в Ахаю, он повсюду угрожал недовольством римлян, своим отчетом о посольстве стращал и запугивал народ, не ведавший[14], что говорил Калликрат в сенате, и он, в довершение пороков оказавшийся продажным[15], был прежде всего выбран в стратеги, а засим по достижении власти возвратил на родину немедленно лакедемонских и мессенских изгнанников (*О посольствах*).

13. Сравнительная характеристика Филопемена и Аристена. ...Ахеяне Филопемен и Аристен[16] не походили друг на друга ни природными свойствами, ни теми задачами, какие оба преследовали в общественной деятельности. Телом и душою Фелопемен был воин, богато одаренный от природы, Аристен же рожден для народных собраний. В чем заключалась разница между ними по отношению к задачам деятельности, видно из следующего: когда со времен Филиппа и Антиоха римское государство стало решительно вмешиваться в судьбы Эллады, Аристен действовал так, чтобы всякая мера, выгодная для римлян, исполнялась неукоснительно, и даже чтобы предупреждались иногда желания римлян[17]. При всем этом он ста-

рался сохранять вид гражданина, верно блюдущего законы страны, усвоил себе соответствующую личину, уступая народу каждый раз, когда приказы римлян шли явно вразрез с каким-либо из существующих законов. С другой стороны, Филопемен охотно и без промедления поддерживал всякое требование римлян, если оно согласовалось с законами и с союзным договором с римлянами; в то же время был не способен покориться добровольно таким их требованиям, которые выходили за эти пределы: сначала, говорил он, нужно доказывать свое право, а просить уже потом; покориться и исполнить требование римлян, призывая богов в свидетели, нужно тогда только, когда просьбы окажутся бессильными (*О добродетелях и пороках*).

14. Вот какого рода доводами оправдывал Аристен перед ахеянами собственный образ действий. Невозможно, говорил он, сохранять дружбу с римлянами, если в одно и то же время будем протягивать им копье и жезл глашатая. «Будь мы в силах оказывать деятельное сопротивление <...> тогда. <...> Но если даже Филопемену недостает смелости утверждать это <...> к чему нам гнаться за несбыточным и выпускать из рук возможное. В государственной деятельности преследуются две цели: слава и выгода. Когда достижение славы возможно, к ней обязан стремиться мудрый государственный муж; кто же достигнуть славы не может, тот должен обратиться к выгоде. Не приобрести ни славы, ни выгод значит проявить высшую меру неспособности, что и доказывают те из ахеян, которые, не оказывая сопротивления римлянам, уступают требованиям их неохотно и с досадою. Вот почему необходимо одно из двух: или показать себя достаточно сильными и бороться, или же, если мы на это не отваживаемся, покоряться всем требованиям римлян беспрекословно. **15.** Филопемен возражал на это, что он вовсе не так близорук, как о нем думают, и понимает разницу между государствами римским и ахейским и превосходство одного из них над другим по степени могущества. «Но так как всякой силе свойственно угнетать покорного, то неужели выгодно, — продолжал он, — поощрять подобные наклонности владык и, очищая дорогу от всяких помех, содействовать скорейшему наступлению того времени, когда мы будем получать от них тягостнейшие приказания? Или, наоборот, мы обязаны по мере сил наших бороться с ними и отстаи-

вать свои права до тех пор, пока можем делать это совершенно безобидно. <...> Если они станут предъявлять нам какие-либо незаконные требования, то напоминанием о наших правах мы сдержим их раздражение и хоть немного смягчим горечь их властных повелений, тем более что римляне до сих пор, как ты, Аристен, и сам говоришь, высоко ценили верное соблюдение клятвы, договоров и долга в отношениях к своим союзникам. Если же мы сами отринем собственные права и, подобно народу завоеванному, будем спешить с исполнением всяческих требований римлян, какая разница будет между ахейским народом и сицилийцами, например, или капуанцами, которые давно и окончательно завоеваны римлянами?» «Посему необходимо, — говорил Филопемен, — или согласиться с тем, что право не значит для римлян ничего, или же, если не решаются на такое утверждение, действовать согласно с нашими правами и не отдавать себя в распоряжение римлян, перед которыми мы можем опереться на убедительнейшие и почетнейшие доводы»[18]. Филопемен добавлял, что наверное настанет пора, когда эллины вынуждены будут исполнять всякое приказание римлян. «Что же из двух более желательно: ускорить ли наступление этой поры, или возможно больше отдалить ее? Отдалить, по-моему, желательнее. Тем и отличается образ действий Аристена от моего, что Аристен желает видеть исполнение судьбы эллинов возможно скорее и по мере сил содействует тому, а я оказываю упорное сопротивление и стараюсь, насколько могу, отдалить это время». Из предыдущего явствует, что один действовал благородно, другой благоразумно, но оба верно шли к цели. Хотя для римлян и эллинов наступили тяжелые испытания во время войн с Филиппом и Антиохом, однако и Филопемен, и Аристен соблюли в отношениях с римлянами права ахеян во всей их неприкосновенности; ходила только молва, что Аристен настроен к римлянам благожелательнее, нежели Филопемен (*Сокращение ватиканское*).

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Неточное известие Полибия о разорении Тиберием Гракхом трехсот городов в Иберии (1). Мир между Фарнаком и Эвменом (2). Козни Персея в Элладе против римлян; сборы Персея к войне с римлянами; характеристика Персея; перемены в Филиппе в зависимости от обстоятельств (3). Посольство ликиян в Риме; коварный образ действий сената (4). Прибытие римских уполномоченных на Родос, негодование родосцев (5). Посольства родосцев в Риме; дарданы, фессалийцы в Риме с жалобами на Филиппа; назначение новых уполномоченных для отправки в Элладу (6).

1. Из войны Тиберия Гракха с кельтиберами. ...По поводу сообщения Полибия, что Тиберий Гракх[1] разрушил триста городов, Посейдоний[2] насмешливо замечает, что Полибий в угоду Гракху обратил укрепления в города, как это обыкновенно делается для триумфальных шествий. Вероятно, Посейдоний прав, ибо вожди и историки легко допускают эту неточность ради возвеличения подвигов (*Страбон*)[3].

2. Конец войны между Фарнаком и Эвменом. ...Застигнутый врасплох жестоким нападением врагов, Фарнак[4] готов был согласиться на всякие условия мира, какие бы ни были ему предложены противниками: он отправил послов уже к Эвмену и Ариарату.Так как Эвмен и Ариарат приняли послов и немедленно отправили свое посольство к Фарнаку, то после неоднократного обмена посольствами мир был заключен на следующих условиях: «быть миру на вечные времена между Эвменом, Прусием и Ариаратом с одной стороны, Фарнаком и Митридатом с другой. Ни под каким предлогом Фарнаку не

ходить на Галатию, и все прежние договоры его с галатами признавать недействительными». Равным образом надлежит ему очистить Пафлагонию, а жителей, коих раньше оттуда выселил, возвратить назад, вместе с ними вооружение, метательные снаряды и прочие военные приспособления. Точно так же он обязуется возвратить Ариарату все отнятые у него местности с находившимися на них сооружениями и заложников, а равно город Тий[5], что у Понта, тот самый, который немного позже Эвмен уступил Прусию во исполнение его просьбы, и за который Прусий был весьма признателен. Постановлено было также, чтобы Фарнак возвратил военнопленных без выкупа и всех перебежчиков. Сверх того из денег и сокровищ, которые отняты были им у Морзия[6] и Ариарата, он обязывался заплатить поименованным здесь царям девятьсот талантов и еще триста талантов на покрытие военных издержек Эвмену. Вменено было также в обязанность сатрапу Армении Митридату заплатить триста талантов Ариарату за то, что вопреки договору с Эвменом пошел на него войною. В договор включены были из владык азиатских Артаксия, правитель большей части Армении, и Акусилох, а из владык Европы сармат Гатал, из народов свободных гераклеоты[7], месембрияне и херсонесцы, наконец кизикенцы. В договоре содержалось определение и относительно заложников, в каком числе должен поставить их Фарнак и каковы они должны быть; с прибытием заложников на место войска немедленно тронулись в поход. Таков был конец войны Эвмена и Ариарата против Фарнака (*О посольствах*)[8].

3. Характеристика Персея и Филиппа. ...Вслед за возобновлением дружественных отношений с римлянами Персей старался расположить в свою пользу эллинов[9], с каковою целью вызывал в Македонию всех, кто бежал от долгов, приговорен был к изгнанию по суду, покинул отечество по обвинению в оскорблении царского достоинства. Приказ об этом Персей велел выставить на Делосе, в Дельфах и в святилище Афины Итонской[10], обещая тому, кто возвратится, не только безнаказанность, но и обратное получение потерянного при изгнании имущества. В самой Македонии он простил долги государственным должникам и выпустил на свободу содержавшихся в тюрьме государственных преступников. Эти мероприятия поднимали дух многих эллинов, а Персея все почитали способным оп-

равдать наилучшие надежды. К тому же в обыденной жизни он проявлял царственное величие. Красиво сложенный, Персей был силен и ловок в телесных движения, черты лица его запечатлены были строгостью и достоинством, украшавшим его молодость*. Наконец, в противоположность отцу он не предавался разврату и пьянству, и не только сам пил умеренно, но и застольные друзья его. Так вступал в управление царством Персей.

...В пору силы и господства над эллинами Филипп был вероломнейший и подлейший человек, а потом, когда счастье изменило ему, сделался в высшей степени умеренным. Когда наконец власть его рушилась совсем, Филипп не щадил усилий для того, чтобы поднять свое царство и приготовить его ко всем случайностям будущего (*О добродетелях и пороках, Свида*).

4. Посольство ликиян в Риме. ...После отправки консулов Тиберия и Клавдия[11] в поход на истров и агриев сенат уже к концу лета принял послов от ликиян[12]; они прибыли в Рим лишь после поражения ликиян в войне, хотя вышли из дому гораздо раньше. Дело в том, что жители Ксанфа[13], когда собирались начинать войну, отправили это посольство с Никостратом во главе в Ахаю и в Рим. Прибыв наконец в Рим, послы изобразили в ярких чертах бедственное положение ликийцев под гнетом родосцев и тем разжалобили многих сенаторов. Они убедили сенат отправить послов на Родос с уведомлением, что по рассмотрении записки, которую составили десять римских легатов в Азии при заключении мира с Антиохом, оказалось, что ликияне предоставлены родосцам вовсе не в дар, но на положении друзей и союзников. Многие остались очень недовольны таким решением распри, ибо усматривали в нем желание римлян поддерживать вражду между родосцами и ликиянами с целью истощить запасы и казну родосцев: перед тем римляне были осведомлены, с какою пышностью родосцы проводили невесту[14] к Персею, а равно об испытании их кораблей. В самом деле, незадолго перед сим родосцы устроили испытание морских сил, и все суда, какие у них были, отличались пышностью и великолепием. На сооружение кораблей Персей выдал родосцам множество дерева и подарил золотой

---

* Персею было 25 лет от роду.

головной убор[15] каждому из гребцов, которые проводили к нему невесту Лаодику (*О посольствах*).

5. Римские послы на Родосе. ...Когда римские послы прибыли на Родос и возвестили волю сената, среди должностных лиц Родоса поднялся сильный ропот и шум; в негодование приводили их слова сената, что ликияне отданы им не в дар, но на положении союзников. Они только что успокоились было на мысли, что дела ликиян улажены окончательно, а теперь видели начало новой смуты. И в самом деле, как только римляне явились к родосцам с этим уведомлением, ликияне снова заволновались и готовы были на все, лишь бы отстоять независимость и управлении и свободу. Тем не менее родосцы по выслушании римлян пришли к убеждению, что сенат обманут ликиянами, посему тотчас выбрали своих послов с Ликофроном во главе для разъяснения сенату указанных выше недоразумений. Так обстояли дела, когда с минуты на минуту можно было ожидать среди ликиян нового восстания (*О посольствах*).

6. Посольства родосцев, дарданов, фессалиян в Риме. ...Когда прибыли послы из Родоса, сенат выслушал их разъяснения, но на время отложил ответ. Пришли потом и дарданы с рассказами о бастарнах[16], о многочисленности их, высоком росте и боевой отваге, сообщили также о тайном союзе Персея с галатами, прибавляя к этому, что Персея они больше боятся, чем бастарнов, и потому просили у римлян помощи. Явились еще фессалийцы, которые поддерживали заявления дарданов и тоже просили о помощи. В ответ на это сенат постановил отправить[17] несколько человек для проверки известий на месте. Тут же был выбран Авл Постумий*, который и отъехал в сопровождении нескольких юношей (*там же*).

---

* Авл Постумий Альбин.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Беспутства сирийского царя Антиоха Эпифана; его расточительность на подарки и жертвы; отношение подданных к излишествам царя (1).

1. Беспутство Антиоха Эпифана. ...Названный Эпифаном и потом за беспутное поведение переименованный в Эпимана, Антиох[1] <...> иногда без ведома придворных своих скрывался из дворца и бродил там и сям по городу на виду у всех в сопровождении одного-двух товарищей. Наичаще можно было видеть его у серебряных и золотых дел мастеров, как он болтал с резчиками и иными рабочими и расспрашивал их об их мастерстве. Потом он заводил знакомства и разговоры с первым встречным из простонародья и бражничал с беднейшими из чужеземцев. Если бывало прослышит, что где-нибудь собрались молодые люди на пирушку, он без всякого преду-преждения является к ним в шумном сообществе, с чашей в руке и с музыкой; собравшиеся в смущении от такой неожиданности поднимались с мест и убегали. **Переодевания Антиоха.** Тоже нередко случалось, что он снимал с себя царское одеяние и в тоге[2] соискателя на должность эдила или народного трибуна обходил рынок, пожимал руки одним, обнимал других, убеждая подавать голоса за него. По избрании на должность он, согласно обычаю римлян, садился в кресло из слоновой кости[3], выслушивал споры, какие происходили на рынке, и решал дела с большим вниманием и усердием. Такого рода действиями царь приводил людей рассудительных в большое недоумение: одни видели в нем человека простодушного, другие безумца, ибо таков он был и в подарках: одним дарил козьи игральные косточки, другим финики, третьим золото. Кро-

мо того, при случайных встречах с людьми, которых раньше никогда не видел, он неожиданно предлагал подарки. Однако в жертвенных приношениях городам или в способах чествования богов он превосходил всех царей. В этом можно убедиться по святилищу Зевса Олимпийского в Афинах[4] или по изображениям у делийского жертвенника. **Посещение Антиохом народных бань.** Антиох ходил мыться в народные бани, когда они бывали переполнены простонародьем, и велел вносить за собой кувшины[5] с драгоценнейшими маслами.

Однажды в бане кто-то сказал ему: «Хорошо вам, цари, что вы умащаете себя такими ароматными маслами». Ни слова не сказал на это Антиох; только на другой день подошел к тому месту, где мылся человек, обратившийся с такими словами, и велел вылить ему на голову наибольший кувшин превосходнейшего масла, называющегося стактою[6]. Все купальщики при виде этого кинулись туда же, чтобы натереть себя маслом, но среди смеха падали на скользком полу. Скользил и смеялся и сам царь (*Афиней*)[7].

КНИГА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Послы в Халкиде от беотийских городов: Феспий, Херонец, Лебадеи и других; смуты в Фивах оттого, что одни держали сторону Рима, другие сочувствовали Персею; посольство к римлянам от Фив (1). Фивские изгнанники в Халкиде пользуются поддержкой римлян; передача Фив римлянам, меры римлян к расторжению беотийского союза; римские уполномоченные в Аргосе у ахейцев; возвращение уполномоченных в Рим (2). Другие римские уполномоченные в малоазиатских городах и на островах с целью усиливать везде римскую партию и ослаблять македонскую; преданность Родоса римлянам (3). Старания Персея склонить на свою сторону эллинские государства, особенно Родос (4). Посольство Персея в Коринфе, Фивах, Галиарте (5). Разрыв сношений между Персеем и Римом и приготовление римлян к войне (6). Разногласия на Родосе по отношению к римлянам; родосские корабли посланы в помощь римлянам (7). После первой победы над римлянами Персей безуспешно обращался к победителям с предложением мира (8). Сочувствие эллинских народов Персею и мотивы этого сочувствия; примеры из гимнастических состязаний; безрассудство эллинов (9–10). Кестр — новоизобретенное в то время метательное оружие у македонян (11). Выдающиеся достоинства Котиса, царя одного из фракийских народцев (12). Достоинства Птолемея, военачальника на Кипре (13). Выкуп македонских пленных у родосцев (14). Смуты в Эпире; Кефал и Хароп-младший — вожди двух партий: македонской и римской (15). Эпироты Теодот

и Филострат напрасно пытались предать Авла Гостилия Персею (16). Вероломство Фарнака (17). Старания Аттала восстановить брата Эвмена в тех почестях, какие были у него отняты ахейским народом (18). Из войны Антиоха с Птолемеем из-за Келесирии: посольство Антиоха в Риме (19). О первостепенной важности благоприятного момента и о недостатке настойчивости у людей при осуществлении замыслов (20).

1. Послы от беотийских городов в Халкиде. ...В это время явились посольства[1]: от феспиян Ласес и Каллея с товарищами и Исмений от Неона. Первое из них отдавало римлянам на попечение родной город, второе предлагало уполномоченным принять под свою защиту все города Беотии в совокупности. Это последнее предложение вовсе не соответствовало планам Марция и Атилия, ибо они всего больше желали раздробить беотян на отдельные города. Посему римские уполномоченные приняли радушно и ласково Ласеса, а также посольства херонеян, лебадеян[2] и прочих беотян, явившихся каждое от своего города. Исмению, напротив, они отличили явным равнодушием и пренебрежением, когда несколько изгнанников[3] по уговору едва не побили его каменьями; он укрылся только под навесом[4] римлян. В это самое время в Фивах происходили раздоры и смута: одни из фиванцев настаивали на том, чтобы отдать город под защиту римлян, другие, именно жители Коронеи и Галиарта[5], бежавшие в Фивы и пытавшиеся захватить дела в свои руки, утверждали, что необходимо оставаться в союзе с Персеем. Некоторое время в собрании силы противников были одинаковы; но лишь только коронеец Олимпих изменил первоначальному настроению и посоветовал держать сторону римлян, собрание сразу перешло к другому решению. Фиванцы тотчас заставили Дикета идти послом к Марцию, дабы оправдать себя относительно союза Фив с Персеем. Вслед за сим они ворвались в жилища Неона, Гиппия и их единомышленников и выгнали их, требуя отчета в управлении делами, так как они-то и устроили союз с Персеем. Когда Неон и Гиппий удалились из города, фиванцы собрались на вече и прежде всего постановили оказать римлянам почести и предложить дары, а потом обязали своих правителей поторопиться с заключением союза с римлянами. Нако-

нец они выбрали уполномоченных для передачи города римлянам и для возвращения фиванских изгнанников.

2. Римские уполномоченные в Халкиде. Расторжение беотийского союза римлянами. Пока в Фивах совершались эти события, изгнанники в Халкиде, предводимые Помпидом, принесли жалобу на Исмения, Неона и Дикета. Виновность названных граждан была несомненна, а римляне оказывали сильную поддержку изгнанникам, так что Гиппий и друзья его были в большом затруднении. Возбуждение халкидского народа было так велико, что одно время самая жизнь обвиняемых граждан была в опасности; только римляне сдержали ярость толпы и приняли кое-какие меры к их охране. По прибытии в Халкиду фиванцев, которые уведомили римлян о состоявшихся в честь их определениях, все дело получило другой оборот; перемена последовала быстро, так как Фивы и Халкида разделены небольшим расстоянием. Марций и товарищи его приняли фиванцев ласково, благодарили их город и советовали возвратить изгнанников домой. Тут же они подали мысль, чтобы все города Беотии отправили свои посольства в Рим и чтобы каждое посольство отдельно предоставило свой город под защиту римлян. План их удался вполне, а состоял он в том, чтобы расторгнуть беотийский союз и ослабить расположение народа к македонскому дому. Засим римские уполномоченные вышли в Пелопоннес, оставив Халкиду на попечение Сервия*, которого вызвали из Аргоса; через несколько дней Неон возвратился в Македонию. Что касается Исмения и Дикета с товарищами, то они тогда же были заключены под стражу и вскоре кончили жизнь самоубийством.

Итак, беотийский народ, долгое время живший общим союзным единым устройством и часто, вопреки всяким ожиданиям, выдерживавший многообразные испытания, в последнее время поспешно и необдуманно стал на сторону Персея и теперь распался и раздробился на отдельные города в беспричинном ребяческом страхе перед римлянами[6].

Между тем Авл и Марций** по прибытии в город аргивян вступили в переговоры с союзными властями ахейцев и потребовали от стратега Архона отправить в Халкиду тысячу

---

* Сервий Корнелий Лентул.
** Авл Атилий, Квинт Марций Филипп.

воинов для охраны города раньше переправы римлян в Элладу. Так как Архон охотно согласился исполнить требование, то римские уполномоченные вместе с Публием* отплыли обратно в Рим, зимою еще покончив с делами эллинов (*О посольствах*).

3. Римские уполномоченные на островах и городах Малой Азии. Расположение родосцев к римлянам. ...В это самое время Тиберий** и Постумий[7] с товарищами объезжали острова и азиатские города, дольше всего оставаясь на Родосе, хотя при тогдашних обстоятельствах и не было нужды в этом[8]. Пританом[9] на Родосе был тогда Агесилох, человек влиятельный, тот самый, который впоследствии ездил послом в Рим, а раньше еще, как только война римлян с Персеем признана была неизбежной, уговорил народ поддерживать римлян всякими способами, между прочим посоветовал родосцам оснастить[10] сорок кораблей, дабы в случае надобности, когда римляне потребуют их помощи, не нужно было тратить время на сборы, но быть наготове и без промедления исполнить свое решение. Все это он теперь объяснил уполномоченным, показал военные средства родосцев и отпустил их довольными. Тиберий и товарищи благодарили родосцев за расположение и возвратились в Рим (*там же*).

4[11]. Безуспешное обращение Персея к родосцам и другим эллинам за поддержкой. ...После переговоров[12] с римлянами Персей обратился к городам эллинов[13] с письмами, в которых защищал всяческими доводами свое дело и излагал те речи, какие были произнесены обеими сторонами, частью в надежде доказать правоту своих действий, частью из желания выведать настроение отдельных народов. Ко всем вообще государствам он отправил письмоносцев с письмами, только на Родос отрядил еще и послов, Антенора и Филиппа. Эти последние по прибытии на место вручили письмо властям, а несколько дней спустя представили на вече с увещанием, чтобы родосцы оставались пока спокойными наблюдателями событий, а потом выступили бы умиротворителями, если римляне, в противность договору, отважатся напасть на Персея и македонян. «Для всех, — говорили они, — выгодно такое вмеша-

---

* Публий Корнелий Лентул, брат Сервия.
** Тиберий Клавдий Нерон, Авл Постумий Альбин.

тельство, родосцам оно приличествует более всего. Если они стараются установить повсюду вольности и равенство и не перестают ратовать за свободу не только свою собственную, но и прочих эллинов, то тем с большею зоркостью надлежит им следить за притязаниями противоположного свойства и по мере возможности бороться против них». Долго говорили послы в том же смысле, и речам их сочувствовали все присутствующие. Но родосцы заранее уже были расположены в пользу римлян, и более благоразумное настроение взяло верх; прием послам был оказан вообще радушный, только в своем ответе родосцы просили Персея не требовать от них ничего такого, что было бы противно намерениям римлян. Желательного ответа Антенор и Филипп не получили от родосцев, зато во всем прочем остались довольны приемом и с тем возвратились в Македонию (*О посольствах*).

5. Обмен посольствами между Филиппом и некоторыми городами Беотии. ...Персей узнал, что некоторые города Беотии все еще верны ему, а потому отрядил туда послом Антигона, сына Александра. Сей последний по прибытии к беотянам миновал все города, на дружеские отношения которых вовсе не рассчитывал; поэтому посетил только Коронею, Фивы и Галиарт, где и убеждал жителей пребывать в дружбе с македонянами. Когда речь его выслушана была сочувственно и города постановили отправить послов в Македонию, Антигон отъехал обратно с докладом царю о положении дел в Беотии. Вскоре прибыли отсюда и послы с просьбою о подкреплении городам, стоящим заодно с македонянами, «ибо фиванцы», так жаловались послы, «опасные соседи и уже тревожат их за то, что те не желают заодно с фиванцами примкнуть к римлянам». По выслушании просьбы Персей отвечал, что ни под каким видом никому не может послать подкрепление, так как теперь у него перемирие с римлянами, но советовал беотянам обороняться по мере сил от фиванцев, не поднимая, однако, войны на римлян и вообще оставаясь в покое (*О посольствах*).

6. Суровое обращение римского сената с послами Персея. ...По выслушании своих уполномоченных[14], которые явились из Азии с известиями о делах Родоса и прочих городов, римляне вызвали в сенат посольство Персея. Солон и Гиппий пытались было сказать кое-что о положении дел вообще и оправдаться перед сенатом, но главная забота их была направ-

лена к тому, чтобы защитить Персея от обвинения в посягательстве на жизнь Эвмена. Однако как только послы кончили защитительную речь, сенаторы отдали приказ им и всем прочим македонянам, какие только находились тогда в Риме, покинуть город немедленно, а Италию в течение тридцати дней: у римлян давно уже решено было воевать. Вслед за сим сенаторы обратились к консулам[15] с настоятельным требованием воспользоваться благоприятным моментом и не откладывать (*там же*).

7[16]. Решимость родосцев держать сторону Рима против Персея. ...Гай* стоял еще с флотом подле Кефаллении, когда послал родосцам письмо с просьбою о доставке судов, самое письмо вручив банщику[17] Сократу. Письмо было получено на Родосе во второй половине года в пританию Стратокла, и во время обсуждения его в собрании Агафагет, Родофон, Астимед и многие другие предлагали отправить корабли тотчас и ни под каким видом не уклоняться от участия в войне с самого же начала. Напротив, партия Динона и Полиарата, уже и раньше не разделявшая дружественного настроения к римлянам, прикрылась теперь именем Эвмена и начала внушать народу превратные мысли. Дело в том, что с давнего еще времени, именно со времени войны с Фарнаком, родосцы питали против Эвмена подозрение и неприязнь, ибо царь с целью заградить доступ судам в Понте поставил свой флот на якорь у входа в Геллеспонт, а родосцы оказали противодействие и тем разрушили его план; потом, незадолго до описываемых событий, неприязнь эта была подогрета ликейскими смутами из-за нескольких укреплений и земель, лежавших на границе Переи, владений родосцев, и непрестанно терпевших разорение от подданных Эвмена. Вот почему родосцы охотно выслушивали все, что говорилось против этого царя. Пользуясь таким настроением их, Динон и его единомышленники стали глумиться над письмом, утверждая, что оно не от римлян, а от Эвмена, что Эвмен желает накликать на их народ каким бы то ни было способом войну и тем причинить ему лишние расходы и тягости. В подтверждение своих слов Динон и Полиарат указывали на то, что письмо доставлено банщиком, человеком низкого звания, а это несогласно с правилами римлян,

---

* Гай Лукреций Галл, претор.

которые для подобных поручений назначают людей выдающегося положения и со старательным выбором. Когда они утверждали это, то прекрасно знали, что письмо написано Лукрецием; но они желали только настроить свой народ так, чтобы он не шел навстречу всяким требованиям римлян, наоборот, при всех случаях создавал бы затруднения и тем подавал им повод к досаде и недовольству. Целью их было расторгнуть дружбу народа с римлянами и по мере возможности втянуть родосцев в союз с Персеем. Названные родосцы ревновали об этом деле, потому что Полиарат, слишком хвастливый и тщеславный человек, обременил свое имущество долгами, а Динон, алчный и бесстыжий, всегда имел охоту наживаться от милостей владык и царей. После Полиарата и Динона поднялся с места притан Стратокл и многочисленными доводами против Персея и в пользу римлян убедил большинство собрания утвердить определение об отправке кораблей римлянам. Тотчас велено было оснастить шесть четырехпалубных судов, из которых пять под начальством Тимагора посланы к Халкиде, а шестое, на котором находился сам начальник Тимагор, к Тенеду. В Тенеде Тимагор настиг Диофана, отправленного Персеем к Антиоху, и хотя самого его не захватил, но овладел его судном. Лукреций ласково принял всех союзников, явившихся к нему с кораблями, но отклонил их услуги, объяснив, что флот его пока не нуждается в подкреплении союзников (*О посольствах*).

8. ...Когда после победы[18] македонян собрался совет у Персея, кое-кто из друзей внушал царю мысль о необходимости отправить посольство к римскому консулу с предложением уплатить римлянам ту же дань, какую раньше обязался заплатить отец его после поражения[19], и очистить те же местности. Если римляне примут эти условия, говорили советники, то исход войны будет почетным для царя, после того, как он остался победителем в открытом сражении, и римляне, научившись на опыте ценить мужество македонян, будут впредь осмотрительнее предъявлять македонянам несправедливые или тягостные требования. Если же римляне, досадуя на поражение, не согласятся на мир, то божество покарает их праведным гневом своим, а ему умеренность доставит пособников в богах и людях. **Попытки Персея кончить войну миром. Согласие римлян на мир под условием полной капитуля-**

ции Персея. Война возобновляется. Большинство[20] друзей разделяло это мнение; к нему присоединился и Персей; посему тотчас отправлены были послами к римлянам Пантавх, сын Балавха, и Мидон, уроженец Берои[21]. Как скоро послы прибыли к Лицинию*, консул созвал военный совет, и когда послы объяснили возложенное на них поручение, римляне отпустили их и стали совещаться между собою. Единогласно было решено дать ответ возможно более суровый. У римлян искони в силе своеобразное обыкновение: показывать высшую степень гордости и упорства в несчастии и величайшую умеренность в счастии, и всякий признает такой образ действий правильным; но позволительно сомневаться только, всегда ли он применим. Во всяком случае, на сей раз дан был римлянами ответ именно такого рода: они требовали, чтобы Персей покорился сам и предоставил бы сенату полную власть устроить Македонию по своему разумению. Ответ этот Пантавх и Мидон по возвращении к Персею доложили царю и друзьям его. Некоторые из друзей, пораженные[22] надменностью ответа, в гневе советовали Персею не прибегать больше к посольствам и прекратить дальнейшие переговоры с римлянами. Однако не так думал Персей, и много раз еще обращался к Лицинию через послов с предложением все большей и большей суммы денег. Ничего он этим не достиг и только подвергался укоризнам большинства друзей за то, что, будучи победителем, поступает как противник слабейший и окончательно побежденный. Персей вынужден был кончить переговоры и снова перенес свою стоянку к Сикирию[23]. В таком положении были эти дела (*О посольствах*).

9. Сочувствие эллинских народов Персею. ...Когда по Элладе разнеслась весть о победе македонской конницы над римскою[24], сочувствие народов Персею, до того времени большею частью скрываемое, прорвалось наружу ярким пламенем. Мне кажется, впрочем, что это сочувствие было особенное какое-то, похожее на то, которое наблюдается на состязательных играх, именно: когда в состязаниях с борцом знаменитым и славящимся за неодолимого схватывается безвестный и гораздо более слабый противник, то вначале толпа зрителей обращает свое участие на слабейшего, поощряя его восклицаниями и

---

* Публий Лициний Красс, консул 583 г. от основания Рима.

поддерживая восторгами. Если он тронет себя за лицо или иначе как-нибудь даст понять, что получил удар, тотчас все присутствующие разом приходят в волнение и тогда не прочь даже поглумиться над противником, не из вражды к нему или презрения, но из сочувствия, охватившего их внезапно, свойственного нам по природе, и из расположения к слабейшему. Но пускай кто-либо вовремя образумит толпу — настроение ее быстро изменится, и она тотчас поймет свое заблуждение. **История с Клитомахом и Аристоником.** Так, говорят, поступил Клитомах[25]. Когда он прослыл за неодолимого борца и молва о нем разошлась во всей земле, царь Птолемей, как рассказывают, возымел непременное желание подорвать его славу; с этою целью он занялся весьма старательно подготовкою кулачного бойца Аристоника, которого считали пригоднейшим для такого дела человеком, и отправил его в Элладу. Когда Аристоник, по прибытии в Элладу, вступил в состязание на олимпийских играх с Клитомахом, многие из присутствующих, как и следовало ожидать, не замедлили принять сторону Аристоника и обращались к нему с ободряющими восклицаниями, радуясь, что нашелся наконец человек, дерзающий помериться силою с Клитомахом. Когда во время борьбы Аристоник показал себя равносильным противником и даже нанес меткий удар Клитомаху, раздались рукоплескания, и толпа вне себя от восторга приветствовала и поощряла Аристоника. Рассказывают, что в этот момент Клитомах отошел в сторону, чтобы передохнуть немного, и, обернувшись к толпе, спросил: зачем она приветствует Аристоника и по мере сил своих старается обеспечить победу за ним? «Не потому ли, что они признают его, Клитомаха, поведение в состязании неправильным или, быть может, они не знают, что Клитомах борется теперь за честь эллинов, а Аристоник за славу Птолемея царя? Быть может, они предпочтут видеть египтянина торжествующим над эллинами, увенчанным в Олимпии, и не слышать, как провозглашен будет победителем в кулачном бою фиванец или биотиец?» Это обращение Клитомаха произвело такую перемену в присутствующих, что Аристоник был побежден не столько Клитомахом, сколько этим обратным настроением зрителей.

10. Почему эллинские народы сочувствовали Персею, а не римлянам? Нечто подобное происходило в отношениях народов к Персею. Если бы кто-нибудь образумил эллинов сме-

ным вопросом: неужели они желают предоставить такой перевес силы одному человеку и хотели бы вкусить господства самодержавного, вполне безответственного владыки, то, я уверен, они быстро одумались бы, заговорили бы другое[26] и встали бы на противоположную сторону. Если б еще при этом напомнить им, хоть в немногих словах, те тягости, какие они претерпели от царственного дома македонян, и те блага, какие принесло им с собою римское владычество, то, я думаю, они тотчас глубоко раскаялись бы в своем поведении. Итак, удовольствие при известии о победе было на сей раз первым безотчетным движением народа, который радовался столь неожиданному появлению достойного противника римлян, кто бы он ни был. Я вынужден был остановиться на этом предмете, дабы кто-либо по незнанию человеческой природы и по легкомыслию не стал укорять эллинов за тогдашнее их поведение в неблагодарности (*Сокращение ватиканское*).

11. Метательное оружие у македонян — кестр. ...Кестр[27]. Это было новое изобретение в Персееву войну. Вот какова была стрела: в две ладони длиною, и трубка такой же длины, как наконечник. В трубку вставлено древко в одну пядь длиною и в палец толщиною; к древку в средней части его приделаны три совсем маленьких крылышка из дерева, стрела свободно лежала в желобке, между двумя частями пращи[28] разной, конечно, длины. Когда оба ремня пращи при вращательном движении бывали натянуты, стрела держалась на месте; но при метании, когда один из ремней выпускался из рук, стрела падала из желобка, летела из пращи как свинцовая гиря и сильным ударом причиняла тяжкие поранения настигаемым людям (*Свида*).

12. Характер Котиса, царя одрисов. ...Котис[29] был выдающийся человек как по наружному виду, так и по способностям к военному делу; к тому же характером своим он менее всего походил на фракийца: так был он воздержан, отличался мягкостью нрава и благородной серьезностью (*Свида, О добродетелях и пороках*).

13. Бережливость Птолемея, военного правителя Кипра. ...Птолемей[30], военачальник на Кипре, человек рассудительный и ловкий, был совсем не египтянин по характеру. Управление островом он получил еще в малолетство царя и старательно занялся накоплением денег, но при этом не производил из

казны решительно никому никаких выдач, хотя царские казнохранители и обращались к нему с требованиями о деньгах и жестоко укоряли его за упорство. Только когда царь достиг совершеннолетия, кипрский военачальник отправил ему большие суммы, собранные раньше. Тогда и сам Птолемей*, и его придворные похвалили военачальника за обнаруженные раньше бережливость и упорство (*Свида, О добродетелях и пороках*).

14. Посольство Персея на Родосе. Нерешительность родосцев. ...Когда Персей освободился от войны с римлянами[31], и от него прибыл на Родос Антенор для выкупа из плена Диофана и его команды, власти родосцев были в большом затруднении, не зная, как поступить. Дело в том, что Филофронту, Теэтету и их сторонникам вовсе не хотелось входить в сношения с Персеем; Динон и Полиарат, напротив, желали этого. В конце концов родосцы вошли в соглашение с Персеем относительно выкупа пленных (*О посольствах*)[32].

15. Отпадение Эпира от римлян. Хароп, Кефал, Антиной. ...Из Эпира явился** Кефал[33]. Он и раньше состоял в дружеских отношениях к царскому дому македонян, а теперь принять сторону Персея вынудили его обстоятельства. Поводом к тому послужило следующее: жил в Эпире Хароп[34], человек вообще хороший и друг римлян, тот самый, благодаря коему Филипп был вытеснен из Эпира, хотя и занял было тамошние теснины, а Тит приобрел власть над Эпиром и македонянами. Он имел сына Махата, у которого был сын, тоже Хароп. Этого-то Харопа, который, когда отец умер, едва вышел из детского возраста, дед послал в Рим для обучения латинскому языку и словесности. Некоторое время спустя юноша возвратился домой, оставив в Риме многочисленные знакомства. Хароп-старший умер, а юноша, спесивый по характеру и преисполненный порочных наклонностей, вел себя надменно и затевал ссоры с именитыми гражданами. Сначала на это не обращалось никакого внимания, и граждане, которые были старше его возрастом и более влиятельны, каковы Антиной и Кефал, управляли общественными делами по собственному разумению. Но как только началась Персеева война, юноша стал клеветать римлянам на помянутых выше граждан, для чего пользовал-

---

* Птолемей Филометор.
** К Персею.

со старыми дружественными отношениями их к македонскому дому. В наше время он наблюдал за каждым шагом Кефала и Антиноя и, то убавляя что-нибудь, то прибавляя, всякое их слово и действие толковал в дурную сторону, так что в Риме наконец стали верить его клеветам. Между тем Кефал, вообще человек умный и рассудительный, держался в это время наилучшим образом: он начал с того, что вознес молитву богам, чтобы войны не было и чтобы распря до решительных действий не дошла; когда же война стала делом неизбежным, он решил выполнять все обязательства союзника, но не больше того, дабы не унижать себя пресмыкательством и не предлагать услуг, к коим не был обязан. Когда Хароп прилагал все старания к тому, чтобы оклеветать их и представить все, что происходило несогласного с желаниями римлян, делом злонамеренности Кефала и Антиноя, сии последние первое время оставляли клеветы без внимания, не сознавая за собою никаких деяний, неприязненных римлянам. Но когда после сражения двух конниц они увидели, что в Рим препровождены без всякой вины этолийцы Гипполох, Никандр, Лохаг[35], и что у римлян находят себе веру наговоры Ликиска и товарищей, которые в Этолии значили то же, что Хароп в Эпире, тогда Кефал и Антиной в тревоге за ожидающую их участь стали обдумывать, что делать. Наконец принято было решение испытать скорее все, чем быть без суда и следствия препровожденными в Рим по извету Харопа. Так-то Кефал и Антиной вынуждены были обстоятельствами против собственного желания стать на сторону Персея (*О добродетелях и пороках*).

16. Неудавшиеся козни эпиротов против Авла Гостилия. ...Теодот и Филострат[36] совершили деяние бесчестное и предательское, в чем все согласны, именно: прослышав о том, что римский консул Авл Гостилий[37] находится на пути к римскому войску в Фессалию, и рассчитывая снискать себе полнейшее доверие Персея и сильно ухудшить тогдашнее положение римлян, если предадут Авла Гостилия, посылали Персею письмо за письмом с приглашением поспешить в Фессалию. Царю хотелось тотчас идти на соединение с Теодотом и Филостратом, но молотты заняли мост через реку Аон и заградили дорогу, так что царь вынужден был сначала дать битву молоттам. Случилось так, что Авл по прибытии к фанотеям[38] остановился у кропийца[39] Нестора и тем сильно помогал

делу злоумышленников; наверное, он и не избег бы гибели, если бы не выручил его случай. Как бы по наитию свыше Нестор угадал грозящую опасность и настоял на том, чтобы Авл тотчас, ночью еще, перешел к соседу. Тогда консул отказался от пути через Эпир, сел на корабль и морем прибыл в Антикиру, а оттуда продолжал путь в Фессалию (*там же*).

17. ...Фарнак[40] был вероломнейший из царей (*там же*).

18. Ходатайство Аттала за Эвмена перед ахейцами. ...Аттал[41] зимовал в Элатее; он хорошо знал, какое тяжкое огорчение причинили пелопоннесцы брату его Эвмену, когда по силе общесоюзного постановления лишили его высших почестей; знал также, что брат скрывает свои чувства от всех. Поэтому Аттал решил отправить уполномоченных кое к кому из ахейцев и через них добиться того, чтобы в честь его брата восстановлены были не только статуи, но и письменные определения. Сделал он это в том убеждении, что окажет брату величайшую услугу, а эллинам, — что было для него еще важнее, — даст свидетельство братней любви и великодушия (*О добродетелях и пороках*).

19. Посольство Антиоха в Риме. ...Когда Антиох* ясно увидел[42], что александрийцы уже готовятся к войне из-за Келесирии, он отправил в Рим посольство с Мелеагром во главе и поручил ему передать сенату и засвидетельствовать перед ним, что Птолемей в противность всякому праву идет на него войною (*О посольствах*).

20. Суждение автора о важности удобного момента. ...Кажется, во всех наших начинаниях необходимо на каждом шагу сообразоваться с обстоятельствами, ибо от этого зависит очень многое, наипаче в делах военных, где обстоятельства определяют решительный поворот в ту или другую сторону. Вот почему пропустить удобный момент значит допустить величайшую ошибку.

Суждение о людской нерадивости. ...Хотя многие люди, думается нам, жаждут славных подвигов, но лишь немногие отваживаются браться за такие дела; да и из тех, которые начинают дело, редкие только имеют мужество выполнить до конца свой долг в каждом отдельном случае (*Сокращение ватиканское*).

---

* Антиох Эпифан, он же Эпиман.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Война из-за Келесирии между Антиохом Эпифаном и Птолемеем Филометором; посольства обоих царей в Риме; обещание сената уладить распрю (1). Родосское посольство в Риме с целью возобновить дружбу и рассеять сомнения римлян в верности родосцев; посольства в Риме от разных эллинских городов (2). Уполномоченные от А. Гостилия в эллинских землях с целью усиления повсюду римской партии: в Фивах, в Ахае, Этолии, Акарнании; народные собрания в Эгии, в Ферме, в Фурии; междоусобицы в Этолии (3–4). Македонская партия и римская среди акарнанов; сторонники римлян убеждали их поставить свои гарнизоны в Акарнании; везде римляне действовали осторожно (5). Совещание ахейских властей с представителями различных городов союза о положении дел; Ликорт, Аристон, Архратий и др.; разногласия в среде ахейцев относительно римской политики (6). Обращение Аттала к ахейцам по делу брата Эвмена; разногласия в среде ахейцев; принятое союзным собранием предложение Полибия об ограниченном восстановлении Эвмена в прежних почестях (7). Переговоры послов Персея с иллирийским царем Генфием; нужда Генфия в деньгах; корыстность Персея и оттого безуспешность переговоров с царем (8–9). Осуждение Персея за нападки на других (10). Взятие Гераклия в Перребии римлянами: «черепичная крыша» (11). К римскому консулу в Фессалию, куда направлял свои войска и Персей, ахейцы послали уполномоченных с предложением военной помощи; во главе посольства стоял наш автор; посольство ахейцев к

Атталу; ахейское посольство настигло римлян в Перребии; отказ Марция от поддержки ахейцев (12–13). Предательский и преступный образ действий кидонийцев против аполлониатов на Крите; обращение кидонийцев к Эвмену за помощью (14–15). Посольства родосцев к сенату, к консулу и к начальнику флота для скрепления отношений с Римом; объяснения автора по поводу принятого им порядка изложения (16). Родосские послы у Квинта Марция и у Гая Марция Фигула: совет Квинта родосцам содействовать прекращению распри между Антиохом и Птолемеем; македонская партия на Родосе в меньшинстве (17). К характеристике Антиоха (18). Посольства к Антиоху от Птолемея по занятии первым некоторых земель Египта; два посольства из ахейцев; три посольства из афинян; одно из милетян, одно из клазоменцев; послы от Птолемея (19). Увещания посольств к Антиоху прекратить войну с Птолемеем; убедительные возражения Антиоха (20). Бегство Птолемея на Самофракию по совету евнуха Эвлея (21). Посольство от Антиоха в Риме с дарами (22). Посольство от родосцев в Александрии и в стане Антиоха с целью примирения воюющих; ответ Антиоха (23).

1. Распря между Птолемеем и Антиохом. Война между царями Антиохом и Птолемеем из-за Келесирии уже началась, когда в Рим прибыли послы: от Антиоха Мелеагр[1], Сосифан и Гераклид, от Птолемея Тимофей и Дамон. Власть над Келесирией и Финикией принадлежала Антиоху, ибо с того времени, как Антиох, отец нашего царя, разбил военачальников Птолемея в битве близ Пания[2], обе названные страны поступили во власть сирийских царей. Поэтому-то Антиох почитал эти земли своими владениями в том убеждении, что войною приобретенное право самое прочное и почетное. С другой стороны Птолемей полагал, что Антиох-старший несправедливо присвоил себе города Келесирии, воспользовавшись малолетством сироты*, почему и не считал себя обязанным уступать земли Антиоху. Итак, явившееся в Рим посольство с Мелеагром во главе имело своей задачей засвидетельствовать перед

---

* Птолемей Эпифан.

сенатом, что Птолемей, в противность всякому праву, первый идет войною на Антиоха; Тимофею же и Дамону поручено было возобновить дружеские отношения с Римом и привести войну к концу с Персеем, а также, и это было всего важнее, наблюдать за поведением Мелеагра. Говорить о прекращении войны послы не решились, как и советовал им Марк Эмилий*[3], а на просьбу о возобновлении дружбы они получили благоприятный ответ и с тем возвратились в Александрию. Мелеагру и товарищам сенат отвечал, что Квинту Марцию**[4] даст полномочие написать Птолемею по этому предмету, в каком виде найдет тот нужным по собственному разумению. На сей раз так порешили с этим делом (*О посольствах*).

2. Посольство родосцев в Риме. Борьба партий на Родосе. В это время, уже к концу лета, прибыли послы и от родосцев: Агесилох, Никагор и Никандр с поручением возобновить дружественный союз[5] и получить право вывоза хлеба, вместе с тем защитить свой город от обвинений, на него возводимых. Было известно, что на Родосе враждуют между собою две партии, что Агафагет, Филофрон, Родофонт и Теэтет возлагают все упования свои на римлян, Динон же и Полиарат на Персея и македонян. Посему часто бывали разногласия в народных собраниях, и решения затягивались, чем пользовался всякий, кто желал клеветать на город родосцев. В то время, однако, сенат вовсе не обращал внимания на подобные изветы, хотя и хорошо знал, что творится у родосцев, и дозволил им вывезти из Сицилии[6] сто тысяч медимнов хлеба***. Так обошелся сенат собственно с родосскими послами[7]; подобный прием оказал сенат и всем прочим посольствам Эллады, ибо прочие города действовали таким же образом. Так шли дела в Италии (*там же*).

3. Римские уполномоченные в эллинских городах. Двусмысленный образ действий сената. В это время Авл****, в звании проконсула зимовавший вместе с войском в Фессалии, отправил уполномоченными в эллинские земли Гая Попилия[8] и Нея Октавия. Прежде всего они пришли в Фивы, благодарили жителей за их поведение и убеждали сохранять верность

---

* Марк Эмилий Лепид.

** Квинт Марций Филипп, консул 585 г. от основания Рима.

*** 1 медимн — 52,50 литра.

**** Авл Гостилий Манцинн, консул 584 г. от основания Рима.

римлянам. Вслед за сим они отправились по городам Пелопоннеса и, прочитывая приведенное выше постановление, старались выставлять на вид благодушие сената и его милости. Однако тут же мимоходом они в своих речах давали понять слушателям, что отлично знают в каждом городе как тех граждан, которые в противность долгу отклоняются от дружественных действий, так и тех, которые выступают с нападками; при этом для всех было ясно, что и уклоняющимися гражданами, и явными своими противниками римляне недовольны одинаково. Такое заявление уполномоченных повергало народ в тревожное раздумье о том, каким же образом приспособить свои речи и поступки к существующим отношениям. Между тем ходили слухи, что Гай и Гней вознамерились, созвав ахейцев в собрание, предъявить обвинения против Ликорта, Архона Полибия в том, что они враждебны целям римлян и если в данное время бездействуют, то вовсе не по склонности к миру, а потому что выжидают удобного момента и пока следят за ходом событий. Но выступить с обвинениями против названных выше ахейцев римские уполномоченные не отважились за отсутствием достаточных улик, и когда созвано было в Эгии, как они того желали, союзное собрание, уполномоченные обратились к ахейцам с дружеским увещанием[9]; засим отплыли в Этолию.

4. Римские уполномоченные в Этолии. Подозрения и смуты среди этолийцев. И здесь, по желанию уполномоченных, созвано было собрание в Ферме; и здесь они выступили перед собравшимися с дружественными увещаниями, хотя заявили, что от этолийцев должны быть выданы им заложники: это и было главною целью собрания. Когда римляне покинули подмостки[10], выступил с речью Проандр, желая напомнить об услугах, полученных от него римлянами, и пожаловаться на клеветников. В ответ на это Гай снова поднялся с места и, хотя отлично знал нерасположение Проандра к римлянам, подтвердил все им сказанное и благодарил его. После Гая говорил Ликиск[11], не называя никого по имени, но намеками обвиняя многих. По его словам, римляне поступили мудро, препроводив в Рим вождей движения[12], разумея при этом Эвполема и Никандра с товарищами; но соратники их и пособники, продолжал Ликиск, остаются еще в Этолии; их должна бы постигнуть та же участь, если они не отдадут детей своих римлянам в заложники. **Ликиск, Архедам, Фоант, Панталеонт.** Свое

предложение Ликиск направлял главным образом против Архедама и Панталеонта. По удалении на место Ликиска выступил Панталеонт, в немногих словах обругал его, назвав бесстыдным и низким льстецом господ, засим напал на Фоанта, которого подозревал в клеветнических изветах: им верили тем скорее, думал Панталеонт, что, не видели, у него и Архедама никакой вражды к Фоанту. Он припомнил время войны с Антиохом и укорял Фоанта в неблагодарности, потому что по уговору он был выдан римлянам и неожиданно получил помилование благодаря ему и Никандру, ходившим тогда послами в Рим. Этим напоминанием Панталеонт сразу привел этолийцев в такое возбуждение, что они не только заглушили Фоанта криками, когда он попытался было говорить, но все как один кинулись на него с каменьями в руках. Тогда Гай обратился к этолийцам с немногословной укоризной за нападение на Фоанта и отсюда же вместе с товарищем отправился в Акарнанию, не говоря больше ни слова о заложниках; взаимные подозрения и смуты царили повсеместно в Этолии[13].

5. Очередные римские уполномоченные в Акарнании. Две партии среди акарнанов. В Акарнании было созвано народное вече в Фурии[14], на котором друзья римлян Эсхрион, Главк, Хремат убеждали Гая и Гнея занять Акарнанию гарнизонами. Ибо, говорили они, есть между акарнанами люди, которые тянут народ в сторону Персея и македонян. Противоположный совет давал уполномоченным Диоген: не подобает, говорил он, ни в один из городов вводить гарнизон, ибо мера эта применяется к народам, которые воевали против римлян и были побеждены ими. Ничего подобного с акарнанами не было, и потому было бы большою несправедливостью ставить гарнизон в какой-либо из их городов; Хремат, Главк и Эсхрион, продолжал Диоген, надеются изветами на противников утвердить собственную власть и готовы для поддержания своих властолюбивых замыслов ввести гарнизоны в города акарнанов. Из слов Диогена Гай и Гней заключили, что гарнизоны были бы неугодны народной массе и, желая сообразоваться с настроением собрания[15], последовали совету Диогена, благодарили его, а засим направились обратно в Ларису к проконсулу (*О посольствах*).

6[16]. Собрание именитых ахейцев. Мнение относительно римлян. Архон, Полибий. ...Ахейцы решили, что посоль-

ство римлян требует тщательного обсуждения. Они поэтому пригласили граждан, действовавших вообще согласно с ними, — это были мегалопольцы Аркесилай и Аристон, тритеец Стратий, патрянин Ксенон, сикионец Аполлонид, — и за нялись обсуждением тогдашних событий. Итак, Ликорт оста вался при первоначальном мнении: не помогать ни в чем ни Персею, ни римлянам, равным образом и не враждовать ни с одною из сторон. Прозревая непомерное могущество будуще го победителя, он полагал, что содействовать тому или друго му из воюющих грозило бы гибелью всем эллинам; но и про тиводействовать казалось опасным, потому что и раньше уже в устроении союзных дел они приходили в столкновение со многими из именитейших римлян[17] <...> Аполлонид и Стра тий советовали не враждовать с римлянами открыто, но при бавляли, что необходимо сдерживать и тех граждан, которые пресмыкаются перед римлянами и ценою общего блага снис кивают себе почести у них, действуя вопреки законам и об щим выгодам, и оказывать им мужественное сопротивление. Со своей стороны Архон настаивал на том, что следует прино ровляться к обстоятельствам, не подавать повода врагам кле ветать на них и самим не навлекать на себя участи Никандра и его товарищей: еще прежде, чем испытать могущество рим лян, они попали в бедственное положение[18]. К этому мнению присоединились Полиен, Аркесилай, Аристон, Ксенон, поче му решено было тут же провести Архона на должность союз ного стратега, а Полибия в начальники союзной конницы[19].

7. Просьба Аттала к ахейцам о восстановлении почестей Эвмену. Случилось так, что вскоре после этого Аттал об ратился с переговорами к Архону и его единомышленникам, как раз в такое время, когда у них принято уже было решение действовать заодно с римлянами и их друзьями, и к перегово рам с Атталом они поэтому были приготовлены. Вот почему ахейские власти охотно откликнулись на предложение Атта ла и обещали ему свое содействие. Когда Аттал отправил сво их послов, и они явились на первом союзном вече*, когда по слы заговорили с ахейцами о восстановлении почестей царю и просили сделать это в угоду Атталу, было неясно, как думает об этом народ; между тем многие из присутствующих, по раз-

---

* В первом собрании после того, когда стратегом был Архон.

личным основаниям, начали против этого требования возражать. Одни из говоривших, первоначальные виновники отмены почестей, желали бы сохранить силу за своим предложением; другие находили настоящий случай удобным для того, чтобы выместить царю личные обиды третьи, наконец, из вражды к друзьям Аттала не желали, чтобы старания его увенчались успехом. Архон выступил с предложением поддержать послов: дело требовало и голоса стратега но, сказав несколько слов, он удалился на место из опасения, как бы присутствующие не подумали, что он подает голос за царя из корыстного желания царской награды, ибо на получение должности он истратил очень много[20]. Собрание было в величайшем затруднении, когда выступил с пространною речью Полибий; сочувствие большинства он вызвал главным образом напоминанием, что в первоначальном определении ахейцев с почестях написано, что отменены должны быть почести неподобающие и противозаконные, а никак не все. Сосиген и Диопф с товарищами, состоявшие в то время судьями и враждовавшие с Эвменом из-за каких-то личных дел, воспользовались, продолжал Полибий, случаем, чтобы отменить назначенные царю все почести, причем действовали не только противно определению ахейцев и предоставленным им полномочиям, но — что важнее всего — вопреки справедливости и благопристойности. Ибо ахейцы решили отнять почести от Эвмена не потому, что претерпели от него какую-либо обиду, но потому, что оскорбились притязаниями, превысившими его заслуги, так что и решили изъять лишнее. Если судьи, говорил Полибий, пожертвовали честью ахейцев ради личной вражды и отменили все почести, то ахейцы обязаны, поставив выше всего свой долг и достоинство, исправить ошибку судей, загладить причиненную Эвмену обиду, тем паче, что этим они стяжают себе благодарность не одного Эвмена, но и брата его, Аттала. Собрание согласилось с доводами Полибия, и потому было принято решение, в силу коего власти обязывались возвратить Эвмену все почести за исключением тех только, которые почему-либо противоречили достоинству ахейского союза или были противозаконны. Таким-то способом исправил Аттал в это время ошибку, допущенную по отношению к брату Эвмену из-за почестей, какие были возданы ему в Пелопоннесе (*О посольствах*).

8[21]. Нерешительный ответ иллирийского царька Генфия послам Персея. ...Персей отправил послами к царю Генфию[22] иллирийца Плеврата, жившего у него изгнанником, и беройца Адея с поручением сообщить ему об удачах войны с римлянами и дарданами, а также с эпиротами и иллирийцами и побуждать царя к заключению дружественного союза с Персеем и македонянами. По направлению через гору Скард[23] послы прошли по так называемой пустынной Иллирии, которую незадолго перед сим обезлюдили македоняне с целью затруднить для дардан вторжение в Иллирию и Македонию. Итак, с большими лишениями прошли Адей и Плеврат[24] через эти местности в Скодру[25], где узнали о пребывании Генфия в Лиссе, туда они и послали известие царю о своем прибытии. Генфий вскоре пригласил послов к себе и те, будучи приняты царем, объяснили ему цель посольства. Генфий, по-видимому, готов был войти в дружественный союз с Персеем, но сделать это теперь же отказывался на том основании, что не имеет запасов, и что нельзя ему воевать с римлянами без денег. С этим ответом Адей и Плеврат возвратились в Македонию. Между тем Персей прибыл в Стиберру[26], продал там добычу и в ожидании Плеврата и Адея дал войску отдохнуть. Услыхав от послов ответ Генфия, он немедленно отправил снова Адея, с ним вместе Главкия, одного из царских телохранителей, и третьего еще, иллирийца, для иллирийского языка. Послам поручено было сказать то же, что и прежде, как будто Генфий не разъяснил как следует, что ему нужно, и на каких условиях он мог бы принять предложение царя. По отбытии послов Персей снялся со стоянки и во главе войска направил путь на Гисканы[27] (*О посольствах*)[28].

9. Безрассудная и гибельная скупость Персея. ...В это время ходившие к Генфию послы возвратились домой с тем же ответом, что и прежде, ни в чем не успев, ибо Генфий остался верен прежнему решению, изъявляя готовность присоединиться к Персею, но добавляя, что для этого ему нужны деньги. Оставляя без внимания выслушанное сообщение, Персей в третий раз отправил посольство с Гиппием во главе для окончательного заключения договора, причем совершенно умалчивал о важнейшем условии, с помощью которого только и можно было привлечь Генфия на свою сторону[29].

Не знаешь, чему приписать подобный образ действий: нерассудительности ли, или наваждению свыше[30]. Наваждени-

ем, я думаю, страдают люди, которые жаждут громких подвигов, ради них готовы рисковать жизнью, и в то же время не принимают для выполнения замыслов необходимых мер, хотя понимают ясно, что нужно делать, и имеют возможность действовать. И в данном случае, если бы Персей решился уделить от своих денег часть свободным государствам, часть самим царям и правителям, — уделить даже не щедро, хотя при его богатствах и это последнее было возможно, но лишь в скромных размерах, то, мне кажется, и ни один здравомыслящий человек не будет оспаривать этого, — что все эллинские народы и, по крайней мере, многие цари, если не все, были бы привлечены на его сторону. Благо, однако, что Персей не пошел этой дорогой, ибо в случае решительной победы он располагал бы чрезмерной силой, а в случае поражения многим народам пришлось бы разделить общую с ним участь. Но он предпочел совершенно иной путь, и потому только очень немногие из эллинов поддались искушению к началу военных действий (*О посольствах*).

10[31]**. Римляне в Македонии. Беспомощность Персея.** ...Сознавая безвыходность своего положения[32], Персей укорял Гиппия за то, что тот допустил римлян в Македонию. Но, мне кажется, легко укорять другого и замечать чужие ошибки и, наоборот, очень трудно самому исполнить свой долг и оценить себя по достоинству: примером чего служит Персей (*Сокращение ватиканское*)[33].

11. Гераклей перешел во власть римлян. ...Гераклей[34] был взят необыкновенным способом, именно: по одной стороне города на небольшом протяжении шла низкая стена; здесь римляне подошли к городу с тремя манипулами. В первом манипуле воины сомкнули над головами свои щиты, которые плотно прилегали друг к другу и представляли подобие покатой черепичной крыши. За первым манипулом следовали два других[35]...

Военный строй — черепичная крыша. ...Черепичная крыша — военный строй римлян, которым они пользовались в играх (*Свида*).

12. ...Когда Персей[36] собирался вести свое войско в Фессалию, и война, казалось, близилась решительно к концу, Архон и его единомышленники сочли нужным еще раз оправдать себя перед римлянами самими делами против подозрений и

наговоров. С этою целью они в собрание ахейцев внесли предложение — идти во всем рука об руку с римлянами, а теперь выступить поголовным ополчением в Фессалию. Когда предложение было принято, ахейцы определили возложить на Архона заботы по набору войска и снаряжению его в поход, а к консулу* в Фессалию отправить послов для передачи ему определений ахейцев и спросить его, когда и куда ахейцам доставить свое войско для соединения с римским. Тут же ахейцы выбрали в послы Полибия и других ахейцев и настоятельно внушали Полибию, чтобы он в том случае, если консулу желательно будет прибытие ахейского войска, во избежание запоздания прислал обратно своих товарищей с известием о сем, а сам принял бы меры к тому, чтобы для всего войска были на рынках припасы в городах, через которые пройдет его путь, и чтобы воины не терпели недостатка в каких-либо предметах необходимости. С таким-то напутствием Полибий и товарищи его отбыли. Ахейцы выбрали еще посольство с Телократом во главе к Атталу для передачи ему определения о восстановлении почестей Эвмену. В это же время до ахейцев дошла весть, что в честь царя Птолемея совершено было празднество провозглашения, обычаем установленное в Египте для царей, когда они приходят в возраст. Почитая своим долгом засвидетельствовать собственное участие к торжеству, ахейцы определили отправить послов к царю с поручением возобновить существовавшие раньше дружеские отношения между союзом ахейцев и египетским царством, для чего теперь же выбрали Алкифа и Пасиада.

13. Полибий в римском стане в Македонии; отослан обратно в Ахаю. Между тем Полибий и товарищи его не нашли уже римлян в Фессалии, которые отсюда вышли и стояли лагерем в Перребии между Азорием и Долихой[37]. Во внимание к трудным обстоятельствам послы отложили переговоры, но разделили с римлянами опасности вступления в Македонию. Только когда войско достигло окрестностей Гераклея, Полибий решил, что настало время для переговоров, ибо консулом исполнена была труднейшая часть задачи. Воспользовавшись первым удобным случаем, послы передали Марцию** опреде-

---

* Консул Квинт Марций Филипп.
** Квинт Марций Филипп.

ление ахейцев и сообщили о готовности их участвовать всеми войсками в сражениях консула и в опасностях. Сверх того, послы напомнили, что за время настоящей войны всякое требование римлян, письменное ли то, или устное, было исполняемо ахейцами неукоснительно. Марций в изысканных выражениях благодарил ахейцев за такое поведение, но от военных трудов и издержек освобождал их, ибо, говорил он, при данных обстоятельствах помощи союзников не требуется. После этого все послы возвратились в Ахаю, за исключением Полибия, который остался в Фессалии и принимал участие в дальнейших событиях. Наконец, прослышав, что Аппий Центон[38] требует от ахейцев доставки пяти тысяч войска в Эпир, Марций отправил домой и Полибия с увещанием принять меры к тому, чтобы воины Аппию не посылались и чтобы ахейцы не подвергали себя столь тяжелым и бессмысленным затратам, ибо требование Аппия, по его словам, не имело для себя никакого основания. Трудно решить, почему так действовал Марций, в заботах ли об ахейцах или с целью удерживать Аппия в состоянии бездействия. Как бы то ни было, когда Полибий возвратился в Пелопонесс, там было уже получено письмо из Эпира; и когда немного спустя ахейцы созваны были в Сикион, Полибий был в большом затруднении. В самом деле, при обсуждении требования Центона о вспомогательном отряде он находил невозможным обнаружить то, о чем частным образом просил его Марций; с другой стороны, очень трудно было возражать против отправки вспомогательного войска без всяких доводов. Чтобы выйти из затруднения, Полибий применил к данному случаю определение сената, в силу коего письменные требования военачальников не заслуживают никакого внимания, если они не сделаны с разрешения сената, — каковой прибавки в письме Аппия не было. Этим напоминанием Полибий добился того, что дело поступило на решение к консулу, и благодаря ему ахейский народ избавился от расхода талантов во сто с лишним. Зато людям, желавшим клеветать на него, Полибий давал прекрасный случай говорить, что Аппий через него не получил вспомогательного отряда (*О посольствах*).

14. Подлость кидонийцев против аполлониатов. ...Кидонийцы[39] в это время совершили деяние, по общему мнению, ужасное и подлое. Хотя на Крите случаи вероломства были часты, однако упоминаемый нами превзошел обычную и для

критян меру, именно: кидонийцы состояли в дружбе и государственном единении с аполлониатами, и все то, что люди называют правами, имели общее с ними, к тому же единение городов их скреплено было клятвенным договором, помещенным у святилища Зевса Идейского. Невзирая на это, кидонийцы предательски захватили город аполлониатов, мужчин умертвили, имущество граждан расхитили, женщин, детей, город и поля поделили между собою и обратили в свою собственность (*О добродетелях и пороках*).

15. Сношения кидонийцев с Эвменом. ...В страхе перед гортинами кидонийцы обратились через послов к Эвмену на правах союзников с просьбою о помощи: за год перед тем они едва не потеряли своего города, когда гортинец Нотократ и его единомышленники покушались захватить его. Царь назначил для этого Леонта и поспешно отправил его с тремястами воинов. По прибытии отряда кидонийцы вручили Леонту ключи от ворот и вообще доверили ему город вполне (*О посольствах*).

16. Посольство родосцев в Рим и в стоянки римлян. ...На Родосе междоусобные распри все усиливались. Когда среди родосцев стало известно сенатское постановление[40], в силу коего исполнять должно не требования военачальников, а только сенатские определения, и когда народ приветствовал с благодарностью разумную меру сената, Филофрон и Теэтет со своими единомышленниками воспользовались этим известием для дальнейших действий и доказывали необходимость отправки послов к сенату, к консулу Квинту, Марцию и к начальнику морских сил Гаю*. Дело в том, что тогда все уже знали, каким из новоизбранных в Риме должностных лиц предстоит отправиться в эллинские земли. Хотя и не без споров, упомянутое предложение было принято среди шумных знаков одобрения, и в Рим в начале лета отправлены были сын Гегесия Агесилох, Никагора Никандр, а к консулу и к начальнику флота Агеполид, Аристон и Панкрат. Послам дано поручение возобновить дружественные отношения с римлянами и опровергнуть клеветы, взведенные на город родосцев кое-кем из граждан; что касается посольства Агесилоха, то оно должно было, помимо сказанного, испросить еще разрешение на вывоз хлеба. О том, какие речи произнесены были послами в се-

---

* Гай Марций Фигул, претор 585 г. от основания Рима.

нате и какие ответы даны им сенатом, как они отъехали обратно, напутствуемые дружескими пожеланиями, — обо всем этом сказано нами в отделе об Италии.

Не мешает напоминать почаще, как мы по возможности и делаем, что приемы послов и сопровождавшие их переговоры приходится нередко сообщать раньше известий о самом выборе послов и отправке их. Так это бывает оттого, что мы излагаем одновременные события различных народов по годам и стараемся относящиеся к каждому народу известия собирать воедино[41], почему отмеченная черта в нашем сочинении и является совершенно неизбежною.

17. Посольство родосцев в стане Квинта Марция и у Гая Марция Фигула. Между тем Агеполид с товарищами прибыл в стоянку Квинта в то время, как тот находился под Гераклеем в Македонии, и вступил с ним в переговоры согласно полученным полномочиям. По выслушании послов Квинт не только отвечал, что не обращает никакого внимания на клеветы, но еще просил их не допускать в среде своих граждан какой-либо хулы на римлян, и вообще расточал перед послами знаки своего благоволения. То же самое он писал и родосскому народу. Так как Агеполид был восхищен всем обращением консула, то Квинт ласково отвел его в сторону и выразил изумление по поводу того, что родосцы не прилагают стараний к прекращению начавшейся войны*: такие старания приличествовали бы им больше всяких иных. В точности трудно решить, почему так поступал Квинт: потому ли, что боялся, как бы Антиох, по захвате Александрии, не сделался опасным врагом римлян, когда война их с Персеем затянется, — война из-за Келесирии тогда уже вспыхнула, — или же потому что он предвидел скорый конец войны против Персея, когда римские войска расположились станом в Македонии[42] и, уверенный в счастливом исходе войны, желал побудить родосцев выступить посредниками между воюющими, тем самым дать римлянам благовидное основание порешить судьбу царей по своему усмотрению. Последнее объяснение, кажется, более вероятно, если судить по тому, что вскоре случилось на Родосе. Посольство Агеполида немедленно направилось к Гаю** и после при-

---

* Между Птолемеем Филометором и Антиохом Эпифаном.
** Начальник римского флота у берегов Македонии.

ема еще более дружелюбного, чем у Марция, поспешило обратно на Родос.

Когда в отчете о посольстве переданы были речи и отчеты обоих военачальников, которые соревновали между собою в радушии и расположении, все родосцы ободрились, воспрянули духом, но побуждения к тому были неодинаковы. Люди здравомыслящие радовались благоволению римлян; напротив, люди беспокойные и озлобленные усматривали в предупредительности военачальников знак того, что римляне опасаются за исход войны и что ожидания их не оправдались. А когда Агеполид обмолвился[43] кое-кому из друзей, что имеет от Марция частное поручение напомнить собранию родосцев о необходимости прекратить войну, Динон и его единомышленники были твердо уверены, что дела римлян обстоят очень дурно. И в Александрию родосцы отрядили послов для приведения к концу возгоревшейся войны между Антиохом и Птолемеем (*О посольствах*).

18. К характеристике Антиоха. ...Царь Антиох был деятелен, способен к широким замыслам и достоин носить имя царя, если не принимать во внимание его военных козней при Пелусии[44] (*О добродетелях и пороках*).

19. Часть Египта во власти Антиоха. Четыре посольства к нему от эллинов. ...После захвата Египта Антиохом[45] Коман и Киней на совещании с царем* решили образовать совет именитейших начальников для обсуждения дальнейших мер. Совет прежде всего определил прибывших в их землю эллинов отправить послами к Антиоху для переговоров о мире. В то время в Египте были два посольства от ахейского союза: одно, в состав коего входили Алкин, сын Ксенофонта, уроженец Эгея, и Пасиад, для возобновления дружественного союза; другое — для приглашения на празднество Антигоний[46]. Было еще посольство от афинян с Демаратом во главе, доставившее дары, и два священных посольства[47], одно с приглашением на панафенеи, — во главе его стоял панкратиаст Каллий; другое — на мистерии; от его имени вел переговоры и произносил речи Клеострат. Из Милета явились Эвдем и Гикесий, из Клазомен — Аполлонид и Аполлоний. Царь отправил послами Тлеполема и ритора Птоле-

---

* Птолемей Филометор, соправитель его брат Птолемей Фискон.

мся. Эти-то эллины поднялись по реке* к Антиоху (*О посольствах*).

20. Птолемеевы послы из эллинов у Антиоха. ...В то время, когда Антиох завладел Египтом, явились к нему послы, отправленные из Эллады для мирных переговоров[48]. Он принял их ласково и в первый же день позвал на великолепное пиршество, а на следующий допустил к переговорам и предложил им объяснить цель посольства. Первыми говорили послы от ахейцев, за ними Демарат от афинян, за Демаратом милетец Эвдем. Так как все посольства отправлены были при одинаковых обстоятельствах и имели одинаковое поручение, то речи послов были сходны между собою даже в подробностях. Виновниками событий все послы называли Эвлея[49] и его друзей, а гнев царя против Птолемея старались смягчить напоминанием об узах родства и о молодости Птолемея. Никому из послов царь не возражал и, добавив еще кое-что от себя в том же направлении, перешел к защите своих исконных прав для доказательства того, что царям Сирии принадлежит право владения также Келесирией. Он опирался при этом на завоевания Антигона, первого царя Сирии, потом напомнил об уступках, какие были сделаны Селевку царями Македонии по смерти Антигона; вслед за тем сослался на последнее военное приобретение отца своего Антиоха; в заключение он отвергал состоявшееся, по словам александрийцев, соглашение между недавно умершим Птолемеем** и Антиохом, отцом теперешнего Антиоха, по которому Птолемей должен был получить в приданое Келесирию, когда брал в замужество Клеопатру, мать нынешнего царя. Этою речью Антиох убедил собеседников в правоте своих требований, в чем и сам был убежден, и затем отплыл в Навкратис. Там он милостиво обошелся с жителями, дав каждому из тамошних эллинов по золотому, и продолжал путь в Александрию. Дать ответ послам царь обещал по возвращении к нему Аристида и Ферида, которых он отправил к Птолемею, послов же от Эллады он желал бы, говорил царь, иметь свидетелями и очевидцами всех своих действий (*О посольствах*).

21. Пагубное влияние Эвлея на Птолемея. ...Евнух Эвлей убедил Птолемея укрыться на Самофракию, захватив с со-

---

* Река Нил.
** Птолемей Эпифан.

бою деньги и предоставив царство неприятелю. Имея перед собою такой пример, можно ли отрицать, что сообщество негодных людей приносит нам величайшие беды. Будучи еще вне опасности, на большом расстоянии от неприятеля, особенно имея в своих руках огромные средства и располагая обширными землями и многими народами, — и при всем этом не обрести в себе мужества на благородный подвиг, но тут же немедленно без боя отречься от царства, столь славного и богатого, — как же не назвать такой поступок делом человека расслабленного и совершенно испорченного? Если бы Птолемей от природы наделен был такой душой, тогда следовало бы винить природу и не делать за нее ответственным никого другого. Но в защиту природы свидетельствуют последующие действия Птолемея, в которых он показал себя человеком достаточно стойким и в опасностях мужественным, что и дает нам неоспоримое право заключить, что ответственность за малодушие, обнаруженное Птолемеем в это время, и за бегство его на Самофракию падает на евнуха и на его влияние (*Сокращение ватиканское*).

22. Послы Антиоха в Рим. ...Приостановив осаду Александрии, Антиох отправил послов в Рим; это были Мелеагр, Сосифан и Гераклид; вместе с ними он послал полтораста талантов[50], из них пятьдесят на венок для римлян, остальную сумму на подарки нескольким городам Эллады (*О посольствах*).

23. Посольство родосцев в Александрии. ...В те же дни прибыло из Родоса в Александрию посольство с Пратионом во главе с целью примирить воюющие стороны и вскоре явилось к Антиоху в стоянку. Во время приема послы в пространных речах заговорили о добрых чувствах родного города к обоим государствам, о близких родственных узах самих царей и об обоюдных выгодах мира между ними. Но царь не дал кончить послу и объявил, что не нуждается в многословном увещании: царство принадлежит Птолемею Старшему[51], с ним он состоит в дружбе и давно ведет переговоры о мире, и если бы теперь александрийцы вздумали призвать Птолемея обратно, он, Антиох, не помешал бы тому. Так Антиох и сделал (*там же*).

КНИГА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Осуждение Луцием Эмилием Павлом страсти римлян критиковать действия своих военачальников (1). Посольство от сената к Антиоху в Египте (2). Согласие Генфия воевать против римлян вместе с Персеем под условием получения от последнего определенной суммы денег; послы от Генфия к Персею и на Родос; посольства от Персея на Родос, к Эвмену, к Антиоху (3–4). Скрываемые от римлян сношения Эвмена с Персеем с целью положить конец войне между ним и Римом и получить за это 1500 талантов от царя Македонии (5–7). Забавное состязание в алчности между хитрейшим из людей, Эвменом, и скупейшим, Персеем; ослепление обоих царей жадностью и скупостью (8–9). Усилия родосцев примирить между собою Рим и Персея: посольства с этою целью в Рим, к Персею и к консулу; посольства родосцев на Крит для возобновления дружбы с критянами (10). Послы Генфия и Персея на Родосе; готовность родосцев поддержать Персея (11). Соображения автора об особенностях изложения в частичной истории и в общей; особенности Полибиева изложения (12). К характеристике царя Генфия (13). Сципион Назика и Фабий Максим охотно соглашались командовать войском при обходе неприятеля; о том, что обойден римлянами, Персей узнал от перебежчика; его распоряжение ввиду известия (14–15). Лунное затмение в Македонии в Персееву войну (16). Замечание Луция Эмилия Павла о македонской фаланге; малодушие Персея после поражения (17). К характеристике Сципиона Африканского Младшего (18). Запоздалое вмеша-

тельство родосцев с целью кончить войну между римлянами и Персеем миром; суровый ответ сената родосским послам (19). Суждение Луция Эмилия Павла о превратности человеческого счастья (20). Суждение Деметрия Фалерского о непостоянстве судьбы автор переносит с персов на македонян; то же суждение оправдалось на судьбе Эвмена (21–22). Посольства от обоих Птолемеев к ахейцам с просьбою о военной помощи; разногласие в среде ахейцев между партией Калликрата и Ликорта; речи Полибия и Ликорта; отказ в помощи Птолемеям; принятие предложения о мирном вмешательстве в распрю между Антиохом и Птолемеем (23–25). Замечание автора об Антиохе по поводу войны его с Птолемеем и после примирения последнего с братом (26). Встреча Попилия с Антиохом близ Пелусия; решительное требование Попилия прекратить военные действия против Птолемеев; покорность Антиоха; очищение Кипра от сирийских войск по требованию Попилия (27).

1. Жалоба Эмилия Павла на римский народ. ...По его* словам[1], римляне, не трогаясь из города[2], только тем и занимаются в своих сообществах и на прогулках, что определяют ход македонской войны, то порицая мероприятия своих военачальников, то обсуждая их упущения. Пользы для государства от подобных разглагольствований не бывает никогда, а вред получается часто и во многих делах. Иной раз несвоевременное празднословие сильно вредит, ибо дурная молва распространяется быстро, на далекое расстояние, вследствие чего неприятель начинает пренебрежительно относиться к военачальникам, против которых народная масса бывает предубеждена непрерывными пересудами[3] (*Сокращение ватиканское*).

2. Римское посольство к Антиоху. ...Узнав, что Антиох утвердился в Египте и чуть не завладел Александрией[4], и почитая дальнейшее усиление этого царя неудобным для Рима, сенат отправил к нему посольство с Гаем Попилием** во главе,

---

* По словам Луция Эмилия Павла Македонского, консула 586 г. от основания Рима; другой консул Г. Лициний.

** Гай Попилий Ленат.

которому поручено было привести войну к концу и собрать сведения на месте о положении дел в тех странах вообще. Вот что происходило в Италии (*О посольствах*).

3[5]. ...Посольство с Гиппием во главе, отправленное Персеем к Генфию для заключения союза, возвратилось домой еще до зимы с известием, что царь охотно пойдет войною на римлян, если ему будет уплачено триста талантов и дано надлежащее обеспечение на случай окончания войны[6]. **Посольство Персея у Генфия. Послы Генфия к Персею.** Участие Генфия в войне представлялось Персею необходимым, почему он, выслушав Гиппия, выбрал в послы одного из своих ближних друзей, Пантавха, и отправил его к царю со следующими поручениями: во-первых, изъявив согласие относительно денег, дать клятву и принять таковую в подкрепление союза; во-вторых, позаботиться о том, чтобы Генфий немедленно отправил заложников, каких укажет Пантавх, и в свою очередь получить заложников от Персея, какие будут указаны в договоре; наконец, условиться о доставке трехсот талантов. Тотчас Пантавх отправился в путь, и по прибытии в Метеон[7], что в Лабеатиде, явился к Генфию и легко склонил юношу действовать заодно с Персеем. Как только союзный договор был утвержден клятвою и записан, Генфий отправил к Персею заложников, указанных Пентавхом, а с ними вместе и Олимпиона для принятия клятвы и заложников от Персея и еще других лиц для попечения о деньгах. Равным образом Пантавх посоветовал Генфию отправить сверх поименованных еще несколько послов, дабы они совместно с послами от Персея отправились для заключения общего союза на Родос. Если случится так, что и родосцы не примут участия в войне, то одолеть римлян будет очень легко, доказывал Пантавх. Генфий последовал совету и назначил послами Пармениона и Морка, коим и повелел отправиться на Родос по принятии от Персея клятвы, заложников и после того, как состоится соглашение относительно денег.

4. Все послы направились в Македонию, а Пантавх остался при юноше и напоминал ему, что необходимо торопиться с военными приготовлениями, дабы заблаговременно обеспечить за собою местности, города и союзников; больше всего он настаивал на приготовлениях к морской битве. Так как римляне вовсе не имели флота у берегов Эпира и Иллирии, то, по словам Пантавха, Генфий и сам, и через своих уполномочен-

ных мог бы выполнить эту задачу до конца, не прибегая к оружию. Генфий последовал советам Пантавха и занялся приготовлениями к сухопутной морской войне.

Когда послы от Генфия и заложники прибыли в Македонию, Персей покинул стоянку на реке Энипей[8] и со всею конницей вышел им навстречу в Дий. Здесь переговоры с послами он начал с того, что клятвою утвердил союзный договор в присутствии всей конницы: царю очень хотелось, чтобы македоняне достоверно знали о его союзе с Генфием, так как он рассчитывал поднять дух привлечением к делу новой силы; засим он принял заложников и передал своих Олимпиону; из заложников именитейшими были Лимней, сын Полемократа, и Балавх, сын Пантавха. **Послы Персея к родосцам, к Эвмену, Антиоху.** Потом тех иллирийцев, которые явились за деньгами, царь отправил в Пеллу, где они и должны были получить деньги, а послов, назначенных на Родос, отправил в Фессалонику к Метродору[9], приказав им приготовиться к отплытию. Своими увещаниями он втянул в войну[10] и родосцев. Когда эти распоряжения были сделаны, царь послал к Эвмену послом Герофонта, который ходил туда и раньше, критянина Телемнаста послал к Антиоху сказать, чтобы тот не пропустил удобного случая и не воображал себе, будто чрезмерные притязания римлян угрожают одному Персею, чтобы наконец дать ему понять, что его ожидает та же судьба, что и Персея, если еще и на сей раз он не примет участия в войне для того ли, чтобы примирить воюющих, — это было бы лучше всего, а в случае неудачи для того, чтобы оказать ему поддержку (*О посольствах*).

5[11]. Из переговоров Персея с Эвменом. ...Я был в большом затруднении, как поступить в этом деле: писать обстоятельно, со всеми подробностями о том, что было предметом тайных переговоров между царями, казалось мне чем-то предосудительным и явно ошибочным; с другой стороны, признаком крайней небрежности и величайшей робости почитал бы я полное умолчание о таких предметах, от которых больше всего зависел ход настоящей войны, и в которых находили себе вразумительное объяснение многие из последующих загадочных происшествий. Наконец я остановился на том, чтобы вкратце высказать свое мнение и представить те догадки и признаки, которые привели меня впоследствии к такому мнению. Дело в том, что я жил в то самое время, когда описывае-

мые события совершались, и больше всякого другого вникал и их подробности.

6. Тайные сношения Эвмена с Персем. Недовольство римлян Эвменом. Нами уже рассказано[12], как критянин Кидас, служивший в войске Эвмена и пользовавшийся у царя величайшим почетом, прибыл сначала к Амфиполю и здесь вошел в переговоры с Химаром, одним из критских воинов Персея, потом явился под Деметриадою, подошел к городской стене и переговаривался сначала с Менекратом и вторично с Антимахом. Рассказывали мы и о том, как Герофонт дважды ходил послом от Персея к Эвмену; посему большинство римлян, не без основания, возымело подозрение против царя Эвмена, как это явствует из обращения их с Атталом. Атталу они дозволили явиться из Брентесия в Рим и высказать все свои пожелания, наконец отпустили его с дружеским ответом, хотя он и не оказал им значительной услуги ни до войны с Персеем, ни в самую войну. Эвмен, напротив, сделал для римлян очень много, наипаче помогал им во время войн с Антиохом и с Персеем; невзирая на это его не только не допустили в Рим, но еще отдали приказ покинуть Италию в середине зимы не позже назначенного срока. Из сказанного ясно, что Персей входил в какие-то сношения с Эвменом: это так и вооружило римлян против Эвмена. Остается рассмотреть, каковы были эти сношения и как далеко заходили они. **7. Готовность Эвмена играть роль посредника между Персеем и римлянами за деньги.** Нетрудно понять, что Эвмен не мог желать торжества Персея, которое дало бы ему власть над миром. Помимо взаимного нерасположения и вражды, унаследованных от отцов*, самая однородность их власти порождала уже недоверие между ними, зависть и величайшую неприязнь; им не оставалось ничего другого, как обманывать друг друга и строить тайные козни, что оба и делали. Эвмен понимал трудное положение Персея, теснимого со всех сторон, и видел, что он готов на всякие условия, лишь бы покончить с войною, знал, что по этому предмету каждый год он поднимал через послов переговоры с римскими военачальниками; видел он также, что и римляне не меньше Персея тяготятся войною, ибо до передачи командования Павлу** они

---

* Аттал I и Филипп V.
** Луций Эмилий Павел.

вели войну без всяких успехов, а этоляне кичились над ними. Поэтому Эвмену казалось возможным, что римляне согласятся кончить войну миром, а себя почитал пригоднейшим посредником для примирения воюющих. **8. Алчность Эвмена и скупость Персея.** Руководствуясь такими соображениями, царь еще в предшествующем году старался узнать через критянина Кидаса, какою[13] ценою готов будет Персей купить себе мир. Вот каково было, я думаю, начало сношений между царями. Так как столкнулись здесь два человека, из которых один слыл за величайшего хитреца, а другой за такого же скупца, то состязание между ними получалось забавное. Эвмен был уверен, что ему удастся обольстить Персея обещаниями, ради чего он ласкал соперника всевозможными надеждами и подсовывал ему всякого рода приманку. С другой стороны, Персей охотно шел на приманку и поддавался искушению, хотя не желал проглотить ни одного из предлагаемых лакомств, чтобы не пожертвовать чем-нибудь из богатств своих. Ход торгов царей был приблизительно следующий: пятьсот талантов Эвмен требовал за то, чтобы в течение четырех лет не вмешиваться в войну и не помогать римлянам ни на суше, ни на море; а за приведение войны к концу требовал полторы тысячи талантов, причем обещал дать в скором времени заложников и обеспечение. Относительно заложников Персей соглашался, когда и в каком числе они будут отправлены и каким образом устроена будет над ними охрана у кносян. Что же касается денег, то срам будет, уверял он, если станут говорить, что один покупает невмешательство в войну, а другой, — что и того постыднее, — продает его за пятьсот талантов; но тысячу пятьсот талантов обязывался отправить через Полемократа в Самофракию на хранение в верном месте[14]; между тем как Самофракия была в его власти. Однако Эвмен, подобно негодным врачам, предпочитал получить задаток, а не заработок, и потому, видя, что не может собственным коварством сломить скупость Персея, совсем отказался от задуманного плана. Так-то, ничем не решив состязания[15] в алчности, разошлись цари с равным успехом, как искусные борцы. Слухи о переговорах частью тогда же, частью немного спустя проникли в среду близких друзей Персея, из рассказов которых мы и убедились, что за корыстолюбием[16] следуют все пороки.

9. Только еще прибавлю от себя вопрос: неужели алчность не делает из человека глупца? Так, кто может отрицать безу

мис обоих наших царей: Эвмена, когда он без всякого основания при сильнейшей вражде с Персеем рассчитывал на доверие Персея и на возможность получить от него большую сумму денег, хотя сам не мог дать Персею достаточного обеспечения в том, что деньги будут возвращены, если обещания останутся невыполненными? Потом, каким образом он думал скрыть от римлян получение столь большой суммы? Как он мог не подумать, что, если не тогда же, то впоследствии это должно было обнаружиться? Наконец, он должен был бы ценою полученных денег приобрести себе непременно вражду римлян, и тогда должен был бы, как явный враг их, потерять вместе с полученным богатством и царство, если не самую жизнь. Если теперь, когда он не пошел дальше желания и не совершил никакого деяния, Эвмен навлек на себя величайшие напасти, то что было бы с ним тогда, если бы замысел его был осуществлен до конца? С другой стороны, что касается Персея, можно ли удивляться тому, как он не понял, что для него не было ничего полезнее и благотворнее, как дать деньги Эвмену и предоставить ему проглотить приманку? Если бы Эвмен сдержал слово и своим участием помог окончанию войны, то деньгам дано было бы правильное назначение; если бы надежда его и была обманута, он, по крайней мере, наверное навлек бы римлянам вражду к Эвмену, ибо в его власти было бы разгласить повсюду свое подношение. Легко видеть, в какой тесной зависимости от этого дара были для Персея и победа, и поражение. Виновником всех зол, на него обрушившихся, Персей почитал Эвмена, и он не мог ничем другим отмстить в такой мере своему врагу, как вооружив против него римлян. В чем же источник столь явного безрассудства? В корыстолюбии, и ни в чем другом. Один, лишь бы ему стяжать неправедное богатство, забывал все остальное и на все соглашался; другой, лишь бы не давать денег, готов был претерпеть все невзгоды, закрывая глаза на все прочее. Корыстолюбием внушены были и действия Персея относительно галатов и Генфия[17]... (*Сокращение ватиканское*).

10. Послы родосцев в Рим, к Персею, на Крит. ...При голосовании остались в большинстве те из родосцев, которые предлагали отправить посольство для примирения воюющих[18]. Так разрешило народное собрание борьбу партий (что изложено в сочинении о государственном красноречии). При

этом обнаружился значительный перевес тех родосцев, кото
рые принимали сторону Персея, над согражданами, желавши
ми спасти родину и сохранить в целости законы. Тут же при
таны назначили послами в Рим Агеполида, Диокла, Клеом
брота, а к консулу и Персею Дамона, Никострата, Агесилоха и
Телефа; те и другие обязаны были озаботиться прекращени
ем войны. В следовавших за сим мероприятиях родосцы со
вершили новые ошибки, уже ничем не оправдываемые, имен
но: они немедленно отправили уполномоченных на Крит для
возобновления ранее существовавших дружественных отно
шений со всеми критянами; послы должны были убедить кри
тян в необходимости зорко следить за обстоятельствами и по
ложением дел, действовать заодно с родосским народом, иметь
одинаковых с ним врагов и друзей; послам было поручено так
же при посещении отдельных городов обращаться к населе
нию их с теми же увещаниями (*О посольствах*).

11. Раздоры в среде родосцев. Перевес македонской партии. ...Когда на Родос прибыли послы[19] от Генфия с Пар
менионом и Морком во главе и с ними вместе Метродор, и ко
гда был созван народ, собрание было очень бурное, ибо Дамон
и его единомышленники не стеснялись более выражать откры
то свое сочувствие Персею, тогда как Теэтета и друзей его ус
ручали последние события. Появление членов, большое чис
ло павших в битве всадников[20] и поворот в поведении Генфия
смущали их. В согласии с вышесказанным был исход народ
ного собрания, именно: родосцы постановили дать друже
ственный ответ обоим царям*: уведомить, что ими решено
стараться о примирении воюющих и просить самих царей
быть сговорчивыми. И послы Генфия были приглашены к об
щественному столу и приняты с большим радушием (*там же*).

12. Рассуждения автора о всеобщей и частной истории. ...опять[21] другие о сирийской войне, причина которой объяс
нена была нами подробно. Кто из писателей берется за пред
меты мелкие и несложные и желает стяжать себе имя и види
мость историка не рассказом о самих событиях, но написани
ем большого числа книг, для того неизбежно придавать мело
чам большую важность, короткие по содержанию извести
приукрашать и распространять многословием, иные побоч

---

* Персей и Генфий.

ные случаи возводить в подвиги и события, величать битвами и правильными сражениями такие схватки, в которых пало десяток или около того пеших воинов и еще меньше конных. Невероятное многословие вносят они в описание осад, местностей и тому подобных предметов. Противоположными приемами пользуется писатель, составляющий всеобщую историю. Поэтому я не заслуживаю хулы за небрежность изложения, когда события, рассказанные у других пространно и с прикрасами, я или обхожу молчанием, или только коротко упоминаю. Нет, читатель пускай верит, что я каждому событию отвел в моей истории столько места, сколько ему подобает. Так, например, когда те историки во всем своем сочинении имеют дело только с осадой Фанотеи или Коронеи, или Але <...> то чувствуют ссбя вынужденными подробно излагать все употребительные при осаде хитрости, вылазки и приступы, а также все положения воюющих сторон. Сверх этого они имеют обыкновение растягивать описания и в них вносить еще кое-что от себя, когда говорят о взятии Тарента, Коринфа, Сард, Вавилона, Бактр, а также об осаде Карфагена; напротив, они не совсем довольны, когда о подобных предметах мы даем не больше как правдивый, точный рассказ. То же самое объяснение я предложил бы и по вопросу об описаниях правильных сражений, о речах в народных собраниях, равно как и о всех прочих частях истории. Мы заслуживаем того, чтобы читатели отнеслись снисходительно ко всем нашим предшествующим сообщениям, равно как и к предстоящим, если[22] <...> окажется, что мы пользуемся не такими доказательствами, как те историки, не такими приемами изложения и оборотами речи, а также в тех случаях, когда попадаются у нас ошибки в названиях гор или рек или в определениях местностей: во всем этом достаточным оправданием для нас служит обширность нашей истории, разве только уличили бы нас во лжи намеренной или корысти ради. Этого рода ошибки непростительны, в каковом смысле мы много раз уже высказывались в нашем сочинении (*Сокращение ватиканское*).

13. Бесчинства и жестокости Генфия. ...Он же* в двадцать девятой книге рассказывает, что царь иллирийский Генфий имел страсть к вину и через то предавался часто бесчин-

---

* Полибий.

ствам, пьянствуя непрерывно днем и ночью; что он лишил жизни брата своего Платора[23], который собирался жениться на дочери Монуния, и сам женился на невесте убитого, и что с подданными обращался жестоко (*Афиней*).

14. Сципион Назика с войском проник в Македонию из Перребии. ...Из числа присутствующих* Сципион[24] по прозванию Назика, зять Сципиона Африканского, впоследствии влиятельнейший член сената, вызвался[25] первый командовать войском, когда нужно было обойти неприятеля. Вторым предложил свои услуги с большою готовностью Фабий Максим, старший сын Эмилия, тогда еще юноша. Обрадованный Эмилий предоставил в их распоряжение такое число войска, какое называет не Полибий, а сам Назика, его получивший, в письме об этих событиях к одному из царей (*Плутарх*).

Римляне мужественно сопротивлялись под защитою легкого щита[26] и щитов лигурийских (*Свида*).

15. От перебежчика Персей узнает, что обойден римлянами. ...Персей видел, что Эмилий остается на месте, и потому вовсе не догадывался о случившемся[27]. Но к нему явился бежавший с пути перебежчик-критянин и сообщил, что римляне обошли его стан. Встревоженный этим известием, Персей, однако, не тронулся со стоянки, но послал под начальством Милона десять тысяч наемных иноземцев и две тысячи македонян и отдал им приказание возможно поспешнее занять перевалы[28].

По словам Полибия, римляне напали на это войско, когда оно было погружено в сон, а Назика рассказывает, что на вершинах гор произошла горячая смертоносная битва (*Плутарх*).

16. Затмение Луны 21 июня 168 г. ...Когда в царствование Персея в Македонии случилось лунное затмение, в народе стали говорить, что оно предвещает гибель царя[29]. Это подняло дух римлян и привело в уныние македонян. Вот насколько верна поговорка, что в войне много случайного (*Свида*).

17. Замечание Луция Эмилия о македонской фаланге. ...Консул Луций**, никогда раньше не видавший фаланги[30], впервые видел ее теперь у Персея и впоследствии неоднократно признавался в беседах с римлянами, что не знает строя

---

* На военном совете Луция Эмилия Павла.
** Луций Эмилий Павел.

грознее и ужаснее македонской фаланги, а он больше всякого другого не только наблюдал сражения, но и участвовал в них (*там же*).

Замечание автора о непрактичности замыслов. ...Многие планы, пока их обдумывают, кажутся удобными и исполнимыми; но как скоро доходит до исполнения, последствия не оправдывают первоначальных ожиданий, как бывает с подельными монетами при испытании их огнем[31] (*Сокращение эпиканское*).

Малодушие Персея. ...Тот самый Персей, который решился было победить или умереть, потерял присутствие духа и оробел, как разведчики из числа конных воинов[32]...

...Потратив время и труд, Персей потом пал духом, подобно негодному борцу: когда опасность надвинулась и предстояло окончательно решить дело, он утратил самообладание (*Свида*).

...Македонский царь, как передает Полибий, оробел при самом начале битвы и ускакал на лошади в город[33] под предлогом принести жертву Гераклу, хотя от труса Геракл не принимает приношений трусости и не внемлет нечестивым мольбам (*Плутарх*).

18. К характеристике Сципиона Африканского Младшего. ...Хотя он* был очень молод и в военном деле не опытен, хотя он лишь незадолго до того удостоился высокого звания, но был отважен, честолюбив и жаждал занять первенствующее положение (*Свида*)[34].

19. Родосские послы в римском сенате приняты недружелюбно. ...Персей уже потерпел поражение и бежал, когда римский сенат определил позвать в собрание родосских послов, прибывших в Рим с целью положить конец войне с Персеем: судьба как бы намеренно выставила на позор[35] безрассудство родосцев, если следует называть родосцев, а не тогдашних только заправил на Родосе. Войдя в собрание, посольство Агеполида заявило, что цель его прибытия — кончить войну миром. Родосский народ, говорили послы, пришел к такому решению, потому что война чересчур затянулась и родосцы увидели вред ее не только для всех эллинов, но и для римлян, коих она вводила в огромные расходы. Но теперь война кончилась, чего желали и родосцы, и посольству остается

---

* Публий Корнелий Сципион Эмилий Африканский Младший.

засвидетельствовать римлянам свою радость. После этой краткой речи Агеполид с товарищами удалился. Однако сенат воспользовался случаем для того, чтобы покарать родосцев и дать послам ответ следующего содержания: снаряжая это посольство, родосцы преследовали выгоды не эллинов и не римлян, но Персея. Если бы они посылали посольство ради эллинов, то выбрали бы для этого более удобное время, когда Персей разорял эллинские поля и города, в течение чуть не двух лет оставаясь с войском в Фессалии[36] <...> Это время родосцы пропустили и явились ходатайствовать о прекращении войны теперь, когда наши легионы проникли в Македонию, когда Персей оцеплен римлянами и утратил почти всякую надежду на спасение[37]. Отсюда для людей здравомыслящих совершенно ясно, что посольство отправлено родосцами не потому, что они желали кончить войну миром, но для того, чтобы выручить Персея из беды и спасти его, если это возможно. Вот почему на сей раз мы не обязаны, говорили сенаторы, ни оказывать милость родосцам, ни давать им дружеский ответ. Такой прием оказан был сенатом послам от родосцев (*О посольствах*).

20. Суждения Публия Эмилия о непрочности человеческого счастья. ...Он* на латинском уже языке обратился к членам совета, обсуждавшим тогдашние дела, с увещанием не возноситься сверх меры удачами, ни с кем не поступать нагло и беспощадно, вообще никогда не доверяться счастливому настоящему: в пример он приводил Персея. Напротив, на вершине удачи в частной ли то жизни или в общественных делах необходимо наипаче памятовать обратную долю, говорил он. Только при этом условии поведение человека в счастии может оказаться правильным. Тем-то и отличается глупец от мудреца, что первого научают собственные невзгоды, а второго невзгоды ближних (*Сокращение ватиканское*).

21. Суждения Деметрия Фалерского. ...Очень часто приходится мне вспоминать изречение Деметрия Фалерского, именно: желая показать людям в своем сочинении о судьбе[38] нагляднейший пример ее неустойчивости, он останавливается на том времени, когда Александр разрушил персидскую державу, и говорит следующее: «Нет нужды вам брать бесконечно долгое время, ни даже огромное число по-

---

* Луций Эмилий Павел.

колений; достаточно оглянуться назад не более как за пятьдесят лет, чтобы познать жестокость судьбы. Думаете ли вы, что персы или царь персидский, македоняне или царь македонский поверили бы божеству, если бы за пятьдесят лет до того[39] оно предсказало будущую судьбу их, что к нашему времени не останется самого имени от персов, которые были тогда господами чуть не всего мира; что надо всей землей будут властвовать македоняне, самое имя которых раньше того не существовало. Однако безжалостная[40] к нам судьба, которая все перестраивает наперекор нашим расчетам, обличает свою мощь необычайными событиями, научает всех людей, как я думаю и теперь, когда счастье персов перешло на македонян, что им она предоставила такие блага в пользование до тех пор, пока не примет иного решения», — что и наступило при Персее. Как бы по внушению божества Деметрий угадал эту перемену в будущем. Со своей стороны, доведя рассказ до тех времен, когда македонское царство было разрушено, и будучи очевидцем этого события, я решил не молчанием обойти его, но заключить повесть о нем подобающим суждением и привести на память слова Деметрия, которые, по-моему, обличают скорее божеское, нежели человеческое дарование: в них чуть не за полтораста лет[41] угаданы грядущие события (*Сокращение ватиканское*).

22. Победа Эвмена над латами. ...По завершении борьбы между Персеем и римлянами царь Эвмен попал в положение чрезвычайное, по народным понятиям; оно же было обыкновенным, если памятовать, как в большинстве случаев природа распоряжается нашими делами. Ведь судьба достаточно сильна для того, чтобы все наши расчеты сокрушить какою-либо неожиданностью, и если она кому-нибудь помогла и своею рукою склонила весы в его пользу, зато как бы в приливе раскаяния спешит бросить гирю на другую чашку весов и тем уничтожить достигнутые успехи. Такая превратность и постигла в наше время Эвмена, именно: в ту самую пору, когда собственную власть он считал наиболее обеспеченной, когда будущее сулило ему большие выгоды, ибо Персей и вместе с тем все македонское царство были потрясены до основания, именно теперь он стоял лицом к лицу перед величайшими опасностями, потому что азиатские галаты[42], пользуясь обстоятельствами, вторглись в его владения (*там же*)[43].

23. Посольство Птолемеев в союзном собрании ахейцев. ...Была еще зима, когда в Пелопоннес явилось посольство от обоих Птолемеев царей* с просьбою о помощи[44]; по этому случаю у ахейцев происходили частые и весьма оживленные совещания. Калликрат, Диофан и с ними Гипербат высказывались против подания помощи; напротив, Архон, Ликорт и Полибий предлагали помочь царям по силе существующего союза. Побуждаемый опасным положением царства, народ провозгласил уже царем Птолемея Младшего, а Птолемей Старший[45] возвратился из Мемфиса и делил власть с братом. Они сильно нуждались в посторонней помощи, и потому отправили к ахейцам послов Эвмена и Дионисодора с просьбою прислать тысячу человек пехоты и двести конницы, причем Ликорту должно было принадлежать командование всем войском союзников, а Полибию — конницы. Кроме того, они послали в чужие земли сикионца Теодорида с поручением набрать тысячу наемников. Что касается причин, по которым цари довольно близко знали поименованных ахейцев, то мы объяснили их раньше. На собрании ахейцев в Коринфе[46] прибывшие послы возобновили тесные дружественные отношения ахейцев к царству, напомнили о трудном положении царей и убеждали помочь им. Ахейский народ готов был делить опасности с царями, если это нужно, всеми своими военными силами, а не какою-либо частью их. Но Калликрат и его сторонники возражали против этого, говоря, что ахейцам надлежит во всякое время воздерживаться от вмешательства в чужие дела, наипаче необходимо сохранить свободу действия теперь, чтобы иметь возможности пособить римлянам: так как Квинт Филипп** имел зимнюю стоянку в Македонии, то теперь больше, чем когда-нибудь, следовало ожидать решительной битвы. **24. Пререкания в союзной думе ахейцев.** Народ колебался в страхе, как бы не быть заподозренным в безучастии к римлянам. Тогда на смену Калликрату выступили с речами Ликорт и Полибий. Между прочим они указывали на то, что в предшествующем году ахейцы определили предоставить в помощь римлянам все свое ополчение, и дали им знать об

---

* Птолемей Филометор и Птолемей Эвергет II Фискон.

** До прибытия Луция Эмилия Павла в Македонию [Квинт Марций Филипп].

ром через посла Полибия; Квинт поблагодарил ахейцев за их ревность, но от помощи отказался на том основании, что путь в Македонию он уже себе проложил. Поэтому указание на потребность римлян в войске, говорили они, служит только предлогом к тому, чтобы воспрепятствовать оказать помощь царям. Ликорт и Полибий убеждали ахейцев во внимание к тяжелым обстоятельствам, в каких находилось тогда царство, не пропускать удобного случая и поступить согласно договору, помятуя принятые на себя обязательства, царями оказанные услуги и в особенности клятвы. Большинство присутствующих снова стало склоняться к мнению о необходимости отправить вспомогательное войско. Тогда Калликрат и его сторонники приостановили обсуждение дела, запугав власти напоминанием, что по закону собрание на рынке не уполномочено обсуждать вопрос об оказании помощи[47]. Немного спустя созвано было чрезвычайное собрание[48] в городе сикионян, в котором участвовали не только члены думы, но все ахейцы, начиная с тридцатилетнего возраста. Здесь после долгих пререканий Полибий старался прежде всего доказать, что римлянам помощь не нужна, что он говорит это не наугад, за то ручается его пребывание прошлым летом у Филиппа* в Македонии. Потом, если бы даже римляне и попросили союзнической помощи, то, говорил Полибий, предполагаемая отправка в Александрию двухсот конных воинов и тысячи пеших не лишит ахейцев возможности послать помощь римлянам, ибо ахейцы могут без труда[49] выставить тридцать, даже сорок тысяч войска. Речь Полибия принята была сочувственно, и народ решил отправить вспомогательный отряд царям. На следующий день, в который, согласно законам, желающие обязаны были вносить свои предложения для голосования, Ликорт и его сторонники требовали отправки подкрепления; партия Калликрата предлагала снарядить посольство, которое постаралось бы примирить царей с Антиохом. Внесенными предложениями снова вызваны были жаркие пререкания, в которых перевес имели сторонники Ликорта. Ибо разница между двумя царствами[50] при сличении получилась огромная: вообще редки были проявления дружбы со стороны Антиоха к эллинам, в прежнее конечно время, ибо щедрость последнего царя была

---

* Квинт Марций Филипп. XXVIII 13.

хорошо известна эллинам[51]. Напротив, Птолемеем оказаны были в прежние времена ахейцам столь многочисленные и важные услуги, что нельзя было бы и требовать больше. Своею речью Ликорт произвел на слушателей сильное впечатление, так как разница между царями из сопоставления их выступала со всею очевидностью. И в самом деле: если нелегко было исчислить все услуги, оказанные царями александрийскими, то в такой же мере невозможно было доказать, что ахейцы извлекли значительную выгоду из дружбы с царством Антиоха (*О посольствах*).

25. Римская партия одержала верх на союзном вече в Сикионе в отношении Антиоха и Птолемеев. ...Антронид и Калликрат с их единомышленниками говорили еще некоторое время в пользу мирного посредничества, но так как никто не поддерживал их, то они прибегли к хитрости, именно: прямо с дороги вошел в театр вестник с письмом от Квинта Марция, в котором содержалось увещание попытаться примирить царей, что согласно было бы с видами римлян. Действительно, случилось так, что и сенат отрядил посольство с Немезием[52] во главе для той же цели. Однако это последнее обстоятельство говорило против предложения Андронида и Калликрата: посольству Тита не удалось примирить воюющих, и оно решительно ни с чем возвратилось в Рим. Во всяком случае Полибий и его единомышленники во внимание к Марцию не желали возражать против письма и уклонились от дальнейших прений. Таким образом, вопрос об отправке войска царем решен был отрицательно, и ахейцы определили отрядить послов для мирного посредничества, для чего выбраны были Архон из Эгиры, Аркесилай и Аристон из Мегалополя. Когда послы от Птолемея потеряли надежду получить вспомогательное войско, то вручили властям имевшееся у них наготове письмо от царей, в котором сии последние просили ахейцев прислать к ним Ликорта и Полибия на время возникшей войны (*О посольствах*). .

26. Применение к Антиоху слов Симонида. ...В противность собственным уверениям, письменным и устным, Антиох пошел войною на Птолемея, чем лишний раз подтверждается справедливостью изречения Симонида: «Трудно быть благородным». Иметь добрые побуждения и до известной степени отдаваться им легко; напротив, очень трудно не изменить себе и при

ких обстоятельствах сохранить твердость духа, ставить превыше всего честь и правду (*Сокращение ватиканское*).

27. Встреча Попилия с Антиохом у Пелусия. ...[Когда Антиох пришел к Птолемею ради захвата Пелусия][53] и уже издали приветствовал римского военачальника и протягивал ему правую руку, Попилий подал ему табличку с начертанным на ней определением сената, которую держал в руках, и предложил Антиоху прочитать тотчас. Поступил так Попилий, как мне кажется, потому что не желал отвечать знаками дружбы Антиоху до того, как узнал, друга ли он имеет в собеседнике или врага. Когда царь по прочтении таблички сказал, что желает обсудить с друзьями полученное требование сената, Попилий совершил деяние, на мой взгляд, оскорбительное и до крайности высокомерное, именно: палкой из виноградной лозы, которую держал в руках, он провел черту кругом Антиоха и велел царю не выходя из этого круга, дать ответ на письмо. Царя поразила такая дерзость; однако после непродолжительного колебания он обещал исполнить все, чего требуют римляне. Теперь Попилий и его товарищи поздоровались с царем и все с одинаковым радушием приветствовали его. Письмо гласило: «прекратить немедленно войну с Птолемеем». Поэтому через несколько дней в определенный срок Антиох, недовольный и огорченный, увел обратно свои войска в Сирию; но тогда необходимо было покориться. Устроив дела в Александрии, преподав царям совет жить в согласии, вместе с тем предложив им отправить Полиарата в Рим, Попилий с товарищами отплыл к Кипру: они желали возможно скорее и этот остров очистить от находившихся там войск Антиоха. По прибытии на остров римские уполномоченные увидели, что военачальники Птолемея побеждены, и что Кипр весь разграблен, сирийскому войску они велели поскорее покинуть страну и оставаться на острове до тех пор пока войска не возвратились в Сирию. Таким-то образом римляне спасли почти что уничтоженное царство Птолемея, ибо судьба так направила дела Персея и македонян, что Александрия и целый Египет, которые дошли до последней крайности, воспрянули снова благодаря тому, что раньше решена была участь Персея. Не будь этого события и не будь оно достоверно известно Антиоху, он, мне кажется, не подчинился бы требованиям, ему предъявленным (*О посольствах*).

КНИГА ТРИДЦАТАЯ

Аттал послан в Рим от брата Эвмена по случаю нападения галатов на Пергамское царство; козни некоторых римлян против Эвмена в пользу Аттала; врач Стратий удержал Аттала от злоумышлений на брата (1–2). Аттал в сенате просит об обуздании галатов; разочарование сената относительно Аттала (3). Посольства родосцев в Риме; раздражение римлян против Родоса; неудачная защита родосцев Астимедом; снисхождение римлян к родосцам (4). Посольство Филофрона возвратилось на Родос; посольство Астимеда осталось в Риме; желание родосцев во что бы то ни стало заключить союз с Римом вопреки предшествующей вековой политике Родоса; карийцы и ликийцы объявлены сенатом свободными (5). Три разряда эллинов согласно троякому неблагожелательному отношению их к римлянам в войну с Персеем; достойное уважения мужество противников римлян в Эпире, Ахае, Фессалии, Перребии; малодушное поведение некоторых карийцев и родосцев, особенно Гиппократа, Диомедонта, Динона, Полиарата (6–9). Луций Эмилий Павел обошел города Эллады, особенно восхищен был Олимпией, через Эпир возвратился в Рим (10). Смуты, насилия и убийства в Этолии (11). Смуты в Эпире, кровожадность правителя эпиротов Харопа (12). Торжество друзей Рима в Элладе после поражения Персея; составление ими списков тех граждан, отправки которых в Риме требовали десять уполномоченных (13). Луций Аниций, победитель иллирийцев, устроил в Риме забавные состязания в честь победы (14). Похвалы искусным уст-

роителям состязаний (15). Разгром Эпира Эмилием Павлом (16). Египетские цари отправили в Рим посольство благодарить за оказанные им услуги (17). Римляне выдали Котису, царю одрисов, сына его обратно (18). Прусий в Риме с поздравлениями; льстивость и униженность царя (19). Эвмен в Италии; затруднительное положение сенаторов; недопущение Эвмена в Рим; многочи́сленные посольства в Риме (20). Афинское посольство в Риме просило уступить афинянам Делос, Лемнос, Галиарт; мнение об этом автора (21). Родосское посольство в Риме не успело в своем деле (22). Негодование ахейцев против предателей: Калликрата, Андронида и др. (23). Забавное поведение жителей освобожденной Переи (24).

1. Мечты Аттала об отделении от брата и основании особого царства. ...К этому времени[1] от царя Эвмена прибыл в Рим брат его Аттал с таким видом, как будто он явился бы и в том случае, если бы не случилось никакой беды с его царством, но для того собственно, чтобы приветствовать сенат с одержанной победой и принять от него какие-либо отличия за соучастие в войне, за то, что усердно делил с римлянами все опасности; на самом деле идти в Рим вынуждало его в это время еще и нашествие галатов[2]. Так как все принимали его радушно благодаря сближению с ним во время совместного похода с римлянами и тому также, что в Риме верили в искренность его расположения, так как прием превзошел его ожидания, то Аттал преисполнился надеждами, которые едва было не погубили не только до́ма его, но и всего царства. Подлинной причины радушного приема он сам не знал[3]. Дело в том, что большинство римлян отвернулось от Эвмена в том убеждении, что в нынешней войне царь слукавил[4], что он вел тайком переговоры с Персеем и только выжидал неблагоприятного для римлян оборота дел. Посему-то кое-кто из знатных римлян стал искушать Аттала увещаниями, чтобы он оставил попечение о делах, ради коих послан был братом, и повел речь о своих собственных: ибо сенат, говорили советники, из неприязни к брату, готов помочь ему в приобретении царства и власти для себя. Эти советы внушили Атталу самые смелые надежды, и он в частных беседах охотно внимал доводам людей, подстрекав-

ших его на такое дело. Наконец, нескольким именитым гражданам он пообещал, что будет говорить об этом и в сенате.

2. Аттал отказывается от замыслов, пагубных для Пергамского царства. Таково было настроение Аттала. Догадавшись о замыслах брата, царь Эвмен отправил в Рим врача Стратия, который пользовался у него полнейшим доверием. Высказав намеками свои опасения, он тут же поручил Стратию воздействовать на Аттала всеми способами, дабы он не слушал советников, желающих накликать беду на Пергамское царство. По прибытии в Рим Стратий сошелся близко с Атталом и часто вступал с ним в продолжительные беседы: человек он был умный и красноречивый. Не без труда удалось ему отвратить Аттала от безрассудного замысла указанием на то, что и в настоящее время Аттал делит царскую власть с братом, что от брата он разнится тем только, что не носит венца и не имеет звания царя, во всем же прочем равносилен с царем, что в будущем он неминуемо наследует царство, и надежда эта исполнится в близком будущем, так как царь болезнен и смерть может постигнуть его во всякий час, а по бездетности он не может, если б даже и хотел, передать царство кому-либо иному. В это время у Эвмена не родился еще собственный сын[5], который со временем наследовал его власть. Печальнее всего то, говорил Стратий, что Аттал совсем расстраивает дела государства. Напротив, великую благодарность всем богам обязаны были вознести братья за то, что согласным с единодушным образом действий удалось стряхнуть с себя страх галатов и отвратить грозившую от них опасность, а теперь братнею распрею и враждою он уготовляет гибель государству, сам лишает себя власти в настоящем и надежды на будущее, а у братьев отнимает царство и ту власть, какою они в нем пользуются. Этими и подобными доводами Стратий убедил Аттала довольствоваться своим положением.

3. Надежды римского сената на Аттала обмануты. Поэтому, появившись в сенате, Аттал приветствовал сенаторов по случаю недавних событий и напомнил им о своих дружеских чувствах и усердии, доказанных в войну с Персеем. Равным образом он настоятельно просил сенат отправить послов для обуздания свирепствующих галатов и для возвращения их в прежнее состояние. Говорил он также о жителях городов Эна и Маронеи[6] и просил предоставить эти города ему в дар. Что

же касается жалоб на царя и дележа царской власти, то об этом не было сказано ни слова. В ожидании, что по этим делам Аттал особо обратится в сенат вторично, сенаторы обещали отправить послов вместе с ним, щедро наделили его обильными дарами, обещали подарить и названные выше города. Обласканный Аттал поспешил вслед за сим покинуть Рим, вовсе не оправдав расчетов сената. Тогда, видя себя обманутыми и не имея возможности поправить дело, сенаторы, пока Аттал был еще в Италии, взяли назад обещание относительно Эна и Маронеи и объявили эти города свободными; но к галатам все-таки отправлено было посольство с Публием Лицинием* во главе. Нелегко сказать, какими полномочиями снабдил своих послов сенат, хотя нетрудно угадать это по событиям позднейшим, которыми вопрос о полномочиях послов вполне разъяснится.

4. Послы от родосцев в Риме. Прибыли в Рим и послы от родосцев, сначала посольство Филократа, за ним Филофрона и Астимеда. По получении ответа, который дан был посольству Агеполида тотчас после сражения, родосцы поняли, что сенат раздражен на них и гневается[7], почему и поспешили отправить помянутые выше посольства. Из того, как принимал их сенат и отдельные граждане, Астимед и Филофрон с товарищами усмотрели недоверие римлян и враждебность в отношении к родосцам, что повергло послов в полнейшее уныние, и они не знали, как помочь себе. Когда один из преторов, взошедши на трибуну, стал возбуждать народ к войне с родосцами, послы в страхе за судьбу отечества потеряли окончательно самообладание и пришли в такое отчаяние, что облеклись[8] в траурные[9] одежды и в беседах с друзьями не прибегали более к каким-либо увещаниям или просьбам, только со слезами на глазах молили о пощаде. Однако несколько дней спустя народный трибун Антоний ввел их в сенат[10]. В сенате говорил сначала Филофрон, потом Астимед. Когда они спели, как гласит поговорка, лебединую песню[11], то услыхали ответ, который, казалось, избавлял их от подавляющего страха[12] войны, но в котором они выслушали все-таки от сената жестокие и тяжкие укоризны по отдельным делам. Смысл ответа был приблизительно таков: если бы не вмешательство нескольких дру-

---

* Публий Лициний Красс.

зей из римлян и больше всего самих послов, то сенаторы прекрасно знали бы, как им поступить с родосцами[13].

Что касается Астимеда, то сам он находил свою речь[14] в защиту отечества очень хорошей, хотя совсем не угодил ею эллинам, ни тем, которые теперь прибыли в Рим, ни жительствовавшим в Риме. Впоследствии свою защитительную речь он изложил письменно и издал; в этом-то виде она и показалась большинству читателей несообразною и несколько неубедительною. В самом деле, защита его состояла не столько из доводов в пользу родосцев, сколько из обвинений против всех прочих народов. Сопоставляя и оценивая услуги народов и помощь, какую они оказывали римлянам, Астимед старался извратить и умалить то, что сделано другими, а деяния родосцев преувеличивал и превозносил, насколько только мог. С другой стороны, ошибки прочих народов он осуждал злобно и язвительно, заблуждения родосцев старался смягчить, дабы соотечественники при сопоставлении с другими народами оказались маловиновными и заслуживающими снисхождения, а вины других непростительными и тяжкими, — и тем не менее все виновные, говорил он, помилованы. Такой способ защиты никак нельзя считать приличествующими государственному мужу. Так, мы не воздаем похвалы людям, которые страха или корысти ради доносят на своих соучастников в каком-либо тайном заговоре; напротив, тем мы сочувствуем и тех считаем прекрасными людьми, которые выдержали всякую пытку и наказание, лишь бы не вовлечь в ту же беду кого-либо из прочих соучастников. Как же мог не вызывать негодования в каждом, кто узнавал о том, такой человек, который из суетного страха перед власть имущими обличал все прегрешения прочих народов и в памяти владычествующего народа возобновлял такие события, которые от времени пришли даже в забвение?

5. Радость родосцев по получении известия о решении сената. С упомянутым выше ответом Филократ и товарищи его немедленно отплыли из Рима, а посольство Астимеда осталось на месте для того, чтобы следить, как бы не укрылись от родосцев какие-либо действия или речи, направленные против их отечества. Когда ответ сената был получен на Родосе, жители его почувствовали себя избавленными от величайшей опасности, опасности войны, — посему другую, как ни была она тягостна, сносили уже легко: так всегда мысль о большем

бедствии вытесняет из памяти людей меньшие невзгоды. Поэтому тотчас определили родосцы изготовить для Рима венок в десять тысяч золотых и в начале лета отправили его с послом Теэтетом, выбранным также в начальники флота; вместе с Теэтетом отправлено было другое посольство с Родофонтом во главе, коему поручено изыскать все меры к заключению союза с римлянами. Родосцы поступали так во избежание одной из неудач[15] — с определением о венке или с посольством — на тот случай, если римляне не согласятся на их просьбу; теперь испытать римлян должен был начальник флота по собственному почину, ибо согласно законам он имел на это право. **Мудрость родосской политики воздержания от союзов.** Управление родосцев было так мудро, что в течение чуть не ста сорока лет народ родосский участвовал в самых доблестных и славных подвигах римлян, не заключая, однако, с ними союза. Почему родосцы держались такой политики, об этом стоит сказать. Они не желали у кого бы то ни было из правителей или владык отнимать надежду на поддержку с их стороны и на союз с ними, почему решили не соединяться ни с каким правительством и не связывать себя заранее клятвами и договорами, но, оставаясь независимыми, обращать в свою пользу виды каждого государства на их содействие. Теперь, напротив, они прилагали большое старание к тому, чтобы удостоиться этой чести от римлян, и не потому, чтобы им настоятельно нужен был союз, не потому также, чтобы они боялись кого-либо, кроме римлян; только они желали этой чрезвычайной мерой уничтожить злоумышления врагов против их государства. Едва Теэтет с товарищами успел высадиться, как отделились кавнии[16], а миласийцы завладели городами, лежащими в Эвроме. В то же самое время обнародовано сенатом определение, по силе которого все карийцы и ликийцы, после войны с Антиохом предоставленные родосцам, должны быть свободны. С кавниями[17] и эвромлянами родосцы быстро справились: они послали против них войско под начальством Ликона и, правда, при помощи кибиратов снова покорили их своей власти. Точно так же они пошли войною на города Эврома, в сражении победили миласийцы и алабандийцы, когда войска обоих народов явились под Орфосием[18]. **Независимость карийцев и ликийцев.** Родосцы снова упали духом, когда получили известие о сенатском определении относительно ликийцев и

карийцев, так как опасались, что поднесением венка римлянам ничего не достигнут и что тщетны надежды их на союз (*О посольствах*).

6. Эллада после разгрома Македонского царства. ...Раньше мы остановим внимание читателей на поведении Динона и Полиарата. Дело в том, что смуты и перемены* наступили не для родосцев только, но для всех почти государств, почему не бесполезно будет вникнуть в поведение правящих людей в каждом отдельном государстве и решить, какие из них поступали разумно и какие вопреки долгу, дабы последующие поколения имели возможность, как бы опираясь на примеры, безошибочно избирать себе в подобных обстоятельствах правильный образ действий и уклоняться от ошибочного, и дабы люди, на закате дней изменившие правилам благопристойности, сами не омрачили собственных доблестей предшествующей жизни.

Деление эллинов по их отношению к римлянам в Персееву войну. Итак, было три разряда правителей[19], навлекших на себя подозрение в войну с Персеем, именно: граждане, с неудовольствием взиравшие на окончательное решение борьбы и на подчинение мира единой власти, которые если не помогали римлянам, то нисколько им и не противодействовали, исход событий как бы предоставляя судьбе. Это — первый разряд. Другой состоял из граждан, для которых решение борьбы было отрадным зрелищем, которые желали видеть торжествующим Персея, хотя бессильны были привлечь на свою сторону сограждан и соплеменников. В третий разряд входили граждане, которые увлекали за собою государства и втягивали их в союз с Персеем.

7. Поведение противников римлян. Можно видеть, как вели себя все эти разряды эллинов теперь. Антиной, Теодот и с ними Кефал обратили на сторону Персея народ молоттов[20]. Все они, когда дела приняли оборот, противный их ожиданиям, когда отовсюду нависла опасность и приближалась гроза, пошли навстречу судьбе и кончили мужественною смертью. Хвала этим людям за то, что они не изменили себе и не унизились до положения, недостойного их предшествующей жизни. В Ахае, а также среди фессалийцев и перребов нашлось очень много

---

* После победы над Персеем.

граждан, которые навлекли на себя подозрение воздержанием от дел, как люди, поджидающие благоприятного момента и сочувствующие Персею. Однако никто не слышал от них ни единого слова, в этом смысле сказанного открыто, никто не уличил их в сношениях с Персеем, письменных ли то или через посредников, и они оставались неуязвимы. Вот почему эти люди поступали правильно, когда не бежали от суда и следствия и испробовали все средства защиты. Ибо безвременно лишать себя жизни, не сознавая за собою никакой подлости, из боязни ли то перед угрозами своих противников или из страха перед могуществом владык, в не меньшей степени служит признаком малодушия, как и неумеренная жажда жизни.

Малодушие сторонников Персея. Наконец, на Родосе и Косе и в нескольких других государствах были многочисленные сторонники Персея, которые осмеливались в своих государствах говорить в пользу Македонии, выступать с обвинениями против римлян и вообще действовали заодно с Персеем, хотя не имели силы склонить государства к союзу с Персеем. Из граждан Коса, действовавших таким образом, именитейшими были: братья Гиппократ и Диомедонт, а из родосцев Динон и Полиарат. Неужели поведение этих людей можно не находить предосудительным? Во-первых, сограждане их были свидетелями всех их поступков и речей; далее перехвачены и обнародованы были письма как те, которые от Персея посылались к ним, так и те, которые шли от них к Персею; в руки римлян попали, наконец, те самые люди, которых посылали друг к другу обе стороны, — и все-таки они не находили в себе мужества покориться судьбе и положить конец своему существованию и колебались до последнего момента. При всей безвыходности положения они не переставали цепляться за жизнь и тем разрушили сложившееся было представление об их отваге и решимости, так что утратили всякое право на сострадание и милость потомства. Уличенные на очных ставках собственными писцами и пособниками, они имели вид не столько несчастных людей, сколько бесстыжих. Так, в числе мореходных торговцев был некто Фоант, который многократно ходил морем в Македонию по поручению Динона и Полиарата. Когда счастье изменило, Фоант, сознавая за собою вину, в страхе удалился в Книд, книдяне заключили его под стражу, но потом, по требованию родосцев, выдали на Родос. Там под

пыткою Фоант дал показания, во всем подтвердившие смысл условных знаков в перехваченных бумагах и содержание писем, которыми обменивались Персей и Динон. Поэтому всякий с изумлением мог спросить себя, что побуждало Динона так дорожить жизнью и сносить такой позор.

9. Постыдное малодушие Полиарата. Однако Полиарат далеко еще превзошел Динона в безрассудстве и малодушии. Когда Попилий* потребовал от царя Птолемея доставить Полиарата в Рим, царь во внимание к нему и к его отечеству пожелал исполнить требование и решил отправить его на Родос, о чем просил и сам Полиарат. Царь доверил Полиарата одному из своих друзей Деметрию и велел перевезти его на челноке, а родосцев уведомил письмом об его отбытии. Однако Полиарат высадился на пути в Фаселиде[21] и, волнуемый какими-то мыслями, искал убежища у общественного очага с масличной веткой в руках. Я уверен, что он и сам не мог бы дать ответа на вопрос, что ему было нужно. Если он действительно жаждал возвратиться на родину, зачем понадобилась ему масличная ветвь? И без того проводникам поручено было доставить его на родину. Если же он больше хотел в Рим, то это должно было совершиться неминуемо, даже вопреки его желанию. Что же оставалось другое? И не было никакого другого места, где бы он мог найти безопасное пристанище. Однако когда фаселиты послали на Родос просить взять от них Полиарата и перевезти к себе, родосцы догадались и отправили беспалубное судно проводить его, хотя начальнику воспретили брать его на судно, так как александийским проводникам приказано было доставить Полиарата в Рим[22]. Когда родосское судно прибыло в Фаселиду и Эпихар, начальник родосского корабля, отказался принять Полиарата, Деметрий, которому вверено было препроводить Полиарата на место, приказал ему покинуть очаг и взойти на судно. Вместе с Деметрием склонили его к тому же и фаселиты из опасения, как бы пребывание у них Полиарата римляне не поставили им в вину. В столь безвыходном положении он снова взошел в челнок к Деметрию. Но на пути отсюда[23] Полиарат воспользовался первым удобным случаем, чтобы бежать и укрыться в Кавне, к жителям коего так же, как и к фаселитам, обратился с просьбою о защите. Когда кавнии, находясь в за-

---

* Гай Попилий Ленат.

висимости от родосцев, отказали ему в этом, он послал просить кибиратов принять его в свой город и дать ему провожатых. Близость его к кибиратам объясняется тем, что у него воспитывались дети тамошнего тирана Панкрата. Кибираты вняли его просьбе, но по прибытии в Кибиру Полиарат и сам стал, и жителей города поставил в положение еще более трудное, чем фаселитов, когда заходил к ним. Дело в том, что кибираты не осмеливались держать его у себя из страха перед римлянами, а с другой стороны, и в Рим не могли отправить его, как народ материковый, совершенно несведущий в морском деле. Наконец, они вынуждены были обратиться через послов на Родос, а также к римскому военачальнику* в Македонию с предложением взять от них Полиарата. Луций** написал кибиратам зорко наблюдать за Полиаратом и отослать его на Родос, а родосцев просил озаботиться снаряжением для него провожатых и надежною переправою в римское государство. Оба этих народа исполнили требование Луция, и Полиарат был этим способом доставлен в Рим, в высочайшей мере обнаружив перед всеми свое безрассудство и малодушие, ибо он был выдан благодаря собственной несообразительности не только царем Птолемеем, но также фаселитами, кибиратами, родосцами.

Зачем я так долго останавливался на Полиарате и Диноне? Не затем, конечно, чтобы от себя прибавить что-либо к их несчастьям, — но с целью разоблачить их безрассудство и тем научить других, когда они попадут в подобные обстоятельства, быть и рассудительнее, и мудрее (*О добродетелях и пороках*).

10[24]. Персей и Эмилий Павел. ...Скоропреходимость и непостоянство судьбы наблюдаются яснее всего на таких случаях, когда кто-нибудь начинает труды, которые, по его убеждению, должны послужить к величайшему для него благу, и потом вдруг узнает, что трудился для врагов. Так было с Персеем, который велел было изготовить столбы[25], а Луций Эмилий нашел их незаконченными, приказал докончить и на них поставить собственные изображения.

...С удивлением рассматривал Луций местоположение города[26] и удобства кремля по отношению к странам по сю и по ту сторону Истма.

---

* Проконсул Луций Эмилий Павел.
** Луций Эмилий Павел.

...С удивлением осмотрев укрепления Сикиона и обширный город аргивян, он прибыл в Эпидавр.

...Давно уже мечтал он о том, как бы увидеть Олимпию, и теперь спешил туда.

...Луций Эмилий вошел в священную рощу в Олимпии[27] и, очарованный при виде статуи, сказал, что, по его мнению, один Фидий верно воспроизвел гомеровского Зевса, ибо действительность превзошла даже высокое представление, какое он имел об этом изображении (*Сокращение ватиканское, Свида*).

11. Смуты и насилия в Этолии. ...Этолийцы имели обыкновение добывать себе средства к жизни грабежом и насилиями. До тех пор пока была возможность обижать и грабить эллинов, этолийцы этим способом добывали свои средства, ибо на всякую страну они смотрели как на неприятельскую. Потом, когда блюстителями Эллады стали римляне и расхищать чужое добро не дозволялось, они обратили силы друг на друга. Если и раньше уже в междоусобной войне[28] не было жестокости, перед которой они остановились бы, то теперь, когда незадолго перед сим испробована была братняя кровь в арсинойской резне[29], этолийцы были способны на все и так одичали, что даже правителям своим не давали собраться на совещание. Посему безначалие, насилие и убийства наполняли Этолию; действий осмысленных, рассчитанных по плану не было там вовсе; напротив, все делалось без толку, наобум, как будто ураган налетел на них (*О добродетелях и пороках*).

12. Смуты в Эпире. Жестокости Харопа. ...Подобное же положение дел было в Эпире. Если большинство населения было здесь более сдержанно, нежели в Этолии, зато в такой же мере превосходил всех эпиротов правитель их своим нечестием и злодеяниями. В самом деле, не было, я полагаю, и не будет более кровожадного человека и более преступного, как Хароп (*там же*).

13. Торжество сторонников Рима в Элладе. ...После крушения Персея, когда война была кончена, отовсюду посылались посольства приветствовать римских военачальников с победою. Так как счастье склонилось решительно на сторону римлян, то во всех государствах воспользовались оборотом дел и подняли голову те из граждан, которые слыли за римских друзей; их же выбирали теперь в посольства, вверяли им и все

прочие дела. Вследствие сего собрались теперь в Македонии* Калликрат, Аристодам, Агесий, Филипп из Ахаи, Мнасипп с единомышленниками из Беотии, Хремат с товарищами из Акарнании, от эпиротов Хароп и Никий с их единомышленниками, от этолийцев Ликиск, Тисипп и друзья их. Все эти граждане, ревностно преследуя одну и ту же цель, собрались вместе, и за отсутствием противников, которые, уступая силе вещей, совершенно удалились от дел, могли осуществить свои замыслы без борьбы.

Требование к эллинским городам о выдаче подозрительных граждан. Между тем десять уполномоченных при посредстве военачальников оповестили все города и союзы о том, каким из числа их граждан идти следует в Рим[30]. Это были, говоря вообще, те самые люди, списки коих составляли из личной неприязни названные выше друзья римлян, за исключением весьма немногих, и без того хорошо известных своим поведением. Только к ахейскому народу римляне отправили послами знатнейших из десяти: Гая Клавдия и Гнея Домиция. Так сделали они по двум причинам: во-первых, из опасения, что ахейцы не пожелают исполнить письменное требование и могут вовлечь в беду Калликрата и друзей его, кои почитались виновниками всех изветов на эллинов, как и было в действительности. Во-вторых, в перехваченной переписке не содержалось точных, определенных указаний на кого бы то ни было из ахейцев. По этому делу некоторое время спустя военачальник отправил к ахейцам послов с письмом[31], хотя он лично и не доверял наговорам Ликиска и Калликрата, как показали это впоследствии самые события (*О посольствах*).

14. Игры в Риме в честь победы над Генфием. ...Луций Аниций, тоже римский военачальник, победитель иллирийцев, вел за собою пленного Генфия и детей его, а на играх, устроенных им в честь победы в Риме, дозволил себе забавнейшие шутки, как рассказывает Полибий в тридцатой книге, именно: он пригласил из Эллады знаменитейших артистов и, соорудив в цирке[32] огромнейшие подмостки, вывел на них сначала всех флейтистов вместе. Это были беотиец Теодор Феопомп и лисимахиец Гермипп — все знаменитости. Он поставил их на передней части сцены вместе с хором и велел играть

---

* В римском стане.

всем разом. Лишь только музыканты начали играть, сопровождая игру приличествующими движениями, Луций послал сказать, что играют они дурно, и лучше сделают, если затеют состязание друг с другом. Музыканты были в недоумении. Тогда один из ликторов показал, как они должны выйти друг на друга и устроить подобие битвы. Быстро сообразив, чего от них хотят, флейтисты дозволили себе вольные движения, отвечавшие обычно их распущенности, и тем произвели на сцене величайшую сумятицу. Средние части хоров они обратили против крайних, а сами под дикую разноголосицу флейт то сходились, то расходились. Под звуки музыки топали ногами хористы и, приводя в сотрясение сцену, неслись на своих противников и снова отступали, оборотив тыл. А когда кто-то из хористов опоясался, внезапно отделившись от хора, и замахнулся, как в кулачном бою, на несущегося против него музыканта, зрители разразились восторженными рукоплесканиями и криками одобрения. Правильная битва еще продолжалась, когда два плясуна под звуки флейт введены были в орхестру, а четыре кулачных бойца взошли на сцену с трубачами и горнистами. Зрелище всех этих состязаний получалось неописуемое. Что касается трагических актеров, прибавляет Полибий, то мои слова покажутся глумлением над читателем, если я вздумаю что-нибудь передать о них (*Афиней*).

15. ...Кто[33] может устроить прекрасно праздничные состязания, тот сумеет и надлежаще приготовить великолепное пиршество, и показать себя ловким вождем в сражении (*Сокращение ватиканское*).

16. Разгром Эпира Эмилием Павлом. ...По словам Полибия, Павел разорил семьдесят городов эпирских после разгрома Персея и македонского царства; города эти принадлежали большею частью молоттам. Он же продал в рабство полтораста тысяч населения[34] (*Страбон*).

17. Благодарность египетских царей Риму. ...В Египте цари[35], избавившись от войны с Антиохом, прежде всего отправили в Рим послом Нумения, одного из своих друзей, выразить благодарность за оказанные царям услуги. Кроме того, они даровали свободу лакедемонцу Меналкиду[36], который бессовестно воспользовался бедствиями царства для собственного обогащения. Об освобождении его, как о личной милости, просил царей Гай Попилий[37] (*О посольствах*)[38].

18. Дарование свободы римлянами сыну Котиса. ...Около этого времени царь одрисов Котис отправил послов в Рим с просьбою о возвращении ему сына[39] и для оправдания союзнических отношений его к Персею. Во внимание к тому, что война с Персеем имела желанный исход, римляне почитали дело это конченным и не находили никакой выгоды во вражде с Котисом. Посему они согласились на выдачу ему сына, который в качестве заложника отправлен был в Македонию и здесь вместе с детьми Персея попал в плен. Освобождением юноши римляне желали дать доказательство своей доброты и великодушия, вместе с тем обязать Котиса признательностью за столь важную милость (*там же*).

19. Унизительное поведение Прусия перед римлянами. ...Около того же времени прибыл в Рим и царь Прусий[40] поздравить с победою сенат и военачальников*. Этот Прусий показал себя человеком совершенно недостойным царского звания, о чем свидетельствовать может следующее: во-первых, когда явились к нему римские послы, он вышел навстречу им с бритой головой и в шляпе[41], в тоге и башмаках, словом, в таком одеянии, какое у римлян носят недавно освобожденные рабы, именуемые вольноотпущенниками. Поздоровавшись с послами, он сказал: «Глядите на меня, вашего вольноотпущенника, который желает во всем угодить вам и подражать вашим порядкам», — речь, унизительнее которой и придумать трудно. Теперь при входе в сенат, стоя в дверях против собрания сенаторов, с опущенными руками[42], он распростерся перед заседающими, облобызал порог и воскликнул: «Привет вам, боги спасители», — показав этим такую меру малодушия, вместе с сим бабьей приниженности и лести, что и последующие времена не увидят ничего подобного. Согласно с сим вел себя царь и после того, как вошел в сенат и присутствовал при совещаниях сенаторов: непристойностью было бы даже описывать его поведение. Ответ он получил милостивый потому именно, что предстал в столь жалком виде.

20. Прибытие Эвмена в Италию. Сенат не допускает его в Рим. Прусию дан уже был ответ, когда получилось известие, что Эвмен тоже направляется в Италию[43]. Обстоятельство это повергло сенаторов в большую тревогу. Как ни враждебно они

---

* Луций Эмилий и Гней Октавий.

были настроены к царю и как ни упорствовали в своем настроении, но сенаторы ни за что не желали обличить себя. Дело в том, что они перед всеми провозгласили было Эвмена первым и величайшим своим другом, а теперь должны были при встрече с царем и по выслушании его оправданий отдать себя на посмеяние за то, что в прежнее время отличили высшим почетом подобного человека, если бы дали откровенный ответ и высказались по совести; напротив, они поступили бы вопреки очевидности и выгодам отечества, если бы в угоду внешней благопристойности дали Эвмену милостивый ответ. Так как оба ответа должны были привести к нежелательным последствиям, то сенаторы придумали такой выход: под предлогом, что вообще посещения царей тягостны для них, они обнародовали определение, коим возбранялось прибытие к ним какого бы то ни было царя. Некоторое время спустя они были уведомлены, что Эвмен высадился в Брентесии в Италии; тогда отправили к нему квестора с сенатским определением, чтобы царь, если что-либо ему нужно от сената, вверил свое дело квестору; если же к сенату нет у него дела, то согласно требованию квестора он обязан был возможно скорее покинуть Италию. При свидании с квестором царь легко понял волю сената и сказал только, что не нуждается ни в чем. Таким-то способом отрезан был Эвмену доступ в Рим. Своим определением сенат достиг и другой важной цели, именно: царству Эвмена угрожала большая опасность со стороны галатов, и очевидно было, что презрительное обращение сената удручающе подействует на всех союзников царя и, напротив, удвоит воинскую отвагу галатов. Желая всеми способами ослабить Эвмена, сенаторы и постановили такое определение. Случилось это еще в начале зимы. **Прием прочих посольств в Риме.** Вслед за сим сенат принял все явившиеся в Рим посольства: не было такого государства, владыки или царя, от которого в это время не пришло бы приветственное посольство. Всем посольствам, за исключением родосского, оказан был дружеский и милостивый прием; предложив родосским послам идти обратно, сенат ограничился смутными обещаниями относительно будущего. Сдержан он был и с афинянами (*О посольствах*).

21. Афинское посольство в Риме. ...Что касается афинского посольства, то оно ходатайствовало прежде всего о пощаде галиартийцев[44]; а когда это ходатайство оставлено было

без внимания, афиняне повели речь о Делосе, Лемносе и о земле галиартийцев, на обладание коей предъявляли свои притязания: такова была двоякая задача их посольства. Если за острова Делос и Лемнос, которые они старались присвоить себе и раньше, и нельзя было бы упрекать их, то их притязания на землю галиартийцев заслуживали осуждения. Вместо того, чтобы всеми средствами содействовать возрождению чуть не древнейшего города Беотии*, постигнутого несчастием, разрушать его до основания и тем отнимать у обездоленного народа последнюю надежду на лучшее будущее, очевидно, не подобало бы никому из эллинов, афинянам же меньше всего. И в самом деле, сделать свое отечество родным для всех эллинов и в то же время уничтожать чужие города — это никак не согласовалось с правилами поведения афинского народа. Все-таки сенат подарил афинянам Делос и Лемнос. Таков был исход афинского посольства.

...Получая Лемнос и Делос, афиняне, как гласит поговорка, брали волка за уши, ибо последовавшие за сим замешательства с делийцами причинили им много забот, да и область галиартийцев принесла им скорее срам, нежели какую-нибудь выгоду (*О посольствах, Сокращение ватиканское*).

22. Родосское посольство в Риме потерпело неудачу. ...В это время предстал пред сенатом Теэтет с ходатайством о союзе. Сенат отложил обсуждение дела, а тем временем Теэтет умер естественною смертью: ему было больше восьмидесяти лет. В Рим явились также изгнанники из Кавна и Стратоникеи и явились в сенат, который постановил, чтобы родосцы вывели свои гарнизоны из этих городов. С таким ответом посольство Филофрона и Астимеда поспешило обратно домой, опасаясь, как бы родосцы не ослушались приказания вывести гарнизоны и тем не вызвали бы против себя нового недовольства (*О посольствах*).

23. Ярость ахейцев против Калликрата и Андронида. ...В Пелопоннесе, когда послы возвратились и объявили ответ сената[45], был уже не ропот против Калликрата, но открытая ярость и ненависть.

...О ненависти против Калликрата, Андронида и прочих его единомышленников свидетельством может служить следую-

---

* Ил. II 503.

щее: когда в Сикионе на всенародном празднестве Антигоний, где все бани имели кроме общих водоемов[46] еще отдельные ванны, обыкновенно занимаемые в одиночку более требовательными посетителями, заходили в эти последние Андронид, Калликрат или кто-либо из их единомышленников, то ни один из ожидающих очереди не решался входить в ванну прежде, чем банщик не выпускал из нее всей воды и не вливал другой, чистой. Так поступали люди в том убеждении, что они замарали бы себя, если бы взошли в ту самую воду, которой мылись поименованные выше граждане. Едва ли можно описать шиканье и насмешки, какие поднимались на общеэллинских собраниях при упоминании их имен. Даже дети, возвращаясь из училищ, не стеснялись на улице обзывать их в лицо предателями. Таким отвращением и ненавистью преследовали эллины этих людей (*О посольствах, О добродетелях и пороках*).

24. Освобожденные жители Переи. ...Жители[47] Переи походили на тех рабов, которых сверх всякого ожидания освободили от цепей, которые не верят еще своему новому положению, делают шаги шире, чем нужно, и воображают, что при встрече с ними люди не признают и не увидят в них свободных, если они не позволят себе каких-либо поступков необычайных и невиданных (*Сокращение ватиканское*).

КНИГА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Война на Крите между кносянами и гортинцами с одной стороны и равкиянами — с другой. Новое посольство от родосцев в Риме и новая неудача в попытках заключить союз с Римом (1). Предоставление автономии галатам римлянами (2). Великолепное празднество, из состязания с Эмилием Павлом, устроенное Антиохом в Дафне (3–4). Римское посольство было обмануто притворным радушием Антиоха (5). Посольства в Риме от родосцев, ахейцев, от Прусия; последнее, равно как и посольства от азиатских городов, с жалобами на Эвмена (6). Покорная и просительная речь Астимеда в сенате; согласие сената заключить союз с родосцами (7). Посольство ахейцев напоминает сенаторам, что ахейский народ не судил обвиняемых римлянами граждан и не постановлял о них никакого приговора, и просило произвести следствие и суд над ними; отказ сената судить заподозренных и отпустить их; уныние эллинов (8). Покорение камманов римлянами. Братья Эвмена послами от него в Рим защищали царя от обвинений Прусия; отправка уполномоченных в Элладу и в Малую Азию (9). Неискусное собирание сведений об Эвмене Сульпицием; сочувствие эллинов к Эвмену (10). Святотатственный поход Антиоха в Элимаиду, упомопомешательство и смерть Антиоха (11). Напрасно Деметрий, сын Селевка, живший в Риме заложником, просил сенат отпустить его домой; сенат предпочитал видеть на сирийском престоле слабого юношу. Посольство из Рима в Сирию (12). Два римских посольства к царю Каппадокии Ариарату V для расследования распри

между царем и галатами (13). Послы от Ариарата нашли в Риме радушный прием (14). Посольство от родосцев в Риме с различными просьбами (15). История перехода Калинды во власть родосцев (16). Послы принесли Ариарату из Рима благоприятный ответ. Ариарат получил из Антиохии останки матери и сестры (17). Согласно просьбе Птолемея Младшего исправлен был сенатом раздел египетских владений с Птолемеем Старшим: того же требовали выгоды Рима (18). Убийство Гнея Октавия в Сирии. Деметрий вторично безуспешно просил сенат отпустить его домой; по совету Диодора решил бежать из Рима; бегство Деметрия (19–20). Поздно узнали римляне о побеге Деметрия; посольство из Рима в Элладу и Азию (23). Нападки Марка Порция Катона на роскошь, привнесенную в Рим извне (24). Автор осуждает родосцев за то, что они приняли от Эвмена 280 000 мер хлеба (25). По требованию римских послов Птолемей распустил наемное войско и возвратился в Ливию (26). Римское посольство перешло на сторону Птолемея Старшего, и брат его, вышедши против киренейцев, потерпел поражение (27). Примирение между братьями не состоялось, и Птолемей Младший обратился опять в Рим с жалобою на брата (28).

1. Война на Крите между городами. ...В это время кносяне вместе с гортинцами подняли войну против равкийцев[1] и обязали друг друга клятвенным договором положить оружие не прежде, чем Кавн будет взят приступом. Родосцы между тем получили относящееся к кавниям определение, из которого видели, что римляне не перестают гневаться на них, хотя они покорно исполняли все их приказания. Немедленно выбрали родосцы послов и с Аристотелем во главе отправили в Рим с поручением еще раз попытаться заключить союз. По прибытии на место в середине лета они вошли в сенат и с первых же слов заявили о покорности родосского народа определениям сената, затем многочисленными разнообразными доводами старались склонить сенат к заключению с ними союза. Сенат дал послам ответ, в котором, не говоря ни слова о дружбе, объявлял, что при настоящих обстоятельствах сенату не подобает делать угодное родосцам (*О посольствах*).

2. Независимость галатов. ...Азиатским галатам через послов их сенаторы даровали независимость[2] под условием, если они останутся на местах своего поселения и не будут ходить войною за пределы собственных владений (*там же*).

3. Празднество, устроенное Антиохом в Дафне. ...Прослышав о том, что в Македонии Эмилием Павлом, римским военачальником, устроены были игры[3], этот самый царь* пожелал превзойти его великолепием празднества и разослал по городам послов и теоров[4] оповестить, что он устроит игры в Дафне[5], будучи уверен, что эллины охотно отзовутся на его приглашение. Началом празднества служило торжественное шествие, совершавшееся в следующем порядке: впереди шли пять тысяч мужчин цветущего возраста, вооруженных по-римски, в панцирях; за ними следовали мисы тоже в числе пяти тысяч; к ним примыкали три тысячи киликийцев в легком вооружении, с золотыми венками на головах, а за ними три тысячи фракийцев и пять тысяч галатов. Дальше шли двадцать тысяч македонян, из коих пять тысяч вооружены были медными щитами, а все прочие серебряными, за ними следовали двести сорок пар единоборцев. Дальше помещалась тысяча никейских всадников[6] и три тысячи из граждан; большею частью лошади имели золотые уздечки, а всадники — золотые венки; у прочих лошади были в серебряных уздечках. Дальше шли всадники, именуемые сподвижниками, в числе тысячи человек; все лошади их носили золотые украшения; в том же числе и в таком же вооружении примыкал к ним отряд друзей, в сопровождении тысячи отборных воинов, за которыми следовал почти тысячный отряд всадников, именуемый агематом, который считается цветом конницы. Шествие замыкалось полуторатысячной панцирной конницей[7], в которой, как показывает самое название, лошади и люди были в панцирях. Все перечисленные здесь участники шествия одеты были в багряные плащи, у многих воинов расшитые золотом или украшенные изображениями. Кроме поименованных отрядов было сто колесниц, запряженных шестериками, и сорок — четвериками, а за ними шла колесница в четыре слона и другая, запряженная парою слонов; в одиночку следовало еще тридцать шесть слонов в полном вооружении.

---

* Антиох Эпифан.

Трудно было бы описать все прочие части шествия, почему мы ограничимся кратким перечнем. В процессии участвовало около восьмисот юношей в золотых венках, около тысячи откормленных быков, около трехсот жертвенных столов, тут же было восемьсот слоновых клыков. Число статуй не поддается определению. Нет такого божества или духа, известного людям или ими чествуемого, статуи которого не было бы здесь, или вызолоченной, или облеченной в шитые золотом одежды; тут же были и статуи героев. Все эти статуи имели при себе драгоценные изображения событий, как передается о них в сказаниях, к богам и героям относящихся. За ними следовало еще изображение Ночи и Дня, Земли, Неба, Утренней зари и Полудня. Как велико было число золотых и серебряных вещей, можно видеть из следующего; один из царских любимцев, писец Дионисий, имел в процессии тысячу рабов, несших серебряные предметы, причем не было предмета легче тысячи драхм[8]. Царских рабов с золотыми вещами было в процессии шестьсот. Кроме того, около двухсот женщин кропили благовонными жидкостями из золотых кувшинов. За ними следовали восемьдесят женщин на носилках с золотыми ножками и пятьсот женщин на носилках с серебряными ножками, все роскошно одетые. Такова была наиболее блестящая часть процессии.

4[9]. Из тех тридцати дней, в течение которых давались представления, все участники игр, единоборства и охоты умащали себя в гимназии шафранным маслом из золотых сосудов; таких сосудов было пятнадцать, столько же с киннамомовым маслом и с нардовым. В следующие за сим дни употреблялись масла из фенигрена, амарака и ириса, все очень ароматные. Для пира накрывались ложи в числе тысячи и даже полутора тысяч, все роскошно отделанные.

Поведение царя на празднестве. Распорядителем на празднестве был сам царь, державший себя унизительно и непристойно. На плохой лошади скакал он вдоль процессии, одних подгоняя вперед, других сдерживая, как и подобало распорядителю. Если бы снять с него царский венец, то никто из людей не знающих ни за что не поверил бы, что перед ними царь, всесильный властелин, ибо на вид он был проще скромного слуги. Во время пира он сам стоял у входа, пропуская гостей, усаживая на места других, или давал указания слугам, разносившим

яства. Согласно с сим он подходил к пирующим, присаживался к одним, возлегал близ других; то бросал кусок и обмывал кубок, то вскакивал и переходил на другое место, обходил всю пиршественную залу, принимая здравицы стоя и перекидываясь шутками с музыкантами. Когда пиршество подходило к концу и очень многие уже удалились, скоморохи внесли царя, закутанного с головы до ног, и положили на землю; потом под возбуждающие звуки музыки он вскочил нагишом и, заигрывая со скоморохами, отплясывал смешные и непристойные танцы, так что все от стыда разбежались из залы. Всякий, кто присутствовал на празднике, когда останавливал взор на необычайной роскоши празднества, на устройстве состязаний и шествий и на общем распорядке, изумлялся и дивился богатствам царя и царства; зато, когда присматривался к самому царю и к его предосудительным поступкам, он решительно недоумевал, как могут в одном и том же лице совмещаться столь высокие достоинства и столь низкая порочность (*Диодор*).

Поведение царя на празднестве. Распорядителем на празднестве был сам царь. На плохом коне скакал он вдоль процессии, одних подгоняя вперед, других сдерживая. Во время пира он сам стоял у входа, пропуская одних гостей и усаживая на места других, или вводил слуг, разносивших яства. Обходя пирующих, он здесь присаживался, там возлегал. По временам бросал кусок или отодвигал кубок, вскакивал и переходил на другое место, обходил пиршественную залу, принимая здравицы то там то сям, и в то же время перекидываясь шутками с музыкантами. Когда пиршество подходило к концу и многие уже удалились, скоморохи внесли царя, закутанного с головы до ног, и положили на землю, как бы одного из своих товарищей. Вскочив под возбуждающие звуки музыки, он плясал и представлял вместе со скоморохами, так что все от стыда разбежались. Все это празднество устроено было частью на те средства, какие он вывез из Египта, когда предательски напал на Филометора, тогда младенца еще, частью на приношения своих друзей. К тому же он разграбил[10] очень многие святилища (*Афиней*).

5. Притворное радушие Антиоха. ...Вскоре по окончании празднества явилось посольство Тиберия*[11] с целью разведать

---

* Тиберий Семпроний Гракх.

положение дел на месте. Антиох принял послов с такою ловкостью и так радушно, что Тиберий и его товарищи не только не заметили в нем какого-либо коварства или следов вражды за прежнее обращение с ним в Александрии, но еще указанием на его чрезвычайное радушие изобличали лживость противоположных уверений. Действительно, не говоря о прочем, Антиох уступил послам свой дворец и, по-видимому, готов был отказаться и от царского венца, хотя в действительности был настроен совершенно иначе и питал к римлянам враждебнейшие чувства (*О посольствах*).

6. Посольства родосцев, ахейцев, Прусия, азиатских городов в Риме. ...Из многочисленных посольств, прибывших в Рим, наиболее значительными были: посольство Астимеда от родосцев, Эврея Анаксидама и Сатира от ахейцев, Пифона от Прусия; все они были приняты сенатом. Посольство Прусия выступило с жалобами на то, что царь Эвмен присвоил себе некоторые области их владыки, не оставляет в покое Галатии и не исполняет определений сенатских, оказывает поддержку своим единомышленникам и, напротив, всеми способами старается вредить тем людям, которые сочувствуют римлянам и желают действовать в согласии с постановлениями сената. Было несколько посольств и от азиатских городов с жалобами на Эвмена, в которых давали понять, что царь водил сношения с Антиохом. Выслушав обличителей, сенат не отвергал обвинений, но и собственного суждения не высказывал, сохраняя его про себя и вообще не доверяя нисколько словам ни Эвмена, ни Антиоха. Галатам, напротив, сенат выразил сочувствие и поддерживал притязания их на независимость[12]. Посольство Тиберия хотя возвратилось в Рим, но и само не имело и сенату не могло дать больше того, что оно знало об Эвмене и Антиохе раньше, до отбытия из Рима. Так цари своею обходительностью обошли Тиберия и его товарищей.

7. Речь родосского посла Астимеда. Вслед за сим приглашены были в сенат и выслушаны родосцы. На сей раз Астимед, представ перед сенатом, вел свое дело рассудительно и более искусно, нежели в предыдущее посольство. Теперь он не обвинял других эллинов, сразу стал просить о пощаде, как человек, которого стегают бичом[13]; он объяснил, что отечество его наказано достаточно, даже строже, чем того оно заслуживало. Перечисляя при сем испытанные потери, он вкратце упо-

мянул прежде всего, что родосцы лишились Ликии и Карии, которые стоили им с самого начала огромных денег, ибо они вынуждены были вести три войны, и вот теперь потеряли доходы, которые получали с поименованных земель. «Но быть может, — прибавил он, — так и быть должно. Вы подарили эти земли родосскому народу в награду за дружбу и почитали себя в полном праве отнять их, когда в вас зародилось и подозрение, и недоверие к нам. Однако Кавн мы купили у Птолемеевых военачальников, как известно, за двести талантов, а Стратоникию получили в знак величайшей милости от сына Селевка Антиоха*, и эти два города доставляли нашему народу ежегодно сто двадцать талантов. Все эти доходы мы во исполнение ваших требований утратили. Таким образом, вы наложили более тяжелую пеню на родосцев за их ошибку, нежели на македонян, которые были вашими давними врагами. Но тяжелее всего для нашего города потеря доходов от гавани после того, как вы освободили Делос от пошлин[14] и отняли у нашего народа свободу решать подобающим образом как вопрос о гавани, так и все прочие дела. Что мы говорим правду, нетрудно доказать это. Тогда как в прежнее время сумма сборов в гавани доходила до миллиона драхм[15], теперь вы отняли полтораста тысяч, так что гнев ваш, римляне, стоил нашему государству главнейших источников дохода. Разумеется, вы имели бы право гневаться на нас так долго и с таким упорством, если бы заблуждение и вражда разделялись всем народом. Но вам прекрасно известно, что виновны в таком безрассудстве лишь весьма немногие из родосцев и что все они наказаны смертью по воле самого народа. Почему же вы так безжалостны к народу, ни в чем неповинному, тем паче что в отношении всех прочих называют вас народом милосерднейшим и великодушнейшим. Посему, утратив источники доходов, свободу и равенство прав, блага, за целостность коих он в прежнее время не останавливался ни перед какими жертвами, народ наш просит и молит смирить ваш гнев, простить нас, когда мы уже приняли на себя столько ударов, и вступить с нами в союз, дабы для всех стало ясно, что вы не гневаетесь больше на родосцев и вернулись к прежнему дружественному настроению. В благорасположении вашем, а не в союзной по-

---

* Антиох Сотер, сын Селевка Никанора.

мощи оружием и войском нуждается теперь наш народ». В таких и подобных выражениях говорил Астимед, и слова его произвели на сенаторов действие, какое по обстоятельствам было желательно. Но наибольше помогло послам, что незадолго перед сим возвратился Тиберий с товарищами: уполномоченные удостоверили, что родосцы следуют в точности всем определениям сената, что все виновники отчуждения Родоса от римлян приговорены ими к смертной казни; этим они принудили противников родосцев замолчать и доставили Родосу союз с римлянами (*О посольствах*).

8. Посольство ахейцев в Риме. ...Немного спустя вошли в сенат послы от ахейцев, снабженные полномочиями, какие были указаны полученным раньше ответом. В ответе своем сенаторы выражали удивление, зачем[16] ахейцы предлагают им судить людей, коих осудили уже сами. Потому-то и явились теперь Эврей с товарищами подтвердить вторично, что народ ахейский вызывал на суд граждан, обвиняемых римлянами, но не постановлял о них никакого приговора и просит сенат озаботиться участью этих людей, дабы над ними наряжено было следствие, и они не погибали без суда; лучше всего, говорили послы, если бы сенат сам расследовал дело и обнаружил виновных; если же другие заботы мешают ему, пускай он доверит дело ахейцам, а сии последние обязуются применить к виновным строжайшие меры взыскания. Когда сенат выслушал заявления послов, согласно полномочиям их, то чувствовал себя в безвыходном положении, ибо что бы они ни сделали, можно было изобличить их: с одной стороны, самому производить следствие сенат почитал непристойным для себя, но и отпустить ахейских граждан без расследования значило осудить собственных друзей на верную гибель. Посему, будучи вынужден обстоятельствами и руководясь желанием отнять у ахейского народа всякую надежду на освобождение задержанных сограждан и привести его к беспрекословной покорности в Ахае[17] Калликрату и его единомышленникам, а в прочих государствах тем гражданам, которые слыли за друзей римлян, дал на письме ответ такого содержания: «Мы полагаем, что ни для нас, ни для народов ваших невыгодно отпускать сих граждан домой». Когда разнесся слух об этом ответе, не только отозванные[18] в Рим ахейцы пришли в уныние и совершенно упали духом, но и все эллины были охвачены как бы единою скорбью, ибо сознава-

ли, что полученный ответ навсегда отнимает у несчастных надежду на освобождение. Когда потом ответ сената, данный ахейцам о заподозренных гражданах, был возвещен в Элладе, народы были тяжко смущены, и всеми овладело какое-то отчаяние; зато Хароп, Калликрат и все прочие вожди того же направления снова торжествовали (*О посольствах*).

9. ...Частью угрозами, частью хитростью Тиберий* привел камманов[19] в подданство римлян.

Посольство от Эвмена для защиты его от обвинений Пруссия. ...Из числа многих посольств, явившихся в Рим, сенат принял прежде всего посольство Аттала и Афинея[20]. Дело в том, что Прусий не только сам усердствовал в изветах на Эвмена и Аттала, но возбуждал к тому же галатов, селгеян и многие другие азиатские народы. Ради этого-то царь Эвмен и отправил братьев в Рим с поручением опровергнуть взводимые на него обвинения. **Отправка легатов в Элладу и Азию.** Представ пред сенатом, братья, согласно общему мнению, повели защиту против всех обвинителей и в конце концов не только опровергли выставленные против царя жалобы, но и с почетом возвратились в Азию. Тем не менее сенат не освободился от подозрений против Эвмена и Антиоха, выбрал легатами Гая Сульпиция** и Мания Сергия как для исследования на месте положения Эллады и для разрешения пререканий между мегалопольцами и лакедемонянами из-за спорной земли, так и в особенности для того, чтобы разведать планы Антиоха и Эвмена и удостовериться, нет ли с их стороны каких-либо приготовлений и совместных козней против римлян (*там же*).

10. Неумелое следствие Галла Сульпиция над Эвменом. ...Гай Галл*** допустил в своем поведении множество ошибок. Не говоря[21] о прочих, упомянутых раньше, он по прибытии в Азию обратился к жителям значительнейших городов с приглашением явиться к нему в определенный срок в Сарды, если у кого есть жалоба на Эвмена. Вслед за сим он сам прибыл в Сарды, в течение десяти дней восседал в гимназии и выслушивал обвинителей; при этом Гай охотно допускал всевозможные оскорбления и обиды против царя, вообще затягивал раз-

---

* Семпроний Гракх.
** Сульпиций Галл.
*** Раньше назван Сульпицием.

бор всякого дела и жалобы, ибо человек он был легкомысленный и желал отличиться враждою с Эвменом.

...Между тем чем суровее относились к Эвмену римляне, тем большим сочувствием проникались к нему эллины: по самой природе человек всегда сочувствует обижаемому (*О добродетелях и пороках, Сокращение ватиканское*).

11. Поход Антиоха в Элимаиду. Смерть Антиоха. ...В Сирии царь Антиох с целью добыть денег вознамерился совершить поход на святилище Артемиды в Элимаиду[22]. Но по прибытии на место он увидел, что надежды его обмануты, ибо живущие вблизи храма варвары не допустили его до кощунства. На обратном пути Антиох скончался в Табах[23], что в Персии, по словам некоторых, в состоянии умопомешательства; оно будто бы поразило царя силою какого-то божеского чуда во время кощунственного нападения на святилище Артемиды (*О добродетелях и пороках*).

12. Деметрий — заложник в Риме. ...Деметрий[24], сын Селевка, долгое время содержавшийся в Риме в залоге, давно уже жаловался на незаконность задержания его. Дело в том, что он был отдан в заложники Селевком, отцом, в обеспечение его верности; что потом, когда Селевку наследовал Антиох, он не был обязан оставаться заложником на месте детей Антиоха. Однако до поры до времени Деметрий сидел спокойно потому главным образом, что был слишком юн и на какое-либо дело бессилен. Зато теперь, по достижении полной зрелости, он явился пред сенатом с настоятельною просьбою отпустить его домой на царство, как имеющего больше прав на власть, нежели дети Антиоха. Очень много доводов приводил Деметрий в пользу своего ходатайства, но больше всего угодил он слушателям тем, что назвал вдруг Рим своим отечеством и кормильцем, что всех сыновей сенаторов величал своими братьями, а самих сенаторов отцами, так как он явился в Рим еще ребенком, а теперь имел двадцать три года от роду. Хотя речью Деметрия все присутствующие и были тронуты, однако во внимание к государственным выгодам сенат определил удержать его в Риме, а оставшемуся в Азии отроку помогать утвердиться во власти. Как мне кажется, сенат поступил так оттого, что опасался цветущих сил Деметрия и для римского государства находил более выгодными детский возраст и бессилие отрока, наследовавшего царство. Что таковы были рас-

четы сената, подтверждается нижеследующими событиями. **Послы для устроения сирийского царства.** Немедленно он выбрал послами Гнея Октавия, Спурия Лукреция и Луция Аврелия и поручил им устроить Сирийское царство согласно его указаниям; ибо, говорили сенаторы, там нет никого, кто мог бы воспротивиться их распоряжениям: царь — еще отрок*, а стоящие у кормила правления люди рады, что царство не передано Деметрию; они были уверены, что римляне передадут царство ему. Посольству Гнея и товарищей, отправлявшемуся в путь, приказано было прежде всего предать огню палубные суда, потом перерезать жилы слонам и вообще всеми способами расстраивать силы царства. Сверх[25] этого послы обязаны были исследовать положение дел в Македонии, ибо македоняне, по непривычке к народному управлению при посредстве совета, пребывали в междоусобных распрях. Равным образом Гней и товарищи обязаны были собрать сведения о галатах и о царстве Ариарата. Немного спустя было отправлено им от сената еще письменное предложение сделать все от них зависящее для примирения царей в Александрии (*О посольствах*).

13. Посольство Марка Юния к Ариарату. ...Около этого времени прибыли[26] из Рима послы, сначала Марк Юний[27] с товарищами для улажения распри между царем** и галатами. Дело в том, что трокмы[28] сами по себе бессильны были сделать какие-либо завоевания в Каппадокии, и как только они осмелились было поселиться в ней, то понесли за это кару; тогда они прибыли к римлянам и попытались оклеветать перед ними Ариарата. По этому-то делу и было отправлено посольство Юния. Царь обратился к римлянам с приличествующей речью, обошелся с ними очень ласково, вежливо, так что, покинув царя, послы превозносили его похвалами. **Посольство Гнея Октавия и Спурия Лукреция к Ариарату.** Вслед за сим прибыло посольство Гнея Октавия и Спурия Лукреция и опять заговорило с царем о распре с галатами. Царь, отвечая в немногих словах, изъявил готовность подчиниться их решению и затем стал подробно говорить о делах Сирии, зная, что туда направляется посольство Октавия. Он давал понять послам неустойчивость управления в царстве и легкомыслие тамош-

---

* Девяти- или тринадцатилетний.
** Ариарата V.

них правителей, предлагал сопровождать их со своим войском и помогать при случае впредь до благополучного возвращения из Сирии. Гней и Спурий Лукреций благодарили царя за расположение и готовность к услугам, но прибавили, что пока-мест не нуждаются в проводниках; а если бы в будущем потребовалась помощь, то они немедленно дадут знать о том, ибо считают его одним из верных друзей римлян (*О посольствах*).

14. Благосклонный прием послов Ариарата в Риме. ...В это самое время от Ариарата[29], незадолго перед тем наследовавшего царскую власть над каппадокиянами, прибыли в Рим послы для возобновления дружественного союза с римлянами и вообще для заявления сенату добрых чувств и ревности, какими отличаются его отношения к римлянам и как царя, и как частного человека. Сенат выслушал речи послов, возобновил дружественный союз, благодарил царя за его поведение вообще и оказал послам радушный прием. Вышло так больше всего потому, что Тиберий[30] и его товарищи, когда были отправлены для собирания на месте сведений о царе, дали по возвращении домой благоприятный отзыв об Ариарате-отце и о царстве вообще. Сенаторы доверяли своим уполномоченным, и потому теперь радушно встретили послов царских и все поведение царя одобрили (*там же*).

15. Послы от родосцев в Риме. ...Когда родосцы оправились от постигших их бед[31], то послали в Рим посольство с Клеагором во главе просить сенат об уступке им Калинды и о том также, чтобы родосцам, имеющим недвижимую собственность в Ликии и Карии, дозволено было владеть ею на прежних основаниях. Кроме того, родосцы определили поставить в святилище Афины колоссальную статую в тридцать локтей вышиною в честь римского народа (*там же*).

16. Переход Калинды во власть родосцев. ...Когда Калинда отделилась от Кавна и вслед за сим кавнии начали осаждать город, калиндяне вначале призвали к себе книдян. Те поспешили на помощь, благодаря чему кавнии некоторое время выдерживали сопротивление. Однако из страха за будущее они через послов предложили родосцам взять их и их город в подданство. Родосцы отправили Калинде на помощь сухопутное и морское войско, заставили неприятеля снять осаду и заняли город. Право на владение Калиндою было утверждено за ними сенатом (*там же*).

17. ...Когда Ариарат, царь Каппадокии, дождался возвращения послов, отправленных им в Рим, и из сообщенных ими ответов убедился в прочности своей власти, так как пользовался благоволением римлян, то принес богам благодарственные жертвы и угостил своих военачальников. Некоторое время спустя он отправил посольство к Лисию[32] в Антиохию, ходатайствуя о выдаче останков сестры своей и матери[33]. Дабы не раздражить Лисия и через то не потерпеть неудачи в своем ходатайстве, Ариарат воздерживался от расспросов относительно его злодеяния[34], хотя и возмущался им, послов он отправил только с поручением упрашивать Лисия. Лисий исполнил просьбу, и останки были возвращены. Царь торжественно встретил их и благоговейно похоронил подле гробницы отца (*О посольствах*).

...Артаксий желал извести <...>[35], но по совету Ариарата воздержался от этого и даже оказывал ему больший почет, нежели до того — такую силу имеет сама по себе правда, равно как советы и увещания людей честных; нередко они не только спасают друзей, но и врагов, исправляя их природные слабости.

...Красота[36] действительнее всякого письма (*Сокращение ватиканское*).

18. Сенат поддержал Птолемея Фискона против Филометора. ...Когда Птолемеи[37] поделили между собою царство, младший из них прибыл в Рим[38] ради того, чтобы произведенный раздел его с братом был отменен; при этом уверял, что согласился на предъявленное к нему требование не по доброй воле, но по необходимости, будучи к тому вынужден крайностью. Он просил сенат отделить Кипр ему, ибо и в этом даже случае его доля была бы гораздо меньше братней. Канулей[39], Квинт и товарищи свидетельствовали верность показаний тех послов, которые с Мениллом во главе явились от старшего Птолемея, и говорили, что только благодаря их вмешательству младший Птолемей и Кирену получил, и жизнь свою спас: так неприязненно и зло настроен был против него народ. Вот почему младший брат, продолжал Менилл, с радостью принял владычество над Киреной, доставшееся ему нежданно-негаданно, и после жертвоприношения обменялся клятвами с братом. Против всех этих показаний Птолемей Младший возражал. Сенат признавал неравномерность раздела и, так как сами Птолемеи уже произвели его, желал поделить братьев с

пользою для себя и потому во внимание к собственным выгодам принял сторону младшего Птолемея. И раньше римляне много раз следовали тому правилу в своих решениях, чтобы, пользуясь ошибками других, мудро расширять и приумножать собственное владычество, в то же время иметь вид народа, сочувствующего и благодетельствующего недальновидным. Понимая огромную силу Египта, римляне боялись, как бы он, получив искусного правителя, не предъявил неумеренных притязаний. Посему выбранные в посольство Тит Торкват и Гней Мерула* обязаны были ввести Птолемея Младшего в обладание Кипром согласно его желанию и собственным видам римлян. Послы немедленно были отправлены с поручением примирить братьев и младшему из них предоставить Кипр без войны (*О посольствах*).

19. Убийство посла Гнея Октавия в Сирии. ...В это время пришла весть о несчастии с Гнеем[40], о том, что он убит; явились и послы от царя Антиоха, которых отправил Лисий, и в пространных речах доказывали, что царские друзья не принимали в этом злодеянии никакого участия. Сенат предложил послам удалиться, не желая давать им какое бы то ни было заключение по сему делу и вообще высказывать свое мнение. Встревоженный дошедшими до него вестями, Деметрий тотчас призвал к себе Полибия** и, не зная что делать, спросил его, не обратиться ли ему еще раз к сенату с своими нуждами. Полибий советовал не спотыкаться дважды об один и тот же камень, полагаться в своих расчетах только на себя и принять решение, достойное царского звания: самые обстоятельства дают ему много указаний, как действовать. Деметрий понял, что значат эти слова, и в то время промолчал; но спустя немного он посоветовался с одним из друзей, Аполлонием. Благодушный и очень юный Аполлоний советовал испытать сенат еще раз, в том убеждении, как он сам пояснял, что если сенат без всякого основания лишил его царского престола, то он по крайней мере освободит его из состояния заложника: ибо нелепо, чтобы отрок Антиох наследовал царскую власть, а Деметрий оставался бы за него заложником. Поддавшись увещаниям друга, Деметрий снова явился в сенат и убеждал се-

---

* Тит Манлий Торкват и Гней Корнелий Мерула.
** Наш автор, Полибий.

наторов хотя бы избавить его от заложничества, если уж они решили оставить царскую власть за Антиохом. Несмотря на всю настойчивость его просьбы, сенат не изменил принятого решения. Иначе и быть не могло, так как раньше он решил сохранить власть за отроком вовсе не потому, чтобы не признавал справедливости просьбы Деметрия, но потому, что этого требовали его собственные выгоды; общее положение дел осталось без перемены, а потому, понятно, и сенат должен был остаться при прежнем решении.

20. Совещание Деметрия с Диодором. Итак, Деметрий спел лебединую песню, познав мудрость Полибиева совета не спотыкаться дважды об один и тот же камень. Он жалел, что так случилось, но, обладая характером гордым и смелым в осуществлении принятых решений, тотчас позвал Диодора, незадолго перед тем возвратившегося из Сирии, и сообщил ему свое дело. Диодор был воспитатель Деметрия. Как человек хитрый, близко ознакомившийся с положением Сирии, он рассказал Деметрию, что в стране вследствие убийства Гнея царит смута, что народ недоверчиво относится к Лисию и его единомышленникам, а сии последние в свою очередь не доверяют народу, что, по убеждению сената, злодеяние над его послами изошло от царских любимцев, а потому теперь самое удобное время захватить власть в свои руки. Ибо сирийцы, продолжал он, тотчас произведут государственный переворот в его пользу, хотя бы он появился в сопутствии единого раба, а сенат и не подумает помогать Лисию и его друзьям, когда они совершили такое злодеяние. **Деметрий решился на тайный побег.** Остается одно: бежать из Рима тайком, дабы никто и не догадывался об его замысле. Приняв такое решение, Деметрий призвал Полибия, открыл ему свой план, просил участвовать в задуманном предприятии и вместе с ним придумать наилучший способ бегства. Случилось так, что в это время находился в Риме Менилл алабандиец в звании посла от старшего из царей Птолемеев ради защиты его и оправдания перед Птолемеем Младшим. С этим самым Мениллом Полибий поддерживал раньше дружественные отношения, исполненные взаимного доверия, и считал его человеком пригодным для предстоящего дела, а потому поспешил охотно представить Менилла Деметрию. Принятый в сообщество, Менилл обещал приготовить судно и все нужное для отъезда морем. В устье Тибра он нашел стоя-

щим на якоре карфагенский корабль, который назначен был для переправы жертвенных предметов, и нанял его. Это одно из тех судов, которые старательно выбираются в Карфагене и на которых карфагеняне отправляют в Тир, по исконному установлению, первинки в жертву божествам[41]. Менилл показывал вид, будто нанимает судно для собственной переправы, благодаря чему мог, не возбуждая подозрений, заготовить продовольствие[42], открыто переговаривался с матросами и отдавал им приказания.

21. Когда владелец судна был совершенно готов, Деметрий, которому оставалось собраться в путь, послал вперед своего воспитателя в Сирию послушать и посмотреть, что делается в народе. Прикосновенным к делу с самого начала был и товарищ детства Деметрия Аполлоний; у него было два брата, Мелеагр и Менесфей, которые тоже были посвящены в замысел, но больше никто, хотя друзей у Деметрия было довольно много. Братья Аполлония, Мелеагр и Менесфей, были родные сыновья того Аполлония, который пользовался у Селевка огромным значением, а когда власть перешла к Антиоху, удалился в Милет. Накануне дня, условленного с матросами, предположен был у одного из друзей Деметрия прощальный пир; у себя устроить пиршество нельзя было, потому что Деметрий имел обыкновение приглашать к столу всех своих близких. Соумышленники должны были по окончании пиршества направиться от дома к судну, каждый в сопровождении одного раба; остальных они отправили в Анагнии[43], обещая встретиться с ними на следующий день. Случилось так, что Полибий по причине болезни лежал в это время в постели, но знал все, что делается, так как Менилл не переставал доставлять ему сведения о ходе предприятия. Полибий опасался, как бы пиршество не затянулось по вине Деметрия, склонного к попойкам и слишком еще легкомысленного, и как бы отъезд их вследствие пьянства не расстроился. **Письмо Полибия к Деметрию.** Поэтому он написал коротенькое письмо и, запечатав своей печатью, с наступлением вечера отправил его с рабом, которому приказал вызвать Деметриева виночерпия и отдать ему письмецо, не говоря, кто он и от кого, и только сказать, чтобы он вручил записку Деметрию для немедленного прочтения. Все так и случилось. Деметрий получил письмо и прочитал. В нем содержались следующие изречения: «Ретивый уносит с собою

добро нерадивого». «Ночь благодетельна всем, особенно отважным»[44]. «Решайся, дерзай, действуй, терпи неудачу, Эпитих: все лучше, чем упадок духа». «Трезвость и недоверчивость — основы рассудка».

22. По прочтении письма Деметрий понял смысл намеков, догадался, от кого оно, сделал вид, что ему нездоровится, и вышел из-за стола в сопровождении друзей. Возвратившись к себе в дом, Деметрий отправил в Анагнии тех из слуг, которых считал непригодными, и велел дожидаться его под Цирцеем[45] с сетями и собаками: там он любил охотиться на кабанов, там же завязалось впервые и знакомство с Полибием[46]. Вслед за сим он открыл свой замысел Никанору и друзьям его и просил их о помощи в задуманном деле. Все приняли его предложение с радостью. Тогда он просил их вернуться в свои жилища и отдать приказание рабам выходить к утру в Анагнии и дожидаться с собаками под Цирцеем, самим захватить с собою дорожное одеяние и возвращаться к нему, сказав слугам, что на следующий день в указанном месте они найдут их вместе с Деметрием. Когда все было сделано так, как нами рассказано, соучастники ночью направились к Остии, что в устье Тибра. Впереди на корабле шел Менилл и в беседе с перевозчиками рассказывал, что получил от царя известие, которое вынуждает его оставаться до поры до времени в Риме, вместо этого вернейших из юно́шей отправить к царю, дабы он мог узнать от них все, касающееся брата. Вот почему сам он на корабль не взойдет, а юноши, которым надлежит отъехать, прибудут на место около полуночи. Для перевозчиков такая перемена была безразлична, потому что они в самом начале получили условленную плату за провоз и давно уже имели все наготове к переправе. К концу третьей смены прибыл к Остии Деметрий со своими приближенными в числе восьми человек, тут же были пять взрослых рабов и три мальчика. Менилл поговорил еще с ними, показал заготовленное продовольствие и заботливо передал их владельцу корабля и перевозчикам. Наконец они взошли на судно, а кормчий на рассвете снялся с якоря и вышел в море, решительно ничего не подозревая, как будто он перевозил несколько человек воинов от Менилла к Птолемею.

23. Посольство из Рима в Азию. В Риме на следующий день никому не пришло на мысль искать Деметрия и его спутников. Оставáвшиеся в городе думали, что Деметрий отпра-

вился в Цирцей, а те, что были в Анагниях, пошли туда же в уверенности, что найдут там Деметрия. Таким образом, побег его оставался совершенно неизвестным, пока один из рабов, наказанный плетью в Анагниях, не вздумал бежать в Цирцей, где он рассчитывал найти Деметрия, — и не нашел. Тогда он устремился обратно в Рим в надежде встретиться с ним в пути и, не нашедши его нигде, сообщил о том римским друзьям Деметрия и оставшимся дома слугам. Только на четвертый день по отъезде стали искать Деметрия и догадались о случившемся. На пятый день рано собрался сенат по этому поводу, но Деметрий был тогда уже по ту сторону Сицилийского пролива. От преследования сенаторы отказались, во-первых, потому что беглец, по их соображениям, был уже далеко, ибо ветер благоприятствовал ему, и потому еще, что при всем желании не могли бы настичь его. Несколько дней спустя они выбрали посольство с Тиберием Гракхом, Луцием, Лентулом и Сервилием Главцией, которое должно было прежде всего собрать сведения о состоянии Эллады, потом отправиться в Азию для наблюдения, что вышло из побега Деметрия, разузнать настроение прочих царей* и уладить пререкания между ними и галатами. Вот почему они выбрали в послы Тиберия, который собственными глазами видел эти отношения. Таковы были дела в Италии.

...Деметрий ждал прибытия вестника, который должен был к нему явиться[47] (*О посольствах, Свида*).

24. Нападки Катона на роскошь. ...Как рассказывает Полибий в тридцать первой книге своей истории, известный Катон с негодованием, открыто поносил тех из граждан, которые вводили в Рим иноземную роскошь, триста драхм платили за бочонок сельдей из Понта, а за красивых мальчиков давали больше стоимости полевого участка.

...Распущенность и жажда необычайного, проникшие в среду юношества, доходили до того, что многие платили за любовника талант, а другие покупали бочонок сельдей за триста драхм. По этому поводу Марк** в народном собрании с негодованием говорил, что об упадке нашего государства ярче всего свидетельствует то, что красивой наружности раба покупают

---

* Цари Пергама и Каппадокии.
** Марк Порций Катон.

дороже, чем полевой участок, а за бочонок сельдей платят больше, чем за пару быков (*Афиней*[48], *Сокращение ватиканское*).

25. ...Родосцы во всем ревниво охраняли достоинство своего государства, только в последнее время, как мне кажется, немного изменили себе, именно: они приняли от Эвмена двести восемьдесят тысяч мер хлеба, чтобы на проценты с вырученных за него денег содержать воспитателей и наставников для детей. Быть может, частным людям, когда они попадают в стесненные обстоятельства, и дозволительно принимать деньги от друзей, дабы по скудости средств не оставлять детей своих без воспитания; но богатый человек скорее будет готов на все, лишь бы не заимствоваться от друзей деньгами на жалованье наставникам. Если государство должно держать себя с большею гордостью, нежели отдельный гражданин, то в такой же мере обязательнее наблюдать достоинство в отношениях государственных, нежели в частных. Требование это применимо к родосцам в полной силе, ибо государственная казна их богата, и они слывут за народ гордый (*Сокращение ватиканское*).

26. Птолемей Младший распустил наемное войско и возвратился в Ливию. ...После этого Птолемей Младший прибыл с римскими послами в Элладу, где начал набирать огромное наемное войско. В числе наемников он принял и македонца Дамасиппа, который по умерщвлении членов совета в Факе[49] бежал с женою и детьми из Македонии. Оттуда царь прибыл в принадлежащую родосцам Перею, где был радушно встречен народом, и предполагал идти на Кипр. Однако Торкват и его товарищи при виде большого наемного войска, им набранного, напомнили о полученном приказании возвратить ему обладание Кипром без войны. Послам удалось убедить Птолемея уже по достижении Сиды распустить наемное войско, отказаться от нападения на Кипр и выйти к ним на границу* киренских владений. Сами они, как о том говорили, желали плыть в Александрию с целью склонить царя к исполнению требований сената и привести его за собою к киренским пределам. Птолемей Младший внял увещаниям послов, отказался от притязаний на Кипр и распустил наемное войско. Сам он прежде всего отплыл к Криту в сопровождении Дамасиппа

---

* На восточную границу.

и одного из послов, Гнея Мерула, набрал там человек тысячу воинов, возвратился на корабль и, переправившись в Ливию, высадился в Аписе.

27. Римские послы перешли на сторону Птолемея Старшего. Между тем посольство Торквата, переправившись в Александрию, старалось склонить старшего Птолемея к примирению с братом и к уступке ему Кипра. Пока царь одно обещал, другое отвергал и таким образом затягивал переговоры, Птолемей Младший согласно условию расположился станом в Ливии близ Аписа и, томясь неизвестностью, отправил прежде всего Гнея в Александрию в надежде, что благодаря его участию возвратится к нему и Торкват с прочими товарищами. Но Гней последовал примеру товарищей, и время тянулось; в продолжение сорока дней не получая никакого известия, Птолемей был в величайшей тревоге. И в самом деле, старший царь всевозможным угодничеством склонил всех послов на свою сторону и удержал их при себе больше силою, чем по их желанию. **Победа киринейцев над Птолемеем Младшим.** Тем временем к младшему Птолемею пришла весть о возмущении киренейцев, о том, что и города примкнули к ним, что в восстании принял участие Птолемей Симптесис, египтянин по происхождению, которому царь на время своего отъезда в Рим доверил управление государством. Когда сверх этого до царя дошла вскоре весть, что киренейцы стоят в открытом поле, он из страха потерять самую Кирену, когда рассчитывал приобрести еще Кипр, оставил в стороне все прочие заботы и направился к Кирене. По прибытии к так называемой Великой Стремнине[50] Птолемей нашел теснины занятыми ливийцами вместе с киренейцами. Натолкнувшись на это препятствие, он посадил на суда половину своего войска с тем, чтобы оно обошло теснины и явилось в тылу неприятеля, а сам с другою половиною устремился спереди на вершину прохода. Ливийцев устрашило обоюдостороннее нападение неприятеля, и они покинули занятые раньше местности; тем временем Птолемей овладел проходом и находящимися под ним четырьмя башнями, где к тому времени был огромный запас воды. Отсюда в семь дней он прошел пустыню. В то время как под командою Мохирина корабли направлялись к нему, он увидел, что в поле выстроились киренейцы в количестве тысяч восьми пехоты и человек пятисот конницы. Дело в том, что кире-

нейцы знали уже характер Птолемея по его образу действий в Александрии[51] и, находя в его управлении, как и во всем характере, черты тирана, а не царя, не могли по доброй воле отдать себя во власть его и ради сохранения свободы готовы были вынести всяческие труды. Поэтому и теперь с приближением Птолемея они тотчас выстроились в боевой порядок. В конце концов Птолемей был побежден (*О посольствах*).

28. Примирение между царями не состоялось, и Птолемей Младший обратился снова в Рим. ...В это время возвратился из Александрии и Гней Мерула и уведомил царя, что брат его не согласен ни на какие условия и объявляет, что необходимо оставить в силе первоначальное соглашение. По получении известия царь немедленно отправил послам в Рим двух братьев, Комана и Птолемея, вместе с Гнеем, дабы поставить сенат в известность относительно наглости Филометора и его высокомерия. Тогда Птолемей Старший отпустил ни с чем и Тита*. Местом таких-то событий были тогда Александрия и Кирена (*там же*).

---

* Тит Манлий Торкват.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Посольства в Риме от обоих Птолемеев; сенат склонился в пользу младшего и постановил разорвать союз со старшим (1). Притязания Масанассы на земли карфагенян поддержаны римским сенатом (2). Посольства в Риме от Прусия, Эвмена, Ариарата (3). Деметрий, признанный царем, отправил посольство в Рим и убийц Гнея (4). Посольства в Риме от Ариарата, от Эвмена, от различных народов Азии (5). В Риме посольство от Деметрия; убийца Гнея; ритор Исократ (6). Безуспешное ходатайство ахейцев перед сенатом за обвиняемых сограждан (7). Бескорыстие Луция Эмилия Павла, засвидетельствованное после смерти (8). Рассказ о том, как завязались и окрепли отношения между автором и Сципионами, особенно с Публием Корнелием Сципионом Африканским Младшим (9–11). Образчики бескорыстия Сципиона в отношениях его к матери, к теткам, к младшему брату (12–14). Любовь Сципиона к охоте (15). Объяснение автора перед читателем по поводу рассказа о Сципионе (16). Посольство в Риме от афинян и ахейцев по делу делосцев (17). Иллирийское посольство в Риме и римское в Иллирии (18). Со смертью Ликиска воцарился мир в Этолии; суждение автора по этому поводу (19). Смерть порочных граждан приводила народы к миру внутри; беззакония Харопа в Эпире; осуждение Харопа римлянами (20–21). Достоинства Эвмена; преемник его Аттал (22). Донесение уполномоченных о наглости далматов; решимость сената объявить войну далматам по многим основаниям (23). Ариарат в Риме; там же посольства от врагов его: Деметрия и Ороферна (24). Алч-

ность погубила Ороферна. Объяснения автора по поводу порядка изложения (25). Посольства в Риме от двух враждовавших партий из Эпира (26). Нападение Прусия на разные города в Азии; его кощунство, наказанное божеством (27). Посольства в Риме от Аттала и от Прусия (28).

1. Посольство в Риме от Птолемеев. ...В описываемое нами время прибыли в Рим два посольства: одно от Птолемея Младшего с Команом во главе, другое тогда же от старшего Птолемея, именно Менилл алабандиец. Они предстали перед сенатом с многочисленными жалобами друг на друга; но так как Тит и Гней* свидетельствовали в пользу младшего из Птолемеев и с жаром защищали его, сенат определил, что Менилл и товарищи его обязаны покинуть Рим в пятидневный срок и что союз со старшим Птолемеем разорван, что к младшему должно отправить послов и через них уведомить его о состоявшемся решении сената[1]. Были выбраны послами Публий Апустий и Гай Лентул**, которые тотчас отплыли в Кирену и с большою поспешностью сообщили царю постановление сената. Ободренный этим известием, Птолемей немедленно стал набирать войска и всецело отдался замыслу о занятии Кипра. Вот тогдашние дела Италии (*О посольствах*).

2. Притязания Масанассы на лучшие земли карфагенян. ...В Ливии Масанасса[2] давно уже с завистью взирал на многочисленные города, построенные в пределах Малого Сирта, на прекрасные земли, именуемые Эмпориями[3], и обильные доходы, доставляемые этими местностями, а потому незадолго до описываемых событий решил напасть на карфагенян. Земли быстро переходили в его руки, ибо в открытом поле он имел перевес над неприятелем. Карфагеняне никогда не были искусны в сухопутной войне, а к этому времени благодаря продолжительному миру и совсем отвыкли от войны. Городами, однако, Масанасса не мог завладеть, ибо карфагеняне тщательно ограждали их. Обе стороны обратились за решением распри к сенату, чем вызывались от одной и другой сторон частые посольства. Но карфагеняне каждый раз проигрыва-

---

* Тит Манлий Торкват, Гней Корнелий Мерула.
** Гай Корнелий Лентул.

ли у римлян не потому, что они были не правы, а потому, что такие решения были выгодны для судей. Действительно, незадолго перед тем сам Масанасса с войском преследовал отложившегося от него Афтера и просил карфагенян дозволить ему пройти через эту самую землю, а карфагеняне отказали в просьбе: очевидно, земля эта не принадлежала Масанассе. И все-таки карфагеняне доведены были в наше время определениями сената до того, что не только потеряли города и земли, но еще должны были уплатить пятьсот талантов за пользование плодами земли с того времени, как началась у них распря с Масанассою (*там же*).

3. Посольства Прусия, Эвмена, Ариарата в Риме. ...Из Азии совместно с галатами отправил в Рим послов Прусий с жалобами на Эвмена, а Эвмен снова послал брата Аттала для опровержения наговоров. Ариарат послал Риму венок в десять тысяч золотых, а также посольство для уведомления о встрече с Тиберием* и для заявления готовности исполнить требование римлян, в чем бы оно ни состояло (*там же*).

4. ...Когда Менохарес[4] возвратился в Антиохию к Деметрию и сообщил царю о своем свидании с посольством Тиберия в Каппадокии, царь[5] в том убеждении, что при данных обстоятельствах расположить к себе, елико возможно, упомянутое посольство составляет для него неотменнейшую надобность, прежде всего отправил послов своих к римским уполномоченным, сначала в Памфилию, потом на Родос, с обещанием исполнить во всем волю римлян, и этим достиг того, что римляне признали его царем. Особенно расположен был к Деметрию Тиберий, через то много ему содействовавший в успешном достижении царской власти. Со своей стороны Деметрий воспользовался случаем, чтобы поскорее отправить в Рим послов с поручением[6] доставить венок римлянам и препроводить убийцу Гнея вместе с ученым Исократом (*там же*).

5. Посольства Эвмена, Ариарата, азиатских народов в Риме. ...В это время от Ариарата прибыли послы с венком в десять тысяч золотых засвидетельствовать о добрых чувствах, какие царь питает к римскому государству[7]. В свидетели себе они выставляли Тиберия и его товарищей. Так как сии последние докладывали то же самое, что и послы Ариарата, то се-

---

* Тиберий Семпроний Гракх.

нат принял венок очень милостиво и со своей стороны отвечал подарками, — какие у римлян считаются наиболее почетными: посохом и креслом из слоновой кости[8]. Вслед за сим сенат отпустил послов еще до наступления зимы. После них явился Аттал уже в то время, когда новые консулы вступили в должность. Так как жалобы на него предъявляли галаты, присланные Прусием, и многие другие азиатские народы, то сенат выслушал всех обвинителей, и не только объявил Аттала неповинным, но еще усилил свое к нему благоволение и с тем отпустил: поскольку сенат был настроен неприязненно против царя и не благоволил к Эвмену, постольку же оказывал внимание Атталу и отличал его (*там же*).

6. Посольство Деметрия в Риме; убийца Гнея; Исократ. ...Прибыли в Рим послы и от царя Деметрия с Менохаресом во главе: они принесли с собою венок в десять тысяч золотых и доставили человека, который наложил руку на Гнея. Долгое время сенат не знал, как ему поступить, наконец принял и послов, и венок; он отказался принять только доставленных ему людей, провожатых убийцы. Дело в том, что Деметрий прислал в Рим не только Лептина, убийцу Гнея, но и Исократа. Сей последний был ученый из числа лиц, занимающихся обучением других. Болтливый до отвращения, надменный хвастун, он был ненавистен самим эллинам, как видно из язвительных, обидных насмешек, каким подвергает его Алкей[9] в своих «Параллелях». По прибытии в Сирию он пренебрежительно обращался с окружающими и не довольствовался в своих беседах собственными предметами обучения, но вторгался и в дела общественные. Так, он утверждал, что Гней претерпел по заслугам, что необходимо извести со света и всех прочих послов, дабы некому было уведомлять римлян о случившемся: тогда римляне перестали бы предъявлять наглые требования и непомерные притязания. Такого рода возмутительные речи и накликали на него беду. **7. Характеры Лептина и Исократа.** По отношению к упомянутым выше двум людям достойно внимания следующее: Лептин тотчас по умерщвлении Гнея показывался повсюду в Лаодикее[10] и доказывал, что поступил правильно, что подвиг свой совершил с соизволения богов. Когда царство перешло к Деметрию, он пришел к новому царю, советовал не бояться последствий насильственной смерти Гнея и не наказывать вовсе лаодикеян, сам желал идти в Рим и до-

казать сенату, что действовал с помощью богов; действительно, его наконец доставили в Рим без цепей и охраны: с такою охотою и решимостью он шел туда сам. Исократ, напротив, совсем обезумел, когда против него возбуждено было обвинение, а когда надели ему ошейник и наложили кандалы, лишь изредка принимал пищу и оставил всякий уход за собою. Вот почему по прибытии в Рим он представлял из себя изумительное зрелище. Довольно было взглянуть на него, чтобы согласиться, что в телесном и душевном отношении нет ничего отвратительнее человека, раз только он одичает. Действительно, он приобрел наружность необыкновенно отвратительную и звероподобную оттого, что больше года не мылся, не стриг себе волос и ногтей; что касается его рассудка, то выражение глаз и все его движения придавали ему такой вид, что всякий охотнее подошел бы к какому угодно зверю, только не к нему. Зато Лептин оставался неизменно верен первоначальному настроению и жаждал явиться перед сенатом; в разговоре с каждым встречным он оправдывал свой поступок и предсказывал, что римляне не сделают с ним ничего дурного. Надежда его оправдалась. Сенат, как мне кажется, понимал, что получение виновных в свои руки и наказание их будут сочтены народом за достаточное возмездие за убийство, посему и не принял этих людей, тем самым оставляя вину не отмщенной, дабы иметь право во всякое время потребовать возмездия. Вот почему сенат Деметрию отвечал в том смысле, что он может рассчитывать на благоволение сената, если властью царя даст ему удовлетворение.

Посольство от ахейцев. ...Явились послы и от ахейцев с Ксеноном и Телеклом во главе и ходатайствовали за обвиняемых сограждан, особенно за Полибия и Стратия; в самом деле, время унесло уже очень многих, к тому же почти без исключения людей замечательных. Послы были уполномочены только просить, во избежание каких бы то ни было пререканий с сенатом. Однако напрасно являлись они в сенат и произносили подобающие речи: так ничего они и не достигли; напротив, сенат определил сохранить в силе прежнее решение (*О посольствах*).

8. Бескорыстие Эмилия Павла. ...Важнейшее и красноречивейшее свидетельство о характере Луция Эмилия обнаружилось для всех с его смертью, ибо каким прославляли его при жизни, таким он явился и после смерти, а это, согласится всякий, вернейший знак доблести человека. Так, из Иберии он

привез с собою в Рим больше золота, чем кто бы то ни было из его современников, точно так же в Македонии получил в свое распоряжение огромнейшие сокровища, причем в обоих случаях пользовался безграничною властью, и все-таки оставил после себя такие ничтожные средства, что не было возможности выдать жене все приданое из его движимости, если бы сверх того не было продано кое-что из земельных угодий, о чем некоторые сведения сообщены нами раньше. Они, можно сказать, подрывают славу тех мужей из эллинов, которых превозносят за бескорыстие. В самом деле, если заслуживает удивления такой человек, который отверг деньги, предложенные ему за какие-либо услуги, как поступили, говорят, афинянин Аристид и фиванец Эпаминонд, то насколько замечательнее характер человека, который, располагая целым царством и имея возможность действовать в нем по своей воле, не польстился ни на что. Если бы наши слова показались неправдоподобными, достаточно вспомнить, что пишущему было прекрасно известно, что скорее всех прочих сочинение его попадет в руки римлян, ибо в нем изложены их подвиги, к тому же славнейшие и в весьма большом числе. Чтобы сочинение наше осталось неизвестным для римлян, чтобы они благосклонно отнеслись к обманщику, это невероятно. Посему никто не стал бы по доброй воле обрекать себя на недоверие и пренебрежение со стороны читателей. Это правило обязательно вспоминать при чтении нашего труда каждый раз, когда какое-либо из наших известий о римлянах покажется кому-либо несообразным. **9. Рассказ об отношениях между Полибием и домом Сципионов.** Так как ходом нашего повествования и самыми событиями мы приведены к дому Сципионов[11], я желаю ради читателя исполнить обещание, сделанное в предыдущей книге*. Я обещал рассказать, почему и каким образом так высоко поднялась слава Сципиона в Риме и заблистала раньше, чем можно было ожидать; вместе с тем каким образом дружеские отношения между Полибием и Сципионом сделались настолько близкими и прочными, что молва о них не только обошла Италию и Элладу, но об их взаимных чувствах и о постоянстве дружбы знали и весьма отдаленные народы. Что знакомство между ними началось с передачи не-

---

* Относящееся сюда выражение не сохранилось.

скольких книг и с беседы о них, это мы сказали*. Когда знакомство окрепло, а отозванные в Рим ахейцы разосланы были по городам[12], юноши Фабий и Сципион, сыновья Луция, упросили претора оставить Полибия в Риме. Когда близкие отношения между ними становились после этого все теснее, произошло следующее: однажды несколько человек нас вышло разом из дома Фабия, причем Фабий направился к форуму, а Полибий со Сципионом пошли в другую сторону. Дорогою Публий тихим, мягким голосом, с краской на лице спросил меня: «Почему, Полибий, когда мы, братья, сидим за столом вместе, ты непрестанно разговариваешь только с братом, к нему обращаешься со всеми расспросами, ему даешь объяснения, а мною пренебрегаешь? Наверное, ты думаешь обо мне так же, как и мои граждане, о которых мне приходится слышать. Все считают меня человеком неподвижным и вялым, — это их слова, а так как я не занимаюсь ведением дел в судах, то и совсем лишенным свойств римлянина с деятельным характером. Не такие свойства, но прямо противоположные, говорят они, должны отличать представителя дома, к которому я принадлежу. Это огорчает меня сильнее всего». **10.** Полибия изумили уже первые слова юноши, которому в то время было не больше восемнадцати лет, и он сказал: «Именем богов, Сципион, прошу тебя, не говори так и не думай. Я делаю это вовсе не из пренебрежения или невнимания к тебе, совсем нет. Но твой брат старше, поэтому с ним я начинаю наши беседы и в заключение к нему обращаюсь со своими суждениями и советами, будучи убежден, что и ты с ним согласишься. Теперь с удовольствием слышу, как ты огорчаешься тем, что тебя считают менее деятельным, чем то приличествует человеку из такого дома: твои слова обличают высокую душу. Сам я был бы рад приложить мои силы и старания к тому, чтобы научить тебя говорить и действовать так, как этого требует достоинство твоих предков. Для преподавания наук, которыми, как я вижу, вы теперь занимаетесь, не будет недостатка в людях, готовых пособить вам, ни у тебя, ни у твоего брата. Я вижу, что в наше время люди этого рода притекают сюда из Эллады в большом числе. Но в том деле, которое, как видно их твоих слов, теперь озабочивает тебя, ты не мог бы, я думаю, найти товарища и помощника

---

* Не известно, в каком месте.

более пригодного, нежели я». Полибий еще не кончил, как Публий схватил обеими руками его правую руку и, с чувством сжимая ее, сказал: «Если бы дожить мне до того дня, когда ты оставишь в стороне все прочие дела, посвятишь твои силы мне и станешь жить со мною вместе. Тогда, наверное, я и сам скоро нашел бы себя достойным и нашего дома, и наших предков». Полибий радовался при виде горячей любви юноши, но и смущался его мыслью о высоком положении дома Сципионов и о могуществе его представителей. Во всяком случае, со времени этой беседы юноша больше не покидал Полибия, и дружба с ним была Сципиону дороже всего.

11. Доблесть П. К. Сципиона Африканского Младшего. Во все последующее время Сципион и Полибий непрерывно упражняли свои взаимные чувства на деле, благодаря чему они развились в столь нежную дружбу, как будто между ними существовали отношения отца к сыну и кровные узы. Влечение и любовь к прекрасному проявились в Сципионе прежде всего в том, что он стремился[13] стяжать себе славу человека воздержанного и превзойти в этом отношении своих сверстников. Достигнуть такой цели, столь возвышенной самой по себе и трудной, было легко в тогдашнем Риме при господствовавшем в народе упадке нравов. Молодые люди отдавались со страстью любовникам или любовницам, другие увлекались представлениями, пьянством и расточительностью, в Персеевой войне быстро переняв от эллинов эту слабость. Сладострастие до такой степени обуяло молодежь, что многие за любовника платили талант. Распущенность как бы прорвалась наружу в описываемое нами время прежде всего потому, что после разрушения Македонского царства мировое владычество римлян казалось нерушимым; потом, вследствие прилива из Македонии в Рим больших сумм денег, приумножилось благосостояние отдельных граждан и государственное богатство. Как бы то ни было, но Сципион усвоил себе противоположные правила поведения, и в борьбе со всякими страстями воспитал из себя человека последовательного, во всем себе верного, и оттого в какие-нибудь пять лет стал известен в народе своею благопристойностью и самообладанием. Потом он непрестанно стремился превзойти всякого щедростью и неподкупностью. В этом отношении сильную поддержку оказывала ему совместная жизнь с родным отцом, да и от природы

ему присуще было влечение к правде; наконец, благотворно действовали и некоторые случаи в его жизни. **12. Образчики бескорыстия Сципиона: отношение его к матери.** Так, сначала умерла у него бабка, мать отца-усыновителя; она была сестрою его родного отца Луция* и женою деда-усыновителя его, Сципиона, прозванного Великим**. Она оставила после себя большое состояние, и наш Сципион, единственный наследник ее, дал первое свидетельство бескорыстного характера, именно: Эмилия[14], — так называлась покойная, — при жизни выступала с блеском и роскошью в праздничных шествиях женщин, как подобало римлянке, делившей жизнь и счастье со Сципионом. Не говоря уже о роскоши одеяния и колесницы, за нею следовали в торжественных выходах корзины, кубки и прочая жертвенная утварь, все или серебряные, или золотые предметы; соответственно тому велико было количество следовавших за нею рабынь и рабов. Всю эту обстановку тотчас после погребения Эмилии Сципион подарил матери***, которая задолго до того разошлась с Луцием и жизненные средства которой не отвечали знатности ее рода. Посему она раньше уклонялась от праздничных выходов, а когда теперь выступила в жертвенной процессии, блестящей и всенародной, в роскошном убранстве Эмилии, и за нею следовали те же погонщики мулов, те же лошади и колесница, что были у Эмилии, то при виде этого зрелища женщины восхищались благородством и великодушием Сципиона, и все с воздетыми к небу руками молились о ниспослании на сына обильных милостей. Такое поведение наверное всюду нашли бы достохвальным; оно было изумительно в Риме, где решительно никто никому не дает ничего из своего имущества добровольно. Это был первый случай, заставивший говорить о Сципионе как о человеке великодушном; молва разносилась быстро благодаря тому свойству женщин, что они в своей словоохотливости неистощимы на похвалы о том, что им нравится.

13. Великодушие Сципиона по отношению к теткам. После этого дочерям великого Сципиона, они же сестры отца-усыновителя, он обязан был выдать из полученного наследства по-

---

* Луция Эмилия Павла.
** Публий Корнелий Сципион Африканский Старший.
*** Папирия.

ловину приданого. Дело в том, что отец обещал дать обеим дочерям по пятидесяти талантов; из них мать выдала зятьям половину тотчас, а другая половина должна была быть получена ими по смерти. Следовательно, уплатить долг сестрам отца обязан был наш Сципион. Хотя по римским законам обязательно уплатить жене остающуюся часть приданого в течение трех лет, если она только согласно существующему у римлян обычаю получила вначале движимость в десятимесячный срок[15], Сципион, однако, немедленно распорядился, чтобы меняла заплатил каждой из сестер по двадцати пяти талантов через первые же десять месяцев. Когда Тиберий[16] и Назика Сципион*, — это были мужья упомянутых женщин, — по прошествии десяти месяцев явились к меняле с вопросом, давал ли ему распоряжение Сципион об уплате им денег, и когда тот предложил им получить деньги, отсчитав каждому по двадцати пяти талантов, получатели сказали, что меняла ошибается, что по закону им следует получить теперь не все, а лишь третью часть того. Когда меняла возразил, что так приказано Сципионом, те с недоверием направились к юноше, уверенные в его ошибке; думали они так не без основания. Если вспомнить, что в Риме не то что пятьдесят талантов за три года вперед, — никто не уплатит одного таланта за день до срока: так ревниво наблюдается там точность в денежных делах и так дорожат римляне доходами, какие можно извлечь в самое короткое время. Однако, когда они пришли к Сципиону и спросили, какое приказание было отдано им меняле, а тот отвечал: «уплатить сестрам все деньги», Тиберий и Назика с родственным участием возразили, что он ошибается: ибо закон дает ему возможность пользоваться деньгами еще довольно долго. Но Сципион отвечал, что никакой ошибки здесь нет, что по отношению к посторонним он соблюдает точно закон, а с родственниками и друзьями рассчитывается быстро и по возможности щедро; поэтому и предлагал им получить от менялы все деньги. Тиберий и Назика после такого ответа удалились молча, изумляясь великодушию Сципиона и стыдясь собственной мелочности, хотя они и принадлежали к знатнейшим из римлян.

14. Отречение от своей доли наследства в пользу младшего брата. Два года спустя, когда скончался родной отец его

---

* Публий Корнелий Сципион Назика Коркулум.

Луций и оставил наследниками состояние его и брата его, Фабия, Сципион опять поступил благородно и замечательно: Луций по бездетности завещал им свое состояние, ибо детей он отдал в другие дома, а прочие, в которых воспитывались преемники его и продолжатели рода, перемерли. Замечая, что состояние брата меньше, нежели его, он совсем отказался от наследства, хотя стоимость его превышала шестьдесят талантов, ибо при отказе состояние Фабия могло сравниться с его собственным. Об этом говорили уже повсюду, когда Сципион дал новое, более красноречивое свидетельство о своем характере, именно: когда брат задумал устроить в память отца единоборства, но за значительностью суммы не мог покрыть расходов по устройству состязания, Сципион внес половину потребной суммы из своего имущества: все издержки на празднество, если желали сделать его блестящим, превышали тридцать талантов. Такова была слава Сципиона, когда скончалась его мать. Далекий от мысли получить обратно что-либо из того, что сам подарил раньше, как я сказал о том, он и эту часть, и все состояние матери уступил сестрам, которые по закону[17] не имели на него никаких прав. Благодаря этому сестры тоже получили все великолепное убранство Эмилии для выходов; за то щедрость Сципиона и его любовь к родному дому снова сделались предметом толков.

Вот какими средствами Публий Сципион с раннего детства стяжал себе славу человека воздержанного и благородного. Ценою шестидесяти талантов — ибо такова сумма, которую он уделил из своего состояния, — купил Сципион никем не оспариваемую славу благороднейшего человека, причем не столько значили огромные размеры жертвы, сколько благовременность ее и умение, с какими услуга была оказана. Слава человека воздержанного не потребовала никаких затрат, но он воздержанием от многих разнообразных наслаждений приобрел себе здоровье и телесную крепость; она сопутствовала ему всю жизнь и в замене низменных наслаждений, от которых он отказывался раньше, доставила ему многочисленные земные радости.

15. Занятие Сципиона охотой. Нам остается упомянуть еще о храбрости, важнейшей добродетели гражданина чуть не во всяком государстве, наипаче в Риме; почему и Сципион должен был упражнять себя в ней с величайшим старанием. Сама судьба помогла ему в этом деле. Царский двор в Македонии со

страстью предавался охоте, и македоняне отводили наиболее пригодные местности под рощи с дичью. Эти рощи во все время войны охранялись столь же тщательно, как и до войны; но в течение четырех лет там не охотились вовсе, ибо царь был занят другими делами, почему места эти были переполнены всевозможной дичью. Когда война закончилась, Луций в том убеждении, что для молодого человека охота — наилучшее упражнение сил и наилучшая забава, отдал царских охотников в распоряжение Сципиона и предоставил ему волю охотиться, где он только пожелает. Сципион воспользовался дозволением и, чувствуя себя здесь как бы царем, проводил в охоте все время, пока войско после сражения оставалось в Македонии. Так как в этом деле ему дана была большая свобода, так как он был к тому же в цветущем возрасте, то его прирожденная наклонность, как у породистого пса, развилась в неослабную страсть к охоте. Посему и после возвращения в Рим, где он нашел в Полибии столь же страстного охотника, где молодежь проводила время на форуме, занималась ведением дел в судах и заискивала перед народом, Сципион отдавался охоте и, отличившись каждый раз какой-нибудь блестящей, необычайной удачей, все выше поднимался в общественном мнении над своими сверстниками. В самом деле, прочие юноши входили в славу тем только, что вредили кому-либо из сограждан: так бывает обыкновенно при ведении судебных дел, а он шел к славе совершенно другим путем, не причиняя решительно никому огорчения, и приобретал всенародную славу храброго человека, состязаясь со сверстниками в делах, а не в словах. Итак, в короткое время Сципион так высоко вознесся над современниками, как не удавалось еще, поскольку известно, никому из римлян; и при всем том он достигал славы новыми средствами, не теми, какие для всех прочих римлян указаны были обычаями и господствующими нравами.

16. Объяснение автора с читателем. Если я очень долго останавливался на поведении Сципиона с ранней юности, то это потому, что находил рассказ о нем приятным для людей старшего возраста и полезным для юношества, больше всего, впрочем, с тою целью, чтобы внушить читателю доверие к нашим известиям о Сципионе в последующих книгах: пускай читатель не смущается, если в известиях об его подвигах встретит что-либо необычайное; по незнакомству с причинами, по

которым происходили отдельные события, за весьма немногими исключениями, которые одни следует приписать счастью и случаю, пускай читатель не объясняет счастьем таких удач нашего героя, какими он был обязан собственной рассудительности.

После столь длинного отступления возвратимся к тому месту нашего повествования, на котором оно было прервано (*О добродетелях и пороках*).

17. Посольства от афинян и ахейцев. Решение Рима в пользу делосцев против афинян. ...Прибыли посольства[18] от афинян и от ахейцев с Теаридом и Стефаном[19] во главе по делу о возмещении[20]: после того, как Делос был передан афинянам, и делосцы в ответ на свою просьбу получили от римлян дозволение при очищении острова взять с собою свою движимость, они переселились в Ахаю и, принятые здесь в число граждан, решились истребовать от афинян удовлетворение по суду[21] согласно договору, существовавшему между афинянами и ахейцами. Но афиняне утверждали, что договор вовсе не касается делосцев, сии же последние просили ахейцев добиться от афинян удовлетворения силою. По этому-то делу и явились посольства, в ответе которым сенат утверждал меры ахейцев относительно делосцев, как согласные с законами (*О посольствах*).

18. Послы иллирийских народов в Риме. ...Много раз уже иссяне[22] отправляли посольства в Рим с уведомлением о том, что далматы разоряют их страну и зависимые от них города, — это Эпетий[23] и Трагирий; с такими же жалобами являлись и даорсы[24]. Тогда сенат отправил посольство с Гаем Фаннием во главе для ознакомления с делами Иллириды, главным образом далматов. Пока жил Плеврат, далматы подчинялись ему; когда он умер, и царская власть перешла к Генфию, далматы отложились от Иллириды, ходили войною на пограничные народы, покоряли соседей и некоторых из них облагали данью, причем предметами дани были скот и хлеб. По такому-то делу поспешно отправилось из Рима посольство Фанния (*там же*).

19. Мир в Этолии после смерти Ликиска. ...По убиении этолийца Ликиска[25], человека беспокойного и мятежного, в Этолии немедленно воцарились мир и согласие, хотя не стало всего одного человека. Такова, кажется, сила существа человеческого, что бывает достаточно одного добродетельного или одного порочного для того, чтобы низвести величайшие бла-

га или накликать величайшие беды не только на войска и города, но на союзы народов, на обширнейшие части мира.

...При всей своей порочности Ликиск умер прекрасною смертью, так что очень многие имеют право роптать на судьбу за то, что славную смерть, награду доблестных мужей, она дает иногда в удел наихудшим людям (*Сокращение ватиканское*).

20. Смерть порочных людей — благо для народа. Как в Этолии со смертью Ликиска кончились междоусобицы, и дела пошли хорошо, так точно улучшилось положение Беотии, когда умер коронеец Мнасипп, равно как и дела Акарнании, когда она освободилась от Хремата. Как будто совершилось очищение Эллады, коль скоро злые гении[26] ее покончили с жизнью. В том же году умер в Брентесии и эпирот Хароп. Эпир, однако, не вышел из состояния переворотов и смуты, в каком находился раньше и в какое повергли его жестокости и беззакония Харопа со времени окончания войны с Персеем. После того как Луций Аниций одних из именитых граждан осудил на смерть, других, возбуждавших против себя хоть малейшее подозрение, препроводил в Рим, Хароп получил возможность действовать по произволу, и не было преступления, которого он не совершил бы собственноручно ли или при посредстве друзей[27]: хотя он был еще юн, но около него собрались из жажды наживы за счет ближних порочнейшие и беспутнейшие люди. Что служило ему как бы прикрытием и поддерживало веру в народе, будто все его действия направлены к определенной цели, с согласия римлян, — это прежняя связь его с упомянутыми выше гражданами, а также со стариком Миртоном и с его сыном Никанором; их почитали за людей честных и за друзей римлян, и в прежнее время они были слишком далеки от какого бы то ни было беззакония, а теперь по каким-то неведомым причинам старались поддерживать Харопа и участвовать в его злодеяниях. Когда большое число граждан было им истреблено на городской площади открыто, или в собственных домах, или, наконец, через подосланных убийц из засады, в полях и на дорогах, причем имущество всех убитых Хароп обращал в свою собственность[28], то он измыслил другое средство: имена богатых людей, мужчин и женщин безразлично, он оглашал в списках изгнанников, чем наводил на них ужас, а вслед за сим вымогал деньги у мужчин самолично, у женщин через свою мать Филотиду. Она тоже охотно испол-

няла такого рода поручения и в насильственных действия помогала Харопу с неженским искусством.

21. Обобрав по возможности всех богатых граждан, Хароп и его супруга все-таки всех обреченных на изгнание отдали народу на суд. В Фойнике народ частью из страха перед Харопом, частью потому, что был обольщен им и его друзьями, приговорил всех обвиняемых в неприязни к римлянам не к изгнанию, а к смертной казни. Все осужденные бежали[29] из Эпира, а Хароп отправился в Рим с деньгами и в сопровождении Миртона с целью добиться от сената одобрения собственных беззаконий. При этом случае римляне на деле проявили благородство характера и дали отраднейшее зрелище для всех эллинов, живших в Риме, наипаче для вызванных на суд из Эллады. Так, Марк*, первосвященник и первый между сенаторами[30], и Луций**, победитель Персея, пользовавшийся величайшим доверием и влиянием у народа, воспретили Харопу входить к ним в дом, когда прослышали об его делах в Эпире. Все живущие в Риме эллины сильно обрадовались, когда узнали об этом поступке, и прославили римлян за отвращение к подлости. Когда после этого Хароп предстал перед сенатом, то просьба его не была уважена. От определенного ответа сенат, однако, воздержался, объявив, что отправит послов с поручением собрать сведения на месте. По возвращении домой Хароп скрыл полученный ответ, написал другой, отвечающий его собственным целям, и уверял, что действия его одобрены римлянами (*О добродетелях и пороках*).

22. Доблести Эвмена. ...Царь Эвмен[31] был слаб здоровьем, но возмещал с избытком телесную слабость бодростью духа; говоря вообще, он не уступал никому из царей своего времени, а в делах труднейших и достославнейших превосходил их величием и блеском. Так, во-первых, получив в наследие от отца такое царство, в коем насчитывалось очень немного городов, и то мелких, он сравнял его с обширнейшими царствами ему современными; помогали ему в этом не столько счастье или случай, сколько дальновидность, трудолюбие и наконец самоличная деятельность. Во-вторых, он сильно ревновал о славе, и ни один их современных ему царей не облагодетельствовал столько эл-

---

* Марк Эмилий Лепид.
** Луций Эмилий Павел.

линских государств, не обогатил такого множества отдельных граждан. В-третьих, имея трех братьев[32], близко стоявших к нему по возрасту и по способностям к государственной деятельности, он достиг того, что братья покорялись ему, берегли и охраняли достоинство его царской власти, каковое отношение между братьями встречается редко.

Аттал — преемник Эвмена. ...Брат Эвмена Аттал, получив власть, возвратил Ариарата на царство[33] и тем дал первое свидетельство своего характера и государственной деятельности (*О добродетелях и пороках, Свида*).

23. Война римлян с далматами. ...Гай Фанний с товарищами возвратился из Иллириды и сообщил, что далматы не только не желают дать какое-либо удовлетворение народам, которые жалуются на их непрестанные обиды, но отказались даже выслушать их, послов, говоря, что у них никаких отношений с Римом нет. Сверх того, объясняли послы, им было отказано далматами в жилище и продовольствии. Мало того: ладей, каких они имели от другого города, далматы отняли у них силою; и на них самих готовы были наложить руки, если бы во избежание опасности послы не удалились незаметно. Со вниманием слушал сенат своих уполномоченных и негодовал на непокорность далматов и дикость нравов их; больше всего, впрочем, он думал о том, что настало время идти войною на далматов; было к тому очень много оснований. Во-первых, части Иллирии, обращенные к Адриатическому морю, оставлены были римлянами совсем без надзора со времени изгнания оттуда Деметрия Фалерского; во-вторых, они ни за что не хотели б изнеживать италийские народы долговременным бездействием, ибо шел уже двенадцатый год[34] от окончания войны с Персеем и завершения трудов в Македонии. Вот почему сенаторы решили идти войною на далматов, дабы в одно и то же время и пробудить снова воинственный дух в собственных народах и навести страх на иллирийцев, через то принудив их к повиновению приказаниям сената. Таковы были причины, по которым сенаторы решили воевать с далматами[35]; людям посторонним[36] они объясняли, что начинают войну для отмщения за обиду, нанесенную послам их (*О посольствах*).

24. Ариарат в Риме; посольство Деметрия Ороферна. ...Царь Ариарат[37] прибыл в Рим еще до исхода лета, и теперь, когда на должности консулов вступили Секст Юлий и товарищ

его*, он искал частных бесед с ними, являясь при этом в таком одеянии и с таким видом, которые говорили бы о постигшем его несчастии. Но прибыли послы и от Деметрия с Мильтиадом во главе, снабженные двоякими полномочиями: и защищать Деметрия, если понадобится, от изветов Ариарата, и выступить против него с тяжкими обвинениями. Прислал наконец посольство и Ороферн[38] с Тимофеем и Диогеном для поднесения Риму венка и для возобновления дружественного союза, еще больше для противодействия Ариарату, посредством ли защиты Ороферна, или жалобами на самого Ариарата. И Диоген, и Мильтиад с товарищами в частных приемах у консулов имели больший успех, нежели Ариарат, потому что их было много, а Ариарат один, и оттого еще, что весь облик их соответствовал их торжеству над низложенным царем. Точно так же большой перевес был на их стороне и тогда, когда обе стороны рассказывали прошлые события. Послы не останавливались ни перед чем и дерзко возражали на все, нисколько не заботясь об истине, — и то, что они говорили, не проверялось, потому что Ариарат не имел защитника. Итак, ложь послов восторжествовала без борьбы, и они, казалось, достигли, чего хотели[39] (*О посольствах*).

25. Ороферн — царь Каппадокии. ...Ороферн[40] недолго был царем Каппадокии; вопреки исконным установлениям он ввел в Сирию ионийское утонченное распутство.

...Многие люди из жадности к деньгам потеряли вместе с богатством самую жизнь. Так и Ороферн, царь Каппадокии, потерял царство и сам погиб оттого, что польстился на деньги.

Объяснения автора по поводу порядка изложения. Рассказав вкратце возвращение Ариарата, мы будем следовать нашему обычному порядку, которого придерживаемся во всем сочинении[41]. На сей раз, перешагнув через Элладу, мы предвосхитили азиатские события, совершавшиеся в Каппадокии, за невозможностью разделить удобным способом отъезд Ариарата из Италии от восстановления его во власти. Посему теперь я возвращаюсь к Элладе, дабы рассказать тамошние события, относящиеся к этому самому времени. В числе их находится и замечательное, необычайное приключение с городом Оропом[42]. Мы желаем сжато передать эту историю зараз,

---

* Луций Аврелий.

то отступая назад, то забегая вперед, дабы дроблением рассказа на части не сделать этой истории скучной и непонятной, когда она и без того в подробностях своих неясна. Если цельный рассказ кажется читателю едва́ стоящим внимания, то, наверное, только особенно любознательный читатель будет в состоянии следить за этим рассказом, если он разбит на части и изложен в разных местах.

...Обыкновенно в счастии люди настроены мирно друг к другу; в несчастии, напротив, злобствуют на судьбу и по отношению к друзьям бывают раздражительны и брюзгливы. Так было с Ороферном, когда изменило счастье ему и Феотиму: они преследовали друг друга укоризнами (*Афиней, Сокращение ватиканское*).

26. Посольство от двух партий из Эпира. ...В это время явились послы из Эпира, как от тех граждан, во власти коих осталась Фойника, так и от изгнанников, и здесь они перед другими отстаивали свое дело. Ответ сената гласил, что отправлены будут уполномоченные по их делам в Иллириду с Гаем Марцием*[43] (*О посольствах*).

27. Кощунство Прусия. ...После победы над Атталом Прусий дошел до Пергама[44] и совершил в святилище Асклепия великолепное жертвоприношение. В тот же день по окончании жертвоприношения, давшего благоприятные знамения, Прусий возвратился в свою стоянку, а на следующий день выстроил свои войска под Никефорием, разорил все храмы и принадлежащие им участки, похитил статуи и мраморные изображения богов[45]. Наконец, он посягнул и на изображение Асклепия, прекрасно исполненное Фиромахом, и велел доставить его в стоянку, то самое изображение, которое накануне он же чествовал жертвенными возлияниями и молитвами, к которому обращался, должно полагать, с просьбою быть к нему милостивым и во всяком деле споспешествующим. Уже раньше в рассказе о Филиппе я называл подобное душевное состояние умоисступлением. И действительно, приносить божеству жертвы ради умилостивления его, распростираться со слезными мольбами перед столами и жертвенниками, с женским малодушием склоняясь на колени, как поступал обыкновенно Прусий, и те же самые святыни расхищать, низвергать и

---

* Гай Марций Фигул.

тем оскорблять божество, — кто не назовет такие поступки делом человека умоисступленного, безумного? Таким был теперь Прусий. Не совершив ни единого подвига храбрости при наступлении на город, подло и малодушно надругавшись над богами и людьми, он увел свое войско обратно к Элее[46]. Напрасно пытался он взять Элею, напрасно несколько раз ходил на приступ; все попытки были безуспешны, потому что Сосандр, товарищ детства царя, проник с войском в город и отразил приступы, после чего Прусий удалился к Фиатейрам. На обратном пути он напал на святилище Артемиды, что в Гиракоме[47], и ограбил его. Точно так же не только ограбил, но и предал пламени священный участок Аполлона Киннейского[48], что подле Темна[49]. По совершении этих деяний, когда он воевал не с людьми только, но и с богами, Прусий возвратился домой. Его сухопутное войско[50] на обратном пути страдало от голода и расстройства желудка, так что, казалось, гнев божий за грехи его следовал по пятам (*О добродетелях и пороках*).

28. Посольство Аттала и Прусия в Риме. ...Претерпев поражение от Прусия, Аттал отправил в Рим брата своего Афинея вместе с Публием* уведомить сенат о случившемся[51]. В Риме не обратили никакого внимания на те известия, с какими явился туда Андроник, о первом вторжении неприятеля. Сенаторы даже подозревали, что Аттал сам собирается напасть на Прусия и только подыскивает предлог для того, чтобы превосходить жалобы со стороны противника. Вместе с тем Никомед и Антифил с товарищами, послы Прусия, свидетельствовали, что ничего подобного не было; сенат после этого стал еще меньше доверять жалобам на Прусия. Однако немного спустя получены были дальнейшие сообщения, и сенат, не зная, чему верить, отправил легатов Луция Апулея и Гая Петрония для ознакомления с делом названных выше царей на месте (*О посольствах*).

---

* Публий Лентул.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Уполномоченные послы из Рима для удержания Прусия от нападения Аттала. Посольство от ахейцев с ходатайством за обвиняемых сограждан, случайная неудача этого ходатайства (1). Особенности трех философов, явившихся в Рим послами от Афин (2). Новое посольство от ахейцев с ходатайством за удержанных в Италии сограждан (3). Военачальник родосцев Аристократ (4). Готовность Архия продать Кипр Деметрию за деньги (5). Бедствия приенийцев из-за денег, принятых на сохранение от Ороферна; посольство приенийцев в Риме (6). Посольство массалиотов в Риме с жалобами на лигистинов (7). Посольства от Птолемеев и решение сената в пользу младшего брата (8). Посольство от римлян к Прусию с приказанием (9). Обиды, нанесенные римским послам лигистинами; победоносная война римлян с ними (10–11). Сборы Аттала к войне с Прусием; разрыв союзнических отношений между Прусием и Римом (12). Вмешательством римлян война между Эвменом и Прусием была кончена (13). Новое безуспешное ходатайство ахейцев за своих (14). Гераклид с Лаодикой и Александром в Риме от Антиоха; посольство от родосцев (15). Безуспешное обращение к ахейцам критян и родосцев (16). Безрассудные решения и поступки родосцев под влиянием неудач (17). Аттал, сын Эвмена в Риме. Радушный прием детям Антиоха от сената (18). Пьянство царя Деметрия (19). Возбудимость толпы (20). Бесплодность опровержения явной лжи (21).

1. Римские уполномоченные должны удержать Прусия от войны с Атталом. ...Сенат[1] еще до исхода зимы выслушал донесение Публия Лентула и товарищей, недавно возвратившихся из Азии, о Прусии и вызвал в собрание Афинея, брата Аттала. В многословных объяснениях не было, однако, нужды, и сенат тут же выбрал легатов Гая Клавдия Центона, Луция Гортензия и Гая Аврункулея, и велел им отбыть вместе с Афинеем, дабы удержать Прусия от войны с Атталом.

Посольство ахейцев с ходатайством за обвиняемых эллинов. Прибыло в Рим и посольство от ахейцев с Ксеноном из Эгия[2] и Телеклом из Эг ходатайствовать за удерживаемых в Италии эллинов. Когда послы произнесли речи в сенате и вопрос был предложен на решение, сенаторы едва не постановили было освободить обвиняемых, и если освобождение не совершилось, то по вине Авла Постумия*[3], тогдашнего претора, он же был председатель собрания. Было три мнения: одно — отпустить, другое — не отпускать, третье — отпустить, но по прошествии некоторого времени. Так как большинство склонялось к освобождению эллинов, то претор и поставил только два общих вопроса: кто желает отпустить отозванных эллинов и кто не желает. Тогда сенаторы, предлагавшие временно удерживать эллинов, подошли[4] к тем, кто был против освобождения, и сих последних получилось большинство. Так решено было это дело (*О посольствах*).

2. Послами афинян в Рим были три философа разных школ. ...Каждый из трех философов, которых афиняне отправили в Рим просить сенат и народ о снятии пени, наложенной на них за разорение Оропа, имел свои особенности. Пеня доходила талантов до пятисот. Философы эти были: Карнеад[5] — академик, Диоген — стоик и Критолай — перипатетик. Когда они предстали перед сенатом, говорил за них сенатор Гай Ацилий[6]; но раньше они сами, каждый отдельно, говорили в многолюдном собрании с целью показать свое искусство. По словам Рутилия и Полибия, особенный вид красноречия каждого из трех философов был предметом удивления римлян: бурно и стремительно, как рассказывают они, говорил Карнеад, изысканно и гладко Критолай, серьезно и деловито Диоген (*Геллий*).

---

* Авл Постумий Альбин.

3. Новое посольство ахейцев. ...Когда ахейские послы возвратились из Рима домой и сообщили, что все задержанные едва не были отпущены, народ, возбужденный надеждами на благополучный исход ходатайства, снова немедленно отправил мегалопольца Телекла и Анаксидама. Так стояли дела в Пелопоннесе (*О посольствах*).

4. Военачальник родосцев Аристократ. ...Аристократ, военачальник родосцев, имел наружность представительную и грозную; поэтому родосцы рассчитывали найти в нем способного вождя и руководителя в войне, но обманулись в своих надеждах, ибо на деле он оказался совсем другим человеком, как бывает с поддельной монетой, когда ее испытывают огнем. Неспособность Аристократа обличили самые дела его (*О добродетелях и пороках, Свида*).

5. Деметрий предлагал Архию деньги за Кипр. ...Он велел предлагать Архию[7] пятьсот талантов, если тот покинет Кипр, обещать и разные иные выгоды и почести, если только он окажет ему сию услугу.

Гибель Архия. ...Архий, когда собирался предать Кипр Деметрию, был захвачен и привлечен к суду; но сам удавил себя шнурком, висевшим у занавеси. На деле оправдалась поговорка, что люди, ослепленные страстями, и расчеты делают слепо. Так и Архий: рассчитывая приобрести пятьсот талантов, он и прежнее свое состояние погубил, и сам погиб (*Свида, О добродетелях и пороках*).

6. Бедствия приенийцев из-за денег Ороферна. Посольство приенийцев в Риме. ...Около этого времени и приенийцев[8] постигло неожиданное несчастье, именно: от Ороферна[9], когда тот был еще во власти, они приняли на хранение четыреста талантов денег, а немного позже Ариарат, когда возвратился на царство, потребовал деньги обратно. Как мне кажется, приенийцы отвечали на это требование правильно, что пока Ороферн, передавший им деньги, жив, они не отдадут их никому другому. По мнению многих, Ариарат был не прав, когда требовал чужой вклад себе. Все-таки до тех пор, пока он довольствовался просьбами, можно еще было извинять его, ибо он полагал, что деньги принадлежат его царству; но когда в гневе своем и упорстве он пошел дальше, никто не мог подыскать для его действий оправдания. В описываемое нами время Ариарат выслал отряд к Приене, которую опустошил; под-

стрекал его к этому и помогал Аттал, ибо сам враждовал с приенийцами. Понеся большие потери людьми и скотом, причем трупы валялись у самых стен города, приенийцы не в силах были сопротивляться долее, и отправили послов к родосцам, а засим искали помощи у римлян. Но Ариарат не внимал никаким заявлениям, и приенийцы, возлагавшие было большие надежды на эти деньги, испытали одни невзгоды: вклад они возвратили Ороферну, а от царя Ариарата незаслуженно понесли из-за него тяжкие обиды (*О добродетелях и пороках*).

7. Посольство масалиетов в Рим с жалобами на лигистинов. В это самое время прибыли послы и от массалиетов, которые давно уже терпели от лигистинов, а теперь были стеснены ими до крайности; к тому же города Антиполь и Никея[10] находились в осаде; с известием обо всем этом и с просьбой о помощи массалиеты и отправили послов в Рим. Когда они предстали перед сенатом, собрание постановило послать легатов[11] для ознакомления с делами на месте, равно как и для того, чтобы путем увещаний побудить варваров загладить вину свою (*О посольствах*).

8. Посольство в Рим от обоих Птолемеев. ...В то время как сенат отправил Опимия на войну с оксибиями[12], в Рим явился Птолемей Младший и, представ перед сенатом, жаловался на брата, причем называл его виновником посягательства на его жизнь. Тут же он обнажил рубцы от полученных ран и старался разжалобить присутствующих рассказами о жестокостях брата вообще. Но были послы и от старшего Птолемея, Неолаид и Андромах с товарищами, для защиты царя от обвинений брата. Сенат, заранее предубежденный жалобами младшего брата, не пожелал даже выслушать оправданий старшего и приказал послам его покинуть Рим немедленно. В послы к младшему Птолемею сенат выбрал пятерых граждан, в том числе Гнея Мерула и Луция Ферма, дал каждому из них пятипалубное судно и поручил восстановить власть Птолемея над Кипром[13], а эллинским и азиатским союзникам письменно предлагал помогать Птолемею в обратном получении Кипра (*там же*).

9. Посольство Римлян к Прусию. ...Из Пергама возвратилось посольство Гортензия и Аврункулея и доложило, что Прусий не обращает никакого внимания на требования сената, что он предательски запер в Пергаме их и Аттала со свитой и учинил над ними всякого рода насилия и бесчинства. Сена-

торы, раздраженные и оскорбленные такой наглостью, тотчас выбрали десять уполномоченных с Луцием Аницием*, Гаем Фаннием и Квинтом Фабием Максимом во главе и немедленно отправили их с поручением приостановить войну и обязать[14] Прусия дать удовлетворение за причиненные войною потери (*там же*).

10. Насилия лигистинов над римскими послами. ...Когда массалиеты через послов своих уведомили римлян, что терпят обиды от лигистинов, то были тотчас выбраны в легаты Фламиний и Попилий Ленат и Луций Пупий. Они отплыли вместе с массалиетами и пристали в земле оксибиев к городу Эгитне[15]. Лигистины раньше были осведомлены, что к ним прибудут из Рима уполномоченные с требованием снять осаду, а потому теперь поспешили к берегу и не дали выйти на сушу никому из приставших, кроме Фламиния: сего последнего они нашли уже вместе с пожитками на берегу. Сначала они просили его покинуть их землю, а когда Фламиний просьбы не исполнил, стали расхищать его пожитки; против рабов и вольноотпущенных, когда они оказали сопротивление и не давали грабить, лигистины действовали силой и наносили им удары. Сам Фламиний в то время, как защищал своих, был ранен, два раба убиты, остальных лигистины преследовали до корабля, так что Фламиний едва успел перерубить канаты и поднять якорь, и только таким образом спасся. Он был доставлен в Массалию, где пользовался старательным лечением. **Победоносная война римлян с лигистинами.** По получении известий о случившемся сенат немедленно отправил одного из консулов, Квинта Опимия, с войском на войну с оксибиями и декиетами.

11. Квинт собрал войско в городе Плаценции, перевалил на пути через Апеннинские горы и, достигнув земли оксибиев, расположился лагерем вдоль реки Апрон[16] и стал дожидаться неприятеля, который, по дошедшим до него сведениям, собирался с силами и готовился дать сражение. Тем временем Квинт подошел с войском к Эгитне, где так подло поступили с легатами, взял город приступом, жителей его продал в рабство, а зачинщиков насилия заковал в цепи и отослал в Рим. После этого он двинулся на неприятеля. В том убеждении, что вина относительно послов не может быть прощена им, оксибии с

---

* Луций Аниций Галл, победитель иллирийцев.

безумной отвагой, в слепой ярости кинулись на врага, когда их было в сборе около четырех тысяч человек, прежде чем соединились с ними декиеты. При виде отважного наступления варваров Квинт сначала поражен был отчаянной смелостью противника, но когда заметил, что в действиях его нет никакого плана, он, как воин опытный и от природы весьма сообразительный, приободрился. Посему Квинт вывел свое войско из стоянки, сказал приличествующую случаю речь и мерным шагом пошел на врага, быстро смял его сильным натиском, причем многих положил на месте, а остальных обратил в беспорядочное бегство. Между тем декиеты тоже собрались и подошли к месту сражения с намерением поддержать оксибиев в опасностях битвы. Однако к сражению они опоздали, соединились с бегущими и немного спустя стремительно и отважно ударили на римлян. Но декиеты были побеждены в битве, и все тотчас отдали себя и свой город на усмотрение римлян. Как скоро эти народы перешли во власть Квинта, он велел отрезать для массалиетов от их земли возможно больший кусок и на будущее время обязал лигистинов выдавать в определенные сроки заложников массалиетам; потом обезоружил стоявших против него неприятелей, свое войско разместил по городам и тут зазимовал. Как быстро началась эта война, так же быстро и кончилась (*О посольствах*).

12. Война Эвмена с Прусием. Ссора Прусия с римлянами. ...В Азии Аттал зимой еще собрал многочисленное войско, так как Ариарат и Митридат[17], как союзники его, тоже доставили конное и пешее войско под начальством Деметрия, сына Ариарата. Пока царь занят был сборами, из Рима прибыли легаты в числе десяти, которые повстречались с ним вблизи Кад[18], и после переговоров о делах поспешили к Прусию. При свидании легаты объявили весьма решительно волю сената. На некоторые требования сената Прусий соглашался, но большую часть их отвергал. Посему римляне, обиженные его отказом, объявили существовавший раньше дружественный союз с римлянами разорванным и все возвратились к Аттал у. Прусий осознал ошибку и некоторое время следовал за́ ними с просьбами и мольбами, но, ничего не добившись, оставил их и был в большой тревоге. Что касается римлян, то они советовали Атталу выставить войско на страже собственных владений, самому войны не начиная и только постарав-

шись обезопасить свои города и селения. После этого легаты разделились, причем одни из них поспешно отплыли уведомить сенат об ослушании Пру сия, другие направились в Ионию, третьи к Геллеспонту и в византийскую землю, все преследуя одну цель: отторгать от Прусия друзей и союзников и по возможности приобретать их для Эвмена и поддерживать сего последнего (*О посольствах*).

13. Римляне положили конец войне между Эвменом и Прусием. ...В это самое время прибыл Афиней* с восемьюдесятью палубными судами; пять из них были родосские четырехпалубники из числа отправленных на войну с критянами, двадцать судов кизикских, двадцать семь принадлежали Атталу, а остальные прочим союзникам. Афиней шел в Геллеспонт и по мере того, как подходил к подчиненным Прусию городам, высаживался на берег и опустошал окрестности. Сенат выслушал донесение легатов, возвратившихся от Прусия, и немедленно отправил трех других: Аппия Клавдия, Луция Оппия и Авла Постумия. По прибытии в Азию они приостановили военные действия, принудив обоих царей помириться на следующих условиях: Прусий обязан выдать Атталу теперь же двадцать палубных судов и в течение двадцати лет заплатить ему пятьсот талантов[19]: за каждым из царей должны оставаться те самые земли, какими они владели раньше, когда начинали войну; сверх того Прусий обязан в возмещение потерь, причиненных разорением полей метимнян[20], эгиян, кумеян, гераклеотов, уплатить этим городам сто талантов. Когда на таких условиях заключен был мирный договор, Аттал увел обратно домой свои войска, сухопутные и морские. Таково было в частностях улажение распри между Атталом и Прусием и конец ее (*там же*).

14. Новое безуспешное ходатайство ахейцев за своих. ...В это время в Риме послы из Ахаи предстали перед сенатом с ходатайством за отозванных в Италию ахейцев, но собрание сенаторов определило сохранить в силе прежнее решение (*там же*).

15. Посольство Антиоха в Риме. ...Еще в середине лета явился в Рим Гераклид с Лаодикой[21] и Александром. Стараясь расположить сенат в свою пользу, он время пребывания в Риме затягивал обманом и хитростями.

---

* Брат Аттала и Эвмена.

Посольство родосцев в Риме. ...Родосец Астимед[22], со званием посла соединявший командование флотом, немедленно явился в сенат и повел речь о войне с критянами. С большим вниманием отнесся к его делу сенат и поспешил отправить легатов с Квинтом во главе для прекращения войны (*О посольствах*).

16. Посольства критян и родосцев у ахейцев. ...В это время к ахейцам отправили своих послов критяне с гортинцем Антифатом, сыном Телемнаста, во главе просить о помощи, послали и родосцы Феофана с товарищами. На союзном собрании ахейцев в Коринфе, где каждое посольство ходатайствовало о поддержке своего народа, большинство собрания склонялось на сторону родосцев, во внимание к славе их государства, к достоинствам их управления вообще и их граждан. Когда Антифат заметил это, то пожелал явиться перед собранием вторично, что и было дозволено стратегом. В этот раз он говорил с такой убедительностью и достоинством, как от критянина и ожидать было нельзя. Но дело в том, что в юноше ничего критского и не было, грубость критянина не коснулась его. Вот почему ахейцы охотно слушали благородную речь Антифата, тем более, что отец его Телемнаст с пятьюстами критянами мужественно сражался в рядах их в войну с Набисом. Все-таки и после его речи большинство ахейцев склонно было оказать помощь родосцам, пока не поднялся с места леонтиец Калликрат и не заявил, что без соизволения римлян не должно ни воевать, ни кому бы то ни было и в каком бы то ни было деле помогать. Этим напоминанием он достиг того, что все осталось, как было раньше (*О посольствах*).

17[23]. Безрассудные действия родосцев под влиянием неудач. ...Удрученные неудачами, родосцы перешли к бессмысленным решениям и мероприятиям и вообще стали вести себя подобно людям, страдающим застарелыми болезнями. Так, когда правильным лечением и покорностью врачам больные не могут поправить расстроенное здоровье, они в досаде на неудачу доходят часто до отчаяния, причем или обращаются к жертвоприносителям и гадателям, или ищут помощи в разного рода заговорах и талисманах. Это же случилось теперь и с родосцами. Когда все события складывались вопреки их расчетам, родосцы по необходимости стали прислушиваться ко всякому слову, искать во всем надежды на луч-

шее и поддержки. Это, кажется, совершенно понятно: когда планы наши ни в чем не осуществляются, а в то же время нет возможности прервать начатое дело, мы неизбежно обращаемся и к средствам неразумным. Так и родосцы, раз только овладело ими подобное настроение, действовали нелепо, между прочим выбрали в военачальники человека, которого раньше отрешили от должности*, допустили и некоторые другие нелепости (*Сокращение ватиканское*).

18. Аттал, сын Эвмена, в Риме. ...Из числа нескольких послов, явившихся в Рим, сенат принял прежде всего Аттала[24], сына Эвмена царя. Прибыл он теперь в Рим, еще мальчиком, чтобы представиться сенату и возобновить узы дружбы и гостеприимства отца с Римом. Сенат и друзья отца приняли Аттала радушно; он получил желанный ответ и соответствующие возрасту почести, а несколько дней спустя уже возвращался домой; на обратном пути все эллинские города устраивали ему сочувственный и блестящий прием. В то же время явился в Рим и Деметрий[25], но после приема, какой приличествовал его юношескому возрасту, он возвратился домой**. Предстал, наконец, перед сенатом в сопровождении Лаодики и Александра Гераклид, давно уже проживавший в Риме. Сначала юный Александр произнес несколько приветственных слов, потом просил римлян вспомнить о дружественном союзе с ними отца его Антиоха; но больше всего просил он о том, чтобы римляне помогли ему добыть царство или по крайней мере согласились бы на возвращение его в Сирию и не препятствовали бы друзьям, если они того пожелают, посадить его на царский престол. Вслед за Александром говорил Гераклид, в пространной речи то превознося Антиоха похвалами, то осуждая Деметрия, и закончил словами, что справедливость требует согласиться на возвращение в Сирию юноши и Лаодики, как родных детей царя Антиоха. Люди рассудительные не поддавались этим доводам, понимали всю ложь разыгранного перед ними представления и не скрывали своего отвращения к Гераклиду; но большинство собрания было обольщено хитросплетениями Гераклида и склонилось к следующему определению: «Александр и Лаодика, дети царя, нашего пре-

---

* Аристократ.
** В Каппадокию.

жнего друга и союзника, предстали перед сенатом и держали речи; сенат разрешил им возвратиться на царство отца и постановил оказать им в этом помощь, как они о том просили». Опираясь на сенатское определение, Гераклид немедленно приступил к набору наемников и привлекал к своему делу именитых граждан, а по прибытии в Эфес занялся приготовлениями к задуманной войне (*О посольствах*).

19. Пьянство Деметрия. ...По словам Полибия, Деметрий[26], содержавшийся заложником в Риме, сбежал оттуда и, воцарившись над сирийцами, предавался пьянству и чуть не по целым дням бывал пьян (*Афиней*).

20[27]. Возбудимость толпы. ...Раз только завладевает толпой страстный порыв любви или ненависти, достаточно бывает малейшего повода для того, чтобы толпа устремилась к своей цели (*Сокращение ватиканское*).

21[28]. Бесплодность опровержения явной лжи. ...Но я боюсь, как бы незаметно для себя не оправдать поговорки: кто глупее, тот ли, кто блеет козлом, или тот, кто носит воду решетом. Кажется, я сам делаю нечто подобное, когда усиливаюсь опровергать явную ложь и слишком много о ней распространяюсь; ибо говорить о таких предметах столь же бесполезно, как если бы кто вздумал записывать сновидения или в бодрственном состоянии предаваться изучению их (*там же*).

КНИГА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Предварительные замечания автора о географических известиях (1). В рассказах Гомера автор открывает историческую основу: странствования Одиссея; Данай, Атрей, Скилла, Харибда; ловля шпаганов и тунцов близ Сицилии; пререкания автора с Эратосфеном (2). Описание ловли шпаганов; достоверность гомеровских описаний (3–4). Изобличение лживости показаний Пифея о странах далекого запада и северо-запада; определения расстояний на Средиземном море (5–6). Поправки Полибия к изменениям Эратосфена не всегда удачные, суждение об южных оконечностях Европы (7). Морские желуди у берегов Иберии; естественные богатства Луситании; дешевизна хлеба (8). Бетика, ее жители, благосостояние; необычайный источник воды в Гадейрах; серебряные рудники близ Нового Карфагена; реки Бетики, города вакхеев и кельтиберов (9). Ископаемые рыбы на галльской равнине; реки Галлии; лживость Пифея, особенной породы животное в Альпах; богатые золотые россыпи в Норике; длина и высота Альп по сравнению с другими хребтами; перевалы в Альпах (10). Капуанский виноград; расстояния в различных частях Италии: в Тиррении, Кампании, Умбрии, Бруттии; вулканические извержения на одном из Липарских островов (11). Игнатиева дорога от Аполлонии до Византия; окружность Пелопоннеса; расстояние от Малей до Истра (12). Доверие Полибия к показаниям Эратосфера о местностях Азии (13). Неодобрительное суждение автора об Александрии (14). Меры расстояний в различных морях и странах Европы и Африки; замечатель-

ной величины зубы африканских слонов; африканские львы; губки у берегов Ликии; успокоительное действие морских губок на больного (15–16).

1. Полибий как географ. ...Другие писатели[1] в общих исторических трудах отвели особое место географическим сведениям о материках; так поступили Эфор и Полибий.

...Полибий говорит, что Эвдокс[2] хорошо описал Элладу, что Эфор превосходно рассказал истории основания городов, кровнородственные отношения, переселения, историю родоначальников, и прибавляет: «А мы желаем излагать настоящее, говорить о положении местностей и о расстояниях между ними, ибо эти сведения — важнейшее в описании стран» (*Страбон*).

2. Эвгемеризм Полибия в объяснении гомеровских песен. ...Гомеру[3] не свойственно сочинять пустые чудесные рассказы, не имеющие никакой опоры в действительности. Совершенно понятно, почему вымысел кажется более правдоподобным, если в нем есть примесь правды, как выражается и Полибий, когда говорит о странствованиях Одиссея.

...Полибий правильно судит о странствиях Одиссея. Так, по его словам, Эол[4] заранее давал герою указания относительно того, как выйти из пролива, опасного своими водоворотами, приливами и отливами*, и за то был наименован владыкой ветров и царем их. Подобно этому гадателей и жертвоистолкователей Даная[5] за то, что открыл водные источники в Аргосе, и Атрея[6], доказавшего, что солнце движется в направлении, обратном движению неба, он возвел в цари. Египетские жрецы, халдеи и маги удостоены были власти и почестей у наших предков за то, что выдавались мудростью над прочими смертными. Точно так же и каждому из божеств воздается почет за какое-либо полезное изобретение. После сих предварительных замечаний он не позволяет рассматривать как вымыслы ни Эола, ни все странствования Одиссея; присочинено только немного, говорит он, как и в Троянской войне; в общем поэт рассказывает о Сицилии то же, что и все историки, пищущие о местных достопримечательностях Италии и Сицилии и их окрестностей. Потом, он отвергает мнение Эратос-

---

* Мессинский пролив.

фена, по словам которого только тогда можно было бы открывать места странствования Одиссея, если б удалось найти кожевника, который тачал мешок для ветров. Он говорит также, что выражения поэта о Скилле точно соответствуют тому, что происходит близ Скиллея во время ловли шпаганов:

Лапами шаря кругом по скале, обливаемой ядом,
Ловит дельфинов она, тюленей и чуд могучих подводных* .

Ибо, говорит он, когда тунцы плывут стадами вдоль Италии и, когда, уклонившись с пути[7], не могут добраться до Сицилии, то попадают между животных более крупных, каковы: дельфины, собаки и иные морские чудовища; ловлею тунцов[8] откармливаются шпаганы[9], которых, по его словам, зовут тоже мечами и собаками. Здесь, таким образом, происходит то же самое, что и при разливах Нила или другой какой реки или же на лесном пожаре, именно: чтобы спастись от огня или воды, звери собираются в кучу и становятся добычей сильнейших из них.

3. Охота на шпаганов. Вслед за сим Полибий так описывает ловлю шпаганов[10], которая производится близ Скиллея: ставят наблюдателя общего для всех ловцов, а ловцы помещаются в многочисленных двувесельных челнах, по два в каждом; один из них гребет, другой с острогой в руке стоит на носу, а наблюдатель дает знать о появлении шпагана, который на треть туловища держится на поверхности воды. Как скоро челнок подойдет, охотник наносит шпагану удар и быстро выдергивает острогу из туловища, оставляя в нем наконечник: сей последний изогнут наподобие якоря и с расчетом слабо приложен к древку; от наконечника идет длинная веревка, которую распускают вслед за раненым животным, пока оно, метаясь и убегая, не выбьется из сил. Тогда шпагана волокут на берег или забирают в лодку, если он не слишком велик. При падении в воду острога не тонет, потому что она сколочена из дуба и ели, и если от тяжести погружается в воду дубовая часть, то другая держится на поверхности, и поймать острогу нетрудно. Случается и так, что гребец получает рану сквозь лодку: так длинен бывает меч шпагана; по силе шпаган может сравниться с диким кабаном, и ловля его напоминает охоту на кабанов.

---

* *Од.* XII 95. Перевод В.А. Жуковского.

Из этого описания, продолжает Полибий, можно заключить, что Одиссей, согласно рассказу Гомера, доходил в своих странствованиях до Сицилии, потому что по поводу Скиллы Гомер рассказывает о такой ловле, какая весьма обыкновенна у Скиллея; то же самое заключение следует и из его описания Харибды, которое напоминает течения в проливе. А что у поэта сказано:

Три раза в день извергая*

вместо *два раза*, то это ошибка писца или рассказчика. Точно так же рассказ поэта о лотофагах** согласуется с тем, что происходит на Менинге[11].

4. Обращение Полибия с поэтическими рассказами. Если какая-либо подробность в описании и не отвечает действительности, то причину разноречия должно искать или в происшедших переменах, или в неведении, или, наконец, в особенностях поэтического творчества, которое складывается из рассказа, обработки и вымысла. В рассказе целью служит правда, как видно из «Списка кораблей»[12], где поэт отмечает присущие каждой местности свойства, причем один город называет скалистым[13], другой — крайним, третий — изобилующим голубями, четвертый — близким к морю. В обработке частей преследуется наглядность, например, в тех случаях, когда вводятся в рассказ сражающиеся; наконец, задача вымысла — приятное и занимательное. Напротив, беспримесный вымысел, по словам Полибия, не внушает к себе доверия и не свойствен Гомеру, произведения которого у всех считаются философскими вопреки Эратосфену: сей последний восстает против оценки гомеровских произведений со стороны мысли и против искания в них действительной истории.

Гораздо вероятнее, продолжает Полибий, под словами

Девять носила нас дней раздраженная буря***

понимать небольшое расстояние, ибо «гибельные» ветры дуют не по прямому направлению, нежели выносить Одиссея в оке-

---

* *Од.* XII 105.
** *Од.* IX 80 сл.
*** *Од.* IX 82.

ан, как бы при непрестанно дующих попутных ветрах. Расстояние от Малей до Геракловых Столбов он определяет в двадцать две тысячи пятьсот стадий*. Если, говорит он, мы допустим, что это расстояние пройдено Одиссеем в девять дней равномерного плавания, то на каждый день пришлось бы две тысячи пятьсот стадий. Между тем слыхано ли, чтобы кто-либо прибыл из Ликии или Родоса в Александрию на другой день, хотя здесь только четыре тысячи стадий расстояния? На вопрос о том, каким образом Одиссей, трижды побывавший в Сицилии, ни разу не проходил через пролив, Полибий поясняет, что и все последующие путешественники избегали этого пути. Вот как рассуждает Полибий (*Страбон*).

5. Критика Пифея Полибием. ...Описывая страны Европы, Полибий замечает, что, оставляя в стороне древних писателей, он займется разбором тех только, которые изобличают ошибки древних, именно: Дикеарха[14] и Эратосфена, как новейшего географического писателя, а также Пифея. Сей последний обманул многих, когда уверял, что сухим путем обошел всю Британию, и окружность острова определял в сорок тысяч стадий[15] с лишним**. К этому он присоединяет известия о Фуле[16] и соседних с нею странах, где будто бы не было уже земли в отдельном существовании, не было ни моря, ни воздуха, но была какая-то смесь из всего этого, похожая на морское легкое[17]; по его словам, в этой смеси земля, море и вся совокупность предметов находились в висячем положении, что эта смесь есть как бы связь всего мира, не переходимая ни посуху, ни по воде. Эту смесь, уверяет Пифей, он видел сам, о прочем говорит по слухам. Вот что рассказывает Пифей, прибавляя, что по возвращении из этих стран он прошел весь европейский берег[18] океана от Гадейр[19] до Танаиса. Но не правдоподобно и то уже, замечает Полибий, чтобы частный человек, к тому же бедняк, прошел водою и сухим путем столь большие расстояния. Однако Эратосфен, вообще с недоверием относящийся к известиям Пифея, принимает с доверием показания его о Британии, Гадейрах и Иберии. Гораздо скорее, продолжает Полибий, можно доверять мессенцу***[20], нежели

---

* 562 мили.
** Больше 1000 миль.
*** Мессенец Эвгемер.

Пифею, тот по крайней мере говорит об одной только стране, которую он посещал, о Панхае[21], а этот уверяет, что своими глазами видел всю северную часть Европы до пределов мира, что невероятно было бы для самого Гермеса. Тот самый Эратосфен, говорит Полибий, который называет Эвгемера бергейцем[22], верит, однако, Пифею, хотя не верил ему даже Дикеарх. Забавно замечание Полибия «хотя не верил даже Дикеарх», как будто Эратосфену следовало взять за образец того самого Дикеарха, которого он же так часто изобличает в ошибках, а о незнакомстве Эратосфена с западом и севером Европы сказано нами раньше*. Однако, если Эратосфену и Дикеарху, которые этих стран не видели, простительно такое незнакомство, то его совсем нельзя простить Полибию и Посейдонию[23]. Во всяком случае Полибий, называя простонародными бреднями определения местностей в этих странах, сделанные помянутыми писателями, и сам не свободен от ошибок в нападках на них. **6.** Так, Дикеарх насчитал десять тысяч стадий** от Пелопоннеса до Геракловых Столбов[24], еще больше до вершины Адриатического моря; потом ту часть всего пути до Столбов, которая идет от Пелопоннеса до Сицилийского пролива, он определил в три тысячи, так что на расстояние от этого пролива до Столбов остается всего семь тысяч стадий. Далее, Полибий объясняет, что для него безразлично, правильно ли взяты первые три тысячи стадий или неправильно; семь тысяч — цифра во всяком случае неверная, измерять ли расстояние вдоль морского берега или по линии, проведенной через середину моря. Дело в том, что береговая линия имеет скорее всего вид тупого угла, который сторонами своими упирается в Сицилийский пролив и Геракловы Столбы, а вершину имеет в Нарбоне[25]; таким образом получается треугольник, основанием которого служит проведенная через море прямая, боковыми сторонами — стороны только что поименованного тупого угла. Одна из этих линий, что идет от пролива до Нарбона, содержит в себе больше одиннадцати тысяч двухсот стадий, а другая немного меньше восьми тысяч. Кроме того, наибольшее расстояние между Европой и Ливией через Тирренское море определяется единогласно не более как в три тысячи ста-

---

* *Strabon.* II 1 24. 25.

** 250 миль.

дий; оно еще меньше через Сардинское море. Впрочем, продолжает он, допустим три тысячи стадий и на это последнее расстояние. Но при этом необходимо заранее положить две тысячи стадий на глубину Нарбонского залива, как бы на ту вертикальную линию, которая опущена от вершины тупоугольного треугольника на его основание. Итак, говорит Полибий, для всякого измеряющего очевидно, хотя бы то был школьник[26], что вся береговая линия от пролива до Столбов длиннее прямой линии через середину моря стадий на пятьсот по наибольшей мере. Если к этому протяжению прибавить три тысячи стадий от Пелопоннеса до пролива, то общее число стадий, только на протяжении прямой линии, получится вдвое с лишним против того, какое назначил Дикеарх. Еще больше, заключает Полибий, нужно будет положить согласно Дикеарху на расстояние до вершины Адриатического моря.

Однако, друг мой Полибий, вправе сказать каждый, если ошибочность измерений Дикеарха изобличается со всей очевидностью при помощи твоих же расчетов, когда от Пелопоннеса до Левкады ты полагаешь семьсот стадий, столько же на расстояние от Левкады до Керкиры и потом от Керкиры до Керавнских гор и направо до Япигии, длину иллирийского берега от Керавнских гор определяешь в шесть тысяч сто пятьдесят стадий, то в такой же мере ошибочны и те два определения: одно — Дикеархово, по которому от пролива до Столбов семь тысяч стадий, и другое — твое собственное, которое ты принимаешь за доказанное.

...Да разве не вправе сказать каждый, что в пустой болтовне Эратосфен[27] оставил бы за собой самого Антифана[28] бергейца, и что для всех последующих писателей он сделал невозможным превзойти его в глупости? (*Страбон, О добродетелях и пороках*).

7. Поправки Полибия к измерениям Эратосфена и ошибки самого Полибия. ...Вслед за сим Полибий исправляет измерения Эратосфена в одних случаях удачно, в других впадая в еще большие ошибки. Так, Эратосфен насчитывает от Итаки[29] до Коркиры триста стадий, а по словам Полибия здесь больше десятисот; от Эпидамна до Фессалоникии тот считает девятьсот стадий, а этот больше двух тысяч. В обоих случаях прав Полибий. Но он ошибается, когда от Массалии[30] до Столбов считает больше девяти тысяч стадий, а от Пирены немно-

го меньше восьми тысяч, тогда как по измерению Эратосфена от Массалии до Столбов семь тысяч стадий; определение этого последнего ближе к истине, ибо по единогласному свидетельству современников наших вся Иберия, если исключить неровности почвы, имеет в длину от Пирены до западной окраины не больше шести тысяч стадий. Между тем Полибий определяет длину только реки Тага от истоков до устья в семь тысяч стадий, не считая, конечно, изгибов реки, которые не входят в расчеты географов, но по прямой линии; да еще от истоков Тага до Пирены больше тысячи стадий. Зато снова Полибий прав, когда говорит, что Эратосфен не знает Иберии и что вследствие этого в его суждениях попадаются там и сям противоречия. Так, например, сказав, что часть Иберии со стороны океана заселена галатами, тем более что галаты занимают западные страны Европы до Столбов, Эратосфен в своем описании Иберии нигде не упоминает о галатах, забыв собственное сообщение. Напротив, высказывая ту мысль, что Европа по длине своей меньше Ливии и Азии взятых вместе, Полибий делает неверное исчисление. Так, он уверяет, что устье океана у Столбов открывается к равноденственному западу, а Танаис течет от летнего востока. Таким образом, Европа короче Ливии и Азии вместе взятых на все расстояние между летним востоком и экватором, ибо эту часть северного полукружия до летнего востока захватывает Азия.

Полибий о южных оконечностях Европы. ...Европа кончается несколькими мысами, и хотя Полибий говорит о них правильнее, нежели Эратосфен, все-таки не совсем удовлетворительно. Так, Эратосфен[31] называет три остроконечности, из коих одна, — на ней лежит Иберия, — простирается до Столбов; другая, на которой находится Италия, доходит до Сицилийского пролива; третья — до Малей, которую занимают все народы между Адриатикой, Эвксинским понтом и Танаисом. Что касается Полибия, то два первых мыса он определяет так же, как и Эратосфен, третьим называет тот, который кончается у Малей и Суния[32] и на котором находится вся Эллада, Иллирия и некоторые части Фракии; четвертым называет тот мыс, который кончается Фракийским Херсонесом, у которого пролив между Сестом и Абисом, а занимают его фракийцы; наконец, пятый доходит до Киммерийского Боспора и устья Меотиды (*Страбон*).

8. Естественные богатства Луситании. ...Мегалополец Полибий, в тридцать четвертой книге своей истории сообщая о Луситании[33], что в Иберии, говорит, что там глубоко в море растут дубы[34], желудями которых кормятся и упитываются тунцы. Вот почему можно сказать, не впадая в ошибку, что тунцы — морские свиньи[35], ибо тунцы, как и свиньи, тучнеют от желудей.

...По словам Полибия, волна заносит эти желуди до самого Лациума, если только, как говорит он, не доставляет их остров Сардиния и соседние земли (*Афиней, Страбон*).

...Рассказывая о благосостоянии Луситании, — область эта принадлежит к Иберии, именуемой у римлян Спанией[36], — мегалополец Полибий в тридцать четвертой книге своей истории сообщает, что благодаря прекрасному климату животные здесь и люди многоплодны, а плоды растений никогда не портятся. Розы, левкои, спаржа и тому подобные растения цветут здесь в течение не трех месяцев, но дольше; а что касается океанийской рыбы, то по изобилию, доброкачественности и красоте она далеко превосходит ту, что доставляется нашим морем*. Потом сицилийский медимн ячменя стоит там одну драхму, а медимн пшеницы девять александрийских оболов. Метрит вина стоит драхму, средней величины козленок или заяц — обол; цена ягнят — от трех до четырех оболов за голову; тучная свинья весом в сто мин стоит пять драхм, а овца две; талант смокв — три обола, теленок — пять драхм, рабочий вол — десять**. Мясо диких животных почти вовсе не ценится и идет в даровую прибавку при покупке другого товара (*Афиней*).

9. Бетика, ее жители и естественные богатства. ...Жителей Бетики[37] называют и турдетанами, и турдулами; по мнению одних, оба имени принадлежат одному и тому же народу, по мнению других, — разным; в числе сих последних и Полибий, по словам которого турдулы — северные соседи турдетанов.

...Последствиями богатства страны явились у турдетанов мягкость нравов и успехи гражданственности[38], равно и у кельтиков[39] благодаря соседству их с турдетанами, как говорит Полибий.

---

* Средиземное море.

** Обол = 4 1/3, в драхме 6 оболов. Талант веса = 26,20 кг; в таланте 60 мин.

...Дикеарх, Эратосфен, Полибий и очень многие из эллинов помещают Столбы[40] в проливе.

Замечательный источник в Гадейрах. ...По словам Полибия, в Геракловом капище, что в Гадейрах, есть источник, где спуск в несколько ступенек ведет к годной для питья воде. Уровень воды в источнике бывает в обратном отношении к морским приливам и отливам, так что во время приливов вода в источнике убывает, а во время отливов прибывает. Объясняется это тем, что волна, заливая землю во время подъемов воды в море, закрывает тому ветру, который из глубины источника устремляется на поверхность, доступ к его обычным выходам; тогда ветер возвращается внутрь, закрывает водяные пути источника и тем производит убыль воды. Напротив, лишь только земля обнажится, ветер, выходя прямо наружу, открывает жилы источника, и тогда вода бьет ключом в изобилии.

...Упомянув о серебряных рудниках близ Нового Карфагена[41], Полибий прибавляет, что они весьма обширны, отстоят от города стадий на двадцать и занимают пространство в четыреста стадий в окружности, что в них работало постоянно сорок тысяч человек, которые в это время доставляли ежедневно римскому народу двадцать пять тысяч драхм. О разработке рудников я умалчиваю, так как пришлось бы говорить долго. Но по словам Полибия, извлеченный ком земли с содержанием серебра раздробляют и через сита просевают над водой, осадок снова раздробляют, просевают вторично и засим, спустив воду, раздробляют снова. Только пятый осадок плавят и, очистив его на огне от свинца, получают чистое серебро.

...Полибий утверждает, что Ана[42] и Бетий[43] вытекают из Кельтиберии на расстоянии одна от другой стадий на девятьсот.

...Обозрев народы ваккеев[44] и кельтиберов и занимаемые ими страны, Полибий сопричисляет к их городам Сегесаму[45] и Интеркатию.

...Полибий описывает устройство и великолепие жилища некоего иберского царя, который, по его словам, мог бы поспорить в роскоши с феаками[46]; у него одного посреди дома стояли серебряные и золотые чаши, наполненные ячменным вином (*Страбон, Афиней*).

10. Ископаемые рыбы на равнине к северу от Пиринеев. ...В тридцать четвертой книге своей истории Полибий рас-

сказывает, что за Пиреною до реки Нарбона простирается равнина, орошаемая реками Иллеберием[47] и Роскином, которыми омываются города с теми же наименованиями и с кельтским населением. На этой равнине есть так называемые ископаемые рыбы[48]. Почва ее состоит из тонкого слоя земли, на котором в изобилии произрастает пырей. Под растительностью в песчаный слой в два-три локтя толщиной протекает вода, разливающаяся из рек; с нею вместе через водостоки проникают под землю и рыбы в поисках за пищей, ибо корни пырея составляют любимую их пищу; через это вся равнина преизобилует ископаемой рыбой, которую тамошние жители выкапывают и забирают (*там же*).

Реки Галлии. ...Что касается Родана, то Полибий уличает Тимея в ошибке и говорит, что река имеет два устья, а не пять.

...Лигер[49] изливается между пиктонами и намнитами. Некогда на этой реке лежало торжище Корбилон[50], о котором говорит Полибий, когда упоминает об измышлениях Пифея. Никто из массалиетов, рассказывает Полибий, на расспросы Сципиона, к ним обращавшегося, не мог сообщить ничего достопримечательного о Британнии, равно как и никто из жителей Нарбона или Корбилона, наилучших городов в этой стране, только Пифей отваживался на такую ложь.

Лось. ...По словам Полибия, в Альпах водится также какое-то особенного вида животное[51], похожее на оленя, но с шеей и шерстью, напоминающими вепря; ниже подбородка оно имеет покрытое на конце волосами мясцо вышиною в пядень и толщиною в хвост жеребенка.

Золотые россыпи в Норике. ...Еще в его время, говорит Полибий, в земле таврисков[52] и нориков, вблизи Аквилеи[53], открыты столь богатые золотые россыпи, что достаточно было углубиться фута на два от поверхности земли, чтобы тотчас напасть на золото; впрочем золотоносная мина имела не больше пятнадцати футов. Некоторая часть золота находима там в чистом виде, в кусочках величиной с полевой или волчий боб, которые на огне теряют только восьмую долю объема; другая часть требует более продолжительного плавления, но и она очень прибыльна. Одно время италийцы в течение двух месяцев работали в россыпях вместе с варварами, и золото немедленно по всей Италии упало в цене на одну треть. Когда таврискн это заметили, то прогнали товарищей и вели торговлю одни.

Альпы по сравнению с важнейшими горами Эллады и Фракии. ...Говоря о протяжении и высоте Альп, Полибий сопоставляет с ними важнейшие горы Эллады: Тайгет[54], Ликей, Парнас, Олимп, Пелий, Оссу, а из Фракийских гем — Родопу[55], Дунак, утверждая при этом, что быстрый пешеход мог бы взойти на каждую из этих гор чуть не в один день и в такое же время каждую из них мог бы обойти кругом, тогда как для восхождения на Альпы мало и пяти дней; тянутся они вдоль равнины на расстоянии двух тысяч двухсот стадий. Полибий называет только четыре перевала: один[56] через землю лигиев у самого Тирренского моря, другой, выбранный Ганнибалом, идущий через владения таврисков, третий — через земли салассов и, наконец, четвертый — через Ретию; все перевалы обрывисты. Есть в этих горах, продолжает Полибий, и несколько озер, в том числе три больших; из них Бенак[57] имеет пятьсот стадий длины и сто тридцать ширины, и из него вытекает река Минкий. Следующее озеро Ларий[58] длиной в четыреста стадий и у́же предыдущего, питает собой реку Адую. Третье — Вербон[59] длиною стадий в триста и в тридцать шириною; из него вытекает большая река Тикин (*Страбон*).

11. Италия. Капуанский виноград. ...По словам Полибия, в Капуе растет превосходный виноград, именуемый анаденд-ритом[60] — древесным, с которым не может равняться никакой другой (*Афиней*).

Меры расстояний. ...Полибий говорит, что морской берег от Япигии[61] до пролива имеет, наверное, если идти по суше, три тысячи стадий и омывается Сицилийским морем; водный путь меньше на пятьсот стадий.

Тирренния. ...За наибольшую долготу Тиррении принимают морское побережье от Лупы до Остий[62] тысячи в две с половиною стадий. <...> Полибий назначает неверно тысячу триста тридцать стадий всего (*Страбон*).

...В тридцать четвертой книге Полибий замечает, что Эфалией[63] называется Лемнос (*Стеф. Визант.*).

Кампания. ...Залив между двумя мысами, Мисеном[64] и Афинским, называют Кратером. Над этими берегами простирается вся Кампания[65], благодатнейшая из равнин. <...> По словам Антиоха[66], страну эту заняли некогда опики, которые будто бы называются еще авсонами[67]. Однако Полибий раз-

личает под этими именами два народа, когда пишет, что прилегающую к Кратеру область занимают опики и авсоны.

Умбрия. ...Полибий говорит, что побережье от Япигии измеряется на мили[68], и что до города Сены[69] насчитывается пятьсот шестьдесят две мили, а оттуда до Аквилеи сто семьдесят восемь.

Бруттий. ...За мысами япигов следует Лакиний[70], капище Геры, некогда богатое и наполненное множеством посвященных богине предметов. Расстояния по морю не определены с точностью; только на расстояние от пролива до Лакиния Полибий полагает приблизительно тысячу триста стадий, а оттуда до мыса Япигии семьсот.

Липарские острова. ...По словам Полибия, одно из трех жерл на Гиере[71] частью обрушилось, прочие сохранились в целости, причем наибольшее из них имеет у краев пять стадий в окружности, но книзу мало-помалу суживается до пятидесяти футов в поперечнике; оттуда глубина кратера до моря одна стадия, так что в тихую погоду можно видеть море, стоя у жерла. Когда ожидается южный ветер, то, говорит Полибий, вокруг островка распространяется густой туман и мрак, так что даже Сицилии не видно вдали. Напротив, при северном ветре поднимается из отверстия яркое пламя и слышен бывает сильнейший шум. Перед наступлением западного ветра жерло находится в среднем состоянии. Прочие жерла по виду похожи на только что описанное, но уступают ему по силе извержений. По силе шума, а также по тому месту, где начинаются извержения, пламя и дым, можно за три дня предсказать, какой подует ветер. По крайней мере кое-кто из липарцев при затишье предсказывал, что будет ветер, — и не ошибался. Вот почему то, что кажется нам в словах Гомера чистейшей басней, на самом деле не выдумка и содержит в себе намек на действительность, именно, когда Гомер называет Эола хозяином ветров* (*Страбон*).

12. ...От Аполлонии ведет в Македонию Игнатиева дорога[72] в направлении к востоку, размеренная в милях, которые обозначены столбами до Кипсел[73] и реки Гебра. Миль в ней пятьсот тридцать пять, что составляет четыре тысячи двести восемьдесят стадий, если на милю полагать восемь стадий, как

---

* *Гомер.* Одиссея. X 21.

принимают обыкновенно. Если же вслед за Полибием к каждым восьми стадиям мы будем прибавлять по два плефра*, то есть треть стадии, то придется набавить еще сто семьдесят восемь стадий, третью часть общего числа миль. Выходит так, что путники из Аполлонии и Эпидамна проходят одинаковые расстояния для того, чтобы встретиться на этой самой дороге. Вся дорога называется Игнатиевой. Первая часть ее та, что доходит до Кандавии[74], иллирийской горы, ведет через город Лихнид и Пилон, пограничную местность на этой дороге между Иллирией и Македонией. Оттуда дорога идет мимо Барнунта[75] через Гераклею, земли линкестов и эордов[76] в Эдессу и Пеллу до Фессалоникии. По словам Полибия, протяжение этой дороги двести шестьдесят семь стадий.

...От Перинфа[77] до Византия шестьсот тридцать стадий, от Гебра и Кипсел в Византии и до Кианей[78] три тысячи сто по определению Артемидора[79]; всего длины от Ионийского залива, где город Аполлония, до Византия семь тысяч триста двадцать стадий; к этому числу Полибий[80] прибавляет еще сто восемьдесят стадий, к восьми стадиям каждой мили прибавляя треть стадии.

Окружность Пелопоннеса. ...Пелопоннес имеет в окружности, если не считать заливов, четыре тысячи стадий, как полагает Полибий.

Расстояние от Малеи до Истра. ...Определение Полибия, согласно которому от Малеи на север до Истра около десяти тысяч стадий, исправляется удачно Артемидором. <...> По Артемидору от Истра до Малеи насчитывается шесть тысяч пятьсот стадий. Ошибка Полибия произошла от того, что он измерял не кратчайшее расстояние, но взятый наугад путь, которым ходил какой-нибудь военачальник (*Страбон*).

13. Показания о местностях Азии. ...Местности, лежащие на одной линии с только что упомянутыми до Индии, показаны одинаково у Артемидора и Эратосфена. По словам Полибия, особенного доверия заслуживают показания об этих местностях Эратосфена (*там же*).

14. Печальное положение дел в Александрии. ...Полибий, сам побывавший в этом городе**, говорит о тогдашнем

---

* Префр = 100 ф. = 1/6 стадии.
** В Александрии в Египте.

его состоянии с презрением, и различает там три класса населения: один из них составляют туземцы-египтяне, деятельные и общительные; другой состоял из наемников, народа тупого, многолюдного и грубого; в Египте издавна было обыкновение содержать иноземных солдат, которые благодаря ничтожеству царей научались больше командовать, чем повиноваться. Третий класс составляли александрийцы, которые точно так же и по тем же самым причинам не отличались большою любовью к гражданскому порядку, но все-таки были лучше наемных солдат. Александрийцы искони были эллины и, хотя смешались с другими народностями, памятовали, однако, общеэллинские правила поведения. Когда и этот класс был истреблен, главным образом по распоряжению Эвергета Фискона во время посещения Александрии Полибием, — много раз Фискон, теснимый народными волнениями, отдавал народ на жертву солдатам и истреблял его, — при виде столь печального положения государства, говорит Полибий, оставалось повторить правдивое изречение поэта:

Длинным и трудным путем возвращался в Египет*[81]

15. Ширина Европы. ...Ширину Европы от Италии до океана Полибий определил в тысячу сто пятьдесят миль**[82], когда еще не известно было пространство Европы. Ширина самой Италии, как мы сказали, до Альп тысяча двадцать миль, отсюда через Лугдун[83] до британской гавани моринов[84] тысяча сто шестьдесят девять миль, в каковом направлении, кажется, производил свои измерения Полибий.

Длина Средиземного моря. ...От Гадитанского пролива[85] по прямому направлению до устья Меотиды Полибий определяет длину Европы в три тысячи четыреста тридцать семь миль пятьсот шагов; от того же пункта в прямом направлении на восток до Сицилии он считает тысячу двести пятьдесят миль; от Сицилии до Крита триста семьдесят пять; от Крита до Родоса сто восемьдесят семь миль пятьсот шагов; такое же расстояние от Родоса до Хелидоний[86]; отсюда до Кипра двести двадцать пять миль; от Кипра до Селевкии Пиерийской, что в

---

* *Гомер*. Одиссея. IV 48 3.
** 9,200 стадий.

Сирии, сто пятнадцать миль. Все это составляет две тысячи триста сорок миль.

Гадейры. ...У самой оконечности Бетики, на расстоянии двадцати пяти миль от входа в пролив, лежат Гадейры[87], длиною, как пишет Полибий, в двенадцать миль, шириною в три мили. Ближайшее расстояние его от материка меньше семисот футов, а в других местах больше семи миль; пространство самого острова пятнадцать миль.

...Море по ту сторону Сицилии вблизи саллентинов[88] Полибий называет Авсонским.

Расстояние между Боспорами и другие. ...Между двумя Боспорами[89]: Фракийским и Киммерийским, по прямому направлению, как считает Полибий, пятьсот миль.

...Агриппа[90] определяет длину всей Африки от Атлантического моря, включая сюда и нижний Египет, в три тысячи миль, Полибий и Эратосфен, слывущие за добросовестных писателей, определяют ее, считая от Океана до великого Карфагена, в тысячу сто миль, от Карфагена до Канопа, ближайшего устья Нила, в тысячу пятьсот двадцать восемь миль.

Полибий объехал часть Африки по поручению Сципиона. ...В то время как Сципион Эмилиан вел войну в Африке, историк Полибий получил от него флот, чтобы объехать кругом и исследовать эту часть земли. По его словам, к западу от горы Атланта[91] тянутся горы, изобилующие зверями, каких производит Африка, на четыреста девяносто шесть миль до реки Анатиды.

...От Карфагена до ближайшего Сиртиса меньше, Полибий считает триста миль; самый вход в него имеет сто миль, а окружность триста.

...У крайней оконечности Мавретании[92], напротив горы Атланта, лежит, по словам Полибия, Керна[93] в восьми стадиях от суши (*Плиний*).

16. Зубы слонов в Африке. ...В храмах* можно видеть зубы слонов замечательной величины. Однако в крайних частях Африки, где она граничит уже с Эфиопией, зубы употребляются даже для дверных косяков в жилищах, а также вместо кольев для заборов в жилищах и в закутах для скота. Так передает Полибий со слов царька Гулусы.

---

* Мавретании.

17. Нападение львов на людей. ...Полибий, спутник Эмилиана, сообщает, что львы в старости нападают на людей, потому что не имеют уже силы для преследования диких зверей. Тогда они берут города в осаду, и Полибий вместе с Эмилианом видел, как львы были пригвождены к крестам, дабы страхом подобной казни удерживать прочих львов от нападений.

...Трог рассказывает, что подле Ликии в открытом море водятся нежнейшие губки, которые, по словам Полибия, будучи повешены над больным, приносят ему ночью успокоение (*там же*).

КНИГА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Огненная война римлян с кельтиберами (1). Посольства в сенате от беллов и титтов, от араваков (2). Сенат решил продолжать войну в Иберии и заменить Марцелла другим военачальником (3). Храбрость кельтиберов: робость римской молодежи: отвага Публия Корнелия Сципиона, который вызвался идти в Иберию (4). Единоборство Сципиона с кельтибером (5). Ссыльные ахейцы получили разрешение возвратиться домой (6).

1. Огненная война римлян с кельтиберами. ...Огненную войну начали римляне с кельтиберами: так необычны были ход этой войны и непрерывность самых сражений. Действительно, в Элладе или в Азии ведомые войны кончаются, можно сказать, одной, редко двумя битвами, и самые битвы решаются одним моментом первого набега или схваткой воюющих. В войне с кельтиберами все было наоборот. Обыкновенно только ночь полагала конец битве, ибо люди старались не поддаваться усталости, не падали духом, не слабели телом, но всегда с новой отвагой шли на врага и опять начинали битву. Зима не только не прерывала войны в ее целом, она едва ли даже нарушала последовательность открытых сражений. Вообще, если кто хочет представить себе огненную войну, пускай вспомнит только войну с кельтиберами (*Свида*).

2. Посольство кельтиберов в Риме. ...По заключении перемирия с римским военачальником Марком Клавдием* и по отправке в Рим[1] послов кельтиберы в ожидании решения сената приостановили военные действия. Со своей стороны Марк

---

* Марк Клавдий Марцелл, консул 602 г. от основания Рима.

повел войско на тританов и, взяв приступом город Неркобри-
ку[2], расположился на зимовку в Кордубе[3]. По прибытии по-
сольств римляне немедленно допустили в город всех послов от
беллов и титтов[4], как народов, державших сторону римлян;
напротив, послам от араваков, как народа вражеского, они при-
казали оставаться по ту сторону Тибра, пока не будет принято
относительно их окончательное решение. Когда настало время
приема, городской претор ввел в сенат прежде всего союзни-
ков[5]. Послы, хотя и варвары, говорили складно и старались дать
ясное понятие о внутренних раздорах. Они внушали римлянам,
что, народы, поднявшие войну, если только не будут приведе-
ны к повиновению и не понесут должного наказания, по удале-
нии римских войск из Иберии не замедлят отмстить им, римс-
ким союзникам, как предателям, что они вскоре опять подни-
мут возмущение, если только первая вина их пройдет безнака-
занно, что при этом всех жителей Иберии они легко привлекут
к восстанию тем, что покажут себя равносильными противни-
ками римлян. Вот почему послы эти просили римлян или оста-
вить войска в Иберии и ежегодно отправлять туда консула, ко-
торый бы оказывал покровительство союзникам и карал ара-
ваков за их неправды, или же, если они хотят увести войска свои
обратно, подавить восстание араваков с примерною строгос-
тью, дабы впредь никто больше не отваживался на такие дея-
ния. Вот в каком смысле говорили послы находившихся в со-
юзе с римлянами беллов и титтов. После них введены были в
сенат послы от врагов римлян. Представ перед сенатом, арава-
ки в ответных речах держали себя робко и приниженно, хотя
действительное настроение, насколько оно проявлялось, не
обличало в них ни покорности судьбе, ни смирения. Так, много
раз они выставляли на вид неисповедимость судьбы, изобра-
жали предшествовавшие битвы нерешительными, причем, од-
нако, перевес храбрости во всех битвах оказывался на их сто-
роне. Заключение речей было таково: если за свою ошибку они
должны понести положенную кару, то принимают ее безропот-
но, и тут же просили сенат, когда воля его будет исполнена, воз-
вратить их в то состояние, которое было установлено догово-
ром с сенатом при Тиберии[6].

3. Сенат решил продолжать войну с заменой Марцелла другим военачальником. Сенаторы выслушали оба посоль-
ства и приказали ввести послов от Марцелла. Так как они ви-

дели, что послы[7] тоже склоняются к прекращению войны и что консул охотнее присоединяется к голосу врагов, нежели союзников, то отвечали аравакам и союзникам, что Марцелл объявит волю сената обеим сторонам в Иберии. Сами же сенаторы были того убеждения, что правда и собственные выгоды римлян на стороне союзников, что араваки преисполнены непомерной гордостью и что консул робеет перед войной. Посему через послов Марцелла они отправили тайный приказ сему последнему продолжать войну с мужеством, достойным отечества. Война, таким образом, была возобновлена, но из недоверия к Марцеллу сенаторы прежде всего решили отправить в Иберию другого военачальника: к тому времени уже выбраны были и вступили в должность новые консулы, Авл Постумий[8] и Луций Лициний Лукулл. Потом сенаторы со всем старанием и не щадя средств занялись приготовлениями к войне, ибо рассчитывали, что она решит судьбу Иберии, что с поражением неприятеля все тамошние народы будут покорно исполнять волю римлян; если же, напротив, римляне уклонятся от настоящей войны, то воспрянут духом не одни араваки, но и все прочие народы.

4. Неблагоприятный для римлян оборот войны в Иберии. Робость римлян. Однако чем ревностнее отдавался сенат войне, тем неожиданнее были для него события этой войны. Так, Квинт*[9], военачальник предшествующего года в Иберии, и его соучастник в войне доставили в Рим известия о непрерывных сражениях, об огромных потерях убитыми и о храбрости кельтиберов; в то же время Марцелл не скрывал своей робости перед войной, так что молодежью овладел необычайный страх, какого, говорили старики, они не запомнят. И в самом деле, страх доходил до того, что на должность военных трибунов не объявлялось достаточного числа кандидатов и некоторые места остались незанятыми[10], тогда как раньше желающих занять эту должность являлось в несколько раз больше, чем сколько требовалось: равным образом выбираемые консулами легаты, которые должны были сопровождать военачальника, отказывались следовать за ним. Самое худшее было, однако, то, что молодежь уклонялась от военной службы под такими предлогами, которые стыдно было бы назвать,

---

* Квинт Фульвий Нобилиор.

непристойно проверять и невозможно опровергать. **Отвага Публия Корнелия Сципиона.** Когда сенат и власти недоумевали, чем может кончиться позорное поведение юношества, — другого названия они не могли и приложить к нему, — Публий Корнелий*, который, как было известно, невзирая на молодость подавал голос за войну, которого единодушно превозносили за благородство характера и рассудительность и которому недоставало только славы храброго человека, выступил теперь при виде затруднительного положения сената с просьбою отправить его в Иберию в звании ли трибуна, или легата, выражая одинаковую готовность принять на себя ту или другую обязанность. «Правда, — говорил он, — для меня лично было бы безопаснее и выгоднее идти в Македонию», — случилось так, что в это время македоняне[11] звали именно Сципиона к себе для улажения их внутренних распрей, — «однако, — продолжал он, — нужды отечества значат больше, и всякого, жаждущего славы, они призывают в Иберию». Всех изумило это предложение, исходившее от гражданина юного и обыкновенно сдержанного; велико было восхищение Сципионом и в то время, но с каждым днем оно становилось все больше. И действительно, молодые люди, робевшие раньше, теперь из боязни невыгодного сопоставления одни спешили предлагать свои услуги военачальникам в звании легатов, другие целыми толпами и товариществами записывались в военную службу (*О посольствах*).

5. Единоборство Сципиона с кельтибером. ...И страстно хотел Сципион, и боялся сразиться с варваром и вступить в единоборство с ним[12].

...Конь под Сципионом зашатался от полученной раны, но не опрокинулся совсем; почему Сципион, соскочив с коня на землю, остался на ногах (*Свида*).

6. Ахейские ссыльные возвращены на родину. ...Сципион**[13] ради Полибия просил Катона за ахейских ссыльных, и когда в сенате поднялись оживленные прения, причем одни предлагали разрешить сосланным возвратиться домой, другие противились предложению, выступил Катон со следующими словами: «Как будто не зная, чем заняться, сидим мы целый день и рассуждаем о том, наши ли могильщики или ахей-

---

* Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший.
** Сципион Эмилиан, друг автора.

ские погребут греческих старцев». Несколько дней спустя после того, как решено было предоставить ахейцам возвратиться на родину, Полибий и друзья его вознамерились было обратиться к сенату с просьбою, чтобы изгнанникам возвращены были и те отличия, какие имели они раньше в Ахае, но прежде спросили о том Катона. Тот улыбнулся и сказал, что Полибий, подобно Одиссею, хочет возвратиться в пещеру киклопа, чтобы взять еще оттуда забытую шляпу и пояс.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Объяснения автора по поводу речей в его сочинении (1). Решимость римлян начать третью карфагенскую войну (2). Тревога карфагенян, когда Утика отдалась римлянам; посольство от карфагенян в Рим; передача Карфагена попечению римлян; смысл этого выражения; условия передачи, объявленные консулом; тревога в Карфагене (3–4). Речь Магона о необходимости покориться условиям римлян; отправка заложников в Лилибей (5). Условия мира, объявленные консулами римским уполномоченным (6). Отчаяние карфагенян, когда известны стали требования римлян (7). Последнее сопротивление карфагенян римлянам (8).

1. Объяснения автора по вопросу о речах в его истории. ...Наверное, кое-кто задает себе вопрос, почему при изложении предмета столь важного и деяния судьбы столь многозначительного мы не пользуемся случаем и не сообщаем ради вящей занимательности обоюдосторонних речей: так по крайней мере поступают весьма многие историки, когда передают произнесенные в действительности речи словами той и другой стороны. Что такого средства изложения и я не отвергаю, это доказывается несколькими местами моей истории, в которых неоднократно сообщал я произнесенные перед народом речи и объяснения государственных людей; но теперь же будет выяснено, почему я не намерен поступать таким образом при всяком случае. В самом деле, трудно отыскать другой предмет истории замечательный в такой же мере, как наш, столь же богатый содержанием и блестящий. Мало того: для меня самого не было бы ничего легче, как изукрасить рассказ таким

образом. Однако я полагаю, что как государственным людям не подобает по всякому обсуждаемому делу проявлять многословие и произносить пространные речи, но каждый раз следует говорить в меру, соответственно данному положению, так точно и историку не подобает наскучивать читателям и выставлять напоказ собственное искусство, но следует довольствоваться точным по возможности сообщением того, что было действительно произнесено, да и из сего последнего существеннейшее и наиболее полезное (*Сокращение ватиканское*).

2. Решимость римлян начать третью карфагенскую войну. ...Так как отдельные граждане давно[1] и твердо приняли такое решение*, то оставалось только выждать удобного момента и подыскать благовидный для других предлог[2]. Совершенно правильно римляне придавали этому последнему обстоятельству большую важность. Ибо, по словам Деметрия**, если народы причину войны считают законной, то тем большее значение получают победы и тем малозначительнее становятся поражения; последствия получаются обратные, когда причину войны признают бесчестной или незаконной. Вот почему и в это время мысль о войне едва не была покинута совсем, ибо римляне не приходили к соглашению относительно того, как посмотрят на войну другие народы (*там же*).

3. Тревога карфагенян, когда Утика сдалась римлянам. ...Долго совещались карфагеняне о том, как поступить после ответа римлян[3], и ими овладело полнейшее отчаяние, когда жители Утики[4] передали свой город римлянам и тем расстроили их собственный план. И в самом деле, карфагеняне питали единственную надежду на то, что дадут римлянам полное удовлетворение, если предоставят свою участь на их усмотрение, ибо никогда, даже в годины величайших бедствий, когда победоносный неприятель стоял под городскими стенами, они не отдавали родной земли на усмотрение неприятеля; и в этой-то решимости предупредили их жители Утики, чем отняли у них выгоды задуманного деяния: теперь, если они повторят сделанное утиканами, то римляне не усмотрят в этом шаге ничего необычайного и поразительного. Во всяком случае им оставалось выбирать из двух зол одно: или мужественно при-

---

* Воевать с Карфагеном.
** Деметрий Фалерский. X 24 7.

нять войну, или отдать себя на усмотрение римлян. В закрытом заседании, после продолжительных оживленных прений, сенаторы избрали послов с неограниченными полномочиями, а при отправлении их в Рим наказывали сообразоваться с настоящим положением дел и поступить так, как потребуют того, по их убеждению, выгоды отечества[5]. В послы были выбраны: Гискон, по прозванию Стритан, Гамилькар, Мисдес, Гиллимар, Магон. Послы от карфагенян прибыли в Рим, когда война была уже решена и когда консулы* с войсками вышли из города, а потому за недостатком времени послы не рассуждали более и предоставили свое отечество римлянам на усмотрение.

4. Что значит выражение «отдать себя усмотрению римлян». Хотя раньше мы и сказали, что значит передача на усмотрение, но и теперь необходимо напомнить об этом вкратце. Народ, предоставляющий себя усмотрению римлян, прежде всего отдает им занимаемую страну с находящимися в ней городами, вместе с тем все мужское и женское население, какое живет на этой земле и в этих городах, равным образом реки, гавани, святилища, могилы, словом, римляне становятся владыками всего, а отдающие себя на их усмотрение не оставляют в своем обладании решительно ничего.

Передача карфагенян усмотрению римлян. Когда карфагеняне сделали такое заявление и вскоре засим были позваны в сенат, претор объявил волю сенаторов, что во внимание к мудрому их решению сенат предоставляет им свободу и самоуправление, всю страну и обладание всем прочим достоянием государственным и частным. Карфагеняне выслушали эти слова с радостью, полагая, что сенат, оставляя за ними нужнейшие и важнейшие предметы, поступил с ними милостиво в такое время, когда карфагенянам предстояло выбирать одно из двух зол. Но когда вслед за сим претор объявил, что карфагеняне получат сии милости в том случае, если в течение тридцати дней доставят в Лилибей триста заложников, сыновей сенаторов и старейшин, и если покорятся требованиям консулов, послы некоторое время недоумевали, какого рода могут быть требования консулов[6]. Во всяком случае они немедленно отправились в обратный путь, чтобы возможно скорее сообщить родному городу полученный ответ. По при-

---

* Маний Манилий и Луций Марций Цензорин.

бытии в Карфаген послы подробно объяснили гражданам волю римлян. Образ действий послов карфагеняне находили правильным во всем; сильно смущало их только и повергало в мучительную тревогу умолчание о городе.

5. Речь Магона в Карфагене. В это время, как рассказывают, Магон Бруттиец[7] произнес следующую речь. «У карфагенян, — говорил он, — было, кажется, два момента для размышлений о себе и о своем отечестве; один из них уже пропущен. Так, уверяю вас, не время теперь гадать о том, чего от вас могут потребовать консулы или почему сенат совсем умолчал о городе: думать об этом нужно было тогда, когда кафрагеняне отдавали себя на усмотрение римлян. По совершении передачи следует твердо памятовать, что всякое требование должно быть исполнено, если только оно не чрезмерно сурово и необычайно. Раз только не согласны на это карфагеняне, необходимо обсудить снова, жалательно ли вовлечь страну в новую войну и претерпеть все беды, какие только она с собою принести может, или же из боязни вражеского нашествия исполнить покорно всякое требование». **Отправка заложников в Лилибей.** Устрашенные близостью войны и неизвестностью ее исхода, все склонялись к покорности, и потому решено было отправить заложников в Лилибей. Тотчас выбрали они триста юношей, которые и были отправлены среди воплей и рыданий, потому что каждого провожали друзья и родные; больше всего женщины разжигали это горестное настроение[8]. По доставке в Лилибей заложники были немедленно переданы консулами Квинту Фабию Максиму, который в должности претора управлял в это время Сицилией. Он переправил их благополучно в Рим, где они и были заключены все вместе в доки шестнадцатипалубника[9].

6. Консулы объявили карфагенским уполномоченным условия мира. Заложники были уже в заключении, когда консулы пристали к кремлю Утики. Слух об этом дошел до карфагенян, и неизвестность ближайшего будущего[10] повергла город в состояние тревоги и сильнейшего страха. Тем не менее постановлено было отправить послов осведомиться у консулов, что обязаны сделать карфагеняне, и объявить, что все они готовы исполнить всякое требование. Когда послы явились в римскую стоянку, и ради их собран был военный совет, они изложили, что было им поручено. Старший возрастом из консулов[11] похвалил настроение карфагенян, но засим предложил

им выдать без хитрости и обмана все вооружение и метательные снаряды[12]. Послы обещали, что требование будет исполнено, но просили принять во внимание возможные последствия, если вооружение они выдадут, а римляне отплывут вместе с ним. Тем не менее вооружение было отдано.

...Тогда обнаружилось, как велики были силы[13] города: римлянам карфагеняне выдали больше двухсот тысяч вооружений и две тысячи катапульт (*О посольствах, Свида*)[14].

7. Отчаяние карфагенян, когда требования римлян стали известны. ...Карфагеняне совсем еще не знали, что их ожидает, но, догадываясь по выразительным движениям[15] послов, тут же предавались всевозможным излияниям скорби и отчаяния.

...Вдруг все они разом вскрикнули и как бы оцепенели[16]. Но когда сообщение послов разошлось в народе, оцепенение кончилось: одни[17] кидались на послов, как бы на виновников постигшего их несчастья, другие на оставшихся в городе италийцев, чтобы на них излить свою ярость, третьи бежали к городским воротам[18] (*Свида*)[19].

8. ...Гамилькар[20], он же Фамей, карфагенский военачальник, который был в цветущем возрасте, крепкого сложения, а также искуснейший и отважный конный воин, что служит весьма важным подспорьем в военном деле.

...При взгляде на передовые посты Фамей, хотя человек храбрый, уклонился от встречи со Сципионом. Как-то раз он приблизился к римским стоянкам, но занял место позади крутой возвышенности, где долгое время и оставался[21].

...Манипулы римлян[22] бежали на высоты, и когда все высказались, Сципион заключил: пока силы не тронуты, на совещании следует думать не столько о нанесении урона врагам, сколько о том, чтобы урона не испытать самим[23].

...Не следует удивляться, если мы с особенным старанием излагаем подвиги Сципиона и всякое сказанное им слово сообщаем точно.

...В Риме Марк Порций*, когда услыхал о подвигах Сципиона, сказал собеседнику:

«Он лишь с умом; все другие безумными тенями реют»**
(*Свида*).

---

* Марк Порций Катон.
** *Гомер.* Одиссея. 495. Перевод В.А. Жуковского.

КНИГА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Разнородные суждения эллинов о римской политике по поводу торжества римлян над Персеем и над Карфагеном; защита римлян автором (1). Появление псевдо-Филиппа в Македонии и вести о его первых победах (2). Манилий просил ахейцев прислать Полибия в Лилибей (3). Объяснения автора касательно его имени в сочинении (4). Превратность судьбы Калликрата и Ликорта (5). Посольство к Прусию из самых жалких римлян (6). Порочность Прусия (7). Мусей в Македонии (8). Суждение автора о судьбе и божествах, как о виновниках событий (9). Выдающиеся достоинства Масанассы (10).

1. Суждения эллинов о достоинствах римской политики. ...По поводу карфагенян, когда римляне одолели их в войне[1], и по поводу псевдо-Филиппа высказывались в Элладе многочисленные суждения, сначала о карфагенянах, потом о псевдо-Филиппе. Расправа с карфагенянами вызывала противоречивые мнения и неодинаковую оценку. Так, одни одобряли поведение римлян и называли принятые ими меры мудрыми и для владычества их полезными. Ибо они уничтожили грозившую им постоянно опасность и истребили государство, которое неоднократно оспаривало у них первенствующее положение, могло бы и теперь еще при благоприятных обстоятельствах вступить в борьбу с ними, тем самым обеспечили владычество за родным городом, что и свидетельствует о высоком уме и дальновидности народа[2]. Другие возражали на это, уверяя, что не ради таких целей приобрели римляне господство над миром, что мало-помалу они совратились во властолюбие

афинян и лакедемонян, и хотя действуют не так стремительно, как эти народы, но, по всей видимости, придут к тому же концу. В самом деле, раньше, продолжают возражатели, римляне воевали с кем бы то ни было до тех пор, пока противник не побежден и не пришел к сознанию, что необходимо подчиниться римлянам и исполнять их волю. Теперь войною с Персеем они открыли новый образ действий, когда уничтожили до основания[3] македонское царство, а в наши дни увенчали его уничтожением Карфагена. Невзирая на то, что за карфагенянами не было какой-либо непростительной вины, римляне приняли относительно их непоправимо жестокие меры, при всей готовности карфагенян исполнить всякое требование, подчиниться всякому приказанию их. Далее, по мнению третьих, римляне во всех отношениях были народом доблестным[4]. Особенность их и вместе предмет их гордости составляло то, что они ведут войны бесхитростным, честным способом, не прибегая ни к ночным нападениям, ни к засадам; что они гнушаются всего, что сопряжено бывает с обманом и хитростью; что они признают достойными себя только такие битвы, о которых противник предуведомлен заранее, и которые ведутся открыто. Теперь, наоборот, поведение их с карфагенянами исполнено было обмана и хитрости, когда они одно за другим предлагали ряд условий и тут же замалчивали другие, пока наконец не отняли у противника всякой надежды на помощь союзников[5]. Это скорее лукавый образ действий единовластителя, а не доблестное поведение римлян, которое, собственно говоря, близко подходило к нечестию и вероломству. Находились, впрочем, люди, которые возражали и на это. Если бы римляне, говорили они, поступали таким образом, именно: то предъявляя свои требования одно за другим открыто, то мало-помалу их раскрывая[6], раньше, чем карфагеняне предоставили себя их усмотрению, то подобные укоризны были бы вполне ими заслужены. **Жалобы римлян, оправдания их.** Если же карфагеняне сами отдали себя усмотрению римлян, так что сии последние получили право решать их участь по собственному разумению, и потом, пользуясь своим правом так, как было им угодно, отдавали приказания и предъявляли требования, установленные сенатом, то деяний их вовсе нельзя приравнивать ни к нечестию, ни к вероломству, ни к насилию. Из трех видов преступлений, здесь упомянутых, нет

ни единого, под который поведение римлян подходило бы. Так, нечестие — грех против богов, родителей или умерших, вероломство — нарушение клятвы и писанного договора, насилие — деяние, противное законам и обычаям. В настоящем случае римляне не повинны ни в одном из этих преступлений, ибо они не погрешили ни против богов, ни против родителей или умерших, не нарушили клятвы или договора, напротив, сами еще обвиняли карфагенян в клятвопреступлении. Равным образом не нарушали они закона или обычая, остались верны данному отдельным личностям слову. Карфагеняне добровольно уступили право распоряжаться ими по своему усмотрению, и римляне принуждали их к повиновению силою, когда те отказывались исполнить их требования.

2. Вот как обсуждались отношения римлян и карфагенян. Что касается псевдо-Филиппа[7], то первые известия о нем казались невероятными. В Македонию явился некий Филипп, как бы с неба упавший; он не робел не только перед македонянами, но и перед римлянами, хотя не имел ни малейшего основания рассчитывать на успех своего предприятия. В самом деле, известно было, что подлинный Филипп кончил жизнь в Альбе, в Италии, на восемнадцатом году от роду, два года спустя после смерти Персея[8]. Когда через три-четыре месяца разнесся слух о победе псевдо-Филиппа над македонянами в битве по ту сторону Стримона в Одомантике[9], кое-кто поверил молве, но большинство продолжало не доверять. Когда немного спустя опять пришла весть о его победе над македонянами уже по сю сторону Стримона, а также о переходе во власть его всей Македонии, когда фессалийцы обратились с письмом и через послов к ахейцам с просьбою о помощи[10], так как и им стала угрожать опасность, случившееся представилось поразительной неожиданностью. Таково было настроение эллинов по поводу этих событий (*Сокращение ватиканское*).

3. Манилий просил ахейцев прислать Полибия в Лилибей. ...Когда от Манилия* пришло в Пелопоннес к ахейцам письмо[11], в котором сказано было, что они окажут ему услугу, если постараются отправить в Лилибей[12] мегалопольца Полибия, присутствие коего требуется государственными нуждами, ахейцы постановили исполнить письменную просьбу Ма-

---

* М. Манилий Непот, консул 605 г. от основания Рима.

нилия и послать Полибия. Мы отложили в сторону все дела и в начале лета отплыли в Лилибей, ибо по многим причинам почитали повиновение римлянам обязательным для себя. По прибытии на Керкиру мы нашли там новое письмо от консулов к керкирянам, уведомлявшее, что карфагеняне выдали уже им всех заложников и что сами готовы покориться им; тогда мы сообразили, что война кончилась, что нет в нас более нужды, и потому отплыли обратно в Пелопоннес (*Сокращение ватиканское*).

4. Объяснения автора по поводу его имени в сочинении. ...Не должно удивляться, что для обозначения себя мы пользуемся то нашим собственным именем, то общеупотребительными выражениями, каковы: «по моему мнению», или: «согласно с нами». Дело в том, что мы были причастны ко многим из тех событий, которые будут рассказаны дальше[13], а потому необходимо менять способы выражения о себе, дабы не наскучить читателю непрестанным повторением нашего имени и дабы, с другой стороны, употреблением при всяком случае слов: «я», «через меня» не впасть незаметно в грубый способ изложения. Напротив, пользуясь всеми этими оборотами и употребляя каждый раз наиболее подходящий из них, мы по возможности избегаем неприятного для читателя упоминания о самих себе; противное самой природе человека, оно часто бывает неизбежно за отсутствием иных способов выразить мысль. Нам еще помогало в этом отношении то случайное обстоятельство, что до сих пор, насколько нам известно, никто не назывался таким именем, какое мы носим (*там же*).

5. Пример превратности судьбы. ...Когда по какой-то случайности изображения Калликрата очутились в темном месте, а изображения Ликорта согласно первоначальному определению вынесены были днем на солнечный свет, всякий, видевший это, не мог не высказать открыто, что никогда не должно заноситься высоко в счастии во вред ближнему, и должно памятовать, что весьма часто судьба проявляет силу свою в том, что вынуждает терпеть людей от их собственных козней и от их собственных распоряжений[14].

...Врожденной человеку любви к новизне достаточно бывает для того, чтобы произвести какой угодно переворот[15] (*там же*).

6. Жалкие люди в римском посольстве к Прусию. ...Римляне отправили послов с целью помешать замыслам Никомеда и удержать Аттала от войны с Прусием[16]. В послы были выбраны Марк Лициний, подагрик, совсем не владевший ногами, с ним вместе Авл Манцин, которому упавшая на голову черепица причинила столь сильные повреждения черепа, что можно только удивляться, как он остался жив, наконец Луций Маллеол*, который слыл за тупоумнейшего из римлян. Тогда как поручение требовало быстроты и решимости, выбранные для этого римляне были, казалось, наименее к тому способны. Вот почему Марк Порций Катон, как передают, сказал в сенате, что не только Прусий умрет до прибытия послов, но и Никомед состарится на царском престоле. «В самом деле, возможно ли, чтобы посольство без ног, без головы и без сердца[17] поспело вовремя на место, а если бы и поспело, чтобы оно совладало с каким-либо делом» (*Сокращение ватиканское*).

7. Порочность Прусия. ...Царь Прусий, с безобразным лицом, да и души не лучшей, полчеловека на вид, трус и баба в военном деле[18]. И действительно, он был не только труслив, но и не любил никакого труда и вообще во всех случаях жизни проявлял дряблость души и тела. Если ни один народ не выносит такого рода слабостей в своих царях, то народ вифинский в особенности. Кроме того, Прусий со всею разнузданностью предавался чувственным наслаждениям. Просвещение, философия и связанные с нею занятия были ему совершенно чужды; словом, он не имел ни малейшего представления о доблести, день и ночь проводя как Сарданапал варвар. Поэтому лишь только подчиненный ему народ возымел слабую надежду на освобождение, им овладело неудержимое желание не только избавиться от своего царя, но еще и отмстить ему (*О добродетелях и пороках*).

8. Мусей в Македонии. ...Мусей[19], местность подле Олимпа, что в Македонии. Полибий в тридцать седьмой книге (*Стеф. Визант.*).

9. Суждения автора о судьбе и божествах как причинах событий. ...Порицая людей, которые величают судьбу или рок виновниками общенародных событий или превратностей отдельных лиц, Полибий говорит так: «Я желаю те-

---

* Луций Публиций Маллеол.

перь высказаться по сему предмету, насколько государственная история это допускает. Действительно, в тех затруднительных случаях, когда по слабости человеческой нельзя или трудно распознать причину, там можно отнести ее к божеству или судьбе: например, продолжительные, необычайно обильные ливни и дожди, с другой стороны жара и холода, вследствие их бесплодие, точно так же продолжительная чума и другие подобные бедствия, причины коих нелегко отыскать. Вот почему в такого рода затруднительных случаях мы не без основания примыкаем к верованиям народа, стараемся молитвами и жертвами умилостивить божество, посылаем вопросить богов, что нам говорить или делать для того, чтобы улучшить наше положение или устранить одолевающие нас бедствия. Напротив, не следует, мне кажется, привлекать божество к объяснению таких случаев, когда есть возможность разыскать, отчего или благодаря чему произошло случившееся. Я разумею, например, следующее: в наше время всю Элладу постигло бесплодие женщин и вообще убыль населения, так что города обезлюдели, пошли неурожаи, хотя мы и не имели ни войн непрерывных, ни ужасов чумы. Итак, если бы кто посоветовал нам обратиться к богам с вопросом, какие речи или действия могут сделать город наш многолюднее и счастливее, то разве подобный советчик не показался бы нам глупцом, ибо причина бедствия очевидна, и устранение ее в нашей власти». Дело в том, что люди испортились, стали тщеславны, любостяжательны и изнеженны, не хотят заключать браков, а если и женятся, то не хотят вскармливать прижитых детей, разве одного-двух из числа очень многих, чтобы этим способом оставить их богатыми и воспитать в роскоши; отсюда-то в короткое время и выросло зло. Ибо ясно и неизбежно, что при одном или двух детях, если одно похитит война или болезнь, дома пустеют, и как у пчел ульи, так точно у народов города постепенно приходят в упадок и бессилие. В этих случаях нет нужды вопрошать божество, каким способом избавиться нам от такого бедствия. Действительно, первый встречный сумеет сказать, что лучше всего нам самим исправить собственные наклонности или по меньшей мере законом обязать родителей вскармливать своих детей, так что в гадателях или чудесных знамениях здесь нет нужды. То же самое имеет силу

и по отношению к частным случаям. Даже и тогда, когда невозможно или трудно найти причину, следует старательно искать ее. К числу таких происшествий принадлежит и поведение македонян. Важные и многочисленные услуги оказали им римляне: государство их освободили от произвола самовластных правителей и от тягости налогов, состояние рабства заменили свободой[20]. С другой стороны, отдельные граждане избавлены были от тяжких <...> кровавых междоусобиц <...>[21] сражаясь против римлян за Деметрия, потом за Персея, отдали победить себя: зато доказали мужество и одержали победу над римлянами, когда сражались под начальством негодяя за его царское достоинство. Кто не станет в тупик перед подобным явлением! В самом деле, трудно найти ему объяснение. Вот почему можно не без основания усматривать в подобном расположении македонян божеское наказание, гнев божий, посетивший всех их. Из следующего это будет ясно (*Сокращение ватиканское*).

10. Выдающиеся достоинства царя Масанассы. ...Масанасса[22], царь ливийских нумидян, был достойнейшим и счастливейшим из царей нашего времени; он царствовал шестьдесят лет с лишним, обладая прекраснейшим здоровьем и дожил до глубочайшей старости: ему было тогда девяносто лет от роду. Над всеми современниками он выдавался телесной силой[23]. Так, когда бывало нужно, Масанасса простаивал на ногах целый день не трогаясь с места и столько же времени просиживал без устали на месте не вставая, мог непрерывно день и ночь провести верхом на лошади. Образчиком[24] его телесной крепости служит следующее: умирая на девяностом году от рождения, Масанасса оставлял четырехлетнего сына, по имени Стембан, которого после этого усыновил Микипса; кроме Стембана, у него было еще четыре сына. Благодаря взаимному расположению детей Масанасса во всю жизнь не знал каких бы то ни было козней против своей власти, никаких домашних раздоров.

Но вот важнейшее и чудеснейшее из его деяний: до него вся Нумидия была бесплодна и по своим природным свойствам почиталась непригодной к обработке; он первый и единственный из царей доказал, что эта страна не менее всякой другой способна к произрастанию всех полевых и садовых плодов[25], каждому из сыновей предоставив возделанное весьма плодо-

носное поле в десять тысяч плефров*[26]. Посему, когда Масанасса умер, можно было с полным основанием превозносить его за эти заслуги. Три дня спустя после кончины царя Сципион[27] явился в Кирту и все мудро устроил.

...По словам Полибия, Масанасса умер девяноста лет от роду, оставив после себя четырехлетнего сына, а незадолго до смерти одержал победу в большом сражении над карфагенянами; на следующий день видели, как он перед своей палаткой ел черный хлеб, и тем, кто удивлялся по этому поводу, он говорил, что делает это <...>[28] (*О добродетелях и пороках*).

---

* Около 871 дес.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Гасдрубал, карфагенский военачальник, просил Голоссу ходатайствовать за Карфаген перед Публием (1). Ответ Публия Гасдрубалу; похвальбы Гасдрубала; порочность его (2). Величайшее несчастье эллинов — заблуждения их перед разгромом Коринфа (3). Очерк тяжелых испытаний эллинов в прежнее время (4–5). Почему автор так долго останавливается на этом предмете? Важность правды для историка (6). Оскорбление ахейцами римского посольства; милостивое отношение римлян (7). Римское посольство в Пелопоннесе; торжество партии Диэя и Критолая (8). Козни Критолая против римлян в Тегее; смуты в среде ахейцев, посеянные Критолаем (9). Дальнейшие мероприятия римлян к мирному улажению дел с ахейцами; противодействие этому со стороны Критолая; объявление войны ахейцами лакедемонянам или римлянам (10–11).

1. Просьба Гасдрубала к Голоссе ходатайствовать перед Публием за Карфаген. ...Карфагенский военачальник Гасдрубал[1] был тщеславный хвастун, вовсе не обладавший дарованиями ни государственного человека, ни главнокомандующего. Образчиков его легкомыслия множество. Так, прежде всего, он явился для переговоров к нумидийскому царю Голоссе[2] во всеоружии, в пурпуровом плаще, застегнутом на груди, в сопровождении десяти оруженосцев; потом вышел вперед шагов на двадцать от оруженосцев из-за рва и вала, кивком головы подозвал к себе царя, хотя подходить-то следовало ему. Во всяком случае, Голосса подошел к нему один, в простом одеянии, по обычаю нумидян, и на близком расстоянии спросил,

кого он так боится, что пришел сюда в полном вооружении. Когда тот ответил, что боится римлян, Голосса продолжал: «Оно и видно, иначе ты без всякой нужды не дал бы себя запереть в городе. Что же тебе угодно и о чем твоя просьба?» — «Я прошу тебя, — отвечал Гасдрубал, — принять на себя посольство к римскому военачальнику и от нашего имени дать обещание выполнить всякое его трёбование. Только пощади-те наш злосчастный город». — «Друг любезнейший, — был ответ Голоссы, — просьба твоя была бы прилична ребенку. Каким образом ты желаешь получить милость, какой вы не могли добиться через послов еще до начала военных действий, пока римляне держались под Утикой[3]; теперь же ты заперт в городе с моря и с суши, и для тебя утрачена чуть не всякая надежда на спасение?» Гасдрубал возразил, что Голосса сильно заблуждается, что он возлагает большие надежды на иноземных союзников, — до Гасдрубала не дошла еще весть о поражении мавров и войска, стоявшего в открытом поле, что сами карфагеняне не теряют веры в собственные силы, а главное, рассчитывают на богов и на их содействие, «ибо боги, — продолжал он, — не оставят своим участием тех, кто сделался жертвою явного предательства[4], напротив, всячески помогут им и спасут их». Поэтому он просил Голоссу ходатайствовать перед римским военачальником во имя богов и судьбы о пощаде города, и напомнить ему, что карфагеняне, если просьба их не будет уважена, скорее перережут друг друга, нежели пожертвуют своим городом. После этих речей Гасдрубал и Голосса разошлись, обещая друг другу сойтись снова через три дня.

2. Ответ Публия Гасдрубалу. Когда Голосса сообщил об этой беседе военачальнику Публию, тот со смехом сказал: «Ты, вероятно, заготовлял эту просьбу в то время, когда учинил столь тяжкое бесчинство над нашими пленными[5], и теперь неужели ты возлагаешь надежды на богов, когда преступил законы божеские и человеческие?» Царь, однако, настойчивее всего внушал Сципиону, что необходимо закончить войну, ибо приближаются консульские выборы, и Публию следует озаботиться, дабы не застигла его зима и главными плодами трудов его не воспользовался, не обнажая меча, другой военачальник, — не говоря уже о неведомых превратностях войны. Публий внял этой речи и поручил Голоссе передать Гасдрубалу, что дарует жизнь ему самому, жене, детям, десяти родственным с

ним или дружественным семействам, кроме того, дозволяет ему взять с собой десять талантов из своих денег или всех слуг[6], каких пожелает. Такого рода милостивый ответ понес Голосса Гасдрубалу на третий день после первого свидания, а тот опять подходил к нему медленною поступью, в пышной багрянице и в полном вооружении, так что был гораздо торжественнее театральных тиранов. **Порочность и наглость Гасдрубала.** От природы человек плотного сложения, Гасдрубал имел теперь огромный живот; цвет лица его был неестественно красный, так что, судя по виду, он вел жизнь не правителя государства, к тому же удрученного неописуемыми бедствиями, но откормленного быка, помещенного где-либо на рынке. Как бы то ни было, Гасдрубал подошел к царю и, выслушав предложения римского военачальника, несколько раз ударил себя по бедру, потом, призвав богов и судьбу в свидетели, объявил, что никогда не наступит тот день, когда бы Гасдрубал глядел на солнечный свет и вместе на пламя, пожирающее родной город, что для людей благомыслящих родной город в пламени — почетная могила. Доверяя речам, можно было удивляться мужеству Гасдрубала и его душевной доблести; но при виде поступков нельзя было не поражаться его подлостью и трусостью. Так, во-первых, когда прочие граждане умирали от голода, он устраивал для себя пиры с дорогостоящими лакомствами и своею тучностью давал чувствовать сильнее общее бедствие. В самом деле, невероятно велико было число умирающих, не меньше было и количество перебегающих к неприятелю из-за голода. Потом, издевательством над одними, истязаниями и казнями других он держал народ в страхе и этими средствами властвовал над злосчастной родиной так, как едва ли бы позволил себе тиран в государстве благоденствующем[7]. Вот почему, я думаю, есть основание сказать, что трудно было бы найти людей более похожих друг на друга, как были сходны между собой тогдашние правители Эллады и Карфагена. Мнение наше подтверждено будет сравнительным описанием тех и других правителей (*О добродетелях и пороках, Свида*).

3. Величайшее несчастье эллинов; их заблуждения перед разгромом Карфагена. ...В тридцать восьмой книге рассказывается завершение несчастья эллинов. Правда, Эллада и раньше много раз терпела невзгоды и вся целиком, или по частям; однако никакие прежние беды не отвечали в такой

мере имени и понятию несчастья, как беды нашего времени[8]. Действительно, во всяком, кто вникнет в самое существо событий, эллины вызывают жалость к себе не столько испытаниями, выпавшими на их долю, сколько теми заблуждениями, какими они уготовали себе несчастье. Так, если обрушившееся на карфагенян испытание кажется ужаснейшим, то не меньшим, скорее даже большим несчастьем должно почитать то, которое в описываемое время постигло Элладу[9]: карфагеняне оставили потомкам хоть какую-нибудь возможность защитить их от обвинений, тогда как в защиту эллинов нельзя привести ни одного довода, как бы кто ни старался оправдать их ошибки[10]. Под тяжестью бедствий карфагеняне по крайней мере совершенно исчезли с лица земли и на будущее время утратили чувство собственного несчастья; напротив, эллины не только сами своими глазами видели свои бедствия, но еще передали память о них детям и через детей внукам[11]. Насколько более жалкими почитаем мы тех людей, которые влачат дни свои под тяжестью кары, нежели тех, кто пал жертвою самого преступления, настолько же бедствия эллинов заслуживают большей жалости, нежели судьба карфагенян, если только не оставлять без внимания требований долга и чести и в своих суждениях не сообразоваться единственно с выгодой. Что мы говорим верно, решит всякий, кто приведет себе на память тягостнейшие бедствия Эллады в прошлом и сопоставит их с несчастьем, о котором говорится у нас теперь.

4. Очерк тяжелых испытаний эллинов. Величайшую, по-видимому, беду ниспослала судьба на эллинов, когда Ксеркс переправился в Европу, и хотя опасность угрожала тогда всем эллинам, но пострадали лишь очень немногие, а из них наибольше афиняне. В мудром предвидении будущего они вместе с женщинами и детьми покинули родной город. Правда, афиняне в то время пострадали, ибо варвары захватили Афины в свои руки и безжалостно разрушили их; однако не было здесь ни бесчестья, ни посрамления; напротив, афиняне стяжали себе у всех народов величайшую славу тем, что пренебрегли собственными выгодами и решились разделить судьбу всех эллинов[12]. И потом доблестным поведением они не только обратно добыли родной город и собственную землю, но вскоре стали оспаривать главенство над остальными эллинами у лакедемонян. Потом, побежденные спартанцами, они должны

были срыть стены родного города. Однако и тут не афинян можно было бы укорить, а лакедемонян за то, что они не в меру жестоко воспользовались дарованным судьбою превосходством. В свою очередь спартанцы, осиленные фиванцами, утратили главенство над эллинами и, перестав господствовать над другими народами, вынуждены были довольствоваться пределами Лаконики. Однако ничего нет постыдного и в том, если в борьбе за драгоценнейшее достояние народ потерпел неудачу и должен был возвратиться к размерам власти своих предков. Посему-то события эти, хотя и могут называться неудачами, ни в каком случае не были несчастиями. Далее, мантинейцы[13], расселенные и разметанные лакедемонянами, вынуждены были покинуть отечество и сесть на жительство по деревням*. Но по этому поводу все поносили безрассудство лакедемонян, а не мантинейцев. Потом, когда Александр задумал переправиться в Азию и решил, что наказанием фиванцев он устрашит эллинов и отвратит их самих от смуты, фиванцы видели гибель своего города[14]. Но и на сей раз все сочувствовали фиванцам и говорили, что они незаслуженно претерпели напасти; в то же время никто не решался защищать образ действий Александра. И вот, спустя немного времени при содействии[15] других народов они снова зажили спокойно в родном городе. Дело в том, что жалость посторонних людей есть ценный дар для несправедливо обиженных, и потому нередко можно видеть, как с переменою настроения в народе меняется судьба людей, как сами победители раскаиваются и смягчают чрезмерные бедствия побежденных. Далее, от времени до времени халкидяне, коринфяне и другие народы, привлекая завоевателей удобствами местоположения своих городов, подпадали под власть македонских царей и держали в своих стенах чужеземные гарнизоны, и тоже все по мере сил старались освобождать порабощенных, а поработителей ненавидели и всегда считали врагами. Вообще говоря, в прежнее время терпели поражения и беды отдельные города эллинов, одни в борьбе за главенство и власть, другие по вине вероломных самодержцев и царей. Посему все эти народы не только не навлекали на себя позора своими невзгодами, к ним не применимо даже название несчастных. Жертвами невзгоды дол-

---

**Xenoph.* Hellen. V 2; *Diod.* XI 5 12; *Pausan.* VII 8.

жно почитать те государства и отдельных граждан, которых постигли непредотвратимые бедствия; несчастны те только, кто собственным безрассудством делает себя предметом позора. В описываемые нами времена впали в несчастье пелопоннесцы, беотяне, фокидяне <...> локры, некоторые из народов, живущих на побережье Ионийского залива, после них македоняне <...> не только по количеству <...> но и по <...> не неизгоду претерпели, но несчастье позорное в высочайшей мере и постыдное. Они показали себя и вероломными, и трусами и своим поведением <...> Таким образом, утратив всякое достоинство, одни <...> другие <...> в то время без сопротивления приняли в свои города пучки прутьев и секиры[16]. Действительно, в тягостном страхе держала их чрезмерность собственной вины, если можно называть собственною их вину: я по крайней мере утверждаю, что народ преступил свой долг по неведению, а виновны те, от кого исходило столь тяжкое ослепление народа.

6. Не должно удивляться, что, вопреки правилам повествовательного изложения, мы говорим об этих предметах с большею серьезностью и с большим увлечением, чем бы следовало. Быть может, кто-либо кинет нам упрек за то, что мы злословим против эллинов, тогда как нам подобало бы больше всего прикрывать их заблуждения. **Важность правды для истории.** Я, однако, полагаю, что люди благомыслящие никогда не почтут истинным другом человека, который стесняется или боится говорить откровенно, равно как не назовут и добрым гражданином того, кто из боязни мимолетной хулы одного, другого гражданина станет замалчивать истину. Даже немыслимо, чтобы историком государственных событий был писатель, для которого что-либо иное дороже правды. Чем шире распространяются известия, закрепленные письмом, и чем они долговечнее, нежели скоропреходящее устное сообщение, тем ценнее должна быть правда для пишущего, нежели для говорящего, и тем ревностнее обязан читатель поощрять в историке правдивость. Долг эллина оказывать в трудных обстоятельствах всяческое содействие эллинам, то защищая их или прикрывая их слабости, то смиряя гнев властителей; всех это мы исполняли добросовестно на деле, когда требовалось; напротив, письменное повествование о событиях, которое назначается для потомства, должно быть свободно от всякой

неправды, дабы читатели могли получить из чтения истории не какое-нибудь мимолетное удовольствие, но прочную пользу для души и не повторяли бы много раз одних и тех же ошибок[17]. Но довольно об этом (*Сокращение ватиканское*).

7. Оскорбление римских послов ахейцами. Решение римлян по этому делу. ...Посольство[18] с Аврелием во главе прибыло из Пелопоннеса и с преувеличениями, в отборных выражениях рассказало, что произошло с ними, как они едва не поплатились жизнью. Действительно, по их словам выходило так, что посольство не случайно попало в беду, но что ахейцы сделали нападение на легатов с умыслом, дабы прочим римлянам преподать урок. Никогда еще сенат не испытывал такой досады, как теперь. Он тут же выбрал новых уполномоченных и, поставив во главе их Юлия*, отправил в Пелопоннес со следующими полномочиями: в умеренных выражениях высказав осуждение и укоризну за все случившееся, собственно просить ахейцев и увещевать не следовать пагубнейшим внушениям советников и по необходимости не входить во вражду с римлянами; еще есть время ахейцам, должны были прибавить уполномоченные, загладить несколько свой грех, если они подвергнут виновных ответственности за преступление. Отсюда совершенно ясно, что сенат и в то время, когда давал полномочия Аврелию и товарищам, не имел намерения расторгнуть союз ахейцев, но желал только застращать их и тем сломить их упорство и неприязнь[19]. Хотя кое-кто полагал, что римляне скрывают свои настоящие виды <...>[20], так как война с Карфагеном была не кончена, однако в действительности было не так: с давнего времени римляне благоволили к союзу и, доверяя ему больше, нежели какому-либо другому из эллинских народов, решили при виде непомерной гордости ахейцев только настращать их, вовсе не желая объявлять войну ахейцам или разрывать всякие с ними сношения (*О посольствах*).

8[21]. Римское посольство в Пелопоннес. Торжество партии Диэя и Критолая. ...По пути из Рима в Пелопоннес посольство Секста** встретилось с Теаридом и товарищами[22], коих ахейцы отправляли послами в Рим просить сенат о снис-

---

* Секст Юлий Цезарь.
** Idem.

хождении, и осведомить его по делу об обидах, нанесенных Аврелию и товарищам. Римские уполномоченные при встрече советовали ахейцам возвратиться в Ахаю, ибо им поручено переговорить с ахейцами обо всем этом деле. Когда Секст и товарищи прибыли в Пелопоннес, то в переговорах с ахейцами в городе эгиян они в пространных и любезных речах обошли молчанием насилие над послами, как будто римляне придавали этому меньше значения, нежели сами ахейцы; в общих выражениях они только просили ахейцев воздерживаться от дальнейших ошибок относительно римлян, а равно и лакедемонян; благомыслящая часть собрания с радостью слушала эти речи, сознавая вину за ахейцами и ясно представляя себе последствия ослушания требованиям римлян. Большинство собрания не могло ничего возразить против основательных доводов Секста и его товарища, и потому молчало, хотя продолжало упорствовать в пагубном заблуждении. Наконец Диэй[23], Критолай и все единомышленники их, — понятно, это были наихудшие как на подбор граждане из каждого государства, ненавистные богам и роковые для союза, — принимали, согласно поговорке, левой рукой то, что римляне давали правой[24], и, выражаясь кратко, совсем обезумели. Они вообразили себе, что римляне, будучи озабочены делами Ливии и Иберии, боятся войны с ахейцами, и потому-то произносят столь любезные речи и готовы на всякие условия. В том убеждении, что настал благоприятнейший момент, они ласково отвечали римским уполномоченным, что Теарида с товарищами ахейцы все-таки отправят в сенат, и сами они последуют за уполномоченными в Тегею и там постараются посредством переговоров с лакедемонянами полюбовно привести войну к концу. Дав такой ответ, Диэй и Критолай повлекли несчастный народ к исполнению давно задуманного безумного замысла. Так и должно было случиться, если принять во внимание неопытность и испорченность тогдашних властей.

9. Козни Критолая против римлян в Тегее. Вот каким образом исполнился гибельный конец эллинов: когда Секст с товарищами прибыл в Тегею и призвал туда же лакедемонян для мирного улажения их распри с союзом и для прекращения военных действий[25] до тех пор, пока римляне не пришлют уполномоченных для окончательного расследования на месте, Критолай и его товарищи по совещании решили никому из них

не ходить в Тегею, кроме Критолая. Критолай явился в Тегею, когда посольство Секста потеряло чуть не всякую надежду видеть его; а когда начались переговоры с лакедемонянами, он ни на что не соглашался, говорил, что не имеет полномочий решать что бы то ни было без соизволения народа, обещая при этом внести дело на обсуждение ахейцев в ближайшее собрание, имеющее быть через шесть месяцев. Сенат и товарищи прекрасно понимали козни Критолая и, обманутые таким обращением, отпустили лакедемонян домой, а сами направились обратно в Италию, унося с собою презрение к Критолаю, как разъяренному безумцу.

Демагогическое поведение Критолая. По отбытии[26] римских уполномоченных Критолай всю зиму провел в том, что переходил из города в город, повсюду собирая вече под предлогом, что желает сообщить ахейцам содержание переговоров с лакедемонянами и находившимися в Тегее римлянами, на самом же деле для того, чтобы выступить с обвинениями против римлян и, перетолковав в дурную сторону каждое сказанное ими слово, внушить народу вражду и озлобление против них. Рядом с этим он возбранял властям взыскивать что-либо с должников, не принимать тех, кого приводили бы для заключения под стражу за долги, отсрочить до окончания войны разбор жалоб по недоимкам в товарищеские казнохранилища[27]. Такого рода угодничеством Критолай достиг того, что народ верил каждому его слову и, не умея заглянуть в будущее, обольщаясь мимолетным участием и льготами, исполнял охотно всякое его требование.

10. Старания Метелла предотвратить войну с ахейцами. Находившийся в Македонии Квинт Цецилий*[28] прослышал об этих действиях Критолая, равно как о брожении умов и смутах в Пелопоннесе, и отправил туда уполномоченными Гнея Папирия и Попилия Лената-младшего, вместе с ними еще Авла Габиния и Гая Фанния. Им случилось прийти в Пелопоннес как раз в такое время, когда ахейцы созваны были в Коринф на вече. Здесь, представ перед собранием, уполномоченные говорили долго и дружественно, приблизительно то же, что раньше говорил Секст**, прилагая все старание к тому, чтобы ахей-

---

* Квинт Цецилий Метелл Македонский.
** Секст Юлий Цезарь.

цы не доходили до открытой вражды с римлянами, будет ли то под прикрытием распри с лакедемонянами, или же вследствие неприязни их к самим римлянам. Народ, однако, не имел терпения выслушать речь уполномоченных до конца, и они были прогнаны из собрания среди насмешек, шума и криков. Лишь очень немногие сочувствовали словам уполномоченных. Дело в том, что никогда не собирались на вече в таком большом числе ремесленники и простолюдины, как в этот раз, и все государства, наипаче коринфский народ, были в состоянии умоисступления. Что касается Критолая, то, как бы ухватившись за любимый сюжет[29] и выступая на театральных подмостках перед сборищем людей, подобно ему исступленных и обезумевших, он поносил власти ахейцев, ругал своих противников и, не стесняясь в выражениях о римских уполномоченных, уверял, что желает иметь в римлянах друзей, но иметь в них господ ни за что не потерпит. Всячески подстрекая ахейцев, Критолай обещал, что они непременно добудут себе союзников, если покажут себя мужами, или же господ, если будут трусами. Долго еще в том же смысле похвалялся Критолай и лгал, чем возбуждал толпу и раздражал. Тут же он давал понять всю тонкость своих расчетов, намекая на то, что несколько царей и вольных государство уже примкнули к его замыслам.

11. Воззвание Критолая к ахейцам. Когда члены совета старейшин[30] вздумали было вмешаться в дело и остановить подобные речи Критолая, он отдал грозный приказ[31] воинам выстроиться вокруг него, предлагая кому-либо подойти к нему, стать поближе и коснуться разве только плаща его. Наконец он сказал, что дольше терпеть он не в силах и желает высказаться. Собственно не лакедемонян нужно бояться и не римлян, говорил Критолай, но тех из ахейцев, которые действуют заодно с врагами, ибо иные ахейцы более преданы римлянам или лакедемонянам, нежели своему государству. В подтверждение своих слов он указывал на то, что Эвагор из Эгия и тритеец Стратий передавали Гнею* и товарищам все, о чем тайно совещались между собою союзные власти. Когда Стратий на это возразил, что, хотя с римскими послами он и имел сношения, не отказывается от них и на будущее время, ибо римляне — друзья и союзники ахейцев, но при этом клятвенно уве-

---

* Гней Папирий.

рял, что из совещаний союзных властей не передавал послам ничего, — словам его поверили немногие, большинство принимало за правду изветы Критолая. **Объявление войны лакедемонянам.** Обвинениями против Эвагора и Стратия Критолай взволновал собрание и склонил ахейцев объявить вторично войну, которая только на словах была направлена против лакедемонян, на самом же деле была против римлян. Тут он провел и другое противозаконное предложение, согласно коему лица, которых будут выбирать в союзные стратеги, должны быть полновластными, благодаря чему Критолай приобретал чуть не власть самодержца.

Когда эти меры были приняты собранием, Критолай стал коварно и вызывающе действовать относительно римлян; оснований к тому не было у него никаких, но он пользовался для своей цели бессовестнейшими и подлейшими средствами. Из римских послов Гней удалился в Афины, а оттуда перешел в Лакедемон, чтобы следить за ходом событий; Авл отправился в Навпакт, а прочие два оставались в Афинах до прибытия Цецилия. Так-то стояли дела в Пелопоннесе[32] (*О посольствах*).

КНИГА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Оправдание усвоенного автором способа изложения примерами из природы (1). Черты сходства автора с лучшими из прежних историков и отличия от них (2). Взятие Карфагена римлянами приступом (3). Гасдрубал у ног Сципиона; жена Гасдрубала (4). Сострадание Сципиона к Карфагену и слова его о превратности человеческого счастья (5–6). Пифей; известие автора о предводительстве Критолая (7). По смерти Критолая должность стратега исполнял временно Диэй; насильственные меры Диэя (8). Смута в городах ахейского союза; ахейцы слепо шли за вождями (9). Диэй выбран в стратеги; мирные предложения Цецилия отвергнуты; советники Диэя (10). Пытки и казни ахейских граждан; милость судьбы к ахейцам (11). Авл Постумий подражал эллинам в их наихудших свойствах (12). Обращение римских солдат с произведениями искусства (13). Изображения Филопемена пощажены римлянами; защита Филопемена автором (14). Продажа имущества Диэя и его соучастников римским квестором (15). Устроение Ахаи десятью уполномоченными; заслуги Полибия (16). Похвальбы автора Муммию за умеренность и бескорыстие (17). Добродушие Птолемея Филометора (18). Автор признателен римлянам за доверие к нему. План всего сочинения (19).

1. Оправдание автором усвоенного им способа изложения примерами из природы. ...Мне хорошо известно, что кое-кто будет осуждать мой труд за то, что в нем изложение событий незаконченное и отрывочное. Так, например, начав опи-

сывать осаду Карфагена, мы обрываем описание и, покинув его на середине, переходим к событиям в Элладе, оттуда к Македонии, Сирии и некоторым другим странам. Между тем, могут сказать, любознательный читатель жаждет последовательного изложения и желал бы начатое прочитать до конца, ибо и удовольствие, и польза вернее доставляются непрерывным рассказом. Я не разделяю этого мнения и, придерживаясь обратного, мог бы привести в свое оправдание самую природу нашу, которая ни на одном предмете не останавливается без перерыва, напротив, всегда ищет нового, а если и возвращается к прежним впечатлениям, то не иначе как по прошествии некоторого времени и не без отмены. Мнение мое подтверждается вполне на чувстве слуха, ибо нам неприятно воспринимать одни и те же сочетания звуков в песне ли то или в речи оратора. Напротив, приятно действует на слух такая песня или речь, в которых сочетания звуков переменчивы, вообще все отрывочное, преисполненное самых резких переходов. Нечто подобное наблюдается на чувстве вкуса, которое тоже не может питаться все одними и теми же яствами, хотя бы и самыми дорогими; испытывая отвращение к ним, человек ищет перемены, часто ради новизны охотнее принимает простую пищу, нежели изысканную. То же самое всякий может проверить на чувстве зрения: тогда как глаз вовсе не может глядеть пристально в одну точку, ему приятны разнообразие созерцаемых предметов и переходы от одного к другому. Но с наибольшею очевидностью наблюдается это на нашей душе: для людей деятельных отдохновением своего рода служит перемена предметов, которым они отдаются со всем напряжением и вниманием.

2. Черты сходства автора с прежними историками и отличия от них. Вот, думается мне, почему умнейшие из древних историков именно таким образом прерывали[1] свой рассказ, при этом одни из них вводили мифологические и описательные отступления, другие — исторические, так что не только переходили от одной местности к другой в Элладе, но привлекали и чужие земли. Например, в историю Фессалии в управление Александра Ферского[2] они вставляли рассказы о делах лакедемонян в Пелопоннесе, а также об афинянах, о событиях в Македонии или Иллирии, засим после короткого перерыва продолжали говорить о походе Ификрата[3] в Египет и о

жестокостях Клеарха в Понте[4]. Хотя отсюда видно, что все историки пишут таким способом, но они поступают беспорядочно, а мы следуем определенному правилу. Так, упомянув, каким образом Бардиллис[5], иллирийский царь, или Керсоблепта, царь фракийский, приобрели свои владения, историки не продолжают рассказа и даже не переходят к продолжению его, хотя бы после большого перерыва; покончив с вводными известиями, как делается в стихотворном произведении, они снова принимаются за повествование с самого начала. Мы, напротив, разделили одну от другой важнейшие страны мира с происходящими в них событиями, и потом, следуя принятому порядку, переходим от одной страны к другой каждый раз в одной и той же последовательности, год за годом излагая одновременные события каждой страны отдельно; при этом внимательный читатель не лишен возможности восстановить связность прерываемых по временам рассказов, благодаря чему он вовсе не ощущает пробелов в предшествующем изложении. Но довольно об этом (*Сокращение ватиканское*).

3. Вторжение Сципиона в Карфаген. ...Сципион проник в город, но карфагеняне продолжали борьбу с высот акрополя[6]. Так как ему было известно, что разделяющее противников море неглубоко, то Полибий советовал Сципиону набросать в воду железных крючьев или опустить доски с торчащими в них гвоздями, чтобы сделать невозможным переход неприятеля к земляным укреплениям[7] и нападение на них. «Смешно было бы, — возразил на это Сципион, — завладев стенами и находясь внутри города, избегать всеми мерами сражения с неприятелем» (*Плутарх*).

4[8]. Гасдрубал у ног Сципиона. ...Гордый Гасдрубал пал к ногам[9] римского военачальника, позабыв высокомерный обет[10].

...Когда Гасдрубал, карфагенский военачальник, в положении просящего сидел у ног Сципиона, сей последний, окинув взглядом присутствующих, сказал: «Смотрите, какой внушительный урок дает судьба безумцам[11]. Безумец этот — Гасдрубал, ибо недавно он отринул наши милостивые условия и говорил, что для него пламень горящего родного города — почетнейшая могила. И вот теперь с молитвенной веткой[12] в руках он просит сохранить ему жизнь и на нас возлагает все упования свои. При виде этого человека не может не прийти на мысль каждому, что нам, смертным, никогда не подобает

дозволять себе ни речей наглых, ни поступков». Тем временем несколько перебежчиков на кровле подошли к краю ее и просили передовых римских воинов на некоторое время приостановить битву. Едва начальник отдал приказ остановиться, как они обрушились на Гасдрубала с ругательствами, причем то укоряли его за клятвопреступление, напоминая, как часто он клялся на жертвенниках не покидать их, то поносили его за трусость и душевную низость вообще. Речь их была полна насмешек и грубой беспощадной брани. **Жена Гасдрубала.** В это время жена Гасдрубала, завидев супруга сидящим против консула, вышла вперед из толпы перебежчиков, в приличествующем ей пышном одеянии, а по обеим сторонам ее стояли два мальчика, одетые в короткие платьица, держа мать за руки; она прикрывала их собственной одеждой. Женщина прежде всего назвала по имени Гасдрубала, а когда он молча склонился к земле, она призвала богов в свидетели и горячо благодарила римского военачальника за то, что со своей стороны он сделал все к сохранению жизни не ее только, но и детей ее. Засим, помолчав немного, она обратилась к Гасдрубалу с вопросом: как он отважился принять для себя дар от неприятельского военачальника за предательство и, бесчестно покинув государство и доверившийся ему народ, уйти к неприятелю?[13] И теперь он решается сидеть с оливковой веткой в руках перед очами тех самых людей, из-за которых много раз повторял, что никогда не наступит день, когда он, живой, будет глядеть на солнечный свет и на пожираемое пламенем отечество[14]. Однако...

...На приеме обласканный Сципионом, Гасдрубал решил удалиться в чужую землю[15] (*Сокращение ватиканское, Свида*).

5[16]. Мысли Сципиона при виде погибающего в огне Карфагена. ...Лучше этого <...> как у Гомера <...> обернувшись в мою сторону и взяв меня за правую руку, сказал: «Хорошо; но я терзаюсь страхом при мысли, что некогда другой кто-нибудь принесет такую же весть о моем отечестве». <...> Трудно сказать что-либо более здравое и мудрое. На вершине собственных удач и бедствий врага памятовать о своей доле со всеми ее превратностями и вообще среди успехов ясно представлять себе непостоянство судьбы — на это способен только человек великий и совершенный, словом, достойный памяти истории (*Сокращение ватиканское*).

6[17]**.** ...Говорят, Сципион при виде окончательной гибели города заплакал и громко выразил жалость к неприятелю. Долго стоял он в раздумье о том, что города, народы, целые царства, подобно отдельным людям, неизбежно испытывают превратность судьбы, что жертвой ее пали: Илион, славный некогда город, царства ассирийское, мидийское и еще более могущественное персидское, наконец, так недавно и ярко блиставшее македонское царство. Потом, намеренно ли или невольно потому что слово само сорвалось с языка, Сципион воскликнул:

> Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
> С ней погибнет Приам и народ копьеносца Приама*.

Когда Полибий, который был тоже и наставником его, прямо спросил Сципиона, как понимать его слова, тот, говорят, не постеснялся сказать откровенно, что боится за отечество при мысли о бренности всего человеческого. Полибий слышал это и записал (*Аппиан*).

7. Пифей. Пифей[18] был брат Акатида, борца на ристалище, сын Клеомена, человек порочной жизни и, как гласила молва, в ранней молодости предавался мужеложству. Равным образом в государственном управлении он проявил наглость и любостяжание и по причинам, нами упомянутым, усилился благодаря Эвмену и Филитеру.

Полибий о предводительстве Критолая. ...Правда, ахеец Полибий[19] находился в то время в Африке, но не мог не знать о крушении родины и уверяет, что однажды в Ахае была битва, в которой предводительствовал Критолай. Он же сообщает, что Диэй, когда вел войско из Аркадии, был разбит этим самым претором Метеллом (*О добродетелях и пороках, Орозий*).

8. Временная стратегия Диэя. ...По смерти[20] ахейского стратега Критолая исполнение союзных дел и руководительство выпало на долю Диэя, согласно требованию закона, чтобы в случае смерти находящегося в должности стратега власть его переходила к предшественнику до ближайшего очередного союзного веча[21]. Посему он отправил военный отряд в Мегары, а сам по прибытии в Аргос обратился ко всем городам с

---

* Ил. VI 448. Пер. Н. Гнедича.

письменным приказом освободить тысяч двенадцать[22] рабов, находящихся в цветущем возрасте, из числа тех, что родились и выросли дома[23], и, снабдив вооружением, отправить их к Коринфу. Самый набор он распределил между городами как попало и неравномерно: так, впрочем, он действовал во всем. Где не было полного количества домочадцев, требуемое от города число воинов следовало восполнять из дворовых вообще. Далее, он видел, что союзная казна сильно истощена войной с македонянами, посему принуждал достаточных ахейцев, не только мужчин, но и женщин, выступать с предложением денег. Вместе с сим Диэй приказал всем способным к военной службе возрастам поголовно вооружаться и собираться в Коринфе. Эти распоряжения вызывали по городам брожение умов, смуту, уныние; умерших считали счастливцами, а шедших в поход все жалели и оплакивали, как бы в предвидении ожидающей их участи. Тяжело было переносить строптивость и нерадение рабов, только что освобожденных, да и остальные в ожидании свободы поднимали голову. Кроме того, мужчины вынуждены были против своего желания отдавать все, чем, по слухам, они владели, а женщины сами отнимали у себя украшения свои и своих детей, как бы сознательно уготовляя себе гибель.

9. Смута в городах ахейского союза. Слепая покорность ахейцев вождю. Все эти бедствия обрушились в одно время, и ужас, с каким принимались получаемые непрестанно известия, делал людей неспособными понимать и по достоинству оценивать общее положение дел, которое, как они должны были предвидеть, неизбежно вело к гибели всех их, с женами и детьми. Поэтому, как бы толкаемые и насильственно уносимые горным потоком народы слепо и безрассудно следовали за вождем. Элейцы и мессеняне оставались на месте с ожидании нападения со стороны флота[24], хотя едва ли бы помогли им какие бы то ни было предосторожности, если бы эта туча появилась, как первоначально ожидали. Патряне и соединенный с ними народ[25] незадолго перед сим потерпели поражение в Фокиде <...> а то, что там происходило, было гораздо более достойно жалости, нежели события в Пелопоннесе, именно: одни в отчаянии налагали на себя руки; другие бежали из городов, куда попало, без всякой цели впереди, лишь бы не видеть возмущающих душу событий в своих городах; тре-

ли шли выдавать друг друга римлянам как врагов; четвертые клеветали и изобличали ближних своих, хотя в данное время никто и не требовал от клеветников подобной услуги; иные выходили навстречу римлянам с молитвенными ветвями, сознаваясь в вероломстве и расспрашивая, что ожидает их, прежде чем кто-либо заговаривал с ними об этом. Когда начали действовать чары[26], повсюду было множество людей, которые кидались в колодцы или с высоты стремнин, так что враг, как гласит поговорка, и тот был бы тронут при виде тогдашних несчастий Эллады. И в самом деле, эллины и раньше по временам терпели неудачи и теряли все, но это бывало или в борьбе за власть, или по вине вероломных самодержцев*. Напротив, во время, нами описываемое, навлекли на эллинов воющее несчастье безрассудство вождей их и их собственная слепота. Что касается фиванцев, то они поголовно покинули город, и он остался без жителей. В числе их был и Пифей, который с женой и детьми укрылся в Пелопоннесе и там скитался по полям[27].

Безрассудство и робость Диэя. ...Странным показалось Диэю[28] предложение неприятеля, чем подтверждается поговорка: «У глупцов и мысли глупые». Посему-то люди такого рода не могут не находить странными простейшие явления.

...И он раздумывал, как бы уйти обратно домой[29], своим образом действий уподобляясь неразумному пловцу, который, решаясь кинуться в открытое море, не соображает, насколько это опасно, а потом, когда уже погрузился в воду, раздумывает, как ему попасть на берег (*Сокращение ватиканское*).

10. Диэй выбран в стратеги. Условия Цецилия отвергнуты. ...Лишь только Диэй, выбранный народом в стратеги[30], прибыл в Коринф, как туда же возвратился от Цецилия Андроник[31] с товарищами. Уже и раньше Диэй распространял слух, будто эти ахейцы держат сторону врагов; теперь он отдал послов на жертву толпе, и они подверглись всевозможным обидам, были схвачены, связаны и отведены к властям. Прибыл сюда также фессалиец Филон[32] с несколькими выгодными для ахейцев предложениями. Когда Филон был выслушан, кое-кто из поселян подал голос за принятие предложений, в том числе и некий Стратий, человек уже старый; он неотступ-

---

* Квинт Цецилий Метелл.

но просил и молил Диэя согласиться на условия Цецилия. Однако стратег и его сотоварищи[33] и слушать не хотели Филона, ибо общего блага они не признавали и в своих речах преследовали только собственные выгоды и личную безопасность; потому-то они и приняли такое решение, хотя оно было совершенно ошибочно[34]: в ясном сознании своей вины они никак не могли рассчитывать на пощаду со стороны римлян. В то же время им и на мысль не приходило мужественно выдержать борьбу за государство народное, — это-то и составляло долг граждан, которые пожелали бы со славой направлять дела Эллады. Однако каким образом и откуда могло бы явиться подобное настроение у названных нами людей? **Состав совета у ахейцев.** Совет держали здесь Диэй и Дамократ[35], незадолго перед тем благодаря смутам получившие право возвратиться из ссылки[36], с ними вместе Алкамен[37], Теодект и Архикрат. Что это были за люди, какого образа мыслей держался каждый из них, и какую жизнь они вели, обо всем этом у нас говорено подробно*.

11. Пытки и казни ахейских граждан. Таков был состав совета, с ним согласовался и исход совещаний. Так, власти немедленно заключили в тюрьму не только Андронида, Лагия и их единомышленников, но также товарища стратега[38] Сосикрата, обвинив последнего в том, что он председательствовал в собрании, которое решило отправить посольство к Цецилию, содействовал такому решению, да и вообще считали его виновником всех бед. На следующий день они назначили судей[39] и приговорили Сосикрата к смертной казни, потом связали его и не переставали мучить пытками до тех пор, пока он не испустил дух, и все-таки не дал ни одного из показаний, каких от него домогались. Лагий, Андронид и Архип были отпущены на свободу, потому, во-первых, что народ возмущен был казнью Сосикрата, и потому еще, что Диэй получил талант от Андронида и сорок мин от Архипа. Ибо даже теперь, будучи на краю гибели[40], Диэй был не в силах удержаться от позорного и преступного торга[41]. Незадолго перед сим с коринфянином Филином он поступил точно так же, как и с Сосикратом, именно: обвиняя его в сношениях с Меналкидом[42] и в сочувствии римлянам, он приказал бить кнутом и пытать Филина и сыновей

---

* Эти характеристики не сохранились.

ого, одних на глазах других, и кончил истязания тогда только, когда Филин и юноши не дышали больше. Когда тупость и бессмыслие овладели всеми эллинами до такой степени, в какой трудно встретить эти состояния даже среди варваров, напрашивается сам собой вопрос: как не погибли все эллины до единого? На мой взгляд, события имели такой вид, как будто изворотливая и ловкая судьба боролась против тупости и умоисступления вождей; всячески и отовсюду теснимая безумием правителей, она старалась во что бы то ни стало спасти ахейцев и ухватилась подобно искусному борцу за последнее оставшееся ей средство. Состояло оно в том, чтобы быстро сломить силы эллинов и дать неприятелю легкую победу над ними: так судьба и сделала[43]. Благодаря этому гнев и ярость римлян не распалялись больше, не приходили римские войска из Ливии[44], равным образом и правители эллинов с теми свойствами, какие мы описали, не имели возможности, воспользовавшись победой, проявить на согражданах всю свою пусность. На основании предыдущего можно догадываться о том, что эти люди способны были бы причинить собственным согражданам, если бы перевесом над противником они получили какую-нибудь к тому возможность. У всех на устах была в то время поговорка[45]: мы не были бы спасены, если бы не были быстро сокрушены (*О добродетелях и пороках*).

12. Авл Постумий заимствовал худшие качества эллинов. ...Вот почему Авл Постумий[46] заслуживает упоминания. Он принадлежал к знатнейшему дому и роду, но сам по себе был человек пустой, болтливый и величайший самохвал. С ранней юности он увлекался эллинским образованием и языком и переступал в этом отношении всякую меру; по его вине стали относиться враждебно к увлечению эллинством, которое возбуждало недовольство в среде именитейших римлян старшего поколения. Наконец, Постумий вздумал написать стихотворение и политическую историю, во вступлении к которому просил у читателей снисхождения, если он, как римлянин, не совладал с эллинским языком и не осилил правил построения целого. Говорят, Марк Порций Катон метко возразил на это: «Удивляюсь, зачем он просит о снисхождении: если бы писать историю обязало его собрание амфиктионов, тогда можно было бы просить о милости, но написать историю без малейшего принуждения, по собственному почину и

засим выпрашивать снисхождение к ошибкам против языка, — это служит признаком величайшей глупости и напоминает тот случай, как если бы кто записался на гимнастические состязания бойцом или панкратиастом, и потом, явившись на ристалище, начал бы перед самым состязанием просить зрителей снизойти к нему, если борьба или кулачные удары окажутся для него непосильными. Такой человек непременно сделался бы смешным и тут же получил бы возмездие. Та же участь должна бы постигать и таких историков, как Авл Постумий, чтобы они не дерзали сверх меры[47]». Впрочем, во всей своей жизни он, как человек сластолюбивый и изнеженный, подражал тому, что есть наихудшего в эллинстве. Подтверждение дают недавние события: так, ко времени сражения в Фокиде Постумий явился в Элладу первый, но под предлогом болезни удалился в Фивы, лишь бы не участвовать в опасностях битвы. Зато после, когда сражение кончилось, он тоже первый послал сенату письменное уведомление о победе со всеми подробностями, как будто сам участвовал в битвах (*Свида, О добродетелях и пороках*).

13. Обращение римских солдат с произведениями искусства. ...Полибий со скорбью рассказывает обстоятельства, какими сопровождалось взятие Коринфа, упоминая также о грубости[48], с какой солдаты обращались с произведениями искусства и с посвященными богам предметами. Так, он утверждает, что собственными глазами видел, как солдаты играли в кости на картинах, брошенных наземь. Из картин он называет изображение Диониса работы Аристида[49], к которому, как рассказывают, применялась поговорка: «Ничего к Дионису», а также страдание Геракла в плаще Деианиры (*Страбон*).

14. Изображение Филопемена пощажены римлянами. ...Во внимание к любви, какой пользовался Филопемен у народа, римляне не разрушали его изображений, находившихся в нескольких городах[50]. Так, думается мне, всякая действительная услуга оставляет в том, кому оказана, неизгладимое чувство признательности.

...Поэтому с полным основанием можно повторить народное изречение: «Не в дверях он заблудился, а на улице».

...Много было изображений Филопемена, и велики были почести, возданные ему государствами. Пользуясь несчастиями Эллады, сопровождавшими падение Коринфа, какой-то

римлянин вздумал уничтожить все эти знаки почета и преследовать память его, как бы живого еще, уличая Филопемена во вражде к римлянам и в недоброжелательстве. Но когда Полибий выступил решительно против клеветника и его изобличений, ни Муммий, ни уполномоченные[51] не дозволили истреблять знаки чествования знаменитого эллина.

Защита Филопемена автором. Полибий вознамерился дать обстоятельные сведения об этом человеке*, согласные с тем, что сказано у нас в начале. Там мы говорили, что Филопемен много раз препирался с римлянами из-за их требований, но не ссорился с ними безрассудно, стараясь лишь выяснить противнику предметы разногласий и убедить его в своей правоте. Что же касается его намерений, то настоящее испытание их, как говорится, испытание огнем, он выдержал во время войн с Филиппом и Антиохом. Будучи влиятельнейшим из эллинов, как по своему личному значению, так и по степени могущества ахейцев, Филопемен верно соблюл дружественные отношения к римлянам. Он содействовал принятию ахейцами того постановления, по силе которого за четыре месяца до переправы римлян в Элладу они объявили наступательную войну Антиоху и этолийцам, тогда как чуть не все прочие эллины покинули римлян. Выслушав эти объяснения Полибия и разделяя их, десять уполномоченных согласились оставить во всех городах неприкосновенными знаки чествования Филопемена. Полибий воспользовался случаем, чтобы испросить обратно у консула еще несколько изображений, которые были уже вывезены из Пелопонесса; я разумею изображения Ахея[52], Арата, Филопемена. Ахейский народ в благодарность за эту услугу соорудил мраморное изображение Полибия (*Сокращение ватиканское, Плутарх, О добродетелях и пороках*).

15. Продажа имущества Диэя и его соучастников квестором. ...Когда десять уполномоченных привели в порядок дела Ахаи, они отдали приказ квестору, который должен был заняться продажею имущества Диэя, исключать из его имущества и отдавать Полибию в дар все, что бы он ни пожелал взять для себя, а прочее продать с торгов; однако Полибий[53] был так далек от мысли присвоить себе что бы то ни было из этого имущества, что просил даже друзей своих не покупать

---

* Филопемен.

ничего из вещей, продаваемых квестором; а сей последний, переходя из города в город, предлагал покупать имущество всех соумышленников Диэя, уже осужденных, если не было у них детей или родителей. Не все вняли совету Полибия; зато поступившие так, как он советовал, удостоились высшей похвалы от сограждан (*О добродетелях и пороках*).

16. Устроение Ахаи десятью уполномоченными. Десять уполномоченных покончили с устроением Эллады в течение шести месяцев и с наступлением весны возвратились морем в Италию, оставив всем эллинам прекрасный памятник римской политики.

При отъезде уполномоченные поручили Полибию обходить города и разрешать возникающие сомнения, пока эллины не свыкнутся с новым устройством и законами. В короткое время он достиг того, что жители полюбили дарованное устройство, а законы не порождали больше никаких трудностей как в частных отношениях, так и в государственных. Вот почему, если Полибия ахейцы любили и чтили уже раньше, то в позднейшее время за услуги, только что упомянутые, они всеми способами выказывали ему благоволение, и в отдельных городах воздавали высшие почести, как при жизни, так и после смерти. По общему убеждению, почести эти были заслужены, ибо, не выполни такой задачи Полибий и не напиши он законов, относящихся к отправлению общественного правосудия, повсюду царили бы смута и беспорядок. Посему эту заслугу Полибия должно ценить выше всех прочих (*О добродетелях и пороках*).

17. Похвалы автора Муммию. ...По отбытии совета десяти из Ахаи римский военачальник* восстановил святилище на Истме[54], изукрасил храмы олимпийский и дельфийский, вслед за сим совершил путешествие по городам, причем в каждом городе встречали его с подобающим почетом и приветливостью. Уважение государств и отдельных граждан он заслужил вполне, ибо показал себя человеком воздержным и бескорыстным; управление его отличалось мягкостью, хотя среди эллинов он имел огромную власть, и случаи соблазна представлялись ему часто. Если он кое в чем и нарушил долг, как рассказывают, то вина за это падает не на него самого, а на сопутствовавших ему друзей. Об этом яснее всего свидетельствует

---

* Проконсул Л. Муммий.

дело халкидских конных воинов, которых он приказал перебить (*О добродетелях и пороках*).

18. Добродушие Птолемея Филометора. ...Царь сирийский Птолемей*[55] умер от раны, полученной на войне. По словам одних, это был царь, достойный высокой похвалы; другие держались обратного мнения. Действительно, человек он был добрый и великодушный, как ни один из предшествовавших ему царей. Вот и очевиднейшее свидетельство того: во-первых, он не отнял жизни ни у кого из своих друзей, каковы бы ни были против них обвинения; я думаю даже, что по вине его не умер ни единый александриец, кто бы он ни был. Во-вторых, хотя он и был убежден, что потерял власть по вине брата**, тем не менее предал забвению вину его, хотя в Александрии представлялся ему верный случай избавиться от брата; потом вторично, когда брат замыслил захватить Кипр, он после победы при Лапефе[56] мог по своему усмотрению решить вопрос о жизни и смерти; невзирая на это, не только не покарал брата как врага, но еще к тем землям, какие достались брату согласно договору, он прибавил новые дары и обещал выдать за него свою дочь. И все-таки во время удач и после побед он терял самообладание и предавался, можно сказать, чисто по-египетски излишествам и распутству; в таком состоянии он навлекал на себя большие беды (*там же*).

19. Автор признателен римлянам за внимание к нему. ...Мы возвратились из Рима по исполнении этого дела[57], как бы увенчав нашу предшествующую государственную деятельность: достойная награда за расположение наше к римлянам. Посему прошу и молю всех богов о том, чтобы и в последующей жизни сохранить себя неизменным в том же самом настроении. Ибо мы знаем, как судьба умеет быть завистливой к людям, и как она чаще всего направляет мощные удары на такие предметы, в каких человек полагает свое высшее благополучие и преуспеяние.

Заключительные замечания автора о плане сочинения. Таков был счастливый исход нашего предприятия. Подойдя к концу целого сочинения, мы желаем прежде всего напомнить начало его и тот предварительный очерк, который положен в

---

* Птолемей Филометор.
** Птолемей Младший, Фискон.

основу нашей истории, потом вкратце обозреть все содержание ее, и, таким образом, привести конец в связь с началом как в общем очертании, так и по частям.

Вначале мы обещали, что вступительная часть сочинения начнется с того времени, на котором остановился Тимей, что засим бегло рассмотрим события в Италии, Сицилии и Ливии, единственных стран, историю которых писал Тимей. Подойдя к тем временам, когда командование карфагенскими войсками получил Ганнибал, в Македонии вступил на царство сын Деметрия Филипп, спартанец Клеомен бежал из Эллады, когда Антиох наследовал царскую власть в Сирии, а Птолемей по прозванию Филопатор в Египте, мы пообещали, что будем, начиная с этих событий, приходящихся на сто тридцать девятую олимпиаду, излагать события общемировые, распределяя изложение их по олимпиадам, каждую олимпиаду разделяя на годы и сопоставляя между собой и сближая события одновременные до разрушения Карфагена и до битвы на Истме между ахейцами и римлянами, а равно до следовавшего засим переустройства эллинов[58]. Из такой истории, утверждали мы, люди любознательные извлекут прекраснейшее и плодотворнейшее знание, именно: каким образом и силою какого общественного устройства почти весь известный мир подпал единой власти римлян, — явление, до того невиданное. Когда все сочинение приведено к концу, нам остается определить периоды времени, обнимаемые нашей историей, и общее число книг всего сочинения (*Сокращение ватиканское*).

От последней, XL, книги Полибиевой истории не сохранилось ничего.

МЕЛКИЕ ОТРЫВКИ ИЗ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ПОЛИБИЯ, НЕ ПРИУРОЧЕННЫЕ К ОТДЕЛЬНЫМ КНИГАМ

4. Эгосфены[1], город Мегариды, имя жителя должно бы быть эгосфенец, как мегарец, а Полибий говорит эгосфенит.

10. Дамасец[2]: сильнейшие, укрепления, говоря вообще, имеют обоюдное значение, доказательство чему можно видеть в акрополях. Так, по-видимому, они много содействуют безопасности городов, в которых находятся, и ограждению свободы их; они же часто приводят к порабощению и верным несчастиям, как выражается Полибий.

16. «Раз только обеспечено отступление, самое поражение не страшно»[3]. Стих этот следует памятовать всегда. Римлянин Луций забыл его и через то претерпел жестоко. Так, нередко какая-нибудь мелочь приводит к неудаче в важнейших предприятиях вследствие нерассудительности вождей. Для людей сообразительных достаточным подтверждением этой мысли служат примеры: насильственное вторжение[4] эпирского царя Пирра в Аргос, поход Лисимаха через Фракию на царя одрисов Дромихайта и многие другие подобные случаи.

23. Как говорит Полибий и согласные с ним писатели, Марцелл ни разу не победил Ганнибала, который, кажется, до Сципиона оставался неодолимым[5].

29. В старину[6] у римлян единоборство велось честнейшим образом, а в наше время [придуманы многочисленные уловки].

41. Название жителя должно быть бруттиец, как у Полибия имя женского рода: «местностей в Бруттийской земле»[7].

42. Замечая, что солдаты при виде знамений испытывают суеверный страх, он старался собственными объяснениями и ухищрениями рассеять робость войска.

56. То, что в настоящем причиняет сильнейшее огорчение, всякий раз доставляет потом живейшие радости.

63. Кажется, суда эти почти столь же быстроходны, как и пятидесятивесельные, слабее трехпалубных, ибо в течение уже многих лет их не строят, хотя историк Полибий и почитал нужным дать размеры шестипалубных судов, коими часто пользовались римляне и кафрагеняне в войне друг против друга[8].

66. Кто желает правильно судить о войне, тот обязан, подобно больным, принимать во внимание дальнейшие последствия войны столько же, как и беды ее, неизбежные вначале.

74. Он переправил грузовые суда для того, чтобы, наполнив их балластом, потопить у выхода из гавани и таким способом окончательно отрезать неприятеля от моря[9].

82. Согласно желанию солдат получив власть от военачальника, он в тогдашнем положении оказал изумительную и неожиданную поддержку.

85. Жажда жизни и непомерная привязанность к ней — признак постыднейшего малодушия и низости.

90. Древние[10] упоминают о Великой и Малой Каппадокии; Великая — от Кесареи и Тавра до Понтского моря, граничит рекой Галисом на западе и Мелитеною[11] на востоке. Это и есть Великая Каппадокия. Свидетельствует об этом Полибий, автор «Римской истории», который начинает Каппадокию от Тавра и Ликаонии и ведет до Понтского моря, ибо и Неокесарея[12], а также Колонея, и вся Мелитена называются Каппадокией. Это персидское имя[13]. Некий персиянин <...> на охоте царю Артаксерксу или какому-то другому вышел навстречу лев и вцепился в царского коня. Случайно при нападении зверя оказался персиянин; он обнажил меч, убил льва и тем спас царя, едва не поплатившегося жизнью. И вот этот персиянин взошел на высочайшую гору и получил от царя всю землю, какую только можно было видеть человеческим глазом, оглянувшись кругом, на восток и запад, на север и юг. Так рассказывает Полибий.

91. Так как карфагеняне[14] честнейшим образом подчинялись всем требованиям.

92. Пятьдесят кораблей соорудить заново, а другие пятьдесят спустить на море из числа имеющихся на верфях.

95. В ведении войны наблюдается у кельтиберов следующая особенность: когда они замечают, что пехоту их теснят, то спешиваются и оставляют лошадей спокойно стоящими в

строю: к концам уздечек они привешивают маленькие колышки, крепко вколачивают их в землю и таким образом приучают своих лошадей покорно оставаться в строю, пока седоки не возвратятся и не выдернут колышков.

96. Кельтиберы[15] сильно разнятся от других народов строением своих мечей, именно: мечи их имеют хорошо колющее острие и пригодны для нанесения ударов обеими сторонами. Вот почему римляне со времени войны с Ганнибалом покинули старинные мечи и заменили их мечами иберийскими. Строение мечей они усвоили, но никак не могли перенять доброкачественности железа, ни обработки его вообще.

101. Из всех сил, действующих на войне, значит наиболь-ше как для поражения, так и для победы, состояние духа сражающихся.

102. Римский военачальник Марк[16] желал, покончив с лузитанами, перенести войну в другое место и тем, согласно поговорке, миновать мужскую половину дома, чтобы попасть в женскую, ибо полководец незадолго до того потерпел, кажется, поражение от лузитанов.

103. Те из лигистинов, которые вели войну с Магоном, не были способны совершить что-либо решительное и важное.

105. Он чувствовал, что ко власти македонян станут относиться пренебрежительно, если первая попытка мятежников будет иметь успех.

113. Эфор определяет мору[17] в пятьсот человек, Каллисфен в семьсот, некоторые другие в девятьсот, как Полибий, например.

117. Военачальники должны обладать умом и смелостью; это всего нужнее в предприятиях опасных и отважных.

127. Парф[18] — иллирийский город. Говорится и в мужеском роде (Parthus).

154. Царь Египта Птолемей Второй[19], по прозванию Филадельф, выдав родную дочь Беренику замуж за сирийского царя Антиоха, озабочен был тем, чтобы посылать ей нильскую воду и чтобы дочь его пила воду только из этой реки: так рассказывает Полибий (Ptolemaeus Philadelphus и Berenice).

157. Римляне прилагали большую заботу к тому, чтобы не иметь вида людей, поднимающих неправую распрю или начинающих войны для нападения на других; напротив, они желали иметь всегда такой вид, будто приступают к войне только ради самообороны из нужды.

159. Не имея возможности без даров[20] убедить вышеназванного царя вследствие его робости и нерешительности, он вынужден был предложить ему пятьсот талантов. И Селевк обещал свою помощь.

161. Как будто случай и судьба возвышали подвиги Сципиона[21], благодаря чему они всегда блеском и важностью превосходили ожидания.

163. Римлянин Сципион советовал так: или вовсе не пытаться, или же начатое приводить к концу во что бы то ни стало; ибо дважды искушать одного и того же и опасно, и для нападающего слишком позорно.

166. По крайней мере Сципион, по прозванию Африканский, будучи отправлен сенатом для устроения дел во всех царствах земли и для передачи, в них власти законным правителям, взял с собой только пятерых слуг, как рассказывают Полибий и Посейдоний. Когда один из слуг умер дорогой, он поручил родственникам своим купить другого на место умершего и доставить ему (Scipio Africanus Minor).

186. Гиртак, он же Гиртакин, город на Крите. Гражданин его гиртакин. У Полибия имя женского рода гиртакинка от названия жителя: гиртакин (Hyrtacus).

190. Филиппы, город Македонии, <...> гражданин филиппиец, у Полибия филиппенец (Philippi).

195. Филопемен на второй день по выступлении в поход отдавал приказ делить двухдневное продовольствие на три дня, когда желал выиграть один день, а иногда приказывал делить то же продовольствие на четыре части.

Приложение

ФЕДЕРАТИВНАЯ ЭЛЛАДА И ПОЛИБИЙ

Одни и те же факты могут вести к многообразным заключениям у различных писателей и в разные времена. История навсегда останется неисчерпанной, и сколько бы мы ни читали об эллинах и римлянах, как бы глубоко, по нашему мнению, ни изучены были собственные их повествования о них самих, мы всегда найдем, чему поучиться, в этих самых источниках.

Finlay. «Greece under the Romans»

I

Умонастроение Полибия

Читатели Фукидида хорошо знают, что уже в V в. до Р. Х. удовлетворительное разрешение междуэллинских распрей и недоразумений затруднялось внутренними раздорами политического и еще более экономического характера в отдельных городских общинах; рабством ничуть не обеспечивалось социальное и экономическое довольство массы свободного населения граждан. Скорее наоборот: равное право всякого жить за счет дарового труда делало обездоленных граждан тем чувствительнее к фактическому неравенству в пользовании житейскими благами, в ряду коих постоянное деятельное участие в политических судьбах страны занимало едва ли не первое место. В Аристофановой комедии «Богатство» (стихи 513–518) одно из действую-

щих лиц настаивает на необходимости равного распределения богатств между всеми гражданами. На вопрос собеседника, Бедности, кто в таком случае будет исполнять различные работы, вызываемые повседневными потребностями гражданина, Хремил отвечает, что все это будут исполнять тогда слуга. Подобный ответ дает Праксагора Блефиру в другой комедии того же автора, «Женщины в народном собрании» (ст. 651), относительно землевладения. Но и Праксагора, и Хремил забывали, что существовавшее в их время рабство не устраняло, однако, неравенства граждан, на которое они жалуются. Уже и в V в. нередко бывали случаи, что или богатое меньшинство, или малообеспеченная масса граждан искали союза и поддержки в чужих, враждебных государствах и готовы были жертвовать независимостью родины, лишь бы удержать за собою руководящее положение или смирить и уничтожить домашнего противника. Уже и в то время не было недостатка в усилиях теоретиков помочь нараставшему злу, но их фантастические планы оставались без влияния на практические отношения: олигархи продолжали ненавидеть народ и измышляли насильственные меры к подчинению его или укрощению, а народное большинство поджидало удобного случая, чтобы путем переворота рассчитаться с врагами и хоть на короткое время водворить равенство земельных участков и свободу от долгов. По свидетельству Фукидида, внешние войны обостряли борьбу партий, ожесточали борющихся и умножали междоусобицы*.

Тогдашний историк, принадлежа по происхождению и личным связям к известной общественной группе, участвуя непосредственно в политических событиях своего времени, оказывался бессильным, при всем желании быть правдивым и беспристрастным, отрешиться вполне от некоторых предубеждений или предрасположений в оценке наблюдаемых явлений. Вдохновляемый любовью к родине, он стремился в правдивом изложении исторических событий преподать современникам и потомству уроки политической мудрости; но на Фукидиде читатель имеет полную возможность наблюдать, как трудно было историку, при всем даровании его и правдивости, сохранить необходимое спокойствие духа и беспристрастие если не в фактическом изображении событий, то в суждениях о них и в общих выводах. Этим последним недостает, однако, последовательности и единообразия, потому что и сам автор, высказывающий их, не имел в сво-

---

* *Thuk.* III 82.

ем распоряжении определенной политической программы и не располагал цельною системою воззрений на условия мирного преуспевающего общежития.

Положение Полибия как историка ввиду совершавшихся тогда событий было еще труднее, и в его воззрениях и симпатиях, как мы постараемся показать впоследствии, недостаток единства изобличается с большею еще ясностью, чем у Фукидида; поэтому напрасно было бы силиться предлагаемые им уроки и обобщения свести к какому-либо одному началу личной морали или политики. С другой стороны, сочинение Полибия содержит в себе еще большее число и еще более поучительных примеров разногласия или даже противоречия между сообщаемыми автором фактами и выводами из них, чем это наблюдается у Фукидида, а равно и между суждениями об одних и тех же предметах. Разноречивая оценка македонян, и в частности Филиппа V, ожесточение против этолян, неумеренные часто похвалы римлянам свидетельствуют о трудности для автора разобраться в событиях своего времени, уловить руководящую нить в различных порядках явлений. Вот главным образом почему мы сопроводили цельную биографию и общую характеристику историка двумя очерками: во-первых, о состоянии Эллады в последнее время ее политической независимости и об отношении к нему нашего автора; во-вторых, о степени зависимости римского историка Ливия от Полибия в изображении одних и тех же событий. Тогдашним положением Эллады сразу выяснятся основные отличительные черты нашего историка, а из сравнения его с Ливием читатель вернее оценит его особенности и достоинства.

В высокой степени знаменательно, что историк, кровный эллин по происхождению, языку и образованию, боровшийся и претерпевший за независимость родины, ставит себе задачею написать такую историю своего времени и ближайшего предшествующего, в которой решительно преобладающая речь отводится варварскому Риму. Он восхищен зрелищем победоносного вторжения римлян в судьбы остального известного тогда мира и покорением ими последнего. «Где найти человека, — восклицает историк, — столь легкомысленного или нерадивого, который не пожелал бы уразуметь, каким образом и при каких общественных учреждениях почти весь известный мир подпал единой власти римлян в течение неполных пятидесяти трех лет? Никогда раньше не было ничего подобного». Как бы во избежание малейших недоразумений историк несколько раз повторяет в тех же самых и в несколько измененных выражениях, что

таков именно главный предмет всего его повествования, чудо его времени. С нашей точки зрения, всеобщая, или всемирная, история Полибия, как называет сам автор свое сочинение, скорее всего, может быть названа историей могущества Рима от начала II Пунической войны до покорения Эллады: что и было замечено еще византийцем Свидою. Автор сознается, что пишет не для эллинов только, но и для римлян, посвящает особую книгу, шестую, описанию государственных учреждений Рима в уверенности, что оно «принесет большую пользу любознательным государственным людям в деле усовершенствования и устроения государств». Приковывающие к себе внимание историка пятьдесят три года начинаются временем так называемой союзнической войны Филиппа и ахеян против этолян, войны между Антиохом Великим и Птолемеем Филопатором за Койлесирию (Келесирию) на востоке и Ганнибаловой войны между римлянами и карфагенянами на западе (220–216 г. до Р. Х.); годы эти наполняют собою сто сороковую олимпиаду. Каждое из поименованных событий имеет еще, по словам историка, свое особое, независимое начало, но с третьего года той же олимпиады (217 г.) интересы римлян, карфагенян, эллинов и македонян сплетаются в единое целое и ведут к одному концу — утверждению мирового владычества римлян. «С этого времени Филипп и руководящие власти эллинов, начинали ли они войну друг с другом или заключали мир, не только сообразовались с отношениями в Элладе, но с той поры все они обращали взоры к италийским соглядатаям. Вскоре подобное же положение дел наступило для жителей островов и Азии. Так, народы, недовольные Филиппом, или другие, ссорившиеся с Атталом, не обращались более ни к Антиоху, ни к Птолемею, ни на юг, ни на восток, но взирали на запад, причем одни отправляли посольства к карфагенянам, другие к римлянам». Конечным моментом пятидесятитрехлетнего периода Полибий считает битву при Пидне (168 г. до Р. Х.), кончившуюся решительною победою Павла Эмилия над Персеем и упразднением независимости Македонии: с того времени Риму принадлежало неоспоримое господство над миром. Автор не знает другого равного периода времени, который вмещал бы в себе сколько важных событий. «Особенность нашей истории и достойная удивления черта нашего времени, — замечает он в другом месте, — состоят в следующем: почти все события мира судьба насильственно направила в одну сторону и подчинила их одной цели». Насильственное объединение мира под властью чужеземца представляется автору «прекраснейшим и вместе

благотворнейшим деянием судьбы». Согласно основному, многократно выраженному взгляду автора на задачу истории, делится и весь труд Полибия. Главную часть его, 28 книг (III–XXX), наполняют события пятидесяти трех лет от начала союзнической войны до сражения при Пидне (220–168 г. до Р. Х.) Две первые книги посвящены подготовлению читателя к собственному повествованию и содержат в себе более или менее обстоятельное описание I Пунической войны, возмущения ливийских наемников против Карфагена, подвигов карфагенян с Гамилькаром и Гасдрубалом во главе в Иберии, первое появление римлян на Балканском полуострове в Иллирии, войны римлян с галлами в Италии и так называемую Клеоменову войну (264–221 гг. до Р. Х.). Здесь, кроме Клеоменовой войны, рассказаны с большими подробностями I Пуническая война, переход римлян в Иллирию и так называемая ливийская война. Напротив, события в Азии и Египте, подвиги любимца автора Гамилькара и преемника его Гасдрубала, борьба карфагенян с иберами, — все это, хотя и не менее важное во вступлении ко всеобщей истории, излагается весьма кратко. Заключительную часть Полибиевой истории составляют десять последних книг (XXXI–XL), по мнению автора, наиболее полезных для любознательного читателя. В них историк старался доказать, что римский народ умел не только покорять другие народы, но и управлять ими, что мировое владычество его было не делом случая, но верно рассчитанного плана, всей системы политических учреждений и мудро заготовленных средств. Здесь речь идет о состоянии народов под властью римлян, о смутах, следовавших в покоренных странах за битвою при Пидне: в Ливии, Иберии, Азии и Элладе; повествование заканчивается разрушением Карфагена и Коринфа в 146 г. до Р. Х. В собственной истории автор примыкает к запискам Арата, а во введении — к истории Тимея.

Полибий жил 82 года, приблизительно между 210 и 128 гг. до нашей эры; бóльшую и главнейшую часть истории написал после 146 г., т. е. после подчинения Эллады римлянам*. Ко второму веку до нашей эры должно было сильно измениться умонастро-

---

* Биографический очерк и общую характеристику Полибия мы дадим впоследствии. Теперь заметим, что в новой литературе по вопросу о времени написания и издания его истории существует разногласие: Швейггейзер, Лукас, неизвестный автор статьи в Quarterly Review (1879 г.) отделяют по времени составления две первые книги от остальных и считают их написанными до 146 г.; Ницш, Брандштеттер, Маркгаузер, Ларош, Гилль и др. приурочивают составление всей истории ко времени после этого года.

ение эллинов сравнительно со временем не только Перикла или Фукидида, но даже Демосфена и Аристотеля, чтобы честный, благожелательный, даровитый эллинский историк, каковым бесспорно был Полибий, второй Фукидид, как он называется у Диона Хрисостома*, видел славу своего времени в покорении всего мира римлянами, чтобы он, не переставая сочувствовать эллинам и признавать превосходство их над всеми прочими народами**, взял на себя задачу доказать право римлян на мировое господство, чтобы он открыто гордился и восторгался составлением истории, изображающей роковой исход борьбы между Элладою и Римом как неизбежное последствие ошибок эллинов, и только их ошибок. «Если в прежнее время, — говорит Полибий, — эллины не раз подвергались жестоким испытаниям, угрожавшим самому существованию их, вследствие ли раздоров между собою или вероломства самодержцев, то теперь виною несчастия были безрассудство вождей их и их собственная глупость». Тогдашнее состояние Эллады представляется автору настолько печальным и безнадежным, что быстрое завоевание ее римлянами он считает благом для эллинов. Историк уверен, что его настроение разделяется каждым здравомыслящим человеком, и потому он не боится, что труд его может остаться незаконченным: наверное, найдутся многие, восхищенные прелестью предмета, которые охотно доведут начатое дело до конца. «Неужели кто-либо, — восклицает он, — может быть увлечен другим зрелищем или другими предметами знания настолько, чтобы из-за них пренебречь предлагаемыми здесь сведениями?» Между тем все изложение Полибия должно показать с ясностью, что не избегать, а, напротив, искать следует владычества римлян, что владычество их достойно похвалы, а не осуждения. В войну Персея с Римом сочувствие эллинов к царю македонян прорвалось наружу как пламя, говорит историк, что, конечно, свидетельствовало о желании эллинов освободиться от римских порядков. Однако Полибий, умалчивая об этих последних, объясняет освободительное движение эллинов только

---

* *Orat.* XVIII. P. 256 C.

** Посетив Александрию в царствование Птолемея Эвергета, Полибий нашел тамошнее население смешанным из туземцев, наемников и александрийцев. Преимущество этих последних перед наемниками состояло, по его словам, в том, что они происходили от эллинов и сохранили основные эллинские черты. *Polib.* XXXIV 14. Варварами называет римлян акарнан Ликиск. *Polib.* IX 38. Ср.: *Liv.* XXXI 29.

присущею человеку склонностью сочувствовать слабейшему. Труд свой историк заканчивает выражением довольства существующим и благорасположения к римлянам, а равно мольбою к богам о том, чтобы до конца дней положение его оставалось неизменным. Отсюда понятно, почему автор останавливается в недоумении перед последнею попыткою македонян (149–146 г. до Р. Х.) свергнуть с себя римское иго. «С избытком облагодетельствованные Римом», македоняне могли соединиться около лже-Филиппа, фракийца Андриска, против римлян только в силу божественного попущения: разгневанные боги желали покарать македонян. Он не наговорится о добродетелях П. Сципиона Эмилиана и в подробном рассказе как бы желает подольше насладиться воспоминаниями о первом знакомстве со знаменитым римлянином, воином и государственным мужем без страха и упрека по изображению Полибия*. Если ко всему этому добавить, что во многих случаях историк обнаруживает явную снисходительность к римлянам даже в оценке поведения их относительно эллинов, что он воздает похвалы великодушию римлян и состраданию их к несчастным как раз в то время, когда говорит о предательском образе действий Калликрата в Риме и о готовности римлян воспользоваться его наветами, то понятным становится смущение некоторых новых историков Эллады и критиков Полибия. Правда, одни из них, как Моммзен, например, идут даже дальше нашего автора в осуждении эллинов того времени и жалеют о том, что колебания и нерешительность в римской политике дали им несколько лишних лет политической независимости; зато другие встают на защиту эллинов против собственного их историка и укоряют его в пристрастии к победителям, в несправедливости к некоторой по крайней мере части эллинов.

II

Политическая раздробленность Эллады и иноземные влияния

Внешнее политическое положение Эллады во времена Полибия было совсем не то, какое занимала она до обращения Македонии в могущественную державу и до образования нескольких

---

* *Polib.* XXXII 9–11. 15.

сильных государств на развалинах обширной монархии Александра Великого. На место одного исконного врага эллинов, великого царя мидян, появились в течение одного столетия с небольшим в близком соседстве с Элладою чуждые ей государства, из которых Македония, Сирия, Египет превосходили ее в военном отношении. Там же, на востоке, возникли туземные царства: Пергам, Парфия, Каппадокия, Понт, Вифиния. На западе образовалось грозное римское государство, со второй половины III в. до Р. Х. деятельно вмешивающееся в дела македонско-эллинского мира.

Цари Македонии, эллины по происхождению*, господствовавшие над народом, смешанным из собственных македонян, иллирян, фракийцев и иных варваров, не принесли с собою эллинам ни мира внутри, ни безопасности извне; преемники Александра оказались даже бессильными оградить Элладу от вторжения варварских народов с севера: достаточно вспомнить опустошительный набег кельтов на Македонию и Элладу в 280–278 гг. до Р. Х. Собственная Эллада обратилась в арену борьбы сначала между преемниками Александра, так называемыми диадохами, потом между владыками новообразовавшихся царств. Цари Македонии взирали на нее только как на источник военных средств и желали иметь в ней покорную союзницу в достижении целей, не имевших ничего общего с ее собственным благополучием. От херонейской битвы (338 г. до Р. Х.) и до сражения при Пидне (168 г. до Р. Х.) македонские владыки стремились подчинить Элладу своим властолюбивым планам, не останавливаясь для этого ни перед какими средствами: обманом, насильственною переменою государственных учреждений в отдельных республиках, содержанием в них гарнизонов, водворением тиранов, опустошением территории, истреблением жителей или переселением их в далекие страны. После победы при Кранноне (август 322 г. до Р. Х.) в так называемую ламийскую войну наместник Македонии Антипатр упразднил демократическое правление в Афинах, отняв право гражданства у всех граждан, которые имели состояние меньше 2000 драхм; все бесправные граждане числом около 12 000 осуждены были в ссылку частью во Фракию, частью на иллирийский или италийский берег, частью в Ливию; Мунихий занят македонским гарнизоном; афиняне обязаны возместить все военные издержки; афинские колонисты выселены с острова Самоса; антимакедонские ораторы дол-

---

* *Herod.* VIII 137.

жны были быть выданы Антипатру. Такою же беспощадностью и насилием сопровождалось дальнейшее шествие Антипатра по Пелопоннесу от одного конца до другого: в большинстве городов он установлял олигархию, изгонял, ссылал или умерщвлял строптивых и подозрительных, наконец направился через Коринфский залив в Этолию, намереваясь не только покорить этолян, единственных эллинов, остававшихся еще свободными, но и выселить всех их в отдаленные части монархии Александра. Лишь вести из Азии остановили исполнение замыслов Антипатра*. Ламийская война положила конец на многие годы самостоятельному, достойному существованию Эллады.

Со смертью Антипатра поднимается ожесточенная распря между претендентами на наследие Александра, причем различные части Эллады переходят из рук в руки от одного честолюбца к другому. Антипатр завещал власть Полисперхонту и обязал его защищать интересы царствующей династии. Но против него образуется коалиция из Кассандра, сына Антипатра, и двух полководцев Александра: Антигона в Азии и Птолемея в Египте (318–317 гг. до Р. Х.). С целью ослабить Кассандра, успевшего занять гарнизоном Мунихий, впоследствии и Пирей, представитель македонской династии возвестил свободу эллинов при условии строгого нейтралитета, удаление македонских гарнизонов из эллинских городов, ниспровержение олигархий, установленных Антипатром, и возвращение изгнанников. Все эти меры не могли не вызывать повсеместного брожения, а потому Полисперхонт решил наводнить своими войсками эллинские города. Неприятельские армии оспаривали одна у другой обладание Афинами, а тем временем в самом городе происходила расправа со сторонниками македонян, жертвою которой пал и Фокион. Однако не прошло и трех месяцев, как Афины, преобразованные в олигархию, очутились во власти Кассандра, поставившего в Мунихий свой гарнизон и облекшего властью тирана друга погибшего Фокиона, Деметрия Фалерского. По изгнании Писистратидов в 510 г. до Р. Х. теперь впервые восстановлена была в Афинах единоличная тирания (307 г. до Р. Х.). Судьба Афин навела ужас на многие города Пелопоннеса, которые не замедлили покинуть Полисперхонта и примкнули к Кассандру**. Из Пе-

---

* *Plut.* Phoc. 27–29; *Diod. Sic.* XVIII 18. 55–56. 68–69.

** В это время впервые жители Спарты оградили город свой стенами и окопами. Впоследствии тиран Набис только усилил укрепления. *Diod. Sic.* XVIII 75; *Pausan.* VII 8; *Liv.* XXXIII 38.

лопоннеса Кассандр прошел победоносно через всю Элладу в Македонию и утвердился на престоле Александра (314 г. до Р. Х.). Не раз еще ходили войска его по Элладе от края до края, пока наконец он не заключил союза с Птолемеем, Селевком и Лисимахом против Антигона Одноглазого, фактически обладавшего чуть не всей Азией. Каждый из противников старался привлечь Элладу на свою сторону, и вот сначала Антигон объявил, что все эллины должны быть свободны, получить обратно свои учреждения, должны быть избавлены от гарнизонов или военной оккупации; потом то же самое сделал Птолемей, хотя ни тот ни другой и не помышляли о выполнении обещания.

Дальнейшая борьба между союзниками и Антигоном происходила на эллинской территории и кончилась в 311 г. до Р. Х. договором, в силу которого Македония оставалась за Кассандром до совершеннолетия сына Александра от Роксаны, также Александра, Фракия предоставлена Лисимаху, Египет Птолемею, Азия Антигону; эллинские города объявлены свободными. Но Антигон не выводил своих войск из Эллады, и война возгорелась снова между прежними противниками, причем в качестве то союзника, то врага Кассандра выступает снова Полисперхонт, продолжавший занимать некоторые города Пелопоннеса. Утвердившийся в Македонии Кассандр простер свое господство на Акарнанию и значительную часть Эпира. Тем временем Птолемей египетский вторгся в Элладу с юга и занял сильными гарнизонами Сикион и Коринф; понятно, что провозглашение им свободы эллинов не производило никакого действия на эллинские города. С гораздо большим успехом такое же провозглашение сделано было в следующем году (307 г. до Р. Х.) Деметрием Полиоркетом, сыном Антигона, подкреплявшим свои обещания изгнанием гарнизонов Кассандра из Пирея, Мунихия и Мегар; десять лет управлявший Афинами Деметрий Фалерский бежал в Египет. Восхищенные афиняне изыскивали всевозможные способы выражения покорности и признательности освободителю: Антигон и Деметрий объявлены были всенародно богами и спасителями. Однако все ясно сознавали, что дарованная свобода может быть во всякое время по воле сильнейшего из полководцев отнята и заменена тиранией. В 306 г. Антигон и Деметрий провозгласили себя царями, примеру их последовали Птолемей в Египте, Селевк в Вавилонии, Месопотамии и Сирии и Лисимах во Фракии. Но дележом власти и царского звания Александра не кончились войны между его преемниками, не была еще сломлена и сила Кассандра. В 303 г. афиняне взывали о помощи

к отсутствующему Деметрию Полиоркету против Кассандра, угрожавшего блокадою их городу. Деметрий прошел победоносно Пелопоннес, Эвбею, Беотию, Аттику и преследовал противника до Фермопил. Большая часть Эллады занята была его гарнизонами или низведена на положение покоренных земель: когда в 301 г. он двинулся в Фессалию против Кассандра, в его армии на 56 000 человек числилось 25 000 союзных эллинов. На собрании эллинов в Коринфе он, подобно Александру и отцу его Филиппу, провозглашен был гегемоном или вождем всех эллинов. Необыкновенные успехи Антигона и Деметрия побудили Кассандра, Лисимаха, Селевка и Птолемея заключить против него союз. С целью ослабить коалицию Деметрий примирился с Кассандрой, и, согласно состоявшемуся между ними договору, эллинские города, как азиатские, так и европейские, опять объявлены автономными и свободными от гарнизонов; на самом деле последовавшее в 300 г. до Р. Х. поражение Антигона и Деметрия в битве при Ипсе во Фригии против союзных войск Селевка, Лисимаха и Птолемея повело за собою переход большей части Эллады в зависимость от Кассандра, и в Афинах водворилась тирания Лахареса, но не надолго: гарнизоны Кассандра сменились вскоре гарнизонами Деметрия Полиоркета. Этот последний со смертью Кассандра (298 г. до Р. Х.) утвердился на македонском престоле, доверив управление Элладою сыну своему Антигону Гонате, родоначальнику македонских царей. Ряд антигонидов, начавшийся Антигоном (277 г. до Р. Х.), закончился Персеем, после битвы при Пидне (168 г. до Р. Х.), взятым римлянами в плен и кончившим дни в Италии. По отношению к эллинам Антигон настойчиво продолжал систему предшественников: он ревниво следил за тем, чтобы эллинские города не соединялись в союзы, в большинстве из них посадил тиранов из туземцев, в других содержал гарнизоны*. Дальнейшие перипетии македонской гегемонии над Элладою тесно связаны с судьбою двух эллинских федераций, ахейской и этолийской, а пока мы считаем нужным остановиться на вопросе о значении македонских завоеваний для эллинов.

Как видит читатель, военное усиление Македонии и вторжение ее в эллинский мир не принесли с собою, да и не могли при-

---

* «Одни из них (ахейские города) заняты были гарнизонами Деметрия и Кассандра, а впоследствии и Антигона Гоната, другие подпали под власть тиранов; как кажется, большинство властителей посажены были эллинам Антигоном». *Polib.* II 41. Ср.: IX 28.

нести ничего положительного, созидающего. Деятельность македонских царей и вождей в Элладе была разрушительная; они насильственно обращали творческие силы нации на достижение своих завоевательных целей, истощали население собственной Эллады контрибуциями и вербовкою воинов, пытались вводить выгодные для них изменения в политический строй городов, взамен старого не давая прочной целесообразной системы центрального управления, которая по крайней мере обеспечивала бы мир в междуэллинских отношениях и мирное существование внутри республик.

Какова бы ни была степень родства между эллинами и македонянами, во всяком случае македонская нация с царями своими во главе, не исключая Филиппа и Александра, представляла собою в IV в. до Р. Х. и позже этнографический и политический тип, низший сравнительно с более развитыми частями собственных эллинов. Бесспорно, македоняне, особенно цари и двор их, старательно усваивали себе лоск эллинской образованности, нравы, язык их, некоторые учреждения; бесспорно, они создали сильную военную организацию, способную противостоять раздробленным силам эллинов и смешанным, ослабленным деспотизмом армиям персидских царей; но по своим привычкам, стремлениям и задачам, по способности к деятельной гражданской и умственной жизни македоняне никогда не поднимались на уровень просвещеннейших республик Эллады. Вот почему даже во время Полибия, когда сближение македонян с эллинами сделало большие успехи, эллины не переставали сознавать национальную отдельность от македонян. Если в словах Демосфена, что Филипп не был ни эллином, ни даже родственным с эллинами, что он принадлежал к тем варварам, которые не могут быть и добрыми рабами*, если в этих словах и было патриотическое преувеличение, если, с другой стороны, эллины по сравнению с македонянами не были полубогами среди зверей, как выражался Александр Македонский**, то и в свидетельствах благосклонного к македонянам Полибия и Плутарха мы находим ясные указания на то, что в сознании эллина III—II в. до Р. Х. не исчезало сомнение в варварстве македонян, столь красноречиво выразившееся еще в рассказе Геродота***.

---

* Philipp. III 32; Olynth. III 16. 24; De fals. legat. 305. 308.

** *Plut.* Alexand. 51.

*** VIII 137–139. V 22. Ср.: *Kuhn.* Über die Entstehung der Städte der Alten. Komenverfassung und Synoikismos. Leipzig, 1878. S. 301.

Историк наш превозносит великодушие Филиппа, отца Александра, говорит сочувственно о заслугах его перед Элладою и укоряет Демосфена в близорукости и узком афинском патриотизме за его противодействие Филиппу и македонянам. Устами акарнана Ликиска и римлянина Тита Квинкция Фламинина он называет Македонию оградою Эллады от северных варваров: галатов, фракийцев и иных. Он хвалит храбрость и выносливость македонян в военных трудах и лишениях. Мало того: в речах упомянутого уже Ликиска и еще более этолийца Агелая решительно проводится та мысль, что эллинам для самозащиты и спасения необходимо слиться с македонянами воедино под властью македонских царей, т. е. высказывается то же самое, что столетием раньше внушал Филиппу Исократ*. И тем не менее нигде у Полибия мы не находим ничего похожего на представление о национальном единстве эллинов с македонянами, объединявшем, например, в одну нацию афинян и спартанцев, ахеян и этолян при всем различии их учреждений и привычек. И Ликиск, и Агелай различают эллинов как единое целое от македонян; сам автор не раз дает понять, что цари Македонии, с их самовластием за пределами своей страны, не способны были выполнить роль вождей свободных эллинов. Фессалийцы, говорит историк, были свободны только по имени, на деле они приравнены были к македонянам и вынуждены исполнять все приказания царских чиновников; в такое же положение стремился поставить ахеян любимец Филиппа Апелла. По поводу истории Апеллы и Леонтия Полибий ни одним словом не обмолвился в том смысле, будто царь македонян не сочувствовал планам своего приближенного; только он действовал осторожнее и рассудительнее. Самовластие Филиппа в обращении с ахейскими союзниками историк изображает самыми мрачными красками. До какой степени и поколение эллинов, ближайшее к Полибию, было не расположено допускать главенство македонян, видно из рассказанной им же истории обращения Арата к македонскому царю Антигону Досону за помощью против Клеомена. Желая во что бы то ни стало снять с Арата обвинение в измене делу эллинов, историк, однако, нигде не указывает на то, что стратег ахеян обращался к своим, к эллинам, как представляются македоняне Дройзену. Напротив, мимоходом он замечает, что эллины терпели от Антигона, главы военного союза, всевозможные обиды. Действительно, мы знаем из Плутарха, что по прибытии в

---

* *Isocrat.* Epistol. P. 410–413. Ed. Benseler.

союзный Аргос Антигон велел вновь поставить низверженные статуи аргосских тиранов и низвергнуть изображения освободителей Акрокоринфа: тираны всегда были пособниками Македонии*. Плутарх приписывает «гибель Эллады» тому обстоятельству, что Арат предпочел союз с Антигоном миру с Клеоменом; допустить македонян к занятию Акрокоринфа значило, по представлению эллинов того времени, заполонить Пелопоннес варварскими гарнизонами македонян. Призвание Антигона в Пелопоннес представляется Плутарху «постыднейшим деянием» Арата. «Допустим, что Клеомен был человек беззаконный и самовластный; но предки его — Гераклиды, а его отечество — Спарта; последний гражданин Спарты в звании гегемона предпочтительнее первого человека из македонян»**. После сражения при Селассии, возвращаясь в Македонию, Антигон оставил в Акрокоринфе македонский гарнизон, а в Пелопоннесе царского наместника; между тем он был только главою союза***. Далее, ахейца Аристена Полибий вместе с другими называет благодетелем и спасителем своей родины за то, что он удержал ахейцев от союза с Филиппом и обратил их на сторону римлян. В освещении далеко не благоприятном для македонян рассказана Полибием вся история отношений их к эллинам в речах Хления и Ликиска****. Напротив, сами македоняне с давних пор добивались признания близкого родства с эллинами, как это видно из Геродота, из речи македонского посла в народном собрании этолян во время второй македонской войны, из слов самого Филиппа, обращенных к этолийскому стратегу Фению*****. В одну линию с эллинами поставлены Филипп и македоняне в договоре Ганнибала с македонским царем******.

Однако напрасно было бы искать у нашего историка определенной оценки македонско-эллинских отношений. Одно можно сказать положительно: упомянутая выше речь Агелая, в значительной части принадлежащая самому автору, свидетельствует, что Полибий был убежден в возможности спасения Эллады под главенством Филиппа или другого царя Македонии, если бы сей последний совсем не походил на македонских царей и был свободен от присущих самовластному владыке слабостей.

---

* *Plut.* Arat. 45.

** *Plut.* Cleom. 16; Arat. 38.

*** *Polib.* II 52. IV 87.

**** *Polib.* IX 28–39.

***** *Polib.* XVIII 4.

****** *Polib.* VII 9.

Македонские завоеватели и ближайшие преемники их парализовали собственную жизнь Эллады, а последующие правители Македонии готовы были пользоваться каждым случаем для того, чтобы обратить свободных эллинов в своих покорных подданных на служение интересам правящей династии. Политическое дробление Эллады или, выражаясь точнее, политическая рознь между эллинскими республиками или мелкими союзами была одним из важнейших условий военного преобладания Македонии. В свою очередь рознь эта обусловливалась на столько многочисленностью независимых политических центров на небольшой сравнительно территории, сколько различием в степени гражданского и умственного развития, в общественных учреждениях, нравах, привычках, различием*, разъединявшим отдельные небольшие государства и союзы. Красноречивейшее свидетельство того, что сходство в политических учреждениях составляло бы важное условие единения эллинов, мы находим в том обстоятельстве, что в первом афинском союзе (477–405/404 гг. до Р. Х.) решительно преобладающею формою правления была демократия, а в союзе лакедемонян — олигархия, что в IV в. до Р. Х. внешняя политика отдельных государств, склонность к Афинам или Спарте определялись преимущественно преобладанием, в том или другом из них олигархического или демократического строя**. Тогда как Афины, Коринф, Сикион представляли собою в V в. до Р. Х. блестящие образцы торговых, промышленных, просвещенных республик, в некоторых частях полуострова эллины продолжали оставаться в условиях родового быта и по степени гражданственности стояли ниже гомеровских ахейцев; таковы были, например, этоляне, акарнавы, локры озольские, значительная часть аркадян***. Не менее резкая грань разделяла Спарту от Афин, вообще демократические республики от аристократических или олигархических. Бытовая и умственная рознь в среде эллинов не ослабевала с течением времени, скорее усиливалась по мере того, как преуспевающие республики все дальше и дальше уходили от деревенских поселков этолян или локров.

---

* Число самостоятельных городских общин в собственной Элладе, а также на островах, в М. Азии и других странах было не менее двух тысяч. Сочинение Аристотеля Πολιτεῖαι Πολεων содержало в себе описание 158 отдельных и союзных государств.

** *Thuk.* VIII 48. 64. 65. I 19. 76; *Xenoph.* Hellen. VI 3 14; *Isocrat.* IV 16; *Diod. Sic.* XV 45.

*** *Thuk.* I 5–6. III 94.

Вместе с тем должно было ослабевать чувство национального единства эллинов, коренившееся в общности языка, религиозных представлений и некоторых преданий; они утрачивали силу стимула, способного в моменты общей опасности быстро соединить все эллинство на борьбу с общим врагом. Несогласие и раздоры едва не погубили Элладу во время сражений марафонского, платейского и саламинского. Спартанский наварх Каликратид (ок. 406 г. до Р. Х.) видел причину унижения эллинов перед персидским двором в их раздорах и дал себе слово по возвращении на родину приложить все старания к примирению афинян и лакедемонян*. Еще во время Агесилая и Пелопида эллины не стыдились обращаться за решением своих распрей ко двору ахеменидов. Вследствие той же розни интересов азиатские эллины преданы были в руки персов по так называемому Анталкидову миру (387 г. до Р. Х.). Когда Александр Македонский предложил решение участи Фив эллинским союзникам, Платеи и Орхомен, феспийцы и фокейцы настояли на разрушении соседнего и родственного города**.

Таким образом, опасность для Эллады заключалась не в наличности многочисленных самостоятельных мелких государств, из которых каждое стремилось жить деятельною политическою жизнью и побуждало своих граждан к неустанному соревнованию в гражданской доблести, но в неравномерности развития их, в разности понятий, чувств и интересов, через то в слабости и малочисленности связующих элементов. Исократ и Демосфен взывали к единению эллинов; Аристотель полагал, что эллины всегда свободны и наилучше устроены политически благодаря природным свойствам, и могли бы владычествовать над всеми прочими народами, если бы пользовались единым управлением. По словам Плутарха, силы Эллады непреодолимы всякий раз, когда она благоустроена, объединена единоначалием и имеет мудрого вождя. Однако ошибочно было бы думать, что Аристотель или Плутарх мечтали об образовании из всей Эллады единой обширной монархии. И для Аристотеля правильным государством может быть только самодовлеющая городская община (Πόλις) на столь ограниченном пространстве, чтобы полноправные жители ее могли сходиться в собрание на одной площади, могли хорошо знать друг друга, верно судить друг о друге и из-

---

* *Xenoph.* Hellen. I 6.

** *Arrian.* I 9; *Diod. Sic.* XVII 14. У Элиана (*Aelian.* Variae historiae VI 1) собраны примеры жестокости эллинов в их войнах друг с другом.

бирать на должности пригодных людей. Такое определение государства несовместимо, разумеется, с представлением об обширной монархии. Под единым политическим устройством Аристотель разумел то же самое, что восхищало Полибия и Плутарха в деятельности Арата, соединившей ахейские города в федерацию. «Арат был уверен», замечает Плутарх, «что слабые сами по себе государства могут найти спасение только в единении, связующем их общими выгодами. Как члены тела лишь во взаимном соединении дышат и живут, а по расторжении утрачивают способность питания и гниют, так и государства погибают, когда отторгаются от целого, и наоборот, взаимно усиливают себя, когда становятся членами какого-либо большого тела и управляются общим попечением»*.

Древнеэллинские мыслители и историки были ближе к истине, когда стремились соединить политическую дробность Эллады на множество самостоятельных государств с существованием общих для всех эллинов учреждений, нежели новые историки и социологи, когда они ставят вопрос о преимуществах больших или малых государств и решают его обыкновенно в пользу первых. Не говоря уже о Дройзене или Моммзене, высокомерно взирающих на ничтожные по территории и военной силе эллинские республики, мы находим склонность к тому же решению и у таких ученых, как Фримен и В.Г. Васильевский. В «Исторических опытах», в «Сравнительной политике», в «Истории федеративного управления» Фримен высказывает ту мысль, что высокий энтузиазм, требовавшийся от граждан в маленькой древнеэллинской республике, по самой природе не мог быть долговечным; древнеэллинская республика представляется ему слишком блестящею для того, чтобы быть прочною. Афинская демократия, замечает английский историк, совершенствовала дарования людей и давала свободу гению целого общества и каждого его члена в более высокой степени, нежели какая-либо другая форма правления. «Слабость ее заключается в том, что она развивает способности человека до такой высоты, на какой едва ли может удержаться, что она в повседневной жизни нуждается в таком высоком энтузиазме и в такой преданности, какие не могут сохраняться в продолжение многих поколений. Афины в период своей славы, Афины Перикла, были поистине «верхом и венцом вещей» (the roof and crown of things); демократия их поднимала большее число людей и на более высокий уровень, не-

---

* *Plut.* Arat. 24; *Polib.* II 37–41.

жели какая-либо иная форма правления раньше или позже этого; больше всякой другой до или после она давала простор личным дарованиям сильнейших умов»*. По Фримену, выходит, что небывалый расцвет древнеэллинской республики был вместе с тем и источником преждевременной ее гибели, и потому нельзя удивляться, если он же в другом своем сочинении прямо осуждает систему мелких государств и умаляет те самые преимущества их, какие были признаны в «Сравнительной политике». «Подданный нового большого государства, — говорит он, — живет менее возбужденною и менее блестящею жизнью, хотя и столь же полезною, более упорядоченною и более мирною, нежели та, какою жил гражданин древней республики». Во вступительной части своего исследования очень близок к Фримену проф. Васильевский. Подобно английскому социологу, он взвешивает выгоды и неудобства древних малых государств по сравнению с новыми большими и по-видимому отказывается решить вопрос о том, которая сторона перевешивала в древней республике: «та ли, на которой добро, или та, на которой зло». Но и В.Г. Васильевский не без укоризны говорит о чрезмерно деятельной жизни эллинов: «Как юноша, который слишком быстро тратит свои молодые силы, щедро разбрасывая их во все стороны, возбуждает в нас опасение за свою будущность, так и лихорадочная жизнь Эллады мало ручалась за прочность и долговечность ее развития»**. Как будто всесторонняя умственная жизнь и плодотворная общественная деятельность, оставившие по себе неподражаемые образцы в литературе, философии, искусстве, ведут к тем же последствиям, что и слишком быстрая трата сил каким-нибудь неразумным юношей. Создания этой «лихорадочной» жизни служили и продолжают служить школою для человечества в течение тысячелетий. Потом, если с некоторым основанием и можно говорить о «лихорадочной» деятельности афинян или сирикузян и коринфян, то значительная часть Эллады была вовсе не повинна в ней, и, однако же, медленность развития не спасла и ее от политической гибели. Этоляне, эпироты, акарнаны, аркадяне, локры, даже ахеяне оставались долгое время в стороне от движения, и тогда как афиняне спасли Элладу от персидских полчищ, эти народы не выдержали натиска ни

---

* *Freeman E.A.* Comparat. polit. 214. Ср.: History of federal government. London, 1863. I. P. 62–88.

** *Васильевский В.Г.* Полит. реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869. С. 3, 7.

македонян, ни римлян. Источник политической слабости эллинов лежал в недостатке постоянно сознаваемых и действующих стимулов единения, что в свою очередь обусловливалось главным образом неравномерностью и неодинаковостью развития различных частей ее. Насколько сближение умственное служит залогом политического единства, видно из того факта, что образованию даже эллино-римской цезарской мировой монархии, созданной путем завоеваний, предшествовала в 70–50-е гг. до Р. Х. совместная работа римских и эллинских ученых и писателей в Риме; плодом ее было водворение классического стиля в литературе и пластике.

Одним из важнейших условий умственной производительности и патриотического одушевления в отдельных эллинских республиках было постоянное, живое, деятельное общение между гражданами, следствием чего являлось могущественное общественное мнение. При всем разнообразии личных дарований, социального и экономического положения, гражданство эллинской республики представляло более органическое целое, чем любое из новых европейских обществ. В демократиях и даже в аристократиях неизвестно было резкое разграничение граждан на классы с их особенными понятиями, чувствами и интересами, на невежественную, апатичную толпу и избранное действующее меньшинство. Лучшие умы республики в литературе ли то, в искусстве, в красноречии, даже в философии имели перед собою не больший или меньший кружок слушателей или читателей, но всю совокупность граждан. В классический период не только поэты, но и многие прозаики назначали свои произведения не для чтения, но для устной публичной передачи, почему слушатели и читатели назывались и впоследствии одним термином, οἱ ἀκροατες. Перикл вменял в величайшее достоинство афинской демократии, что в ней люди всех профессий, не исключая ремесленников, принимают участие в государственных делах, что у них почет выпадает обыкновенно на долю достойнейшего и т. п.* Словом, политика, литература, искусства входили в обыденную жизнь и образование каждого гражданина, в чем главным образом и следует искать разгадки изумительных подвигов гражданской доблести в персидские и пелопоннесские войны, художественной простоты и совершенства классической литературы.

Первоначальною и основною формою общежития эллинов оставался навсегда деревенский поселок, по своей внутренней

---

* *Thuk.* II 37 40.

организации наиближе подходящий к общинам в немецких кантонах Швейцарии. С уверенностью можно утверждать, что жизненность афинской демократии и долговечность Аттики как единого целого созданы были главным образом мудрой организацией демов, делавшей из них, по выражению Ассулье, «первую и самую меньшую школу, в которой афинский гражданин обучался политической жизни», но вместе с тем деятельно поддерживавшей связи с большим целым — республикой. В органическом сочетании местной автономии, с которою сжился эллин с незапамятных времен, с более широкими, государственными интересами лежит объяснение необычайной живучести эллинских муниципальных учреждений, вышедших нетронутыми из македонских войн, уцелевших после римского завоевания и возродившихся немедленно по ослаблении центральной власти Рима. Объединявшая поселки республика в большинстве случаев обеспечивала для всей совокупности граждан слишком большие выгоды, оставляя в то же время простор для личной энергии, чтобы отдельные части ее могли добровольно отказаться от этой более широкой формы общежития. Раздробления на первоначальные поселки могли добиваться только олигархи или внешние враги. Мантинеяне принуждены были спартанцами (385 г. до Р. Х.) покинуть свой город и рассеяться по первоначальным деревням, где на место демократии водворился олигархический порядок правления. Восстановление города и вместе демократии последовало за ослаблением спартанцев после Левктрского сражения (371 г. до Р. Х.). Усиление демократии в Аркадии ознаменовалось в то же время образованием Мегалополя из сорока небольших поселений и обращением его в центральный пункт* сложившегося перед тем аркадского союза.

Образование городских республик путем слияния деревень в политическое целое, так называемый синойкизм, облегчался одинаковыми приблизительно бытовыми условиями и интересами соседних поселений. Дальнейшее развитие республик отдаляло их друг от друга и от тех частей Эллады, которые едва выходили из племенного быта. Повседневная жизнь эллинов в историческое время благодаря необычайному разнообразию местных условий и политических форм накопляла элементы разъединения в гораздо большем числе, нежели элементы единства и согласия; слабость Эллады заключалась не в блестящем состоянии некоторых ее республик, но в недостатке солидарно-

---

* *Xenoph.* Hellen. V 2, VI 5; *Diod. Sic.* XV 5 12; *Pausan.* VIII 8 27.

ти между составными ее частями, в отсутствии таких связей в действительной жизни и в понимании окружающего, которые постоянно оживляли бы присущее эллинам сознание национального единства, давали бы ему значение могущественного стимула всякий раз, когда извне угрожала общая опасность, и сокращали бы поводы к распрям. Вот почему не могли быть устойчивыми и успешными попытки к объединению, возникавшие от времени до времени обыкновенно под давлением чрезвычайных внешних обстоятельств; по этому же самому недолговечными оказались и древнеэллинские федерации, образовавшиеся на закате политической независимости Эллады, хотя, казалось, им суждено было примирить самостоятельность и самоуправление отдельных республик с выгодами обширного национального государства. Самые начала федерации могут быть целесообразно осуществлены только при наличности благоприятных условий, а в числе последних первое место занимает известная близость в умонастроении и практических повседневных интересах. Как увидим ниже, их недоставало ни ахейской, ни этолийской федерациям, которые и не превратили Элладу в «непреоборимую силу».

К недостаткам организации и к домашним исконным распрям присоединилось вмешательство македонских царей, потом римского сената, заинтересованных не в умиротворении и политическом могуществе Эллады, напротив — в раздроблении и ослаблении ее. Эллины не разрешили задачи, возложенной на них всею совокупностью исторических обстоятельств внутренних и внешних; они не успели создать себе таких форм политического общежития, которые воспитывали бы деятельное чувство национального патриотизма и давали бы ему перевес над привязанностью гражданина к своему отдельному государству. Только с такими оговорками и может быть принято заключение Фримена, что федеративное управление само по себе бессильно было оградить Этолию от всех человеческих зол, от ошибок или поражений во внешних делах. С другой стороны, напрасными кажутся нам сетования нового эллинского историка на дорян, которые, по его мнению, помешали эллинам сложиться в единую обширную монархию*. Во-первых, условия политического дробления Эллады лежали гораздо глубже и существовали раньше вторжения дорян в Пелопоннес**; во-вторых, гомеровская

---

* *Papartigopoulo*. Histoire de la civilisation hellenique. Paris, 1878.

** *Thuk*. I 5 6.

басилея [царская власть], представляющаяся Папарригопуло зародышем желательной монархии, на самом деле распадалась на многие царства, и авторитет Агамемнона даже на войне был весьма ограниченным; в-третьих, драгоценное для человечества наследие эллинов создано, отчасти по крайней мере, благодаря этой самой политической обособленности; наконец, древние монархии, как персидская или римская, несомненно более могущественная, нежели какою могла когда-либо стать Эллада, стерты с лица земли, тогда как эллины все-таки сохранили до настоящего времени свое отечество, язык и общественный строй.

Период македонского господства ознаменовался в жизни эллинов некоторыми новыми явлениями, свидетельствующими о необычайной способности их приноровлять свои творческие силы ко всяким условиям места и времени. Частью по принуждению, частью по доброй воле масса эллинов покидала собственную Элладу и находила себе новые места деятельности в далеких странах Азии и Ливии. Войска преемников Александра состояли преимущественно, а в некоторых государствах целиком из эллинов. В семидесятитысячной армии Антиоха Великого в битве при Рафии (217 г. до Р. Х.) македонян и эллинов числилось на половину с туземцами; вероятно, такое же соотношение было и в армии противника его, Птолемея Филопатора*; все известные нам военные начальники Птолемея были эллины: Поликрат, Сократ, Эхекрат и др. В Египте и Сирии стратеги, гиппархи, царские секретари, важнейшие должностные лица набирались из эллинов; по стопам воинов и администраторов шли ученые, художники, торговые люди и всякого рода искатели счастья, недовольные неурядицами дома, соблазняемые легкостью наживы и славы на баснословном Востоке. Основание множества новых городов Александром, и особенно его преемниками, усилило эмиграционное движение эллинов до невероятных размеров. В Селевкиях, Антиохиях, Александриях, Лисимахиях, в Никомидии, Евсевии, Филадельфии и мн. др. городах господствующий, правящий класс пополнялся из эллинов и эллинизованных македонян. Вслед за людьми переходили в Азию и Египет эллинские искусства, литература, философия, наука, язык, общественные учреждения. Новые города созидались при участии эллинов, устраивались по эллинским образцам, усваивали эллинские обычаи и порядки**. Отлив населения из собственной

---

* *Polib.* V 82.

** *Kuhn.* Entstehung der Städte. S. 301–388.

Эллады в этот период как бы повторял собою колонизационное движение во все страны мира, совершавшееся в VIII—VII вв. до Р. Х. И теперь, как в старое время, домашние неустройства побуждали наиболее честолюбивых и деятельных людей искать лучшей участи на чужбине с тою разницею, что теперь дарования и энергия эллинов направлялись теми путями, какие намечались могущественными владыками Востока. Как прежде, так и теперь выселение эллинов оживило торговлю и взаимные сношения народов, создало новые торговые центры, оставившие далеко за собою Афины и Коринф; таковы были Александрия, Родос, Эфес, Пергам, Антиохия, Сиракузы. Накопленные персидскими деспотами несметные богатства пущены были в оборот; эллины завязали прямые сношения с Индией, внутренней Азией и южной Африкой.

Эллинский гений творчества и предприимчивости вступил на новое поле и дал яркие свидетельства своей силы и жизненности. Умственная жизнь принимает более практическое и научное направление, все больше и больше сосредоточиваясь в малочисленных придворных кругах. Благодаря трудам эллинов, сближению их с Ассирией и Египтом математика и другие точные науки достигают небывалого расцвета, а александрийская школа Птолемеев, привлекающая к себе лучшие умы из всех концов эллинского мира, поднимается на высоту предтечи новой европейской науки. Имена Аристофана из Византии, Аристарха из Самоса, Эвклида, Архимеда, Аполлония, Эратосфена, Клавдия, Птолемея, Гиппарха в естествознании, математике, астрономии, географии, хронологии навсегда останутся столь же славными памятниками эллинского гения, как и поэмы Гомера, трагедии Софокла и Эсхила, диалоги Платона.

Перед обаянием эллинской образованности не могли устоять и туземные азиатские династии. Владыки Вифинии, Понта, Парфии, Каппадокии, Галатии не только поощряли у себя науку и искусства эллинов, но и бережно, участливо относились к эллинским колониям в Азии, в своем общественном складе не имевшим ничего общего с политической апатией в восточных деспотиях.

Усиленное общение с варварами, участие, хотя и весьма слабое, этих последних в развивавшейся повсюду умственной и гражданской жизни сглаживало в сознании эллина предустановленную будто бы самою природою разницу между эллином и варваром, и вот от Страбона (около Р. Х.) мы узнаем, что Эратосфен (275–194 гг. до Р. Х.) решительно отвергал теорию Аристотеля, делившего людей по природным качествам на эллинов и варва-

ров, и советовал различать всех людей только по степени нравственного и гражданского воспитания*. В смысле сближения эллинов с варварами должны были действовать совместная военная служба и подчинение всех покоренных народов одной дисциплине, одной власти воинственных монархов. Только Эратосфен, или Страбон, и Плутарх ошибочно переносят на Александра свои собственные, нравственные мотивы одинакового обращения монарха со всеми народами. В сознании эллинов и отчасти на практике сближение эллинских племен между собой и с варварами началось задолго до македонских завоевателей.

Вообще превознесение македонских завоевателей на степень благодетелей Эллады и всего человечества, проходящее через всю «Историю Александра Великого» Дройзена и его же «Историю Эллинизма», держится на искусственном подчинении результатов, достигнутых за это время силами эллинов, воображаемым стремлениям самих завоевателей, на понимании хронологической последовательности и сосуществования как внутренней причинной зависимости двух порядков явлений. На самом деле успехи эллинизма в македонский период вовсе не входили в планы Александра, селевкидов, птолемаидов или антигонидов; об этом лучше всего свидетельствует обращение их с собственной Элладой, откуда возможно было ждать еще серьезного противодействия. Могущественные владыки, поддаваясь обаянию эллинской образованности, старались украшать свои столицы и дворцы произведениями эллинского ума, применяли к новым городам испытанные уже формы правления, но никому из них, и на мысль не приходило организовать производительные силы этой самой нации для независимого, достойного существования; каждый из них смотрел на Элладу как на одно из действительнейших орудий в борьбе за мировое господство или за преобладание над противником. Образовавшиеся раньше их союзы, на основе ли подчинения, как в Пелопоннесе, Беотии, или добровольного соглашения, как во Фракии или в Ахае, они расторгали насильственно, парализуя отдельные республики помещением в городах своих гарнизонов, поддержкою более сговорчивой олигархической партии или еще чаще водворением тирании, опиравшейся на скопища наемников. Правда, и теперь, как несколькими веками раньше (VII—VI вв. до Р. Х.), одним из условий возникновения и относительной прочности тирании служила экономическая и социальная рознь внутри рес-

---

* *Strabon.* I 4; *Aristot.* Polit. I 1. VII (IV) 6; *Plut.* Fort. Alex. Magni, p. 329.

публик; правда также, что некоторые тираны, как, например, Деметрий Фалерский, принимали действительные меры к поднятию народного благосостояния*. Но теперь отряды наемников были тяжелым бременем для населения, а тираны в большинстве случаев не имели нужды искать и не искали благоволения местных жителей, оберегая интересы македонских владык и в них находя опору самовластию. Кроме того, македонские завоевания сами по себе действовали разлагающим образом на общественную нравственность эллинов и усиливали величайшее зло эллинских республик — неравенство состояния. Вернейшим путем к почестям служили теперь не гражданские доблести, о каковых говорит Перикл у Фукидида, но изворотливость, услужливость и преданность могущественным владыкам; за почестями следовало обогащение и влияние на дела. Азиатские эллины всегда составляли господствующий, правящий класс населения, нисколько не заинтересованный в сочувствии подчиненных туземцев. Пущенные в оборот и приумноженные торговлею богатства ахеменидов не могли распределяться равномерно, создавали расточительную, роскошную жизнь одних и обостряли чувство бедности и недовольство других. Усиление общественных различий сопровождалось обособлением различных слоев общества, мало походивших друг на друга по степени образования, по господствующим в них чувствам и убеждениям. Сила руководящего общественного мнения уступала место своекорыстным расчетам и побуждениям**. Равнодушие к гражданскому долгу, угодливость сильным, продажность и подобные пороки явились неизбежными последствиями такого состояния общества. Разительнейший пример упадка нравов в македонское время представляли Афины, прямее и непосредственнее других частей Эллады испытавшие на себе невыгоды новых отношений. Помимо хорошо известных проявлений необычайной лести афинян перед Деметрием Полиоркетом, Антигоном Одноглазым и др., достаточно напомнить, как они из угождения другому Деметрию, отцу Филиппа V, украсили себя венками в знак радости по случаю смерти Арата; весть о смерти оказалась ложною, но афиняне верили ей***. Полибий горько жалуется на бесчестность должностных лиц, заведующих общественными деньгами. Историк удивляется тому, что в Спарте можно было добыть

---

* *Polib.* XII 13; *Aelian.* Var. hist. III 17.
** *Plut.* Arat. 34; *Polib.* XII 13. Ср.: *Grote.* Hist. de la Grece XIX.
*** *Finlay.* Greece under the Romans. London, 1844.

за пять талантов, розданных пяти эфорам, царское достоинство и генеалогию от Геракла. Когда Тит Квинкций Фламинин (197 г. до Р. Х.) обнаружил некоторую снисходительность к Филиппу, этоляне могли объяснить себе этот поступок римского полководца только тем, что он подкуплен македонянами. «До такой степени, — восклицает Полибий, — продажность обуяла Элладу, особенно у этолян, и укоренилась привычка никому ничего не делать даром, что для них непонятна была без подкупа эта перемена в консуле в пользу Филиппа».

Как в Азии и Египте рассеявшиеся по городам эллины не дали образоваться восточным деспотиям из обломков монархии Александра, а насажденные ими учреждения обуздывали впоследствии произвол и хищничество римских правителей, так в недрах собственной Эллады в македонский период поднялись и организовались силы на борьбу за политическую независимость и за восстановление старых имущественных отношений, весьма резко нарушенных вторжением македонян в судьбы эллинского мира. Новые поучительные образования и новые попытки эллинов возникли не только без содействия македонян или другого народа, но наперекор им. В последнем освободительном движении главная роль принадлежала Пелопоннесу, как и в то время, когда «великий царь» угрожал эллинам порабощением. Мировое умственное господство Эллады создано было не Филиппом и Александром, не отнятием политической свободы у афинян и других эллинов, но жизненностью эллинских общественных учреждений, силою эллинского гения и образованности: почин, орудия эллинизации мира принадлежали самим эллинам; но в состоянии политической слабости и подчинения эллины шли теми путями, которые прокладывались завоевателями и властными вождями их.

III

Федеративное движение в Элладе

Объединительные стремления эллинов нашли себе наиболее яркое выражение в федерациях этолийской и ахейской в III—II вв. до Р. Х.; но они присущи были эллинам искони. Если существование многих независимых республик в разнообразных политических и бытовых условиях было непреодолимым препят-

ствием к слиянию всех эллинов в единое государство, с единою властью и общими учреждениями, с отсутствием самостоятельной политической жизни в отдельных частях Эллады, то та же самая политическая раздробленность и относительная слабость республик не переставали побуждать эллинов к изысканию действительных средств самозащиты и мирного пользования плодами промышленности, торговли и умственного развития. Предание, сохраненное Плутархом, приписывает главному виновнику афинского величия, Периклу, попытку согласить между собою интересы эллинских государств и водворить прочный мир между ними; попытка не удалась вследствие противодействия со стороны Пелопоннеса, т. е. Лакедемона*. Начавшаяся при Перикле пелопоннесская война была собственно борьбою между Афинами и Спартою за гегемонию; остальная Эллада поделилась между этими двумя государствами. Казалось, единению эллинов оставалось сделать шаг вперед, — и вот, по известиям Ксенофонта и Плутарха, спартанец Калликратид, товарищ Лисандра по командованию пелопоннесским флотом, намеревается по возвращении в Спарту (406 г. до Р. Х.) приложить все старания к примирению афинян и лакедемонян, тогда, надеялся он, эллины будут страшны для варваров**. Скоро после этого царь Лакедемона Агесилай, узнав об исходе битвы при Коринфе (395 г. до Р. Х.) и о гибели большого числа неприятелей, воскликнул: «Несчастная Эллада, своими же руками ты погубила столько людей, что они могли бы, будь живы и сражайся вместе, победить всех варваров»***. Разумеется, личных стараний и желаний Перикла, Калликратида или Агесилая недостаточно было бы для устранения накопившихся веками препятствий к полному или долговечному замирению эллинских республик; но и факт разделения Эллады на два огромных союза, и надежды выдающихся государственных людей Спарты и Афин на водворение согласия в эллинской нации были только внешним выражением все более развивавшихся и распространявшихся чувств и воззрений. В выработке соответствующего умонастроения главное участие принимали Афины, те самые Афины, которые в изображении некоторых теперешних историков являются наиболее виновными и в раздробленности эллинов, и в слабости их. Плоды умственной деятельности афинян запечатлены глубоким

---

* *Plut.* Pericl. 17.
** *Xenoph.* Hellen. I 6 7; *Plut.* Lysand. 6.
*** *Plut.* Agesil. 16.

знанием человеческой природы и потому оказывали могущественное образовательное действие не на эллинов только, но и на все позднейшее человечество. Трагедиями Эсхила, Софокла, Эврипида, комедиями Алексида, Анаксандрида, Менандра воспитывались не исключительно афинские, но общеэллинские и общечеловеческие чувства и убеждения; в афинском театре на празднество больших дионисий, главною частью которого были сценические представления, собирались каждый раз эллины из других городов в огромном количестве. Только под этим условием могли сложиться предания о том, как Афины по взятии города Лисандром спасены были от разорения декламацией отрывка из Еврипидовой трагедии, как облегчена была участь несчастных афинян после сицилийской экспедиции исполнением отрывков того же трагика, как лакедемоняне приостановили военные действия против Афин по случаю погребения Софокла и т. д.* Геродот обнаруживает замечательную терпимость и внимание к варварским народам: египтян обращает в наставников эллинов, религиозные воззрения персов готов поставить выше эллинского антропоморфизма, нравы и обычаи всех народов находят у него одинаковое признание**. Фукидид и Исократ отличают эллинов от варваров только по степени образования и гражданственности***. Как рассказывают, Сократ на вопрос, где его отечество, отвечал: «Вся земля»****. Согласно с этим стоик Зенон (369–254 гг. до Р. Х.) учил, что всех людей должно считать гражданами одного государства*****.

Если Перикл или Фукидид имел основание называть Афины «школою Эллады», то, разумеется, в том смысле, что влияния афинской образованности распространялись на всех эллинов без различия местности и политических учреждений. Поэты, философы, скульпторы, живописцы переезжали из города в город, вдали от родины пользовались сочувствием и влиянием и основывали школы на чужбине. Эсхил умер в Сицилии, Еврипид в Македонии, Фидий работал для платейцев, элейцев, лемносцев и других эллинов. Не говоря о таких центрах эллинской образованности, как Коринф, Сикион; Аргос и другие подобные, даже Ферм этолян и Мегалополь аркадян в IV—III вв. до Р. Х. ук-

---

* *Plut.* Nic. 17. 29. Lysand. 15; *Diod. Sic.* XIII 27; Vita Sophocl. 83–91, ed. Dindorf; *Pausan.* I 27.

** *Herod.* I 131. III 38.

*** *Thuk.* I 4–6; *Isocrat.* Paneg. 50.

**** *Cicer.* Tuscul. 5 37; *Plut.* de exit. 5.

***** *Plut.* De Alex, fortuna I 6.

рашались многочисленными памятниками ваяния и живописи*. Мегалополь был построен с соблюдением всех правил строительного искусства Гипподамом Милетским (371–358 гг. до Р. Х.)**. Успехи торговли, промышленности, художественного творчества усиливали взаимные сношения между различными государствами, умножая общеэллинские интересы и подготовляя почву для согласного решения общих задач общими мирными и военными средствами.

Вот почему конец пелопоннесской войны составляет эпоху в истории объединительного движения эллинов; поборниками его выступают вожди демократической партии, тогда как на стороне общинной городской исключительности оказываются так называемые аристократы, или олигархи, опирающиеся на Спарту и через нее на царя мидян. Ближайшим поводом к образованию союзов является опасность, угрожающая свободе республик сначала от спартанцев, потом от персов, македонян и римлян. Каждый властолюбец, государство ли это или отдельное лицо, заботился о политическом раздроблении Эллады под предлогом охранения свободы каждого государства, причем властолюбивые стремления иноземцев встречали противодействие в народном большинстве республик, только не в олигархах. Для подавления объединительного движения потребовался постыднейший в летописях договоров, так называемый Анталкидов мир, купленный спартанцами ценою предательства азиатских эллинов исконным врагам их и утеснителям, персам (ол. 98,2 = 387 г. до Р. Х.)***. По силе этого договора, вызванного ближайшим образом коринфскою войною, Фивы должны были отказаться от власти над беотийскими городами, аргивяне и коринфяне от слияния государств их в единое целое, тогда как сами спартанцы не удаляли гармостов из городов, зависимых от них****. В 385 г. они

---

* *Polib.* V 8 9; *Pausan.* VII 18 6. VIII 30–33. 3, 44, 49; *Plut.* XXXIX 5. Cleom. 25. Philop. 1.

** *Artstot.* Polit. II 5; *K. Fr. Hermann.* De Hippodamo Milesio. Marb.-Progr., 1841.

*** «Царь Артаксеркс почитает справедливым присвоить себе азиатские города, а равно из островов Клазомены и Кипр, остальным эллинским городам, малым и большим, возвратить самоуправление, исключая Лемнос, Имброс и Скирос: сии последние должны принадлежать, как в старину, афинянам. Кто мира этого не принимает, против тех я буду воевать купно с принимающими, на суше и на воде, кораблями и деньгами». *Xenoph.* Hellen. V 1 31.

**** *Xenoph.* Hellen. IV 4 5. V 1; *Polib.* IV 27; *Diod.* XIV 86. 92; *Plut.* Agesil. 23.

упразднили Мантинейскую республику, принудив мантинейских граждан расселиться по деревням, чем нанесен был удар Аркадии. В 383 г. они предприняли поход против олинфского союза на Халкидику, кончившийся присоединением олинфян к союзу лакедомонян, причем по пути занята была Кадмея спартанским гарнизоном с Фойбидом во главе*. Еще до Анталкидова мира спартанцы под тем же предлогом освобождения меньших городов сокрушили гегемонию Элиды в области того же имени**.

Однако не прошло и десяти лет, как господство Спарты, основанное на принижении важнейших республик путем расторжения союзов и гегемонии, рушилось. В 379 г. Фивы избавились от спартанского гарнизона, установили у себя демократию, снова подчинили некоторые города Беотии и стремились с переменным успехом образовать сплоченное единое государство наподобие того, как афинская республика сложилась в доисторическое время из независимых первоначально демов, или поселков. Для характеристики фивских стремлений к централизации и степени успешности их важно сравнение беотийских городов с лаконскими периэками в речи Эпаминонда, обращенной к спартанцам в 371 г. до Р. Х.*** Термины «беотяне» и «фиванцы» употребляются Ксенофонтом в одном и том же значении граждан одного фиванского или беотийского государства; отдельные наименования для беотян по городам уступают место общему имени фиванцев после освобождения Фив от спартанского гарнизона: «беотяне фиванские» о фиванцах — с одной стороны, «фиванцы» о всей совокупности беотян — с другой.

Не более прочным было спартанское обладание Олинфом. К тому же времени (379 г. до Р. Х.) относится и возрождение халкидского союза с Олинфом во главе, ко времени завоеваний Филиппа (348 г. до Р. Х.) выросшего в могущественную державу. Преуспеванию союза содействовало здесь существование многих незначительных городов и поселений как на самой Халкидике, так и в пограничных частях Македонии. Жители небольших поселений без труда меняли свою самостоятельность на права граждан Олинфа, обеспечивавшего им торговлю, независимость от македонских царей и сильных эллинских государств, охотно открывавшего свои ворота для поселенцев из других го-

---

* *Xenoph.* Hellen. V 2, VI 3, 25–36; *Andocid.* De pace 20; *Diod.* XV 20, 23; *Freeman.* Feder. governm; *Vischer.* Kl. Schrift. I, 348.

** *Xenoph.* Hellen. III 2.

*** *Plut.* Agesil. 28.

родов на правах гражданского равенства с туземцами. «Вы, вероятно, знаете, — говорил в Лакедемоне в 382 г. до Р. Х. посол от акафских олигархов Клиген, — что Олинф — самый большой город во Фракии. Олинфяне привлекли к себе некоторые города на том условии, чтобы эти последние имели одинаковые с ними законы и государственные учреждения; потом присоединили и некоторые большие города и стремятся к тому, чтобы освободить города Македонии от царя их Аминты. Переходя от ближайшего к далекому и важнейшему, они завладели многими тамошними городами, в том числе и Пеллою, наибольшим городом в Македонии. Аминта не только покинул эти города, но и сам чуть не совсем изгнан из Македонии. Теперь через послов они требуют от нас и аполлониатов соединиться с ними, угрожая в противном случае идти на нас войною. Но мы желаем пользоваться законами отцов наших и оставаться при своем государственном устройстве, хотя вынуждены будем соединиться с ними, если не получим помощи. Они насчитывают у себя не меньше 800 тяжеловооруженных и гораздо больше пелтастов, конницы у них с присоединением нашей больше 1000 человек. Пока еще возможно осилить олинфян, ибо против воли примкнувшие к ним города не замедлят отпасть, когда представится к тому возможность; но, наверное, союз этот трудно будет расторгнуть после того, как, согласно состоявшемуся уже решению, они сомкнутся воедино взаимными браками и приобретением земли друг у друга, когда они постигнут общие выгоды союза с сильными»*.

В речи Клигена важно различие, устанавливаемое между меньшими городами и большими: первые соединились с олинфянами на условии общности законов и политических учреждений, следовательно, слились с ними в одну республику, Олинф; они привлечены к союзу скорее всего увещанием. Не об этих уже городах и хлопочут перед спартанцами аканфские и аполлонийские послы, но о некоторых городах более значительных, примкнувших к Олинфу по принуждению, под угрозою и возмещенных за присоединение к союзу правом брака и приобретения земельной собственности. Политически они оставались независимы, но гражданская обособленность их терялась; олинфские политики могли считать эти меры обещающими в дальнейшем полное политическое слияние. Разницу в положении больших и малых халкидских городов, опускаемую новыми историками, необходимо иметь в виду и для понимания совершавшегося

---

* *Xenoph.* Hellen. V 2.

здесь процесса объединения, и для верной оценки позднейших известий о халкидском союзе. Из речей Демосфена мы узнаем, что, во-первых, ко времени наступательных действий Филиппа (351–348 гг. до Р. Х.) Олинф стал вдвое многолюднее, чем был за тридцать лет с небольшим до того: вместо 400 человек собственной конницы у него было теперь 1000, а общее население его возросло из 5000 до 10 000 человек с лишним*. Население города увеличилось больше всего благодаря новым поселенцам на правах полного гражданства, — то же, что было с Афинами после слияния Аттики в единое государство. По свидетельству Страбона, значительная часть жителей халкидских городов переселилась в Олинф**. Во-вторых, оратор отмечает факт слияния всех халкидян в одно союзное государство, чего, говорит он, не было в то более раннее время, когда Аканф и Аполлония противились образованию единого союзного государства. Под синойкизмом большинства, а не всех халкидян мы должны разуметь равенство упомянутых выше гражданских прав и общность некоторых учреждений, соединявших халкидян с Олинфом скорее в военный и гражданский, чем в политический союз. В числе 35 городов, разрушенных Филиппом в 348 г. до Р. Х., называются по именам только Олинф, Мефона и Аполлония***. Аканф, остававшийся независимым от Олинфа, уцелел во время этого разорения. Большинство названий погибших городов неизвестно; наверное, многие из них по мере уплотнения халкидского или олинфского союза низошли до положения поселков или демов, не имевших отдельных от Олинфа правительственных учреждений, должностных лиц и даже имен. Таким образом, в системе халкидских государств необходимо различать троякое течение: одни из городов стремились сохранить до конца политическую независимость, другие соединялись с Олинфом на правах союзников, третьи сливались с Олинфом в одну политическую общину, не утрачивая названия города (πόλις). Эти главным образом *города* имел в виду и Демосфен, когда убеждал афинян помочь Олинфу, дабы спасти города олинфянам. Поэтому, говоря о синойкизме всех халкидян, Демосфен мог называть Олинф, хотя и не без риторического преувеличения, главою союза всех окрестных жителей. О том же времени этолийский оратор у Полибия выражается так: «Был некий союз (σύστημα) эллинов на

---

* *Demosth.* De fals. legat 264. 266.
** *Strabon.* VII fr. 11.
*** *Demosth.* Philipp. III 25; *Strabon.* II 4 13.

Фракийском побережье из колонистов афинских и халкидских; из колоний наиболее славною и могущественною был город «олинфян». Непонятная неопределенность и разнообразие в союзных отношениях отразились на употреблении имен «халкидян» и «олинфян». По справедливому замечанию Шефера, «фракийские халкидяне», упоминаемые Дионисием Галикарнасским по поводу посольства олинфян и других халкидян в Афины, обозначают Олинф с прочими союзными городами Халкидики*; с другой стороны, под именем «олинфян» разумеются и жители других частей Халкидики**. Нам кажется, при таком только понимании возможно примирить несогласные, по-видимому, свидетельства древних о халкидском союзе***.

Другой аналогичный пример сознательного стремления к союзу также на основе демократических учреждений представила около того же времени Аркадия, дольше и вернее других частей Эллады сохранившая первоначальный способ жизни отдельными поселками или небольшими союзами их в пределах наиболее родственных и близких членов племени. Полибию, просвещеннейшему эллину II в. до Р. Х., постоянные занятия аркадян казались грубыми, нравы их слишком суровыми, дикими, нуждающимися в смягчении музыкою. По свидетельству Страбона, Мантинея, Тегея, Герея образовались поздно из самостоятельных первоначальных деревень. В историческое время жители отдельных небольших поселений выступали под именами своих деревень, чем свидетельствуется политическая самостоятельность сих последних: так, в списках олимпийских и пифийских победителей значились сусийцы, мефидрии, дипейцы, уроженцы незначительнейших поселений в области меналийцев****; те же имена, иногда с прибавлением «аркадяне», употребляются у Ксенофонта наряду с орхоменцами, жителями большого аркадского города. С другой стороны, топографическая и племенная близость поселений установила обычай этнических наименований для различных частей Аркадии согласно свидетельству Страбона о нескольких племенах аркадян (ἔθνη): азаны, паррасии, мена-

---

* *Schafer A.* Demosthenes und seine Zeit. Leipzig, 1856–1858. II. S. 131.

** *Aristot.* Oeconom. II p. 1350 a. *C. Nepot.* Timoth. 1.

*** *Böhnecke C.G.* Forschungen auf dem Gebiete der attischen Redner. Berlin, 1843. I B.; *Vischer.* Kleine Schrift; *Kuhn E.* Entstehung der Stadte der Alten.

**** *Xenoph.* Instil Cyr. I 1. II 5. III 1; *Pausan.* III 21, V 4, VI 2 7 12, VII 14, VIII 18.

ляне, эвтресии, эгиты, кинуряне*. Эта же самая близость, а равно сходство в образе жизни, нравах и понятиях более всего другого объясняют относительную легкость образования Мегалополя, высокую степень патриотизма, впоследствии одушевлявшего мегалопольских граждан, их готовность и пригодность к совместной политической жизни с другими эллинами на положении равного члена союза. Когда в 222 г. до Р. Х. спартанский царь Клеомен овладел городом и обещал возвратить его невредимым под условием подчинения Спарте, граждане отвергли его предложение и за то поплатились гибелью отечества**. Раньше, в 234/233 г. до Р. Х., тиран Мегалополя Лидиад добровольно сложил с себя власть и побудил граждан присоединиться к ахейской федерации; сам Лидиад, впоследствии противник Арата, многократно доказал преданность общему делу в звании стратега***. Родом из Мегалополя были доблестнейшие вожди ахейской федерации: Филопемен, Ликорт, Полибий, равно Аристен, Диофан, Диэй. Еще в VII в. до Р. Х. все аркадяне действовали против Спарты общими силами под начальством одного вождя, возведенного, по-видимому, на время войны в звание царя аркадян****.

Насколько незначительны были вошедшие в состав Мегалополя поселения, видно из того одного, что для образования города в 50 стадий, верст десять в окружности потребовалось до сорока или полные сорок «городов». Степень населенности нового города остается неизвестною; но мы знаем, что при Полисперхонте, в 318 г. до Р. Х., он мог выставить 15 000 воинов, т. е. имел всего населения 60 000–70 000 человек*****. Кроме соседних жителей в город могли переселиться и отдельные семейства из городов более отдаленных и значительных, чем и объясняется, что по выбору аркадян должны были наблюдать за сооружением нового города и заселением его, кроме одного меналийца и двух паррасиев, два гражданина от Мантинеи, два от Тегеи и столько же от Клитора******.

Гораздо раньше Мегалополя образовалась Мантинея из пяти поселений, из девяти — Тегея и из стольких же — Герея; в состав

---

* *Strabon.* VIII 8 1.

** *Polib.* II 55. IX 18. *Plut.* Cleom. 23–24; *Philopoem.* 5; *Pausan.* VIII 27.

*** *Polib.* II 44 51; *Plut.* Arat. 30. 35. 37; Cleom. 6; *Pausan.* VIII 27 15.

**** *Pausan.* IV 17, VIII 6.

***** *Diod. Sic.* XVIII 68.

****** *Polib.* IX 21; *Pausan.* VIII 27.

Мегалополя вошел, между прочим, город Триполь, сам сложившийся из трех поселений, которые долго сохраняли за собою первоначальные названия*.

Если взаимная близость облегчала соединение нескольких деревень в один город (συνοικισμός), то исконная независимость каждой из них и укоренившаяся в поселянах привычка к самостоятельному ведению своих дел облегчали раздробление слившихся таким образом городов на их составные части или по крайней мере отделение некоторых из них от общего центра. В 385 г. Мантинея по воле спартанцев распалась на четыре или на пять первоначальных деревень; подобная участь угрожала от той же Спарты и Мегалополю в 353 г., как о том говорит Демосфен**. После битвы при Мантинее (362 г. до Р. Х.) часть мегалопольцев удалилась было из города в родные деревни и возвращена назад в Мегалополь только силою. Дело в том, что при основании этого города, как свидетельствует Павсаний, одни из окрестных жителей собирались в него добровольно, против других приняты были меры принудительные; надо полагать, что в числе этих последних были и те недовольные потерею отечества, которые пожелали воспользоваться, по свидетельству Диодора, поддержкою спартанцев после мантинейской битвы***. В 238 г. до Р. Х. тиран Мегалополя Лидиад отдал Элиде за какие-то услуги Алиферу, одно из важнейших составных поселений города****. Та же Алифера была взята Филиппом во время похода его на Элиду и впоследствии возвращена мегалопольцам*****. Отторжение нескольких поселений из состава Мегалополя и возведение их на уровень самостоятельных членов ахейской федерации произведено было Филопоменом в 192 г. до Р. Х. Словом, жизнь в деревне воспитывала в аркадянине способности и привычки к более широкому и сложному политическому общежитию, хотя унаследованная искони самостоятельность деревни не прекращалась окончательно с переходом обитателей ее к городской жизни: при благоприятных обстоятельствах деревенская обособленность воскресала в прежнем виде.

В частности, относительно Мегалополя нужно сказать, что место, время и задача его основания соединились вместе для

---

* *Strabon.* VIII 3; *Diod. Sic.* XV 72; *Pausan.* VIII 27.

** pro Megalopolit. 30.

*** *Diod. Sic.* XV 94; *Pausan.* VIII 27.

**** *Polib.* IV 77 78; *Liv.* XXVIII 8 43. XXXII 5.

***** Там же.

того, чтобы обеспечить новому городу, как целому, нерушимую крепость. Он пережил все испытания во времена Филиппа, Александра, диадохов и союзнической войны и после разрушения Клеоменом возродился снова в 221 г. до Р. Х. Сооружение Мегалополя на границе территории паррасиев, кинурян, меналян (371–368 гг. до Р. Х.) вскоре после битвы при Левктрах, положившей конец спартанскому господству, должно было знаменовать собою объединение аркадян в союзное государство*. Почин в этом движении принадлежал народной партии тегеян и мантинейскому гражданину Ликомеду при деятельном участии освободителя Эллады Эпаминонда. Сей последний, по словам Павсания, побудил аркадян «собраться» в единое государство и в ограждение аркадян от посягательств со стороны Спарты отрядил тысячу человек фиванского войска. Павсаний называет поименно и членов комиссии от разных городов, выбранной аркадянами для осуществления этого плана**. Таким образом, по мысли основателей Мегалополь должен был представлять собою единое государство аркадян, а прочие города должны были обратиться из самостоятельных политически общин в его составные части. Подобно тому, как аканфяне и аполлониаты заявляли спартанцам, что желают оставаться сами по себе и при законах отцов своих, так и глава партии, враждебной объединительному движению в Тегее, Стасип, добивался сохранения обособленности города и отеческих законов***. Орхоменцы, гереяне не желали приобщиться к аркадскому союзу в противоположность, например, Ласиону, вошедшему в этот союз****. Следует полагать, что и здесь синойкизм, или «собрание» аркадян, означали общность законов и учреждений для всей страны или большей части ее с равными для всех аркадян правами брака и земельных приобретений, а равно переселения в великий город. Идея Эпаминонда и единомышленников его не осуществилась вполне. И здесь, как на Халкидике, одни поселения слились в Мегалополе в нераздельную общину; это были малые и незначительные поселения; другие находились в союзе с центральным государством, не теряя политической самостоятельности; таковы, например, Мантинея, Тегея, Клитор; третьи держались в сторо-

---

* *Diod. Sic.* XV 72.

** *Pausan.* VIII 27, IX 14; *Xenoph.* Hellen. VI 5, VII 1; *Diod.* XV 59. 62.

*** *Xenoph.* Hellen. VI 5.

**** *Xenoph.* Hellen. VI 5, VII 4.

не от союза; это были более значительные и далекие от Мегалополя города, прежде всего Герея и Орхомен*. Во всяком случае, ни в надписях, ни у писателей мы не находим ни разу употребления термина «мегалопольцы» в смысле аркадян, как употреблялись имена «фиванцев», «олинфян» в смысле беотян, халкидян. Мегалополь как государство не простирался на большую часть северной Аркадии: города Псофид, Телфуса, Феней, Кафии, Кинефа, Стимфал не участвовали вовсе в новой организации, что не мешало, однако, уроженцу Стимфала Энею быть облеченным в звание вождя аркадян: территория Мегалополя открыта была для граждан аркадских городов. «Великий город» был центром союзного управления, мало известного нам в подробностях; видимое разногласие известий Ксенофонта, Диодора и Павсания о разных городах Аркадии и об отношениях их к Мегалополю достаточно объясняется отмеченною выше разницею в положении отдельных частей Аркадии и происходившими в течение времени переменами в положении их. Ограничивать аркадский «синойкизм» только основанием Мегалополя путем собирания независимых прежде поселений и отрицать образование союзного государства аркадян, как это делал, например, К. Фр. Герман, не позволяют многочисленные свидетельства, литературные и лапидарные**. Конец всяким сомнениям положен был изданием тегейской надписи в 1874 г. Фукаром: существование союзного управления в Аркадии доказано ею неоспоримо***.

Верховная власть союза, ведавшая вопросами войны и мира и вообще внешними делами, хранением священных предметов, преступлениями против союза, принятием новых членов в союз, воплощалась в общем собрании союзных аркадян в Мегалополе, носившем неопределенное название «весьма многие» (μυρίοι),

---

* Первые из этих городов Ксенофонт называет малыми (Hellen. VII 5 5), Павсаний незначительными по своей слабости (VI 12, IX 14). Ср. *Curtius*, Peloponnes. I. C. 176.

** *Xenoph.* Hellen, VI 5, VII 1, 4, 5; *Diod. Sic.* XV 39; *Pausan.* VIII 32; *Hermann.* Lehrbuch der griechischen Staatsalterthumer. Heidelberg, 1875. § 177; *Rangabé.* Antiqu. Hellén. 1845. 1852. II.

*** *Foucart P.* Mémoire sur un decret inédit de la ligue arcadienne en l'honneur de l'Athenien Phylarchos / Mem. présent. à l'Acad. des Inscript. Ser. I. v. VIII. Paris, 1874. *Dittenberger G.* Sylloge inscriptionum graecarum. 167. Фукар приурочивает памятник к 224 г. до Р. Х., Клатт относит ко времени 251–238 гг., см.: *Klatt M.* Forchungen zur Geschichte des Achaisch. Bundes. Berlin, 1877.

а не «десять тысяч» (μύριοι), как обыкновенно понимается комментаторами Ксенофонта и историками*; решения его были обязательны для союзных городов. В надписи Фукара собрание «весьма многих» дарует афинянину Филарху звание проксена и благодетеля. Наряду с верховным народным собранием, по крайней мере в III в. до Р. Х. по восстановлении союза, существовала союзная дума, ведавшая текущими делами и подготовлявшая решение союзных дел в общем собрании, а также должностные лица (δαμιοργοι). В надписи этого времени перечисляются 50 дамиургов: по 5 от Тегеи, Мантинеи, Орхомена, Клитора, Гереи, Телфусы и от кинурян, 3 от меналян, 2 от Лепрея и 10 от Мегалополя. С большою вероятностью можно заключать, что позднейшим дамиургам соответствовали те 10 комиссаров, коим поручено было наблюдать за «собиранием» Мегалополя и Аркадии. Никого иного, кроме дамиургов, нельзя разуметь и под властями (οι ἀρχοντες) Ксенофонта**. Из сравнения показаний Павсания и тегейской надписи видно, во-первых, преобладающее положение Мегалополя в Аркадии, во-вторых, более точное определение доли участия в союзных делах за отдельными городами: за синойкизмом наблюдали по два человека от Мантинеи, Тегеи, Клитора, от меналян и паррасиев. Дамиурги должны были действовать коллегиально; они-то и составляли думу, или постоянную комиссию общего союзного собрания.

Главою исполнительной власти союза был стратег, союзный военачальник, в распоряжении коего находились, кроме контингентов от городов, 5000 постоянного войска; ему же подчинены были стратеги отдельных городов в случае войны***.

Как ни скудны наши сведения о синойкизме Аркадии, об ее союзных учреждениях, во всяком случае ясно, что основою объединительных стремлений аркадян был синойкизм, «собирание» аркадских поселений и городов в единое демократическое государство с преобладанием Мегалополя; но это движение умерялось уступками в пользу более значительных республик, учреждением совещательной думы из выборных должностных лиц от союзных городов, наконец сохранением политической самостоя-

---

* Диодор употребляет слово в смысле определенного количества 10 000 (XV 59); согласно с ним понимают Фишер, Фримен, Кун и др. На основании только Диодора Фишер заключает, что не все граждане аркадского государства имели право на участие в народном собрании. *Fischer*. Kl. Schrift. I. S. 353.

** *Pausan.* VIII 27. *Xenoph.* Hellen. VII 4.

*** *Xenoph.* Hellen. VI 5, VII 4.

тельности за этими последними. Точного разделения властей собственно мегалопольских и союзных, отличающего ахейскую федерацию, в аркадском союзе мы не находим; непосредственное участие в верховном союзном органе, в собрании «весьма многих», граждане союзных городов могли иметь на деле лишь весьма ограниченное, зато союзные собрания происходили не в одном Мегалополе; по крайней мере, Ксенофонт свидетельствует о собраниях всех аркадян в Асее и Тегее*. Поэтому, если нельзя согласиться с Фрименом и Клаттом, что в аркадской лиге мы имеем пример «настоящего федеративного устройства (a real federal government), то еще менее верно уподобление аркадского союза беотийскому с гегемонией Фив и с перенесением имени «фиванцев» на всех беотян, уподобление, принадлежащее Фишеру**.

Не прошло и десяти лет со времени основания Мегалополя, как в среде союзников начались раздоры, приведшие к мантинейской битве и к ослаблению союза (362 г. до Р. Х.). Главными виновниками раздора были мантинейцы, отказывавшие союзным аркадским властям в праве заведовать священным имуществом. Ксенофонт сохранил известие об этом столкновении, тем более интересное, что им засвидетельствованы полномочия «весьма многих» в решении спорных вопросов между союзниками***. В мантинейском сражении на стороне Эпаминонда, следовательно, аркадского союза были жители Тегеи, Мегалополя, Асеи, Паллантия и «иных, вынужденных своею слабостью и промежуточным положением»****. Но и после этого союз не распался. Что касается македонского периода, то и тогда аркадский союз и Мегалополь оставались верными первоначальной задаче основателей: сдерживать завоевательную политику Спарты. Против Спарты мегалопольцы вступили в союз с Филиппом, сыном Аминты, и через то получили приращение своей территории на счет владений противника. Такой образ действий мегалопольцев Полибий называет патриотическим. С того времени мегалопольцы отличались неизменным благорасположением к дому македонских царей*****. Однако цари Македонии не поощряли союза аркадских городов. Около 343 г. Эсин и Демос-

---

* *Ibid.* VII 3, 4, 5; *Diod. Sic.* XV 62, 67.

** *Freeman.* Feder. governm. C. 199; *Klatt.* Указ. соч. С. 93; *Vischer.* Указ. соч. I, 562.

*** *Xenoph.* Hellen. VII 4.

**** *Xenoph.* Hellen. VII 5.

***** *Polib.* II 48 50, IX 28 33, XVII 14.

фен говорили о собрании «весьма многих», как о верховном органе аркадского союза; еще яснее говорит Гиперид о союзных собраниях аркадян в обвинительной речи против Демосфена в 324 г. до Р. Х. В том же году союз был расторгнут по воле Александра, сына Филиппа, равно как и федерация ахеян, что можно заключить из того же отрывка Гиперида и из Полибия. Из времени 270–266 гг. до Р. Х. до нас дошла афинская надпись, содержащая в себе договор против общего врага между Афинами, Спартою, Элидою, Ахаей и царем Египта; отдельными участниками договора были также тегеяне, мантинейцы, орхоменцы, фигаляне, кафияне и критяне; мегалопольцы не упоминаются вовсе. Документ падает на время тирании Аристодема в Мегалополе (270–251 гг. до Р. Х.), когда город не принадлежал к союзу, да и самого союза, по всей вероятности, не существовало. Упомянутая выше тегейская надпись, приурочиваемая одними ко времени, непосредственно следовавшему за освобождением Мегалополя от Аристодема (251 г. до Р. Х.), другими к 224 г., свидетельствует о существовании союза. По всей вероятности, союз аркадян с Мегалополем во главе возобновился при диадохах, распадался на время тирании и снова воскресал.

Во всяком случае, при наличности некоторых местных особенностей и интересов различные племена и поселения аркадского народа имели много общего между собою в образе жизни, в понятиях и чувствах, что и было важнейшим условием образования единого или союзного государства. Те самые черты, какими мантинеец Ликомед рисовал всех аркадян около 370 г. до Р. Х. с целью поднять их дух, приписываются всему аркадскому народу и Полибием. Аркадский народ представляется ему столь же единым, как и лакедемонский, издревле усвоившим себе одинаковые нравы и привычки; бедствия аркадского города Кинефы дают историку повод укорить граждан его за то, что они пренебрегли занятиями музыкою, общими всем прочим аркадянам. На государство аркадян никогда не переносилось имя одного преобладающего города, Мегалополя*; аркадский союз стал ближайшим провозвестником начал истинно федеративных; по вступлении аркадян в ахейскую федерацию из среды их выходили достойнейшие борцы за преуспеяние и независимость общего государства. Все эти явления сводятся к одному источнику; довременной жизни аркадян или большей части их в условиях,

---

* У Полибия выражение «мегалопольцы» однажды имеет значение аркадян вообще (II 32).

говоря вообще, равных, воспитывавших в различных частях народа сходное умонастроение и оживлявших сознание народного единства.

Союз городов с Опунтом во главе существовал с давнего времени у локров восточных, называвшихся по месту жительства эпикнемидскими или по главному городу опунтскими. Постановление в честь Кассандра исходило от собрания локров.

По словам Полибия, у аркадян с давних пор был общий враг с мессенянами — Спарта. Аркадяне ревностно помогали мессенянам в так называемую Аристоменову, или вторую мессенскую войну, по окончании ее дали у себя приют уцелевшим мессенянам, даровали им права гражданства и постановили выдавать дочерей своих замуж за возмужавших мессенян. Аркадия сделалась для мессенян вторым отечеством. Интересно предание, по которому родоначальник мессенской династии эпитидов, знаменитый умом и справедливостью, воспитывался у царя аркадян Кипсела, деда своего по матери*. Не меньшее участие показали аркадяне к соседнему народу и три столетия спустя, когда после мантинейской битвы (362 г. до Р. Х.) по настоянию аркадян мессеняне приняты были в число союзников и ограждены договором от покушений со стороны Спарты. Мессеняне молили богов хранить Аркадию. Очевидно, взаимное сочувствие двух народов определялось не только соседством и одинаковым внешним положением их, но и сходными условиями обыденной жизни. Историк наш убеждает мессенян и аркадян жить всегда в согласии и делить всякую долю и всякие опасности, следовательно, пребывать в нерушимом союзе. По мнению Полибия, таково же было и желание Эпаминонда, когда он решил после победы над лакедемонянами при Левктрах восстановить мессенский народ и с этой целью при участии союзников основал город Мессену на месте древней Ифомы (ол. 102, 3 = 370–369 гг. до Р. Х.)**. Можно с большею вероятностью предположить, что деятельнейшими пособниками Эпаминонда в этом деле были аркадяне, в частности мегалопольцы: они могли рассчитывать, что с основанием Мессены и восстановлением независимости мессенян от Спарты воскреснут и прежние дружеские отношения двух народов. На самом деле этого не случилось. Мессения не могла быть восстановлена в прежнем виде. Во-первых, в стране осталось несколько поселений чуждых: дриопские асинаи и аргив-

---

* *Pausan.* IV 3; *Apollod.* II 8.
** *Polib.* II 32. 33; *Pausan.* IV 26–27; *Diod. Sic.* XV 66; *Strabon.* VIII 4.

ские навплии в Мефоне, фиванцы в Короне, колениты из Аттики в Колонидах; иноземную колонизацию поощрял сам Эпаминонд*. Во-вторых, для населения Мессины и нескольких других городков основателям их необходимо было призвать мессенян из разных страх, где после спартанских разгромов предки их нашли себе убежище. Мессенские войны и так называемое восстание илотов (464–455 гг. до Р. Х.) повели к выселению значительной части мессенского народа в Регий, Занклу, переименованную после этого в Мессану, на Кефаллению, Закинф, в город локров Навпакт; после поражения афинян при Эгоспотамах (405 г. до Р. Х.) навпактские и другие мессеняне удалились частью в Регий и Сицилию, частью в ливийский город Эвесперида**. На призыв Эпаминонда отовсюду стекались остатки мессенян и садились преимущественно в Мессене, которая и должна была воплощать в себе восстановленный мессенский народ. Население Мессении, разнородное по происхождению, по общественным привычкам, объединилось путем подчинения господствующему городу; меньшие поселения (πολίσματα) заняли относительно Мессены почти такое же положение, в каком очутились города периэков завоеванной Лаконики относительно Спарты, почему и назывались периэками, зависимыми от главного города обывателями, а не полноправными его гражданами***. Следовательно, призыв Полибия жить в неразрывном союзе с аркадянами обращался не к тому народу мессенян, который вел мессенские войны со спартанцами и молил богов о спасении Аркадии как второго отечества их, территория которого расширена была Филиппом, сыном Аминты, за счет Спарты****. но прежде всего к господам мессенской территории, жителям Мессены, затем к прочим поселениям разнородного, большею частью иноземного происхождения. Мессена смотрела на прочие мессенские города как на свою собственность. В 208 г. до Р. Х. этоляне требовали от ахейского союза возвратить Пил мессенянам; в 195 г. до Р. Х. мессеняне жаловались римскому сенату на ахеян за отнятие у них Асины и Пила. Никаких признаков синойкизма или союза главного города с остальными на положении равноправных членов мы не находим в позднейшей истории Мессении. По своему политическому устройству новая

---

* *Pausan.* IV 27. 34; *Diod. Sic.* XV 66.
** *Kuhn.* Указ. соч. С. 242.
*** *Pausan.* IV 27. 29.
**** *Polib.* IX 28, XVIII 14.

Мессения походила больше всего на Лаконику с господствующим над целою областью городом. Внешние отношения Мессении определялись теперь не взаимным соглашением отдельных городов, не союзными постановлениями, но интригами господствующей партии или правителей в Мессене. В царствование Филиппа и Александра город и через то вся страна находились во власти тиранов, благоприятствовавших Македонии, сначала Филаида, потом сыновей его, Неона и Фрасилоха; перед ламийской войной (323 г. до Р. Х.) в Мессене восторжествовала демократия, и потому мессеняне называются в числе союзников, боровшихся против Антипатра за освобождение Эллады*. Господством олигархии в Мессене объясняется сближение Мессении со Спартою и долгое воздержание города от союза с Ахаей. В 272 г. до Р. Х. мессеняне оказали помощь спартанцам в отражении Пирра, с того времени пребывали в мире со Спартою и уклонялись от ахейской федерации, как враждебной Спарте. Ближайшим поводом к так называемой союзнической войне Филиппа и ахеян против этолян послужили жалобы мессенян на насилия этих последних; однако на требование союзников выставить свой контингент против общего врага мессеняне по настоянию эфоров и олигархов отвечали уклончиво (220 г. до Р. Х.). По этому-то поводу Полибий и считает нужным напомнить мессенянам старину, когда они держались вместе с аркадянами**. Пребыванием Филиппа V в Мессене (215 г. до Р. Х.) воспользовалась народная партия; она учинила расправу с олигархами и завладела их имуществом, которое и было поделено на жеребьевые участки***. Представляя собою не главу свободного союза, но господствующий над всею областью город, Мессена недружелюбно относилась к ахейской федерации, которая, напротив, поощряла вступление в союз зависимых городов на равных правах с прочими. Мессена вошла в ахейский союз лишь в 191 г. до Р. Х. и то против воли по требованию Т. Квинкция Фламинина; отделившись от Ахаи в 183 г., она вошла в нее снова в 181 г., но при этом были приняты в союз, как самостоятельные государства, зависимые от нее города юго-восточной области: Абия, Фурия, Фары****.

---

* *Demosth.* De foed. Alex. 4. pro corona 295; *Diod. Sic.* XVIII 11; *Pausan.* I 25.

** *Pausan.* IV 29. *Polib.* IV 4 31 32.

*** *Polib.* VII 10–14. *Plut.* Arat. 49.

**** *Liv.* XXXVI 31. *Polib.* XXIII 17.

Из всего предыдущего ясно, что Мессения, разгромленная много раз Спартою, потом колонизованная в разное время из разных частей Эллады, не представляла благоприятных условий для осуществления объединительных планов Эпаминонда и союзников. Город Мессена был озабочен больше сохранением господства над прочими городами Мессении, нежели объединением этой последней путем синойкизма или справедливого союза.

В 477 г. до Р. Х. национальное одушевление против персов привело к водворению афинской гегемонии в виде так называемого афинского союза (συμμαχία). Под главенством Афин соединились для борьбы с варварами сотни самостоятельных государств, добровольно отказывавшихся от некоторой доли своих державных прав в пользу главенствующего государства. Теперь, в первой половине IV в., гегемония афинян возобновилась; многие эллинские государства вошли снова в союз, но и причины, его вызвавшие, и цели, им себе поставленные, самый состав союза были далеко не те, какие действовали ровно столетие тому назад. Главная опасность для независимости эллинов угрожала теперь со стороны Спарты, той самой Спарты, против которой Коринф и Аргос решились было слиться в единое государство, для ограждения от которой сложились союзы фивский и аркадский, восстановлено было мессенское государство. Начало второму афинскому союзу положено было вскоре после сокрушения морских сил Спарты Кононом при Книде (392/393 до Р. Х.), а основные положения его выработаны и провозглашены народным афинским собранием в 377 г. до Р. Х. в условиях, созданным Анталкидовым миром. Подчинение малоазийского побережья от Ликии до Синопы и Трапезунта царю персов было признано союзниками во всей силе. Приобретенное таким способом благоволение великого царя облегчало задачу союза — освобождение Эллады от спартанского владычества и сохранение независимости и автономии отдельных эллинских государств. Но то же самое обстоятельство сразу сокращало пределы союза и число его членов и ослабляло побуждения ко вступлению в союз и к неослабной верности его началам. Афиняне в своем постановлении открыто призывали к союзу эллинские и варварские города наравне с прочими, благодаря чему второй афинский союз приобретал характер чисто политического, а не национального движения. В течение двадцати лет со времени провозглашения условий союза число членов его возросло до семидесяти четырех. Но

уже в 371 г. Фивы отделились от союза, за ними последовали города Эвбеи, вошедшие в союз лишь в 357 г. В недрах самого союза образовалась коалиция против главы его, приведшая к так называемой союзнической войне и к отторжению от союза значительной части членов (355 г. до Р. Х.). Страх фивской гегемонии соединил Спарту и Афины с фокидянами, следствием чего были все ужасы священной войны, покорение Фессалии Филиппом и, наконец, херонейская битва, нанесшая последний удар и афинскому могуществу, и второму афинскому союзу (338 г. до Р. Х.).

Неудача позднейшей попытки афинян сравнительно с первым их союзом объясняется помимо искусной политики Филиппа и его грозной фаланги изменившимися отношениями эллинов. Время гегемонии миновало. Притязания Спарты в этом направлении встретили жестокое сопротивление со стороны остальной Эллады; кроме Афин и Спарты, или, говоря точнее, Аттики и Лаконики, в других частях Эллады образовались к этому времени сильные центры, ясно сознававшие важность объединения ближайших соседей и в то же время достаточно сильные для того, чтобы охранять свою независимость. В стороне от афинского союза осталась не только береговая полоса Малой Азии, подчиненная персидскому царю и составлявшая $^{2}/_{5}$ податных округов в первом афинском союзе, но важнейшая колония на фракийском побережье, Амфиполь, а также многие города на Геллеспонте и Пропонтиде, острова Наксос и Эгина, большая часть Закинфа, Левкады и др.; с самого начала и до конца афинский союз имел могущественного противника в союзе халкидском или олинфском; Беотия собиралась около Фив, и задолго до распадения союза Фивы поднялись на степень первостепенной эллинской державы (371–362 гг. до Р. Х.).

В половине IV в. до Р. Х. в Фокиде существовало 22 города, сложившихся в союз на основе равенства без преобладания какого-либо одного города над прочими. Фокидяне искони действовали против внешнего врага общими силами, представляя плотное целое сначала из деревень, потом из городов, и в борьбе с фессалийцами в доисторическое время, и в священной войне, и впоследствии, в македонскую и римскую эпохи. О фокейском союзном государстве, о народе фокеян, о союзных стратегах их свидетельствуют и писатели, и надписи. Древний *басилей* преобразился со временем в общефокейского вождя. О каком-либо подчинении одного города другому, о каких-либо подданных или рабах в Фокиде мы не находим и малейших указаний до так на-

зываемой третьей Священной войны, и ко времени вторжения Филиппа в Элладу Фокида представляла собою свободнейшее эллинское государство. Гегемония афинская оказалась способною дать лишь слабую тень того согласия или единения, какое отличало не только фокейский союз, но и аркадский и олинфский: в борьбе с Филиппом фокидский союз обнаружил изумительную силу сопротивления, пока города, в него входившие, не были разрушены Филиппом, причем фокидянам велено жить впредь в небольших деревнях, удаленных одна от другой не меньше как на стадию. Спустя несколько лет города фокидян с помощью фиванцев и афинян были восстановлены, союз снова сложился, и союзные войска фокеян участвовали в херонейской битве и потом в ламийской войне (323 г. до Р. Х.). За доблести в войне против галатов фокеяне награждены были возвращением в дельфийскую амфиктионию. Живучесть союзных начал в Фокиде свидетельствуется тем, что расторгнутый Муммием в 146 г. до Р. Х. союз вскоре был восстановлен сенатом, и еще во время Павсании существовало общефокейское собрание, куда отдельные города посылали своих представителей; из эпохи послетроянской сохранилась надпись с титулом вождя фокеян (φοκάρχης)*. Понятно, что притязания афинян на господство ввиду объединительного движения в разных частях Эллады на началах равенства были анахронизмом, повторением пережитого явления. Будучи создана с целью возвратить эллинам свободу, отнятую Спартою, и охранить ее на будущее время, афинская гегемония должна была или преобразиться немедленно по разрешении этой задачи, или исчезнуть. Раз миновала та потребность, ради которой союз с гегемонией был основан, и афиняне не желали отказаться от дарованной им роли гегемона, в среде союзников должно было обнаружиться недовольство и стремление к отторжению; насильственные меры со стороны Афин, сопровождавшиеся явным нарушением основных условий союза, только обессиливали организацию и вели ее к полному разложению. Главенство Афин, отличавшее афинский союз и другие подобные от федерации равноправных членов, выражалось в том, что так называемый общий совет союзников был только учреждением совещательным, решения которого, как и афинс-

---

* *Demosth.* Fals. legat. 81. 123; *Strabon.* IX 3; *Diod. Sic.* XVI 24. 32. 27. 60; *Pausan.* X 3. 4. 5. 8. 20. VII 16; *Burstan.* Geogr. von Griechenl. 1862. I; *Vischer.* Kl. Schrift. I. S. 328; *Wescher* et *Foucart.* Inscriptions recueillies à Delphes. Paris, 1863.

кой думы, могли быть приняты или отвергнуты народным собранием афинян. Следовательно, верховные права принадлежали афинскому народу, который не посылал своих представителей в союзный совет, не имел ни особых должностных лиц, ни особых учреждений, рассчитанных на участие в союзных делах. Самое официальное обозначение союза «афиняне и союзники» знаменовало собою отсутствие единства и равноправности в действиях союзных государств: главенствующие Афины стояли не в одном ряду с союзниками, но над ними; подчиненное положение союзники могли терпеть только временно; от собственных верховных прав (суверенитет) они могли отказаться только ради определенной общей цели, в условиях исключительных; с минованием этих последних стремление к полной самостоятельности и равенству вступало в свои права, и гегемония рушилась*.

Союзы лакедемонский, первый и второй афинский, содействуя, с одной стороны, взаимному сближению входивших в союз государств, в то же время обнаруживали полную несостоятельность таких форм объединения, в основу коих полагалось неравномерное распределение прав и обязанностей между гегемоном и совокупностью прочих союзников. Оставляя неприкосновенною самостоятельность союзных государств, подобные союзы научали эллинов ценить выгоды собирания своих сил воедино, но вместе с тем отвращали их от сильных государств и скорее укрепляли, чем ослабляли, привязанность к формам совершенно независимой, суверенной городской республики. Поэтому, если Фримен в обозрении попыток федеративного устройства эллинов впадает в крайность, обходя молчанием союзы лакедемонский и афинские, то, с другой стороны, не правы Фишер и особенно Бузольт, когда они примеры гегемонии зачисляют в разряд опытов федеративного устройства. Федеративное движение эллинов, поскольку оно осуществилось, исходило из других начал и особенностей эллинской жизни, а не из стремлений сильнейшего государства к господству над слабейшими. Положение гегемона больше приличествовало и легче могло достать-

---

* Текст условий, определяющих взаимные отношения Афин и союзников их, содержится в надписи Corp. Inscr. Attic. II 17. См. также: *Busolt.* Der zweite athenische Bund and die auf der Autonomie beruhende hellenische Politik von der Schlacht bei Knidos bis zum Frieden des Eubulos. Mit einer Einleitung: zur Bedeutung der Autonomie in hellenischen Bundesverfassungen / Besond. Abdruck aus d. 7 Supplb. der Jahrbüch. f. class. Philologie. Leipzig, 1874.

ся на долю могущественному иноземному государству или владыке, каким была Македония с Филиппом и Александром, нежели какой-либо из городских общин самих эллинов, одинаково высоко ценивших свободу и самостоятельность политической жизни в своих государствах, никогда не признававших особенного права за одною частью эллинов на господство над остальными.

Задатки эллинской федерации глубоко коренились в старо-давних привычках и обычаях родового быта; в более чистом виде они должны были сохраниться в тех частях Эллады, которые наидольше оставались в стороне от исторического движения, создававшего значительные города с подчиненною им территорией, обширную торговлю и промышленность, вызывавшие скопление богатств в руках немногих и более резкие классовые деления. Родовому быту эллинов, как и других народов, присуще было самоуправление родов, коим, говоря вообще, соответствовали демы или комы (деревни)*; наряду с соединением родов в самоуправляющиеся племена, коим соответствовали, например, у аркадян и этолян, паррасии, кинуряне, эвританы, офионяне и др., существовал союз племен, представлявший близкое подобие народа, как у тех же аркадян или этолян; соответственно такой группировке племен и союза племен организовалось управление в деревнях, племенах и в племенном союзе. Обыкновенно отдельные племена, обладая особыми именами и наречиями, занимали определенные области, были вполне независимы одно от другого и соединялись вместе в случаях общей опасности. Относительно этолян мы находим у Фукидида ясное указание на такой именно способ действий**; точно так же поступали аркадяне, фокеяне, мессеняне и другие народности, представлявшие более или менее прочный и постоянный союз родственных племен. Меньшие родовые деления не подчинялись большим, но входили в них как составные части. Советы представителей отдельных родов и колен, или племен, потом общенародные собрания всех соплеменников, или членов союза всех племен, начальники племен и общий начальник племенного союза — таковы были естественно слагавшиеся органы народного самоуправления.

Благодаря сравнительному обилию уцелевших надписей, пополняющих литературные известия, в политических отноше-

---

* Аристотель (Polit. I 1 (2)) называет деревню колонией семьи.
** *Thuk.* III 94.

ниях эпиротов удается проследить некоторые интересные явления, проливающие свет на глубокую старину эллинских племен и на позднейшие союзные учреждения. По свидетельству Феопомпа, сохраненному Страбоном, Эпир занят был четырнадцатью племенами, из которых возобладали над остальными сначала хаоны с феспротами, потом молоссы. Прочие племена были частью поглощены этими тремя, частью вошли в состав македонян и этолян. До позднейшего времени эпироты жили по деревням (κατα κωμας): в 168/167 г. до Р. Х. римский полководец Павел Эмилий разрушил семьдесят эпирских «городов» и продал в рабство 150 000 эпиротов; в таком числе «городами» в Эпире могли быть только деревни*. Рядом с общим именем эпирского народа (Ηπειρῶται, Απειρῶται) удерживались и названия отдельных племен: феспротов, хаонов, молоссов; рядом с учреждениями, общими для всего народа, сохранялись и учреждения племенные. Ко времени пелопоннесской войны хаоны и феспроты управлялись не царями, но двумя должностными лицами, выбираемыми ежегодно из господствующего рода (προστάται); во главе молоссов Фукидид ставит царей (βασιλεῖς), вероятно тем только отличавшихся от простатов, что власть их была пожизненная и с некоторыми ограничениями наследственная: обе эти черты присущи были и фокейским стратегам, которых Эсхин называет тиранами, а Павсаний владыками (δυνασται)**. Уже в надписях IV и начала III в. до Р. Х. упоминаются простаты и у молоссов***.

Необходимым условием владычества для эпирского царя была умеренность в управлении, заслуги по устроению или расширению территории, верность клятве, которую молосские цари ежегодно давали народу в Пассароне — править по законам; народ клялся охранять царскую власть также по законам. Нарушение клятвенного, ежегодно возобновлявшегося уговора навлекало кару на обе стороны: Диодор и Плутарх сообщают случаи смещения эпирских царей****. Прекращение династии пиридов во второй половине III в. до Р. Х. положило конец наследственной власти начальников союза племен; место его занял выборный стратег, а эпирское государство получило название

---

* *Strabon.* VII 7; *Polib.* XXX 16; *Liv.* XLV 35.

** *Thuk.* III 80; *Plut.* Pyrrh. 1; *Aeschin.* Fals. legat 130–132; *Pausan.* X 7. 2.

*** *Carapanos.* Dodone et ses ruines. Paris, 1878.

**** *Aristot.* Polit. VIII 10. II; *Diod. Sic.* XV 13; *Plut.* Pyrrh. 2. 5.

«союза эпиротов, жительствующих кругом Феники». Но, разумеется, происшедшую перемену никак нельзя понимать в смысле замены монархии республиканским правлением: подобные термины, без всякой оговорки употребляемые Фриме̣ном и другими историками, не соответствуют действительным отношениям Эпира. И в царствование пирридов не были упразднены ни народное собрание эпиров (ἐκκλησία), ни простаты отдельных племен, ни совет простатов, т. е. те самые учреждения, какие мы находим в союзе эпиротов в позднейшее время, но теперь они действуют более правильно, в меньшей зависимости от единоличной воли вождя эпирского народа. С прекращением династии пирридов и преобладания молоссов центр управления переместился из Пассарона, молосского города, в Фенику, главный город хаонов. Сообщаемые Полибием известия о нападении илирян на Фенику, «город эпиротов» (229 г. до Р. Х.), а равно о смертном приговоре эпиротов против виновных во вражде к римлянам по настоянию Харопа (164–169 гг. до Р. Х.) подтверждают такое именно значение этого города. В Фенике же происходили переговоры Филиппа V (204 г. до Р. Х.) с тремя стратегами эпиротов; там же приняты римские послы перед второй войной с Филиппом (199 г. до Р. Х.). Однако народные собрания эпиротов, как вообще в подобных союзах, могли происходить и в других городах: римские послы Марций и Атилий (171 г. до Р. Х.) приняты были эпиротами в Гитанах*. В трех стратегах (praetores), упоминаемых Ливием, следует видеть совет стратега, состоящий из «предстателей» трех племен. Верховные права союза воплощались в народном собрании: оно решало вопросы о войне и мире, принимало иноземных послов, даровало право гражданства**.

История не сулила всем разновидностям эллинов равномерного и одинакового поступательного движения; одни из них сравнительно рано перешли из родового быта в городской или государственный; завещанные предками родовые учреждения сменились государственными, хотя эти последние отчасти складывались применительно к старым учреждениям: афинская дума четырехсот или пятисот, афинское народное собрание, афинские коллегиальные учреждения должностных лиц представляли собою приспособленные к новому положению вещей примитивные учреждения. Но союзы эллинских племен никог-

---

* *Polib.* II 5, XVI 27, XXXII 21 26; *Liv.* XXIX 12. XLII 38; *Carapanos.* Указ. соч. п. 7. С. 53.

** *Polib.* IV 30 16, XVI 27.

да не охватывали всей территории, занятой эллинской нацией; единственную попытку в этом направлении представляли амфиктионии, но задачи их были почти исключительно религиозные. Однако весьма знаменательно, что первый политический союз афинян с союзным собранием и союзною казною на Делосе примыкал к исконной делийской амфиктионии и тем самым становился как бы видоизменением старинного учреждения; онхестская амфиктиония сменилась в историческое время беотийским союзом, в который перешел и храм Посейдона как союзное святилище беотян; но основная черта амфиктионий и онхестской и делийской — равноправность всех членов федерации — отсутствовала в союзах беотийском и афинском с политической гегемонией Фив и Афин*.

Действие федеративных начал в Элладе до последнего времени ограничивалось некоторыми областями, не переходя за пределы территории, занятой наиболее близкими друг другу племенами или коленами. Таковы были федерации фокидская, аркадская, фессалийская, мессенская, этолийская, ахейская и др. Когда господство македонян, сопровождавшееся насильственным расторжением союзов и позднейших союзных образований, разорением городов, истреблением непокорных жителей, вызвало среди эллинов настоятельнейшую потребность соединить свои силы, на историческую сцену выступили народности, во многих отношениях отставшие от соседей, но зато полнее сохранившие в своем быте древние начала свободной федерации без притязаний на гегемонию или поглощение, с политической организацией, обещавшей равноправность всем членам союза без различия государств близких и далеких, сильных и слабых, первоначально образовавших союз и позже в него вошедших. Этолийская и ахейская федерации не были поэтому учреждениями искусственными, вызванными на свет будто бы честолюбием отдельных личностей и совершенно чуждыми ха-

---

* Попытки связать позднейшие городские учреждения с первобытными родовыми отношениями, как устанавливаются сии последние сравнительной этнографией, проникают все больше в политическую историю классических народов. *Gilbert.* Handbuch der gr. Staatsalterthümer. Leipzig, 1885. II. *Аландский.* История Греции. Капитальнейшее исследование в этом направлении: *Leist.* Graecoitalische Rechtsgeschichte. Jena, 1884. О конфедерациях в первобытных обществах особенно обстоятельно говорит Морган в сочинении Systems of consanguinity and affinity of the human family. Washington, 1871.

рактеру эллинского народа. Павсаний глубже многих новых историков постигал истинные корни федеративного движения, когда уподоблял ахейский союз ветке, выросшей на изболевшем дереве, следовательно, питаемой здоровыми соками того же дерева*. Начало единения было едва ли не более общим, древним и первоначальным в жизни эллинов, как и начало дробления или партикуляризма; этому последнему суждено было возобладать на долгое время в междуэллинских отношениях. Лишь в последние годы политической независимости, после того как изобличена была несостоятельность попыток гегемонии и владычества, эллины решились под гнетом тяжких бед воспользоваться другими началами своей жизни и дать им широкое применение; достигнутые к этому времени успехи гражданственности и образования сделались в большей или меньшей мере общим достоянием эллинской нации, что ослабляло силу накопившихся различий. Связь нового явления с исконными формами жизни служила только более полному его оправданию, обеспечивала ему тем больший успех и сочувствие. Старые порядки, возникшие путем естественного разрастания, державшиеся на чувствах племенного родства и территориальной близости, вставали теперь в новом виде, получая определенность в договорах и в целой системе федеративных учреждений. К началу III в. до Р. Х. по всей Элладе возобладала демократия; даже цари Спарты, гераклиды Агид и Клеомен вознамерились уничтожить эфорат, главную опору аристократического строя Спарты, и тем вызвали в Пелопоннесе повсеместное брожение, опасное для Ахаи, в пользу спартанской гегемонии. На очереди стояло разрешение экономических вопросов. Древние федерации с народным самоуправлением, с родовыми формами владения больше отвечали такому настроению, нежели порядки позднейшие, создан-

---

* Paus. VII 17. Ахейский союз, по словам Брандштеттера, «образовался в угоду честолюбию единственного человека, который возобновил забытую, казалось, борьбу за преобладание». (*Brandtstetter*. Geschichte d. aetol. Land, Bund, und Volkes.). Ларош (Charakteristik des Polybius. L., 1857) называет ахейский союз «пустым искусственным призраком», который держался только «при помощи мелких, изысканных, часто низких интриг и махинаций». Фишер (Kl. Schrift.) замечает, что развитие федеративного принципа вызвано было истощением сил эллинской нации. «Совершенно новой организацией» называет он союзы ахейский и этолийский. Интересный, хотя мало разъясняемый материал о племенном быте эпиротов см.: *Kuhn*. Entsteh. d. Städte. Без достаточных оснований автор заносит в число эпиротов аподотов, офионян, эвританов.

ные городскою жизнью в отдельных республиках. Прежде чем перейти к обозрению судеб главнейших эллинских федераций, мы отметим еще некоторые примеры федеративных связей в IV и III вв. до Р. Х., в доказательство того, что не стремление к гегемонии Клеомена III, противника Арата, но союзы ахейский и этолийский верно отвечали назревшим потребностям.

Из половины IV в. до Р. Х. известен союз эвбейских ионян: о нем говорит Эсхин в речи против Ктесифонта и приписывает образование его тирану Каллию из Халкиды; союзное собрание, куда различные города посылали своих участников (σύνεδροι), называется эвбейским собранием (τὸ Εὐβοικὸν συνέδριον). В Халкиде же созвано было «собрание эвбейских городов» Т. Квинкцием Фламинином в 194 г. до Р. Х.*

Из времени Лисимаха (295–287 гг. до Р. Х.) сохранилась надпись, свидетельствующая о существовании союза малоазийских ионян, причем называется по имени и общий вождь ионян. Как эти, так и прочие подобные союзы — акарнанов, локров западных, энианов, этеев, дорян, ликиян, краткие сведения о которых извлечены почти исключительно из надписей и собраны у Титмана, К.Фр. Германа, Фишера, Шемана, Фримена, Гильберта, Куна**, — не выходили за пределы территорий, населенных одним и тем же племенем, хотя бы и разветвившимся на несколько разновидностей и находившимся под действием одинаковых приблизительно условий внешних и внутренних. Почин в решении дальнейшей задачи федеративного движения — распространить начала равноправного союза за пределы территории племени — принадлежал не городу тому или другому, но племенным союзам городов или поселений, этолийскому и ахейскому.

Как ни скудны наши сведения о местных федерациях эллинов, тем не менее они могут и должны служить к уразумению событий и учреждений ахейско-этолийского периода. В том самом федеративном движении, примеры которого рассмотрены выше и начала которого теряются в незапамятной старине, следует различать два главных периода соответственно двум формам союза: первоначальные федерации родов и племен, позднейшие — городов в пределах одного племени или нескольких племен, соединившихся в народ. Тогда как в Фокиде, например,

---

* *Aesch.* in Ctesiph. 89; *Liv.* XXXIV 51.

** *Tittmann.* Darstellung der griechisch. Staatsverfassungen. L., 1822; *Hermann K. Fr.* Lehrbuch d. gr. Staatsalterth. § 177; *Vischer.* Kl. Schrift; *Schoemann.* Griech. Alterthüm. II; *Freeman.* Feder. governm. passim; *Gilbert.* Handbuch II, passim; *Kuhn.* Entstehung d. Städte.

на Халкидике и на Эвбее мы имеем случаи городских федераций, Аркадия представляет смешение обеих форм союза, а в Эпире членами федерации до последнего времени были племена.

IV

Федерация этолян

Полибий — горячий ахейский патриот; на ахейский союз он возлагал самые смелые надежды; в нем он видел осуществленными те начала единения на основе демократии и равенства всех входивших в него государств, которые должны были спасти свободу Пелопоннеса и Эллады от господства иноземцев. К тому же Полибий был образованнейший эллин своего времени, искавший оправдания всякого явления в современных требованиях, в понятиях определенной цели и осмысленной, рассчитанной системы средств. Руководящим началом в его критической оценке личностей и событий настоящего и прошлого был субъективный рационализм, замыкавшийся в личных представлениях историка о выгодном и невыгодном, целесообразном и нелепом и т. п., но не проникавший в исторические и бытовые условия и особенности событий, народов и стран. Следствием этого являлись, с одной стороны, перенесение в прошлое несвойственных ему мотивов, но таких, которые, по личному убеждению историка, были бы в его собственное время наиболее уместными и действительными; с другой стороны, от историка укрывались во многих случаях подлинные причины явлений и подлинные побуждения народов и отдельных личностей. Пока мы ограничимся немногими примерами. Веру в богов и преисподнюю он считает мудрою выдумкою предков, назначение коей обуздывать порывы страсти, присущие легкомысленной и нерассудительной толпе. Полумифический Ликург руководствуется в законодательной деятельности такими же самыми соображениями, какие определяли образ действий Сципиона Младшего. Любовь аркадян к музыке насаждена, по словам Полибия, праотцами их с определенными воспитательными целями. Об ахейском союзе и его учреждениях он говорит так, как будто в Элладе не существовало никакой другой демократии, никакого другого союза эллинов. Все, что не отвечало его представлениям о справедливом или практически выгодном, о целесообразных способах дей-

ствия, что препятствовало осуществлению сочувственных ему планов и намерений, — все это, по его убеждению, было последствием злонамеренности, нравственной испорченности и вызывало в нем осуждение или даже негодование, но не охоту к исследованию и объяснению причин и условий. По словам самого Полибия, внимания историка заслуживают положительные, а не отрицательные явления. Субъективным настроением историка запечатлена вся оценка поведения этолян.

Перед Клеоменовой войной (227 г. до Р. Х.) этоляне не воспрепятствовали Клеомену занять союзные с ними города Аркадии Тегею, Мантинею, Орхомен. «Таким образом, — замечает по этому поводу историк, — тот самый народ, который раньше под всякими предлогами из алчности ходил войною и на тех, от коих не терпел никакой обиды, теперь прощал нарушение договора и потерю важнейших городов, лишь бы создать из Клеомены могущественного противника ахеянам». Виновниками так называемой союзнической войны (220 и 217 гг.) он называет одних этолян. «Этоляне давно уже тяготились мирным положением, вынуждавшим их расходовать собственные средства, тогда как они привыкли жить на счет соседей, а потребности их из врожденной хвастливости были велики; она-то побуждает их вести постоянно хищнический, дикий образ жизни; никого они не считают другом себе, напротив, во всех видят врагов». Около этого времени этоляне вторглись в Мессению; на пути чрез владения ахеян «неумеренно жадная к добыче толпа не могла удержаться от хищения, а потому этоляне на всем пути разоряли и грабили поля, пока не дошли до Фигалии. Отсюда они совершили внезапное и дерзкое вторжение в область мессенян невзирая на дружественный союз, искони существовавший между ними и мессенянами, нарушая общепризнанные права народов; все принося в жертву своей алчности, они опустошали безнаказанно страну, так как мессеняне не дерзали выходить против них». Привыкшие жить грабежом и добычею, они роптали на Агелая за то, что с заключением по его настоянию мира отрезаны были им все пути к грабежу. Для этолян не существовало границы между мирным и военным состоянием, и они во всякое время шли на дела, нарушавшие общечеловеческие права и установления. Святость и неприкосновенность храмов и изображений богов не останавливают хищнических нападений этолян. В Кинфе они ограбили храм Артемиды, в Дии, кроме городских стен, частных домов и гимназии, сожжены были прилегавшие к

храму портики, уничтожены все священные предметы, служившие к украшению храма или употреблявшиеся на праздествах. Начальник этолян Скопас воевал не с людьми только, но и с богами, а народ по возвращении его в Этолию не только не признал его нечестивцем, но превознес почестями и взирал на него как на доблестного мужа, оказавшего услугу государству. Когда этот же Скопас возвратился из Мессении после хищнического набега, этоляне выбрали его в стратеги. «Я не знаю, что и сказать об этом, — замечает историк. — Не воевать по общенародному постановлению, но со всем ополчением совершать хищнические набеги на соседей, при этом ни одного из виновных в том не только не карать, но еще оказывать почет избранием в стратеги людей, руководивших подобными предприятиями, — такое поведение представляется мне верхом коварства». Ради удобств в совершении разбоев и грабежей они постоянно держались дружбы с элейцами. По словам Филиппа, и он, и прочие эллины многократно обращались к этолянам, с требованием отменить закон, дозволяющий им «брать добычу на добычу», но они отвечали, что скорее «Этолия будет изъята из Этолии», чем отменен этот закон. Этоляне грабили Элладу непрерывно, без объявления войны нападали на многие народы, а когда обиженные требовали у них отчета, те не удостоивали их оправдания и еще издевались над вопрошающими. Грабят этоляне не только тех, против кого воюют: если другие народы ведут между собою войну, будь они в дружественном союзе с Этолией, этоляне без соизволения на это союзного собрания нападают на территорию воюющих народов, грабят обе стороны, не зная границы между дружбою и враждою. Нет насилия, которого устыдились бы этоляне, если только они могут извлечь корысть из него.

Словом, насилие, грабеж и другие подобные преступления, сопровождаемые завистью, коварством, наглостью, вероломством, входили в привычки этолян, по представлению нашего историка. Фламинин потому будто бы и не пожелал очистить Элладу от Филиппа после победы при Киноскефалах, что знал хорошо наклонность этолян к грабежам и не хотел отдавать им эллинов на жертву; раздражала его и кичливость этолян. Во вторую македонскую войну во время переговоров Фламинина с Филиппом при Никее (198/197 г. до Р. Х.) сей последний на вопрос римского консула, почему он боится подойти ближе, отвечает, что он боится только богов, а не доверяет очень многим, боль-

ше всего этолянам*. Большинство этолян Филипп называет неэллинами, именно аграев, аподотов, амфилохов.

Римский преемник Полибия, Ливий, рисует этолян такими же или почти теми же самыми чертами. Этоляне — народ беспокойный (inquieta gens), жестокий в несвойственной эллинам мере (ferociores quam pro ingenlis Graecorum gentis), всюду несущий за собою разорение и грабежи**. Впрочем, показания Ливия не могут прибавить ничего к Полибиевой характеристике: во-первых, римский историк Августова века стоял еще дальше от древнеэллинских нравов, нежели эллинский; во-вторых, в своих известиях об Элладе этого времени он находится в полной зависимости от эллинского оригинала; в-третьих, этоляне были злейшими врагами римлян. Интересно, напротив, что Плутарх, хорошо зная Полибия, сочувствуя ахейскому союзу и в биографиях Агида, Клеомена, Фламинина и др. не раз упоминая об этолянах, не обнаруживает по отношению к ним той нетерпимости и раздражения, какими запечатлены повествования Полибия и Ливия, хотя и знает о наклонности их к грабежу и об их кичливости***. Много занимается этолянами Страбон в своей «Географии», и, однако, ни от себя, ни со слов Эфора, часто упоминаемого, он ничего не говорит о тех пороках, какими наделены этоляне у Полибия.

Впрочем, хищнические набеги этолян на эллинские поля совершались и раньше описываемого Полибием времени. Афеней (II—III вв. до Р. Х.) сохранил нам итифаллическую песню, которою афиняне встречали Деметрия Полиоркета по возвращении его из Левкады в Афины (302–301 г. до Р. Х.). Этоляне называются здесь Сфинксом, во власти которого не одни Фивы, но целая (?) Эллада, который похищает и уносит тела афинян, раньше грабил соседей, а теперь и дальние народы****. Хотя итифаллический гимн, исполняемый веселым хором замаскированных, в женщин переодетых певцов, и не имеет значения исторического свидетельства, тем паче что обыкновенно этоляне и афиняне находились в дружественных взаимных отношениях, что сочинитель гимна желал польстить одному из македонских владык,

---

* *Polib.* XVIII 1. 5.

** *Liv.* XXVII 3. 30, XXXI 22–26, 29–32. 40, XXXII 4, XXXIV 24. 49, XXXVII 11. 45.

*** *Plut.* Flamin. 8. 10. 15.

**** *Athen.* VI p. 253 E. В русском переводе гимн приведен в сочинении В.Г. Васильевского: Политич. реформа... С. 35. Примеч. 1.

которым много приходилось бороться с этолянами, однако и он может служить к подтверждению существовавшего у этолян обычая искать добычи в чужих землях.

В этом, как и во многих других отношениях, этоляне среди более преуспевших эллинов представляли обломок давней старины, когда, по словам Фукидида, эллины ходили всегда в вооружении, когда занятие разбоем и грабежом «не почиталось постыдным, скорее приносило некоторую славу». Взаимные распри соседей и даже разделенных значительными расстояниями племен, нападения друг на друга и грабежи составляли обычное явление в гомеровском обществе; последствием похищения стад и опустошения полей бывали обыкновенно войны. Недаром Ахилл говорит Агамемнону, что для него нет основания воевать с троянцами: ибо никогда не уводили они ни его коров, ни лошадей, не опустошали его полей. Нестор рассказывает о распре этолян с элейцами из-за похищенных стад и т. п.* От того отдаленного времени сохранился у эллинов обычай до последних дней независимости Эллады дозволять гражданам перед началом открытых военных действий ходить за добычею в неприятельскую землю, отсюда такие выражения, как σῦλα, σύλας διδόναι, λάφυρον ἐπικηρύττειν, ῥύσια καταγγέλλειν, — обычай, свойственный всем эллинам безразлично и засвидетельствованный самим Полибием**. Во взаимных отношениях между племенами или коленами в гомеровскую эпоху преобладали вражда и хищение, что вело за собою пренебрежение к человеческой жизни, вороватость, обман, неуважение личности врага и ее прав; рядом с этими чертами стояли привязанность к родине, почтение к родителям и старикам, человечное обращение с нищими и рабами, неприкосновенность гостеприимства, верность родственным связям и дружбе.

Во времена Фукидида в Этолии три главных племени с многочисленными подразделениями их жили неукрепленными деревнями, имели легкое вооружение, а в трагедии Еврипида воспитатель говорит Антигоне, что все этоляне носят легкие щиты и весьма искусно метают дротики, — также остаток глубокой старины***. С течением времени этолийские племена все более сближались между собою и, наученные опытом, хранили свое

---

* *Thuk.* I 5–6, II. 154, XI 670; Od. XI 17. 401, XIV 229. 452, XV 427, XVI 427.

** *Thuk.* V 115; *Xenoph.* Hellen. V 1; *Polib.* IV 26. 36. 53.

*** *Thuk.* III 94. 96. 100; *Eurlpld.* Phoeniss. 139–140.

лучшее вооружение в Ферме, месте союзных собраний, хорошо укрепленном природою. При первом вторжении в Ферм (218 г. до Р. Х.) Филипп V нашел в портиках тамошнего храма огромное количество оружия. Благодаря этому любая ярмарка или народный праздник, любое союзное собрание этолян могло в случае нужды обратиться в военное ополчение и тотчас двинуться в поход или встать на защиту родной страны*. Но то, что входило в обычай и ловкость в чем прославлялась поэтами как доблесть в так называемое героическое время, казалось позднейшим эллинам и римлянам, особенно Филиппу V, Полибию и Ливию, бессмысленною жестокостью, этолийскою алчностью, исключительною принадлежностью природы этолян, а сочинителю гимна чем-то загадочным, напоминающим кровожадность Сфинкса. С гомеровскими ахеянами сближает этолян искусство их сражаться врассыпную, один на один, а не в строю, равно как и тот обычай, в силу которого отдельные, наиболее предприимчивые личности независимо от общесоюзного постановления отправлялись во главе верной дружины за добычей и потом как бы в награду за смелость и удачу выбирались в союзные стратеги. Вожди этолян наподобие гомеровских басилеев получали большую часть добычи. Филипп, Полибий и римляне считали подобный порядок признаком нечестия и коварства, умышленным изобретением ради безнаказанного совершения насилий и грабежей**. Много архаического сохранилось и в их вольном политическом строе. Дольше прочих эллинов жили они в стороне от исторического движения в малодоступных горах и оставались безучастными к успехам образованности, которые создавали, правда, блестящие городские республики, науку, искусства, смягчали нравы и вводили в жизнь более определенные правовые отношения, но вместе с тем ослабляли первоначальные устои политического общежития и затрудняли совместные действия эллинов в случаях общей опасности.

К несчастью для этолян, из среды их не вышло историка, который дал бы нам повествование об учреждениях их и деяниях, по крайней мере столь же обстоятельное и правдивое, какое Полибий оставил об ахейской федерации. Полибий и Ливий — не беспристрастные деописатели этолян, к тому же чуждые понимания давно пережитых другими эллинами бытовых отноше-

---

* *Polib.* V 8.

** *Polib.* IV 8. 79, V 108; *Liv.* XXXV 25. Нечто подобное в большей еще мере отмечается Полибием относительно иллирян (II 8).

ний. От того история этолян, как выражается Страбон, остается во многом неясною. В столкновениях с более развитыми народами, были ли то эллины, или македонские владыки и римский сенат, этоляне не раз оказывались слишком простодушными, обманутыми в своих расчетах, неразумеющими положения дел*, а не расположенные к этолянам историки не могут скрыть ни похвальных проявлений их храбрости, ни заслуг перед Элладою, ни вражды их к изменникам, хотя бы и послужившим на пользу им. Полибий рассказывает, что по вторжении в Кинефу этоляне прежде всего умертвили предателей, впустивших их в город; он же признает за ними и умение быть благодарными за оказанные им услуги**. Не слепую отвагу обнаружили этоляне в войне с римлянами, но необыкновенную стойкость и военную изобретательность, когда нужно было защищать Амбракию против консула М. Фульвия Нобилиора, или когда они в течение двух месяцев доблестно выдерживали осаду римлян в Навпакте (189 г. до Р. Х.). Сам Полибий устами Ликиска не отрицает того, что этоляне достойным образом защищали Элладу от галлов***. В память этой победы этоляне установили в Дельфах Σωτήρια, благодарственное празднество за спасение; по этому случаю афиняне и хиосцы поспешили отправить посольства свои к союзу этолян для торжественного признания нового праздника, что было вместе с тем выражением благодарности могущественному народу: факт этот засвидетельствован двумя надписями****. Битва при Киноскефалах (197 г. до Р. Х.) решена в пользу римлян этолийской конницей, как о том свидетельствуют Полибий и Зонара*****. По словам Плутарха, в то время среди эллинов было весьма распространено стихотворение, в котором главными виновниками поражения македонян в этой битве назывались этоляне. По изображению Полибия и Ливия, хотя не по мнению их, нападки этолян на римлян за то, что те не освободили эллинов, а только наложили на них новые кандалы, побудили римский сенат вывести гарнизоны из Коринфа, Халкиды и Димитриады. Уверения этолян, что освобождение Эллады римлянами было мнимое, историки эллинский и римский называют клеветою, но клевета вполне подтвердилась дальнейшими события-

---

* *Strab.* X 2; *Polib.* V 29, XX 9–10.
** *Polib.* IV 18, II 46. 49.
*** *Polib.* IX 30.
**** C. J. A. II 323. Bulletin de corresp. hellén. 1881. P. 305. 306. 307.
***** *Polib.* XVIII 22; *Zonar.* p. 100.

ми, да и в то время принимались с доверием большинством эллинов*. Вообще отвага этолян вошла в поговорку, хотя Полибий и говорит о ней в тоне неодобрения**. В отношении храбрости и военного искусства этоляне до последнего времени оставались такими же, какими они показали себя в борьбе за свободу с Филиппом, Александром, Антипатром, Кассандром и прочими македонскими вождями, и еще раньше в период пелопоннесской войны с афинянами. Уже Гомер называет их стойкими в битве; ту же любовь к свободе и то же упорство в борьбе за нее показали потомки этолян в последней освободительной войне при защите Мисолунги. Словом, уже отсюда ясно, что этоляне были не только хищники, каковыми являются они в *суждениях* Полибия и в оценке большинства новых историков. Разумеется, и защитники этолян, как Лукас, Брандштетер, Ларош, заходят слишком далеко. Тем и другим недостает строго исторического понимания предмета: занятие разбоем и грабежом в среде гомеровских ахеян не исключало ни истинно гражданских доблестей, ни общественных привычек и порядков, которые развились впоследствии в систему республиканских учреждений. Эта самая вольница хищников или хотя бы клефтов, как называют их Дройзен, Герцберг, Моммзен, вела неустанную систематическую борьбу с македонскими царями и вождями, дала новую организацию дельфийской амфиктионии, заключала союзы с другими народами, более всего с афинянами, распространила свое союзное устройство на значительную часть Эллады, наконец, выработала политические учреждения, во многом отвечавшие общеэллинским требованиям времени, весьма сходные с учреждениями другой федерации, ахейской, в некоторых отношениях даже превосходившие эти последние по степени целесообразности.

Первый знаменательный факт в истории этолян — ассимиляция с ними нескольких племен, частью эллинских, частью инородных, хотя и родственных эллинам.

Первоначальная или древняя Этолия, спускавшаяся к Коринфскому заливу между реками Эвеном и Ахелоем, на севере занимавшая гору Аракинф и области озер Трихониды и Гирий, составляла не больше одной трети той обширной области, которая носила имя Этолии в историческое время, только юго-запад-

---

* *Plut.* Flamin. 9. 10; *Polib.* XVIII 19. 21. 22. 45; *Liv.* XXIII 3, XXXIV 48. 49.

** *Polib.* IV 3 5. V 81.

ный угол этой последней; остальные две трети были добавочною, или приобретенною, Этолией*. В таком же приблизительно отношении, если не большем, находились собственные этоляне к прочим частям населения, вместе с именем этолян усвоившие себе, разумеется, и некоторые бытовые черты их. Способность этолян к ассимиляции проявилась прежде всего в слиянии с ними под одним именем прежних обитателей древней Этолии: гигантов, куретов, эолян; эти последние дали было самой стране название Эолиды, памятное еще во время Фукидида и Ксенофонта, а куретов Страбон называет племенем (φύλοη) этолян в том же смысле, «как офионян, агреев, эфританов и многих других»**. В «Илиаде» этоляне выступают как один народ под управлением легендарного басилея Фоанта, сына Андремона, «чтимого как бог у своего народа». Он привел с собою под Трою храбрых, стойких в битве жителей Плеврона, Олена, Халкиды, Пилены, Калидона. Сам всегда бодрый духом, Фоант воодушевляет и других воинов, «забывающих доблесть», словом и примером. Желая ободрить Идоменея, Посейдон обращается к нему с укоризною и при этом принимает облик и голос Фоанта. Другой, еще более знаменитый герой ахейцев, бесстрашный в бою, мудрейший в совете, любимец Афины, Диомед — этолиец по происхождению: он — сын Тидея, внук калидонского царя Ойнея. Отец его женился на дочери аргивского владыки Адраста и принимал участие в походе на Фивы. В «Илиаде» же устами Нестора рассказывается прославленная в легендах война между куретами и этолянами с участием Мелеагра, другого сына Ойнея***. С именем Ойнея связано сказание о водворении Дионисова культа в Калидоне, как и в прочих частях Эллады; местом рождения другого общеэллинского божества Аполлона почиталась гора Этолии Ортигия, название коей перешло потом на Делос и прочие Ортигии, присвоившие себе честь места рождения Аполлона****. Весьма возможно, что позднейшие притязания свои на заведование дельфийским святилищем этоляне оправдывали между прочим и ссылкою на первенство в почитании Аполлона. Имя Ортигии было одним из эпитетов Артемиды, занимающей вид-

---

* *Bursian.* Geographie von Griechenland. I. 1862; *Lolling.* Hellenische Landeskunde und Topographie; *Jw. Müller.* Handbuch der klassisch. Atterthumswissenschaft. Hb., 1887. VIII.

** *Strab.* X 3; *Thuk.* III 102; *Xenoph.* Hellen. IV 6.

*** *Il.* II 638, IV 527, V 843, IX 529. 549. 575, XIII 218. XIV 115, XXIII 471. 633 и др.; *Apollod.* I 8, III 6.

**** *Apollod.* I 8 i; *Hygin.* fab. 53. 129; *Nicand. schol. Apollod. Rhod.* I 419.

ное место в сказаниях о калидонских владыках, а культ Артемиды Лафрии был общим культом Калидона, Навпакта и ахейского города Патр: впоследствии при нашествии галлов на Элладу жители ахейских Патр одни послали этолянам вспомогательный отряд по дружбе с ними. Есть основание предполагать, что близкие отношения существовали между этолянами и другим ахейским городом, Димою, в конце V и начале IV вв. до Р. Х.* Деятельное участие в троянской войне, почитание общеэллинских божеств, воцарение этолийца Диомеда в ахейском Аргосе свидетельствуют не только о принадлежности этолян к эллинской расе, но и о близких взаимных отношениях между ними и ахейским племенем в доисторическое время. Пелопоннес был не совсем чужд тем этолянам, которые с Оксидом во главе примкнули к Гераклидам, согласно преданию, были проводниками их в Пелопоннес и поселились в Элладе. В близком родстве элейцев с этолянами следует искать объяснения дружественных отношений между двумя народами и в занимающий нас период времени, тех отношений, в основе коих, по словам Полибия, лежали только хищнические наклонности этолян. Историк упускает из виду, что отношениями этими не меньше этолян дорожили сами элейцы, менее всего, по изображению нашего же историка, походившие на скопище грабителей или разбойников. В Олимпии была статуя элейца Килона, освободителя Эллады от тирана Аристотима, поставленная этолянами. Самое освобождение от тирании совершилось при деятельном участии этолян (266–263 гг. до Р. Х.). Должно быть, с этого же времени установился и союз Элиды с Этолией, о котором упоминает Полибий**.

В историческое время под именем Этолии разумелась обширнейшая после Эпира и Фессалии область Эллады, две трети коей заняты были различными иллирийскими горцами: аподотами, офионянами, эвританами, аперантами, агреями. Многочисленнейшим и наиболее грубым из этих племен были эвританы, по словам свидетелей Фукидида говорившие непонятнейшим для эллинов языком и питавшиеся сырым мясом. В описании афинского историка, со слов мессенян, этоляне являются народом многолюдным и воинственным, но живущим по деревням, которые разделены большими расстояниями и не защищены стенами. В случаях общей опасности они собираются воедино даже

---

* *Pausan.* IV 31, VII 18; *Diod.* XV 75; *Polib.* IV 5.

** *Polib.* II 5, IV 5. 9. 71. 73–74 и др.; *Pausan.* VI 14. 24. V 5; *Strab.* X 3. *Plut.* De mulier. virtut.; *Iustin.* XXVI 1.

из отдаленнейших частей Этолии, и тогда трудно одолимы, в чем убедились афиняне собственным опытом; также сообща действуют этоляне и при заключении союза с Лакедемоном и Коринфом: отправленное в эти города посольство состояло из офионца, эвритана и аподота (426 г. до Р. Х.). Итак, уже в V в. до Р. Х. различные племена Этолии не только носили общее имя, но должны были иметь и некоторые общие учреждения, по крайней мере на случай опасности обеспечивавшие совместные действия. От этолян не укрылись самые замыслы Демосфена, не только приготовления его к походу в их страну; врагу достаточно было перейти границу Этолии у Навпакта, чтобы навстречу ему вышло грозное поголовное ополчение этолян, не исключая жителей Малийского побережья, от театра войны отделенных большими, трудно переходимыми пространствами.

Как видно из Фукидида*, отдельные племена этолян, даже подразделения племен, как бомияне и каллияне в среде офионян, жили в своих горах особою жизнью, независимо друг от друга, что, однако, не исключало соглашений между ними от времени до времени и соответствующих общим действиям учреждений. Историк называет агрейского царя (βασιλεύς) Салинфия**, не определяя точнее характера его власти; скорее всего это был начальник племени, опиравшийся в своем управлении на совет родовых старшин и на народное собрание. Стояли ли во главе прочих этолийских племен подобные начальники с наследственною, хотя и ограниченною властью, мы не знаем; во всяком случае, местные особенности в общественном строе этолян не могли быть существенны. По описанию Фукидида эвританы, по словам Филиппа V агреи и аподоты — не эллины; но тот же Фукидид путем изысканий пришел к убеждению, что эллины на низкой ступени гражданственности не отличались в образе жизни от варваров***. Бытовая близость между собственными этолянами и племенами иллирян привела к слиянию их в один народ под общим именем этолян с общим родоначальником Этолом, сыном Эндимиона, с общенародным божеством Аполлоном. Уже Эфору, писателю IV в. до Р. Х., известен был документ в Ферме, удостоверяющий единство этолийского народа, а из объяснений мессенян с Демосфеном у Фукидида легко заключить, что совместные, предварительно условленные воен-

---

* *Thuk.* III 94. 96. 100; *Xenoph.* Hellen. IV 6; *Polib.* V 7. 14.
** *Thuk.* III 111. 114.
*** *Thuk.* I 5. 6. III 94; *Polib.* XVIII 5 8; *Liv.* XXXII 34.

ные действия этолян были к тому времени (426 г. до Р. Х.) обычными, хотя знали о них не многие из эллинов*. В ближайшей связи с образованием союза этолийских племен должно было находиться и перенесение политического центра с Коринфского побережья внутрь страны, из Калидона к северным берегам озера Трихониды в Ферм, открытое, сильно укрепленное природою место. Ферм представлял собою не город в собственном значении слова, — таковых в добавочной Этолии не было вообще, и у Полибия Ферм ни разу не называется городом (πολις), — но лишь соединение общеэтолийских кумиров, храмов, подворий, складов, лавок и иных приспособлений на случай многолюдных собраний; отдельные поселения (οἰκίαι, τόποι) расположены были вокруг святилища Аполлона. Спарта до позднейшего времени сохранила черты первобытного расположения городов**. Тем не менее родовой быт этолян совмещал в себе условия самостоятельности внутри отдельных родовых групп и соединения их в союз племен, в большой народ (μεγα ἔθνος). Ни освобождение Калидона от ахейского гарнизона Эпаминондом (367 г. до Р. Х.), ни получение Навпакта от Филиппа, сына Аминты (339 г.)*** не изменили раз принятого этолянами направления: дальнейшее расширение Этолии совершалось в сторону Акарнании и средней Эллады. Усвоение локрского Навпакта было наиболее выдающимся явлением в домакедонской истории этолян.

Вот почему мы лишены возможности определить хотя бы приблизительно время возникновения этолийской федерации. Существовала она издавна, подобно другой федерации — ахейской; но, тогда как эта последняя была временно расторгнута македонскими владыками, союз этолийских племен не только уцелел во время разгрома остальной Эллады при Филиппе, Александре и преемниках их, но в борьбе с сильными врагами и в разнообразных сношениях с прочими эллинами приобрел большую плотность и определенность. И раньше того Фукидид, Ксенофонт, Арриан, Диодор, говоря об этолянах, разумели обыкновенно совокупность этолийских племен как один народ: этоляне ведут войны, заключают мир, этоляне вступают в договоры с другими народами, этоляне отправляют и принимают посольства; по словам Страбона, Аристотель оставил сочинение о го-

---

* *Strab.* X 3; См.: *Henzey.* Le mont Olympe et l'Acarnanie. Paris, 1860. 307.

** *Polib.* V 8. XI 4; *Thuk.* I 10; *Kuhn.* Entstehung der Städte der Alten.

*** *Diod.* XV 75. *Strab.* IX 4.

сударственном управлении этолян (ἡ τῶν Αἰτωλῶν πολιτείᾱ, а не αι—πολιτεῖαι). Фукидид и Арриан считают нужным отмечать те случаи, когда этоляне, действуя сообща, выбирают послов по племенам; но при этом ни один из историков даже не намекает на то, чтобы племена отправляли свои посольства независимо одно от другого*. Более постоянное участие этолян в общеэллинских делах давало известность союзному строю их, что и засвидетельствовано литературными известиями о событиях македонского периода. К 314 г. до Р. Х. (ол. 116, 3) приурочивается самое раннее упоминание о союзном собрании этолян (τὸ κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν), на котором Аристодем, полководец Антигона Одноглазого, искал у этолян поддержки против Кассандра. В 310 г. до Р. Х. (ол. 317, 3) Полисперхонт обратился в этолийское союзное собрание с письменною просьбою помочь ему в возведении сына Александра, Геракла, на отцовский престол. В 304 г. до Р. Х. (ол. 119, 1) собрание этолян определило послов для примирения родосцев с Деметрием Полиоркетом, который после этого заключил союз с этолянами против Кассандра и Полисперхонта**. Нет, кажется, нужды прибавлять, насколько было бы ошибочно считать эти года начальными в летописях этолийского союза. Ни надписи, ни историки македонского и римского периодов не сообщают ничего, напоминающего политическую раздельность этолийских племен, хотя сознание племенной раздельности никогда не утрачивалось в среде этолийского народа: названия отдельных племен рядом с именем народа встречаются у Полибия, Страбона, Ливия***.

Со вторжением Филиппа II в Элладу начинается быстрое возрастание этолян, второй период этолийской истории; внутри он характеризуется окончательным слиянием этолийских племен в один народ и упорядочением общенародного управления, извне — расширением территории союза путем завоеваний и доб-

---

* Мансо (*Manso*. Sparta. Leipzig, 1800–1805. III, S. 292) за ним Шорн (*Schorn*. Geschichte Griechenlands) и отчасти Брандштеттер (*Drandtstetter*. Die Geschichten d. Aetol. Land.), Фримен и Гильберт усматривают отрицание федеративного союза этолян в то время в известии Арриана о том, что после разрушения Фив в 335 г. до Р. Х. этоляне отправили к Александру посольства по племенам. Но, во-первых, этоляне отправили такого рода посольства по предварительному соглашению, как и в Пелопоннесскую войну они отправили послов в Лакедемон и Коринф; во-вторых, такой способ иноземных сношений не противоречил началам федерации.

** *Strab.* VII 7; *Diod.* XIX 66, XX 20. 99. 100.

*** *Polib.* XVIII 5; *Strab.* X 1. 3; *Liv.* XXXII 34.

ровольного вступления в него новых членов. Союзники Филиппа в херонейском сражении, награжденные от него Навпактом, этоляне увлечены были общим движением эллинов против юного преемника его, и только быстрота, с какою Александр смирил восставшие Фивы (335 г. до Р. Х.), воспрепятствовали этолянам искупить недавнюю вину. Зато в ламийской войне (323–322 гг. до Р. Х.) они выставили против Антипатра чуть не четвертую долю всей союзной армии и, хотя по причине домашних замешательств (διά τινας ἐθνικὰς χρείας), вероятнее всего восстания недавно покоренных акарнанов, удалились с поля войны до решительной битвы*, но не потеряли через то доверия афинян и прочих эллинов, не примирили с собою и македонских правителей. И в самом деле, в то время как Антипатр праздновал полную победу над Элладой, когда противники македонян вынуждены были или покориться, или обречь себя на верную гибель, этоляне открыто давали убежище всем эллинским изгнанникам и беглецам и, таким образом, как некогда афиняне, уготовляли македонским владыкам новую освободительную войну. С десятитысячным войском запертые в зимнюю пору в горах, они среди всевозможных лишений выдержали натиск пятидесятипятитысячной армии Антипатра и Кратера и принудили врага заключить выгодный для них мир**. Мало того: удалением македонских полководцев в Азию этоляне не замедлили воспользоваться тогда же (322 г. до Р. Х.) для вторжения в покоренную македонянами Фессалию и там подняли восстание, на пути покорили несколько поселений локров озольских и разбили в сражении Антипатрова полководца Поликла. Опять домашние дела, именно нападение акарнанов на Этолию, не дали им довершить начатое: Фессалия без труда усмирена была Полисперхонтом. Но уже

---

* *Дюбуа* (Lex ligues) усматривает в этом случае пример деятельного участия этолян в делах народного собрания: но все этоляне шли на войну, а не в народное собрание, как думает Дюбуа.

** *Arrian.* I 7. 10; *Diod.* XVIII 9–17, 24–25. О положении дел в это время так выражался этолийский посол Хленей в собрании лакедемонян, которых желал склонить к союзу против Филиппа V в так называемую македонскую войну (210 г. до Р. Х.): «Наглость и нечестие Антипатра дошли до того, что он устроил охоту на изгнанников и разослал по городам ищеек, выслеживавших каждого, кто перечил ему или вообще чем-либо не угодил царскому дому македонян. Тогда-то одних силою тащили из храмов, других отрывали от алтарей и замучивали до смерти, уцелевшие изгонялись из всей Эллады, и, если бы не народ этолян, они не нашли бы себе пристанища нигде». *Polib.* IX 29. 30.

лет пять спустя Кассандр вынужден был страхом перед этолянами восстановить Фивы и призвать к жизни беотийский союз, расторгнутый было Александром*. Неудачи этолян в борьбе с Македонией были лишь временные, не причинявшие ущерба ни их военному могуществу, ни значению их в Элладе. К этому времени относятся упомянутые выше сношения македонских владык с союзным собранием этолян. Как в 316 г. они преградили путь Кассандру из Македонии в Беотию через Фермопилы, так в 290 г. (ол. 122, 3) Деметрий Полиоркет вынужден был праздновать пифийские игры в Афинах, потому что Дельфы и все парнасские перевалы находились во власти этолян. Тогда-то в Афинах сочинен был тот гимн в честь Деметрия, в котором этоляне сравнивались с свирепым сфинксом** и который, между прочим, назначался для устранения всяких подозрений в сочувствии афинян врагам счастливого завоевателя: незадолго перед тем афиняне действовали в союзе с этолянами. Ни македонянам, ни союзным войскам пелопоннесцев не удалось освободить Дельфы от этолийского владычества: очевидно, оно поддерживалось крепкими узами, соединявшими этолян с фокидянами и другими народами средней Эллады.

Важное значение дельфийского святилища не в религиозной только, но и в политической жизни эллинов, связь его с важнейшей амфиктионией давали с этого времени этолянам возможность влиять на судьбу всей Эллады. Вскоре господство этолян нашло себе оправдание и освящение в геройской защите как самого святилища, так и Эллады от диких полчищ галлов (279/278 г. до Р. Х.). В течение семидесяти лет, до начала союзнической войны при Филиппе V (220–217 гг. до Р. Х.), этоляне неоспоримо ведали дела дельфийского храма и до подчинения римлянам (189 г. до Р. Х.), быть может, даже дольше, занимали преобладающее положение в дельфийской амфиктионии. Победу над варварами этоляне ознаменовали учреждением празднества в честь Зевса Спасителя и Аполлона Пифийского (Σωτηρια), к участию в нем они приглашали и прочих эллинов. Две дошедшие к нам надписи дают яркое представление о чувствах признательности к этолийскому народу, какие одушевляли даже отдаленных эллинов в ответ на предложение союзного этолийского собрания и стратега Хариксена признать новоучрежденное празднество. Надписи содержат в себе на-

---

* *Diod.* XIX 38. 53. 54. 65.
** *Plut.* Demetr. 40; *Athen.* VI 253.

родные постановления афинян и хиосцев; интересна особенно, как лучше сохранившаяся, вторая надпись. Хиосский народ постановил воздать хвалу союзному собранию этолян и увенчать его золотым венком «за храбрость, благочестие к богам и доблесть против варваров», признать новый праздник в том виде, как он установлен этолянами, состоявшееся по этому предмету постановление начертать на каменной плите и выставить ее в Дельфах; дабы все знали об оказываемых этолянам почестях, прочитать это постановление в театре на Дионисовом празднестве. Позднейшие известия об этом событии у Диодора, Юстина и особенно у Павсания имеют характер чудесных легенд с землетрясениями, смертоносными раскатами грома, призраками и т. п.* Чем сильнее поражено было воображение эллинов, тем живее была радость их по случаю спасения и благодарность главным виновникам его.

С этого времени могущество этолян достигает высшей степени и сохраняется почти нерушимым в царствования Антигона Гонаты, Димитрия II и Антигона Досона. Как прежде Кассандр, так теперь Антигон Досон и Филипп V вынуждены были переправлять свои войска из Фессалии в Пелопоннес морем, ибо занятие этолянами Фермопил и Гераклеи Трахинской (280 г. до Р. Х.) прерывало сухопутное сообщение между Македонией и Пелопоннесом. Приблизительно к тому же времени нужно отнести вступление Фокиды и восточной Локриды в этот союз. На западе владения этолян простирались по ту сторону реки Ахелоя после того, как часть Акарнании досталась на долю этолян в силу соглашения с Александром эпирским (ок. 265 г. до Р. Х.). В сороковых годах того же столетия начинается движение этолян дальше на юг. К союзу их вынуждена примкнуть Беотия; если верить Полибию, они замышляли с Антигоном Гонатом расторгнуть возродившуюся ахейскую федерацию, совершали неоднократные вторжения в Пелопоннес. В один из таких походов этоляне увели в плен из Лаконики 50 000 периэков, утвердились на границе Мессении и Аркадии в Фигалии, а равно на мегалопольской земле; Элида и раньше уже была в союзе с Этолией. Значительны были и морские силы этолян. Кефалления служила опорным пунктом для этолийских пиратов — по словам Полибия; этолиец Тимарх высадил эскадру на малоазийском побережье и на время отнял Самос у Птолемея; союзниками этолян были Кеос, один из Киклад, Теос на ионийском берегу; правильный договор

---

* *Diod.* XXII 12; *Iustin.* XXIV; *Pausan.* X 19–23; *Polib.* II 35.

был заключен с Эвменом II, царем Пергама; гноссяне на Крите получали подкрепление из Этолии и сами сражались в рядах этолян. Отдаленнейшие пункты на Фракийском Боспоре у входа в Черное море, в Пропонтиде, на Геллеспонте, именно Калхедон, Киос, Лисимахия находились в дружественном союзе с этолянами при Филиппе V. Словом, Этолия в III в. до Р. Х. разрослась в сильнейшую эллинскую державу, какою никогда не была ахейская федерация. Исключенные из дельфийской амфиктионии ахеяне и македоняне вознамерились лишить этолян первенствующего положения в союзе эллинских племен, и так называемая союзническая война (220–217 г. до Р. Х.), поднятая против этолян Аратом и Филиппом V, впервые подорвала их могущество.

Однако необычайные успехи этолийского оружия и продолжительное господство этолян в средней Элладе и за ее пределами достигнуты были и обеспечены силами не гомеровских и не фукидидовских этолян. После смерти Александра Македонского и до победы Мания Ацилия Глабриона (190 г. до Р. Х.) этоляне являются во главе многих народов и городов, частью слившихся с этолянами в один народ, частью соединенных с ними и между собою на положении равноправных членов федерации добровольно или по принуждению, частью находящихся в дружественном союзе с этолянами. Локры озольские, часть акарнанов, амфилохи, доряне метрополии, энианы, малияне, этейцы, ахеяне фтиоты ассимилировались с этолянами и, усвоив себе имя этолийского народа, тем самым как бы отказались от политической обособленности. Уже при отражении галлов (279/278 г. до Р. Х.), проникших через Фермопилы в среднюю Элладу, не встречаются в рядах эллинов имена ни дорян, ни локров озольских: те и другие разумеются под общим именем этолян*. И в самом деле, Дельфы с прилегающими местностями находились во власти этолян с 290 г. до Р. Х.; западные, или озольские, локры, не исключая «наибольшего и важнейшего» города их Амфиссы, обратились в этолян, предпочитая новое имя своему собственному, как выражается Павсаний. Обращение это, начавшееся в давнюю пору, сделало успехи в ламийскую войну (323–322 гг. до Р. Х.) и последовало окончательно к 290 г. до Р. Х.

В первую македонскую войну из всей Локриды только Антикира находится вне этолийского союза (207 г. до Р. Х.). Уроженцы Локриды Озольской называются с этого времени этолянами,

---

* *Diod.* XVIII 11; *Pausan.* X 22. 23.

как например Ксенофан из Амфиссы, олимпийский победитель 132-й олимпиады; поселения локров Эанфея, Эрифры подле Эвпалия зачисляются в Этолию у Полибия и Ливия, а уроженец Эриор Лих выбирается в государственные секретари этолийской федерации между олимпиадами 137-й и 145-й; в описываемое Полибием время глава исполнительной союзной власти этолян, стратег Агелай, был родом из Навпакта, как и другой стратег, Халеп, из более позднего времени, и другой Агелай, вероятно сын первого; к тому же периоду относятся многие дельфийские надписи, в коих жители локрских поселений нередко обозначают время составления документа именем этолийского стратега*. Вместо этеян, малиян, энианов позднейшая история знает только этолийские города Гераклею, Ламию, Гипаты до расторжения этолийского союза римлянами; в описываемое Полибием время во всех этих городах так же, как в Ферме и Навпакте, происходят союзные собрания этолян; жители Гераклеи, Гипат, Ламии обозначают свои официальные документы именами этолийских стратегов; то же самое наблюдается в документах дорийских поселений: Эринея, Боия, дрионов**. В знаменитом списке амфиктионов, объясненном Вешером, а равно в троадской надписи в честь Кассандра, сына Менесфея, снова появляются под своими первоначальными именами маленькие народы средней Эллады; во второй из этих надписей собрания (τὰ κοινὰ) дорян, энианов, этейцев поименованы рядом с собранием этолян (τὸ κοινὸν τὸ Αἰτωλῶν). Но и та и другая надписи относятся ко времени после Персеевой и даже ахейской войны (168, 146 гг. до Р. Х.), т. е. к тому, когда не было больше ни этолийского, ни даже ахейского союзов. В многочисленных надписях предшествующего времени, содержащих в себе списки депутатов, или гиеромнемонов, от амфиктионов, число этолийских депутатов превосходит без всякого сравнения число представителей прочих членов амфиктионии: на 1 или 2 гиеромнемона от фокидян, локров, беотян, афинян, спартанцев и пр. приходится этолийских 5, 7, 9, 11, 14, по Фукару даже 17. Причина крайней неравно-

---

* *Polib.* IV 57, IX 39; *Liv.* XXVI 26, XXVII 8; *Diod.* XVIII 38; *Pausan.* X 38; *Rangabé.* Antiqu. Hellén. II. n 692; *Wescher* et *Foucart.* Inscript. recueillies à Delphes. Paris, 1873. n 64. 74. 80. 124. 179. 189. 190. 223. 287 и др.; Bulletin de corresp. hellén. V. 1881, p. 410. n 16.

** *Pausan.* X 21; *Polib.* V 103, XVI 27; *Liv.* XXVIII 5. 7, XXXI 29, XXXIII 3, XXXV 12. 43. 49, XXXVI 26; *Rangabé* Antiqu. Hellén. II. n 741. 743; *Wescher* et *Foucart.* Inscriptions. n 121. 223. 284. 294.298. 362. 408. 409.

мерности в распределении голосов кроется в том, между прочим, что этейцы, малияне, энианы, доряне, долопы, ахеяне фтиоты посылали своих представителей в собрание амфиктионии нередко под именем этолийских: в вешеровском списке амфиктионов все эти народности поименовываются снова*. Акарнаны в силу принадлежности к этолийскому народу (ἐs τὸ Αἰτωλικὸν συντελοῦντεs) сражались в рядах этолян еще на полях Ламии (322 г. до Р. Х.): в тех же выражениях отмечено Павсанием вступление гераклеотов, т. е. этеян, в состав этолийского народа**. Около 265 г. до Р. Х. часть Акарнании досталась на долю этолян по соглашению с Александром, царем Эпира; хотя другая часть акарнанов никогда не переставала враждовать с этолянами, однако некоторые первоначально акарнанские города, как Ойниады, Метрополь, Фойтея, Страт, Агриний, отнесены Полибием и Ливием к Этолии; один из стратегов этолян Ликиск был родом из Страта, другой из Агриния. В одно время с акарнанами вошли в состав Этолии и амфилохи, пограничный с Этолией народ на северо-западе; у Полибия и Ливия амфилохи изображаются такою же составною частью этолян, как аподоты, эвританы и другие этолийские племена. Должно быть, вскоре после того отошла к Этолии Амбракия, резиденция эпирского царя Пирра: по мирному договору Т. Квинкция Фламинина с Филиппом V (196 г. до Р. Х.) Амбракия возвращена была этолянам, как город, раньше им принадлежавший. По свидетельству Ливия, амбракиоты, амфилохи, малияне вошли добровольно в этолийский союз***. В конце второй македонской войны (200–196 гг. до Р. Х.) этоляне предъявляют притязание на города Фессалии, Фарсал, Ларису Кремасту, Эхин и Фивы фтиотидские, потому что они принадлежали им раньше, до начала войны, или, как выражается Полибий, составляли одно с ними государство (μετ αὐτῶν συμπολιτευομένας). Города эти, судя по Фивам, вошли в союз этолян еще до первой македонской войны (215–205 гг. до Р. Х.).

Для характеристики этолян и для оценки политической способности их весьма важно, что входившие в состав их народности обнаруживали редкую среди эллинов привязанность и верность относительно преобладающего в союзе народа. В этом отношении обращает на себя внимание то обстоятельство, что на протяжении ста с лишним лет этолийская гегемония в амфик-

---

* *Wescher* et *Foucart*. Inscriptions. nn 2 сл.
** *Pausan*. I 25, X 21.
*** *Polib*. XXI 26; *Liv*. XXXI 41, XXXVIII 3.

тионии и в особенности в средней Элладе не оставила по себе ни в литературе, ни в надписях следов жалоб или недовольства. Единственное историческое свидетельство о притязаниях этолян в амфиктионии находится у Полибия; оно следует за перечислением жалоб различных эллинских народов на этолян, тех жалоб, которыми мотивировано было постановление союзников начать против этолян так называемую союзническую войну. Этолянам вменяется в вину самое стремление их заведывать дельфийским святилищем, но ничего не говорится о злоупотреблениях их в амфиктионии. Между тем преобладание этолян в дельфийской амфиктионии, как мы и выше видели, было решительное. Помимо большего числа депутатов в собрании амфиктионов, этоляне посылали в Дельфы «блюстителя храма и города»; важнейшие союзные дела этоляне решали или в союзном собрании, или в собрании амфиктионов: огромное большинство голосов в этом последнем собрании принадлежало этолянам и союзникам их. Ненавистник этолян Полибий не называет в числе враждебных им эллинов ни одного из народов, входивших в этолийскую федерацию, и решение о помощи амфиктионам исходило, по всей видимости, от исключенных из амфиктионии ахеян и Филиппа, ибо из прочих союзников ни один не жалуется на преобладание этолян в союзе эллинских народов, ни один не указывает в числе поводов к войне на невыгоды этолийского преобладания в амфиктионии. Напротив, в войнах с Филиппом V, потом с римлянами локры озольские, доряне, малияне и прочие эллины, жившие в Мелите, Фивах фтиотидских, Тавмаках, Эхине, Страте, Ойниадах и мн. др., оказывали упорное сопротивление врагам этолян. Между прочим, на требование сдаться гипатяне, т. е. энианы, отвечали римскому консулу Ацилию, что без союзного постановления этолян они не сделают ничего, — ответ, с которым можно сопоставить разве указание вернейших афинских союзников в пелопоннесскую войну, платеян, на необходимость испросить решение афинян. Ни одно из поселений, собственно этолийских или впоследствии вошедших в состав Этолии, не перешло на сторону врагов этолян, неоднократные примеры чего представляет история ахейской федерации. Мало того: одна из ламийских, т. е. малийских, надписей, датированных именем этолийского стратега, наделяет званием проксена и благодетельницы ионийскую поэтессу Ирену из Смирны за то, что она сочинила несколько стихотворений во славу предков чествующих ее ламиян, а также этолян, и все их читала публично с величайшим старанием; за эту же заслугу ей

и потомству ее дарованы права ламийского гражданства, приобретение недвижимости на ламийской земле, пастьбы скота, права убежища и неприкосновенности на суше и на море, в военное и мирное время и т. п. Некоторые дельфийцы и беотяне, быть может, и другие эллины, давали своим детям знаменательные имена Этолиона, Филэтола, Панэтола в то время, — о чем свидетельствуют относящиеся сюда надписи, — когда этоляне боролись уже с римлянами и македонянами за существование, а равно и по расторжении этолийского союза. К 167 г. до Р. Х. относится случай, рассказанный Ливием и со всею очевидностью обнаруживающий, что даже после Персеевой войны этолийские союзники не отказывались от противодействия Риму. С целью угодить римскому консулу и одним ударом положить конец заботам сената об успокоении Этолии друзья Рима, Ликиск и Тисипп, предали в руки римских солдат 550 этолийских старейшин, составлявших союзный совет Этолии: членами этолийского совета были, как увидим ниже, выборные представители от союзных городов и селений. В этом-то собрании союзных представителей и сосредоточена была в то время сила оппозиции против завоевательных планов Рима; истребить старейшин значило очистить Этолию от врагов завоевателя. Римляне прекрасно понимали опасность, какую создавала для них организация этолийского союза, а потому одним из условий мира с побежденными этолянами в 189 г. до Р. Х. они постановили, чтобы «этоляне не принимали в свой союз ни стран, ни городов, ниже людей, прежде находившихся во власти их и при консулах Луции Квинкции и Гнее Домиции или позже покоренных римлянами или вступивших в дружбу с ними». Можно сказать наверное ввиду свидетельств, но не суждений Ливия и Трога Помпея, что в союзных учреждениях этолян имелись условия, благоприятствовавшие слиянию различных эллинских и родственных эллинами народностей в единое политическое тело, в могущественную, плотную этолийскую федерацию. И в самом деле, уже к началу первой македонской войны акарнаны составляли органическую часть этолийского народа, и потому потеря их была для этолян особенно тягостна. Амфилохи были отторгнуты от этолян только после Персеевой войны, и к этому времени относится выражение Трога об этолийских городах, отрываемых от единого тела. Древнейший и величайший город Аркадии Мантинея добровольно вышел из ахейской федерации и примкнул к этолянам во второй половине III в. до Р. Х.; за нею, вероятно, последовали Тегея и Орхомен. Тогда же состоялся союз между Это-

лией и Мессенией. Позже, чем амфилохи и акарнаны, и менее крепкими узами соединены были с Этолией Фокида и восточная, или опунтская, Локрида. Фокидяне и локры называются под своими именами в числе эллинов, сражающихся против галлов (279 г. до Р. Х.). Однако в 196 г. до Р. Х., по окончании так называемой второй македонской войны, Фокида и Локрида отошли к Этолии как земли, принадлежавшие ей раньше и лишь временно отторгнутые Филиппом V; они оставлены были за Этолией и по условиям навпактского мира, которым закончилась союзническая война (217 г. до Р. Х.). В 205 г. до Р. Х. восточные локры поименовываются в числе союзников Филиппа, но опунтяне в 197 г. на стороне этолян. В 220 г. на собрании эллинских союзников Филиппа V фокидяне жалуются на этолян за нападение на города Амбрис и Давлий. Документы фокидских городов, датированные стратегом этолян, весьма редки; чаще такого рода надписи принадлежат различным поселениям локров опунтских, именно опунтян, скарфейцев, фрониев; в надписи половины III в. до Р. Х. (ол. 135) Эратон из Опунта называется этолийцем. Вообще известия Полибия и Ливия приводят к заключению, что Локрида, и особенно Фокида, настойчиво и часто не без успеха оспаривались у этолян македонянами, что лишь некоторые части этих земель, как, впрочем, и в Акарнании, предпочитали принадлежность к этолийскому союзу фактической зависимости от Македонии*.

Еще труднее было поддерживать политическое единство аркадских городов Тегеи, Орхомена и Мантинеи с Этолией, тех пелопоннесских городов, которые, по словам Полибия, были не только союзниками этолян, но входили в состав этолийской федерации перед Клеоменовой войной (228–221 гг. до Р. Х.). Понятно, почему этоляне по случаю перехода этих городов к Клеомену (227 г. до Р. Х.) не обнаружили охоты взяться за оружие, и едва ли справедливо вслед за Полибием усматривать в равнодушии к судьбе этих городов один из примеров коварства и злобы этолян против ахейского союза.

В сопровождении к переводу Полибия мы не пишем полной истории этолийской федерации; нет у нас также намерения брать на себя апологию их против нападок Полибия или Ливия. Но мы сочли нужным вникнуть старательнее в свидетельства историков и надписей об этолянах, дабы уяснить себе единствен-

---

* *Polib.* II 5–6, IV 6. 9. 15. 25. 67, V 96, IX 39, XI 5, XVIII 10. 47; *Liv.* XXVI 26, XXVIII 7, XXXII 5. 32. 36, XXXIII 34; *Wescher* et *Foucart.* Inscriptions. nn 91. 304. 318. 320. 321. 404. 407.

ное в эллинской истории явление — политической ассимиляции разнородных эллинских племен, достигнутой не только силою оружия этолян, но главным образом их политическими учреждениями и общественными нравами. Ввиду изложенных выше фактов, большею частью имеющих за себя или документальные свидетельства, или показания противников этолян, нет, кажется, нужды настаивать на том, что многие подробности в судьбе этолийской федерации решительно несовместимы с представлением об этолянах как о дикой орде хищников и разбойников. Между тем такое именно представление может вынести читатель из беглого чтения эллинского или римского историка, такое представление и господствовало до последнего времени в исторической науке. Дройзен в «Истории эллинизма» неоднократно называет этолян «организованным сотовариществом разбойников», «клефтами»; еще настойчивее в этом отношении Фримен в «Истории федеративного управления». Союз этолийских племен для него немногим более шайки разбойников, «верных друг другу и враждебных остальному миру». Все политическое поведение этолийской лиги, противополагаемой ахейской, в течение целого столетия Фримен называет подлым; все помыслы этолийской лиги направлены были только к грабежу или в большинстве случаев к эгоистической завоевательной политике. Как видит читатель, уравнительным союзом *или* новый историк соединяет предметы далеко не однородные. Словом, этолийская федерация предстает перед историком как собрание разбойников и пиратов, как общий враг Эллады и человечества. Не менее суровый приговор произнесен над этолянами Моммзеном, для которого этоляне — шайка клефтов, а политика их — «организованное разбойничество», «безобразнейшее распутство и своеволие»; самый народ — «ничтожный, жалкий и лукавый». Профессор Васильевский в упомянутой выше монографии нашел удобным вовсе не касаться учреждений и судьбы этолийской федерации, хотя, казалось бы, трудно обойти столь выдающееся явление в исследовании, посвященном заключительному периоду независимой Эллады; но и наш ученый называет народ этоляне «этолийскими ландскнехтами», «этолийскими разбойниками». Почти такое же отношение к этолянам мы находим у Гарцберга и Пети-де-Жюльвиля*.

---

* *Petit de Julleville*. Histoire de la Grèce sous la domination romaine. Paris, 1875; *Hertzberg*. Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer. I. 1866, S. 16. 103.

Однако этоляне имеют и многочисленных защитников. Не говоря о Рейске, подвергающем Полибия жестокому обличению в лживости вообще, а равно о Шорне, воздерживающемся от каких-либо общих заключений о древних свидетелях, уже Титман в историческом очерке союзов ахейского и этолийского заподозревает беспристрастие Полибия по отношению к этолянам, а Лукас, Брандштеттер, Ларош решительно принимают этолян под свою защиту и всячески стараются подорвать авторитет эллинского историка. Слабая сторона защиты состояла в том, что защитники располагали почти исключительно тем самым материалом, какой находили у древних историков, и только путем сличения и субъективного толкования литературных известий старались открыть ошибки или преувеличения в отрицательном освещении этолян. Но за десять лет до выхода в свет «Истории» Фримена 138 дельфийских надписей изданы были в замечательном сочинении Леба и Вадингтона «Voyage archéologique en Grece» (1853), но они остались неизвестными английскому историку, равно как и те надписи, которые в 1861 г. изданы Михаелисом и Конце (Annali del' Instit. di correspond. XXXIII 66–74). Наконец, в 1863 г. благодаря много раз упомянутому сборнику дельфийских надписей Вешера и Фукара стало известно 620 подлинных документов, проливающих новый свет на федерацию этолян в период векового преобладания их в дельфийской амфиктионии, в тот самый период, к которому относятся известия Полибия и Ливия и который, по выражению Фримена, представляет в этолийской истории сплошной ряд грабежей и разбоев. После этих открытий в области эпиграфики сделалось совершенно невозможным противоположение фераций ахейской и этолийской или уверение, будто «около зерна древней панэто́лийской общины располагалась механически, внешним образом масса племен и политий, ближних и дальных, причем одни из них были обложены данью, другие связаны сомнительной дружбой, третьи состояли на положении покровительствуемых союзников, и все определялось случайными обстоятельствами»*. С другой стороны, получает настоящий смысл и значение указание Филопемена на одну из особенностей этолийского политического строя, как на пример, достойный подражания. Глава ахейского союза, доблестнейший из эллинов своего времени, Филопемен в собрании ахеян 192 г. до Р. Х. отказывается от подачи голоса в вопросе о войне, мотивируя отказ свой

---

* *Droysen.* Указ. соч. II. III.

тем, что у этолян точно так же стратег не участвует в голосовании по вопросу о предстоящей войне. И собрание ахеян довольствовалось таким ответом своего стратега. Очевидно, ни ахеяне, ни Филопемен не могли бы руководствоваться в своем поведении примером разбойничьей шайки.

Во всяком случае, изложенные выше факты, как засвидетельствованные надписями, так и сообщаемые историками, неизбежно приводят к заключению, что точка зрения Полибия, Ливия или Филиппа V на этолян не может считаться ни общеэллинскою, ни исторически верною. Могущество этолян создано было совокупными силами многих эллинских народностей и поселений; в течение десятков лет имя этолян было собирательным, под которым разумелись не одни аподоты, эвританы и агреи; многие племена эллинов, усвоивая себе имя этолян, органически сливались с ними в одно политическое целое, не обнаруживали охоты покидать их в самую критическую годину. Понятно, почему выяснение федеративной организации этолян, а равно положения ее среди прочих эллинов сделало в последние годы значительные успехи в исследованиях А. Моммзена, Вешера, Фукара, Бюхера, Вейля, Зауппе, Бюргеля, Куна: эпиграфический материал занимает в этих исследованиях главное место. Дюбуа, бывшему члену французской школы в Афинах, принадлежит первая попытка представить на основании не только литературных, но и эпиграфических данных исторический очерк обеих федераций и сравнительную характеристику их учреждений. Господствовавшего раньше противопоставления ахейской и этолийской федераций здесь нет уже и следа. На стр. 214 упоминавшегося выше сочинения «Les ligues étolienne et achéenne, leur histoire et leurs institutions, nature et durée de leur antagonisme» автор, между прочим, выражается так: «В обоих союзах система представительства городов и союзных народов была одинакова, организация центрального управления и исполнительной власти сходная, права местной автономии охранялись в обоих в равной мере». К сожалению, историческая часть, состоящая исключительно в сухом перечне внешних фактов, не дает никаких объяснений роста этолян. Далее, помимо отдельных неточностей, на которые указано будет ниже, Дюбуа не обращает должного внимания на исконные основы федеративного строя эллинов и на общие политические стремления их в занимающий нас период времени. Оттого образование ахейской и этолийской федераций представляется автору чем-то случайным, искусственно вызванным посторонними обстоятель-

ствами. «Что такое в сущности, — спрашивает он, — этолийская лига? Опыт восстановления северной Эллады, чему благоприятствовали войны за наследство, вспыхнувшие по смерти Александра и парализовавшие Македонию. Позволительно ли видеть в образовании ахейской лиги результат благородных порывов юного народа, здорового и живучего, среди остальных истощенных эллинских народов? Нет, дело стоит проще. Как Антигону Гонату заблагорассудилось для обеспечения за собою союза этолян расторгнуть ахейский союз, так Антигону Досону и Филиппу V захотелось восстановить его, дабы против своих этолийских союзников, не в меру усилившихся, создать выгодный противовес в Пелопоннесе»*. Мы знаем уже, что условия позднейших федераций в Элладе содержались в первоначальных основах племенного или родового быта; те народы, у которых ко времени борьбы за независимость Эллады с македонянами и римлянами древний уклад жизни сохранился полнее, и стали во главе опытов объединения эллинов. По степени образования и гражданственности этоляне и соединившиеся с ними племена отстали от народов, игравших руководящую роль в истории городских республик и союзов на началах гегемонии; в нравах и во всем житейском обиходе они сохранили много первобытной грубости, в глазах более просвещенных эллинов сближавшей их с варварами; но унаследованные от старины учреждения этих самых «варваров» оказались весьма пригодными для образования могущественной республиканской организации.

Верховная власть (суверенитет) принадлежала в союзе этолян народу. Народ составляли как древние племена этолян, известные нам еще из Фукидида, так и народности и поселения, входившие в союз в позднейшее время. В самом названии народа, как носителя верховных прав, то το κοινον τῶν Αἰτωλῶν «совокупность этолян», содержалось указание и на составное происхождение его, и на сохранение автономии за политическими организациями, из коих союз складывался. К народу этолян обращается за поддержкой Антигон Одноглазый, у народа этолян просит помощи дру́гой македонский владыка, Полисперхонт; с народом этолян заключает союз Деметрий Полиоркет (314, 310, 304 гг. до Р. Х.)**. Когда в 200 г. до Р. Х., в начале второй македонской войны, римские легаты убеждали собравшихся в Навпакте этолян вступить в союз с Римом против Филиппа, это-

---

* Les ligues. C. 27.
** *Diod.* XIX 66, XX 20. 99.

лийский стратег Дамокрит отложил решение дела до созвания общеэтолийского собрания. «Законами нашими предусмотрено, чтобы вопросы о войне и мире обсуждались только в Панэтолийском и (*или?*) Пилейском собрании, а потому на сей раз достаточно постановить, чтобы стратег, если желает подвергнуть обсуждению вопрос о войне и мире, созвал собрание без обмана и чтобы все то, что будет там предложено и решено, имело бы совершенно такую же силу, как если бы дело решено было на Панэтолийском или Пилейском собрании»*. Несколько выше один из римских легатов напоминает этолянам, что «они, будучи созваны согласно законам должностными лицами, вольны выбирать по своему желанию союзников и врагов, решать войну и мир»**. Когда в 190 г. до Р. Х. консул Маний Ацилий Глабрион требовал от этолян порвать союз с Антигоном Великим, стратег их Фений объявил, что он и апоклеты принимают предложение консула, но что необходимо согласие народа для того, чтобы решение их вошло в силу. Хиосцы и афиняне по случаю установления праздника «Сотерий» венчают золотым венком и наделяют различными почестями народ этолян. В свою очередь народ этолян делает постановление о признании празднества Никефорий, установленного пергамским царем Эвменом II (197–159 гг. до Р. Х.) и о чествовании как самого Эвмена, так и трех братьев его, а также матери их Аполлониды и народа пергамлян***. Народ этолян наделяет вольностями жителей дружественных городов Акса, или Оакса, на Крите, Кеоса, Теоса. Словом, верховное ведение дел внешних, решение вопросов о войне и мире, о союзах с другими государствами принадлежали народу этолян. Он же устанавливал положение отдельных членов союзного тела и наблюдал за исполнением союзных обязательств и взаимных отношений между этолийскими поселениями. Должностные лица союза, исполнявшие народные постановления, выбирались народом. Таким образом, частью непосредственно, частью при посредстве своих избранников союзный народ этолян почитался полновластным распорядителем своих судеб.

По мнению Дройзена, которое повторяется Фрименом и разделяется даже Гильбертом, в недрах этолийского союза господствовала большая неравноправность: наряду со свободными общинами, сохранявшими местную самостоятельность, здесь

---

* *Liv.* XXXI 32.
** *Liv.* XXXI 29.
*** *Dittenberger.* Sylloge. n 149. 150. 215.

были будто бы и общины подчиненные, обложенные данью, занятые этолийскими гарнизонами, ограниченные в союзных правах, сносившиеся с господствующим народом только через посольства*. Подобное представление об этолийской федерации держится на смешении членов союзной организации, каковые находились главным образом на прилегающей к Этолии территории, с союзниками федерации, а также на неправильном толковании терминов *симполития* и *синтелия* (συμπολιτεία, συντελεια). Как ясно видно из Полибия, Калхедон, Лисимахия, Киос находились в дружественном союзе с Этолией и потому пользовались ее покровительством. Отношения этих городов к этолянам определяются у Полибия различными терминами: раз они друзья и союзники Этолии, состоящие под ее защитой, другой раз члены этолийской федерации, если буквально понимать употребляемое историком выражение (σύμπολιτευεσθαι). Весьма вероятно, что это были приблизительно такие же отношения, скрепленные договором, какие существовали между этолийской федерацией, с одной стороны, Кеосом и Теосом — с другой, и засвидетельствованы несколькими надписями. Они должны были ограждать дружественные поселения и народы от набегов этолийских пиратов, обеспечивать удовлетворение от федерации за причиненные пиратами потери и обиды и обязывать к обоюдной поддержке в определенных случаях: это последнее обстоятельство со стороны союзников отмечает историк термином τάττεσθαι μετ Αἰτωλῶν или ὑπ Αἰτωλούs: первое сочетание применяется к жителям Киоса, второе к фигалянам. В одной из надписей жители Киоса приравниваются в некоторых отношениях к этоля-нам, т. е. к членам федерации, но не отождествляются с ними; ибо они только «как бы этоляне» ωs Αιτωλῶν ὄντων τῶν Κειων**. В союзе с федерацией, не будучи членами ее, были элейцы и, кажется, кефалленяне, хотя эти последние могли быть временно и .членами федерации. Доводы Шорна, выделяющего Кефаллению в разряд подчиненных союзников или данников федерации, весьма недостаточны. Кун склонен зачислить Кефаллению в члены этолийского союза***. Удобный для наблюдения пример подобных союзнических отношений представляет Мес-

---

* *Droysen.* Gesch. des Hellen. II, 404. 405; *Freeman.* Feder. governm. I, 342; *Gilbert.* Handbuch II.

** Corp. Inscr. Graec. n 2350–2352, 3046.

*** *Polib.* IV 3. 31. V 3, XXI 32; *Liv.* XXXVIII 9. 11; *Schorn.* Gesch. Griechenl. C. 29; *Kuhn.* Entstehung d. Städte. S. 119

сения, не входившая в федерацию. Хорошо сохранившеюся надписью из Фигалии и свидетельствовами Полибия удостоверяется существование дружественного союза между Мессенией и Этолией до союзнической войны; начало дружбы, как выражается историк, восходило к древности. Во главе управления Мессении стояли эфоры; они своею властью звали на суд этолийца Доримаха и требовали у него отчета в учиненных пиратами насилиях. Договор относительно границ между мессенцами и фигалянами заключается при посредстве представителей от этолян; в управлении страною мессенские власти независимы от этолийских*. Союзнические города и страны получали иногда из Этолии военачальника, например Элея или Киос. Во всяком случае, необходимо различать внутреннее устройство этолийского союза, как целого, объединенного в своих частях общими учреждениями, от внешних отношений к разным народам и государствам, враждебных или дружественных, определявшихся данным положением союза в среде других полновластных государств. Различие это обязательно, раз мы не желаем впасть в ошибку, какую повторяет и Дюбуа, перенося черты одних отношений на другие.

Союз этолян, подобно ахейскому, складывался двояким путем: добровольного соглашения или вынужденного присоединения. Так, только после неудавшейся мирной попытки этоляне пошли войною на акарнанский город Медеон (231 г. до Р. Х.), дабы принудить его ко вступлению в союз, причем о низведении города на положение подданного ничего не говорит историк. По принуждению примкнули к союзу гераклеоты, город которых впоследствии был одним из важнейших центров федерации. Против воли вступили в союз и беотяне. Но раз поселение или область входили в союзную организацию, граждане их пользовались политическими правами этолян и составляли часть того союзного народа (το κοινον), которому принадлежало верховенство в союзе. Этоляне представляют собою единую организацию в противоположность, например, гегемонии афинян в делийском союзе, в котором различались «афиняне и союзники». Никаких признаков подобного расчленения в среде этолян мы не находим ни у историков, ни тем менее в надписях. В верховное народное собрание единой симполитии сходятся этоляне отовсю-

---

* *Polib.* IV 4, 6; *Lebas-Foucart* Voyage archéol. II, p. 177. n 328 a. Надпись издана Кауэром (Delectus. 2. n 45) и Диттенбергером (Sylloge. n 181).

ду; должностные лица союза обязаны созывать этолян из всех городов, с каковою целью посылаются в города письменные приглашения; после собрания народ удаляется по своим городам; совет союза называется у Юстина сенатом всех этолийских городов*.

Что присоединение к союзу этолян не равнялось политическому поглощению или исчезновению присоединявшейся общины, это не может подлежать сомнению. Достаточно одной надписи Уссинга, изданной также Рангави, Леба, Кауэром, чтобы утверждать положительно, что союзные общины, отказываясь со вступлением в союз от некоторой доли верховности, не переставали быть автономными во всех прочих отношениях. Совет этолян, устанавливая взаимные отношения двух поселений фтиотидской Ахаи, сливающихся в единую политию, предусматривает тот случай, когда одна из общин, меньшая, Перея, или Перия, пожелает выделиться из состава большей, Мелитеи, все же оставаясь в федерации. Из надписи мы узнаем, что союзная власть заранее регулирует столь важное проявление местной политической жизни, как образование новой общины через выделение из существующей, — буде оно совершится, что каждая из общин имеет свои собрания, своих судей, глашатаев и других должностных лиц, а равно свою казну, что каждая посылает в союзный совет этолян своего представителя или представителей и сообразно с сим несет определенные денежные обязанности по отношению к союзу. Сохранившийся документ застигает общины в процессе воссоединения, но законодатель предвидит возможность разделения и на этот случай устанавливает и взаимные отношения между ними, и отношения каждой к союзу. Достойно внимания, что постановление этолийского совéта по этому делу выставлено было не только в Ферме, но также в Мелитее, Дельфах и Калидоне.

Понятно, что союзные общины более значительные, чем Мелитея или Перея, осуществляли и свое право автономии в более важных общественных актах. Жители Навпакта наделяют правом гражданства кеосцев, имеют своих феоров для участия в иноземных празднествах; Ламия дарует поэтессе Ирене прокфению, имеет свой совет, своего стратега, гиппарха и трех архонтов. Из второй половины III в. до Р. Х. и следующего, т. е. из того времени, когда Дельфы и многие другие города средней Эллады

---

* *Polib.* V 103 2. 6, XX 10 14; *Liv.* XXV 46, XXVII 28; *Iustin.* XXIII 2. См.: *Polib.* IV 25.

входили в состав этолийского союза, когда этому последнему принадлежала руководящая роль в дельфийской амфиктионии, сохранились сотни надписей, преимущественно отпускных актов, или вольных, которыми даруется свобода рабам гражданами различных эллинских республик. В дельфийских надписях рядом с именем этолийского стратега, обыкновенно в самом начале документа, поименовывается дельфийский архонт, что бывает и в тех случаях, когда имя этолийского стратега отсутствует. Кроме архонта в надписях упоминается народное собрание или народ дельфийский, поименовываются и должностные лица других союзных государств*. Мало того: целые местные федерации со вступлением составляющих их общин в этолийский союз не утрачивали своих местных федеральных учреждений. Так, одна из дельфийских надписей датирована именами стратега этолян, агонофета локров (западных), архонта города и архонта дельфийского; имя агонофета, союзного должностного лица локров, встречается в нескольких надписях. Также засвидетельствовано надписью имя фориарха для жителей Эринея, одного из поселений Дориды, что указывает на сохранение дорийского союза в организации этолян**.

Высшим органом союзного управления было народное собрание всех этолян, или, точнее, Этолии, без различия собственных этолян от прочих членов союза. Эта последняя черта отмечена как самим названием собрания у Ливия «Panaetolium, Panaetolicum», так и выражением того же историка *ex omnibus oppidis convocandos Aetolos ad concilium*, а равно и тем, что полномочные собрания этолян имели место не в Ферме только, но также в Навпакте, Гераклее, Ламии, Гипате, Страте, т. е. в более людных городах союза***. Если обычные собрания союзной Этолии раз в год после осеннего равноденствия происходили только в Ферме, если в Ферме только производились выборы должностных лиц союза, то и собраниям чрезвычайным в других местах, созванным с соблюдением определенных условий, принадлежало право объявлять войну, заключать мир, вступать

---

* *Wescher* et *Foucart*. Inscriptions. nn 7–420; *Cauer*. Delectus. 2. nn 206–220. *Dittenberger* Sylloge. nn 185–190. 198. 446–461 и др.

** *Wescher* et *Foucart*. Указ. соч. nn 243. 177. 186. 213. 236. 289. 354. 363. 365. 432; *Dittenberger*. Sylloge. nn 458. 462.

*** *Liv*. XXXI 29. 32, XXXV 32, XXXVI 28; Собрания в Ферме: *Polib*. XXVIII 4. XVIII 48; в Навпакте: V 103, XVI 27; *Liv*. XXXI 29, XXV 12; в Гераклее: *Liv*. XXVIII 5. 7, XXXIII 3; в Ламии: XXXV 43. 44. 49; в Гипате: XXXVI 26; в Страте: *Liv*. XXVIII 4.

в договоры, т. е. решать важнейшие дела, касающиеся целого союза: в Навпакте заключен мир с Филиппом V в 217 г., в Гипате этоляне отправляют посольство к Антиоху в 191 г. до Р. Х.; в 200 г. стратег Дамократ объявляет, что установленным способом созванное собрание имеет такую же силу, как и панэтолийское или пилейское (*ac si* in Panaetolico aut Pylaico concilio actum esset); вот почему неточно уверение Дюбуа, будто только собрание в Ферме властно было решать вопросы о войне и мире*. Нет у нас также оснований усваивать термин Ливия Panaetolium исключительно очередному ежегодному собранию в Ферме: выражение это употреблено историком о собрании этолян в Навпакте; с другой стороны, ничем не удостоверено название элинское Panaitolicon, или Panaitolion для собраний в Ферме. Название Пилейского, которое Шорн, а за ним и другие объясняли ошибкою Ливия, принадлежало, по всей вероятности, собранию амфиктионов, на котором решительное большинство давали представители того же этолийского союза, как видно из описания пилейского собрания у Ливия 196 г. до Р. Х.: насколько нам известно, на это важное место Ливия не было обращено до сих пор должного внимания**.

Верховное значение народного собрания следует из указаний различных союзных властей на необходимость санкции мероприятий их со стороны народа, а равно из того, что противная сторона никогда не оспаривает правильности такого образа действий. Потом, как бы часты и опустошительны ни были набеги этолийских отрядов под начальством отдельных личностей, без общесоюзного постановления о войне Этолия почиталась пребывающею в мире. Наконец, даже Полибий признает, что этоляне почитали для себя обязательным верное соблюдение народного постановления, хотя бы вскоре после принятия решения и обнаружились невыгоды его для этолян***. Дабы решение союзного собрания получило силу закона, оно должно состояться с соблюдением определенных правил, прежде всего с участием совета старейшин, на что имеются ясные указания Полибия и Ливия****.

В составе народного собрания этолян различаются народ (οἱ πολλοί multitudo) и старейшины со стратегом и прочими союзными властями во главе (ἀπόκλητοι principes). Те же самые трид-

---

* *Liv.* XXXI 32; Dubois les ligues. C. 186.

** *Liv.* XXXI 29. 32.

*** *Polib.* IV 16–17 27, V 107. XX 10; *Liv.* XXXI 32, XXXVI 28.

**** *Polyb.* IV 5 9; *Liv.* XXX VIII 8, XXXVIII 9.

цать граждан, которые, по свидетельству Полибия, отправлены были этолянами к царю Антиоху в 192 г. до Р. Х. для составления плана военных действий, называются у Полибия *апоклетами*, отозванными или призванными, а у Ливия *старейшинами*. Ливий, впрочем, знает и эллинский термин: апоклетами он называет отборных граждан, из которых составляется «благороднейшее собрание» (sanctius concilium), так именуемое им в отличие от общенародного собрания этолян (concilium universae gentis). Ни тот ни другой термин не удостоверяются надписями; зато в них не раз упоминается коллегия должностных лиц (σύνεδροι, συνέδριον), снабженная то судебными полномочиями, то правительственною властью; кроме того, из надписи Уссинга мы узнаем, что союзные общины, как в данном случае Мелитея и Перия, имели своих представителей в союзном управлении, именовавшихся советниками (βουλευταί). Что «советники» надписи то же, что апоклеты Полибия и старейшины Ливия, в этом едва ли можно сомневаться. Первоначально совещательный характер коллегии апоклетов отмечается как в приведенных выражениях обоих историков, так и в других местах их же сочинений. Что эта коллегия ближайшим образом представляла собою союзные общины, как например мелитейскую или перийскую представляли «советники» их, ясно видно из Ливия, который распределяет старейшин, Полибиевых апоклетов, между общинами (inter omnes constabat in civitatibus principes), а затем Юстин, передавая, конечно, чужое свидетельство, называет совет этолян сенатом всех городов: Aetolorum universarum urbium senatus*. Надписью Уссинга устанавливается неоспоримо, что самая незначительная союзная община имела своего представителя в союзном совете, что в каждом случае число представителей соответствовало объему и значительности данной общины, что сообразно числу «советников» определялись и ее денежные и иные обязательства по отношению к союзу. Словом, этолийская федерация благодаря собранию апоклетов или старейшин является в собственной Элладе единственным опытом представительного управления, близко напоминающим ликийскую федерацию, ту самую, о которой Монтескье выражался как об образцовой федеративной республике**. Многочисленность членов

---

* *Liv.* XXXV 34; *Iustin.* XXXIII

** *Strab.* XIV; *Montesquieu* Esprit des lois IX, ch. 3: s'il fallait donner un modèle d'une belle république fédérative, je prendrais la république de Lycie; *Freeman.* Federat. governm. P. 208.

этолийского совета доказывается тем, что из среды их выбирается тридцать человек для окончательных переговоров с Антиохом, а в 167 г. до Р. Х. после Персеевой войны римские солдаты Бебия при помощи этолийских предателей избивают 550 старейшин, окружив сенат; прочие были изгнаны*. По самому составу своему и значению совет этолян не мог быть малолюдным, хотя, разумеется, число сенаторов должно было меняться сообразно переменам в составе самой федерации, как это видно по той же надписи Уссинга.

Как из Полибия, так и из отмеченных выше надписей следует, что рядом с этими двумя собраниями (concilia) в ближайшей зависимости от апоклетов существовала более ограниченная коллегия (σύνεδροι, συνέδριον), имевшая своих председателей (προστάται), секретаря эпонима, едва ли отдельного от секретаря союзного собрания; в составе ее упоминается и гиппарх. В деле Мелитеи и Перии этот ограниченный совет устраивает взаимные отношения двух союзных общин и отношения каждой из них к союзу; по решению же синедров дельфиец получает право убежища, неприкосновенности и свободы от податей; в силу договоров этолян с Кеосом и Теосом тяжбы договаривающихся разбираются синедрами, а в постановлении навпактян в пользу Кеоса синедры поименованы как высшая власть этолян, как представители Этолии, должностными лицами названы они в теосской надписи (πρὸς συνέδρους ἀεὶ τοὺς ἐνάρχους). У Полибия апоклеты также не раз называются властями (ἄρχοντες), а в одном месте они названы правителями или предстателями этолян (οἱ προεστῶτες τῶν Αἰτωλῶν).

Все эти данные приводят нас к следующим заключениям: во-первых, многолюдный совет апоклетов (βουλη), состоявший из старейшин союзных общин, признавался действующим постоянно при посредстве небольшого комитета выборных из среды тех же апоклетов наподобие того, как это было в афинском сенате пятисот; на смену личного состава комитета (συνέδριον) указывает приведенное выше выражение надписи: «каждый раз состоящие в должности». Сведения наши об этом большом совете весьма недостаточны. Его обязаны мы разуметь под тем собранием старейшин, которое было окружено и истреблено римскими солдатами в 167 г. до Р. Х. в Ферме; собрание старейшин в Гераклее желал разогнать Филипп внезапным нападением на город в 207 г.; из своей среды совет выбирает в 192 г. до Р. Х. трид-

---

* *Polib.* XX I; *Liv.* XLV 38.

цать апоклетов для окончательных переговоров с Антиохом; совет апоклетов в Гипате решил было от имени этолян «доверить себя римлянам», принимал римских послов и отправлял посольство в римский лагерь. Во-вторых, комитет апоклетов со стратегом во главе, с участием гиппарха и союзного секретаря составлял высшее распорядительное и исполнительное учреждение союза; все члены его как таковые одинаково назывались властями (ἄρχοντες, προεστῶτες, magistratus). Стратег и апокле-
ты созывают народное собрание и совет апоклетов, вводят иноземных послов в собрание, наблюдают за порядком заседания, приводят в исполнение народные постановления, точнее определяют возложенные на послов поручения, ведут переговоры с иноземными властями. В-третьих, трудность определить отношения между советом и комитетом, равно долю участия каждого из них в союзном управлении, происходит оттого, что эллинский и римский историки пользуются одинаковыми терминами в применении к апоклетам, составляют ли они союзную думу (βουλη) или только комитет ее и совет стратега (συνέδριον); в звании членов комитета и облеченных властью личностей они являлись как бы апоклетами или старейшинами по преимуществу. С другой стороны, у Полибия в одном месте мы находим название «властей» (ἄρχοντες) в применении к членам союзного совета, собранным в Гераклее в 207 г. до Р. Х. в войну с Филиппом*. У Ливия *principes* называются и старейшины союзных общин без отношения их к какому-либо определенному учреждению, и ближайшие к стратегу должностные лица, и члены большого совета**. Тем не менее тот же Ливий различает благороднейшее собрание (sanctius concilium) апоклетов и от общенародного собрания, и от совета стратега (consilium delectorum), соответствующего синедриону эллинской надписи***. Во всяком случае, совет апоклетов и постоянная комиссия его, равно как и отдельные должностные лица со стратегом во главе, были по смыслу союзных учреждений этолян только вспомогательными органами народной власти. В 191 г. до Р. Х. стратег Фений после взятия римлянами Гераклеи объявил Л. Валерию Флакку, что он и присутствующие этоляне понимают, что нужно выполнить его требования, но для признания их необходимо решение народного собрания этолян; римлянин не возражал. В 189 г. до Р. Х. послы

---

* *Polib.* X 42.
** *Liv.* XXXV 33. 44. 45. 46, XXXVI 28, XLV 28.
*** *Liv.* XXXVI 28.

этолян, Фений и Дамотел, по определению народа снабженные неограниченными полномочиями (cum liberis mandatis), вели переговоры с римским консулом; смущенные требованиями победителя, этолийские послы возвратились домой, «дабы всесторонне и внимательно обсудить их со стратегом и старейшинами», т. е. апоклетами. Следовательно, и здесь решающая роль принадлежит народу*.

Однако общенародное собрание этолян, по смыслу союзного управления воплощавшее в себе верховную волю народа, было на самом деле далеко не полновластно. Учреждения, начало которых терялось в незапамятной древности и которые до последнего времени не утратили присущей им зиждительной силы, по мере расширения союза и усложнения исторических задач оказывались на деле, при отсутствии соответствующих изменений в организации союза и в самом населении его, бессильными овладать с каждым данным положением; нередко решающее влияние на деле принадлежало поэтому не исконным федеральным учреждениям, но одной или немногим личностям, которые умели пользоваться учреждениями для прикрытия личных побуждений, своекорыстных и незаконных действий. Дело в том, что очередные собрания этолян происходили весьма редко, не более одного раза в год после осеннего равноденствия в Ферме; случайный состав таких собраний был неизбежен; по уровню понимания политических и общественных явлений союзные собрания этолян стояли гораздо ниже народных собраний, например, афинской республики. Между тем со вторжением в судьбе Эллады македонских владык и римского сената, с возникновением по соседству с Элладой сильных государств небывалую важность в делах получали дипломатические сношения; самая политика обращалась все больше и больше в сложное искусство, требовавшее неослабного внимания и выучки. К тому же в широких пределах этолийского союза не могло быть и речи о руководящей силе общественного мнения, каковое отличало Афинскую республику; при разнородности и отдаленности частей население союза в огромном большинстве было по развитию и нравам, а равно по средствам к просвещению и взаимодействию ниже многих эллинских республик: большинство этолян природных и союзных, каковы эвританы, аподоты, малияне, энианы, лок-

---

* *Liv.* XXXVI 28, XXXVIII 9. Ср.: *Polib.* XX 10; *Liv.* XXXI 32, XXXV 33. 44, XXXVI 27.

ры и др., недалеко ушли от того образа жизни, в каком застал их Фукидид.

Вот почему в отрывках из истории этолийского союза, сообщаемых нам Полибием и Ливием, мы наблюдаем нередкие случаи уклонения отдельных личностей от обычного порядка управления и безнаказанность подобного рода деяний. Весьма поучительны в этом отношении известия Полибия о событиях, послуживших ближайшим поводом к так называемой союзнической войне. Помимо совета апоклетов, не дождавшись народного собрания и вообще не выполнив необходимых в подобных случаях условий, Скопас и Доримах подняли войну против мессенян, эпиротов, ахейцев, акарнанов и македонян. Вожди преследовали, быть может, личные цели и для достижения их воспользовались болезненным состоянием тогдашнего стратега и родством с ним, а вскоре после того в стратеги на место Аристона выбран был тот самый Скопас. В другое время (193 г. до Р. Х.) в важной роли посла к царю Антиоху называется брат стратега Фоанта, Дикеарх. Когда Филипп V и его эллинские союзники решили воевать против этолян (220 г. до Р. Х.), если те не представят удовлетворительных объяснений по поводу набегов на Пелопоннес и других жалоб союзников, правители этолян обещали явиться к Филиппу для переговоров на Рий; но потом, узнав о прибытии Филиппа, заявили, что не могут сделать ничего без народного решения. Года два спустя, когда война приняла невыгодный для этолян оборот, посредники от родосцев и хиосцев заключили с этолянами тридцатидневное перемирие, причем под этолянами разумеются опять только правители их; эти же последние снова обещали явиться на Рий. В первом случае ссылка на народное собрание была только предлогом к отказу от переговоров. В 211 г. до Р. Х. римский консул М. Валерий Левин успевает склонить этолян к союзу с римлянами против Филиппа путем тайных переговоров только с этолийскими старейшинами*. В одном случае народное собрание не созывается для того, чтобы отнять у противника возможность к объявлению открытой войны союзу, в другом — ссылка на необходимость созвать народ служит явным предлогом к отсрочке решения; в обоих случаях именем народа прикрываются личные побуждения и цели**.

Выразителем настроения союза более верным, нежели общенародное собрание, мог быть совет старейшин, состоявший из

---

* *Liv.* XXVI 24, XXXV 12.
** *Polib.* IV 17, 27. Ср.: *Liv.* XXXI 32.

представителей союзных общин, но судя по всему, что рассказывают историки, его заседания, а следовательно, и участие в управлении были непостоянны, неизбежным последствием чего являлось чрезмерное усиление немногочисленного комитета под главенством стратега. По смыслу союзных учреждений, будучи не более как исполнителями народной воли, стратег и ближайшие к нему апоклеты были на самом деле властными правителями союза, далеко не всегда действовавшими в его интересах. Однако и в этом отношении замечается политическая предусмотрительность этолян и старание оградить союз от увлечений исполнительной власти. У нас есть возможность восстановить, хотя и не без пробелов, имена этолийских стратегов на протяжении ста десяти лет (279–168 гг. до Р. Х.); некоторые имена повторяются часто, но нет ни одного случая такого, чтобы одно и то же лицо занимало должность стратега два года кряду. С другой стороны, заметно стремление ограничить влияние стратега, главнокомандующего союзных войск, на решение важнейшего вопроса о войне: стратегу возбранялось подавать голос (sententiam dicere) по этому вопросу*. Весьма возможно, что такой порядок отношений ограничивал и ответственность стратега за военные действия этолян, предпринимаемые без формального объявления войны под начальством того или другого апоклета. Самое командование войском стратег делил с гиппархом, который у Ливия называется начальником конницы, praefectus equitum, лучшей в Элладе того времени, и в официальных документах упоминается наряду со стратегом и союзным секретарем как член синедриона. Ливий сохранил нам имена двух гиппархов, а не одного, как утверждает Дюбуа: Диокла от 192 и Динарха от 169 г. до Р. Х. По мирному договору с римлянами в заложники от этолян не могут быть взяты ни стратег, ни гиппарх, ни государственный секретарь: очевидно, эти три лица входили непременно в состав союзного управления этолян. Меньшим значением пользовался казначей союза (radices), упоминаемый однажды в постановлении этолян в честь пергамского царя Эвмена II (197–157 гг. до Р. Х.).

Сделанное выше обозрение данных исторических и бытовых, кажется, не оставляет места сомнению в том, что изображение этолян у Полибия, тем самым и у Ливия, страдает прежде всего

---

* *Liv.* XXXV 25. Подобное отношение мы наблюдаем в Спарте: тогда как царям принадлежало командование войсками на поле сражения, право объявлять войну присвоено было не им, но эфорам.

односторонностью. Оно нисколько не выясняет выдающейся роли, какую играл союз этолян в течение столетия с лишним в истории независимой Эллады, если, разумеется, не считать объяснением выдающегося исторического явления той характеристики этолян, в силу которой как природные этоляне, так и другие племена, усвоившие себе их имя, являются ордою хищников, «привыкших жить грабежом и всякого рода беззакониями»*. По происхождению и состоянию Полибий принадлежал к избранным гражданам Мегалополя и ахейского союза; воспитанный в школе Филопемена и отца своего Ликорта, стратега ахеян, Полибий получил блестящее по своему времени образование, более всего содействовавшее и сближению его с Сципионами. Наравне с прочими современниками ему чуждо было историческое понимание событий и учреждений, и потому многие части его истории представляют не столько беспристрастное всестороннее объяснение, условий и причин, сколько субъективную оценку личностей и субъективное толкование событий, а также сокрытых для наблюдения мотивов. Черты первобытной грубости, во многом отличавшие быт этолян, заслоняли собою в глазах историка положительные стороны организации этолийского союза, то, что было в ней источником силы и привлекательности для других эллинов. Отнестись к этолянам так, как новая историческая наука учит относиться ко всякому предмету изыскания, Полибий не мог: для него, как и для тех из его современников, которые воспитывались в условиях высоко развитых городских республик, этоляне и близкие к ним по развитию племена представляли явление во многих отношениях давно пережитое; к уразумению учреждений подобных народов и совершающихся в среде их событий необходимо было прилагать приемы изыскания сравнительно-исторические, блестящее начало коих у Фукидида не имело продолжателей у последующих историков; да и сам Фукидид не остался верен себе: в большинстве случаев и он при оценке старины пользуется критерием, заимствованным из круга понятий и отношений ему современных. Еще последовательнее Фукидида был, как мы постараемся доказать в другом месте, Полибий в приложении субъективной критики к историческим явлениям давнего прошлого. В эллинской историографии мы наблюдаем приблизительно такое же отношение к старине, какое отличало древнеэллинских художников, чуждых стремления к точности в воспроизведении архаи-

---

* *Polib.* XXX 11.

ческих сюжетов: на многочисленных памятниках пластики и вазной живописи мифологические и героические сцены изображены в современной художнику обстановке; из своей собственной эпохи он переносил в изображаемые сцены вооружение, одежду, утварь. Соблюсти меру спокойствия в оценке этолийского союза было тем труднее для Полибия, что Ахая, политическая родина историка, много раз жестоко терпела от вторжений этолян*, что главным источником для него в изображении этого был Арат, «с давнего времени питавший вражду к ним»**, в большинстве случаев военные действия этолян сопровождались грабежом и разорением мирных поселений, и нередко причиною войны было не что иное, как поиски за добычей без всяких политических расчетов и благовидных предлогов. Но что было доблестью в доброе старое время у всех эллинов, что поощрялось общественным мнением в некоторых отсталых частях Эллады до позднейшего времени, то встречалось осуждением и негодованием со стороны других эллинов, давно привыкших к иному порядку жизни и усвоивших себе иные понятия международного права. Любопытно, впрочем, как живучи еще были в среде самих ахеян те черты нравов, которые так возмущали Полибия в этолянах. После жестокого поражения при Ладокиях (227 г. до Р. Х.) ахеяне держали собрание в Эгии и недовольство свое Аратом, которого считали виновником поражения, выразили постановлением не отпускать ему больше денег из государственной казны на военные расходы и содержание наемников с тем, чтобы он воевал на свой счет, если угодно***. Постановление это приравнивало Арата к Доримахам и Скопасам, этолянам, которые во главе вооруженных отрядов совершали настоящие военные походы без ведома или решения народного собрания. Насколько, с другой стороны, трудно было Полибию соблюсти спокойствие и беспристрастие в обсуждении этолян, может видеть каждый при чтении рассказа IV 3–7, 9–16. До этого времени союзники этолян, мессеняне, после битвы при Кафиях просили

---

* Любопытно сопоставить с суждением Полибия об этолянах такое же мнение Исократа о врагах афинян, лакедемонянах. «Напрасно, — говорит он, — стал бы восхвалять кто-либо лакедемонян за их единодушие. Это было бы столь же справедливо, как если бы мы хвалили пиратов, разбойников и прочих нарушителей справедливости; ибо и лакедемоняне (подобно разбойникам) при своем единодушии губят остальных людей». Panathen. 280a (226).

** *Polib.* IV 7.

*** *Plut.* Arat. 37.

ахейское собрание принять их в союз Антигона: просьба их сначала была отложена до решения всех союзников; но Арат оказал им помощь, как новым ахейским союзникам. Уведомленные об этом этоляне решили воевать с ахеянами только в таком случае, если те не откажутся от союза с мессенянами. В таком решении этолян историк усматривает величайшую глупость и явное коварство. «Будучи сами союзниками как ахеян, так и мессенян, — рассуждает Полибий, — они объявляли войну ахеянам, если ахеяне и мессеняне будут жить в дружбе между собою и в союзе; если, напротив, ахеяне выберут войну с мессенянами, то этоляне обещали заключить с ними отдельный мир» (15). Но этоляне в описываемое время не состояли ни в каком союзе с ахеянами. Сам же Полибий подробно рассказывает о кровавой стычке между отрядом Скопаса и Доримаха и ахеянами при Кафиях (11–12); дело не дошло еще до формального объявления войны собранием этолян, но ахеяне (15) решили уже принять мессенян в союз и набирали войска против этолян. Правдивость историка в передаче фактов дает нам средство к поправке его суждений, внушенных, очевидно, «Записками» Арата, который имел все основания негодовать на этолян (12–14)*.

Появление этолян и ближайших к ним племен на исторической арене в виде могущественной организации было как бы ответом на мечтания утопистов того времени и более раннего о восстановлении благодатной старины с равенством имущественным, без борьбы политических партий за власть. Стоики, к последователям коих принадлежал и Полибий, усердно занимались изысканием смешанной формы управления, способной разрешить противоречие между притязаниями меньшинства и нуждами массы в единстве высшей руководящей власти. Спартанские цари Агид III и Клеомен II, согласно с учением стоиков, надеялись и обещали положить конец социальным и экономическим распрям в среде лакедемонян путем восстановления первоначального ликурговского устройства, а это последнее, как известно, содержало в себе многие черты общественного склада эллинов из так называемой героической эпохи. Политические меры и личное поведение спартанских царей-реформаторов оживили в народных массах Пелопоннеса надежды на водворение в жизни экономического равенства и общего довольства, и блестящими военными успехами Клеомен обязан был столько же храбрости своих воинов, сколько сочувственному возбужде-

---

* Ср.: *Lucas*. Polybius Darstellung.

нию в низших классах населения. Города ахейского союза один за другим переходили на сторону Клеомена частью из страха, частью добровольно, как свидетельствуют Полибий и Плутарх*. Достойно внимания, что этоляне находили себе сочувствие в значительной части Пелопоннеса: Элида, Мессения, Тегея, Орхомен, Мантинея, Фигалия состояли в союзе с ними; они же дают у себя приют спартанским изгнанникам, сторонникам реформ Агида, и совершают поход в Лаконику с целью возвращения их на родину; позже они обнаруживают готовность помогать Клеомену, продолжателю дела Агида. Если только не следовать Полибию и не объяснять каждый шаг этолян в Пелопоннесе жаждою наживы и желанием вредить ахейскому союзу, то мы вынуждены признать, что в общественных учреждениях этолян, в их бытовом складе содержались условия того сочувствия, какое сближало этолян с народами Пелопоннеса: элейцами, мессенянами, некоторыми аркадянами и отчасти лакедемонянами, в тот именно период эллинской истории, который ознаменовался в сознании эллинов превознесением старины, а на практике насильственными мерами к водворению экономического равенства путем уничтожения долговых обязательств и передела земли. Не случайным представляется нам дружественное согласие, в котором издавна жили этоляне с демократическими Афинами. После 196 г. до Р. Х. этоляне стояли во главе демократического движения против римского господства над Элладою, а в 190 г. ходатаями за них перед римским консулом выступают афиняне**.

В нравах и общественных привычках этоляне сохраняли много от первобытной простоты и относительного экономического равенства, мужество и дружную стойкость в борьбе с внешним врагом, то единомыслие, каким, по словам Исократа, отличались и лакедемоняне. Но наряду с достоинствами они обнаруживали, особенно в отношениях к чужеземцам, варварскую грубость, пренебрежение к понятиям международной справедливости, беспощадность в обращении с имуществом и жизнью врага, т. е. чуть не каждого, кто не принадлежал к их союзу, о чем с некоторым преувеличением не раз говорит Полибий. В IV и V книгах его истории читатель находит немало примеров этолийской жестокости и посягательства на чужеземное достояние; самые учреждения этолян и еще больше унаследованные исторические навыки не возбраняли отдельным личностям ходить за до-

---

* *Polib.* II 46, 52, 58; *Plut.* Arat. 32, 39–40; Cleom. 14, 17–20.
** *Liv.* XXXVII 6; *Polib.* XXI 4.

бычей в чужие земли. Посланный в Фигалию с политическими целями Доримах дает у себя приют этолийским пиратам и дозволяет им совершать хищнические набеги в дружественную Мессению; почти так же действует впоследствии начальник этолийского отряда Филлид. Этоляне запятнали себя грабежом и опустошением в эллинских землях, зависимых от Македонии, уже во вторую македонскую войну. В 192 г. до Р. Х. этолийский отряд, посланный в Спарту для освобождения города от Набида, под командою Алексамена перешел немедленно по умерщвлении тирана к грабежу и насилиям против мирных лакедемонян, и Спарта была потеряна для союза. Тот же самый Алексамен в бытность стратегом этолян в угоду Т.Кв. Фламинину взял на себя убиение Брахилла, вождя антиримской партии в Беотии; палачами консул выбрал трех этолян и столько же италийцев. Понятно, почему справедливые нападки этолян на двоедушие римской политики, а равно разоблачение завоевательных планов римского сената и призыв к оружию во имя свободы Эллады в союзе с Антиохом против римлян находили мало сочувствующих среди эллинов. К тому же за сие время этоляне не дали ни одного выдающегося человека, ни политика, ни полководца. Очевидно, сложные исторические задачи застигли этолян неподготовленными, а завещанные стариною формы жизни без соответствующих приспособлений и без изменений в характере и понятиях этолян оказывались недостаточными каждый раз, когда этоляне соприкасались с более упорядоченными условиями общежития и с более дисциплинированными противниками.

Частое посещение промышленных и богатых городов, знакомство с предметами чужеземной высшей культуры, которые добывались большею частью в войнах и хищнических набегах, прививали этолянам новые вкусы и потребности, нарушали первоначальную простоту жизни и то «единомыслие», которое составляло главный источник силы в подобных племенах и народах. Полибий не раз говорит о кичливости и роскоши этолян. Филипп нашел в Ферме множество статуй; по свидетельству Афинея, этоляне любили украшать свои праздники, дома и храмы предметами чужеземного искусства, а известная уже нам теосская надпись упоминает об актерах, заходивших из Теоса в Этолию. Нет никаких признаков того, чтобы чужеземные влияния отражались на Этолии заметным подъемом промышленности, торговли, вообще мирных занятий и просвещения; но они действовали разлагающим образом на патриархальные туземные отношения, увеличивали неравенство состояния, а это в

свою очередь при скудости средств к законному обогащению делало граждан более доступными подкупу, обостряло вражду между классами населения.

Сведения наши об экономическом положении этолян за этот период крайне недостаточны. Однако Полибий сохранил весьма характерный факт: в 189/188 г. до Р. Х. перехвачено было на пути в рим посольство этолян, в коем находился и некий Александр, «богатейший человек в целой Элладе». Эпироты требовали за освобождение по пяти талантов с каждого; между тем как прочие пленные готовы были заплатить выкуп, Александр противился и тогда, когда эпироты сбавили выкуп до трех талантов с человека. «Я думаю, — замечает историк, — что он скорее расстался бы с жизнью, чем с тремя талантами», хотя имел больше 200 талантов, что на наши деньги составляет около 300 000 рублей. Прочие пленные были тоже богаты*. Если принять во внимание, что промышленность и торговля находились в Этолии в зачаточном виде, то необходимо допустить, что подобные состояния наживались главным образом хищением и отдачею денег в рост. Действительно, уже к 205 г. до Р. Х., как рассказывает Полибий, «этоляне вследствие непрерывных войн и роскошной жизни незаметно для себя и для других впали в тяжкие долги. По этой причине склонные к изменению своего общественного устройства, они выбрали в законодатели Доримаха и Скопаса, ибо знали непостоянный нрав их самих и замечали, что их собственное имущество обременено многообразными долгами». В чем состояли перемены в управлении, клонившиеся к облегчению должников, мы не знаем; знаем только, что они остались недействительными. Сам Скопас вскоре удалился в Александрию с целью поправить свои денежные дела, а после насильственного расторжения союза римлянами, когда источники обогащения сильно сократились (189 г. до Р. Х.), социальное зло, борьба между должниками и кредиторами, между имущими и неимущими возгорелась в Этолии с ужасающей силой. При грубости нравов, отличавшей эти народы, социальная борьба сопровождалась всевозможными жестокостями. Здесь в течение многих лет с небольшими перерывами должны были повторяться кровавые сцены наподобие тех, какие в V в. до Р. Х. разыгрывались в Керкире, по свидетельству Фукидида, или в описываемую Полибием эпоху в среде аркадян в Кинофе. Движение охватило также все земли между Оффисом и Олимпом: Дориду, Фес-

---

* *Polib.* XXI 26.

салию, Перребию*. «В это время (174 г. до Р. Х.), — замечает Полибий, — взаимная ярость этолян, казалось, приведет народ к гибели путем истребления друг друга»**. Внутренние распри были тем ожесточеннее и гибельнее, что ими пользовались для своих целей, с одной стороны, Персей, с другой — римские консулы. Немедленно по вступлении на престол Персей в числе монарших милостей объявил прощение всех долгов и посредством письменных воззваний в разных городах Македонии, а также на Делосе в Ларисе и в храме Афины Итонии, что в Коронее, приглашал в Македонию всех неоплатных должников, осужденных судом преступников, политических изгнанников. Относительно Этолиии даже Полибий замечает, что междоусобная брань уступила там место благоустройству по смерти Ликиска, усердного пособника римлян, того самого, который вместе с Тисиппом отдал на жертву римскому гарнизону 550 старейшин, других изгнал, причем имущество потерпевших и погибших перешло в руки предателей и их сторонников***. Неподкупность также не принадлежала к числу добродетелей этолийских властей. Рассказ Ливия о том, как М. Валерию Левину удалось склонить этолян к союзу с римлянами против Филиппа V посредством тайных переговоров со старейшинами (211 до Р. Х.), дает чувствовать, что в этом случае дело не обошлось без посулов или подкупа со стороны римского консула. Через шесть лет после этого Скопас проводит закон, направленный к облегчению должников ради того, по выражению Полибия, чтобы добиться должности стратега, очевидно дававшей возможность занимающему ее лицу поправить свои личные дела. По поводу отказа стратега Дамократа заключить немедленно союз с римлянами против Филиппа (200 г. до Р. Х.) ходила молва, что Дамократ подкуплен македонским царем. В 196 г. до Р. Х. этоляне были удивлены переменою в поведении Т. Кв. Фламинина относительно побежденного Филиппа. «Так как подкуп начал уже господствовать в Элладе, — говорит Полибий, — так как никто не делал ничего даром, а у этолян эта черта нравов сделалась обыденною, то они не могли допустить, чтобы столь резкая перемена в Тите по отношению к Филиппу совершилась без подкупа»****. Очевидно, для этолян ко времени расторжения союза давно прошла пора простоты нравов и относительного равенства состояния; и этоляне захвачены были тем социально-экономическим

---

* *Liv.* XLI 25, XLII 2. 5. 13, XLIII 17; *Diod.* XXIX 33. Ср.: *Polib.* IV 17.

** *Polib.* XXX 1.

*** *Polib.* XXXII 20; *Liv.* XLV 28; *Pausan.* VIII 11; *Iustin.* XXXIII 2, XXXIV 1.

**** *Polib.* XVIII 34.

движением, в котором истощались жизненные силы остальной Эллады; благодаря своей отсталости они оказались неспособными не только разрешить возникавшие задачи, что стало не по силам и прочим эллинам, но хотя бы смягчить способы и приемы внутренней борьбы и направить свою энергию на другие ближайшие и легче достижимые цели. Между тем история не ждала, и внешний враг не намерен был упускать случая воспользоваться внутренними неурядицами для расширения пределов своего влияния и господства.

Как бы то ни было, этолийский союз представляет поучительнейший пример того, как эллинские и близко родственные им племена на основе унаследованных от давнего прошлого учреждений создали могущественную политическую организацию, не без успеха боровшуюся как против македонских фаланг, так и против римских легионов. Благом она была для Эллады хотя бы потому уже, что в широких пределах союза уменьшалось число столкновений и войн между отдельными общинами. В союзном народном собрании и в союзном совете старейшин, пополнявшемся представителями союзных общин, причем число советников каждой общины зависело от величины ее и доли участия в расходах союза, этоляне впервые создали подобие двух палат: народное собрание должно было воплощать в себе верховную власть союза, а совет старейшин представлял собою нацию, различные части коей соответственно своему значению участвовали в направлении союзной политики. Не подвергая отдельных выражений Полибия придирчивой, сомнительной критике, не заподозревая его авторской добросовестности, мы старались при помощи его же показаний и документальных свидетельств восполнить по возможности оставленные им сведения. Если несправедливо было оценивать поведение этолян по мерке иных понятий и иного общественного склада, то не более справедливо усматривать умышленное извращение истины там, где на самом деле мы имеем присущие известному историческому периоду приемы изыскания чужеземных бытовых явлений.

V

Федерация ахеян

Разница между прежними союзами с гегемонией одного народа и позднейшими федерациями определялась с самого начала исходными пунктами движения: тогда как лакедемонский,

или афинский, или фивский союзы возникали на готовой почве политической силы и преобладания одного города над прочими, основу союзов этолийского и ахейского составляли племена, до того времени не заявлявшие себя в истории образованием блестящих городов и продолжавшие жить в условиях стародавнего быта и в пределах собственной территории. Тогда как прежде господствующий город ревниво охранял права своего гражданства и с гордостью указывал на свое превосходство в отношении военном и других, тем оправдывая свои притязания на гегемонию, здесь граждане различных поселений сохранили старую привычку сходиться в общие собрания на положении равноправных участников и охотно допускали к пользованию теми же правами всякий другой народ, город или поселок, раз они соглашались принять на себя вместе с правами и некоторые обязательства, равнявшие их с первоначальными участниками союза. С каким трудом давалось право гражданства в афинской республике, показывает пример оратора и горячего афинского патриота Лисия. Метек по происхождению, он оказал большие услуги республике во время освобождения ее от тирании Тридцати (403 г. до Р. Х.). По решению народного собрания Лисий получил право афинского гражданства, но вскоре утратил его по предложению некоего Архина на том единственно основании, что предложение Фрасибула не прошло предварительно через сенат. Так Лисий и умер метеком. Еще ревнивее в этом отношении были спартанцы. Как передает Геродот, элейскому гражданину Тисамену, знаменитому гадателю, и брату его не менее трудно было сделаться гражданами, чем пилийцу Меламподу получить половину аргивского царства для себя и третью долю для брата. По словам историка, Тисамен и брат его были «единственные люди, принятые спартанцами в число сограждан»*. Ничего подобного не представляет нам история союза этолийского или ахейского: натурализация чужеземцев следовала здесь сама собою за присоединением к союзу.

Основная разница между федерациями этолийскою и ахейскою сводилась к тому, что в первой вовсе не было столь значительных городов, как Сикион, Коринф, Аргос, Мегалополь или Спарта; городской быт совсем почти не развился в Этолии и в тех частях средней Эллады, которые наитеснее примыкали к этолийскому союзу; самый Ферм, состоявший из нескольких поселков, был скорее сборным местом союзников, а не городом-

---

* *Phot.* Biblioth. cod. 202 изд. Беккера; *Herod.* IX 33–35.

государством в смысле эллинском. Здесь почти не существовало той формы политического быта, привязанность к которой препятствовала бы слиянию малых и слабых народностей с более многолюдною и сильнейшею. Поэтому-то в недрах этолийской федерации мы не находим стремлений к отпадению, проявление которых не раз колебало федерацию ахеян в самых основах ее. Союз ахейский с самого начала и до последнего времени был соединением городов, в числе коих иные имели блестящую историю, прославили себя успехами в искусствах и философии, в торговле и промышленности. В своем устройстве и поведении ахейская федерация обнаруживает гораздо большую сознательность и последовательность, нежели этолийская; она могла выдвинуть немало искусных политических деятелей и полководцев. Преобладание городского быта в ахейском союзе по сравнению с этолийским выразилось в особой системе голосования в союзном собрании, по городам: тогда как союзные собрания этолян по своему составу и поголовной подаче голосов были только расширявшимся по мере возрастания самого союза собранием племени, в ахейском собрании каждый город располагал одним голосом наравне с прочими, безо всякого отношения и к величине города, и к числу присутствовавших на собрании его граждан.

Далее, в политическом и военном отношении главную силу этолийской федерации составляли сами этоляне с привычками, нравами и учреждениями, в мало измененном виде перешедшими в эпоху Полибия из доисторического прошлого.

Ядро ахейской федерации составили также незначительные городские поселения собственных ахейцев, во взаимных отношениях которых сохранилась еще память о той поре, когда они жили небольшими поселками и для обсуждения и решения общих дел сходились вместе у святилища «Соборного Зевса» Ζεὺς Ὁμάριος; такими же символами исконного единения и родства были культы Аполлона у этолян и Зевса Ликейского у аркадян. Дима, Патры, Тритея и Фары положили начало ахейской федерации в 124-ю олимпиаду, около времени похода Пирра в Италию (280 г. до Р. Х.). Событие не ознаменовалось начертанием договора на столбе, так как оно было не более как восстановлением исконных отношений, на время упраздненных македонскими владыками. Древнейшее известие о существовании ахейского союза приурочивается к 374/373 г. до Р. Х. и находится у Страбона и Диодора Сицилийского*. После восстановления со-

---

* *Polib.* II 41; *Strabon.* VIII 7, p. 385; *Diod.* XV 49.

юза ахеяне как один народ упоминаются впервые в афинской надписи 266/265 г. до Р. Х., когда к союзу не принадлежали еще Тегея, Мантинея, Орхомен, Кафии. Изданная и объясненная первый раз Рангави, надпись относится к так называемой Хремонидской войне*. Что союзные отношения существовали и раньше, доказывает такая же организация италийских колоний ахеян, выведенных туда в конце VIII в. до Р. Х.: Сибариса, Кротона и колонии последнего, Кавлонии. По примеру метрополии италийские города соорудили святилище Соборного Зевса, выбрали место для общих собраний и совещаний; формального договора с начертанием на столбе не было и здесь.

Однако ростом военной силы и политического влияния ахейский союз обязан был гораздо больше другим пелопоннесским республикам, соединившимся вокруг первоначального ядра и превосходившим города ахеян богатством и значением в Пелопоннесе. Обращение ахейского союза в сильную политическую организацию начинается присоединением к ней Сикиона и развивается по мере вступления в нее Коринфа, Аргоса, Мегалополя и других городов Аркадии. Правда, и в числе деятелей Этолии видное место занимали уроженцы локрского Навпакта и акарнанского Страта, как например стратеги Агелай и Ликиск**; но большинство этолийских стратегов выходили все-таки из среды самих этолян. Не то мы наблюдаем в ахейской федерации. После Марга из Каринии, первого единоличного стратега Ахай (255 г. до Р. Х.), направление союзной политике давали уроженцы новых городов союза: Сикиона, Аргоса и особенно Мегалополя. Достаточно напомнить, что сикионец Арат впервые вывел ахейскую федерацию за пределы собственной Ахаи, шестнадцать или семнадцать лет занимал должность союзного стратега и в течение тридцати трех лет был главным руководителем союзной политики; одним из влиятельнейших стратегов, трижды избираемым на эту должность, был Лидиад аргивянин; восемь раз был стратегом мегалополец Филопемен; продолжателями его политики явились также мегалопольцы Ликорт и Полибий; Диофан, Аристен, Диэй, имена которых связаны с позднейшим периодом независимости Ахай, были тоже родом из Мегалополя.

---

* *Rangabé* Antiqu. Hellén. II n 453; *Koehler* CIA II n 332; *Dittenberger* Sylloge n 163.

** *Polib.* V 104, IX 32–39, XXVII 15 14, XXVIII 4, XXX 13, XXXII 19. 20; *Liv.* XLII 38, XLV 28; *Wescher* et *Foucart.* Inscriptions. n 386. Bulletin de corresp. hellen. 1881. V. n 34.

Из пятнадцати союзных стратегов, родина коих нам известна, только пять были собственные ахеяне: Архон и Ксенарх из Эгиры, Эперат из Фар, Ксенон из Патр и Калликрат из Леонтия; все прочие, притом более влиятельные, — из городов, примкнувших к союзу. Сам историк в следующих немногих словах резюмирует историю ахейского союза: «Начинателем и руководителем во всем этом предприятии должно почитать сикионца Арата, борцом и довершителем дела — мегалопольца Филопемена; утвердил и укрепил его на некоторое время Ликорт вместе с людьми, преследовавшими общие с ним цели»*. Зато ахейский патриотизм Мегалополя оказался выше всякого искушения. По словам Полибия, Клеомен никогда не находил ни одного сторонника или предателя ни в Мегалополе, ни в Стимфале, также аркадском городе**. Между тем в Пеллене, собственном ахейском городе, жители сами помогли Клеомену выгнать союзный гарнизон***. Словом, Сикион, Аргос и Мегалополь, а не Дима, Патры или Эгий, определяли судьбу и значение федерации.

По своему составу и положению входивших в него городов ахейский союз был несравненно ближе, нежели этолийский, пониманию и привычкам просвещенного гражданина эллинской республики. Тогда как объединительное движение этолян больше напоминает политику Рима, дарованием гражданства приобщавшего италийские племена к римской народности, в союзе ахейском цветущие города Пелопоннеса не утрачивали своей индивидуальности и взамен некоторых прав суверенитета приобретали со вступлением в союз новые средства для достижения своих целей и более широкое поле деятельности для выдающихся граждан. По сравнению с ахейским этолийский союз с преобладанием грубых этолян должен был представляться Полибию делом насилия и неправды, помимо других мотивов неприязненного отношения историка к Этолии. Историк не мог не иметь в виду притязаний Спарты на гегемонию, а равно расширения этолийской территории за счет соседей, когда писал: «Нигде в такой степени и с такою последовательностью, как в государственном устройстве ахеян, не были осуществлены равенство, свобода и вообще истинное народоправство». «Так как ни один из первоначальных участников не пользовался никаким преимуществом, напротив всякий вновь примыкающий

---

* *Polib.* II 40.
** *Polib.* II 58.
*** *Plut.* Cleom. 18.

вступал на совершенно равных правах, то устройство это быстро достигло поставленной заранее цели, ибо имело двоякую надежнейшую опору в равенстве и милосердии»*.

Однако преобладающая роль многих неахейских городов в ахейской федерации обязывала историка искать причин быстрого возрастания союза не столько в недрах первоначальной организации, сколько за ее пределами, в тогдашнем состоянии различных частей Пелопоннеса и их прежней истории. В одной из предыдущих глав мы старались свести вместе данные, свидетельствующие об успехах федеративного движения в Аркадии, особенно со времени основания Мегалополя (371–369 гг. до Р. Х.); начала этого движения, теряются в более глубокой древности, на что указывает существование общеаркадского культа Зевса Ликейского и чеканка монет в V или даже в VI в. до Р. Х. с надписью ἀρκαδικόν. Ко времени возобновления ахейского союза (284–280 гг. до Р. Х.) привычки к согласному решению своих дел были очень сильны в аркадских городах и селениях, и от Павсания мы узнаем, что «аркадяне охотнее всех эллинов примкнули к союзу ахеян», чему предшествовал ряд совместных действий аркадян**. Вскоре по окончании пелопоннесской войны Аргос и Коринф решили образовать общую республику, симполитию, с одним именем, с общими границами и учреждениями; по Анталкидову миру (387 г. до Р. Х.) аргивско-коринфская симполития распалась. В смысле сближения пелопоннесцев между собою должны были действовать многократные попытки Спарты образовать пелопоннесский союз под своей гегемонией, попытки, увенчавшиеся временным успехом перед войною с персами и во время пелопоннесской войны. Пятнадцать лет спустя после Анталкидова мира народы Пелопоннеса соединяются сначала под главенством финян, потом одни для борьбы с общим врагом, Спартою. Страх спартанской гегемонии побудил аркадян, аргивян и мессенян призвать в Пелопоннес войска Филиппа II (346–344 гг. до Р. Х.); враждою к Спарте внушены Полибию те слова укоризны и обличения, с какими он обращается против Демосфена за его чрезмерный афинский патриотизм и за невнимание к нуждам утесненных Спартою пелопоннесцев***. Унаследованная от предков ненависть к Спарте входит составным эле-

---

* *Polib.* II 38.

** *Pausan.* VIII 6; Ср.: *Plut.* Arat. 34.

*** *Demosth.* Philipp. II, p. 69. 70. 72. § 13–16. 19–26; *Polib.* XVIII 14, IX 33.

ментом в суждения нашего историка и о царе-реформаторе Клементе III, не говоря уже о Маханиде и Набиде. Родной город Полибия, по мысли основателей его Эпаминонда и Ликомеда, должен был оставаться навсегда оплотом свободы Пелопоннеса против посягательств Спарты.

Таковы были важнейшие условия и антецеденты, споспешествовавшие распространению местного, племенного союза на большую часть Пелопоннеса и не оцененные по достоинству нашим историком. К этому присоединялись вековые взаимные отношения различных пелопоннесских республик, сглаживавшие мало-помалу племенную отчужденность и выдвигавшие на первый план политические интересы. Полибий только мимоходом кратко замечает, что «в прежние времена многие безуспешно пытались объединить пелопоннесцев во имя общего дела, но тогда каждый помышлял не об общей свободе, а о собственном преобладании»*.

Столь же недостаточно историк наш обращает внимания на другой мотив объединения пелопоннесцев в общей организации. Мотив этот — борьба против македонского владычества, опиравшегося на тиранию и иноземные гарнизоны в пелопоннесских городах. Деятельность Арата и союза в первую и самую плодотворную пору направлена была к освобождению городов от македонских гарнизонов и от тиранов. Первоначальный союз двенадцати, потом десяти ахейских городов распался главным образом по вине македонских царей. Так, еще Александр, сын Филиппа, уничтожил народоправство в Пеллене и заменил его тиранией борца Херона (335 г. до Р. Х.), чем и следует объяснять воздержание пелленян от участия в восстании эллинов против Александра и в войне против наместника его Антипатра (323/322 г. до Р. Х.). Он же посягал на союзные собрания ахеян и аркадян. Так, в одной из речей Гиперида против Демосфена упоминается о прибытии в Пелопоннес (324 г. до Р. Х.) того самого Никанора, который в 114-ю олимпиаду возвестил на олимпийском празднестве волю Александра возвратить изгнанников в родные города. В Пелопоннес Никанор явился с указом об изгнанниках и о союзных собраниях ахеян и аркадян. Кассандр поставил гарнизоны в Патрах, Эгии, Димах (314 г. до Р. Х.), место которых заступили гарнизоны Деметрия в 294 г. Союз давно уже был в упадке, когда Антигон Гонат объявил его расторгнутым (288 г. до Р. Х.). Войною с эпирским царем Пирром и другими замешательства-

---

* *Polib.* II 37.

ми в Македонии воспользовались четыре названных выше городка Ахаи для восстановления исконных союзных отношений (280 г. до Р. Х.). Пять лет спустя примкнули к союзу жители Эгия, выгнав из города македонский гарнизон. Вскоре после этого «возвратились к прежнему устройству» жители Буры по умерщвлении своего тирана, и каринийцы, тиран коих Исей добровольно отказался от единоличной власти и присоединил город к ахейскому союзу. Таким же, должно быть, способом вошли в союз и три остальных города Ахаи: Леонтий, Эгира, Пеллена. Как невелики были все эти города, показывает суждение поэта Иона о важнейшем из них — Эгии, служившем сборным местом союзников до 189 г. до Р. Х.: «по населенности и значению он не имел права ни на третье, ни на четвертое, ниже на двенадцатое место в Элладе». Самые узы федерации были вначале довольно неопределенны, если жители Патр могли одни, а не совместно с прочими ахеянами участвовать в войне против галлов 278/277 г. до Р. Х. В 251 г. к союзу примкнул Сикион, непосредственно перед тем освобожденный от тирании Аратом, а восемь лет спустя и Коринф, после того как из кремля его был удален насильно гарнизон Антигона Гоната и бежал тиран (243 г. до Р. Х.). В том же году по удалении македонских гарнизонов присоединились к союзу Мегары, Трезену, Эпидавр. К этому времени приурочивается трезенская надпись о постановке статуи Арата в память освобождения Трезена; раньше надпись приурочивалась к Гермионе. Еще при жизни Деметрия (239–229 гг. до Р. Х.), который всячески поддерживал тиранию в Пелопоннесе, мегалопольский тиран Лидиад по собственному почину сложил с себя власть и присоединил город к союзу (234/233 г. до Р. Х.). После смерти Деметрия то же самое сделали тираны Аргоса, Гермионы и Флиунта. «Территория пятнадцати городов, — замечает Фримен, — простиралась теперь непрерывно от Ионийского моря до Эгейского, от мыса Аргоса до крайней оконечности аргивского полуострова. Ключ к Пелопоннесу был теперь в руках союза, цепи Эллады были порваны»*. Счет Фримена не совсем верен, ибо еще раньше Аргоса и самого Мегалополя приобретены были для союза Герея в Аркадии и Клеоны в Арголиде, а в одно время с Гермионою присоединилась и Эгина**. До начала Клеоменовой вой-

---

* *Freeman.* Feder. governm. P. 277.

** *Polib.* XXII 11 9; *Plut.* Arat. 28. 34. По словам Плутарха, эгиняне и гермионяне примкнули к ахейцам вскоре по освобождении Афин. К этому же времени приурочивает и Полибий (II 446) присоедине-

ны (228 г. до Р. Х.) в ахейский союз вошли также Мантинея, Тегея, Орхомен, соединившиеся потом с этолянами и еще позже перешедшие на сторону Клеомена, а равно другие поселения аркадян, ибо аркадяне, по выражению Павсания, охотнее прочих эллинов примкнули к ахейскому союзу. По поводу упомянутой выше орхоменской надписи Диттенбергер с успехом доказывает, что присоединение Орхомена к союзу ахеян совершилось вскоре после отречения Лидиада от власти тирана, т. е. вскоре после 234/233 г. до Р. Х.* Известия древних о расширении территории ахейского союза путем изгнания македонских гарнизонов и низвержения или добровольного отречения тиранов, которые находили опору в македонских владыках, согласуются с замечанием Полибия: «Цель союза состояла в изгнании македонян из Пелопоннеса, в упразднении тирании и в обеспечении общей исконной свободы во всех городах», и Дюбуа тщетно силится доказать наперекор фактам и неоднократному заявлению нашего историка, что образование ахейского союза вовсе не означало пробуждения вражды эллинов против Македонии. Нельзя, конечно, согласиться с Фрименом, когда в ту отдаленную эпоху он переносит понятия и политические страсти своего времени, когда историю ахейского союза представляет себе как «борьбу федерализма с монархией, национальную борьбу Эллады против Македонии». Но не более прав и Дюбуа, отрицая борьбу с македонским владычеством, как один из руководящих мотивов в начальной истории ахейской федерации. Достаточно напомнить, что борьба Арата против македонской гегемонии перешла даже за пределы Пелопоннеса, и одним из похвальнейших своих подвигов он считал участие в освобождении Афин от гарнизона Деметрия. В собственных «Записках», послуживших источником для Плутарха и Павсания, восполняемых и исправляемых при помощи пирейской надписи в честь Эвриклида, Арат сильно преувеличивает свою роль в этом деле насчет начальника македонского гарнизона Диогена. Этого последнего, а не Арата афиняне почитали и чествовали как своего избавителя**.

Не обращая должного внимания на благоприятно сложившиеся для Ахай внешние условия, Полибий тем самым вынужден

ние к союзу Аргоса, Гермионы и Флиунта; эгиняне опущены нашим историком, а у Плутарха имя их поставлено рядом, с гермионянами.

* *Polib.* II 46. 54. 57, IV 6; *Pausan.* VIII 6; *Plut.* Cleom. 4; *Dittenberger.* Hermes. XVI. S. 178. Sylloge n 178.

** *Plut.* Arat. 34; *Pausan.* II 8; *Wachsmuth C.* Die Stadt Athen im Alterthum. L., 1874, S. 630; *Koehler.* Ein Verschollener. Hermes. 1873. VII. S. 1–6.

был искать ответа на занимавший его вопрос в исключительных достоинствах ахейского племени, причем неминуемо впадал в преувеличения и неточности. Историк сознается, что ахейский народ сам по себе не выдавался над другими народами ни обширностью занимаемой территории, ни большим числом городов, ни богатством, ни военными доблестями, что ахеяне были слабее почти всех эллинов, не говоря уже об аркадянах или лакедемонянах. «Каким же образом, — спрашивает себя Полибий, — и по какой причине народы только что названные и все прочие пелопоннесцы соглашались теперь участвовать в союзе ахеян и именовать себя ахеянами?»* Ввиду сказанного выше, казалось бы, достаточно было поставить такой вопрос для того, чтобы внимание историка обратилось к тогдашнему состоянию Пелопоннеса и здесь искало бы разгадки удивительного на первый взгляд явления. Тогда и оказалось бы, что относительная слабость ахеян, исключавшая возможность притязаний их на гегемонию или господство, составляла одно из важных условий преуспеяния ахейской федерации. Потом отсутствие сильных, богатых городов на ахейской территории облегчало возникновение организации на основе равного участия всех членов в общих делах и одинакового отречения от некоторых прав верховности. Мы уже знаем, что федерация аркадян на первых же порах своего существования сильно страдала от соперничества больших городов с Мегалополем. Слабое сравнительно с другими частями Эллады развитие местных интересов и городской обособленности давало ахеянам возможность сохранить старые привычки к совместному решению дел целого племени в большей силе и неприкосновенности. Вместо всего этого Полибий выдвигает на передний план добродушие, честность и неизменное благородство ахеян как основную причину роста ахейской федерации. В подтверждение того, что эти качества были искони присущи ахеянам, историк приводит некоторые факты из прошлого их, а именно: обращение италийских эллинов к ахеянам за содействием к водворению у них порядка и взаимного согласия, перенесение на почву Италии союзных ахейских отношений и наконец призвание ахеян в третейские судьи для разрешения споров между ахеянами и лакедемонянами**. Историк не замечает того, что предпочтение ахеян со стороны италийских эллинов определялось зависимостью этих последних от

---

* *Polib.* II 38.
** *Polib.* II 39. 42. 57. 60.

ахейских городов как колонистов от своих метрополий; сибариты-не, кротонцы и кавлониаты только пересадили в Италию союзные учреждения родины. Что касается выбора ахеян в третейские судьи, то подобной чести удостоивались обыкновенно слабейшие эллинские народы, к тому же не заинтересованные прямо в подлежащем суду их споре. Таким образом, во всех случаях, сообщенных Полибием, нет места исключительным добродетелям ахейского племени. Самое уверение Полибия, будто по низвержении царей правление ахеян было непрерывно демократическое, не оправдывается показаниями Фукидида и Ксенофонта об олигархии в ахейских городах*.

Образование ахейского союза и дальнейшие успехи его определялись не только внутренним состоянием Пелопоннеса и положением в нем македонян, но и тогдашними отношениями между династиями македонскою и египетскою. С первых шагов своей политической деятельности Арат находил сильную поддержку у царей Египта, Птоломеев Филадельфа и Эвергета, которые поощряли успехи новой организации, как более всего опасной Антигонидам. В разное время Арат получил от египетского двора 175 талантов, каковые суммы помогли ему привести к благополучному концу и дело освобождения родного Сикиона. Около 242 г. до Р. Х. по его настоянию заключен был ахеянами союз с Птолемеем Эвергетом с присвоением египетскому царю звания военачальника на суше и на море, кажется, с этого же времени Арат получал от Птолемея Эвергета по шести талантов ежегодно. Теснимый Клеоменом, он долго медлил с призванием Антигона в Пелопоннес, между прочим, из опасения утратить через то дружбу и поддержку египетского царя. Этот последний действительно перенес свои милости на Клеомена, как скоро убедился, что вражда ахеян к македонской династии уступила место сближению и союзу**. Таким образом, судьба ахейской федерации с самого начала определялась гораздо больше сложившимися к тому времени отношениями внутри Пелопоннеса и за его пределами, нежели природными добродетелями ахеян или личными качествами вождей их, на которых также настаивает Полибий. Вернее судил о себе сам Арат, когда говорил, что

---

* *Thuk.* V 82; *Xenoph.* Hellen. VII 1.

** *Polib.* II 47. 51; *Plut.* Arat. 4. 24; *Cicer.* De offic. II 23; *Freeman.* Feder. governm. P. 308. Указ. соч. 68. 80. Непонятным образом Дюбуа (Les ligues) передвинул союз ахеян с Птолемеем Эвергетом назад, ко времени до освобождения Сикиона.

«не столько он властвует над обстоятельствами, сколько обстоятельства над ним»*.

Поворотным моментом в истории ахейского союза и вместе непосильным испытанием для него была Клеоменова война (227–221 гг. до Р. Х.). Начавшись между двумя важнейшими государствами, Спартою и ахейским союзом**, она кончилась так, как и раньше кончались домашние распри эллинов: призванием на помощь той самой чужеземной силы, освобождение от которой было, казалось, целью и душою объединительного движения пелопоннесцев. Ахейский союз не выдержал испытания; в недрах его обнаружились раздор и борьба противоположных интересов; примирить их и направить хотя бы временно к одной высшей цели не сумели ни вожди ахеян, ни спартанский царь-революционер. Как всякая революция, не опирающаяся на широкий план органических преобразований, переворот Клеомена воодушевил народные массы Пелопоннеса лишь на первых порах; с другой стороны, Арат оказался бессильным совладать с новым движением, врывавшимся извне в ахейскую федерацию и грозившим гибелью делу рук его. В результате получились властное вмешательство македонской династии во внутренние отношения Пелопоннеса и утрата для эллинов свободы действия. Клеоменова война ознаменовалась социально-экономическим брожением в важнейших городах союза; оно, как бывало и раньше в Элладе, побуждало недовольных искать поддержки во враждебном государстве, на сей раз в Спарте, хотя бы с потерею некоторой доли политической самостоятельности, зато в надежде вознаградить себя имущественным равенством внутри общины; брожение, обнаружившее неустойчивость союзных связей в среде ахеян, вызвало со стороны союзной власти ряд насильственных мер, конфискацию имущества, кровопролитие, даже уничтожение целого города; выборный и ответственный стратег союза возведен в самодержавного вождя и наделен стражею телохранителей наподобие тирана.

Полибий под влиянием «Записок» Арата нападает с ожесточением на этолян, которые будто бы не устыдились заключить тройственный союз с Антигоном и Клеоменом с целью расторгнуть ахейскую федерацию, поделив между собою ее территорию, и были как бы виновниками войны. Коварными замыслами этолян историк старается оправдать обращение Арата к Антигону.

---

* *Plut.* Cleom. 19; Arat. 41; *Polib.* II 40. 45. 46, IV 8.
** *Plut.* Cleom. 3.

Но дело в том, что этоляне дальше замыслов, — если еще таковые были, — не пошли ни перед началом Клеоменовой войны, ни во время ее. Тот же Арат не стал бы искать союза у союзников Спарты в самую трудную для себя пору; этоляне, правда, отказали ему в просимой помощи против Клеомена, упоминание о чем находим у Плутарха, но по-прежнему занимали нейтральное положение*. Что этоляне действительно не участвовали в войне и не состояли в союзе с Антигоном, это дает ясно понять сам Полибий в нескольких местах своей истории: мегалопольские послы, отправившиеся к Антигону для переговоров по внушению Арата (224 г. до Р. Х.), только угрожают тем, что этоляне могут выйти «из теперешнего покойного положения». Далее, когда Антигон выступил в поход на помощь ахеянам (223 г. до Р. Х.), этоляне предупредили его, что встретят македонян с оружием в руках, если те попытаются пройти в Пелопоннес сухим путем, и тем вынудили Антигона переправить свои войска морем через Эврип и Эвбею. После несчастного сражения при Селласии (221 г. до Р. Х.) бежавший в Александрию Клеомен только мечтал о возможности союза Спарты с этолянами против ахеян и македонян; но ни он, ни впоследствии этолийский посол Хленей ни одним словом не упоминают о союзных действиях этолян и лакедемонян в царствование Клеомена. Напротив, благодаря Плутарху мы знаем, что в пору спартанской революции (225 г. до Р. Х.) этот самый Клеомен был враждебно настроен против этолян.

Словом, трудность положения, в котором очутился Арат и с ним вместе ахейский союз в борьбе с Клеоменом, создана была не этолянами. Замыслы этолян о тройственном союзе так и не осуществились вплоть до 218 г. до Р. Х., и опасения мегалопольских послов, что ахеянам придется вести войну не с одним Клеоменом, но и с этолянами, не оправдались к тому времени, когда союзное ахейское собрание решило призвать Антигона в Пелопоннес и предоставить ему главнокомандование союзными войсками. Источник затруднений лежал глубже и ближе — во внутренних отношениях ахейской федерации. Он остался не выясненным для Полибия; еще меньше понимал его Арат, известия которого об этой эпохе исправляются отчасти и пополняются историком из других источников. Полибий был еще слишком близок к описываемым событиям, чтобы стать в свободное, критическое отношение и к личности основателя ахейского союза, и к его мероприятиям. Рассказ его о Клеоменовой войне (II 45–70)

---

* *Polib.* II 45–46; *Plut.* Arat. 41.

представляет яркий образчик того рода историографии, в котором необходимо возможно строже различать самое изложение фактов, обстоятельное, ясное и вообще правдивое, с одной стороны, и субъективное освещение и объяснение их — с другой. Позднейшим критикам не удалось уличить Полибия в сознательной лжи и умышленном извращении фактов; но вне всякого сомнения находится зависимость его от «Записок» Арата и вследствие того односторонность освещения некоторых событий и особенно противников вождя ахеян*. Правдивость Полибия находит себе очевиднейшее подтверждение в том, что он без пощады разоблачает двусмысленное и двуличное поведение Арата по отношению и к македонскому царю, и к ахейскому народу, и в особенности к Коринфу, то самое, что скрыл Арат в своих «Записках».

Если Полибий вслед за Аратом негодует на этолян за коварные замыслы и враждебные действия против ахеян, то для наблюдателя более отдаленного поведение союзных властей ахейских с Аратом во главе представляет, если не больше, то никак не меньше ошибок и несправедливого насилия. Как бы в ответ на замыслы этолян Арат весною 227 г. до Р. Х. совершил вооруженное вторжение в Элиду, находившуюся в дружественном союзе с Этолией, что равнялось вызову, обращенному против самих этолян**. Вообще первый период войны до революции в Спарте (225 г. до Р. Х.) прошел в нескольких захватах с одной и другой стороны и в нескольких сражениях: те и другие доказали военное превосходство Клеомена и ловкость Арата в захвате городов путем хитрости и тайных сношений с изменниками. Важнейшим делом этого периода было отнятие у Клеомена Мантинеи, первоначально союзного ахейского города. Властью союзного стратега Арат даровал право гражданства мантинейским обывателям (μέτοικοι) в видах, разумеется, усиления ахейской партии и поставил здесь союзный гарнизон и наемное войско для обеспечения верности завоеванного города. Таким образом, один из сильнейших дюродов Пелопоннеса низведен был на положение подчиненного члена союза; внутренние отношения его устраивались сообразно целям союзной власти. Понятно, что

---

* Кроме общих сочинений Дройзена и Шорна особенно ценны для истории Клеоменовой войны Шёман (Plutarchi Agis et Cleomenes. Gryphisw. 1839), а также издания тех же жизнеописаний Зинтениса 1865 и Бласа 1875, и исследование Клата, упомянутое выше: Forschungen. 1877.

** *Plut.* Cleom. 5.

город воспользовался первым случаем к отпадению, или точнее, к возвращению себе политической независимости. Когда по совершении переворота Клеомен снова появился на поле сражения, жители Мантинеи отдались ему добровольно, часть союзного гарнизона перебили, остальных ахеян выгнали из города. Нельзя при этом обойти молчанием, что, по словам самого же Полибия, передача города Клеомену была последствием междоусобной распри и, следовательно, делом, одной из партий, на время восторжествовавшей над сторонниками принадлежности к союзу, а не «тяжким и преступным вероломством» всех мантинеян, как выражается Полибий. Жертвою междоусобной распри пала, вероятно, и часть гарнизона. Впоследствии (222 г. до Р. Х.) ахеяне при помощи Антигона отвоевали Мантинею у Клеомена и жестоко покарали город. Как ни старается Полибий смягчить нарисованную Филархом картину бедствий, постигших в это время мантинеян, непререкаемым остается тот факт, что кара постигла всех мантинеян без различия пола, возраста, состояния и простиралась не на современников только, но на вечные времена, на все последующие поколения. Самый город переименован был в угоду могущественному союзнику в Антигонию. Если описание Филарха страдало обычными у этого писателя риторическими прикрасами, то и возражения Полибия не менее того обличают крайнее усилие подыскать оправдание в общих рассуждениях о людской неблагодарности и о суровых правах победителя. Рассказ Плутарха занимает середину между крайностями, и факты, им сообщенные, менее всего свидетельствуют о добросердечии Арата и ахеян. «Обращение ахеян с Мантинеей признавалось несогласным с достоинством эллинов, — рассказывает Плутарх. — И в самом деле, руками Антигона овладев мантинейцами, они умертвили влиятельнейших и знатнейших граждан, остальных частью продали, частью заковали в цепи и отправили в Македонию, детей и женщин обратили в рабство, причем третью долю вырученных от продажи денег взяли себе, а две трети предоставили македонянам. Но это можно бы еще оправдать требованием возмездия; ибо хотя и жестоко поступать так в состоянии раздражения с единоплеменниками и единокровными, но, по словам Симонида, в бедственном положении сладостно и нежестоко доставлять врачевание и удовлетворение душе больной, как бы снедаемой пламенем. Однако то, что потом учинил Арат с городом, не может быть оправдано ни благовидными доводами, ни трудностью положения, именно: когда аргивяне получили этот город в дар от Антигона

и постановили заселить его снова, Арат, будучи выбран в вожди колонии и занимая должность стратега, настоял на том, чтобы город не именовался более Мантинеей, но Антигонией, имя, которое он удерживает до сих пор. Так "восхитительная Мантинея" стерта была с лица земли, думается нам, по вине Арата и продолжает по настоящее время называться именем своих палачей и истребителей ее граждан»*. Участь Мантинеи близко напоминает последовавшую в 146 г. до Р. Х. гибель другого, еще более знаменитого города, Коринфа, с тою разницею, что Коринф был разрушен до основания и восстановление его возбранено было врагами ахеян и завоевателями Эллады, римлянами.

Однако добровольная сдача Мантинеи Клеомену открывала собою целый ряд тяжелых потерь и неудач для ахеян и Арата. По мере того как росло в массах сочувствие к смелому преобразователю Спарты, убывали силы Арата и его влияние в союзе, и он, еще не дождавшись какого-либо большого сражения, решил заручиться союзом Антигона на случай новых опасностей. При посредстве мегалопольских друзей Арат начал тайные переговоры с царем Македонии, тайные не только потому, что, как рассказывает Полибий, он опасался вызвать противодействие своим замыслам со стороны Клеомена и этолян и показать себя перед ахеянами человеком, ищущим помощи у врагов, но и потому главным образом, что не мог пока рассчитывать на принятие ахейским собранием открытого предложения о союзе с Антигоном. Помимо того, что ахеяне считали для себя наиболее почетным вести войну одним, без союзников, и желали сохранить дружбу Птолемея Эвергета, помимо этого, ахеяне и, прежде всего, коринфяне должны были бы увидеть в таком предложении прямую измену союзу, посягательство на целость и неприкосновенность его территории.

Верность Мегалополя союзу не подлежала сомнению. Первый шаг к сближению ахеян с Антигоном сделан был Аратом с искусством тонкого дипломата. Мегалопольские друзья его, снабженные тайными полномочиями от Арата, возвратились от македонского царя с положительными известиями о дружественном его настроении и о готовности помочь Мегалополю, если последует

---

* *Plut.* Arat. 45. Ср.: *Polib.* II 58. Имя Антигонии как самостоятельного члена ахейской федерации удостоверено монетами. Название Мантинеи восстановлено при императоре Адриане. *Pausan.* VIII 8 11—12; *Droysen.* Hist de l'hellen. III, 555 примеч. 2 trad. fr. Полибий ничего не говорит о переименовании Мантинеи в Антигонию.

на то согласие ахейского собрания. Мегалопольцы, с одной стороны, жестоко теснимые лакедемонянами, с другой — более прочих ахеян связанные с македонской династией взаимными услугами с давнего времени, предлагали народному собранию ахеян не медлить с призванием Антигона в Пелопоннес и тут же предоставить ему верховное ведение дел союза. Арат хорошо знал, что помощь царя может быть куплена ценою Акрокоринфа, того самого кремля, с отнятием которого у Антигона Гоната соединены были самые славные дни в его жизни. Антигон понимал Арата, когда этот последний через мегалопольских послов обещал в неопределенных выражениях разрешить вопрос о гарантиях к обоюдному удовольствию; для него было достаточно, что договор о вознаграждении откладывался до той решительной минуты, когда Арату нельзя будет выбирать и колебаться. Предложение мегалопольцев о призвании Антигона было принято ахейским собранием, тем самым осуществлялось затаенное в глубине души желание Арата, чтобы почин в обращении к «врагам» исходил не от него, а от самого ахейского народа. Эта главная цель была достигнута. Тогда Арат выступил с патриотическим увещанием к народу: до поры до времени вести войну собственными силами, испытать раньше все средства и только тогда искать помощи у «друзей», когда собственные усилия не увенчаются успехом*. Руками мегалопольцев, путем сокрытых переговоров для ахеян Арат достиг того, что народ взирал на Антигона как на дружественного государя, и союзное войско ахеян готово было стать под его начальство. Достойно внимания, что Полибий ни одним словом не упоминает о том, чтобы Арат, до принятия ли решения, или после, возбуждал вопрос о вознаграждении Антигона за услугу. На этом вопросе он ясно провидел крушение всех своих планов.

Вскоре после этого произошла битва между Димою и Фарами при Гекатомбее, кончившаяся жестоким поражением Арата. На происходившем вслед за сим собрании ахеяне единодушно постановили обратиться к Антигону, и Арат отправил послом к царю своего сына кончить переговоры о помощи. Теперь, как и прежде, не было речи в собрании о гарантиях договора, каких может потребовать Антигон от ахейского союза; вопрос о них

---

* *Polib.* II 50. Любопытно наблюдать, как в изложении Полибия (II 47. 50) македоняне превращаются из врагов ахеян в друзей. Врагами считает их Арат до начала переговоров, друзьями называет в своей речи по получении благоприятных известий от Антигона.

возбужден был только после принятия окончательного решения, причем сразу обнаружилось, что союзу предстоит пожертвовать Коринфом, раз он желает пользоваться войсками Антигона. Дело было отложено до выяснения вопроса о залоге со стороны ахеян, ибо отдать коринфян насильно в руки македонян ахеяне не решались. Но теперь Антигон еще более убедился в готовности Арата загладить старую вину и отдать ему Акрокоринф обратно*. Арат поспешил отправить к нему родного сына, и если ахеяне не звали тотчас царя, то не по вине Арата. Настроение вождя и руководителя ахеян вполне раскрывает перед нами Полибий несколькими строками ниже, в кратком упоминании о третьем постановлении ахеян — заключить союз с Антигоном, после того уже, как в Коринфе возобладала партия Клеомена, призывавшая его в город; на Акрокоринфе все еще держался союзный гарнизон ахеян. Поведение коринфян, по словам историка, «давало ахеянам благовидный предлог и повод к действию; за него-то и ухватился. Арат и предложил Антигону Акрокоринф, чем избавлял себя от тяготевшей на нем вины перед домом македонян, давал достаточное ручательство за прочность будущего союза и — что самое важное — доставлял Антигону опорный пункт для войны с лакедемонянами».

В оценке этого хода Аратовой дипломатии, ставшего роковым для свободы эллинов, новые историки сильно разногласят между собою. Например, Шорн, Фримен, Дройзен, Герцберг, не говоря уже о Брандштетере и Лукасе, вслед за Плутархом осуждают Арата за то, что упорством в противодействии Клеомену и отказом уступить руководящую роль более даровитому и более счастливому сопернику, он накликал чужеземное иго на Пелопоннес и через него на всю Элладу, тем самым погубил свободу эллинов. Напротив, Васильевский, Клат, Дюбуа стараются найти оправдание для Арата в его отрицательном отношении к со-

---

* *Polib.* II 51. Последовательность событий восстанавливается у проф. Васильевского в большем согласии с источниками, нежели у Фримена (Feder. governm. 466 сл.), который начало переговоров Арата с Антигоном приурочивает ко времени после гекатомбейского поражения. К этому времени относится у Полибия второе решение ахеян обратиться к Антигону; переговоры через мегалопольцев происходили в промежуток времени между потерею Мантинеи и битвою при Гекатомбее. Но тогда как Васильевский в толковании событий следует главным образом Плутарху, именно жизнеописанию Арата, составленному почти целиком по «Запискам» самого Арата, мы руководствуемся Полибием, менее всего подлежащим упреку в пристрастии против Арата.

циальным замыслам Клеомена, в родстве и взаимной близости македонян и эллинов, которые давно уже не были чужими друг другу народами, в том наконец, что Клеомен и Арат представляли собою воплощение непримиримых политических и социальных начал*. Не защищая Арата и не нападая на него, не вдаваясь в туманные соображения о том, что сталось бы с Элладою, если бы Арат предоставил гегемонию над союзом Клеомену, мы обязаны только подвести итоги бесспорным фактам, а факты эти свидетельствуют, что Арат собственными руками разрушал дело, которое создано было при его деятельном участии и руководстве; он отдавал во власть тиранов и македонских гарнизонов те самые города, которые раньше освобождал с геройским самоотвержением и настойчивостью. Сообщаемые Полибием и Плутархом данные не оставляют на этот счет никакого сомнения. Плохой воин и полководец, «наполнивший Пелопоннес трофеями врагов»; что мог противопоставить Арат обаятельной личности спартанского царя, если он к тому же помышлял об отсечении от союза одного из главнейших его членов и тем решался купить помощь Антигона? То, что составляло душу объединительного движения, теперь отлетало от ахейского союза, и сопротивление Арата Клеомену, а равно отказ его принять гегемонию царя Спарты утрачивали теперь всякое оправдание; помощь Антигона означала, как вскоре и обнаружилось на деле, подчинение эллинов видам македонской династии. Между тем каждый эллин, сколько-нибудь уважающий благородство своего происхождения, допускал гегемонию последнего спартанца охотнее, нежели первого македонянина.

Правда, Клеомен обращал к себе массы пелопоннесского населения надеждами на социальный и экономический переворот, но и благомыслящие элементы в Ахае отвращались от своего вождя под давлением его новой, македонской политики. Как рассказывает Плутарх, сношение между ахеянами и Клеоменом не состоялось в решительную минуту благодаря главным образом происка Арата, ибо к тому времени (224/223 г. до Р. Х.) договор его с Антигоном заключен был окончательно, и он постарался не допустить Клеомена на собрание ахеян в Аргосе: там царь Спарты мог легко увлечь народ на свою сторону. Для читателя ясно, что политика главы союза далеко не отвечала настроению

---

* *Schom.* Gesch. Griechenl. S. 115; *Freeman.* Feder. governm. P. 491; *Droysen.* Hist. de l'hellen. III, P. 530. trad. fr.; *Hertzberg.* Gesch. Griechenl. I.; *Васильевский В.Г.* Политич. реформа; *Klatt.* Forschungen. 61; *Dubois.* Les ligues. P. 67 примеч. 2.

большинства. «Засим, — продолжает биограф Арата и Клеомена, — смута распространилась среди ахеян, и началось отпадение городов, ибо масса народная питала надежду на раздел полей и уничтожение долгов, знатные сильно тяготились Аратом, наконец, иных возмущало призвание македонян в Пелопоннес»*.

Первым последствием сближения ахеян с Антигоном через Арата и Мегалополь был переход Птолемея со всеми его денежными средствами на сторону Клеомена, и вскоре засим последовала несчастная для Арата битва при Гекатомбее, в которой приняли участие все союзные войска**. В то время, когда настоятельно требовалось единодушие и напряжение сил в одну сторону, ахеяне впадали в раздумье и нерешительность под влиянием крутого поворота во внешней политике. Заключить союз с Антигоном оказалось невозможным, не пожертвовав Акрокоринфом, и большинство ахеян, но не Арат, предпочло примириться с Клеоменом на условии признания царя Спарты гегемоном союза. Переговоры с Клеоменом приходили к благополучному концу, пока Арат, добровольно отказавшийся от предложенной ему стратегии, не стоял у власти, и затем в ближайшую стратегию Арата и главным образом благодаря ему кончились ничем или — вернее — обоюдосторонним недовольством и раздражением***.

Теперь-то наступили события, поколебавшие самые основы ахейской федерации. В сравнении с ними потеря Мантинеи была маловажною подробностью: ведь и до Клеоменовой войны город этот находился в слабой связи с союзом, если вначале он перешел к этолянам, потом к Клеомену. Вслед за возобновлением военных действий обнаружилась измена в Сикионе, и город едва не был взят царем Спарты; пала Пеллена, причем изгнан

---

* *Plut.* Cleom. 17; Arat. 39; *Васильевский В.Г.* (Полит. реф. 288 примеч. 1) не усматривает существенного разноречия между двумя биографиями по вопросу об условиях допущения Клеомена в Аргос. На самом деле в Арате речь идет об одном собрании ахеян, а в Клеомене о двух: в Лерне и Аргосе. Потом, в Арате царю разрешается войти в Аргос с 300 воинов, а в случае недоверия к ахеянам взять от них заложников; в Клеомене царю предложено войти в город одному, взяв предварительно 300 заложников от ахеян, — что не одно и то же. Изложение Арата в этом пункте сбивчиво.

** *Polib.* II 51. Отпадение Птолемея отнесено проф. Васильевским (Полит. реф. С. 288) ко времени после битвы при Гекатомбее и даже после рокового аргосского собрания.

*** Полибий ничего не рассказывает о переговорах ахеян с Клеоменом. Дальнейшие события у него следуют непосредственно за гекатомбейским поражением и собранием ахеян. II 51–52. Ср.: *Plut.* Arat. 38; Cleom. 15–16.

был союзный стратег, быть может, сам Арат, взяты Феней и Пентелий. Тотчас после этого примкнули к Клеомену аргосцы и ввели в свой город спартанский гарнизон флиунтяне; многие сикионяне и коринфяне вели открыто переговоры с Клеоменом о сдаче. «Тяжелое смущение вдруг овладело Аратом, — замечает Плутарх, — ибо он видел, что Пелопоннес потрясен, и склонные к переменам граждане поднимают восстание в городах»*. Ахейский союз распадался не только в тех частях, которые были приобретены в разное время, как это представлялось Плутарху, но и в первоначальном своем составе: Пеллена была собственным городом ахеян. Эпидавр, Гермиона, Трезена добровольно передались Клеомену. С появлением его на Коринфском перешейке мегаряне отделились от Ахай и «с согласия ахеян» вошли в беотийский союз**. Мало согласуется следующая характеристика союзных отношений у Полибия с теми самыми историческими данными, которыми мы обязаны главным образом ему же: «Эта форма правления (союзное устройство ахеян), — говорит историк, — усвоена была некоторыми пелопоннесцами по собственному почину; многие привлечены были посредством увещания и доводов рассудка; наконец и те, которых ахеяне при удобном случае заставили примкнуть к союзу, весьма скоро нашли для себя удобным вынужденное вначале устройство»***.

Что было бы с Пелопоннесом и Элладою в том случае, если бы Арат согласился уступить Клеомену руководящую роль в Пелопоннесе, мы загадывать не станем. Верно одно, что он не оправдал бы опасений одних и упований других на насильственный раздел имуществ. Плутарх положительно свидетельствует, что возвращение Аргоса от Клеомена в ахейский союз совершилось при участии самого аргивского народа, недовольного тем, что Клеомент вопреки ожиданиям не уничтожил долговых обязательств****. Если бы Арат твердо верил в превосходство союзных учреждений, то он мог бы спокойно рассчитывать на то, что гегемония Клеомена сама собою уступила бы место первоначальному союзному устройству. Потом, ни на чем не основанным кажется нам предположение некоторых новых историков, будто прежние тираны пелопоннесских городов находили себе поддержку в Клеомене. Напротив, тирания давно уже опиралась на македонские гарнизоны и на деньги македонских царей; следо-

---

* *Plut.* Arat. 39. 40; Ср.: Cleom. 17–19.
** *Polib.* XX 6, II 52; *Plut.* Arat. 40; Cleom. 19.
*** *Polib.* II 38.
**** *Plut.* Cleom. 20.

вательно, если в Клеоменову войну бывшие тираны и подняли голову, то случилось это не по вине Клеомена, а благодаря македонской политике Арата. Тогда как Антигон Досон вскоре по прибытии в Пелопоннес, ранее какого-либо решительного дела, отдал приказ восстановить в Аргосе статуи тиранов и низвергнуть изображения освободителей Акрокоринфа от македонского гарнизона, ненависть к тирании составляла одну из постоянных особенностей Спарты. Во всяком случае, для каждого должно быть ясно, что не этоляне и даже не Клеомен были виновниками разложения ахейского союза в эту эпоху. Союзные учреждения ахеян дали Арату возможность управлять судьбами союза в течение многих лет; но в трудные времена у вождя не оказывалось достаточно ни военной доблести, ни возвышенных порывов, способных воодушевлять и увлекать народные массы, ни политического мужества, в столь высокой мере отличавшего Клеомена. Недостаток положительных достоинств и побудил Арата искать союза Антигона. Казни изменивших союзу сикионян, розыски против колебавшихся в своей верности коринфян, конфискация имуществ Клеоменовых сторонников в Аргосе, насильственная смерть бывшего союзного стратега, Аристомаха, — все это были неизбежные последствия колебаний и ошибок самого Арата и союзных властей*. Ошибочным оказался и долго лелеянный Аратом план призвания Антигона в Пелопоннес. Правы были ахеяне, когда долгое время упорно отказывались выдать Антигону Акрокоринф. Чтобы провести эту меру до конца, Арату потребовалась и безответственная власть, и звание самодержавного стратега, и сокращение территории союза, наконец, страх ахеян перед победоносным Клеоменом. Только при таких обстоятельствах собрание ахеян в Эгии (223/222 г. до Р. Х.) бесповоротно решило отдаться Антигону при условии возвращения ему Акрокоринфа и предоставления неограниченно-

---

* Насильственную смерть Аристомаха Полибий (II 59–60) старается оправдать тем преимущественно, что пострадавший был когда-то тираном. Но тираном был и Лидиад мегалополец, что не помешало ему стать впоследствии одним из вернейших и полезнейших граждан союза. Вина Аристомаха сводится к сочувствию Клеомену, каковое разделялось большинством аргивян, когда город отделился от союза и отдался царю Спарты. «Нельзя представить себе чего-либо более жалкого, как оправдание этой гнусности у Полибия, — замечает Дройзен. — Не понимаешь, каким образом историк, обыкновенно весьма рассудительный, впадает в этой книге в столь грубые натяжки из чрезмерной почтительности к Арату». Geschichte d. Hellen. II, 216 — III, 547 trad. fr.

го командования войсками на суше и на море. Ценою свободы и независимости союза куплена была победа над Клеоменом при содействии македонского царя.

Вскоре по вступлении в Пелопоннес Антигон занял положение не равноправного союзника, но господина ахеян. В Аргосе он устроил дела по своему усмотрению и явился на собрание в Эгий, где и были приняты предложенные им условия союза (223/222 г. до Р. Х.). Прежде всего, Антигон провозглашен был главою нового союза, в состав которого наряду с другими эллинскими народами входили и ахеяне; царю отдан был не только кремль коринфский, но и самый город; сношения с прочими государствами ахеяне могли вести впредь не иначе, как с согласия Антигона; расходы по содержанию македонского войска, а равно по устроению игр и иных празднеств, разумеется, в честь могущественного союзника падали на ахеян*. «Так позорно кончилось благородное возбуждение эллинов, — восклицает Дройзен, — которое за тридцать лет до того предвещало, казалось, новую эру Элладе; омерзительно представить себе, что эти некогда свободные народы превозносили властителя, а он, сильный и ясно понимающий, что делает, не трудился даже поморочить их обещаниями свободы, что они дарили ему Коринф, как будто это была ничтожная деревенька, постановляли чествовать его, как божество, торжественными процессиями, играми, жертвоприношениями. И всем этим руководил Арат». По мере военных успехов росла власть Антигона, обнаруживалась зависимость эллинов от царя, и пределы ахейского союза сократились. Коринф и Орхомен получили македонские гарнизоны; Мантинея переименована в Антигонию и подарена Аргосу; Магары остались в беотийском союзе; в завоеванной Спарте восстановлено доклеоменовское устройство, за отсутствием царя — Клеомен бежал в Александрию — превратившееся в чистую олигархию; партия-то олигархов и считала избавление от Клеомена освобождением Спарты; начальником города Гераклидов Антигон назначил беотийца Брахилла. Для наблюдения за интересами македонской династии во всем Пелопоннесе поставлен был некий Таврион; позже, при Филиппе V, такого же положения добивался для себя один из приближенных царя Апелла. Предупредительность Арата к Антигону выразилась и в том еще, что по взятии Аргоса он предложил подарить царю имущества аргивских граждан, передавших было город Клеомену.

---

* *Polyb.* II 54, IV 9; *Plut.* Arat. 45.

Вскоре после битвы при Селласии (июль 221 г. до Р. Х.), живо описанной по Плутарху и Полибию В.Г. Васильевским, Антигон умер, но дело рук его перешло по наследству к юному Филиппу V, сыну Деметрия II. Ахеяне оставались в союзе, образовавшемся при Антигоне и во главе имевшем царя Македонии. В битве при Селласии кроме македонян и наемников участвовали под командою Антигона ахеяне, мегалопольцы, беотяне, эпироты, акарнаны; завоеванная Спарта тоже вошла в новый союз. Все эти народы, по имени свободные союзники Македонии, на самом деле находились в подчинении у македонской династии, потеряли право почина во внешней политике и служили лишь династическим целям македонской политики. Скрепленный клятвою договор между ахейцами, эпиротами, фокидянами, македонянами, беотянами, акарнанами и фессалийцами был в действительности восстановлением македонской гегемонии времен Филиппа и Александра Великого.

Как в конце IV в. до Р. Х., так и теперь носителями преданий независимой и самодовлеющей Эллады оставались одни этоляне, если не считать афинян, которые по освобождении от македонского ига держались в стороне от общего движения эллинов и в своем поведении сообразовались с видами египетской династии. Македонии оставалось сломить сопротивление Этолии, с которою союзническими отношениями связаны были Элида и Мессения в Пелопоннесе, и вся Эллада обратилась бы в подчиненную македонским владыкам страну. Разрешение этой последней задачи, столь удачно начатое Антигоном Досоном при участии Арата и ахейского союза, выпало на долю семнадцатилетнего Филиппа V. Для достижения гегемонии над значительною частью Пелопоннеса и Эллады Антигон воспользовался враждою между Аратом и Клеоменом; дальнейшему упрочению македонского господства помогла давняя ненависть того же Арата к этолянам. Так называемая союзническая, или этолийская, война (220–217 г. до Р. Х.), начавшаяся вскоре за усмирением Спарты, показала воочию, как мало к тому времени эллины, и в частности ахеяне с Аратом во главе, располагали политическою свободою в смысле эллинском. Само собою разумеется, война эта должна была составить последний акт той борьбы македонской династии за гегемонию в Элладе, которая на время была прервана образованием ахейской федерации и окончательному завершению которой долгое время препятствовали этоляне. Царь Македонии не только был военачальником всех союзных сил во время войны; ему принадлежала руководящая роль в самих при-

готовлениях к ней, в наборе войск, в определении контингентов, какие должны были доставить союзники, и пр. Поэтому союзническая война была на самом деле войною Филиппа против этолян, причем эллины, впереди всех ахеяне, были его союзниками, несвободными и покорными. В одном месте Полибий и говорит, что союзническую войну «предпринял в союзе с ахеянами сын Деметрия и отец Персея Филипп». В других случаях он называет ее войною ахеян и Филиппа против этолян*, и лишь опять в одном месте войною эллинов с этолянами. Только первое из этих обозначений должно считать точным. По словам Полибия, не только союзники Филиппа, но и все эллины возлагали упования на мягкость и великодушие царя.

Союзническая война составляет для Полибия исходный пункт всего повествования; историк излагает ее с достаточными подробностями, что дает читателю возможность самому определить подлинный смысл и значение излагаемых событий. Разделяя вражду Арата к этолянам и одобряя наступательные действия Филиппа на этолян, Полибий не замечает того, что все это предприятие ведено было собственно Филиппом, что кончилось оно ослаблением не одних этолян, но и ахеян и эллинов вообще и рядом с этим усилением Македонии и утверждением господства македонских царей в Элладе. Есть основание предполагать, что и предшественник Филиппа, Антигон Досон, заботился о разъединении этолян и ахеян, ибо этим путем устранялась возможность единой эллинской политики**.

Ближайшим поводом к войне послужили нападения этолийских пиратов на мессенян и вторжение этолийского гарнизона из Фигалии в Мессению под начальством Доримаха (221 г. до Р. Х.). В ожидании соизволения Филиппа и прочих союзников на принятие мессенян в македонско-эллинский союз и до формального объявления войны Этолии Арат открыл военные действия против отрядов ненавистных ему этолян, но до прибытия Филиппа в Пелопоннес терпел поражение за поражением. По вступлении в Пелопоннес и до конца войны Филипп распоряжался делами Эллады по своему усмотрению, действовал не как союзник эллинов, но как начальник их. Он письменными требованиями созывает союзников в Коринф для обсуждения предстоящих мероприятий, умиротворяет Спарту и возобновляет дружествен-

---

* *Polib.* I 3, II 37, IV 2. Союзническую войну Плутарх называет этолийскою (Cleom. 34).

** *Droysen.* Указ. соч. III 500 сл. trad. fr.

ный союз с нею, проявляя в этом деле, как выражается наш историк, благородство души. Когда в Коринфе принято было решение начать войну против этолян, Филипп обращается к ним с требованием: или немедленно явиться в союзное собрание и оправдаться от возводимых на них обвинений, или принять войну. Ахеяне в очередном собрании в Эгии утвердили решение коринфского собрания, и, когда явился в Эгий Филипп, они возобновили договор с царем, заключенный Антигоном Досоном. С временным удалением Филиппа в Македонию ахеяне снова терпят неудачи; Спарта переходит на сторону этолян, вторжение которых в Ахаю имеет своим последствием отказ нескольких ахейских городов, Димы, Фар и Тритеи, от взносов в союзную казну. Возвращение Филиппа в Пелопоннес поправило дело ахеян, но царь занял собственным гарнизоном Трифилию для наблюдения за Мессенией и Элидой. После счастливого похода на Ферм (218 г. до Р. Х.) Филипп созывает войска союзников в Тегею, а опоздавшие мессеняне спешат в Лаконику на соединение с Филиппом, дабы не навлечь на себя подозрения в нерадивости. Еще раньше этого царь решил было без ведома союзников привлечь к союзу элейцев, ради чего отпустил без выкупа пленного Амфидама и через него обещал элейцам отпустить и прочих пленников их, если только они согласятся заключить с ним дружественный союз. Однако наиболее поучительно окончание войны. Ближайшим советником его в этом деле был Деметрий из Фароса, по внушению коего Филипп заключил мир с этолянами в Навпакте (217 г. до Р. Х.), чтобы воспользоваться трудным положением Рима, теснимого Ганнибалом и распространить завоевания на запад. «Теперь уже вся Эллада покорна ему, — уверял Деметрий, — будет покорна и впредь: ахеяне по доброй воле из расположения к нему, этоляне из страха. Между тем Италия и переправа к ней будут первым шагом к завоеванию всего мира, каковое приличествует ему больше, чем кому бы то ни было иному»*. При этом достойно внимания, что призыв к единению македонян и эллинов ввиду «надвигающегося с запада облака» вложен историком все-таки в уста этолийца Агелая, а не ахеянина.

Дальнейшая судьба ахейского союза составит предмет особого очерка, в котором мы постараемся выяснить отношения римлян к эллинам до обращения Эллады в ахейскую провинцию и воззрения Полибия на эти отношения.

---

* *Polib.* V 101.

Пока мы обязаны отметить в нашем историке слабость общеэллинских симпатий и патриотического чувства, которое некогда одушевляло героев Эллады в борьбе с мидянами и македонянами. Тот самый Полибий, который радостно приветствует образование ахейского союза и освобождение Пелопоннеса от македонского ига, питает наравне с Аратом чувства непримиримой вражды к Клеомену и этолянам и готов оправдывать политику, которая жертвовала независимостью и неприкосновенностью ахейского союза, в награду за то обещая ослабление или даже уничтожение эллинских государств, неприязненных Ахае. Историк не замечает, что подобная политика только усиливала господство македонской династии, преследовавшей свои цели и не расположенной терпеть независимость и свободу каких бы то ни было эллинских республик, менее всею союзных организаций. Поддержка, оказываемая македонскими владыками одной из борющихся сторон, разрешалась обыкновенно истощением сил обеих и подчинением чужим политическим расчетам. В большей еще мере, нежели Антигон, Филипп был хозяином Пелопоннеса. Если Антигон устраивал Аргос по своему усмотрению и давал Мегалополю в законодатели перипатетика Пританида, то Филипп посадил на должность союзного стратега ахеян угодного ему, ничтожного Эпарата; в народное собрание ахеян царь явился без приглашения, самовольно. Весною 218 г. до Р. Х. Филипп через должностных лиц созывает ахеян в народное собрание, чтобы получить хлеб и деньги для войска. Правда, он дарит ахеянам Псофид и потом Орхомен.

Но Полибий, подобно большинству своих просвещенных современников, поддавался обаянию силы и склонен был признать не только неизбежность, но и справедливость совершившегося факта. С другой стороны, он не возвышался над большинством современников и в том отношении, что оценивал события с точки зрения временных, ближайших выгод собственной политической общины или союза общин; ему чуждо было такое понимание совершающихся или в недалеком прошлом совершившихся событий, которое обличало бы всю суетность надежд, возлагаемых на «мягкость и великодушие» македонского владыки, на «честность его помыслов», и потому деспотическое обращение ничем не сдерживаемого Филиппа с обессилевшей Элладой представлялось ему случайным последствием перемены в характере царя, перемены, происшедшей будто бы от того, что царь вышел из-под благотворного влияния Арата. Но никто больше самого Арата не помогал водворению Антигона Досона в Пело-

поннесе, никто больше его не содействовал упрочению владычества Филиппа над Элладою. Немезида жестоко покарала Арата за близорукость: он умер насильственною смертью, будучи отравлен по распоряжению Филиппа. «Так-то награжден я за дружбу к Филиппу», — говорил Арат, умирая от яда. Полибий укоряет Демосфена за его излишний афинский патриотизм, потому что Демосфен осуждал допущение Филиппа и Александра в Пелопоннес; сам он сочувствует вмешательству македонских царей в дела Пелопоннеса, потому что оно обращено было против Спарты на пользу близких и дорогих для нашего историка мегалопольцев и прочих аркадян. Но македонское вмешательство должно было кончиться и кончилось на самом деле расторжением союзных организаций в этом самом Пелопоннесе, насаждением тиранов в городах и помещением чужеземных гарнизонов, расторжением тех отношений, беспощадная борьба с которыми стяжала наибольшую славу любимцу Полибия — Арату. При более внимательном отношении нетрудно заметить постоянную связь, в какой находились рост ахейского союза и ослабление Македонии. Союз ахеян возродился, когда македонская династия занята была войнами с галлами и ослаблена домашними смутами; второй период развития федерации открылся смертью Деметрия II, в котором эллинские тираны потеряли своего кормильца и опору. Конец македонской гегемонии в Пелопоннесе, водворившейся при Антигоне Досоне, ознаменовался после 198 и 196 гг. до Р. Х. быстрым расширением ахейского союза; но теперь на месте македонских царей был римский сенат.

Как с македонской гегемонией, так еще скорее примирился историк с римским завоеванием. Непосредственное чувство эллинского патриотизма и свободы было более живуче в массах пелопоннесцев и в грубых этолянах. Клеомен вернее, нежели Арат, воплощал в себе эллинские предания, и в союзническую войну восторжествовавшая в Спарте народная, или клеоменовская, партия поспешила заключить союз с этолянами. Опору македонскому влиянию Антигон Досон нашел в спартанской олигархии. Впоследствии в борьбе с Римом упорное сопротивление завоевателю оказывали народные партии в городах и союзах, а беспощадность римлян по отношению к этолянам обусловливалась неуступчивостью их и всегдашнею готовностью встать самим против завоевателя и соединить около себя прочих эллинов во имя независимости родной земли. Рассудительное меньшинство, к коему принадлежал и Полибий, видело спасение Эллады единственно в примирении с совершившимся

фактом и, стараясь подыскать оправдание для своего поведения в воображаемых несравненных достоинствах как самого победителя, так и его учреждений, поставляло в заслугу себе заботу о возможных улучшениях в положении завоеванной Эллады. Народные массы, напротив, увлекаемые до самозабвения любовью к родине, готовы были погибнуть в непосильной борьбе за свободу. Предоставленные самим себе, разъединенные предшествующей историей и социально-экономическими распрями, они не находили ни целесообразных орудий борьбы, ни таких форм общежития, которые сплотили бы всех или по крайности значительное большинство эллинов в единую политическую и военную силу. Не более дальновидны и изобретательны были и их вожди; более благоразумные из них, сознавая бесплодность сопротивления и не теряя самообладания, предпочитали приспособляться к новому порядку вещей и тем спасти хоть что-нибудь от разрушения и гибели. Личности, к концу ахейской войны выдвинутые на поверхность движения только тем, что не останавливались ни перед какими средствами, лишь бы дать исход народному возбуждению, не обладали ни политическими, ни военными дарованиями, и люди благомыслящие, как Полибий, например, почитали деятельность их более пагубною для Эллады, чем самое завоевание. Во всяком случае, на первых порах завоевание приносило с собою некоторое умиротворение, и потому нельзя не верить Полибию, что по разрушении Коринфа и водворении римского господства у всех на устах была поговорка: «Если б не скорая гибель, мы пропали бы». Примирение совершалось тем легче, что роковой конец борьбы с Римом более проницательные из эллинов давно предвидели. Так, Филопемен с уверенностью говорил: «Настанет некогда пора, и эллины вынуждены будут исполнять все по приказу».

В заключение настоящего очерка нам остается изложить существенные черты союзной организации ахеян.

К сожалению, для характеристики взаимных отношений между центральной властью союза и отдельными членами его мы не располагаем документом, равносильным по значению надписи Уссинга, которая проливает свет на союзное устройство этолян. Однако и здесь эпиграфические свидетельства, особенно орхоменская надпись, объясненная Фукаром и Диттенбергером, значительно восполняют литературные известия. Сверх того, показания историков об ахейской федерации гораздо обильнее и яснее, нежели об этолийской, а это помогает раскрыть подлинную связь и смысл некоторых исторических явле-

ний, односторонне освещенных историком, который или сам был участником событий, или черпал свои сведения из не беспристрастных источников.

Когда Фюстель-де-Куланж или Фримен противополагают ахейскую федерацию этолийской, как союз равноправных членов на одной стороне, произвол и господство на другой, то нельзя не видеть в таком заключении новых историков зависимости от суждений главного свидетеля, Полибия. Равенство, свобода, истинное народоправство, в основе коих лежало благородство ахеян и милосердие, были, по выражению Полибия, причиною и источником объединения и благополучия пелопоннесцев в ахейской организации. Во всех своих предприятиях ахеяне преследовали только благо союзников, свободу отдельных государств, объединение пелопоннесцев; в этом они видели высшею награду за все труды, какие поднимали на себя. Для полноты единства Пелопоннеса в ахейском союзе недоставало, по мнению нашего историка, только общих стен, которые и внешним образом превратили бы всех пелопоннесцев в равноправных граждан единой общины: «во всем остальном существовали единообразие и сходство в отдельных городах и в целом союзе; все пелопоннесцы имеют одни и те же законы, пользуются общими мерами, весом и монетою, имеют общих должностных лиц, членов совета и судей». Когда Филипп и союзники собирались идти войною на этолян, они обязывались помогать друг другу в борьбе с этолянами за возвращение отнятого у каждого из них, восстановить исконные учреждения у всех, кто по принуждению вошел в этолийский союз, «дабы они владели своими полями и городами, избавлены были от гарнизонов и от дани, жили независимо по исконным законам и установлениям»*. Самая публичность и торжественность подобных заявлений способна укрепить в читателе ту мысль, будто союзное устройство этолян держалось единственно на терроре, насилии и вымогательствах, будто ахеяне во всем своем поведении держались начал, не имевших ничего общего с порядками этолийского союза.

Раньше мы собрали свидетельства надписей и историков, далеко не отвечающие тем краскам, в каких представляются этоляне Полибию и Ливию. С другой стороны, из истории ахейского союза мы уже знаем некоторые факты, разрушающие идиллическую картину взаимных отношений ахейских союзников. В меньшем еще согласии с нею находятся позднейшие со-

---

* *Polib.* IV 25.

бытия в ахейском союзе из времени Филопемена и следовавше-го за ним, т. е. из того времени, когда наконец ахейский союз вмещал в себе весь Пелопоннес. Этот период ознаменовался же-стокостями против Спарты и Мессены; оба города предпочита-ли зависимость от Рима принадлежности к союзу ахеян. Внут-ри союз раздирали междоусобные распри*. В действительности ни ахеяне, т. е. союзные власти ахеян, ни отношения к ним со-юзных общин не представляли собою чего-либо исключитель-ного или совершенного по сравнению с порядками в других по-литиях. Преимущество ахеян, как и этолян, состояло в приме-нении к общежитию федеративных начал, которые при налич-ности других условий способны были бы объединить Элладу и спасти от завоевания.

Единство политической организации выражалось прежде всего в том, что все граждане союзных общин носили имя ахе-ян, происходили ли они из городов собственно ахейских, или вошедших в союз в разное время. Так, в афинской надписи, от-носящейся ко времени после вступления в союз Мессении (191 г. до Р. Х.) и объясненной Рангави, упоминаются в числе победи-телей на афинском празднестве Менандр, сын Мениппа, *ахеец* из Аргоса, Никомах, сын Леонида, *ахеец* из Мессены, и в трех местах начертано было женское имя *аргивянки из Ахаи*. В орхо-менской надписи не раз повторяется, что орхоменцы стали ахе-янами**. Согласно с этим монеты союзных городов имеют после имени города, чеканившего монету, имя ахеян: коринфян ахеян (или ахейских), сикионян ахеян, элейцев ахеян, тегеян ахеян и пр. На лицевой стороне монет изображен Зевс, патрон ахейско-го союза, на оборотной — другое союзное божество, панахейс-кая Деметра***. Плутарх свидетельствует, что со вступлением Сикиона в союз граждане его стали именоваться ахеянами; то же самое о всех ахейских союзниках передает Полибий****. Как свидетельства надписей, так и начертания на монетах показы-вают, что союзные общины владели, так сказать, двойным пра-вом гражданства: местного и общесоюзного ахейского. Можно думать, что принадлежность к союзной организации ослабляла

---

* *Hertzberg*, Gesch. Griechenl. I. S. 149, 213.

** *Rangabé*. Antiqu. hellen. II. n 962. c. 674; *Dittenberger*. Sylloge n 178.

*** Mionnet description de medailles antiques grecques et romaines. Paris, 1807. II. P. 161; *Weil. R.* Berl. Zeitschrift f. Numismat. IX, 106; Dictionn. des antiquites p. Daremberg et Saglio. Achaicum foedus.

**** *Plut.* Arat. 9; *Polib.* II 38.

местную исключительность, свойственную древнеэллинским общинам. Вероятно, звание ахейского гражданства облегчало натурализацию в отдельных союзных общинах; по крайней мере относительно Арата, сикионца по происхождению, мы знаем, что в Коринфе он имел дом, а в Аргосе был выбран местным стратегом. За отсутствием других аналогичных примеров мы должны, впрочем, считать положение Арата в Коринфе и Аргосе исключительным как последствие дарования ему этими городами гражданства за оказанные услуги. В одной из ахейских надписей мы имеем довольно длинный список лиц, которым ахейский город дарует права гражданства во внимание к особым заслугам каждого, а в другой надписи, плохо сохранившейся, определяются и условия получения такового права*.

В чем состояло единство мер и весов в ахейском союзе, мы не знаем за отсутствием каких-либо об этом сведений.

Орхоменская надпись, содержащая в себе не самый акт включения Орхомена в союз, но состоявшееся вслед за сим соглашение по устроению некоторых дел в новом союзном городе, именовывает союзные божества, которые должны быть призываемы в свидетели одинаково обеими сторонами, подлежащими властями ахеян и орхоменян. Следовательно, политическое единство союза выражалось в признании общесоюзных божеств: «Зевса Амария, Афины Амарии, Афродиты и всех божеств».

Общим именем и культом соединенные между собою политические общины составляли один народ. Официальное обозначение его было «союз ахеян» то τὸ κοινον τῶν Αχαιῶν, или «ахеяне» οἱ Αχαιοί, удостоверенное и надписями, и теми особенно местами в сочинениях историков, которые имеют вид извлечений из документов. Как мы сказали выше, древнейшее документальное упоминание об ахейском союзе относится к 266/265 г. до Р. Х.** Наряду с официальным термином употребительны были и другие названия, отвечавшие понятию единого народа или тесного союза общин: народ ахеян, государство ахеян, общее государство, общее союзное государство, составное государство ахеян и пр. Постановления народного союзного собрания были равно обязательны для всех членов союза и вопреки ошибочному уверению Дюбуа не нуждались в утверждении собраниями

---

* *Martha.* Bulletin de corresp. hellén. 1878. II. p. 40–44. 94–96; *Dubois.* Les ligues. 230. 233; *Plut.* Arat. 41. 44.

** CIA II n 332; CIG n 1542; *Dittenberger.* Sylloge n 178. 227; *Polib.* II 70, IV 60, VIII 14, XXVIII 7; *Diod.* XXIX 17; *Plut.* Philop. 8.

отдельных общин. Заключения французского ученого построены на недоразумении. В привлекаемом им месте Полибия речь идет не о членах ахейской федерации, но о тех союзниках ахеян и Филиппа, с которыми они поднимали союзническую войну на этолян*. Одно подобное свидетельство способно было бы разрушить представление об единстве ахейского народа; но такого свидетельства нет.

Однако усвоение общего имени и общих божеств вовсе не означало отречения союзной общины от присущих ей особенностей политического устройства и от внутренней политической самобытности, как можно бы заключить из слов Полибия, будто в ахейском союзе все пелопоннесцы имели одни и те же законы, одних и тех же должностных лиц, советников и судей, так что, по его словам, оставалось только обвести Пелопоннес общими стенами и получилась бы единая политическая община. Не утрачивая отдельного имени, не отказываясь от местных божеств, от права чеканить монету, союзные общины сохраняли и свои особые законы, и способ управления, и своих должностных лиц; из местных прав и учреждений устранялось лишь то, что было несовместимо с принадлежностью к общей организации. Отмена Ликурговых законов в Спарте и подчинение ее ахейским учреждениям в 189 г. до Р. Х. были исключительною мерою Филопемена по отношению к беспокойному союзнику. Да и сам Полибий в другом месте выражается о предмете с большею точностью, говоря, что первоначальною задачею союза было удалить македонян из Пелопоннеса, упразднить тирании и утвердить в каждом отдельном городе унаследованные от предков вольности и общую свободу союза; все, к чему стремились ахеяне в сношениях с другими народами, было — свобода граждан в отдельных общинах и единение пелопоннесцев**. Таким образом, относительное многообразие политических учреждений не исчезало с образованием ахейской федерации; оно вмещалось в союзную организацию, объединявшую в известных пределах всех союзных общин. По возобновлении Мегалополя, разрушенного Клеоменом, город устраивается по законам некоего Пританида, поставленного для этой цели Антигоном (222/221 г. до Р. Х.)***. В отдельных городах союза были свои народные собрания, свои думы и председатели их, свои должностные лица, обозначаемые

---

* *Dubois*. Les ligue. 132.
** *Polib*. II 43. 42.
*** *Polib*. V 93.

различными терминами: полемархи в Кинефе, стратег в Аргосе, архонты в Сикионе, Орхомене и других городах, дамиорги в Диме и Эгии и пр. Особенно интересна в этом отношении димская надпись, кажется, III в. до Р. Х., в которой упоминаются рядом феокол, буларх, предстатель, секретарь, демосиофилаки*. Местные учреждения и чины, как видно из тех же свидетельств, служили посредствующими органами между общиною и союзными властями. Вот почему никак нельзя согласиться с толкованием показания Полибия о единстве законов и пр., предлагаемым В.Г. Васильевским, будто под ним разумеется «одинаковое устройство исполнительной, судебной и совещательной власти во всех политиях».

Политическая самостоятельность отдельных общин простиралась до того, что самое право сношений их с иноземными государствами было только ограничено, но не упразднено. Из начальной истории ахейского союза нам известно участие одних патрян в войне этолян против галлов (278/277 г. до Р. Х.), хотя к тому времени возобновлен уже был союз ахейских поселений: Патр, Димы, Тритеи, Фар. Красноречивый пример подобных отношений сохранил Полибий в рассказе о мегалопольцах в Клеоменову войну. Из страха перед Спартою мегалопольцы решились искать помощи у Антигона, для чего и выбрали послов; эти последние, заручившись согласием ахейского собрания, отправились в Македонию. По возвращении оттуда они доложили ахейским властям, что Антигон готов помочь Мегалополю, если последует на то соизволение ахеян (226 г. до Р. Х.). Правом Мегалополя вести сношения с иноземным государем искусно воспользовался Арат для прикрытия подлинных своих намерений и планов перед ахеянами, разоблачаемых Полибием**. Когда в 184 г. до Р. Х. ахеяне постановили обратиться за разрешением спора со Спартою в римский сенат, куда и явились два посольства, одно от ахейского союза, другое от Спарты, то, по свидетельству Полибия, ахеяне возмущены были более всего тем, что в числе спартанских послов находились те самые личности, Арей и Алкивиад, которых незадолго перед тем Филопемен возвратил в Спарту. Если Полибий ничего не говорит против самого факта спартанского посоль-

---

* *Dittenberger.* Sylloge. n 316. 178. 242; *Cauer.* Delectus 2 n 232; *Polib.* IV 18, V 27, X 21, XVI 36, XXXVIII 9; *Liv.* XXXII 19.

** *Polib.* II 47–49; *Pausan.* VII 18, X 22.

ства, то, очевидно, потому, что обе стороны заранее согласились решить спорное дело при участии Рима*. Действительно, когда в 150–148 гг. до Р. Х. возникли снова споры между Спартою и союзом из-за Белмины, то Ликорт жаловался больше всего на то, что Спарта отправляла посольство в Рим, без ведома, конечно, союзных властей; когда затем спорящие стороны не могли согласиться ни с чем и спартанцы объявили, что перенесут дело в римский сенат, стратег ахеян решительно напомнил закон, возбраняющий союзным государствам отправлять посольства в чужие земли без соизволения ахейского собрания. Лишь в смутные, исключительные времена союзные общины могли уклоняться безнаказанно от этого правила. В деле выхода из союза также необходимо было согласие союзного собрания; таким образом вышел из союза город Мегары. Все остальные случаи приравнивались к восстанию или измене и навлекали на виновных тяжкие наказания: Мантинея, Спарта, Мессена жестоко платились за отпадение от союза. Точно так же лишь в исключительных случаях та или другая союзная община могла уклониться от участия в голосовании, если представители ее предвидели решение собрания, несогласное с их интересами и настроением. Так, в 198 г. до Р. Х., когда в бурном собрании в Сикионе должно было состояться решение в пользу союза ахеян с Римом против Филиппа, представители Димы, Мегалополя и Аргоса, желавшие оставаться верными македонскому царю, удалились из собрания до голосования. Кажется, гораздо свободнее были союзные общины в содержании собственных наемных отрядов для защиты своей территории, если союзные власти почему-либо отказывались подать своевременную и достаточную помощь общине. Полибий порицает фарян, димеян и тритеян не за то, что они на собственные средства набрали наемников для защиты своих городов от этолян, но за то только, что по взаимному уговору отказались от взносов в союзную казну.

Разумеется, в самих отношениях отдельных общин к союзной власти не было безусловного единообразия. Каких-либо общих норм, заранее определявших эти отношения, в союзе не было. В каждом данном случае они определялись договором между представителями присоединяемой общины и союзными властями и находились в зависимости от всей совокупности усло-

---

* *Polib.* XXII 15; *Liv.* XXXIX 33. 35–37; *Pausan.* VII 9 3.

вий, при которых совершалось вступление нового члена в союз*. Между крайними положениями городов насильственно присоединенного или — еще более — насильственно возвращенного в союз и добровольно вошедшего в него существовал длинный ряд переходных ступеней, так что и с этой стороны неточно уподобление ахейского союза, когда он обнимал весь Пелопоннес и заключал в себе более пятидесяти политических общин, единому городу, только без общей стены**. В одних городах союзные власти находили нужным поставить гарнизон, как было в Мантинее, в других начальником местной стражи назначалось лицо от союза, как например в Пеллене и Кинефе, в третьих отводились участки земли и иная недвижимость ахейским колонистам или расположенным к союзу туземцам, как в Мантинее и Орхомене, и т. д.*** Вообще раз допускалось расширение союза силою оружия или тайных соглашений с одною из борющихся партий, необходимыми становились разного рода меры, более или менее насильственные, для обеспечения верности союзников. В этом способе действий не было разницы между союзами этолийским и ахейским; поэтому и жалобы союзников Филиппа на этолян за то, что они присоединили некоторые общины силою и содержат в них свои гарнизоны, не могли быть признаны основательными с ахейской точки зрения. Союзные власти не останавливались перед вторжением во внутреннюю жизнь общины в видах возможно более тесного и прочного соединения ее с союзом. Так, по предложению Арата, бесправные обыватели Мантинеи, метеки, получили право гражданства; союзным постановлением ахеян возбранялось новым собственникам в Орхомене отчуждать свои имущества в течение двадцати лет со времени вступления Орхомена в союз; в Спарту возвращены были изгнанники Филопеменом.

Принудительные меры по отношению к союзным общинам определялись в каждом отдельном случае совокупностью наличных обстоятельств как в самой общине, так и в целом союзе. Союзная власть дважды регулировала отношения в Мегалополе

---

* То обстоятельство, что первоначальное образование ахейского союза из четырех поселений не было ознаменовано договором, начертанным на столбе, Полибий отмечает как исключение. *Polib* II 41. Ср.: XXIII 17 18, XXIV 10, 11.

** О числе поименованных на монетах союзных общин см.: *Dubois*. Les ligues. 178; *Weil*. Berliner Zeitschrift f. Numismatik. IX. 1882, S. 206.

*** *Polib*. II 58. IV 18. V 93; *Plut*. Arat. 39; Cleom. 17; *Dittenberger*. Sylloge. n 178.

мирными средствами; временное помещение в общине союзного гарнизона или военачальника составляло едва ли не самую употребительную форму наблюдения за верностью союзников. В редких случаях настроение граждан союзного города отличалось единодушием, поэтому союзные власти заботились об охране и усилении своих сторонников, сдерживали или карали противников. Отмена Ликургова законодательства в Спарте по предложению Филопемена в 189 г. до Р. Х. была и наказанием олигархов за отпадения от союза, и вместе с тем казалась действительнейшим средством к более тесному и прочному слиянию города с союзной организацией. В трудных обстоятельствах союзная власть прибегала к сокращению территории союзного города путем возведения принадлежавших ему поселков на степень самостоятельных, равноправных с прочими членов союза. Этим, с одной стороны, уменьшалась опасность сепаративных стремлений в главном городе, с другой — умножались и укреплялись связи внутри союза: новообразовавшиеся самостоятельные мелкие общины, приравнивавшиеся в политическом отношении к Сикиону, Коринфу, Мегалополю, становились тем самым на страже целости союза. Достойно внимания, что эта последняя мера применялась в ахейском союзе в позднейшем периоде истории. Так, около 192 г. до Р. Х. входившие в состав мегалопольской общины поселения Агея, Асея, Алифира, Паллантий, Фейсоя, Дипея, Гортина и др. усилиями Филопемена возведены были на степень самостоятельных членов союза, о чем кроме показания Полибия и Плутарха свидетельствуют монеты с именами этих городов. К тому же времени следует отнести отделение Элисфасии от Мантинеи, или Антигонии, и вступление ее в союз на положении самостоятельной общины. Преемник Филопемена и продолжатель его политики Ликорт провел такую же меру относительно Мессены по усмирении восстания, жертвою которого пал «последний эллин»: Абия, Фурия, Фары вошли в союз под своими особыми именами (183 г. до Р. Х.). В подчинении у Мессены был городок Корона, а существование монет с ее именем указывает на независимое положение ее в союзе, каковое заняла Корона, вероятнее всего, тогда же, при вторичном вступлении Мессены в союз. Дробление старых политий на их составные части и зачисление сих последних в ряды полноправных членов союза свидетельствует о развитии местной политической жизни под охраною общесоюзных учреждений. Подобный процесс, засвидетельствованный надписью Уссинга, совершался и в этолийской федерации; впрочем, многочисленность

старейшин, или апоклетов? сама по себе указывает на чрезвычайную дробность членов этолийского союза. Силою обстоятельств вожди ахеян вынуждаемы были дробить входившие в союз общины и низводить их до пределов первоначальных политических самостоятельных поселений, как было и в союзе этолян. Значение союзной организации поднималось вследствие того, что уменьшалась сила сопротивления в отдельных политиях. Жители Фейсои или Асеи, или мессенских Фар переставали быть гражданами Мегалополя или Мессены, наряду с гражданством ахейским получая самостоятельное политическое устройство; здесь вовсе не было освобождения поселений из-под власти больших городов, как то полагали Титман, Дройзен, за ними Фримен, В.Г. Васильевский или Дюбуа*.

Вообще необходимо отличать способы присоединения к союзу и меры к сохранению целости союза от союзных учреждений, действовавших постоянно и одинаково распространявшихся на всех членов организации. Допускать существование в союзе каких-то градаций в пользовании правами союзного ахейского гражданства, как это делает Дюбуа вслед за Банером, не позволяют категорические выражения Полибия, что в ахейском союзе не было никакого перевеса одних общин над другими, что всякий вновь примыкающий город вступал на совершенно равных правах с прежними, что в устройстве ахеян осуществлены были полнее, чем в каком-либо ином, равенство, свобода и истинное народоправство. Только в этом смысле и мог сказать историк, что пелопоннесцы имели общих должностных лиц, членов совета и судей, безо всякого отношения к тому, по собственному ли почину присоединялся город к союзу, силою ли увещаний и доводов, или вступал в него по принуждению, т. е. путем завоевания.

В силу принадлежности к союзу общины обязаны были делать взносы (εισφοραι) в союзную казну, размер коих определялся для каждой общины союзным собранием. Отказ от этих взносов почитался равносильным отпадению от союза, как видно из

---

* *Freeman.* Feder. governm. P. 256; *Васильевский.* Полит. реформа. С. 218. Возражения Фишера (Kl. Schrift. I. S. 379, 568) и Вейнерта (Achäische Bundesverfassung. S. 15). Дюбуа (Les ligues. P. 177, 179) превратно толкует эту меру ахейского союза, забывая, что положение мегалопольских или мессенских поселков, было совершенно такое же, как положение демов в Аттике: житель каждого дема был гражданином, а не подданным или подчиненным афинской республики.

пространных рассуждений Полибия о поведении Димы, Фар и Тритеи в союзническую войну. Точно такие же взносы существовали и в этолийском союзе, как видно из надписи Уссинга. Следовательно, и в этом отношении ахеяне не представляли собою чего-то противоположного по союзному устройству этолянам. Правда, историк наш по поводу жалоб союзников на притеснения этолян употребляет для этих взносов другое выражение (фо́рos), но нельзя не видеть, что это были те самые взносы, о каких говорится в надписи Уссинга*. В исключительных случаях в виде особой льготы союзная община могла быть освобождена на определенное время от обязательных взносов, как было с Мессенией в 182 г. до Р. Х. по возвращении ее в союз.

Другим обязательством общин было поставлять определяемые ахейским собранием контингенты в союзную армию, численность коей в 43 тысячи человек не представляла для союза чего-либо необыкновенного. Сверх собственной милиции ахеяне располагали наемным войском, набор и содержание коего подлежали также ведению союзного собрания и производились на средства союзной казны. Ближайшим исполнителем постановлений собрания был стратег.

Ограничения в правах общинной верховности и некоторые обязательства по отношению к союзу должны были возмещаться равною для всех союзников долею участия в заведовании общими делами союза. Частью непосредственно, частью при посредстве выборных должностных лиц вся совокупность граждан союзных политий под единственным условием достижения тридцатилетнего возраста была носительницею верховных прав союза. Местные учреждения и власти отдельных общин, гражданские и военные, или полновластно ведали местными делами своей общины, или служили посредствующими органами между союзными властями и населением отдельных общин**.

---

* *Cauer.* Delectus 2 n 239. *Polib.* IV 2; *Vischer.* Kl. Schrift. I. S. 378 примеч. 3.

** Polib. XXIX 24. Ср.: *Polib* IV 9, XXXIX 8. Выяснению организации ахейского союза посвящена 5-я глава сочинения В.Г. Васильевского (Полит. реформа...). Краткие сведения о ней содержатся в «Очерке греч. древностей» В. Латышева на страницах 328–336. Из иностранных сочинений кроме Шорна, Шёмана, Фримена, Фишера и Дюбуа заслуживают внимания *Wahner.* De Achaeorum foederis origine atque institutis. Berlin et Glogau, 1854; *Weinert.* Die achaische Bundesverfassung. I. Demmin., 1881. В виде конспекта относящиеся сюда сведения изложены у Гильберта (Handbuch d. gr. Staatsalterthümer. II. 1885. S. 110–123.

Не входя здесь в подробности союзного управления ахеян, несколько более известного, нежели учреждения этолийской федерации, к тому же в обстоятельном критическом изложении выходящего за пределы настоящего очерка, мы постараемся отметить лишь те особенности организации, которые способны объяснить нам частые случаи отпадения от союза, слабость почина в ахейском гражданстве, наконец, не всегда согласное с интересами союза единоличное влияние должностных лиц. Этим самым, быть может, мы подойдем ближе к органическим причинам неудачи последнего в эллинской истории опыта объединения автономных общин. Падение Эллады Полибий и другие историки объясняют обыкновенно испорченностью нравов, тлетворным влиянием демагогов, обращавших в свою пользу социально-экономические распри, с одной стороны, коварством и жестокосердием римского сената — с другой. Не отрицая действия этих причин, мы полагаем, что и самая организация ахейского союза не совмещала в себе достаточно условий для разрешения поставленной задачи. К сожалению, ни главный свидетель наш, Полибий, ни последующие историки при разъяснении судеб отдельных общин или союзов не придавали особенностям политического строя настолько важности, чтобы излагать их с необходимою обстоятельностью. Относящиеся к предмету известия их крайне скудны, отрывочны, более или менее случайны и, подавая повод к разноречивым толкованиям, не поддаются сведению к определенным началам и в цельную систему.

Политическая сила ахейской федерации заключалась не в собственных поселениях, но в других городах Пелопоннеса, в разное время вошедших в союз, каковы: Сикион, Коринф, Аргос, Мегалополь, потом Спарта и Мессена. Ко времени Полибия в Пелопоннесе, особенно в больших городах, решительное преобладание получили демократические формы правления, более других отвечавшие подъему народных масс, возраставшему влиянию их на тогдашнюю политику республик. Как в Клеоменову войну сочувственное отношение низших классов к царю Спарты направило вождя ахейского союза в сторону Македонии и ее владык, так и на закате дней свободной Эллады решающий голос здесь принадлежал тем же народным массам. Эти последние были вернейшими хранительницами преданий независимой Эллады и обнаруживали одинаковую неохоту подчиняться македонским владыкам или покорно исполнять требования римского сената. Противники римской политики удостаивались от

народа в союзных общинах высших почестей*. Поэтому, когда Филопемен, последний достойный герой свободной Эллады, возымел решимость избавить ахейский союз от иноземной гегемонии, македонской ли то, или римской, он рассчитывал достигнуть цели такими изменениями в организации союза и в положении различных классов населения, которые усиливали бы значение народных масс и прямое участие их в делах союза. Богатые классы ахеян он подчинил общей строгой дисциплине; мелким поселениям, входившим в состав Мегалополя, он дал самостоятельное политическое существование, введши, таким образом, в состав союза на место одной, мегалопольской, общины одиннадцать малых республик, равноправных с Мегалополем; то же сделано было ближайшими преемниками его в Мессении. В том же направлении должна была действовать мера, уравнивавшая все города союза в отношении участия ахейских граждан в общесоюзных собраниях. Впредь очередные собрания ахеян должны были происходить не в одном Эгии, но поочередно во всех городах союза без различия величины их и местоположения. Он же упразднил оплот олигархии в Пелопоннесе, Ликургово устройство Спарты**. В 180 г. до Р. Х. предатель Эллады Калликрат советовал римскому сенату, как действительнейшее средство к водворению господства над Элладою, отнять силу у вождей народной партии, преследовавшей неприязненную Риму политику. Когда предательское поведение Калликрата было разоблачено, негодование народных масс против изменника не знало пределов. По возвращении в 150 г. до Р. Х. ахейских патриотов, без вины более пятнадцати лет томившихся в Италии, из среды народной партии вышли беспощаднейшие враги Рима: Дамократ, Критолай, Диэй, но мера политических и военных дарований их не отвечала ни потребностям времени, ни степени ненависти их к внешнему врагу.

Понятно, что при таком настроении и значении народных масс в Пелопоннесе союзная организация ахеян должна была бы располагать такими учреждениями, которые, направляя силы союзников к общим определенным целям, в то же время согласовались бы с привычками деятельной политической жизни отдельных общин. Это было необходимым условием прочного, продолжительного успеха всей организации, того единодушия и воодушевления, благодаря которым нередко отдельные даже

---

* *Polib.* XXIV 11.

** *Plut.* Philopoem. 7. 9. 13. 18; *Polib.* XXIII 17; *Liv.* XXXVIII 30. 34.

общины эллинов выходили победоносно из самых трудных обстоятельств.

По смыслу ахейской организации верховная власть в союзе принадлежала всей совокупности ахейских граждан, достигших тридцатилетнего возраста; органом этой власти были общенародные собрания ахеян, очередные и чрезвычайные. Вопросы о войне и мире, о заключении союза, о принятии новых членов в союз, устроение отдельных общин в их отношениях к союзным властям, сношения с иноземными государствами через посольства, выборы союзных должностных лиц, проверка служебной деятельности их и т. д. и т. п., — словом, все дела, касающиеся целого союза, подлежали ведению ахейского народа, свои верховные права осуществлявшего непосредственно, постановлениями в народном собрании, или при посредстве должностных лиц, избираемых в тех же собраниях. Сам Антигон Досон после первых успехов в войне с Клеоменом явился на осеннее собрание ахеян в Эгий, дал здесь отчет в своих действиях и тогда же выбран был в вожди всех союзников (222 г. до Р. Х.). После несчастной битвы при Кафиях в 219 г. ахейский народ явился в установленное законом собрание и здесь привлек к ответу стратега своего Арата. Из рассказа Полибия явствует, что судьба стратега была в руках «толпы ахеян», падение его или превознесение зависело вполне от настроения массы собравшихся ахеян: перед ними он защищается, обвинения их покорно выслушивает, от них же получает признание заслуг и высокое положение в союзе. В 218 г. до Р. Х. Филипп V, нуждаясь в съестных припасах и в деньгах для войска, созвал ахеян в собрание через должностных лиц; что под ахеянами разумеется масса населения, показывает употребленный Полибием термин, «толпа» (τὸ πλῆθος). Подробно описано у историка то собрание ахеян, на котором мегалопольцы по внушению Арата выступили с предложением призвать Антигона на помощь. Народ (τὸ πλῆθος) охотно выслушивает их и соглашается. Под предлогом недовольства народной массой Арат отказывается от должности стратега. Когда в 146 г. до Р. Х. стратег Критолай предложил уничтожение долговых обязательств и безнаказанность должников, народ (τὸ πλῆθος) поддержал его, и этого было достаточно, чтобы предложение прошло в собрании. В 153 г. до Р. Х. Аристен обвинял перед собранием ахеян стратега Филопемена и посольство Ликорта в Александрию в небрежности, и заключенный с Птоломеем дружественный договор был по решению ахеян объявлен недействительным; вместо того заключен союз с Селевком. Ахейские

послы являлись от народа ахеян; к народу же ахеян отправлялись иноземные посольства. В союзе ахейском, ясно, верховная власть принадлежит народу в том виде и в том количестве, в каком он присутствует в очередном собрании или в чрезвычайном, созванном с соблюдением установленных формальностей. Вот почему народ, толпа, большинство, ахеяне, союз ахеян являются у Полибия и других писателей равнозначащими терминами. В 152 г. до Р. Х. народ решает вопрос в пользу союза с родосцами. Когда римский посол Юлий Секст в 146 г. до Р. Х. требовал у Критолая допущения в народное собрание, стратег отвечал, что не вправе сделать что-либо без постановления народа; тот же ответ в более точной форме сохранен Павсанием, причем слово «толпа», «большинство» οἱ πολλοί заменено словами «союз ахеян» τὸ κοινὸν τῶν Ἀχαιῶν. По словам Калликрата, враги римского сената в Ахае сильны сочувствием народных масс (οἱ πολλοι). Наконец Полибий сообщает нам текст закона, свидетельствующий неоспоримо, что народ, созванный стратегом, решает вопрос о войне или мире, о союзах, постановляет ответы на письменные требования римского сената*. Достаточно застращать или обмануть народ или его доверенных вождей, чтобы политика ахейского союза получила направление, выгодное его врагам**.

Мы остановились на этой стороне ахейской организации не только ввиду важности предмета, но и потому еще, что в последнее время сделана попытка доказать, во-первых, представительный характер союзных собраний ахеян, во-вторых, перенести решающую роль в делах союза с общенародных собраний на сенат, или думу ахеян, которая будто бы была не чем иным, как палатою депутатов от союзных общин (chambre représentative)***. По смыслу ахейской конституции верховное направление всей политики союза определялось народными собраниями с прямым, а не представительным участием каждого ахейского гражданина начиная с тридцатилетнего возраста. То же собрание является в роли верховного судилища; оно назначает судей и произносит окончательный приговбр. Так по крайней мере можно заключать из рассказа Полибия о суде ахеян над Сосикратом, Лагием, Андронидом и Архиппом (146 г. до Р. Х.), когда первый из них был осужден народом на казнь, а прочие

---

* *Polib.* XXIV 11, XXII 16.
** *Polib.* XXIV 12.
*** *Dubois.* Les ligues. 113–140.

помилованы потому. между прочим, как объясняет историк, что толпа (τὸ πλῆθος) была слишком возмущена учиненным над Сосикратом истязанием. Сохраненное орхоменскою надписью постановление ахеян гласит, что виновные в покушении отторгнуть Орхомен от ахейского союза будут осуждаемы на казнь союзным собранием ахеян*.

Напротив, все имеющиеся у нас сведения об ограниченном по составу совете βουλή ахеян не позволяют сомневаться в том, что в политике союза ему принадлежала лишь самая скромная, второстепенная роль.

Полновластный по смыслу союзного устройства народ ахеян стеснен был на деле в постоянном деятельном осуществлении присущего ему права верховности. Если городок Дима удален был от места обычных собраний ахеян, Эгия, более, чем самый далекий поселок Аттики от Афин, если и в афинской республике в пору высшего развития ее требовались особые меры к поощрению политической деятельности граждан и возмещению сопряженных с нею тягостей, то легко понять трудности, какие создавались для ахейской демократии самыми успехами союза, расширением его территории: по мере возрастания численности ахейских граждан тем труднее становилось участие их в союзной политике, прямое, непосредственное, какое только и было известно древним политиям. Очередные собрании ахеян, ведению коих подлежали все дела союза, происходили не чаще двух раз в год, в половине мая и позднею осенью. Собрания чрезвычайные созывались по мере надобности стратегом и демиургами по одному из трех поводов: для решения вопросов о войне или мире, о союзе или для постановления ответа на письменный запрос римского сената; при этом чрезвычайное собрание, продолжавшееся не более трех дней, не могло касаться в своих занятиях никаких иных вопросов, кроме одного, точно обозначенного в приглашении на собрание. И все-таки участие беднейших классов населения в союзных собраниях бывало весьма ограниченно. В 145 г. до Р. Х. в союзное собрание в Коринфе явилось, по словам Полибия, небывалое дотоле множество земледельцев и ремесленников, которые и определили роковой исход собрания. Обыкновенно эти классы населения если не отсутствовали на собрании, то по численности и значению уступали людям богатым или по крайней мере весьма зажиточным. По свидетельству Полибия и Плутарха, выбор в стратеги зависел главным образом от благорасположения всад-

---

* *Dittenberger*. Sylloge. n 178; Ср.: *Pausan*. VII 9 2.

ников, которым поэтому должностные лица ахеян льстили и угождали. Демократическое в теории, собрание ахеян было аристократическим на практике, замечает Фримен*.

Рассеянные на обширной территории по городам и селениям, из коих многие разделены были большими, нередко трудно переходимыми пространствами, граждане ахейского союза никогда не представляли собою народа единого хотя бы в такой, например, степени, в какой все жители Аттики составляли народ афинян. Могущественного общественного мнения, которое воплощалось бы в каком-нибудь постоянно действующем учреждении, здесь не было; не было и такого культурного центра, руководящее или объединяющее влияние коего распространялось бы на все части союза. Ни один город не пользовался здесь даже таким значением, как Ферм в этолийском союзе; многие города были гораздо значительнее и влиятельнее, нежели Эгий, обычное место союзных общенародных собраний. Для совместного обсуждения и решения общих дел ахеяне в обыкновенные, спокойные времена сходились редко, и трудные обстоятельства, когда требовался единодушный, быстрый образ действий, застигали их раздробленными и разъединенными. Самый способ голосования в союзных собраниях не мог ни поощрять ахеян к более деятельному участию в союзных собраниях, ни содействовать образованию из них единого народа, в каждый данный момент одушевленного одинаковыми стремлениями и чувствами. Здесь подавались и считались голоса не по лицам, присутствующим в собрании, но по городам или народам. Каждый союзный город без отношения к его населенности и к лежащим на нем тягостям, как на члене союзной организации, имел всего один голос, был ли это Коринф или Сикион, Абия или Асея, десятки ли и сотни участвовали в голосовании от того или другого города, или немногие единицы. Такой порядок решения дел засвидетельствован показаниями Т. Ливия, относящимися, правда, к позднейшим временам ахейской федерации и впервые правильно разъясненными Нибуром. В собраниях 198 и 189 гг. до Р. Х. участвуют в союзном постановлении о союзе и войне или воздерживаются от голосования не отдельные личности, но народы или государства, populi, civitates**. Мы полагаем, что под-

---

* *Polib.* X 22; *Plut.* Philopoem. 7. 18; *Vischer.* Kl. Schrift. I, 378 примеч. 2; *Droysen.* Hist. del'hellen. III, P. 489. trad. fr.; *Freeman.* Feder. governm. 267.

** *Liv.* XXXII 22. 23, XXXVIII 32; *Niebuhr.* Röm. Geschichte. II. 34.

тверждение показаний Ливия содержится как в тех преувеличенных похвалах, какие воздает Полибий равенству всех членов в ахейском союзе, так равно и в том, что не раз присутствующая в собрании «толпа» обозначается у него словом «то́лпы» (οἱ ὀχλδι), означающим в таких случаях, вероятно, то же, что populi или civitates у Ливия.

Разумеется, такой порядок голосования не соответствовал действительным отношениям, в каких находились различные члены союза, малолюдные и многолюдные города, богатые и бедные, промышленные и исключительно земледельческие и т. п. Помимо этого, он не только не ослаблял, скорее поддерживал и как бы закреплял те партикуляристские стремления, которые были особенно живучи в больших городах. Пригодный, быть может, для поселений собственно ахейских, первоначально образовавших союз, близких между собою по расстоянию, по интересам и настроению, этот спрос решения дел мало отвечал понятию единого ахейского народа, когда союз обнимал собою бо́льшую часть Пелопоннеса или даже весь Пелопоннес. Таким способом голосования восполнялся весьма несовершенно недостаток двух собраний наподобие тех, какие существовали в союзе этолян или в афинской демократии. В Афинах наряду с общенародным собранием был сенат 400 или 500, состоявший из представителей фил, чему в этолийской федерации соответствовал многолюдный совет старейшин, апоклетов. Едва заметные следы существования думы или сената в Ахае сохранились в показаниях Полибия, Ливия и Павсании, прежде всего в таких терминах, как совет, члены совета, старейшины: βουλή, βουλευταί, γερυσία, γέροντες, principes, и в противопоставлении совета, как ограниченного по составу собрания, другому собранию, соединявшему в себе всех граждан с тридцатилетнего возраста*. Выше мы говорили, что под сенатом ахеян никак нельзя разуметь коллегии должностных лиц со стратегом во главе, хотя о составе и роли его в союзном управлении нам ничего более неизвестно. Мы склонны допустить, что в организации союзного управления по мере расширения союза произведены были некоторые изменения, вызывавшиеся потребностями времени; изменения эти имели в виду и более удовлетворительное представительство отдельных общин в федерации. В первоначальном ахейском союзе таким союзным учреждением могла быть коллегия десяти демиургов от десяти союзных общин, damiurgi

---

* *Polib.* XXIX 24, XXXVIII 11; *Pausan.* VII 12; *Liv.* XXXII 21.

civitatium у Ливия*. Но так как число этих должностных лиц оставалось и впоследствии неизменным (damiurgos — decem numero creantur), то коллегия их утратила представительный характер. Неравномерность в распределении прав между большими и малыми городами в решении союзных дел была ослаблена реформою Филопемена, раздробившего большие общины на самостоятельные, мелкие; быть может, соответственно этому около того же времени организована была и дума «старейшин» от городов союза, чем и объясняется присутствие более определенных о ней известий в позднейших частях Полибиевой истории. Дальше этих предположений мы не идем.

Во всяком случае, у нас имеются положительные известия о том, что ахейский народ нередко оказывался осведомленным о положении союза весьма недостаточно. Когда Филопемен в 185 г. до Р. Х. возобновил дружественный союз с Птолемеем, народное собрание невзирая на предшествовавшие объяснения Аристена, недоумевает, о каком союзе идет речь. В звании посла Калликрат объяснял в Риме, что народ ахейский совсем не знает того, что творится относительно его в римском сенате. Когда Аттал добивается получить для своего брата Эвмена отнятые почести, собрание ахеян колеблется и не знает, на чем решить; то же повторяется в собрании ахеян в Коринфе, когда требовался ответ на просьбу Птолемея о помощи (168 г. до Р. Х.). По словам того же Калликрата, народ покорно пойдет за своими правителями; римскому сенату следует только предоставить власть в городах своим друзьям, и ахейский союз будет в его власти**. Ахейская война, кончившаяся разорением Коринфа и покорением Эллады римлянами, была поднята ахеянами, как рассказывает Полибий, больше всего вследствие совершенного непонимания ими своего положения, действительных сил своих и противника. На этом неведении массы и держалась сила позднейших вождей, которые увлекали народ в безнадежные предприятия; оно же, по словам историка, и погубило эллинов***.

Но не только последние, смутные времена обличали беспомощность народа в собственных делах. Мы знаем, как искусно, целые годы вел Арат двусмысленную политику по отношению к союзу и Антигону, как удалось ему отвлечь народ от примирения с Клеоменом путем напрасных обвинений противника в по-

---

* *Liv.* XXXVIII 30.
** *Polib.* XXII 12, XXIV 11 12 13, XXVIII 7, XXIX 24.
*** *Polib.* XXXVIII 8, XXXIX 9.

сягательстве на свободу эллинов*. Ни в чем так не обнаружилась пассивность ахейского народа, как в выборе Аристомаха, бывшего тирана Аргоса, в стратеги и в самом присоединении Аргоса к союзу. По рассказу Плутарха Арат не желал оставлять за Лидиадом чести привлечения к союзу столь важного города, как Аргос, а потому, когда Лидиад в свою стратегию (230 г. до Р. Х.) предложил собранию принять Аргос в состав союза, народ отвергнул предложение по настоянию Арата; в следующем году Арат в звании стратега вошел в собрание с тем же предложением, и народ не только принял аргивян в союз, но через год выбрал самого Аристомаха в стратеги**. Не чем иным, как слабостью почина в народе объясняется и то, что Арат при своей неспособности к военным действиям выбирался в стратеги и в такие годы, когда высшую добродетель союзного вождя должны были составлять храбрость и военное искусство.

Вообще союзное управление ахеян отличается таким усилением главы исполнительной власти, какого не знали древние демократические республики.

Стратег опирался в своем управлении на богатые классы союзных городов, менее всего склонные к переменам в политике; народ оставался в стороне от деятельного участия в управлении, а в трудные времена проявлял непокорность своим вождям и, не обладая достаточным пониманием окружающего, тем самым усиливал трудность положения. При обозрении федерации этолян мы указали на то, что в союзных делах нередко влияние отдельных личностей парализовало верховную власть народного собрания. И в этом отношении союз ахеян не представляет противоположности этолийскому. Напротив, более известная нам история ахейской федерации раскрывает перед нами поучительнейшее явление в древнеэллинской истории, вскоре повторившееся на более обширной арене и окончившееся образованием мировой римской империи. Разнородность состава ахейского союза, трудность постоянных деятельных сношений между составными общинами и их гражданами, отсутствие учреждений, которые на деле обеспечивали бы за народом его верховные права и неослабный контроль над поведением выбранных им должностных лиц, — все это неизбежно приводило к предоставлению главе исполнительной власти таких полномочий и такого влияния на дела, какие приличествовали не выбираемому на

---

* *Plut.* Arat. 39.
** *Plut.* Arat. 35.

один год и во всякое время ответственному перед народом вождю, но полновластному единоличному правителю. В союзной политике получались вследствие этого преемственность и постоянство направления. Шестнадцать или семнадцать раз выбираемый в стратеги через годичные промежутки, Арат в течение тридцати трех или тридцати двух лет руководил союзной политикою «на деле и советом» (245–213 гг. до Р. Х.). Полибий, а равно Плутарх в жизнеописаниях Арата и Клеомена дают обильный материал для подтверждения замечания, что после присоединения Коринфа к союзу «Арат все время до конца жизни непрерывно оставался во главе ахейского народа, стараясь направить к единой цели все его помыслы и действия»*. «Вся власть над ахеянами принадлежала Арату, — замечает Плутарх по поводу стратегии Гипербата 226/225 г. до Р. Х. — Не оружием и насилием, но правдою и добродетелью приобрел себе Арат непрерывную власть»**. «Хотя Арат выбирался в стратеги не иначе как через год, однако на деле и советом он непрерывно властвовал над ахеянами». Однажды Арат вступает в должность даже раньше срока и набирает войско по собственному почину, помимо действующего еще стратега, Тимоксена***. Сторонниками и проводниками политика Арата были также стратеги промежуточных лет Гипербат, Тимоксен и Арат младший.

Не входя в фактические подробности управления Арата, мы не можем не отметить и невыгод такого порядка. Условия ахейского союза на протяжении 33 лет менялись настолько, что дарования Арата много раз оказывались недостаточными и не соответствующими требованиям времени. Более счастливым был выбор Филопемена в руководители союзной политики. Он тоже восемь раз был стратегом на протяжении 24 лет (208–183 гг. до Р. Х.); ради него нарушен был основной закон ахейского управления, по силе которого одно и то же лицо не могло занимать должность стратега два года кряду, и стратегия Филопемена 189/188 г. до Р. Х. была продолжена на следующий год, чем, разумеется, усиливалась его власть в союзе****. Выбрать кого-либо в стратеги значило доверить выбранному верховное управление делами союза; стратег управлял союзом и был его главою*****.

---

* *Polib.* II 43.

** *Plut.* Cleom. 14; Arat. 24. 26; Ср.: Arat. 30. 35. 38; Cleom. 15. 4.

*** *Polib.* IV 8. 37, V 1 2.

**** *Liv.* XXXVIII 31. 33.

***** *Polib.* II 43 2, XXXIX 8.

Когда Полибий рассказывает, что Ликорт предпочел дождаться народного решения относительно меры наказания Мессены за восстание и насильственную смерть Филопемена, то тем самым историк дает понять, что стратег мог действовать и по собственному почину*. Организация ахейского союза, недостаточно согласованная с потребностями разнородного, многолюдного населения на обширной территории, при осуществлении своих задач утрачивала некоторые отличительные черты демократического устройства: полновластный народ как бы добровольно уступал долю верховных прав избраннику своему, стратегу; благодаря чему этот последний являлся в действительности не столько верным исполнителем воли народного собрания, сколько властным правителем, лишь в чрезвычайных случаях привлекаемым к ответу перед народом. Когда-то Фукидид говорил об афинской республике в пору высшего могущества ее, что демократией она была только по имени, на деле же власть в ней принадлежала достойнейшему гражданину**. В то время Афины стояли во главе обширного союза, превратившегося мало-помалу в афинскую державу. Обширность пределов господства, рознь союзников, недостаток определенности во взаимных отношениях содействовали усилению Афин и вместе с ними единоличного влияния достойнейшего афинского гражданина. Нечто подобное случилось с ахейским союзом. Правда, здесь не было преобладающего или господствующего города; зато значение первого гражданина, председателя народного собрания, увеличилось еще больше, и Арат или Филопемен более походили на единоличных правителей Пелопоннеса, нежели Перикл в афинско-делийском союзе. Демократия приближалась к монархии. 147/146 годом до Р. Х. Критолай провел в народном собрании «нечестивое» предложение, чтобы лица, выбранные в стратеги, были полновластны, и «через то приобрел власть, можно сказать, монархическую». В одном из последних своих сочинений Магафи жалуется на равнодушие английских ученых и публики к историческим судьбам Эллады в македонский и римский периоды***, каковому времени принадлежат и история эллинских федераций, и деятельность Полибия. Сочинение самого Магафи показывает, как много в этой области остается невыяс-

---

* *Polib.* XXIII 16.

** *Thuk.* II 65.

*** Greek life and Thougt from the Age of Alexander to the Roman / Conquest by I. P. Mahaffy. London, 1887.

нного для специалистов или даже нетронутого критикой в западноевропейской литературе, как часто подлинный смысл древних текстов затемняется поверхностными аналогиями и сближениями разнородных явлений. В трудах новых историков о последних временах независимой Эллады можно наблюдать частые случаи перенесения готовых понятий и терминов, сложившихся в позднейшие времена и при иных политических и общественных порядках, на отношения в древнеэллинских общинах. В настоящем очерке мы старались держаться возможно ближе свидетельств историков и надписей и довольствовались установлением исторических фактов и частными выводами там, где для более широких обобщений не располагали фактическими данными. В русской литературе начало самостоятельному изучению занимающего нас исторического периода положено В.Г. Васильевским.

Ф. Мищенко

Казань

январь, 1890

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ К ОДИННАДЦАТОЙ КНИГЕ

Главным предметом отрывков этой книги служат события двух лет римской истории, 547–548 гг. от основания Рима или 207–206 гг. до Р. Х. Главы 4–18 составляют отрывки известий об одновременных событиях в Элладе; наконец, последний отрывок, гл. 34, принадлежит к рассказу об успешной войне Антиоха III Великого с царем Бактрианы, к рассказу, начало которого находится в X книге. В распределении содержания между книгами вообще замечается правило, по которому отдельная книга обнимает два года олимпиады, иногда один, реже три. Полная олимпиада 140-я содержится в трех книгах (III–V); двухлетние периоды в книгах VII, IX, X, XI, XIII, XVI и др. Книга VIII обнимает 540–542 гг. Книга XII представляет собой трактат об истории, XXXIV имеет географическое содержание. Ср.: *Nissen H.* Die Oekonomie der Geschichte de Polybios. Rhein Mus., 1871. О тех же событиях рассказывает Ливий (*Liv.* XXVII 39–50; XXVIII 12–16, 19–38; XXIX 1–4) и Аппиан (*Appian.* Hannib. 52).

[1] *изводов... уничтожают...* Очевидно, разница между изводом и предисловием больше внешняя, техническая, и главным образом требование лучшей сохранности побуждает автора избрать новый способ предуведомления читателя. Извод прикладывался или приклеивался к тексту повествования, тогда как обозрение входило в самый текст повествования.

[2] *предварительными... событий...* В первых шести книгах в их настоящем виде не сохранилось ни одного извода, вероятно, по тем самым причинам, о каких говорит автор выше (§ 2). Образчиком предварительного обозрения событий, но не одной олимпиады, а всего описываемого автором периода, могут служить гл. 2–5 третьей книги.

[3] *Прибытие Гасдрубала...* По словам Аппиана (*Appian.* Hannib. 52) Гасдрубалу понадобилось два месяца на прохождение пути, который совершен Ганнибалом в шесть месяцев. Путь Гасдрубала был легче потому, что альпийские народцы за деньги не только охотно

пропускали карфагенское войско, но и сопровождали его дальше в Италию. *Liv.* XXVII 39. 43.

[4] *Все... галатов...* Все, что сообщалось Полибием о встречном движении Ганнибала с юга и Гасдрубала с севера, о письме последнего к первому, перехваченном римскими сторожевыми постами, о смелом движении одного из консулов, Г. Клавдия Нерона, из Апулии на соединение с другим консулом, М. Ливием Салинатором, отправленным против Гасдрубала, — все это известно нам только из Т. Ливия. Гасдрубала смущали и многочисленность неприятельского войска, и присутствие двух консулов. Гасдрубал предпочитал уклониться от сражения, но во время отступления подвергся натиску римской конницы Нерона, а тут подоспел и Ливий с пехотой. Гасдрубал вынужден был принять сражение. Несчастное для карфагенян сражение произошло на реке Метавре, теперь Fano, в Умбрии, изливающейся в Адриатическое море близ городка Сены (*Liv.* XXVII 45). *Моммзен.* Римская история. I 615.

[5] *всех... линии...* Передние ряды на правом фланге продолжали занимать врага, так что свое обходное движение Г. Клавдий Нерон мог совершить беспрепятственно и ударил во фланг иберов совершенно неожиданно.

[6] *слонов...* По словам Ливия (*Liv.* XXVII 49), слоны погибали не столько от неприятелей, сколько от своих же вожатых.

[7] *пленных... талантов...* Если обыкновенно добыча продавалась солдатами после дележа, то пленные продавались предварительно, и выручка делилась.

[8] *он...* Замечание относится к чьей-то речи и помещается здесь только потому, что приблизительно то же место отрывок занимает в ватиканском палимпсесте.

[9] *Что ваше...* Это отрывок речи Фрасикрата, как значится на полях ватиканского списка Урбина, вероятно, родосского посла к этолянам. К этому времени относится известие Ливия (*Liv.* XXVIII 7) об усилиях послов Птолемея IV Филопатора и родосцев кончить войну между Филиппом и этолянами, вместе с тем отторгнуть этолян от союза с римлянами против Филиппа. Местом переговоров была Элатея в Фокиде. В предыдущем году подобное собрание послов с тою же целью происходило в Фаларах, что у Малийского залива. Кроме Египта и Родоса на собрании в Элатее были, кажется, послы от Византии, Хиоса, Митилены.

[10] *возобновили войну...* Союзническая война кончилась летом 217 г., возобновление враждебных действий этолян против Филиппа наступило в 211 г. (*Liv.* XXVI 24; *Iustin.* XXIX 4).

[11] *орейцев...* По взятии города Орея на Эвбее римляне, предводительствуемые Сульпицием, учинили здесь жестокое избиение жителей (*Liv.* XXVIII 6, 7, 8). Эгину этоляне продали Атталу за 30 талантов (*Polib.* XXII 11 9–10, IX 42; *Liv.* XXVII 30, 33).

[12] *на подмостки...* Приспособление в театре в виде помоста или балкона, который выдвигался на сцену, из-за дверей проскения.

[13] *Ганнибал... земли...* Ганнибал попал в такое положение после сражения при Сене и гибели Гасдрубала.

[14] Переговоры кончились ничем, так как этоляне решили продолжать войну. После этого Филипп, незадолго перед тем отразивший Маханида, вторгается в Этолию, к чему относятся отрывки главы 7, особенно имена городов Этолии.

[15] *И он... рук...* По словам Ливия (*Liv.* XXVIII 8), Филипп огорчался тем, что каждый раз опаздывал в погоне за неприятелем, хотя всячески старался захватить врага врасплох. Так, от Опунта бежал Аттал, от Хадкиды — Сульпиций, «и в те же дни из рук его ускользнул Маханид».

[16] *Ферм...* Нападению на Ферм, кажется, предшествовал союз Филиппа с Аминандром, царем афаманов (*Liv.* XXXVI 31). Опоздавшие с помощью римляне повернули к Дималлу.

[17] *Эллопий...* Эллопий нигде больше не упоминается.

[18] *Всякий желающий...* и проч. Плутарх (*Plut.* Philop. 8–9, p. 360) рассказывает образ жизни Филопемена с ранней юности до выборов в союзные стратеги. Отсюда видно, что Филопемен готовился к обязанностям стратега всеми тремя способами. О преобразовательной деятельности Филопемена в должности гиппарха см.: *Polib*: X 21. Что образ жизни всадников развращающе действовал на народ, что деморализация сделалась общею, говорит Плутарх. *Plut.* Philop. 12.

[19] *говорил он...* Он говорил, очевидно, в народном собрании, как союзный стратег ахеян 207 г. до Р. Х. Блеск вооружения действует на врагов устрашающе, еще до схватки; в сражении перевес зависит и от того, хорошо ли сидят доспехи на войне.

[20] *чтобы... воину...* Подчеркнутые слова означают, кажется, после облачения, наложения на себя.

[21] *поножи... щит... панцирь* и проч. Описываются принадлежности вооружения, преобразованного Филопеном (*Plut.* Philop). На месте вооружения пелтастов введено было тяжелое вооружение с сарисою.

[22] *из собрания...* Речь идет о народном собрании или месте народного собрания, а не сенате. Речь произнесена на рынке.

[23] *Так... действие...* Из ватиканского палимпсеста «О суждениях».

[24] *по распущении собрания...* Собств. по завершении совещания. См. предисл. к I тому.

[25] *с тираном...* Скоро после смерти Ликурга (211 г. до Р. Х.), преемника Клеомена III, во главе Спарты стал Маханид; вместе с ним лакедемоняне примкнули к этолянам и римлянам против Филиппа и ахеян. *Plass.* Tyrannis II. 176 сл. Описанное ниже сражение Маханида с Филопеменом объяснено впервые *Пишаром*: Memoires militaires, ch. X; *Ликом:* Travels in the Morea, III, p. 87–93. Ср. *Bursian.* Geogr. v. Griech. II, 207 сл.; *H. Droysen.* Gr. Kriegsalterthum. 182 сл.

[26] *левым крылом...* Филопемен занимал правое крыло и потому укрылся теперь за левым: это последнее слово мы прибáвили.

[27] *Полибию*... Дядя нашего Полибия по отцу или по матери (patruus или avunculus).

[28] *лакедемоняне* — стоявшие во фланге на левом крыле.

[29] *канавы*... О канаве между Мантинеей и Тегеей упоминает Фукидид (V 65 4); из-за нее постоянно возникали ссоры между двумя городами.

[30] *претерпевают... беды*... Предложение в оригинале незаконченное.

[31] *достойно... предприятие*... Завершению предприятия недоставало только гибели самого Маханида.

[32] *Кипарисий*, город в Мессении, на западном берегу, в Кипарисском заливе.

[33] *шестнадцати лет*... Ливий считает от 218 г. до Р. Х. или 536 г. от основания Рима до времени излагаемых событий, а Полибий все время пребывания Ганнибала в Италии до отозвания его в Карфаген (203 г. до Р. Х. или 511 г. от основания Рима).

[34] Автор возвращается к истории Ганнибаловой войны в Иберии или к тамошним подвигам Публия К. Сципиона. *Liv.* XXVIII 12–16. Уклонения значительные от Полибия и Ливия в истории Аппиана (Hispan. 25 сл.). В Иберии против римских полководцев стояли по удалении в Италию Гасдрубала, сына Барки, Гасдрубал, сын Гескона, и Магон. В 547 г. из Ливии явился еще Ганнон. Поражение Ганнона, поход Сципиона против Гасдрубала, взятие Орингиса, возвращение Сципиона в Тарракон предшествуют описываемым ниже событиям. В 206 г. до Р. Х. или 548 г. от основания Рима Гасдрубал поднимается из Гадеса к Илипе.

[35] *Илипою*... Город в Бетийской Иберии между Кордубою и Кармоною на р. Бетис, к с. от Гадеса. У Ливия город называется Silpia.

[36] *к Колиханту*... По Ливию, стоянка Гасдрубала находилась подле Бекулы, где располагается поэтому и Сципион (XXVII 13); у Полибия Сципион идет от Бекулы дальше, чтобы встретиться с Гасдрубалом и Магоном.

[37] *многие... бежать*... При этом чтении недостает указания на то, что спешились и карфагеняне, а не одни римские всадники.

[38] *иберам... наступление*... Карфагенское войско было чуть не вдвое многочисленнее римского, и Публий постарался растянуть фронтовую линию так, что она сравнялась с неприятельской.

[39] *когортою*... Соответствующего эллинского термина Полибий не употребляет. Когортою называется отряд из трех манипулов: по одному hastati, principes, triarii. Особенность боевого строя состояла на сей раз в том, что Сципион поставил римские войска на флангах, а вспомогательное войско иберов в центре. Римские войска обратились прежде всего против иберов в неприятельском войске.

[40] Илургия, город турдулов, в Бетийской Иберии, на р. Бетис, между Кордубою и Касталоном. Iliturgi у Ливия XXVIII 19, Rupyla у Аппиана, Roupyir у Птолемея. Разрушен Сципионом.

[41] *римляне... золотом*... Речь идет о городе Бетийской Иберии Астапе (теперь Estepa), к югу от р. Бести и города Астиги. Жители его,

отчаявшись в спасении города и себя самих, жгли свои драгоценности, своих жен и детей, и наконец сами кидались в огонь. Город взят Марком Юнием Силаном.

[42] *занимает мысль* и проч. это еще до покорения Гадеса. Тогда же Сципион переправлялся на ливийский берег, где вел переговоры относительно похода в Ливию с могущественным царем масайсилиев, Софаком, о чем ниже. Ср. *Liv.* XXVIII 18.

[43] *возмутилась часть войска...* Отрывок не касается начала того восстания подле Сукрона, которое рассказано Ливием (XXVIII 24–29) и Аппианом (Hisp. 34–36). Когда Сципион заболел, Мандоний и Андобал отложились от римлян, а в то же время и часть войска восстала, соблазняемая бездействием. Только известие о выздоровлении Сципиона положило конец смутам. Предлогом к восстанию было долговременное неполучение жалованья.

[44] *Если... по себе...* «Неужели вы, восемь тысяч человек, рассчитывали вырвать из рук римского народа провинцию Испанию, когда я жив и остальное войско цело, то самое войско, с которым я в один день взял Карфаген, с которым я разбил, обратил в бегство, выгнал из Испании четырех полководцев, четыре карфагенских войска». *Liv.* XXVIII 29.

[45] *вождей...* Г. Альбий Гален и Г. Атрий Умбр. *Liv.* XXVIII 24.

[46] *на прутья и секиры...* Предшествующие магистрату ликторы с пучком прутьев и вложенною в них секирою (fasce cum securi) в период республики — атрибут власти высшего должностного лица за стенами Рима (extra pomerium).

[47] *В самом... Карфагене...* Т. е. не выходя еще из Карфагена, вскоре по умиротворении войска.

[48] *владык...* Т. е. Мандоний и Андобал, о которых была речь в потерянных строках этого отрывка.

[49] *по четыре... линию...* Глубина колонны — три манипула; узость долины не дозволяла оставлять промежутки между манипулами.

[50] *Публий* и проч. Пробелу в нашем тексте соответствуют XXVIII 34–37 Ливия: прощение Сципионом Мандония и Андобала, тайные переговоры с Масанассою, взятие Гадеса. Только после этого Публий возвращается в Тарракон.

[51] *с правом... себя...* Сципион был в это время проконсулом и потому не мог получить триумфа. Публий сознавал за собою право на триумф.

[52] *Эвфидем*, владыка Бактрианы, о войне Антиоха с которым в предыдущей книге. Рейске предлагает дополнить отрывок в начале словами о том, что Антиох отправил к Эвфидему умиротворителем Телея, магнесийца по происхождению, который раньше был другом Эвфидема и происходил из одного с ним города. Слова с Телеем добавлены из последующего рассказа (§ 3. 6).

[53] *Арахосию*, иначе — Пактиика, юго-восточная область персидского царства на границе с Индией, теперь Кандагар и часть Кабулистана.

[54] Эриманф, теперь Hilmend, р. Арахосии и Дрангианы. Эта последняя страна называлась впоследствии по имени завоевателей Сакастаною, теперь Седжистан. К юго-западу от Дрангианы лежит Кармания, выходящая к Персидскому заливу.

ПРИМЕЧАНИЯ К ДВЕНАДЦАТОЙ КНИГЕ

Когда война в Испании была кончена, а нахождение Ганнибала после гибели Гасдрубала перестало страшить римлян, римский сенат убежден был в неизбежности ливийской экспедиции, и в 549 г. от основания Рима или 205 г. до Р. Х. решено было готовиться к походу в Ливию на Карфаген. *Liv.* XXVIII 40–45; XXIX 3. Сципион готовился к этой экспедиции еще в бытность в Испании, ради чего завязывал отношения с Софаком, царьком масайсилиев, и нумидийским владыкою Масанассою. По возвращении в Рим он был выбран в консулы на 549 год. Изложению следующих за сим событий у Полибия предшествуют разного рода известия об Африке и ближайших к ней землях. Здесь он встретился с известиями предшественника своего Тимея, полемика с которым, равно как и с другими предшественниками, и составила главную долю содержания книги. Относящиеся сюда отрывки значительно увеличились в числе с открытием ватиканского палимпсеста, как это можно видеть из сличения двух изданий Тимеевых фрагментов, до и после издания этого палимпсеста, Геллера (1818) и К. Мюллера (изд. Дидо. 1841).

В нашем переводе отмечены источники отрывков, и читатель видит, насколько ватиканский палимпсест, умножил наши знания о Тимее и об отношении к нему Полибия. Как в этой книге, так и в других извлеченные из этого источника отрывки отмечаются со времени издания Беккера повторными числами глав с добавлением букв (4a, 4b и проч. 6a, 6b, 11a и др.). Иное расположение отрывков, чем у Мюллера, предлагает Белох. Die Oekonomie d. Geschichte des Timaios. N. Jahrb. f. klass. Philologie u. Paedagogik. 123. Berlin, 1881, 697 сл.

Что касается суждения Полибия о Тимее, то оно разделялось и более поздними критиками, хотя Лонгин, Диодор, Цицерон и др. отдавали справедливость тщательности хронологических изысканий Тимея, а равно обширности и разносторонности его познания. По словам Лонгина (De sublim. 4), Тимей был до смешного придирчив к чужим погрешностям и совсем не чувствителен к своим собственным. Тут же сообщаются и примеры его придирчивой критики. Диодор, между прочим, замечает, что за эту страсть осуждать предшественников некоторые прозвали Тимея Эпитимеем Хулителем (V 1 3; XIII 90 6), а от Афинея (VI 272 b) мы узнаем, что так переименовал его Истр, ученик Каллимаха.

[1] *Бизакида*... См. III 23 2 прим. Гиппон, лат. Hippo Regius, карфагенская колония в земле массилиев, где тогда царствовал Масанасса;

город возведен Масанассою в столицу царства и потому так назван римлянами в отличие от другого Гиппона, лежавшего на восток от первого, ближе к Карфагену (H. Diarrhytus). По словам Ливия (XXIX 3), Г. Лелий своим появлением с флотом у этого города в 549 г. от основания Рима навел ужас на карфагенян. Сима — нигде больше не упоминаемый город Ливии, если это не другая форма имени Сига, главного города масайсилиев, резиденции Софака. Табрака, теперь Tabarca, город Нумидии, между Гиппоном и Диарритом. Халкии, местность в Мавритании, кажется, та же, о которой говорит Страбон: «Здесь нефтяной источник и медный рудник».

[2] *Полигистор* Александр Корнелий, уроженец Карий, современник Суллы, автор многих сочинений. *Didot.* Frugm. histor. graec. III, 206–244.

[3] *лотосом*... Так эллины называли различные виды растения в Египте и Индии из породы Nymphaea. В Египте было три вида его: N. Lotus, N. Nelumbo, N. Caerulea. Туземцы имели свои названия для этих растений. Описанное Полибием деревце не имеет, кажется, ничего общего с египетским лотосом, кроме одинакового имени, и в настоящее время называется Ssodr, Ssidr, от него целая область в Триполисе Ssodria. Ср.: *Wiedemann.* Herodots zweites Buch. London, 1890. 374 сл. 377, 385.

[4] *Кирном*... Более древнее, финикийское название острова, впоследствии названного Корсикою по имени лигурийского народа корсов.

[5] *Дионисий-младший*, тиран сиракузский, в 343 г. потерял власть и отплыл со своими сокровищами в Коринф.

[6] *Дионисий-старший*.. От 405 до 367 г. до Р. Х., т. е. 38 лет длилась его тирания; власть тирана получил на 25-м году жизни (*Cic.* Tuscul. V 20), следовательно, умер на 63-м году. *Plass.* Tyrannis. II, 206 сл.

[7] *Короеба*... Первое записанное имя олимпионика (776 г. до Р. Х.), с которого и вошло в обычай вести счет олимпиадам. *Paus.* VIII 26 3.

[8] *Маргита* — имя глупого всезнайки, героя древнейшей сатирической поэмы, «знающего много, но все знающего скверно».

[9] *в истории Пирра*... Вероятнее всего, часть общего сочинения о Сицилии; а не отдельное сочинение о Пирре. *Dion.* Halic. I 6; *Cicer.* Ad fam. V 12 2.

[10] *на... Марсовом поле*... Campus Martius, Campus, площадь на левом берегу Тибра, с жертвенником Марса, назначавшаяся для военных упражнений и для собраний комиций. Тимей, очевидно, повторял одно из объяснений исконного обычая — приносить коня в жертву, — находившееся в связи с легендою о родстве римлян с троянцами через Энея. Геродот сообщает о принесении лошадей в жертву массагетами, скифами, персами. I 216, IV 61, 72, VII 113.

[11] *Аретуса*... Один из многочисленных источников с этим именем находился на о-ве Ортигии, входившем в состав Сиракуз, теперь Occhio delta Zilica; источник так назван по имени реки в Элиде, изливающейся в Алфей. Миф об Аретусе находится в связи с ранним пе-

ренесением культа Артемиды с берегов элидского Алфея в Сиракузы. *Plnd.* Nem. I, 1 сл.; *Strab.* VI 2 4, p. 270; Virg. Aen. III, 694 сл.

[12] *город локров...* Зефирские, или Эпизефирские Локры, колония озольских локров в области древних сикулов, на восточном берегу Калабрии, в войне на стороне Ганнибала. Историк обращается к этому городу в 549 году по случаю взятия его римлянами. *Liv.* XXIX 6–9.

[13] *к далматам...* Как война в Далматии, так и иберийская, о которых идет здесь речь, относятся ко времени гораздо более позднему, после переселения нашего автора в Рим. (т. е. после 167 г. до Р. Х.), первая к 596 г. от основания Рима — 158 г. до Р. Х. (XXXII 18), вторая к 603 г. — 151 г. до Р. Х. (XXXV).

[14] *девушек...* Илион, как искупительная жертва за кощунство Эанта, сына Оплея, который силою увлек из храма Афины дочь Приама Кассандру. *Strab.* XIII 1 40, p. 600. Следовательно, Полибий вслед за Аристотелем, Эфором, выводили эпизефирских локров из Локриды Опунтской, а не Озольской; Страбон производит их от этих последних. VI 1 7, p. 259. Сбивчивы известия Полибия о локрских женщинах, вероятно, содержат в себе намек на архаический обычай, ведения родства по женской линии, как было, например, у ликиян. *Herod.* I 173.

[15] *от женщин...* Аристотелевский вариант должен был гласить, что вместе с рабами удалились в колонию знатные гражданки из числа так называемых ста семейств.

[16] *с локрами Эллады...* Автор разумеет опунтских.

[17] *рабы... лакедемонянами*, т. е. основатели колонии. Место не совсем ясное потому, между прочим, что сам автор высказывает доводы натянутые, малоправдоподобные, а это не свидетельствует в пользу состоятельности гипотезы Полибия—Аристотеля: будто колония основана рабами локров, находившихся в дружественных отношениях с лакедемонянами; отсюда будто бы желание локров эпизефирских поддерживать добрые отношения с Лакедемоном. Связь со свободными локрами у них была через тех знатных женщин, которые вместе с рабами удалились на новое жилище. Ср.: *Dionys.* Perieget. v. 365 сл. Основание колонии относится ко времени мессенских войн, в которых опунтские граждане помогали спартанцам, а их продолжительное пребывание вне дома повело к незаконной связи между женщинами их и рабами. Почти то же рассказывалось по поводу основания Тарента. Ср.: *Herod.* IV 2–4.

[18] *афиняне... локров...* Очевидно, речь идет о союзе локров эпизефирских с лакедемонянами против афинян в пелопоннесскую войну. *Thuk.* VI 44 2; VII 4 7. 25 3 и др. Опунтские локры тоже на стороне Спарты. *Thuk.* II 9 2. 26 2; IV 96 8 и др. Полибий находит не совсем обычным явлением вражду афинян к народу с таким демократическим прошлым, каковое было у локров.

[19] *лакедемоняне... локрам...* Согласно преданию, локры в течение 20 лет были вне дома, помогая лакедемонянам в борьбе с мессенцами.

[20] *У лакедемонян... общие...* Явления братней полиандрии наблюдались не у одних лакедемонян, но и у афинян. *Xenoph.* Republ. Laced. I 7. *Demosth.* Adv. Aphob. V 5. Pro Phorm, § 8. Ликургу приписывались законы, в силу коих муж поступался супружескими правами в пользу здорового и красивого мужчины, чтобы через него иметь детей, или же муж бездетной женщины пользовался для деторождения чужой женой с согласия мужа последней. *Plut.* Compar. Lyc. cum. Numa 3. 4; *Xenoph.* Republ. Laced. I 8. Ср.: *Letourneau.* Evolution du mariage et de la famille. Paris. 1888. P. 90 сл.

[21] *бессовестных воров...* Собственно тех, которые воруют свободных людей и продают их в рабство.

[22] *у Киликийских ворот* — трудный проход из Киликии в Сирию, между горою Аманом и морем, где Александр дал битву Дарию в 333 г.

[23] *запоздалый...* Поздно, на старости лет принявшийся за науку. Отец Аристотеля — придворный врач Аминты, и Тимей желает уязвить противника напоминанием о его прошлом. Он называет философа торговцем аптекарскими товарами, быть может надувалою на этих товарах, а барыши нужны были для покрытия расходов на обильные изысканные яства. Обжорою, проевшим отцовское наследство и после того пустившимся в торговлю аптекарскими товарами, называл его Эпикур. *Diog. L.* X 8; *Athen.* VIII 50, p. 354b.

[24] *в той же книге...* Девятой, как значится у Афинея. IV 86, p. 264c.

[25] *как у родителей к детям...* Отношения между метрополией и колонией уподоблялись отношениям между родителями и детьми. *Herod.* VIII 22; *Thuk.* I 25. 34. 38; *Dion.* Halic. III 7, p. 143. Эти два слова «родители» и «дети» в договоре между локрами эллинскими и италийскими опровергали, по мнению Тимея, гипотезу Аристотеля и оправдывали его собственную.

[26] *два народа локров...* Локры 1) западные, или озольские, и 2) восточные, или эпикнемидские, или приэвбейские, опунтские тоже. Эпикнемидские и опунтские локры, различаясь топографически, составляли одно государство с главным городом Опунтом.

[27] *составил... разницы...* Речь идет о важной заслуге Тимея — об установлении общеэллинского летосчисления по олимпиадам, в основе коего лежали списки олимпийских победителей с 776 г. до Р. Х., на место летосчислении отдельных государств по именам местных должностных лиц, светских или духовных: архонтов в Афинах, эфоров или царей в Лакедемоне, жриц Геры в Аргосе, жрецов Посейдона в Галикарнасе и проч. Из слов нашего автора можно заключить, что уже Тимей приурочивал начало года не к летнему солнцестоянию, т. е. не к началу олимпийского года, но к осеннему равноденствию, от первого пункта отделенному тремя месяцами времени. *Nissen.* Rhein. Museum. XXVI, 252.

[28] *Локры с договром...* Происхождение поговорки приурочивается преданием к т. н. возвращению дорян, когда локры озольские примкнули к дорянам и не исполнили данного ахеянам обещания.

[29] Открывок сильно испорчен, и все предложенные до сих пор догадки не восстанавливают даже общего смысла оригинала.

[30] *Каллисфена*... из Олинфа, один из историков Александра Македонского, сопровождал царя в его походах в Азию. Кончил жизнь в заключении, когда из страстного почитателя Александра сделался суровым обличителем его.

[31] *воронам... женщинам*... Ворон в числе вещих птиц, по которым производились гадания. *Hermann.* Antiquit. II, § 38. быть в состоянии корибанта, жреца Реи или Кибелы, чествовавших богиню неистовыми плясками, шумной музыкой и т. п., отсюда быть в исступлении, быть одержиму духом. Ibid. § 42, 11.

[32] *Демохар*, оратор и историк, племянник Демосфена, старавшийся противодействовать самоуничижению афинян перед македонскими Владыками, в конце IV и начале III в. до Р. Х. *Plut.* Demetr. 24. Vit. X orator, p. 850. *Cicer.* Brut. 83. *Athen.* VI, p. 252 сл.

[33] *возжигать священный огонь*... Поговорочное выражение о человеке, замаранном пороками или преступлениями.

[34] *Ботриса*, родом из Сицилийского города Мессаны, первый стал писать т. н. «шутки». Филенида, афинская поэтесса, под именем которой софист Поликрат выпустил в свет порнографическое сочинение. *Athen.* VIII 13, p. 335c.

[35] *Деметрия... государством.* Деметрий Фалерский, сын Фанострата, ученик Феофраста, doctus vir Phalerens (*Cicer.* Republ. II. 1); согласно избранию афинян, одобренному Кассандром, правитель Афин в течение десяти лет (317–307 гг. до Р. Х.). Павсаний называет его тираном Афин (I 35 6), сам о себе Деметрий выражался, как о правителе, не только не сокрушившем народного правления, но даже укрепившем его (*Strab.* IX 1 20, p. 398). Похвалами осыпают его Элиан, Диоген и др. (*Ael.* Var. hist. III 17. *Diod. Sic.* XVIII 74. *Diog. L.* V 75); но были и противоположные суждения (*Athen.* VI 46. p. 245). Сочинения Деметрия, кроме речей, были исторического, риторического. хронологического и философского содержания (*Diog. L.* V 80).

[36] *улитка ... ослов*... Материальному благосостоянию Афин Демохар противопоставлял унижение родного города, покорно взиравшего на пышные празднества, какие в честь тирана устраивались на улицах и в театре. Улитка и ослы, вероятно, составляли принадлежность процессии на театральной сцене. Нравы афинян того времени см.: *Phaedr.* VI 1.

[37] *Агафокла*... Правлению сиракузского тирана, потом царя (ок. 115–122 или 320–289 до Р. Х.) посвящены были у Тимея 34–38 книги истории. Известия об Агафокле собраны у Юстина и Диодора. Диодор же (XXI 16) объясняет озлобление Тимея чувством личной мести, так как историк был изгнан из Сиракуз Агафоклом. Впрочем, приписываемые Агафоклу в нашем месте пороки не отвергаются Диодором.

[38] *галкой, зимолетом*... Бранные названия в применении к развратникам. «Трехъяичник» — вид ястреба, buteo. *Plin.* X 8.

[39] *кружало, дым и глину*... Агафокл, как и отец его Каркин, занимался гончарным делом. Полная приключений юность его рассказана Диодором. XIX 2. Ср.: *Iustin.* XXII 1; *Plut.* Apophth. reg. et imp. Agath.

[40] *как... существующего...* Рукоп. чтение пополнено отчасти Швенком, потом Гульчем. Вообще глава эта не только сохранилась плохо, но и неискусно составлена эпитоматором. Следующего стиха уже нет в древнем сокращении, и он добавлен Валуа из турского списка. Весь фрагмент (гл. 13–15) восстановлен по нескольким источникам: турскому списку, ватиканскому, Свиде.

[41] *пошел... начальству...* Форма процесса, известная в Афинах, когда обвинитель в момент совершения преступления не хотел или не имел возможности овладеть преступником. *Pollux.* VIII 49.

[42] *Залевка*, законодателя VII в. до Р. Х. Законы его, древнейшие из писанных, отличались чрезвычайною устойчивостью. *Aristot.* Politic. II 12, p. 1274a; *Strab.* VI, 8, p. 259 сл.

[43] *у кого... отнята...* Это ли был действительный владелец спорной вещи, или другой кто, решал уже судья.

[44] *космополид* — высшее правительственное лицо.

[45] *спор... законодателя...* По свидетельству Стобея (*Serm.* XLII, p. 280; то же *Demosth.* c. Timocr., p. 744), Залевк установил закон, чтобы лицо, желающее отмены старого закона или принятия нового, являлось в заседание Тысячи с веревкою на шее, и чтобы в случае непринятия предложения подвергалось удавлению, в противном случае той же казни подлежал космополид, отстаивавший старый закон. Полибий (или Тимей) распространяет ту же процедуру и на случаи разногласия частного лица с космополитом в толковании существующего закона. Диодор (XII 17) приписывает этот закон Харонду, законодателю Фурий, а не Залевку.

[46] *ворота... Аманидскими...* Проход в Аманских горах, ведущий из Киликии в Сирию.

[47] *Пинар...* Р. Киликии, впадает в Исский залив.

[48] *этого пространства...* Т. е. всей площади шириною в 14 стадий; около 3 стадий отведено было под конницу, одна часть которой расположилась со стороны моря влево от пехоты, другая — вправо. Место не совсем ясное; пробелы пополняет Швейггейзер.

[49] *десяти тысяч пехоты...* По Каллисфену, количество пехоты 42 000; Полибий принимает во внимание только 32 000. Ср. 19 9.

[50] *самая ... расчетов...* Площадь в 14 стадий без малого, как определяет ее сам Каллисфен, явно недостаточна для размещения не то что 42 000 войска, но и 32 000, если фаланга Александра была построена, как уверяет тот же историк, по 8 человек в глубину. Одна стадия, по расчету Полибия (гл. 19 7 сл), вмещает на себе 1600 человек при глубине строя в 16 человек и при 6 футах пространства на каждого воина, следовательно, при глубине в 30 человек на одной стадии может быть помещено 3000, а на 11 стадиях 3300. Но, по словам самого Полибия (21 3), в сомкнутом боевом строю каждый воин занимает всего 3 фута; на стадии может поместиться в линию 200, а на 11 стад. 2200. Для размещения 32 000 при глубине в 8 человек потребовалось бы 20 стадий. Значит, Каллисфен вовсе не так не прав, как это казалось Полибию.

[51] *В ответ... слова...* Каллисфен мог находить ответы на подобные вопросы слишком простыми для того, чтобы давать их, не говоря о том, что на войне добываются и более трудные сведения, противникам известны были некоторые постоянные признаки, по которым цари могли узнавать друг друга.

[52] *Вот... Каллисфене* — это мнение самого Полибия об историках. В следующем отрывке мнение Тимея о тех же историках и критика этого мнения Полибием.

[53] *Так, если согласиться...* Вероятно, по вине эпитоматора опущено мнение Тимея, приведенное Полибием, которое теперь и критикуется, именно, что Каллисфен понес справедливое наказание за то, что отказывался воздавать Александру божеские почести. Вообще сокращение сделано неискусно.

[54] *Тимолеонта*, коринфянина по происхождению, прославившегося более всего борьбою против тиранов, как у себя на родине, так особенно в Сицилии, куда он был отправлен коринфским народом оказать помощь Сиракузам (IV в. до Р. Х.). *Plut.* Timol.

[55] *в стакане...* Собств. в уксуснице. Мы желали приблизиться к русской поговорке о буре в стакане воды. Была латинская поговорка lauream in mustaceo quaerere.

[56] Гомер. Landibus arguitur vini vinosus Homerus. *Horat.* Epist. I 19.

[57] Дионисий Старший, тиран, писал трагедии, поэмы и исторические сочинения.

[58] *в речи... так...* Интересное место для определения исторической подлинности речей не у одного Тимея: речь Тимолеонта в сочинении Тимея рассматривается Полибием как сочинение историка, а не речь, действительно произнесенная вождем. Ср. 25а.

[59] *на три части...* Сам Полибий (Ш 37 2) делит обитаемую землю, известную часть земли, на три части. Ошибка Тимея состояла в том, что он всю землю делит таким образом. Но так делили и другие, например Плиний (III 1 нач).

[60] *со Стратоном...* Перипатетик, ученик Феофраста, учитель Птолемея Филадельфа. Биография его написана Диогеном Лаэртским.

[61] *герофилистами...* Герофил, александрийский врач времен Птолемея I, ученик Праксагора из Коса, школы Гиппократа, наибольше разрабатывал анатомию. Каллимах из школы того же Герофила, примыкал в своих работах тоже к Гиппократу. Обозрение трех видов врачевания начиналось с диететического; это место не сохранилось, равно как и то, в котором содержалась характеристика третьего вида медицины.

[62] *необходимым... Правда.* Судя по сохранившемуся слову церос; и по смыслу, следует допустить, что на месте пробела находилось замечание о том, что такого рода занятия составляют только часть условий для занятия историей.

[63] *Эвагоре...* Владыка Саламина, что на Кипре, союзник афинян во время Конона и Агесилая, вел войну с персидским царем за свободу Кипра с 391 г.; здесь говорится, кажется, о сражениях 387 г. Р. Х.

Эвагоре посвящена речь Исократа того же имени. Битва между лакедемонянами с одной стороны, персами и афинянами с другой, кончившаяся уничтожением спартанского флота, происходила в 394 г. *Xenoph.* Hellen. IV 3. *C. Nep.* Conon. 4. Битвы при Левктрах в Беотии (371 г. до Р. Х.) и при Мантинее в Аркадии (362 г. до Р. Х.) тоже рассказаны у Ксенофонта. Hellen. VI 4; VII 5.

[64] *буквоеды*... К числу которых он относит Тимея и Эфора.

[65] *Гермократа*.. Сиракузянин олигархической партии, много содействовал поражению афинян в т. н. сицилийской экспедиции (*Thuk.* IV 58–65; VI 33–35, 76, 81). Потом он вместе с другими аристократами был изгнан и напрасно покушался вернуться в Сиракузы силою. *Thuk.* VIII 85 3; *Xenoph.* Hellen. 1 1 27–31; *Diod.* XIII 63, 75. Гелон ум. 478 г. до Р. Х.

[66] *Эвримедонт*, афинянин, сын Фукла, начальник эскадры, погиб в той же экспедиции 515–513 г. до Р. Х. *Thuk.* VII 16, 31, 33 и др.

[67] *выборных*... Советники, доверенные от государств личности для ведения дипломатических дел.

[68] *с прекращением... время*... Священный мир на время общеэллинского празднества. *Pausan.* V 20 1; *Diod.* IV 14.

[69] *не безлюдность Ливии*... Тимей ошибался: население Ливии было малоизвестно в древности и еще при Страбоне она считалась малообитаемой. *Strab.* II 4 24, p. 131; XVII 3 12, p. 825.

[70] *в Академии*.. Школа последователей Платона в Афинах; во время Полибия адепты ее вели нескончаемые споры со стоиками, и наш автор как стоик не мог, конечно, сочувствовать академикам.

[71] *находя ... ложного*... Заключенные в кавычки слова, кажется, подлинное выражение о себе самого Тимея.

[72] *из нижеследующего*... На этих словах список ватиканского сокращения обрывается, и дальнейшее восстановлено из древних извлечений.

[73] *на одном и том же месте*... В Афинах, где он жил и писал свое сочинение по изгнании из Сицилии Агафоклом.

[74] *в предисловии к шестой книге* (fr. 55). Здесь он подробно говорил об иберах, лигурах, кельтах, вообще о народах запада, среди которых селились эллины. Исходным пунктом изложения могло служить упоминание Массалии.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРИНАДЦАТОЙ КНИГЕ

Предмет книги в первоначальном виде — события 205 и 204 гг. до Р. Х. (549–550 гг. от основания Рима), следовательно заключение мира между этолянами и Филиппом, потом между Филиппом и римлянами на таких условиях, «чтобы Парфины, Дималл, Баргулл, Евгений принадлежали римлянам, а Атинтания отошла к Македонии, если в Риме уважена будет просьба об этом послов Филиппа»; к тому же «ни одна сторона не должна обижать союзников другой». *Liv.* XXIX 12; *Appian.* Maced. 2. Уцелевшие части книги относятся к событиям

ближайшего года (204 г. до Р. Х. — 550 г. от основания Рима). Фрагменты в конце книги касаются похода Антиоха III Великого в Аравию, последних событий Ганнибаловой войны в Италии, войны Филиппа во Фракии, Крита и действий здесь Филиппа.

[1] *этоляне... долги...* Известие это приурочено к XIII кн. Афинеем (XII 6, p. 527 b). О привычках этолян к расточительности. *Polib.* IV 3 1. 16 4 и показание Агафархида у Афинея, l. c. О задолжности этолян (и фессалиян) см.: *Diod.* Sic. XXIX 33.

[2] *зелье...* Так Александр назвал предлагаемые законы о долгах, направленные, конечно, к отмене долговых обязательств.

[3] *люди, страдающие водянкою...* Ошибочное ли это суждение автора, или следует разуметь под этим термином какую-либо иную болезнь, а не водянку, только никакого другого смысла место наше не имеет.

[4] *коварную меру...* Примирившись с этолянами и римлянами, Филипп воевал теперь против родосцев и, не разбирая средств, шел к цели. Коварство рассказано ниже, гл. 4–5. Автор идеализирует старину.

[5] *уговоры*, как сообщает Страбон о городах Эвбеи. X 1 9, p. 448.

[6] *с радостью... поручение...* Полиэн. (V 17 2) рассказывает, как Гераклид явился на Родос с видом человека, изгнанного Филиппом за благожелательное отношение к Родосу, а потом, воспользовавшись удобным случаем, предал пламени флот, родосцев и возвратился к Филиппу. Ср. ниже гл. 5.

[7] *Пританы* — в демократии родосцев высшие должностные лица, председательствовавшие в народном собрании и в совете. *Gilbert.* Handb. d. gr. Staatsalt. II, 177 сл.

[8] *этим...* Речь шла об условиях, предложенных Филиппом к сокрытию коварного плана от родосцев. В заключение рассказа о людском вероломстве автор останавливается на силе истины (§ 4–6).

[9] *Дамокл*, послан был Филиппом к римлянам в качестве шпиона. Ни о нем, ни о Пифионе других сведений нет.

[10] *Набис* — тиран Спарты после Маханида (206 г. до Р. Х). При заключении мира между Филиппом и Римом (205 г.) он упоминается как союзник римлян. *Liv.* XXIX 12. Кроме нашего автора см.: *Diod.* Sic. XXVII 1, p. 570; *Pausan.* IV 29 10, VII 8 4; *Plut.* Philop. 12. 13; *Plass.* Tyrannis II, 177 сл.

[11] *уцелевших противников...* Захват власти Набисом сопровождался гибелью многих знатных граждан; первое время по воцарении тиран употребил на дальнейшую борьбу с врагами.

[12] *Апега...* Об алчности и жестокости этой женщины см.: XVIII 17; *Liv.* XXXII 38, 40.

[13] Географические отрывки из описания Аравии, входившего в рассказ о походе Антиоха III Великого в эту страну, против египетского царя Птолемея Эпифана. Герреи — злодейский народ по имени главного города их Герры, в счастливой Аравии, вблизи Персидского залива или Чермного моря. Чермным, Эрифрейским морем назывался не только Аравийский залив, но и Персидский у Страбона,

Плиния, Аппиана, Диодора. Поход в эту страну Антиоха Сирийского кончился ничем.

[14] *прилегает*... Собств. входит в состав Эрифрейского моря: так называлась часть Аравии, к югу от Вавилонии, прилегавшая к Персидскому заливу.

[15] *стакты*... Искусственно приготовляемый бальзам (Феофраст).

[16] *Тилу* — арабск. taula, остров в Персидском заливе, знаменитый в древности ловлею жемчужных раковин.

[17] *Адрана*, теперь Andrenos, остаток известий нашего автора о военных действиях Филиппа во Фракии в это время. См. ниже.

[18] *Ареева равнина* — одного имени с Марсовым полем в Риме.

[19] *Бадиза* — нигде более не упоминается, если это не Besidiae Ливия. XXX 19.

[20] *Кабила*, теперь Galovitza, к западу от земли астов, выше Византия по берегу Понта и дальше внутрь материка.

[21] *Лампетия* — лат. Clampetia. *Liv.* XXIX 38; XXX 19.

[22] *Сибирт*, иначе Сибрита, у западных склонов Иды, теперь Veni.

[23] *Тамеса*, кажется, то же, что Tempsa, город Бреттии. *Liv.* XXXIV 45.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ КНИГЕ

[1] *окончание... ливийской*... Война римлян с карфагенянами в Италии и Африке. Настоящая обнимает события только одного года 203 г. до Р. Х. (551 г. от основания Рима или ол. 144, 1), когда Магон и Ганнибал отозваны были из Италии, а в Ливии уничтожены войска Софака и Гасдрубала Сципионом Старшим. Ср.: *Liv.* XXX 1–19. 25; *Appian.* Punic. 18–32, Hannib. 51–61. За более длинный период времени рассматриваются в этой книге события египетской истории. Гл. 12. Прямое отношение к содержанию этой книги и следующей имеет исследование проф. Зелинского: Die letzten Jahre d. zweiten Puniscnen Krieges. Leipz., 1880.

[2] *царей*.. Птолемея Филопатора, Антиоха III Великого и Филиппа.

[3] *не покидая... Итики*... Раньше Сципион начинал осаду этого города, но должен был снять ее. *Liv.* XXIX 28–29, 34–36. Вслед за сим он расположился на соседнем мысе на зимние квартиры.

[4] *к девушке*... Гасдрубал, сын Гескона, отдал Софаку дочь свою Софонисбу, уже обрученную с Масанассою, и тем привлек Софака на сторону карфагенян. *Liv.* XXIX 23, 24; *Appian.* Punic. 10. 27.

[5] *город*... По словам Ливия (XXX 7), Гасдрубал с немногими воинами бежал в ближайший город. Здесь он и думал было встретить врага, о приближении коего был осведомлен. У Аппиана город называется Андой. Punic. 24.

[6] *в Аббу*... — город в Ливии, стоянка Софака.

[7] *корабли* — в числе ста под начальством Гамилькара. *Appian.* Punic. 24.

[9] *потом...* Следующий до конца текст восстановлен Гроновом и Швейггейзером из Свиды по сличении с Ливием. XXX 10. Во многом несогласно с Полибием и Ливием рассказывает то же Аппиан: Punic. 25: Аппиан не упоминает о сражении на равнинах, Гасдрубал укрывается не в Карфаген, а в Анду; пожар рассказан иначе и проч. Хотя морское сражение кончилось благоприятно для карфагенян и шесть транспортных неприятельских судов попали в их руки, однако Софак был взят в плен в своей резиденции Цирте. *Liv.* XXX 10–11. Известия автора об отношениях между воюющими от нападения на флот до нарушения карфагенянами перемирия (*Liv.* XXX 16 сл.) потеряны. Дальнейшие отрывки возвращают читателя к египетской истории, касаясь главным образом последствий разврата и расточительности умершего в этом году (203 г. до Р. Х. — 551 г. от основания Рима) Птолемея Филопатора. О Филиппе подробнее в следующей книге. Ближайшими друзьями и советниками царя были Агафокл и Сосибий; в связи с царем находилась сестра Агафокла Агафоклия.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЯТНАДЦАТОЙ КНИГЕ

После сомнительного успеха при нападении на римский флот карфагеняне снова были стеснены римлянами, захватившими в плен вернейшего союзника врагов Софака и угрожавшими самому Карфагену, и склонялись к миру; заключено было перемирие, и начались переговоры об условиях мира. Тем временем из Италии возвратился Ганнибал. Перемирие было вызывающе нарушено карфагенянами, когда они предательски захватили и разграбили грузовые суда римлян в числе двухсот, с обильными жизненными припасами шедшие под командою Гн. Октавия к римскому войску в Ливию и загнанные бурею в Карфагенский залив на остров Эгимур. Переговоры длились месяцев семь, от осени 203 г. до весны 202 г. до Р. Х. (551–552 гг. от основания Рима). Первый отрывок Полибия начинается рассказом о событиях, непосредственно следовавших за нарушением перемирия, и содержит в себе некоторые указания на ход событий предшествующих. Судя по этим указаниям, можно заключить, что в изображении этого промежуточного периода Ливий (XXX 11–24) и Аппиан (Punic. 26–34) расходились с Полибием. См.: Zielinski. Die letzten Jahre des zweiten Punischen Krieges, стр. 44–73. События настоящей книги рассказаны Ливием (XXX 25, 28–38) и Аппианом (Punic. 33–48).

[1] *без ответа...* Точно так же (sine responso. *Liv.* XXX 23) отпущены были из Рима карфагенские послы раньше, когда являлись для переговоров о мире.

[2] *Макара* — Medjerda (*араб.*), важнейшая река в этой части Ливии, к западу от Карфагена; при устье ее Итика.

[3] *стоянку*, находившуюся по ту сторону Итики.

[4] *вблизи...* Вероятно, разумеется нападение на борты корабля, с передней части отбивавшего неприятелей. См. прим. Швейггейзера.

[5] *послов карфагенских*, которые отправлены были в Рим для окончательных переговоров, и римских, которые отправлялись теперь для той же цели в Карфаген. Его соглашавшийся на мир с карфагенянами сенат вынужден был принять условия Сципиона, так как они были одобрены народом.

[6] *Гадрумет* — Hadrumetum, или Adrumetum, теперь Souza или Sousah, ниже Карфагена и выше Фапса, к востоку от Замы, главный город римской провинции Африки.

[7] *Замы...* — Zama Regia, город Нумидии, близ карфагенской границы, к юго-западу от Карфагена, на месте нынешнего Sidi-Amor-Djedidi, посередине между Сиккою и Адрумето́м. Сражение произошло не у самой Замы, но довольно далеко на запад от нее, у Нарагары, по Ливию, на границе Туниса и Алжира. Сражение произошло летом 202 г. до Р. Х. *Liv.* XXX 29–35. *Моммзен.* Р. И. I, 624 сл. (рус. пер.).

[8] *из-за Сицилии...* Первая Пуническая война (264–241 гг. до Р. Х.), рассказанная у Полибия (I 8–64), Диодора (XXII 14–XXIV), Зонары (VIII 8–17), Оросия, Д. Кассия, Аппиана. Война из-за Иберии — Вторая Пуническая (218–201 гг. до Р. Х.), с переходом через Альпы, с битвою при Каннах, с появлением Ганнибала под стенами Рима.

[9] *обратиться... с предложением...* Слова эти не имеют в нашем месте технического значения терминов referre, relationem facere, т. е. — представление в сенат вопросов на обсуждение по определению магистрата.

[10] *как... обыкновенно...* Манипулы hastati, principes, triarii располагались обыкновенно в шахматном порядке, в форме quincuncіy. В сражении при Заме Сципио́н отступил от обычного порядка с целью открыть свободный пропуск для слонов: промежутки между манипулами всех трех родов оружия шли по прямым линиям; боковыми промежутками названы у историка промежуточные пространства между различными родами оружия. При таком расположении рядами манипулы шли в глубину один за другим по прямой линии. *Marquardt.* Röm. Staatsverwaltung II, 340 сл.

[11] *на реке Требии* разбит Ганнибалом не П. К. Сципион, отец нашего Сципиона, но товарищ его по консульству, Тиб. Семпроний Лонг (218 г. до Р. Х. — 536 г. от основания Рима). *Polib.* III 66–74. Отец Публия разбит и ранен в сражении между рр. Падом и Тикином. *Polib.* III 56–65. В следующем году (217 г. до Р. Х. или 537 г. от основания Рима) Ганнибал при Трасименском озере восторжествовал над консулом Фламинием. *Polib.* III 77–85. Каннское сражение 216 г. до Р. Х. или 538 г. от основания Рима. *Polib.* III 108–117.

[12] *как... перечислили:* лигуры, галлы, балиары, мавры. *Liv.* XXX 33.

[13] *впереди поля сражения...* На чистом месте, свободном от тех помех, какие были на поле битвы, hastati, к которым с флангов примкнули сначала principes, потом triarii, составили кадры войска, которое теперь обходило препятствия.

[14] *Тогда как... разорвать...* Автор имеет в виду важнейшее преимущество римского манипулярного строя по сравнению с фалангой (ср. XVIII 31. 32), состоявшее в большей подвижности отдельных частей и отдельных воинов и благодаря тому в большей легкости целого, приспособленного ко всяким условиям места и вооружения, без ущерба для строя, как было и в битве при Заме. Место не совсем ясное. Прекрасные замечания Швейггейзера в защиту рукописного чтения. Ср.: *Моммзен.* Р. И. I, 413 сл.; *Marquardt.* Staatsverw. II, 347 сл.

[15] *Выражение* и проч., — относятся к карфагенским послам, явившимся к Сципиону после поражения просить мира. Автор не верит искренности тех выражений горя, какими послы тщетно старались тронуть раненого военачальника. Пропущенное в Сокращении между 16 и 17 главами пополняется из Ливия (XXX 36) и Аппиана (Punic. 48–52).

[16] *сорока пяти лет...* — так говорил Ганнибал в 553 г. от основания Рима (201 г. до Р. Х.), в 517 г. (237 г. до Р. Х.) ему было полных девять лет. *Polib.* II 1 6.

[17] Птолемей Филопатор умер в 204 г. до Р. Х., и царство перешло к малолетнему, четырех летнему сыну Птолемея Эпифану, который и был поручен покровительству Рима. Историк возвратился к рассказу о Филиппе после того, как сообщил о карфагенских послах, явившихся в Рим и достигших утверждения условий мира, какие были предложены Карфагену Публием. Единовременно с этими послами прибыло в Рим и посольство от Филиппа, но оно удалилось ни с чем. Филипп и Антиох заключили между собою договор в видах дележа Египта.

[18] *кианов...* — жители Кия, что в Вифинии, союзники этолян; Филипп разграбил город, не смущаясь тем, что сам в то время был в союзе с этолянами. О Кии см.: *Strab.* XVI 4 3, p. 563; *Liv.* XXXII 33. Раньше он завоевал города, тоже союзные с этолянами, Лисимахию и Калхедон. *Liv.* XXXII 33; XXXIII 30. В следующей главе соображения автора по поводу судьбы кианов, которые были сначала во власти тирана Молпагора, потом этолян и вздумали искать защиты у Филиппа, но через то попали в худшую еще беду. Поступал он так в угоду шурину своему, вифинскому царю Прусию I.

[19] *шурину* (Прусию I), женатому на сестре Филиппа. *Liv.* XLII 12.

[20] *в этом случае...* Собств. в этом отношении, с этой стороны, т. е. Филиппу удавалось вполне скрывать от родосских послов свои замыслы до последнего момента.

[21] *Так как* и проч. Очевидно, автор говорил в пропущенных строках о падении Филиппа и считал нужным оправдать такое свое уклонение от хронологического порядка. Македоняне соприкасаются с делами Египта, почему речь идет дальше об Египте.

[22] *Сосибий* своим поведением не оправдывал звания опекуна. Упомянут здесь как союзник и потом соперник Агафокла, который и пожелал избавиться от него, чтобы властвовать одному.

[23] *Лисимаха*, сын Птолемея Филадельфа от Арсинои, дочери Фракийского царя Лисимаха, брат Птолемея Эвергета. *Pausan.* I 7 кон. *Мага*, сын Птолемея Эвергета, дед которого по матери, тоже Мага, был единоутробный брат Птолемея Филадельфа. *Pausan.* I 7. От Береники, дочери Маги, и Птолемея Эпифана произошел упомянутый здесь Мага, которого лишил жизни Птолемей Филопатор по проискам Сосибия. *Арсиноя*, сестра и супруга Птолемея Филопатора (ср. V 83 3; XV $33_{11\text{-}12}$). Она же называется Клеопатрой (*Liv.* XXVII 4). Царь дал согласие Сосибию на умерщвление супруги, а вскоре и сам умер, 205 г. до Р. Х. или 549 г. от основания Рима (*Iustin.* XXX 1. 2). Следствием этого было народное восстание против жестоких узурпаторов.

[24] *маляра*... Указание, кажется, на скамейки, раскраскою которых попрекал Тлеполем кого-нибудь из родственников и родных Агафокла. Все последующие насмешки обращены или прямо на Агафокла, или на кого-либо из близких его.

[25] *Прежде всего* и проч. Связь с предыдущим состояла, вероятно, в перечислении бесчинств и жертв тирана, вызвавших народное восстание. Македоняне в Александрии, как видно из нижеследующего текста, составляли, вероятнее всего, придворную стражу, вооруженную по-македонски. Восстание народа и гибель Агафокла рассказаны тоже Юстином.

[26] *Бубаст* — город Египта, теперь Tel-Basta, на восточном берегу Пелусийского рукава Нила.

[27] *в крытый ход*... Это крытая галерея, соединявшая два здания, иногда подземный ход. XXI 28 4.

[28] *золотой венец*... Согласно обычаю, гости возлежали за столом в венках, и Агафокл один получил от хозяина золотой венок, что получить прилично было бы царю.

[29] *Агафокл* — тиран Сиракуз, царь Сицилии, сын Каркина, переселившегося из Регия в Фермы, первое время занимался гончарным делом, ремеслом отца (361–289 гг. до Р. Х.). *Дионисий* Старший, сын Гермократа, погонщика ослов (431–367 гг. до Р. Х.).

[30] *Антиох III Великий*.. Пользуясь малолетством Эпифана, соединился с Филиппом с целью отторжения некоторых областей от Египта; Египет и Кипр должны были отойти к Антиоху, Кирена, Иония и Киклады — к Филиппу. Ср. XVI 18.

ПРИМЕЧАНИЯ К ШЕСТНАДЦАТОЙ КНИГЕ

После описания разгрома Карфагена историк обращается к эллино-македонскому востоку, где самыми событиями подготовлены дальнейшие успехи римского оружия. Царь Македонии Филипп был недавно союзником Ганнибала, и ему предстояло понести кару от восторжествовавших над карфагенянами римлян. Исполнение плана раздела Египта между Сирией и Македонией Филипп начал с посягательства на эллинские вольные города Пропонтиды и Эгейского моря. Положение Кия, Лисимахии, Калхедона, Лампсака, Фаса, о

чем рассказано выше, вынудило родосцев начать войну против Филиппа; с родосцами соединился царь Пергама Аттал I, византийцы и хиосцы. Союзный флот был под командою родосца Феофилиска, который больше всех и возбуждал к войне. В XVI книге излагались события годов 553 и 554 от основания Рима (201 и 200 гг. до Р. Х.); к первому из этих годов относятся фрагменты 1–22, ко второму — дальнейшие. Пробелы в известиях Полибия недостаточно пополняются другими писателями. *Appian.* Maced. 3 и особенно 4; *Diod.* XXVIII 1. 5. exc. de Virt. et vit., p. 573. Ср.: *Моммзен.* Р. И. I, 660 сл. (рус. пер.); *Nissen.* Kritische Untersuchungen, стр. 121, сл. 325; *Hertzberg.* Griech. Geschichte I, 54 сл.

[1] *к Пергаму...* Об этом же событии, как относящемся к 553 г. от основания Рима, говорит Ливий под 554 годом: Philippo circa Pergama urente sacra profanaque (XXXI 46). Появление под Пергамом предшествовало сражениям в Хиосском проливе и при Ладе. Обратный порядок событий принимает Герцберг вслед за Шорном: Geschichte Griechenlands. 219 сл.

[2] *бесчинствам...* Термин подлинника содержит в себе понятие излишества, исступления, обращаемого против одушевленных и неодушевленных предметов. Ближайшим поводом к исступлению служили, как видно из нижеследующего, неудачи под стенами города, который, казалось, вместе с владетелем его Атталом был в его руках; алчность к добыче также не находила удовлетворения. Поэтому Филиппу оставалось обратить свою ярость за отсутствием людей-врагов на богов, и хотя такой исход дать своему исступлению.

[3] *Никефорий* — священная роща Зевса Победоносного, подле Пергама, восстановлена была Эвменом II. *Strab.* XIII 4 2, p. 624. Ср.: *Liv.* XXXI 46; XXXII 34.

[4] *к Фиатейрам...* Город северной Лидии, теперь Akhissar, к северу от р. Гилла, притока Герма. Филипп от Пергама двинулся на юго-восток в Лидию. Равнина Фивы в углублении Адрамитского залива, следовательно в Мисии, к северо-западу от Пергама. Упоминается у Геродота, Ксенофонта и др. Ливий о походе Антиоха в эти места в 190 г. до Р. Х (XXXVII 19 кон).

[5] *в Гиераком...* (деревня в Карии по Стеф. Визант.), кажется, город Лидии между Пергамом и Фиатейрами, впоследствии именовавшийся Гиерокесарея.

[6] *Зевксида...* Сатрап Лидии, жил в Сардах, упоминается у Ливия XXXVII 41. 45 и в других местах у Полибия. Посаженный Антиохом, сатрап должен был во исполнение договора его царя с Филиппом исполнить требование этого последнего относительно продовольствия. Но цари мало заботились о делах друг друга и думали только о скорейшем присвоении себе своей доли. Согласно с этим действовал и Зевксид.

[7] *города...* Неизвестно, какого. Ниссен (Krit. Unters. 122) почему-то разумеет Пергам, хотя речь идет несомненно о приморском городе, близлежащим к месту сражения, о котором тотчас идет речь.

Догадка Швейггейзера, что здесь разумеются Эрифры, на малоазийском берегу против Хиоса.

[8] *враг*... Союзный флот родосцев и Аттала, немного южнее Эрифр, у малоазийского берега.

[9] *предупредить*... Раз противник не ожидал Филиппа в открытом море, этот последний мог проскользнуть благополучно мимо неприятельской стоянки. Расчеты Филиппа не вполне оправдались.

[10] *врозь*... Появления Филиппа в водах они не ждали и к правильному отплытию из гавани со всеми кораблями не были готовы.

[11] *застигнутый врасплох*... Вынужденный обстоятельствами, Филипп повернул свои корабли носами назад, против неприятеля, причем правое крыло его шло вдоль азиатского берега, левое — близ Хиоса; тут были родосцы с Феофилиском, там Аттал.

[12] *промежуточных*... — между Хиосам и Азией. Страбон (XIV 1 31, p. 644) насчитывает островков этих четыре, по имени Гиппы.

[13] *с пристами*.. Обыкновенно вместе с челноками и в меньшем против них числе. О том же Филиппе (XVIII 1 1) говорится, что он в Малийском заливе имел с собою пять челноков и одну присту. Ливий переводит термин словами navis rostrata (XXXII 32) или употребляет его в эллинской форме (XXXV 26, XLIV 28). Это — длинное узкое судно большой скорости без палубы; названо оно, вероятно, по имени морской большой рыбы или кита. Кажется, приста была изобретением македонян, от иллирийцев заимствовавших челны. Челны достигали иногда значительной величины, если 5000 человек могли быть перевезены на 100 челнах (*Polib.* II 3 1). На 10 челнах могли поместиться кроме команды 220 пленных и 20 лошадей (*Liv.* XLIV 28 нач).

[14] *триемиолии*.. Военные суда с 2 1/2 рядами весел. По определению Гесихия, это длинное открытое судно.

[15] *с восьмипалубным судном*... До Александра Македонского флоты эллинских городов не знали кораблей больше как в 6 рядов весел. При Александре появились семи-, восьмипалубники и т. д.

[16] *был захвачен*... Сила удара не была рассчитана, и десятипалубник слишком глубоко врезался в небольшое судно, которое как бы повисло на нем

[17] *нос... поднят*.. У неприятельского восьмипалубника, как видно из нижеследующего и из § 12 следующей главы.

[18] *подставки под башнями*... Башни на передней и задней частях корабля упоминаются у Афинея (p. 208), Ливия (XXXVII 24); в башнях помещались люди.

[19] *как сказано выше*... Ср. 2. Так как Филипп пустился в море сверх всякого ожидания, то не все силы воевавших против него союзников могли выйти из гавани разом: сначала вышел со своим флотом только Аттал, почему родосцы вначале и были далеко от Филиппа.

[20] *два морских сражения*... В проливе между Азией и Хиосом, на пути Филиппа к Саму.

[21] *Таков* и проч. Союзники одержали решительную победу над македонянами, но результаты сражения куплены были потерею Аттала и смертью Феофилиска.

[22] *Аргенна*, мыс Эрифрского полуострова на ионийском берегу, теперь Capo Bianco (*Strab.* XIV 1 33), подле Чесменской бухты, ближайший к месту сражения пункт, следовательно как бы самое поле битвы оставалось во власти Филиппа. На другой день Филипп действовал так, как подобало бы победившей стороне, а не побежденной: он сам собирал обломки кораблей и тела убитых без испрошения на то разрешения у противника.

[23] *пролив* — между Эрифрским полуостровом и о-вом Хиосом, самая узкая часть коего между Аргенном и святилищем Посейдона определялась Страбоном в 1 1/2 мили — 60 стадий. *Strab.* XVI 1 2–3.

[24] *при Ладе*... Островок в Карийских водах против Милета; наносы из р. Меандра соединили его с материком. Филипп, очевидно, воспользовался отсутствием Аттала для того, чтобы нанести поражение родосцам. Военные действия перенесены были в Карию. Петер (Geschichte Roms I, 429) изображает это последнее сражение, как предшествующее хиосскому и нападению на Пергам. Ср.: *Швейггейзер*. Polib. VII, 256–258.

[25] *городок*... В Карии, недалеко от Принаса, как видно из ближайшего текста. Впрочем, на полях Древнего сокращения значится около Книда, на южном берегу Керамикского залива.

[26] *под Принасом*... Та же история с некоторыми еще подробностями рассказана у Полиэна (IV 18 1), где Принаосс называется родосским городом, следовательно помещается в Карии, на так называемой Перее, Terra firma Родоса.

[27] *навесы*... Для прикрытия земляных работ от неприятеля. Ср. VIII 5 3 прим.

[28] *Город иасян* — Иас, теперь Asyn Calessi, город Карии, между Милетом и Галикарнасом. Минд, теперь Gumishlu, дорийский город Карии, в Иасском заливе, к северо-западу от Галикарнаса, к югу от Иаса. В том же заливе и город Баргилии, теперь Geverdjiulic.

[29] *Нелея*... Основателем Милета называется у Страбона: XIV 1 3, p. 633.

[30] *Киндиадской*... По имени карийского поселения Киндии. *Strab.* XIV 2 20, p. 658. *Астия*, тоже поселение в Карии.

[31] *люди... тень*... Тот же рассказ о том же святилище передает Павсаний с добавлением о сиэне, что в Египте (VIII 38 6).

[32] На основании Аппиана (Maced. 4), Ливия (XXXI 14), Юстина (XXX 2. 3) следует заключить, что эпитоматорами опущены известия автора об афинских делах этого времени, на которые имеются намеки в дальнейшем изложении, а равно предшествовавшие еще афинским событиям обращения в Рим с просьбами о помощи со стороны этолян, Египта, родосцев, Аттала (*App.* Maced. 2. 3; *Liv.* XXXI 2. 29). Умерщвление в Афинах двух акарнанских юношей и следовавшее засим разорение Аттики акарнанами в сообществе с македоня-

нами были ближайшею причиною войны Рима с Филиппом. К тому же году (201 до Р. Х.) относятся события в Пелопоннесе, когда тиран Набис вопреки всякому праву вторгся в Мессению, взял Мессену и осадил Ифому. Из Мессены прогнал его Филопемен (*Paus.* IV 29 4; VIII. 50 5, 51 1; *Plut.* Philop. 12; *Liv.* XXXIV 32).

[33] *с этолянами... мессенянами...* Элида и Мессена в союзе с этолянами. *Liv.* XXXVI 31. Ср.: *Strab.* VIII 3 30, p. 354; 33, p. 357; *Paus.* IV 29 6–7; VIII 49 7.

[34] *сражения...* — Хиосское и при Ладе (2–10).

[35] *Зенон и Антисфен* из Родоса, упоминаемые Диодором (V 56) и Диогеном Лаэртским (VI 1 11; VII 1 30).

[36] *наименьшим парусом...* Который находился на носу корабля, два других, больших, дальше к корме. Этот парус поднимался для быстроты хода, как видно из Диодора (XX 61) и Ливия, употребляющего тот же термин (XXXVI 45 нач).

[37] *к Косу...* У входа в Керамикский залив, теперь Co или Stanco, к югу от Милета и Лады.

[38] *Гоплитою...* Вероятно, приток Ойнунта, впадающего в Эврот. Узкая тропинка мимо Полиасия, — неизвестный пункт, — должна была идти в долине Ойнунта, замечает Бурсиан (Geogr. von Griechenl II, 117). *Селласия* на правом берегу Ойнунта.

[39] *Фаламы* — поселение восточной Мессении. Pausan. III 1 5. *Фары*, у Гомера Феры, теперь Calamata, город Мессении к юго-востоку от Мессены, к востоку от р. Памиса. *Pausan.* IV 3 2; 30 2 и др. *Памис*, теперь Pirnatza, р. Мессении, в верхнем течении Балира, к востоку от города Мессены.

[40] *Скиронид* — ныне Скирады, у *Strab.* (IX 1 4 p. 391) Скиронидские Скалы, у Геродота (VIII 71) Скиронидская дорога, к северо-востоку от Коринфа, восточная, обрывающаяся в Саронический залив окраина Герании, которая отрезает Истм с севера от моря до моря. Узкая тропа на этих скалах служила притоном разбойников. *Neumann* und *Partsch.* Geogr. von Griechenl. 194.

[41] *Контопорию...* Дорога из Коринфа в Аргос через Клеоны. Ср.: *Athen.* II 43 e.; *Pausan.* II 15 2. Понятно, из Коринфа в Аргос не могла идти дорога на Скирониды.

[42] *по такому направлению...* Пункты, действительно ведущие от Коринфа в Аргос, не могут привести путника к Истму и Скирадам.

[43] *переправляться...* Спарта на западном берегу Эврота, со стороны Мессении, Селласия при Ойнунте, восточном притоке Эврота.

[44] *Алфей* — водообильнейшая из рек Пелопоннеса, начинается в Тегейской области на границе с Лаконикой, протекает Аркадию и Элиду. На протяжении от Лохов до Пег (теп. Marmariani) к западу от Асеи река дважды скрывается под землею. На пути принимает множество притоков и изливается в Ионийское море выше Киллены. *Pausan.* VIII 44 4; 54 1–3; *Curtius.* Peloponn. II 248 сл., 264 сл.; *Bursian.* Geogr. von Griechenl. II, 187.

[45] *Ликон...* Между Гереей на севере и Мегалополем на юге, у подошвы Менала, с храмом Артемиды. *Pausan.* VIII 36 7.

[46] *Лусия*... В нижнем течении Гортиний, по имени города, правый приток Алфея, немного выше Ликои; названа так река будто бы от того, что там купали новорожденного Зевса. *Pausan.* VIII 28 2.

[47] *осады*... — которые случились в 198 г. до Р. Х. (*Polib.* 39 сл). Из Ливия мы знаем, что Скопас с 6 000 пехоты и с наемной конницей удалился в Египет в 199 г. до Р. Х. В следующем году он во главе своих и египетских войск выступил в Келесирию и возвратил ее под власть Птолемеев, ибо битва при Рафии (V 86 сл) обратила ее в одну из провинций Сирийского царства. Паний — гора, где источники Иордана. Стеф. Визант.

[48] *панцирная конница*... Впервые упоминается в войсках Селевкидов. Ксенофонт называет различные покровы боевых лошадей. *H. Droysen.* Gr. Kriegsalterthum. 31, прим. 2.

[49] *с Антипатром*... Племянник Антиоха III Великого. V 79 12. *Liv.* XXXVII 45.

[50] *с конницею сподвижников*... Конная гвардия македонских царей со времени Филиппа, опора македонской конницы. *Polib.* VIII 11 5. 11, V 53 4.

[51] От Филиппа и родосских историков автор возвращается к Египту, к положению его по смерти Агафокла, когда в лице Тлеполема партия Сосибия получила могущественного врага. На стороне Тлеполема были солдаты туземные и наемные, знать поддерживала Сосибия.

[52] *Птолемей*, сын Сосибия-старшего (XV 25), брат Сосибия, о котором автор ведет речь. Возвращение Сосибия из Македонии относится к 201 г. до Р. Х., потому что позже Филипп в союзе с Антиохом вел войну против Египта.

[53] *собрании* <...> Здесь отмечен пробел, на месте которого были обвинения, выставленные Тлеполемом.

[54] *Газы*... На стороне египтян еще при Птолемее Филопаторе против Антиоха (V 68 2). Против Антиоха, вторгнувшегося в Сирию при малолетнем преемнике Филопатора, Эпифане, в Келесирию послан был этолиец Скопас (XVI 18. *Liv.* XXX 43). В числе городов, доставшихся победоносному Антиоху, была и Газа. Ливий приурочивает событие к 553 г. от основания Рима или 201 г. до Р. Х., что согласуется с помещением этого отрывка в рукописях, после 22-й главы нашей книги.

[55] *Не уступая*... Жители Келесирии обладали военной отвагой, и газянам достаточно было не уступать прочим городам в этом отношении, чтобы заслужить одобрение.

[56] *Александра*, сына Филиппа, в 332 г. до Р. Х. *Droysen.* Hist. de l'hellen. 297 сл.

[57] *Публий... событий*.. Т. е. в 201/200 г. до Р. Х. (553/554 г. от основания Рима). Сведения о том же у Аппиана: Maced. 4; Punic. 66. и Ливия (XXX 45).

[58] *принадлежностей триумфа*.. Прежде всего множество пленных с царственным Софаком во главе, потом разнообразная добыча. От Полибия не сохранилось описание подробностей триумфа,

превосходившего по великолепию все предшествующие. Более подробно у Аппиана: Punic. 66. Ср.: *Liv.* XXXI 49. Римляне как бы осязали в триумфе знаки тех опасностей, от которых избавил их триумфатор.

[59] *Публий Сульпиций* Гальба выбран в консулы в 552 году и в мартовские иды этого года вступил в должность. Филипп вынужден был неприятелем зазимовать в Карии. *Liv.* XXXI 5. Ср.: Ibid. 14–18; *Diod.* XXVIII 6; *Poliaen.* IV 18 2). Позднею осенью 200 г. Филипп возвращался в Македонию, когда узнал, что Публий Сульпиций Гальба перешел Адриатическое море по пути в Македонию. *Liv.* XXXI 18. 22.

[60] *посольства* от Аттала и родосцев. *Liv.* XXXI 2.

[61] *миласийцы* — жители Милас, города Карии, теперь Melasso, к северо-востоку от Галикарнаса. *Алабанды*, богатейший город Карии, развал. подле Карнусема к северо-востоку от Милас. *Магнесия*, город Ионии на Меандре, теперь Inck-bazar, между Эфесом и Милетом.

[62] *Миунт*, город Ионии, теперь развал. Паллатии, у левого устья Меандра.

[63] *к... Атталу*... На о-в Эгину. Из Карии, где он зимовал, Филипп вынужден был спешить домой. Преследовавшие его Аттал и родосцы подошли к Эгине, откуда царь и отправился в Пирей. *Liv.* XXXI 14. Эгина была предоставлена этолянами Атталу в постоянное владение за 30 талантов. *Polib.* XXII 11 10.

[64] *римские послы*... У Ливия (XXXI 14) говорится не о римских послах, но о Гае Клавдии Центоне, посланном в Афины Сульпицием с 20 кораблями для освобождения Афин от осады акарнанскими и македонскими войсками.

[65] *Дипил* — северо-западные ворота Афин, из города ведшие по Священной улице в Керамик, а шедший от них в город Dromos оканчивался портиком Аттала. *Liv.* XXXI 24.

[66] *филу*... С 307 г. в Афинах было 12 фил, считая Антигониду и Деметриаду; эти последние наименования заменены были потом другими: новая Эрехфеида и новая Эгеида. Одна из этих новых фил переименована была в Птолемаиду в честь Пт. Филадельфа, другая в Атталиду. *Schömann.* Gr. Alterthüm. I, 556 сл., 2.

[67] *родоначальникам-покровителям*... По примеру десяти клисфеновых фил, носивших имена Эрехфея, Эгея, Пандиона и др.

[68] *градоправители*... Председательствующие в сенате пританы с проэдром во главе.

[69] *выгоды... ими*... В этих словах содержалась угроза Аттала — лишить афинян поддержки в решительный момент.

[70] *исополитию*... Право гражданства в другом государстве, так что переселившийся сюда гражданин первого государства пользовался политическими правами почти наравне с туземными или старыми гражданами. *Schömann.* Gr. Alterthüm. II, 112.

[71] *к Кеосу*... Один из Киклад, близко к Аттике, к северу от Кифна. Рукописным чтением предполагается направление послов родосцев от Эгины, где они нашли свой флот, и с ним вместе обратно на Родос

через воды Киклад, причем первою стоянкою был островок Кеос. Андр, Пар, Кифн были еще в руках македонян.

[72] *Никанор* — тот ли, о котором автор говорит ниже (XVIII 24 2), неизвестно.

[73] *в Афаманции*... Область в южном Эпире по р. Инаху. Аминандр, царь афаманов, упоминается раньше (IV 16 9).

[74] *к Антиоху и Птолемею*... Отсюда, кажется, можно заключить, что послами были те три римлянина, Г. Клавдий Нерон, Марк Эмилий Лепид и П. Семпроний Тудитан, которых называет Ливий XXXI 2. Ср.: *Iustin.* XXX 3; XXXI 1.

[75] *в этом крае*... Благодаря нерешительности противников Филипп проник в Геллеспонт, овладел Кипселами Дориском, Каллиполем и осадил Абидос. *Polib.* XXXIV 12; *Liv.* XXXI 16. 18.

[76] *мысы Европы*... Сест на Херсонесе Фракийском к северо-западу от Абидоса, немного ниже Сеста берег образует залив, к которому и обращен Абидос.

[77] *фокидское отчаяние*... Поговорка, сложившаяся во время войны фокидян с фессалийцами, когда фокидяне, решившись на последнюю битву, постановили, что в случае поражения сами заколют своих жен и детей, а потом лишат себя жизни. *Pausan.* X 1 5–10. Ср.: *Plut.* de virt. muller. P. 244.

[78] *с молитвенными венками*.. Лавровые венки, обвитые белою шерстью, в знак мольбы, умилостивления надевали на голову или несли на руке, на палке, тоже Лавровы ветки, обвитые белою шерстью.

[79] *Аттал*, направился сюда из Афин или из Эгины. *Тенед*, недалеко от входа в Геллеспонт, один из Спорад, вблизи троянского берега.

[80] *Марк Эмилий* — из числа послов, отправлявшихся в Александрию, наимладший.

[81] *После падения* и проч. Как видно из Ливия, Филипп по взятии Абидоса возвратился в Македонию; в пути он узнал, что Публий Сульпиций Гальба переправился через Адриатическое море. *Liv.* XXXI 18. 22.

[82] *Филопемен*.. Немного спустя после освобождения Мессены от того же Набиса (гл. 13), в 554 г. от основания Рима или 200 г. до Р. Х., в бытность Филопемена союзным стратегом (от начала лета 201 г. до начала лета 200 г. до Р. Х.). Но еще в 200 г. Филопемен отправился на Крит. *Pausan.* VIII 50 5; *Plut.* Philop., p. 362 сл.; *Liv.* XXXI 26. Интересно, что Плутарх об этом эпизоде умалчивает. Расстояния определены были с тою целью, чтобы по письмам, разосланным в разные концы, союзные отряды явились в Тегею по возможности одновременно с разных сторон и на различных расстояниях. Города более отдаленные получали приказание раньше, чем менее отдаленные. Ср. § 9.

[83] *общими дорогами*... Т. е. какие города в том или другом направлении лежали на одной и той же дороге к Тегее, так что отряду отдаленнейшего города по пути в Тегею необходимо было проходить некоторые промежуточные города.

[84] *к должностным лицам*... Местные должностные лица союзных городов.

[85] *с пятью драхмами денег*... — пять серебряных монет. Запасаться велено было на 10 дней.

[86] *доносчиков и соглядатаев*... — то же различение терминов у Аристотеля, который считает подобных людей непременною принадлежностью тирании. Polit V (8) 11, p. 1313b 12.

[87] *отборных воинов*... Кажется, здесь и V 82 2 речь идет о постоянных кадрах; в других случаях у Полибия речь идет о наборе ополчения.

[88] *к Скотите*... Дубовым лесом поросшая местность в северной Лаконике со святилищем Зевса Скотиты. *Pausan.* III 10 6; *Bursian.* Geographie II 216.

[89] *Филипп* и проч. Отрывок без имени автора сохранился у Свиды, а Валуа впервые усвоил его Полибию. Относится ли известие это к 555 (199 г. до Р. Х.) или 556 г. от основания Рима, неизвестно. Под первым из этих годов у Ливия: in Achaiam legatos misit (Филипп). XXXII 5. Под 554 г. от основания Рима (200 г. до Р. Х.) тот же историк рассказывает о появлении Филиппа в Аргосе, где было союзное собрание ахеян, об обещании его помогать против Набиса, если они начнут войну с римлянами, но царь потерпел неудачу и удалился в Коринф. XXXI 25. Наконец под 556 г. (198) находим опять известие о воздействии Филиппа на ахеян в том же смысле, и оплять безуспешно XXXII 19–23.

[90] *Скопас*... Зимою 556 г. Скопас покорил Иудею, потом у подножия Пания был разбит наголову Антиохом покорившим Самарию, Иудею и иные земли. *Liv.* XXXII 19. Отрывок, как и дальнейший (§ 3), сохранился в Иуд. Древностях Иосифа (XII 3 3).

[91] *Батанею*... Город Палестины к востоку от верховьев Иордана в области того же имени Самария, тоже Себаста, резиденция царей Израиля, теперь Schomom, к западу от Иордана к юго-востоку от Кесареи. *Абилы, Гадары* см.: V 71 2.

[92] *Иерусалимом*.. Речь идет о столице Палестины, знаменитой своим храмом. Ср.: *Strab.* XVI 2 28, 34, 36.

[93] *Бабрантий* — иначе Бабрант, поселение Эолиды насупротив Хиоса, *Гитта*—родина Голиафа, город филистимлян. *Геллу*, как торжище Аттала, должно искать в Пергамском царстве. *Инсобры*, имя народа, упоминавшееся раньше в форме инсомбров (II 17 4, 22 1 и др.). *Кандасы* — местоположение неизвестно. *Карфея* — город в южной части Кеоса, теп. Polis. *Мантуя* —город Транспаданской Галлии на р. Минчио, на дороге из Вероны в Парму.

ПРИМЕЧАНИЯ К ВОСЕМНАДЦАТОЙ КНИГЕ

Относительно размещения отрывков по книгам представляют затруднения конец XVI книги, XVII и XVIII. Первая из этих книг, посвященная событиям собственно 201 и 200 гг. до Р. Х. (553 и 554 гг.

от основания Рима), содержит в себе в нынешней редакции отрывки известий и о событиях 198 г. до Р. Х. (556 г. от основания Рима), в 39-й главе. Основание для такой редакции дает свидетельство Иосифа Флавия о принадлежности последних отрывков к XVI книге (Antiquit. XII 3 3). Тогда следовало бы допустить, что XVI книга обнимала события двух последних лет 144-й олимпиады и двух первых 145-й; но так как несомненно, что в XVIII книге излагались события двух последних лет 145-й олимпиады (197–196 гг. до Р. Х. или 557–558 гг. от основания Рима), то для XVII книги не оставалось бы ни одного года событий. Ниссен переносит две последние главы XVI в XVII книгу, которые, таким образом, и были бы единственными уцелевшими отрывками XVII книги. Показание Иосифа в пользу XVI книги ослабляется тем, что в одном из списков вместо шестнадцатой названа явно ошибочно одиннадцатая книга; у Иосифа в оригинале вместо 16-й могла находиться 17-я книга.

Что касается этой последней книги, то согласно общему распорядку материала у Полибия, на долю ее должны быть отведены события первых двух лет 145-й олимпиады, 199 и 198 гг. до Р. Х. или 555–556 гг. от основания Рима. Перечень событий этого времени составлен Ниссеном на основании показаний Ливия, Диодора, Плутарха, Аппиана, Иосифа (Krit. Untersuchungen, 326), и к XVII книге Полибия относящим только главы 38 и 39 нашей XVI книги. Других известий о событиях того же периода от Полибия не сохранилось, что объясняется тем, что древний эпитоматор не сделал извлечений из XVII книги. Древнейший и авторитетнейший список сокращений, список Urbinas CII, равно как и с него списанные относят к XVIII книге те самые отрывки, которые в более поздних списках и в печатных изданиях до Гульча приурочены к XVII книге. Основания для исключения XVII книги из издания Полибия выяснены достаточно уже Швейггейзером (T. II, p. V sequ. p. XI; T. VII, p. 303–306), но впервые применены к размещению отрывков по книгам Гульчем, у которого на месте XVII книги читаем: Libri XVII nullae reliquiae in codicibus Polubianis exstant. Швейггейзер, следуя за Валуа, предпочитал средний путь, как и более поздние издатели, именно: 17 первых глав, — 12 из древних извлечений, 5 так называемых извлечений Валуа, — отделял для XVII книги, отвечающей XXXII книге Ливия, а дальнейшие 38 к XVIII книге, которой соответствует XXXIII книга Ливия. То же распределение мы находим у Беккера и Диндорфа. Отрывками XVIII книги исчерпывается важнейший источник Полибиева текста, так называемое древнее сокращение (Excerpta Antique). XVIII книга Полибия обнимала события третьего и четвертого годов 145-й олимпиады, 197–196 гг. до Р. Х. или 557–558 гг. от основания Рима. Отрывки нашего автора пополняются Ливием (XXXII 32–40; XXXIII 1–19), Плутархом (Flamin. 5–9), Аппианом (Maced. 8. 9). Об отношении Ливия к Полибию в этой части истории говорит Ниссен (o. c. 22, 24, 26, 29, 32, 139–141).

Главным героем событий, рассказанных в XVIII книге, был консул Т. Кв. Фламинин, в 198 г. до Р. Х. принявший главнокомандова-

ние в войне с Филиппом, выбивший противника из сильной позиции на р. Аое в Эпире и вслед за Филиппом вторгшийся в Фессалию. Успехи римлян знаменуются соединением с ними правителя дарданов Плеврата, царя афаманов Аминандра, этолян. Переговоры между Филиппом и Титом в 198 г. кончились ничем. Положение Филиппа становится труднее, потому что его покидают и ахеяне. События эти рассказаны Ливием в XXXII книге гл. 10–32 по Полибию, от которого не сохранились относящиеся к этому времени известия. С 32-й главы XXXII книги Ливий может быть сличаем с нашим автором. Филипп просит римского консула о замирении для переговоров, которые и состоялись зимою 197 г. до Р. Х. у берегов Локриды Эпикнемидской в Малийском заливе. И на сей раз переговоры кончились ничем, когда римляне по внушению своих эллинских союзников потребовали от Филиппа очищения Деметриады, Халкиды и Коринфа.

[1] *В назначенное время*... Зимою 197 г. до Р. Х. (hiems iam eo tempore erat. *Liv.* XXXII 32), когда были уже выбраны новые консулы: Гн. Корнелий Цетег и Кв. Минуций Руф (*Liv.* XXXII 28 нач.).

[2] *Брахилл* — глава македонской партии в Беотии, тот самый, который впоследствии пал жертвою вражды двух партий, римской и македонской. *Liv.* XXXIII 27. 28; XVIII 43.

[3] *Киклиад* — vir insignis, союзный стратег ахеян, одно время соперник Филопемена, назван у Ливия главою Филипповой партии в ахейском союзе (XXXII 19 32; XXXI 25). Преемником его на должность союзного стратега был Аристен, стратег 198–197 гг. до Р. Х. Киклиад изгнан из Пелопоннеса римской партией.

[4] *Аристен* — союзный стратег ахеян в 198, 195 и 185 годах до Р. Х. (556, 559, 569 гг. от основания Рима), по свидетельству Плутарха (Philop. I, p. 356) и Павсания (VIII 49 2), мегалополец родом. Ливий (XXXII 32) передает речь, которою Аристен убедил ахеян променять дружбу Филиппа на союз с Римом. Вообще Аристену принадлежала важная роль в позднейшей истории ахейского союза.

[5] *объяснять*... *Титу*... Объяснять должен был Филипп, от которого исходил почин переговоров. XXXII 32 нач.; 33 нач.

[6] *по заключении мира в Эпире*... Мир между Филиппом и Римом в 205 г. до Р. Х. — 549 г. от основния Рима заключен в эпирской Фойнике. *Liv.* XXIX 12; *Appian.* Maced. 2.

[7] *Перею*... Владения родосцев на противоположном карийском берегу от Ликии до укрепления Фойника.

[8] *эвромлян*... Эвром — городок Карии к северо-западу от Милас под горою Грием (regio est continentis adversus insulam, vetustae eorum dicionis. *Liv.* 33).

[9] *восстановить*... *византийцев*... — союз городов на начале объединения в правах гражданства с центральным положением одного из городов или на начале слияния меньших городов с большим воедино. Здесь перинфяне сливались в одну общину с византийцами. *Симполитией* назывались, впрочем, и федерации ахейская и этолийская.

[10] *город аргивян...* Взят македонянами в 198 г. *Liv.* XXXII 23–25.

[11] *города... этолян...* Кий, Лисимахия, Халкедон. XV 21–23.

[12] *Александр... Исский...* Кажется, от беотийского города Иса. Ср. 10 9.

[13] *за Азию... Антигона...* Антигон вел борьбу с Эвменом, Птолемеем, Селевком, Кассандром, Лисимахом. *Plut.* Demetr. 28–30.

[14] *разрушил...* У Ливия (XXXII 13. 33) перечислены многие города фессалийцев, разрушенные Филиппом в 198 г. до Р. Х., как неспособные устоять против римлян или против этолян. Ср.: *Plut.* Flamin. 3. 4. 5.

[15] *Фарсал* — город Фтиотиды (а не Фессалиотиды, как у других писателей), на Энипее, прославлен битвою между Кесарем и Помпеем в 48 г. до Р. Х. (706 г. от основания Рима). *Ларисса* Кремаста, город Фтиотиды, на восточном берегу, теперь Gardhiki.

[16] *громоздить... на добычу...* Поговорочное выражение, означающее, что этоляне в одно и то же время грабили и врагов, с которыми вели войну согласно народному постановлению, грабили союзников помимо народного постановления; при этом под видом помощи той или другой стороне они грабили обе воюющие стороны.

[17] *аграев...* Об этом народе, жившем между р. Ахелоем и южной границей Эпира, см.: *Thuk.* III 111. 114; *Strab.* X 2 1. *Аподоты*, тоже народ *Добавочной* Этолии, как предыдущий и следующий, в южной части ее, у границы локров озольских. *Thuk.* III 94–98. *Амфилохи*, эпирский народ, к востоку от Амбракийского залива.

[18] *решение... римлянам...* Достигнуто это усилиями Фламинина в 198 г. до Р. Х., а рассказано у Ливия XXXII 19–23. Ср.: *Plut.* Flamin. 5; *Pausan.* VII 8 1. Наидольше верными Филиппу оставались Дима, Мегалополь, Аргос.

[19] *наедине поразмыслить...* Намек на то, что Тит пользуется многочисленными советниками в противность ему, нуждающемуся через это в более внимательном рассмотрении требований противников. Приняв замечание на свой счет, Тит и отвечает, не желая показаться не понимающим насмешки.

[20] *в то время...* Ибо впоследствии Аппий Клавдий был претором и консулом.

[21] *у Фрония...* Город Локриды Эпикнемидской, подле сегодняшней Romani.

[22] *фурийских...* Речь идет, конечно, об акарнанском городе Фирии, упоминаемом у Полибия IV 6 2. 25 3.

[23] *друзья Тита*, очевидно, содействовали состоявшемуся решению сената, так как Тит желал для себя оставить продолжение македонской войны. *Liv.* XXXII 28.

[24] *дважды... сражении...* Разумеются битвы при Аполлонии и в области дассаретов. *Liv.* XXXI 39, XXXII 12; *Hertzberg.* Gesch. Griechenl. 67. 70.

[25] *применительно к настоящему случаю...* Некоторые называли предателем союзного стратега Аристена за то, что он содействовал разрыву ахеян с Филиппом и союзу их с римлянами. Наш автор оп-

равдывает политику Аристена требованием выгод ахейского союза и доказывает необходимость большой осторожности в применении к тому или иному лицу имени предателя. Поведением ли Аристена внушен автору эпизод о предательстве, или каким-нибудь другим случаем, сказать трудно: последнее вероятнее, ибо Аристен приводится только как пример. Ср.: *Liv.* XXXII 32.

[26] *Керкидас... Тимолу...* Эти и другие имена в речи Демосфена De corona 224, p. 394. Если Демосфена и можно упрекать за увлечение афинским патриотизмом, то в числе поименованных им личностей было немало недостойных, судя по отзывам Феопомпа (*Athen.* VI, 249 c. X, p. 436 b) о Фрасидее, Тимоле, по отношениям Арата к Аристрату (*Plut.* Arat. 15), по отзывам Демосфена в других местах о Птеодоре, Перилае и др.

[27] *подчиняют.. располагает..* — введя в родной город сильный неприятельский гарнизон и тем самым обязав жителей к безусловной покорности иноземному врагу.

[28] *говоря словами Демосфена..* «Никто не тратится ради выгод предателя, никто не пользуется больше советами предателя, как только получит то, чего от предателя добивался; иначе житье предателя было бы блаженнейшее. На самом деле это совсем не так. Как скоро жаждущий власти достигает ее и становится господином самого предателя, он ненавидит его, не доверяет ему, издевается над ним, потому что знает хорошо его подлость». De corona 47, p. 241.

[29] Главы 16 и 17 изложены со слов нашего автора Ливием в заключение XXXII книги (гл. 38–40). Аргос предан Филиппом Набису, который с предложением о замирении обратился к Фламинину и Атталу. Тит, находившийся в это время в Антикире, звал Аттала, стоявшего с кораблями у Эгины, в Сикион. В переговорах участвовал и союзный стратег ахеян Никострат. Чествование Аттала в Сикионе имело место, когда он на обратном пути из-под Аргоса, где происходили переговоры, зашел в Сикион.

[30] Аттал держал речь в народном собрании беотян в Фивах и тут внезапно заболел. Orsus a maiorum suorum suisque et communibus in omnem Graeciam et propriis in Boeotorum gentem meritis, — obmutuit et concidit. *Liv.* XXXIII 2 нач. Умер на 72 году жизни после 44 лет царствования, в Пергаме, куда перевезен был из Фив. Ibid. 21 нач. Упоминание о смерти Аттала у *Polib.* XVIII 41.

[31] *Tum* находился в это время со своей стоянкой под Фивами в Беотии: беотийский союз был уже на стороне римлян.

[32] *палисадины* (палисадина и палисад), частокол лат. vallus, также sudes, stipites, с наружной стороны вала, окружавшего стоянку, они образовали засеку (valli sunt fustes, quibus vallum munitur. *Isid.* Orig. 15, 9 2). Это — древесные пни, обтесанные в тычины с двумя-тремя развилинами на верхнем конце (bifurci, et trium, aut cum plurimum quattuor ramorum), почему назывались еще cervi, cervoli. *Caes.* Bell. Gall. VII 72.

[33] *при многочисленности... землю...* Невыгода эллинских палисадин состояла в том, что в землю закапывался ствол, а по обеим

сторонам его торчали большие крепкие ветви; они мешали ставить тычины вплотную одну подле другой и облегчали исторжение из земли самых пней.

[34] *к Скотусе*... К востоку от Фер, между Ферами и Скотусой высоты Киноскефалы. Ср.: X 42 3. Но путь Филиппа лежал на Эретрию, к юго-востоку от Фер и к югу от Скотусы; путь римлян к Онхесту шел на север от Фер.

[35] *Онхеста* — р. Фессалии, начинается за Киноскефалами и впадает в оз. Бойбеиду.

[36] *при Меламбии*... *Фетидия*... Римляне подходили к месту сражения с севера, македоняне с юга. *Фетидий* собств. святилище Фетиды, поселение с храмом богини. *Меламбия* — деревня подле Скотусы.

[37] *сторожевой отряд*... Царь не ждал скорого нападения, и потому, оградив массу войска окопами, послал на ближайшие высоты тот отряд, на коем лежала наружная охрана стоянки.

[38] *гиртонца*... Уроженца города Фессалии Гиртона, теперь Salambria, на р. Пенее.

[39] *Киноскефалами*... — Собачьи головы, группа холмов, господствующая с востока над Скотусой в Пеласгиотиде.

[40] *перевалы*... *Эордею*... Узкие проходы на северном берегу Бегоритского озера (теп. Niausta); через этот перевал проходила дорога в римскую эпоху от Диррахия до Фессалоники, via Egnatia. Эордея, область верхней Македонии, к юго-западу от Эмафии. Упоминаемое автором сражение относится к 200–199 гг. до Р. Х. *Liv.* XXXI 39. Римское войско шло по южному склону Киноскефал, а македоняне по северному.

[41] *в Эпире*, в 198 г. до Р. Х. *Liv.* XXXII 12.

[42] *удвоить глубину*... Вместо 8 шеренг получалось 16 в фаланге. Для большей плотности строя сокращались промежутки между отдельными солдатами до 3 футов во фронте.

[43] *благодаря*... *строя*... Филипп повел в битву правое крыло.

[44] *Благодаря*... *строя*... Подвижность, способность быстро изменить положение сообразно обстоятельствам или разбиться на мелкие группы были менее всего свойственны фаланге; труднее всего было, конечно, стать обратным фронтом против неприятеля. Плотность строя, не оставлявшая места для эволюции, длина сарис и положение их в бою обращали фалангу в единую массу, способную двигаться только вперед. Македоняне не раз терпели поражение вследствие малоподвижности фаланги. *Droysen.* Gr. Kriegsalterthümer, 174.

[45] *перед фронтом*... Фаланга очутилась «между двух огней»: с тыла ее истреблял отряд римлян с правого крыла, перед собою она имела опрокинутое было левое крыло. Ср. 25.

[46] *к Темпам*... Единственная проезжая дорога из Фессалии в Македонию, пролегающая между крутыми обрывами Олимпа на севере и Оссы на юге Темпы — разрез, прорез, образуемый водами Пенея. Подробности о знаменитом ущелье, воспетом поэтами, в сочинении *Heuzey.* Mont Olympe et l'Acarnanie. P. 65–79.

[47] *до Гоннов*... Город Фессалии в земле перребов, на левом берегу Пенея, ключ к Темпейскому проходу.

[48] *македонян*.. Если македонская фаланга при Киноскефалах содержала в себе 16 000 человек, то от нее после решительного сражения осталось едва одна пятая.

[49] *ставил... вперемежку*... Система расположения войска смешанная, в которой механически сочетались элементы построения в легионы и в фалангу; от того, по мнению автора, Пирр и не одержал ни одной решительной победы.

[50] *на два фута* — мера расстояния одной шеренги фаланги от другой, одного солдата от другого в глубину, а не во фронте; эта последняя мера — 3 фута. Сарисы фалангитов шестого ряда, протянутые вперед, были бы вровень с фронтовой линией фаланги, сарисы дальнейших рядов не достигали бы фронта вовсе.

[51] *нападение*... С протянутыми вперед сарисами.

[52] *лично*... Собственно как отдельные люди или воины, что поясняется всем дальнейшим: сарисами они образуют обширный щит, охраняющий фалангу от стрел, падающих сверху; своею массою усиливают силу натиска передних рядов и отнимают у них возможность оборотиться вспять. Первые пять рядов держат свои сарисы напевес в горизонтальном положении, далее следующие ряды — под углом, причем пика направляется мимо плеча вверх. Различные догадки у Швейггейзера.

[53] *не строят... линии*... Не вся армия соединена в одном боевом строе, находится не в одинаковом положении.

[54] *преимущества... противной*.. В оригинале говорится собственно о большой разнице между македонским и римским боевым строем. Автор причину поражения македонян видит в самом устройстве фаланги; между тем из его же показаний о битве при Киноскефалах видно, что бóльшая часть фаланги была настигнута римскими войсками и слонами во время восхождения на высоты, когда фаланга была еще в походном, а не боевом строе, а другая подверглась нападению с тыла.

[55] *из щитоносцев*... В Спарте термином этим назывались следовавшие за гоплитами гелоты с щитами в руках для господ (*Xenoph.* Hellen. IV 5 14, 8 39; VI 2 23). В македонской армии эллинистического периода гипасписты то царские телохранители, то род оружия, пехота более легкая, чем фалангиты (V 27 3), пешая гвардия из отборных воинов.

[56] *важное орудие*... Многочисленны основания для жалоб на Филиппа и его друзей, для обвинения их в злодеяниях и неправдах.

[57] *нужные распоряжения*... Несогласия между римлянами и этолянами, как союзниками, начались скоро, как можно видеть уже из прежних слов нашего автора. Ливий вольно передает содержание 34-й гл. оригинала. Притязательность и ненасытная алчность этолян являются у обоих историков главным источником недовольства Тита своими союзниками.

[58] *время... установле́ниям...* По изображению нашего автора I Пунической война (264–241 гг. до Р. Х.) была гранью между старым и новым временем. I 11–13. 20. 71.

[59] *Луций Эмилий* Павел, сын того Л. Эмилия Павла, который отправлен был в Иллирию еще в первое время отношений Рима к Элладе; Эмилий младший завершил как бы дело, начатое отцом его. Победа римлян при Пидне в 168 г. до Р. Х. или 586 г. от основания Рима. *Liv.* XLIV 39–42; *Polib.* XXIX 3–7; *Plut.* Paul. Aemil. 16–21.

[60] *Публий Сципион* — Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший, сын Луция Эмилия Павла, победителя Персея, усыновленный внук Публия Корнелия Сципиона Старшего, — в этом последнем смысле (maior) автор употребляет эпитет Великий.

[61] *низложение Филиппа...* Ливий называет одно из двух средств: или умерщвление Филиппа, или изгнание из пределов царства.

[62] *для эллинов... его...* В числе грозных соседей Эллады Ливий называет фракийцев, иллирийцев, галлов, «народы свирепые и дикие, готовые ринуться на Македонию и Элладу».

[63] *Фений* — союзный стратег этолян.

[64] *когда... Филиппом...* Сами римляне в то время (206 и 205 гг. до Р. Х.) не обнаруживали охоты действовать дружно с союзниками, и потому этоляне, к тому же побуждаемые посредничеством Египта, Родоса и др., заключили в 205 г. до Р. Х. сепаратный мир с Филиппом. *Polib.* XI 6–7; *Liv.* XXIX 12.

[65] *главным... Европу...* У Ливия обстоятельство это сообщается не в начале, а в заключении соображений Тита и условий перемирия. 13 кон. Те же условия перемирия значатся и у Аппиана. Maced. 7 1.

[66] *никто... способами...* По догадкам Казобона и Рейске речь идет об этолянах, сделавшихся жертвою обмана и коварства, хотя сами этоляне были кладезем коварства.

[67] *Эпихарма;* fr. 119 Ahrens. Творец сицилийской комедии дорян, поэт-моралист V в. до Р. Х.

[68] *Медион* (ср. II 2 5 с прим.), упомянут в рассказе о войне римлян с акарнанами, которую вел Л. Квинкций Фламинин. *Liv.* XXXIII 16–17.

[69] *Объявили... эллинов...* Обрывок рассказа, сохраненного Ливием (XXXIII 19–21), об угрожающем движении флота Антиоха к европейской Элладе, вообще обрывок сирийской истории. Родосцы отправили к нему посольство в Киликию и просили не идти со своим флотом дальше мыса Хелидоний. Антиох не внял просьбе родосцев, желая прежде всего завладеть Эфесом, что ему и удалось. 49; *Liv.* 38.

[70] *Аттал I* — основатель Пергамского царства, а не тот, брат Эвмена, к коему наше место приурочивается Свидою. *Liv.* 21.

[71] *над галатами...* В той же связи провозглашение себя царем отмечается у Страбона (XIII 4 2). О победе Аттала над галлами ол. 144, 3 или 553 г. от основания Рима, или 201 г. до Р. Х. говорит тоже Павсаний, называя победу эту величайшим подвигом Аттала (I 8 1; X 15 3).

[72] *кроток и благопристоен*... Супруга Аттала Аполлониада, или Аполлонида из Кизика (*Полиб.* XXII 20), четыре сына: Эвмен, Аттал, Филетер, Афиней. *Strab.* XIII 4 2; *Liv.* 21.

[73] *кончил... делом*... В войну с Филиппом за освобождение Эллады, как это и сказано ниже автором. По словам Плутарха, Аттал держал горячую речь к фиванцам, убеждая их примкнуть к римлянам, как вдруг в самом собрании лишился чувств вследствие головокружения или поноса, тотчас был увезен морем в Азию и там умер. Flamin. 6, p. 372.

[74] *Клавдия Марцелла* Марка, товарищ его Л. Фурий Пурпурион. *Liv.* XXXIII 24 сл.

[75] *на Асину*... Город Мессении, одноименный с городком Лаконики (V 19 5), на западном берегу Мессенского залива, именовавшегося также Асинским, ниже Короны.

[76] *город гереян*... В Аркадии, на границе с Элидой. По решению Тита и децемвиров город этот, а также Коринф и Трифилия возвращены были ахеянам. *Liv.* XXXIII 34; *Pausan.* VIII 26 1. 3–4.

[77] *Когда после... выдаче их*... У Ливия рассказ о том же начинается словами: hibernabat eo tempore Elatiae T. Quinctius и пр. XXXIII 27–28. Элатея — тот самый город восточной Фокиды, занятие коего Филиппом, отцом Александра Великого в 338 г., навело ужас на афинян, красноречиво изображенный Демосфеном в речи «О венке» (§ 169 сл.), и открыло Филиппу путь к Фивам.

[78] *Брахилл* — глава македонской или народной партии в Беотии; до последнего времени он находился в войсках Филиппа против римлян (XVIII 1 2).

[79] *убить Брахилла*... Насильственная смерть Брахилла, следовавшие засим смуты в Беотии бегство Зевксиппа к римлянам, пытки и казнь Писистрата и прочих сообщников рассказаны у Ливия со слов нашего автора. Гл. 28.

[80] *Педасам*... Педасы — город Карии над Галикарнасом. *Мирина*, портовый город Мисии в Элеатском заливе, к северо-востоку от Фокеи.

[81] *пяти судов и одного шестнадцатипалубника*... У Плутарха исключается девять кораблей, а не пять. Аппиан называет шести-, а не шестнадцатипалубник.

[82] *по частям... лет*... У Аппиана 500 талантов должны быть уплачены равными частями в десять годичных сроков.

[83] *Акрокоринф* — кремль Коринфа оставался в руках римлян, что равнялось удержанию всей коринфской области в руках римлян. Прочие два города удерживались римлянами как удобные пункты в войне с Антиохом.

[84] *на которое... мира*... Ливий (XXXIII 32) объясняет стечение народа на истмийское празднество 196 года до Р. Х. частью постоянными причинами, частью особенными мотивами, имевшими место в этот именно раз.

[85] *едва не разрывала на части*... Ливий (33) старается подыскать объяснение благополучного для Тита исхода оваций в его молодом

возрасте, — около 33 лет, — и в радостных чувствах, приумножавших его силы.

[86] *всего знаменательнее... уставам...* Общие довольно умеренные суждения нашего автора обращаются у Ливия в патриотическую тираду о великодушии и самопожертвовании единственного в мире народа, жаждущего установить везде господство правды и закона. Такой именно взгляд на римлян Ливий подтверждает отношениями их к эллинам. 33 кон.

[87] *причем потребовали...* Ливий (34) упоминает, что царские послы говорили теперь почти то же, что раньше в Риме.

[88] *орестами...* Эпирский народ, давший название Орестиды той области, которая вошла впоследствии в состав македонского царства, приблизительно между р. Аоем и Галиакмоном. *Долопы*, фессалийский горный народ над Этолией по обоим берегам Ахелоя.

[89] *Плевратy* — иллирийскому владыке. X 41 ч.

[90] *Лихнида* — город Иллирии в области дасаретов, на северо-восточном берегу озера Лихнидия, теперь Achrida, или Ochrida. Местоположение *Парфа* в Иллирии не известно.

[91] *в Гефестию...* Город Лемна на северо-западной оконечности острова. Л. Стертиний должен был посетить кроме Лемноса Фасос и Фракию; к Антиоху отправились П. Виллий и Л. Теренций, а к Филиппу Гн. Корнелий (фамилия не известна). Известие это как у Полибия, так и у Ливия находится в противоречии с нижеследующим (*Polib.* XVIII 33; *Liv.* XXXIII 39). Здесь сходятся к Антиоху в Лисимахию отправленный сенатом Л. Корнелий, П. Лентул из Баргилий, П. Виллий и Л. Теренций от Фасоса, тогда как на Фасос отправился Л. Стертиний. Для объяснения противоречия Дукер предполагал, что посланные к Антиоху легаты по дороге завернули на Фасос и там оставались.

[92] *на союзное собрание в Ферм...* Очередное союзное собрание этолян в главном городе Этолии.

[93] *Если бы... римлян...* Отрывок сохранился на полях урбинатского списка и по месту своего нахождения относится к событиям сирийской истории: города или жители одного города не желали без крайней нужды передаваться римлянам. Речь идет о малоазийских городах, которые покорял своей власти Антиох. Ср.: *Liv.* XXXIII 38; *Appian.* Syr. 2.

[94] *Дела... успешнее...* По завоевании городов Малой Азии Антиох с половиной своей армии двинулся во Фракию. *Liv.* 38 кон.

[95] *в Селимбрию...* Город на северном берегу Пропонтиды между Перинфом и Византием, другая форма Селимбрия, теперь Selivria. Об этом см. Ливия гл. 39.

[96] *быть... родство...* У Аппиана царь называет себя родственником по крови Птолемея и обещает сделаться его тестем. Антиох примирился с Птолемеем Эпифаном, а впоследствии выдал за него одну из дочерей, Клеопатру. *Appian.* Syr. 7. Переговоры ничем не кончились; полученные известия о смерти Птолемея заставили и Л. Кор-

нелия, и Антиоха обратиться к делам Египта и спешить в Египет. Вести оказались ложными. *Liv.* 41.

[97] *у Скопаса...* В Египте начальник придворной стражи, потом всего войска, влиятельнейшая личность в Египте после смерти Агафокла. Скопас низвергнут был новым временщиком, акарнанцем Аристоменом, который в свою очередь погиб от яда, а его место заступил Поликрат.

[98] *к провозглашению... царем...* Речь идет собственно о провозглашении совершеннолетия царя, что означало освобождение царя от опеки. До сих пор управляли государством опекуны царственного отрока, которому в 196 г. до Р. Х. должно было быть никак не больше десяти лет.

ПРИМЕЧАНИЯ К ДВАДЦАТОЙ КНИГЕ

В XVIII книге рассказ останавливается на событиях 558 г. от основания Рима (196 г. до Р. Х.), отрывки XX книги относятся к событиям 562 и 563 гг. от основания Рима (192–191 гг. до Р. Х.); следовательно, утраченная XIX книга посвящена была 559, 560 и 561 гг. от основания Рима (195–193 гг. до Р. Х.), ол. 146, 1. 2. 3. В списках Полибиева сочинения не сохранилось от XIX книги ничего; но имя нашего автора, как источника, упоминается по поводу событий этого периода у Плутарха и Ливия. В рассказе о подавлении мятежа среди покоренных римлянами народов Иберии (559–195) находится у Плутарха следующее известие Полибия: «По приказанию Катона стены городов, лежащих по сю сторону реки Бетиса, были разрушены; городов здесь было очень много с многолюдным воинственным населением» (Cato 10. Ср.: *Liv.* XXXIV 27; *Appian.* Hisp. 41). Другое известие, сохраненное Ливием (XXXIV 50), относится к событию следующего года (560–194), к окончательному замирению Эллады Т. Кв. Фламинином и к следовавшему засим добровольному очищению эллинской территории от римских войск. В награду за услуги римский консул на общеэллинском собрании в Коринфе потребовал только возвращения без выкупа тех пленных в пуническую войну римлян, которые по распоряжению Ганнибала были проданы в Элладу. «Что таких пленных было очень много, видно кэ показания Полибия, по словам коего, выкуп их стоил ахеянам сто талантов, ибо они постановили уплачивать частным владельцам за каждого пленного по пятисот денариев: по этому расчету в Ахайе было тысяча двести пленных». «Судя по этому числу», заключает Ливий, «можно догадываться, как много было римских пленных во всей Элладе». В. Максим определяет общее число выкупленных на свободу римлян в 2000 человек (V 26). Главная доля содержания утраченной книги может быть восстановлена по Ливию. Это — война ахеян с участием римских войск Фламинина против Набиса, примирение римлян со спартанским

тираном и удаление римлян из Эллады (XXXIV 22–41; 48–52). К 561 или 193 г. относятся известия Ливия, также из Полибия, о посольствах от Антиоха и других восточных царей и от эллинских городов Рима, о враждебных римлянам речах и делах этолян перед войною с Антиохом, о переговорах в Эфесе между Антиохом, с одной стороны, римскими послами, Эвменом, представителями различных эллинских городов — с другой, предвещавшие войну с Антиохом (XXXIV 57–59; XXXV 12–19). В этой же книге немало места отведено было Ганнибалу после бегства его из Карфагена к Антиоху (*Liv.* XXXIII 45–49; XXXIV 60–61; *Appian.* Syr. 7. 8). Аппиан, Диодор, Плутарх дополняют сведения автора о содержании XIX кн. Ср.: *Nissen.* Krit. Untersuchung. 151 сл. 159–165, 167–170, 327 сл.

Что касается XX книги, обнимающей события 562 и 563 гг. от основания Рима (192 и 191 гг. до Р. Х.), то утраченное начало ее содержало в себе повесть о войне ахеян с Набисом, которая рассказана со слов нашего автора Ливием (XXXV 25–30. Ср.: *Plut.* Philop. 14). Здесь упоминается Ликорт, отец Полибия, в звании военачальника тарентинцев (29), но особенно превознесено военное искусство Филопемена, почти уничтожившего войско Набиса. Дальше речь шла о собрании магнетов в Деметриаде, на которое допущены были и другие эллины, а также Фламинин. Масса народа жаждала войны против римлян и возлагала самые смелые надежды на Антиоха. Главными подстрекателями к войне были этоляне. Они хитростью завладели Деметриадою (34) и Лакедемоном, где умертвили Набиса, но тут же был убит и начальник этолян (35–36); засим Лакедемон был привлечен Филопеменом к ахейскому союзу (192 г.), а этолянам не удалось отторгнуть Халкиду от союза с римлянами. Событиями, ближайшими к переходу Антиоха в Элладу, были посольство Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего в Эфес к сирийскому царю, встреча Сципиона с Ганнибалом, а также прибытие к Антиоху посольства этолян (*Appian.* Syr. 9–12). Антиох высадил свои войска в Деметриаде, а в Ламии присутствовал на союзном собрании этолян. Постановлением этолян об избрании 30 апоклетов (principes) в советники царю заключается 45-я глава XXXV книги Ливия, и начинаются наши отрывки XX книги.

[1] *с царем... Он созвал...* В середине, примерно, выпущены слова: rex postero die cum apocletis eorum, unde bellum ordiretur, consultabat. *Liv.* XXXV 46 нач.

[2] *к беотянам...* Из Ливия (46 сл.) мы знаем, что по совещании с апоклетами Антиох сделал напрасную попытку привлечь Халкиду на свою сторону, потом отправил посольства к афаманам, ахейцам и беотянам. Царь афаманов Аминандр обнаружил готовность присоединиться к Антиоху; ахеяне, среди коих находился и Тит Квинкций, отвечали послам Антиоха и этолян отказом. О беотянах Ливий говорит почти словами Полибия: Beoti nihil certi responderunt: cum

Antiochus in Boeotiam venisset, tum quid sibi faciundum esset se deliberaturos esse (50). Ливий только рассказывает, как взята была Халкида Антиохом, несмотря на помощь, оказанную городу ахеянами, Квинкцием и Эвменом (50–51). Ср.: *Diod.* XXIX 1; *Appian.* Syr. 12. В следующем (563 или 191) римляне объявили войну Антиоху, ведение коей поручено было консулу Манию Ацилию Глабриону. *Liv.* XXXVI 1–4; *Appian.* Syr. 15.

[3] *в начале зимы...* Т. е. в конце 192 и в начале 191 г. до Р. Х., в консульство П. К. Сципиона и Мания Ацилия Глабриона. Нашему отрывку соответствует у Ливия XXXVI 5. По словам Ливия, и Антиох со своей стороны рассылал послов по эллинским городам.

[4] *беотяне...* Речь идет о союзе беотийских городов с общим управлением и союзными властями; во главе союза стоял стратег, начальник союзных войск; ближайшим товарищем его был начальник союзнической конницы, Гиппарх (5 8). Упоминаемый ниже Амеокрит — имя неизвестное. С приурочением к XX кн. содержание этого места передается Афинеем (X p. 418 a).

[5] *ахеяне... этолян...* Речь идет, вероятно, об участии беотян в войне против Клеомена и в союзнической. II 65 4. IV 9 4. 15.

[6] *близ Ларимны...* Приморский город Беотии, теперь Bazaraki.

[7] *вскоре...* Разумеются события 171 г. до Р. Х., когда начиналась война римлян с Персеем. *Liv.* XLII 43–44.

[8] *против Коронеи...* На западном берегу Копаидского озера, близ теперь Camari. Поход Т. Квинкция на Коронею совершен в 196 г., когда беотяне отказались заплатить 500 талантов за убитых ими в таком же числе римлян. *Liv.* XXXIII 29.

[9] *начальствующие лица беотян...* В наших отрывках недостает известий, сохранившихся у Ливия (6–10) и отчасти у Аппиана (Syr. 13. 14. 16) о переходе беотян на сторону Антиоха, о военном совете Антиоха с этолийскими старейшинами, где присутствовал и Ганнибал, о том, как Антиох обидел Филиппа погребением останков, павших при Киноскефалах македонян, о военных действиях его в Фессалии и возвращении в Халкиду на зимнюю стоянку.

[10] *в Фивы...* После этих слов в Турском списке значится, что это — конец XX книги; посему следующий в этом списке отрывок, отвечающий нашему XXI 7 5, не принадлежит к XX книге.

[11] У Афинея отрывок приурочен к XX книге. Известия Полибия восполняются из Ливия (11), Диодора (XXIX 2), Аппиана (Syr. 16), Плутарха (Flamin. 16).

[12] *Потерпев... Эфес...* Афиней выпустил весь рассказ историка, известный нам из Ливия (11–26) и Аппиана (16–24), о неудачных попытках Антиоха в Акарнании и Фессалии, где против него действовали войска Мания Ацилия Глабриона и Филиппа, о поражении при Фермопилах, после которого царь и бежал в Азию, очистив Элладу от своих войск. В рассказе Ливия об исходе фермопильской битвы (11) содержится и наш § 6. Засим следовала война римлян с этолянами, которые незадолго до потери Гераклеи отправили посольство

к Антиоху с просьбою о помощи; но Гераклея была взята, и этоляне просили мира у римского консула. Во главе посольства стоял Фений.

[13] *в Гипату* — город энианов, теперь Spates, к западу от Малийского залива, в бассейне р. Сперхея.

[14] *Менестрата* — Menestam. *Liv.* XXI 31 13.

[15] *никто... собрание...* Союзное собрание, значит, не могло состояться. Ливий сообщает, что этоляне собрались в Навпакте.

[16] *в Фалаpах* — город малиев, гавань Ламии, на северном берегу Малийского залива. Упоминание о посольстве этолян в Эфес к Антиоху находится у Ливия (XXXVI 26).

[17] *от Ламии...* Об осаде Ламии македонянами и о снятии осады по приказанию римского консула по взятии Гераклеи у Ливия. 25 кон.

[18] В Ватиканском палимпсесте извлечения возобновляются с этого отрывка. До этого места от середины 10-й главы XVI книги извлечения «О суждениях» потеряны вместе с двумя листами палимпсеста. Отрывок впервые помещен был в XXI книге, будучи приурочен таким образом к 564 или 190 г.; где и оставался до Гульча, который, следуя разъяснениям Ниссена (Krit. Unters. 284), перенес его в XX книгу, т. е. в число известий о событиях 563 или 191 г., в этом же году был убит Набис, об имуществе которого идет речь в нашем отрывке (*Liv.* XXXV 36. 37).

[19] *Лакедемоняне... Филопеменом...* Оригинал восполнен по Плутарху (Philop. 15); от него узнаем, что по умерщвлении Набиса Спарта была привлечена Филопеменом в состав ахейского союза с согласия знатнейших спартанцев. Дом и земля Набиса были проданы, и вырученные за них 120 талантов решено предложить в дар Филопемену (Philop. 15).

[20] *Далеко...* Куда относится этот отрывок, следующий в палимпсесте за известием о Филопемене, неизвестно.

[21] Из того же года и той же войны у Ливия (33–35) сохранились известия о движении римского консула на Навпакте, о снятии осады у этого города благодаря Титу Квинкцию и о приостановке военных действий против этолян, об участии Филиппа в войне против этолян и Антиоха, о переговорах консула и Тита с ахеянами в Эгии, о посольствах эпиротов и Филиппа в Рим и о награждении Филиппа. Действия римлян против Антиоха на другом театре войны, в Эгейском море и у берегов Азии, особенно победа римлян в морском сражении у Киссунта, малоазийского города ионян, недалеко от Хиоса, рассказаны со слов Полибия Ливием (41–45). *Appian.* Syr. 21. 22; *Nissen.* Krit. Unters. 186 сл.

[22] *Корак...* У Ливия Корак — город Этолии. У Аппиана читаем, как у Каллиполя Маний переправился через гору, именуемую Кораком, самую высокую из гор Локриды, трудно переходимую и отвесную. *Appian.* Syr. 21.

[23] *Аперантия...* Из рассказа о завоеваниях Филиппа в войне с этолянами (*Liv.* XXXVI 33), область так называемой Добавочной Этолии, к югу от Долонии, на западном побережье р. Ахелоя, выше Страта.

ПРИМЕЧАНИЯ К ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЙ КНИГЕ

Эта часть истории обнимает события трех лет: 564, 565 и 566 гг. от основания Рима (190–188 гг. до Р. Х.), известные нам главным образом из Ливия (XXXVII–XXXVIII), а также из Диодора (XXIX) и Аппиана (Syr. 22–43). Начиная от XXI книги и до XXVI включительно уцелевшие отрывки распределены между отдельными книгами на основании имен консулов и соотношения известий; поименно ни одна из этих книг не называется ни в Полибиевых списках, ни у кого-либо из посредников между нами и Полибием. Первые два отрывка, из которых один не имеет соответствующего себе у Ливия, а содержание другого взято Ливием из летописи, а не из нашего автора, отнесены к 564 г. (190 г. до Р. Х.), когда консулами были Луций Корнелий Сципион и Гай Лелий, и приурочены к XXI книге со времени Ниссена: Krit. Unters. 185. 330.

[1] *о заложниках*... В числе 5 человек находившихся еще с 559 г. (195 г. до Р. Х.) в Риме согласно одной из статей мирного договора, тогда заключенного Титом с Набисом; в числе заложников был и сын тирана. *Liv.* XXXIV 35.

[2] *и поселках*... Те поселки морского побережья Лаконики, которые отняты были Фламинином у Набиса еще в 559 г. (195 г. до Р. Х.) и переданы во владение ахеянам. *Liv.* XXXIV 29; XXXVIII 30–31); там же жили спартанские изгнанники, жертвы тирании Набиса. Когда тиран был убит и Спарта присоединилась к ахейскому союзу, поселки и крепостцы побережья остались в зависимости от ахеян (*Liv.* XXXV 35 сл). Лакедемоняне просили теперь римлян о восстановлении их прав на побережье с его поселками и укреплениями.

[3] *старых изгнанников* — тех лакедемонян, которые были изгнаны в тиранию Набиса и раньше, при других тиранах (*Polib.* XIII 6; *Liv.* XXXIV 26. кон. 27), и которые под охраною ахеян жили большею частью на морском побережье. Многие изгнанники по смерти Набиса желали возвратиться в Спарту, но против этого были остававшиеся в городе спартанцы; ахеяне тоже предпочитали удерживать изгнанников на землях, от союза зависевших (*Liv.* XXXVI 35); только в 564 г. (190 г. до Р. Х.) состоялось в Тегее постановление ахеян возвратить изганников в Спарту (*Liv.* XXXVIII 34). От старых изганников различались изгнанники недавние, подвергавшиеся этой участи вследствие повторявшихся междоусобиц или по определению ахеян. XXIII 45 5. 5 18. 17 9–12.

[4] *от дани*... В числе условий мира между Филиппом и римлянами, заключенного в 558 г. (196 г. до Р. Х.), входила выдача римлянам Деметрия и 1000 талантов контрибуции, из которых половина уплачивалась немедленно, а другая половина рассрочивалась на десять лет. *Liv.* XXXIII. 30.

[5] *ввели... Мания...* В предыдущем году этоляне по ходатайству Фламинина получили от консула перемирие на такой срок, который был бы достаточен для отправки посольства в Рим. *Liv.* XXXVI. 35. К этому времени возвратился в Рим и Фламинин. XXXVII 1. 4 серед.; *Diod.* XXIX 4; *Nissen.* Krit. Unters. 188.

[6] *Амфиса* — город Локриды Озольской, близ фокидской границы, в составе этолийского союза. Римляне под начальством Ацилия пошли на Амфису из Гераклеи через Эту. Во время осады этого города высадился с войском в Малийском заливе преемник Ацилия, консул Сципион Азиатский, брат Сципиона Африканского Старшего: сей последний при консуле был легатом (*Liv.* XXXVII 1 кон). Консул называется у Полибия Луцием, легат Публием. Отрывку соответствует у Ливия XXXVII.

[7] *услуги...* С того же начинали этоляне свои переговоры с Л.В. Флакком в предыдущем году в Гипате и в текущем году в Риме, каждый раз одинаково безуспешно.

[8] *или предоставить... друзей...* Ливий не повторяет содержания ответа, прибавляя только, что это был тот же ответ, который раньше заставил этолян бежать из Рима.

[9] *этоляне... сенату...* Рассказ о поведении этого посольства в Риме уже в следующем году (565 или 189), о том, как сенат был раздражен речами этолян и велел им поскорее удалиться из Италии, у Ливия (49) и Диодора (XXIX 12) со слов нашего автора.

[10] *Маний... Рим...* По снятии осады римское войско направилось через Македонию и Фракию, где оказывал содействие римлянам Филипп, к Геллеспонту для переправы в Азию. *Liv.* 7; *Appian.* Maced. 9 3.; Syr. 23. Засим у Ливия идет рассказ о новых приготовлениях Антиоха к войне (8); римский флот зимовал у Кан, что в Эолиде, в Элеатском заливе; недалеко отсюда, к югу, лежала Фокея, жители коей возмутились против римлян, чем не преминула воспользоваться царская партия. Римский флот вынужден был покинуть свою стоянку (9). Сын Антиоха Селевк с войском находился в это время в Эолиде, и вскоре город перешел в его руки (11 кон).

[11] *поборами...* Фокеяне обязаны были поставить римскому войску 500 тог и столько же туник (*Liv.* 9).

[12] *из города...* — Сеста на Херсонесе, в Геллеспонте, куда направлялся римский флот от Кан. Из города вышли галлы с мольбами о пощаде. *Liv.* 9 кон. Следующий отрывок принадлежит к рассказу о сражении между Антиоховыми кораблями с одной стороны, римскими и родосскими с другой (*Liv.* 9–32). Через Полибия Ливий находится в большой зависимости от родосских источников. *Nissen.* Krit. Unters. 191–194.

[13] *жаровня...* У Ливия, по словам коего благодаря этому приспособлению прорвались через линию неприятельских судов всего семь кораблей: 5 родосских и 2 косских. Машина метала огонь по всем направлениям, и неприятельские суда расступались перед нею от страха, как бы не сделаться жертвою пламени.

[14] *Памфилид* — начальник родосского флота (*Liv.* 22–23), хотя по Ливию ближайшим преемником Павсистрата был не Памфилид, но Эвдам; к нему и относятся соображения историка о человеческой близорукости.

[15] *к Луцию...* Луций Эмилий Регилл принял командование флотом от Гая Ливия Салинатора. Корабли римские, родосские и пергамские против Антиоха и Селевка, державшихся в Эолиде. *Liv.* 14. 17. 18.

[16] *военный отряд...* Отправлен в малоазийский город Элею, что в Элеатском заливе. *Liv.* 20 нач.

[17] *Диофан... основательно...* Искусным и отважным нападением на царские войска Диофан принудил Селевка удалиться из Пергамской земли. *Liv.* 21.

[18] *Антиох... родосцами...* Столица Пергамского царства была уже осаждена Селевком, когда из Апамеи на помощь сыну явился и Антиох. Тогда на выручку Пергама двинулись от Самоса Эвмен, а также флоты римский и родосский; в то же время пришла к нему весть о сборах римлян к переправе через Геллеспонт. *Liv.* 18.

[19] *в Сарды...* На пути из Фив Антиох завоевал несколько городов. *Liv.* 21 серед. Флоты римский и родосский расположились у Сама; отсюда родосские корабли направились в Ликийское море, где у Сиды, к востоку от устья Эвримедонта, сразились с царским флотом, которым командовали Ганнибал и Аполлоний; у родосцев начальниками были Эвдам, Памфилид, Хариклит; победа осталась за родосцами (*Liv.* 22–24).

[20] *в сильном страхе...* Согласно Ливию Прусий был запуган письмом Антиоха (25).

[21] *Когда... отступили...* Отрывок из рассказа о встрече судов римских с пиратскими близ Мионнеса приурочен к этому месту Ниссеном на основания Ливия гл. 27. В этом же месте вскоре произошло генеральное сражение, уничтожившее морские силы Антиоха. *Liv.* 28–30.

[22] *о переправе...* Она была облегчена тем особенно, что Антиох, растерявшись после поражения на море, вывел свой гарнизон из Лисамахии, что на Фракийском Херсонесе, и тем предоставил во власть римлян богатые запасы продовольствия и избавил их от необходимости тратить время на осаду этого города. Переправа римлян в Азию совершилась без всякого противодействия со стороны Антиоха. *Liv.* 31, нач. 33.

[23] *салий* — член двенадцатичленной жреческой коллегии, исключительно патрицианской, салиев («скакунов»), служителей Марса; праздник их, состоявший главным образом в торжественной процессии по городу, совершался ежегодно в марте месяце. Священным атрибутом салия и непременною принадлежностью праздничного шествия был особого вида металлический щит (ancile), от которого и самый праздник назывался f. anciliorum. *Liv.* I 20. 27. XXXVII 33 кон.; *Ovid.* Fast. III 387.

[24] *дело... войны...* У Ливия (34 серед.) высказываются соображения о месте взятия в плен сына Сципиона, заимствованные не из Полибия. У Аппиана сын Сципиона захвачен при переправе из Халкиды в Деметриаду (29). Зато римский историк не стесняется добавлять от себя то, что может служить к украшению римского имени.

[25] *предоставит... казну...* Доходы со своих владений, а не половину всего царства, как у Ливия. 36 нач.

[26] *царь... выгодам...* У Ливия Сципион удивляется как тому, что Гераклид не знает ни своего собеседника, ни римского народа, так еще больше тому, что царь не сознает всей трудности своего положения (36).

[27] *После победы...* В сражении при Магнесии, что в Лидии, на южном берегу Герма. Подробное описание битвы, стоившей Антиоху до 55 000 войск и 15 слонов, подробно рассказано Ливией со слов главным образом Полибия (38–44; *App.* Syr. 30–36). В конце последней главы и в следующей Ливий сообщает о том, как после этого сражения один город за другим переходили к римлянам (45). Упоминание о ближайших последствиях битвы выпущено, должно быть, в начале гл. 16.

[28] Полибиево изложение событий 564 г. (190 г. до Р. Х.) на этом кончается. Следующий отрывок (18–24) послужил оригиналом и источником для Ливия (52–56), Диодора (XXIX 14), Аппиана (Syr. 39. 44). В дальнейшем рассказе Ливием прибавлено между §§ 7 и 8: cum aliquandiu hinc indulgentia hinc modesia inter permittentis in vicem non magis mutua quam inexplicabili facilitat certatum esset.

[29] *самую жизнь...* У Ливия находится важное указание на следовавшие засим услуги Эвмена: при переправе римлян через Геллеспонт и в сражениях после переправы происходивших (53 серед.).

[30] пригеллеспонтскую Фригию, она же Троада, западная часть М. Фригии, омываемой Пропонтидою и Геллеспонтом.

[31] *о Солах Киликийских...* В отличие от города с тем же именем на Крите, приморский город между Селевкией на юге и Тарсом на севере, впоследствии Pompeiopolis, теперь развалины близ Mezetli, колония аргивян и лидян из о-ва Родоса.

[32] Война римлян с этолянами, приостановленная было шестимесячным перемирием, которое дали Сципионы в предыдущем году (*Liv.* XXXVII 7), возобновилась. Афаманы в сирийскую войну были на стороне Антиоха и этолян против римлян и Филиппа. Из страха перед македонянами царь их Аминандр покинул свою резиденцию Аргифею на Инахе и бежал в Этолию в 191 или 563 г. (*Liv.* XXXVI 14. 32); теперь с помощью этолян он овладел Аргифеей, и македонский гарнизон был изгнан (*Liv.* XXXVIII 1–2). Между тем переговоры этолян с римским сенатом о мире не привели ни к чему, и сенат решил продолжить войну (XXXVII 49). За дипломатическими неудачами этолян следовал разгром Антиоха в 189 или 565 г.

[33] *Аминандр* — переходил от одной из воюющих сторон к другой смотря по обстоятельствам. *Polib.* XVIII 10 7. Ср.: *Liv.* XXXVIII 3.

[34] *к Сципионам*... После сражения при Магнесии консул Л. К. Сципион и брат его Публий выбрали местом стоянки Эфес, который перед сим покинут был Поликсенидом. *Liv.* XXXVII 45.

[35] *тогдашний момент*... Македоняне были изгнаны из Афамании; в соседстве с нею находились Амфилохия и Аперантия, о занятии коих войсками Филиппа у Ливия. XXXVI 34.

[36] *Марк ... море*... В Аполлонию, что в Иллирии. *Liv.* ibid. кон.

[37] *Арахф* — Arachthus (Ливий), теперь Arta, одна из больших рек Эпира, изливается в Амбракийский залив; недалеко от устья город Амбракия.

[38] *Бухет* — приморский город касопеев в Эпире, к западу от Амбракии.

[39] В списке Миноида Мины (T) отрывок начинается с § 2 и в заголовке приурочен к XXI книге, а не к XXII, как было до тех пор, пока отрывок знали только из сочинения de toleranda obsidione, приписываемого Герону. Начало отрывка издается в прежнем виде. Ср. предисл. к VI кн. стр. 70, 71. В издании Вешера стр. 328–332. По всей видимости, § 1 отрывка находится не на своем месте; по содержанию он должен бы находиться ниже § 4, в коем сообщается о решимости осажденных выйти из пассивного положения.

[40] *этоляне*... В то время как возводились осадные сооружения кругом Амбракии, в город вошел отряд этолян с Эвполемом во главе. *Liv.* 4 серед. 5. 7.

[41] *замка Пирра*... Pyrrheum quod vocant (*Liv.* 5 нач). Амбракия была некогда резиденцией Пирра.

[42] *и осада города затягивалась*... Соответствующих слов в списке Мины уже нет, и сильно испорченное продолжение отрывка (7–9) известно только из Герона. Из Ливия мы знаем, что стратег этолян Никандр послал в город вспомогательный отряд под начальством Никодима, условившись с ним, что в ночь вылазки он нападет на римлян с тыла; обещания этого Никандр не исполнил, и вылазка кончилась ничем.

[43] *чувствительности... сосудов*... Из многочисленных сосудов, длинным рядом расставленных вдоль канавы, отвечали на шум роющихся под землею римлян только немногие, или наиболее чувствительные, или находившиеся наближе к местам работ. Об этих сосудах, равно как и о бочке с горящими перьями, рассказывает со слов Полибия Полиэн, в сокращении. VI 17. Медные сосуды Ливий обходит молчанием.

[44] *бочку*... Вероятнее всего глиняную; горящие угли помещались в той части, которая обращена была к неприятелю; к ним вела трубка, через которую раздувались угли; дым выходил через отверстия в крышке, тоже обращенной к неприятелю.

[45] *решил ... консулу*... На состоявшемся после этого народном собрании решено отправить Фения и Дамотела к консулу испросить мир во что бы то ни стало. И теперь послы вспоминали о прежних

заслугах этолян; консул требовал полной покорности и 1000 талантов контрибуции. Прервав переговоры, послы возвратились к своим, были отосланы обратно к Амбракии просить мира, но на пути захвачены акарнанами и отведены в Фирип. Дальнейшее в нижеследующем отрывке. *Liv.* 8–9.

[46] *Марка* Валерия Левина, который заключил союз с этолянами 543 г. от основания Рима или 211 г. до Р. Х. против Филиппа; тогда примеру их последовали лакедемоняне, элейны и мессеняне. *Liv.* XXVI 24–25.

[47] *Луция Корнелия...* Чтение Ливия вносит разницу в хронологию на восемь лет, так как Тит Квинкций Фламинин перешел в Элладу в 198 г., а Луций Корнелий Сципион дал перемирие этолянам в 190 г.; в окончательном договоре условия мира были тяжелее для этолян, нежели в предварительном соглашении (32 13). Со времени Сципиона ни один город этолян, кроме Амфисы и Амбракии, не перешел к римлянам.

[48] *венок ... весом...* Разумеются малые золотые таланты в 6 аттических драхм; такой талант приравнивается ошибочно Ливием к 1 римскому фунту серебра. *Hultsch.* Metrologie. 130 2 сл.

[49] *к Аргосу... Амфилохским...* Путь от Амбракии лежал на юг вдоль Амбракийского залива. Соединенные сначала с амбракиотами, потом с акарнанами, амфилохи в первое же времн усиления этолян вошли тесно в состав этолийского союза около 265 г. до Р. Х. См. предисл. к т. 1. 180 стадий расстояния Аргоса от Амбракии переведены у Ливия на 22 мили (viginti duo milia), на $^1/_2$ мили или 500 шагов меньше, если считать 1 милю — 8 стад.

[50] *в несчастие...* На месте пробела находилось упоминание об Антиохе, как у Ливия, 10 кон.

[51] *признавать... римского...* Первая статья договора свидетельствовала о зависимости этолян от Рима.

[52] *соизволением народным...* Существенная оговорка, отсутствующая у Ливия: власти этолийского союза были бессильны воспрепятствовать неприязненным действиям со стороны отдельных лиц и отрядов их.

[53] *иметь... врагов...* Этим условием отнималось у этолян право войны.

[54] *коркирскому начальнику...* Который отправляем был туда из Рима, ибо остров давно уже, с 228 г., находился во власти римлян. У Ливия вместо этого неправильно названы местные власти коркирян.

[55] *Кефаллении* — остров находился уже во власти римлян.

[56] *при Луции Квинкции...* Брат Тита Квинкция Фламинина, победителя при Киноскефалах, был консулом с Гнеем Домицием в 562 г. (192 г.), когда этоляне объявили войну римлянам (*Liv.* XXXV 33). Тит Квинкций был консулом в 556 г. от основания Рима (198 г. до Р. Х.) вместе с Секстом Элием Петом.

[57] *Ойниад* — находились в земле акарнанов и должны были войти обратно в союзе их. IV 65 2 прим.

[58] *с галатами...* Жители Галатии, именуемой у римских писателей Галлогрецией; область эту составляла северная часть Фригии и западная Каппадокии с городами Анкирою и Пессинунтом. Ср.: 16 5 прим. *Liv.* XXXVIII 16. Судя по Ливию, гл. 33 составляла и в оригинале непосредственное продолжение предыдущей; между 33-й и 34-й главами находились известия о движении римских войск из Эфеса в Галатию до Кибиры.

[59] *Кибиры...* Великая Кибира, город Кабалии, между Карией и Писидией, в юго-западной части Фригии, теперь развалины Horzum.

[60] *Гней* Манлий Вульсон действовал в Азии, товарищ его по консульству 565 г. Марк Фульвий Нобилиор в Европе.

[61] *Моагета* — употребительное имя кибирских владык.

[62] *Гельвий* — имел с собою 4000 пехоты и 500 конницы. Liv.

[63] *Возмущенный... город...* Ливий передает ответ консула в форме прямой речи. Деньги и хлеб должны были быть доставлены в течение 6 дней. *Liv.* 14 кон.

[64] *Синды...* К северо-западу от Термеса, город Писидии, ближайший к Кибире, по словам Страбона.

[65] *величайшей... удачей...* Находка, ниспосланная Гермесом: Гнею представлялся удобный случай свернуть в сторону от намеченного маршрута.

[66] Между главами недостает нескольких слов о переходе Гнея через р. Тавр в Поамфилини.

[67] *Кирмас* — Cormasa, к югу от устья р. Колобата; там же и болото.

[68] *из Лисиои...* Лисиния, у Птолемея, город Писидии, к северо-западу от названных выше мест.

[69] *сагаласян* — Sagalassenum, теперь Aglason, пограничное укрепление севернее Писидии, верстах в 30 от Апамеи, что во Фригии. Дальнейшее движение римлян через Фригию к западной границе Галатии, откуда отправлено посольство к царьку толистобоев, составляет содержание гл. 15 Ливия; в гл. 16 краткая история галлогреков; гл. 17 дает в речи консула характеристику галатов.

[70] *Эпосогнату...* Единственный из галатских царьков, оставшийся верным союзником Эвмена, не оказывал поддержки Антиоху против римлян. *Liv.* 18.

[71] *толистобогиев...* Ближайшее к западной границе племя галатов, за ними к востоку следовали тектосаги и еще дальше токмы. У Ливия по вине писца Tectosagis вм. Tolistobogiis. На месте пробела краткие сведения о первой встрече римлян с галатами. *Liv.* 18 серед. А Сангарий, теперь Sakarlia, начинается во Фригии, протекает Галатию, Бифинию и вливается в Понт Эвксинский, а не в Пропонтиду, как показано у Ливия.

[72] *галлы* — название жрецов Матери богов (Mater deum) с оргиастическим культом, носившей имена: Реи, Кибелы и мн. др. Главным местом культа этой богини, весьма распространенного в Малой Азии, особенно во Фригии, Каппадокии, Галатии, был упоминаемый ниже город Пессинунт, на южном склоне Диндима в Галатии, к северу от Сангария, теперь разв. Balahissar. О культе

богини: *Preller.* Gr. Mythologie I, 502–514. *Любкер.* Реальн. словарь классич. древн. Rhea.

[73] *с украшениями... значками...* Символические знаки и священные изображения божества украшали грудь жреца. Ср.: *Liv.* XXXVI 36: XXXVII 9; XXXVIII 18.

[74] *ласково...* Консул придал этому приветствию значение доброго знамения.

[75] *под... Гордием...* Gordium (Liv.), на западном берегу Сангария, выше слияния с Тимбром, не доходя до Вифинии.

[76] *Олимп*, теперь Aka-Dagh, в западной Галатии толистобогиев.

[77] Картинное описание всех ужасов битвы, роковой для галатов, с выяснением причин решительного и быстрого перевеса римского оружия над галльским сохранено Ливием. 19–23.

[78] *Ортиагонт* — правитель толистобогиев, сражался на Олимпе. *Liv.* 24. История Хиомары сохранена в пересказе Плутарха (muller virtut. 22) и у Ливия.

[79] *Галаты* — два родственника Хиомары, условливались с центурионом через раба пленной царицы, тоже пленника.

[80] *под... Анкирой...* Главный город галатов тектосагов, теперь Angora, знаменитая своими козами, недалеко от западного берега Галиса.

[81] *к предупреждению опасности...* Самая схватка галлов с римлянами и разгром галлов на Олимпе и Магабе, бегство их за р. Галис и возвращение римлян на прежние зимние квартиры рассказаны Ливием со слов Полибия. 25–27. В то же время другой консул 565 г. Марк Фульвий Нобилиор, по усмирении этолян отправился на Кефаллению. Из числа покорившихся городов восстала Сама, 4 месяца выдерживавшая осаду. События эти относятся к 566 г. (188 г. до Р. Х.), рассказаны Ливием (28–29) со слов Полибия; интересно подробное упоминание об ахейских пращниках. Дальнейшим отрывкам об эллинских делах соответствуют у Ливия гл. 30–34; *Plut.* Philop. 16.

[82] *кремля...* — часть его, занятая римлянами, называлась Киатидою. *Liv.* 29 кон. Затем консул отправился в Пелопоннес, где между ахейским союзом и Лакедемоном возникли распри, а потом и война, из-за приморской полосы земли и живших на ней изгнанников. Стратегом ахеян был Филопемен, лакедемоняне решили выделиться из ахейского союза и отдать себя римлянам, для чего и звали Марка Фульвия из Кефаллении. Отправленные в Рим посольства от ахеян, Диофан и Ликорт, отец Полибия, и от лакедемонян возвратились с неопределенными ответами сената. Война кончилась поражением лакедемонян, отменою Ликурговых учреждений и насильственным, присоединением Лакедемона к ахейскому союзу (*Liv.* 30–34).

[83] *благородно... тиранам...* На союзном собрании в Тегее ахеяне при Филопемене постановили возвратить изгнанников в Спарту, чем были сильно встревожены оставшиеся в городе лакедемоняне, единомышленники Набиса: внутренние раздоры в Спарте усиливали зависимость города от ахейского союза. *Liv.* 34.

[84] На месте этой главы имеется в издании Гульча три строки сильно испорченного текста. На след. странице (1080) сам Гульч высказывает догадку, что эти несколько слов составляли отрывок речи Ариаратовых послов в римском стане. Во всяком случае отрывок наш имеет отношение к жалобам каппадокийского царя Ариарата V, с которого Манлий потребовал 600 талантов контрибуции, на беэденежье; слова об этом послов Ариарата обратились в поговорку, о которой еще у Горация: mancipiis locuples eget aeris Cappadocum rex. Epist. I 6 39.

[85] Гней Манлий Вульсон, проконсул 566 г., консул предыдущего. Этой и следующим главам (43–46) соответствуют у Ливия XXXVIII 27–41; Диодора XXIX 14–16; Аппиана Syr. 39. 42. 43. В нашем отрывке первоначальный текст в сокращении.

[86] *все... бесчинств...* По словам Ливия, победа над Антиохом была важнее для римлян, а поражение галлов — для азиатских союзников римлян (37 нач.).

[87] *от Ариарата... римлянами...* Ариарат женился на дочери Антиоха Антиохиде; посылал Антиоху вспомогательный отряд. *App.* Syr. 5. 32. 42.

[88] *шестьсот талантов* — 200 талантов, по словам Аппиана.

[89] *в Апамею* Кибот, или Апамея на Меандре, город Великой Фригии, основан Селевком Никатором, переселившим сюда жителей Келен; важный торговый город. *Plin.* V 29.

[90] *против ороандян...* Ороанда, город Ликаонии близ границ Писидии и Киликии, должен был заплатить 200 талантов. *Liv.* XXXVIII 18.

[91] *Каликадна и Сарпедонского...* Два мыса Киликии, из коих первый образуется рекою того же имени, у устья ее город Селевкия. Немного южнее другой из мысов, теперь Lisanel Kahbeh. К западу от этих мысов возбранялось ходить военным судам Антиоха.

[92] *дома...* Родосцы до войны пользовались правом строить и покупать себе дома во владениях Антиоха.

[93] *чистейшего... талантов...* — argenti probi duodecim milia Attica talenta. *Liv.* 38. Аттический и эвбейский талант — только разные названия одной и той же денежной единицы. Ср. I 62 9; XV 18 7; XXI 17 4, 30 2, 32 8, 43 8. 12. *Hultsch.* Metrol. 204 сл. 2. О договоре ср.: *Nissen.* Krit. Unters. 206–209.

[94] *Патарам...* Город Ликии, у восточного устья р. Ксанфа; там находились суда Антиоха. Ср. *Liv.* XXXVII 45. По прибытии из Эфеса к Патарам Квинт Фабий Лабеон уничтожил 50 царских судов.

[95] *триста талантов* вместо 600, которые Ариарат должен был уплатить римлянам (43 7). От Ливия узнаем, что царю прощена была половина этой суммы ради Эвмена, за которого Ариарат просватал свою дочь. *Liv.* 39.

[96] *в Нотии...* Гавань Колофона в 2000 шагов от города, на близком расстоянии от Эфеса. *Liv.* XXXVII 26.

[97] *Дримуссою...* К северу от Клазомен, в Гермейском заливе. Пробелы в конце стиха пополнятся из Ливия. «Жителям Илиона при-

бавлены Ройтей и Бергиф не столько в награду за недавние заслуги, сколько из внимания к их происхождению; по той же причине, дарована свобода Дардану». *Liv.* 39.

[98] *Телмиса* — приморский город Ликии, недалеко от границ Карии, в Телмесском заливе.

[99] *к Геллеспонту*... Отсюда Манлий с войском переправился в Херсонес и далее совершил через фракию. Здесь римляне дважды подвергались нападению фракийских народцев; дальнейший путь лежал через Македонию, Фессалию, Эпир до Аполлонии, что ниже Эпидамна, у Адриатического моря, здесь римляне зазимовали. Рассказ Ливия (40–41) заимствован от нашего автора. К трудностям перехода через Фракию относятся общие суждения автора, составлявшие гл. 49 XXI книги Гульча.

[100] В Мюнхенском списке (185) за нашей 18-й главой (36-е посольство) следует непосредственно 3-я глава XXII книги (37-е посольство).

ПРИМЕЧАНИЯ К ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ КНИГЕ

События трех лет обнимаются этой книгой: 567, 568, 569 гг. от основания Рима (187, 186, 185 гг. до Р. Х.). Уцелевшие отрывки Полибия пополняются из Диодора (XXIX 17–20) и Ливия (XXXIX 23–29: 33–37). Для первых двух годов Ливий вовсе не пользуется нашим автором.

Первые две главы представляют собою не извлечения из истории Полибия, но изводы (argumenta) целых частей истории. Уцелевшие изводы служат образчиками тех предварительных заметок составителей исторической хрестоматии Константина Багрянородного, по которым составлялся сборник извлечений и которые иногда, как и в настоящем случае, попадали в сборник под видом извлечений. *Schweighauser.* Polib. historiae VII, 498; *Nissen.* Krit. Unters. 4.

[1] *Городов Фессалии*... Положение дел, на которое жаловались римлянам фессалийцы, перребы, магнеты, афаманы, установилось с 191 г. до Р. Х., когда Филипп присвоил себе несколько городов первоначально принадлежавших названным народам, а во время войны находившихся во владении этолян, когда в союзе с Антиохом этоляне вели войну против римлян и Филиппа Разбор и решение пререканий производились по определению сената Кв. Цецилием Метеллом, М. Бебием Тамфилом и Тиб. Семпронием в Темпах в Фессалии. Согласно приговору римских уполномоченных Филипп обязан был вывести свои гарнизоны из занятых городов, чем сильно сокращались границы Македонии. Распря Филиппа с Эвменом из-за фракийских городов разбиралась теми же уполномоченными в Фессалонике. Решено перенести дело в сенат, а пока из фракийских городов вывести македонские гарнизоны. Эти-то обстоятельства подготовляли войну Персея против римлян. *Liv.* XXXIX 23–29.

[2] *в Фессалонике...* Город Македонии, в северной бухте Фермейского залива, на месте теперь Салоник или Солуни, Селаник, важного торгового города Турции. Поводом к союзному собранию были жалобы лакедемонских изгнанников, Арея и Алкивиада, римскому сенату, который поручил Алпию Юлию Клавдию и другим уполномоченным решение распри между ахейским союзом и Лакедемоном (184 г. до Р. Х.). Союзным стратегом был Ликорт, произнесший по сему поводу большую речь. *Liv.* XXXIX 33. 35–37.

[3] *в Компасии...* Случилось это еще в конце 188 года, когда ахейцы с Филопеменом во главе вели войну против Лакедемона и стояли лагерем в пределах Лаконики. Других сведений о топографии Компасии не имеется. 80 лакедемонян были в ахейском стане частью убиты разъяренной толпой, частью казнены по пристрастному приговору судей. *Liv.* XXXVIII 33; XXXIX 33 серед. 36.

[4] *действия... Филопемена...* Кроме умерщвления 80 спартанцев, срытие городских стен, отмена законов Ликурга и всех исконных учреждений Спарты.

[5] *Марк Эмилий Лепид* — консул 567 г. вместе с Г. Фламинием. *Liv.* XXXVIII 42. Он же pontifex maximus 574 года.

[6] *месанкилом...* — метательное копье с ремнем вместо ручки посередине.

[7] *своим... народов...* — греч. текст испорчен.

[8] Начало отрывка утрачено, а из уцелевших строк § 1 настолько испорчен, что не может быть восстановлен в связном виде. Ясно одно, что общее суждение автора относится к вероломству и жестокости Птолемея, о котором речь идет в следующем отрывке (гл. 7). О великодушии Филиппа, сына Аминта, автор говорил и раньше. V 10. XVIII 14 13–14. В осуждение Птолемея автор вспоминает о высоких достоинствах Филиппа и сына его Александра.

[9] *Ликополь* — город Египта, что в Себенитском округе вблизи Саида.

[10] *навлек... беду...* Рассказ выпущен при составлении извлечения.

[11] *в Навкратис...* Теперь развалины близ Salhadzar, греческая колония на правом берегу Канобского устья Нила в Саитском округе, важный торговый город.

[12] *с этого времени...* С того, когда римляне не дозволили Филиппу покарать македонян, отпавших от него перед сражением при Киноскефалах (197 г. до Р. Х.); во время войны с Антиохом и после нее Филипп неоднократно считал себя обиженным римлянами. *Liv.* XXXIX 23–29.

[13] *Абруполиса* — царь сареев, фракийского народа, друг и союзник римлян. *Appian.* Mac. IX 1–3; *Liv.* XLII 13.

[14] *вторжение Персея в Долопию. Appian.* ibid. 3.

[15] *покушение... Эвмена...* На обратном пути из Рима в Азию. *Appian.* ibid. 2. Об умерщвлении беотийских послов упоминает Эвмен у Ливия. XLII 13.

[16] *изгнанники* — отстаивали свободу города против насилий македонского гарнизона. *Liv.* XXXIX 24.

[17] *Тиберий Клавдий* — Tl. Sempronius (Gracchus) у Ливия.

[18] *участникам... собраниях...* Не все сходившиеся и съезжавшиеся по случаю общесоюзных собраний участвовали в этих собраниях.

[19] *эгиняне... союзу...* Ясно, что Эгина входила в ахейский союз; но упомянутое здесь событие, относящееся к 210 г. до Р. Х., в подробностях неизвестно.

[20] *талантов...* Египетский или птолемеевский медный талант, составлявший 1/69 стоимости серебряного таланта, 1/750 золотого.

[21] *празднества...* — Немейские игры. Ср.: II 70 4; V 101 5; X 26 1.

[22] *Квинт Цицилий* — вместе с двумя товарищами разбирал в фессалийских Темпах и в Фессалонике пререкания между Филиппом, с одной стороны, разными эллинскими народами и Эвменом — с другой. *Liv.* XXXIX 24 кон. — 29 нач.; *Pausan.* VII, 9 1–2. О том, что посольство перешло после в Пелопоннес, Ливий упоминает в другом месте, по другому случаю. 33 серед.

[23] *мессенян...* В 191 г. до Р. Х. в стратегию Диофана Мессена при посредничестве Фламинина вошла в состав ахейского союза. *Liv.* XXXVI 31. О каких изгнанниках говорится в отрывке, неясно.

[24] *Марком Фульвием*, который вызван был лакедемонянами с Кефаллении в Пелопоннес. *Liv.* XXXVIII 31 кон. 35 нач.

[25] К тому же 186 г. до Р. Х. (568 г. от основания Рима) относились в истории Полибия рассказы о гибели Антиоха во время кощунственного нападения его на храм Бела в земле элимеев и о предшествующем этому походу отпадении от него Армении, которую разделили между собою два сатрапа. *Diod.* XXVIII 3, XXIX 15; *Strab.* XI 14, XVI 1.

[26] *Арей и Алкивиад* — знатные спартанцы, в тиранию Набиса изгнанные из города и нашедшие себе убежище у ахеян; потом наперекор спартанцам, остававшимся в городе, были возвращены в Спарту Филопеменом. *Liv.* XXXIX 35 серед.

[27] *одно перед другим...* Оба посольства введены разом, а не одно за другим.

[28] *оказывать... послам...* Ливий передает толкование этого предложения, чтобы римским послам всегда был открыт доступ в народное собрание ахеян.

[29] *доверил... замысел...* У Ливия точнее: «поручил Ономасту перебить вождей враждебной (т. е. римской) партии». *Liv.* 34 нач. Отрывку Полибия соответствуют у Ливия главы 34 и 35 с некоторыми сокращениями против оригинала.

[30] *пользовался... заложником...* Разумеется отличие, предупредительность, какие оказывались ему в Риме. Ливий поясняет причину такого отношения к юноше: quod Romae obses specimen regiae indolis dedisset. 35 нач.

[31] *над Пропонтидою...* Ливий посвятил конец главы 35 кратким сведениям об этом походе на фракийцев.

[32] Не сохранился отрывок о лакедемонских делах на союзном собрании ахеян в Клиторе в присутствии римских послов, Аппия Клавдия и др. Первостепенное значение для характеристики союзных

отношений ахеян имеет речь Ликорта, отца историка. После этой речи римский легат подал совет ахеянам снискивать себе благоволение римлян добровольно, дабы не быть вынужденными к тому силою. Смертный приговор ахеян Арею и Алкивиаду, предателям союза, был отменен.

[33] *космом...* Председательствующий исполнительной коллегии 10 космов, именем его назывался год; космы были не в Гортине только, но и в других городах Крита. *Gilbert.* Gr. Staatsalt. II 221. 227.

[34] *в Гортине...* Важный город в средней части острова, на р. Иеропотамо, развалины близ деревни Haji Deca, вел долгую борьбу с Кноссом, лежавшим на северо-востоке от него, за преобладание на Крите. В 1884 г. развалины города ознаменовались открытием замечательной надписи, содержащей в себе многие архаические данные о бытовых отношениях в критских городах. Русский перевод надписи в записках Русск. Арх. Общ. 1888, т. III.

[35] *Ликастий* — область города Ликаста в южной части Крита; там же Диатоний. Недалеко оттуда, тоже между Кноссом и Гортиною — Равк, теперь Св. Мирон.

[36] *Фалассарну...* Город Крита на северо-западном берегу, ниже мыса Кирама.

[37] *Аполлониада* — упоминается как образец женской доблести Плутархом под именем Аполлониды. Frat. am. 5, p. 480.

ПРИМЕЧАНИЯ К ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ КНИГЕ

События 184 и 183 гг. до Р. Х. (570 и 571 гг. от основания Рима или ол. 148, 4; 149, 1) составляют предмет XXIII книги, в изложении историка распределяясь в топографическом и вместе в хронологическом порядке между Италией, Пелопоннессом, Македонией. Уцелевшие отрывки восполняются из Диодора (XXIX 21–24), Аппиана (Syr. 11), Ливия, допускающего большие сокращения (XXXIX 46–53; XL 2–16), Плутарха (Philop. 18–21). Согласно указаниям Ниссена, по мнению которого вследствие перебоя листов рукописи македонская история ол. 149, 2 или 182 г. до Р. Х. или 572 г. от основания Рима передвинута в эллино-македонскую историю предшествующего года, отрывки XXIV книги помещены в XXIII.

[1] *посольства..* Названы заморскими у Ливия. XXXIX 46 серед.

[2] *из Эллады..* Разумеется и Македония, как XXII 15 1.

[3] *золотых...* — аттических статеров, монета в 20 драхм.

[4] *судом международным...* Тем судом, который в силу договора между двумя государствами разбирал возникающие между гражданами этих государств споры.

[5] *умножило... дома...* По словам Ливия, оказанные юноше отличия обратились на гибель ему. 48 нач.

[6] *Tum* Квинкций Фламинин в дружеских отношениях с Деметрием. *Appian.* Maced. VII 4; *Liv.* XL 11.

[7] *умерщвление Деметрия* — в 182 г. до Р. Х. (572 г. от основания Рима). *Liv.* XL 20–24.

[8] *были... ахеян...* По умерщвлении Набиса Филопемен с согласия лакедемонян соединил Спарту с ахейским союзом в 192 г. до Р. Х. (562 г. от основания Рима). *Liv.* XXXV 37 нач.; *Pausan.* VIII 51 1; *Plut.* Philop. 15 4–5.

[9] *Аппий* — на месте пробела в рукописи.

[10] Ксенарха... Стратег ахейского союза в 174 г. до Р. Х. (580 г. от основания Рима), брат Архона, упоминаемого XXII 13 8. Ср. *Liv.* XLI 24.

[11] *Динократ* — глава олигархической партии в Мессене, сторонник отторжения Мессены от ахейского союза.

[12] *Тита* Квинкция Фламинина, который по прибытии к Прусию прежде всего потребовал выдачи Ганнибала. *Liv.* 51; *Plut.* Flam. 20; *Appian.* Syr. 11.

[13] *За время... лакедемонянами...* — с тираном Набисом в 195 г. до Р. Х. (559 г. от основания Рима). Hertzberg. Gesch. Griechenl I, 85 сл.

[14] *в длинном платье...* — в женском платье. *Plut.* Flam. 17.

[15] *накликал... забот...* Заботы, или бедствия для эллинов — война мессенян с ахейским союзом, сопровождавшая попытки олигархов мессенских к отторжению от союза. (Plut.) Нечто подобное рассказывает Геродот про афинянина Гиппоклида, как он «проплясал» невесту, дочь сикионского тирана Клисфена. VI 129.

[16] *демиургам...* Исполнительная коллегия из 10 лиц при союзном стратеге. Стратегу совместно с демиургами принадлежало право созывать союзные собрания и руководить ими.

[17] *так... Лакедемона...* По почину Филопемена они были возвращены в Спарту, в том числе Арей и Алкивиад; участие в их судьбе принимал раньше Фламинин. *Liv.* XXXVI 35; *Plut.* Philop. 17 кон. Об этих-то недавних изгнанниках посольство и хлопотало. 6. О новом удалении их из города, сопровождавшем, вероятно, одну из междоусобиц, не сообщается ничего, быть может это — изгнанники, упомянутые немного выше в той же книге (4 5). Ср. XXI 1 4.

[18] Следующие отрывки располагаются в различном порядке в редакции Беккера, в объяснениях Ниссена (Krit. Unters. 226–230), желающего удержать порядок Ливия и Полибия, и в издании Гульча. За гл. 5 Гульча Ниссен предлагает читать главы 12, 13, 14 (8^b. 9. 9^a Bekker), соответствующие Ливиевым XXXIX 49–52 и содержащие в себе обломки рассказа о смерти трех великих современников: Филопемена, Ганнибала и Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего; засим он помещает нашу гл. 8 о прибытии римского посольства в Македонию. Порядок Гульча не нарушает последовательности отрывков в рукописях Валуа и Ватиканской, следовательно, ближе отвечает порядку известий первоначальному; Ливий поставил рассказы Полибия о смерти трех героев раньше, чем известия его о прочих событиях в Элладе и Македонии, в частности известия о положении Деметрия в Македонии по прибытии из Рима (53). Ср. Вейссенборна примеч. XXXIX 5–3 1 Ливия.

[19] *подкупом...* Эпитоматор оборвал на полуфразе, вообще неискусно сократив оригинал; понятие о последнем дают верные психологические наблюдения автора, переданные Ливием. Слова «по причинам здесь объясненным» (56) мотивированы у Ливия (53), но не в нашем сокращении.

[20] *Квинт Марций*, прибыл в Элладу осенью 184 г. до Р. Х. (570 г. от основания Рима), впоследствии своими интригами сильно запутывал отношения.

[21] *одрисов... денфелетов...* Поименованы в направлении с востока на запад: два первые народа на северо-восточных склонах Родопских гор, последний по обоим берегам верховья Стримона, на северо-западном склоне Орбела.

[22] *Филиппополем...* Город Фракии на р. Гебре, раньше назвался Понерополем.

[23] *с синоплянами...* Синопа после осады взята была Фарнаком, и жители ее обращены в рабство. *Strab.* XII 3 11, p. 545. Сами синопляне не могли явиться в Рим, и предстателями их были родосцы, их друзья и союзники. IV 56. О восточных посольствах этого года: *Liv.* XL. 2 кон. 3.

[24] *между царями* — Фарнаком, сыном Митридата, владыкою Понта, и Эвменом, пергамским царем; была война. *Liv.* XL 20.

[25] *последует за Мессеною* — т. е. попытается, подобно Мессене, выйти из ахейского союза.

[26] *в... Эмафию...* Песчаная равнина, обращенная к берегу Фермейского залива, колыбель Македонии. Северная часть Македонии составляла Пеония, орошаемая средним течением Аксия с притоками и верхним Стримоном.

[27] *Адмете... Саме...* Когда-то ближайшие друзья Филиппа. Ср. V 9 4.

[28] *стих* эпического поэта Стасина. *Clem. Alex.* Strom. VI 625[c]; *Aristot.* Rhet. II 21.

[29] *драму...* Распря двух братьев и разбирательство ее Филиппом с речью отца, с обвинениями Персея и оправданием Деметрия рассказаны со слов нашего автора не без собственных риторических прикрас Ливием (XL 6–16), а сама смерть Деметрия в гл. 23 той же книги.

[30] *от этого...* Филиппа преследовали неотступно тени жертв, до него доходили вести о злобном настроении народа; к этому прибавлялась домашняя распря.

[31] *в месяце Ксанфе...* Весенний месяц; празднество начиналось в конце лета. О том же очищении войска речь идет у Ливия. XL 6 нач. Празднество сопровождалось примерным сравнением между двумя армиями македонян.

[32] *братья...* Отрывок из речи Филиппа на семейном судбище, когда Персей старался обвинить Деметрия перед отцом в измене и в покушении на братоубийство. В вольной переделке, с сокращениями оригинала в одних местах и с добавлениями в других речь Филиппа воспроизведена Ливием. XL 8.

[33] *цари Лакедемона...* У Ливия говорится о согласии между обоими царями, а не между царями с одной стороны и эфорами с другой, как в оригинале.

[34] *Филопемен... год...* Из Плутарха (Philop. 18) знаем, что стратег ахеян лежал больной лихорадкой в Аргосе, когда нужно было спешить против мессенян: Мегалополь отстоял от Аргоса больше, чем на 40 стадий. В стычке с мессенянами Филопемен был ранен и взят в плен, и на другой день умерщвлен, в августе или сентябре 184 или 183 г. до Р. Х. (571 г. от основания Рима). *Liv.* XXXIX 49–50.

[35] *сорока лет...* Следовательно, с тридцатилетнего возраста он участвовал в политической жизни союза, с 223 по 183 г. до Р. Х. *Diod.* XXIX 18. Ливий видит знак особого отличия Филопемена в том, что эллинские и римские историки ставят его рядом с именами величайших полководцев того времени, Ганнибала и Публия Корнелия Сципиона. XXXIX 50 кон. Кончина трех знаменитостей не соответствовала славе их при жизни. *Liv.* 52 кон.

[36] *Ганнибал...* О смерти его в Вифинии при участии или с согласия Прусия рассказывают Аппиан (Syr. 11), Ливий (XXXIX 51), Плутарх (Flamin. 20), К. Непот (Hannib. 10), Юстин (32 4). Ср. *Nissen.* Krit. Unters. 227 сл. Для характеристики Ганнибала *Diod.* XXIX 19; *Iustin,* ibid.

[37] *кто-то... народа...* Со слов Валерия Антийца Ливий называет обвинителями Сципиона двух Г. Петиллиев; обвиняли его и брата его Луция в том, что не все деньги, полученные от Антиоха, сданы были в государственную казну. Обреченный на изгнание, Сципион умер в компанском городе Литерне. *Liv.* XXXVIII 50 серед.—54; *Appian.* Syr. 40; *Gell.* IV 18. Исход процесса рассказан у Ливия и др. иначе, чем у нашего автора.

[38] *Ликорт* — друг Филопемена, преемник его в должности союзного военачальника. *Liv.* XXXIX 50 серед. Полибий, сын Ликорта вместе с первыми людьми из ахеян нес урну с останками героя в погребальной процессии из Мессены в Мегалополь. *Plut.* Philop. 21; *Pausan.* IV 30 11–12, VIII 51 5–8.

[39] *Абия* (близ теперешнего Zarnata), *Фурия*, *Фары* (теп. Calamata), поселения юго-восточной части Мессении над Мессенским заливом, находились относительно Мессены в положении аттических демов.

[40] *только... города...* Ликорт разумеет Набиса и прежних тиранов, этим способом избавлявшихся от неудобных для них граждан. В 188 г. ахеяне в союзном собрании в Тегее постановили возвратить изгнанников в город к великому огорчению господствовавшей тогда в городе партии (*Liv.* XXXVIII 34). Возвращенные изгнанники, по крайней мере, многие из них, заплатили ахейскому союзу неблагодарностью, хотя едва ли ахеяне руководствовались в этом мероприятии выгодами возвращаемых изгнанников, а не желанием покарать остававшихся в городе спартанцев (XXII 15 7–8; XXIII 4 2–3). Возвращенные в город изгнанники были выгнаны снова и жаловались на это сенату; но сенат не оказал им деятельной поддержки. Теперь ахеяне соглашались на некоторую уступку в пользу изгнан-

ников, а именно: открывали обратный доступ в город тем из них, которые были неповинны в каких-либо враждебных против союза действиях.

ПРИМЕЧАНИЯ К ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГЕ

XXIV книга обнимает события Италии, Пелопоннеса, Македонии и Азии за время трех лет: 182–180 гг. до Р. Х. (572–574 гг. до основания Рима). *Liv.* XL 20–24; *Diod.* XXIX 25–31; *Plut.* Aemil. Paul. 6.

[1] *Марка...* Лицо неизвестное, если вместе с Орсини не разуметь здесь того же Кв. М. Филиппа, который в 184 г. (570) ходил послом к Филиппу и в Пелопоннес. XXIII 4 16.

[2] *изгнанники* — недовольные исключением из числа тех, коим дозволено ахейским союзом возвращение в Спарту. Ср. XXIII.

[3] *Гем*, теперь Балканы, от хребта Скомия на западе до Черного моря на востоке. Прежними издателями отрывок помещался в XXXIV книге, посвященной географическим известиям. Однако он имеет прямое отношение к событиям, о которых сообщает Ливий под 572 г. (XL 21 серед. — 22 серед.), именно к походу Филиппа в Медику и к восхождению Филиппа на вершину Гема. Римский историк, следуя за греческим оригиналом, долго останавливается на кознях Персея против Деметрия и на смерти этого последнего (ibid. 20–24).

[4] *оба моря* — Адриатическое на западе и Черное на востоке. У Полибия, вероятно, было сказано то же, что и у Ливия: Филипп разделял общераспространенное мнение о возможности видеть оба моря с вершины Гема.

[5] *смуты* — на Крите упоминались, вероятно, в связи с известиями о смерти Филопемена и о мессенских делах.

[6] *дары... угощение...* — et hospitia et lautia. Это было hospitium publicum, предлагаемое римской республикой посольствам, особенно иноземным царским особам: расходы на квартиру, содержание и на подарки покрывались из государственного казначейства. В 547 г. сенат велел отвести для сагунтинских послов квартиру, устроить угощение и предложить каждому в подарок не меньше 10 000 ассов. *Liv.* XXVIII 39 кон.

[7] *Ахеяне... благодарности...* Подобное предложение сирийского царя Селевка было отвергнуто ахейским союзом. XXII 10 4. 12 13.

[8] *Парнаса...* Город Каппадокии на левом берегу р. Галиса, недалеко от южной границы Галатии.

[9] *мокисеев...* Город Мокис, или Мокес в Каппадокии на востоке от р. Галиса.

[10] *умеренные... обездоленными...* Изгнанники были лишены их имуществ, и возвращение в Спарту могло казаться римлянам только восстановлением их в их имущественных правах.

[11] *как раз обратное...* Все от первого до последнего слова, от начала до конца он делал вопреки полученным инструкциям.

[12] *этолянам... ахеян...* Быть может, под тем предлогом, что лакедемонские изгнанники могли ютиться и в землях этих народов.

[13] В начале и конце параграфа незначительные пробелы, на месте которых находились общие замечания автора по случаю предательства Калликрата, не имеющие отношения к посольству. Внешние признаки пробелов имеются в рукописях.

[14] *не ведавший...* Прочие послы были настолько унижены римлянами и вероятно запуганы Калликратом, что бессильны были парализовать действие его рассказов.

[15] *продажным...* Намек на подкуп со стороны римлян.

[16] *Филопемен и Аристен...* По какому поводу автор делает сравнительную оценку двух ахейских стратегов, неизвестно: во всяком случае она принадлежит той части истории, в которой излагаются события, следовавшие за смертью Филопемена и обличавшие уже подлинные цели римской завоевательной политики относительно Эллады.

[17] *Аристен... римлян...* Плутарх рассказывает, как однажды Филопемен не выдержал и спросил Аристена: «Зачем ты спешишь увидеть исполнение судьбы Эллады» (Philop. 17).

[18] *на убедительнейшие... доводы...* Услуги, оказанные римлянам в войнах их с Филиппом и Антиохом.

ПРИМЕЧАНИЯ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОЙ КНИГЕ

XXV книга обнимает события ол. 150-й, т. е. 179–176 гг. до Р. Х. или 575–578 гг. от основания Рима на территориях Италии, Македонии, (Эллады), Родоса, Азии, Египта. Полибиевы отрывки восполняются из Ливия (XL 54–58), Диодора (XXIX 23–30) и Страбона (III 4 13, p. 163).

[1] *Тиберий* Семпроний *Гракх* — зять Сципиона Африканского Старшего, в должности пропретора в ближней Испании (180–178 гг.) счастливо воевал против кельтиберов; по возвращении в Рим почтен великолепным триумфом. *Liv.* XL 47–50; XLI 11 нач.; *Appian.* Hisp. 43; *Diod.* XXIX 26. Со времени Катона (195–194 гг.) в Испании происходили волнения покоренных народов, походы Гн. Сципиона, П. Фульвия Нобилиора, П. Эмилия, предшествовавшие победам Тиберия Семпрония Гракха; последствием прежних войн было лишь кратковременное замирение Испании.

[2] *Посейдоний*, по прозванию Родосский, из Апамеи в Сирии, стоик, автор обширного историч. сочинения, продолжал сочинение Полибия (ум. 51 г. до Р. Х.). Исторические отрывки его у К. Мюллера: Fragm. Hist. graec. IV, p. 245 сл.

[3] Со слов нашего автора рассказаны Ливием как смерть Филиппа в Амфиполе (179 или 575), предшествовавшие смерти царя изобличения Персея, виновника гибели Деметрия, мучительное раскаяние Филиппа, так и движение бастарнов из-за Дуная во

Фракию, война их с фракийцами, закончившаяся поселением 30 000 бастарнов в Дарданнии и возвращением прочих за Дунай. Тут же известия о том, как Филипп готовил в преемники себе Антигона, сына победителя Клеомена-царя, как Персей хитростью захватил царство и вскоре велел умертвить Антигона. *Liv.* XL 54–58; *Diod.* XXXIX 25.

[4] *Фарнак* — царь Понта, возобновил военные действия против пергамского царя и его союзников по истечении срока перемирия. XXIV 5. 1. 7.

[5] *Тий* — город Пафлагонии, занят военачальником Фарнака Леократом, а жители города перебиты. *Diod.* XXIX 23.

[6] *у Морзия*... Царь Пафлагонии Morzeus (*Strab.* XII 3 42, p. 562); Morzus (*Liv.* XXXVIII 26).

[7] *Гераклеоты*... Жители Гераклеи, город Вифинии, теперь Eregli, мегарская колония, при впадении Лика в Понт. *Месембрия*, дорийский город Фракии на Понте к северу от Аполлонии, теперь Missivria. *Херсонес* Таврический, на полуострове того же имени, близ Севастополя. В 1890–1891 гг. найден здесь текст гражданской клятвы, изданный и объясненный В.В. Латышевым. Sitzb. d. k. Preuss. Akademie d. Wissensch. 1892. XXVII.

[8] Из событий Италии за 178 г. до Р. Х. (576 г. от основания Рима) автор упоминал о посольстве Персея в Риме, о том, что римский сенат, возобновляя дружественный союз с Персеем, хорошо понимал лживость уверений его в дружбе. *Liv.* XL 58 кон.; *Diod.* XXIX 30.

[9] *эллинов*... Разумеются и македоняне. Отрывок этот отнесен у Афинея (X, p. 445 d) к XXVI книге, обнимающей события 151-й олимпиады; но тогда приходилась бы на эту книгу история целых семи лет, так как вступление Персея на царство относится ко второму году 150-й олимпиады; такое нагромождение годов в одну олимпиаду невозможно у Полибия.

[10] *Афины Итонской*... Знаменитое святилище в Беотии, кажется, в Коронее. *Polib.* IV 25 2; *Strab.* IX 5 13, p. 435; *Pausan.* III 9 13, IX 34 1. Герой Итон — сын Амфиктиона; то же имя носил город в Фессалии между Ферами и Ларисой. Святилище такой же Афины в Фессалии. *Pausan.* I 13 2.

[11] Тиберия и Клавдия: consules creati C. Claudius Pulcher Ti. Sempronius Gracchus. ...Gracchus eam (Сардиния) sortitur, Histriam Claudius. *Liv.* XLI 8 нач. Claudio Histria, Sempronio Sardinia obvenit. 9 сред. Следовательно, истры и агрии занимали смежные области: истры жили на полуо-ве Истрии, на Ионийском море, между Иллирией и Либурнией, смежном с Цизальпинской Галлией.

[12] *с послов от ликиян*... Ликияне были отданы в дар родосцам. *Liv.* XXII 5; XXXVIII 39; XL 51. По словам Ливия, ликияне жаловались, что родосцы угнетают их гораздо больше, чем угнетал их царь Антиох. Сенат отвечал: Lycios ita sub Rhodiorum simul imperio et tutela esse, ut in dicione populi Romani civitates sociae sint. XLI 6 кон.

[13] *Ксанфа...* Город Ликии, теперь развалины близ Gunic, на левом берегу р. Ксанфа.

[14] *невесту* — Лаодику, дочь сирийского царя Селевка Филопатора. *Liv.* XLII 12.

[15] *головной убор...* Тонкая золотая (или позолоченная) пластинка. О том, что целый флот родосцев сопровождал невесту Персея, говорится у Аппиана: Maced. fr. IX 1.

[16] *о бастарнах...* Германский народ на нижнем Дунае, между Тиссою и Моравою, упоминается в истории впервые в начале II в. до Р. Х., когда Филипп III и Персей решили обратить их оружие против римлян. *Liv.* XL 5 серед. 57–58; XLI 23 серед.; XLII 11 серед.

[17] *отправить... на месте...* Об этом посольстве без поименования главы его упоминается в отрывке Аппиана: Maced. IX нач.

ПРИМЕЧАНИЯ К ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ КНИГЕ

В списках Полибиева сочинения не сохранилось от XXVI книги ничего. К этой книге наш отрывок приурочен со слов Афинея, у которого он и сохранился в двух местах. То же самое из Полибия рассказывают Ливий (XLI 20), Диодор с сокращениями (XXIX 32). XXVI книга обнимала события четырех лет 151-й олимпиады (579–582 гг. от основания Рима или 175–172 гг. до Р. Х.) У Ливия под 579 г. рассказаны успехи консулов по усмирении Лигурии и Галлии, а также последствия происков Персея в Македонии, война между дарданами и бастарнами (XLI 19. 23). Известия Ливия пополняются Орозием: о гибели бастарнов при переправе через замерзший Дунай на пути из Македонии домой (IV 20). Известия этой книги об Антиохе относятся к началу его царствования (гл. 151).

[1] *Антиох...* Антиох — сын Антиоха Великого, брат Селевка Филопатора, царь Сирии после смерти сего последнего (175 г. до Р. Х.); со времени заключения мира с римлянами (189 г. до Р. Х.) жил в Риме заложником (*Zonar.* XI 21) Эпифаном, Славным (Illustris) назвали его народы как законного преемника царей, к тому же безупречного в военном деле; но за распущенность в образе жизни он прозван был Эпиманом, Безумцем. *Appian.* Syr. 45.

[2] *в тоге... за него...* Подразумевается блестящая тога кандидата. Диодор прибавляет: «как поступают, он видел, кандидаты на должность в Риме».

[3] *кресло... кости...* Sella curulis, принадлежность в Риме курульной должности. VI 53

[4] *по святилищу... в Афинах...* Храм Зевса, на который Антиох затратил большие суммы, был начат Персеем, а окончен только императором Адрианом. Об этом храме упоминают Страбон, Павсаний и др.

[5] *кувшины*... Большие сосуды (amphorae) для хранения простых и дешевых жидкостей.

[6] *стактою*... Искусственно приготовленное благовонное масло называлось так потому, что наливали его через горлышко сосуда каплями.

[7] Из следующего года (174 г. до Р. Х. или 580 г. от основания Рима) сохранились у Диодора и Ливия известия нашего автора, касающиеся Италии, Эллады, острова Родоса. Первые из этих известий гласили о том, как римский сенат признал Персея виновником смут, охвативших Фессалию вслед за Этолией; как он предложил Персею через послов восстановить на царство фракийца Абруполида (*Diod.* XXIX. 36. Exc. legat. p. 623). С большими подробностями сообщает Ливий в речи Эвмена о происках Персея в других местах, по поводу последующих событий. XLII 13–14. Ср.: erant autem non Aetoli modo in seditionibus propter ingentem vim aeris alieni, sed Thessali etiam, ex contagione, velut tabes, in Perrlmebiam quoque id pervaserat malum. Liv. XLII 5 серед. Это об Италии.

Известия о событиях того же года в Элладе сохранены Ливием (XLI 22–25). Римляне поспешили отправить посольство в Македонию, когда узнали от Масанассы, что Персей ведет переговоры с карфагенянами о союзе против Рима. В Элладе Персей старался привлечь на свою сторону всех, главным образом ахейцев и афинян, дабы вернее осуществить план войны против римлян, задуманный еще отцом его, Филиппом. В Ахае было две партии: одна (Калликрат) отвергала решительно всякие попытки Персея к сближению, другая (Ксенарх, Архон) предлагала, не нарушая союза с римлянами, не враждовать и с Персеем, пока он соблюдает мир. Речи названных выше ахейцев. Распри царили в Этолии между друзьями и противниками римлян. Волновался Крит. Враждовали между собою ликияне и родосцы.

В следующем году (173 г. до Р. Х., или 581 г. от основания Рима) явились в Рим послы от этолийцев с жалобами на домашние смуты, фессалийцы с сообщением о происках Персея; среди них тоже были смуты; зло перешло и в Перребию. Большая часть эллинских городов расположена была благожелательно к Персею, невзирая на его пороки и преступления, и предпочитала его Эвмену, хотя на стороне Эвмена были и личные достоинства, и заслуги перед Элладою. Римские послы в Фессалии и Этолии принимали меры к умиротворению народов. Были послы и в Ахайе для укрепления союза с Римом. С выражением дружбы и покорности явились в Рим послы от Антиоха Эпифана. Впоследствии римляне ближе узнали от Эвмена о настроении умов в эллинских городах и в азиатских царствах в пользу Персея, а также о военных силах македонского царя (*Liv.* XLII 4–6).

Под 582 г. от основания Рима Ливий (XLII 11–18) сообщает о дальнейших приготовлениях Персея к войне с Римом, о его преступлениях против друзей римлян, о смутах, которые Персей питал в Элладе; он же приводит пространную речь Эвмена в римском сенате с

подробными показаниями против Персея (11–13, 17). Согласно с Эвменом показывали и римские уполномоченные по возвращении из Эллады. Диодор (XXIX 3), Ливий (16), Плутарх (p. 489) рассказывают о том, как брат Эвмена Аттал поверил слухам о смерти царя, спит искать любви царицы Стратоники. Содержание Эвменовой речи то же самое, что у Ливия, передано Аппианом (Maced. 11). Давая веру Эвмену, сенат оставил без внимания оправдательные речи Персеева посольства с Гарпалом во главе, а Эвмена отпустил с большими почестями (*Liv.* 14; *Diod.* XXIX. 37). Когда Гарпал, раздражив римлян угрожающим ответом, возвратился к царю в Македонию, Персей считал войну неизбежною. Он устроил засаду против Эвмена в Дельфах, но покушение не удалось; обо всем этом узнали римляне, и Персей был объявлен врагом Рима. Кратко об этом покушении упоминает и Аппиан. Однако начало войны против Персея отложено на год (*Liv.* 17–18).

ПРИМЕЧАНИЯ К ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ КНИГЕ

XXVII книга обнимает события 1-го и 2-го годов 152-й олимпиады или 583–584 гг. от основания Рима или 171–170 гг. до Р. Х. Главный герой книги — Персей, главное событие — приготовления Персея к войне с Римом и решимость сената воевать с Персеем. Введением в рассказ служили общие замечания автора об отношении царей и вольных городов к начинающейся войне в консульство Публия Лициния и Гая Кассия (*Liv.* XLII 29–30). Народ эллинских городов был на стороне Персея; знать сочувствовала римлянам из корыстных видов; честнейшие и благоразумнейшие люди в Элладе предпочитали политику невмешательства. Аппиан перечисляет посольства римлян, отправленные к Эвмену, Антиоху, Ариарату, Масанассе, Птолемею, а также в Фессалию, Эпир, Акарнанию после покушения Персея на Эвмена в Дельфах (Maced. 11. IX 2). 5000 человек римской пехоты и 300 воинов конницы переправлены в Эпир. 1000 воинов пехоты привели на Корфу римские уполномоченные: Квинт Марций Филипп, Авл Атилий, Публий и Сервий Корнелии Лентулы, Л. Децимий. Затем следовало письменное обращение Персея к римским уполномоченным, а потом личные переговоры между Персеем и Марцием с товарищами на берегу Пенея. В главе 40 у Ливия содержится перечень прегрешений Персея против Рима и друзей его; главы 41–42 содержат оправдательную речь Персея.

Нашему началу книги соответствует гл. 44 XLII книги Ливия. Послы от беотийских городов явились в Халкиду, что на Эвбее, к римским уполномоченным Квинту Марцию Филиппу, Авлу Атилию с товарищами.

[1] *посольства...* Посольства представляли два настроения среди беотян: одно — римско-партикуляристское от феспиян, другое — македонско-федеративное от Неона, стратега предшествовавшего

года, сторонника македонского дома. Феспии были в это время центром движения противомакедонского и федеративного, в частности против новоизбранного союзного стратега беотян Исмения (*Liv.* XLII 43). Из Ливия следует, что посольство Исмения было отправлено в Халкиду с повинною уже после того, как народ разорвал союз с Персеем и решил встать на сторону Рима (*Liv.* XLII 44). Упоминаемый здесь Неон, вероятно, один из потомков того Неона, который впервые установил дружественные отношения этого дома к царям македонским.

[2] *лебадеян...* Город Лебадея находится на западной окраине Копаидской равнины, между Херонеей на севере и Коронеей на юге, теперь Livadia.

[3] *изгнанников...* Об изгнанниках (exules) из разных городов, собравшихся в Феспиях, сообщает Ливий: это — недовольные избранием Исмения в союзные стратеги (*Liv.* XLII 43).

[4] *под навесом...* Легкая постройка, нарочито сооруженная для римских уполномоченных, со сквозными воротами или дверями.

[5] *Галиарта...* Галиарт — гоород Беотии, на западной окраине Копаидской равнины, теперь Mazzi.

[6] *беотийский... римлянами...* Вскоре после этого (171 г. до Р. Х.) союз беотян был восстановлен. Павсаний называет его в числе элинских союзов, расторгнутых римлянами в 146 г. до Р. Х. (VII 16 9); восстановленный снова, он существовал еще в конце 11 в. по Р. Х.

[7] *Тиберий и Постумий...* Ливий называет еще М. Юния (tres erant legati). У римского историка оригинал передается полнее, нежели в нашем фрагменте. Nissen, Krit. Unters. 15. 252.

[8] *хотя... в этом.* У Ливия говорится, что родосцы показали уполномоченным оснащенные 40 кораблей: ut non exspectatam adhortationem esse appareret.

[9] *пританом...* Родосских пританов Плутарх уподобляет афинским стратегам и беотийским беотархам.

[10] *оснастить...* Собств. «подвязать поясом» для защиты от напора волн. У Ливия: classem instructam ornatamque.

[11] Главы 4 и 5 переданы Ливием вольно; гл. 46 Ливия сохранилась не без пробелов; с большими еще сокращениями уцелело извлечение Полибиево.

[12] *После переговоров...* Переговоры с римскими уполномоченными, изложенны со слов нашего автора у Ливия (XLII 39. 43). Римляне перехитрили Персея, дав ему будто бы неохотно перемирие: оно было необходимо им самим для того, чтобы закончить приготовления к войне (*Liv.* 47). Персей, напротив, сильно связал себя этим перемирием

[13] *к городам эллинов...* У Ливия тоже названы из греческих государств, к которым обратился с письмом Персей, только два: Византии и Родос. Во все места отправлены были письма одинакового содержания.

[14] *уполномоченных...* Уполномоченными были Квинт Марций с товарищами. Ср.: *Liv.* XLII 37. В нашем отрывке выпущены все изве-

стия автора, сохранившиеся у Ливия и отчасти у Диодора (XXX 7. Exc. vatic, p. 72) о том, как отнеслись сенаторы к докладу своих уполномоченных, как, несмотря на разногласие в оценке их действий, Марций и Атилий были снова отправлены в Элладу (47). Нашей 6-й главе соответствует *Liv.* 48; Exc. legat. XXX 1; *Diod.* 623; *Appian.* 11; *Nissen.* Krit. Unters. 253.

[15] *к консулам*... Речь идет о консулах Публии Лициний и преторе Гае Лукреции. *Liv.* 48.

[16] Пробел между двумя нашими фрагментами (гл. 6 и 7) пополняется тоже из римского историка. Начальником сухопутных войск для Эллады назначен был консул, а во главе флота поставлен претор. Раньше вышедший флот стал у Кефаллении в ожидании перевозочных судов и сухопутного войска (*Liv.* 48). К этой главе Ливия примыкает непосредственно наша 7-я глава из родосской истории: у Ливия известий этих нет.

[17] *банщику*... Т. е. служителю, натиравшему маслом моющихся в бане.

[18] *после победы*... Речь идет о победе в Фессалии у Каллиника. Пока Гай Лукреций держался в водах Кефаллении, сухопутное войско римлян с консулом Публием Лицинием, высадившееся в Иллирии, прошло Эпир, Афаманию, часть Фессалии до Ларисы, приняв на пути значительные подкрепления от эллинов и Эвмена; на берегу Пенея произошло сражение между конницами римскою и македонскою, причем победа осталась за Персеем (*Liv.* XLII 55. 57–61). В гл. 50–54 Ливий (Полибий) рассказывает о совещании Персея с друзьями в Пелле, на котором окончательно решена была война; о численности и составе войска Персея передает речь Персея к войскам. У Персея было 39 000 воинов пехоты и 4000 воинов конницы; римляне имели два легиона своих, столько же союзнических и соответствующее количество конницы; численность римлян точно не показана. Ср.: *Appian.* Maced. 12 (IX 10). Нашей главе соответствует *Liv.* XLII 62; *Appian.* Maced. 12.

[19] *после поражения*... Речь идет о поражении в битве с Титом Квинкцием Фламинином при Киноскефалах в Фессалии.

[20] *Большинство*... Друзья угадывали только настроение царя, вообще нерешительного, когда советовали искать мира после победы и сами предлагали римлянам те условия мира, которые были достаточны для побежденного Филиппа («numquam ab talibus consiliis abhorrebat regis animus; itaque plurium adsensu conprobata, est sententia». *Liv.*).

[21] *Берои*... Город Македонии, в Эмафии, к югу от Пеллы, влево от р. Галиакмона.

[22] *пораженные*... Так как они не знали упомянутого выше правила поведения римлян.

[23] *к Сикирию*... Сикирий находится в Фессалии, у подошвы Оссы, подле нынешнего Marmariani.

[24] *македонской... над римскою*... Ливий (*Liv.* 63) в шести строках излагает две главы пространных рассуждений греческого оригинала.

[25] *Клитомах...* Клитомах — фиванец, сын Гермократа. О его подвигах, как искуснейшего панкратиаста см.: *Pausan.* VI 15; *Aelian.* Var. hist. III 30.

[26] *заговорили бы другое...* Ко времени нашего автора сочетание получило условное значение: отказываться от прежде высказанного мнения.

[27] *Кестр...* Эпизод из описания сражения в Фессалии между римским отрядом и войсками Персея в Фессалии. В списках Полибия не сохранилось ничего, соответствующего гл. 63-67 Ливия XLII книги: здесь рассказаны действия Лукреция в Беотии и Лициния в Фессалии, взятие нескольких городов римлянами, отступление Персея в Македонию, удаление римлян на зимовку в Беотию. Ливий, со слов нашего автора, называет и описывает оружие cestrosphendone. И он приурочивает к Персееной войне изобретение оружия, а в самом описании повторяет греческого писателя, по-видимому, не совсем ясно представляя себе описываемый предмет. И у Ливия наконечник стрелы имеет длины две пяди; насажен он на древко в пол-локтя длиною и в палец толщиною; однако нет выражения, соответствующего греческому, где разуметь следует утолщенную нижнюю часть стрелы; упоминаются также три еловых пера вокруг древка, «как бывает обыкновенно у стрел», вместо трех «деревянных крылышек»; такая стрела помещалась в желобке пращи между двумя ремнями: самое метание стрелы подробнее описано у Полибия. Наименьшая из мер, при этом именуемых, палец в ширину равна 0,0197 метра или 0,75 дюйма; следующая за этою мера, равная четырем пальцам, положенным в ряд, ладонь равна $^1/_4$ фута; потом пяден это то же, что три ладони, 12 пальцев, $^3/_4$ фута (римск. dodrans). *Hultsch.* Metrol. 28 сл. 497.

[28] *двумя частями пращи...* Т. е. между двумя ремнями.

[29] *Котис...* Котис — царь фракийского народа одрисов, один из союзников Персея. *Liv.* XLII 29. 51 кон. 67. То же о Котисе у Диодора XXX 3 Exc. de virt. et vit. p. 577.

[30] *Птолемей...* Птолемей, сын Агесарха, мегалополец, преемник Поликрата по управлению Кипром, написал историю Птолемея Филометора, в малолетство которого он и получил Кипр в управление, в собирании денег подражая предшественнику. Ср.: XVIII 55. *Athen.* VI 246; *Liv.* XLII 29.

[*31] *Персей... римлянами...* В то время, когда Персей был в Пелле по возвращении из Фессалии.

[32] Известия конца 583 г. от основания Рима и начала 584 г. от основания Рима (170 г. до Р. Х.) потеряны не только в изложении Полибия, но и Ливия: уцелевшие отрывки нашего автора до конца этой книги восполняются только из Диодора. XXX 4–6. 8.

[33] *Кефал...* Кефал — эпирот. О неожиданном отпадении его от римлян, как о событии уже совершившемся, вспоминает Ливий под 585 годом. *Liv.* XLII 18; *Diod.* XXX 5.

[34] *Харон... македонянами. Liv.* XXXII 6; *Plut. Flam.* 3; *Zonar.* IX 16.

[35] *в Рим... Лохаг.* Вину за поражение в битве двух конниц римляне неосновательно взвалили на этолийцев (*Liv.* XLII 60).

[36] *Теодот и Филострат*, эпироты. Ср.: *Liv.* XLV 26; *Polib.* XXX 7.

[37] *Авл Гостилий* Манцин, консул 584 г. от основания Рима (170 г. до Р. Х.), сменил собою в Элладе консула Лициния. У Ливия рассказ об этом должен бы находиться в XLIII книге, но его вовсе нет в Ливиевых списках.

[38] *к фанотеям...* Фанотеи — жители эпирского города Фаноты, через который лежал путь консула в Фессалию.

[39] *у кропийца...* Кропиеец — этническое имя от местности в Эпире, нигде больше не упоминается.

[40] *Фарнак...* Из той книги, в которой были известия об Азии, в частности о царях Понта, Пергама и Сирии.

[41] *Аттал...* Аттал вместе с Эвменом и царьком нумидян, Мисагеном сражался в рядах римлян против Персея в Фессалии. *Liv.* XLII 67 серед. За участие к брату Аттал и был прозван Philadelphus. *Strab.* XIV 24 4.

[42] *Антиох ясно увидел...* Опекуны Птолемея и Филометора, евнух Эвлей и сириец Леней, из корыстных видов подняли войну против Антиоха, кончившуюся чуть не завоеванием Египта сирийским царем (*Liv.* XLV 11–12). Два следующих отрывка содержат в себе суждения автора, вероятнее всего, по поводу ошибок Антиоха в египетской войне.

ПРИМЕЧАНИЯ К ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ КНИГЕ

События одного третьего года 152-й олимпиады (585 г. от основания Рима — 169 г. до Р. Х.) составляют предмет XXVIII книги: тому же году у Ливия отведено XLIII 11 и XLIV 16. С третьей главы, с известий о римских уполномоченных, которые переходили из одного эллинского города в другой (3–5), Полибиевы фрагменты дополняются из Ливия (XLIII 17–23). Известия первой главы сохранились еще у Диодора (XXX 2); у него также от нашего автора имеются мотивированные похвалы римскому сенату за его дипломатический, умиротворяющий образ действий в виду брожения умов и распрей на востоке; поэтому фрагмент Диодора может служить введением к нашей книге (XXX 5(8)). Известия о родосском посольстве имеются только у Полибия (гл. 2).

[1] *Мелеагр... Дамон...* О прибытии посольства в Рим автор упомянул в известиях о предыдущем годе. XXVII 19.

[2] *близ Пания... в Келесирии...* Вскоре после смерти Птолемея Филопатора, в младенческие годы Птолемея Эпифана, названного немного ниже малолетним сиротою. Ср.: XV 20, XVI 18 2.

[3] *Марк* Эмилий Лепид в 554 г. от основания Рима (200 г. до Р. Х.) в числе трех легатов к царям Сирии и Египта (XVI 34 1), теперь был

старейшиною сената: princeps ab tertiis iam censoribus lectus. Liv. XLIII 15.

[4] *Квинту Марцию* Филиппу... Creati consules sunt Q. Marcius Philippus iterum et Cn. Servilius. Caepio. *Liv.* XLIII 11.

[5] *возобновить дружественный союз*... Кажется речь идет о том самом посольстве родосцев, угрожающие речи которого приводили Ливия (*Liv.* XLIV 14) в негодование: послы требовали кончить войну с Персеем, угрожая в противном случае обратить оружие и против Рима. Известия Ливия от анналистов.

[6] *из Сицилии*.. Плодородие сделало из Сицилии «житницу Италии», «казну Рима» *Strab.* VI 2, p. 273.

[7] *обошелся... послами*... Сенат скрывал свое недовольство двусмысленным поведением родосцев под личиною дружбы; то же он делал и по отношению к другим эллинам, желая этим сдерживать брожение умов в Элладе против Рима.

[8] *Гая Попилия*... Гай Попилий Ленат — консул 582 и 586 гг. от основания Рима. Гней Октавий — претор 586 г., консул 589 г. Определение сената, с которым были отправлены легаты, и которое сообщено Ливием и выпущено эпитоматором, клонилось к облегчению эллинских городов от некоторых повинностей и поборов; оно обязывало города доставлять римским властям только такие предметы для войны, которые назначены были сенатом (*Liv.* XLIII 17. Ср.: *Polib.* XXVIII 13, 16). Как римские военачальники разоряли эллинские города, показывает пример Халкиды.

[9] *с дружеским увещанием*... Расчеты римских уполномоченных усыпить бдительность ахейских властей оправдались вполне.

[10] *покинули подмостки*.. Трибуну, на которую всходил оратор в собрании.

[11] *Ликиск* упомянут уже XXVII 15, благодаря римлянам в 171 г. выбран в союзные стратеги этолийцев. Он не останавливался перед изменою отечеству и перед кровопролитием, если того требовали выгоды римлян.

[12] *вождей движения*... враждебных Риму.

[13] *Этолии*.. В сокращенном изложении Ливия сказано, что в Этолии не было еще возмущения, но все было полно подозрений и взаимных жалоб, поэтому уполномоченные поспешили в Акарнанию, не дождавшись исполнения требований о заложниках. XLIII 17.

[14] *в Фурии*... Другая форма имени главного города Акарнании (IV 6 2); в списках Ливия Tyrtheum, или Thyreum, Thytium.

[15] *собрания*... Речь идет о собрании акарнанов, а не римского сената (Рейске).

[16] Начало главы сохранилось с пробелами: обсудить положение дел решено было эллинами; засим речь идет только об ахейских властях и представителях различных городов союза без всякого промежуточного члена между эллинами вообще и ахейцами. Или только об ахейцах и была речь? Известиям о сих последних недостает начала; утраченная часть фрагмента должна была содержать в себе

упоминание о вождях той из ахейских партий, к которой принадлежали Полибий и отец его.

[17] *римлян*... Параграф испорченный, так как речь должна бы идти об опасности вражды не к римлянам только, но и к Персею. Очевидно, прежний опыт изобличил непригодность такой политики для ахейцев и вообще для эллинов. Возможен пробел.

[18] *прежде... положение*... После сражения конниц македонской и римской, в котором победа осталась за Персеем, римляне мстили этолийцам, несправедливо почитая их виновниками своей неудачи. *Polib.* XXVII 13. 14. XXVIII 4.

[19] *начальники... конницы*... Вторая по значению должность в ахейской федерации, служила ступенью в должности союзного стратега. *Polib.* V 95. X 22. О производстве выборов названных лиц в стратеги и в гиппархи не сохранилось известий, хотя в следующей главе Архон — уже союзный стратег. В нашем месте упомянуто частное совещание перед выборами с целью определить согласный образ действий на союзном собрании: собрались поэтому единомыслящие ахейцы от разных городов союза.

[20] *истратил очень много*... Нигде в другом месте не находим указаний на то, чтобы должность союзного стратега в Ахае покупалась кем-либо за деньги: или избрание Архона — единственный случай подкупа избирателей, или речь идет здесь не о подкупе, а об изобильном угощении друзей по случаю выборов.

[21] В Полибиевых списках недостает известий о походе Персея в Иллирию через Стиберру к Ускане, о взятии этого города вместе с римским гарнизоном в 4000 человек и с тысячами иллирийцев и усканиян, о взятии другого важного города в Иллирии Оэнея, который открывал путь в землю лабеатов и к царьку их Генфию. Таковы были успехи македонского оружия, когда Персей обратился к Генфию с предложением дружественного союза. Известия эти сохранены в 18-й и 19-й главах XLIII книги Ливия; конец 19-й главы и 20-я соответствуют нашему фрагменту.

[22] *Генфию*... Генфий — Gentius (*Liv.*) сын Плеврата и Эвридики, царь одного из иллирийских народов, пограничного с македонянами (*Appian.* Maced. 14). Родословная его см.: *Liv.* XLIV 30. О посольствах к Генфию и о безрассудной скупости Персея, обнаруженной при этом, см. у Диодора XXX 10 (9). О заключении им союза с Персеем за 3000 талантов см.: *Appian.* Maced. 14. *Liv.* XLIV 23 нач.

[23] *Скард*... Scordus, теперь Nissava, гора, или Аргентаро, за Дарданией, на границе Месии и Македонии.

[24] *Плеврат*... Родственник Генфия; тем же именем назывались отец Генфия и сын.

[25] *в Скодру*... Скодра — город римской Иллирии, теперь Scutari, Scadar, в Албании у юго-восточного угла озера Лабеатиды.

[26] *в Стиберру*... Stubera (*Liv.*), город Пеонии в Македонии, на пути от Пеллы до Гискан.

[27] *Гисканы*... Главный город иллирийского народа пенестов, в греческой Иллирии, теперь Воскополи.

[28] В Гисканах оставлен был македонский гарнизон, благодаря которому город выдержал следовавшее затем нападение римлян. Македонские и римские войска встречались после этого в Этолии, ничего значительного, однако, не совершая, и Персей возвратился в Македонию, в Пеллу, куда прибыли послы из вторичного посольства. Известия о промежуточных событиях (между 8-й и 9-й главами) у Ливия XLIII 21–23; конец 23-й главы занят известием о возвратившихся в Македонию послах.

[29] *свою сторону*... В последних строках XLIII книги Ливий говорит кратко, что Персей не переставал посылать к Генфию послов за послами, и тут же объясняет настойчивость Персея сознанием важности союза с Генфием, отмечая и его безумную скупость.

[30] *наваждению свыше*... Верующие эллины допускали, что божество отнимало рассудок у человека, которого решило покарать. «Зло иногда кажется благом тому, чей разум бог ведет к погибели» (*Soph.* Ant. 623). У Геродота это представление о божестве иллюстрируется множеством примеров.

[31] Между тем действия римлян с началом лета 585 г. от основания Рима (169 г. до Р. Х.) становятся решительнее. Во главе римского войска стоял консул Квинт Марций Филипп, флотом командовал Гай Марций Фигул, претор того же года; сборным местом для римских войск служил север Фессалии. Отсюда римляне вступили в Македонию через Камбунские горы. Наш автор находился при войске (12–13). Персей утратил способность соображать и действовать; он метался от Дия, где расположился станом, к Гераклею, Филе и обратно, а охрану Камбунских проходов доверил Гиппию, на него-то он и взваливал ответственность за неудачи, о которой говорится в 10-й главе. У Ливия, со слов нашего автора, находятся живописующие подробности о наступлении римских войск на Персея, о чрезвычайных трудностях переходов римлян, о достижении ими побережья Фермейского залива, где находились македонские войска с Персеем; римляне расположились лагерем между Либефром и Гераклеем; бездействие и безпомощность македонского царя ярко выступают в известиях Ливия; тут же мы имеем обличающие наблюдательность очевидца описания Темпейского ущелья, рек Пеней и Энипей, дощатые настилки для низведения слонов с высот и проч. (XLIV 1–8. Ср.: *Diod.* XXX 12–16; *Appian.* Maced. 15–16). Полибий (Ливий) дает ясно понять, что малодушие Персея, а не искусство римских полководцев уготовало ему катастрофу.

[32] *сознавая... положения*... Слова Диодора относятся к тому моменту, с описания которого начинается у Ливия 6-я глава: Персей был в ванне, когда получил известие, что римляне стоят лагерем между Гераклеем и Либефром; он выскочил из ванны, кричал и бегал. Средства для успешной войны были у Персея под руками в изобилии, «но ум Персея, помраченный внезапным страхом, ничего не различал; отовсюду царь убрал стражу, открыл путь неприятелю и сам бежал в Пидну». По Ливию, укоризны царя против Гиппиz (и Асклепиодота) относятся уже к этому времени: ab his dicere claustra

Macedoniae tradita Romanis esse; cuius culpae reus nemo iustius quam ipse fuisset.

[33] Только когда консул передвинулся от Дия на юг к Филе, поблизости к Темпейской теснине, Персей возвратился в Дий. Из Филы консул отправил 2000 войска под командою Попилил к Гераклею.

[34] *Гераклий*... Гераклий — город Македонии, теперь Platamona, на берегу Фермейского залива, между Либефром и Филою.

[35] *В первом... других*... Воины переднего манипула образовали крышу, а два следующих за ними нападали на врага. Подробное описание строя, заимствованного из цирковых игр, у Ливия: «передние воины отряда стояли прямо, воины последующих рядов нагибались к земле с каждым рядом больше, так что задние становились даже на колени, благодаря чему получалась наклонная плоскость наподобие крыши».

[36] *Персей... концу*... Автор возвращается к началу военных действий нового консула, когда римские войска были еще в сборе в Фессалии. Ахейское посольство не застало уже римлян в этой области, так как они поднялись в Перребию, где разбили лагерь между Азорием и Долихой. Ср.: *Liv.* XLIV 2.

[37] *между Азорием и Долихой*, на западном склоне Олимпа, вдоль реки Эвроп.

[38] *Аппий* Клавдий *Центон*, в конце 180 г. до Р. Х. (574 г. от основания Рима), послан был Авлом Гостилием в Иллирию. *Liv.* XLIII 9–10. В Иллирии римляне претерпели большие потери при взятии Гискан Персеем. Аппий Клавдий желал взять укрепление Эпира Фаноту, чтобы восстановить честь римского оружия. *Liv.* XLIII 21.

[39] *Кидонийцы*, жители Кидонии, города на северо-западном берегу Крита, теперь Chania. Апполония на противоположном берегу острова, к юго-востоку от Кидонии.

[40] *сенатское постановление*... Об этом постановлении упоминал автор раньше в рассказе об ахейских делах (33); состоялось оно в Риме в начале 585 г. от основания Рима или 169 г. до Р. Х. (*Liv.* XLIII 17).

[41] *собирать воедино*... То есть собирать, не разбивая известий по мелочам между отдельными народами.

[42] *скорый... Македонии*... Поэтому-то раньше (13 3) и сказано, что с занятием окрестностей Гераклея «исполнена была римлянами важнейшая часть задачи».

[43] *обмолвился*... Швейггейзер понимает в этом месте сенат родосцев.

[44] *военных... Пелусии*... В чем состояли эти хитрости, недостойные имени царя, неизвестно; они сопряжены были с обманом и вероломством, но обеспечили Антиоху Эпифану торжество над Птолемеем Филометором. Было два похода Антиоха на Египет, в 170 и 168 гг.; здесь речь идет о первом из них. О том же у Диодора. XXX 19. 20. 21. 23 *Bekk.* Exc. de virt. et vit. p. 579. 580; Exc. Vatic. 75. 76. 7. Ср.: *Liv.* XLIV 19.

[45] *После... Антиохом*... По занятии Пелусия Антиох поднялся вверх и утвердился в Мемфисе.

[46] *на празднество Антигоний*... Празднества устраивались в честь Антигона Досона: когда он был опекуном отца Персея Филиппа, ахейцы переименовали Мантинею в Антигонию и в честь его устроили празднество. *Pausan.* VIII 8. *Polib.* XXX 23.

[47] *два священных посольства*... Подобные посольства отправлялись в дружественные государства или для участия в тамошних празднествах или для приглашения участников на домашнее празднество.

[48] *В то время... переговоров*... Из нижеследующего ясно, что к Антиоху явились те самые послы, о которых шла речь в 19-й главе, но они отправлены были из Эллады не с целью примирения воюющих царей.

[49] *Эвлея*... Евнух Птолемея Эвлей и келесириец Леней накопили в казне много денег и, совершенно неопытные в военном деле, начали войну против Антиоха IV. Птолемей Эпифан женился на дочери Антиоха Великого, Клеопатре, родной сестре Антиоха IV; в приданое за Клеопатрой отошли к Египту Финикия, Палестина и Келесирия. Птолемей Филометор приходился, значит, племянником Антиоху IV, отсюда ссылка на узы родства (§ 9). Ср. *Appian.* Syr. 5.

[50] *талантов*... 3 малых таланта, весом в 3 стратера, или в 6 аттических драхм золота, то есть 262 грамм.

[51] *Птолемею Старшему*... Птолемею Филометору, утвердившемуся в Мемфисе; брат его Птолемей Фискон держался в Александрии, которую осаждал Антиох. Под предлогом возвращения власти Птолемею Старшему начинал войну Антиох. Diod. XXXI 1; Exc. Vatic, p. 79. Примирению братьев особенно содействовала сестра их Клеопатра. *Liv.* XLV 11.

ПРИМЕЧАНИЯ К ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЙ КНИГЕ

События одного года, 168 г. до Р. Х. (586 г. от основания Рима или ол. 152,4), составили предмет настоящей книги: Афиней, у которого сохранилась наша глава 13, приурочивает известие о насильственной смерти Плеврата, или Платора, брата иллирийского царя Генфия, к XXIX книге, у Ливия оно помещено под 586 годом (XLIV 30); римский историк посвящает тому же году не меньше одной книги (XLIV 17–XLV 16), а Полибий в изложении этих событий был пространнее римского переводчика и подражателя. Из обозреваемых последовательно стран, как театров событий: Италии, Македонии, собственной Эллады и Родоса, Пергама и Египта, больше места отводилось Элладе, главным героем истории оставался Персей. Больше всего ходом Персеевой войны определялся в это время образ действий не только различных партий в эллинских городах, но и царей Пергама, Сирии, Египта; а в зависимости от нее находилась и общая внешняя политика Рима. Фрагменты Полибия пополняются Ливием, Диодором, Аппианом, Плутархом.

[1] *По его словам...* Отрывок содержания речи Луция Эмилия Павла, произнесенной в народном собрании в Риме перед отбытием в Македонию во главе двух легионов и облеченной у Ливия в прямую форму (XLIV 22). Наш отрывок соответствует Ливиевым § 7–15. Однако есть разница между двумя писателями в основном мотиве речи: в Полибиевом содержании оратор опасается, как бы праздные нареканья сидящих дома соотечественников на отсутствующих военачальников не действовали ободряюще на врага; в Ливиевой редакции оратор высказывает опасение, как бы подобные толки не сломили мужества военачальников: непреклонность Фабия Максима в виду нареканий толпы представляется оратору исключительною, для других непосильною. Если зависимая форма нашего фрагмента и не принадлежит эпитоматору, то возможно, что Полибиево содержание речи он сократил и неточно передал. Сущность речи против празднословия в войске и охоты критиковать вождей консул повторил в Македонии перед вступлением в бой с Персеем. *Liv.* XLIV 31.

[2] *не трогаясь из города...* Таких людей уподобляет оратор тем, что желают управлять плывущим судном с суши. *Liv.* 22 14.

[3] *неприятель... пересудами...* На подобный мотив не имеется даже намека в редакции Ливия, а потому наличность его в нынешнем тексте нашего автора следует, кажется, приписать или неловкости эпитоматора, или порче от переписчика. В издании Беккера значится в последней фразе пробел.

[4] *Антиох... Александрией.* Завладев старшим из Птолемеев, Филометором, и посадив его в Мемфисе, Антиох IV возобновил войну под предлогом восстановления этого Птолемея на царство. Когда он осаждал в Александрии Птолемея Младшего, Эвергета II Фискона, и сестру Птолемеев Клеопатру, и едва не взял Александрии, отсюда отправлено было посольство в Рим с просьбою о вмешательстве. *Liv.* XLIV 19 9. Между тем оставленный Антиохом в Пелусии гарнизон, давал возможность друзьям старшего Птолемея прозревать настоящие намерения завоевателя. Птолемей Старший примирился с братом, вошел в Александрию, что отнимало, по-видимому, предлог у Антиоха к продолжению войны. Тогда он обещал, что не прежде уведет свое войско в Сирию, как получит в свою власть Кипр, Пелусий и окрестности Пелусийского устья Нила. *Liv.* XLV 11. Ср. *Polib.* XXVIII 22.

[5] Следующий отрывок в тексте переносит читателя из Рима и из Египта в Македонию к последнему походу римлян против Персея (гл. 3–21). У Ливия переход от Рима и Македонии обозначен так: dum haec in Italia geruntur, Perseus quod iam inchoatum perficere, quia inpensu pecuniae facienda erat, non inducebat in animum etc. 23. Засим до конца книги идет связный рассказ об исходе Персеевой войны, которая закончилась уничтожением македонской армии под Пидною. Главными действующими лицами со стороны римлян называются консул Луций Эмилий Павел, дни и ночи обдумывавший, как успешнее вести македонскую войну, и преторы Гней Октавий и

Луций Аниций. Рассказ Ливия за самыми незначительными отклонениями ведется со слов Полибия; к тому же источнику восходят Аппиан (Maced. 18. Illyr. 9), Диодор (*Diod.* XXX 24–33, XXXI 17), Плутарх (*Plut.* Aemil. 13).

[6] *обеспечение... войны...* Победою ли кончится война, или поражением, Персей не должен был покидать Генфия.

[7] *в Метеон...* Метеон — город, нигде больше не упоминается, если это не Медеон, что в Эпире: Meteonem, Labeatium gentis urbem (*Liv.* 32). *Лабеатида* — имя озера Скутари (palus, lacus Labeatum. — *Liv.*), а также прилегающей к озеру области в Иллирии.

[8] *Энипей* (а не Эпипей), теперь Vythos, река к югу от Дия, изливается в Фермейский залив, вытекает из Олимпа.

[9] *к Метродору...* Незадолго до того он прибыл из Родоса, опираясь на уверение родосских старейшин Динона и Полиарата, утверждал, что родосцы готовы к войне.

[10] *Своими... войну...* Сообщение родосского уполномоченного о готовности родосцев примкнуть к Персею обратил эпитоматор в предложение, стоящее в тексте особняком.

[11] Известия и замечания автора на переговорах между Персеем и Эвменом. Перед назначением Луция Эмилия главнокомандующим македонских легионов римляне заподозрили верность Эвмена, когда Аппий Клавдий стоял с войском близ Лихнида в Эпир. *Liv.* XLIV 20. После того Эвмен стал сближаться с Персеем. Переговоры между царями не привели ни к чему: алчность и скупость ослепляли обоих. *Liv.* ibid. 24–25; *Appian.* Maced. 18.

[12] *уже рассказано...* В том месте, очевидно, где шла речь об обращении Персея к Эвмену с увещанием. (4).

[13] *какою... мир...* Посредничество свое Эвмен желал продать подороже обеим сторонам (*Liv.* 25).

[14] *на хранение... месте...* То есть «на нейтральной почве».

[15] *ничем не решив...* Победный венок, не доставшийся на долю ни одному из состязующихся, был посвящаем божеству.

[16] *за корыстолюбием... пороки...* В оригинале корыстолюбие уподобляется гвоздю или крюку, на который вешается всякий порок.

[17] *действия... Генфия...* Персей не останавливался перед явною ложью и грубым обманом для того, чтобы не выпустить из рук те 3000 талантов, которые он пообещал Генфию за союз с ним против римлян. Военачальнику иллирийцев, явившемуся уже в Македонию с войском, царь послал сказать, что ему нужно не десять, а всего лишь пять тысяч вспомогательного войска. *Liv.* XLIV 26–27; *Appian.* Maced. 18; *Diod.* XXX 24; *Plut.* Aemil. 12. Наш автор называет иллирийцев Генфия так же бастарнами (XXV 6), а здесь галатами. Галлами называет их Ливий.

[18] *воюющих...* Воевали Персей и римляне. Раньше уже ходило от родосцев посольство в Рим и к Персею с требованием кончить войну. С негодованием отверг сенат притязания родосцев. Ср.: XXVIII 2. 16; *Liv.* XLIV 14–15.

[19] *послы... Метродор...* Речь идет о том самом посольстве, которое было отправлено Генфием по совету Персея, и к которому присоединились македонские послы Персея. *Polib.* XXIX 3, 4; *Liv.* XLIV 29. Динон и Полиарат стояли во главе Персеевой партии, Теэтет и Филофрон — сторонники Рима.

[20] *Появление... всадников...* Сорок челнов македонских, посланных Персеем к Тенеду. Это македонское войско разгромили суда царя Эвмена, шедшие к Атталу и имевшие на себе галльских конных воинов: около 800 галлов было убито, 200 взято в плен. *Liv.* XLIV 28.

[21] *опять... подробно...* Автор возвращается к любимому своему предмету, к сравнительной оценке двух видов истории: общего, универсального, и частного, специального. Он не одобряет многословия, в какое впадают тщеславные авторы специальных повествований, говорят ли они о Персеевой войне, или о сирийской. Первая часть нашего фрагмента с рассуждениями о ненужности подробностей в истории Персеевой войны утрачена.

[22] *если... речи...* Здесь также оригинал сокращен, и текст не совсем ясен.

[23] *Платора...* Кроме Платора, убиты были еще два друга его.

[24] *Сципион... Назика.* P. Corn. Sc. Nasica Coculum, зять Сципиона Африканского Старшего, впоследствии два года был консулом, в 159 г. до Р. Х. цензором, в 150. pont. maximus. Речь идет о военном совете в римском лагере в Пиерии, к северу от Филы, приморского города, вблизи р. Эльпей; здесь произнес речь о необходимости строжайшей военной дисциплины Луций Эмилий Павел. *Liv.* XLIV 34. Лагери македонский и римский стояли один против другого с двух сторон р. Эльпей, что между Дием и Либефром. Не желая рисковать своими легионами, консул решил провести 5000 войска по ту сторону реки другим путем, из Перребии, через проход между Петрою на севере и Пифоем на юге, к северу от Олимпа. Проход был занят македонским отрядом. План консула выполнен блестяще, и Персей вынужден был отступить к Пидне, на север. Вести войско через проход вызвался Сципион Назика. *Liv.* XLIV 32, 35.

[25] *вызвался... юноша...* У Ливия сказано только, что Эмилий отправил к Гераклее 5000 войска под начальством Публия Сципиона Назики и Квинта Фабия Максима. 35. Со слов Назики Плутарх так исчисляет его войско: 3000 италийцев и левое крыло в 5000, вместе с ними 120 всадников и 200 фракийцев и критян. *Plut.* Aemil. 15.

[26] *легкого щита...* — принадлежность легковооруженных (*Liv.* XXVI 4; XXXVIII 21. Ср.: VI 22). Лигурийским щитом вооружены были лигуры.

[27] *о случившемся...* О занятии прохода римлянами не догадывался Персей потому, что следил только за Эмилием, который находился по-прежнему на противоположном берегу Эльпея. Перебежчик был из числа критян, находившихся в отряде Назики.

[28] *занять перевалы...* По получении известия от перебежчика Персей поднялся с войском к Пидне, где можно было бы развернуть

фалангу, а Эмилий и Назика соединили свои войска и пойти прямо на Пидну. Накануне решительного сражения было лунное затмение, предсказанное в римском стане Гаем Сульпицием Галлом (21 июня 168 года). *Liv.* 37.

[29] *лунное... царя...* По-гречески и затмение, и гибель называются одинаково.

[30] *Консул... фаланги...* Замечание автора о фаланге следует приурочить к описанию фаланги в действии, имеющемуся у Плутарха (*Plut.* Aem. 18). В Ливиевых списках между нашими главами 40 и 41 XLIV книги большой пробел.

[31] *Многие... огнем...* По поводу употребления в дело слонов в сражении при Пидне, свидетельствует Ливий. Через Зонару (IX 22, p. 269) и Полиэна мы узнаем, что Персей велел изготовить деревянные изображения слонов с целью приучить свою конницу к виду этих животных.

[32] *Персей... воинов...* После поражения фаланги Персей бежал первый.

[33] *в город...* Речь идет о городе Пидна. Непосредственно за последними словами нашего стиха Плутарх поясняет, что Персей, ровно ничего не сделавший для достижения цели, не заслуживал участия божества. Персею противополагается Эмилий. *Plut.* Aem. 19 3.

[34] *Хотя... первенствующее положение...* Речь идет о сыне Эмилия, Публии, по усыновлению о внуке Публия Сципиона Африканского Старшего, о Сципионе Африканском Младшем. Тогда он, семнадцатилетний юноша, увлекся преследованием неприятеля, и отец боялся за его участь. *Liv.* XLIV 44; *Plut.* Aemil. 22.

[35] *на позор...* Ливий говорит, что родосские послы были позваны в сенат как бы для посмеяния над их наглостью. *Liv.* XLV 3 3.

[36] *в Фессалии...* Пробел может быть пополнен из Ливия (*Liv.* 3): cum Perseus in Thessaliam exercitu inducto per biennium Graecas urbes alias obsideret, alias denuntiatione armorum terreret.

[37] Описание решительной битвы со всеми роковыми последствиями ее для Македонии и, в особенности для Персея, не сохранилось у Полибия. От него мы узнаем только, что македонян было убито 20 000 человек, взято в плен 11 000, римлян пало не больше 100 человек, хотя раненых было много. На третий день после сражения Персей, покинув Пеллу, прибыл в Амфиполь, что у устья р. Стримона. Не больше как в два дня покорилась римлянам почти вся Македония. С деньгами и другими сокровищами Персей укрылся на о-ве Самофракия. В Амфиполь последовал и консул. *Liv.* XLIV 40–46. В письме к консулу из Самофракии и потом в переговорах с уполномоченными Персей отстаивал за собою царский титул и долго не сдавался. Наконец, покинутый всеми, царь отдал себя и сына Филиппа Гнею Октавию, который с флотом стоял у Самофракии. Флот возвратился в Амфиполь, и пленный царь отправлен был в лагерь консула. В лагере после беседы с Персеем на греческом языке консул обратился с латинскою речью к присутствовавшим римлянам, содержание коей и сохранилось в ватиканских извлечениях. Это уве-

щание тоже обличает собою греческое влияние. *Liv.* XLV 5–8; *Plut.* Aemil. 26, 27.

[38] *о судьбе...* Сочинение, списанное Плутархом для его «Слова утешения к Аполлонию». Если падение персидского царства отнести к 330 г. до Р. Х., когда был убит Дарий, то сочинение Деметрия написано около 280 г. до Р. Х.: не более 50 лет спустя после того события. То же самое в тех же почти выражениях у Диодора. XXXI 17. Exc. vat. p. 81.

[39] *за пятьдесят... сего...* Значит, в год крушения персидского царства.

[40] *безжалостная...* Несговорчивая, не вступающая в договор с противной стороной.

[41] *за полтораста лет...* Немного преувеличено, если сочинение Деметрия относится к 280 г. до Р. Х.

[42] *азиатские галаты...* Эвмен благодаря своей щедрости нанял большое войско и подчинил галатов своей власти. *Diod.* XXXI 19; Exc. vat. p. 83; Exc. de virt. et vit. 582.

[43] Через Ливия мы имеем известие Полибия о том, как римские уполномоченные, отправленные в Александрию для примирения Антиоха с Птолемеями (XLIV 19. 29), зашли, по просьбе жителей, на Родос, как согласно заявлению одного из них родосцы приговорили к смертной казни всех граждан, которые во время последней войны действовали заодно с Персеем против римлян.

[44] *с просьбою о помощи...* Помощь требовалась для противодействия Антиоху. *Diod.* XXXI 1–2; *Liv.* XLV 11–12.

[45] *Птолемей Старший* заподозрил искренность освободительных уверений Антиоха и в его отсутствие решил помириться с братом. Он возвратился в Александрию, откуда был изгнан. XXXVIII 23.

[46] *на собрании... Коринфе...* Речь идет здесь о союзном вече, а не о каком-либо ином собрании.

[47] *собрание... помощи...* В чем состояли возражения оппозиции, мы знаем: есть основание предполагать, что дело касалось каких-нибудь формальностей, несоблюдение которых могло бы быть при обыкновенных обстоятельствах допущено. Дело в том, что партия Калликрата выдвинула этот довод как ultima ratio в конце дебатов; и по всему видно, что вопрос о помощи Птолемеям мог быть решен окончательно и в этом собрании, или же нужно допустить, что все собрание с самого начала было незаконное, что Полибий и Ликорт, а также большинство присутствующих, вопреки закону участвовали в обсуждении дела. В следовавшем затем сикионском собрании те же ахейцы прибегли к хитрости. XXVIII 7 3.

[48] *чрезвычайное собрание...* Кажется, на основании этого и предыдущего места необходимо заключать, что собранием обыкновенных было не общесоюзное вече, а только собрание уполномоченных от союзных городов. Союзное вече с участием в нем всех ахейцев не моложе 30-летнего возраста, созывалось нарочито в чрезвычайных случаях. Наше место — единственное, в котором показан возрастной ценз ахейцев для участия в союзном вече.

[49] *без труда*... То есть без вреда для себя, без отягощения союза.
[50] *между двумя царствами*... То есть между сирийским и египетским, причем первое обозначается дальше именем Антиоха, второе — Птолемея в единственном числе.
[51] *щедрость*... *эллинам*... Незадолго до этого он поручил своим уполномоченным раздать Риме и Элладе 150 талантов.
[52] *с Немесием*... Имя Тита Нумизия упоминает Ливий в числе уполномоченных, отправленных в Македонию (XLV 17).
[53] *когда*... *Пелусия*... Начало фрагмента испорчено эпитоматором, который обратил уполномоченного Попилия в военачальника. Ср.: *Diod.* XXXI 2; *Appian.* Syr. 66; *Liv.* XLV 12; *Valer. Max.* VI 4.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРИДЦАТОЙ КНИГЕ

XXX книга обнимала события двух лет, следовавших за торжеством римлян над Персеем и за покорением Македонии, и составлявших первую половину 153-й олимпиады 587–588 гг. от основания Рима или 167–166 гг. до Р. Х. Ср.: *Афиней* XIV, p. 615. Из той части книги, которая относилась к Италии, уцелели кроме наших отрывков (1–5) в передаче Диодора общие рассуждения автора о правилах мудрой умеренной политики, образец которой дали римляне после покорения Македонии (XXXI 3, 4. Exc. Vatic, p. 79–80 b), известия о том, как милостиво поступили римляне с побежденными македонянами и иллирийцами, «вместо рабства получившими свободу» (ibid. II. 12). Наши отрывки об Аттале (1–3) пополняются Диодором (9) и Ливием (XLV 19–20); о посольстве родосцев в Рим и о пренебрежительном с ними обращении сената кроме нашего текста (4–5) есть отрывки у Диодора (5–7, Exc. Phot. p. 515; Exc. Vatic, p. 80 b; Exc. Legal p. 624) и Ливия (XLV 25). В главе об Элладе известия Полибиевых списков о македонской партии в различных городах и областях Эллады и об ее представителях занимали первое место (6–9); далее шли известия, сохраненные Ливием, об устроении Луцием Аницием Иллирии, города которой получили свободу, а иные даже не обложены никакими податями, самая страна разделена на три административных округа (XLV 26). Из описания объезда Эллады Эмилием Павлом, сохранившегося у Ливия (27–29), уцелело от автора только несколько строк, составляющих нашу 10-ю главу. Из Ливия мы знаем, что Павел из Деметриады прошел через Фессалию в Дельфы, посетил Лебадею, Халкиду, Авлиду, Ороп, Паллантий, Олимпию; на обратном пути в Деметриаду толпа этолийцев жаловалась на избиение 550 этолийских старейшин солдатами римского гарнизона. От нашего автора сохранились отрывки известий о смутах того времени в Этолии и Эпире (11–12). Об устроении Македонии мы знаем через Ливия (28–30) и Диодора (XXXI 13; G. Syncell. p. 267): города Македонии объявлены свободными, население обязано вносить у римскую казну половину той суммы, какая раньше уплачивалась в виде податей своим царям, комиссия десяти упол-

номоченных, имена коих приведены у Ливия (17), раздробила Македонию на 4 округа, или союза, мелких общин с главным городом в каждом и с отдельными наместниками: единство Македонии и единодержавие в ней были упразднены. В нашем тексте (13), а также у Ливия (31) и мимоходом у Диодора имеются известия о преследованиях, возбужденных римлянами по наговору изменников против тех из эллинов, которые воздерживались от деятельной поддержки римской политики, и тем будто бы неявно стояли за Персея; главною мерою римлян было выселение заподозренных в Рим для следствия и суда; применялись и казни; хотя в архиве македонского царя и были найдены письма от властей нескольких республик, никаких улик в измене против ахейцев не оказалось (Ливий). На собрании македонян объявлены новые законы и порядок управления, причем вызваны в Италию вместе с юношами все знатные македоняне, близко стоявшие к царям, занимавшие какие-либо должности и т. п. (*Liv.* 32). Афиней сохранил Полибиево известие об отсутствии художественного вкуса у римлян (XIV, p. 615a). После объявления законов македонянам Павел устроил публичные игры в Амфиполе (гл. 15; *Diod.* XXXI 14; Exc. Vatic, p. 80 b; *Liv.* 32, 33). По воле сената Эпир отдан римскому войску на разграбление, следствием чего было, кроме расхищения добычи, разрушение 70 эпирских городов и уведение в рабство 150 000 эпиротов (*Appian.* Illyr. 9; *Strab.* VII 7; Liv. 33. 34). Из отдела Азии мы имеем лишь самые отрывочные сведения у Диодора (20, 21) и Ливия (34) о войне Эвмена с галатами и о безуспешном вмешательстве римских послов в эту войну. Из египетской истории только и сохранилось отрывочное известие о посольствах в Рим от обоих Птолемеев, Филометора и Эвергета (гл. 17). От истории следующего года (588) сохранилось несколько известий о событиях в Италии, Пелопоннесе и в Азии, именно: о прибытии в Рим посольств фракийского с Котисом во главе (гл. 18), Прусия из Вифинии (19–20; *Diod.* XXXI 22; Exc. Vatic, p. 83. 84; *Liv.* 41. 44; Epit. 46; *Appian.* Mithr. 22), о посольствах от афинян и родосцев (гл. 21–22); тут же находились известия о неволе Персея в Италии и о смерти его (*Diod.* 16; Exc. Vatic, p. 81; *Liv.* 35. 40. 42); отрывки из речи Эмилия Павла перед народом, в которой он отдавал отчет о своих подвигах, имеются у Диодора (18; Exc. Vatic. 81–83), Аппиана (Maced. 19), Ливия (47), Плутарха (Aemil. 35. 36) —все из одного источника. Из пелопоннесских дел сохранилось упоминание у нашего автора об ахейском посольстве с ходатайством за увезенных в Италию сограждан (23). Наконец, к азиатской истории этого времени отнесено в издании Гульча уподобление жителей Переи только что выпущенным на волю рабам. *Nissen.* Krit. Unters. 274–276, 278. 279. 339; *Моммзен.* Р. И. I. С. 730.

[1] *К этому времени...* Ко времени победы над Персеем при Пидне, когда в Рим собрались многочисленные посольства. *Liv.* XLV 18. 19.

[2] *от... галатов...* Независимыми от пергамских царей называет автор галатов (*Polib.* XXXI 2). Ливий говорит об отпадении галатов от Пергама (*Liv.* XIV 20).

[3] *Подлинной... знал...* Интригами знатнейших римлян Аттал настроен был против царя. Эти знатные римляне, в то же время влиятельнейшие члены сената, были очень недовольны, когда план их не удался. По Ливию, выходит, что честолюбивые вожделения самого Аттала и внушения дурных советников поколебали было братские отношения между Атталом и Эвменом; о разочаровании сенаторов и недовольстве их Ливий умалчивает.

[4] *слукавил...* По Диодору, найдены были письма, будто бы свидетельствовавшие о заключении Эвменом союза с Персеем против римлян.

[5] *не родился... сын...* Ливий передает неточно, хотя буквально близко: necdum enim agnoverat eum qui postea regnavit, как будто речь идет о незаконном сыне, только еще непризнанном. Историк разумеет Аттала III Филометора, родившегося незадолго до смерти Эвмена от Стратоники, дочери Ариарата. *Strab.* XIII 4 2 p. 624. В редакции Ливия речь Стратия сильно приукрашена. *Nissen.* Krit. Unters. 274 прим.

[6] *Эна и Маронеи...* Раньше упоминаются Ливием в числе городов, не допустивших к себе алчных и жестоких преторов Лукреция и Гортензия

[7] *сенат... гневается...* Согласно Диодоху сенат гневался «за то, что в войне с Персеем, они, по-видимому, перешли на сторону Персея и изменили дружбе с римлянами» Или Полибиев текст в этой главе сокращен, или Ливий пополняет эллинского историка из римских источников; только у Ливия известие о родосском посольстве и обстоятельнее, и более связно. Диодор чуть не дословно передает Полибия.

[8] *облеклись... одежды...* У Геллия сохранилась речь Катона в пользу родосцев против Ювенция (N. A. VII 3). Ср.: *Liv.* XLV 25.

[9] *траурные...* темного цвета, темно-серые, черные.

[10] *несколько... в сенат...* Первоначально доступ в сенат был им возбранен; после этого-то они и облеклись в траур, и униженно молили о пощаде. *Liv.* 20.

[11] *спели... песню...* Сгласно поговорке «перед смертью лебеди поют», поэтому выражение применяется к людям, которым угрожает скорая смерть. Apostol. Proverb. cent. XI 64.

[12] *подавляющего страха...* Отдельные обвинения остались как бы без общего приговора.

[13] *Смысл... родосцами...* Родосцам дан ответ, что они не остались ни врагами римлян, ни союзниками.

[14] *Астимеда... речь...* Обширная речь приведена у Ливия (22–24), или заимствованная из другого источника, или, что вероятнее, сочиненная самим Ливием. У Ливия же находится неоднократное упоминание об унизительных приемах, к каким прибегали в своих мольбах родосские послы.

[15] *одной из неудач...* По словам Ливия, родосцы «желали добиваться у римлян союза так, чтобы по сему предмету не было народного

определения или какого-либо письменного свидетельства, дабы не усугублять своего позора в случае отказа римлян».

[16] *кавнии*... Кавнии — жители Кавна, города юго-восточной части Карии.

[17] *С кавниями... справились*... В нашем тексте ощущается пробел, пополняемый из Ливия соображениями автора о том, насколько необходимо было для родосцев возвратить себе Лидию и Карию.

[18] *под Орфосием*... Орфосий — город Карии на Меандре, теперь Djenischeer или Carpusli.

[19] *три... правителей*... По словам Ливия, было в эллинских республиках три разряда старейшин: два из них льстили римским властям или заискивали перед царями в видах личного обогащения; старейшины третьего разряда занимали середину между двумя остальными, были враждебны им обоим и наблюдали за неприкосновенностью свободы своих общин и законов: his ut maior aput suos caritas, ita minor ad externos fratia erat. (*Liv.* 31). Между историками существует разноречие.

[20] *молоттов*... Старейшины эпирской общины Пассарона, расположенные к Персею и ненавидевшие римлян, восстановили молоттов против Рима: они погибли в ожесточенной схватке с римскими солдатами. *Liv.* 26.

[21] *в Фаселиде*... Фаселида — город Ликии, в Памфилийском заливе, к северу от Олимпа.

[22] *Рим*... Вся глава по вине, должно быть, эпитоматора не совсем ясна. Выходит так, будто Птолемей, отказавшись выдать Полиарата римлянам, уступил настояниям Попилия, если родосцы тому не воспротивятся. Поэтому-то путь в Рим из Александрии лежал для Полиарата на Родос.

[23] *Но на пути отсюда*... Тоже неясный пассаж. Во время будто бы этих сборов и удалось Полиарату бежать на кавнийский корабль и укрыться в Кавне.

[24] Глава 10 соответствует Ливиевым главам 27 и 28 XLV книги — путешествие Эмилия Павла по Элладе до прибытия десяти уполномоченных для обозрения достопримечательностей, предпринятое через год после сражения при Пидне.

[25] Речь идет о столбах в притворе дельфийского святилища, Персеем назначенных для его собственных изображений. Liv. 27.

[26] *города... Коринфа*... Речь идет о кремле Акрокоринфа, как видно из Ливия (*Liv.* 28). Отрывок приписан нашему автору впервые Орсини.

[27] *Олимпии*... Зевс предстал перед Эмилием, как живой (velut praesentem). О силе впечатления, какое производила на зрителей Фидиева статуя, говорит Павсаний. *Pausan.* V 1; *Liv.* 28 5.

[28] *раньше*... Швейггейзер разумеет ту войну, о которой у Ливия говорится под 580 г. от основания Рима.

[29] *в арсиноЙской резне*... Местоположение Арсинои не известно. Когда Эмилий Павел возвращался из путешествия по Элладе в свою

стоянку в Македонии, ему встретилась толпа этолийцев, по словам которых, 550 этолийских старейшин были перебиты по наущению Ликиска и Тисиппа, ревностнейших сторонников Рима, римскими солдатами по распоряжению Бебия. *Liv.* 28 6–7.

[30] *каким... Рим...* Из Ливия следует, что римляне вызывали в Рим для следствия и суда врагов своих, выданных им эллинскими изменниками (*Liv.* 31).

[31] *военачальник... письмом...* В силу этого требования и по указанию Калликрата, больше 1000 влиятельнейших ахейцев отправлены были в Рим. *Pausan.* VII 10.

[32] *в цирке...* Речь идет о circus Flaminius, в котором с конца III в. до Р. Х. устраивались примерные бои.

[33] *Кто...сражении...* Приведены слова Эмилия Павла на играх, устроенных им в Македонии после путешествия по Элладе (*Liv.* XLV 32 кон.).

[34] *Павел... населения...* То же у Ливия, от которого мы знаем еще, что обильнейшая добыча, доставшаяся в Эпире солдатам Эмилия Павла, не насытила их алчности. *Liv.* XLV 34.

[35] *цари...* Имеются в виду Птолемей VI Филометор и Птолемей Эвергет II Фискон.

[36] *Меналкиду...* Меналкид тот самый спартанец, который в 150 г. до Р. Х. (604 г. от основания Рима) был союзным стратегом ахейцев и принимал неблаговиднейшее участие в столкновении Оропа с Афинами. Подробности о нем сохранились у Павсания (*Pausan.* VII 11 —13).

[37] *Гай Попилий*, содействовал примирению Антиоха с царями. XXIX 27.

[38] К италийским делам 588 года относится речь Эмилия Павла о своем консульстве, произнесенная к народу вскоре после потери им двух сыновей. Сохранилась она в одинаковом виде, за незначительными различиями, у четырех свидетелей, черпавших из одного источника, нашего автора: *Diod.* XXXI 18 (11); *Liv.* XLV 40. 41; *Plut.* Aemil. 35–36; *Appian.* Maced. 19.

[39] *Котис... сына...* Сын Котиса Бифис был отправлен в Македонию к Персею в качестве заложника, попал к римлянам в плен и был поселен на жительство в Карсеолы. Римляне не приняли выкупа ни за Бифиса, ни за заложников, предложенного Котисом. *Liv.* XLV 42. Персей с сыном поселен был в Альбе.

[40] *Прусий...* Интересно сличить известие автора об отношениях этого царя к римлянам, перешедший также к Аппиану (*Appian.* Mithr. 2) и Диодору (*Diod.* XXXI 22 (15), с рассказом Ливия по римскому источнику (haec de Prusia nostri scriptores: Polibius etc.). У римского писателя нет и тени того пренебрежения к пресмыкающемуся большинству, с каким говорит об этом Полибий (*Liv.* 44. Epit. XLVI). От Аппиана мы знаем, что Прусий был женат на сестре Персея и прозывался Охотником.

[41] *с бритой... шляпе...* Римляне обыкновенно покрывали голову шляпой; белая шляпа, которую вольноотпущенники надевали, об-

рив предварительно голову, почиталась знаком гражданства, приобретенного. Принадлежностью тоги были башмаки calcei, греческая обувь solea.

[42] *опущенными руками*... В знак полной покорности и смирения.

[43] *Эвмен*... *Италию*... Ливий говорил об этом посещении в XLVI книге, как видно из уцелевшего содержания ее.

[44] *галиартийцев*... Галиартийцы — жители одного из беотийских городов, ставших на сторону Персея в войне с римлянами. В Персееву войну претор Гай Лукреций взял город после отчаянного сопротивления и разрушил его до основания, а жителей в числе двух с половиной тысяч человек продал в рабство. *Liv.* XLII 63. О выкупе галиартийцев из рабства и о восстановлении города их должны были ходатайствовать афиняне.

[45] *ответ сената*... Речь идет об отказе отпустить ахейцев, отозванных в Рим без всякого основания. Ср.: XXXI 8. Много раз отправлялись по этому делу ахейские посольства в Рим, и только через 17 лет ахейцы получили свободу. *Pausan.* VII 10.

[46] *водоемов*... Имеются в виду общие бассейны для купальщиков.

[47] *Жители*... *невиданных*. Отрывок приурочен к этому месту, т. е. к 588 г. от основания Рима или 166 г. до Р. Х, а не к 592 г. от основания Рима или162 г. до Р. Х., как было у Беккера (XXX 28), по настоянию Э. Шульце. Под Переей в этом месте он разумеет берег Карии вообще и рассказывает со слов нашего автора и Ливия, как Кария и Ликия по окончании войны римлян с Антиохом были предоставлены сенатом родосцам в награду за усердие; как сомнительный образ действий родосцев в войну с Персеем поколебал благоволение к ним римлян и они едва избавились от войны с римлянами в 587 г. от основания Рима или167 г. до Р. Х.. В этом же году последовало определение сената, которым возвращалась свобода Карии и Ликии, а в следующем (588 г. или 166 г.) родосцам было приказано вывести свои гарнизоны из городов Переи Кавна и Стратоникеи: эта весть о дарованной римлянами свободе и внесла с собою такую радость в города Переи. *Schulze.* De excerptis Constantini guest. crit. Bonn. 1866.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЙ КНИГЕ

События четырех лет составляют предмет нашей книги: ол. 153,3–154,2 (третий год олимпиады 153 г. и второй год олимпиады 154 г.) или 589–592 гг. от основания Рима или 165–162 гг. до Р. Х. Из италийского отдела за первый из этих годов мы имеем известия о посольствах родосцев и галатов в Рим, совпавших по времени с началом войны между несколькими критскими городами (1–2). Азиатские дела того же года (3–4) представлены довольно обстоятельным описанием празднества в Дафне, что в Сирии, устроенного Антиохом Эпифаном с необычайною роскошью, со всякого рода излишеством и с забавным участием самого царя в увеселениях гостей. Полибиевы известия дошли до нас в двух пересказах: Диодора (XXXI

16, 17, 17a) и Афинея (V 22–24, p. 194c—195, X 53, p. 439 bcd). К следующему году (590 г. от основания Рима) относятся известия о приеме многочисленных посольств в римском сенате, из коих поименованы посольства родосцев, ахейцев, Прусия; указание на это содержание книги имеется и в сокращении Ливия (Epit. XLVI); к счастью, сохранилась в подробном изложении просительная речь родосского посольства о союзе; ходатайство родосцев увенчалось на сей раз успехом (5–7). Точно так же сохранился рассказ о приеме сенатом одного из тех ахейских посольств, которые ходатайствовали об освобождении своих сограждан, отозванных в Рим, или о производстве правильного суда над ними (8). Что касается эллинских дел того же года, то через Павсания мы узнаем, что в Элладу для улажения пограничных распрей между Лакедемоном и Аргосом был отправлен Сульпиций Галл, но он передал спор двух государств на решение Калликрата. Тот же уполномоченный, а затем и римский сенат дали плевронским этолийцам согласие на выход из ахейского союза; раньше сенатом поручено было Галлу озаботиться отделением от союза возможно большего числа государств. Мы узнаем также, что афиняне в македонскую войну сильно обеднели и, побуждаемые бедностью, разграбили дружественный город Оропп, а оропляне пожаловались на афинян сенату. Сенат поручил сикионянам взыскать с афинян по своему усмотрению пеню в пользу Оропа; когда сикионяне определили пеню в 500 талантов, афиняне обратились к сенату, который сократил ее до 100 талантов. Между Оропом и Афинами состоялось соглашение, по силе которого оропляне приняли к себе афинский гарнизон и выдали афинянам заложников. Когда условие договора между двумя государствами было нарушено афинским гарнизоном, и афинский народ отказался удовлетворить ороплян, сии последние напрасно обращались за помощью к ахейскому союзу: ахейцы были в дружбе с афинянами. Тогда оропляне посулили союзному военачальнику ахейцев, спартанцу Меналкиду, 10 талантов, если он склонит ахейцев на их сторону, а тот искал содействия у Калликрата, обещая поделиться с ним полученными деньгами. Уведомленные об этом афиняне поспешили увести свой гарнизон из Оропа, снова ограбив город. Запоздавшее в Оропп ахейское войско по настоянию Меналкида и Калликрата решило вторгнуться в Аттику, но вынуждено было отступить, так как другие народы, больше всего лакедемоняне, отказывались участвовать в походе (VIII 11). Из азиатского отдела: враждебные действия Прусия против Эвмена в Азии и в Риме и поведение римских послов в Азии против Эвмена, явно пристрастное и возбуждавшее к нему сочувствие эллинов (9–10); несчастный поход Антиоха Эпифана на святилища в Персии и Иудее, окончившийся сумасшествием и жалкою смертью царя, — известия об этих походах имеются кроме нашего автора (11) в Книге Маккавеев и в «Археологии» Иосифа Флавия, у Диодора (*Diod.* XXXIV I), Аппиана (*Appian.* Syr. 46). По смерти Антиоха сирийский престол наследовал сын его, Антиох V Эвпатор, отрок еще, а в Риме в это время жил в качестве заложника Деметрий, его двоюродный

брат. На все просьбы отпустить его домой сенат отвечал отказом, тогда Деметрий бежал и сел на сирийское царство (1–2. 19–23; *Appian.* Syr. 47; *Liv.* Epit. XLVI). Последнее случилось уже в следующем году (591 г.), к которому относится и возобновление союза между царем Каппадокии и Римом (13–14. 17; *Liv.* Epit. XLVI). У Диодора сохранились сведения о некоторых достоинствах этого Ариарата, об его расположении к римлянам (XXXI 28). Тогда же родосцы при помощи римлян расширили свои владения за счет Карии (15–16). Наш автор должен был подробно говорить о достоинствах Ариарата, как видно из уцелевших отрывков (17; *Diod.* XXXI 19. 21. 22). Полибий не мог не рассказывать о делах Египта с того времени, как римляне заставили Антиоха увести свои войска из пределов египетского царства. Наверное, в XXXI книге под 591 годом должны были находиться известия о том, как при участии сената состоялся раздел египетских владений между братьями, как царь Филометор уступил младшему брату часть своих владений, и как они совместно правили, Фискон не удовлетворился этим и при помощи римского сената, преследовавшего выгоды Рима, расширил свои владения за счет доли брата уже в следующем, 592 году: известия об этом входили в италийский отдел книги (*Diod.* XXXI 23. *Liv.* Epit.). В том же году бежал Деметрий из Рима в Сирию, чтобы отнять престол у Антиоха (19–23; *Liv.* Epit. XLVI). К нашей книге Афиней относит жалобы на усиливающуюся роскошь в Риме, следствием коих, может быть, и явился в ближайшем году (593 г.) закон Фокии против роскоши lex sumptuaria (24; *Diod.* XXXI 24. XXXII 3, 6; Macrob. Sat. II). Из эллинского отдела сохранились суждения автора о родосцах по случаю принятия ими денег от Эвмена на воспитание детей (25). Распрею между Птолемеями и вмешательством римского сената в дело братьев закончился 592 год от основания Рима (26–28).

[1] *равкийцев*... Равкийцы — жители Равка, города на Крите, между Гортиною и Кносом, теперь Hagio Муго.

[2] *независимость*... Речь идет о независимости от пергамских царей.

[3] *Павлом... игры*... Игры проходили в Амфиполе. Серьезно озабоченный великолепием зрелища, римский военачальник готовился к нему долго. *Liv.* XLV 32.

[4] *теоров*... Теоры — вестники, объявлявшие, что празднество устраивается, и приглашавшие на него.

[5] *в Дафне*... Дафна — деревня близ Антиохии в Сирии, прославленная священной рощей Аполлона и Артемиды. *Strab.* XVI 2 6, p. 750.

[6] *никейских всадников*... «Между Сусианою и Бактрианою есть местность Катастигона, которая на эллинском языке называется Нисом; там водятся отличные лошади». *Suid.*

[7] *панцирной конницей*.. Речь идет о восточном, а не эллинском способе покрывать боевых лошадей панцирями.

[8] *драхм*... Драхма весит 0,262 лота, 1000 драхм = 262 лотам = 8 фунтам 22 лотам.

[9] Здесь изложенные подробности приема на празднике Антиоха повторены Афинеем в другом месте в сокращенном виде (X, p. 439b); в этом последнем Афиней и приурочивает рассказ к нашей книге. В издании Гульча приведена под строками текста эта сокращенная редакция, в которой, однако, точно повторены Полибиевы обороты и отдельные слова. Кроме того, с 4-го стиха главы сопоставлены две редакции Полибиева текста: Диодора на левой стороне страницы и Афинея на правой. Основным текстом должен считаться Диодоров (XXXI 16 21).Вообще редакция Диодора ближе к подлиннику, нежели Афинеева.

[10] *разграбил... святилища...* В Книге Маккавеев (II. гл. 9, ed. Tischendorf) рассказано кощунственное посягательство Антиоха на Иерусалимский храм и жалкий конец царя в этом походе: царь сгнил заживо.

[11] *Тиберия...* Тиберий Семпроний Гракх — консул 577 г., сын Публия, отец двух братьев Тиберием.

[12] *Галатам... независимость...* Раньше, не допустив Эвмена в Рим, сенат желал между прочим поощрить галатов в их враждебных действиях против Эвмена. *Polib.* XXX 20.

[13] *человек... бичом...* Родосцы до сих пор получили уже много ударов от римлян (§ 17).

[14] *освободили... пошлин...* Дарование Делу ателии, свободы от пошлин, обращало его в порто-франко и сокращало торговые обороты ближайших гаваней и городов.

[15] *миллиона драхм...* Миллион драхм равен около 671 талантам: 6000 драхм в таланте.

[16] *зачем... сами...* Сенат желал дать понять ахейскому посольству, что изветы Калликрата и других ревнителей римской политики он принимает за обвинительный приговор всему ахейскому союзу; как бы поэтому только и состоялось удаление тысячи ахейских граждан, заподозренных в дружественных отношениях с Персеем.

[17] *в Ахае... в прочих государствах...* Под последними разумеются Эпир, Акарнания, Беотия, Этолия.

[18] *отозванные...* Речь идет о сосланных в Италию ахейцах.

[19] *камманов...* Камманы — жители Каммании, что в Феспротии, эпирской области, позднейшая Кестриния.

[20] *Аттала и Афинея...* Аттал и Афиней — братья Эвмена; с братьями царь жил дружно.

[21] *Не говоря... раньше...* Должно быть, это те действия Галла, о которых рассказывает со слов нашего автора Павсаний. XII 11.

[22] *в Элимаиду...* Элимаида — южная область Сусианы, над Персидским заливом, населена хищническим народом, элимеями, с богатейшим храмом Артемиды. То же рассказано Иосифом Флавием с полемикой против нашего автора (Archaeol. XXI 9); сообщается вкратце в комментарии Иеронима к гл. 11 Даниила и в Книге Маккавеев.

[23] *в Табах...* Т.е. в Парайтакене, персидской области, к северо-востоку от Элимаиды.

[24] *Деметрий*, сын Селевка Филопатора, родной брат умершего Эпифана, внук Антиоха Великого.

[25] *Сверх... Александрии*... Доклад послов о положении дел в Македонии за первое время римского господства не сохранился. В Александрии по удалении из Египта войск Антиоха возобновились распри между Пролемеями братьями.

[26] *прибыли*... в Каппадокию, к царю Ариарату.

[27] *Марк Юний*... Быть может Марк Юний Пенна, консул 587 г. от основания Рима. Швейггейзер.

[28] *трокмы*... Трокмы — один из галльских народов в Азии, по ту сторону р. Галиса, ближайший к Каппадокии.

[29] *от Ариарата* VI Филопатора, сына того, о котором речь идет в предыдущей главе. Что послы от него пришли с золотым венком, передает Диодор (XXXI 28).

[30] *Тиберий*... *Ариарате*. Послы подтвердили, что царь из угождения римлянам отказал Деметрию в руке дочери.

[31] *от... бед*. Под бедами подразумевается страх войны, которая угрожала им со стороны римлян.

[32] *к Лисию*... Лисий — воспитатель Антиоха, опекун и родственник его, правитель Сирии в малолетство царя. Кн. Маккавеев. II 11–13; *Appian*. Syr. 46.

[33] *матери*... Антиохида, дочь Антиоха Великого. *Diod*. XXXI 19. *Appian*. Syr. 5.

[34] *злодеяния*... Имеется в виду умерщвление римского посла Гнея Октавия. *Appian*. Syr. 46. Любовь к отцу, матери и родным вообще составляла одну из добродетелей Ариарата, а о великодушии царя свидетельствует его отношение к царю Армении, Артаксию: сей последний оказал было помощь в междоусобной брани брату правителя Софены, Мифробузана. Но Мифробузан был побежден и искал поддержки у Ариарата, который не замедлил поднять войну для возвращения Мифробузана на армянский престол. Артаксия напрасно склонял Ариарата умертвить Мифробузана, обещая то же сделать с братом его и предлагая Ариарату поделиться Софеною; Ариарат остался непреклонен.

[35] *извести* <...> На месте пробела должно было находиться имя брата Мифробузана.

[36] *Красота*, вероятно Ариарата.

[37] *Птолемеи... собою*... Когда Египет и Кипр были очищены от войск Антиоха, управление Египтом принадлежало обоим братьям: Филометору и Эвергету; так последний называл себя сам; в народе звали его Какергетом (Злодей) и Фисконом (Пузан). Братья сильно разнились друг от друга характером, и в 590 г. возгорелась между ними война, кончившаяся изгнанием Филометора из Египта. Филометор бежал в Рим, и сенат восстановил его на царство (Ptolemaeus Aegypti rex, pulsus regno a minore fratre, missis ad eum legatis restitutus est. *Liv*. Epit. XLVI). С присущим ему добродушием Филометор простил брата, и при участии римского сената египетские владения были поделены: Египет с Кипром остались во власти Филометора, а

Ливия и Кирена отошли к Фискону. Мирно управляемое обширное египетское царство казалось Риму небезопасным, и сенат искусно поддерживал раздоры между братьями; в этом, 592, году он с явным пристрастием принял сторону младшего брата.

[38] *Птолемей... Рим...* Сюда явилось также и посольство младшего брата (§ 4).

[39] *Канулей... товарищи...* Очевидно, это те самые послы, при участии коих совершен был в Александрии полюбовный раздел между братьями.

[40] *с Гнеем...* Уполномоченный проконсулом Гостилием, он объезжал Элладу в начале Персеевой войны и склонил эллинские народы на сторону Рима обещаниями и угрозами, участвовал в Персеевой войне при консуле Эмилии, на Самофракии принудил Персея к сдаче и потом доставил в Рим военную добычу. В Сирии он пал от руки Лептины по приказанию Лисия в то время, когда явился туда вместе с двумя другими послами с поручением ослабить всячески силы сирийцев, Лисий действовал патриотически. *Appian.* Syr. 46; *Cicer.* Philipp. IX 2.

[41] *Это... божествам...* Карфаген — колония Тира, родственная связь с которым выражалась, между прочим, в ежегодном отправлении карфагенянами посольства в метрополию для чествования отеческих богов жертвоприношением.

[42] *продовольствие...* Собственно значение может быть таково: ежемесячно совершаемая жертва, или жертвы целого месяца, совершенные зараз, потом продовольствие на месяц, наконец, продовольствие вообще, хотя слово в таком значении нигде больше не встречается.

[43] *Анагнии...* Anagnia, значительный город черников в Лациуме, теперь Anagnia.

[44] *«Ночь... отважным»... Eurip.* Phoeniss 726 Dind.

[45] *под Цирцеем...* По Страбону, гора в Лациуме, окруженная наподобие острова морем и болотами (Pomptinae).

[46] *там же... Полибием.* О любви нашего автора к охоте см. XXXII 15

[47] *Деметрий... явиться...* Беглец в Ликии дожидался того вестника о положении дел в Сирии, которого должен был прислать к нему Диодор, прибывший в Сирию заранее.

[48] Афиней (VI 108, p. 274) сократил показания историка, как они сохранились в ватиканских извлечениях и у Диодора.

[49] *в Факе...* Фак — город Македонии, где помещалась царская казна. *Diod.* XXX 11. 8. *В Аписе...* — приморский город Мареотиды в Египте на границе с Ливией.

[50] *к... Стремнине...* Великая Стремнина — гора и береговое поселение тех ливийцев, что жили между Киренаикою и Египтом.

[51] *по... Александрии...* Этот Птолемей, душою и телом отвратительный человек, запятнал себя развратом и всевозможными преступлениями, был ненавистен александрийцам. *Diod.* XXXIII 7. 13. 14 20. 23. 24.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ КНИГЕ

События шести лет входили в XXXII книгу: ол. 154, 3–155, 4 или 593–598 гг. от основания Рима или 161–156 гг. до Р. Х. К предыдущей книге примыкают теснейшим образом известия о посольствах в Рим от обоих Птолемеев: в короткое время те самые римские послы, которые поддерживали было старшего из братьев, перешли на сторону младшего, в пользу которого и состоялось теперь определение сената (1; *Diod.* XXXI 23). Из дел ливийских сохранилось общее известие о длинном ряде столкновений между карфагенянами и нумидийским царем Масанассой из-за Эмпорий и о том, как в 593 г. вмешательством римского сената обижены были карфагеняне (2; *Appian.* Punic. 67). Вероятно, по этому делу отправлены были в Карфаген те послы, которые нашли здесь большие запасы кораблестроительных материалов (*Liv.* Epit. XLVI). Из Азии отправлены посольства с жалобами, или с оправданиями, или с выражением верности: от Прусия, Замена, Ариарата (3), которые и выступили в римском сенате уже в ближайшем, 594 г. от основания Рима (5; *Diod.* XXXI 28). Раньше этого признали Деметрия царем римские послы, отправленные в Азию на разведки относительно последствий переворота (4). С целью снискать себе благоволение римлян Деметрий отправил в Рим посольство с дарами, а также убийцу Гнея Октавия и Исократа, в своих публичных чтениях возбуждавшего сирийцев против Рима. Приходили послы и от ахейцев с ходатайством за сограждан, без суда увезенных в Италию (6–7; *Diod* 29; *Appian.* Syr. 47). Упоминание о кончине Эмилия Павла, победителя Персея, приводит автора к пространному эпизоду о Сципионе Младшем, родном сыне победителя, своем ученике и лучшем друге из римлян (8–16; *Diod.* XXXI 26–27). К следующему году (595 г. от основания Рима), если не к тому же самому, относится известие автора о посольствах афинском и ахейском в римском сенате и решении сего последнего против афинян (17). Из италийских дел, которыми начиналось изложение событий 596 года, сохранилось известие об иллирийских посольствах в Риме с жалобами на далматов, последствием чего была война римлян с далматами в 597 г. (18, 23). Эллинский отдел представлен известиями о положении Этолии, Беотии, особенно Эпира после того, как не осталось в живых в этих странах главных виновников смуты, чересчур усердных друзей Рима; наиболее обстоятельные сведения сохранились о Харопе, смерть которого, однако, не успокоила страны (19–21. 26); со слов нашего автора говорит о нем и Диодор (XXXI 31). В этом же году (596 г.) скончался пергамский царь Эвмен, о доблестях коего распространяется автор, как бы противоставляя его Харопу и подобным врагам собственного народа; рядом с Эвменом упомянул автор и брата его Аттала (22; *Liv.* Epit. XLVII; *Appian.* Syr. 47). Из италийских дел следующего года (597 г. от основания Рима или 157 г. до Р. Х.) от Полибия сохрани-

лось изложение отчета римских легатов о наглости далматов и известие о том, что сенат решил воевать (23); самое описание войны сохранилось у Аппиана (Illyr. 11. Ср.: *Liv.* ibid). Друг римлян Ариарат VI, выгнанный из Каппадокии Ороферном при участии Деметрия, царя Сирии, бежал в Рим; но сенат, уступая доводам послов Деметрия и Ороферна, признал царские права за обоими братьями. Однако бесчинства и жестокости Ороферна, с другой стороны участие Аттала II к судьбе родственника Ариарата вскоре возвратили Каппадокию этому последнему (24–25; *Diod.* XXXI 32. 34; *Zonar.* IX 24). К этому году относится и начало замешательств в Элладе, вызванных разграблением Оропа афинянами: от Полибия история эта не дошла до нас (25; Ср.: XXXIII 2; *Pausan.* VII 11). Непосредственно от нашего автора (27–28), равно через Диодора (XXXI 35) и Аппиана (Mithrid. 3), мы узнаем о хищническом и кощунственном набеге афинского царя Прусия на владения Аттала II, о том, как Прусий с его сухопутным и морским войском понес наказание от богов и людей, как римляне заставили его уплатить контрибуцию Атталу, а войска по воле богов пострадали частью от дезинтерии на суше, частью от бури на море.

[1] *сообщили... сената...* У Диодора послы должны уведомить Фискона о благоволении сената и об ответе, какой дан брату его (*Diod.* XXXI 23).

[2] *Масанасса...* По окончании II Пунической войны (202 г. до Р. Х.) нумидийский царь не переставал тревожить карфагенян и отнимать у них одно владение за другим; обращавшиеся в Рим карфагеняне не находили там поддержки; напротив, сенат всячески благоприятствовал заклятому врагу Карфагена. Сообщаемый автором эпизод относится к более раннему времени. *Liv.* XXXIV 62; *Appian.* Punic. 67.

[3] *Эмпориями...* Эмпории — область Малого Сирта, чрезвычайно плодородная, с большим числом городов. *Liv.* XXIX 25. Под 561 г. от основания Рима (193 г. до Р. Х.) Ливий сообщает, что Масанасса, пользуясь слабостью карфагенян и их внутренними раздорами, опустошал береговые земли карфагенян, а находящиеся на них города облагал данью. *Liv.* XXXIV 62.

[4] *Менохарес... Деметрию...* Очевидно Менохарес был отправлен Деметрием к римским послам для переговоров.

[5] *царь...* Деметрий, прозванный спасителем. О том, каким образом царская власть перешла от Антиоха к нему, не сохранилось сведений автора. Ливий рассказывая, как «Деметрий, сын Селевка, тайно бежал из Рима, где содержался заложником и откуда не отпускали его, лишил жизни отрока Антиоха и воспитателя его Лисия, и сам был принят на царство» (Epit. XLVI). О том же с некоторыми подробностями у Аппиана (Syr. 47).

[6] *с поручением ... Исократа.* У Аппиана (Syr. 47) ценность венка определена в 10 000 золотых, имя убийцы Гнея Октавия — Лептина (Ср.: 6 11). Исократ назван «знатоком литературы и языка». Ср.: *Diod.* XXXI 29.

[7] государству <...> Из Диодора Шульце пополняет пробел словами о том, что Ариарат отказался еще согласно желанию римлян вступать в родственные и дружеские отношения с Деметрием (XXXI 28).

[8] *посохом... кости...* То и другие из слоновой кости, принадлежности царского звания. Сохранились монеты с надписью Βασιλέως Ариοβαρζαν Φιλορωμαίου с изображением царя на курульном кресле.

[9] *Алкей*, по догадке Рейске, эпикуреец, упоминаемый Афинеем XII 68, p. 547.

[10] *в Лаодикее...* Лаодикея — город Сирии на берегу Финикийского моря, между Гераклеей на севере и Арадом на юге, место смерти Гнея. *Appian.* Syr. 46; *Cicer.* Philipp. IX 2.

[11] *к дому Сципионов...* Полное имя Сципиона, друга нашего автора, P. Corn. Sc. Aemilianus Afric. minor; он — родной сын Луция Эмилия Павла Македонского, а по усыновлению Публием внук Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего. *Diod.* XXXI 26. О роде Корнелиев см.: *Pauly.* Real-Encyclop.

[12] *отозванные... городам...* Согласно уточнению Павсания — по городам и селам Этрурии. *Pausan.* VII 10 11, p. 549.

[13] *он стремился... сверстников...* Об этом несколько иначе писал Диодор: «он далеко превзошел не только сверстников, но и старших возрастом граждан самовоздержанием, честностью, величием души и всякого рода доблестями вообще. Вначале, до занятия философией, он слыл в народе за человека с душой недеятельной, недостойным преемником и представителем столь славного дома. Однако согласно с возрастом Сципион прежде всего стал приобретать себе славу владеющего собою человека».

[14] *Эмилия...* Речь идет о бабке Гракхов, мать Корнелии, Aemilia tertia.

[15] *по римским... срок...* Уплата приданого мужу могла быть рассрочена на три десятимесячных года с обязательством уплачивать ежегодно третью часть (*Cicer.* Ad. Attic. XI 2. 3. 4. 23. 24.25). Следовательно, не 25 талантов Сципион должен был уплатить в первый 10-месячный срок каждой из своих теток, а только 8 1/3 таланта.

[16] *Тиберий* Семпроний Гракх, отец Гракхов, женатый на младшей из двух дочерей Сципиона Африканского Старшего; на старшей дочери был женат Публий Корнелий Назика. Ливий сообщает различные версии о женитьбе Гракха, вообще стоявшего в неприязненных отношениях к дому Сципионов. *Liv.* XXXVIII 57.

[17] *по закону...* Речь идет о законе Вокония, направленном к ограничению расточительности женщин.

[18] Швейггейзер относит известие о посольствах к 595 г. от основания Рима на том основании, что никакое другое известие этой книги не поддается приурочению к этому году, и что уже в этом году было в Риме одно посольство от ахейцев. Гульч не находит затруднительным поместить и эти известия под 594 год.

[19] *с Теаридом и Стефаном...* Теарид и Стефан возглавляли ахейское посольство; первое из имен дано в дорийской форме.

[20] *о возмещении*... Речь идет о каком-либо требовании делосцев, предъявленном к афинянам: причем делосцы желали подвергнуть свою распрю с афинянами тому самому суду, который согласно договору разбирал дела между афинянами и ахейскими гражданами.

[21] *истребовать*... *суду*... Делосцы претендовали на суд на положении граждан ахейского союза (суд общий и равный для обеих сторон согласно договору; этот последний устанавливал формы судопроизводства на подобные случаи).

[22] *иссяне*... Иссяне — иллирийский народ на острове Иссе, против далматского берега, некогда подвластны были Генфию. *Liv.* XLIII 20. XLIV 30. Они вместе с коркирянами, фариями и другими сделались союзниками римлян еще до II Пунической войны. Далматы, иллирийский народ с главным городом Дельминием занимали береговую полосу при Адриатическом море, к югу от Либурнии. Подвластные Плевратy, иллирийскому царю, они отделились от преемника его Генфия, теперь тревожили соседей.

[23] *Эпетий*... Эпетий находится близ теперешнего Стробнеца, и Трагирий, у Страбона Трагурии, теперь Трау, приморские города Иллирии: один к юго-востоку, другой к северо-востоку от Дельминия; второй из них называется у Страбона поселением иссян. *Strab.* VII 5, p. 315.

[24] *даорсы*... Даорсы, даорисы, даорицы, тоже иллирийский народ к югу от реки Наренты.

[25] *Ликиска*... Как был убит Ликиск не известно.

[26] *Злые гении*... Люди, запятнанные преступлениями против себе подобных и богов и самим присутствием своим или близостью навлекающие беды на людей.

[27] *не было*... *друзей*... По Диодору, Хароп начал с мелких обид против эпиротов и только мало-помалу, очевидно, пользуясь успехом, а также страхом народа перед римлянами и благоволением римлян, дошел до крайних злодеяний. XXXI 31.

[28] *обращал в свою собственность*... Нам кажется, текст сокращен эпитоматором, и наш автор указывал на то, что Хароп измыслил новое средство, когда достояние убитых граждан было им растрачено, прожито. У Диодора читаем: «одних осуждая на смерть, других изгоняя, а имущество их конфискуя».

[29] *Все*... *бежали*... Все привлеченные к суду были на свободе и, узнав приговор народа, покинули Эпир.

[30] *Марк* Эмилий Лепид, шесть пятилетий кряду избираем был цензорами в сенаторы первым.

[31] *Эвмен II*, сын Аттала I, царствовал 39 лет (197–158 гг. до Р. Х.), главным образом содействию римлян обязан был политическими и военными удачами.

[32] *трех братьев*... Имеются в виду Аттал Филадельф, Филетер, Афиней.

[33] *Аттал*... *царство*... Царь сирийский Деметрий, обиженный отказом Ариарата VI, царя Каппадокии, жениться на сестре его, при-

нудил его покинуть царство и уступить власть брату Ороферну; римский сенат определил царствовать обоим братьям. Благодаря Аттал у II, царю Пергамскому, Ариарат получил свое царство обратно. *Liv.* Epit. XLVII; *Diod.* XXXI 32,34; *Appian.* Syr. 47.

[34] *двенадцатый год...* Так как война с Персеем кончилась 586 г. от основания Рима или 168 г. до Р. Х.; следовательно, описанные события относятся к 597 г. от основания Рима или 157 г. до Р. Х.

[35] *сенаторы... далматами...* В консульство Гая Марция Фигула. *Liv.* Epit. XLVII.

[36] *людям посторонним...* Тем народам, которые должны были идти на войну с далматами.

[37] *Ариарат*, вытесненный из Каппадокии Деметрием и Ороферном, искал поддержки в Риме, так как раньше многократно доказал дружественные чувства к римлянам; но надежды его не оправдались

[38] *Ороферн...* Долгое время не имея детей, супруга Ариарата V Антиохида подложила двух младенцев, Ороферна и Ариарата, а когда родился Ариарат VI, открыла обман царю.

[39] *они... хотели...* Надежды послов оправдались наполовину: сенат определил царствовать братьям совместно.

[40] *Ороферн... распутство...* Приводя отрывок, Афиней приурочивает его точно к нашей книге (X 54 1 p. 440). О пьянстве Ороферна говорил Элиан (*Aelian.* Var. hist. II 41 9), о жадности и жестокостях его у Диодора (*Diod.* XXXI 32. 34).

[41] *Рассказав... сочинении...* Автор рассказал сразу события Каппадокии, относящиеся к двум годам, и старается оправдать перед читателем уклонение от синхронистического порядка повествования: за италийскими делами, которые остановились на отъезде Ариарата из Италии, за которым должен был следовать рассказ об эллинских делах, и только за ним автор обязан был продолжать историю восстановления Ариарата на царство. Гульч с полным правом поместил это извлечение под 597 г., а не в XXXIII книге, как оно поставлено Беккером.

[42] *с городом Оропом...* Ороп — город Аттики на Эврипе близ беотийской границы, первоначально беотийский. В это время Ороп был независим от Афин. Нуждаясь в деньгах, афиняне разграбили город и вынудили жителей его обратиться с жалобой в Рим. Сенат приговорил афинян к 500 талантам пени. Дело это послужило началом роковых для Эллады осложнений. *Pausan.* VII 11 4. *Liv.* XLV 27. *Hertzberg.* Hesch. Griechenl. I. S. 241. *Латышев В.* К истории народа Оропа / ЖМНП. 1885, ноябрь.

[43] *с Гаем Марцием...* Он отправлен был в Иллириду с войском против далматов; с ним вместе должны были выйти легаты для ознакомления с делами Эпира на месте.

[44] *После... Пергама.* Утрачено начало рассказа о нападении вифинского царя на пергамского. По словам Аппиана, наиболее связно, хотя и очень кратко передающего эту историю, Прусий в досаде за что-то на Аттала, опустошил его землю в Азии и прочее (Mithrid. 3).

Из слов Диодора заключить следует, что Прусий рассчитывал было захватить Аттала хитростью и, когда покушение не удалось, продолжал поход на Пергам. *Diod.* XXXI 35.

[45] *статуи... богов...* Изображения богов могли быть и деревянные, и на картинах.

[46] *к Элее...* Элея — город Эолиды, гавань Пергама, верстах в двух к югу от устья реки Каика, верстах в 20 от Пергама. *Strab.* XIII 6, p. 615.

[47] *в Гиракоме...* Во владениях пергамского царя.

[48] *Аполлона Киннейского...* Свида сообщает и этимологическое объяснение эпитета: Аполлон так назван оттого будто бы, что вскоре после рождения был похищен собаками, когда Латона положила новорожденного на землю. Культ этого Аполлона в Афинах.

[49] *подле Темна...* Темн — город Эолиды, к юго-востоку от Кумы, на левом берегу Герма. В Мисии тянулась гора Темн, делившая страну на северную половину и южную.

[50] *сухопутное войско...* Через Диодора мы узнаем от нашего автора, что пострадал и флот Прусия в Пропонтиде: во время бури многие корабли вместе с людьми погибли в море, другие были выброшены на берег и разбились. Благодаря Аппиану известно, что во время осады Пергама явилось римское посольство в стоянку Прусия и приказало ему снять осаду и дать удовлетворение за причиненные ему потери: требование римлян было исполнено.

[51] *Претерпев... о случившемся...* Вероятно в то время, когда Прусий стоял под Пергамом. Раньше еще Аттал послал в Рим Андроника с донесением, но римляне не имели никаких сведений о положении дела и даже не доверяли тому, чтобы Прусий вторгся в пергамские владения. Как Андроник, так и упоминаемый ниже Никомед встречаются в известиях Аппиана о более поздних временах (Mithrid. 4).

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ КНИГЕ

XXXIII книгу наполняли известия о событиях четырех лет 156-й олимпиады: 599–602 гг. от основания Рима или 155–152 гг. до Р. Х. Из италийских дел 599 г. сохранились известия о ходатайствах перед сенатом трех посольств: от Аттала, царя Пергамского, по делу о войне его с Прусием, от ахейцев с ходатайством за вызванных в Рим эллинов, и от афинян с просьбою о снятии наложенной на них в пользу Оропа громадной пени: это последнее посольство знакомило римлян впервые с главнейшими философскими школами афинян в их тогдашних представителях (1–2. Gell. Noct. Attic. VI (VII) 14). Эллинские дела того же года представлены известиями об отправлении ахейцами нового посольства ходатайствовать за пленных эллинов; о неудачной войне родосцев с критянами, причем автор останавливался на политической мудрости родосцев и на их морском могуществе: поражение родосцев критянами приравнивалось к тому, как маленькие охотничьи собаки одолевают медведя (3–4; *Diod.* XXXI 36–38); сюда же относится известие о гибели копрского намес-

тника, который изменил своему царю Птолемею Филометору и решился было предать Кипр Деметрию, сирийскому царю (5). Первые действия Ариарата VI по восстановлении на каппадокийском престоле составляли азиатскую часть истории за 599 год, между прочим его война с жителями Приены (6; *Diod.* XXXI 32). К следующему 600 году относятся из италийского отдела известия об отправке в Лигистику на помощь массалиетам сначала послов, потом войска под начальством Опимия, которому удалось быстро покорить варваров; с делами массалиетов совпали по времени дипломатические успехи сената в Египте против Птолемея Старшего и в Азии против Прусия (7–11): упорство этого последнего царя было сломлено настойчивостью сената (12–13). Следующий 601 год начинается для нас известиями о посольствах ахейцев из Эллады, Гераклида из Сирии, Астимеда от родосцев (14–15). Не без фактических подробностей и собственных рассуждений рассказывал автор о войне родосцев с критянами, как видно и из Диодора, заимствовавшего известия от Полибия, причем обе воюющие стороны обращались и к римлянам (16–17; *Diod.* XXXI 43. 44. 45). Из 602 г. от основания Рима имеем отрывок рассказа о том, как Гераклид казначей Антиоха, тогда умершего, обольстил большинство римских сенаторов обманными речами и склонил их в пользу поставленного ими некоего Александра в претенденты на сирийский престол (18). О самой войне Гераклида с Деметрием, о ненавистном для народа управлении Деметрия, как и о его смерти рассказывает Иосиф Флавий в XII и XIII книгах Иудейских Древностей и I Книге Маккавеев (I, гл. 10–11).

[1] *Сенат... Аттала...* В конце предыдущей книги помещено известие о том, как Аттал отрядил в Рим брата Афинея, который и присоединился к возвращавшемуся из Азии посольству Публия Лентула. Есть основание предполагать, что согласно первоначальному плану Всеобщая история состояла из тридцати книг и двух книг вступительных (I–XXXII), что последние восемь книг, начинающиеся временем Кельтиберийской войны и кончающиеся разрушением Карфагена и Коринфа, добавлены были автором по завершении основной части истории. *Schwelgh.* Polib. hist. V. S. 107.

[2] *Эгия... Эг...* Эгий и Эги — города Ахаи на берегу Коринфского залива; второй незначительный около устья реки Крафиды; первый на месте нынешней Vostizza к северо-западу от Эг, одно из мест народных собраний ахейского союза.

[3] *Авла Постумия* Альбина... Авл Постумий Альбин — городской претор в консульство Публия Сципиона и Марка Марцелла, т. е. в 599 г. (*Cic.* Acad. II (IV) 45), красноречивый, сочувствующий эллинскому образованию.

[4] *подошли...* По предложению председательствующего подававшие голоса сенаторы становились по одну или по другую сторону.

[5] *Карнеад... перипатетик...* Посольство относится к 599 г. от основания Рима (155 г. до Р. Х.), как следует из Цицерона (Academ, II (IV) 45).

[6] *Гай Ацилий* на греческом языке написал Римскую историю. *Cic.* De off. III 32 115.

[7] *Архий*, тот самый, который сопровождал царя своего Птолемея Филометора на пути в Рим, когда тот лишен был царства братом, впоследствии наместник Кипра. Это эпизод из войны сирийского царя Деметрия с Птолемеем Филометором, который оказывал поддержку сыну Антиоха Эпифана, Александру.

[8] *приенийцев*... Приена — город Ионии, к югу от Микалы, у устья Меандра, вблизи карийской границы, теперь развалины Samsum-Kalessi.

[9] *от Ороферна... денег*... Накопив большие суммы денег, Ороферн положил 400 талантов у приенийцев на случай неожиданных превратностей судьбы, каковые деньги впоследствии приенийцы возвратили. *Diod.* XXXI 32.

[10] *Антиполь и Никея*, города Лигистики, на западном берегу Лигистикского залива; на месте первого Antibes, на месте второго Nizza.

[11] *легатов... свою*... Посольство не достигло цели, потому что против лигу ров было отправлено войско под начальством консула Квинта Опимия.

[12] *с оксибиями*... Оксибии — одно из лигистикских племен, перечисляемых Страбоном.

[13] *восстановить... Кипром*... При разделе между братьями Кипр достался Птолемею Младшему, у которого был отнят Старшим; теперь римляне помогали Младшему возвратить себе Кипр.

[14] *обязать... удовлетворение*... Очевидно о том же сообщает Аппиан (*Appian.* Mithrid. 3).

[15] *к... Эгитне.* Эгитна — приморский город лигистинов, нигде больше не упоминается.

[16] *Апрон* — река Лигистики, близ Антиполя, вероятно, теперь Loup.

[17] *Митридат*, царь Понта, отец Митридата Великого, сын Фарнака, по прозванию Эвергет, друг римлян, посылал римлянам вспомогательное войско во время Пунических войн. *Appian.* Mithr. 10 Reinach, Mithridate Eupator, roi de Pont. P. 1890.

[18] *Кадов*, город Меонии, на границе с Мидией, теперь Kedus.

[19] *Прусий... талантов*... Аппиан говорит только о 20-палубных судах и о 500 талантов серебра. (*Appian.* Mithrid. 3)

[20] *метимнян*... Город Метимна находится в северо-западном углу Лесба, теперь Molivo. *Эгияне*, жители Эг, одного из 12 городов Эолиды, вблизи моря, недалеко от Кумы и Темна.

[21] *с Лаодикой*... Лаодика — дочь Антиоха Эпифана, умершего в 164 г. до Р. Х. *Александр*, по прозванию Balas, юноша неведомого происхождения, которого Гераклид, один из приближенных Антиоха, привез в Рим; здесь добившись признания его сыном Антиоха и законным претендентом на сирийский престол, войной с Деметрием приобрел царство для Александра. *Iust.* XXXV; *Appian.* Syr. 45.47.67; *Joseph.* Antiqu. XIII. 2 4; *Strab.* XVI, p. 751.

[22] *Астимед... флотом...* Астимед по своему положению имел право вести дипломатические переговоры с иноземною державою по собственному почину.

[23] Этот фрагмент повторен с незначительными отменами Диодором (XXXI 43), дальнейшие фрагменты которого (44. 45), по-видимому, имеют отношение к войне родосцев с критянами и происходят из того же источника.

[24] *Аталла III...* Аталл III Филометор вступил на царство после дяди своего, Аттала II Филадельфа; по словам Страбона, он — законный сын Эвмена от Стратоники, дочери каппадокийского царя Ариарата. *Strab.* XIII 4. p. 624. Ср.: *Polib.* XXX 2 6.

[25] *Деметрий*, сын Ариарата, командовал войском в 600 г.

[26] *Деметрий*, тот самый, что сел на сирийский престол, бежав из Рима (XXXI 12). Расточительностью, жестокостями и пьянством он вооружал против себя не только свой народ, но и чужие, чем и объясняется легкий успех самозванца Александра. Особый укрепленный дворец вблизи Александрии, куда не допускались посторонние, служил местом распутства Деметрия. *Joseph.* Antiqu. XIII 2.

[27] *Раз... цели...* Отрывок может касаться характеристики отношений между народом и Деметрием, когда Гераклид пошел на бесчестного царя войною.

[28] Еще труднее приурочить к чему-либо следующий отрывок. Шульце относит его к географическим писателям, Пифею и Эратосфену, из которых один, по мнению нашего автора, говорил как очевидец о таких местах, которых он и не посещал, а другой легкомысленно доверял Пифею.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГЕ

Лет за двести до Полибия историк Эфор отвел две книги своего исторического сочинения, четвертую и пятую, под географические сведения. Подобным образом и наш автор посвятил географии отдельную книгу в своей всеобщей истории. Поступал так историк ради того, чтобы частыми отступлениями в область географии не разрушать цельности исторического рассказа, и для того также, чтобы географические сведения, по мнению автора столь важные для истории, сообщены были не урывками и не мимоходом, но с подобающей обстоятельностью (III 57. Ср.: VIII 1, p. 332). В четырех приведенных ниже отрывках географического содержания (8_1, 8_4, 10_1, 11_4), из коих три первые из Афинея и последний из Стефана Византийского. В истории географии наш автор представляет утилитарное направление географических сведений в противоположность господствовавшей раньше школе отвлеченной, или математической, географии Дикеарха и Эратосфена. Польза для военачальников и правителей, для историков и просвещенных людей вообще составляет задачу такой географии; посему предметом ее становится оби-

таемая, доступная в своих крайних пределах земля, как место исторических событий в его настоящем; собственные путешествия историка и показания достоверных свидетелей-очевидцев о посещенных ими землях дают важнейший материал такого рода географии. В особенную заслугу вменяет себе Полибий совершенные им далекие, трудные путешествия через Альпы, в Галлию, Иберию, Египет, Ливию до берегов Океана, между прочим с целью исправления ошибок предшественников (III 36–38. 48. 59, X 1 1). Тимея автор порицает за то, что тот писал свою историю, не покидая Афин (XII 27). Возможно точное описание военных и торговых путей сообщения, топография местностей, исчисление естественных богатств, измерения, наименование городов и жителей их, — словом, все те сведения, которые могут служить практическим целям, прежде всего, людей государственных, занимали в истории Полибия видное место (II 14–15. IV 38–41. V 44. 55. X 27–28. XII 2. 3. XVI 29 и др.). Правда, невнимание к математической географии привело Полибия к ошибочным представлениям о земных поясах, об обитаемости отдаленных земель, а также к несправедливым нападкам на массилийского путешественника Пифея. Писатель I в. до Р. Х. Гемин называет отдельное сочинение Полибия по математической и физической географии: «О местах жительства вблизи экватора», в котором экваториальные земли наделены умеренным климатом по сравнению с тропиками и признаны не только удобообитаемыми, но и хорошо заселенными. К числу последователей нашего автора принадлежали Артемидор и сам Страбон. О Полибии как географе см.: *Magdeburg*. De P. re geographia. Hal. Sax. 1873; *Schmidt M. C. P.* De P. geographia. Berol, 1875. Его же: Über die geograhp. Werke d. Polybius. Jahrb. f. class. Philol. 1882. H. 2; *Berlioux E.—F.* La terre habitable vers l'équateur. Paris, 1884; *Dubois*. Examen de la geographie de Strabon. Paris, 1891; *Berger*. Gesch. d. wissenschaftt. Erdkunde d. Grieclien. London, 1889–1893. IV. 11-62.

Почти все отрывки XXXIV книги извлечены из Страбона.

[1] *другие писатели...* Страбон различает три разряда географических писателей: одни обнародовали свои известия в отдельных сочинениях с особыми названиями по предметам (гавани, водные пути и т. п.); другие, как наш автор и Эфор, отводили географическим сведениям особое место в общих исторических сочинениях; третьи, как Посейдоний и Гиппарх, посвящали землеописанию часть своих сочинений математического и физического содержания (*Strabon*. VIII 1, p. 332).

[2] *Эвдокс...* Эвдокс из Книда, астроном, географ и историк IV века до Р. Х.; автор географико-исторического землеописания, часто упоминаемого Страбоном.

[3] *Гомеру... звери...* Это — образчик эвгемеристического толкования мифов и поэтических сказаний, которое наряду с прочим Грот прослеживает в греческой литературе на протяжении нескольких веков, преимущественно в сочинениях историков, начиная от пред-

шественников Геродота и кончая Палефатом, современником Аристотеля. Основу такого толкования во все времена составляет невнимание к историческим условиям, в коих проявляется народное творчество в различные исторические периоды. *Grote*. Hist. de la Grece. III. p. 115–145.

[4] *Эол*, живет на Эоловых островах, иначе Липарских, что к северо-востоку от Сицилии, отец 6 сыновей и 6 дочерей, которые и переженились между собою; в Одиссее изображается хозяином ветров (X 1–75).

[5] *Даная*... Данай — мифический родоначальник аргивян, они же данаи, ахейцы; по словам Гесиода, Данай «сделал безводный Аргос изобилующим водой». *Hesiod*. fr. 170. Strabon VIII 6, p. 370–371.

[6] *Атрея*... Атрей — сын Пелопа, владыки Пизы в Элиде, потом царь Микен. Thuk. I 9.

[7] *уклонившись с пути*... Когда ветер или морское течение гонит их в открытое море и не допускает до Сицилии.

[8] *Тунцы* — рыбы, из семейства макрелей, весной огромными массами заходят из Атлантического океана в Средиземное море, проплывают все это море, огибают Черное и осенью возвращаются в океан. Главный истребитель тунцов человек, а главная ловля их производится у берегов южной Италии.

[9] *шпаганы*... Они же рыбы-меч, рыбы-собаки, то же у Элиана (Hist. an. XIII 4), из семейства макрелей, бывают длиной до 5 метров, а весят до 10 пудов и более.

[10] *ловлю шпаганов*... Охота на шпаганов, водящихся в Средиземном море и Атлантическом океане, производится близ Карабрии и Сицилии с помощью гарпунов по настоящее время. Самое устройство гарпуна, употребительного особенно при ловле китов, остается тем же, как и в описании Полибия.

[11] *на Менинге*... Менинга (Lotophagitis. Djerba) — плодородный остров у входа в малый Сиртис с юго-востока, с 1881 г. принадлежит французам, заселен преимущественно берберами. На острове есть развалины древнего города того же имени.

[12] *из «Списка кораблей»*... II песня Илиады, собственно часть ее (ст. 484–779).

[13] *скалистым*: Авлида, Пифон, Калидон (II 496, 519, 640); *крайним*: Анфедон, Мирсин (508, 616); *изобилующим голубями*: Фисба, Месса (502, 582); *близким к морю*: Халкида, Антрон (640, 697).

[14] *Дикеарх* (около 345–285 гг. до Р. Х.) — уроженец Мессаны, ученик Аристотеля, друг Теофраста, автор многих сочинений, для нас потерянных, пользовался в древности большим авторитетом за свою ученость. Труд его «Жизнеописание Эллады» в трех книгах — географического, исторического и бытового содержания. Производил многочисленные изыскания обитаемой земли, как мирового тела и обиталища рода человеческого, определял высоты гор, расстояния на суше и на морях и т. п. Главное внимание обратил на составление земной карты. *Didot*. Fr. h. gr. II.; *Berger*. Wissensch. Erdkunde. III. 41–57. Дальнейшую ступень в развитии географии представляет имя

Эратосфена (276–193 гг. до Р. Х.), всеобъемлющего ученого александрийской школы, уроженца Кирены, библиотекаря Птолемея III, прозванного Пентафлом за обширность познаний, сам себя называл филологом, родоначальник научной географии и хрологии: географическое сочинение начиналось историей географии до его времени, усовершенствовал способы измерения. Он же определил окружность земли в 252 000 стад. — 39 700 км, кривую эклиптики в $^{11}/_{83}$ окружности земли, изобрел способ находить первичные числа и т. п., ближайший подготовитель Гиппарха. О трудах *Эратосфена* знаем больше всего из Страбона. Эратосфен решительно отвергал точку зрения на Гомера, как на великого географа и философа, разделяемую, между прочим, и Полибием. *Bernhard.* Eratosthenica. 1822. Предшественник обоих, младший современник Аристотеля, *Пифей* — географ, астроном, математик и отважный мореплаватель по Атлантическому океану к северному полюсу, называется автором сочинений «Об океане», «Кругом земли», «Кругом моря». Открыл своим современникам-эллинам западную Европу от Гибралтара до Шотландских островов. Его измерениями и вычислениями в астрономии пользовались Эратосфен и Гиппарх. О точности его астрономических вычислений свидетельствует определяемая им широта родного города Массалии (Марсель) в 30 300 стадий — 49°17′18″; точнее всех предшественников установил положение полюса, при помощи гномона определил высоту солнца во время летнего солнцестояния. Путешествие его по Атлантическому океану простиралось до севера Британии и в Балтийском море до устьев Эльбы. Крайним пределом обитаемой земли на севере называл Фулу, остров, помещаемый на полярном круге, один из Шотландских. По мере накопления астрономических и географических познаний возрастало доверие к показаниям Пифея; большинство древних, особенно Полибий, за ним Страбон, почитали его лжецом и сочинителем сказок; новые ученые оценили по достоинству добросовестность Пифея и важность его показаний, особенно Мюлленгоф. *Müllenhoff.* Deutsche Alterthumskunde I, 212–497. Отрывки из Пифея см.: *Schmekel.* P. Massiliensis quae supersunt. frr. Merseb., 1848; *Schmitt.* Zu P. von Massilia. Lond., 1876; *Berger.* Указ. соч. III 1–41.

[15] *окружность... стадий...* Мера слишком большая; Плиний со слов Пифея насчитывал 3825 миль — 30 600 стадий.

[16] *о Фуле...* Впервые известна со слов Пифея, наибольший из Шотландских островов, Менленд. Все известия о Фуле казались Полибию и Страбону чистейшим вымыслом.

[17] *на морское легкое...* Под этим именем у Аристотеля (Hist. anim. V 15), Плиния (IX 47, XXXII 11) разумеется морское животное из семейства медуз; что разумел Пифей, не известно.

[18] *берег... до Танаиса...* По объяснению Мюлленгофа, Танаис означает здесь не Дон, но крайнюю северо-восточную границу Европы (D. A. I, 389). Vivien de St.-Martin имя Танаиса у Пифея приурочивает к р. Дунѐ, вливающейся в Ливонский залив и составлявшей предел плавания Пифея в Балтийском море (Hist. de la geogr. p. 106).

Если речь идет о Доне, то Пифей знал северо-восточное направление верхней реки, не известное Геродоту. *Strabon.* II 4.

[19] *от Гадейр...* Гадейры, также Эрифея, лат. Gades, теперь Cadix или Cadiz, финикийская колония XI в. до Р. Х. с именем Gadir, остров (теперь Леон) и город в Бетике, долго почитался крайним пунктом на западе. Самый город назывался еще Тартессом.

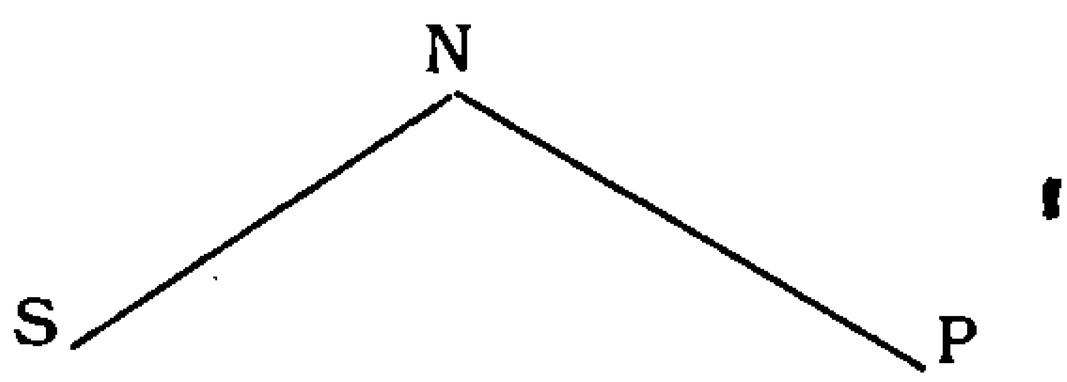
[20] *мессенцу...* Т. е. Эвгемеру, как видно из нижеследующего. Уроженец Мессены, что в Пелопоннесе, современник Кассандра, около 300 г. до Р. Х., автор «Священной книги», Эвгемер низводил политеизм к обоготворению смертных в награду за услуги их или из удивления к их уму и храбрости; так, Зевс, его братья и дети были будто бы одним из царских родов на Крите. В подтверждение своего учения он ссылался на историю богов, начертанную на золотом столбе, который он будто бы сам видел на о-ве Панхае вблизи Аравии. От Эвгемера идет название эвгемеризма для псевдоисторической теории мифов.

[21] *о Панхае...* Вымышленный Эвгемером остров на пути из Аравии в Индию, будто бы посещенный историком во время плавания, которое он совершил по поручению царя Кассандра.

[22] *бергейцем...* Бергеец — уроженец Берги, город Македонии, откуда родом был Антифан, лживейший писатель, имя которого обратилось в нарицательное.

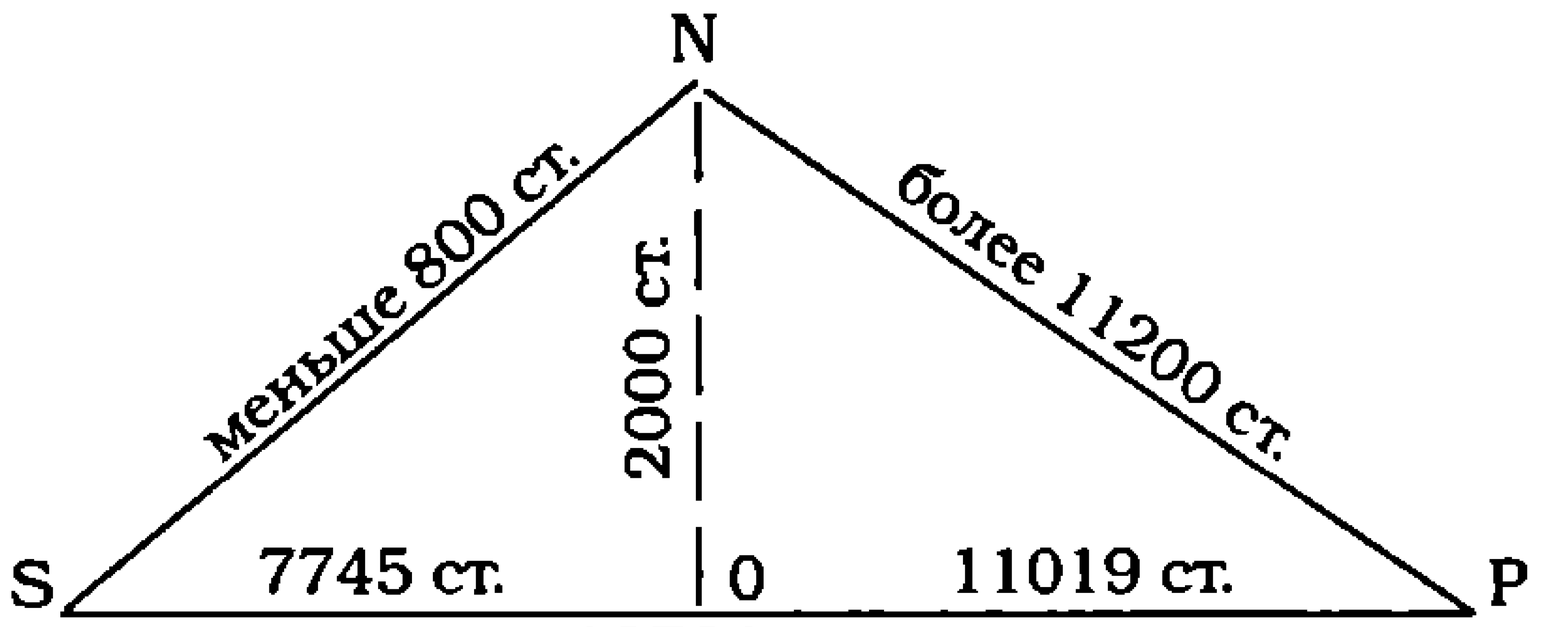
[23] *Посейдонию...* Посейдоний (128–145 гг. до Р. Х.), ученик стоика Панетия, Родосский по главному месту деятельности, автор сочинений «Об океане», «Историй», «Метеорологии» и др. В противность Полибию он продолжал занятие математической и физической географией в смысле Эратосфена; с большим усердием занимался народоведением, допуская причинную связь между климатом страны, физическими свойствами и характером занимающего ее народа; продолжительным пребыванием в Гадейрах воспользовался для наблюдений над океаном, между прочим, над явлениями прилива и отлива. Знаем мы о Посейдонии больше всего из Страбона. *Didot.* Fr. h. gr. III. 245–296; *Müllenhoff.* D. A. II. 126; *Berger.* Указ. соч. IV. 63–81.

[25] *в Нарбоне...* (N. Martius), город Трансальпийской Галлии, в земле волков тектосагов, теперь Narbonne, на реке Атаке, теперь Aude в департаменте Лангедок. Графическое отношение конечных пунктов угла представляется так:

причем N — Нарбон; S — Столбы, P — Пролив; с соединением S и P прямой получается тупоугольный треугольник, о котором речь идет

ниже, и который перпендикуляром, опущенным от вершины к основанию, делится на два неравных прямоугольных треугольника:

Расстояние от вершины треугольника до основания в 2000 стадий составляет часть расстояния между Ливией и Европой, определяемого в 3000 стадий, о чем и говорится в § 6–7.

[26] *хотя... школьник...* Длина прямой SP от Столбов до Пролива складывается из катетов (SO, OP) двух треугольников SNO и ONP, в каждом из коих известна длина гипотенузы и одного катета. По правилу Пифагоровой теоремы длина катетов SO и OP определяется в 7745 стадий и 11 019, что составляет 18 764 стадии на все расстояние между двумя проливами по прямой линии. Длина двух гипотенуз или (по Полибию) береговой линии от одного пролива до другого вдоль Нарбонского берега составляет 19 200, т. е. на 436 стадий больше прямого расстояния. Прибавив 3000 на расстояние от Пелопоннеса до Сицилийского пролива, получим по прямой линии 21 764 стадии от Пелопоннеса до Геракловых Столбов, тогда как Дикеарх считал 10 000 стадий. Любопытно, что Полибий приравнивает по длине ломанные береговые линии от пролива до Нарбона и от Нарбона до другого пролива к прямым линиям. В другом месте тот же Полибий предполагает 22 500 стадий на расстояние от Малей до Столбов (I 2). В следующей главе Страбон исправляет измерение Дикеарха и Полибия, полагая на расстояние между проливами 13 000 стадий. В действительности расстояние это равно 12 147 стадий, к каковому числу очень близко показание Плиния: 1260 500 шагов =10 084 стадиям от западной оконечности Сицилии до Столбов, да на берег Сицилии до пролива 2500, всего для линии SP 12 584 стадии. Ср.: *Schmidt.* De P. geogr., p. 16.

[27] *Эратосфен...* Имя внесено нами в перевод по сближению этого места с § 10 гл. 5, где Эратосфен, называя бергейцем Эвгемера, сам верит Пифею. Возможно, однако, что автор говорил здесь об Эвгемере или уже о самом Пифее, представляющем, по его мнению, крайнюю степень лживой болтливости.

[28] *Антифана...* Антифан — комический поэт и еще больше географ, стяжал себе печальную известность лживыми известиями. Страбон ставит его в одну линию с Пифеем и Эвгемером (II 3, p. 102. I 3, p. 47). Родина Антифана — город Берга в Македонии, к юго-западу от впадения Стримона в Керкинитское озеро.

[29] *от Итаки...* Итака, теперь Thiáki, наименьший из Ионийских островов, между берегом Акарнании и островом Кефаллением, ближе к сему последнему, к югу от Левкады, следовательно, и от Керкиры, родина и царство Одиссея.

[30] *от Массалии... стадий...* Эта мера согласуется с показанием 9000 стадий от Нового Карфагена до входа в Италию с севера. Отнимая от этого числа 2600 стадий на расстояние между переправою через Родан и входом в Италию, и прибавляя 3000 расстояния между Столбами и Новым Карфагеном, получим 9400 стадий от Столбов до Родана.

[31] *Эратосфен... Танаисом...* Наш отрывок находится у Страбона (II 4, p. 108). Раньше географ знакомит более обстоятельно с суждениями Эратосфена: на одном из мысов — Пелопоннес, на другом — Италия, на третьем — Лигистика, образуемые ими заливы Адриатический и Тирренский (II 1, p. 92).

[32] *Суния*, южная оконечность Аттики, именуемая теперь Capo Colonnes от уцелевших до сих пор 13 колонн храма Афины.

[33] *о Луситании...* Луситания — юго-западная провинция дальней Испании, орошенная рекой Таг, приблизительно теперь Португалия.

[34] *дубы... тунцы...* У Страбона, тоже из Полибия, морской дуб — низкий кустарник, растущий на дне морском и дающий питательные плоды. В существование плодовых деревьев в морских глубинах верили в древности многие естествоиспытатели: Теофраст, Эратосфен, Плиний и др., верил этому и Полибий.

[35] *тунцы... свиньи...* «Это животное (тунец), — говорит Страбон со слов нашего автора, — род морской свиньи; ибо оно питается желудями и тучнеет от них замечательно, и изобилие желудей ведет за собой изобилие свиней». III 2. p. 145.

[36] *Спанией...* Вместо более употребительной формы Hispania, финикийское и латинское имя Иберии.

[37] *Бетики...* Добавлено для перевода из описания Страбона. Бетика от реки Бетиса соответствовала теперь Андалузии и Гренаде, называлась еще Турдетанией по имени занимающего ее народа к. юго-западу от Луситании. Страбон называет турдетанов просвещеннейшим из народов Иберии, а турдулов считает отдельным народом.

[38] *мягкость... гражданственности...* Страбон от себя прибавляет, что турдетаны усвоили себе черты римской гражданственности. Действительно, никакого родства между двумя народами не было.

[39] *у кельтиков...* Кельтики жили в Бетике по реке Ана, теперь Гвадиана, иберийские кельты, отпрыск собственных кельтов из Галлии.

[40] *Столбы в проливе...* Мнение Полибия и других географов приведено Страбоном в обозрении ряда попыток объяснить название Столбов и приурочить их к двум определенным пунктам. *Strabon.* III 5, p. 170–172.

[41] *Нового Карфагена...* Новый Карфаген (теперь Carthagena, приморский город испанской провинции Мурции), на мысе Saturni, полное имя города Colonia Victrix Julia Nova Carthago; и в наше время в

рудниках близ этого города работает по 12 000 человек. От дрока (spartum), растущего в изобилии по окрестностям, город назывался еще C. Spartaria.

[42] *Ана*... теперь Guadiana, важнейшею частью протекает по Луситании вдоль границы Бетики, одна из значительнейших рек Иберии.

[43] *Бетий*, теперь Guadalquavir, начинаясь в Тарраконской Испании, принадлежит главным течением Бетике, изливаясь в океан выше Гадейр. По Страбону, начало реки в Серебряной горе вблизи Касталона (*Strabon*. III 2. p. 148). Кельтиберия с главным городом Нуманцией, по описанию Страбона, соответствовала юго-западной полóвине Аррагонии, почти всей Суэнце, Сории и значительной части Бургоса (*Strabon*. III 4. p. 162). Кельтиберы — смесь кельтов из Галлии и туземных иберов. Об их воинственности обстоятельно у Диодора (*Diod*. V 33–34).

[44] *ваккеев*... Ваккеи (по Аппиану, одно из племен кельтиберов) жили в северо-западной части Тарраконской Испании, к западу от кельтиберов; по Диодору, землевладение и пользование плодами земли были у ваккеев общинными. *Diod*. V 34.

[45] *Сегесаму*... Сегесам, Segisamo(*lam*.), теперь Sasamo, у верховьев реки Пизораки. *Интеркатия* находится к юго-западу от Палланции, у западной границы земли ваккеев.

[46] *устройство... феаками*... Роскошь феаков, Pheacum luxus, вошла у древних в поговорку, как видно из Афинея и Элиана (Var. hist. VII 2). Великолепные покои царя феаков Алкиноя воспеты в Одиссее (VII 84 сл.); о привольной роскошной жизни феаков см.: Одиссея VIII 284 сл.

[47] *Иллеберием*... Иллеберий (теперь Eltie) и Роскин — реки и города юго-восточного угла Галлии между Пиренеями и Нарбоном; реки вытекают из Пиренеев.

[48] *ископаемые рыбы*... По словам Ливия, перед войною с Персеем римляне усмотрели чудесное знамение в том, что в Галлии на полях плугами пахарей извлекалась рыба из земли (*Liv*. XLII 2). Об ископаемых пескарях, которых он сам находил, упоминает Аристотель (Hist, animal. II 15).

[49] *Лигер*, теперь Луара, река Лугдунской Галлии. *Пиктоны*, иначе Пиктавы, на северо-западном берегу Аквитании, до Лигера. *Намниты*, иначе Намнеты, на западном берегу Лугдунской Галлии, до Лигера на юге.

[50] *Корбилон*, город Лугдунской Галлии, должно быть в верхнем течении Лигера.

[51] *какое-то... животное*... Лось (cervus alces), к признакам которого относится мясцо под подбородком меньших размеров, чем показано у нашего автора.

[52] *таврисков и норшков*... Два названия кельтского народа, населявшего область, с севера, граничившую Дунаем, с юга венецианской равниной, с запада Ретией и Винделицией, с востока Паннонией, теперь Зальцбург, Штейермарк и Кернтен.

[53] *Аквилеи*... Город верхней Италии, на берегу Триестского залива, сильная римская колония, соединенная с Римом via Aemilia, назначалась для удержания в повиновении кельтов и македонян, теперь деревня на австрийском побережье, называемая также Aglar и Voglej.

[54] *Тайгет*, теперь Pentedaktylon, горный хребет Пелопоннеса, наполняет западную половину Лаконики, оканчивается Тенаром. Высочайшая вершина Тайгета высотой 2409 метра — *Ликей*, теперь Dhiaforti, гора Аркадии к северо-западу от Мегалополя, близ границы Элиды. *Парнас*, теперь Лиакура — священная гора Фокиды у границы Локриды, с дельфийским святилищем и Кастальским источником, наивысшая вершина 2459 м. *Олимп*, теперь Elympos — священная гора Эллады, на северной границе Фессалии с Македонией. Темпейской долиной Пенея отделен от Фессалийской горы Оссы. Высшая вершина 2974 м. *Пелий*, теперь Plessidi, город Магнезии, к юго-востоку от озера Бойбеиды, высшая вершина 1618 м. *Осса*, теперь Kissavo, в северной части Магнезии, высшая вершина 1995 м., на юге соединяется с Пелием.

«Оссу на древний Олимп взгромоздить, Пелион многолесный
Взбросить на Оссу они покушались, чтоб приступом небо
Взять, и угрозу б они (гиганты) совершили, когда бы достигли
Мужеской силы» Од. XI 315.

[55] *Родопу*, теперь Despoto-Planina, горный хребет между Нестом и Гебром, высшая вершина около 2300 м. *Дунак*, к северо-востоку от Родопы, возвышается над землей денфелетов, что в Пеонии.

[56] *один... моря*... Перевалы через так называемые Морские Альпы; другой перевал — Бернар или М.-Сени; третий — через Грайские или Пеннинские Альпы, а салассы жили в Галлии Цизальпинской, на склонах Альп Грайских и Пеннинских в заливоподобном углу, образуемом этими Альпами (*Strabon*. V 1. p. 211); четвертый — через Тирольские и Каринтийские.

[57] *Бенак*, теперь Lago di Garda, самое большое озеро Италии; вытекающая из него река Минчо, приток Пада.

[58] *Ларий*, теперь Lago di Coto, — озеро к западу от Бенака; вытекающая из него Аддуя, приток Пада, теперь Adda.

[59] *Вербон*, теперь Lago di Maggiore, озеро находится к западу от Лария, через него протекает приток Пада Ticino, Tessin; поверхность озера 214 кв. км.

[60] *анадендритом*... Известие автора находится у Афинея в длинном перечне различных сортов виноградной лозы и вин. Древесный виноград arbustiva vitis, для которого подпорками служат деревья (вяз, клен, ясень), а не треляж. *Arbusta* — поля, засаженные деревьями, которые поддерживали виноград. *Plin*. XVII 11. *Columell*. De arborib. 16.

[61] *от Япигии*... т. е. от мыса Япигии, или Калабрии, prom. Sallentinum, Japygium. Большая разница расстояний по суше и по морю происходит оттого, что южный берег Италии изрезан заливами, в числе коих и Тарентский залив.

[62] *от Лупы до Остий*... Северный и южный предельные пункты Этрурии. Лупа — теперь развалины Lugi подле Sarzana. Остии, город Лациума, в 24 км от Рима, гавань Рима, у истока левого рукава Тибра, теперь бедная деревня того же имени с развалинами древнего города.

[63] *Эфалией*... Эфалия — название острова в Тирренском море, между северной частью Корсики и Тирренией (Тосканой); кроме Лемна назывался этим именем Хиос.

[64] *Мисеном*... Мисен, теперь Ponta di Miseno, находится к югу от Кум. Название другого мыса Афинский — перевод латинского prom Minervae. Сам залив между этими мысами назывался Кумским (s. Cumanus) и Путеоланским.

[65] *Кампания*, теперь провинции Неаполь, Казерта, часть Салерно и Авеллино, к югу от Лациума, береговая полоса до Лукании на юге, до Самния на востоке. *Strabon* V 4. p. 242–245.

[66] *Антиоха*... Антиох, сын Ксенофана, из Сиракуз, начало V в. до Р. Х., автор сочинений о Сицилии, об Италии.

[67] *опики*... *авсоны* — греческое название осков, народа самнитского, который занимал Кампанию; название осков перешло потом на всех самнитов.

[68] *на мили*... 1 миля — 8 стадий, так что расстояние от мыса Япигия до Сены определяется в 4496 стадий, а от Сены до Аквилеи в 1424.

[69] *Сены*... Приморский город Умбрии, теперь Senigaglia.

[70] *Лакиний*, теперь C. delle Cotonne, или C. di Nau, мыс Бруттия между Япигием на юге и Кротоном, на севере со святилищем Геры.

[71] *на Гиере*... Добавлено против оригинала из описания Страбона (VI 2 10, p. 276), теперь Volcano, один из Липарских островов, между Липарой и Сицилией; полное имя его: Посвященный Гефесту, другое — Фермесса. Там же у Страбона и о прочих Липарских, или Эоловых островах.

[72] *Игнатиева дорога*, по имени городка Gnathia в Апулии, до которого доходила от Рима via Appia; продолжением этой дороги по ту сторону Адриатики, начиная от Аполлонии и кончая Византием, шла Игнатиева дорога. *Strabon*. VII 7 4–8. p. 322, 327.

[73] *Кипсел*, теперь Ipsalla, город Фракии, на восточном берегу реки Гебра, теперь Maritza.

[74] *Кандавии*, горный хребет Иллирии на западной стороне Лихнидского озера. На восточном берегу этого озера город Лихнид, теперь Achrida в Иллирии. *Пилон* — тоже местность в Иллирии, прилегающая к Македонии.

[75] *Барнунта*, гора Македонии, теперь Nitje, вблизи западной границы.

[76] *линкестов и эордов*... Народы Македонии, по именам коих назывались и области у озера Бегоррита, теперь Острово: Эордия, а к северо-западу от нее Линкестида.

[77] *от Перинфа*... Город восточной Фракии, иначе Гераклея, на мысе, выступающем в Пропонтиду.

[78] *до Кианей*... Кианеи, теперь Urek-Iadi, U.-Tacki, два острова или две скалы у выхода из Фракийского Боспора в Понт, иначе называются Симплегадами, Планктами. *Strabon*. I 2. III 2, p. 21. 149.

[79] *Артемидора*... Артемидор, путешественник и географ из Эфеса, II–I вв. до Р. Х., последователь Полибия. В 11 книгах его сочинения, описаны путешествия его по морям Средиземному, Черному, Красному. Критиковал Пифея, Эратосфена.

[80] *Полибий... презрением*... Известие автора вставлено Страбоном в рассказ о положении в Александрии, когда Египет принадлежал Риму (*Strabon*. XVII 1. p. 797). Говорит с презрением, гнушается Полибий был в Египте, как сказано ниже, при Птолемее Фисконе, т. е. после 608 г. от основания Рима или 146 г. до Р. Х.

[81] *Длинным... Египет*... Менелай ужаснулся при мысли, что согласно прорицанию Протея он вынужден будет возвратиться в Египет для совершения гекатомбы. Одиссея. IV 475 сл.

[82] *в тысячу... миль*... Плиний (IV 121) уличает Полибия в ошибке, определяя тут же ту линию, какую измерял Полибий: от оконечности Италии до пролива Кале.

[83] *Лугдун*, теперь Лион, расположен при слиянии Родана с Араром.

[84] *моринов*... Морины — народ белгов в Галлии, в том месте, где Галлия подходит наближе к Британии, образуя с ней Галльский пролив, теперь Па-де-Кале.

[85] *От Гадитанского пролива*... То есть от Геракловых Столбов, теперь Гибралтар.

[86] *до Хелидоний*... Теперь Schelidan-Adassi, группа из пяти скалистых островков у юго-западной оконечности Ликии, у мыса Гиера.

[87] *лежат Гадейры*... Главный город острова называется у Плиния Angusta Julia Gaditana, теперь Cadix.

[88] *саллентинов*... Саллентины, иначе мессапии, народ Калабрии, по имени его мыс Япигии, назывался также мысом Саллентинов.

[89] *Боспорами*... Фракийский, теперь Константинопольский пролив, в самом узком месте не большее 900 м. Киммерийский, теперь Керченский, или Эникальский пролив.

[90] *Агриппа* (63–52 гг. до Р. Х.), друг и соратник Октавиана Августа, производил общее межевание владений Рима.

[91] *Атланта*... Вставлено в перевод на основании контекста: в оригинале a monte eo. Атлант, теперь Uderin, — гора в северо-западной части Мавретании.

[92] *Мавретании*... Мавретания, теперь Фец, Марокко и Алжир, крайняя страна северного побережья Ливии на западе.

[93] *Керна*... Топография не известна; Страбон совсем отрицал существование ее (I 47).

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРИДЦАТЬ ПЯТОЙ КНИГЕ

Во избежание эпизодичности и перерывов в историческом рассказе автор наш отвел отдельную книгу в своей истории для географических измерений, собственных догадок и споров с предшествен-

никами (III 57), именно XXIV, отрывки которой сохранились главным образом в трудах Страбона и Афинея. Весьма вероятно, что согласно первоначальной задаче автора географическая книга была во всем сочинении заключительной, тем самым ничуть не нарушая последовательности истории обращения Рима в мировую державу за время 53-х без малого лет, от 220 до 168 г. до Р. Х. Хотя битва при Пидне рассказана в XXIX книге, а книга XXX посвящена завершительным актам Персеевой войны вообще, тем не менее, и три последующие книги, от XXXI до XXXIII заняты событиями различных стран Востока, находящимися в связи с превратностями этой самой войны. «Битва при Пидне, — говорит Моммзен, — была последняя битва, в которой цивилизованное государство выступило на состязание с Римом в качестве равноправной великой державы; все позднейшие ратоборства были или мятежи, или войны против народов, стоящих вне круга римско-греческой цивилизации, против так называемых варваров (*Моммзен.* Римская история. I. С. 738.). Первый том истории Моммзена кончается на том же моменте, которым у Полибия заканчивается история борьбы Рима за мировое владычество. Что не битвой при Пидне в точном смысле слова должен был заключить древний автор свою историю согласно первоначальному плану, видно из собственных соображений историка: «ни один здравомыслящий человек не ведет войны с соседями только ради того, чтобы одолеть в борьбе своих противников, никто не выходит в море только для того, чтобы переплыть его, никто не усваивает себе наук и искусств только из любви к знанию. Напротив, все и всеми делается ради удовольствия, почета или выгод, доставляемых теми или иными действиями. Так и конечная цель настоящей истории будет состоять в ознакомлении с тем состоянием отдельных государств, которые наступили по окончании борьбы и после покорения мира под власть римлян до возобновившихся потом смут и волнений. Описывать это последнее состояние, как бы начало особой истории, побуждают меня важность и необычайность совершившихся тогда перемен, тем более, что я не только был очевидцем большинства событий, но и участвовал в них и даже направлял их» (*Polib.* III 4).

Война с кельтиберами и ваккеями, длившаяся 20 лет до разрушения Нуманции Сципионом Эмилианом, ближайшим другом историка, и до окончательного покорения Иберии римскому владычеству (601–621 гг. от основания Рима- 153–133 гг. до Р. Х.), открывала собой новый период борьбы и завоеваний, оканчивающийся для нашего автора разрушением Карфагена и Коринфа. Эта война составляла предмет XXXV книги, обнимающей события 1-го и 2-го годов 157-й олимпиады (603–604 гг. или 151–150 гг. до Р. Х.), захватывающей вначале и события 602 г. Гораздо обстоятельнее, нежели уцелевшие отрывки нашей книги, знакомит нас с ходом войны, трудной, исполненной тяжелых неудач для римлян, Аппиан (Hispan. 44–55); есть некоторые известия у Диодора тоже со слов нашего автора (XXXI 39–42). Больше 25 лет, со времени Тиберия Семпрония Грак-

ха, народы Иберии на положении зависимых союзников Рима пребывали в мире. В 601 г. (153 г.) римские войска под начальством Нобилиора терпели поражения и большие потери людьми в ближней Иберии, в битвах с беллами, титтами, араваками. В 602 г. Нобилиора сменил консул Марк Клавдий Марцелл, действовавший гораздо счастливее и успевший покончить с войной до прибытия в Иберию нового консула, Лициния Лукулла (603 г.). Сей последний, ревнуя о лаврах и, особенно, о деньгах, пошел войной без разрешения сената на мирных, ни в чем неповинных ваккеев, предательски занял и разграбил их город Кавку, беспощадно истребил 20 000 человек: напрасное разорение страны и бедствия жителей были последствием бесславной войны.

[1] *По заключении... Рим...* Это известие соответствует концу 48-й и началу следующей главы Аппиана о том, как по предложению Марцелла беллы, титты, араваки отправили свои посольства в Рим, как велики были разногласия в среде самих этих народов в деле обращения к римлянам.

[2] *Неркобрику...* Кажется то же, что Nertobriga, пограничный с Луситанией город Бетики, теперь Valera la vieia.

[3] *в Кордубе...* Теперь Cordova, город Бетики на реке Бетисе, старейшая из римских колоний в Иберии.

[4] *от беллов и титтов...* Племена кельтиберов у истоков Тага и Ана; араваки, или аруаки жили к северо-западу от них, воинственнейшее из кельтиберийских племен.

[5] *союзников...* Разумеются уполномоченные от иберийских племен, дружелюбно настроенных к римлянам беллов и титтов. Внутренние раздоры в среде кельтиберов помешали замирению страны: в большей еще мере то же самое происходило в Элладе.

[6] *при Тиберии..* Тиберий Семпроний Гракх — претор в Иберии 575 и 576 гг. от основания Рима (179 и 178 гг. до Р. Х.), консул 577 г. от основания Рима (177 г. до Р. Х.). «Регулируя мудрыми и справедливыми договорами отношения отдельных племен к римлянам, он пресекал елико возможно источники будущих возмущений. Имя его осталось благословенно в памяти у испанцев» (*Моммзен.* Р. И. I, 648) Ср.: *Polib.* XXV 1; *Appian.* Hisp. 43. От Аппиана же мы узнаем, что еще до отправки послов в Рим жители просили Марцелла вернуть их к Тибериеву договору.

[7] *послы..* По словам Аппиана, Марцелл письмом склонял сенаторов к принятию мирных условий: год службы приходил к концу, и консул готов был довольствоваться достигнутыми успехами. *Appian.* Hispan. 49.

[8] Авл Постумий Альбин и Луций Лициний Лукулл.

[9] *Квинт,* действовал весьма неудачно. *Appian.* Hispan. 45–47; *Моммзен.* Р. И. II. 4.

[10] *страх... незанятыми..* Для того, чтобы выступить кандидатом на должность, необходимо было явиться лично перед комициями и заявить о своем желании.

[11] *македоняне... распрей...* Раньше Сципион, приемный внук победителя при Заме, впоследствии разрушитель Карфагена, долго жил в Македонии, пока находился там отец его, победитель при Пидне, Луций Эмилий Павел Македонский. Аппиан сообщает, что Сципион отправился в Иберию в звании легата при консуле Луции Лицинии Лукулле.

[12] *И страстно... с ним.* Дело, рассказанное Аппианом (Hispan. 53), происходило под Интеркатией, городом ваккеев, когда на неоднократный вызов какого-то варвара никто из римлян не отваживался на единоборство. Из единоборства Сципион, тогда военный трибун, вышел победителем.

[13] Сципион вступился за ахейцев по возвращении из Иберии, где он служил сначала легатом, потом военным трибуном при консуле Лукулле в 603 г. от основания Рима (151 г. до Р. Х.). По словам Павсания, освобождением воспользовались никак не больше, если не меньше, 300 ахейцев из тысячи с лишним первоначально отосланных в Италию за 17 лет до того (*Polib.* XXX 13): все прочие или перемерли, или были казнены за покушение к побегу еще на пути в Рим или из мест поселения. *Pausan.* VII 10, p. 549.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ КНИГЕ

Первый год третьей карфагенской войны составлял предмет XXXVI книги, год консульства Луция Марция Цензорина и Мания Манилия (ол. 157, 3 или 605 г. от основания Рима или 149 г. до Р. Х.). Немногие отрывки этой книги пополняются из Диодора (XXXII 5–9), Ливия (Epit. XLIX) и больше всего из Аппиана (Punic. 74–104). В такой последовательности установлены события в изводе римского историка: «шли пререкания между Марком Порцием Катоном и Сципионом Назикою, из коих первый почитался мудрейшим, а второго сенат признавал доблестнейшим в государстве гражданином. Тогда как Катон советовал войну, уничтожение и разрушение Карфагена, Назика возражал против этого. В конце концов, решено было объявить войну карфагенянам за то, что в противность договору они содержат флот, что вывели войско за пределы своих владений, что пошли войною против союзника и друга римского народа Масанассы, что не допустили в город сына его Гуласса, который был вместе с римскими уполномоченными. Прежде чем какое-либо войско было посажено на корабли, в Рим явились уполномоченные от жителей Утики с предложением принять в свое распоряжение их самих и все их достояние. Посольство это, служившее как бы предзнаменованием, было приятно для сенаторов и огорчительно для карфагенян. В Рим прибыли тридцать уполномоченных, через которых карфагеняне отдавали себя в распоряжение римлян. Верх взяло предложение Катона — определению сената оставаться в силе и консулам возможно скорее отправляться на войну. Когда консулы переправились в Африку, потребовали и получили триста заложников, воору-

жение и все, какие только были в Карфагене, военные снаряды, когда они согласно определению сенаторов повелели перенести город на новое место, которое должно быть удалено от моря не менее, как на 10 000 шагов, то этим жестоким требованием они вынудили карфагенян принять войну. Осада Карфагена и военные действия против него были начаты консулами Луцием Марцием и Марком Манилием. Когда во время военных действий два трибуна со своими когортами неосторожно ворвались в город в пюм месте, где стена оставалась без охраны, и были беспощадно истребляемы осажденными, их спас от гибели Сципион Орфициан; он же с небольшим отрядом конницы выручил из беды римское укрепление, когда ночью напали на него карфагеняне; он же больше всех прочих стяжал себе славу спасителя лагеря, на который напали карфагеняне, выйдя из города одновременно со всем войском. Кроме того, когда один из консулов — другой отправился в Рим на комиции — после безуспешной осады Карфагена повел войско против Гасдрубала, который засел в непроходимой роще, Сципион сначала подал совет консулу не нападать на врага в столь неудобном месте; затем, уступая мнению большинства, которое с ревностью взирало на его рассудительность и храбрость, он и сам вошел в рощу. Когда согласно его предсказанию римское войско было разбито и обращено в бегство, а две когорты оцеплены неприятелем, он с несколькими эскадронами возвратился в рощу, освободил когорты и вывел их на прежнее место невредимыми. Такую доблесть Сципиона даже Катон, щедрый скорее на осуждение, отметил в сенате, сказав, что все ведущие войну в Африке мелькают как тени, бодр духом один Сципион; римский народ воспылал к нему такою любовью, что в комициях очень многие трибы записывали его в консулы, хотя по молодости он и не мог быть консулом.

[1] *давно... решение...* Больше 50 лет прошло со времени заключения мира с Карфагеном после битвы при Заме (553 г. от основания Рима — 201 г. до Р. Х.) до начала последней Пунической войны (605 г. от основания Рима — 149 г. до Р. Х.). В 48-й книге Ливия излагались поледовательно события карфагенской истории, ближайшим образом посеявшие «семена» этой войны, как видно из уцелевшего извода книги; новые историки восстановляют этот предварительный период по Аппиану (Punic. 67–73). *Моммзен.* Р. И. II. С. 18.

[2] *удобного... предлог...* Таким предлогом была война карфагенян с Масанассою, ибо согласно договору с Римом они не имели права вести наступательную войну с Масанассою, как римским союзником. Карфагеняне сами сознавали нарушение обязательства и старались всячески загладить вину. *Appian.* Punic. 74 нач. В двух книгах, 48-й и 49-й, Ливий долго останавливался на борьбе Сципиона Назики с Марком Порцием Катоном, из коих первый восставал против войны с Карфагеном и против уничтожения этого города.

[3] *после ответа римлян...* Потерпев поражение в начатой войне с Масанассою и чувствуя, что засим последует вмешательство Рима

тоже не в их пользу, карфагеняне осудили на казнь главных виновников этой войны, о чем через посольство и уведомили римский сенат. Заранее решив войну, сенат объявил посольству, что не удовлетворен оправданиями карфагенян. На вопрос вторичного посольства, какое удовлетворение сенат признал бы достаточным, дан еще менее ясный ответ, что сами карфагеняне отлично знают то, о чем страшивают. Пока в Карфагене придумывали достаточную для Рима меру уступок или жертв, Утика, «важнейший после Карфагена город Ливии», отрекся от самостоятельного существования, передавшись целиком римскому народу. *Appian.* Punic. 74–75.

[4] *Утики*, приморский город между Карфагеном на юге и мысом Аполлона на севере, ближе к сему последнему, теперь развалины к западу от реки Меджерда, древний Баград, «находился в 60 стадиях от Карфагена, имел удобные гавани, просторные места для высаживающихся войск и прекрасно расположен на случай оборонительной войны» (Аппиан). Утика усилилась и разбогатела особенно после разрушения Карфагена.

[5] *послов... отечества...* По Аппиану, карфагеняне отправили послов с неограниченными полномочиями после того уже, как через вестника получили определение сената о войне и узнали о выступлении римского флота против Карфагена. В той же последовательности у Диодора (XXXII 6).

[6] *заявление... консулов...* Сыновья сенаторов и старейшин разумеются здесь под названием именитейших граждан. Потом сенат обещает при соблюдении поставленных им условий сохранить свободу как за Карфагеном, так и за всей принадлежащей ему страной. Диодор, напротив, подчеркивает, что, обещая милости карфагенянам, сенат при этом «совсем не назвал города Карфагена, скрывая решение о гибели Карфагена».

[7] *Магон* Бруттиец, может быть, отличился в Ганнибаловой войне в Бруттии, откуда и прозвание его.

[8] *среди... настроение...* Более распространенное описание отбытия заложников находится у Аппиана: «оплакивали родители и домочадцы, больше всего матери. Сии последние с неистовыми воплями метались к детям, к кораблям, которые должны были увезти их, к начальникам, с которыми дети их должны были отъехать; они хватались за якоря, разрывали корабельные канаты, цеплялись за матросов и не давали кораблям отчалить. Были матери, которые пускались вплавь вслед за кораблями на большое расстояние и глазами, полными слез провожали детей. Другие оставались на берегу и с распущенными волосами били себя в грудь, как бы горюя по умершим. Казалось, под благовидным именем выдачи заложников карфагеняне на самом деле отдавали врагу свое государство, ибо детей этих они отсылали без всяких условий». Punic. 77.

[9] *доки шестнадцатипалубника...* Речь идет, должно быть, о месте хранения того корабля Персея, на котором победитель римского царя подошел к городу по Тибру. Царский корабль благодаря непо-

мерной величине был почти не пригоден для военных эволюций. *Liv.* XLV 35 3, XLII 12, XXXIII 30 5; *Polib.* XVIII 44.

[10] *неизвестность ближайшего будущего...* Дело в том, что консулы, принимая заложников в Лилибее, тут же объявляли карфагенским послам, что все прочее относительно завершения войны они скажут в Утике (*Appian.* Punic. 77); следовательно, выдача 300 заложников не была для римлян достаточным удовлетворением, Аппиан сообщает, что сухопутное войско римлян расположилось лагерем на том самом месте, где когда-то стоял Сципион Старший, а корабли разместились в гавани Утики.

[11] *Старший...* Старший из консулов М. Манилий Непот, как явствует из Диодора. XXXII 6.

[12] *метательные снаряды...* Диодор говорит о катапультах, Аппиан о метательных снарядах. У сего последнего подробное описание торжественной обстановки, при которой консулы приняли в своей стоянке карфагенских послов, выслушали изъявление полной покорности и властно предъявили новое требование. Punic. 78–80. Диодор и Аппиан отмечают трудность исполнения римского требования для карфагенян по причине войны с Гасдрубалом.

[13] *силы...* Корнелий Сципион Назика и Гней Корнелий Испанский явились вместе с послами за получением оружия: 200 000 полных вооружений, бесчисленное множество метательных снарядов и дротиков, до 2000 катапульт для метания стрел и камней. Когда снова явились в лагерь послы в сопровождении старейшин и множества знатных граждан Карфагена, консул объявил последнее требование сената, чтобы карфагеняне покинули Карфаген и поселились где-нибудь в другом месте в расстоянии 80 стадий (14 верст) от моря, «ибо нами принято решение срыть Карфаген». Отчаянию присутствующих карфагенян не было границ. *Diod.* XXXII 6 3; *Appian.* Punic. 81.

[14] Между нашими главами 6 и 7 недостает известий о переговорах в римском стане между консулами, с одной стороны, карфагенскими послами и другими знатными карфагенянами, здесь находившимися, с другой. Когда затихли вопли и рыдания, карфагеняне стали говорить о ненужности столь беспримерной по жестокости меры против города и населения, которых делает уже безопасным полная безоружность. Затем знатнейший из присутствующих карфагенян Баннон (у Диодора — Бланнон) произнес пространную речь, рассчитанную на то, чтобы тронуть римлян всеми ужасами положения карфагенян. Отвечал ему консул Цензорин, причем старался утешить карфагенян в утрате города и даже убедить их в преимуществах предстоявшего им сухопутного жительства. В речи консула содержится и разъяснение настоящего смысла прежних обещаний сената. «Мы предоставляем вам выбрать местожительство по вашему усмотрению, равно как после переселения жить по своим законам. Это самое мы и раньше обещали — сохранить за Карфагеном самоуправление, если он покорится, ибо под Карфагеном мы разумеем вас, а не землю». Засим послам велено было возвращаться в Карфаген с известием о случившемся, и ликторы вытолкали их

из собрания. Между тем томимые неизвестностью, карфагеняне взобрались на городскую стену в ожидании послов или выходили из города навстречу им. На все расспросы ничего не отвечая, послы направились в сенат, но еще по дороге они били себя в голову, простирали руки к небу, взывали к богам; по этим-то движениям и догадывались карфагеняне, что пришел им конец. *Diod.* XXXII 6.

[15] *по выразительным движениям...* Речь не только о выражении лиц послов, но еще более движения их и призывы богов.

[16] *они... оцепенели...* Члены сената и народ, стоявший вокруг сената, пока уполномоченные отдавали отчет.

[17] *одни... воротам...* У Аппиана перечислены обстоятельнее различные группы исступленных карфагенян: одни били и терзали тех сенаторов, которые посоветовали выдать заложников; другие обращали свою ярость на тех из них, кто советовал выдать вооружение; третьи метали камни в послов за то, что возвестили о таком несчастии; иные подвергали всевозможным насилиям италийцев, которые застигнуты были этими вестями врасплох и еще не успели покинуть город и т. п. *Appian.* Punic. 92.

[18] *к городским воротам*, для того, чтобы запереть их.

[19] Сенат карфагенский постановил воевать и даровал свободу всем рабам; с энергией отчаяния карфагеняне готовились к войне, а консулы медлили с наступлением на город. Аппиан же дает топографию Карфагена. Ibid. 94–96. Консулы совсем обманулись в своих расчетах взять город без боя. Военачальники карфагенские Гасдрубал и Гамилькар внушали робость консулам. *Appian.* Punic. 97. Усилия консулов овладеть городом были безуспешны и только ярче рисовали мужество и стойкость осаждаемых. Отличились не консулы, а Сципион в должности военного трибуна; среди карфагенян отмечен Гимилкон, по прозванию Фамей, очевидно, то же лицо, что Гамилькар у нашего автора. *Appian.* Punic 97–104.

[20] *Гамилькар...* Начальник ливийской конницы, человек еще молодой и храбрый в бою; однако он всегда уклонялся от встречи со Сципионом. *Appian.* Punic. 97. 100.

[21] Когда римский сенат, недовольный ходом дел под Карфагеном, отправил несколько граждан в тамошнюю стоянку для расследования, то от всех слышались только похвалы Сципиону. Тем временем скончался Масанасса, завещавший сыновьям своим подчиниться Сципиону в распределении наследства между братьями.

[22] *Манипулы... самим...* Эпизод из описания безрассудного набега римлян на Неферис, когда римляне под командой Манилия перешли реку и чуть не все были истреблены. Четыре (или две по Ливию) когорты укрылись на холме и там были осаждены войсками Гасдрубала. На выручку им и явился Сципион.

[23] *пока... самим...* «Сципион убеждал, что руководствоваться требованием осторожности следует вначале, но когда столько граждан и знамен попадают в беду, необходимо действовать с безумной отвагой». Первая половина этого мнения и составляет передачу того, что гораздо выразительнее сказано в нашем месте у Полибия.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ КНИГЕ

Продолжение III карфагенской войны и начало III македонской войны против псевдо-Филиппа были главными предметами изложения в XXXVII книге; к ним присоединились одновременные события в Элладе, преимущественно в Ахае, а равно события в азиатских царствах: Вифинии и Сирии. Все это совершалось в 4 году 157-й олимпиады — 606 г. от основания Рима или 148 г. до Р. Х., как явствует из «содержания» L книги Ливия. Это же «содержание» дает нам общее понятие и о последовательности и связи событий за это время. Многие из относящихся к этому времени фактов рассказаны обстоятельно Аппианом, сохранились также у Диодора, Иосифа, Зонары: все со слов нашего автора. Уцелевшие отрывки могут быть связаны между собой главным образом при помощи Ливия. Любопытно предисловие к книге; это — показание очевидца о настроении различных общественных групп по поводу многозначительных исторических событий: решимости римлян стереть с лица земли Карфаген и усмирить навсегда Македонию, которую поднял против Рима некий Андриск. Самые события, по поводу коих высказывается автор, относятся к предыдущему году. С другой стороны, даже в кратком перечне событий и в самом порядке их изложения, как видно из «содержания» Ливия, обнаруживается тесная зависимость римского историка от эллинского образца.

Конец нашего отрывка предисловия и начало Ливиева «содержания» одинаково свидетельствуют об избавлении Фессалии от войск псевдо-Филлиппа силами ахейского союза. За эллинскими делами, из которых от Полибия дошли до нас малозначительные известия о нем самом или о близких к нему ахейцах, следовали известия о беспутстве вифинского царя Прусия, о войне с ним сына его Никомеда, поддержанного пергамским царем Атталом, и, наконец, об умерщвлении Прусия (6–7; *Diod.* XXXII 19–21; Epit; *Appian.* Mithrid. 4–7; *Zonar.* IX 28; *Liv.* Epit. L). Засим согласно Ливию шли у нашего автора сообщения о Сирии, каковые мы знаем через Диодора (XXXII 9 c. d. 10) и Иосифа (Archaeol. XIII 2–4); это — междоусобная война между Деметрием и Александром Балою, кончившаяся поражением и смертью Деметрия и воцарением в Сирии Александра, женатого на дочери Птолемея Филометора и запятнавшего себя развратом; сирийская история переплеталась в это время с историей иудейской и египетской; правителем Сирии был на самом деле доверенный царя Аммоний, по повелению коего умерщвлены были друзья царя, царица Лаодика и один из сыновей Деметрия Антигон. Ср.: *Maccab.* I 10–11. В нашей же книге содержались первоначально и те известия о третьей македонской войне и о вторичном и окончательном завоевании Македонии Кв. Цецилием Метеллом, которые сохранились у Зонары (IX 28). *Моммзен.* Р. И. II. С. 35; *Hertzberg.* Gesch. Griechenl. I. S. 248. Об этом периоде войны сохранилось под именем нашего автора только упоминание македонского поселения

Мусея. Из Пунической войны эта книга содержала, кроме известия о смерти Масанассы и характеристики царя, рассказ о целом ряде постыдных неудач римского войска по неспособности военачальника Манилия и о неожиданных успехах карфагенян, о том, как неоднократно честь римского оружия спасал Сципион, как он привлек на сторону римлян храбрейшего из карфагенских полководцев Фамея, как росло общее сочувствие к нему и уважение в римском войске, которое его одного почитало способным одолеть Карфаген и жаждало видеть поскорее консулом. Преемники Манилия Кальпурний Пизон и Луций Манцин не были счастливее. Карфагеняне, напротив, становились с каждым днем смелее и небезуспешно искали новых союзников, вошли в сношения даже с псевдо-Филиппом. *Liv.* Epit. L; *Appian.* Punic. 105–111.

[1] *римляне... войне...* Так что предисловие к XXXVII книге предвосхищало события, рассказанные только в XXXIX. Срытие Карфагена и упразднение Македонии как государства были новостью в римской политике: не победа над врагом и не союзническая зависимость побежденного, но завоевание, подданство и даже истребление побежденного знаменовала собой расправа сената с Карфагеном и Македонией. Наверное, говорили об этом повороте не в одной Элладе, но и в других землях, и в самом Риме.

[2] *они... народа...* Цели войны с Карфагеном сводились на словах к самообороне.

[3] *уничтожили до основания...* «На конференции в Амфиполе на Стримоне римская комиссия постановила раздел крепко сплоченного, цельного и насквозь монархического государства на четыре конфедерации, скроенные по образцу греческих, республиканско-федеративные общинные союза». *Моммзен.* Р. И. I. с. 730 рус. перев.

[4] *доблестным...* Что доблести римлян в этом суждении были приукрашены, достаточно напомнить хотя бы образ действий Сципиона Старшего относительно нумидийского царька Софака.

[5] *всякой... союзников...* Таково было поведение римлян, прежде чем объявить карфагенским послам решение сената о необходимости срыть Карфаген до основания. *Appian.* Punic.

[6] *мало-помалу... раскрывая...* За каждой уступкой со стороны карфагенян следовали от римлян новые требования. Выше автор говорит о замалчивании одних требований рядом с другими, открыто заявленными, а в нашем месте говорится о том, что римляне предъявляли все новые требования, по частям мало-помалу.

[7] *псевдо-Филипп*, некий Андриск, сын валяльщика, из мисийского города Адрамиттия; выдавал себя за Филиппа, сына Персея и Лаодикеи, сестры Деметрия Сотера; на самом деле Филипп, как и отец его, умер в Италии за 16 лет до того, как появились вести о самозванце, в 149 г. до Р. Х. (*Liv.* Epit. XLIX); шел в Македонию из Фракии с наемниками из фракийцев. У Ливия и Зонары сохранились в наиболее связном виде известия об этом возмущении Македонии. К 149 г. относятся и первые действия римлян против Андриска; самозванец

продержался в Македонии около года. Известия о жестокостях его управления у Диодора. *Diod.* XXXII 9; *Моммзен.* Р. И. II. С. 35.

[8] *после смерти Персея...* Царь умер в Альбе в 165 г. до Р. Х., Филипп через два года после него, в 163 г.

[9] *в Одомантике...* Одомантика — область Македонии, к западу от Стримона и к востоку от Неста, названа по имени фракийского народа одомантов.

[10] *фессалийцы... помощи...* Теперь только Публий Сципион Назика, отправленный сенатом в Элладу для ознакомления с делами на месте, оказал первое противодействие самозванцу: по его настоянию ахейские войска явились в Фессалию и вытеснили оттуда македонян. Вслед за сим, сенат послал в Македонию один легион под командою претора Публия Ювенция Фальны; но он не мог остановить роста численности македонян, и псевдо-Филипп уже вошел в сношения с карфагенянами.

[11] Как по настоянию Сципиона Назики ахейцы послали войско в Фессалию против Андриска, так в 148 г. до Р. Х. они поспешили исполнить письменную просьбу консула Манилия Непота и отправили в Лилибей Полибия, о чем он и рассказывает в нашей 3-й главе. Хотя и не по собственному почину, но ахейцы содействуют политике римского сената.

[12] *в Лилибей...* Лилибей — гавань на западном берегу Сицилии, где стоял римский флот с войском, назначенным для войны с Карфагеном. Как видно из дальнейшего, просьба о Полибии послана была ахейцам в месячном промежутке между прибытием консулов, М. Манилия и Л. Цензорина, в Лилибей на пути в Карафаген, и получением 300 заложников от карфагенян.

[13] *мы... дальше...* Только что упомянутый вызов в Лилибей был одним из многочисленных случаев обращения римских правительственных лиц и учреждений к услугам Полибия, особенно в делах, касающихся Эллады. Своим значением в Риме он пользовался для смягчения участи покоренных эллинов, и за то многие города Пелопоннеса почтили его память посвятительными статуями и надписями. *Pausan.* VII. 9. 30. 37. 44. 48.

[14] *изображения... распоряжений...* Возвращение ахейцев из Италии на родину только усиливало смуты в недрах союза. В 149 и 148 гг. до Р. Х. ахейцы втянуты были в войну с одним из членов союза, Спартой, причем Калликрат, Меналкид, Диэй, Дамократ играли первенствующую роль, и положение каждого из них было переменчиво. К какому эпизоду внутренних распрей относится наш отрывок, неизвестно; видно только, что изображения Ликорта были одно время, по распоряжению Калликрата, предателя союза, запрятаны в темное место. *Pausan.* VII 11 —12.

[15] *Врожденной... переворот...* Смуты в ахейском союзе должны были не раз оправдывать наблюдение автора.

[16] *помешать... Прусием...* За разврат и жестокосердие вифины ненавидели Прусия, и он в страхе, как бы народ не посадил на его место сына его Никомеда, не только отправил последнего в Рим на

жительство, но и замыслил насильственно извести его. Тогда вифины призвали Никомеда из Рима, и тот, умертвив отца, сел на царство под именем Филопатора (*Zonar.* IX 28). Известия о том, что Никомед заручился поддержкой пергамского царя Аттала II, что римляне отправляли трех легатов-калек для скорейшего примирения отца с сыном, находятся у Диодора, Ливия и в наиболее связном виде у Аппиана; Диодор и Аппиан сообщают, что Прусий был убит Никомедом в святилище Зевса. Все эти известия идут от Полибия.

[17] *без ног ... сердца...* Рассказ ведется в одних и тех же словах у Ливия, Диодора и нашего автора. У Аппиана описание легатов сокращено: «один из них когда-то получил удар в голову камнем и на нем остались отвратительные рубцы; другой страдал ревматизмом в ногах; третий почитался тупоумнейшим человеком» (Applan. Mithrid. 6).

[18] *Прусий... деле...* По обыкновению, характеристика следовала за известием о смерти Прусия.

[19] *Мусей,* местность в Македонии, упоминаемая только Стефаном Византийским со слов нашего автора, вероятнее всего из описания похода военных действий Андриска, когда из Македонии он проник в Фессалию.

[20] *государство... свободой...* Автор имеет в виду устроение Македонии после битвы при Пидне, когда царская власть была отменена, македоняне объявлены свободными, и им дано республиканское управление. *Моммзен.* Р. И. I. С. 730.

[21] Около двадцати дальнейших строк по изданию Гульча, или тринадцать строк в издании Гейзе сохранились в рукописи в жалком виде. Из обрывков видно, что автор говорил о неблагодарности македонян не к римлянам только, но и к своим законным царям: больше, чем сих последних, они любили самозванца Андриска; с большим усердием и служили ему.

[22] *Масанасса...* и проч. Царь нумидян умер в этом году (606 г. от основания Рима), и автор предлагает его характеристику, как немного выше поступил он относительно Прусия. Нашей главе соответствуют у Диодора (*Diod.* XXXII 16) у Аппиана (*Appian.* Punic. 106), у Ливия несколько строк «содержания» L книги: все греческие тексты очень близки между собой.

[23] *Над всеми... силой...* «Он был высок ростом и могуч до глубокой старости». (Аппиан). «Он отличался телесной мощью и с детства был привычен к умственным трудам». (Диодор).

[24] *Образчиком... сына...* Место это повторено и всеми прочими историками. Аппиан указывает еще на то, что часто у него рождались дети, часто и умирали, но никогда не было меньше десяти детей. Четырехлетний сын назван по имени у одного Полибия.

[25] *полевых... плодов...* То есть в домашнем состоянии, в противоположность диким.

[26] *каждому... плефров...* Если кв. префр равен 208 кв. с. 34 ф., то 10 000 плефр., доставшиеся каждому из сыновей, составляют около 2 090 000 кв. с. — около 871 десятины. У Диодора говорится,

что каждый участок был снабжен всеми орудиями, или приспособлениями.

[27] *Сципион... Кирту...* Исполнителем своей воли Масанасса выбрал Сципиона, который и поделил наследство между законными и незаконными детьми его. Кирта, главный город Нумидии, резиденция Масанассы и его преемников, на реке Амисаге, внутри материка, недалеко от границы Мавретании, теперь Constantino (*Strab.* XVII 3. p. 828. 832). Кирта отдана была Сципионом вместе с царскими дворцами старшему сыну Масанассы Гулуссе. *Appian.* Ibid. 106.

[28] *это <...>...* Известие обрывается: или он поступал так обыкновенно, или для того, чтобы не изнеживать себя»!

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ КНИГЕ

Из 3-й главы нашей книги мы знаем, что сия последняя обнимала «довершение бедствия эллинов» в том смысле, что в этой книге рассказывалось начало конца, начальные события так называемой ахейской войны, кончившейся для Эллады потерею политической независимости. Тот же период этой войны значится и в конце извода LI книги Ливия в словах *belli Achaici semina*, той книги, которую римский историк отвел для 607 г. от основания Рима или 147 г. до Р. Х. — ол. 158, 1: таково, следовательно, время событий, излагаемых нашим автором в XXXVIII книге. Первенствующим событием этого времени оставалась, однако, как и в предыдущем году, III карфагенская война. Хотя рассказ о ней у Ливия помещен был до конца в LI книге, на самом деле конец войны, разрушение Карфагена, имел место лишь в ближайшем году; и нашим автором конец его рассказан был в XXXIX книге. За скудостью отрывков Полибия главным источником наших сведений об этом периоде войны Рима с Карфагеном является Аппиан, со слов которого и излагается ход войны новыми историками (Punic. 112–126). Легионами под Карфагеном командовал Л. Кальпурний Пизон, флотом Л. Манцин, когда в Риме народ выбрал консулом и послал в Африку кончать войну Публия Корнелия Сципиона Младшего, к тому времени достигшего только эдильского возраста, около 37 лет. Полибий по этому случаю вспоминает определение лакедемонян в пелопоннесскую войну не подвергать бесчестию спартанцев, которые на Сфактерии сдались афинянам: «Пускай сегодня спят законы». Не менее 43 лет требовалось обычаем для кандидата в консулы. Пизон находился в Неаполе, к юго-востоку от Карфагена, Манцин с 500 вооруженных воинов и 3000 безоружного народа, мужчин и женщин, держался на крутом берегу северного предместья Карфагена, Мегар или Магалии, жестоко теснимый карфагенянами. Выручив Манцина из беды и отправив его тотчас в Рим, так как на его место явился в Африку Серрон, Сципион призвал легионы обратно под Карфаген, очистил лагерь от лишнего сброда, в краткой энергической речи напомнил войску правила дисциплины и засим быстро овладел северным предместь-

ем Карфагена. Главнокомандующим на стороне карфагенян был Гасдрубал, а начальником конницы — Вифия. Сципион, расположившись укрепленным лагерем к западу от города во всю ширину перешейка, «от моря до моря», отрезал Карфаген от материка, чем сильно затруднил снабжение города съестными припасами. К этому времени относится неудачная попытка Гасдрубала войти в мирные переговоры со Сципионом при посредстве одного из сыновей Масанассы, рассказанные в первых двух главах нашей книги (ср.: *Diod.* XXXII 24). Далее историк рассказывает, как усилия Сципиона запереть для карфагенских кораблей вход в наружную, или торговую, гавань с помощью колоссального земляного и каменного сооружений, направленных с юга в залив, потерпели неудачу, потому что карфагеняне открыли для своих кораблей другой выход в залив, посредством канала, проложенного из гавани на востоке с невероятными усилиями, как после нерешительной морской битвы Сципион, невзирая на новые чудесные проявления отваги и патриотизма со стороны карфагенян, овладел наконец южной частью, вне городской стены лежавшею, и тем запер вход в Кофон, другую гавань, находившуюся в городской ограде. Однако запереть город окончательно с моря и с суши и отрезать доступ к нему продовольствия удалось Сципиону только в начале зимы, когда вместе с Гаем Лелием он взял приступом крепость Неферис, лежавшую на противоположном от города конце рукава: два раза предшественник Сципиона напрасно пытался овладеть этим пунктом. Для карфагенян потеря Нефериса сопровождалась гибелью почти 85 000 человек, из коих 70 000 были перебиты неприятелем; это же войско снабжало до сих пор город продовольствием; наконец, пока держался Неферис, ливийские народы могли еще рассчитывать на спасение Карфагена. Вот почему древний историк выражается, что «падение Карфагена было больше всего подготовлено покорением Нефериса».

Прежде чем обратиться к ахейской войне, автор наш высказывает некоторые соображения о печальной судьбе эллинов и об испытаниях, вынесенных ими в прежнее время (3–6; *Diod.* XXXII 26). Судьба всей Эллады определялась в наше время образом действий и положением ахейского союза. В этом последнем продолжаются смуты, главный повод к которым подают распри между лакедемонскими и союзническими властями из-за границ спартанских владений и из-за толкования обоюдных прав и обязанностей Спарты, как члена союза, и союзного целого ахейцев. Возвращение трехсот ахейцев на родину после семнадцати лет пребывания в Италии усилило раздоры в союзе, увеличило число недовольных; тем чаще бывало теперь вмешательство римского сената в дела, и тем больше вмешательство это запутывало союзные отношения. Важнейшим источником наших сведений об этой эпохе, кроме отрывков Полибия (7–1), служит Павсаний (VII 14). Союзным стратегом ахейцев с 148 по 147 г. до Р. Х. был выбранный вторично Диэй, ожесточеннейший противник Рима и Спарты. При нем у ахейцев возгорелась война со Спартой, во время которой прибыло из Рима посольство с Лу-

цием Аврелием Орестом во главе для расследования дела на месте. В Коринф вызваны были римскими уполномоченными власти ахейских городов и союзный военачальник Диэй, и объявлена им воля сената, чтобы Спарта, Коринф, а равно Аргос, Гераклея и Орхомен аркадян были выделены из ахейского союза, как города неродственные по крови с ахейцами и примкнувшие к союзу в последующее время. Ахейские власти даже не возражали и не слушали до конца: стремительно покинули собрание, созвали ахейцев и объявили требование римлян. Народ хватал лакедемонян, какие были в это время в Коринфе, бросал их в тюрьму, а в Рим отправил посольство для оправдания своих действий. В пути ахейские послы с Теаридом во главе встретились с новыми римскими уполномоченными, отправленными сенатом по тому же делу, уже по выслушании Аврелия о происшествиях в Коринфе, и возвратились домой. С мая 147 г. до Р. Х. союзным стратегом был Критолай; он-то больше всего и возбуждал народ к войне с Римом. Ближайшие события изложены подробнее в наших отрывках, нежели у Павсания. Ср.: *Herzberg*. Gesch. Griechenl. I. S. 252.

[1] *Гасдрубал*, глава патриотической, антиримской партии в Карфагене, враг Масанассы. Ради отвращения войны с Римом, карфагеняне осудили его на смерть за войну с нумидийским царем. Гасдрубал спасся от казни бегством, быстро собрав около себя армиюв 20 000 воинов, и завладел землями Карфагена. Когда война была объявлена (605 г. от основания Рима или 149 г. до Р. Х.), Гасдрубал командовал всеми загородными войсками, и когда римский флот под начальством Луция Цензорина расположился у Тунетского рукава, а корабельные воины работали на узкой косе, разделяющей рукав и открытый залив, Гасдрубал с войском находился на другом берегу рукава, у крепости Нефериса и тревожил римских солдат. В 607 г. от основания Рима (147 г. до Р. Х.) Гасдрубал получил командование городскими войсками, после чего армия в Неферисе перешла под начальство Диогена. Рассказанный ниже эпизод относится к тому времени, когда Гасдрубал с войском был заперт с суши лагерем Сципиона, растянувшимся от города на перешейке в 3 [1]/2 версты ширины (25 стадий).

[2] *Голосса*, средний из сыновей Масанассы, вершитель войны и мира, предводитель нумидийской конницы, еще в 149 г. соединился с римлянами. *Appian*. Punic. 106–107.

[3] *пока... Утикой...* Из Лилибея в Сицилии римское войско переправилось в Утику и оттуда вело переговоры с карфагенскими властями до окончательного разрыва и до открытия военных действий. *Appian*. Punic. 89 сл.

[4] *предательства*.. Приберегая к концу последнее требование — разрушить Карфаген, римляне и заложников получили от карфагенян, и отобрали у них вооружение. Моммзен впрочем выражается так: «сенат поступал с ужасающею жестокостью, но маски мнимой уступчивости не надевал». *Моммзен*. Р. И. II. С. 22 (русск. перев.).

[5] *столь... пленными...* Гасдрубал был уже начальником городских войск, когда римляне со Сципионом во главе овладели северным предместьем Карфагена, Магалией. Ярость свою по этому поводу Гасдрубал выразил тем, что велел всех римских пленных вывести на городскую стену, где на виду у неприятеля одним вырывали глаза, другим язык, третьим тянули жилы или отрезали половые органы; иным подсекали подошвы, отрубали пальцы или со всего тела сдирали кожу, потом всех живыми еще сбрасывали вниз. *Appian.* Punic. 118.

[6] *слуг...* Здесь разумеются не рабы вообще, но домашняя прислуга..

[7] *властвовал... благоденствующем...* Аппиан подробно останавливается на жестокостях управления Гасдрубала, на терроре, с помощью коего он старался держать в повиновении народ карфагенский и сенат. *Appian.* Punic. 118.

[8] *однако... времени...* «Никогда еще на памяти истории не постигали Элладу столь тяжкие несчастия». *Diod.*

[9] *если... Элладу...* «Хотя карфагенян постигло в то же самое время ужасное бедствие, однако несчастие, обрушившееся на эллинов, было не только не меньше того, но, сказать правду, больше». *Diod.*

[10] *карфагеняне... ошибки...* Стараясь точно передать мысль подлинника, мы вынуждены отступать от буквы его, ввиду того особенно, что в рукописи весь этот фрагмент сохранился неудовлетворительно. Восстановленный главным образом Гейзе, он был исправляем потом Гелем, Шпенгелем, Кобетом, Гульчем.

[11] *карфагеняне... внукам...* «Карфагеняне совершенно исчезли и через то утратили горечь своего несчастья, а эллины, своими глазами видевшие, как убивали и рубили их родственников и друзей, как родные города их завоевывались и расхищались, народ поголовно обращаем был в тяжкое рабство, потеряли свободу и все вольности и взамен высших благ получили величайшие бедствия». *Diod.*

[12] *пренебрегли... эллинов...* Подразумевается, прежде всего, отказ афинян войти в соглашение с Мардонием и отделиться от прочих эллинов (*Herod.* VIII 136. 140); последствием этого было вторичное занятие Афин персами (IX 6). Противоположного образа действий придерживались лакедемоняне (VIII 40).

[13] *мантинейцы... деревням...* Мантинея образовалась путем собирания пяти деревенских общин в один город; по числу составных частей города население делилось на 5 фил. По этим-то, первоначально самостоятельным общинам, и обязаны были расселиться мантинейцы в 385 г. до Р. Х. *Gilbert.* Gr. Staatsalterth. II. 125.

[14] *фиванцев... города.* Фивы разрушены были Александром в наказание за попытку свергнуть с себя власть македонских царей, и все уцелевшее после войны население было продано в рабство. *Grote.* Hist. de la Grece. XVIII 47. (trad. franc.).

[15] *при содействии... городе...* Фивы были восстановлены Кассандром в 316 г. до Р. Х. (*Diod.* XIX 54; *Pausan.* IX 7; *Grote.* ibid. XVIII. 50. XIX 113).

[16] *прутьев и секиры*... Так называемые fasces, символ исполнительной власти должностных лиц: консулов, диктаторов, преторов и др.

[17] *дабы... ошибок*... «Быть может, изложение мое, чуждое басен, покажется менее приятным для чтения, зато полезным признает его всякий, кто захочет поразмыслить о достоверном прошлом, по свойству человеческой природы способном повториться снова в том же самом или подобном виде». *Thuk.* I 22.

[18] *посольство... во главе*... Посольство возглавил тот самый Аврелий, который вместе с Гнеем Октавием и Спурием Лукрецием был отправляем в Сирию еще в 590 г. от основания Рима или 164 г. до Р. Х. См. выше: XXXI 12. Римские легаты созвали в Коринф власти отдельных ахейских общин и именем сената потребовали, чтобы Спарта, Коринф, Аргос, Гераклея близ Эты и аркадский Орхомен были выделены из союза. Когда коринфский народ узнал от ахейских властей требования сената, он напал на лакедемонян, находившихся в то время в Коринфе, и подверг их разного рода насилиям. Однако у Павсания нет ни одного слова о том, будто ахейцы оскорбляли самих легатов римских, вопреки жалобам Аврелия и товарищей. *Pausan.* VII 14.

[19] *Отсюда... неприязнь*... Кажется, менее всего может следовать то заключение, какое делает автор, вероятно, со слов некоторых римских друзей. Видно только, что сенат не ожидал такой решительной оппозиции своим требованиям со стороны ахейцев, какую встретили римские уполномоченные в Коринфе. Возражая Полибию, Герцберг обращает внимание на то, что требования Аврелия никогда после не были осуждены римским сенатом Hertzberg, Gr. Gesch. I 253. Ни раньше этого случая, ни после римляне не обнаруживали охоты поддерживать существование ахейского союза; ни расширять его пределы, ни скреплять узы, коими были связаны между собою члены союза. Но в описываемое время сенат не желал создавать для Рима третий театр войны, кроме Карфагена и Иберии.

[20] виды <...>... Отрывок испорчен, здесь пробел.

[21] Как видно из Павсания (VII 14), пропуск между нашими 7 и 8 главами очень невелик.

[22] *посольство... товарищами*... После насилий над лакедемонянами, учиненных в Коринфе, ахейцы отправили в Рим посольство из нескольких должностных лиц; с ним-то и повстречался Гай Юлий Цезарь с товарищами и посоветовал ему возвратиться домой. *Pausan.* VII 14.

[23] *Диэй*, мегалополец, злейший враг римлян. В отрывках Полибия имя его упоминается здесь впервые, хотя в пересказе Павсания он принимает деятельное участие уже в оропском деле ахейцев, и в 149 г. до Р. Х. был союзным стратегом ахейцев после спартанца Меналкида (*Pausan.* VII 12). Теперь (147 г. до Р. Х.) Диэй уступил место главы союза Критолаю, не менее ожесточенному ненавистнику римлян: «он горел неукротимым, безумным желанием войны с римлянами». *Pausan.* VII 14 4.

[24] *принимали... левой...* Автор того мнения, что римляне действовали чистосердечно и говорили, что думали, а Диэй и Критолай слушали их с недоверием и уже тогда замышляли козни против Рима.

[25] *когда... действий...* От себя ли прибавляет Павсаний, или заимствует от нашего автора опущенное эпитоматором известие, что Критолай открыто разослал гонцов по ахейским городам с приглашением властей в Тегею, а тайком в те же города посылал приказы не являться. *Pausan.* VII 14. В Тегее должно было состояться собрание должностных лиц от союзных городов.

[26] *По отбытии... собирая вече...* В сокращении Павсания Критолай по отбытии римских легатов созвал ахейцев в Коринф и убедил народ идти войной на Спарту, а следовательно, и на римлян (*Pausan.* VII 14 5). Наш автор говорит о собраниях ахейцев по отдельным государствам.

[27] *отсрочить... казнохранилища...* Употреблено слово, которым в македонское и римское время разумелись деньги, выданные в беспроцентную ссуду нуждающемуся человеку из товарищеской кассы, образовавшейся посредством взносов; тем же термином обозначалось и товарищество, и те суммы, которые составлялись из взносов участников товарищества. Так как должники обязаны были уплачивать долг в определенный срок, то был особый разряд дел, равно как и участники товарищества обязаны были вносить своевременно свои доли. Распоряжением Критолая могли воспользоваться как те члены товарищества, за коими числились недоимки по взносам в товарищескую кассу, так и должники таких товарищеских касс. Павсаний прибавляет, что ахейцев подстрекали к войне еще фиванцы со своим беотархом Пифеем.

[28] *Квинт Цецилий* Метелл, пропретор, победитель лже-Филиппа в Македонии в 606 г. от основания Рима (148 г. до Р. Х.), откуда прозвание его Македонским. *Liv.* Epit. L.

[29] *ухватившись... сюжет...* Критолай уподоблен актеру, разыгрывающему в театре любимую пьесу перед зрителями, которые настроены одинаково с актером.

[30] *члены совета старейшин...* Вероятно, его товарищи по должности союзного стратега, ибо председательство на союзном вече принадлежало исполнительной коллегии демиургов со стратегом во главе; все дальнейшие действия Критолая обличают решимость освободиться от стеснений коллегиального управления.

[31] *отдал грозный приказ...* Здесь могло иметь место и какое-либо символическое действие, означавшее личную неприкосновенность союзного стратега на вече. Этот самый случай и побудил его предложить, а собрание утвердить меру усиления власти союзного стратега.

[32] Тем временем в Македонии Метелл был занят обращением страны в римскую провинцию. На место четырех вольных союзов македонских общин, существовавших со времени торжества римлян над

Персеем, образована была теперь одна административная область с римским наместником во главе. *Hertzberg*. Gr. Gesch. I. 260; *Момзен*. Р. И. II. 36 (русск. перев.).

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЙ КНИГЕ

Завершение войн III карфагенской и ахейской, исполнившееся в ол. 158, 2 — 608 г. от основания Рима или 146 г. до Р. Х., составляло главный предмет XXXIX книги. Известия Полибия, свидетеля-очевидца трагического конца Карфагена, в наиболее связном виде сохранились у Аппиана (Punic. 127–131. Ср.: *Polib*. 3–6; *Diod*. XXXII 23; Exc. Vatic, p. 93; *Zonar*. IX 30). С потерей Нефериса и истреблением тамошней армии, карфагеняне обречены были на голод и болезни: вся Ливия очутилась во власти неприятеля, военное положение длилось непрерывно, стояла зимняя пора года, и съестные припасы не доставлялись в Карфаген вовсе. Так прошла зима (Punic. 126). С началом весны Сципион водил войско на приступ со стороны торговой гавани и однажды проник было в город, но карфагеняне оттиснули его отряд до земляных укреплений (*Polib*. 3; *Appian*. Marcellin. XXIV 2). Счастливее был Лелий: он перелез через стену Кофона, военной кругообразной гавани, лежавшей внутри городской стены. Однако опасности войны для римлян достигли высочайшей степени с момента захвата города. К вечеру того же дня была взята городская площадь, прямой улицей соединенная с гаванью и расположенная к северо-востоку от сильнейшего пункта в городе, высокой скалы Бирсы с кремлем и храмом бога Эшмуна на вершине: там собрано было около 55 000 народа, воинов и безоружных, мужчин и женщин. Три узкие улицы, обставленные рядами высоких домов, которые заняты были отчаянно защищающимися и нападающими врагами, вели от рынка к крепостному холму: буквально каждую пядь земли нужно было отнимать у врага с боем, прежде чем открыт был доступ к Бирсе. Теперь Сципион велел жечь улицы, по которым устремлялось к кремлю римское войско, и в то же время расчищать путь для пеших и конных воинов от обломков зданий и трупов. Шесть дней и ночей длились неописуемые ужасы, истребление огнем и оружием людей, животных, зданий и всевозможных предметов. «Широко раскидывающееся пламя пожирало все, что попадалось на пути, а люди не ломали зданий по частям, но силились сваливать их всей массой, что производило ужаснейший треск, и вместе с обломками домов падали на улицы трупы, по нескольку разом. Падали и живые, особенно старики, женщины и дети, все, кто рассчитывал укрыться в дальних углах покоев; частью от ран, частью от жестоких ожогов, падающие издавали раздирающие душу вопли. Другие от падения с большой высоты вместе с камнями, бревнами, горящими головешками были искалечены, разорваны на куски, раздавлены. Бедствия не кончились и этим. Те самые люди, ко-

торые убирали обломки, расчищая дорогу бегущим солдатам топорами, кирками или вилами, теми же орудиями сбрасывали мертвых и живых еще людей в ямы, волочили их или перекидывали как бревна и камни. Ямы были полны людей. Одних кидали головой вниз, и долго еще ноги их трепетали в воздухе; другие при падении становились на ноги, и поверх ямы торчали только их головы» (Punic. 129). Тогда-то 50 000 мужчин и женщин, бежавших в кремль, вымолили себе пощаду у Сципиона и были отданы под стражу. Дальше следует рассказ о том, как погибли на крепостном холме 900 римских перебежчиков, не рассчитывавших на пощаду, а также супруга Гасдрубала с двумя сыновьями, как сам Гасдрубал тайком покинул своих и униженно просил Сципиона оставить ему жизни (ср.: *Polib.* 4; *Diod.* XXXII 23; Exc. Vatic, p. 93; *Zonar.* IX 30). У тех же историков мы находим известия о ближайших последствиях взятия Карфагена, о том впечатлении, какое произвела гибель знаменитого города на Сципиона и на большинство римлян, о несметной добыче, доставшейся победителям, о тех мерах возмездия и устроения, какие были приняты сенатом относительно разрушенного Карфагена и Ливии вообще. *Polib.* 5–6; *Diod.* Ibid. 24. 25; *Appian.* ibid. 132–135; *Zonar.* Ibid; *Моммзен.* Р. И. II 32–34 (русск. перев.); *Ihne.* Röm. Gesch. III. 306.

Однако книга наша начиналась не с известий о взятии Карфагена, а предварительными замечаниями автора об усвоенном им способе изложения (1–2); отсюда мы узнаем, между прочим, что конец Пунической войны приходился на XXXIX книгу, равно как и конец войны с ахейским союзом.

Описание этой последней войны, равно как характеристика главных героев ее из ахейцев, составляли эллинский отдел книги. В содержании LII книги Ливия в таком порядке излагаются ахейские события: cum Achaeis, qui in auxilio Boeotos et Chalcidenses habebant, Q. Caecilius Metellus ad Thermopylae bello conflixit; quibus victis dux eorum Critolaus mortem sibi veneno conscivit. In cuius locum Diaeus, Achaici motus primus auctor, ab Achaeis dux creatus ad Isthmon a L. Memmio consule victus est. Qui omni Achaia in deditionem accepta Corinthon ex senatus consulto diruit, quia ibi legati Romani violati erant. Thebae quoque et Chalcis, quae auxilio fuerant, dirutae. Ipse L. Mummius abstinentissimum virum egit, nec quicquam ex eis opibus ornamentisque, quae praedives Corinthos habuit, in domum eius pervenit.

Самый рассказ в наиболее полном виде сохранился у Павсания (VII 14 6–16), начиная с известия о готовности фиванцев и халкидян помогать ахейцам в войне с римлянами и кончая описанием отношений, в какие поставлена была завоеванная Эллада под именем Ахаи. Однако только уцелевшие отрывки Полибия (7–17) дают нам представление о том, чем была первоначальная история этого периода с живописующими подробностями о состоянии умов в эллинских общинах, о беспорядочных действиях, какими ахейские вожди ускорили наступление катастрофы, о поведении римских военачальников в Элладе и т. п. Не во всех подробностях согласны

между, собой Полибий, Ливий и Павсаний. Квинт Цециллий Метелл с целью кончить распри с ахейцами до прибытия в Элладу преемника, консула Муммия, вошел в переговоры с ними и двинулся с войском из Македонии по направлению к Пелопоннесу. Критолап отклонил переговоры, но, узнав о переходе Метелла через Сперхий, снял осаду Гераклеи Трахинской и бежал к Скарфии, что в Эпикнемидской Локриде. Там сразился с ними Метелл: Ливий приурочивает сражение к Фермопилам. После битвы при Скарфии, где победили римляне, Критолай исчез бесследно. Явившиеся в Фокиду на помощь Критолаю аркадяне после поражения союзного военачальника повернули назад, но были настигнуты Метеллом близ Херонеи в Беотии и разбиты. Звание ахейского стратега до истечения должностного года перешло к Диэю. Выставленное им у Мегар войско было разбито Метеллом; сам Диэй с главными силами находился на Коринфском перешейке и опять отверг предложение Метелла о прекращении военных действий. Тем временем явился на Истм Муммий и, приняв командование римскими войсками, — 3500 конницы и 23 000 пехоты, — одержал победу над Диэем, взял приступом и сжег Коринф. Совместно с десятью уполномоченными из Рима Муммий дал новое управление Ахае и прочим землям Эллады: раздробление союзов на отдельные общины составляло основу нового устройства.

[1] *прерывали...* Дословно: останавливались в рассказе для отдыха. Автор имеет в виду эпизодичность изложения у древних историков, как она выражена например у Геродота. Только черта эта имеет своим источником не склонность человека к разнообразию, но недостаточное в то время различение дисциплин.

[2] *Александра Ферского...* Александр Ферский — жестокий фессалийский тиран (369–359 гг. до Р. Х.), в борьбе с ним был знаменитый фиванец Пелопид (364 г. до Р. Х.). Тоже обесславил свое 12-летнее управление жестокостями тиран Гераклеи понтийский Клеарх I (365–353 гг. до Р. Х.). *Plass.* Tyrannis. I. 258, II. 57.

[3] *Ификрата...* Ификрат — афинский полководец IV в., по поручению афинского народа принимал участие во главе наемного войска в египетской войне Артаксеркса около 375 г. до Р. Х. См.: *Nepot.* Iphicrat.

[4] *в историю... Понте...* Вероятнее всего речь идет о Феопомпе, историке IV в., сочинения которого об Элладе, о Филиппе страдали между прочим обилием эпизодов, мифологических или повествовательных отступлений. Об упоминаемых здесь событиях сохранились известия у Диодора, Плутарха, Мемнона, Юстина. О тех же событиях и именах мог говорить в своей всеобщей истории и Эфор, которым много пользовался Диодор, и который обозревал события от возвращения Гераклидов до 340 г. до Р. Х.

[5] *Бардиллис* назывался у Феопомпа иллирийским разбойником; царем иллирийским и злейшим врагом македонян называет его Ди-

одор (XVI. 1). *Керсоблепта*, сын Котиса, царь одрисов, владыка Фракийского побережья с половины IV в., часто упоминается в речах Демосфена и Эсхила, как противник Филиппа II. *Дройзен.* История эллинизма. С. 214, особенно прим. 33 (русск. перев).

[6] *Сципион... акрополя...* Эпизод, опущенный Аппианом. По всей видимости, он предшествовал нападению Лелия на стену со стороны, противоположной тому месту, откуда карфагеняне обыкновенно встречали неприятеля: начало главы 12 Аппиана заставляет предполагать такие случаи. К этому самому эпизоду должно отнести и известие Марцеллина о том, как император Юлиан потерпел неудачу при взятии города Пирисаборы в Вавилонии, неправильно воспользовавшись рассказом о взятии карфагенских ворот Сципионом, Полибием и 30 солдатами при помощи подкопа и «каменной черепахи», каковой на сей раз были каменные глыбы, закрывавшие ворога: пока неприятель занят был расчисткой ворот, Сципион тайком невредимо пробрался в покинутый город. Марцеллин впрочем отмечает и разницу между тем и другим случаем. Наш отрывок находится у Плутарха в «Изречениях Сципиона Младшего» (p. 200 A).

[7] *советовал... укреплениям...* Ясно, что эта попытка Сципиона предшествовала проникновению Лелия внутрь Кофона, чем начинается ряд действий, входящих в описанное Аппианом взятие Карфагена: после этого момента не остается места для такого случая (Punic. 127). Что Полибий давал советы Сципиону, об этом мы знаем и через Павсания: «Сципион имел удачу всякий раз, когда следовал совету Полибия; напротив не удавались ему дела, в которых указания Полибия он оставлял без внимания» (VIII 30). Морем названа здесь часть рукава, отделенного от самого залива косой на востоке, рукав stagnum Tuneticum на атласе Киперта, See von Tunis из Ине. Что в этом случае мнение Полибия оправдалось, видно из отрывка о том, как римляне и карфагеняне (после сражения) провели ночь на насыпи.

[8] Как видно из нашего предисловия к примечаниям книги, между главами 3 и 4 находились известия, собранные в трех главах Аппиана (128–130), и нашей 4-й главе соответствует гл. 131 Аппиана и часть IX 30 Зонары. Перебежчики в числе 900, не расчитывавшие на милость со стороны Сципиона, военачальник Гасдрубал, супруга его и два сына продолжали борьбу из храма Эшмуна, — Асклепия по-эллински, — и с его кровли. Тогда-то Гасдрубал тайком от прочих бежал к Сципиону. Разногласие в этом пункте между Аппианом и Зонарой состоит в том, что у первого Гасдрубал покинул своих еще до того, как перебежчики подожгли свое последнее убежище; у второго храм уже горит, когда Гасдрубал идет просить пощады у Сципиона: разногласие, небезразличное для характеристики карфагенского военачальника. Конечно, бегству Гасдрубала до пожара больше соответствует обращенный к нему упрек Сципиона (4).

[9] *пал к ногам*... Когда Гасдрубал подошел к Сципиону с веткой просителя, тот велел ему сесть у ног своих и показал его перебежчикам. *Appian.* 131. Тот же рассказ в сокращении у Диодора (XXXII 23).

[10] *высокомерный обет*... «погибнуть в пламени родного города» (XXXVIII 2).

[11] *какой*... *безумцам*... Дословно: «как умеет судьба сделать безумцев своим игралищем», т. е. посмеяться над безумцами.

[12] *с молитвенной веткой*... Оливковая ветка или венок, обвитые шерстью овцы, знак полной покорности и мольбы; обвитая вокруг ветки шерсть овцы; в нашем, как и в других случаях, название части вместо целого. Ср.: XVI 33 5.

[13] *принять*... *неприятелю*... рукопись в этом месте сильно пострадала, и мы даем перевод чтений Гульча.

[14] *Прежде*... *отечество*... У Аппиана сообщены речи к Сципиону и Гасдрубалу в прямой форме. Женщина не благодарит Сципиона за милости, а Гасдрубалу рисует предстоящее унизительное для него участие в триумфе Сципиона. Засим «она зарезала детей и вместе с телами их кинулась в пламя» (131).

[15] *Обласканный*... *землю*... Должно быть, Сципион предоставлял ему на выбор Африку и Италию. От Зонары мы знаем, что Гасдрубал, Вифея и заложники кончили дни в различных местах Италии, где содержали их нестрого (*Zonar.* IX 30).

[16] Главы 5 и 6 имеют много общего в содержании. Аппиан выпустил собственные размышления автора о человеческой доле, обратив главное внимание на цельность описания той сцены, где Сципион скорбит при виде пылающего города. Повествовательная часть несколько короче передана также Диодором (24).

[17] Из Ливия и Аппиана видно, что в ливийском отделе книги рассказ нашего автора не останавливается на этих событиях и доведен был до устроения Африки, как римской провинции.

[18] *Пифей*, сын Клеомена, фивский беотарх того времени, противник римлян, подстрекал ахейцев к войне. Наш отрывок вероятнее всего составлял заключение рассказа о походе Метелла на Фивы, примкнувшие к ахейцам в войне с римлянами, и о гибели тогдашнего вождя фиванцев. По Павсанию, он был выдан Метеллу и казнен, когда римляне шли от Фив к Мегарам; наш автор говорит, что Пифей скитался по Пелопоннесу (9 10). Этим отрывком начиналась XL книга в изданиях Полибия до Гульча.

[19] *Полибий*... *Критолай*... Известие, возможное единственно при условии, если под Ахаей Орозия понимать позднейший термин для всей Эллады. Во-первых, Метелл в Пелопоннесе не был, ибо еще на Коринфском перешейке он передал командование римским войском Муммию; во-вторых, следующее засим известие Орозия о поражении аркадян, предводимых Диэем, должно быть приурочено не к Пелопоннесу, а к Мегарам, куда, по словам Павсания, отправил Диэй 400 человек для задержания Метелла на пути в Пелопоннес. Наконец, Пав-

саний и Ливий сообщают о победе Метелла над Критолаем, один под Скарфией, другой при Фермопилах. *Pausan.* VII 15; *Liv.* Epit. LII. Ср.: Швейггейзер VIII 170.

[20] *По смерти... Критолая...* По словам Павсания, Критолай исчез бесследно после битвы при Скарфии (VII 15); Ливий передает, что Критолай пал в сражении при Фермопилах.

[21] *чтобы... веча...* На этом вече производились выборы должностных лиц союза, около середины мая, в пору восхождения Плеяд.

[22] *тысяч двенадцать...* Павсаний передает, что всего войска у Диэя с прибавкой рабов было 600 конницы и 14 000 пехоты, из коих 4000 и были отправлены им к Мегарам (VII 15).

[23] *что... дома...* Дословно: «домочадцы и сокашники», а не купленные. О положении этого разряда рабов у эллинов и об отличии их от прочих разрядов см.: *Куторга.* Собрание сочинений. I. 166.

[24] *со стороны* римского *флота...* Римскийфлот должен был идти из Италии или из-под Карфагена.

[25] *соединенный... народ...* и т. п., составляющий одну общину с Патрами, несущий общие с Патрами денежные повинности. Но этот параграф, вероятно, сильно сокращен. Речь идет, должно быть, о поражении ахейского войска Метеллом, намек на которое есть у Павсания (VII 15), хотя там и говорится только об аркадянах. Тоже у Павсания есть история Патр, из которой видно, что поблизости от нашего города лежали небольшие поселения с родственными патрянам жителями (VII 18); они-то и могли быть слиты с наибольшим из городов в той местности в одно политическое тело. В теперешнем своем виде параграф наш рисует состояние умов в Фокиде, хотя, по всей видимости, характеристику следует понимать в применении к Пелопоннесу.

[26] *Когда... чары...* Когда Диэй своими речами и поступками приобрел силу над умами эллинов; здесь развивается мысль начальных параграфов главы о том, что женщины, как бы в умоисступлении сами готовили себе гибель, что ахейцы утратили способность понимать окружающее и слепо повиновались вождю.

[27] *Что касается... полям...* То же о фиванцах сообщает Павсаний. Метелл двинул свое войско из Фокиды на Фивы, чтобы покарать их за участие в осаде Гераклеи ахейцами и в битве при Скарфии, но нашел город без жителей, которые скитались по всей Беотии; одного Пифея он велел поймать и казнить, что и было исполнено. VII 15.

[28] *Диэю...* Вставлено в перевод на место. Речь идет скорее всего о попытках Метелла кончить войну миром. Победоносно достигнув перешейка, Метелл еще раз предложил мир и союз ахейцам, но Диэй отверг предложение. *Pausan.* VII 15 11.

[29] *он... домой...* Находясь лицом к лицу перед врагом, Диэй оробел и вдруг возымел желание вернуться домой.

[30] *Лишь... стратеги...* Теперь Диэй — действительный союзный стратег в силу избрания на вече, а не временно исполняющий должность стратега по праву предшествующего года. Диэй занял дол-

жность стратега в третий раз: первый раз он был преемником спартанца Меналкида в 149 г. до Р. Х. (605 г. от основания Рима); потом избран на 147 г. до Р. Х. (607 г. от основания Рима) после Дамокрита, и третий раз в 146 г. до Р. Х. (608 г. от основания Рима).

[31] *Андроник*, из числа сторонников Калликрата, — партии, всеми мерами содействовавшей успехам римской дипломатии в ахейском союзе и остальной Элладе и ради этого готовой на измену союзу. XXIX 25 1. XXX 23 2. и др.

[32] *Филон*, избран Метеллом для переговоров с ахейцами, вероятно был известен ахейцам доброжелательным отношением к союзу.

[33] *стратег и его сотоварищи*... То есть члены исполнительного органа союза: стратег и демиурги, совместно заседавшие.

[34] *ибо... ошибочно*... Место испорченное и не поддающееся исправлению. Ср.: *Hultsch*. N. Jahrb. 1870, 728. Нам хотелось бы знать, что думал и говорил Диэй о Филоне и его предложениях, вместо этого мы имеем в тексте суждение автора о самом Диэе и его единомышленниках.

[35] Дамокрит, стратег ахейцев в 148 г. до Р. Х. (606 г. от основания Рима), вел войну со Спартой и по обвинении в государственной измене присужден к 50 талантам пени, но он не заплатил их и бежал из Пелопоннеса. *Pausan*. VII 13 1–5.

[36] *Диэй... ссылки*... Речь идет, очевидно, об изгнании из Пелопоннеса не только Дамокрита, о чем упоминает Павсаний (VII 13), но и Диэя. То, что он был уже перед тем не раз союзным стратегом, не исключает возможности изгнания его из пределов ахейского союза в столь смутные времена. Достаточно напомнить, что Дамокрит, тоже стратег, был изгнан и вернулся, что раньше еще Меналкид стратег лишил себя жизни, что такой же конец постиг, кажется, стратега Критолая, чтобы не находить ничего неправдоподобного в известии о только что последовавшем возвращении Диэя из ссылки, добровольной или по народному приговору. Во всяком случае, нельзя толковать нашего определения в том смысле, будто Диэй и Дамокрит возвратились только что из римского плена: со времени возвращения ахейцев из Италии шел уже пятый год.

[37] *Алкамен*, тот самый, которого Диэй отправил с 4000-м отрядом против Метелла к Мегарам, и который после поражения отступил к ахейскому войску в Коринф. *Pausan* VII 15.

[38] *товарища стратега*... Не можем остаться при прежнем определении этого звания. Товарищ стратега — общесоюзная должность, скорее всего старший из демиургов, а не начальник одного из контингентов, поставляемых отдельными городами союза.

[39] *судей*... Здесь, кажется, следует разуметь специально для этого случая назначенных судей по общесоюзному делу; судьи, должно быть, только вели судебное следствие и руководили производством дела, приговор постановили союзные власти. Из других мест можно заключить, что федеральные судьи выбирались на определенный срок (*Polib*. II 37. XXVII).

[40] *на краю гибели*... Собственно у той канавы, которая проложена вокруг места состязания борцов.

[41] *Диэй... торга*... Еще в 149 г. до Р. Х. он получил три таланта от Меналкида и за эти деньги самовольно освободил его из заключения. *Pausan.* VII 12.

[42] *с Меналкидом*... Меналкид — спартанец, союзный военачальник ахейцев в 150 г. от Р. Х., когда возникло оропское дело, предшественник Диэя по должности. Спарту в борьбе с ахейцами поддерживали римляне. Меналкид, выбранный спартанцами главнокомандующим, пользовался поддержкой Рима. О Меналкиде подробности у Павсания. VII 11.

[43] *быстро... сделала*... Гораздо раньше, в перечне содержания своей истории, автор, дойдя до этого самого момента, выразился так: «началось и тут же кончилось общее несчастье всей Эллады».

[44] *из Ливии*... Из-под Карфагена, война с которым была кончена.

[45] *поговорка*... По словам Зонары, Эллада первое время по разрушении Коринфа сильно страдала от насилий всякого рода, а потом наслаждалась спокойствием и благосостоянием, так что можно было слышать выражение: если бы эллины не были так быстро порабощены, то не остались бы в живых. (*Zonar.* IX 31). Эта же глава Зонары содержит сжатый очерк завоевания Эллады римлянами. Виновниками распри в союзе, в которую вмешался Рим, которая повела к катастрофе, историк называет ахейцев с их жалобами на лакедемонян.

[46] *Авл Постумий*, консул 603 г. от основания Рима (151 г. от Р. Х.), один из 10 римских комиссаров (legati), вместе с Луцием Муммием устраивавших Элладу после разрушения Коринфа. Автор останавливается на нем по поводу деятельности комиссаров и, следовательно, по окончании истории завоевания Эллады. Таким образом, подлинные известия Полибия о войнах римлян с ахейцами сначала под начальством Метелла, потом Муммия, о гибели Диэя, о занятии Коринфа потеряны для нас. По словам Цицерона, он был претором раз в том году (599 г. от основания Рима), когда в Рим явились послами философы: Карнеад Диоген (и Критолай). Acad. II 45, 137. Ср.: *Pauly.* R.-Encyclop; *Postumii* II 33.

[47] *меры*... Решительная битва между Муммием и Диэем произошла на Коринфском перешейке, причем у римлян было 23 000 пехоты и 3500 конницы, у ахейцев 14 000 гоплитов и 600 конных воинов. После поражения Диэй бежал не в Коринф, откуда все-таки мог бы оказать еще сопротивление, но в родной Мегалополь, там умертвил жену и сам отравился. *Pausan* VII 16; Vellei. I 11; *Zonar.* IX 31; *Oros.* V 3; *Iustin* XXXIV 2; *Flor.* I 32. Следующая сцена, записанная Страбоном со слов нашего автора VIII 6 26, p. 381, происходила на коринфском пепелище.

[48] *о грубости... предметами*... Не выше ценил эти произведения сам Муммий. Веллеем записан анекдот, что римский военачальник был убежден, что перевозчики картин и статуй эллинских мастеров могли бы с удобством заменить произведения своих

рук потерянные ими экземпляры: si eas perdidissent, novas esse reddituros. *Vellei.* I 13.

[49] *Аристида...* Аристид — живописец фивско-аттической школы IV в. до Р. Х. Словами: «Ничего к Дионису» критики отрицали за картиной всякое достоинство. Страбон, видевший картину в храме Цереры в Риме, очень хвалит ее (VIII 6 23, p. 381). Самая поговорка сложилась несравненно раньше, примерно в VI в., когда в начальных опытах трагедии на место Диониса выводились героями другие личности. Сюжет другой картины известен из трагедии Софокла «Трахинянки».

[50] *Филопемен ... городах...* Что Филопемен по смерти удостоен был божеских почестей, и что многие города почтили его память статуями, говорят Плутарх (Philop. 21), Ливий (XXXIX 50) и др., свидетельствуют и надписи. *Hertzberg.* Gr. Gesch. I, 168.

[51] *уполномоченные...* Известны имена только двух комиссаров: Спуния Муммия, отца ахейского Муммия, и Альбина проконсула. *Cicer.* Epist. XIII 30.

[52] *Ахея...* Ахей — мифический родоначальник ахейского племени, сын Ксуфа, внук Эллина. *Pausan.* VII 1 2–8.

[53] Полибий присутствовал при взятии Карфагена и даже сам в нем участвовал (весной 608 г. от основания Рима или 146 г. до Р. Х.). Коринф был разрушен в том же году, но уже осенью. Не присутствуя при этой катастрофе, наш автор был, по-видимому, допущен к совещаниям 10 уполномоченных и консула Муммия о мерах к устроению Ахаи.

[54] *святилище...* Святилище Посейдона, сильно пострадавшее от римских солдат. *Strab.* VIII 6 22. 23. p. 380, 381.

[55] *Царь...* Птолемей Филометор, в сражении с Александром Балою был тяжело ранен в голову и испустил дух во время операции. В I Книге Маккавеев рассказывается, что, посягая на сирийское царство, Птолемей пошел войной на Александра, отняв у него жену его, свою дочь, и выдав ее за Деметрия, что Птолемей вошел в Антиохию и возложил на себя два царских венца, т. е. Сирии (почему в нашем месте он и назван царем Сирии) и Египта. После сражения, в котором победил Птолемей, Александр бежал в Аравию, а Птолемей на третий день умер. Засим воцарился Деметрий, а в Египте ему наследовал младший брат его Птолемей Фискон, царствовавший в Кирене. *Liv.* Epit. LII.

[56] *при Лапефе...* Лапеф, теперь Lapta, — город на северном берегу Кипра при устье реки того же имени.

[57] *этого дела...* Точно неизвестно какого; вероятно что-либо относящееся к устроению Эллады, поскольку как видно из слов автора, что это была ему награда за верность римлянам.

[58] *переустройства эллинов...* Переустройство после завоевания Ахаи. Из этой части сведений от самого автора не дошло ничего; они восстановливаются главным образом из Павсания, Зонары, Книги Маккавеев, из надписей и из попутных замечаний римских писателей. *Hertzberg.* Gr. Cesch. I. 276–316.

ПРИМЕЧАНИЯ К МЕЛКИМ ОТРЫВКАМ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ПОЛИБИЯ

[1] *Эгосфены...* Эгосфены находятся на северо-западном побережье Мегариды, в Коринфском заливе; обломки городской стены близ нын. Porto Germano.

[2] *Дамасец*, писатель-философ, сириец, родом из Дамаска.

[3] Стих, в оригинале ямбический триметр. О каком Луции идет речь, не известно. Не тот ли этот Луций, замечает Швейггейзер, о котором говорится в нашем фрагменте 100, или же Л. Постумий, о котором под 538 г. от основания Рима говорит Ливий (XXIII 24). Рейске отождествлял Луция римлянина с Л. Корнелием Сципионом, дядей Старшего Африканского, который пал вместе с братом в Испании. Но тот был не Луций, а Гней (Швейггейзер).

[4] *вторжение... Аргос* Речь о событиях 272 г. до Р. Х., когда Пирр покушался овладеть сначала Спартою, потом Аргосом. См.: *Plut.* Рутг. 29 сл; *Polyaen*, Strateg. VIII 68; *Pausan.* 113 7. *Дромихайт*, царь фракийцев, на нижнем Дунае, отразил нападение Лисимаха и потом заключил с ним союз. Только в нашем месте Дромихайт называется царем одрисов, Страбон называет его царем гетов, а Юстин, Трог-Помпей, Мемнон, Полиэн — царем фракийцев, под сими последними тоже, может быть, разумея одрисов. *Дройзен.* Эллинизм. II. С. 328–330 (русск. перев.).

[5] *Марцелл... неодолимым...* Поражение нанес Ганнибалу Марк Клавдий Марцелл Старший в горах средней Италии в 209 г. до Р. Х., после чего Ганнибал удалился в Бруттий. Карфагеняне потеряли убитыми до 8000 человек и 5 слонов; у римлян с союзниками пало 3000 человек. *Liv.* XXVII 14. В известии о событиях, непосредственно следовавших за битвой при Заме, Полибий говорит: «если Ганнибал, до сего времени непобедимый, сражен был теперь». *Polib.* XV 16.

[6] *В старину... время...* О таком же способе римлян воевать с врагами автор говорит XIII 3.

[7] *местностей... земле...* Текст испорченный, если не предположить, что слова изъяты без всякого внимания к их связи с прочими частями предложения.

[8] *историк... друга...* Не сохранилось не только описания шестипалубников, но даже упоминания о них в известиях о войнах римлян с карфагенянами.

[9] *переправил... моря...* М. Мюллер весьма основательно сближает наш отрывок с известием Ливия о том, как в войне с Антиохом Г. Ливий советовал Л. Эмилию Региллу вести грузовые суда к Эфесу, затопить их и тем заградить выход из тамошней гавани (XXXVII 14).

[10] *Древние... Каппадокией...* О делах этой страны XXXI 13 сл. *Кесарея*, теперь развалины близ Kaisarieh, название города не от нашего автора. Древнее имя Mazaca или Eusebia; резиденция царей Каппадокии переименована в Кесарею Тиберием (18 г. по Р. Х.). Го-

род лежал на северном склоне Аргея, к югу от реки Черной, притока Галиса.

[11] *Мелитеною*... Область восточной части Каппадокии, между Антитавром и Евфратом, с главным городом того же имени.

[12] *Неокесарея*, позднейшее имя Кабиры, города Понта, к востоку от Амасеи, на реке Лике. *Колонея* — укрепление Армении, на той же реке, вблизи Неокесареи.

[13] *персидское имя*: Каппадокия.

[14] *Карфагеняне... требованиям*... Вероятно речь идет о событиях из XXXVI книги, где сообщалось о покорности карфагенян все новым и новым требованиям римлян.

[15] *Кельтиберы... вообще*... Имеет место скорее всего со слов Полибия сделанная другим писателем характеристика кельтиберийских мечей. Ср.: III 114. VI 23.

[16] *Марк*, может быть, консул Марк Клавдий Марцелл, о походе которого в Лузитанию в 602 г. от основания Рима говорит автор в XXXV книге гл. 2.

[17] *мору*... Спартиаты с 20-летнего возраста делились на 6 мор, в 4 лоха каждая, лоха на 2 пентекостии из двух энномотий каждая.

[18] *Парф*, близ Эпидамна, чаще встречается имя парфинов, жителей города.

[19] *Птолемей* II Филадельф (309–246 г. до Р. Х.). Выдал дочь за Антиоха II, несчастную Беренику, которая пала жертвой мести первой жены Антиоха Лаодики. *Дройзен*. Эллинизм. III. С. 188 (русск. перев.).

[20] *без даров*... Дословно: без примеси, без прибавлений, одними речами.

[21] *Сципиона* Старшего — по догадке Швейггейзера; Младшего — по мнению Ниссена. Rh. Mus. XXVI 276.

Содержание

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ 7

Предпочтение предварительных обозрений изводам (1а). Гасдрубал, брат Ганнибала, в Италии: поражение его консулами Ливием и Клавдием и гибель его; личные достоинства Гасдрубала (1–2). Значение этой победы для римлян (3). События в Этолии: речь посла из Родоса к этолянам с целью примирить этолян с Филиппом; согласие Филиппа на мир с этолянами (4–6). Война продолжается: вторичное разорение храма Аполлона в Фермах Филиппом (7). События в Пелопоннесе: несочувственные замечания автора об ахейских военачальниках и о самих ахеянах; похвалы Филопемену и его заслуги в военном деле ахеян; успех его начинаний (8–10). Война ахеян против тирана спартанского Маханида; битва при Мантинее; умерщвление Маханида Филопеменом; взятие Тегеи ахеянами; опустошение Лаконики (11–18). Из войны римлян с Ганнибалом; осторожность Ганнибала (19). Военные действия в Иберии: П.К. Сципион против Гасдрубала, сына Гескона, против Магона и Масанассы (20–21). Победа Публия над Гасдрубалом; мнение Гасдрубала о Публии (22–24). Умение Публия поддерживать дисциплину в войске; усмирение возмутившихся солдат (25–30). Приготовления Публия к войне с Андобалом, правителем илергетов; война с Андобалом; победа Публия (31–33). Из войны Антиоха III Великого против Эвфидема (34).

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ 35

Известия автора о Ливии; поправки автора к известиям Тимея о Ливии, Кирне; стада свиней на этом острове (1–4). При-

дирчивость Тимея к Феопомпу, Эфору, Аристотелю, Феофрасту и его собственные слабости и ошибки (4a–6). Пристрастие Тимея; злословие его против Аристотеля; изобличение несправедливости Тимея в суждении об Аристотеле по поводу локров (7–11). Непременный долг историка — говорить правду (12). Вероломство локров относительно лакедемонян (12a). Несправедливость Тимея по отношению к Каллисфену, Демохару (12b–14). Несправедливые выражения Тимея об Агафокле (15). Законы Залевка у локров (16). Неверности в известиях Каллисфена о походе Александра Македонского на Дария и другие погрешности Тимея (17–22). Защита писателей от придирчивых суждений Тимея (23). Характеристика Тимея как писателя лживого, сварливого, несведущего (24–25). Речи у Тимея выдуманы и неправдоподобны; правила составления речей для истории (25a–25b). Ложная ученость Тимея, незаслуженная слава его (25b–25d). Обязанность историка самому участвовать в государственном управлении, иметь опыт в военном деле и в других предметах, о которых историк пишет; Тимей владел только книжною мудростью (25e–26h). Тимей весьма неискусен в составлении приводимых им речей, образчики чего речи Гермократа, Тимолеонта (25i–26f). Страсть к пустословию у Тимея (26b–26d). Обилие ошибок у Тимея происходит от недостатка личного опыта в том, о чем он пишет (27a–27). Обязательные для историка качества; отличие истории от панегирика; недостаток подготовки у Тимея (28a–28).

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ 71

Обеднение этолян и законы о долгах (1). Бегство Скопаса в Александрию и конец его (2). Коварство Филиппа относительно родосцев: тарентинец Гераклид (3–4). Непреоборимая сила правды (5). Тирания Набиса в Лакедемоне; алчность и жестокость тирана; война его против Магалополя (6–8). Антиох в Аравии (9). Мелкие географические отрывки (10).

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ 77

Отрывок предисловия к книге (1a). Коварный образ действий Сципиона против карфагенян; он предал пламени зимние квартиры Софака и Гасдрубала и истребил войска их (1–5). На следующий день Сципион преследовал карфагенян. Карфагенский сенат (6). Встреча римлян с карфагенянами близ Великих равнин; поражение карфагенян, нумидян и кельти-

беров (7–8). Разногласие в карфагенском сенате по вопросу о дальнейших мероприятиях; решения сената (9). Военные действия римлян и карфагенян (10). Отрывки из египетской истории времени Птолемея Филопатора (11–12).

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ 89

После нарушения перемирия карфагенянами Сципион отправил посольство в Карфаген с укоризнами; речь римских послов (1). Настроение карфагенских властей; засада на римских послов (2). Неизбежность войны; подготовительные действия; возвращение послов из Рима (3–4). Приготовление Ганнибала и Публия к решительной битве при Заме; свидание военачальников (5). Речь Ганнибала к Публию (6–7). Речь Публия к Ганнибалу (8). Исключительный строй римского войска; речь Публия к войскам (9–10). Строй карфагенских войск; речь Ганнибала к войскам (11). Ход битвы; потери воюющих (12–14). Военачальнические доблести Ганнибала (15–16). Послы карфагенские в римском лагере с просьбою о мире; ответ Сципиона; предложенные Сципионом условия мира (17–18). Настроение карфагенского сената (19). Нечестие и жестокость Антиоха III Великого и Филиппа V (20). Безрассудство и через то бедствия жителей Кия, завоеванного Филиппом (21). Коварный образ действий Филиппа относительно родосцев, этолян, фасиян; лживость владык; отступление автора (22–24). Положение дел в Александрии по смерти Птолемея Филопатора и по вступлении на царство младенца Птолемея Эпифана; тирания Агафокла; возмущение народа Тлеполем; ужасы восстания (25–27). Происшествие с Мойрагеном (27–28). Быстрый рост восстания; поведение Ойнанфы (29). Участие в восстании женщин и детей; бегство Агафокла и сестры его; ярость толпы; Аристомен; Сосибий; согласие царя на казнь виновных (30–32). Убийство Агафокла, сестры его и всех родственников (33). Общие рассуждения историка по поводу этой катастрофы; только замечательные люди заслуживают обстоятельных рассказов и добавочных соображений историка (34–35). Потрясающие происшествия мало поучительны (36). Антиох не оправдал возлагаемых на него надежд (37).

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ 121

Из войны Филиппа с родосцами и Атталом: бесчинства Филиппа под Пергамом (1). Флот Филиппа в хиосских водах против

союзного флота родосцев: сражение; случаи с отдельными кораблями (2–3). Средства и способы борьбы воюющих народов (4). Отличившиеся корабли Феофилиска, Филострата, Никострата (5). Случай с Атталом к выгоде для Филиппа (6). Потери воюющих (7). Старание Филиппа скрыть свое поражение и выставить себя победителем (8). Смерть Феофилиска (9). Рассуждение о людской близорукости (10). Взятие Филиппом карийского города Принаса (11). Чудесное изображение Артемиды (12). Вероломство Набиса относительно мессенян и вообще пороки его (13). Ошибки Зенона и Антисфена в известиях о битвах Хиосской и при Ладе, о походе Набиса в Мессению (14—17). Ошибки Зенона в известиях о войне между Антиохом и Птолемеем (18–19). Общие соображения автора о важности правды и поучительности в историческом сочинении (20). Из египетской истории: правление Тлеполема и вражда с ним придворных, руководимых Птолемеем (21–22). Доблести жителей Газы (22а). Триумф Сципиона (23). Затруднительное положение и наглость Филиппа в Карии (24). Прибытие в Афины Аттала и римских послов и торжественная встреча их; народное собрание объявляет войну Филиппу (25–26). Встреча римских послов с Никанором, военачальником Филиппа, и угроза войною (27). Медлительность родосцев и Аттала; быстрота действия и настойчивость Филиппа (28). Филипп под Абидосом; осада города; мужество жителей; изумительная решимость их; падение города (29–33). Вмешательство римлян в дела Филиппа; поведение абидян по взятии города (34). Ахейские и римские послы на Родосе с противоположными увещаниями (35). Созвание ахейских союзных отрядов Филопеменом в Тегею для войны с Набисом и хитрость Филопемена ввиду множества лазутчиков и доносчиков у Набиса; победа Филопемена (36–37). Старания Филиппа вовлечь ахеян в войну с римлянами (38). Из войны за Келесирию; покорение Иудеи Скопасом; поражение Скопаса; завоевания Антиоха (39). Отдельные географические отрывки (40).

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ 149

Встреча Филиппа с Титом Фламинином и союзниками последнего для мирных переговоров в Малайском заливе вблизи Никеи; грубость Филиппа; требования Тита (1). Требования союзников Фламинина от Филиппа (2). Обвинительная речь этолийца Александра против Филиппа (3). Ответ Филиппа Александру и насмешка над близорукостью Фения (4). Свой

образ действий Филипп оправдывает тяжкими беззакониями этолян (5–6). Требование Филиппом письменного изложения условий мира (7). Второй день переговоров; уступки Филиппа (8). Третий день переговоров; предложение Филиппа перенести решение дела в сенат принято Титом и через то самое прочими союзниками (9–10). Посольство в Риме от Филиппа, Тита и союзников этого последнего; неудача переговоров (10–11). Решение сената продолжать войну с Филиппом; характеристика Тита (12). Легкомысленное употребление имени предателя; Аристена несправедливо называют предателем; Демосфен ошибался в применении имени предателя к честным гражданам; кого должно считать предателем; судьба предателя (13–15). Чествование Аттала в Сикионе (16). Набид и жена его в Аргосе (17). Филипп и Тит в Фессалии; Тит велит солдатам заготовлять на всякий случай палисадины; преимущество римского палисада перед эллинским (18). Филипп и Тит у Фер; стычка между передовыми отрядами; движение Филиппа в Скотусу; замысел Тита; стоянки при Меламбии и Феспидии в Фессалии (19–20). Легкая стычка между римскими и македонскими войсками (21). Неподготовленность Филиппа к решительному сражению при Киноскефалах; приготовления Тита к битве; речь Тита к войскам (22–23). Решительное сражение при Киноскефалах; тактика Публия; заслуга одного из трибунов; потери воюющих в битве (24–27). Предварительные замечания о военном деле у римлян и македонян (28). Сравнительная оценка вооружения и тактики у римлян и у македонян; превосходство македонской системы над азиатскими и эллинскими, а римской над македонской; поражения македонян в борьбе с римлянами в зависимости от фаланги (29–32). Перемена в характере Филиппа после поражения при Киноскефалах (33). Удаление Филиппа в Македонию; рассудительность царя в несчастии (34). Корыстолюбие и самомнение этолян; готовность Т. Квинкция заключить мир с Филиппом вопреки желанию этолян; неподкупность римлян: Л. Эмилий, Публий Сципион (35–36). Совещание Тита и союзников в Темпах о мирных предложениях Филиппа; склонность Тита к миру; воинственность этолян; разногласие между римлянами и этолянами (37). Переговоры Тита с Филиппом в Темпах; готовность Филиппа на уступки; алчность этолян; условия мира (38–39). Легкомыслие коварных людей (40). Из известий о походе Антиоха в Европу (41а). Кончина Аттала; оценка его (41). Послы от Филиппа, Тита и союзников римлян в Риме в консульство М. Клавдия Марцелла (42). Междоусобицы в Беотии; партии

македонская и римская; умерщвление Брахилла, главы антиримской партии, с ведома Тита (43). Решение сената о мире с Филиппом (44). Недовольство этолян и обвинения их против римлян; совещание Тита с десятью римскими легатами в Коринфе (45). Возвещение о свободе эллинов на Истмийском празднестве; восторженная благодарность эллинов (46). Устроение Эллады Т. Квинкцием; распределение обязанностей между легатами; легаты на союзном собрании этолян в Ферме (47–48). Успехи Антиоха в Ионии и Фракии; переговоры легатов с Антиохом в Лисимахии; отказ Антиоха исполнить требования римлян (49–52). Поведение этолийца Скопаса в Египте; гибель его; провозглашение совершеннолетия Птолемея; Дикеарх, Поликрат; мегалополец Птолемей (53–55).

КНИГА ДВАДЦАТАЯ 193

Надежды Антиоха на помощь эллинов в войне против римлян не оправдались: эллинские народы или уклонились от войны, или дали Антиоху нерешительный ответ, или озабочены были домашними делами (1–3). Упадок Беотии по сравнению со временем битвы при Левктрах; война беотян с этолянами; порча нравов в среде беотян; переход беотян на сторону македонских царей: беотиец Неон (4–5). Бездействие судов в Беотии; обжорство и пьянство беотян; бедствия беотян заслуженные; война беотян с римлянами (6–7). Военное бездействие Антиоха и пиршества его в Халкиде по случаю бракосочетания; поражение Антиоха и этолян римлянами (8). Взятие римлянами Гераклеи, этолийского города, переговоры этолян о мире с римским консулом М. Ацилием Глабрионом в Гераклее и с Л. Валерием Флакком в Гипате; значение выражения: «отдать себя под охрану римлян»; насилие римского консула над послами этолян; возобновление военных действий между этолянами и римлянами (9–10). Этолийский посол Никандр при возвращении от Антиоха попал в плен к Филиппу; старания Филиппа расположить этолян в свою пользу (11). Филопемен отклонил от себя денежную награду, предложенную лакедемонянами за освобождение от Набиса (12). Города: Корак, Аперантия (13).

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ 202

Посольства лакедемонян и Филиппа в Риме; ответы сената посольствам (1–2). Морская победа римлян над Антиохом;

посольство этолян в сенате; требование полной покорности от этолян; вторичные переговоры этолян с Манием о мире; вмешательство афинян в переговоры в пользу этолян под Амфисою; требование полной покорности от этолян; шестимесячное перемирие этолян с римлянами (3–5). Волнения фокеян против римлян; партия Антиоха в Фокее; дружественные отношения жителей Сеста к римлянам (6). Огнеметатель на родосских кораблях в сражении с флотом Антиоха (7). Движение римских войск к Геллеспонту; союз ахеян с Эвменом (8–9). Напрасные старания Антиоха заключить мир с римлянами, Эвменом, родосцами; против заключения мира говорил Эвмен, так же безуспешно старался Антиох войти в союз с Прусием, царем Вифинии; союз Прусия с римлянами (10–11). Столкновение римских судов с пиратскими (12). По переходе римских войск через Геллеспонт в Азию Антиох возобновил переговоры о мире с римлянами; посол Антиоха византиец Гераклид в римском стане; переговоры его с военным советом римлян и с Публием Корнелием Сципионом кончились ничем; решимость Антиоха продолжать войну (13–15). Поражение Антиоха при Магнесии; согласие Антиоха на условия мира, предложенные Сципионами (16–17). Посольства от Эвмена, Антиоха, родосцев и других народов в Риме; неприязненные отношения между Эвменом и родосцами обнаружились в речах царя и родосских послов (18–23). Ответ сената посольствам; избрание десяти легатов для улаживания дел на востоке (24). Царь афаманов Аминандр; военные успехи этолян до поражения Антиоха при Магнесии; отчаяние этолян после этого поражения; старания этолян кончить войну с римлянами миром (25). Эпироты в союзе с римлянами против этолян; осада Амбракии римлянами; этолийское посольство на пути в Рим захвачено в плен Сибиртом; скупость этолийского богача Александра; вмешательство в переговоры этолян с римлянами Аминандра, афинян и родосцев; предварительные условия мира этолян с римлянами; римский консул в глубине Этолии (26–31). Утвержденные римским народом условия мира с этолянами (32). Благополучно закончившаяся для римлян война с галатами в Азии; Гней в Памфилии, Писидии, Галатии; корыстолюбие Моагета; мужество Хиомары (33–38). Цари галатов напрасно старались завлечь Гнея в засаду (39). Взятие Самы римлянами на Кефаллении (40). Похвала Филопемену за возвращение изгнанников в Лакедемон (41).

Азиатские посольства в римском стане Гнея; занятие римлянами Апамеи (42–44). Римские легаты в Азии, условия утвержденного народом мира с Антиохом (44–46). Союз римлян с Ариаратом (47). Меры римских легатов по устроению Азии и островов согласно условиям заключенного с Антиохом мира (48).

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ 238

Содержание известий историка о посольствах в Рим от Филиппа и от пограничных с Македонией народов, о распре между Филиппом и фессалийцами с перребами, о распре между Филиппом и Эвменом, о решении по этим делам Квинта Цецилия Метелла, о кровопролитии в Маронее, совершенном по вине Филиппа, о прибытии легатов из Рима к Филиппу, о прибытии в Пелопоннес послов от Птолемея Эпифана, Эвмена, Селевка, о предательских действиях в Риме спартанцев Арея и Алкивиада, о появлении римских легатов на союзном собрании ахеян (1–2). Посольства в Рим от Спарты с жалобами на Филопемена за избиение лакедемонян и посольство римлян к ахеянам; посольство от Птолемея к ахеянам для возобновления союза; посольство ахеян к Птолемею (3). Умиротворение Беотии внутри; отказ беотян возвратить изгнанников вопреки требованию римского сената; вмешательство ахеян и мегарян в это дело (4). Распря между ликиянами и родосцами; родосцы добивались от сената получения Ликии в дар; ликияне ни за что не хотели отдаваться родосцам (5). Жестокости Птолемея в обращении с непокорными правителями Египта (6–7). Причиною войны Персея против римлян было враждебное к Риму настроение отца его Филиппа; Персей только осуществил замыслы отца (8). Послы в Риме от Эвмена, от маронитов, афаманов, перребов, фессалийцев с жалобами; послы от Филиппа; решение римского сената; смуты среди ахеян (9). Возвращение ахейских послов из Египта в стратегию Аристена и из Рима; на собрание ахеян в Мегалополе явились также послы от Эвмена и от Селевка с предложениями даров; речь Аполлонида против принятия подарка от Эвмена; отклонение подарка собранием (10–11). Союз с Птолемеем не был возобновлен по вине Ликорта и его товарищей, ходивших в Египет; возобновление союза с Селевком (12). Квинт Цецилий Метелл на собрании ахейских властей в Аргосе по делам Лакедемона; отказ ахейских властей созвать

союзное собрание (13). Различие во взглядах между Филопеменом и Архоном (14). Цецилий в сенате с известиями о положении дел в Элладе; там же послы от Филиппа и Эвмена, изгнанники из Эна и Маронеи; посольства от ахеян и от Лакедемона (15). Пререкания между ахейскими послами и Цецилием в сенате; решение сената (16). Раздраженный требованиями римлян, Филипп учинил кровопролитие в Маронее; напрасная попытка его оправдаться перед Аппием Клавдием (17). Новое злодеяние Филиппа; решение его послать Деметрия в Рим (18). Прибытие Аппия Клавдия на Крит и умиротворение Кносса и Гортины (19). Аполлониада в Кизике была чествована на празднике царственными сыновьями, Атталом и Эвменом (20). Галат Ортиагонт (21). Евнух Птолемея Аристоник (22).

КНИГА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ 255

Многочисленные посольства в Риме из Эллады и от Эвмена с жалобами на Филиппа; там же Деметрий предстательствует за отца; милость сената Филиппу ради Деметрия; она же послужила источником бедствий в царском доме македонян (1–3). Послы от лакедемонян представляли собою четыре партии своих сограждан; избрание сенатом уполномоченных для умиротворения Эллады (4). Динократ, посол от мессенян в Риме, друг Тита, враг Филопемена, обманулся в своих надеждах (5). Гибель послов от лакедемонских изгнанников (6). Возвращение Деметрия в Македонию; недовольство им от Филиппа и брата Персея (7). Военные действия Филиппа против соседних народов (8). Посольства в Риме от Эвмена, Фарнака, ахеян, лакедемонских изгнанников и от Родоса; сообщение Кв. Марция Филиппа о положении дел в Македонии и в Пелопоннесе; поощрение ахейских союзников сенатом к отпадению от союза (9). Возмездие Филиппу за содеянные раньше злодеяния; новые жестокости его (10). Из увещания Филиппа к Деметрию и Персею (11). Достоинства Филопемена (12). Достоинства Ганнибала (13). Достоинства П. Корнелия Сципиона (14). Автор не одобряет беспощадной жестокости по отношению к врагам (15). Расправа Ликорта с мессенянами за возмущение против союза и за умерщвление Филопемена (16). Возвращение Мессены в ахейский союз; отделение от Мессены поселений: Абии, Фурии и Фара; притязания римского сената на вмешательство в дела других государств (17).

Принятие Спарты обратно в ахейский союз; посольства в Риме от ахеян и от лакедемонян (17–18).

КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ 269

Посольства в Риме от лакедемонских изгнанников и от Спарты, от ахеян, от Эвмена, Ариарата, Фарнака; решения сената (1). Договор ахеян с мессенянами (2). Неточное показание Полибия о хребте Гем (3). Непрерывные смуты на Крите (4). Прибытие в Рим всех братьев Эвмена в видах скорейшего прекращения войны с Фарнаком (5). Посольства к ахеянам от Птолемея для возобновления союза; ахейское посольство в Египет из Ликорта, Полибия, Арата (6). Херон лакедемонец (7). Война между Фарнаком и Эвменом; напрасное вмешательство в войну римских уполномоченных с целью прекращения войны (8–9). Предложение римлян возвратить лакедемонских изгнанников на собрании ахеян; различные мнения Ликорта и Калликрата; посольство Калликрата; предательское поведение его в сенате; возвращение Калликрата в Ахаю с приказанием от римлян возвратить лакедемонских изгнанников; характеристика римлян (10–12). Разница в характере и политике между Филопеменом и Аристеном; советы Аристена ахеянам о покорности римлянам; совет Филопемена — всеми средствами и до последней возможности охранять независимость союза от римского сената (13–15).

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ 280

Неточное известие Полибия о разорении Тиберием Гракхом трехсот городов в Иберии (1). Мир между Фарнаком и Эвменом (2). Козни Персея в Элладе против римлян; сборы Персея к войне с римлянами; характеристика Персея; перемены в Филиппе в зависимости от обстоятельств (3). Посольство ликиян в Риме; коварный образ действий сената (4). Прибытие римских уполномоченных на Родос, негодование родосцев (5). Посольства родосцев в Риме; дарданы, фессалийцы в Риме с жалобами на Филиппа; назначение новых уполномоченных для отправки в Элладу (6).

КНИГА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ 284

Беспутства сирийского царя Антиоха Эпифана; его расточительность на подарки и жертвы; отношение подданных к излишествам царя (1).

КНИГА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ 286

Послы в Халкиде от беотийских городов: Феспий, Херонеи, Лебадеи и других; смуты в Фивах оттого, что одни держали сторону Рима, другие сочувствовали Персею; посольство к римлянам от Фив (1). Фивские изгнанники в Халкиде пользуются поддержкой римлян; передача Фив римлянам, меры римлян к расторжению беотийского союза; римские уполномоченные в Аргосе у ахейцев; возвращение уполномоченных в Рим (2). Другие римские уполномоченные в малоазиатских городах и на островах с целью усиливать везде римскую партию и ослаблять македонскую; преданность Родоса римлянам (3). Старания Персея склонить на свою сторону эллинские государства, особенно Родос (4). Посольство Персея в Коринфе, Фивах, Галиарте (5). Разрыв сношений между Персеем и Римом и приготовление римлян к войне (6). Разногласия на Родосе по отношению к римлянам; родосские корабли посланы в помощь римлянам (7). После первой победы над римлянами Персей безуспешно обращался к победителям с предложением мира (8). Сочувствие эллинских народов Персею и мотивы этого сочувствия; примеры из гимнастических состязаний; безрассудство эллинов (9–10). Кестр — новоизобретенное в то время метательное оружие у македонян (11). Выдающиеся достоинства Котиса, царя одного из фракийских народцев (12). Достоинства Птолемея, военачальника на Кипре (13). Выкуп македонских пленных у родосцев (14). Смуты в Эпире; Кефал и Хароп-младший — вожди двух партий: македонской и римской (15). Эпироты Теодот и Филострат напрасно пытались предать Авла Гостилия Персею (16). Вероломство Фарнака (17). Старания Аттала восстановить брата Эвмена в тех почестях, какие были у него отняты ахейским народом (18). Из войны Антиоха с Птолемеем из-за Келесирии: посольство Антиоха в Риме (19). О первостепенной важности благоприятного момента и о недостатке настойчивости у людей при осуществлении замыслов (20).

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ 299

Война из-за Келесирии между Антиохом Эпифаном и Птолемеем Филометором; посольства обоих царей в Риме; обещание сената уладить распрю (1). Родосское посольство в Риме с целью возобновить дружбу и рассеять сомнения

римлян в верности родосцев; посольства в Риме от разных эллинских городов (2). Уполномоченные от А. Гостилия в эллинских землях с целью усиления повсюду римской партии: в Фивах, в Ахае, Этолии, Акарнании; народные собрания в Эгии, в Ферме, в Фурии; междоусобицы в Этолии (3–4). Македонская партия и римская среди акарнанов; сторонники римлян убеждали их поставить свои гарнизоны в Акарнании: везде римляне действовали осторожно (5). Совещание ахейских властей с представителями различных городов союза о положении дел; Ликорт, Аристон, Стратий и др.; разногласия в среде ахейцев относительно римской политики (6). Обращение Аттала к ахейцам по делу брата Эвмена; разногласия в среде ахейцев; принятое союзным собранием предложение Полибия об ограниченном восстановлении Эвмена в прежних почестях (7). Переговоры послов Персея с иллирийским царем Генфием; нужда Генфия в деньгах; скупость Персея и оттого безуспешность переговоров с царем (8–9). Осуждение Персея за нападки на других (10). Взятие Гераклия в Перребии римлянами: «черепичная крыша» (11). К римскому консулу в Фессалию, куда направлял свои войска и Персей, ахейцы послали уполномоченных с предложением военной помощи; во главе посольства стоял наш автор; посольство ахейцев к Атталу; ахейское посольство настигло римлян в Перребии; отказ Марция от поддержки ахейцев (12–13). Предательский и преступный образ действий кидонийцев против аполлониатов на Крите; обращение кидонийцев к Эвмену за помощью (14–15). Посольства родосцев к сенату, к консулу и к начальнику флота для скрепления отношений с Римом; объяснения автора по поводу принятого им порядка изложения (16). Родосские послы у Квинта Марция и у Гая Марция Фигула: совет Квинта родосцам содействовать прекращению распри между Антиохом и Птолемеем; македонская партия на Родосе в меньшинстве (17). К характеристике Антиоха (18). Посольства к Антиоху от Птолемея по занятии первым некоторых земель Египта; два посольства из ахейцев; три посольства из афинян; одно из милетян, одно из клазоменцев; послы от Птолемея (19). Увещания посольств к Антиоху прекратить войну с Птолемеем; убедительные возражения Антиоха (20). Бегство Птолемея на Самофракию по совету евнуха Эвлея (21). Посольство от Антиоха в Риме с дарами (22). Посольство от родосцев в Александрии и в стане Антиоха с целью примирения воюющих; ответ Антиоха (23).

КНИГА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ 315

Осуждение Луцием Эмилием Павлом страсти римлян критиковать действия своих военачальников (1). Посольство от сената к Антиоху в Египте (2). Согласие Генфия воевать против римлян вместе с Персеем под условием получения от последнего определенной суммы денег; послы от Генфия к Персею и на Родос; посольства от Персея на Родос, к Эвмену, к Антиоху (3–4). Скрываемые от римлян сношения Эвмена с Персеем с целью положить конец войне между ним и Римом и получить за это 1500 талантов от царя Македонии (5–7). Забавное состязание в алчности между хитрейшим из людей, Эвменом, и скупейшим, Персеем; ослепление обоих царей жадностью и скупостью (8–9). Усилия родосцев примирить между собою Рим и Персея: посольства с этою целью в Рим, к Персею и к консулу; посольства родосцев на Крит для возобновления дружбы с критянами (10). Послы Генфия и Персея на Родосе; готовность родосцев поддержать Персея (11). Соображения автора об особенностях изложения в частичной истории и в общей; особенности Полибиева изложения (12). К характеристике царя Генфия (13). Сципион Назика и Фабий Максим охотно соглашались командовать войском при обходе неприятеля; о том, что обойден римлянами, Персей узнал от перебежчика; его распоряжение ввиду известия (14–15). Лунное затмение в Македонии в Персееву войну (16). Замечание Луция Эмилия Павла о македонской фаланге; малодушие Персея после поражения (17). К характеристике Сципиона Африканского Младшего (18). Запоздалое вмешательство родосцев с целью кончить войну между римлянами и Персеем миром; суровый ответ сената родосским послам (19). Суждение Луция Эмилия Павла о превратности человеческого счастья (20). Суждение Деметрия Фалерского о непостоянстве судьбы автор переносит с персов на македонян; то же суждение оправдалось на судьбе Эвмена (21–22). Посольства от обоих Птолемеев к ахейцам с просьбою о военной помощи; разногласие в среде ахейцев между партией Калликрата и Ликорта; речи Полибия и Ликорта; отказ в помощи Птолемеям; принятие предложения о мирном вмешательстве в распрю между Антиохом и Птолемеем (23–25). Замечание автора об Антиохе по поводу войны его с Птолемеем и после примирения последнего с братом (26). Встреча Попилия с Антиохом близ Пелузия; решительное требование Попилия прекратить военные действия

против Птолемеев; покорность Антиоха; очищение Кипра от сирийских войск по требованию Попилия (27).

КНИГА ТРИДЦАТАЯ 332

Аттал послан в Рим от брата Эвмена по случаю нападения галатов на Пергамское царство; козни некоторых римлян против Эвмена в пользу Аттала; врач Стратий удержал Аттала от злоумышлений на брата (1–2). Аттал в сенате просит об обуздании галатов; разочарование сената относительно Аттала (3). Посольства родосцев в Риме; раздражение римлян против Родоса; неудачная защита родосцев Астимедом; снисхождение римлян к родосцам (4). Посольство Филофрона возвратилось на Родос; посольство Астимеда осталось в Риме; желание родосцев во что бы то ни стало заключить союз с Римом вопреки предшествующей вековой политике Родоса; карийцы и ликийцы объявлены сенатом свободными (5). Три разряда эллинов согласно троякому неблагожелательному отношению их к римлянам в войну с Персеем; достойное уважения мужество противников римлян в Эпире, Ахае, Фессалии, Перребии; малодушное поведение некоторых карийцев и родосцев, особенно Гиппократа, Диомедонта, Динона, Полиарата (6–9). Луций Эмилий Павел обошел города Эллады, особенно восхищен был Олимпией, через Эпир возвратился в Рим (10). Смуты, насилия и убийства в Этолии (11). Смуты в Эпире, кровожадность правителя эпиротов Харопа (12). Торжество друзей Рима в Элладе после поражения Персея; составление ими списков тех граждан, отправки которых в Риме требовали десять уполномоченных (13). Луций Аниций, победитель иллирийцев, устроил в Риме забавные состязания в честь победы (14). Похвалы искусным устроителям состязаний (15). Разгром Эпира Эмилием Павлом (16). Египетские цари отправили в Рим посольство благодарить за оказанные им услуги (17). Римляне выдали Котису, царю одрисов, сына его обратно (18). Прусий в Риме с поздравлениями; льстивость и униженность царя (19). Эвмен в Италии; затруднительное положение сенаторов; недопущение Эвмена в Рим; многочисленные посольства в Риме (20). Афинское посольство в Риме просило уступить афинянам Делос, Лемнос, Галиарт; мнение об этом автора (21). Родосское посольство в Риме не успело в своем деле (22). Негодование ахейцев против предателей: Каллиграта, Андронида и др. (23). Забавное поведение жителей освобожденной Переи (24).

КНИГА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ 349

Война на Крите между кносянами и гортинцами с одной стороны и равкиянами — с другой. Новое посольство от родосцев в Риме и новая неудача в попытках заключить союз с Римом (1). Предоставление автономии галатам римлянами (2). Великолепное празднество, из состязания с Эмилием Павлом, устроенное Антиохом в Дафне (3–4). Римское посольство было обмануто притворным радушием Антиоха (5). Посольства в Риме от родосцев, ахейцев, от Прусия; последнее, равно как и посольства от азиатских городов, с жалобами на Эвмена (6). Покорная и просительная речь Астимеда в сенате; согласие сената заключить союз с родосцами (7). Посольство ахейцев напоминает сенаторам, что ахейский народ не судил обвиняемых римлянами граждан и не постановлял о них никакого приговора, и просило произвести следствие и суд над ними; отказ сената судить заподозренных и отпустить их; уныние эллинов (8). Покорение камманов римлянами. Братья Эвмена послами от него в Рим защищали царя от обвинений Прусия; отправка уполномоченных в Элладу и в Малую Азию (9). Неискусное собирание сведений об Эвмене Сульпицием; сочувствие эллинов к Эвмену (10). Святотатственный поход Антиоха в Элимаиду, упомопомешательство и смерть Антиоха (11). Напрасно Деметрий, сын Селевка, живший в Риме заложником, просил сенат отпустить его домой; сенат предпочитал видеть на сирийском престоле слабого юношу. Посольство из Рима в Сирию (12). Два римских посольства к царю Каппадокии Ариарату V для расследования распри между царем и галатами (13). Послы от Ариарата нашли в Риме радушный прием (14). Посольство от родосцев в Риме с различными просьбами (15). История перехода Калинды во власть родосцев (16). Послы принесли Ариарату из Рима благоприятный ответ. Ариарат получил из Антиохии останки матери и сестры (17). Согласно просьбе Птолемея Младшего исправлен был сенатом раздел египетских владений с Птолемеем Старшим: того же требовали выгоды Рима (18). Убийство Гнея Октавия в Сирии. Деметрий вторично безуспешно просил сенат отпустить его домой; по совету Диодора решил бежать из Рима; бегство Деметрия (19–20). Поздно узнали римляне о побеге Деметрия; посольство из Рима в Элладу и Азию (23). Нападки Марка Порция Катона на роскошь, привнесенную в Рим извне (24). Автор осуждает родосцев за то,

что они приняли от Эвмена 280 000 мер хлеба (25). По требованию римских послов Птолемей распустил наемное войско и возвратился в Ливию (26). Римское посольство перешло на сторону Птолемея Старшего, и брат его, вышедши против киренейцев, потерпел поражение (27). Примирение между братьями не состоялось, и Птолемей Младший обратился опять в Рим с жалобою на брата (28).

КНИГА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ 370

Посольства в Риме от обоих Птолемеев; сенат склонился в пользу младшего и постановил разорвать союз со старшим (1). Притязания Масанассы на земли карфагенян поддержаны римским сенатом (2). Посольства в Риме от Прусия, Эвмена, Ариарата (3). Деметрий, признанный царем, отправил посольство в Рим и убийц Гнея (4). Посольства в Риме от Ариарата, от Эвмена, от различных народов Азии (5). В име посольство от Деметрия; убийца Гнея; ритор Исократ (6). Безуспешное ходатайство ахейцев перед сенатом за обвиняемых сограждан (7). Бескорыстие Луция Эмилия Павла, засвидетельствованное после смерти (8). Рассказ о том, как завязались и окрепли отношения между автором и Сципионами, особенно с Публием Корнелием Сципионом Африканским Младшим (9–11). Образчики бескорыстия Сципиона в отношениях его к матери, к теткам, к младшему брату (12–14). Любовь Сципиона к охоте (15). Объяснение автора перед читателем по поводу рассказа о Сципионе (16). Посольство в Риме от афинян и ахейцев по делу делосцев (17). Иллирийское посольство в Риме и римское в Иллирии (18). Со смертью Ликиска воцарился мир в Этолии; суждение автора по этому поводу (19). Смерть порочных граждан приводила народы к миру внутри; беззакония Харопа в Эпире; осуждение Харопа римлянами (20–21). Достоинства Эвмена; преемник его Аттал (22). Донесение уполномоченных о наглости далматов; решимость сената объявить войну далматам по многим основаниям (23). Ариарат в Риме; там же посольства от врагов его: Деметрия и Олоферна (24). Алчность погубила Олоферна. Объяснения автора по поводу порядка изложения (25). Посольства в Риме от двух враждовавших партий из Эпира (26). Нападение Прусия на разные города в Азии; его кощунство, наказанное божеством (27). Посольства в Риме от Аттала и от Прусия (28).

КНИГА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ 389

Уполномоченные послы из Рима для удержания Прусия от нападения Аттала. Посольство от ахейцев с ходатайством за обвиняемых сограждан, случайная неудача этого ходатайства (1). Особенности трех философов, явившихся в Рим послами от Афин (2). Новое посольство от ахейцев с ходатайством за удержанных в Италии сограждан (3). Военачальник родосцев Аристократ (4). Готовность Архия продать Кипр Деметрию за деньги (5). Бедствия приенийцев из-за денег, принятых на сохранение от Олоферна; посольство приенийцев в Риме (6). Посольство массалиотов в Риме с жалобами на лигистинов (7). Посольства от Птолемеев и решение сената в пользу младшего брата (8). Посольство от римлян к Прусию с приказанием (9). Обиды, нанесенные римским послам лигистинами; победоносная война римлян с ними (10–11). Сборы Аттала к войне с Прусием; разрыв союзнических отношений между Прусием и Римом (12). Вмешательством римлян война между Эвменом и Прусием была кончена (13). Новое безуспешное ходатайство ахейцев за своих (14). Гераклид с Лаодикой и Александром в Риме от Антиоха; посольство от родосцев (15). Безуспешное обращение к ахейцам критян и родосцев (16). Безрассудные решения и поступки родосцев под влиянием неудач (17). Аттал, сын Эвмена в Риме. Радушный прием детям Антиоха от сената (18). Пьянство царя Деметрия (19). Возбудимость толпы (20). Бесплодность опровержения явной лжи (21).

КНИГА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ 399

Предварительные замечания автора о географических известиях (1). В рассказах Гомера автор открывает историческую основу: странствования Одиссея; Данай, Атрей, Скилла, Харибда; ловля шпаганов и тунцов близ Сицилии; пререкания автора с Эратосфеном (2). Описание ловли шпаганов; достоверность гомеровских описаний (3–4). Изобличение лживости показаний Пифея о странах далекого запада и северо-запада; определения расстояний на Средиземном море (5–6). Поправки Полибия к изменениям Эратосфена не всегда удачные, суждение об южных оконечностях Европы (7). Морские желуди у берегов Иберии; естественные богатства Луситании; дешевизна хлеба (8). Бетика, ее жители, благосостояние; нео-

бычайный источник воды в Гадейрах; серебряные рудники близ Нового Карфагена; реки Бетики, города ваккеев и кельтиберов (9). Ископаемые рыбы на галльской равнине; реки Галлии; лживость Пифея, особенной породы животное в Альпах; богатые золотые россыпи в Норике; длина и высота Альп по сравнению с другими хребтами; перевалы в Альпах (10). Капуанский виноград; расстояния в различных частях Италии: в Тиррении, Кампании, Умбрии, Бруттии; вулканические извержения на одном из Липарских островов (11). Игнатиева дорога от Аполлонии до Византия; окружность Пелопоннеса; расстояние от Малей до Истра (12). Доверие Полибия к показаниям Эратосфера о местностях Азии (13). Неодобрительное суждение автора об Александрии (14). Меры расстояний в различных морях и странах Европы и Африки; замечательной величины зубы африканских слонов; африканские львы; губки у берегов Ликии; успокоительное действие морских губок на больного (15–16).

КНИГА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ 416

Огненная война римлян с кельтиберами (1). Посольства в сенате от беллов и титтов, от араваков (2). Сенат решил продолжать войну в Иберии и заменить Марцелла другим военачальником (3). Храбрость кельтиберов: робость римской молодежи: отвага Публия Корнелия Сципиона, который вызвался идти в Иберию (4). Единоборство Сципиона с кельтибером (5). Ссыльные ахейцы получили разрешение возвратиться домой (6).

КНИГА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ 421

Объяснения автора по поводу речей в его сочинении (1). Решимость римлян начать третью карфагенскую войну (2). Тревога карфагенян, когда Утика отдалась римлянам; посольство от карфагенян в Рим; передача Карфагена попечению римлян; смысл этого выражения; условия передачи, объявленные консулом; тревога в Карфагене (3–4). Речь Магона о необходимости покориться условиям римлян; отправка заложников в Лилибей (5). Условия мира, объявленные консулами римским уполномоченным (6). Отчаяние карфагенян, когда известны стали требования римлян (7). Последнее сопротивление карфагенян римлянам (8).

КНИГА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ 426

Разнородные суждения эллинов о римской политике по поводу торжества римлян над Персеем и над Карфагеном; защита римлян автором (1). Появление псевдо-Филиппа в Македонии и вести о его первых победах (2). Манилий просил ахейцев прислать Полибия в Лилибей (3). Объяснения автора касательно его имени в сочинении (4). Превратность судьбы Калликрата и Ликорта (5). Посольство к Прусию из самых жалких римлян (6). Порочность Прусия (7). Мусей в Македонии (8). Суждение автора о судьбе и божествах, как о виновниках событий (9). Выдающиеся достоинства Масанассы (10).

КНИГА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ 434

Гасдрубал, карфагенский военачальник, просил Голоссу ходатайствовать за Карфаген перед Публием (1). Ответ Публия Гасдрубалу; похвальбы Гасдрубала; порочность его (2). Величайшее несчастье эллинов — заблуждения их перед разгромом Коринфа (3). Очерк тяжелых испытаний эллинов в прежнее время (4–5). Почему автор так долго останавливается на этом предмете? Важность правды для историка (6). Оскорбление ахейцами римского посольства; милостивое отношение римлян (7). Римское посольство в Пелопоннесе; торжество партии Диэя и Критолая (8). Козни Критолая против римлян в Тегее; смуты в среде ахейцев, посеянные Критолаем (9). Дальнейшие мероприятия римлян к мирному улажению дел с ахейцами; противодействие этому со стороны Критолая; объявление войны ахейцами лакедемонянам или римлянам (10–11).

КНИГА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ 445

Оправдание усвоенного автором способа изложения примерами из природы (1). Черты сходства автора с лучшими из прежних историков и отличия от них (2). Взятие Карфагена римлянами приступом (3). Гасдрубал у ног Сципиона; жена Гасдрубала (4). Сострадание Сципиона к Карфагену и слова его о превратности человеческого счастья (5–6). Пифей; известие автора о предводительстве Критолая (7). По смерти Критолая должность стратега исполнял временно Диэй; насильственные меры Диэя (8). Смута в городах ахейского союза; ахейцы слепо шли за вождями (9). Диэй выбран в стратеги; мирные предло-

жения Цецилия отвергнуты; советники Диэя (10). Пытки и казни ахейских граждан; милость судьбы к ахейцам (11). Авл Постумий подражал эллинам в их наихудших свойствах (12). Обращение римских солдат с произведениями искусства (13). Изображения Филопемена пощажены римлянами; защита Филопемена автором (14). Продажа имущества Диэя и его соучастников римским квестором (15). Устроение Ахаи десятью уполномоченными; заслуги Полибия (16). Похвальы автора Муммию за умеренность и бескорыстие (17). Добродушие Птолемея Филометора (18). Автор признателен римлянам за доверие к нему. План всего сочинения (19).

МЕЛКИЕ ОТРЫВКИ ИЗ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ПОЛИБИЯ, НЕ ПРИУРОЧЕННЫЕ К ОТДЕЛЬНЫМ КНИГАМ 459

ПРИЛОЖЕНИЕ

Мищенко Ф.Г.
ФЕДЕРАТИВНАЯ ЭЛЛАДА И ПОЛИБИЙ 463

Примечания 612

Научно-популярное издание

Полибий

Всеобщая история

В 2 томах

Том 2

Книги XI—XXXIX

Ответственный редактор Е.Г. Кривцова
Выпускающий редактор О.К. Юрьева
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: С.В. Шумилин
Технический редактор Л.Л. Подъячева
Корректоры Н.В. Волхонская, Н.А. Тюрина, О.В. Фокина

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2:
953004 — литература научная и производственная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14